

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

Robert K. Yin
Class of 1962

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСѢІ.

1894.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
О. Пергаментъ. Къ вопросу объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнѣйшему русскому праву	1
А. И. Соболевскій. Изъ исторіи русскаго языка	22
А. С. Хахановъ. Памятники грузинской отреченной литературы.	35
С. Н. Браиловскій. Федоръ Поликарповичъ Поликарповъ-Орловъ, директоръ московской типографіи (окончаніе)	50
А. А. Тихомировъ. Современныя задачи эмбриологін	92
В. Ф. Миллеръ. Къ былиннамъ о Вольгѣ и Микултѣ.	108
Д. К. Петровъ. Генрихъ Оеттгенхо и его значеніе для исторіи итальянскаго возрожденія	130

Критика и библиографія.

Е. Ф. Шмурло. Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ второй (1702 — 1703). С.-Пб. 1889. Томъ третій. (1704—1705). С.-Пб. 1893	177
В. Н. Перетцъ. Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали: слова— <i>Ф. М. Истоминъ</i> , папѣвы— <i>Г. О. Дютинъ</i> . Изданы Русскимъ Географическимъ Обществомъ на средства Высочайше дарованія. С.-Пб. 1894	201
В. О. Бодяновскій. Зиновій, инокъ Отенскій и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія. Исслѣдованіе <i>Ф. Калужина</i> . С.-Пб. 1894.	213
М. А. Андреевнъ. <i>И. Г. Гуревичъ</i> : „Исторія Греціи и Рима“. Изд. 6-е. С.-Пб. 1894	223
С. А. Адриановъ. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). <i>И. И. Лапте</i> . М. 1894	227
— Книжныя новости	230
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	1

Современная исторія.

— Императорская Академія Наукъ: Тридцать шестое при- сужденіе наградъ графа Уварова.	1
— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1892 году.	22

Отдѣлъ классической филологіи.

А. О. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (продолженіе)	65
С. А. Жебелевъ. Первый годъ второй македонской войны.	103

Редакторъ **В. Васильевскій**.

(Вышла 4-го ноября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСѢІ.

1894.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1894.

PSlav 318.10

28-го октября сего года Министръ Народнаго Просвѣщенія на телеграмму, посланную Государю Императору, удостоился получить отъ Его Императорскаго Величества слѣдующій отвѣтъ:

„Императрица и Я съ Невѣстой благодаримъ васъ, графъ, стараго слугу Престолу и Отечеству, за теплую телеграмму. Въ Бозѣ почившій Родитель Мой съ особою заботливостью слѣдилъ за подростаящимъ учащимся поколѣнiемъ и до послѣднихъ дней горѣлъ желанiемъ воспитать его на радость Россiи. Передайте дѣтямъ и юношамъ Мое сердечное пожеланiе, чтобы величавый образъ Великаго душою Монарха служилъ имъ руководящимъ свѣточемъ къ нравственному совершенствованiю“.

„НИКОЛАЙ“.

Телеграмма Министра Народнаго Просвѣщенія, отправленная 26-го октября, была слѣдующаго содержания:

„Ливадiя, Государю Императору.“

„Всѣ чины Министерства Народнаго Просвѣщенія и подвѣдомыхъ ему учреждений и учебныхъ заведенiй, вмѣстѣ съ невыразимо тяжкою скорбiю о кончинѣ Незабвеннаго Родителя Вашего Императорскаго Величества, повергають къ столамъ Вашимъ, Всемилостивѣйшiй Государь, чувства безпредѣльной преданности и твердую рѣшимость вести дѣло воспитанiя и образованiя юношества, согласно съ указанiями въ Бозѣ почившаго неустаннаго Радѣтеля о благоденствiи Россiи, въ страхѣ Божiемъ, въ вѣрности всѣмъ лучшимъ преданiямъ и завѣтамъ русской исторiи, въ непоколебимой любви къ своему Государю и Отечеству и въ духѣ повиновенiя установленнымъ властямъ. Молимъ Всевышняго — да хранитъ Ваше Величество подъ сѣнью благодати Своей, да поможетъ Вамъ совершить предлежащiй Вамъ великiй Царственный подвигъ, а будущей Спутницѣ жизни Вашей быть Вамъ непрестанно, среди заботъ и трудовъ, отрадой, ободренiемъ и опорой, и да даруетъ Родительницѣ Вашего Императорскаго Величества, ангелу-хранителю почившаго Благодѣтеля нашего, силы для перенесенiя тяжкаго испытанiя“.

„Графъ Деляновъ“.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (23-го іюля 1894 года). *Объ утвержденіи рисунка жетона для окончившихъ курсъ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II.*

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія о дозволеніи окончившимъ курсъ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II носить въ память имѣющаго исполниться 30-го августа 1894 года пятидесятилѣтняго юбилея сего заведенія особый жетонъ золотой, или серебряный вызолоченный, на одинаковыхъ основаніяхъ съ жетонами для лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ 23-день іюля 1894 г., собственноручно начертать соизволилъ: „Согласенъ“. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было утвердить проектированный рисунокъ сего жетона.

На подлинномъ написано: „Государемъ Императоромъ сей рисунокъ утвержденъ“.

Подписаль: министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ.

23-го іюля 1894 г.

Описаніе жетона для окончившихъ курсъ въ Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II.

Жетонъ предполагается сдѣлать изъ серебра съ позолотою, а по желанію и изъ золота.

1. *Лицевая сторона*: въ центрѣ жетона на сферической поверхности изъ красной эмали помѣщено рельефное позолоченное и полированное вензелевое изображеніе имени Императора Александра II,

окруженное позолоченнымъ вѣнкомъ изъ лавровыхъ и дубовыхъ вѣтвей, перевязанныхъ внизу золоченой ленточкой. Вѣнокъ долженъ быть рельефный, но рельефность его менѣе рельефности вензеля. Затѣмъ слѣдуетъ концентрически-плоскій золоченый ободокъ, со скошенными серебряными краями, выступающій нѣсколько впередъ отъ краевъ эмалеваго кружка, но не болѣе самой возвышенной центральной точки эмалевой поверхности. Сказанный ободокъ состоитъ изъ двухъ симметрическихъ частей, верхніе и нижніе края которыхъ загнуты впередъ. На ободкѣ имѣется надпись темносиною эмалью: „1844, 1894, 30-е августа“, означающая: годъ основанія, годъ, число и мѣсяцъ 50-ти лѣтняго существованія института. Наверху, между верхними загибами ободка, на золоченномъ матовомъ полѣ, надъ вензелемъ изображена Императорская Корона. Внизу подъ вензелемъ, изображенъ золоченный полированный щитъ съ рельефною на немъ серебряною буквою L. Надъ щитомъ сдѣлана дворянская корона. Кольцо, которымъ будетъ привѣшиваться жетонъ къ цѣпочкѣ, позолоченное и полированное. Листики у привѣска, подъ кольцомъ, тоже золоченные и полированные, самое же поле привѣска матовой позолоты.

2. *Оборотная сторона.* На вѣншнемъ плоскомъ позолоченномъ и полированномъ ободкѣ, съ загнутыми впередъ верхними концами, изображена надпись темносиною эмалью: дворянскій институтъ Императора Александра II. Подъ кольцомъ между загнутыми верхними краями ободка помѣщенъ гербъ Нижегородской губерніи. Ободокъ имѣетъ скошенные серебряные края. Въ центрѣ, на сферической позолоченной поверхности имѣется надпись: имя, фамилія и годъ окончанія курса воспитанника института.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (29-го мая 1894 года). *Положеніе о капиталѣ, завѣщанномъ Императорскому Московскому университету вдовою статскаго совѣтника Анною Яковлевною Ланге, для учрежденія въ означенномъ университетѣ одной стипендіи имени дѣйствительнаго студента Степана Яковлевича Сычева.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи духовнаго завѣщанія умершей вдовы статскаго совѣтника Анны Яковлевой Ланге, утвержденнаго къ исполненію

Новочеркасскимъ окружнымъ судомъ 24-го сентября 1893 года, учреждается въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ одна стипендія имени дѣйствительнаго студента Степана Яковлевича Сычева.

§ 2. Стипендія обеспечивается оставленнымъ г-жею Ланге капиталомъ въ шесть тысячъ руб., обращеннымъ душеприкащикомъ ея коллежскимъ совѣтникомъ Гаврииломъ Федоровичемъ Карташевымъ, — за смертью другаго душеприкащика генерала Клуникова, — въ 4¹/₂%, закладные листы государственнаго дворянскаго земельного банка.

§ 3. Стипендіальный капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ депозитахъ Московскаго университета; стипендіатъ же содержится на процентныя деньги, ежегодно получаемыя со стипендіальнаго капитала, хотя бы размѣръ таковыхъ и уменьшился вполнѣдствіи по случаю обращенія капитала въ процентныя бумаги съ меньшею доходностію въ силу конверсіи.

§ 4. На стипендію назначаются дѣти бѣдныхъ донскихъ дворянъ казачьяго происхожденія, изъ числа окончившихъ курсъ воспитанниковъ гимназіи, имѣющихъ поступить въ университетъ.

§ 5. Стипендіаты всякій разъ назначаются областнымъ войска Донскаго дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ при участіи душеприкащика, изъ числа лицъ ими рекомендуемыхъ, а за смертью душеприкащика, — однимъ депутатскимъ собраніемъ.

§ 6. Чтобы удерживать полученную стипендію, студентъ-стипендіатъ долженъ имѣть хорошіе успѣхи въ наукахъ и отличаться хорошимъ поведеніемъ; стипендіатъ, не удовлетворяющій этимъ условіямъ, лишается стипендіи по постановленію областного дворянскаго депутатскаго собранія. При хорошемъ поведеніи стипендіатъ, не успѣвающій въ наукахъ по причинѣ болѣзни, можетъ остаться на повторительный курсъ, но это допускается только одинъ разъ въ теченіе всего курса ученія въ университетѣ.

§ 7. Правленіе университета въ концѣ каждаго учебнаго года сообщаетъ областному дворянскому депутатскому собранію свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата, а также о количествѣ процентныхъ денегъ, полученныхъ со стипендіальнаго капитала и выданныхъ стипендіату.

2. (31-го мая 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени действительнаго статскаго совѣтника Сергія Адрианова Устинова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія). -

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 6.000 рублей, собраннаго по подпискѣ и представленнаго Сердобскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства М. Сомовымъ, учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ одна стипендія имени бывшаго Сердобскаго уѣзднаго предводителя дворянства дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергія Адрианова Устинова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ Московской конторѣ государственнаго банка вѣчнымъ вкладомъ.

§ 3. Стипендія должна быть назначаема одному изъ студентовъ Московскаго университета, изъ числа дѣтей бѣдныхъ дворянъ Сердобскаго уѣзда Самарской губерніи.

§ 4. Избраніе стипендіатовъ предоставляется пожизненно дѣйствительному статскому совѣтнику С. А. Устинову, по соглашенію съ правленіемъ Московскаго университета, а послѣ его смерти—наслѣдникамъ его, также каждый разъ по соглашенію съ правленіемъ университета.

§ 5. Въ случаѣ отказа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Устинова или наслѣдникомъ его отъ избранія кандидатовъ на стипендію, право назначенія стипендіатовъ переходитъ къ Сердобскому уѣздному предводителю дворянства и совершается по соглашенію съ правленіемъ Московскаго университета.

§ 6. Размѣръ стипендіи опредѣляется въ 300 руб. въ годъ.

§ 7. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ съ стипендіального капитала, отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или отъ какихъ-либо иныхъ причинъ, должны быть присоединяемы къ основному капиталу, для образованія, изъ процентныхъ денегъ съ увеличившагося капитала, новыхъ стипендій на настоящихъ основаніяхъ.

§ 8. Объ окончаніи стипендіатами университетскаго курса правленіе Московскаго университета каждый разъ доводитъ до свѣдѣнія Сердобскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (31-го мая 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго камергера двора Ею Императорскаго Величества дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Александровича Сиверса при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго студента Варварою Петровною Кельхъ, урожденною Базановою, учреждается при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени покойнаго камергера двора Ею Императорскаго Величества дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Александровича Сиверса.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 30 облигаціяхъ Московско-Казанской желѣзной дороги 4%, займа 1892 и 1893 г.г., за №№ съ 1694 по 1704, съ 1362 по 1373 по 1000 руб., съ 18 купонами при каждой, за №№ съ 92772 по 92777 и за № 92779 по 100 руб., съ 16 купонами на срокъ 1-го іюля 1894 г. при каждой, составляетъ неотъемлемую собственность Казанскаго университета и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Процентныя деньги съ стипендіального капитала, за вычетомъ 5% государственнаго налога, должны быть употребляемы въ стипендію двумъ студентамъ университета и на взносъ за cadaго изъ нихъ платы за право слушанія лекцій въ университетѣ.

§ 4. Стипендіи распредѣляются между факультетами по очереди, въ порядкѣ факультетовъ, значащемся въ университетскомъ уставѣ, съ тѣмъ, чтобы въ распоряженіи cadaго факультета по очереди было по одной стипендіи въ теченіе трехъ лѣтъ и въ исключительномъ случаѣ, указываемомъ въ § 6 настоящаго положенія, никакъ не болѣе 4-хъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ стипендія передается въ распоряженіе слѣдующаго факультета. До истеченія трехлѣтняго срока стипендія передается въ распоряженіе другаго факультета только тогда, когда на переднемъ факультетѣ не окажется студентовъ, удовлетворяющихъ условіямъ для полученія стипендій. О переходѣ стипендій съ одного факультета на другой Правленіе университета увѣдомляетъ соответствующій факультетъ.

§ 5. Стипендіи назначаются, по представленіямъ факультетовъ, Правленіемъ университета, на основаніи общихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ, бѣднѣйшимъ

студентамъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, преимущественно сиротамъ, безъ различія сословій.

Примѣчаніе. При жизни жертвовательницы принимается безусловно во вниманіе кандидатура студента, поставленная самою жертвовательницею, если только Правленіе университета не встрѣтитъ противъ избраннаго жертвовательницею кандидата особыхъ возраженій.

§ 6. Право на полученіе стипендіи прекращается, въ случаѣ малоуспѣшности стипендіата въ учебныхъ занятіяхъ; но стипендія оставляется за нимъ въ томъ случаѣ, если причиной малоуспѣшности была болѣзнь или особая исключительно уважительная, по мнѣнію факультета и Правленія университета, обстоятельства.

§ 7. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендій или отъ какихъ либо другихъ причинъ остатки должны быть обращаемы въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и причисляемы къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

4. (5-го іюля 1894 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ имени статскаго совѣтника Ивана Алексѣевича Караваева.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Караваевымъ капиталъ съ нарощенными на него по настоящее время процентами всего 10650 руб., заключающихся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, учреждается при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Размѣръ ежегодной стипендіи опредѣляется въ 300 рублей, остальные же % деньги стипендіальнаго капитала подлежатъ выдачѣ стипендіату, въ видѣ пособія, по окончаніи имъ курса въ университетѣ.

§ 3. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки % денегъ, должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу. По мѣрѣ увеличенія этого капитала, увеличивается подлежащее выдачѣ стипендіату при окончаніи курса пособіе.

§ 4. Въ случаѣ, еслибы на билетъ II внутренняго съ выигрышами займа, принадлежащій пожертвованному капиталу, палъ небольшой выигрышъ, то этотъ выигрышъ долженъ быть присоединенъ къ стипенді-

альному капиталу и въ этомъ случаѣ, согласно п. 3 долженъ быть увеличенъ размѣръ пособія, выдаваемого стипендіату по окончаніи курса.

§ 5. Если по размѣру павшаго на билетъ выигрыша оказалось бы возможнымъ учредить еще стипендіи имени завѣщателя, то таковыя должны быть учреждены на основаніяхъ настоящаго положенія.

§ 6. Стипендія учреждается для одного изъ бѣдныхъ студентовъ университета, родственника завѣщателя, а за отсутствіемъ такового для болѣе успѣвающаго въ наукахъ студента изъ уроженцевъ г. Вятки безъ различія факультетовъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ,

5. (5-го іюля 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени Михаила Львовича Бродскаго при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ (5000) руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Львомъ Израилевичемъ Бродскимъ, учреждается на медицинскомъ факультетѣ Императорскаго университета св. Владиміра одна стипендія имени Михаила Львовича Бродскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ себственность университета св. Владиміра и хранится неприкосновеннымъ въ числѣ спеціальныхъ суммъ его.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ ежегодно получаемыхъ процентовъ съ капитала.

§ 4. Стипендіатами имени Михаила Бродскаго могутъ быть студенты университета св. Владиміра іудейскаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Назначеніе стипендіи производится Правленіемъ университета на основанія, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, общихъ правилъ о стипендіяхъ, при чемъ о каждомъ вновь избранномъ стипендіатѣ доводится до свѣдѣнія учредителя стипендіи. Студенты изъ воспитанниковъ Кіевской 5-й гимназій, пользовавшихся въ ней стипендіей имени Михаила Бродскаго, имѣютъ преимущественное право на полученіе настоящей стипендіи.

§ 6. Могущіе по какимъ либо причинамъ образоваться остатки отъ стипендіи должны быть причисляемы къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

6. (16-го іюля 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени камергера двора Ею Императорскаго Величества дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Александровича Сиверса при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго студента Варварою Петровною Кельхъ, урожденною Базановою, учреждаются при Императорскомъ Томскомъ университетѣ три стипендіи имени покойнаго камергера двора Ею Императорскаго Величества дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Александровича Сиверса.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, состоящій изъ 30 облигацій Московско-Казанской желѣзной дороги 4%⁰/₀ займа на двадцать три тысячи семьсотъ (23.700) рублей номинальной стоимости, составляетъ собственность Императорскаго Томскаго университета и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Облигаціи, по выходѣ въ тиражъ погашенія, замѣняются другими государственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5%⁰/₀ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за право слушанія лекцій за троихъ студентовъ въ Императорскомъ Томскомъ университетѣ и на ежемѣсячную выдачу имъ на содержаніе остающихся за тѣмъ процентовъ.

§ 4. Стипендіи предоставляются по усмотрѣнію Правленія университета бѣднѣйшимъ студентамъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, преимущественно сиротамъ, безъ различія сословій и факультетовъ. При этомъ принимается безусловно во вниманіе кандидатура студента, поставленная самою жертвовательницею, если таковая будетъ заявлена и если противъ нея Правленіе не можетъ представить серьезныхъ возраженій. Пользованіе стипендіями не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіатовъ по выbitи ихъ изъ университета.

§ 5. Право на полученіе стипендіи прекращается или съ выходомъ изъ университета, или же вслѣдствіе малоуспѣшности стипендіата въ его учебныхъ занятіяхъ, такъ что если стипендіатъ остается на второй годъ на одномъ и томъ-же курсѣ, то стипендія оставляется за нимъ только въ томъ случаѣ, когда онъ остался на вто-

рой годъ или вслѣдствіе болѣзни или вслѣдствіе особыхъ исключительнo уважительныхъ, по убѣжденію Правленія, обстоятельствъ. Въ противномъ случаѣ стипендія передается болѣе достойному и успѣшнѣйшему студенту.

§ 6. Могушіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій или по какимъ либо другимъ причинамъ остатки обращаются въ государственныя или гарантированныя Правительствомъ процентныя бумаги и причисляются къ стипендіальному капиталу.

7. (29-го сентября 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени врача Н. С. Розанова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованнаго преподавателемъ 2-й Московской гимназіи статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Семеновичемъ *Розановымъ* и заключающагося въ 4 $\frac{1}{2}$ % облигаціяхъ внутренняго займа 1893 года съ № 120.714 по № 120.743 по 100 р. каждая и съ № 161.797 по № 161.800 по 500 р. каждая, учреждается при Московскомъ университетѣ стипендія имени бывшаго воспитанника сего университета, нынѣ покойнаго „врача Николая Семеновича Розанова“.

§ 2. Размѣръ стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала 5% государственнаго налога, двѣсти тринадцать руб. 75 коп. въ годъ.

§ 3. Стипендія налагается студенту медицинскаго факультета недостаточнаго состоянія, преимущественно изъ уроженцовъ Владимірской губерніи; особымъ же преимуществомъ пользуется тотъ изъ студентовъ, который когда-либо обучался въ Владимірской духовной семинаріи.

§ 4. Стипендіатъ по окончаніи университетскаго курса сохраняетъ право на полученіе стипендіи до окончанія имъ государственнаго экзамена въ ближайшую сессію.

§ 5. Стипендія назначается по представленію медицинскаго факультета правленіемъ университета при соблюденіи общихъ на сей предметъ правилъ; но перваго кандидата на стипендію рекомендуетъ учредитель оной статскій совѣтникъ Иванъ Семеновичъ Розановъ.

§ 6. Свободные остатки отъ процентовъ съ капитала, по мѣрѣ накопленія ихъ, присоединяются къ оному покупкою % бумагъ для увеличенія, впослѣдствіи, размѣра стипендіи.

8. (10-го октября 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксеніи Александровны при Устюженскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 23-го сентября 1894 года, при Устюженскомъ (Новгородской губерніи) трехклассномъ городскомъ училищѣ по положенію 1872 года учреждается стипендія Имени Государыни Великой Княгини Ксеніи Александровны, по случаю бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества, на счетъ процентовъ съ капитала въ четыреста руб., пожертвованнаго лицомъ пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4-хъ процентной государственной рентѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность Устюженскаго городского училища, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ его въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за отчисленіемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, вносится плата за ученіе стипендіата и выдается ему по пяти руб. въ началѣ каждаго учебнаго года; остальная сумма вносится въ сберегательную кассу для выдачи стипендіату при окончаніи курса въ училищѣ.

§ 4. Стипендія назначается, по опредѣленію педагогическаго совѣта, одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ, изъ дѣтей лицъ, принадлежащихъ къ Устюженскому городскому обществу. Стипендіатъ пользуется стипендіею во все время пребыванія въ училищѣ.

§ 5. Могушіе оказаться по какой либо причинѣ неизрасходованными проценты съ капитала обращаются на увеличеніе сего послѣдняго.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (13-го октября 1894 года). *Правила назначенія стипендіи имени Володи Павлова на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 14.000 рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Александро-

вичемъ Павловымъ, учреждается при историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета стипендія имени Володи Павлова для молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетѣ или командируемыхъ за границу по предмету исторіи, преимущественно русской.

§ 2. Назначеніе стипендіи опредѣленному лицу совершается по постановленію комиссіи, состоящей изъ профессоровъ историческаго отдѣленія.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется полнымъ количествомъ получаемыхъ въ годъ процентовъ.

§ 4. Если комиссія не найдетъ подходящаго кандидата, то стипендія остается неприсужденною и проценты за соотвѣтствующій годъ поступаютъ въ распоряженіе комиссіи на случай отправленія кого-либо изъ стипендіатовъ за границу.

§ 5. При командированіи стипендіата за границу ему можетъ быть назначена стипендія въ двойномъ размѣрѣ, если имѣются для этого достаточныя средства изъ остатковъ, образовавшихся отъ неприсужденія стипендіи.

§ 6. Стипендія назначается по усмотрѣнію комиссіи на одинъ или два года.

§ 7. Стипендія можетъ быть назначена только лицамъ русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія.

§ 8. О назначеніи стипендіи объявляется въ торжественномъ собраніи университета 12-го января.

10. (13-го октября 1894 года). *Правила назначенія стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова на юридическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Проценты съ капитала въ 20.000 рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Александровичемъ Павловымъ, учреждается на юридическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета стипендія имени Ивана Ивановича Скворцова для молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію или командируемыхъ за границу съ ученой цѣлью.

§ 2. Назначеніе стипендіи опредѣленному лицу предоставляется факультету.

§ 3. Размѣръ стипендіи долженъ быть не выше 700 рублей.

Остающаяся сумма процентовъ должна быть присоединяема къ капиталу для образованія новой стипендіи того же назначенія и размѣра.

§ 4. При заграничныхъ командировкахъ размѣръ стипендій можетъ быть увеличенъ, по усмотрѣнію факультета, на счетъ остатковъ, могущихъ образоваться отъ неназначенія стипендіи въ какомъ-либо году; сверхъ того, для той же цѣли факультетъ можетъ соединить проценты за два года.

§ 5. Опредѣленіе времени, на которое оставляется молодой человѣкъ при университетѣ или командировается за границу, предоставляется факультету.

§ 6. Стипендія можетъ быть назначена только лицу русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 7. О назначеніи стипендіи объявляется въ торжественномъ за сѣданіи 12-го января (на университетскомъ актѣ).

§ 8. Счетъ %, съ 20.000 руб., пожертвованныхъ Павловымъ для учрежденія стипендіи на юридическомъ факультетѣ, долженъ быть веденъ отдѣльно отъ соответственныхъ счетовъ другихъ факультетовъ.

11. (13-го октября 1894 года). *Правила назначенія стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 20.000 руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Александровичемъ Павловымъ, учреждается при физико-математическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета стипендія имени Ивана Ивановича Скворцова для молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетѣ или командируемыхъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ.

§ 2. Назначеніе стипендіи опредѣленному лицу совершается по постановленію факультета.

§ 3. Размѣръ стипендіи долженъ быть не выше 700 руб. Остающаяся сумма процентовъ должна быть присоединяема къ капиталу для образованія новой стипендіи того же назначенія и размѣра.

§ 4. Если за какой-либо годъ стипендія останется невыданной, то она можетъ быть назначена, по особому постановленію факультета, на слѣдующій годъ въ двойномъ размѣрѣ (1400 р.) лицу, командируемому факультетомъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію.

§ 5. Стипендія можетъ быть назначена только лицу русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 6. О назначеніи стипендіи объявляется въ торжественномъ собраніи 12-го января (на университетскомъ актѣ).

§ 7. Счетъ процентовъ съ 20.000 р., пожертвованныхъ Павловымъ для учрежденія стипендіи на физико-математическомъ факультетѣ, долженъ быть веденъ отдѣльно отъ соответственныхъ счетовъ другихъ факультетовъ.

12. (13-го октября 1894 года). *Правила назначенія стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова на медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Капиталь 40.000 руб., пожертвованный потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Александровичемъ Павловымъ, остается неприкосновеннымъ, изъ процентовъ же учреждаются три стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова.

§ 2. Стипендіи назначаются для врачей, оставляемыхъ при медицинскомъ факультетѣ для усовершенствованія въ наукахъ.

Примѣчаніе 1-е. Соискателями стипендіи могутъ быть ассистенты, ординаторы, лаборанты, неполучающіе содержанія.

Примѣчаніе 2-е. Стипендія по усмотрѣнію факультета можетъ быть выдаваема одному и тому же лицу два года сряду.

§ 3. Одна изъ стипендій назначается врачу, занимающемуся при терапевтической госпитальной клиникѣ, по представленію завѣдующаго оной.

§ 4. Двѣ другія стипендіи распредѣляются по одной между клиническими учрежденіями и институтами.

§ 5. Кандидаты на стипендіи предлагаются завѣдывающими клиниками и институтами. Предложенія обсуждаются коммиссіею изъ пяти членовъ медицинскаго факультета, избираемыхъ записками, и окончательно утверждаются факультетомъ закрытой баллотировкой.

§ 6. О назначеніи стипендій объявляется въ торжественномъ собраніи 12-го января (на университетскомъ актѣ).

§ 7. Стипендія можетъ быть назначена только лицу русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 8. Счетъ % съ 40.000 рублей долженъ быть веденъ отдѣльно для медицинскаго факультета независимо отъ капиталовъ, пожертвованныхъ Павловымъ для другихъ факультетовъ.

13. (13-го октября 1894 года). *Правила назначенія стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 20.000 рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Александровичемъ Павловымъ, учреждается при историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета стипендія имени Ивана Ивановича Скворцова для молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетѣ или командируемыхъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ.

§ 2. Если стипендія назначается оставляемому при университетѣ, размѣръ ея опредѣляется не выше 700 рублей въ годъ.

§ 3. Если же стипендія назначается лицу, командируемому за границу, размѣръ ея опредѣляется въ 1200 руб. въ годъ, при чемъ проценты съ капитала за соответствующіе года пополняются изъ остатковъ, образовавшихся при выдачѣ стипендіи въ обыкновенномъ размѣрѣ, то-есть, въ 700 руб. Факультетъ можетъ также составить сумму въ 1200 руб., соединивъ проценты за два года.

Примѣчаніе. Въ исключительныхъ случаяхъ, когда командируемому предстоятъ особенно значительныя издержки, факультетъ можетъ увеличить размѣры стипендіи до 1400 руб.

§ 4. Проценты, неизрасходованные согласно §§ 2 и 3 въ теченіе пяти лѣтъ, присоединяются къ капиталу для образованія новой стипендіи того же наименованія и размѣра.

§ 5. Стипендія назначается, по усмотрѣнію факультета, на одинъ или на два года.

§ 6. Назначеніе стипендіи опредѣленному лицу совершается по постановленію факультета.

§ 7. Стипендія можетъ быть назначена только лицу русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія.

§ 8. О назначеніи стипендіи объявляется въ торжественномъ собраніи 12-го января (на университетскомъ актѣ).

§ 9. Счетъ процентовъ съ 20.000 рублей, пожертвованныхъ Павловымъ для учрежденія стипендіи на историко-филологическомъ факультетѣ долженъ быть веденъ отдѣльно отъ соответственныхъ счетовъ другихъ факультетовъ.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

7-го октября 1894 года *утверждены*: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кондаковъ* и Харьковскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лебедевъ*—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, первый—съ 10-го и второй—съ 1-го августа 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Флоринскій*—иновъ деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета на четыре года, съ 12-го сентября 1894 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ св. Владимира *Реформатскій* и Казанскаго *Фортуатовъ*, ординарными профессорами сихъ университетовъ по занимаемымъ ими каедамъ, первый—химіи, съ 1-го и второй—физиологической анатоміи, съ 10-го августа 1894 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета *Красновъ*—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета, по занимаемой имъ каедрѣ географіи и этнографіи, съ 1-го августа 1894 г.; директоръ Одесской прогимназіи, преобразованной въ Одесскую 4-ю гимназію, статскій совѣтникъ *Охрѣменко*—директоромъ сей гимназіи, съ 1-го іюля 1894 г., инспекторъ Касимовской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Дрейеръ*, исполняющіе обязанности инспекторовъ гимназій: Самарской—статскій совѣтникъ *Кочкинъ* и Ченстоховской—статскій совѣтникъ *Геевскій* и инспекторъ Пултусской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Корнѣевъ*—директорами гимназій: первый—Александровской, Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, съ 12-го сентября, второй—Астраханской, съ 1-го іюля, третій—Ченстоховской и четвертый—Сувалкской, оба съ 15-го августа 1894 г.; исполняющій обязанности инспектора Θεодосійской гимназіи, статскій совѣтникъ *Стосицъ* и инспекторы четырехклассныхъ прогимназій, преобразованныхъ въ шестиклассныя прогимназіи, Рославльской—статскій совѣтникъ *Нилендеръ* и Ялтинской Александровской, статскій совѣтникъ *Преображенскій*, директорами прогимназій: первый—Измаильской, съ 19-го іюля, второй—Рославльской, съ 1-го августа, а третій—Ялтинской Александровской, съ 28-го августа 1894 года; инспекторъ Иркутскаго промышленнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Звѣревъ*, исполняющіе обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: Саратовскаго, Александро-Марин-

скаго, статскій совѣтникъ *Львовъ*, Митавскаго—статскій совѣтникъ *Доброзраковъ*, Елабужскаго—статскій совѣтникъ *Павловскій*, Варшавскаго—статскій совѣтникъ *Криваксинъ* и Иваново-Вознесенскаго—статскій совѣтникъ *Сыромятниковъ*—директорами реальныхъ училищъ: первый—Икутскаго, съ 7-го іюля, второй—Камышинскаго, съ 14-го августа, третій—Либавскаго, съ 25-го августа, четвертый—Елабужскаго, съ 1-го сентября, пятый—Варшавскаго, съ 15-го августа и шестой—Иваново-Вознесенскаго, съ 17-го іюля 1894 г.; оставшійся за штатомъ, бывшій директоръ Вытегорской учительской семинаріи: статскій совѣтникъ *Маккаевъ*, директоръ народныхъ училищъ Гродненской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Модестовъ*, инспекторъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи, статскій совѣтникъ *Остроумовъ* и наставникъ Череповской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Исаинъ*—директорами учительскихъ семинарій: первый—Алферовской, съ 9-го августа, второй—Молодечненской, съ 17-го іюля, третій—Пензенской, съ 12-го сентября и четвертый—Череповской, съ 1-го августа 1894 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Зеленцовъ*—директоромъ Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, съ 1-го сентября 1894 г.; директоръ Алферовской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Баринъ*—директоромъ народныхъ училищъ Рязанской губерніи, съ 10-го іюля 1894 г.

Назначены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Левинскій*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, по кафедрѣ астрономіи, съ 3-го сентября 1894 г.; астрономъ-наблюдатель Императорскаго Юрьевскаго университета *Струве*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета, по кафедрѣ астрономіи и геодезіи, съ 3-го сентября 1894 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета, докторъ химіи *Вернеръ*—штатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по кафедрѣ общей химіи, съ 11-го сентября 1894 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины *Киземъ-Бекъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по кафедрѣ врачебной діагностики, съ 1-го августа 1894 г.; исправляющій должность доцента Императорскаго Юрьевскаго университета *Невзоровъ*, хранитель агрономическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго

университета *Богушевскій*, привать-доценты Императорскаго Харьковскаго университета: *Оршанскій*, *Тимоеевъ* и *Зайкевича* и Казанскаго — магистръ *Будде* — исправляющими должность экстраординарнаго профессора Императорскихъ университетовъ: первый — Юрьевского, по кафедрѣ торговаго права, съ 24-го іюля, второй — Юрьевского же, по кафедрѣ сельскаго хозяйства и технологии, съ 3-го сентября, третій, четвертый и пятый — Харьковскаго, по кафедрѣ: Оршанскій — нервныхъ и душевныхъ болѣзней, съ 1-го августа, Тимоеевъ — аналитической химіи, съ 8-го іюля, Зайкевичъ — агрономіи, съ 6-го августа и шестой — Казанскаго, по кафедрѣ русской словесности, съ 18-го сентября 1894 г.; директоръ Маріампольской мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гевескій* — начальникомъ Ломжинской учебной дирекціи, съ 15-го августа 1894 г.; директоръ Молодечненской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Швейцкій* — исправляющимъ должность директора народныхъ училищъ Гродненской губерніи, съ 17-го іюля 1894 г.

Перемѣщены: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, по кафедрѣ врачебной діагностики, статскій совѣтникъ *Котовицковъ* на кафедрѣ госпитальной терапевтической клиники того же университета, съ 1-го августа 1894 года; директоры гимназій: Сувалкской — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Моссаковский* и Астраханской — статскій совѣтникъ *Котовицковъ* — директорами гимназій: первый Маріампольской, съ 15-го августа, и второй — Симбирской, съ 1-го іюля 1894 года; директоры реальныхъ училищъ: Череповскаго, статскій совѣтникъ *Корчакъ-Гречина*, Выборгскаго, статскій совѣтникъ *Сербуловъ* и Елабужскаго, статскій совѣтникъ *Дестницкій*, директорами же реальныхъ училищъ: первый — Выборгскаго, второй — Череповскаго, оба съ 1-го августа, и третій — Сарapulьскаго, съ 1-го сентября 1894 года; начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гавловскій* — начальникомъ Варшавской учебной дирекціи, съ 15-го августа 1894 года; директоръ Череповской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Сциборскій*, директоромъ Валкской учительской семинаріи, съ 10-го іюля 1894 года.

Причислены къ министерству народнаго просвѣщенія: учитель Омской женской гимназіи *Саканцевъ*, согласно прошенію, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 25-го августа 1894 года.

Опредѣлены: учитель С.-Петербургской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Шестаковъ* — инспекторомъ Императорскаго Варшавскаго

университета, съ 15-го августа 1894 года, помощникъ инспектора Императорскаго Московскаго техническаго училища, статскій совѣтникъ *Циркуновъ*, инспекторомъ сего училища, съ 1-го августа 1894 года, дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія титулярный совѣтникъ *Максимъ* и преподаватель Казанской 3-й гимназіи, надворный совѣтникъ *Прозоровъ* — дѣлопроизводителями VII класса департамента, первый по особому отдѣленію для завѣдыванія промышленными училищами, съ 4-го іюля, и второй съ 12-го сентября 1894 года; помощникъ эзекутора департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Сутковский*—дѣлопроизводителемъ VIII класса сего департамента, съ 7-го сентября 1894 года; канцелярскіе чиновники департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Хорошавинъ* и коллежскіе регистраторы: *Алексеевъ* и *Вележневъ*—помощниками дѣлопроизводителей сего департамента—первый съ 10-го сентября, второй съ 17-го августа и третій съ 1-го сентября 1894 года; изъ отставныхъ: дѣйствительные статскіе совѣтники: *Миротворцевъ* и *Добровъ*—вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія—причисленными къ оному, первый съ 26-го октября 1893 года и второй, съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа, съ 16-го сентября 1894 года окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени, *Еватуловъ*—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленнымъ къ оному, съ 12-го іюля 1894 года.

Переведенъ, чиновникъ особыхъ порученій VII класса при государственномъ контролерѣ, титулярный совѣтникъ *Погодинъ*, на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ ученымъ секретаремъ русскаго археологическаго института въ Константинополь, съ 11-го іюля 1894 года, то-есть, со дня восполнѣдванія Высочайшаго соизволенія на такое назначеніе.

Оставлены на службѣ директоры: Тотемской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Соболевъ*, на одинъ годъ, съ 30-го іюля 1894 года, Рижской городской гимназіи, статскій совѣтникъ *Шведеръ*, по 1-е августа 1895 года, Эриванской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сущевскій*, по 1-е августа 1896 года, Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища дѣйствительный статскій совѣтникъ *Туталевъ*, съ 13-го августа, гимназій: С.-Петербургской 10-й, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Костевъ*, съ 1-го сентября 1894—оба на два года, Псковской, стат-

скій совѣтникъ *Новоселовъ*, съ 16-го августа, реальныхъ училищъ: Мѣтавскаго, статскій совѣтникъ *Кульбертъ*, съ 30-го іюля, Зарайскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Даниловъ*, съ 31-го августа и Череповскаго. статскій совѣтникъ *Сербуловъ*, съ 10-го сентября 1894 года.—всѣ четверо на три года, гимназій: Риппельевской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вълицкій* и Николаевской Александровской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Балыкъ*, оба по 1-е іюля 1898 года, Бахмутской прогимназіи статскій совѣтникъ *Мальцовъ*—по 1-е іюля 1899 года и практическихъ технологическихъ институтовъ: С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Головинъ*, съ 23-го іюля и Харьковскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кирпичевъ*, съ 19-го марта, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Павинскій*, съ 3-го января, окружные инспекторы учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мохначевъ*, съ 1-го августа и Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Степанниковъ*, съ 24-го августа, директоры: Смоленской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пречанъ*, съ 12-го августа, прогимназій: Бѣльской—статскій совѣтникъ *Гвоздевъ*, съ 1-го августа, и Борисоглѣбской-Александровской статскій совѣтникъ *Вязьминъ*, съ 27-го августа, Моршанскаго реального училища статскій совѣтникъ *Клеммъ*, съ 25-го іюня, Костромскихъ промышленныхъ училищъ имени надворнаго совѣтника *Чижова*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эллиманъ*, съ 1-го сентября, Московскаго учительскаго института—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Григорьевъ*, съ 12-го августа, и Молодечненской учительской семинаріи—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Модестовъ*, съ 10-го ноября 1894 года, всѣ двѣнадцать—на пять лѣтъ, и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ *Розенъ*, по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части, съ 1-го августа 1894 года.

Командированы: членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Барсуковъ*—въ разныя губерніи Россіи, для ученыхъ занятій въ архивахъ, на 2 мѣсяца и преподаватель института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Рейснеръ*—въ С.-Петербургъ и Варшаву на одинъ годъ, съ 1-го сентября 1894 года, съ ученою цѣлью.

Продолженъ срокъ отпуска за границу: главному садовнику ботаническаго сада Императорскаго Московскаго университета *Вобсту*

и директору Калишской мужской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Семеновичу*—на два мѣсяца, сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1894 года.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Ивановскій*, дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь князь *Волконскій*, оба — на 28 дней; дѣлопроизводители сего же департамента: V класса—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Толмичевъ* и VIII класса—надворный совѣтникъ *Моревъ* и титулярный совѣтникъ *Смирновъ*, первый—по 15-е октября 1894 г., второй—на 2 мѣсяца и третій—на 1 мѣсяць, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эберманъ*—на 6 недѣль; и б) за границу: вычислитель главной физической обсерваторіи, коллежскій ассессоръ *Гарнакъ* — на одинъ мѣсяць; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Поссе*—на два мѣсяца, и консультантъ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, статскій совѣтникъ *Мочутковскій*—на четыре мѣсяца.

Отчислены отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ливенъ* — согласно прошенію, съ 31-го іюля, и коллежскій ассессоръ *Афанасьевъ*, съ 15-го августа 1894 г., по случаю назначенія учителемъ вновь открытаго въ С.-Петербурѣ Выборгскаго городского училища.

Уволены: директоръ Либавскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Баумертель*, согласно прошенію, отъ настоящей должности, съ 1-го августа 1894 г.; директоръ Камышинскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Позняковъ*, за выслугою срока, отъ службы, съ 14-го августа 1894 г.; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Томскаго—статскій совѣтникъ *Зальскій*, съ 1-го іюня, и Варшавскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гоьеръ*, съ 19-го сентября, и коллежскій совѣтникъ *Тумасъ*, съ 1-го іюля, инспекторъ того же университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Барсовъ*, съ 15-го августа, начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Родевичъ*, съ 15-го августа, директоръ Ченстоховской мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дажновичъ*, съ 15-го августа, и директоры реальныхъ училищъ: Варшавскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кцауровъ*, съ 15-го августа, Саранульскаго —

статскій совѣтникъ *Генкель*, съ 1-го сентября, и при реформатской церкви въ Москвѣ — статскій совѣтникъ *Висньевскій*, съ 5-го сентября, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, не имѣющій чина князь *Гедройцъ*, съ 1-го октября, и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Кузнецовъ*, съ 31-го августа 1894 г., — всѣ — отъ службы, согласно прошеніямъ, съ дозволеніемъ Гофферу, Барсову, Родевичу, Дахновичу, Кацаурову и Висньевскому носить въ отставку мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: врачу Устюженскаго городского училища, коллежскому совѣтнику *Барисевичу*, за полезную врачебную дѣятельность по училищу; почетному смотрителю Карсунскаго уѣзднаго училища, титулярному совѣтнику *Герасимову*, за его заботы на пользу сего училища; почетному блюстителю Соболевскаго 2-хъ-класснаго сельскаго училища *Рабенку*, за заботы его о благосостояніи сего училища; непечителю Николаевскаго мужскаго начальнаго училища въ Москвѣ, потомственному почетному гражданину *Шилову* и врачу Клинскаго городского училища, статскому совѣтнику *Аннинскому*, за усердіе ихъ къ дѣлу народнаго образованія; попечительницамъ начальныхъ училищъ: Воскресенскаго, въ Даниловской слободѣ города Москвы, потомственной почетной гражданкѣ *Мещериной* и Горбатовскаго женскаго, Нижегородской губерніи, купеческой женѣ *Ортовой*, за пожертвованія ихъ въ пользу означенныхъ училищъ; начальнику Любартовскаго уѣзда, Люблинской губерніи, губернскому секретарю *Ушеренко*, за полезную его дѣятельность по народному образованію; попечителямъ училищъ: Акшутскаго сельскаго, Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи, статскому совѣтнику *Полванову* и Онуфриевскаго, Богоявленскаго и Соснинскаго сельскихъ начальныхъ, Херсонской губерніи, графу *М. М. Толстому*, за пожертвованія ихъ въ пользу сихъ училищъ, коллежскому ассессору *Юзефовичу*, за пожертвованіе его въ пользу ученическаго общежитія при Вологодской мужской гимназій, потомственному почетному гражданину *Кузнецову*, за пожертвованіе его въ пользу Кунгурскаго городского 4-хъ-класснаго училища; почетному блюстителю Череповецкаго начальнаго училища, купцу *Тарасову*, за пожертвованіе его въ пользу сего училища; Кронштадтскому протоіерею о. Іоанну *Серіеву*, Ченстоховскому уѣздному инженеру-архитектору *Люру*, владѣльцамъ стекляннаго завода „Анна“ въ городѣ Петроковѣ *Хеблеръ* и *К^о*, главноуправляющему Сосновиц-

кою фабрикою стекла *Скробанеку*, Сосновицкому фабриканту *Дителю*, главноуправляющему чугуноплавильнымъ и сталелитейнымъ заводомъ „Екатерина“ въ Сосновицахъ *Скавинскому*, уполномоченному горно-промышленнаго общества „Графъ Ренардъ“ *Мауве*, владѣльцу имѣнія „Нехдице“, Петроковскаго уѣзда, *фонъ-Кригеру* и купцамъ: *Гиршбергу*, *Шмельцеру* и *Пишемъ*, за пожертвованія ихъ въ пользу ученическаго общежитія при Петроковской гимназій; вдовѣ чиновника *Копиченко*, за пожертвованіе ея на устройство храма при Вятской гимназій.

Исключены изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, протоіерей *Добротворскій*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Хомяковъ*, Варшавскаго — статскій совѣтникъ *Стольниковъ*, и св. Владимира — статскій совѣтникъ *Эльтековъ*; директоры: Θεодосійской гимназій — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Виноградовъ* и Пензенской учительской семинаріи — статскій совѣтникъ *Бѣликовъ*, и помощникъ правителя дѣлъ канцеляріи правленія Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Иковлевъ*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книжку: „Существенныя черты православнаго правоученія. Курсъ VIII класса гимназій. Уроки въ дополненіе къ Катихизису, изложенные согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ. Составилъ законоучитель Тульской гимназій, протоіерей *А. Ивановъ*. Тула. 1893. Стр. 56. Цѣна 30 коп., съ перес. 40 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста библиотекъ гимназій; для употребленія учителей и учениковъ.

— Книгу: „Религіозно-нравственное міровоззрѣніе Плутарха Херонейскаго. Сочиненіе *Якова Елтидинскаго*. С.-Пб. 1893. стр. 461. Цѣна 3 руб.“ — допустить для ученическихъ старшаго возраста библиотекъ гимназій.

— Книгу: „Этимологія греческаго языка. Составилъ *Николай*

Сперанскій, преподаватель Московской 3-й гимназій, и *Владимір Антальротъ*, приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета и преподаватель 5-й Московской гимназій. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1893. Стр. 168. Цѣна 1 руб. — одобрить въ видѣ руководства по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Краткій синтаксисъ греческаго языка. Составилъ *Владимір Антальротъ*, приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета и преподаватель 5-й Московской гимназій. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1893. Стр. 64. Цѣна 45 коп.“ — одобрить какъ учебное руководство по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: „Греческая хрестоматія. Т. I. Избранныя мѣста изъ греческихъ классиковъ съ біографіями писателей и примѣчаніями грамматическими и реальными. Составили *С. Ф. Орловскій* и *В. Н. Фаминскій*. Изданіе 2-е. Москва. 1893: 1) Выпускъ второй. Избранныя мѣста изъ Исторіи Геродота. Стр. 93. Цѣна 30 коп.—2) Выпускъ четвертый. Избранныя мѣста изъ Илиады Гомера. Стр. 108. Цѣна 35 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій.

— Книгу: „Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Курсъ V и VI классовъ. Составилъ *О. В. Фарникъ*, инспекторъ 1-й С.-Петербургской гимназій. Изданіе восьмое, вновь обработанное примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. С.-Пб. 1894. Стр. 211. Цѣна 1 руб.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія,

— Книги: „Учебникъ логики. Преподавателя Кіевскаго реальнаго училища *Ө. Козловскаго*. Кіевъ. 1894. Въ двухъ частяхъ: Часть I. Аналитическій выводъ главныхъ принциповъ логики на основаніи разбора образцовъ. Стр. IV+112. Цѣна 1 руб. — Часть II. Сокращенное синтетическое изложеніе главныхъ принциповъ логики. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“ — первую допустить для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а вторую допустить какъ руководство въ классическихъ гимназіяхъ.

— Книги: „1) *Титъ Ливій*. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей *П. Адрианова*. Томъ II. Книги VI—X. Москва. 1894. Стр. IV+406+VII. Цѣна 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф. — 2) *Титъ Ливій*. Исторія послѣднихъ трехъ лѣтъ

пунической войны. XXX книга, 203—201 гг. до Р. X. Перевелъ съ латинскаго Я. Мищенко. Кіевъ. 1893. Стр. XIV+100. Цѣна 80 к.“—первую рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ ученическія старшаго возраста классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а вторую одобрить для ученическихъ бібліотекъ старшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: „Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, туманности. Германа Клейка, директора обсерваторіи въ Кѣльнѣ. Перев. съ 3-го нѣмецкаго изданія. Съ портретами и рисунками. С.-Пб. 1894. Стр. 290.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ, для средняго и старшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и для награды ученикамъ сихъ заведеній.

— Книгу: „Бесѣды врача Н. П. Черепнина о заразныхъ болѣзняхъ. Законоположенія о нихъ, мѣры къ ограниченію; лѣченіе и прописи лѣкарствъ. Изданіе 4-е, значительно дополненное и исправленное по современнымъ источникамъ. С.-Пб. 1894. Стр. VIII+182. Цѣна 70 коп.“—одобрить для учительскихъ бібліотекъ народныхъ школъ.

— Книгу: „Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей. Сочиненіе д-ра Фердинанда Лавранжа. Переводъ д-ра медицины Е. М. Демитьева. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1894. Стр. III+263. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Cours progressif de langue Française, divisé en cinq années, rédigé sur un plan entièrement nouveau, approprié à l'usage des Instituts et des Gymnases par N. Koschkinе, institutrice au Gymnase Alexandre. Deuxième et troisième années. С.-Пб. 1894. Второй годъ. 142 стр. Цѣна 70 коп.—Третій годъ. 142 стр. Цѣна 70 к.“—одобрить въ качествѣ руководства по французскому языку для элементарнаго курса женскихъ гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Schiller. Wilhelm Tell. Ein Schauspiel in fünf Aufzügen („Вильгельмъ Телль“ Шиллера). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ и двумя географическими картами. Объяснилъ Г. Ю. Ирмеръ, лекторъ нѣмецкаго языка при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Пб. 1894. Стр. XVII+163; словарь отдѣльно 56 стр. Цѣна со словаремъ 40 коп.“—рекомендовать какъ весьма полезное пособіе при изученія

нѣмецкаго языка во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— „Записки по методикѣ элементарной ариметики. Руководство для учительскихъ семинарій, институтовъ, VIII класса женскихъ гимназій, учителей и учительницъ начальныхъ училищъ. Третье, исправленное и дополненное изданіе. Составилъ *Г. М. Вишневскій*. Казань 1894. Въ 8-ку, 155 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для учительскихъ семинарій, институтовъ и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.

— „Ариметическій задачникъ для начальныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *Г. Вишневскій*. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Казань. 1894. Въ 8-ку, 141 стр. Цѣна 35 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для начальныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— „Собраніе ариметическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи ариметики. Составилъ *В. Волень*. Изданіе шестнадцатое, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 150 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить къ употребленію въ низшихъ училищахъ.

— Книгу: „Полный курсъ русской грамматики въ письменныхъ работахъ и диктантѣ съ образцами, выводами и правилами правописанія. Для начальныхъ народныхъ училищъ и для домашняго обученія. Составилъ *И. Мамичкинъ*. Ярославль. 1894. Въ 8-ку, 175 стр. Цѣна 35 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ея изданіе было исправлено по указаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Новая хрестоматія для старшаго отдѣленія началь-

ныхъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составлена кружкомъ учительницъ подъ редакціей *В. А. Воскресенскаго*. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 307 стр. Цѣна 80 коп.—допустить въ учительскія бібліотеки начальныхъ училищъ.

— Книгу: „*Н. Ерминъ и Н. Некрасовъ*. Азбука совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изданіе 6-е. С.-Пб. 1893. Въ 12 д. л., 32 стр. Цѣна 5 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Изданія московскаго книгопродавца Ступина: 1) „*Н. П. Полевой*. Два друга—двѣ дороги. Москва. 1893. Въ 12 д. л., 47 стр. Цѣна 30 коп.“ и 2) „*В. Куликова*. Илюша Горбунчикъ. Разказъ для дѣтей. Москва. 1893. Въ 12 д. л., 46 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія книгопродавцемъ Ступинымъ книги: 1) „Стихотворенія *А. В. Кольцова*, съ портретомъ, факсимиле и краткою біографіею поэта, составленною *Н. Я. Страховымъ*, Москва. 1893. Цѣна 10 к.“, 2) „*Иванъ Андреевичъ Крыловъ* и его басни. Составилъ *Аркадій Сосницкій*. Москва. 1892. Цѣна 10 коп.“, 3) „Четыре разказа для школь и народа. Москва. 1893. Цѣна 10 коп.“, 4) „Разказы въ сельской школь. Москва. 1893. Цѣна 10 коп.“, 5) „*Н. А. Ратомскій*. Сережа Рыболовъ. Разказъ для школь. Москва. 1893. Цѣна 5 коп.“, 6) „*М. Ку克林ъ*. Мишукъ. Разказъ. Москва. 1893. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя Кавказскаго учебнаго округа въ открытую въ г. Новороссійскѣ 22-го сентября сего года четырехклас-сную прогимназію принято того же числа 57 учениковъ, изъ коихъ въ пригготовительный классъ 27, въ первый 23 и во второй 7 учениковъ.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа съ начала текущаго 1894/5 учебнаго года при Уральскомъ училищѣ открыто общежитіе для иногородныхъ учениковъ реальнаго училища. Въ общежитіи въ настоящее время помѣщается 35 учениковъ, считая въ томъ числѣ 7 киргизскихъ казенныхъ стипендіатовъ.

— По донесенію начальства Рижскаго учебнаго округа, 4-го минувшаго сентября послѣдовало открытіе Валкской учительской семинаріи, временно находящейся въ г. Ригѣ. Изъ 146 человѣкъ, допущенныхъ къ приѣмному испытанію, выдержали таковое 44 человѣка, изъ коихъ 15, какъ лучшихъ по экзамену, приняты {на казенное содержаніе, 18 своекоштными стипендіатами и 7 приходящими; 4-мъ же отказано въ приѣмъ за недостаткомъ помѣщенія. Принятыя 40 воспитанниковъ распредѣляются: а) по вѣроисповѣданіямъ—4 православныхъ и 36 лютеранъ; б) по народностямъ—2 русскихъ, 4 эстонца и 34 латыша и в) по сословіямъ—1 мѣщанинъ и 39 крестьянъ.

— По донесенію начальства Кіевскаго учебнаго округа, 21-го августа сего года послѣдовало открытіе 3-го параллельнаго отдѣленія при мужскомъ приготовительномъ классѣ Черкаскаго двухкласснаго городскаго училища.

— По донесенію начальства Оренбургскаго учебнаго округа, 28-го августа сего года послѣдовало открытіе въ г. Оренбургѣ 2-го городскаго трехкласснаго училища по положенію 31-го мая 1872 года.

— По распоряженію начальства Казанскаго учебнаго округа. Астраханское первое городское одноклассное училище закрыто, а таковое же второе преобразовано въ трехклассное по положенію 31-го мая 1872 года.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 6-го минувшаго сентября открыто Антоновское чувашское училище, Стерлитамакскаго уѣзда, при 27-ми учащихся (24 мальчика и 3 дѣвочки).

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНИЯХЪ СУПРУГОВЪ ПО ДРЕВНѢЙШЕМУ РУССКОМУ ПРАВУ.

„Wenn die Familie jederzeit ein kleines Abbild des Staates ist, so ist in dem Familienrecht nicht minder der Charakter des ganzen Rechtssystems eines Volkes zu erkennen“.

Gans, Erbrecht, I, 22.

Всѣ отношенія между супругами распадаются на двѣ категоріи: на отношенія личныя и имущественныя. Первые суть отношенія власти и подчиненія. Ихъ характеръ въ томъ или другомъ правѣ опредѣляется степенью зависимости жены отъ мужа у даннаго народа и въ данное время. Въ свою очередь, характеръ имущественныхъ отношеній между супругами находится въ непосредственной зависимости отъ характера личныхъ между ними отношеній. Мы не станемъ останавливаться здѣсь на разсмотрѣніи древнѣйшихъ брачныхъ формъ — брака коммунальнаго и полиандріи. Такъ называемый коммунальный бракъ есть, собственно говоря, не бракъ, а состояніе гетеризма, которому, по справедливому замѣчанію проф. Сергѣевича ¹⁾, „ради приличія“ только дано Леббокомъ названіе брака. Мы встрѣчаемся здѣсь съ явленіемъ сожителства всѣхъ мужчинъ извѣстнаго племени со всѣми женщинами этого послѣдняго. При такихъ условіяхъ встрѣча индивидуумовъ различнаго пола безформенна, въ высшей степени не прочна, не устанавливаетъ какихъ либо опредѣленныхъ личныхъ отношеній между сожителствующими и не вліяетъ на ихъ имуществен-

¹⁾ В. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, С.-Пб., 1894, стр. 271.

ную сферу, не видоизмѣняетъ ея. При полиандріи возникаютъ въ высшей степени своеобразныя личныя и имущественныя отношенія между женщиной и сожителемъ съ ней цикломъ мужицъ, при чемъ отношенія эти у различныхъ полиандрическихъ племенъ носятъ самый разнообразный характеръ. Мы не остановимся на полиандрическомъ бракѣ и соответствующихъ ему системахъ личныхъ и имущественныхъ отношеній между супругами, такъ какъ отъ полиандрической формы брака не осталось никакихъ слѣдовъ въ правѣ восточныхъ славянъ, когда ихъ застаеъ исторія. Кромѣ нѣкоторыхъ весьма неясныхъ и неопредѣленныхъ указаній первоначальной лѣтописи на существованіе въ первыя времена нашей исторіи переживаній, въ видѣ „игрищъ между селы“, свидѣтельствующихъ о существованіи въ доисторическое время общности женъ ¹⁾, мы встрѣчаемся въ началѣ нашей исторіи только съ полигинической и моногамической формами брака. Какъ полигиническій, такъ и моногамическій бракъ заключался у древнихъ славянъ въ большинствѣ случаевъ похищеніемъ или покупкой. О первой формѣ брака свидѣтельствуетъ лѣтопись въ сказаніяхъ о древлянахъ, радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ, указывая какъ на дѣйствительное похищеніе, такъ и на мнимое, обрядовое: „съ нею же кто съвѣщашеся“. О второй формѣ заключенія брака мы находимъ указаніе у арабскаго писателя Казвини, свидѣтельствующаго, что у руссовъ „тотъ, у кого родилось двѣ или три дочери, обогащается, тогда какъ имѣющій двухъ-трехъ сыновей дѣлается бѣдникомъ“ ²⁾.

Какъ при похищеніи, такъ и при покупкѣ не можетъ развиваться имущественная правоспособность жены. Вѣдь, какъ добыча или какъ купленная вещь, жена сама становится собственностью мужа, или его семьи, или его рода. Слѣдовательно, все, что ей принадлежало, или что она пріобрѣтаетъ, становится имуществомъ ея мужа, его семьи или его рода. Впрочемъ, система имущественныхъ отношеній здѣсь существуетъ, но она весьма проста и несложна. Все имущество жены окончательно и безповоротно сливается съ имуществомъ

¹⁾ Въ такомъ же смыслѣ понимаетъ и Шульгинъ (О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго, Кіевъ, 1850) начальныя слова лѣтописи: „брака у нихъ не бываше“.

²⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, Кіевъ, 1868, стр. 349. Здѣсь приводится цѣлый рядъ убѣдительныхъ доказательствъ, свидѣтельствующихъ о существованіи у насъ похищенія, какъ первоначальной формы брака.

мужа, поглощается имъ. Только тамъ, гдѣ бракъ поконтся на соглашеніи между брачущимися, ихъ семьями или родами, только тамъ возможны болѣе или менѣе правильныя и опредѣленныя имущественныя отношенія между супругами. Такой бракъ существовалъ только у полянъ; у нихъ „не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней, что вдадуче“. Здѣсь родители приносятъ въ домъ жениха приданое невѣсты ¹⁾. Изъ имущества своей семьи невѣста получаетъ выдѣлъ, который составляетъ тотъ имущественный комплексъ, который считается ея собственностью и который, какъ увидимъ ниже, по прекращеніи брака, выдается ей или ея наслѣдникамъ. Приведенное мѣсто лѣтописи есть, впрочемъ, единственное свидѣтельство объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами въ до-христіанской Руси ²⁾. Послѣ принятія христіанства семья, такъ сказать, организуется запово церковью, и всѣ семейныя отношенія подчиняются вѣдомству этой послѣдней ³⁾. Церковь при опредѣленіи условій и формъ совершенія брака и личныхъ отношеній

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, склоненъ понимать это мѣсто и *Неволинъ* (Полное собраніе сочиненій, С.-Пб., 1858, т. III, стр. 180).

²⁾ Вообще о судьбѣ имущества во время брака, о томъ, кто имѣлъ право управлять имъ и распоряжаться, наши древнѣйшіе до-московскіе источники не говорятъ ни слова (*Сергіевичъ*, *op. cit.*, стр. 277). *Неволинъ* (*op. cit.*, I. c., стр. 92) полагаетъ, что съ древнѣйшихъ временъ у насъ существуетъ полная раздѣльность имущества супруговъ. Такого же взгляда придерживается и *Алексеевъ* (*Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу въ древней Россіи и Польшѣ, Читанія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ*, 1868, книга вторая, стр. 12). Мы попытаемся въ дальнѣйшемъ изложеніи указать нѣкоторую неправильность такого утверженія. Мнѣніе свое *Неволинъ* основываетъ на томъ, что памятники не заключаютъ никакого ограниченія относительно права жены распоряжаться своимъ имуществомъ. Какъ справедливо замѣчаетъ проф. *Сергіевичъ* (*op. cit.*, I. c.), основаніе это трудно принять. Въ памятникахъ дѣйствительно не говорится объ ограниченіи правъ жены, но на молчаніи древнихъ памятниковъ нельзя строить никакой теоріи, такъ какъ они не исчерпываютъ своего предмета. Въ церковномъ уставѣ *Владимира Святаго* въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ церковному суду, упоминается „пошибаніе между мужемъ и женою о животѣ“, то-есть, споръ между мужемъ и женою о движимостяхъ. Какъ же духовенство рѣшало эти споры? Надо думать, что оно рѣшало ихъ по византійскому праву; а по византійскому праву мужъ былъ собственникомъ приданого, хотя и ограниченнымъ. Поэтому сомнительно, чтобы духовенство споры супруговъ о движимостяхъ рѣшало въ смыслѣ признанія за женою права неограниченнаго распоряженія своимъ движимостями“.

³⁾ *Дубакинъ*, Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленія Домостроя, С.-Пб., 1880, стр. 87—88.

между супругами руководствуется каноническими постановленіями, а при опредѣленіи имущественныхъ отношеній супруговъ прибѣгаетъ къ находящимся въ Кормчей источникамъ свѣтскаго византійскаго законодательства. Въ свою очередь, древнія обычно-правовыя положенія объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ нашли себѣ выраженіе въ Русской Правдѣ пространной редакціи, хотя, впрочемъ, и на этомъ памятникѣ, точно такъ какъ и на Псковской Судной Грамотѣ, отразились византійскія вліянія. Задача нашего изслѣдованія — указать положенія содержащихся въ Кормчей источниковъ византійскаго права объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, сравнить ихъ съ относящимися къ интересующему насъ вопросу статьями Русской Правды, а эти послѣднія съ положеніями права другихъ славянскихъ народовъ и, такимъ образомъ, опредѣлить византійскій и славянскій элементы нашего древнѣйшаго права, опредѣляющаго отношенія супруговъ по имуществу. Наконецъ, въ виду того, что въ примѣнявшихся у насъ памятникахъ греко-римскаго права содержатся двѣ принципиально различныя системы имущественнаго брачнаго права, мы постараемся выяснитъ, отдавала ли церковь преимущество одной изъ этихъ системъ передъ другой, а если нѣтъ, то какимъ образомъ эти противоположныя системы уживались рядомъ одна съ другой въ юрисдикціи церкви.

Изъ памятниковъ византійскаго законодательства, наиболѣе примѣнявшихся въ древней Россіи, какъ о томъ свидѣлствуетъ составъ древнихъ Кормчихъ, были: Эклога исаврійскихъ императоровъ и Прохиронъ Василія Македонянина. Первая содержится въ Кормчихъ подъ заглавіемъ „Леона Царя премудраго и Константина вѣрною Царю главизны о совѣщаніи обрученія и о брацѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ“¹⁾, а второй подъ заглавіемъ „Закона градскаго главы различны, въ 40 гранѣхъ“²⁾. Содержащееся въ Эклогѣ право рѣзко отличается отъ права Прохирона. Для того, чтобы понять это принципиальное различіе и его причины, необходимо не упускать изъ виду отношенія Эклоги съ одной стороны, а Прохирона съ другой къ Юстиніанову праву.

Римское право, изложенное въ сборникахъ Юстиніана, подверглось при примѣненіи на Востокѣ глубокимъ и нерѣдко принципиаль-

¹⁾ *Калачовъ*, О значенія Кормчей въ системѣ древняго русскаго права, Москва, 1860, стр. 20; Печатная Кормчая, глава 49 (Аа).

²⁾ *Ibid.*, стр. 21; гл. 48 (Аи).

ныхъ измѣненіямъ. Эти послѣднія совершались подъ вліяніемъ обычнаго права и правовыхъ воззрѣній различныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Восточной Римской имперіи. Процессъ подобнаго преобразованія римскаго права на Востокѣ начался очень рано, собственно говоря, еще до Юстиніана. Объ этомъ свидѣлствуетъ, напримеръ, составленный на Востокѣ въ Сиріи, въ концѣ V столѣтія (въ царствованіе Василиска [475—477]), юридическій сборникъ, дошедшій до насъ въ сирійскомъ, армянскомъ и арабскомъ переводахъ, и изданный Брунсомъ подъ заглавіемъ „Das syrisch-römische Rechtsbuch“. Изданіе Юстиніановыхъ сборниковъ не остановило этого процесса преобразованія. Обычай продолжалъ свою работу претворенія институтовъ римскихъ въ институты византійскіе. Ко временамъ исаврійскихъ императоровъ новая формація права имѣетъ уже опредѣленный обликъ и въ опубликованномъ около 740 года Львомъ Исавряциномъ законодательномъ памятникѣ, такъ называемой Эклогѣ, получаетъ уже полное признаніе. Въ самомъ заглавіи Эклоги, какъ оно читается по лучшимъ дошедшимъ до насъ манускриптамъ, указывается на то, что памятникъ этотъ содержитъ въ себѣ не только извлеченіе изъ сборниковъ Юстиніана, но и исправленіе законоположеній въ болѣе челоуѣколюбивомъ направленіи: καὶ ἐπιόρθωσις; εἰς τὸ φιλανθρωπότατον ἐκταθῆναι. Македонская династія стремится къ возвращенію къ чисто римскимъ началамъ Юстиніановыхъ сборниковъ, къ очищенію законовъ отъ примѣси обычнаго права. Работы въ этомъ направленіи и были предприняты уже при Василѣ Македонянинѣ. Между 870 и 879 годами изданъ былъ такъ называемый Ручной законъ (ὁ πρῶτος νόμος)¹⁾, а между 879 и 886 годами составленъ проектъ новой ручной книги законовъ, известной подъ названіемъ „повтореніе законовъ“—ἀπαναγωγή τοῦ νόμου. Въ то же время приступлено было къ сведенію на основаніи древнихъ указателей содержанія—indices—въ одинъ сборникъ содержанія дигестовъ, кодекса и новеллъ Юстиніана. Это колоссальное собраніе окончено было только въ царствованіе сына Василя, Льва Премудраго. Оно носитъ названіе „τὰ βασιλικά (νόμια)“, то-есть, царскіе (законы). Но возстановленное такимъ образомъ Юстиніаново право не побороло обычая. Обычай держался вопреки возстановленному Юстиніанову праву. Это непосредственно засвидѣлствовано въ новеллѣ второй Льва Пре-

¹⁾ *Вл. Соколовскій*, О характерѣ и значеніи Эпанактики, *Византійскій Временникъ*, т. I, вып. 1, стр. 19, С.-Иб., 1894.

мудраго. Въ новеллѣ LXXXV того же императора признается и одобряется одна только установленная *обычаемъ* юридическая норма.

Такимъ образомъ, право Эклоги должно быть признано дѣйствующимъ въ Византіи и *послѣ* возстановленія Юстиніанова законодательства въ Прохиронѣ и Василикахъ. Неудивительно, поэтому, что церковь приехала къ южнымъ славянамъ рядомъ съ Прохиономъ и Эклогу, и включила *оба* памятника въ славянскія Коричія. Право Эклоги, какъ мы увидимъ ниже, было ближе по духу къ славянскому праву. Вотъ почему мы и встрѣчаемся съ славянскими переработками Эклоги (Законъ судный людямъ). И у насъ въ Россіи Эклога рядомъ съ Прохиономъ помѣщается въ Кормичихъ.

Обращаемся теперь къ правоположеніямъ Прохиона и Эклоги, опредѣляющимъ отношенія супруговъ по имуществу. Изъ вышеназложеннаго явствуетъ, что право Прохиона, не смотря на то, что онъ изданъ почти на 140 лѣтъ позже Эклоги, *древнѣе* права, содержащагося въ этой послѣдней, такъ какъ въ Прохиронѣ сдѣлана попытка *возстановленія* Юстиніанова права.

Брачное и имущественное право Прохиона и Эклоги можетъ быть охарактеризовано въ слѣдующихъ общихъ чертахъ ¹⁾.

Юстиніаново право въ ученіи объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ въ значительной степени отклоняется отъ древнѣйшаго римскаго права. Въ древне-римскомъ правѣ объ особомъ имущественномъ правѣ супруговъ, какъ таковыхъ, не могло быть и рѣчи, такъ какъ имущество жены всецѣло переходило въ составъ имущества мужа, по отношенію къ которому жена становилась *filiae loco*: Полному господству мужа при такомъ порядкѣ вещей соотвѣтствовала безусловная его обязанность нести такъ-называемыя *onera matrimonii*. Въ свободномъ бракѣ позднѣйшаго времени, напротивъ того, супруги оказались независимыми другъ отъ друга какъ относительно своей личности, такъ и имущества: они разсматривались правомъ, какъ двѣ самостоятельныя, рядомъ другъ съ другомъ поставленныя личности, при чемъ, однако же, мужъ все-таки оставался обязаннымъ нести тягости брака. Видоизмѣненія этого основнаго положенія имѣли мѣсто, когда со стороны жены на время существованія брака устанавливалось приданое — *dos* (πρόξ), какъ вспомошествованіе къ покрытію издержекъ по хозяйству, или когда женѣ со стороны мужа давалась

¹⁾ Ср. *Zachariä von Lingenthal*, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, dritte Auflage, Berlin, 1892, Ss. 85 u. ff.

donatio ante nuptias, или когда, наконецъ, на случай расторженія брака между супругами, заключались особые договоры о томъ, что въ такомъ случаѣ должно было имѣть мѣсто относительно имущества того или другаго супруга. Христіанское воззрѣніе на бракъ должно было привести къ совершенно инымъ основаніямъ имущественныхъ отношеній супруговъ. Consortium omnis vitae, divini humanique juris communicatio ¹⁾ не можетъ имѣть исполнѣ мѣста безъ извѣстной общности имущества. Однако же законодательство вплоть до Юстиніана не разобралось въ новыхъ принципахъ, съ необходимостью вытекавшихъ изъ измѣненнаго воззрѣнія на существо брака. Эти новые принципы получили признаніе въ общественныхъ нравахъ и нашли выраженіе въ брачныхъ соглашеніяхъ и договорахъ. Законодательство же безъ опредѣленнаго направленія колобалось то въ ту, то въ другую сторону и только частично поспѣвало за направлениемъ, принятымъ общественной жизнью.

Юстиніаново право можетъ быть выражено въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ.

По общему обычаю имущество жены давалось мужу, какъ приданое, и только весьма рѣдко, такъ сказать, въ исключительныхъ случаяхъ, жена удерживала извѣстныя части имущества въ собственномъ распоряженіи (такъ называемое *parapherna, ἐξόφρονα*) ²⁾. Законъ, быть можетъ, объявилъ бы все собственное имущество жены приданымъ, еслибы тѣ случаи, когда у невѣсты было самостоятельное состояніе, не были рѣдкими исключеніями. Приданому мужъ обыкновенно противопоставлялъ извѣстную часть своего состоянія для той же цѣли (*antipherna, propter nuptias donatio*). Новеллою СХІХ это вмѣнено было мужу закономъ въ обязанность, при чемъ Юстиніанъ, смѣшивая, очевидно, равенство взносовъ съ общностью этихъ

¹⁾ Ср. Модестиново опредѣленіе въ l. 1 D. de ritu n. 23, 2, исполнѣ принятое христіанскою церковью.

²⁾ Съ подобнымъ же явленіемъ мы встрѣчаемся въ польскомъ правѣ, гдѣ жена во время брака могла имѣть, кромѣ приданнаго, еще и свое отдѣльное имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое; таковымъ имуществомъ, которое называлось *wurgawa*, она владѣла на правахъ полной собственности, но въ распоряженіи имѣ во время брака была нѣсколько ограничена въ томъ смыслѣ, что нуждалась въ согласіи мужа. Въ дѣлахъ по такимъ имуществамъ жена могла и искать передъ судомъ, но только въ сопровожденіи мужа (*assistentia maritalis*). Ср. *Александръ*, *op. cit.*, стр. 87; *Мацковский*, *Historja prawodawstw Słowiańskich*, t. II, стр. 219—220 (изд. 1-е), и т. III, стр. 81 (изд. 2-е); *Спасовичъ*, Полное собраніе сочиненій, т. III, стр. 117, 181.

послѣднихъ, постановилъ, чтобы величина *propter nuptias donatio* всегда равнялась величинѣ приданого. *Dos* и *propter nuptias donatio* составляютъ брачное имущество въ точномъ смыслѣ этого слова. Мужъ, какъ глава брачнаго сожительства, управляетъ и завѣдуетъ этимъ имуществомъ во время брака, но въ то же время онъ отвѣтствуетъ за это управленіе и ограничивается въ извѣстной степени относительно права распоряженія для того, чтобы брачный фондъ оставался неприкосновеннымъ. Если бракъ прекращается смертію одного изъ супруговъ, то существовавшая дотолѣ извѣстная общность имущества совершенно прекращается. Законъ предписываетъ вернуть приданого женѣ, ея отцу или ея наслѣдникамъ, а брачный даръ остается у мужа или у его наслѣдниковъ—такъ, какъ будто никогда не существовало общаго брачнаго имущества, а, напротивъ того, имущества мужа и жены были по принципу раздѣльны.

Впрочемъ, въ дѣйствительности эти положенія закона видоизмѣнились брачными соглашениями, посредствомъ которыхъ пережившему другому супругу, кромѣ его взноса въ брачное имущество, обезпечивалась еще извѣстная часть изъ взноса другого. Эти части подводятся подъ *lusca nuptialia* (γαμικὰ κέρδη) и составляютъ главный видъ этихъ послѣднихъ. Въ виду характера брачнаго имущества Юстиніанъ постановилъ относительно только что приведенныхъ договорныхъ правоотношеній:

1) Въ новеллѣ CXIX, с. 1, что подобно тому, какъ *dos* и *propter nuptias donatio* должны были быть устанавливаемы въ равныхъ количествахъ, такъ и выговоренная на случай бездѣтной кончины жены часть изъ *dos* должна была равняться выговоренной на случай бездѣтной смерти мужа части изъ *propter nuptias donatio* (ἵσα ἐπιδοσεις—ἵσα κέρδη).

2) Въ новеллѣ CLVII, с. 3, что пережившій другого супругъ при наличности дѣтей получаетъ изъ выговоренныхъ въ его пользу *lusca* только часть, равную частямъ, получаемымъ дѣтьми, остальное же имущество, составляя собственность дѣтей, находится только въ пользованіи у отца. При вступленіи во второй бракъ, вдовецъ утрачиваетъ въ пользу дѣтей отъ перваго брака право собственности и на означенную выше часть, сохраняя относительно этой послѣдней лишь лишь узуфруктъ.

Эклога исаврійскихъ императоровъ представляетъ существенныя отклоненія отъ Юстиніанова права. Въ ней развивается та идея, что посредствомъ брака и во время существованія этого послѣдняго воз-

никаетъ не только единеніе лицъ, но и имущество, извѣстная общность имущества, степень полноты которой зависить отъ того обстоятельства. прижиты ли въ бракъ дѣти, или нѣтъ ¹⁾). Въ первомъ случаѣ общность имущества продолжается и послѣ смерти одного изъ супруговъ, при чемъ пережившій другаго супругъ остается въ обладаніи общаго имущества, обнимающаго собой не только приданое жены, и propter nuptias donatio, но и все имущество супруговъ. При прекращеніи общности имущества пережившій другаго супругъ получаетъ не только обратно свой взносъ, но и приобретаетъ въ силу закона, безъ того чтобы для этого требовалось особое детальное согласіе или договоръ, извѣстныя iusga nuptialia. Положеніе Юстиніанова права о равенствѣ dos и propter nuptias donatio послѣдовательно устраняется Эклогой: она не требуетъ равенства взносовъ, а лишь равнаго права на обоюдное имущество, что и считаетъ единственно согласнымъ съ внутреннимъ существомъ брака. Что касается деталей, то при заключеніи брака мужъ долженъ письменно обязаться сохранить въ цѣлости полученное имъ приданое и то, что онъ назначилъ для приумноженія брачнаго имущества. При этомъ выговаривается на случай бездѣтной смерти, какъ iussum nuptiale, одна четвертая часть.

Ecloga, tit. II, c. γ:

Ἐγγραφὸς γάμος συνίσταται δι' ἐγγράφου προικῶς συμβολαίου ὑπὸ τριῶν ἀξιόπιστων μαρτύρων κατὰ τὰ παρ' ἡμῶν ἀρτίως εὐσεβῶς νομοθετούμενα, ὥστε ἐν αὐτῷ ὁμολογεῖν τὸν ἄνδρα τὴν τε ἐντελῆ τῆς προικῆς οἰκείωσιν, καὶ ἀδιάπτωτον καὶ ἀμείωτον αὐτῆς παραφυλαχὴν καὶ συντήρησιν, μετὰ καὶ τῆς ὡς εἰκὸς παρ' αὐτοῦ ἐν ἐπαυρῆσει ἀποχαρισθείσης αὐτῇ ποσότητος, ἐγγραφομένου ἐν τῷ παρ' αὐτοῦ ἐκτιθεμένῳ συμβολαίῳ χίσου ἐξ ἀπαίδιας μέρος τέταρτον.

Печатная Кормчая, зачатокъ второй, глава γ „О совѣщаніи брака написано“:

Написаныи бракъ составленъ есть, написаньемъ пристройнымъ образомъ, отъ трехъ достовѣрныхъ послухъ, по вzakоненныхъ имнѣ отъ насъ благочестивно, яко женѣ исповѣдати мужа совершенно, еже пристроя своеіе и несоблазненно, и несвершено ея сохраненіе и соблюденіе, и сколичествомъ, яже достойно отъ него со возвращеніемъ, отъ дану ему написаному отъ него па повелѣномъ ему образѣ отъ безчадства часть четвертую.

¹⁾ Такимъ образомъ, система имущественныхъ отношеній по Эклогѣ ближе подходитъ къ христіанской идеѣ брака, какъ ἡνωμένη μία ἐν δυνάμει προζώπων σάρξ (Ecl. tit. II, οβ, Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum, edidit Carolus Eduardus Zachariae a Lingenthal, Lipsiae, 1852). Ср. Гулаевъ, Предбрачный даръ въ римскомъ правѣ и въ памятникахъ византійскаго законодательства, Дерптъ, 1891, стр. IV, V, 183.

Какъ явствуется изъ приведеннаго мѣста, въ Эклогѣ не встрѣчается особаго термина для обозначенія взноса, дѣлаемаго мужемъ для увеличенія брачнаго имущества. Эклога какъ бы намѣренно избѣгаетъ термина „*προγαμία δωρεά*“, такъ какъ устранила необходимость соответствія *dos* и *ante nuptias donatio*, предоставляя мужу добровольно увеличивать брачное имущество. Только впоследствии взносъ этотъ сталъ называться иповоломъ¹⁾. Если бракъ расторгается смертью, то по Эклогѣ различается случай „безчадства“ отъ того случая, когда остаются отъ брака дѣти. Эклога регулируетъ эти отношенія въ главахъ 4—6 (δ'—ζ') титула II. Относительно бездѣтно умершей прежде мужа жены здѣсь постановляется слѣдующее.

Если случится женѣ умереть безъ дѣтей прежде мужа, то сей послѣдній да удержать четвертую часть всего выговореннаго имъ приданаго, а половину и четверть такого приданаго возвратитъ или наследникамъ по послѣдней волѣ ея или же наследникамъ ея, призываемымъ безъ завѣщанія.

Ecloga, tit. II, c. δ':

„Εἰ δὲ καὶ δεήσει τὴν γυναῖκα παίδων ἀνευ τοῦ ἀνδρός τελευτήσει, τετάρτην μοῖραν καὶ μόνον ἐκ πάσης τῆς ὡς εἴρηται ὁμολογηθείσης παρ' αὐτοῦ προικὸς εἰς ἴδιον κέρδος ἐκχραταῖν αὐτὸν καὶ τὸ ὑπόλοιπον ἡμισυτέταρτον μέρος τῆς τοιαύτης προικὸς ἢ εἰς τοὺς ἐκ τελευταίας αὐτῆς βουλήσεως κληρονόμους ἀποκαθίστασθαι ἢ εἰς τοὺς ἐξ ἀδιαθέτου καλουμένους αὐτῆς κληρονόμους ἀποδίδεσθαι.

Кормчая, зачатокъ второй, глава 4
„О наследіи хотящимъ, одному отъ нихъ безъ дѣтей умирающему“:

Аще ли влючится женѣ безъ дѣтей прежде мужа умереть, четвертую часть точно отъ всего якоже речено есть, исповѣданнаго отъ нея пристроя, въ своемъ приобрѣтеніи удержать ему, и прочее полчетвертыя части таковаго пристроя, къ наследникамъ выдати копечнаго ея общанія, или къ несо- вѣщаннымъ нарицаемымъ ея наслед- никомъ отдати.

Въ случаѣ, если мужъ вступаетъ во второй бракъ, онъ не получаетъ никакого *iussum nuptiale*, но долженъ выдать наследникамъ жены все приданое. Относительно бездѣтной смерти мужа Эклога постановляетъ, что жена получаетъ все брачное имущество и, кромѣ того, часть изъ остальнаго имущества мужа, равняющуюся четвертой части брачнаго имущества.

¹⁾ Техническій терминъ „*ὑπόβολον*“ соответствуетъ прежнему выраженію „*αντι- φερνα*“, какъ указываетъ Цахаріэ фонъ-Лингенталь. Ср. *op. cit.*, стр. 90.

Ecloga, ibidem:

Εἰ δὲ ὁ ἀνὴρ πρὸ τῆς ἰδίης γυναικὸς
 παίδων ἐκτὸς ἀποβιώσει, ὁμοίως πρὸς τῇ
 ἐντελεῖ ἀποκαταστάσει τῆς ὁμολογηθείσης
 αὐτῇ παρ' αὐτοῦ προκῶς καὶ τέταρτον
 μέρος πρὸς τὸ μέτρον τῆς τοιαύτης προκῶς
 ἐκ τῶν ἐγκαταλειφθέντων τοῦ ἀνδρὸς
 αὐτῆς παντοίων πραγμάτων ἐκ' ἐνόματι
 χάσου εἰς κέρδος οἰκίῳ λαμβάνειν αὐτήν,
 καὶ τὴν περιττωμένην ἀνδρῶν ἀπασαν
 αὐτῆς ἕκαστην ἢ εἰς τοὺς ἐκ τελευταίας
 αὐτοῦ βουλήσεως, ἢ εἰς τοὺς ἐξ ἀδιαθέτου
 αὐτοῦ κληρονόμους περιέρχεσθαι.

При наличности дѣтей все оставшееся послѣ одного изъ супруговъ имущество (не только брачное имущество, но и остальное имущество мужа и ἐξῶπροικια жены) остается въ рукахъ пережившаго супруга. Этому послѣднему принадлежитъ управление имуществомъ и домоправительство. Дѣти не могутъ требовать выдѣла материнскаго или отцовскаго имущества. Равнымъ образомъ, и супругъ, пережившій другаго, не можетъ уклониться отъ общности имущества со своими дѣтьми. Впрочемъ, по достиженіи всѣми дѣтьми, то-есть, и самымъ младшимъ изъ нихъ, совершеннолѣтія, оставшемуся въ живыхъ отцу или пережившей отца матери предоставляется по усмотрѣнію: либо продолжать общность имущества съ дѣтьми, либо же, взявъ предварительно то, что принадлежитъ имъ въ собственность, остальнымъ подѣлиться.

Если же пережившій супругъ вступаетъ во второй бракъ, то дѣтямъ предоставляется выборъ между продолженіемъ общности имущества съ родителемъ, или прекращеніе таковой. Если дѣти совершеннолѣтны, то въ томъ случаѣ, когда они потребуютъ прекращенія общности имущества, они получаютъ отъ отца *res maternas*, а отъ матери *res paternas*. Если же они еще не достигли совершеннолѣтія, то отецъ сохраняетъ за собой до наступленія этого послѣдняго управление имуществомъ, мать же должна испросить для дѣтей опекуна. Однимъ словомъ, пока единство семьи, созданное первымъ бракомъ, окончательно не уничтожено заключеніемъ новаго брачнаго союза и устроеніемъ новой семьи, между супругомъ, пережившимъ другаго, и его дѣтьми продолжается общность имущества.

Такимъ образомъ, Эклога стремится обосновать не только личный, но и имущественныя отношенія семьи на началахъ христіанскаго се-

мейнаго строя. Относящіяся сюда мѣста Эклоги и Кормчей гласятъ слѣдующее:

Ecloga, tit. II, c. 4.

Εἰ δὲ παίδων ὑπόντων ὁ ἀνὴρ πρὸ τῆς ἰδίας γαμετῆς τελευτήσει, τὴν γυναῖκα ἤγουν τὴν τῶν αὐτῶν τέκνων μητέρα ἐγκάτοχον τῆς τε προικῆς αὐτῆς καὶ ἀνδρῶς ἀπάσης ὑπάρξεως εἶναι, καὶ αὐτὴν τὴν πᾶσαν τοῦ οἴκου ποιεῖσθαι φροντίδα τε καὶ διοίκησιν, προδήλως δημοσίαν ἀναγραφὴν ποιουμένης αὐτῆς πάσης τῆς καταλιμπανομένης ὑπὸ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς παντοίας ὑπάρξεως τε καὶ περιουσίας, συγχειμένων ἐν τῇ τοιαύτῃ ἀναγραφῇ καὶ τῶν προικμαίων αὐτῆς πραγμάτων εἰ καὶ ὑπαισιν αὐτῇ, καὶ ἐν ἐξωπροικοῖς, ὀφειλοῦσης αὐτῆς τὰ ἐξωπροικα δεῖξαι δι' ἐνεργῶν συστάσεων, ὡς ταῦτα εἰσήγαγεν ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς καὶ φαίνονται μετὰ τὴν αὐτοῦ τελευτήν. μὴ δυναμένων τῶν αὐτῆς τέκνων ἀντικαθίστασθαι αὐτῇ ἢ ἐπιζητεῖν παρ' αὐτῆς πατρῶαν ὑπόστασιν, τοῦναντίον μὲν οὖν καὶ πᾶσαν τιμὴν καὶ ὑπακοὴν κατὰ τὴν τοῦ θεοῦ ἐντολὴν ὡς μητρὶ προσαγόντων αὐτῇ· προδήλως ὀφειλοῦσης αὐτῆς καθὼς πρέπει γονεῦσι τὰ τέκνα ἐκπαιδεύειν τε καὶ γαμοστολεῖν καὶ προικα ἐπιδιδόναι καθὼς ἂν βουλευθεῖη, εἰ δὲ συμβῇ αὐτῇ εἰς ἕτερον περιελθεῖν συνοικίσιον, ἄδειαν ἔχειν τὰ τέκνα αὐτῆς, παρεῖν αὐτῇν καὶ πάντα τὰ αὐτῶν πατρῶα πράγματα ἀνελλιπῶς κομίζεσθαι, τὴν εἰσενεχθεῖσαν παρ' αὐτῆς τῷ ἀνδρὶ αὐτῆς προικα καὶ μόνον σὺν τῇ ἀποχρησθεῖσθαι παρ' αὐτοῦ ἐν ἐπαυξήσει τῆς προικῆς αὐτῆς ἡμεῖς παρέχοντες αὐτῇ

Ecloga, ibid., cap. 5.

Εἰ δὲ παίδων ὑπόντων ἡ γυνὴ πρὸ τοῦ ἰδίου ἀνδρὸς τελευτήσει, τὸν ἀνδρα αὐτῆς ἤγουν τὸν πατέρα αὐτῶν ἐγκάτοχον τῆς τε προικῆς αὐτῆς καὶ τῆς ἐν ἐξωπροικοῖς πάσης αὐτῆς ὑπάρξεως εἶναι ὡς ὑπεξουσιῶν αὐτῷ τυγχάνοντων, καὶ αὐτὸν τὴν ἅπαντα

Кормчая, зачатокъ второй, глава „О наследіи одному еѡ умирающу дѣтемъ сущемъ, и о входящихъ во второе совокупленіе“:

Аще ли дѣтемъ сущемъ, прежде своея жены мужъ умретъ, и женѣ, рекше тѣхъ матери содержателю, пристрою же ея и мужня имѣнія всего быти, и сею все дому сотворити. печаль же, людское явѣ строеніе, написаніемъ творящее; рекше своего же и оставляющагося отъ мужа ея яже всяко имѣяше богатство, съ лежащимъ на такоуѣмъ написаніи, и пристроенныхъ ея вещей. Аще ли суть ея вѣнѣ пристроя, должнѣ сущи ея вѣнѣшнюю пристрою показати дѣмъ совѣщанными, яко сія внесе въ домъ мужа своего, и являются по умертвіи его, яко немоущимъ ея чадомъ противитися ей, или взыскати у нея отчи останки: противу убо всю честь и послушаніе, по Божіей заповѣди яко матери приносити ей, явѣ должни сущи, якоже подобаетъ родителемъ чада казати же, и брачными ризами украшати, и пристрою поля якоже хоцетъ. Аще ли сключится оя во ипо сочетаніе пріяти, и лѣтъ есть чадомъ ея отнустяти ея, и вся отчи имѣ вещи безъ оскудѣнія пріимати. принесеную же пристрою отъ нея ко отцу ихъ, точію споданую отъ него пристрою ея, возвращеніемъ въ дары по давшю оставити ей.

Кормчая, тамъ же:

Аще ли дѣтемъ сущемъ, жена прежде мужа своего умретъ, рекше отцу чадомъ содержателю пристроенія, и всего ея имѣнія быти, яко подвластію ихъ сущимъ, и тому всю печаль, дому строеніе, не могущимъ ча-

τοῦ οἴκου ποιεῖσθαι φροντίδα τε καὶ διοίκησιν, μὴ δυναμένων τῶν τέκνων αὐτοῦ ἀντικαθίστασθαι αὐτῷ ἢ ἐπιζητεῖν παρ' αὐτοῦ μητρῶν ὑπόστασιν, τοῦναντίον μὲν οὖν καὶ πᾶσαν τιμὴν καὶ ὑπακοὴν καθὼς ἀρμόζει γονεῦσι προσαγόντων αὐτῷ κατὰ τὸ γεγραμμένον· ἐν ἔργῳ καὶ λόγῳ τιμα τὸν πατέρα σου καὶ τὴν μητέρα σου ἵνα ἐπλήθῃ σοι εὐχὴ παρ' αὐτῶν ¹⁾ εὐχὴ γὰρ πατρὸς στηρίζει οἴκους τέκνων, κατὰρα δὲ μητρὸς ἐκρίζοι θεμέλια· δι' αὐτῶν γὰρ ἐγενήθησαν, καὶ τί ἀνταποδώσουσιν αὐτοῖς, καθὼς αὐτοὶ ἔτε νοῖς; ταῦτα γὰρ βεβαίῳν καὶ Παῦλος ὁ ἀπόστολος ἔφη, τὰ τέκνα ὑπακούετε τοῖς γονεῦσιν ὑμῶν ἐν κυρίῳ· τοῦτο γὰρ ἐστὶ δίκαιον· οἱ γονεῖς μὴ παροργίζετε τὰ τέκνα ὑμῶν, ἀλλ' ἐκτρέφετε αὐτὰ ἐν κυρίῳ καὶ νοθεσίᾳ κυρίου, εἰ δὲ συμβῆ αὐτῶν εἰς ἕτερον περιελθεῖν συνοικεῖσιν τῶν τέκνων αὐτοῦ ἀνηλικίων τυγχανόντων, ἀμείψατε παρ' αὐτῶν τὰ μητρῶνα αὐτῶν φυλάττεσθαι πράγματα· εἰ δὲ τῆς ἐνότητος ἡλικίας ταῦτα ὑπάρχουσιν, εἰ θελήσουσιν, ἀδιασκέπτως τὰ τοιαῦτα αὐτῶν πράγματα παρέχεσθαι αὐτοῖς ²⁾.

Ecloga, *ibid.*, с. ζ':

Εἰ δὲ θελήσει ἐκ τοῦ ἀνδρογόνου εἶτε ὁ ἀνὴρ εἶτε ἡ γυνὴ χωρὶς δευτερογαμίας ἐκ τῶν ἰδίων τέκνων ὑπαναχωρῆσαι, ἀνηλικίων αὐτῶν τυγχανόντων, μὴ ἔχειν αὐτοῦς ἀδειαν τοῦτο πράξειν, ἀλλὰ τὴν αὐτῶν ποιεῖσθαι φροντίδα τε καὶ διοίκησιν, καθὼς εἶπεν ὁ ἀπόστολος· ὅτι χήρα ἔχουσα τέκνα ἢ ἔγγονα μανθανέτω πρῶτον τὸν ἴδιον οἶκον εὐσεβεῖν· τοῦτο γὰρ ἐστὶν ἀπόδεκτον ἐνώπιον τοῦ θεοῦ, εἰ δὲ τῶν ἐντελῶν χρόνων εἰσὶ τὰ τέκνα καὶ εἰς βίον περιήλθον καὶ δύνανται τὴν ἰδίαν διοίκησιν ποιεῖν, καὶ θελήσει τις ἐκ τῶν γονεῶν ἀναχωρῆσαι ἐξ αὐτῶν, ἐκ' ἀδειας ἔχειν τὸ

домъ противитися ему, или взыскати отъ него матерне наслѣдіе: но противу тому убо и всяку честь и послушаніе, якоже подобаеть родителема, творящимъ ему по писаніюму, дѣломъ и словомъ, чти отца твоего и матери твою, да приидеть ти молитва отъ нею ¹⁾. молитва бо отча утверждаетъ домъ, клятва же матерня искореняеть до основанія. тѣма бо пороженя быша, и что има воздаста, якоже они имъ. сія бо извѣстудя, и Павелъ апостолъ рече, чада послушайте родители вашихъ, то бо есть праведно. и родители не раздражайте чадъ вашихъ, но воспитывайте я въ наказаніи и учении Господни. аще ли ключитца ему приити во ино сочетанію, и чадомъ ого по возрастнимъ, не разрушомы у него матерни ихъ хранити вещи. Аще ли въ законѣи возрастѣ сіи будутъ, и ходять безъ смотренія, таковыя ихъ продаяти вещи ²⁾.

Кормчая, тамъ же:

Аще ли восхоцеть отъ малъжену, или мужъ или жена безъ втораго брака отъ своихъ чадъ отъити не имущихъ возраста, нѣсть имъ лѣтъ того сотворити: но творити тѣхъ нечаль же и прилѣжаніе: якоже рече апостолъ. яко вдовицы имущия чада, или внучата, да навькнутъ первіе свой домъ благочестити, се бо есть пріятно, и предъ Богомъ. аще ли суть въ возрастѣ, и суть совершени въ житіе придоша, и могутъ свое строеніе творити, и хоцеть кто отъ родитель отъити отъ нихъ, то лѣтъ есть

¹⁾ Здѣсь и ниже приводится религиозное обоснованіе имущественнаго и личнаго строя христіанской семьи.

²⁾ Нельзя не обратить вниманія на значительное отступленіе Кормчей отъ соответствующаго текста Эклоги въ данномъ мѣстѣ.

τοιούτου πρόσωπον μετὰ τὴν τῶν ἰδίων πραγμάτων ἐγκράτειαν καὶ ἐνὸς παιδὸς μοῖραν λιπβάναιν αὐτὸν πρὸς τὸν ἀριθμὸν τῶν τέκνων.

такому лицу соудержаніемъ вещи единаго дѣтища часть пріяти, противу числу чадъ.

Если мы теперь обратимся къ правоположеніямъ, содержащимся въ Русской Правдѣ, то мы замѣтимъ, что эта послѣдняя въ *извѣстной степени* воспроизводитъ положенія Эклоги. Подобно этой послѣдней, Русская Правда непосредственныхъ постановленій о судьбѣ брачнаго имущества во время существованія брака не содержитъ, интересуясь, такъ сказать, судьбою этого имущества послѣ смерти мужа. О судьбѣ же брачнаго имущества во время брака мы узнаемъ изъ Русской Правды, точно также какъ и изъ Эклоги, только косвенно, а именно изъ тѣхъ постановленій, которыя говорятъ о судьбѣ брачнаго имущества послѣ прекращенія брака. Изъ статьи 95-й Троицкаго списка мы узнаемъ, что въ составъ брачнаго имущества входила „своя часть жены“, то-есть, ея приданое, а изъ статьи 88-й и той же 95-й, что въ составъ этого имущества входила еще и часть, „что на ню мужъ возложилъ“, другими словами говоря—„propter nuptias donatio ¹⁾“. Это брачное имущество, которое послѣ смерти мужа отличается отъ его задницы, находилось, безъ сомнѣнія, во время брака въ его управленіи. Это вытекаетъ изъ слѣдующаго соображенія: изъ случаевъ переживанія однимъ супругомъ другаго Русская Правда разсматриваетъ только тотъ, когда *жена* переживаетъ мужа. Случай же, когда мужъ переживаетъ жену, Правдой не разсматривается, такъ какъ предполагается, что мужъ съ самаго начала брака и до конца своей жизни является правителемъ дома и управителемъ брачнаго имущества, оставаясь таковымъ вплоть до своей смерти, хотя бы жена и умерла ранѣе его. Но, если вдовецъ вступалъ въ новый бракъ, онъ уже не имѣлъ полной власти надъ имуществомъ первой жены: ему принадлежало только право управленія этимъ

¹⁾ Не безынтересенъ примѣръ, приводимый *Ермиленко* (Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи, 1873, стр. 79), какъ свидѣтельство живучести вліянія византийскихъ началъ на юридическую конструкцію имущественныхъ отношеній супруговъ. Холмогорецъ Феодоръ Якимъ въ 1711 году, возставая противъ иска тещи своей о выдачѣ ей приданого ея умершей дочери, а своей жены, упоминаетъ „брачнаго своего дара два полотенца“, чтѣ, по мнѣнію Сергѣевича, является, конечно, propter nuptias donatio (ср. *Сырмеичъ*, *op. cit.*, стр. 278).

имуществомъ, а по смерти его оно поступало къ дѣтямъ отъ первой жены ¹⁾).

Далѣе, Русская Правда на случай, если жена переживетъ мужа, и останутся дѣти отъ перваго брака мужа съ нею, постановляетъ, что жена беретъ прежде всего свое приданое (этого, впрочемъ, въ Правдѣ прямо не говорится, но это съ необходимостью вытекаетъ изъ того, что въ томъ имуществѣ, которое идетъ дѣтямъ отъ первой жены, упоминается приданое этой послѣдней). затѣмъ *propter nuptias donatio*, а остальнымъ мужнинымъ имуществомъ дѣлятся съ дѣтьми, при чемъ слѣдующую ей часть беретъ у своихъ дѣтей. Кромѣ того, дѣти отъ первой жены удерживаютъ до раздѣла приданое своей матери и данную ей отцомъ *propter nuptias donatio*. Такъ, кажется, слѣдуетъ толковать ст. 88-ю Троицкаго и ст. 106-ю Карамзинскаго списка (содержащую болѣе пространную редакцію того же положенія, которое выражено въ 88-й ст. Троицкаго списка) ²⁾. Вотъ эти статьи.

Ст. 88-я Троицкаго списка:

Аще жена сядеть по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужъ възложитъ, тому же есть госпожа, а задница ей мужи не надобѣ; будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмутъ дѣти матери своеи, любо си на женоу будетъ възложилъ, обаче матери своеи возмутъ.

Ст. 106 Карамзинскаго списка:

Аще жена сядеть по мужи, то дати ей часть, а оу своихъ дѣтемъ взити часть, а что на ню мужъ възложитъ, тому же есть госпожа, а задница он мужни не надобѣ; боудутъ ли дѣти, то что первои жены, то то возмутъ дѣти матери своеи, любо си на жепу боудеть възложилъ, обаче матери своеи возмутъ.

Наконецъ, Русская Правда предвидитъ и тотъ случай, когда жена, пережившая мужа, „ворчется сѣдѣти по мужи“ и будетъ продолжать общность имущества съ дѣтьми, то-есть, будетъ управлять всѣмъ движимымъ (добыткомъ) и недвижимымъ имуществомъ, и затѣмъ, „ростерявъ добытокъ, пойдетъ замужъ“. При томъ, если вдова не выходила вторично замужъ, она оставалась полною хозяйкою дома и главою мужнина семейства:

¹⁾ *Алексеевъ*, *op. cit.*, стр. 57.

²⁾ Ср. также и синописъ *Калачова* къ его сочиненію: „Предварительныя юридическія сѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“, С.-Петербургъ, 1880, стр. 168, ст. LXIII. Цитаты сдѣланы по изданію *Калачова*: „Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій“, Москва, 1847.

„Ажели будутъ у мужа въ дому дѣти малы, а не дѣжи ся, будутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужъ, то токмо имъ ближеи будутъ, тому же дати ихъ на руцѣ и съ добыткомъ“¹⁾, слѣдовательно, если вдова не вступала въ новый бракъ, къ ней не назначалось ни опекуновъ, ни попечителей: она оставалась хозяйкою всего дома и владѣтельницею всего имущества покойнаго мужа; дѣти не могли ни владѣть, ни распоряжаться этимъ имуществомъ, не могли предъявлять противъ нея никакихъ требованій, и еслибы дѣти (разумѣется, взрослые) не захотѣли жить съ нею, то не она должна была выйти изъ мужаина дома, а дѣти должны были уступить ей²⁾. Но лишь только она вступала въ новый бракъ, между нею и дѣтьми ея тотчасъ начинались юридическія отношенія по отцовскому имуществу: она обязана была отдать его дѣтямъ, потерянное возвратить.

Ст. 95-я Троицкаго списка:

Аже жена ворчется сѣдѣти по мужъ, а ростеряетъ добытокъ и поидеть за мужъ, то платити ей все дѣтемъ; не хотѣти ли начнуть дѣти ей ни на дворѣ, а она начнетъ всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю, а дѣтемъ не дати воли, но что ей далъ мужъ, съ тѣмъ же ей сѣдѣти, или свою часть взявшо сѣдѣти же.

Ст. 113-я Карамзинскаго списка:

Аще жена оборчется сѣдѣти по мужѣ, а ростеряетъ добытокъ, а поидеть за мужъ, то платити емоу (въ друг. сп. ей) все дѣтемъ; не хотѣти ли ей начнуть дѣти ни на дворѣ, а она начнетъ всяко сѣдѣти воскоцетъ за дѣтьми, то сѣтворити всякоу волю ея, а дѣтемъ не дати воли; но что ей далъ мужъ, съ тѣмъ же ей и сѣдѣти съ дѣтьми, или свою часть взявшо сѣдѣти же³⁾.

¹⁾ *Калачовъ*, *op. cit.*, стр. 171, ст. LXVIII.

²⁾ *Александръ*, *op. cit.*, стр. 44. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 42) Александръ говоритъ: „Въ законахъ прежняго времени говорится преимущественно о правѣ наслѣдованія бездѣтной вдовы, потому что если у нея были дѣти, то вдова-мать обыкновенно оставалась въ общемъ владѣніи съ дѣтьми, жила вмѣстѣ съ ними и пользовалась всѣмъ имуществомъ умершаго мужа, не требуя, чтобы ей выдѣлена была какая либо часть изъ него. Выдѣлъ же указанной части выступалъ главнымъ образомъ тогда, когда у жены отъ покойнаго мужа не осталось дѣтей, или когда они остались, но она не захотѣла жить вмѣстѣ съ ними, тогда именно являлся вопросъ: дать ли ей что нибудь изъ имущества мужа, или нѣтъ; а если дать, то что именно? Разрѣшить его было дѣломъ закона“. Приведенныя мѣста прядь ли могутъ служить, по нашему мнѣнію, подтвержденіемъ категорически высказаннаго положенія: „у славянъ русскихъ никогда не было общности имущества супруговъ“ (*Александръ*, стр. 12). Ср. выше, стр. 3, примѣчаніе ***).

³⁾ Ср. *Калачовъ*, *op. cit.*, стр. 173, ст. LXX.

Какъ видно изъ приведенныхъ статей, Русская Правда, подобно Эклогѣ, ставитъ прекращеніе общности имущества въ зависимость отъ вступленія вдовы-матери во второй бракъ; въ противномъ случаѣ продолженіе общности имущества всецѣло зависитъ отъ воли матери ¹⁾.

Обратимся къ другому памятнику нашего древняго законодательства—къ Псковской Судной грамотѣ. Эта послѣдняя, подобно Русской Правдѣ, ставитъ въ статьяхъ 88-й и 89-й прекращеніе общности имущества въ зависимость отъ вступленія пережившаго супруга во второй бракъ, разсматривая случаи переживания какъ мужемъ жены, такъ и женой мужа. Псковская Судная грамота слѣдуетъ, какъ говоритъ Алексѣевъ ²⁾, *общественному обычаю*, по которому мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа признавались хозяевами всего оставшагося имущества до конца жизни или до вступленія въ новый бракъ. По Псковскому закону жена послѣ смерти мужа также получала все его имущество какъ движимое, такъ и недвижимое, не въ полную, разумѣется, собственность, а только въ пожизненное владѣніе, или до выхода замужъ. Въ послѣднемъ случаѣ жена должна была возвратитъ это имущество наслѣдникамъ мужа; грамота предоставляетъ родственникамъ мужа право иска противъ вдовы.

Ст. 88 ³⁾: А оу которого челоуѣка помреть жена, безъ рукописанія, а оу ней останеца отчина, ино мужу ея владѣти тою отчиною до своего живота, только не оженится; а оженится, ино корми ему нѣтъ.

Ст. 89: А оу которой жены мужъ помреть безъ рукописанія, и

¹⁾ Здѣсь, какъ и ниже, рѣчь идетъ все о томъ случаѣ, когда мужъ живетъ уже отдѣльно отъ своего семейства, то-есть, когда онъ уже имѣетъ свое собственное, отдѣльное хозяйство; ибо, въ противномъ случаѣ, то-есть, когда мужъ еще не отдѣленъ отъ своего семейства, бездѣтная вдова не могла пользоваться имуществомъ послѣ мужа, а она или родственники ея могли потребовать только приданого, которое можно было искать даже судомъ: „А у кого помреть сынъ, (не отдѣленный), а невѣстка останеца, да учнетъ на свекри, или на дѣвери, скрути (приданого) своеи искати, или платяъ своего, ино свекру, или дѣверю, отдать платяъ, или скрути. А чѣмъ невѣстка клевететь (то-есть, если будетъ требовать болѣе того, что ей слѣдуетъ), ино свекру, или дѣверю, воля, чимъ хочеть, хочеть самъ поцелуетъ крестъ, или у креста невѣсткѣй подожитъ: чимъ учнетъ клеветати“. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ вдова получала свое приданое, и ничего болѣе. *Алексѣевъ*, *op. cit.*, стр. 47.

²⁾ *Алексѣевъ*, *op. cit.*, стр. 46.

³⁾ Цитаты сдѣланы по *Владимірскому-Буданову*, „Христоматія по исторіи русскаго права“.

останется отчина, или животь, ино женѣ ею кормится до своего живота, толко не пойдетъ замужъ, а пойдетъ замужъ, ино ей нѣтъ.

Стр. 90: А оу которого челоуѣка помреть жена, а мужъ ея оженится, і ження мать, или сестра, или иное племя, а имуть искать платья; ино мужъ ея, право по души, платья отдатьъ, а на останки мужеву о жепни платья и цѣлованья нѣтъ. Такожъ коли мужъ помреть, а имуть моужня платья на женѣ его отецъ его, или братья, иное и отдатьъ платья право по души, что оу него останется; а на останки женѣ въ мужни платьи целованія нѣтъ.

Такимъ образомъ, и Псковская Судная грамота заимствуетъ свои положенія изъ Эклоги, хотя и не дѣлаетъ различія между случаемъ бездѣтной кончины одного изъ супруговъ и случаемъ переживанія однимъ супругомъ другаго при наличности дѣтей. Замѣчательно, что по Псковской Судной грамотѣ разъ установившаяся въ силу совершенія брака общность имущества остается нерушимой послѣ смерти одного изъ супруговъ даже при отсутствіи дѣтей.

Заимствуя, такимъ образомъ, свои положенія изъ памятниковъ греко-римскаго законодательства, главнымъ образомъ изъ Эклоги исаврійскихъ императоровъ, памятники древнѣйшаго русскаго права не остаются, однако же, и чужды вліянія древне-русскаго обычнаго права, положившаго свою своеобразную печать на редакцію тѣхъ заимствованныхъ положеній, съ которыми мы встрѣчаемся въ Русской Правдѣ и въ Псковской Судной грамотѣ. Византійское право дѣйствовало на жизнь русскаго общества мало-по-малу. Духовенство, пожалуй, не прочь было ввести греческія узаконенія сразу, но жизнь говорила свое: старые обычая упорно отстаивали свое существованіе, и потому дѣйствіе это совершилось не безъ борьбы. Какъ примѣръ того, на сколько трудно было подчасъ идти противъ народныхъ обычаевъ, можно указать хотя бы то обстоятельство, что Владиміръ, отмѣнившій, подъ вліяніемъ духовенства, право мести за обиды, за которыя на основаніи Градскаго закона полагалась смертная казнь, впоследствии, по совѣту того же самаго духовенства, согласился на возвращеніе къ прежнему обычаю, то-есть, къ праву мести. Какъ мы видѣли выше, положенія Эклоги повторены нашими древними памятниками далеко не буквально, а, напротивъ того, подверглись какъ въ Русской Правдѣ ¹⁾, такъ и въ особенности въ Псковской

¹⁾ Заключающей въ себѣ, какъ говоритъ *Розенкампфъ* (Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, С.-Пб., 1839, стр. 144), постановленія, основанныя на древнѣйшихъ народныхъ обычаяхъ.

Судной грамотѣ нѣкоторымъ, подчасъ значительнымъ и весьма существеннымъ, измѣненіямъ. Съ другой стороны, правоположенія, заключающіяся въ Русской Правдѣ и въ Псковской Судной грамотѣ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, весьма близко подходятъ къ таковымъ же Литовскаго Статута, воспроизводящаго, какъ то несомнѣнно доказано рядомъ изслѣдованій Раковецкаго, Лелевеля и Мацѣвскаго и др.¹⁾, древнѣйшее западно-русское *обычное* право; равнымъ образомъ вышеприведенныя правоположенія весьма близко подходятъ къ положеніямъ другихъ славянскихъ правъ. Мы не задаемъ себѣ цѣлью представить въ настоящемъ очеркѣ сравнительное изслѣдованіе нашего вопроса въ правѣ всѣхъ славянскихъ народовъ, но считаемъ небезынтереснымъ привести нѣкоторыя указанія для иллюстраціи нашего мнѣнія.

Раздѣльность имуществъ супруговъ въ Польшѣ, говоритъ Алексѣевъ²⁾, есть явленіе уже позднѣйшаго времени (XIV—XVI стол.). Въ отдаленной древности общность существовала не только въ нѣкоторыхъ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ областяхъ: ибо чѣмъ, напримеръ, объяснить существовавшій во многихъ мѣстностяхъ древней Польши обычай, по которому сыновья послѣ смерти матери получали отъ отца половину всего какъ отцовскаго, такъ и материнскаго имущества, какъ не сляніемъ имуществъ ихъ отца и матери въ одно цѣлое? Еслибы не было общности имуществъ супруговъ, то по смерти матери они получали бы только материнское имущество, между тѣмъ какъ имъ давалась половина всего принадлежащаго обонимъ супругамъ имуществу.

Еще привилегіей Ягайла 1387 г. и земскою грамотой Казимира Ягеллона 1457 г. подтверждено для литовскихъ бояръ древнее правило, что жена остается въ имѣніи мужа до своей смерти или до вступленія въ новый бракъ³⁾. То же правило, хотя и видоизмѣненное послѣдующими узаконеніями, находится и въ Литовскомъ Статутѣ, а именно: жена, пережившая мужа, остается въ его имѣніи до вступленія во второй бракъ или до достиженія дѣтymi совершеннолѣтія. Статутъ (ред. 1529 г.) подробно излагаетъ относящіеся сюда право-

¹⁾ См. *Латкинъ*, Лекціи по ви́шней исторіи русскаго права, С.-Пб., 1890, стр. 116—119, гдѣ приводится мнѣніе *Леснотвича* въ доказательство того же положенія.

²⁾ *Алексѣевъ*, *op. cit.*, стр. 69 и 104.

³⁾ *Спасовичъ*, *Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древне-польскому праву*, Полное собраніе сочиненій, т. III, стр. 149.

положенія въ раздѣлѣ четвертомъ „О поглавля женскомъ“. Въ правѣ польскомъ, по мнѣнію Спасовича ¹⁾, до конца XI вѣка имущество жены терялось въ общей массѣ семейной собственности; жена участвовала въ обладаніи этой собственностью совокупно и нераздѣльно вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми. Хотя Спасовичъ и указываетъ, что система эта имущественныхъ отношеній между супругами и меркнетъ постепенно подъ вліяніемъ новыхъ гражданскихъ и государственныхъ отношеній, тѣмъ не менѣе слѣды ея уловимы даже въ законодательствѣ XIV столѣтія. Такъ, какъ можно заключить изъ постановленій Вислицкаго и Вартскаго статутовъ, вплоть до изданія этихъ послѣднихъ, вдова съ дѣтьми оставалась пожизненно въ нераздѣльномъ владѣніи всѣмъ имуществомъ своего умершаго мужа. Вартскій Статутъ, неодобрительно къ этому относящійся, говоритъ:

„Ad abolendam damnosam consuetudinem quae hactenus inter subditos nostros, solum ex communi usu servabatur, quod uxor, marito mortuo, in sede viduali remanens, omnia bona possidebat, propter quod nonnulla bona pueris vel proximioribus annihilabantur et desolabantur“...

И въ чешскомъ правѣ мы встрѣчаемъ указаніе на то, что во главѣ общаго имущества, послѣ смерти мужа, стояла жена вплоть до своей смерти, если оставались только дѣти женскаго пола, или до совершеннолѣтія дѣтей мужскаго пола при наличности этихъ послѣднихъ ²⁾.

Изъ только что изложеннаго явствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, почему Эклога въ своихъ положеніяхъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ получила преобладаніе надъ Прохирономъ ³⁾ въ древней Руси: начала Эклоги въ этомъ отношеніи ближе къ основнымъ положеніямъ *обычнаго* права славянства, чѣмъ начала Прохирона. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что и положенія этого послѣдняго, основанныя на раздѣльности имущества между супругами, получали иногда примѣненіе въ древней Руси. По словамъ проф. Сер-

¹⁾ Спасовичъ, *op. cit.*, I. c., p. 136—137.

²⁾ Jireček, *Das Recht in Böhmen und Mähren*, Prag, 1865, Bd. I, S. 150 (Abtheilung II).

³⁾ О степени примѣненія памятниковъ греко-римскаго права вообще и Эклоги въ особенности у народовъ славянскихъ ср. *R. Hube*, *O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-bysantyjskiego u narodow słowiańskich*, Warszawa, 1868, *passim*, pag. 88 et seqq.

гѣевича ¹⁾, имѣются указанія отъ XIV и XV вѣковъ, что имущества супруговъ были раздѣльны, и жены продавали свои земли мужьямъ. Но это объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что древность очень часто примѣняла противоположныя юридическія положенія, не сознавая ихъ принципиальнаго различія. Тѣмъ не менѣе, случаи примѣненія Прохирона въ *земскій* періодъ слѣдуетъ считать исключительнымъ, господство же началъ Эклоги—общимъ явленіемъ. По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, общность семейнаго имущества (а таковая является принципомъ Эклоги) преобладаетъ надъ началомъ раздѣльности даже и въ *московскій* періодъ ²⁾, хотя, какъ свидѣлствуютъ статьи о святительскихъ судахъ, собранныя по повелѣнію патріарха Адріана ³⁾, положенія какъ Эклоги, такъ и Прохирона пользовались *одинаковымъ* признаціемъ въ церковныхъ судахъ.

Ф. Пергаментъ.

¹⁾ Op. cit., стр. 281.

²⁾ Op. cit., стр. 386.

³⁾ *Балачогъ*, О значеніи Кормчей, приложение IV, стр. 11.

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

I.

Сочетаніе *су* съ предыдущимъ гласнымъ вполнѣ обычно въ русскомъ литературномъ языкѣ, и мы говоримъ постоянно *лоушка*, *си-суха*, *исушка*, но лишь тогда, когда передъ нами слово съ вполнѣ ясной этимологіей. Какъ скоро мы имѣемъ дѣло съ словомъ, не имѣющимъ въ нашемъ словарномъ матеріалѣ особенно близкихъ родичей, вмѣсто *су*—является *у*:

закоулокъ, южно-великорусское коулокъ=уголокъ, тупикъ; сравни заковыка, ковычка, ковылять, ковырять;

оплеуха, сравни плевать, плевокъ;

плауць, плауново сѣмл. сравни плавати и т. п.;

прибаутка, сравни забаса и т. п.

Великорусскіе говоры, если не всѣ, то значительное большинство, имѣютъ *у* вмѣсто *су* гораздо чаще, чѣмъ литературный языкъ. Подмосковное (а равно и московское вульгарное) произношеніе: дѣушка, сорокоушка (=сороковка, сороковая часть ведра), Леухинъ (фамилія, корень лѣв—), Лоушкинъ (фамилія), Голоульниковъ (фамилія), церковь Воскресенія Слоущаго; но: *реву*, *живу*, *противу*положный и т. п. О произношеніи другихъ говоровъ мы имѣемъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Словарь Даля и кое-какіе другіе источники сообщаютъ намъ данныя изъ разныхъ мѣстъ великорусской области, но въ маломъ количествѣ: баутка (прибаутка), баушка (игрушка), бокоуша (боковая комната), ваула (заяка). ваулить (мямлить)¹⁾, вѣкоуша (старая дѣвушка), дѣушка, каунъ (ар-

¹⁾ Отъ собственнаго имени Вавула=Вавила; сравни фофанъ (простака) и другія.

бузь), косоуля (косовая лодка), косоуръ (косая дуга), лоуха, лоушка (ловушка), пѣузь (пѣтухъ). „Списки населенныхъ мѣсть“ и разные случайные источники заключаютъ въ себѣ большее количество данныхъ. мѣстныхъ названій: Ваулино, Новгородской губернии, Дѣулино, Московской, Дѣушева, Казанской, Крѣулино, Московской, Тверской, Крѣуха, Тверской, Крѣуша, Владимирской, Рязанской, Калужской, Крѣушино, Московской, Крѣушево, Костромской, Лоухина, Орловской, Лоушина, Смоленской, Лѣушино, Лѣушки, Лѣушиха, Костромской, Лѣушино, Лѣушкино, Лѣунино, Вологодской, Лѣушиха, Владимирской, Лѣухово, Нижегородской, Плаутино, Костромской, Пѣутово, Московской, Реутово, Московской, Орловской, Ярославской, Костромской, Реуты, Вятской, Сѣуха, Костромской. Сравни фамилии разныхъ лицъ изъ разныхъ мѣсть: Гнѣушевъ, Крѣунъ, Плаутинь, Праутинь, Реутовъ.

Древніе памятники великорусскаго происхожденія, начиная съ XIV вѣка, даютъ намъ данныя относительно *у* вмѣсто *уу* не въ большомъ количествѣ, но въ нѣкоторомъ разнообразіи: Ваулы (=Вавилы), Евангеліе 1354 года 158 об., Евангеліе 1357 года 158 об., Евангеліе 1358 года 194, Евангеліе 1393 года 184 об.; зоуца, Евангеліе 1358 года 51 об., 56 об.; ко Исау брату. господени мосму Исау, Паремейникъ 1378 года 9; воду жиу, Синодальное Евангеліе XIV вѣка № 401 л. 18; ожиуть, жиуть, жиуще, жиушемъ, ноу (=нову), Марау (=Мораву), Пилатоу писанью (=Пилатову), устау, протиу, прозоуть, Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, стр. 8, 10, 11, 12, 13, 16, 25, 26, 49, 65, 98; триуну ему суцу, Коста триунъ сы (трибунъ), Сборникъ Ундольскаго XV вѣка № 1 л. 453 об., 454; позоууть, позоутся, грамота 1402 года (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I); реуть, названіе одного изъ московскихъ колоколовъ въ XVI—XVII вѣкахъ. Одинъ изъ этихъ памятниковъ относится къ концу XIII вѣка: Аристоуль, Пандекты 1296 года 151 об. (впрочемъ. въ Миней 1096 года, по изданію Ягича: Аристоула, стр. 218, 219).

Малорусскіе и бѣлорусскіе говоры не знаютъ *у* изъ *уу*, и ихъ памятники не представляютъ намъ никакихъ данныхъ (только: зоуца, Поликарпово Евангеліе 93). Само собою разумѣется, литературный языкъ и великорусскіе говоры какъ теперь, такъ и прежде не знаютъ вставки *е* передъ *у*: наукъ, пауть, паутина, паузокъ, межумокъ, карауль, каурый, тоурить, полоумный и т. п., хотя не безъ исключеній¹⁾.

¹⁾ Передъ *о* въ великорусскихъ говорахъ *е* не только сохраняется, но и

II.

Какъ извѣстно, буква *ш* въ русскомъ литературномъ языкѣ произносится какъ двойное (или долгое) мягкое *ш*, такъ что *щука* звучитъ: *шшюка*. Та же буква во многихъ великорусскихъ говорахъ произносится какъ двойное твердое *ш*: *шшюка*. а въ нѣкоторыхъ (немногихъ) какъ сочетание *шч*: *шчюка*. Древне-русскій языкъ (XI—XII вѣковъ) имѣлъ здѣсь также сочетание *шч*.

И литературный языкъ, и великорусскіе говоры не имѣютъ двойнаго *ш*, ни мягкаго, ни твердаго, передъ согласными; его мѣсто здѣсь занято простымъ твердымъ *ш*:

клевня у рака (древне-русское *кльщя), рядомъ съ клесть (название птицы). клеши, клещить;

плошка, посудина (древне-русское *площька: съ варницъ площокъ не емлютъ, московская грамота 1483 года у Иванова, Снимки. № 25; ни новоженныя кунцы, ни хмелевого доклада, ни площки, московская грамота 1473—1478 г. А.А.Э. I, 77), рядомъ съ плоскъ, площадь, площить; сравни польское областное *plaszka* клопъ;

плюшка, сдобный хлѣбецъ, рядомъ съ плющить;

пешня, ломъ для колки льда (древне-русское *пѣщя), рядомъ съ пестъ; „буравъ, снасть, пешня“, А. Юр. 93, 1579 года;

пригоршня, рядомъ съ горсть и древне-русскимъ пригръща (Житіе Θεодосія Печерскаго);

тошно, тошнить, рядомъ съ тоска и родственными; у Скорины: тошнить ми ся в животе моемъ дщерь деля хеттеовыхъ, Бытіе, 51;

дошка, сибирское, =доска (древне-русское *дъщя, въ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку), собственно—уменьшительное отъ доска, рядомъ съ великорусскимъ дощечка, старо-малорусскимъ дошка (Кассіанъ Саковичъ, „Вирши на честный погребъ“...), современными малорусскими дѣшка, дочка, бѣлорусскимъ дошка;

пльшка, название птицы (трясогузка), собственно—уменьшительное отъ пльска (то же);

радошной, сѣверо-великорусское, рядомъ съ радостной и съ древне-русскимъ радощѣ (имен. множ.);

охотно вставляется: Ларшонъ, Лесонъ, Семесонъ, фараонъ, Ефисоня, Лавр. сп. Отсутствие *е* передъ *о* мы видимъ только въ словѣ *кютъ*=животъ: въ *кютѣ*, на горы Араратъ съдшу кюту, Козма Индикопловъ, по изданію Общ. др. писм. 236, откуда современное великорусское *кѣта*.

хрушкой, сѣверо-великорусское, = крупный, и южно-великорусское, = жесткій (въ пѣснѣ: „постеля хрушка“), рядомъ съ хрусть, хрустѣть ¹⁾).

Тотъ же процессъ перехода двойнаго *ш* въ *ш* простое, который уже закончился передъ согласными, происходитъ также послѣ согласныхъ. Литературный языкъ переживаетъ его на нашихъ глазахъ. Въ однихъ словахъ мы еще вполне сохраняемъ двойное мягкое *ш*: морщить, топорщиться (съ мягкимъ *р* передъ *щ*), прельщать, холщовый, толща; въ другихъ *ш* еще мягко, но оно уже перестало быть двойнымъ: женщина; въ третьихъ это *ш* не только не двойное, но и не мягкое: толщина. Последнее произношеніе утвердилось въ словахъ:

горшокъ, рядомъ съ малорусскими горщѣкъ (родит. пад. горшка), гѣрицькѣ, горщечекѣ, бѣлорусскимъ горщѣкъ (родит. пад. горшка); Польша, рядомъ съ малорусскимъ Польша, польскимъ Polska.

Что до великорусскихъ говоровъ, то въ нихъ переходъ *ш* въ *ш* простое твердое послѣ согласныхъ очень распространенъ, и историческія данныя указываютъ на него уже въ XVI вѣкѣ. Златоустъ XVI вѣка, писанный на дальнемъ сѣверѣ (Публичная бібліотека, Q. I. 972), послѣ согласныхъ не различаетъ *ш* отъ *ш*: порошши 9, прельщаемъ 12 и т. п., рядомъ съ возьмѣще 254, бывицу 501 и т. п.

Должно замѣтить, что двойные согласные послѣ согласныхъ вообще не сохраняются. Наше скверный, по всей вѣроятности, восходитъ къ древне-русскому сквернѣмъ, очень часто встрѣчающемуся въ памятникахъ XI—XIV вѣковъ (рядомъ съ существительнымъ скверна); наши бязно, болѣзнь—къ древне-русскимъ боязно, болѣзнь; старорусскія пѣснь (пѣсною красотою, Стихирарь 1881 года Троицкой Лавры 37 об.), огнь (Кіевская Псалтырь 1897 года 223 об.), злокознь—къ древнѣйшимъ пѣснь, огнь, кознь.

III.

Случаи ассимиляціи, диссимиляціи и опущенія согласныхъ въ русскомъ языкѣ многочисленны и разнообразны. Они еще далеко не всѣ приведены въ извѣстность, и потому мы укажемъ на нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ. Передъ нами прежде всего:

¹⁾ Слово въ родѣ всеношная, хмишый мы не приводимъ, такъ какъ *ш* въ нихъ можетъ быть не только изъ *ш*, но и изъ *ч*, то-есть, того же происхожденія, какъ въ конешно и т. п.

обще-русское *жбанъ*, изъ *чбанъ* (*чбаномъ*, галицко-волинское Холмское Евангеліе 65, 65 об.; *чбаномъ* средне-болгарское Карпинское Евангеліа 59 об.); сравни старо-сербское *чъбрь* (сосудъ для жидкости), современное *чабар* и церковно-славянское *чъсанъ* (сосудъ);

великорусское *мущина*, изъ *мужьщина*; сравни *женъщина*, *сельщина*, *деревеньщина* и т. п. слова, образованныя, какъ и *мужьщина*, — отъ прилагательныхъ на *ьскъ*;

великорусское *чтить*, при настоящемъ времени *чту*, *чтишь* и т. д., малорусское *чтити*, при настоящемъ *ччу*. *чтишь* и т. д., изъ *чстити*, настоящее время *чщу*, *чстишь* ¹⁾. Всѣ древнѣйшіе русскіе (а также и церковно-славянскіе) тексты имѣютъ лишь *чстити* и не знаютъ *чтити*. Сравни древне-русскую форму родительнаго падежа *чти* изъ *чсти* (отъ *чсть*) и чешское *stíti*, съ правильнымъ *ц* изъ *чс*. Конечно, *ч* въ *чтити* обязано своимъ сохраненіемъ вліянію другихъ словъ того же корня;

великорусское *чивый* разборчивый въ *ѣдѣ*, вятское *цивой* добрый, тороватый, изъ *тэцивый* (что рекоша *тэцивини*, Златоуструй XII вѣка 153 об. и друг.). Сравни великорусскія *чанъ*, *манъ* изъ *дэчанъ*, великорусское *щедушный* изъ *тэще* —, малорусское *цирий*, польское *szczęśliwy*, чешское *šťugý*, изъ *тэцирий* (сравни *тэцитися* и т. п.);

великорусское *болтать* изъ *бълбѣтати*, при малорусскомъ *болботати*, чешскихъ *blbotati*, *blbotavý*.

Особенно многочисленны въ великорусскомъ нарѣчій случаи диссиміляціи двухъ *н*, перваго — мягкаго, втораго — или мягкаго, или твердаго, слѣдствие которой — появленіе на мѣстѣ группы *ньн* — группы *льн*: *пѣсельникъ*, *свящельникъ*, *мошелникъ*, *сотельная* бумажка, *кухольный* мужикъ, *москательный* или *москотильный* (*москотильный* въ грамотѣ 1634 года; А. Ист. II, стр. 330; сравни *москотинникъ* въ грамотѣ до 1491 г.; А. Юр. 14), *десятильникъ* (въ документахъ XVI вѣка), *послальникъ* (въ документахъ XVII вѣка), *жаловальная* грамота (тамъ же). Эти случаи въ великорусскихъ говорахъ принадлежатъ къ числу спорадическихъ (рядомъ: *сѣнникъ*, *банникъ* и т. п.); однородные съ ними извѣстны въ говорѣ лемковъ: *сільникъ* (*сѣнникъ*), *нізильный* палець и т. п. (Archiv für Slav. Philologie, XV, 62).

Замѣчательно, что въ великорусскомъ нарѣчій ²⁾ древняя группа *льн* (съ *н* мягкимъ) нерѣдко измѣняется. Именно, въ древнемъ *льняный*

¹⁾ Отсюда также великор. *чститъ*, *чещу*, *чстишь* и т. д.

²⁾ Равно какъ и въ малорусскомъ: *лянный* изъ *лян* —.

и родственныхъ произошла ассимиляція и съ л: южно-великорусское аляной (льленикъ, московская грамота 1690 года, А. Кал. I, 709) за которою послѣдовала диссимиляція двухъ мягкихъ л: чебоксарское иляной (въ сборникѣ Магницкаго). Существительное смолянинъ (житель Смоленска), вмѣсто смольмянинъ, какъ писали въ Москвѣ XVI—XVII вѣковъ, произошло путемъ тѣхъ же измѣненій ¹⁾.

IV.

Намъ уже приходилось говорить объ одномъ звуковомъ измѣненіи, происшедшемъ вслѣдствіе вліянія звука послѣдующаго слога на звукъ слога предыдущаго и замѣны имъ послѣдняго—о замѣнѣ ѣ въ бѣдрнѣ, вѣплъ и другихъ черезъ ѣ ²⁾. Измѣненія того же рода въ области и гласныхъ и согласныхъ не составляютъ особой рѣдкости въ современномъ русскомъ языкѣ.

Въ области гласныхъ мы имѣемъ:

обще-русское тонокъ, топкій, изъ тѣпкъ (тѣпкъ, Житіе Пифонта 1219 года 43 об., тѣпкъ, Паремейникъ Типографской бібліотеки XII—XIII вѣка № 157, л. 51 об. и др.), вмѣсто тѣпкъ; сравни церковно-славянское тѣпкъ, средне-болгарское тенокъ (тенко, Хронографъ Манассіи 1345 года, 40 об.), польское cienki;

малорусское дитіна (въ дитинномъ вѣку, „Скарбница“ Галятовскаго 1676 года, 1 об.; дитище, западно-русская Четья 1489 года, 98 об.), вмѣсто ожидаемаго дѣтина=дѣтина; сравни обще-славянское дѣти, дѣта, съ ѣ изъ древнѣйшаго ѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что великорусское дитіна (хотя пишется съ ѣ послѣ д) имѣетъ и того же происхожденія, что и въ малорусскомъ дитина. Это слово и его ближайшіе родичи передали и другимъ словамъ того же корня; отсюда великорусскія и малорусскія диті, дѣтятко, дитітко;

великорусское ребѣнокъ, рядомъ съ робѣнокъ и вмѣсто робѣнокъ; сравни древне-русскія робъ, роба, робити и т. п., старо-польское gobiepek, gobiepec (Шарашпатацкая Библия, 150, 345) и т. п.;

великорусское и малорусское сидішь, сидить и т. д., вмѣсто съдишь; сравни обще-славянское съдѣти, древне-русское съдѣти, съжю, съ

¹⁾ Съ переходомъ здѣсь мягкаго л въ j сравни переходъ j—та въ мягкое л въ старомъ великорусскомъ горностаѣ, въ бѣлорусскомъ Гомель (названіе города, при Гомѣ, Гоміѣ, Гомей снисковъ Киевской лѣтописи; Лаврентьевскій списокъ, стр. 331) и т. п.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 года, № 11.

ъ изъ древнѣйшаго ё. Эти формы передали свое и другимъ формамъ, которыя во второмъ слогѣ не имѣли и; такимъ образомъ явились великорусскія и малорусскія сижѹ, сидѣть, сидіти, а за ними великорусскія сїдя, сїдень и т. п.;

великорусское теперь, тепереча, малорусское тепера (у Чубинскаго, II, 15), бѣлорусское цяперъ, рядомъ съ топеръ и т. п. и вмѣсто топеръ и т. п.; сравни церковно-славянское топръвое (видитъ сего топръвое ꙗкоже видяше и прѣжде, Кириллъ Иерусалимскій XII вѣка, 27), древне-русское топръво (Лаврентьевскій списокъ 119; Ипатскій списокъ 199, 380), состоящія изъ двухъ формъ винительнаго падежа средняго рода ¹⁾. Звукъ е въ теперь является довольно рано: теперво, Прологъ XIII вѣка; тепере, западно-русская грамота 1506 года (Archiwum Sanguszków, I, 134);

сѣверно-великорусскія цловать, цюловать, малорусское цюловати (югъ Житомирскаго уѣзда), бѣлорусское цловаць, рядомъ съ малорусскимъ цювати и вмѣсто цловать; сравни обще-славянскія цюловати, цюль. Звукъ о въ этомъ глаголѣ и его производныхъ является съ XIV вѣка; цловати, полоцкая грамота 1399 г. (Русско-Ливонскіе Акты); онъ нерѣдокъ въ нихъ и въ великорусскихъ грамотахъ XVI вѣка: цолюю, цолуешь, цоловавъ, цоловальники, грамота 1547 года (А. Юр. 51); цолованью, грамота 1568 года (тамъ же, 294), и въ бѣлорусскихъ документахъ того же времени (цловать западно-русскаго Познанскаго Сборника, поцалуй, поцалова у Скорини, Бытіе, 49 об., 53,—едва ли не полонизмы);

малорусскія мизиний, мизинный, рядомъ съ мїзиний и вмѣсто мїзинный; сравни обще-славянское мѣзинъ. Великорусское мизинець можетъ имѣть и одного происхожденія съ приведенными малорусскими словами;

малорусское рѣшето, вмѣсто рѣшето (рѣшета, Прологъ Типографской библіотеки XIII — XIV вѣка № 372, л. 13); сравни общеславянское рѣшити, русскія прорѣха, рѣшотка и т. п.;

великорусскія откелѣ, откелѣва, откелѣча, оттелѣ, оттелѣва, рядомъ съ отколѣ, оттолѣ и т. п. и изъ отколѣ, оттолѣ ²⁾;

южно-великорусское исть (неопредѣленное наклоненіе), рядомъ съ ѣсть, ѣмъ, ѣль и изъ ѣсть, ѣсти; сравни общеславянское ѣсти,

¹⁾ Слѣдовательно, въ чешскихъ терпув, терпва мы имѣемъ дѣло съ te=té=тоѣ. Ново-болгарское тепѣрва, рядомъ съ топрва, едва-ли не русская.

²⁾ Великорусскія откуль, оттуль, досюль и т. п. получили свое у изъ близко родственныхъ куда, туда, сюда.

съ ѣ изъ ѣ. Изъ формы неопредѣленнаго склоненія и перешло въ форму 2-го лица единственнаго числа: ишь.

Сверхъ этихъ словъ съ замѣною гласнаго перваго слога гласнымъ втораго слога мы имѣемъ еще малорусскія багать, гаричъ, гараздъ, великорусскія, отчасти обще-русскія собственные имена: Гарасимъ, Ганадій, Галасій, Малажня и др., великорусскія генараль (Доп. къ А. И. VII, 71, 1676 года; А. Кал. I, 345, 1686 года), енараль, карасишъ.

Древне-русскій языкъ имѣлъ еще нѣсколько словъ съ этою замѣною; именно въ немъ мы находимъ телесе, телеси, телеса и т. п. формы отъ существительнаго тѣло (очень часто, во множествѣ древнихъ нажитниковъ), делесе, делеси и т. п. формы отъ дѣло (гораздо рѣже, между прочимъ въ житіи Саввы Освященнаго XIII вѣка, 7 об., 12 об., 20 об., 25 об.), бѣсѣда (Святославовъ Сборникъ 1076 г., Архангельское Евангеліе 1092 года 98, 103, Юрьевское Евангеліе 147 об., Выголексинскій Сборникъ XII—XIII вѣка 163 об., Рязанская Коричая 353, Прологъ Типографской библіотеки XIII—XIV вѣка № 372, л. 4 и друг.), золоба, вмѣсто злоба (Святославовъ Сборникъ 1073 года, 94, 105, 113, 170, 170 об., 172 об., 174, 174 об., 181 об., 205 об., безолобья 241; золодѣй, житіе Феодосія Печерскаго XII вѣка); гратань, вмѣсто грѣтань, гротань (Лѣствица XII вѣка, Часословъ XIV вѣка); чалядь вмѣсто челядь (Лаврентьевскій списокъ, стр. 53) ¹⁾.

Въ области согласныхъ мы имѣемъ дѣло съ небольшимъ рядомъ однородныхъ данныхъ, впрочемъ съ своеобразными особенностями.

Малорусское зазуля, зозуля, южно-великорусское зазуля, зезуля, загозка, древне-русское зегзица (Слово о полку Игоревѣ), вмѣсто жегзуля (или жогзуля), жегозка, жегзица, изъ же-гъз-уля, же-гъз-ька, же-гъз-ица; сравни древне-русское жегъзуля, жегозуля (Толковая Палея), современное Жегжично, мѣстное названіе (грамота 1578 года, А. Юр. 126), литовское ge-giž-ė кукушка. Конечно, начальное за въ зазуля, загозка есть результатъ осмысленія болѣе древняго зо (изъ жо) и отождествленія его съ префиксомъ за (сравни сѣверно-великорусское заворонокъ вмѣсто жаворонокъ). Діалектически рядомъ съ зозуля является также заўзуля, зовзуля (сѣверно-малорусскіе и южно-бѣлорусскіе говоры) ²⁾.

¹⁾ Наши „Лекціи по исторіи русскаго языка“ ²⁾, стр. 58. Однородное измѣненіе произошло въ церковно-славянскомъ и средне-болгарскомъ сугубъ, изъ салгубъ.

²⁾ Сходныя измѣненія потерпѣло то же слово въ моравскомъ нарѣчій: zeg-zulka (Bartoš, Dialektologie, I, 110) и въ польскомъ языкѣ: gęgęłółka.

Великорусское залѣзо, зелѣзо, золѣзо, малорусское залізо, золізо, рядомъ съ желѣзо и изъ желѣзо; сравни обще-славянское желѣзо ¹⁾. Конечно, начальное *за*—также результатъ осмысленія.

Бѣлорусское залоза (желѣза), рядомъ съ железа; сравни желоза и жолоза въ Лѣтописи Аврамки, стр. 134, 135, 164, 177.

Великорусское цвѣтъ, рядомъ съ цвѣту, цвѣту и т. п. и изъ цвѣтъ ²⁾.

Великорусскія шушера (при сусорь, сорь), Шаша (при Саша), шельшина (=сельщина), малорусское лялівка=ялівка (Ogopowski, Studien, стр. 83).

Древне-русскій языкъ имѣлъ еще нѣсколько словъ съ однороднымъ измѣненіемъ согласнаго: жижию, рядомъ и вмѣсто жижу=церковно-славянскому жиждж (жиждѣщи, Остромирово Евангеліе, 79 об., жи-жущи, галицко-волынское Евангеліе XIV вѣка Верковича, л. 86, съжижю, Поликарпово Евангеліе) ³⁾; жнига, рядомъ и вмѣсто жнига (Хожденіе Богородицы по мукамъ, у Тихонравова, II, 26; Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, стр. 26); мурмане, вмѣсто мурмане (Новгородская лѣтопись и др.) ⁴⁾.

Наконецъ, вліяніе звуковъ послѣдующаго слога, мягкаго, на предъидущій, твердый, выразилось также въ смѣщеніи согласнаго въ этомъ послѣднемъ. Мы рѣшаемся указать лишь на два случая, гдѣ мягкость согласнаго—несомнѣнно поздняго происхожденія. Это обще-русское студень, вмѣсто студень (церковно-славянское студь и т. п.), извѣстное по памятникамъ съ XIII вѣка ⁵⁾, и великорусское дюжь, вмѣсто дужь (церковно-славянское неджгъ и т. п.).

V.

Великорусскія формы именительнаго — винительнаго падежа множественнаго числа мужскаго рода на *а*, въ родѣ берега, города,

¹⁾ Сравни также польское областное *żelazo*, моравское *zelezo*.

²⁾ Сравни наши „Лекціи“ ², стр. 118.

³⁾ Наши „Очерки изъ исторіи русскаго языка“, стр. 111.

⁴⁾ Другіе языки имѣютъ однородную замѣну согласнаго не особенно рѣдко: польскія областныя *lełita*, *leleń* вмѣсто *jelita*, *jelen*, *drdza* вмѣсто *rdza*, чешскія *jeřáb* вмѣсто *jeřab*, *brabec* вмѣсто *trabec* (воробей), литовскія *žėšugas* вмѣсто *žešugas* (свекорь), *žvaigždė* вмѣсто *gvaiždė* (звѣзда), санскритское *svaśugas* вмѣсто *svaśugas* (свекорь), итальянское *luglio* (июль) и т. п.

⁵⁾ Наши „Лекціи“ ², стр. 121.

число которыхъ въ литературномъ языкѣ доходитъ до 100, до сихъ поръ еще не получили вполне удовлетворительнаго объясненія, хотя многіе ученые ихъ касались. Казалось бы, часть ихъ могла бы быть всего удачнѣе объяснена какъ древнія формы именительнаго — винительнаго падежа двойственнаго числа, получившія съ теченіемъ времени (какъ формы очи, уши, колѣнѣ) значеніе формъ множественнаго числа: берега, бока, глаза, рога, рукава. Но наши древніе памятники, также какъ и церковно-славянскіе, постоянно употребляютъ (если нѣтъ числительнаго два) форму берези (Слово о полку Игоревѣ) и чаще форму рози, чѣмъ форму рога (двигается рога... и неподвижна обрящется, Козма Индикопловъ, по изданію Общества древней письменности 226; поздорогу рѣга на губѣ, Кирилло-бѣлозерскій Сборникъ 1492 года 488), рядомъ съ формами руцѣ, носѣ ¹⁾; другія слова, обозначающія парные предметы, которымъ бы слѣдовало преимущественно передъ другими сохранить форму двойственнаго числа, какъ сапоги, чулки, башмаки, усы, не имѣютъ окончанія *a* (сравни: изуваше сапога своя, Житіе Нифонта 1219 года; такі уса, у бойковъ, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, X, 44); то же должно сказать о современныхъ *pluralia tantum*, которыя означаютъ предметы, составленные изъ двухъ частей: вѣсы, мѣхи, тиски, штаны (сравни: вѣса праведная=ζυγά δίκαια, Пчела, по изданію Семенова стр. 47). Точно также, казалось бы, нѣкоторыя формы на *a* могли бы быть признаны за заимствованныя свое окончаніе у формъ средняго рода. Но формы средняго рода, по большей части, сами утратили окончаніе *a*; мы имѣемъ: очки, озерки, озѣры (уже въ Слово о полку Игоревѣ), числы (въ Пчелѣ XV вѣка Публичной бібліотеки 1 об.), окошки, бѣлила и т. п. Ясно, они не могли вліять на формы мужескаго рода.

Такимъ образомъ намъ приходится остаться при прежнемъ нашемъ мнѣніи ²⁾, хотя оно основано на скудныхъ данныхъ.

Малорусскія и бѣлорусскія формы именительнаго — винительнаго не-средняго рода на *a* почти совсѣмъ неизвѣстны. Мы отмѣтили въ текстахъ Головацкаго слѣдующія двѣ формы на *a*: де зубы впаля, дзвононька стали II, 23, тяжкія дверейка IV, 252; но это — формы

¹⁾ Слова *мазъ* и *рукавъ* въ нихъ почти совсѣмъ не встрѣчаются. Отмѣтимъ въ малорусской пѣснѣ съ юга Житомирскаго уѣзда: „шо выведе півтора, то й чомне рукава“.

²⁾ Наши „Лекціи“ ², стр. 197.

не мужескаго, а средняго рода, отъ формъ именительнаго падежа единственнаго числа дзвонько, дверейко; сравни великорусскія формы XVI—XVII вѣковъ: тѣ людишка разбѣжались А. А. Эксп., I, 199, 1546 года; крестьянишка наши, тамъ же, III, 18, 1614 года, и т. п., рядомъ съ формами единственнаго числа въ родѣ крестьянишко.

VI.

Мѣстоименіе *каждо* рядомъ съ этою формою именительнаго падежа единств. числа мужескаго рода имѣетъ въ древне-русскихъ текстахъ еще другую, встрѣчающуюся сравнительно рѣдко, — *коюждо*:
коюждо васъ въ субботу не отрѣшить ли волю своего, Архангельское Евангеліе 1092 года 60 об.;

начаша глаголати ему *коюждо* ихъ, галицко-волинское Типографское Евангеліе XII вѣка, № 7, л. 154 об.;

да разидутся *коюждо* въ своя сы, Евангеліе 1354 года 29;

вся дѣла яже сдѣя *коюждо* ихъ, яко же творить *коюждо*, новгородскій Сборникъ XV вѣка (Тихонравовъ, Памятники отреченной русской литературы, II, 41, 44);

коюждо ерѣйствуете (= ерѣйствуетъ, 3-е лицо ед. ч.) да бы ся тѣмъ кормилъ, Румянцевскій Сборникъ XV вѣка, № 59, 179 об.;

како долженъ ес(тъ) *коюждо* насъ подвигнутися, западно-русское Учительное Евангеліе 1569 года Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, № 607—1115, л. 50 об.;

воздвигошася 12 зміевъ... и старыи одобелѣ и малыі также *коюждо* отъ злюбъ своихъ покушахуса пожрети хотяще, Сборникъ XVI вѣка (Тихонравовъ, Памятники, II, 97).

Тексты вполнѣ русскіе по происхожденію также не чужды этой формы; именно, мы ее встрѣчаемъ нѣсколько разъ въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи: идоша *коюждо* в домы своя, обѣдаша *коюждо* с бояры своими (Повѣсть временныхъ лѣтъ, фототипическое изданіе, 86, 131), разидошася *коюждо* во своя си, розидошася—(печатное изданіе, 470, 586).

Здѣсь передъ нами употребленіе формы винительнаго падежа въ значеніи именительнаго, явленіе вполнѣ обычное въ древне-русскомъ языкѣ ¹⁾. Оно не успѣло получить значительнаго распространенія, такъ какъ мѣстоименіе *каждо* рано утратило всѣ своя древнія формы

¹⁾ Наши „Лекціи“, стр. 177.

и получило новья, въ которыхъ измѣнялась по падежамъ уже не первая, а вторая, прежде несклоняемая его часть.

VII.

Какъ извѣстно, древнія формы склоненія основъ на согласные звуки дошли до насъ въ ограниченномъ количествѣ. Въ виду этого не должно оставлять безъ вниманія тѣ скудные ихъ остатки, которые находятся въ древне-русскихъ памятникахъ.

Вотъ три формы дательнаго и творительнаго падежей двойственнаго числа отъ числительнаго десять:

яко лѣтъ двѣма десяма, Патерикъ Синайскій XII вѣка 109 об.;
не боле четырь межи десяма чять (=цать) даяти, Кормчая XII вѣка 304 (Синодальной библиотеки);

третій межи десяма, Радзивилловскій списокъ Кіевской лѣтописи лодь 1141 годомъ. (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 293).

Вотъ одна форма творительнаго падежа множественнаго числа:

десеми на десяте лѣтъ царствіе соблюдъ, Хронографъ Амартола XV вѣка 28 об. (Публичная библиотека, Q. IV, 35).

Повидимому, эти формы принадлежать древне-русскому языку; по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ находится въ памятникѣ вполне русскаго происхожденія.

Несомнѣнно, эти формы образованы одинаково съ формами дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей множественнаго числа основъ на п, сохранившимися въ памятникахъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, но всего болѣе въ памятникахъ древне-русскихъ. Такъ какъ и они довольно рѣдки, то вотъ нѣсколько извѣстныхъ намъ изъ древне-русскихъ текстовъ:

содомлямъ, Архангельское Евангеліе 1092 года 125;

ерусалимлямъ, иерусалимлямъ, Миней 1096 года, по изданію Ягича стр. 161, 162 ¹⁾;

корюнтлямъ (=корищянамъ), Пандекты Антіоха XI вѣка 217;

свѣтъ в'снявшааго тмѣ жителямъ, Путятина Миней XI вѣка 76 об.;

волочамъ (=волочанамъ, жителямъ волока), договоръ Смоленска съ Ригю 1229 года, редакція В (Русско-Ливонскіе Акты);

¹⁾ То же въ другихъ спискахъ тѣхъ же стихирь; въ Кондакарѣ XII—XIII вѣка Московскаго Общества исторіи и древностей; иерусалимлемъ 27.

уличьямъ (=уличанамъ), Новгородская лѣтопись по списку XIV вѣка 11 (фототипическое издание);

о галеліяхъ, Галицкое Евангеліе около 1266 года 84 об.;

о галелѣяхъ, Поликарпово Евангеліе 1307 года 67;

егуптями, македоняи, Толкованіе на слова Григорія Богослова XIV вѣка 63 (Синодальная бібліотека № 954) ¹⁾.

Сверхъ того, мы должны привести одну форму винительнаго падежа единственнаго числа:

попърицю дѣвоиъ на *деся*. лавра юсть, Патерикъ Синайскій XII вѣка 36.

Такъ какъ эта форма—въ своемъ родѣ единственная, то понятно, она можетъ быть объясняема простою опіскою писца. Но должно сказать, что она сходна съ извѣстною намъ по сложнымъ словамъ формою *дева (=девать):

Десягорескъ, названіе города, въ русскомъ Сборникѣ XVI—XVII вѣка (Срезневскій, Свѣдѣнія и Замѣтки, № XL, стр. 99);

русское *десясилъ*, старо-чешское *dewiesil* (Listy Filologické 1893 года, стр. 219), польское *dziewiosil*, сербское *десесиль* (названіе растенія); сравни нѣмецкое *peupkraut* (названіе того же растенія);

русское *десяпосто* (вторая часть не ясна; это слово не принадлежитъ къ новообразованіямъ и извѣстно въ древнихъ текстахъ).

А. Соболевскій.

¹⁾ Формы мѣтнаго падежа: в *Rybáč* (именительный множ. *Rybany*), в *Chrabáč* (им. мн. *Chrabany*), и т. и. живутъ до сихъ поръ у словаковъ. См. статью проф. Пастрника въ *Slovenské Pohľady* 1894 года, стр. 253.

ПАМЯТНИКИ ГРУЗИНСКОЙ ОТРЕЧЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Принятіе христіанства въ Грузіи въ IV вѣкѣ было началомъ ея приобщенія къ европейской культурѣ. Сношенія Грузіи съ Греціей, еще до проповѣди евангелія святою равноапостольною Ниной, засвидѣтельствованы классическими писателями; съ введеніемъ же христіанства они сдѣлались постоянными. Изъ Византіи приходили въ Грузію представители духовенства, приносившіе съ собою разныя церковно-богослужебныя рукописи, равнымъ образомъ грузины отправлялись въ Грецію, Палестину и на Аѳонъ или для богомолья, или для списыванія книгъ Священнаго Писанія. Всѣ эти обстоятельства болѣе и болѣе укрѣпляли вліяніе Византіи на Грузію, поставили образованность и литературу послѣдней въ сильной зависимости отъ того періода греческой словесности, который извѣстенъ подъ именемъ *византійскаго*. За переводомъ богослужебныхъ книгъ послѣдовали переложенія сочиненій догматическихъ, историческихъ и твореній свв. отцовъ. Наконецъ, изъ Византіи стали распространяться апокрифы, заключающіе смѣсь достовѣрныхъ разказовъ съ вымыслами о событіяхъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи. На сколько рано вошли въ предѣлы Грузіи памятники отреченной литературы, можемъ судить изъ письма перелазгателя Священнаго Писанія—св. Евномія ¹⁾, къ иноку Георгію, помѣщеннаго въ манускриптѣ XI—XII вѣка.

„Книги,—говоритъ св. Евномій,—которыхъ не признаетъ церковь, суть тѣ, которыя написаны еретиками. Еретикъ Оригенъ написалъ много книгъ, которыя отвергаетъ церковь. Евсей Памфілъ оставилъ книгу, въ которой помѣстилъ еретическія мысли, и потому цер-

¹⁾ Евномій скончался въ XI вѣкѣ (въ 1028 г.): *Вахушта*, Исторія Грузіи, стр. 151.

ковъ не признаетъ ея. Эту книгу *издревле* перевели на грузинскій языкъ далеко раньше отца моего (Іоанна), и спрашивалъ епископъ Стефанъ, возможно ли ее принять. Въ этой книгѣ много хорошаго, но зато много и плевелъ, и потому церковью отвергается. *Обращеніе Антіохіи*, извѣстное подъ именемъ Абукарова, не можетъ быть принято, такъ какъ тамъ явна ересь. Есть также *Жизнь Адама*, *Дѣтство Господа*, но также не допускаются. Житія свв. апостоловъ также въ нѣкоторыхъ книгахъ искажены. Есть *Мученическая кончина св. Георгія* достовѣрная и другія житія, сообщающія о дѣяніяхъ его, не признаваемыхъ церковью⁴.

Приведенный отрывокъ изъ письма св. Евонімія заключаетъ первыя указанія объ апокрифахъ, частью переведенныхъ на грузинскій языкъ, частью же только извѣстныхъ перелагателямъ на грузинскій языкъ Священнаго Писанія по греческому индексу. Въ настоящее время намъ извѣстны упомянутые въ письмѣ отреченные памятники: Жизнь Адама, Дѣтство Христа, Мученія св. Георгія, открытые въ грузинскихъ монастырскихъ бібліотекахъ. Но сообщеннымъ въ словахъ св. Евонімія индексомъ не исчерпываются наши свѣдѣнія о грузинской апокрифической литературѣ. Мы располагаемъ нынѣ значительнымъ количествомъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ апокрифовъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ мы имѣемъ въ виду познакомить читателей въ этой статьѣ. Обратимся прежде всего къ ветхозавѣтнымъ апокрифамъ о Каинѣ и Ноѣ.

Адамъ ¹⁾, по грузинскому апокрифу, наставляя своихъ дѣтей, говорилъ, что по изгнаніи его изъ рая Господь сжалился надъ нимъ и подчинилъ ему всѣхъ животныхъ, впрягалъ быка въ ярмо и, научивъ пахать землю, велѣлъ изъ урожая жертвовать извѣстную долю Богу. Такъ велѣлъ поступать Адамъ и своимъ дѣтямъ. Каину исполнилось 50 лѣтъ, а Авелю 20 лѣтъ; старшій братъ былъ земледѣлецъ, а младшій пастухъ овецъ. Адамъ велѣлъ имъ десятую часть всего жертвовать Богу. Авель выбралъ лучшаго ягненка для жертвы Богу, а Каинъ, собравъ въ крошечный снопокъ ногами потоптанные колосья, пожертвовалъ его Богу. Сталъ Каинъ молиться, говоря: „Господи, Творецъ всѣхъ тварей! вотъ, потому и трудомъ добытое принеши Тебѣ, Твою долю!“ Разгнѣвался Господь, послалъ надъ Каиномъ при громѣ черное облако, изъ котораго подулъ сильный вѣ-

¹⁾ Рукопись Тифлискаго общества распространенія грамотности среди грузинъ.

терь, и онъ припесенные имъ колосья развѣялъ, а лицо самого Каина почернѣло, какъ уголь. Потомъ Авель принесъ своего первенца ягненка, воздѣлъ руки и произнесъ: „Господи, Боже вселенной, молю Тебя принять жертву мою, долю изъ дарованной Тобою милости!“ Снизшелъ свѣтъ съ небесъ, и въ вѣяніи тихаго вѣтерка былъ слышенъ голосъ, что жертва и молитва приняты, и свѣтъ, въ видѣ облака, сталъ надъ Авелемъ.

Каинъ возмѣлъ намѣреніе убить своего брата. Во время игры онъ предложилъ Авелю связывать другъ друга прутьями изъ дикаго винограда. Авель, оказавшись связанымъ, понялъ злой умыселъ брата, сталъ плакать и умолять отпустить его. Каину, находящемуся въ недоумѣніи, какъ убить брата, явились на помощь два дьявола въ образѣ пороку: одна изъ нихъ убиваетъ другую остроконечнымъ камнемъ,—этимъ орудіемъ закалываетъ и Каинъ Авеля. Господь явился убійцѣ и милостиво спрашивалъ о братѣ, чтобы вызвать въ немъ раскаяніе. Получивъ грубый отвѣтъ, Господь наказалъ его самого проклятіями; 1) выросъ у него на лбу рогъ, который оглашалъ окрестность: Каинъ—братоубійца; 2) онъ не могъ положить хлѣба въ ротъ, такъ какъ у него руки тряслись; (третье наказаніе пропущено); 4) потерялъ сонъ; 5) онѣмѣлъ и объяснялся жестами; 6) ходилъ всегда съ плачемъ; 7) онъ не долженъ былъ умереть, и на того перешло бы проклятіе, кто его убилъ бы. Жилъ Каинъ 860 лѣтъ, искалъ смерти и не находилъ. Разъ Ламехъ ходилъ на охоту; Каинъ въ барсовой кожѣ легъ ему по дорогѣ, и Ламехъ убилъ его, какъ звѣря. Рогъ и всѣ проклятія перешли къ Ламеху, но благочестивая его жена кровными слезами выпросила прощеніе мужу у Господа.

Сравнивая содержаніе грузинскаго апокрифа съ палейнымъ разказомъ, мы находимъ сходство въ общемъ сюжетѣ и разницу въ деталяхъ. Такъ смерть Каина, по палейному разказу, также объясняется убійствомъ его *слѣпымъ* Ламехомъ, но послѣдній личнымъ покаяніемъ ¹⁾, а не „кровными слезами“, какъ въ грузинскомъ апокрифѣ, достигаетъ прощенія у Господа. Каинъ убиваетъ брата по наущенію дьявола ²⁾, который только въ нашемъ памятникѣ является въ образѣ

¹⁾ *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкаго монастыря, С. Пб., 1877, стр. 51 и 105.

²⁾ Ср. *Мочульский*, Слѣды народной библіи въ славянской и древне-русской письменности, Одесса, 1893. Πόθεν ἔμαθεν Καὶν φονεῦσαι τὸν Ἀβὲλ; ὁ διάβολος αὐτῷ κατ' ἐναρ ὑπέδειξεν κοίφ τρίψφ θανάτωσαι αὐτόν.

вороны. Вороны упоминаются въ сборникѣ Фабриція ¹⁾ по другому поводу: одинъ воронъ убиваетъ другаго на глазахъ Адама и Евы, не знающихъ, какъ похоронить Авеля, и закапываетъ его въ землю. Такой способъ погребенія позаимствовали у нихъ Адамъ и Ева. Слѣды этого сюжета въ грузинской апокрифической литературѣ можемъ указать въ одномъ памятникѣ, который, по своему содержанію, долженъ быть отнесенъ къ группѣ вопросовъ и отвѣтовъ „Бесѣды трехъ святителей“. Памятникъ этотъ озаглавленъ: „Повѣсть объ юношѣ и дѣвицѣ“, и носитъ характеръ испытанія въ знаніи и находчивости. Дѣвица спрашиваетъ юношу, ищущаго ея руки: „Кто былъ тотъ вѣстникъ, котораго Богъ послалъ къ Адаму?“—„Воронъ, прилетѣвшій къ Адаму, который, по убіеніи Авеля Каиномъ, не зналъ, что дѣлать съ трупомъ. Прилетѣли два ворона, одинъ убилъ другаго, разрылъ землю и похоронилъ его. Увидя это, Адамъ вырылъ могилу для Авеля и похоронилъ его“. Одно мѣсто изъ этой бесѣды юноши и дѣвицы относится къ разбираемому нами апокрифу о Каинѣ. „Узнай,—спрашиваетъ дѣвица,—одинъ убилъ другаго; убійца попалъ въ рай, а жертва его въ адъ“.—„Ламекъ (Ламехъ) убилъ Каина, первый попалъ въ рай, второй же попалъ въ адъ“ ²⁾.

Адамъ смертию ³⁾ Авеля былъ очень опечаленъ; земля выбросила его трупъ, такъ какъ, по повелѣнію Господа, первымъ долженъ былъ перейти въ прахъ Адамъ, а потомъ его потомки. Для утѣшенія Адама Господь послалъ ангела возвѣстить ему о дарованіи сына Сеты, что значить радостный. У Адама и Евы появилось еще 24 сына и 440 дочерей. Каинъ былъ женатъ за 250 лѣтъ до рожденія Сеты, а Авель 25 лѣтъ умеръ неженатымъ. Благочестивые потомки Сеты держались въ сторонѣ отъ поколѣній Каина. Впукъ Адама, Эпохъ, спросилъ однажды его, почему онъ и Ева постоянно плачутъ. Они разказали ему исторію вкушенія плода и изгнанія изъ рая. Эпохъ отказался отъ женитьбы, развелъ прекрасный садъ и всѣмъ проходя-

¹⁾ Adam et uxor ejus flentes nesciebant, quid faciendum esset Abeli, quia non assueti erant sepulturae: venit autem illuc corvus quidam atque sumpsit quendam e sociis suis, quem in terra defodit et abscondit coram illorum oculis. Dixit Adam uti corvus iste, sic quoque faciam.

²⁾ Въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (вып. XIII, стр. 58) это мѣсто передается несообразно, будто Богъ убилъ Каина. Я перевожу съ грузинскаго языка вышеприведенное указаніе объ убійствѣ Каина Ламехомъ по 14-му печатному изданію повѣсти „О дѣвицѣ и юношѣ“.

³⁾ Изъ апокрифа „Благовѣщеніе ангела о рожденіи Сеты (Сивл) и построеніи Поемъ ковчега“.

щимъ дать право пользоваться плодами его; самъ же надѣлъ желѣзную шапку, закрывъ ею глаза, чтобы плоды не склонили его къ соблазну. За такой подвигъ Господь его тѣлесно возвелъ въ рай. По его примѣру многіе изъ потомковъ Сеты бросили родныхъ и въ числѣ 400 удалились въ горы для поста и молитвы. Сѣмя же Каина сильно размножилось, при чемъ одинъ мужчина приходился на сто женщинъ. Женщины изъ-за мужчинъ ссорились и отнимали ихъ другъ у друга. Когда же стали ощущать крайній недостатокъ въ мужчинахъ, женщины прибѣгли къ хитрости: сдѣлали флейту и скрипку, раскрасили лицо косметическими средствами, поднялись на гору, заиграли, запѣли и затанцовали. Этимъ путемъ соблазнили тамъ молящихся мужчинъ, и только одинъ Ной воздержался.

Господь разгнѣвался и за грѣхи, содѣянные женами изъ племени Каина, вознамѣрился истребить людей. По повелѣнію Господа, явился ангелъ Ною и приказалъ ему жениться, чтобы послѣ потопа люди размножились изъ его сѣмени. Ной отказывался, говоря, что ему 500 лѣтъ отъ роду и поздно жениться, но ангелъ возрѣшилъ, что онъ проживетъ еще 400 лѣтъ. Ему было велѣно приготовить ковчегъ съ тремя отдѣленіями; послѣдній при каждомъ прикосновеніи пилы и топора издавалъ звукъ: „будетъ потопъ!“ Люди осмѣивали Ноя, а онъ непрерывно работалъ надъ ковчегомъ 80 лѣтъ. Въ теченіе этого времени у него родилось три сына, которыхъ онъ женилъ на дѣвахъ изъ племени Сеты, и получалъ откровеніе войти въ ковчегъ въ виду предстоящаго потопа. Ной просилъ Господа дать ему срокъ для проповѣди среди народа. Господь далъ 20 лѣтъ, но люди не раскаялись. Тогда въ продолженіе 7 дней онъ сталъ ударять двѣ доски другъ о друга, которыя издавали звуки: „идите въ ковчегъ, ибо приближился потопъ!“ Размѣстивъ въ верхнемъ отдѣленіи ковчега по двѣ чистыхъ птицы, въ нижнемъ поселивъ звѣрей, самъ Ной съ дѣтьми остался въ среднемъ отдѣленіи. На седьмой день онъ смазалъ двери ковчега дегтемъ, чтобы вода не проникла внутрь... Ковчегъ послѣ потопа остановился на Эчміадзинской горѣ, называемой Масисъ¹⁾.

¹⁾ Грузины различали землю Араатскую и Масисъ. Hist. de la Géorgie, I, 16, la terre d'Ararat et Masis. По-армянски Араратъ носитъ названіе Masik, форма множ. ч. отъ Maai. Армяне называли равнину вокругъ горы Масиса Абраатскимъ полемъ, область же Арарата они знали къ югу отъ Ванскаго озера. Абраатъ—долина Аракса, а Араратъ—Urtu ассирійскихъ надписей и область алародіандъ по Геродоту. Моя работа: „Древніе предѣлы расселенія грузинъ по Малой Азіи“, стр. 50.

Ной прожилъ еще 300 лѣтъ, и у него родилось два сына. Онъ погребенъ близъ Нахчивани, а могила жены находится въ Марайдѣ.

Апокрифъ о Сетѣ и Ноѣ носятъ такія особенности и отличительныя черты, параллели которымъ не находимъ въ соотвѣтствующемъ разказѣ Пален. Нѣкоторые географическіе термины, упомянутые въ грузинскомъ апокрифѣ, даютъ основаніе предполагать, что прототипомъ его могла служить армянская передѣлка разказа о ковчегѣ и Ноѣ.

Оставляя въ настоящей статьѣ безъ разсмотрѣнія апокрифы объ Авраамѣ, Іовѣ, Соломонѣ и др., мы перейдемъ къ новозавѣтнымъ памятникамъ отреченной литературы. Нѣкоторыми изъ нихъ нынѣ заинтересованы русскіе ученые и, желая оказать имъ посильное содѣйствіе, познакомимъ съ апокрифами о пресв. Богородицѣ. Проф. Ыриничниковъ занятъ издачіемъ текста „Хожденія Богородицы по мукамъ“. Грузинскій его переводъ помѣщенъ въ сборникѣ апокрифовъ конца XVII вѣка. Начинается „Хоженіе“ на грузинскомъ языкѣ слѣдующими словами: „Соизволила пренепорочная Мать Творца неба и земли, Дѣва Марія, видѣть муки, которыми мучатся осужденные грѣховъ ради разнообразными муками, нестерпимыми и невыразимыми болями. Вошла Богородица на св. гору Елеонскую и сказала: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа да снизойдетъ съ неба великій изъ архангеловъ Михаилъ, дабы повѣдалъ мнѣ обстоятельства сущихъ между небомъ и землею и внѣ міра и далъ мнѣ узрѣть муки грѣшниковъ“. И послѣ сихъ словъ снизошелъ главный изъ ангеловъ вмѣстѣ съ сонмомъ ангеловъ и съ благоговѣніемъ привѣтствовалъ Св. Богородицу“. Греческій текстъ „Хожденія“, приведенный покойнымъ А. Васильевымъ, и версія его группы могли бы служить прототипомъ грузинскаго перевода: Ἐφάνη τε τῆς παναγίας καὶ ὑπάγη εἰς τὴν κόλασιν καὶ ἰδῆ τῆς ἀμαρτωλοῦς πῶς κολάζονται. Καὶ παγαίνει εἰς τὸ βουνὶ τῶν Ἑλαιῶν καὶ κάμη τὴν προσευχὴν τῆς καθὼς ἦτον συνηγμένη καὶ παγαίνει πάντοτε καὶ προσεύχεται καὶ καὶ σκόπη τὰ γόνάτά της. καὶ ἐπαρεκάλει τὸν υἱὸν της τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ εἶπεν του. παρακαλῶ σε, υἱὲ τοῦ ἀναρχοῦ πατρὸς ἐξαπόστειλόν σου τὸν ἀρχάγγελον Μιχαὴλ διὰ καὶ δεῖξῃ τὰς κολάσεις τῶν ἀμαρτωλῶν. Καὶ παρειθὺ ἐκπέβη ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ μετὰ πλῆθος ἀγγέλων καὶ ἐχαίρεισεν τὴν χαριτωμένην καὶ εἶπεν της...¹⁾

¹⁾ *Васильевъ*, *Anecdota graeco-byzantina*, М., 1893, стр. 125. Ср. *Армянское* „Видѣніе Богородицы Маріи, въ которомъ она видѣла муки грѣшниковъ“, по рукописи *Н. О. Эмина*, приготовленной для печати: „Встала Богородица, Мать Господа, пошла на Елеонскую гору молиться за всѣхъ вѣрующихъ, дабы Богъ избавилъ ихъ отъ всѣхъ бѣдъ, отъ геены тортара и отъ непроницаемаго мрака“.

Указывая на родство грузинскаго апокрифа съ греческимъ Хожденіемъ, мы желали только намѣтить тотъ текстъ, который могъ послужить оригиналомъ для грузинскаго перевода. Дальнѣйшее ихъ сравненіе между собою обнаруживаетъ при всей близости черты разногласія, своеобразность передѣлки деталей „Хожденія“ на грузинской почвѣ. Такъ, на вопросъ пресв. Богородицы, „кто такіе тѣ, которые сидятъ въ огнѣ по самую макушку“, архангелъ Михаилъ отвѣчаетъ, что это тѣ, которые ѣли человѣческое мясо. Спросила пресвятая: развѣ возможно, чтобы человѣкъ ѣлъ человѣческое мясо? Отвѣчалъ ангелъ: это тѣ, которые невиннаго илѣнника несправедливо продавали и выручку ѣли, подъ этимъ подразумѣвается съѣденіе человѣческаго мяса ¹⁾). Такого толкованія съѣденія человѣческаго мяса не находимъ ни въ греческомъ, ни въ армянскомъ текстахъ. Точно также спеціальныя муки для священническихъ и дьяконскихъ вдовъ, вышедшихъ замужъ, и для монахинь, нарушившихъ обѣтъ чистоты, имѣются только въ грузинскомъ переводѣ. Въ армянскомъ нѣтъ описанія „самыхъ тяжкихъ мукъ свресвъ“. Грѣшники въ горчичное зерно, сидящіе во мракѣ, суть евреи, которые, по грузинскому „Хожденію“, распяли на крестѣ Господа нашего Иисуса Христа и Бога, которые не крестились и не увѣровали ни въ Отца, ни въ Сына, ни въ Духа Святаго. Находятся тамъ же тѣ изъ воспріемниковъ, которые прелюбодѣйствовали съ кумами, еретики, человѣкоубійцы, чародѣи и удушившіе дѣтей. Въ греческомъ текстѣ ²⁾ имѣется соотвѣтствующее мѣсто, въ армянскомъ же „Видѣніи“ его нѣтъ. Эти отличительныя черты вмѣстѣ еще съ другими устраняють близкое родство грузинской и армянской редакцій.

Проф. Кирпичниковъ въ докладѣ, читанномъ 17-го декабря 1893 года въ засѣданіи славянской комиссіи Московскаго Археологическаго Общества, намѣтилъ планъ изслѣдованія „Хожденія Богородицы по мукамъ“ и между прочими пунктами считаетъ необходимымъ изслѣдовать отношеніе текста „Хожденія“ къ другимъ памятникамъ того же рода, особенно къ сказанію объ Успеніи Богородицы и Видѣніи апостола

¹⁾ Эта деталь, вѣроятно, сложилась въ Грузіи, въ исторіи которой продажа илѣнниковъ — фактъ извѣстный. Церковь энергично боролась противъ работорговли. См. Церковныя гуджары, изд. мною, Кутаисъ, 1891.

²⁾ *Василевъ*, op. c., 130—131: οὗτός ἐστιν, ὁ πῦρινος ποταμός, τὸ πῦρ τὸ ἀσβεστόν καὶ οἱ βασιλεύοντες ὑπὸ τῶν κοράτων εἰς τὴν ἰουδαίαν οἱ σταυρωσάντες τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν καὶ τὰ ἔθνη τὰ μὴ βαπτισθέντα καὶ οἱ ἀνούμενοι τὸν θεὸν καὶ τὸ ἅγιον βάπτισμα καὶ οἱ πορευόμενοι εἰς τὰ ἴδια τέχνη καὶ πνίγοντες τὰ βρέφη.

Павла ¹⁾). Въ виду этого я останавлиюсь теперь на грузинской версіи Успенія Пресвятой Богородицы. Она помѣщена въ сборникѣ житія святыхъ, переписанномъ красивымъ гражданскимъ алфавитомъ и заключающемъ въ себѣ сказанія объ Алексіи, челоуѣкѣ Божьемъ, нищемъ Іоаннѣ и др. Грузинское слово объ Успеніи приписывается Василию Кесарійскому въ то время, какъ въ апокрифической литературѣ оно приписывалось Іоанну Богослову, Іоанну, архіепископу Солунскому, Мелитону, епископу Сардійскому, Іосифу Аримаѳейскому и Моисею Хоренскому.

Получивъ откровеніе ²⁾ отъ Св. Духа о времени преставленія, Богородица исполнилась радости и желанія вѣчной жизни. Богоматерь пребывала въ Сіонѣ, имѣя трехъ дѣвъ при себѣ неотлучно. Во вторникъ пришла, по обыкновенію, ко гробу Іисуса Христа помолиться съ каждаемъ и колѣнопреклоненіемъ. Она молила со слезами Господа послать ей Іоанна Богослова (Благовѣстителя), ибо іудеи поклялись сжечь ея тѣло. Архангелъ Гавріилъ объявилъ, что она будетъ вознесена на небо. Получивъ отъ него вѣтвь оливы (маслины), Богоматерь отправилась въ Вифлеемъ. Здѣсь она молилась предъ образомъ на могилѣ Сына своего, а на утро въ среду со своими ученицами возвратилась въ Сіонъ и въ шестомъ часу зажгла свѣчи, воскурила еиміамъ и стала молиться. Господь послалъ ей Іоанна Благовѣстителя, восхищеннаго отъ Ефеса на облакахъ. Поручивъ ему два платья для дѣвъ-прислужницъ, Богоматерь назначила мѣсто своего погребенія. Іоаннъ сказалъ ей, что предъ ея кончиной соберутся всѣ апостолы и ихъ ученики. Послышался громъ, и на облакахъ прибыли въ Сіонъ Петръ изъ Рима, Павелъ изъ Тиверіи, Матосей „съ моря“, Маркъ изъ Александріи, Варооломей изъ Тебаидъ (Оивайдъ?); Андрей, Іаковъ, Филиппъ, Лука, Симонъ возстали изъ мертвыхъ. Вмѣстѣ съ ними были ихъ достойные ученики, какъ участь великій Діонисій Ареопагитъ, который также прибылъ въ Сіонъ на облакахъ. Миръ вамъ, сказала имъ мать Іисусова, называя

¹⁾ *Археологическія извѣстія и замѣтки*, изд. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 1894, № 2, стр. 58. Докладъ *проф. Курчичникова*.

²⁾ Порядокъ хода изложенія въ грузинскомъ словѣ объ Успеніи Богородицы и въ русскомъ вмѣстѣ съ греко-латинскими—различный, не совпадающій и съ армянской его передѣлкой. *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 76, 92 (С.-Пб., 1890). *Эминъ*, Сказаніе о преставленіи Богородицы и объ ея образѣ, написанномъ евангелистомъ Іоанномъ. Армянскій апокрифъ V вѣка, М., 1874.

ихъ по имени: Вареоломей—источникъ жизни, Іаковъ—многоцвѣтный аромать, Лука—честный жемчугъ, Матѳей—глубина божественнаго провидѣнія, Симонъ—достояніе Троицы, искоренитель безвѣрія. По желанію Богородицы, Іоаннъ ¹⁾ предлагаетъ апостоламъ повѣдать, какъ они получили откровеніе о кончинѣ Богородицы. Выслушавъ ихъ подробный разказъ, который мы опускаемъ, Богородица благодарить Господа за прославленіе апостоловъ. Іудеи тѣмъ временемъ составили заговоръ избить апостоловъ. а мать Господа съечь. По вооруженные ихъ воины ослѣпили по дорогѣ, и одинъ только, по имени Авраамъ, остался невредимъ, чтобы указать другимъ путь спасенія. Они увѣровали въ Іисуса Христа и поклонились Богородицѣ. Въ полночь въ среду показался свѣтъ на иконѣ Спасителя, и послышался гласъ: отдайте честь матери моей! Въ четвергъ, когда апостолы пошли въ Сіонъ, Спаситель явился и возвѣстилъ ей: „прославляющихъ тебя Я прославлю, просящимъ во имя твое Я воздамъ“. Богородица пожелала приобщиться Св. Таинъ изъ рукъ первосвященника Іакова. Она велѣла возжечь свѣчи, кадиль и пѣть, ибо придетъ Спаситель принять ея душу. Пришелъ Давидъ и сладко пѣлъ предъ ней, явились архангелы Михаилъ и Гавріилъ, пришли Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Симеонъ Богопримецъ и Іоаннъ Креститель. Потряслись небеса, послышался сильный громъ и вѣтеръ, море заволновалось. Съ неизяснимою славой, со множествомъ ангеловъ сошелъ Іисусъ Христосъ. Господь сказалъ Богоматери: тѣло твое предложено будетъ въ рай, а душа на небеса, гдѣ миръ и веселіе.

Богоматерь предъ отходомъ Іисуса Христа высказала опасеніе предъ „стражей воздуха“, но Господь велѣлъ Михаилу и Гавріилу по дорогѣ пѣть побѣдные гимны, говоря: „святъ, святъ. святъ Господь Саваоѳъ!“ Ангелы стали пѣть, а Богоматерь уснула. Господь вознесъ ея душу, небесныя силы пѣніемъ отстранили „стражу воздуха“. Апостолы съ пѣніемъ приблизились къ тѣлу Дѣвы, наполнившей домъ благоуханіемъ, и поклонились ей. По ея преставленіи глухіе, слѣпые, бѣсноватые получали отъ нея исцѣленіе. Апостолы дали знать Петру, что пора приступить къ молитвѣ ²⁾. а Петръ приглашалъ Іоанна. Но признавая Петра главою апостоловъ, ни одинъ изъ послѣднихъ не соглашался начать молитву. Богоматерь бальзамировали душистыми травами и обвили въ холстъ. Апостолы Петръ, Па-

¹⁾ *Порфирьевъ*, *op. c.*, 278. Такое предложеніе дѣлаетъ ап. Петръ.

²⁾ *Порфирьевъ*, *op. cit.*, 79, 278.

вель и Іоаннъ, а за ними всѣ апостолы и силы небесныя невидимо пѣли и славили Богоматерь. Утромъ въ пятницу апостолы на плечахъ понесли ея одръ изъ Сіона въ Гесаманію (Геосиманію), какъ велѣно было Іоанномъ Крестителемъ. Ангелы шли предъ ними и своими крыльями ихъ прикрывали, апостолы пѣли, а вѣрующіе слѣдовали благоговѣйно съ зажженными факелами и каженіемъ. Воздухъ наполнился благовошіемъ. Іудей же, исполненные ненависти, рѣшили нарушить благочинный порядокъ и напали на апостоловъ съ пиками и коньями. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе дерзкій, по имени Іофанъ (греческое Іофанія, армянское Софоній), растолкалъ толпу вѣрующихъ, схватилъ одръ и хотѣлъ уронить его на землю. Но внезапно ангелъ Господень невидимо мечомъ огненнымъ отсѣкъ обѣ руки его по плечи. Это чудо поразило всѣхъ, и посрамленные іудеи отступили. Іофанъ же со слезами каялся, моли о прощеніи Иисуса Христа и Богоматерь. По повелѣнію Петра, отрубленные руки Іофана прилетѣли, какъ птицы, и пристали къ его тѣлу. Послѣ этого чуда съ большей честью понесли пречистое тѣло въ Гесаманію и положили его въ могилу. Апостолы поставили икону Спасителя у ея могилы и провели ночь въ молитвѣ и пѣніи. На зарѣ, въ субботу у ея могилы показалось сіяніе на иконѣ Спасителя, и когда въ полночь апостолы уснули, началось землетрясеніе, и тѣло Богородицы восхитили на небо.

При Успеніи Богоматери не было апостола Ѳомы; въ ночь на воскресенье онъ явился во время землетрясенія. Онъ былъ въ Индіи и въ минуту крещенія племянника царевича (?) Духъ Святый возвѣстилъ, что Матерь Господа преставляется. Облако восхитило и принесло его въ Гесаманію, какъ и другихъ апостоловъ. По его просьбѣ апостолъ Петръ открылъ гробницу Богоматери, но тѣла ея уже не нашли. Іоаннъ сказалъ, что плоти ея нѣтъ, и истинно во время землетрясенія она восхищена была на небо. Ѳома отвѣтилъ, что не повѣритъ ея преставленію, если сама не явится ему. Во время ихъ молитвы появился свѣтъ предъ одромъ, и увидѣли Богоматерь. Она подозвала Ѳому и сказала: „Почему не вѣришь моему преставленію на 84 году ¹⁾? Сынъ взялъ мать свою на небо“. Приблизился къ ногамъ ея Ѳома, говоря: „Вѣрую отнынѣ, что еси жива душою и тѣломъ“. Богоматерь благословила и сдѣлалась невидимой.

¹⁾ *Православное Обзорніе*, 1873, 576—577, сообщаетъ, что, по установившемуся мнѣнію, Богородица преставилась отъ 60 до 70 лѣтъ. По армянскому апокрифу Успеніе Богородицы случилось на 60 году ея жизни. Эмми, ор. с., 9.

Грузинское слово объ Успеніи Богородицы, имѣя сходныя черты съ существующими его редакціями, отличается отъ нихъ нѣкоторыми особенностями. Прежде всего грузинское слово поражаетъ въ оригиналѣ витѣватостью изложенія одинаковыхъ фактовъ изъ другихъ сказаній объ ея преставленіи. Рѣзко выставляется идея о главенствѣ Петра, отмѣченная Порфирьевымъ въ „Словѣ Солупьскомъ“, какъ признакъ латинской редакціи. Но грузинское слово не примыкаетъ въ деталяхъ къ послѣдней редакціи. Здѣсь мѣсто погребенія въ долинѣ Іосафатовой назначено Спасителемъ, а въ грузинскомъ словѣ Іоанномъ Крестителемъ. Отмѣтимъ еще въ грузинскомъ словѣ явленіе Богоматери Өомѣ, отсутствующее въ разказѣ архіепископа Солунскаго. Родство же грузинской редакціи со словомъ Іоанна Богослова и армянскимъ ¹⁾ сказаніемъ не можетъ быть установлено, ибо подробности послѣднихъ (напримѣръ, о Өомѣ, получившемъ поясъ отъ Богоматери, и сожженіе дома Іакова) носятъ совершенно другой характеръ сравнительно съ изложеніемъ грузинской редакціи. Любопытной чертой этой послѣдней представляется неуклонное именованіе Богородицы Богоматерью.

Эпистолиа о недѣлѣ, давно найденная мною въ сборникѣ XVII—XVIII вѣка, можетъ внести нѣсколько новыхъ деталей въ литературу вопроса. Акад. А. И. Веселовскій устанавливаетъ для сказанія два типа: съ Іерусалимомъ и Римомъ, и посредствующій, въ которомъ Эпистолиа, обрѣтенная въ первомъ городѣ, отправлялась впоследствии въ Римъ. Нашъ апокрифъ принадлежитъ ко второму типу: „Однажды, по Божьему предопредѣленію, сошелъ съ неба огненный столпъ на римскую церковь, и явился ангелъ св. Силибистру, римскому папѣ. Вошедши въ церковь, папа увидѣлъ удивительный свѣтъ, стоящій надъ церковью, смутился и сказалъ: „велико имя Твое, Который явилъ ликъ свой недостойнымъ рабамъ!“ и призвалъ священство и множество мірянъ. Три дня и три noci восхваляли Бога со слезами, а па четвертый день нашли въ церкви эту святую книгу, которую раскрыли съ трепетомъ, и нашли въ ней слѣдую-

¹⁾ Армянскій апокрифъ приписывается Моисею Хоренскому, жившему, по увѣренію однихъ, въ V вѣкѣ, хотя Каррьеръ, французскій ученый, отодвигаетъ время жизни „отца армянской исторіи“ къ VII—VIII вѣку, исходя изъ того, что Хоренскій пользовался армянскимъ переводомъ церковной исторіи Сократа, сдѣланнымъ въ концѣ VII столѣтія. См. *Nouvelles sources de Moïse de Khoren. Études critiques par A. Carrière, professeur à l'école des langues orientales vivantes, Vienne, 1893.*

щіе людскіе грѣхи: Безумцы, не работайте по воскресеньямъ, ибо день воскресный есть день святой! Если вы не послушаетесь, то пролью вашу кровь, наведу на васъ чужеземное войско. Слушайтесь моего евангелія, ибо земля и небо преидутъ, и только слово Мое не преидетъ. Нашлю на землю ужасную зиму, которая будетъ продолжаться три года, и вѣтры, огонь, градъ, саранчу, истребляющую плоды вашихъ работъ. Я обращаю милость Мою, по моленію матери Моей и всѣхъ свв. ангеловъ и праведниковъ, если же не обратитесь на путь истинный вы—цари ли, вельможи, господа или рабы, не помилуете нищихъ, то плоды, которые я далъ деревьямъ, Самъ же за ваши грѣхи высушу, источники осушу посредствомъ лучей солнца, нашлаю градъ и потоки, уничтожу деревни. Внемлите, обитатели земли! тотъ, кто исполнитъ въ воскресенье какую нибудь работу, кромѣ молитвы и отдыха, да будетъ проклятъ! Моею десницею даровалъ вамъ святое крещеніе и повелѣніе Мое: развѣ не знаете, безумные, что святыиъ день, и это писалъ Я своею рукою на горѣ Синаѣ и далъ Моисею, въ видѣ начала заповѣди о соблюденіи воскресенья (*квиріаке*). Нарушители *квиріаке*! Развѣ не въ *квиріаке* я отдохнулъ отъ дѣлъ своихъ? Въ *квиріаке* благовоствовалъ Мое рождество во плоти. Въ *квиріаке* я принялъ крещеніе отъ Іоанна и сошелъ на васъ Духъ святыиъ. Въ *квиріаке* же я приду судить живыхъ и мертвыхъ ¹⁾, воздать каждому по дѣламъ—вѣчныя муки за грѣхи и блаженство праведнымъ. Клянусь церковью Отца, что если не будете исполнять 10-ти заповѣдей и не будете поступать по Моимъ словамъ, нашлаю лютаго звѣря, поѣдающаго перси матерей и мясо мужей. Проклятъ крестомъ Моимъ, кто будетъ работать съ 9-го часа субботы до разсвѣта понедѣльника ²⁾. Отверзну небо и пошлю дождь изъ крови и золы, уничтожу посѣвы и виноградъ, вытраваю работы въ *квиріаке*, огнемъ и градомъ сокрушу людей и звѣрей; нашлаю на землю птицу, у которой голова будетъ львиная, крылья орлиныя, во-

¹⁾ Основаніе, почему надо чтить недѣлю (груз. *квиріаке*), по славянскому тексту полагается въ томъ, что въ недѣлю Богъ создалъ перваго человека, явился Аврааму и Моисею, въ недѣлю было Благовощеніе Пресвятой Богородицы, въ недѣлю Господь принялъ крещеніе отъ Іоанна, въ недѣлю же придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Далѣе слѣдуютъ обличенія въ грѣхахъ и предрекаются наказанія. *Тигонравовъ*, Памятники отреченн. русск. литературы, II, 135.

²⁾ „Египетская эпистола о недѣлѣ“. *Веселовскій*. Опыты по исторіи развитія христ. легенды, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1877, ч. СХСІ, 121—123. *Ею же*, Разысканія въ области русск. дух. стиха, III, 33—34.

лось женщины, хвостъ коня. Птица эта будетъ пожирать васъ безжалостно, и, преслѣдуемые ею, вы выроете могилы предковъ, моля ихъ со слезами: пріютите и помилуйте, вѣчно почившіе! Произведу солнечное затменіе, и день превращу въ мракъ, въ который будете убивать своихъ близкихъ. Будете рыдать, но не помилую васъ; будете просить, но не получите прощенія грѣховъ за нарушеніе святости квириаке. За нарушеніе Моей книги отвѣтите въ день Моего пришествія. Наслѣдуете вы неугасимый огонь, нестерпимыя муки и неусыпный червь до скончанія вѣка. Клянусь Матерью Моей, непорочно меня родившей, что эти слова не выдуманы и не написаны человекомъ! Кто дерзнетъ сказать, что это не повелѣніе Господа нашего Иисуса Христа, удѣломъ того будетъ геена вѣчная. Если царь или царица, князь или дворянинъ, великій или малый осквернитъ церковь Мою или хоть единого служителя св. престола, да будетъ проклятъ устами Монни и свв. апостоловъ. Это не поруганіе іерея, но Мое и церкви Моей. Вы же, исполняющіе велѣніе Отца Моего, да будете благословенны Отцомъ Моимъ и Мною нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь¹⁾.

Древнѣйшіе тексты Эпистолиі говорятъ лишь о почитаніи воскреснаго дня, какъ и въ грузинскомъ памятникѣ; въ редакціяхъ завѣдомо флагеллантскихъ присоединяется наставленіе чтить пятницу, какъ день страданій Господнихъ. Патриархомъ въ Іерусалимѣ, при которомъ сошло съ неба письмо Иисуса Христа, называютъ Іоанникія, въ Римѣ—Аванасія; по грузинской Эпистолиі появленіе ея случилось при папѣ Силибистрѣ (Сильвестрѣ). По сирскому тексту оно случилось въ 746 г., но существованіе „Эпистолиі о Недѣлѣ“, по словамъ акад. Веселовскаго, было извѣстно, по крайней мѣрѣ, съ VI вѣка.

Въ заключеніе этой статьи скажемъ нѣсколько словъ о гадательныхъ книгахъ. Памятники отреченной литературы, по различію суевѣрій, могутъ быть объединены въ группы подъ тѣмъ или другимъ названіемъ: вѣра въ примѣты, сны, гаданія, заговоры и пр. Одни изъ этихъ суевѣрій относятся къ личности человека, другія къ животнымъ, предметамъ и случаямъ изъ домашней жизни, третьи къ небеснымъ явленіямъ. На послѣднихъ я имѣю въ виду остановиться. „Колядникъ“ въ русскихъ памятникахъ, приписываемый въ одномъ сборникѣ XV вѣка Ездрѣ, находитъ себѣ подобіе въ грузинскомъ

¹⁾ О почитаніи пятницы сохранился на грузинскомъ языкѣ заговоръ, ходившій по рукамъ во время холеры 1892 г. Ношеніе заговора въ рукояси при себѣ спасаетъ отъ эпидеміи.

манускриптѣ X вѣка. извѣстномъ подѣ именемъ *Каландоба*, сказанная пророкомъ *Ездрой*. Русскій „Колядникъ“ предсказываетъ состояніе погоды, урожая на хлѣбъ и другія произведенія, смотря по тому. въ какой день недѣльный придется Рождество Христово. Грузинская „Каландоба“¹⁾ указываетъ, какихъ переменъ погоды и урожая надобно ожидать, судя по тому. въ какой день недѣли приходится Новый годъ. Если январь наступитъ,—говорится въ нашемъ памятникѣ,—въ „недѣлю“ (*квиріакѣ*—недѣля, нынѣ *квирѣ*—воскресенье). зима будетъ сырая. лѣто сухое, плодовъ много, виноградный урожай малый, меду много. скотъ хорошій, осень вѣтренная. Въ пошедѣльникъ наступитъ Новый годъ, зима будетъ теплая, лѣто и *ари* (вѣроятно. *ѣар*, *-арос* *ѣрос*, весна) хороши, дождливы и съ большими воздушными ужасами. осень сухая, плодовъ много, меду мало, непрерывныя болѣзни, неожиданныя смерти бѣдныхъ и сильная лихорадка. Во вторникъ наступитъ Новый годъ, зима будетъ крѣпкая, осень сырая, поврежденіе плодовъ, смерть женщинъ, болѣзни и крушеніе кораблей на моряхъ. Въ среду наступитъ Новый годъ, зима будетъ хорошая, лѣто сырое, *ари* (весна) хорошій, пшеницы мало, винограда и плодовъ много, всякаго предпріятія исполненіе, смерть мужчинъ. Въ четвергъ наступитъ Новый годъ, зима будетъ хорошая, лѣто вѣтренное, осень и *ари* (весна) благорастворены, меду мало, гибель начальниковъ и вельможъ. Въ пятницу наступитъ Новый годъ. зима будетъ медленная и жаркая, лѣто и *ари* сырые, осень сухая, вина и хлѣба много. всякіе плоды дешевы, глазныя болѣзни и смерть младенцевъ. Въ субботу наступитъ Новый годъ, зима будетъ тяжелая, *ари* чистый, скудость плодовъ, надежъ скота, горячка, непрерывныя лихорадки. пожары домовъ, смерть старцевъ²⁾.

Изъ приписки къ манускрипту видно, что переписчикъ имѣлъ оригиналомъ древнюю рукопись, въ которой кое-чего онъ не разобралъ и оставилъ безъ перевода непонятныя слова въ родѣ *ари* (*ѣар*), весны. Приписка гласитъ, что основаніемъ [для списка] принялъ онъ другую рукопись. Весь манускриптъ писалъ заглавнымъ церковнымъ алфавитомъ—„хуцури“, что можетъ свидѣтельствовать о древности самаго памятника. Въ пользу этого мнѣнія, помню вы-

¹⁾ Ср. груз. *каландоба* съ латинск. *calendae*, новогр. τὰ καλάντα, болгарск. *колада*, франц. *chalendes*, прованс. *calendes*. Подѣ именемъ „Каландоба“ въ Западной Грузіи донынѣ извѣстенъ Новый годъ. Моя статья „Празднованіе Нового года у грузинъ“ въ *Этнографическомъ Обзорѣнн*, кн. III.

²⁾ *Бакрадзе*, Исторія Грузіи, 235—236 (Тифлисъ, 1889).

ставленной въ рукописи даты: 941 годъ, переписанной въ Иерусалимѣ, въ монастырѣ св. Саввы „грѣшнымъ Іоанномъ“, могутъ говорить нѣкоторыя палеографическія и грамматическія особенности, извѣстныя намъ изъ древнихъ манускриптовъ. Такъ, здѣсь звукъ *y* не имѣетъ отдѣльнаго начертанія, — онъ выражается посредствомъ сочетанія звуковъ *ov*, эти же буквы выражаютъ звуки *oa*, *oe*, *oi*.

Нашъ памятникъ долженъ имѣть своимъ прототипомъ известное греческое астрологическое сочиненіе, приписываемое Ездру — *Τὸ πρῶτον Ἐδρα Διαγνώσις*. Для сопоставленія привожу его предсказаніе въ случаѣ наступленія Новаго года въ среду по греческому и славянскому текстамъ! *Ἡμέρα τετράδι ἕαν γέγονται κάλανοι Ἰαννουαρίων, ἔσται χειρὼν καλὸς, ἕαρ ὑγρὸν, θέρος καλὸν, καὶ λαοῦ καὶ σίτου ὀκάνας, τρύγουσ διαφίλιτα, ὀκῶρα πολλή, ἀνδρῶν δυναστῶν ἀπόλεια*. Аще ли в *среду* прѣимѣтъ, будетъ зима не зѣло люта, весна дождева, жетва добра, жита поскоупу, вына и швоцита избыльно, скотоу пагоуба и мужемъ съмреть ¹⁾.

Къ суевѣрнымъ книгамъ относятся еще различныя травники, зеленники, лѣчебники. Въ нихъ даны указанія, что нужно принимать для укрѣпленія здоровья и благополучія. „Сказано учеными философами: въ январѣ натошакъ не пей вина; въ февралѣ избѣгай сладкой свеклы; въ мартѣ не ѣшь кислаго“ и пр. Лѣчебники, или *Карабидики*, на грузинскомъ языкѣ дошли до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, заключающихъ одновременно и заговоры и описаніе цѣлебныхъ травъ. Авторъ *Карабидики* — неизвѣстенъ; вѣроятно, онъ является сводомъ свѣдѣній о болѣзни, собранныхъ различными лицами. Нерѣдко встрѣчаются тутъ ссылки на авторитетъ Джанаоза ²⁾ и „мудрыхъ философовъ“.

А. Хахановъ.

¹⁾ *Starine-Knjiga X*, стр. 115—116 (U Zagrebu, 1878). Ср. *Тихонразовъ*, Памятники отречени. русск. литературы, ч. II, 377—378.

²⁾ Джанаозъ — Джалимъсъ, персидское прозвищеніе Галена, имя котораго встрѣчается и въ русскихъ травникахъ; проф. *Флоринскій*, Русскіе травники, Казань, 1880 (Предисловіе, стр. II). Ср., между прочимъ, о Джанаозѣ *Мориера*, дер. Брамбеуса, I, 143 примѣч. „Хаджи-Баба Исфагани“.

ФЕДОРЪ ПОЛИКАРПОВИЧЪ ПОЛИКАРПОВЪ-ОРЛОВЪ, ДИРЕКТОРЪ МОСКОВСКОЙ ТИПОГРАФІИ ¹⁾.

V.

Внѣслужебныя занятія Поликарпова.—Оригинальныя сочиненія его: Букварь Лексиконъ, Грамматика, Исторія славяно-греко-латинской академіи.—Подробное разсмотрѣніе ихъ и оцѣнка.—Свѣдѣнія объ исторіи русской, писанной Поликарповымъ.

Какъ ни сложны и хлопотливы были обязанности Поликарпова, какъ директора типографіи, однако онъ находилъ время не только для отдыха, но и для другихъ занятій. Этотъ неутомимый труженикъ успѣлъ написать нѣсколько самостоятельныхъ сочиненій, не безполезныхъ для своего времени.

Такъ, въ годъ назначенія своего начальникомъ печатнаго двора Поликарповъ издалъ въ Москвѣ букварь. Хотя г. Пекарскій не мало написалъ объ этомъ букварѣ въ I и II томахъ своей книги „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, однако мы принуждены здѣсь отмѣтить неточность въ описаніи почтеннаго академика, обнаружившуюся при ближайшемъ знакомствѣ съ букваремъ Поликарпова по экземплярамъ Московской синодальной типографіи и Императорской Публичной бібліотеки.

На первомъ нумерованномъ листѣ читаемъ такое заглавіе-словословіе: „Во славу Бѣга Оца, и Сѣна, и стѣго Дѣа, повелѣніемъ Великаго Гдѣря нашего цѣря и великаго Кѣзя Петра Алексѣевича всея

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, при бѣгородѣиѣишми. Гдѣрѣ нашемъ дѣвичѣ и великомъ князѣ Алегди Петровичѣ, бѣгословеніемъ же преосвѣщенныхъ архіереевъ между патриаршествомъ издадеса сія книга букварь славенскими, греческими, римскими писмены, учитися хотящимъ, и любомудріе в'ползу дѣшеспасителную обрѣсти тѣщамся, в' цѣтвующемъ великомъ градѣ Москва, лѣта мѣрозданія 7308-го рѣтва же Бѣа Слова 7494-го, мѣца іуніа".

На оборотѣ того же заглавнаго листа рѣзанное на деревѣ изображение цвѣтовъ съ подписью: „Яко цвѣтъ селный, тако цвѣтеть чело-вѣкъ“; затѣмъ акростихъ на греческомъ языкѣ, открывающій имя составителя букваря Поликарпова—Богодаръ (=Оеодоръ).

Дальше слѣдуетъ: „Оглавленіе вещей, вобрѣтающихся въ книжицѣ сей“ (все заглавіе написано киноварью, исключая перваго Ш). При передачѣ „содержанія букваря“ г. Пекарскій (II т., № 41) одно беретъ изъ „Оглавленія“, а другое изъ самаго текста букваря. Поэтому приводимъ здѣсь „Оглавленіе“ въ подлинномъ видѣ, съ указаніемъ измѣненій въ текстѣ.

„Изображеніе ^х славенскіи писменъ начальныхъ, листъ а̄.

Азбуки славенскія разныхъ начертаній, листъ г̄. (Въ текстѣ на л. г̄ нѣтъ никакого заглавія, а на обор. л. ѣ, послѣ большихъ буквъ уставныхъ, написано киноварью: „Буквы или писмена“, затѣмъ идетъ азбука полууставная, потомъ болѣе мелкая).

„О раздѣленіи славенскихъ писменъ, листъ д̄. (Въ текстѣ на л. д̄: „Ш раздѣленіи писменъ славенскихъ въ кратцѣ по грамматицѣ“).

„Греческія азбуки, листъ а̄и (Въ текстѣ: „Изображенія еллиногреческихъ писменъ со изявленіемъ славенскихъ писменъ“).

„Ш раздѣленія писменъ греческихъ, листъ а̄и, на оборотѣ. (Въ текстѣ загл.: „Ш раздѣленіи писменъ“ напечатано на обор. л. ѣи“).

„Слоги гречески с русскими, листъ д̄и. (Въ т. на л. д̄и: „Слоги двописменни и триписменни“).

„Латинская азбука, листъ л̄з. (Въ т. л. л̄з: „Писмена латинская болшая и меншая со изявленіемъ славенскихъ писменъ“).

„Слоги латинскія с русскими ли ѣи. (Въ т. нѣтъ заглавія, а напечатаны слогі).

„Црю вѣиый и с прѣ мѣтвами ѣи м̄. (Въ текстѣ нѣтъ заглавія никакого).

¹⁾ Начальная буква каждой главы напечатана киноварью.

„Десять заповѣдей Божіѣ, листъ ѿ. (Въ т.: „Десять заповѣди Бжія“).

„Седмь таннѣ новаго завѣта влицѣ, листъ ѿа на шборотѣ. (Въ текстѣ нѣтъ слова „влицѣ“).

„Ѡ дѣлѣ всякагѡ православнагѡ хртіанина, листъ ѿв на шборотѣ“. (Въ т. на обор. л. ѿв перечислены добродѣтели, а на об. ѿе есть заглавіе: „Ѡ дѣлѣхъ православнагѡ хртіанина“).

„Ино собраніе полезно ко шбученію чувствъ тѣлесныхъ, листъ ѡв, на шборотѣ“.

„Стихи правоучителни Григоріа Бѣослова, листъ ѡи“. (Въ т. на л. ѡи: „Стагѡ Григоріа Бѣослова Назіанзіна стихи правоучителни по алфавиту, съ греческихъ новопреведеніи въ шбученіе желающимъ ползы“).

„Ѡ Бѣв, и ѡ дѣвѣхъ глава ѡ ли ѡ“. (Въ т. на л. ѡ: „Краткое собраніе именъ по главнѣнамъ расположеное тремъ діалектами, вползу хотящѣи вѣдѣти свойство еллиногреческагѡ и латінскагѡ діалекта“. А уже подѣ этимъ заглавіемъ идетъ меньшее заглавіе по главамъ, напримѣръ, ѡ „о Бѣв и дѣвѣхъ“).

„Ѡ морѣ, ѿбси, и стихіахъ, глава ѡ, листъ ѡа.

„Ѡ временѣхъ, и праздницѣхъ глава ѡ, листъ ѡа на шборотѣ“.

„Ѡ водахъ, глава ѡ, листъ ѡи на шборотѣ“.

„Ѡ мѣстѣхъ и земляхъ, листъ ѡ, глава ѡ“.

„Ѡ члѣцѣ, и о егѡ частѣхъ, глава ѡ. листъ ѡа“.

„Ѡ болѣзняхъ, глава ѡ, листъ ѡс“.

„Ѡ брашнѣхъ, глава ѡ, листъ ѡѡ“.

„Ѡ нитіи, глава ѡ, листъ ѡ на шборотѣ“.

„Ѡ животныхъ глава ѡ, листъ ѡа на шборотѣ“. (Въ т. на об. л. ѡа: „Ѡ животныхъ четвероногихъ“).

„Ѡ птицахъ, глава ѡ, листъ ѡг на шборотѣ“.

„Ѡ червѣхъ, глава ѡ, листъ ѡе. (Въ т. на л. ѡе: „Ѡ червѣхъ и насѣкомыхъ“).

„Ѡ рыбахъ, глава ѡ, листъ ѡс“.

„Ѡ древесѣхъ, глава ѡ, листъ ѡз“.

„Ѡ разныхъ плодахъ, глава ѡ, листъ ѡз на шборотѣ. (Въ т.: „Ѡ разныхъ овощахъ“).

„Ѡ житахъ и сѣменахъ, глава ѡ, листъ ѡи“.

„Ѡ частѣхъ древесъ, глава ѡ, листъ ѡи на шборотѣ“. (Въ т. при-
бавлено „и плодшвѣ“).

„Ѡ травахъ и цвѣтахъ, глава ѡ, листъ ѡѡ“.

„Ѡ зеліахъ ароматныхъ, глава ѡ, листъ ѡи“.

„(Ш цркѣи, и ш чинѣ црковныхъ, глава ѣ, листь рі на шборотѣ“.
(Въ т.: „ш цркѣи, и ш вещьехъ ея, и ш чинѣхъ црковныхъ“).

„(Ш чинѣхъ политичныхъ, глава ѣа, листь раі, на шборотѣ“.
(Въ т. прибавлено: „и мірскихъ“).

„(Ш наукѣ, глава ѣв, листь рѣи“.

„(Ш оучилищи, глава ѣг, листь ргі“.
(Въ т. прибавлено: „и ш книгахъ“).

„Имена цртѣи и земель, глава ѣд, листь ргі на шборотѣ“.

„Имена градшѣи, глава ѣе, листь рді на шборотѣ“.

„(Ш градѣи и яже суть въ немъ, глава ѣз, листь рзі“.

„(Ш воинствѣи, и яже прилчествую ксеми глава ѣз, листь рзі“.

„(Ш сродствѣи, глава ѣи, листь рні, на шборотѣ“.

„(Ш судебныхъ дѣлѣхъ, глава ѣѣ, листь рѣі“.

„(Ш рукодѣлникахъ, и рукодѣлахъ, глава ѣ, листь рѣі, на шборотѣ“.

„(Ш каменіахъ, и рудѣ, глава ѣа, листь рк, на шборотѣ“.

„(Ш кораблѣи, глава ѣв, листь рзі“.

„(Ш домѣи и яже прилчествуютъ сему, глава ѣг, листь рні“.

„(Ш одѣянїи, глава ѣд, листь рк, на шборотѣ“.

„(Ш деревни, глава ѣе, листь рка“.

„Сто главъ правоучительныхъ стагѣи Геннадїа патріарха въ концѣ листа, листь ѣ: (Въ т.: „Сѣтагѣи Геннадїа, патріарха кѣнстантінополскагѣи, ш вѣрѣи: еже оубѣи православною вѣру имѣти, шснованїе добрыхъ дѣлѣи есть, тѣмже ѣ вѣрѣи начнетъ слово. Нач.: „Вѣруй во Оѣа, и Сѣна, и сѣаго дѣа, Трѣцу нераздѣлну, и несліянну“).

„Василїа великагѣи поученїе къ юнымъ, листь гї“.
(Въ т.: „Поученїе сѣтагѣи оѣа нашегѣи Василїа великагѣи к юнымъ“.
Нач.: „Во первыхъ имѣти подобаетъ юнымъ людемъ душевную чистоту, и безстрастіе тѣлесное“.
На полѣ: „в граматикѣи в прѣсловїи“).

„Изявленїе житїа Григорїа Бѣгослова листь тойже на шборотѣ“.
(Въ т.: „Сѣаго оѣа нашегѣи Григорїа Бѣгослова, патріарха, извѣщенїе ш жизни егѣи, янымъ въ ползу“.
На полѣ: „патерїи печерѣи“).

„Іѣанна Златоустагѣи ш житїи и ш страстѣи Бѣїи, листь дї“.
(Въ т.: „Сѣаго Іѣанна Златоустагѣи, какѣи страхъ Бѣїи имѣти, и оучитїи полезно, из бесѣдѣи егѣи“).

„Стїхи ш смерти на три статїи, листь той же на шборотѣ“.
(Въ т.: „Стїхи воспоминати смерть прївѣтствомъ“).

[На л. 3: „Тѣпографская погрѣшенїа исправлена“).

Въ букварѣ есть нѣсколько картинокъ, именно: 1) передъ „Предисловіемъ“—„Сшествіе св. духа на апостоловъ“; подъ нею стихи:

„Дѣа спятагъ даръ въ донь пядесятнй,
апостоломъ бысть въ языкъ ннъ пріятнй.
Имъ оученіе всюду по вселеннѣй
во вся языки къ жизни благодѣнней“.

2) Предъ „Изображеніемъ славенски писменъ начальнѣй“—Богородица на престолѣ съ Божественнымъ младенцемъ на рукахъ, окруженная московскими чудотворцами—св. Іоною, Алексіемъ, Филиппомъ и Петромъ. Подъ нею стихи:

„Подъ твою милость, дѣво, прибѣгаемъ,
сына ти Бѣа и ты воспѣваемъ.
Вамъ в молбѣ стоѣ русски святители,
мудрости правды блази оучители“.

3) Картинка передъ изображеніемъ греческихъ буквъ описана подробно у Некарскаго, I т., стр. 176.

4) Картинка передъ латинскими буквами описана тамъ же.

5) Передъ „Црю небесный“—Христось среди учителей іудейскихъ; по сторонамъ картинки стихи:

ⲁ „Гѣхъ Іисусъ среди оучителей
закона ветха мнѣщихся зрители.
Ⲃ Оучѣ вся люди в Бѣа вѣры правы
да сподобятса небесныя славы.
ⲃ Оучащымся бо спасеніе спѣи
Кто ли ѿ дѣлѣ бѣгомъ пораждеть.
Ⲅ Потребно юныи и старыи наука,
Ибо в мѣрости всѣмъ быти не скука“.

6) Передъ „Вѣа дѣво, радуйся“—Богородица съ младенцемъ.

7) Передъ заповѣдями—Моисей, получающій на Сіонѣ заповѣди; съ четырехъ сторонъ стихи:

ⲁ „Законъ Ⲅ Бѣа Моусею дается
да въ жизни своей чѣвкъ спасетса.
Ⲃ Громъ и молніи гласи трубины быша,
Тамъ на горѣ еврейскій полкъ слыша.
ⲃ Бѣа бо знати оумпословный тиися,
И заповѣди егѣ въ вѣкъ держися.
Ⲅ Гдѣ вѣра любовь ѡ Бѣа пребываетъ,
Тамъ надежда въ небо оуспѣваетъ“.

8) При таинствѣ 7 картинокъ въ кругахъ, изображающія совершение этихъ таинствъ священникомъ и архіереемъ (священство).

9) Передъ стихами Григорія Богослова его изображение; стихи:

„Григорій стѣи бѣсловъ оучитель,
во тѣдѣ Бѣу искренній служитель.
В словесѣ мудрѣ стихи даде знати,
да юнѣ и старій тишишь в тѣхъ пребывать“.

10) Передъ краткимъ собраніемъ именъ—„Іоаннѣ Дамаскинѣ“;
стихи:

„Ѡ Бѣѣ и всей твари Дамаскинѣ писаше
сихъ разна званства знати тишишь сѣце ваше“.

11) Передъ словомъ Геннадія патріарха—его изображение; стихи:

„Геннадій святій константїи града,
патріархъ мудрый людемъ всѣмъ шграда.
Вразумленію народы оучаше,
к горнѣи жїи тѣхъ дѣтели взвождаше“.

12) Передъ словами Василія Великаго—его изображение; стихи:

„Здѣ Василю сѣу всякъ молися,
науки егѣ оусердно держися.
Чистота тѣла елико хранится,
толикѣ душа к' наукѣ свѣтлится“.

Переходя къ содержанію букваря, прежде всего остановимся на „Предисловіи“ ¹⁾, такъ какъ оно объясняетъ не только цѣль и причину появленія въ свѣтъ этой книги, но содержитъ въ себѣ указанія и намеки на многія характерныя для того времени явленія въ области литературы и жизни.

На л. А киноварью напечатано слѣдующее заглавіе:

„Предисловіе бѣгочестивому читателю о Гдѣ радоватися, здравствовати и умудратися“.

„Свойство различныхъ діалектовъ (на полѣ поправл. языковъ) въ разглагольствахъ знати,—такъ начинается „Предисловіе“,—не земный Ѡ земныхъ землеходѣ даемый даръ, но съ высоты стїи Ѡ самагѣ паракліта источаемъ якѣ воистину Ѡ прїотекущагѣ мудрости источника, сихъ ищущїи вѣруется (бѣгочестивый читателю). Соутверждаетъ се слово, иже въ проповѣдь слова избраннїи сосудъ Павелъ аплѣ, глаголя: коемуждо дается явленіе дѣа на ползу, овому оубѣ дѣомъ слово премудрости, овому же разсужденіе дѣшвѣ, иному же рѣди языковъ, и иному сказаніе языковъ, вся же сія дѣйствуетъ

¹⁾ Оно кратко указано у *Пикарскаго*, I т., стр. 175.

единъ и той же дѣхъ, раздѣляя властію комуждо якоже хоцетъ (об. л. а). Сего ради и самосовершенная упростаская мудрость, сѣхъ оуцъ и дѣху собртольный, хотяи за превосходящую свою бѣгость расточеныя въ концахъ земли многобожіемъ заблуждены разны языки, во едину юже в триупостаснаго единасуцїиѣ покланяема Бѣга вѣру собрати, чрѣ проповѣдь стѣхъ егѡ оученикѡ и апѡшвъ, бѣговолилъ по шбѣщанію своему, якѡ любимыхъ своихъ пачеже братію, любимѣ и изящнѣйшимъ даромъ шдарствити, языкошгнезрочною дѣха бѣгодатію, еже бы родами языковъ инородныхъ вѣщати, якѡ зрится во історїи оу Луки стѣгѡ повѣствуемо“. Богъ ниспослалъ на апостоловъ св. Духа для того, чтобы создать столпъ вѣры, высоту котораго увидѣли къ своему спасенію всѣ концы земли. Для утверждения того же самага столпа вѣры царь Петръ Алексѣевичъ издаетъ книги на разныхъ языкахъ, потому что чрезъ такіа книги Богъ прославляется, вѣра умножается, ученіе процвѣтаетъ, и его царское достоинство чрезъ это будетъ, какъ домъ Божїй.

(л. г). „Оубо его црѣкимъ бѣгочестивымъ повелѣніемъ сію краткосочлененую книжицу алфавитаръ, рекше букваръ славеногреколатински новопервопечатнѡ на свѣтъ произнесше, якѡ первоначальное дѣтскому воскоподобному оуму руководство, влзатыхъ лѣтѣхъ къ мудрости честнѣйшей злата и каменей драгоцѣнныхъ, предѣваше мудролюбивое и дѣтолюбивое очесъ зрѣніе, якѡ даръ бѣгодаривый предлагаемъ, юже шгорстивъ кїждо бѣгочестивый бѣговоли читая ползоватися и ползовати, соувѣряся и оумудряся ш писавыхъ во спасеніе. ибо сіе оученіе зѣлѡ вѣрѣ нашей ключимность. к сему же якѡ да и не наша вѣры суще, кїи либо народи (об. л. г) сіа же книги читающе, православной нашей вѣрѣ прицѣпятся, юже крѣпко держимъ, и писмами греческими подтверждаемъ, вѣдяще якѡ Ѡ Сїѡна изыде законъ, и слово Гдѣне Ѡ Іерлїма, его же кромѣ аще и апѡш бѣговѣстїи невѣруйте. Аще же и римскїа, простѡ латинская писмена симъ припечатана зрятся, и та не ко вреду, ибо не римскїа, но греческїа сими твердятся вдѣ догматы.

Дѣху спасаеть не языкъ, но вѣра,
всѣмъ долгъ хранити, правѣ догмѣ предѣла
Гречески римски, и еврейски знаша,
сѣи мнози, и книги писаша.
Но тѣмъ всетворцу, вжизни оугодили,
в' вѣру ловаше людъ, вѣяцы получили.
Лучше своими, чужихъ оуловляти,
пежели вчуждыхъ, самимъ оуглѣбати.

„Вы же ѿ трудолюбивин одинагѡ латінска языка рачителие, сущія во Хрѣта вѣры питомцы, иже единымъ токѡѡ сосцемъ (л. А) латінскія мудрости питаются, прѣимите и вторый, паче же первый по вѣрѣ нашей православной, по чину восточныхъ црѣкѡ, и по древности, греческѣ в мудрости діалектѣ к воспитанію разума стяжати. Не таятся васъ греческагѡ языка древность, не крыется еже въ немъ пространство и мудрость, явно всѣмъ правовѣрнымъ, внемъ вѣры законѡвъ и догматѡвъ сохранство... (об. л. Д). Тѣмже оубѡ, ѿ трудолюбивин мудрости пчелы, сѣмѡ слетайтесь коеже созерцати вразнопестровидномъ греческаго оученія вертоградѣ, бѣгоуханную разумоподательныхъ и вѣрокрѣпительныхъ цвѣтѡвъ красоту, црѣковными оубѡ, не баснотворцы, оустроеную, здѣ бо оусмотрите младенствовавшія за ны превѣчныя мудрости, мѣнцы оумудряющія, и из млекопитаемѣ оустъ хвалу себѣ совершающія слова Бжїя слово (на полѣ: „ѡло“), ко словопроповѣднику вначалѣ слово оу Бга быти вбгремѣвшему речено (на полѣ: „іѡа“), азъ есмь алфа и ѡмега, начало и конецъ (на полѣ: „апѡ а“). алфу оубѡ ѡ алфѣ начату, и ѡмегу ѡ ѡмегѣ съ послѣдствующими имъ славенорѡсскими изясненіи свершену, влучшее познаніе, и мѣнцемъ лицевиднѡ предложеное. Здѣ ѡбьюхаєте тросязычно, но единомудренно по православному греческія црѣкѡ оуставу вбслѣдованіе мѣтѡвъ, ѡалмѡвъ; стагѡ символа, агггскагѡ поздравленія к приснодѣвѣ Бгомѣри Мрїи, и прочая по чину восточныхъ сочленено (л. Е).

„Здѣ оукрѣпитесь законами, не ѡ Солонѡ и Лукургѡ предаными но ѡ всетворца Бга другу егѡ Моусею на двѡ скрижалѣхъ дароваными десѡтословнѡ, и прочими не ѡ Ціцеронѡ и Сократѡ, но ѡ црѣковныхъ оукрасителѣ цвѣтословіями, сугубаго человекѡ сугубая чувства, къ добродѣтелемъ наставляющими воспутевождствитя.

„Здѣ ѡслажете стїхи, не Овідіевы, ниже Віргііевы, но крайнѣйшагѡ оума бгослови Григоріѡ, неточію града Назіанза, но и все мірна свѣтилника мудростїхотворный плодъ, егѡже и единъ стїхъ проюдолитъ каменѡобразное срѣце человекѡ оумословесну.

„Не Есѡпа фрѣггїйскаго здѣ смѣхотворныя оузрите басни тѡпографскѡ зрими, но ѡбращаете себѣ предложенъ стѡстепенный вѣбо восходъ, стѡглавъ глаголю Геѣадіѡ патрїарха стагѡ, егѡже к благачестію возвожденіе, (об. л. Е) аще Іакѡвлѣ лѣствницѣ оуподобитъ кто, не погрѣшитъ негли. якѡ возводящъ вгорнїи сіѡ, и чїки многоплотны, акѡ аплъ бѣплотны. Можете наконецъ ѡбрести и реченїи по видеѡ различныхъ к познанію греколатінска языка число немало,

к поощренію бесѣдъ, ни а вышшее к наукамъ возшествіе, съ лучшимъ греческа и славенска языка поправленіемъ, ѿ сія меншія книжицы“...

Заканчивается „Предисловіе“ извиненіемъ за допущенные промахи и ошибки.

Съ листа 5 начинается еще одинъ отдѣлъ, стоящій внѣ содержанія букваря. Заглавіе этого отдѣла напечатано также киноварью и гласить: „Правилное шбученіе чиннаго чтенія и писанія“. Вотъ какія здѣсь даются наставленія: „Оучащему, и чтущему, и пишущему должно свойство произношенія, ударенія, препинанія и правописанія въ книгахъ знати, ибо всякаго языка особое шбыкновеніе всихъ зрится.“

„И перво оубо коегуждо сихъ языка книги читати и писати достойтъ рѣчь ѿ рѣчи раздѣлш.“

„Запятими ѿдыхати, а точками цѣль разумъ опредѣляти.“

„Просвѣди или оударенни чинно разумъ реченій являється, ино бо мукѣ, ино мѹка...“

„виѣсто є не іѣи к, якѹ єгда не югда, єѹліе не кѹліе, ниже ѣ виѣсто є. яко ведѹ, не вѣдѹ. овѣсь не овѣсь“.

Съ листа 3 начинается изложеніе правилъ произношенія греческихъ буквъ, напримѣръ, о произношенія γ передъ γ или ξ , χ и т. д.

Листъ 4: „Ксимъ читателю предреченнымъ лѣпотствуетъ знати ѿчасти и ѿ прочемъ произношеніи, и писаніи латинскаго діалекта“. Все это напечатано киноварью и есть заглавіе особаго отдѣла, въ которомъ заключается ученіе о произношеніи нѣкоторыхъ латинскихъ буквъ, напримѣръ, с, h и др.

Въ самомъ букварѣ послѣ различнаго написанія буквъ на л. 4 находимъ такой отдѣлъ: „Ш раздѣленіи писменъ славенскихъ вкратцѣ по грамматицѣ“. Здѣсь кратко изложено ученіе о гласныхъ, согласныхъ и раздѣленіи ихъ, заимствованное изъ грамматики Мелетія Смотрицкаго.

Молитвы изложены въ такомъ порядкѣ: сперва идетъ славянскій текстъ, потомъ—греческій текстъ, при чемъ страница дѣлится на два столбца: въ лѣвомъ греческій текстъ, а въ правомъ—чтеніе греческаго текста славянскими буквами; съ латинскимъ текстомъ поступаютъ также. На оборотѣ листа 46, въ концѣ послѣдней молитвы. читаемъ такое наставленіе, указывающее, какъ обучать дѣтей молитвамъ: „Вся сія заповѣдати дѣтищу поне трижды неѹроцишѹ на пощеденство прочитати чинно по раздѣленому здѣ разпредѣленію, и не сляти, ниже смѣшавати часть съ частію: по раздѣляти совер-

шенными Ѡдохновенни въ молитвѣ прошеніе Ѡ инаго прошенія. и въ символѣ членъ Ѡ инаго члена. И вездѣ во всѣхъ писаніяхъ точками совершенными разумъ разпредѣленный раздѣляти“.

Заповѣди и другія религиозныя наставленія изложены кратко. Наставленія св. Геннадія имѣютъ поучительный характеръ и касаются вѣры въ Бога, Богородицу, почитанія святыхъ иконъ, мощей святыхъ угодниковъ, молитвъ, вѣры въ воскресеніе мертвыхъ; затѣмъ излагаются въ нихъ евангельскія заповѣди о любви къ Богу и ближнему. о страхѣ Божиемъ, объ отношеніи къ старшимъ, равнымъ и младшимъ, о страхѣ передъ царемъ, властями и тому подобныя наставленія въ духѣ христіанской кротости и смиренія. Такой же характеръ носятъ и поученія Василія Великаго, что можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка: (л. 171) „Ступайте кротко, гласъ умѣренъ. слово бѣготчивно. пицу и питіе немятежно. При старѣйшихъ молчаніе. при мудрѣйшихъ послушаніе“ и т. д. Чисто аскетическія мысли развиваетъ извѣщеніе о жизни Григорія Богослова: (об. л. 171) „...земля бысть мнѣ ложемъ, власяница одеждою, бдѣніе бже мнѣ сномъ, и слезы оупокоеніе“... Вслѣдъ за такого рода статьями помѣщено три стихотворенія (а, б, в) подъ такимъ общимъ заглавіемъ: „Стихи воспоминати смерть привѣтствомъ“. Содержаніе стиховъ вполне гармонируетъ съ характеромъ указанныхъ выше статей Василія Великаго, Григорія Богослова и др. Вотъ для примѣра первое стихотвореніе, принадлежащее перу старшаго современника Поликарпова, іеромонаха Каріона Истомина-Заулонскаго:

а

„Возрю на небо умъ не постигаеть,
 како въ не пойду, а Бгъ призываетъ,
 На землю смотрю мысль притупляется,
 всякъ человекъ вту смертью валается.
 По широтѣ ли умъ здѣ понесетъ,
 конца и край нигдѣ доберетъ.
 Тварь бо вси в' Бгѣ мудрѣ содержитсяъ,
 да всяка душа тому удивится.
 Что ꙗко держитъ, кто и землю строитъ,
 человекъ како блгу жизнь усвоитъ.
 Усвоитъ смотря времена и лѣта,
 да насладится зрѣльства Бга свѣта.
 Внимати должно како мрутъ здѣ люди,
 вси сыпаются в'прахъ, хотъ крѣпкія груди“...

Таково содержаніе трезычнаго букваря Поликарпова. Оно вполне оправдываетъ тѣ мысли, которыя авторъ изложилъ въ „Предисловіи“.

Послѣднее прекрасно характеризуетъ намъ воззрѣнія Поликарпова въ то время, когда онъ выступалъ въ роли директора типографіи. Итакъ, какія же мысли высказалъ печатно послѣдній въ самомъ началѣ XVIII столѣтія? Нельзя не замѣтить, что въ „Предисловіи“ Поликарповъ является вполне человѣкомъ XVII вѣка, и при томъ приверженцемъ партіи восточной. Въ самомъ дѣлѣ цѣль издаваемой имъ въ началѣ XVIII вѣка книги для школы—чисто религіозная: букварь его долженъ научить догматамъ православной вѣры и тѣмъ помочь людямъ прийти во спасеніе. Если Петръ Великій, по словамъ Поликарпова, издавалъ книги на разныхъ языкахъ для утвержденія вѣры православной, то весьма понятно, почему и онъ въ свой букварь внесъ обученіе языкамъ греческому и латинскому. Здѣсь мы находимъ интересное свидѣтельство и, можетъ быть, послѣднюю защиту греческаго ученія противъ латинскаго. Нѣсколько странно кажется защита Поликарповымъ греческаго ученія послѣ того, какъ въ XVII вѣкѣ вопросъ этотъ обсуждался довольно подробно и получилъ къ концу указаннаго столѣтія рѣшеніе въ особомъ сочиненіи: „Доводъ вкратцѣ. Яко ученіе і языкъ еллино-греческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ пользуетъ славенскому народу“ (это сочиненіе напечатано г. Каптеревымъ въ приложеніи къ ст. своей: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытія Славяно-греко-латинской Академіи“, Москва, 1889 годъ, стр. 89—96). Видно, теоретическія разсужденія восточниковъ (=греческой партіи) не могли остановить движенія впередъ, которое ошаралось сперва на западный (вѣрнѣе юго-западный) латинизмъ, а потомъ привело къ знаменитому „окну въ Европу“, прорубленному гениальнымъ царемъ. Тѣмъ интереснѣе кажется увѣреніе Поликарпова, что „латинскія писмена“ прибавлены имъ не ко вреду, потому что этими буквами излагаются въ его букварѣ не римскіе, но греческіе (=православные) догматы вѣры. Такое увѣреніе не покажется запоздалымъ только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что все новое медленно проникало въ массу русскаго общества и дѣлалось достояніемъ русской жизни. Намъ кажется, что, только принявъ послѣднее положеніе, можно понять, почему Поликарповъ неодобрительно отозвался о произведеніяхъ древне-классической литературы (Солонъ, Ликургъ, Цицеронъ, Виргилій и др.), не смотря на то, что Петръ Великій одобрялъ эти произведенія.

Само собою понятно послѣ сказаннаго, что „Треззычный букварь“ Поликарпова не отличается рѣзко по содержанію отъ другихъ буква-

рей XVII вѣка ¹⁾). равно какъ не отличается отъ нихъ цѣлью и назначеніемъ. Все новое, что внесъ въ свой букварь Поликарповъ, исчерпывается—шрифтами греческимъ и латинскимъ, равно складами и собраніемъ словъ и молитвъ на этихъ языкахъ, правоучительными стихами Григорія Назіанзина, поученіемъ Василія Великаго къ юнымъ и нѣкоторыми другими сочиненіями.

Тѣмъ менѣе можно ожидать отъ букваря Поликарпова чего либо новаго въ методическомъ и дидактическомъ отношеніяхъ. Въ дидактическомъ отношеніи Поликарповъ явился на столько отсталымъ, что рекомендуетъ розгу, какъ одно изъ вспомогательныхъ средствъ обученія:

„Лѣнливѣи же за праздность бѣются,
грѣховъ творити всегда да блюдутся!“—

пишетъ онъ подъ картинкою, изображающею наказаніе розгами одного изъ лѣнливыхъ учениковъ. Странно, что Поликарповъ въ 1701 году нашелъ нужнымъ повторить старинное поученіе о пользѣ розги, когда другіе составители букварей (напримѣръ, Каріонъ Истоминонъ) этого не дѣлали.

Не задавался Поликарповъ, при составленіи своего букваря, никакими методическими соображеніями объ облегченіи учащихся, о большей доступности обученія, объ экономіи времени и силъ учащихся. Первые страницы его букваря ясно показываютъ, что онъ придерживался господствовавшего въ XVII вѣкѣ (да и доселѣ еще существующаго въ глухихъ уголкахъ нашего отечества) такъ называемаго *букво-слазательнаго* способа обученія грамотѣ. И по его букварю дѣти сперва должны были заучивать названія буквъ (церковно-

¹⁾ Пекарскій въ I т. (стр. 167—174) перечислилъ всѣ буквари, появившіеся до 1701 г. Сообщиное имъ дополнимъ здѣсь указаніями *Каратаева* (Хронологическая роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1790, С.-Пб., 1861), и епископа *Дамаскина* (*Семена Руднева*) (Библиотека російская, или свѣдѣніе о всѣхъ книгахъ, въ Россіи съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ. Памятники древней письменности, XI, 1881 годъ). Вотъ какіе буквари остались неизвѣстны г. Пекарскому: 1) Букварь, изд. въ Москвѣ въ 1657 г.; 2) Букварь, изд. тамъ же въ 1665 г.; 3) Букварь, напеч. въ Кіевѣ въ 1670 г.; 4) Букварь, напеч. въ московской верхней типографіи въ 1677 г.; 5) Букварь, изд. въ Черниговѣ въ 1680 г.; 6) Букварь, напеч. въ типографіи Войцеха Мальчевскаго, во Львовѣ, въ 1690 г.; 7) Букварь, напеч. въ Братской типографіи, во Львовѣ, въ 1692 г.; 8) Букварь, напеч. въ Москвѣ въ 1698 г.; 9) Букварь, напеч. въ Уневскомъ монастырѣ въ 1698 г.; 10) Букварь славенороссійскій, съ рисовальными фигурами, іеромонаха Иларіона, напечатанъ въ Москвѣ. (Годъ изданія еп. Дамаскиннмъ не указанъ).

славянскія), затѣмъ переходитъ къ слогамъ и т. д. Можно пожалѣть, что Поликарповъ не воспользовался счастливою попыткою Каріона Истомина облегчить учащимся усвоеніе грамоты посредствомъ картинокъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, мы должны отнести букварь Поликарпова, вышедшій въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, къ букварямъ (при томъ не къ лучшимъ) XVII вѣка, автора же его признать за самого зауряднаго дидаскала того времени, сильно приверженнаго къ стариннымъ педагогическимъ приемамъ и возрѣніямъ.

Если въ первомъ своемъ учебно-педагогическомъ трудѣ Поликарповъ явился приверженцемъ старины, то въ другомъ трудѣ, появившемся двадцать лѣтъ спустя, онъ сильно измѣнилъ свои прежнія возрѣнія. Разумѣемъ грамматику, изданную въ Москвѣ въ 1721 году.

Полное заглавіе грамматики напечатано на первомъ нумерованномъ листѣ: „Во славу сѣя единосущныя, животворящія, и нераздѣлимыя трѣцы, Оца, и Сна, и сѣаго Дха. Повелѣніемъ Бѣгочестивѣйшаго великаго Гдѣря нашего Црѣя, и великаго Кнѣзя Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца. При благороднѣйшемъ велико́ кнѣзѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Бѣгословеніемъ же преосвѣщеныхъ архіерсовъ между патріаршествѣ. Напечатана книга сія грамматика. въ цртвующѣ великомъ градѣ Москвѣ: в лѣто ѿ сотворенія міра 7336. ѿ ржтва же по плоти Бга Слова 1721, индикта 41. Мѣца февруаріа“.

Послѣ оглавленія, начиная съ л. а̅ по е̅, идетъ: „Предисловіе любомудруму читателю“.

Не распространяясь о пользѣ грамматическаго художества (о чемъ писали многіе мудрѣйшіе мужи), авторъ „Предисловія“ Поликарповъ изъясняетъ вины или причины сего новопечатнаго изданія грамматики. Причинъ такихъ нѣсколько: (л. а̅) „Первая: понеже непостижимымъ промысломъ создателя нашего Бга (об. л. а̅) (въ егѣже руцѣ црѣво срѣдце) изволися любомудрѣйшему всероссійскому нашему монарху, Петру, тогѣ имепе и дѣль высокій. Первому, чрезъ неусыпное егѣ црѣскаго Величества тцаніе, преславное и православное свое Гдѣрство, якоже иными военными высокими науками, и всякими нужными механическими хитростми оукрасити и шбогатити. Такѣ и седми

¹⁾ Этотъ букварь Каріона Истомина изданъ въ 1891 году г. Ровнискимъ. См. мою рецензію на это изданіе въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, августъ, 1891 г.

свободнѣ наукъ, еллиногреческа и латинска діалектовъ оучилищами наполнити. Вниже не точію грамматика, риторика, философія, но и самая теология цвѣтетъ изобилно.

„А славенская грамматика въ тѣхъ оучилищахъ не преподавашеся за ѡскудѣніе сихъ книгъ, и ѡ сегоѡ нужда зависить оучающимся не малая.

„Ибо аще онаѣ грамматика и издана бѣше на единожды печатію, но всеядца време продолженіемъ, едва гдѣ обрѣтается, аки искра въ теплѣ сокрываема“ (л. ѿ). „Вторая. Якѡ любомудрыхъ руссійскихъ отрокѡвъ, мнози нынѣ различнаѣ государства пчелоподобно ѡблетающе, да ѡтуду соберуть себѣ блговонныя различныхъ оученій цвѣты, изъ нихже бы могли себѣ и прочимъ оныхъ желателемъ, сладкій, на славенскомъ діалектѣ, смѣть, переводомъ своимъ ѡ различныхъ языкѡвъ представити, но основателнаѡ къ переводу орудіа [грамматики] лишашеся, а сами множицею тогѡ не получаютъ, и нынѣ не оудостоятъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти. Сякъ оубо недостаткомъ ѡбязани суще, мнози переводницы. покусившіисѣ с еллиногреческаго и иныхъ діалектѡвъ переводити, внеудобностиаки ѡ бгословскій и догматственныя писаніяхъ, индѣже и во исторіальныхъ немалѡ погрѣшиша, и погрѣшаютъ... (об. л. ѿ).

„Третія: якѡ издревле Россійскимъ дѣтководцемъ и оучителемъ обычаѣ бѣ и есть, оучити дѣти малыя, вначалѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и ѡсалтири, таже писати, посихже нѣцимъ преподаѡ и чтение апла: Возрастающихъ же препровождаютъ ко чтенію и сиценныя библіи. и бесѣды еѡлскихъ и аплскихъ, и к разсужденію високаѡ во оныхъ книгахъ лежащаго разумѣнія. А истѡгѡ на таковое разсужденія орудіа [еже есть грамматика] онымъ на предѣ не показываютъ, почему бы всякое реченіе и періодъ, и все слово разбирати, и въ подобающей чинѣ разполагати, и крѣмую в немъ силу разума разсудати. И такѡ читающе по своему рѣсужденію, мнози ѡ вѣрѣ погрѣшиша. и доинѣ погрѣшаютъ, впадающе въ свое суемудрое мнѣніе, и не знающе осмочастнаѡ чиворазположенія: аще и разумѣютъ якѡ и послѣдному малоцѣнному рукодѣлію, бѣ приличнаѡ ему орудіа (л. ѿ) не мощно своеѡ совершенства получитьи Колмиже паче высоту и глубину книжныя премудрости [еяже ничто потребнѣе и честнѣе вжити чѣку] бѣ приличнаѡ ей орудіа не возможно разумѣти. А якѡ не ложна суть глѣмая, свидѣтельствуеъ премудрый Аристотель въ князѣ шестой толикѡвъ, сице пишуць. Грамматика есть вѣдѣніе, еже писати и познавати читаемое.

„И паки: грамматика есть всѣхъ наукъ основаніе“... Указавъ еще на мнѣнія Полидора Виргилія и І. Дамаскина о пользѣ грамматика, Поликарповъ продолжаетъ: (л. д̄) „Сія малая ѿ многиѣ свидѣтельства предложися, не во оукоризну грамматическаго искусства прежде сегѡ не коснувшимся, но во оувѣщаніе будущиѣ родѡмъ, да впредь сію нуждную науку, вначалѣ оученія своего изслѣдовати сприяжаніе тѣшатся, аще хотять во премудромъ стѣхъ книгъ писанія стяжати ключъ разумѣнія.

„Паче же вамъ ѿ чадолюбивиѣ родителіе и трудолюбивиѣ дѣтей оучителіе, сегѡ смотрити и хранити оусерднѡ надлежитъ, якѡ да ваша чада и оученики по изученіи азбуки... во грамматіку вводити оусердствуйте. При нейже всочиненіи и писму (об. л. д̄) рѡссійскому навькнетъ оученикъ, аще былъ бы и лѣнливый. По совершеніи же грамматіки, трудолюбивый тщательъ вникне и самъ во чтеніе сщєннаго и бжѣтвенныхъ книгъ писанія съ лучшимъ и яснѣйшимъ понятіемъ. Егда по осмочастному грамматическому разуму, чтѡмая будетъ разбирати, и чинѡ располагати, и въ своя имъ части точнѣ возводити, по приложенымъ здѣ при конци книги примѣрамъ. И такѡ ѿпогрѣшностей въ разумѣ писанія, и ѿ претыканій сочиненія с иноязычныхъ книгъ в' переводѣ свободенъ будетъ“... Далѣе Поликарповъ приводитъ изъ „Предисловія“ къ грамматикѣ Мел. Смотрицкаго 1619 года то мѣсто, гдѣ говорится о важности обученія грамматикѣ. Въ заключеніи находится обращеніе къ родителямъ и учителямъ съ просьбою послѣдовать увѣщанію І. Дамаскина (об. л. е̄): „Примите и сію трудѡвъ Мелетіевѣ [негли же ѡчасти при помощи Бжїей и нашихъ] возновленную типѡ грамматіку с любовію оусерднѡ, и аки плодъ новопроявшій по себѣ независтнѡ раздѣляйте“... Мы подробно изложили содержаніе „Предисловія“, въ которомъ Поликарповъ высказалъ мысли совершенно противоположныя тѣмъ, какія читали мы въ „Предисловіи“ къ его Трєязычному букварю. Если тамъ онъ вооружался противъ произведеній древне-классическихъ, то здѣсь самъ ссылается на авторитетъ Аристотеля для доказательства мысли о важности грамматіки, какъ науки, служащей основаніемъ другихъ наукъ. Здѣсь же онъ говоритъ о необходимости переводить съ другихъ языковъ книги, чтобы дать возможность другимъ узнать доброту и силу наукъ. Подобнаго рода переимѣна въ возрѣвнїяхъ Поликарпова объясняется вліяніемъ тѣхъ событій, какія совершались въ жизни русскаго народа при великомъ царѣ. Находясь подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ стремленій царя (всѣ распоряженія царя о переводѣ и изданіи книгъ

передавалъ часто гр. Мусиятъ-Пушкинъ, а иногда указы и приказанія получались прямо отъ Петра), Поликарповъ проникся всецѣло мыслями его о необходимости распространенія въ Россіи книжнаго просвѣщенія и сдѣлался самымъ исполнительнымъ слугою и помощникомъ его въ этомъ отношеніи. Не можемъ не замѣтить при этомъ, что желаніе угодить царю по долгу службы играло, какъ намъ думается, огромную роль при перемѣнѣ воззрѣній Поликарпова.

Впрочемъ, рядомъ съ новыми потребностями времени Поликарповъ желалъ угодить своею грамматикою и старымъ, почему одною изъ цѣлей изученія грамматики поставилъ приобрѣтеніе ключа къ разумѣнію книгъ Св. Писанія.

Послѣднія слова „Предисловія“ ясно указываютъ, что грамматика 1721 года не есть вполнѣ оригинальное сочиненіе Поликарпова, а лишь переизданіе грамматики Мел. Смотрицкаго съ нѣкоторыми измѣненіями и прибавленіями его.

Въ чемъ состояли эти измѣненія и прибавленія, обстоятельно указалъ Пекарскій (II, № 448, стр. 501). По поводу сказаннаго имъ замѣтимъ, что нельзя считать справедливымъ такой мысли его: „*Это* (то-есть, грамматика 1721 г.) *перепечатка грамматики Мелетія Смотрицкаго, изд. въ 1648 г.*“ Подробное сличеніе грамматики, изданной Поликарповымъ въ 1721 г., съ грамматиками Мел. Смотрицкаго, изданными въ 1619 и 1648 гг., привело насъ къ заключенію, что *Поликарповъ держался при перепечаткѣ текста Грамматики 1619 г.* Вотъ нѣсколько тому доказательствъ: въ грамматикѣ Поликарпова насчитывается „десять просодій орфографійныхъ“, подобно Грамматикѣ М. Смотрицкаго 1619 г., именно: озіа, или острая; варіа, или тяжелая; періспомени, или облеченая; ѱили, или тонкая; дасіа, или густая; ерикъ; паерикъ; слитная; мягкая. Въ грамматикѣ же 1648 г. просодій насчитывается *восемь*: озіа, варіа, періспомени, иссо, слитная, или краткая, или тонкая, или звательце, ерокъ, апострофъ. Точно также въ грамматикѣ Поликарпова насчитывается десять „препинаній строчныхъ“ согласно съ грамматикою 1619 г.: черта, запятая, двоточіе, точка, разятная, единитная, вопросная, удивная, вмѣстная, отложная. Въ грамматикѣ же 1648 указаны слѣдующіе знаки препинанія: запятая, двоточіе, точка, подстоліа, вопросная.

Что касается прибавленія въ концѣ грамматики 1721 г., подъ заглавіемъ: „*Чинъ технологія, сирѣчь художнаго собесѣдованія ш осми частехъ слова, по вопросамъ и ѿвѣтамъ, оупотребляемаго*“, — то оно, несомнѣнно, составлено Поликарповымъ по подражанію грам-

матикамъ М. Смотрицкаго 1619 и 1648 гг., хотя и отличается своимъ содержаніемъ.

Чтобы имѣть понятіе объ этомъ „Чинѣ технологіи“, приведемъ здѣсь небольшой отрывокъ: „В прикладъ да будетъ мѣтва Гдѣня“.
(л. сѣн)

„Вопросъ Ѡ учителя.

„Мѣтва Гдѣня ѡче нашъ, и даже до конца, колики въ себѣ содержитъ части слова по чину грамматическому;

„Ѡвѣтъ оученика.

„Мѣтва Гдѣня ѡче нашъ содержитъ всебѣ частей слова шесть. А имянно, ѡ: ѡче, небесѣхъ, имя, цѣтвіе, воля, ѣбси, земля, хлѣбъ, насущный, долги“ и проч... (об. л. сѣн) Вся сія реченія суть первыя части, сирѣчь имене“ (подобнымъ образомъ указываются и другія части рѣчи: мѣстоименія, глаголы, нарѣчія, предлоги и союзы).

„Вопросъ:

„Симъ сиче на части раздѣленнымъ, прежде неже приступимъ ко осмочастію. Повѣждь ми, какъ по грамматическому разуму нарицается сія рѣчь ѡче.

„Ѡвѣтъ.

„По грамматичѣ сія рѣчь имянуется реченіе.

Изъ чегѡ составляется реченіе;

Реченіе составляется изъ слогувъ.

Слози изъ чегѡ ражаются;

Раждаются слози изъ писменъ“ и т. д.

Дальше рѣчь идетъ о письменахъ, ихъ раздѣленіи, о слогахъ. Словомъ, на этой молитвѣ повторяется вся грамматика.

На об. л. сѣн находится „Заключеніе оувѣщательное“. Вотъ что въ немъ говорится: „Сія ѡ осмочастіи по вопросамъ и Ѡвѣтамъ вкратцѣ предложисяа вашему новоначинаемому [любомудрый тщателю] ко истязующѣи васъ обученію, да будете готови на вопрошеніе: и коеждо рѣчи начинное разобраное [совершенни же возрастомъ и разумомъ сихъ не требую, доволни суще и оучащаго научити]. Прочее

Ѣ трудолюбивый схоластиче, сице вся бжественнаго писанія реченія, и слова, и внѣшнихъ бесѣдованій словеса, яже предана ѿ Б҃га оуму члвчю разсуждати, и языку гл҃ати, сими осмию частми разводи, и роды разбирай, и виды оуказуй, и числа сказуй, и начертанія обявляй, и падежи оузнавай, и склоненій (л. сѣи) не забывай, и залогы и времена разсуждай, и качества разписывай, знаменованія же и чины раздѣляй съ любитруднымъ тцаніемъ, аще хоцещи извѣстнѣ вѣдати осмочастный разумъ: внѣ бо сихъ ничтоже есть, и не мощно слова изяснити безъсихъ, якоже рече Іѡаннъ ст҃ый Дамаскинъ“.

Въ „Предисловіи“, а равно и въ этомъ „Заключеніи увѣщательномъ“ Поликарповъ объясняетъ назначеніе „Чина технологіи“, приложеннаго къ грамматикѣ. Этотъ „Чинъ“ долженъ служить провѣркѣ знаній, вынесенныхъ учащимися послѣ изученія грамматики. Въ немъ можно усматривать робкую попытку примѣнить катехетическій методъ въ преподаваніи грамматики. Какъ ни скромна эта попытка, однако нельзя не замѣтить стремленія со стороны Поликарпова облегчить учащимся усвоеніе такой важной науки, какою почиталась грамматика въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Такъ какъ въ содержаніи грамматики 1721 г. нѣтъ ничего новаго, сравнительно съ грамматиками М. Смотрицкаго 1619 и 1648 гг., то при оцѣнкѣ ея съ этой стороны приходится повторить то, что давно уже сказано о грамматикѣ послѣдняго.

Какъ извѣстно, всѣ грамматики XVI и XVII столѣтій ¹⁾, а равно

¹⁾ Сообщаемъ здѣсь перечень грамматикъ, извѣстныхъ намъ до появленія Грамматики Поликарпова:

а) Аѡелѣѡтис. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка, Львовъ, 1691 г.

б) Грамматика словенска Лавр. Зизанія, Вильна, 1696 г.

в) Грамматики словенскія правильное синтагма М. Смотрицкаго, Емье, 1619 г.

г) Грамматика, албо сложеніе письма, Вильна, 1621 г.

д) Грамматика словенская М. Смотрицкаго, изд. 2-ое, Вильна, 1629 г.

е) Грамматика, или писменница языка словенскаго, Кременецъ, 1638 г.

ж) Грамматика славянская М. Смотрицкаго, Москва, 1648 г.

з) Грамматика славянская большая, Москва, 1651 г.

и) Генриха Лудольфа грамматика російская на русско-латинскомъ языкѣ, Оксфордъ, 1696 г.

і) Руководеніе въ грамматику Копіенскаго, напечатанное въ Голландіи въ 1706 г.

к) Грамматика Ивана Иконника въ началѣ XVIII столѣтія. Подробное разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ указанныхъ здѣсь грамматикъ сдѣлано въ имѣющемъ

и появившіяся въ XVIII-мъ, отличались двумя крупными недостатками. Первый заключался въ томъ, что въ нихъ область собственно грамматики не разграничивалась отъ областей пѣнттики и логики, вслѣдствіе чего въ грамматикѣ, напримѣръ, Поликарпова мы находимъ отдѣлы о стихосложеніи. Второй недостатокъ состоялъ въ томъ, что въ грамматикахъ смѣшивались формы русскаго языка съ формами церковно-славянскаго и греческаго языковъ ¹⁾. Этотъ недостатокъ не устраненъ и Поликарповымъ.

Если переводчики съ иностранныхъ языковъ нуждались въ грамматикѣ, то еще большую потребность чувствовали они въ лексиконахъ, безъ которыхъ имъ невозможно было перевести никакой книги. Вотъ почему задолго до изданія грамматики Поликарповъ составилъ и издалъ Лексиконъ треязычный, къ разсмотрѣнію котораго теперь и обратимся.

Заглавіе Лексикона Поликарпова, изданнаго въ Москвѣ 1-го декабря 1704 года, написано по-славянски, гречески и латински: „Λεξικὸν̄ треязычный, смрѣчь реченій славенскій, еллиногреческій и латинскій сокровище изъ различныхъ древнихъ и новыхъ книгъ собраное и по славенскому алфавиту въ чинъ разположенное“.

„Λεξικὸν̄ τριγλωττον̄ ἤτοι λέξεων̄ σλαβονικῶν, ἐλληνικῶν τε καὶ λατινικῶν̄ θησαυρός, ἐκ̄ διαφόρων̄ παλαιῶν̄ τε καὶ νέων̄ βιβλίων̄ συλλεχθεὶς καὶ κατὰ τὸ σλαβονικὸν̄ ἀλφαβητάριον̄ εἰς τάξιν̄ διατεθεις“.

„Dictionarium trilingue hoc est Dictionum Slauonicarum, Gręcarum et Latinarum thesaurus ex varils antiquis ac recentioribus libris collectus et juxta slauonicum alphabetum in ordinem dispositus“.

Послѣ такого заглавія, напечатаннаго на л. а̄, слѣдуетъ (съ л. б̄) также на трехъ языкахъ предисловіе „Любезному читателю ѿ Гдѣ радоватися“.

Познакомимся съ мыслями, проводимыми Поликарповымъ въ этомъ предисловіи.

„Три языки (такъ начинается оно) повѣствуетъ писаніе бжественное бывшія на кртѣ Спсителя нашего Хртѣ Гдѣ, еврейскій, греческій, и латинскій. Тайна поистиннѣ сокровенна всемъ треязычии. ибо еврей-

скоро появиться въ свѣтъ изслѣдованіи нашемъ „Одинъ изъ пестрыхъ XVII вѣка“, ч. II. Библиографія грамматики составлена нами на основаніи сочиненій Каратаева, еп. Дамаскина, Сахарова (Обозрѣніе славяно-русской библиографіи), Буслаяна (Историческая хрестоматія) и Некарскаго.

¹⁾ Изложеніе причинъ этого явленія см. въ кн. Чудимоса: „О преподаваніи отечественнаго языка“, Воронежъ, 1872 г.

скій языкъ есть языкъ стѣ. Греческій языкъ есть языкъ премудрости. Латинскій языкъ есть языкъ единоначалствія.

„Созволися и намъ таинственному сему послѣдовати чину, и на оумноженіе славы, тремъ языки прославленнаго имени Христа распятаго, къ симъ же и на общую пользу, трезычный сей Лексиконъ твоимъ шбнародствовати.

„Два оубо языка, сирѣчь греческій и латинскій, сами собою суть крѣта Христа начертанія. Вмѣсто же языка еврейскаго, нашъ представихомъ словенскій, якъ понстиннѣ оца многихъ языковъ бѣгоплоднѣйша. Понеже Ѡ негѣ аки Ѡ источника неизчерпаема, прочимъ многимъ произыти языкомъ, сирѣчь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссійскому, и инымъ множайшимъ, всѣмъ есть явно. Не малую же и Ѡсюду нашъ языкъ славенскій имѣеть почеть, якъ начало воспріять (об. л. Ѣ) Ѡ самыя славы... Сей оубѣ языкъ нашъ славы сна, или паче рещи оца, вмѣстѣ третиаго еврейскаго, всемъ лексиконѣ [рекше именъ собраніи], представихомъ, и прочимъ двоимъ, сіестъ греческому и латинскому присовокупихомъ, якъ... оученіе, а наипаче юношѣ оучащихся вразумленіе оумножится, и преуспѣеть“.

Такимъ образомъ, Лексиконъ свой Поликарповъ издалъ съ религіозною цѣлью, чтобы преумножилась слава тремя языками прославленнаго имени Христа. Въ частности онъ вмѣсто еврейскаго подставилъ славянскій языкъ, получившій происхождение отъ славы, для того, чтобы обучающіеся русскіе юноши преуспѣли въ знаніи латинскаго и греческаго языковъ. Такъ у Поликарпова, человекѣ переходнаго времени, совмѣщались потребности религіозныя съ учебно-педагогическими.

Болѣе интересныя подробности о современности находимъ въ другой статьѣ Поликарпова, озаглавленной: „Читателю бѣгоразумному, оувѣщательное извѣщеніе“ (л. њ—ѣ), и написанной на одномъ славянскомъ языкѣ, слѣдовательно предназначавшейся по преимуществу для русскихъ читателей.

„Оузрѣвъ сію книгу [любезный читателю],—такъ начинается Поликарповъ,—мнѣмъ, якъ помыслиши, что се нынѣ видимъ невидѣное, новое, ненужное и неполезное; что пользуютъ намъ языци иностранни; не доволенъ ли единъ нашъ славенскій ко глѣанію. Сія и сѣмъ подобна нещучемъ тя размышляти имуща. Но молю тя, оумолкни малѣ, и развѣши такова негодованія облакъ. Еже оубѣ вѣру новую, странну, и нашему греческому бѣгочестію противную кому держати,

или оучити, сіе дѣло, не токмо вредно, бѣдно, но и бгопротивно: еже и искореняти всякъ православный восточный греческія цркви снѣ, всегда должень. и душу свою полагати за сіишнѣ, ѿ негѣ же изыде законъ.

„А еще разны языки знати, сіе воистинну прехвално, и даръ дхѣ стѣгѣ изященъ, ѡ которомъ дарѣ, въ славено-греко-латинскомъ алфавитѣ, стѣго писанія словесы предизяснившѣ, здѣ за краткость ѡста-вляемъ ¹⁾).

„Токмо припоминаемъ, якѣ между инѣми и сіе бысть знаменіе вѣрующимъ во Хрѣта въ первенствующей цркви, якоже гѣеть Хрѣтосъ: знаменія же вѣровавшимъ сія послѣдуютъ, именемъ моннѣ бѣсы ижденутъ, языки возглаголютъ новы“ (Матѣ., 51 гл.). Затѣмъ приводить еще свидѣтельства ап. Павла (I посл. къ Коринѣ., гл. 12), 70 толковниковъ, свидѣтельство о послѣднихъ I. Златоустаго и продол-жаетъ: (об. л. 6) „ѡ да бы есмы сей даръ дхѣ стѣгѣ, то-есть, роди и сказаніе языкъ въ нынѣшняя времена имѣли, не бы въ семъ гдѣрствѣ православномъ толикое было множество вѣрѣ злочестивыхъ. якоже колмытскихъ, чувашскихъ, черемискихъ и прочихъ множай-шихъ, сему православному гдѣрству подлежащихъ.

„Но поуже сицепагѣ дара, тогда аплшмѣ даннагѣ, за прегрѣ-шенія наша лишени есмы. Сегѣ ради нынѣ хотящимъ той имѣти. Первѣе ѿ того же стѣгѣ Дхѣ, иже есть дхѣ премѣсти, дхѣ разума, должнѣ съ высоты стѣгѣ просити.... Потомже и науки оупотребити средство, якѣ орудіе къ художеству. Тѣмъ прочее намѣреніемъ и сія трезычная издадеся книга, да имамы ѿ нея руководство к познанию нужныхъ намъ языковъ. Оубо не есть вредна, но и полезна зѣлѣ Хрѣтіанскому народу, и нужна попремногу. Сія же суть на-ипаче вины, иже ради произведохомъ сію книгу. Первая оубѣ, якѣ самый славенскій нашъ діалектъ, такѣ славный и пространный ѿ толикихъ вѣкѣвъ, не токмо под державою блгочестивыхъ нашихъ монархѣвъ разширяемый, но и по инымъ премногимъ странамъ оупотребляемый, даже до днесѣ словоположницы, или источника себѣ не имяше, ѿкуду бы наши природни (л. 5) славяне, и приходящи иноземцы во шбилие себѣ бесѣды славенскія непряѣсныя почерпнули, чрезъ юже иновѣрни негли мнѣзи и в бгпочестіе приходили быша. И тогѣ ради ѿ разныхъ странъ приходящи, своестранная реченія въ разговоры и въ книги привнесоша, на прикладъ, сербская, поль-

¹⁾ См. выше въ предисловіи къ Букварю 1701 года.

ская, малоршеская. Итакъ рѣснота и чистота славенская засыпая чужестранныхъ языковъ въ пепель. Здѣже еликовъ всемогущая Бжїя десница помощи нашей дарова силу и время: изъ разныхъ книгъ приспособавше славенское свойство, въ подобающїи чинъ положимомъ, егшже прежде не бѣ гдѣ видѣти толикъ пространш, якъ и малочувеный дѣтищъ, не токмъ совершенный мужъ еже хоцетъ реченіе, оудобъ шбрѣсти возможетъ. По словенскомъ же вчинимомъ еллиногреческаго діалекта рѣчи тогш ради, якъ православная наша вѣра произрасте Ѡ восточнагш греческагш блгочестїа, весь законъ, пррочи, и стѣхъ ѡцъ премростю и добродѣтели просїявшихъ, бгдохповенныи книги в различныхъ временахъ и мѣстахъ на нашъ языкъ преведены съ греческагш же діалекта. Ихже реченїи и до днесь ршссїйскїи народъ, паче же стїа книги, и црковнии чинове держатъ непремѣнш. Ктому же и свободныхъ наукъ, и всякихъ художествъ Греція бѣ родителница...

„А понеже нынѣ премудрымъ онымъ грекомъ Ѡ нечестивыа (об. л. 3) агарянскїа мучительныа руки... стѣсняемымъ, пача оувядати премудрость въ наукахъ, красота и высота въ языцѣ...

„Тогш ради и блгочестивѣиши наши ршссїйстїи прїе, якъ воистинну суще блгочестїи и прѣтла греческагш преемницы, такъ и премудрости оныхъ явшася ревнители и хранители. И издревле даже до нынѣ еллиногреческихъ наукъ оучилища тщателно во своей блгочестивѣй державѣ оумножаютъ, якъ рещи прежде въ Кїевѣ, а нынѣ и въ самомъ црствующемъ градѣ Москвѣ, идѣже имы который талантець славеногреколатинскихъ наукъ Бжїею помощю пришбрѣтохомъ. Сїи здѣ любезныа нашея Ѡчизны мудролюбцемъ, чрезъ сїю книжицу преподаемъ, якъ да оутѣсняемая во грецѣхъ премудрость, здѣ во православномъ гдрствѣ плодится, во оутверженіе правыхъ греческихъ догматъ и языка.

„Приложися же и третїи языкъ латинскїи тогш ради, якъ нынѣ по кругу земному сей діалектъ паче иныхъ во граждаскихъ и школныхъ дѣлѣхъ шбноситя“. Кромѣ того, на этомъ языкѣ многїа книги сочинены или переведены, которыа надо знать.

Пользу Лексїкона Поликарповъ объясняетъ такъ: (л. 3) „Ты же разумш разсмотривъ сїю, не малу почерпнеши разуму твоему пользу. Первѣе оубш познаешн славенска языка свойство и пространство каково и колико. Второе же якъ на греческїи и латинскїи с'ршскаго превода, и что либо наименовати не зная, здѣ оудобъ шщутити желаемое, присмотряся коеждо рѣчи по алфавиту, сїестъ по азбуцѣ.

„Потребна же сія книга и грамматическаго сочиненія тщателемъ, безъ нея же, аки пчелѣ безъ криль, и острому оученику въ прекрасномъ еллиногреческаго и латинска оученія вертѣ облетати труднѣ: еже и наипаче насъ возпери къ дѣлу сему многотрудному, якъ да поможемъ немощи дѣтстѣй, славеноруссійскихъ отрокшвъ, негли же и иностраннѣй, тѣспныя стези иноязычныхъ наукъ проходящѣй“.

Назвавъ дѣло составленія словаря „труднымъ“, Поликарповъ огоривается, что такъ сказалъ не потому, чтобы кичился, а потому, что дѣйствительно много силъ надо, чтобы охватить свой языкъ, а здѣсь еще и два чужихъ. Далѣе онъ обращается къ порицателямъ (предполагаемымъ) его труда и говорить, что таковые должны сообразить трудъ составителя и припомнить, видѣли ли они что либо подобное прежде. Этимъ порицателямъ на оборотѣ листа 3 посвящено такое стихотвореніе:

„Зрите вы сѣмъ	иже порицати,
любите чуждихъ	труды, и вѣщати:
Могли бы и мы	тожде сотворити,
и лучшу сея	книгу сочинити.
Аще мощно вамъ,	почто не творите.
не бѣ трудъ побягъ,	аще бѣ въ дѣлѣ бысте.
Но всѣ своихъ дѣлъ	въ корысть бѣ строителъ,
что знаѣ, то издалъ,	а сихъ не любитель.
Лучше ли вѣси,	гдѣ худо приправи,
аще не на сихъ	оумъ твой вѣсихъ направи“.

Въ заключеніи „извѣщенія“ Поликарповъ указываетъ на лица, которыя своими знаніями и совѣтами помогали ему, при составленіи „Лексикона“: „Вѣдяще же, якъ во многихъ, паче же мудршихъ и старшихъ совѣтѣ сѣсеніе, оупросихомъ дѣла сегѣ къ смотрителству, и правому сужденію мужей премѣрыхъ блгословныхъ. И в первый оубв премѣрагѣ и превелебнаго ѡца, превѣщеннаго Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго и муромскаго. Мужа суца словомъ и дѣломъ преславна и православна, въ латинскомъ же и славенскомъ языцѣхъ изящна. Бгословіи и свободнѣй наукъ верху, не краемъ перста коснувшася. (л. ѿ) Еще пречестнаго ѡца Рафаѣла, Краснополскаго, ректора тогда бывша, московскаго славенолатинскаго оучилища, и сего вѣтаковыхъ же оученіяхъ, и во изрядствѣ латинскаго діалекта, по первомъ вторствующа. Посихъ же и грекшвъ трудолюбивую двойцу, ѡцевъ іеромонахшвъ Ішанникіа и Сифроніа Лухудшвъ, оучителей нашихъ любомудрѣйшихъ: ихже изящность какова и колика на елли-

погреческомъ языкѣ, и въ латинскомъ искусство ꙗ плодъ ихъ познати оудобъ есть, имущему разумъ здравъ и независтенъ.

„Сіи вси такѡ премѣри, якѡ и честни, единоумрѣнно [аще и не во единомъ мѣстѣ] кѣждо чесомъ возможе, овъ еллинское, ипъ же латинское сразсмотривше, и недостаточное наполнивше: дѣло сіе добро быти и полезно, судиша и оутвердиша.

„Оубо толикихъ имѣя премѣрыхъ и православныхъ свидѣтелей облакъ, стяжи сію книгу любезнѡ, а потрудившихся въ ней, гдѣ погрѣшность приключится [якѡ въ новомъ и необычномъ дѣлѣ], прощенія сподоби“.

Подъ „извѣщеніемъ“ находится подпись, указывающая имя составителя словаря: „Любви твоей небѣныхъ и земныхъ благъ желателіе. Московскія типографіи справщикъ Феодоръ Поликарповъ, со всѣмъ въ дѣлѣ семъ трудившимся клеветствомъ“. Мы подробно изложили „извѣщеніе“ потому, что въ немъ находимъ много интересныхъ указаній на современность, а равно и потому, что нѣкоторыя мысли выгодно выставляютъ Поликарпова, какъ педагога и автора Трехязычнаго Лексикона.

Приводимыя въ началѣ „извѣщенія“ возраженія со стороны читателей Лексикона весьма характерны, какъ свидѣтельство, что и во время составленія Поликарповымъ его книги, то-есть, въ началѣ XVIII вѣка, господствовала та же неохота къ изученію иностранныхъ языковъ, какая подмѣчена была въ старинной Россіи иностранцами. Свидѣтельство Поликарпова вполне согласно съ тѣми фактами, которые указываютъ на малое знакомство русскихъ съ языками въ началѣ XVIII столѣтія.

„Неплюевъ, напримѣръ, — говоритъ Пекарскій (I, 187 стр.), — учился мореходству, а былъ посланъ въ Константинополь единственно по той причинѣ, что одинъ во всемъ Петербургѣ (въ 1721 г.) зналъ по-итальянски. Однажды Головинъ, донося царю о затрудненіяхъ при выборѣ посла въ Римъ, писалъ, между прочимъ, что въ Москвѣ въ 1706 году, кромѣ переводчика латинскаго языка да двухъ молодыхъ подъячихъ, знающихъ иностранные языки никого не было“.

При такой нерасположенности русскихъ къ изученію языковъ, протекавшей отъ недовѣрчивости и нерасположенія къ иностранцамъ, вполне понятно, почему Поликарповъ такъ настойчиво въ Букварѣ и Лексиконѣ проводитъ мысль, что знаніе языковъ есть даръ Духа Святаго.

Не менѣе интересно указаніе причинъ составленія и изданія въ

свѣтъ Лексикона. Первою причиною, какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ „извѣщенія“, было желаніе Поликарпова дать русскимъ и иностранцамъ возможность избѣгать употребленія чуждыхъ словъ, которыя къ началу XVIII вѣка подавляли нашъ литературный языкъ. Такимъ образомъ, Поликарповъ за много лѣтъ до Ломоносова („О пользѣ книгъ церковныхъ въ российскомъ языкѣ“) явился противникомъ тѣхъ „страшныхъ слова нечѣпостей“, которыя безобразили русскій литературный языкъ того времени. Весьма поучительна разница въ средствахъ, которыя избрали для достиженія одной и той же цѣли Поликарповъ и Ломоносовъ, а еще поучительнѣе результаты, къ которымъ привели эти средства. Лексиконъ Поликарпова не достигъ своей цѣли, потому что, полвѣка спустя послѣ его изданія, Ломоносовъ снова говорилъ о чужестранныхъ словахъ, подавившихъ „рѣсноту и чистоту славенскую“.

Нельзя пройти молчаніемъ доводовъ, которыми составитель Лексикона оправдываетъ внесеніе латинскихъ словъ. Видно, потребности времени, когда великій монархъ устремилъ подданныхъ на путь европейской науки, были на столько сильны, что Поликарповъ считалъ совершенно достаточнымъ сказать въ пользу латинскаго языка, что „сей діалектъ по кругу земному (то-есть, Западной Европѣ) въ гражданскихъ и школьныхъ дѣлахъ паче иныхъ обносится“.

Особенную же честь дѣлаетъ, въ нашихъ глазахъ, Поликарпову признаніе, что онъ принялся за составленіе Лексикона, за дѣло многотрудное, воодушевляемый желаніемъ—*облегчить дѣтямъ прохожденіе тѣсныхъ стезей иноязычныхъ*, то-есть, изученіе иностранныхъ (греческаго и латинскаго) языковъ. Вѣроятно, собственный горькій опытъ убѣдилъ его въ необходимости такой книги, которая облегчила бы учащимся „облетать въ прекрасномъ еллиногреческаго и латинскаго ученія вертѣ“.

А совѣтъ его „зоиламъ“ такъ мѣтокъ, что его можно повторить не безъ пользы и въ наши дни. Переходя къ содержанію Лексикона, должно остановиться прежде всего на „Пристеженіи“, которымъ Поликарповъ предваряетъ свою книгу. „Должно же и чинъ Лексикона знати,—говоритъ здѣсь Поликарповъ,—како именъ въ немъ искати. Въ чинѣ оубо Лексикона подобаетъ держатися трехъ писменъ“... Если нужно найти слово въ три буквы, напримѣръ, аггль, то слѣдуетъ искати буквы *аи*, и т. п. Далѣе, указавъ на слова, одинаковыя въ произношеніи, но различныя по написанію и значенію (каковы, напримѣръ, *міръ*, *миръ* и *мгръ*), онъ говоритъ, что ихъ должно оты-

скивать въ различныхъ мѣстахъ Лексикона. „Аще же и въ обоихъ писменахъ (о и ѡ) кія рѣчи не обрящеша, не удивиса, могутъ бо нѣкая и положена не быти, забвенія дѣля, и за необычность или за сомнѣніе рѣчи, которыхъ въ пополненіе и въ поправленіе при концѣ книги малый лексиконецъ, еликаѡ припомнимомъ, присовокупимомъ. Тамѡ же вчинномъ и Ѡсланыя рѣчи, яже просмотрены въ болшемъ, якѡ рещи бѣгоденствіе, зри бѣгополучіе“... Этотъ „малый лексиконецъ“, то-есть, прибавленіе, находится во 2-й части Лексикона, начиная съ листа рѣн. „Въписахомъ же нѣсколько рѣчей и простыхъ, дабы могли и некнижницы пользу ѡбрѣтати, хотяще нынѣ языки знати“. Стало быть, Поликарповъ желалъ самаго широкаго распространенія своего Лексикона. Въ „извѣщеніи“, какъ мы видѣли выше, не одинъ разъ высказывается мысль, что „Лексиконъ“ есть нѣчто новое и необычное, что до появленія его въ свѣтъ ничего подобнаго нельзя найдти въ Россіи. Справедливость словъ Поликарпова, а равно и оцѣнка его Лексикона получаютъ прочное основаніе только тогда, когда стануть извѣстны Лексиконы, бывшіе въ Россіи до 1704 года.

При знакомствѣ со словарями, которые могли быть извѣстными Поликарпову (см. перечисленіе ихъ у *Пекарскаго*, I, стр. 188—190), обнаруживается, что Трехязычный Лексиконъ его дѣйствительно представлялъ собою явленіе не бывалое. До 1704 года нѣтъ ни одного словаря *славяно-греко-латинскаго*: есть словари — греко-славянскіе, латино-славянскіе, славяно-латинскіе, русско-латино-шведскіе, славяно-латино-нѣмецкіе. Ни одинъ изъ названныхъ словарей не былъ напечатанъ, да и не всѣ они могли быть доступны Поликарпову. Пекарскій (II, № 80, стр. 94) высказалъ такое предположеніе о пособіи, бывшемъ у Поликарпова при составленіи имъ своего Трехязычнаго Лексикона: „Въ библиотекѣ Общества исторіи и древностей есть рукописный филологическій словарь Епифанія Славинецкаго (I, 238), любопытный въ томъ отношеніи, что въ 1701 г. былъ подаренъ Поликарпову, что и отмѣчено тамъ собственною рукою Поликарпова. *Интересно было бы разсмотрѣть: „ни сколько трудъ Поликарпова разнится отъ лексикона Славинецкаго и въ какой мѣрѣ первый воспользовался хорошо извѣстнымъ ему матеріаломъ предшественника“.* Подчеркнутыя нами слова почтеннаго академика могли быть сказаны потому только, что онъ не видѣлъ рукописи филологическаго лексикона Епифанія Славинецкаго.

Филологическій словарь Епифанія Славинецкаго представляетъ собою трудъ совершенно непохожій на Трехязычный Лексиконъ По-

ликарпова и на тѣ лексиконы, которые названы Пекарскимъ въ первомъ томѣ его книги „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“. Филологическій лексиконъ Епифанія Славинецкаго представляетъ собою трудъ, въ которомъ собраны на латинскомъ и греческомъ языкахъ свидѣтельства отцовъ и учителей церкви о такихъ предметахъ, какъ *ангелъ, ангель, адъ, аллилуія* и т. п. Этотъ трудъ Славинецкаго служитъ свидѣтельствомъ обширной начитанности и философско-богословскихъ интересовъ его автора и вислолько не предназначался для удовлетворенія потребностей школьныхъ.

Скорѣе Поликарповъ могъ пользоваться другими лексиконами Епифанія Славинецкаго, именно: переводомъ лексикона Калепина и греко-славяно-латинскимъ лексикономъ его ¹⁾. Впрочемъ, на сколько самостоятельно пользовался Поликарповъ словаремъ Славинецкаго, это лучше всего можно видѣть изъ сопоставленій слѣдующихъ отрывковъ изъ трудовъ того и другаго:

Лексиконъ Поликарпова.

„Азъ, двое знаменуетъ: въ азбукѣ оубѣ словенской первому писмени имя азъ: ѱфа. вязицѣ же славенскомъ мѣстоименіе перваго лица азъ, простѣ глаголемо я, ѱѡ, ѱѡѡ, его. А, соузь распргаемый, разумъ дѣлящъ, якъ рещи: азъ читаю, а ты спиши. азъ глаголю, а ты поеши. Полагается же всегда напереді реченій, ибо не можемъ рещи, ты а: онъ а: *дѣ, гѣ, ве*го *quidem, certe, autem*, есть иногда и гласъ поселянина ѱкликающагосѣ, а. И знакъ числа перваго славянскаго. А, двойственнаго числа, третіяго лица, виѣствъ рещи двухъ ихъ“.

Лексиконъ Славинецкаго.

„а ѱфа. первое греческое писмя, наречеса отъ еврейскаго *אלף*, знаменующаго *μαθησις*—ученіе....

„а въ словѣ овогда убо есть *στυργητικόν* лишительное, яко *ἀκλῆτος* незванъ....

„ѱ съ духомъ густымъ отягчаемое есть, членъ подчинителенъ среднего рода, числа множественнаго, знаменующъ *αἰε*, *quae*. Есть и мѣстоименіе стяжательное, знаменующее своя, *υα*. Есть и нарѣчіе ужасающагосѣ *ἄη*....

„ѱ съ тонкимъ (духомъ) овлачимое есть нарѣчіе жалѣющаго *αἶ*, *αἶ*, *αἶ*, *αι*, *hei*, *heu*. Ктому же знаменуетъ *αι*, *ἦ*, *εἴ*, *εἴ*“.

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, лексиконъ Поликарпова отличается сжатостью и краткостью поясненій. Въ дальнѣйшемъ изложеніи слова напечатаны въ два столбца: сперва славянскія, потомъ греческія и латинскія безъ всякихъ поясненій. Такъ и видно,

¹⁾ Разсмотрѣніе этихъ лексиконовъ сдѣлано нами въ ст. „Филологич. труды Епифанія Славинецкаго“, въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ*, 1890 г., № 2, стр. 286—250.

что лексиконъ предназначался для пользованія школьникомъ. Вотъ почему Поликарповъ вездѣ указываетъ слѣдующій согласный за гласнымъ, въ родѣ „А со Д, А со М“ и т. д.

Вслѣдствіе краткости Лексиконъ Поликарпова не обширенъ: онъ раздѣленъ на двѣ части—въ первой 206 четвертокъ, а во второй—181. Вотъ сколько страницъ удѣлено каждой буквѣ:

Часть 1-я:

а лл. а — об. ѡ;
 б лл. б — ѡб;
 в лл. вѣ — ѡвѣ;
 г об. л. га — ѡга;
 д об. л. да — ѡда;
 е лл. еа — об. ѡеа;
 ж лл. жа — об. ѡжа;
 з л. за — об. ѡза;
 и об. л. иа — л. ѡиа;
 к об. л. ка — л. ѡка;
 л лл. ла — ѡла;
 м об. лл. ма — об. л. ѡма;
 н лл. на — об. л. ѡна;
 с лл. са — об. л. ѡса.

Часть 2-я:

п лл. п — об. ѡп;
 р лл. ра — ѡра;
 с об. л. са — об. ѡса;
 т лл. та — об. л. ѡта;
 у лл. уа — ѡуа;
 ф об. л. фа — ѡфа.
 х лл. ха — ѡха;
 ѿ об. л. ѡа — об. л. ѡѡа;
 ц об. л. ца — л. ѡца;
 ч лл. ча — об. ѡча;
 ш об. л. ша — об. л. ѡша;
 щ лл. ща — об. л. ѡща;
 ѣ об. л. ѡеа — л. ѡѡеа;
 ю об. лл. ѡюа — л. ѡѡюа;
 ѿ об. л. ѡѡа — об. л. ѡѡѡа;
 ѡ об. л. ѡѡа — об. л. ѡѡѡа;
 ѡ об. л. ѡѡа — л. ѡѡѡа;
 ѡ, ѡ, ѡ на л. ѡѡѡа, ѡ на об. л. ѡѡѡѡа.

Въ концѣ на об. л. ѡѡѡа—стихи:

„Въ трехъ лицахъ единому хвала Бѣу нашему,
 здѣ алфу ѡмегою вползу намъ вѣнчавшему.
 Юже мудролюбцы вѣ любви просимъ прїимите,
 а нова дѣла трудниковъ вѣ чемъ ѡсмотримъ простите.“
 finis coronat opus.

Съ ѡѡѡ л. „ѡставшаяся реченія, и приправленная въ дополненіе“.
 Съ ѡѡѡ м. опечатки типографскія.

Въ „извѣщеніи“ Поликарповъ назвалъ нѣсколько авторитетныхъ людей, которые разсматривали его Лексиконъ и „дѣло сіе добро быти и полезно судиша и утвердиша“. Лучшимъ доказательствомъ пригодности Лексикона Поликарпова для предположенной цѣли можетъ служить свидѣтельство Бакмейстера, что имъ пользовались въ Россіи еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія (см. *Пекарскій*, I, стр. 191). Нѣкто Максимовичъ, составившій въ 1724 г. латинскій лексиконъ,

свидѣтельствуеть въ предисловіи, что лексиконъ Поликарпова „новочашащихся вспомоглъ“ (ibid., стр. 195).

Учебно-педагогическими трудами не ограничивается оригинальная литературная дѣятельность Поликарпова.

Великій преобразователь Россіи, исполнительнымъ слугою котораго по части распространенія просвѣщенія въ Россіи всегда является Поликарповъ, направилъ его на занятія исторіей русской. И если плодомъ этихъ занятій было неудавшееся сочиненіе, то, вѣроятно, подъ вліяніемъ чтенія лѣтописей и другихъ историческихъ документовъ Поликарповъ созналъ важность свѣдѣній современниковъ о томъ или другомъ событіи и учрежденіи. Тутъ, можетъ быть, кроется первый толчекъ къ тому, что въ 1726 г. Поликарповъ написалъ „Историческое извѣстіе о Московской академіи“ (Др. Росс. Вивл., ч. XVI, стр. 295—302).

Какъ воспитанникъ и потомъ преподаватель этой академіи, Поликарповъ, безъ сомнѣнія, могъ бы написать весьма важное въ историческомъ смыслѣ сочиненіе о первыхъ годахъ жизни своей *almae matris*. Къ сожалѣнію, Поликарповъ писалъ свое „Историческое извѣстіе“ наскоро, безъ документовъ въ рукахъ, а по памяти, которая измѣнила ему въ отчетливомъ обозначеніи времени событій. Такъ, мы приводили уже выше замѣчаніе г. Каптерева о томъ, что Поликарповъ невѣрно обозначилъ годъ основанія типографскаго греческаго училища. Съ своей стороны можемъ указать, что Поликарповъ не обозначилъ точно времени переселенія Лихудовъ съ учениками изъ Богоявленскаго монастыря въ новыя каменные палаты, въ Спаскій монастырь. Онъ только указываетъ, что постройка новаго зданія для академіи окончена въ 1686 г. Такое указаніе находимъ въ книгѣ расходной за 196 годъ (№ 88, л. 61): „в нынѣшнемъ во рѣчь“ году в поябре мѣе по указу святѣйшого патріарха избогаявленскаго монастыря греколатинскіе школьные учителя іеромонахъ Іоаникій да Софроній с учениками съ еродіакономъ Дионисіемъ стоварыщи переведены в Спаской монастырь, что за ветошнымъ рядомъ, в новыя каменные школы“¹⁾.

Есть и другой недостатокъ въ „Историческомъ извѣстіи“ Поликарпова, который состоитъ въ не совсѣмъ вѣрномъ указаніи причины нѣкоторыхъ событій, напримѣръ, причины удаленія Лихудовъ изъ академіи (на что указалъ Смирновъ). Впрочемъ, какъ привер-

¹⁾ Другіе случаи, см. выше, гл. II.

женецъ и любимый ученикъ Лихудовъ, онъ легко могъ впасть въ заблужденіе, слишкомъ субъективно разсматривая дѣятельность грековъ-учителей. Такимъ образомъ, „Историческое извѣстіе“ по своему характеру не можетъ считаться строго историческимъ сочиненіемъ и по своей субъективности можетъ быть причислено къ мемуарамъ, которыхъ такъ много имѣемъ отъ XVIII столѣтія.

Въ заключеніе скажемъ о неудавшейся русской исторіи, которую составлялъ Поликарповъ по порученію Петра Великаго.

Стремясь къ знаніямъ, которыя можно было бы приложить къ потребностямъ русской жизни, трезвый умъ великаго царя не могъ довольствоваться тѣми баснословными (во многихъ случаяхъ) свѣдѣніями по русской исторіи, которыя излагались въ „Синописи“, единственномъ учебникѣ того времени для изученія русской исторіи. Вотъ почему съ 1708 г., среди другихъ заботъ по изданію книгъ, Петръ сдѣлалъ чрезъ Мусина-Пушкина распоряженіе, чтобы Поликарповъ принялся за составленіе русской исторіи отъ начала царствованія великаго князя Василья Ивановича до его времени, при чемъ для образца велѣно было прежде всего описать пять лѣтъ въ двухъ редакціяхъ—краткой и пространной. Что великій царь стремился къ трезвымъ и истиннымъ свѣдѣніямъ изъ прошлаго Русскаго государства, видно изъ переписки гр. Мусина-Пушкина съ Федоромъ Поликарповымъ по поводу написанія послѣднимъ исторіи. Въ своихъ письмахъ графъ отчасти напоминалъ Поликарпову о скорѣйшемъ составленіи русской исторіи, прибавляя при этомъ, что таково великое желаніе царскаго величества, отчасти давалъ совѣты, какъ писать ее. Такъ, въ 1712 году, вѣроятно, вслѣдствіе не сохранившагося письма Поликарпова, который недоумѣвалъ о началѣ исторіи, графъ писалъ ему, между прочимъ: „...царское величество желаетъ вѣдать Россійскаго государства исторію, и о семъ первѣе трудиться надобно, а не о началѣ свѣта и другихъ государствъ, понеже о семъ много писано. И того ради надобно тебѣ изъ русскихъ лѣтописцевъ выбирать и въ согласіе приводить прилежно. О семъ имѣй стараніе; да имаши не малую получить милость, отъ гнѣва же (царскаго) да сохранить тебя Богъ“. (Голицовъ, Доп. къ Дѣян. Петра Великаго, т. IX, 162 — 163 стр., М., 1792 г.; ср. Пекарскій, I, 317 стр.). По поводу подчеркнутыхъ словъ г. Пекарскій справедливо замѣтилъ, что Петру Великому мало было нужды въ генеалогіи славянъ отъ Іафета и пергаменной грамотѣ Александра Македонскаго и другихъ баснословіяхъ, которыми наполненъ „Синописисъ“.

О дальнѣйшей судьбѣ, сочиняемой Поликарповымъ, русской исторіи Пекарскій говоритъ: „Вѣроятно, въ 1715 г. Поликарповымъ была представлена царю составленная имъ руская исторія; по крайней мѣрѣ, 2-го января 1716 г. Мусинъ-Пушкинъ писалъ къ составителю: „исторія твоя російская... не очень благоугодна была“ (ibid.).

Мы полагаемъ, что Поликарповъ окончилъ исторію рускую къ началу 1715 г., потому что 22-го апрѣля этого года въ письмѣ къ гр. Мусину-Пушкину онъ писалъ: „...прошу о взыскаініи за трудъ мой во исторіи и лексиконахъ: ибо велики мнѣ, бѣдному, бѣдно, что господину Веніусу за единъ лексиконъ пожаловано 50 дворовъ, а мнѣ ни 5 оболовъ, но еще и своихъ изнурилъ больше 200 рублей“ (*Русскій Архивъ*, 1868 г., 1042).

Здѣсь рѣчь идетъ о вознагражденіи за написаніе исторіи, о которомъ Поликарповъ могъ напоминать только по окончаніи труда и рассмотрѣніи его Петромъ Великимъ. Мало того, если Поликарповъ въ апрѣлѣ 1715 г. рѣшился напомнить графу Мусину-Пушкину о наградѣ за трудъ, то надо предположить, что между этою просьбою и подачею исторіи прошелъ довольно значительный промежутокъ времени, потому что въ то время у царя было много другихъ дѣлъ и зачатій, и онъ не всегда могъ скоро рѣшать нѣкоторыя дѣла, особенно такія, какъ, напримѣръ, рассмотрѣніе и одобреніе или неодобреніе исторіи Поликарпова. Вотъ почему нисколько не удивительно было бы, еслибы со временемъ отыскался документъ, свидѣтельствующій, что исторія была представлена царю въ 1714 году ¹⁾.

На просьбу Поликарпова о вознагражденіи за исторію и лексиконы отвѣтъ послѣдовалъ лишь 2-го января 1716 г. (прошло больше восьми мѣсяцевъ), въ которомъ гр. Мусинъ-Пушкинъ писалъ: „Исторія твоя и Лексиконъ хотя и не очень благоугодны были, но чрезъ стараніе и прошеніе мое нынѣ Царское Величество извоилъ приказать за оныя твои труды выдать тебѣ съ печатнаго двора двѣсти рублей, и тебѣ по полученіи сего письма оныя двѣсти рублей взять изъ книжнаго доходу“ ²⁾... (*Голицкозъ*, Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго, т. XI, стр. 7—8, Москва, 1794 г.).

¹⁾ Такъ какъ въ томъ же письмѣ Поликарповъ говоритъ о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, то весьма вѣроятно, что онъ лично доставилъ свою исторію царю.

²⁾ Мы должны сдѣлать одну оговорку по поводу сообщенія Голицкова. Онъ говоритъ: „2-го числа (то-есть, января 1716 г.) поутру Великій Государь между прочимъ разсматривалъ по повелѣнію его сочиненную для образца г. Поликарповымъ часть Россійской Исторіи, и Трехъязычный Лексиконъ“... Какой лексиконъ

Такимъ образомъ, исторія Поликарпова не была окончена, и отъ нея доннынѣ сохранилось одно воспоминаніе. Петръ своимъ неодобреніемъ показалъ, что Поликарповъ не годился для составленія русской исторіи; но занятіе ею не прошло безслѣдно для директора типографіи: онъ приобрѣлъ вкусъ къ историческимъ сочиненіямъ и далъ намъ „Историческое извѣстіе о Славяно-греко-латинской Академіи“.

Не останавливаемся на стихотворныхъ произведеніяхъ Поликарпова, который, какъ ученикъ Лихудовъ, не могъ обойтись безъ нихъ, потому что самъ Поликарповъ не придавалъ имъ особеннаго значенія, вставляя ихъ въ свои другія произведенія (Букварь, Лексиконъ) оригинальныя и переводныя.

VI.

Частная жизнь Поликарпова и отношенія его къ наиболѣе извѣстнымъ современникамъ.—Матеріальное положеніе Поликарпова.—Его семья.—Знакомства и отношеніе къ гр. Мусину-Пушкину, св. Дмитрію Ростовскому, Іову, митрополиту новгородскому, и другимъ современникамъ.—Заключительный выводъ о личности Поликарпова.

Много силъ физическихъ и умственныхъ затратилъ Поликарповъ на занятія служебныя и литературныя,—и что же дали ему эти занятія въ вознагражденіе?

Въ предыдущихъ главахъ намъ приходилось уже давать читателю указанія на то, что трудился Поликарповъ не безъ пользы для себя. Кромѣ опредѣленнаго жалованья по должности справщика и начальника типографскаго двора, Поликарповъ получалъ особое вознагражденіе за всякій излишній трудъ. Вознагражденіе за всѣ труды, судя по тому времени, было весьма порядочное. Наконецъ, какъ обнаружилось слѣдствіе надъ нимъ, возникшее по донесенію Гавріила Бужинскаго, были у Поликарпова и не совсѣмъ безгрѣшные доходы, которыми онъ успѣлъ составить довольно большой по тому времени капи-

здѣсь разумѣется? Изъ словъ Голицына видно, что онъ разумѣетъ трехязычный словарь Поликарпова, изданный въ 1704 г. Намъ съ трудомъ вѣрится, чтобы въ 1716 г. (черезъ 12 лѣтъ) Поликарповъ могъ получать вознагражденіе за трудъ, изданный по повелѣнію царя. При томъ какъ согласить: лексиконъ былъ неблагоугоденъ царю, и этотъ же лексиконъ изданъ былъ по повелѣнію его. Можетъ быть, здѣсь надо разумѣть какой либо лексиконъ иностранный, данный Поликарпову для перевода или передѣлки на славянскій языкъ (см. о такомъ переводѣ въ *Русскомъ Архивѣ*, 1868 г., стр. 1054).

таль. Сказанное вполнѣ объясняетъ тѣ матеріальные достатки, о которыхъ узнаемъ изъ отписокъ и переписокъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ Поликарпова во время управленія печатнымъ дворомъ.

Такъ, мы узнаемъ, что у Поликарпова былъ въ Москвѣ домъ, большой, при немъ дворъ съ постройками, за который онъ платилъ въ Андреевскій монастырь 3 рубля. Домъ его былъ богатъ всякаго рода утварью и слугами. Изъ описи имущества, приложенной къ дѣлу, видно, что у него въ домѣ находилось болѣе 100 иконъ, изъ коихъ нѣкоторыя—въ цѣнныхъ серебряныхъ окладахъ; имѣлась довольно богатая бібліотека, заключавшая около 700 разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ духовнаго и научнаго содержанія; не мало золотыхъ и серебряныхъ вещей съ жемчугомъ и драгоценными камнями, три лошади и три нѣмецкія коляски. Не мало было и другихъ менѣе цѣнныхъ вещей ежедневнаго обихода—платья, посуды. На сколько обширенъ былъ его дворъ, видно изъ того, что ему приходилось строить по набережной 25 сажень деревяннаго обруба. Въ Москвѣ же были у него лавки, а внѣ Москвы деревни. (См. Описаніе док. и д. Св. Синода, т. II, 1 и 2 ч., т. VII).

Принимая во вниманіе такое состояніе Поликарпова, страннымъ кажется его поведеніе во время слѣдствія надъ нимъ: онъ легко могъ уплатить насчитанную за нимъ „недоимку“, но все утруждалъ Св. Синодъ и царя просьбами о прощеніи долга, пока не добился желаемого. Эта притворная бѣдность и постоянныя просьбы о деньгахъ замѣчаются въ Поликарповѣ и раньше. Такъ, выше мы видѣли, что въ письмѣ къ гр. Мусицу-Пушкину (отъ 22-го апрѣля 1715 г.) онъ жаловался, что издержалъ на исторію и лексиконы своихъ больше 200 рублей (= на нашъ счетъ 2.000)¹⁾. Эта предвѣренная ложь тѣмъ непріятнѣе поражаетъ изслѣдователя жизни Поликарпова, что быть слишкомъ стяжательнымъ не побуждали его никакія внѣшнія обстоятельства, въ родѣ, напримѣръ, многочисленности семейства.

Семья у него, какъ видно изъ того же слѣдственнаго дѣла надъ нимъ, была очень не велика и состояла всего на всего изъ жены и взрослой дочери. (Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. II, ч. 2).

Не одно матеріальное обезпеченіе доставила Поликарпову его служебная и литературная дѣятельность. Она поставила его на почтенное мѣсто въ служебной іерархіи, сблизила съ нѣкоторыми видными людьми того времени и приблизила къ царю, который простилъ ему

¹⁾ На что онъ могъ издержать такую сумму?

долгъ, насчитанный на него за злоупотребленія въ типографіи. (См. *ibid.* т. VII).

Однимъ изъ такихъ лицъ былъ ближайшій начальникъ Поликарпова—Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ. Въ письмахъ своихъ Поликарповъ часто называетъ своего начальника „своимъ патрономъ“, „отцомъ и попечителемъ искреннимъ“, „высокимъ опекуномъ“. Всѣ такія и подобныя названія нельзя принимать за одну пустую риторику въ виду того, что гр. Мусинъ-Пушкинъ не разъ въ своихъ письмахъ (по поводу, напримѣръ, перевода Библии, сочиненія исторіи русской) высказываетъ расположеніе къ Поликарпову. То же самое расположеніе просвѣчиваетъ и въ томъ письмѣ, гдѣ онъ сообщалъ Поликарпову о наградѣ за составленіе исторіи русской: эта награда дана была, благодаря старанію и просьбѣ графа. Наконецъ, мы имѣемъ свидѣтельство, что между графомъ и Поликарповымъ существовали не одни официально-служебныя отношенія. Изъ показанія директора типографіи по дѣлу Тверитинова видно, что онъ бывалъ въ домѣ гр. Мусина-Пушкина въ качествѣ гостя и хорошо знакомаго человѣка. Только хорошими и довольно близкими отношеніями Поликарпова къ своему начальнику можно объяснить тотъ фактъ, что въ его письмахъ на ряду съ событіями, касающимися службы, находимъ сообщенія чисто личнаго свойства, иногда не лишеныя горькой ироніи или сѣтованій на свою судьбу.

Такъ, въ письмѣ отъ 22-го апрѣля 1715 г. онъ пишетъ: „Милостивый мой государь графъ Иванъ Алексѣевичъ! Всевѣтлымъ Христова возстанія торжествомъ вашу графскую вельможность вседомовно съ низайшимъ моимъ поклономъ поздравляю и за милосердое ваше страннопріятіе благодарствую. А о себѣ самъ третімъ доношу всепокорно. По жестокомъ и безпутномъ пути моемъ доволочся я до намѣреннаго центра въ 14-й день марта. При Божіи сохраненіи живъ, аще и не здоровъ, ибо за положенный мой во книгахъ трудъ, вмѣсто серебра, лишепъ на пути и ребра“... (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 1041).

Ирче всего расположеніе графа къ Поликарпову выражалось въ такіе моменты, когда, по независящимъ отъ послѣдняго обстоятельствамъ, какое либо распоряженіе начальника не исполнялось съ должною скоростію. Такой случай произошелъ въ 1716 году и повторился въ слѣдующемъ.

Государь потребовалъ въ Петербургъ префекта Славяно-греко-латинской Академіи Теофила Кролика. Указъ объ этомъ посланъ былъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ Поликарпову. „Царскаго величества указъ

и писаніе ваше,— писалъ послѣдній графу,—префекту Теофилу Кролику я объявилъ и сказалъ, чтобъ онъ не медля ѣхалъ и въ десять дней предсталъ вашему лицу неотложно. И онъ, Кроликъ, хотя и радостно принялъ повелѣніе, понеже издавна желалъ и искалъ разлучиться отъ Москвы и въ Цесаріи, ему любезной, быть; однакожь подалъ доношеніе въ сенатскую канцелярію (какъ я слышалъ отъ Лопатинскаго), чтобъ ему послѣ двухъ недѣль отсюда путь свой воспріять, на что де ему и позволено, но я не умолчу его выбывать "... (ibid., стр. 1043—1044). Но Кроликъ долго медлил своимъ отъѣздомъ изъ Москвы, за что гр. Мусианъ-Пушкинъ разгнѣвался и обрушился въ письмѣ своемъ на Поликарпова. Послѣдній также разсердился на несправедливые упреки графа и написалъ ему рѣзкое письмо. 16-го октября 1716 года онъ писалъ гр. Мусину-Пушкину извинительное и оправдательное письмо. „... Прошу прощенія,—читаемъ здѣсь,—о посланномъ (предъ симъ) на Давыдовы рѣчи, гнѣвъ твой на меня явившимися, грубомъ и, мню, яко досадительномъ отвѣтѣ моемъ, *въдавая вашею отеческаго сердца горячестъ ко мнѣ и вѣруя, что чистая любви не зазритъ, ниже итѣвается и страхъ всякъ изгонитъ вонъ.* Тѣмъ же и писалъ, яже писалъ, не яко да воздвигну, но да утолю гнѣвъ твой, на мя движимый, за вину истинно не мою, но префекта, укоснѣвшаго въ путь свой идти ради сторублеваго яблока, въ саду Прозоровскомъ взятаго, отъ котораго ему польза и сладость, а мнѣ не токмо зубы отерили, но отъ радости и очи померкли“ (ibid., стр. 1045—1046). Подчеркнутыя нами слова прямо и ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что графъ Мусианъ-Пушкинъ былъ искренно расположенъ къ Поликарпову и не стѣснялся высказать ему свой минутный гнѣвъ. Искренность и прочность этого расположенія тѣмъ несомнѣннѣе, что у Поликарпова въ Петербургѣ и Москвѣ было не мало завистниковъ и враговъ, которые всячески чернили его въ глазахъ графа и, можетъ быть, царя. Подобныя мысли приходятъ при чтеніи письма, полученнаго гр. Мусианымъ-Пушкинымъ 18-го марта 1717 г. Дѣло вотъ въ чемъ. Марта 9-го того же года Поликарповъ получилъ отъ графа письмо и узналъ отъ курьера Семенова, что послѣдній гнѣвается на него за неотправленіе книгъ и чертежей. Въ дѣйствительности оказалось, что Поликарповъ книги и чертежи, какіе нашелъ, отправилъ съ ученикомъ въ ящикѣ за печатью, но посылка, вѣроятно, задержалась въ дорогѣ. „И за сіе,—пишетъ Поликарповъ,—тебѣ моему господину гнѣваться на меня и крушиться безвипно будетъ ли благословно, изволь рассудить самъ, яко мудръ. Извѣстно вамъ, что ваша

высокихъ лицъ гнѣвная... слова иссушаютъ многожды и высокая дѣрева. Аще же когда съ милостію изрекутся, тогда и отъ неплодныхъ малыя смоковницы много плодъ произвести могутъ. Хотѣлъ было и я грубый еще нѣчто новое немалое и вонстинну небывалое Россійскому народу въ пользу произвести чрезъ убогій трудъ мой, но видя себя злая возъ благая страждущаго (якоже и за географію льстецомъ и обманщикомъ именуема) и всегда въ противныхъ волнахъ обуреваема отъ обоганія, навѣтовъ и поруганія ласкателей, тунейцевъ и притрапезниковъ... оставлю все, да не горшее что пострададу"... (ibid., стр. 1051—1052).

По временамъ эти ласкатели, тунейцы и притрапезники причиняли Поликарпову столь сильныя душевныя муки, что онъ чувствовалъ упадокъ физическихъ силъ и подумывалъ о близкой смерти. Въ письмѣ отъ 29-го октября 1716 г. онъ, между прочимъ, писалъ: „Донюшу же и о себѣ, яко вонстинну существу отцу и за толико лѣтъ попечителю искреннему, что и я началъ въ силѣ моей вельми изнемогати: зрѣніе мое, и прежде худое и тупое, наче и наче тупѣеть; составъ плоти дряхлѣеть и многожды цѣпенѣеть. Сіе же стражду не толико отъ трудовъ библейныхъ и книгъ новопреводимыхъ (ихъ же издѣтска люблю творити), елико отъ бѣдъ, наносимыхъ отъ навѣтниковъ... И вонстинну, государь, сокрушаюся, не окончу ли и я число дней моихъ прежде окончанія библейнаго“... (ibid., стр. 1048).

Таковы были терніи въ служебномъ вѣнкѣ Поликарпова, и надо отдать справедливость его покровителямъ, которые сумѣли оцѣнить неутомимую энергію и трудолюбіе директора типографіи.

Другимъ извѣстнымъ современникомъ, съ которымъ Поликарпова связывали интересы научныя и литературныя, былъ св. Димитрій Ростовскій.

Знакомство Поликарпова съ св. Димитріемъ слѣдуетъ отнести, по всей вѣроятности, къ 1701 г., когда послѣдній вслѣдствіе болѣзни прожилъ въ Москвѣ довольно продолжительное время и окруженъ былъ людьми (монахъ Феологъ, Каріонъ Истоминъ), близкими къ Поликарпову. Св. Димитрій не могъ не знать о Поликарповѣ, который извѣстенъ былъ своею дѣятельностью литературною и служебною, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году Поликарповъ назначенъ директоромъ типографіи.

Отправившись въ Ростовскую митрополию, св. Димитрій не прекращалъ своего знакомства съ Поликарповымъ. Связь эта выражалась то въ письмахъ къ Поликарпову (ихъ извѣстно не много), то въ по-

сылкѣ разныхъ своихъ сочиненій, то въ просьбѣ (черезъ монаха Θεолога) разрѣшить тѣ или нынѣ сомнѣнія и затрудненія.

Мы знаемъ одно письмо св. Дмитрія къ Поликарпову (отъ 8 ноября 1708 г.), въ которомъ онъ дѣлится мыслями по поводу лѣтописца, въ то время имъ сочиняемаго. Здѣсь же онъ повѣряетъ Поликарпову свои планы о новой работѣ надъ Псалтырью. (См. Шляпкинъ, Св. Дмитрій Ростовской и его время, С.-Пб., 1891 г., стр. 437—439). Въ этомъ письмѣ ясно сказывается уваженіе со стороны митрополита ростовскаго къ познаніямъ Поликарпова. Вѣроятно, онъ такъ подробно и писалъ о своемъ лѣтописцѣ Поликарпову, потому что зналъ о порученіи ему сочинить русскую исторію. То же довѣріе къ знаніямъ Поликарпова проглядываетъ во многихъ письмахъ святителя къ монаху Θεологу, а равно и къ другимъ лицамъ. Такъ, посылвъ Стефану Яворскому начало лѣтописца для прочтенія и получивъ отъ него похвальный отзывъ о своемъ трудѣ, св. Дмитрій отвѣчалъ: „О моей лѣтописи отъ преосвященства вашего перепохваленной, радъ бы слышати, что въ ней таково обрѣтается, еже требуетъ исправленія; только какъ прежде просилъ, такъ и теперь прошу: не трудися самъ... Преподобный отецъ Симоновскій (то-есть, архим. Рафаилъ Краснопольскій) и господинъ (Федоръ) Поликарповичъ. могли бы они читати и разсуждати“... (ibid., стр. 422).

Въ одномъ изъ писемъ къ Θεологу онъ пишетъ, что посылаетъ двѣ тетради о бородѣ—одну ему, Θεологу, а другую—Поликарпову, и проситъ послѣдняго прочитати и разсудить, хороша ли и годится ли кому въ пользу (*Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости*, 1874 г., письмо 21-е). Точно также просилъ онъ Поликарпова прочитати написанное имъ о исторіи евангельской и о причтахъ и разсудить, „гораздо ли такъ“ (ibid., 27-е письмо).

Не сохранилось писемъ Поликарпова къ митрополиту новгородскому Іову, но таковыя, несомнѣнно, существовали, потому что изъ дошедшихъ до насъ писемъ новгородскаго митрополита къ Поликарпову усматриваются дружескія отношенія между ними. Такъ, въ письмѣ своемъ къ хутынскому архимандриту Θεодосію, посланномъ въ Москву съ Софроніемъ Лихудомъ (отъ декабря 1707 г.), Іовъ пишетъ: „Благодѣтелю и сыну нашему Феодору Поликарповичу отъ души мое благословеніе донеси, и за присланныя нѣкія книжицы поклонися“ (*Страничникъ*, 1861 г., февраль, ст. И. Чистовича „Новгородскій митрополитъ Іовъ. Жизнь и переписка съ разными лицами“, стр. 42). Поликарповъ былъ человѣкомъ, весьма нужнымъ для митр.

Иова, который много заботился о распространеніи просвѣщенія въ своей митрополіи. „Уже въ четвертый разъ докучая,—говоритъ онъ въ письмѣ къ Поликарпову,—пишу твоей доблести о исправленіи службы, прежде бывшія и новосочиненныя отъ учителей и господъ, честѣйшихъ іеромонаховъ, Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ,—пролога, стихирь и канона Мудрости Бога Слова. Но отповѣди о семь отъ изыщества вашего не улучихъ. Не могу разумѣти, чесо ради сему дѣлу бысть препятіе? Сего ради нынѣ посылаю отъ себе къ вашей милости нарочнаго, и съ нимъ отъ учителей нѣкія книги греко-латинскія и сей прологъ, стихиры и канонъ на греческомъ діалектѣ—тѣ же и славенски преведенные въ тетрадѣхъ, особливо запечатанныя моею келейною печатію. Молю твое великодушіе, благоволи пожаловать посмотреть и исправити, якоже лѣпотствуетъ“... (Ibid., стр. 125).

Обращался митрополитъ Іовъ къ Поликарпову съ просьбами и другаго рода. Такъ, въ одномъ изъ писемъ читаемъ: „Просимъ твою по Господѣ благодать, благоволи пожаловать повелѣти, любви ради Божіи и пользы Христовы церкви, по приказу боярина Ивана Алексѣевича и по писму къ твоей милости мудрейшихъ и словесныйшихъ учителей, преподобнѣйшихъ іеромонаховъ, Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ, изъ Переславля Николаевскаго монастыря, иже на Болотѣ, господину стронтелю монаху Питириму, прислати къ намъ въ Великій Новгородъ монаха Савватія, безъ закосненія“... (Ibid., стр. 134). Подчеркнутыя нами слова въ этомъ письмѣ митр. Иова указываютъ, что Поликарповъ переписывался и съ своими бывшими учителями. Мы выше уже говорили, что Поликарповъ былъ любимымъ ученикомъ Лихудовъ и платилъ имъ взаимною любовью, что исподъ обнаружилъ въ своемъ „Историческомъ извѣстіи о Славяно-греко-латинской Академіи“. Впрочемъ, судьба подвергала испытанію и эту привязанность директора типографіи. Какъ извѣстно, Лихуды впослѣдствіи возвращены были въ Москву, но не могли уже занять въ ней прежняго положенія. Вотъ почему, съ переводомъ управления школами въ приказъ книгъ печатнаго дѣла, Поликарповъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ выше своего учителя Софронія Лихуда, чѣмъ послѣдній не совсѣмъ былъ доволенъ. Вотъ почему Поликарповъ въ 1715 г. писалъ графу Мусину-Пушкину: „А старикъ Софроній мнѣ надъ нимъ комиссарствомъ не доволенъ: ронцетъ, чаю, и пишетъ. И вправду, нѣсть бо ученикъ надъ учителемъ. Онъ много просить, я мало даю“ (*Русскій Архивъ*, 1868 г., 1043). Вообще о зна-

комствахъ Поликарпова мы должны замѣтить, что они были многочисленны и не ограничивались духовнымъ и монашествующимъ сословіемъ. Какъ директоръ типографіи, онъ приходилъ въ столкнове- ніе съ людьми различныхъ слоевъ русскаго общества. Такъ мы знаемъ, что онъ былъ знакомъ съ московскимъ вице-губернаторомъ Ершовымъ, который въ февралѣ 1713 г. говорилъ ему о Твертиновѣ (См. Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. II, ч. 1-я, 309 и слѣд. столбцы); былъ хорошо знакомъ съ Поликарповымъ и полковникъ Болтинъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, который заступился за него (*ibid.*, т. II, ч. 2-я).

Судьба, не всегда благосклонная къ Поликарпову, не позволила ему пережить свою славу и умереть въ тотъ моментъ, когда онъ находился подъ слѣдствіемъ и испытывалъ крайнія бѣдствія. Она позволила Поликарпову пережить тяжелые годы и увидѣть лучшіе дни въ своей жизни, когда ему возвращено было все то, что при- обрѣлъ онъ долгимъ и упорнымъ трудомъ, хотя не всегда честными путями. И Поликарповъ умеръ въ должности директора типографіи 12-го января 1731 года ¹⁾.

Мы у конца предположенной задачи. Намъ остается бросить бѣг- лый взглядъ на все сказанное здѣсь о жизни и дѣятельности Федора Поликарповича Поликарпова-Орлова и сдѣлать заключительный вы- водъ о немъ, а равно указать его положеніе между многочисленными дѣятелями конца XVII и начала XVIII столѣтій.

На первыхъ страницахъ настоящей работы мы отнесли Поликар- пова къ дѣятелямъ, такъ называемой, *переходной эпохи*. Такой тер- минъ утвердился въ исторической наукѣ за XVII столѣтіемъ по пре- имуществу. Какъ бы ни смотрѣли историки на этотъ вѣкъ, одно должно быть признано несомнѣннымъ: въ XVII вѣкѣ подводились итоги тому, что пережилъ и нажилъ русскій народъ за шесть вѣковъ своей исторической жизни, и полагались первыя основанія жизни новой. Послѣ того, какъ на Стоглавомъ соборѣ раздалось горькое слово сознанія *заблудихомся и духовныи и тѣлесныи*, старая жизнь не могла идти попрежнему. У всѣхъ явилось страстное желаніе разо- брать всѣ направленія русской жизни и указать, по какимъ новымъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, Описаніе док. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Синода, въ на- стоящее время остановилось въ послѣднемъ томѣ (VIII, С.-II., 1891 г.) на 1728 годѣ. Когда будутъ напечатаны синодальныя дѣла за 1731 годъ, тогда мы узнаемъ, можетъ быть, нѣкоторыя подробности о смерти его, а равно о мѣстѣ вѣчнаго успокоенія.

путямъ должна идти послѣдняя, чтобы уничтожить и забыть горькое сознаніе своей несостоятельности религіозной, нравственной, умственной, политической и общественной.

Литература въ такія эпохи является отраженіемъ той ожесточенной борьбы, которая ведется между старымъ отживающимъ и новымъ нарождающимся направлениемъ.

Мы знаемъ, что къ концу XVII столѣтія борьба въ умственной жизни шла *въ трехъ направленіяхъ*¹⁾, которыя прекрасно охарактеризовалъ и мѣтко назвалъ іеродіаконъ Дамаскинъ (о немъ см. сочиненіе протоіерея *Лихотова*: „Іеродіаконъ Дамаскинъ, руской полемистъ XVII вѣка“, С.-Пб., 1884 г.). Представителемъ одного направленія іеродіаконъ Дамаскинъ называетъ „восточная часть“, „восточники“, „православные“. Люди этого направленія были для своего времени довольно образованы, но не слѣпые поклонники схоластической науки; они не преклонялись слѣпо предъ идущими съ юго-запада новшествами; своимъ здравымъ смысломъ они сѣумѣли выбрать изъ прошлой жизни русскаго народа то, что составляетъ ея суть—православную (греческую) вѣру, соединили съ нею народность и неустрашимо боролись за нихъ, являя высокіе образцы честности и непокупности.

Приверженцевъ другаго противоположнаго направленія іеродіаконъ Дамаскинъ называетъ: „латинская часть“, „западники“, „инославные“. Люди этой категоріи рѣзко отличались отъ людей первой крайнимъ, доходившимъ до слѣпаго обожанія, пристрастіемъ къ западной іезуитской учености; они безъ критики относились къ идущему съ юго-запада новому и готовы были для него измѣнить вѣрѣ предковъ; нравственная фізіономія этихъ людей, вслѣдствіе увлеченія іезуитскою ученостію, рѣзко отличалась отъ таковой людей перваго направленія: они отличались хитростію, пронырливостію, способностію къ лести, къ интригѣ и искали только своихъ выгодъ и преимуществъ.

Но представители того и другаго направленія въ чистомъ видѣ встрѣчались не часто среди дѣятелей XVII столѣтія. Большинство изъ нихъ представляли собою нѣчто среднее между двумя крайностями. Люди этой срединной партіи, умѣвшіе сглаживать крайности двухъ первыхъ, собственно говоря, вынесли на своихъ плечахъ всю

¹⁾ Въ брошюрѣ г. *Архангельскаго* „XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы“ (С.-Пб., 1884 г.) указано *два направленія*.

тяжесть переходнаго времени и были наиболѣе плодотворными сѣятелями того новаго, что должно было обновить русскую жизнь. Конечно, люди этой категоріи не представляли изъ себя типовъ столь цѣльныхъ и опредѣленныхъ, какъ люди вышеуказанныхъ двухъ категорій, и не являлись столь энергическими борцами за идеалы и убѣжденія своей партіи. Такихъ людей тотъ же іеродіаконъ Дамаскинъ мѣтко называлъ *пѣстрими*, терминъ, по нашему мнѣнію, въ высшей степени удачный: онъ долженъ занять свое мѣсто въ исторіи русской литературы. Къ какой же изъ этихъ трехъ категорій отнести Федора Поликарпова?

Начало своему умственному развитію онъ положилъ въ типографскомъ греческомъ училищѣ, потомъ подъ вліяніемъ братьевъ Лихудовъ онъ сформировался окончательно въ сторонника „восточной партіи“, но не совершенно чистаго вида, потому что Лихуды, какъ иностранцы, не могли внушить своему питомцу той страстности, какую проявляли къ своимъ идеаламъ и воззрѣніямъ русскіе люди этой партіи. Правда, Поликарповъ пережилъ послѣдній моментъ полнаго торжества „посточниковъ“, когда изъ Славяно-греко-латинской Академіи временно былъ удаленъ латинскій языкъ. Но онъ же жилъ и въ такое время, когда русскій народъ, подъ руководствомъ и по приказанію могучаго царя, долженъ былъ встать на путь новшествъ европейскіхъ. И Поликарповъ, какъ человекъ безъ рѣзко очерченныхъ убѣжденій, склонился предъ духомъ времени и самъ переводилъ книги съ латинскаго языка. Вотъ почему онъ въ предисловіи къ Букварю порицаетъ басни Эзопа, сочиненія Цицерона, Овидія и т. д., а въ предисловіи къ Лексикону и къ Грамматикѣ говоритъ о необходимости переводовъ съ другихъ языковъ, особенно съ латинскаго. То онъ съ укоризною обращается къ приверженцамъ латинскаго языка и защищаетъ языкъ греческій, то приводитъ доказательства въ пользу латинскаго языка, чтобы оправдать внесеніе этого языка въ свои книги, предназначаемыя для школы.

Если обратимся къ нравственной фізіономіи Поликарпова, то увидимъ и здѣсь то же шатаніе и то же колебаніе. Вотъ передъ нами Поликарповъ—ревностный исполнитель своего долга, не боящійся „по долгу службы“ беспокоить Св. Синодъ своими частыми доношеніями о темныхъ сторонахъ жизни типографіи; вотъ онъ, окруженный клеветниками, умаляющими его труды, не покладаетъ своего трудолюбиваго пера до своей смерти. И тотъ же самый герой своего долга и любитель просвѣщенія бралъ подарки отъ слушающихъ подъ его

начальствомъ мастеровыхъ людей, обсчитывалъ переплетчиковъ, продавалъ мѣста въ типографіи и назойливо просилъ царя и Синодъ простить штрафъ. Какъ примирить такое противорѣчіе, такую смѣсь понятій и убѣжденій? Всѣ противорѣчія умственныхъ и нравственныхъ, которыми полна личность Поликарпова, станутъ понятны тому, кто причислитъ его къ людямъ третьей категоріи, къ тѣмъ, которыхъ такъ мѣтко называли „пѣстрыми“.

При всѣхъ недостаткахъ, свойственныхъ и другимъ пестрымъ XVII вѣка, въ личности Поликарпова замѣчается одно прекрасное качество—это горячая, искренняя и продолжительная любовь къ просвѣщенію.

С. Брашловскій.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАДАЧИ ЭМБРИОЛОГИИ.

(Памяти К. Ф. Вольфа)¹⁾.

Es gibt wenig Männer, deren Gedanken und Werke für alle nachkommenden Geschlechter denkender Menschen so unsterblich und deren persönliches Fortleben in der geschichtlichen Erinnerung doch ein so verkümmertes wäre, wie beides bei dem grossen deutschen Physiologen Wolf der Fall ist.

A. Kirchhoff: C. Fr. Wolf. Sein Leben und seine Bedeutung für die Lehre von der organischen Entwicklung (*Jen. Zeitschr.*, vierter Bd., 2 H., S. 193).

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1794 году, умеръ въ Петербургѣ естествоиспытатель, которому обязанъ своимъ существованіемъ цѣлый отдѣлъ зоологіи, къ тому же еще такой отдѣлъ, который и въ наше время занимаетъ выдающееся мѣсто среди другихъ отдѣловъ названной науки, а въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, возоблаждаетъ надъ всѣми ими. Мы говоримъ объ эмбриологіи и ея творцѣ, К. Ф. Вольфѣ, напечатавшемъ и защитившемъ (въ Галле) въ 1759 году свою диссертацию: *Theoria generationis*, и издавшемъ въ 1768—1769 гг. уже въ трудахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ из-

¹⁾ Настоящая статья представляетъ собою снабженную немногими дополненіями рѣчь, произнесенную въ соединенномъ засѣданіи Императорскаго общества любителей естествознанія и IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей (6-го января 1894 года).

слѣдованіе подъ заглавіемъ: „De formatione intestinorum“, два сочиненія, которыхъ теоретическое значеніе трудно и оцѣнить и которыхъ фактическіе результаты, по отзыву одного изъ наиболѣе почтенныхъ современныхъ эмбриологовъ, Келликера, превзошли все, что было ранѣе дознано о томъ же предметѣ.

И что же! Несмотря на все это, Вольфъ не могъ у себя на родинѣ не только достигнуть профессуры, но даже не имѣлъ возможности спокойно преподавать свой предметъ ¹⁾; только воля великой Екатерины дала ему возможность въ чужой для него, но къ гор-

¹⁾ Приведемъ здѣсь вкратцѣ біографію Вольфа. Каспаръ-Фридрихъ Вольфъ, сынъ португаго въ Берлинѣ, родился въ 1733 году. Свое университетское образованіе онъ началъ въ Берлинѣ, гдѣ, между прочимъ, занимался спеціально анатоміей подъ руководствомъ Меккеля; окончилъ же свой университетскій курсъ Вольфъ въ Галле, гдѣ 28-го ноября 1759 года и защитилъ свою диссертацию (*Theoria generationis*). Семилѣтняя война дала Вольфу первый случай проявить свой преподавательскій талантъ. Ему было поручено чтеніе лекцій анатоміи для полевыхъ врачей при лазаретѣ въ Бреславлѣ. Вольфъ тотчасъ же выдвинулся, какъ блестящій доцентъ, и скоро аудиторія его стала переполняться не только военными, но и находившимися на гражданской службѣ врачами. По наступленіи мирнаго времени, когда въ числѣ другихъ полевыхъ лазаретовъ былъ закрытъ и бреславльскій, прекратились и курсы анатоміи, такъ блестяще веденные Вольфомъ. Теперь онъ задумалъ перенести свою преподавательскую дѣятельность въ Берлинъ, и здѣсь предъ нами открывается одна изъ печальныхъ страницъ Берлинскаго университета. Молодой, богато одаренный отъ природы, доцентъ былъ встрѣченъ со стороны профессорской коллегіи не пріятно и поддержкой, а нерасположеніемъ и интригой. Вольфъ едва могъ добиться разрѣшенія доцентировать въ университетѣ, и, когда оно, наконецъ, послѣдовало, не только ему было отказано въ учебныхъ пособіяхъ и въ необходимыхъ для лекцій трунахъ, но, помимо того, его преслѣдовали открытыми нападками съ кафедръ и тайными интригами. Несмотря на всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, Вольфъ блестяще велъ свои курсы, привлекаяшіе толпы слушателей. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ переиздалъ свою диссертацию на нѣмецкомъ языкѣ (*Theorie von der Generation, in zwei Abhandlungen erklärt und bewiesen von Caspar Friedrich Wolff, Berlin, 1764*), гдѣ и развилъ свою теорію въ окончательной формѣ, дополнивъ теоретическое изложеніе многими, вновь сдѣланными, фактическими наблюденіями. Утомленный непосильною борьбой со всей профессорскою коллегіей, Вольфъ принялъ въ 1767 году предложеніе нашей Академіи Наукъ. Уже въ Петербургѣ (въ 1768 г.) онъ издалъ другой свой знаменитый трактатъ: „De formatione intestinorum“, и затѣмъ въ 1789 году напечаталъ въ трудахъ Академіи (по поводу сочиненій, представленныхъ на заданную, по предложенію самого Вольфа, тему) на нѣмецкомъ языкѣ разсужденіе „О своеобразной и существенной силѣ (*vis essentialis*, какъ онъ ее называлъ) растительнаго и животнаго вещества“. Вольфъ умеръ въ Петербургѣ въ февралѣ 1794 года.

дости нашей, въ родной намъ странѣ безмятежно предаться ученымъ изысканіямъ, въ качествѣ члена молодой тогда С.-Петербургской Академіи Наукъ. Но, что всего удивительнѣе, Вольфъ, котораго наиболѣе авторитетные представители зоологическаго знанія, каковы Келликеръ и Гексли, считаютъ основателемъ не только эмбриологіи, но и гистологіи. двухъ отдѣловъ, составляющихъ справедливую гордость зоологіи XIX вѣка, остался почти незамѣтенъ не только для образованныхъ людей вообще, но даже и для большинства зоологовъ. Дѣло дошло въ этомъ отношеніи до того, что упомянутое выше сочиненіе Вольфа „De formatione intestinorum“, о которомъ знаменитый Беръ высказался въ свое время, что это „величайшая изъ извѣстныхъ намъ въ области наблюдающаго естествознанія работъ“, была переведена на родной языкъ автора только черезъ 44 года послѣ изданія ея на латинскомъ языкѣ и переведена, по собственнымъ словамъ переводчика (Меккеля младшаго), потому что сочиненіе это осталось рѣшительно неизвѣстнымъ даже выдающимся зоологамъ и анатомамъ.

По отношенію къ современникамъ Вольфа и ближайшему поколѣнію естествоиспытателей это невѣдѣніе и забвеніе его трудовъ не должно насъ удивлять: его современники прямо не были подготовлены къ тому крупному шагу, который Вольфъ этими трудами заставлялъ сдѣлать естествознаніе. Но представляется совершенно непонятнымъ, какъ современные намъ естествоиспытатели забываютъ Вольфа на столько, что, какъ увидимъ ниже, приписываютъ даже его открытія позднѣйшимъ изслѣдователямъ. Не можемъ не привести здѣсь того упрека, который двадцать пять лѣтъ тому назадъ біографъ Вольфа сдѣлалъ своимъ соотечественникамъ: „Ботаники, какъ на это жаловался еще Шлейденъ, почти никогда не читали Вольфа, зоологи знаютъ его лишь за его открытіе образованія кишечнаго канала у позвоночныхъ за эту заслугу Вольфа цитируютъ и его знаменитую *Theoria generationis*, обыкновенно ея не читая; съ изданнымъ же на нѣмецкомъ языкѣ, на самомъ дѣлѣ *доказательнымъ*, сочиненіемъ подъ тѣмъ же заглавіемъ поступаютъ еще послѣдовательнѣе: его и не читаютъ, и не цитируютъ“¹⁾.

Невольно встаетъ здѣсь передъ глазами совершенно обратный примѣръ изъ намъ современнаго момента исторіи естествознанія. Въ то время, какъ Вольфъ былъ и остается мало замѣтенъ даже для

¹⁾ А. Kirchhoff, l. c., p. 208.

людей науки, и его сочиненія читались и читаются лишь очень немногими и, какъ мы видѣли, десятки лѣтъ должны были ожидать перевода даже на родной языкъ, имя намъ современнаго реформатора, Дарвина, на устахъ у всѣхъ, даже едва грамотныхъ, сочиненія же его появлялись одновременно едва ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ, комментировались и популяризировались тотчасъ же, какъ появлялись въ оригиналѣ.

Почему такое различіе? Намъ скажутъ, что шагъ впередъ, сдѣланный Дарвиномъ, гораздо значительнѣе, а потому этотъ мыслитель обратилъ на себя и болѣе вниманіе. Такой взглядъ (поддерживаемый, конечно, большинствомъ дарвинистовъ), по нашему мнѣнію, безусловно несправедливъ, особенно съ точки зрѣнія эмпирическаго естествознанія: заслуга Вольфа, по его собственному признанію, заключается въ томъ, что онъ смогъ *доказать* (beweisen) съ безусловной достовѣрностью то, что Гиппократъ и Аристотель лишь допускали, и что философы и естествоиспытатели XVII и XVIII вѣковъ отрицали, а именно: что при своемъ развитіи всякое организованное тѣло *дѣйствительно образуется* во всѣхъ подробностяхъ своего строенія. Въ самомъ дѣлѣ, для всякаго эмпирика это есть истина, развѣ навсегда доказанная для человѣческаго ума и потому болѣе уже не оспариваемая. Между тѣмъ вотъ все, что можетъ быть поставлено въ заслугу Дарвина, какъ это справедливо формулировалъ Келликеръ: „Дарвинъ вновь и, какъ теперь можно съ опредѣленностью сказать, навсегда направилъ вниманіе естествоиспытателей на общіе законы развитія міра организованныхъ существъ и далъ толчокъ совершенно новому ряду изысканій и воззрѣній“¹⁾. Отсюда вытекаетъ, на нашъ, по крайней мѣрѣ, взглядъ, что значеніе Вольфа въ исторіи біологическихъ наукъ не только не ниже, а напротивъ гораздо выше значенія Дарвина. Къ тому же должно еще здѣсь указать, что ученіе о генезисѣ формъ (о происхожденіи высшихъ формъ

¹⁾ А. Kölliker, Morphologie u. Entwicklungsgeschichte d. Pennatulidenstammes nebst allgem. Betrachtungen zur Descendenzlehre, 1872. Негели съ своей стороны объясняетъ, почему именно Дарвину удалось этого достигнуть: онъ въ гипотетическую область (въ каковой до него оставался вопросъ о происхожденіи видовъ) смогъ ввести механическое начало, такъ какъ указалъ, что въ мірѣ организованныхъ существъ (въ его развитіи) рядъ явленій представляетъ собою необходимое слѣдствіе одной, совершенно опредѣленной причины: избытокъ въ размноженіи обуславливаетъ вытѣсненіе формъ менѣе приспособленныхъ формами болѣе приспособленными (С. в. Nägeli, Mechanisch-physiologische Theorie d. Abstammungslehre, S. 10).

изъ низшихъ), то-есть, самое основаніе ученія Дарвина и его предшественниковъ (мы оставляемъ здѣсь совершенно въ сторонѣ „дарвинизмъ“ въ собственномъ смыслѣ слова, то-есть, ученіе о томъ, что виды творятся борьбой за существованіе и естественнымъ отборомъ) имѣютъ свои корни въ „теоріи развитія“ Вольфа. Это и признаетъ одинъ изъ наиболѣе увлеченныхъ дарвинистовъ, Геккель; только по исторически сложившейся къ Вольфу несправедливости приписываетъ эту заслугу не Вольфу, а Гете. Вотъ что мы находимъ объ этомъ предметѣ у Геккеля въ его знаменитой *Natürliche Schöpfungsgeschichte* (8-te Aufl., S. 74): „Von den Schriften Goethe's, die sich auf die organische Natur beziehen, ist am berühmtesten die *Metamorphose der Pflanzen* geworden, welche 1790 erschien; ein Werk, welches bereits den Grundgedanken der Entwicklung-Theorie deutlich erkennen lässt. Denn Goethe war darin bemüht ein einziges Grundorgan nachzuweisen, durch dessen unendlich mannigfaltige Ausbildung und Umbildung man sich den ganzen Formenreichthum der Pflanzenwelt entstanden denken könne; dieses Grundorgan fand er im Blatt“. Такъ говоритъ Геккель о значеніи Гете, какъ предшественника Дарвина. Однако же то, что Геккель относительно метаморфоза у высшихъ растеній приписываетъ Гете,—то на самомъ дѣлѣ было высказано впервые Вольфомъ болѣе чѣмъ тридцатью годами ранѣе ¹⁾.

Если мы теперь повторимъ вопросъ: почему такъ несправедливо отнесли къ Вольфу его современники?—то, намъ кажется, отвѣтъ долженъ быть таковъ: Вольфъ родился слишкомъ рано: его ученіе

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Вольфа (въ нѣмецкомъ переводѣ): „Wenn also alle Theile der Pflanze, den Stengel ausgenommen, auf die Form des Blattes zurückgeführt werden können, und nichts als Modificationen derselben sind etc.... (Über die Bildung des Darmkanals, S. 61). Ср. также *Theorie v. d. Generation*, zw. Abhandl., I Kap., § 11. Ср. также *A. Kölliker, Entwicklungsgeschichte*, S. 10: Wolf ist der Entdecker der Metamorphose der Pflanzen und nicht Göthe, was dieser selbst anerkennt. Впрочемъ, и самъ Дарвинъ былъ весьма несправедливъ къ памяти Вольфа: въ своемъ, какъ извѣстно, очень краткомъ и неполномъ очеркѣ исторіи вопроса о происхожденіи видовъ Дарвинъ считаетъ главною заслугою Ламарка то, что онъ первый указалъ, что всѣ измѣненія какъ органическаго, такъ и неорганическаго міра происходятъ по законамъ природы, всюду одинаково дѣйствующимъ (то-есть, очевидно подразумѣвается: по законамъ, доступнымъ нашему пониманію). Между тѣмъ вся ученая дѣятельность Вольфа, умершаго, какъ извѣстно, задолго до напечатанія Ламаркомъ его сочиненій, касающихся даннаго предмета (изданныхъ въ 1801, 1809 и 1815 гг.), была посвящена проведенію въ науку этого, указываемаго Дарвиномъ, начала.

никѣмъ не было подготовлено; весь фактическій матеріалъ, на которомъ это ученіе было основано, добытъ самимъ Вольфомъ. Такимъ образомъ у него не было ни предшественниковъ, ни сотрудниковъ; создавая свою теорію, онъ былъ совершенно одинокъ, между тѣмъ у Дарвина были предшественники, и своими трудами онъ далъ рѣшеніе задачи, которое уже у многихъ было на устахъ.

Посмотримъ же, къ чему сводятся заслуги Вольфа въ дѣлѣ развитія естествознанія. Фактическій матеріалъ, имъ собранный, особенно если къ нему приложить современную мѣрку, невеликъ; но заслуги его неограниченны по тому способу изученія природы, которому онъ научилъ послѣдующія поколѣнія и благодаря которому только могла родиться и окрѣпнуть новая отрасль зоологическаго знанія: эмбриологія. Не только въ его имѣющей общее значеніе диссертациі, но и въ его сочиненіи о развитіи кишечнаго канала у цыпленка, гдѣ онъ входитъ въ мельчайшія подробности, въ каждой строкѣ видно, что его интересуютъ не сами по себѣ факты, имъ открытые, а что для него дорогъ путь изслѣдованія, имъ найденный, видно, что этотъ именно путь онъ считаетъ безусловно истиннымъ и по нему хочетъ направить будущихъ изслѣдователей.

Каковъ былъ этотъ путь, современнымъ естествоиспытателямъ хорошо извѣстно, и, пожалуй, можетъ показаться, что не излишне ли было бы въ наше время объ этомъ распространяться. Однако же мы позволимъ себѣ остановиться на оцѣнкѣ этого пути, и вотъ почему: намъ кажется, что даже современные зоологи, не смотря на то, что гениальный призывъ Вольфа прозвучалъ едва не 150 лѣтъ тому назадъ, нерѣдко сворачиваютъ съ этого пути.

Возвратимся же къ ученію Вольфа. Въ 1759 году, то-есть, ровно за сто лѣтъ передъ тѣмъ, какъ въ наше время появился трактатъ Дарвина о происхожденіи видовъ, Вольфъ издалъ диссертацию, въ которой изложилъ свою теорію развитія растительныхъ и животныхъ организмовъ. Теорію эту онъ самъ называетъ въ текстѣ теоріей образованія органическихъ (или, говоря нашимъ языкомъ, организованныхъ) тѣлъ ¹⁾. Въ своемъ имѣющемъ расширенномъ и дополненномъ изданіи *Theoria generationis* Вольфъ нѣсколько разъ возвращается къ тому, что ему первому удалось показать нѣчто изъ общихъ явленій, что до него оставалось неизвѣстнымъ повсе. И это дѣлаетъ онъ, оче-

¹⁾ Теорію свою Вольфъ называетъ также теоріей эпигенезиса, что по-русски можно передать словами теорія явственнаго развитія.

видно, не изъ желанія выставить свою заслугу, а по естественному чувству удивленія не къ совершенному имъ подвигу, а къ величію истины, имъ дознанной и до него остававшейся неизвѣстной. Заслуга Вольфа имѣеть еще тѣмъ большее значеніе, что лучшіе представители естествознанія и философы, ему непосредственно предшествовавшіе и ему современныя, не только не сдѣлали ничего къ тому, чтобы помочь найти истину, о которой идетъ рѣчь, но еще и затруднили къ этому путь, создавъ гипотезу, связывавшую самую пытливость ума. Эту гипотезу развивали изъ естествоиспытателей въ XVII вѣкѣ Мальпиги и Левенгукъ, въ XVIII вѣкѣ два знаменитѣйшіе современника Вольфа: Галлеръ и Бонне; изъ философовъ главнымъ образомъ Лейбницъ, съ философіей котораго, съ ученіемъ о „предустановленной гармоніи“ и „наилучшемъ мірѣ“, гипотеза пределинеаціи вязалась всего лучше.

Галлеръ, бывшій, замѣтимъ, въ дружеской перепискѣ съ Вольфомъ, уже и послѣ изданія въ свѣтъ *Theorie von der Generation* утверждалъ въ своихъ *Elementa physiologiae*: „*Nulla est epigenesis. Nulla in corpore animali pars ante aliam facta est, et omnes simul creatae existunt*“.

Этими словами знаменитаго фізіолога (этого „I. Миллера XVIII вѣка“, какъ его называютъ нѣмцы) всего лучше выражена гипотеза, созданная совмѣстными трудами философовъ и естествоиспытателей, получившая въ разное время различныя названія: теорія (гипотеза) эволюціи, преформаціи, пределинеаціи ¹⁾, которая, какъ видимъ, утверждала, что въ окружающей насъ видимой природѣ нѣтъ ничего становящагося, а есть только сущее, нѣтъ становленія, а есть только бытіе.

Вольфъ удивляется, какъ могла выработаться такая гипотеза, и указываетъ, что еще Гиппократъ и Аристотель полагали, что въ природѣ существуетъ эпигенезисъ, то-есть, дѣйствительное развитіе, или образованіе, организмовъ. Вольфъ указываетъ, что эти мыслители не защищали эпигенезиса, такъ какъ, вѣроятно, не думали, что кто либо и когда либо въ немъ усомнится. Доказать съ безусловной достовѣр-

¹⁾ По-русски теорія эта должна быть названа теоріей предуготовленія, ибо она полагала, что зародыши организованныхъ тѣлъ на всѣхъ своихъ стадіяхъ представляютъ собою на самомъ дѣлѣ совсѣмъ готовый (предуготовленный) организмъ во всѣхъ подробностяхъ своего строенія, хотя вначалѣ части этого организма, благодаря несовершенству нашихъ органовъ чувствъ, и остаются для насъ незамѣтными.

ностью существованіе эпигенезиса выпало на долю Вольфа; въ этомъ его несомнѣнная заслуга и, какъ ни казались бы намъ блестящими успѣхи біологіи въ XIX столѣтіи, врядъ ли позднѣйшій историкъ найдетъ въ нихъ что либо подобное тому, что сдѣлано Вольфомъ.

На стр. 61 своей *Theorie von der Generation* Вольфъ весьма коротко и весьма опредѣленно отмѣчаетъ различіе между теоріей преформации и своею собственною теоріей эпигенезиса, а именно: „гипотезы говорятъ: тѣла не образуются; эпигенезисъ говоритъ: тѣла образуются“. На стр. 218 того же сочиненія мы читаемъ: „*Nach den Begriffen der Evolution müssen die organischen Theile aus ihrem Zustande der Kleinheit und Unsichtbarkeit allmählig hervorwachsen und endlich sich unsern Augen darstellen; und sie müssen zwar in ihrem allerersten Zustande schon eben so organisch seyn und eben die Figur haben, wie wir sie bey Erwachsenen finden.... Nach diesen Begriffen also müssen wir die Theile, so bald wir sie sehen, so bald sie nicht mehr zu klein oder zu durchsichtig dazu sind, sogleich auch in ihrer natürlichen Lage, Figur und Organisation antreffen*“.

Вотъ прямой отвѣтъ Вольфа на это утвержденіе оспариваемой имъ гипотезы,—отвѣтъ, данный имъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій надъ кишечнымъ каналомъ у цыпленка:

„Отсюда ясно для каждаго, что при размноженіи мы вовсе не имѣемъ передъ собою частей органическихъ тѣлъ безконечно малыхъ и невидимыхъ, но вышедшихъ уже готовыми непосредственно изъ рукъ творящей природы, которыя, будучи какъ бы случайно пробуждены, начинаютъ раскрываться, вытягиваться и затѣмъ достигаютъ полной величины. Не таковъ на самомъ дѣлѣ путь: образованіе органическихъ тѣлъ предоставлено простымъ силамъ природы, которыя присущи животной и растительной матеріи. Такую матерію, этою сялою одаренную, создалъ Богъ изъ ничего“.

Таково было міросозерцаніе Вольфа. Посмотримъ же, что сдѣлалъ онъ путемъ своихъ наблюденій для доказательства эпигенезиса. Уже въ своей диссертациі онъ прослѣдилъ шагъ за шагомъ развитіе листа у растений вплоть до гистогенезиса, на сколько это было возможно, при полномъ отсутствіи въ то время свѣдѣній объ элементарномъ строеніи организованныхъ тѣлъ. Онъ при этомъ не только доказалъ эпигенезисъ листа, но еще, какъ извѣстно и какъ объ этомъ было уже упомянуто, не только положилъ начало ученію о такъ называемомъ метаморфозѣ у высшихъ растений, но и вполне обосновалъ это ученіе.

Переходя къ зоологическимъ изслѣдованіямъ Вольфа, мы должны указать, что и въ своей *Theoria generationis*, и въ своей переработанной, блестяще написанной *Theorie von der Generation* Вольфъ бѣгло слѣдитъ за развитіемъ цыпленка, всюду ясно доказывая, что нѣтъ никакого основанія утверждать, будто всѣ его органы вначалѣ столь малы и столь прозрачны, какъ утверждаетъ гипотеза пределинеаци, что мы ихъ не можемъ видѣть; наоборотъ, Вольфъ доказываетъ своими наблюденіями, что зачатки органовъ достаточно велики, чтобы ихъ рассмотреть подъ микроскопомъ и даже видѣть, что они построены изъ шариковъ (*Kügelchen*), и что они вначалѣ вовсе не похожи на то, чѣмъ будутъ впоследствии, что ихъ окончательная форма пріобрѣтается ими постепенно. Такъ онъ первый показалъ, что сосудистая сѣть въ бластодермѣ цыпленка представляется вначалѣ, какъ это теперь очень хорошо извѣстно эмбриологамъ, въ видѣ разрозненныхъ, между собой вовсе не соединенныхъ островковъ (современные „кровяные острова“), что лишь впоследствии эти островки соединяются другъ съ другомъ, и что совершенно постепенно такимъ образомъ возникаетъ вся сосудистая система бластодермы, при чемъ развитіе этихъ сосудовъ предшествуетъ развитію сердца; что не только само сердце равнымъ образомъ развивается лишь постепенно и лежитъ вначалѣ свободно, то-есть, внѣ грудной кѣтки, которая долгое время остается открытой, но что и движенія его вначалѣ весьма медленны и вовсе не напоминаютъ біенія вполне готоваго сердца. Равнымъ образомъ Вольфъ здѣсь же показалъ, что почки зародыша (впоследствии получившія въ эмбриологій названіе первичныхъ почекъ, или Вольфовыхъ тѣлъ) занимаютъ не то положеніе и имѣютъ не ту форму, какъ у взрослога животнаго. Съ тою же цѣлью, то-есть, чтобы показать, что при развитіи животнаго мы невидимъ предуготовленныхъ частей, а что всѣ органы образуются, и мы можемъ видѣть это образованіе, Вольфъ слѣдитъ и описываетъ развитіе конечностей у цыпленка и летучей мыши и сравниваетъ это развитіе съ развитіемъ листьевъ на растеніи въ томъ смыслѣ, что и конечности первоначально представляютъ собою лишь небольшіе, съ извѣстной точки зрѣнія, безформенные боковые выступы тѣла и только потомъ совершенно постепенно принимаютъ свою окончательную форму.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что въ обоихъ изданіяхъ своей „Теоріи развитія“ Вольфъ, отстаивая общій принципъ эпигенезиса, не имѣлъ времени остановиться ни на одномъ органѣ съ той подробностью, которая была ему по времени доступна и желательна. Вотъ

почему мы и не видимъ у него тамъ полной увѣренности въ томъ, что онъ доказалъ не только для себя, но и для другихъ эпигенезисъ у животныхъ. Въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ: „De formatione intestinalium“, онъ ставитъ себѣ болѣе узкую задачу: прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ развитіе кишечнаго канала у цыпленка. Рѣшеніемъ этой задачи, однако, Вольфъ достигъ результатовъ, которые, по справедливому замѣчанію Келликера, превышаютъ по своему значенію все, что съ тѣхъ поръ сдѣлано въ эмбриологіи. Въ самомъ дѣлѣ, когда Вольфъ собственными глазами увидалъ и затѣмъ описалъ, что кишечный каналъ цыпленка вмѣсто того, чтобы быть предуготовленнымъ еще до развитія яйца, представляетъ у развивающагося зародыша сначала пластинку, затѣмъ полутрубку, открытую на своей брюшной сторонѣ, и только впоследствии стягивается въ полный каналъ, гипотеза о впередъ готовыхъ органахъ должна была рухнуть сама собой.—рухнуть навѣки.

Заслуга Вольфа здѣсь неопредѣленна, если мы сравнимъ, что онъ засталъ въ той области знанія, которою интересовался, и что онъ оставилъ послѣ себя: онъ засталъ ни на чемъ не основанныя гипотезы и оставилъ намъ научныя положенія, истинность которыхъ не могла уже подлежать спору. „Что грудь..... желудокъ, кишки образуются, что они происходятъ, что ихъ не было прежде, это мы видимъ ясно“, говорить (и прибавимъ отъ себя: безусловно доказательно) Вольфъ, описывая развитіе зародыша цыпленка.

Въ настоящее время положенія эти представляются намъ столь простыми, что кажется даже страннымъ, какъ можно было въ этомъ сомнѣваться, и зачѣмъ это нужно было доказывать. Вотъ этотъ-то для насъ естественный вопросъ и показываетъ все значеніе заслуги Вольфа, такъ какъ въ сказанномъ сейчасъ именно и сомнѣвались такіе современники Вольфа, каковы были Галлеръ и Бонне, и такъ какъ только послѣ научнаго опроверженія гипотезъ, которыхъ они держались, могла открыться интереснѣйшая область зоологическихъ изысканій, и могла возникнуть наука, которую мы называемъ эмбриологіей.

Хотя, какъ мы видѣли выше, Вольфъ и не былъ оцѣненъ должнымъ образомъ современными ему ученымъ міромъ, тѣмъ не менѣе ученіе его не могло остаться безъ послѣдователей; они нашлись (Беръ занимаетъ между ними первенствующее мѣсто), и, благодаря ихъ таланту и энергіи, эмбриологія, какъ наука, вполне окрѣпла уже въ первое 30-лѣтіе нашего вѣка.

Мы видѣли изъ предыдущаго, какъ родилась эмбриологія. Прошло 100 лѣтъ со смерти ея основателя, и на фундаментѣ, заложенномъ Вольфомъ, высится теперь, благодаря неустаннымъ трудамъ его послѣдователей, обширный дворецъ. Уже раздаются голоса: не слишкомъ ли роскошенъ и затѣйливъ этотъ дворецъ? Правда, что зоологія тратитъ на него много средствъ, и нѣкоторыя части дворца ужъ слишкомъ причудливы. Тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ здѣсь высказать, что какъ ни преобладаетъ эмбриологія надъ другими отдѣлами нашей науки, какъ ни отвлекаетъ она отъ нихъ, если, быть можетъ, и не самыя талаптливыя, то во всякомъ случаѣ самыя трудолюбивыя руки, тѣмъ не менѣе она, по нашему, еще не вполне вступила въ свои права, и желательно, чтобы ея анализъ проникалъ далѣе и глубже, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдователи Вольфа въ теченіе нынѣшняго вѣка и въ особенности въ промежутокъ времени послѣ опубликованія Дарвиномъ его знаменитаго трактата о происхожденіи видовъ весьма расширили наши свѣдѣнія въ дѣлѣ познанія развитія животныхъ. Мы знаемъ уже теперь не только, что каждое существо, рожденное на свѣтъ, дѣйствительно образуется, то-есть, будучи вначалѣ ничтожнымъ зачаткомъ, совершенно постепенно проходитъ формы все болѣе и болѣе сложнаго строенія; но главное — за этотъ сравнительно короткій періодъ времени дознано путемъ непосредственнаго наблюденія, о чемъ Вольфъ, быть можетъ, только догадывался, что всякая высшая форма въ своемъ развитіи проходитъ зародышевыя формы (или, какъ принято говорить, стадіи), параллельныя формамъ живыхъ существъ, стоящихъ по принятой нами классификаціи ниже этой высшей формы. Отсюда самъ собою подсказывается выводъ, что всѣ тѣ формы, которыя составляютъ животное населеніе земнаго шара, развились однѣ изъ другихъ.

Этотъ выводъ, или, будемъ осторожнѣй, это предположеніе, можно смѣло сказать, не имѣло бы вовсе фактической почвы безъ эмбриологіи ¹⁾. Въ виду же накопленнаго въ этой наукѣ матеріала, предположеніе о происхожденіи высшихъ формъ изъ низшихъ представляется для современныхъ естествоиспытателей столь необходимымъ, что

¹⁾ Мы не сомнѣваемся ни на минуту, что если философія зоологій Ламарка была принята такъ холодно, а происхожденіе видовъ Дарвина сразу нашло себѣ такъ много горячихъ сторонниковъ, то произошло это главнымъ образомъ потому, что въ промежутокъ времени между 1809 и 1859 годами юная еще годами эмбриологія успѣла сдѣлать свое дѣло.

между ними въ данномъ отношеніи почти вовсе нѣтъ скептиковъ. Если, однако, основное положеніе о происхожденіи высшихъ формъ изъ низшихъ представляется безспорнымъ, или почти безспорнымъ, то наоборотъ въ вопросѣ о томъ, какимъ путемъ шло это происхожденіе, современные естествоиспытатели и зоологи въ частности дѣлятся на два, рѣзко расходящихся въ своихъ воззрѣніяхъ лагеря: одни, — ихъ большинство, это дарвинисты, — какъ извѣстно, утверждаютъ, что виды творятся борьбой за существованіе, путемъ естественнаго отбора формъ, у которыхъ вырабатываются вновь возникающіе у нихъ, полезные въ этой борьбѣ признаки; другіе, — эволюционисты, въ современномъ смыслѣ этого слова, — утверждаютъ, что появленіе новыхъ признаковъ, а слѣдовательно, и появленіе самихъ новыхъ формъ, обуславливается присущими организму внутренними силами, совершенно безразлично къ тому, полезны или вредны эти признаки для данной формы.

Кто же призванъ рѣшить этотъ споръ? Мы не думаемъ, чтобы здѣсь должно было имѣть мѣсто какое либо сомнѣніе, и полагаемъ, что къ рѣшенію вопроса, какъ появляются признаки, рождающіе новыя формы, должны быть призваны прежде всего (а при современномъ состояніи нашихъ знаній — только они одни) эмбриологи, и вотъ на основаніи какого простаго соображенія. Если мы допускаемъ, что высшія формы произошли отъ низшихъ, то спрашивается, можемъ ли мы каждый разъ, когда начинаемъ говорить о причинахъ, вызвавшихъ появленіе новаго признака, не задаться вопросомъ: не есть ли признакъ, о которомъ идетъ рѣчь, вовсе не новый, а лишь видоизмѣненіе того или другаго признака, существовавшаго ранѣе?

Спрашивается также, можемъ ли мы рѣшить въ окончательной формѣ вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ появленіе новаго признака, не выяснивъ причины исчезновенія того признака, на смѣну котораго явился этотъ новый. Если же это такъ, то не будутъ ли при этомъ все наши разсужденія о полезности или вредности новаго признака преждевременными?

Позволимъ себѣ все сейчасъ сказанное разъяснить на одномъ примѣрѣ, взятомъ изъ собственныхъ, еще не опубликованныхъ, изслѣдованій.

Зоологи, занимавшіеся изслѣдованіемъ развитія роговъ у полорогихъ животныхъ, нашли, что хотя мѣсто, гдѣ у будущаго быка, барана и т. д. появятся современемъ рога, отмѣчено тѣмъ, что здѣсь кожа зародыша плотно срастается съ надкостницей лобной кости, са-

мые рога, тѣмъ не менѣе, появляются уже въ періодъ виѣтробной жизни. Мы узнаемъ далѣе, что въ свое время у зародыша на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи появятся рога, образуется утолщеніе кожи, именно ея роговаго слоя, и что подъ этимъ утолщеніемъ появляется особая косточка, ос согпи, служащая основой для будущаго рога и представляющая собою зачатокъ его костнаго стержня.

Вотъ примѣръ появленія „новаго“ признака. Съ точки зрѣнія дарвинистовъ этотъ признакъ „случайно“ (конечно, съ обычною у дарвинистовъ при этомъ оговоркой: но по общимъ законамъ, управляющимъ силами, дѣйствующими въ природѣ) появился у нѣкоторыхъ особей, которыя получили такимъ образомъ лишній шансъ въ борьбѣ за существованіе и въ теченіе многихъ поколѣній путемъ естественнаго отбора по наслѣдству закрѣпили его въ своемъ потомствѣ. Задумавшись, однако же, весьма естественнымъ, какъ намъ кажется, воспросомъ: дѣйствительно ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ новымъ признакомъ? Не появились ли рога на мѣстѣ чего нибудь другаго, что здѣсь существовало ранѣе. Этотъ вопросъ, повидимому, вовсе не интересуетъ зоологовъ, занимавшихся развитіемъ роговъ, потому что вотъ какъ разсуждаетъ авторъ позднѣйшей изъ намъ извѣстныхъ работъ въ этомъ направленіи: „Ихъ (роговъ) возникновеніе.—говорить нашъ авторъ,—представляемъ мы себѣ, по примѣру Дарвина, какъ реакцію на механическое раздраженіе у животныхъ, дравшихся другъ съ другомъ лбомъ“¹⁾. Такимъ образомъ вмѣсто отвѣта на вопросъ, который мы съ своей стороны, повторяю, считаемъ весьма естественнымъ поставить, мы слышимъ лишь ссылку на гипотезу, основанную на общихъ соображеніяхъ біологін. Мы вовсе не желаемъ здѣсь винить исключительно почтеннаго А. Ф. Брандта, котораго слова мы привели. Здѣсь сказывается давленіе гипотезы о происхожденіи видовъ путемъ борьбы за существованіе, давленіе, подъ которымъ находится въ настоящее время огромное большинство естествоиспытателей и которое сплошь и рядомъ заставляеть изслѣдователей, паходящихся во всеоружіи современной техники, складывать руки и закрывать глаза тамъ, гдѣ поле для наблюденій еще открыто, какъ это дѣлали и естествоиспытатели прошлаго столѣтія подъ давленіемъ гипотезы преформациі, между тѣмъ какъ въ то же время Вольфъ, обращаясь въ своей *Theorie v. d. Generation* (p. 187) къ своему

¹⁾ Festschrift zum siebzigsten Geburtstage Rudolf Leuckarts, S. 411.

другу ¹⁾, утверждалъ, что все искусство наблюдателя только къ тому и сводится, „dass wir das glauben was wir sehn und es für dasjenige halten was es ist, nicht aber aus Vorurtheilen etwas erdichten was nicht da ist, und was wir auf keine Weise wahrnehmen, oder durch irgend eine Kunst entdecken können“. Эти слова звучатъ пророческимъ укоромъ и по отношенію къ намъ, современнымъ естествоиспытателямъ. Въсто того, чтобы углубляться съ помощью нашей современной техники въ изученіе генезиса признаковъ (для рѣшенія вопроса о генезисѣ формъ!). или, какъ мы выше выразились, подвергнуть его эмбриологическому анализу. мы успокоиваемся на разсужденіяхъ о полезности и вредности этихъ признаковъ въ борьбѣ за существованіе. Современные естествоиспытатели могутъ безъ конца разсуждать о томъ, что полезнѣе и при какихъ условіяхъ для хитца: короткія и толстыя ноги или длинныя и топкія; что болѣе нравится самкамъ птицъ: длинныя или короткія перья въ хвостѣ у ихъ самцовъ.—естествознаніе отъ этого ничего не выиграетъ, такъ какъ въ разсужденіяхъ этихъ произволь царить въ полной силѣ.

Возвратимся же къ нашему случаю. Мы видѣли выше, что авторъ, занимавшійся изслѣдованіемъ развитія роговъ, произвольно останавливаетъ свое изслѣдованіе. говорить себѣ: довольно! Остальное объясняетъ намъ общепризнанная гипотеза о развитіи признаковъ, полезныхъ въ борьбѣ за существованіе. Повторяю, что одного приведеннаго нами автора мы обвинять не можемъ. Мы видимъ здѣсь нашу общую вину: здѣсь проявляется столь свойственная современнымъ ученіямъ лѣнность въ наблюденіи, которую естествоиспытателю должно ставить въ вину съ тѣмъ же правомъ, какъ философу—лѣнность ума. Попробуемъ же послѣдовать этому примѣру и. не увлекаясь излюбленными теоріями, спросимъ самоѣ природу. Посмотримъ, нѣтъ ли у теленка, пока онъ лежитъ еще въ утробѣ матери, чего нибудь инаго на томъ мѣстѣ, гдѣ у него во внѣутробной жизни появятся рога. Вотъ что дали намъ въ этомъ отношеніи собственныя изслѣдованія. Оказывается на самомъ дѣлѣ, что въ утробной жизни теленка существуетъ моментъ, когда голова его, будучи еще почти совершенно голой, снабжена уже хорошо развитыми. сравнительно грубыми волосами на бровяхъ, на верхней и нижней губѣ и въ то же время представляетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ современемъ рога,

¹⁾ Какъ извѣстно, это сочиненіе написано въ формѣ бесѣды съ другомъ (ф. Лудольфомъ).

съ каждой стороны, по одному пучку жесткихъ волосъ, составляющихъ какъ бы два волосяныхъ рожка. Если мы обратимся къ болѣе позднимъ стадіямъ, то увидимъ, что обыкновенная шерсть, обростая понемногу голову теленка, погребаетъ его волосяные рожки, которые съ ходомъ дальнѣйшаго развитія становятся все менѣе явственными, а при рожденіи теленка становятся и вовсе незамѣтными.

Обращаясь къ стадіи болѣе ранней, чѣмъ та, съ которой мы начали, мы увидимъ и тамъ нѣчто заслуживающее вниманія: въ томъ мѣстѣ, гдѣ современемъ появятся волосяные, какъ мы ихъ назвали, рожки, мы найдемъ тамъ образованныя роговымъ слоемъ кожи (утолщеннымъ, но отнюдь не уплотненнымъ въ этомъ мѣстѣ!) подушечки съ изборожденной поверхностью, представляющія собою какъ бы нѣсколько подушечекъ, сросшихся своимъ основаніемъ. Еслибы мы теперь взглянули на то мѣсто, гдѣ на бровяхъ болѣе взрослога зародыша теленка мы видѣли передъ тѣмъ разбросанныя грубые волоски, то и тамъ увидали бы образованныя роговымъ слоемъ подушечки, но только не снятыя вмѣстѣ, а разбросанныя такъ, что по ихъ расположенію очевидно, что это предшественники тѣхъ грубыхъ волосъ, которые здѣсь затѣмъ появляются.

Мы не находимъ нужнымъ идти дальше въ разсмотрѣніи взятаго нами примѣра, потому что полагаемъ, что сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что рога вовсе не представляютъ собою признака новаго, неизвѣстно откуда появившагося, что ихъ первые зачатки вовсе не похожи на то, что представляютъ собою рога у животнаго во вѣтробной жизни, а главное, чтобы видѣть, что появленію рогамъ въ ихъ окончательной формѣ, то-есть, какъ орудія защиты и нападенія, предшествовала цѣлая цѣпь явленій, которую мы безъ всякаго основанія заслоняемъ отъ своего научнаго взора, пытались рѣшить поставленную себѣ задачу не путемъ наблюденія, а путемъ созданія частнаго предположенія, дѣлаемаго на основаніи принятой нами общей гипотезы (о развитіи признаковъ путемъ борьбы за существованіе).

Мы привели сейчасъ разсмотрѣнный нами примѣръ для того, чтобы показать, какъ необходимо прилагать строгій эмбриологическій анализъ въ дѣлѣ изученія происхожденія признаковъ. Происхожденіе же признаковъ и есть ключъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи самыхъ формъ животнаго міра. Если дѣйствительно наша наука, — мы здѣсь подразумѣваемъ уже всю зоологію, — доросла до того, что можетъ ставить себѣ ту задачу, которая всегда интересовала и будетъ,

конечно, интересовать человѣка, пока онъ не утратитъ Богомъ даннаго ему стремленія къ отысканію истины,—задачу, сводящуюся къ вопросу о томъ, какъ возникъ и развился окружающій насъ міръ, то въ рѣшеніи частнаго вопроса нашей науки, то-есть, вопроса о возникновеніи и развитіи животнаго міра, мы будемъ тѣмъ ближе къ цѣли, чѣмъ строже будемъ прилагать эмбриологическій анализъ во всѣхъ нашихъ зоологическихъ работахъ безъ исключенія.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ само собой, въ чемъ заключаются, съ нашей точки зрѣнія, современныя задачи эмбриології.

А. Тихомиревъ.

КЪ БЫЛИНАМЪ О ВОЛЬГѢ И МИКУЛЬ.

Въ своемъ изслѣдованіи „Южно-славянскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса“ (Варшава, 1893, выпускъ I). М. Г. Халанскій снова попутно касается былины о Вольгѣ и старается уяснить ея генезисъ. Авторъ раздѣляетъ высказанный мною взглядъ, что на былины о Вольгѣ повліяли книжныя сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, по вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ для уясненія Волха, сына змѣя и оборотня, юго-славянскія сказанія о змѣевичахъ, образъ Всеслава Полоцкаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, и не прочь видѣть въ былинѣ о Вольгѣ отраженія воспоминаній и о другихъ князьяхъ, напримѣръ, объ Олегѣ Святославичѣ и даже Олегѣ Вѣщемъ ¹⁾. Я вполне согласенъ съ словами М. Халанскаго: „Подобно многимъ другимъ произведеніямъ славянскаго героическаго эпоса, былина о Вольгѣ — сложное созданіе, результатъ продолжительной работы народной творческой мысли“—и не стану снова разсматривать эту былину со стороны ея фабулы, такъ какъ смотрю въ настоящее время на такую работу довольно безнадежно. Обращу вниманіе на другой вопросъ, затронутый, но недостаточно уясненный М. Г. Халанскимъ, вопросъ объ области сложенія былины, предметъ тѣмъ болѣе благодарный, что для него, какъ увидимъ ниже, есть достаточно матеріаловъ въ самомъ текстѣ ея.

„Въ виду того,—говоритъ М. Г. Халанскій,—что былина о Волхѣ Всеславьевичѣ совпадаетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ съ древними сказаніями о князѣ Всеславѣ *Полоцкомъ*, отразившимся въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ виду того, что этотъ князь игралъ роль въ исторіи Новгорода, можно съ вѣроятностью приписать происхожденіе бы-

¹⁾ Южно-славянскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ, стр. 53—55.

лингъ о Вольгѣ сѣверо-западу Руси, области Кривичей и Новгородцевъ и относитъ ихъ къ одной группѣ съ былинами такъ называемаго новгородскаго цикла: о Садкѣ, Василинъ Буслаевичѣ и Гостѣ Терентьищѣ. Древняя связь былинъ о Волхѣ съ Новгородомъ доказывается также мѣстными новгородскими преданіями изъ XVII вѣка, приурочивавшими этого богатыря къ рѣкѣ Волхову и нѣкоторымъ урочищамъ ¹⁾.

И не придаю большаго значенія первому соображенію, такъ какъ предполагаемое соотношеніе между личностью былиннаго Вольги и Всеславомъ Полоцкимъ можетъ представляться необъдѣлительнымъ. Гораздо большій вѣсъ въ вопросѣ о родинѣ былины о Волхѣ имѣетъ отношеніе этой личности къ новгородскимъ мѣстнымъ преданіямъ о Волхѣ-чародѣѣ, указанное впервые академикомъ О. И. Буслаевымъ ²⁾. Напомню что это мѣстное преданіе въ изложеніи книжника разказываетъ о Волхѣ, старшемъ сынѣ Словена. Отъ Волха (будто бы получила названіе рѣка Волховъ (въ былинахъ Волхова), прежде называвшаяся Мутною. Волховъ былъ „бѣсоугодный чародѣй, лють въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами *претворялся въ различныя образы* и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ тогда почиталъ его за бога и называлъ его Грономъ или Перуномъ. И поставилъ этотъ чародѣй ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ Перыня, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря: *въ бои силъ. И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ Волховнаго его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многими плачемъ отъ невѣждъ тутъ былъ онъ погребенъ, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризница прослезилась земля и пожрала мерзкое тѣло крокодилово. и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: иже и до нынѣ яко же повѣдаютъ знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся“.* Очевидно, легенда была прикрѣплена къ извѣстнымъ урочищамъ: городищу Перыню и къ какому-то провалу въ землѣ, но дошла до насъ въ

¹⁾ Назв. соч. стр. 56 и слѣд.

²⁾ *Буслаевъ*—Историческіе очерки русской народной словесности и искусства т. II, стр. 8.

изложеніи книжника, сказавшаго ее своими домыслами, поясненіями и благочестивыми разсужденіями. Въ основѣ ея лежитъ глухое воспоминаніе о древнемъ языческомъ культѣ какого то божества (книжникъ называетъ его Перуномъ), котораго капище находилось гдѣ то на берегу Волхова. Въ христіанскія времена языческій богъ, ставши демономъ, чародѣемъ, принялъ обычный обликъ змѣя (у книжника крокодила), залегавшаго водный путь. Въ другой версіи того же мѣстнаго преданія, записанной П. Якушкинымъ ¹⁾, мифическое существо носитъ названіе зміяки, и гибель его связана съ Перюньскимъ скитомъ. Какъ новгородскій зміяка далъ краски для змѣя Горыничя, поражаемаго Добрыней ²⁾, такъ та-же легендарная личность нѣкоторыми чертами своими—оборотничествомъ, змѣевидностью, а также именемъ (Волхъ)—отразилась на образѣ былиннаго Волха Сеславича. Припомнимъ, что происхожденіе отъ змѣя приписывается былинному богатырю именно въ той одной былинѣ (Кирши Данилова), въ которой онъ носитъ имя Волха, а не Вольги.

Итакъ одинъ изъ элементовъ, вошедшихъ въ былинный типъ Волха, какое-то новгородское мѣстное преданіе о змѣевидномъ оборотнѣ—Волхѣ. Это даетъ основаніе поставить вопросъ, не сложились ли основныя пѣсни о немъ въ Новгородской области такъ-же, какъ, по моему мнѣнію, въ ней же получили свое начало самыя раннія пѣсни о Добрынѣ-змѣеборцѣ и Добрынѣ-сватѣ Владимира. Думаю, что на этотъ вопросъ возможенъ утвердительный отвѣтъ. Кромѣ указаннаго новгородскаго мѣстнаго преданія о Волхѣ, можно отмѣтить нѣкоторыя бытовые черты въ былинахъ о Вольгѣ и Микулѣ, свидѣтельствующія о ихъ новгородскомъ происхожденіи. Припомнимъ прежде всего подробности паханія Микула Селянничовича:

Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омшники по камешкамъ почеркиваютъ ³⁾.
 То кореня, каменья вывертываетъ,
 Да великія онъ каменья вси въ борозду валить ⁴⁾.

¹⁾ Якушкинъ—Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній, стр. 118—119.

²⁾ См. мои „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ“ X въ *Этнографическомъ обозрѣніи*, кн. XV, стр. 130 и слѣд.

³⁾ *Рыбниковъ* I, стр. 18.

⁴⁾ *Гильбердингъ*, № 78, столб. 495. Срав. *Гильбердингъ* № 131 столб. 792; № 157, столб. 796.

Это точная картина сѣверной пахоты—въ губерніяхъ Новгородской, Псковской, Олонецкой и друг., гдѣ пашни иногда сплошь усѣяны валунами то мелкими, о которые постоянно почеркиваютъ омышки сохи, то крупными, которые приходится огибать при паханіи. Только соха чудснаго пахара Микулы Селяниновича могла великіе камни вывертывать и въ борозду валить. Вывертываніе корешковъ также указываетъ на сѣверныя пшавы, расчищенные среди лѣса, а не на привольныя, обширныя пахотныя пространства на южномъ черноземѣ. Усѣяныя камнями поля сѣверныхъ губерній поражаютъ невольно всякаго прѣзжаго изъ южныхъ и центральныхъ губерній и вызываютъ представленіе какъ бы о каменномъ дождѣ, когда-то шедшемъ въ этихъ мѣстахъ.

Не знаю, можно-ли воспользоваться, какъ хронологической датой для сложенія былинны, орудіемъ, которымъ пашеть Микула. Вотъ что говоритъ извѣстный знатокъ древней новгородской культуры покойный профессоръ Никитскій ¹⁾: „Земледѣльческія орудія, благодаря которымъ новгородцы торжествовали надъ суровою природою и прокладывали пути къ культурѣ, не отличались особенною сложностью. Это были: топоръ, коса и соха. Въ древности, впрочемъ, кажется, главнымъ земледѣльческимъ орудіемъ былъ плугъ, болѣе соответствовавшій по своимъ качествамъ первобытной, дѣвственной почвѣ, требовавшей для обработки болѣе сильныхъ орудій. Соха замѣняетъ его уже только въ историческое время. По крайней мѣрѣ историческія свидѣтельства появляются о ней не ранѣе, какъ съ XIV столѣтія. Плугъ же остается при сохѣ только какъ вспомогательное, второстепенное орудіе“. Южный плугъ, какъ извѣстно, незнакомъ въ настоящее время олонецкимъ и вообще сѣверно-русскимъ крестьянамъ.

Далѣе: чудесный пахарь сѣверной былинны сѣетъ не бѣло-яровую пшеницу, главный продуктъ нашего чернозема, а *рожь*:

„Говоритъ оратая таковы слова:

— Ай же Вольга ты Святославовичъ!

— Ржи напашу, въ скирды складу,

— Въ скирды складу да домой выволочу“ и проч. ²⁾.

„Изъ хлѣбовъ,—говоритъ Никитскій,—пшеница, хотя и обработывалась въ нѣкоторомъ количествѣ, но вообще имѣла второстепенное значеніе: служила не столько предметомъ потребленія, сколько сред-

¹⁾ Очерки экономической жизни Великаго Новгорода, стр. 67 и слѣд.

²⁾ Гильфердингъ, № 78, столб. 439.

ствомъ для уплаты повинностей въ пользу землевладѣльцовъ. Главное же мѣсто занимала въ Новгородѣ рожь¹⁾. Можно поэтому думать, что кобылка соловая Микулы Селянниновича и не нюхала пшеницы бѣлояровой, которою угощали своихъ коней южно-русскіе былинныя богатыри.

Обратимъ вниманіе и на то, что Микулѣ Селянниновичу приходится оставлять свои сельскія работы и ѣздить въ городъ за солью, платя за нее *тромами*.

„Ай же ты молодой ты Волю е Всеславьевичъ!
 Я недавно былъ вѣдь я во Курцовцѣ,
 Я недавно былъ вѣдь я въ Орѣховцѣ,
 Былъ-то вѣдь я тамъ третьёго дни,
 Закупилъ я соли ровно три жла,
 Въ которомъ же мѣху было по сту пудъ,
 Положилъ я на кобылу е на соловую
 Да самъ-то молодецъ я садился ровно сорокъ пудъ,
 Поѣхалъ я по Курцовцу да по Орѣховцу;
 Тутъ стали мужики меня захватывать,
 Еще курцовца да орѣховца,
 И стали съ меня тутъ они грошовъ просить,
 Я зачалъ имъ тутъ кулакомъ грозить,
 Положилъ я мужиковъ тутъ больше тысячи“²⁾.

Является вопросъ, почему такой, повидному, общераспространенный продуктъ, какъ соль, попалъ въ былинну, и покупка мѣховъ соли является важнымъ занятіемъ чудеснаго пахаря, точно какой-нибудь богатырскій подвигъ. Потому, что соляной вопросъ имѣлъ для новгородцевъ всегда существенное значеніе въ ихъ быту. „Хотя въ Великомъ Новгородѣ,—говоритъ тотъ же авторитетъ, изъ котораго мы черпаемъ комментарий къ былинѣ о Микулѣ³⁾,—и не доставало попытокъ къ туземной выработкѣ соли; тѣмъ не менѣе количество домашней соли было недостаточно, и ея никогда не хватало для удовлетворенія всѣхъ собственныхъ нуждъ, и подвозъ ея изъ чужбины былъ поэтому неизбѣженъ... Подвозъ соли давалъ возможность (иноземнымъ купцамъ) оказывать давленіе на новгородцевъ въ любое время, такъ какъ соль подвозилась къ нимъ единственно изъ-за границы“. Для того, чтобы освободиться отъ этой зависимости отъ пріѣзжихъ торговцевъ, новгородцы „не безъ успѣха пріобрѣтали соль въ городахъ

¹⁾ Названное сочиненіе, стр. 72.

²⁾ *Гильфрдинъ*, № 32, столб. 159; срам. 255, столб. 1170.

³⁾ *Шихтскій*, названное сочиненіе, стр. 158.

Остзейскаго края, и этимъ путемъ достигали того, что нѣмецкая (привозная) соль въ амбарахъ Готскаго двора оставалась безъ всякаго движенія. Не менѣе важенъ былъ и другой путь получать соль въ Новгородѣ болѣе прямымъ путемъ. Вслѣдствіе неблаговоленія (иноземнаго) купечества къ торговлѣ солью въ Остзейскомъ краѣ, тамошніе торговцы предпочитали продавать ее повгородцамъ на Невѣ, куда они отвозили соль подѣ предлогомъ необходимости солить ловимую рыбу¹⁾. Я особенно подчеркиваю для дальнѣйшаго эту торговлю солью на Невѣ въ расположенныхъ по этой рѣкѣ поселеніяхъ²⁾. По общему свойству средневѣковой торговли и покупка новгородцами соли не обходилась безъ обмановъ всего чаще въ вѣсѣ. „На вѣчѣ 1407 г. повгородцы положили именно, чтобы никто, подѣ страхомъ пени въ 50 гривенъ серебра, не осмѣливался покупать у нѣмцевъ соль иначе, какъ на вѣсѣ“ (а не мѣнками определенной величины)... Нѣмцамъ такой оборотъ не нравился по разнымъ отношеніямъ. Прежде всего установленіе провѣса при торговлѣ солью лишало ихъ важныхъ выгодъ, которыя они извлекали изъ торга на обычныхъ единицы. А затѣмъ введеніе провѣса налагало на нихъ и нѣкоторые лишніе платежи. До сихъ поръ нѣмцы при торговлѣ солью въ новгородской конторѣ не платили никакихъ пошлинъ; теперь же, съ введеніемъ провѣса, на нихъ неизбѣжно должны были, въ видѣ пошлинъ, пасть расходы по содержанию вѣсцовъ. Оба эти обстоятельства дѣйствовали такъ сильно, что нѣмцы на рѣшеніе новгородцевъ принимать соль не иначе, какъ на вѣсѣ, отвѣчали подобнымъ же постановленіемъ для своихъ, только въ обратномъ смыслѣ, то-есть, рѣшительно запретили продавать соль съ вѣсу³⁾. Вообще обоюдные обманы, пререканія и столкновенія по поводу этой торговли солью не прекращались за все время независимаго существованія Новгорода. Не обошлась безъ столкновенія и покупка соли Микулой Селяниновичемъ въ Орѣховцѣ. Въ одной былинѣ онъ жалуется:

„Это грубы злыи мужики да вѣдь Орѣховци
Зафальшивили мою да золоту казну,
Почитали за гроши они за мѣдники,
Ай за мѣдники гроши да за фальшивики“⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 159.

²⁾ См. о торговлѣ солью тамъ же, стр. 172, 256.

³⁾ Тамъ же, стр. 272—273.

⁴⁾ Гильбердингъ, № 55, столб. 297.

Част. СХСХVI (1894, № 11), отд. 2.

Въ другой (Гильфердингъ, № 255) говорится, что Орѣховцы

Хотѣли у него соль отнять,
Соль отнять и самого убить.

Конечно, это—современное осмысленіе болѣе старинныхъ бытовыхъ отношеній, связанныхъ, быть можетъ, съ новгородскимъ „солянымъ“ вопросомъ.

Можно отмѣтить и деньги, на которыя Микула Селяниновичъ покупалъ соль—это *гроши*. Извѣстно, что въ новгородскомъ денежномъ хозяйствѣ переходъ отъ старинной кунной системы къ новой денежной произошелъ лишь въ самомъ началѣ XV вѣка. „Въ основаніи новой новгородской и псковской монетной системъ была принята система рижская или какая-либо иная, близкая къ послѣдней. Заимствовавъ монету отъ нѣмцевъ въ 1410 году, новгородцы допустили къ себѣ на мѣсто старой кунной системы какъ собственно нѣмецкія деньги, такъ и деньги иноземныя, имѣвшія значеніе въ Лифляндіи, а можетъ быть и въ самомъ Новгородѣ, а именно: артиги, лобки и *гроши* литовскіе ¹⁾“. Если гроши одновременны со сложениемъ былины, а не внесены въ нее позднѣе, то они могли бы также служить хронологической датой, какъ *terminus a quo*.

Выше мы отмѣтили, что торговля солью производилась усиленно на побережьяхъ Невы. Куда же ѣздилъ за солью Микула Селяниновичъ? На этотъ вопросъ, кажется, можно дать отвѣтъ положительный, если обратить вниманіе на названіе того города, гдѣ произведена была закупка. Городъ Орѣховець есть исторически извѣстный Орѣховець, иначе Орѣховъ, Орѣшекъ (нынѣ Шлиссельбургъ), лежащій на *Невѣ* при ея истокѣ изъ Ладожскаго озера. Городъ этотъ, какъ извѣстно, основанъ новгородцами въ 1-й четверти XIV столѣтія и памятенъ въ исторіи по Орѣховскому миру, заключенному въ 1323 году между новгородцами и шведами, которымъ новгородцы уступили шведамъ часть западной Кареліи (Корелы проклятой нашего зноса). Въ періодъ междуцарствія въ 1611 году Орѣховець былъ захваченъ шведами и принадлежалъ имъ 90 лѣтъ. Что касается другихъ городовъ, упоминаемыхъ въ былинахъ о Вольгѣ и Микулѣ, то наши изслѣдователи старались ихъ приурочить къ надревнѣйшимъ лѣтописнымъ и при томъ южнымъ, находя въ Вольгѣ отголоски Олега Вѣщаго или Олега Святославича, брата Владимира Святаго. Приводя былинныя стихи:

Жаловалъ его родной дядюшка

¹⁾ *Никитскій*, названное сочиненіе, стр. 84.

Ласковый Владимиръ князь....
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ Гурчевцемъ,
Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ,

П. Безсоновъ ¹⁾ замѣчаетъ: „Послѣднее названіе (Крестьяновець) явно вымышленное, тоже думается о второмъ (Орѣховцѣ), но Гурчевецъ = Вручевецъ“. Городъ Гурчевецъ потому Вручевецъ (точнѣе Вручій), что у послѣдняго города трагически погибъ, свалившись съ моста, братъ Владимира Святаго Олегъ Святославичъ, котораго П. Безсоновъ отчасти находитъ въ былинномъ Вольгѣ. Г. Квашнинъ-Самаринъ нашелъ объясненіе и для Крестьяповца, города, „явно вымышленнаго“ по г. Безсонову. Это—Коростень, главный городъ Древлянской земли (принадлежавшей Олегу Святославичу). Жаль, что оба исследователя, заглянувъ въ такую глубь вѣковъ по поводу никому неизвѣстныхъ названій городовъ, оставили безъ вниманія вполне историческое названіе третьяго города Орѣховца, существующаго и доселѣ, хотя и подъ другимъ именемъ. Число городовъ, упоминавшихся въ *основной* былинѣ, не можетъ быть точно установлено: въ нѣкоторыхъ вариантахъ ²⁾ находимъ эническое число *трихъ* городовъ: Гурчевецъ (иначе Курсовецъ, Курцовецъ, Гурсовецъ, Куржовецъ), Крестьяновець и Орѣховецъ; въ другихъ—*два*: Курцовецъ и Орѣховецъ ³⁾; въ одномъ ⁴⁾ хотя и названы два имени, но имѣется въ виду какъ будто одинъ городъ:

„Не взять тебѣ Туриница города Орѣховца,
Быль я третіею дни въ Туриници въ городѣ Орѣховци;
Это грубы злыи мужики да вѣдь орѣховци
Зафальшивили мою да золоту казну и проч.

и Микула имѣеть дѣло только съ орѣховцами. Наконецъ, въ вариантѣ Гильфердинга № 255 хотя и названы три города, но два изъ нихъ почти одноименны: Курсовецъ, *Орѣховецъ* и *Орншечокъ*, и „мужики“ двухъ послѣднихъ городовъ вмѣстѣ называются *Орѣховцами*. Итакъ наименьшую стойкость въ вариантахъ представляетъ городъ *Крестьяновець*, который замѣняется Орѣховцемъ, а въ одной былинѣ ⁵⁾ болѣе

¹⁾ См. Замѣтку къ 1-й части пѣсень, собр. Рыбниковымъ, стр. XX.

²⁾ *Рыбниковъ* I, № 3—*Гильфердинъ* № 79; № 156.

³⁾ *Гильфердинъ*, № 32 и 45.

⁴⁾ *Гильфердинъ*, № 55.

⁵⁾ *Гильфердинъ*, № 131.

знакомымъ новгородцамъ *Череповцомъ*. Можетъ быть, поэтому, что города Крестьяновца и совѣмъ не было въ основной редакціи былинны, и онъ добавленъ для достиженія эпического числа трехъ. Что касается Гурчевца, котораго имя, повидимому, значительно искажено, судя по обилію вариантовъ, то, быть можетъ, онъ и будетъ когда-нибудь отождествленъ съ какимъ-нибудь историческимъ поселеніемъ (Юрьевецъ? Юрьевъ=Дерптъ?) ¹⁾, но думаю, что и оно окажется въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ стоялъ и стоитъ Орѣховецъ, въ древнихъ новгородскихъ предѣлахъ или по близости отъ нихъ. Если такимъ образомъ былинный Орѣховецъ есть историческій Орѣховецъ (Орѣховъ) на Невѣ и если въ эти мѣста, гдѣ производился съ иноземцами торгъ солью, ѣздилъ Микула Селяниновичъ, то въ его свалкѣ съ орѣховцами, требовавшими отъ него грошовъ подорожныхъ, вѣроятно скрываются черты какихъ-нибудь реальныхъ отношеній, которыя могутъ быть уяснены знатоками новгородскаго быта и исторіи. Не дѣлая попытки въ этомъ направленіи, мы можемъ воспользоваться отождествленіемъ былиннаго Орѣховца съ историческимъ только какъ однимъ изъ доказательствъ новгородскаго происхожденія былинны о Микулѣ. Перехожу къ другимъ чертамъ.

Сказывая былинну о Вольгѣ и Микулѣ Рыбникову, одинъ изъ лучшихъ сказателей Никифоръ Прохоровъ еще помнилъ, что поддѣльные мосты были налажены мужиками Гуршевскими-Орѣховскими на рѣкѣ Волховѣ:

„Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ,
Тутъ-то Вольга Святославговичъ
Приправили своихъ добрыхъ коней
За тую за рѣченку Волгову;
Скочили ихъ добры кони
За тую за рѣченку за Волгову;
Какъ начали они мужиковъ чевствовать,
Чевствовать мужиковъ жаловать,
Оплетьми они нахлыстывать“ ²⁾.

Въ другомъ вариантѣ, гдѣ встрѣчается эпизодъ съ поддѣльными мостами (Гильфердингъ, № 55), рѣка не названа.

¹⁾ Юрьевъ обычно въ лѣтописи новгородской называется *Горьгею*. Уменьшительная форма Гургевецъ (какъ Орѣховецъ при Орѣховѣ) уже довольно близка къ былинному Гурчевцу.

²⁾ *Рыбниковъ*, I, стр. 24. Впоследствии, пересказывая ту же былинну Гильфердингу (№ 45), Прохоровъ уже не называлъ имени рѣки.

Далѣе, новгородскую бытовую черту слѣдуетъ, по всей вѣроятности, видѣть и въ томъ, что непріятелями, съ которыми бьется Микула, иногда виѣстѣ съ Вольгой, какъ его товарищъ, являются мужики, „злые мужичонки“ Орѣховскіе. Въ то время, какъ такъ называемые кіевскіе богатыри бьются съ вѣнскими врагами — посточными—татарами или съ западными литовцами, *новгородскій* удалецъ Василій Буслаевъ расправляется съ *мужиками* новгородскими. Въ послѣдней былинѣ отражается не вѣншняя борьба, которая такъ обильно представлена въ былинахъ такъ называемаго кіевского цикла, а внутреннія смуты, постоянно нарушавшія спокойствіе Великаго Новгорода и приведшія его къ паденію. Такъ и крестьянинъ Микула избиваетъ шалыгой подорожной русскихъ же мужиковъ, которые „зафальшивили его золоту казну“, или хотѣли у него соль отнять¹⁾. Купецъ Садко также сталкивается со своими же горожанами, новгородскими купцами.

Если мы на основаніи вышеприведенныхъ признаковъ примемъ, что былина о Микулѣ и Вольгѣ представляетъ въ современномъ былевомъ репертуарѣ новгородское наслѣдіе, то этимъ предположеніемъ можемъ себѣ объяснить смѣшенія между рассматриваемою былинной и другими несомнѣнно новгородскими. Такъ въ былинѣ Гильфердинга № 91=Рыбниковъ, I, № 1, Вольга носитъ отчество *Буслаевичъ*. Былина Гильфердинга № 2 сводитъ новгородскаго кунца Садка съ Вольгой и Микулой: сначала идетъ разказъ объ остановкѣ купеческихъ кораблей и о спускѣ Садка-работника въ море, его женитьбѣ на черной дѣвушкѣ, возвращеніи въ Новгородъ, обогащеніи посредствомъ чудеснаго улова рыбы, хвастовствѣ богатствомъ и состязаніи съ Новгородомъ, вслѣдствіе котораго Садкѣ пришлось сбѣжать. Затѣмъ онъ ищетъ защиты у Вольги Всеславьевича, съ которымъ смѣшанъ Василій Буслаевичъ; Вольга побиваетъ на Волховскомъ мосту купцовъ новгородскихъ и своего отца крестнаго. Испугавшись послѣдняго убійства, онъ съ дружиной отправляется въ дальнюю сторону и встрѣчается съ пахаремъ Викулой Селягинымъ съ его чудесной сохой. Вольга, какъ въ другихъ былинахъ, приглашаетъ его ѣхать въ Курчевецъ-Орѣховецъ. По дорогѣ въ Орѣховецъ встрѣчаютъ камень съ обычной надписью, и Вольга (снова превратившись въ Василія Буслаева), скочивъ поперекъ камня, сложилъ здѣсь свою буйную голову. Такое смѣшеніе личностей Вольги и Василія Бу-

¹⁾ *Гильфердингъ*, № 255, столб. 1170.

слава можно объяснить тѣмъ, что и тотъ, и другой бьются съ мужиками: какъ Василій на Волховскомъ мосту охлаживалъ новгородскихъ мужиковъ осью телѣжною, такъ Вольгá вѣстѣ съ Микулой за поддѣльные мосты

„Нахлытали мужиковъ оны орѣховскихъ
А пахлытали-ли то ихъ всѣхъ до любя“ ¹⁾.

И какъ новгородскіе мужики принесли Василю Буслаеву повинную и обѣщали платить дань, такъ и мужики орѣховцы покорились и стали платить дань Вольгѣ ²⁾.

Чтобы покончить разсмотрѣніе бытовой стороны былины о Микулѣ и Вольгѣ, считаю нелишнимъ разобратся въ вопросъ объ имени и отчествѣ чудеснаго пахаря. Вариантъ имени — Викула ³⁾ — объясняется легко нерѣдкимъ переходомъ губнаго носоваго (м) въ губной носовой (в). Гораздо разнообразіе формы отчества Микулы: Селяниновичъ ⁴⁾ (съ удареніемъ на 4-мъ слогѣ отъ конца), Селяниновичъ ⁵⁾, Селяповичъ ⁶⁾, Селяниновъ ⁷⁾, Сѣятелевичъ ⁸⁾ (съ удареніемъ на 4-мъ слогѣ отъ конца), Селягиновъ ⁹⁾ и, наконецъ, Селягиновичъ ¹⁰⁾. Исключивъ такія формы, какъ Сѣятелевичъ, Селяниновичъ (съ удареніемъ на 3-мъ слогѣ отъ конца), Селяновичъ, сокращенную изъ Селяниновичъ, не внушающія довѣрія, какъ одиночныя, мы получаемъ двѣ формы, встрѣчающіяся всего чаще—Селяниновичъ и Селягиновичъ (иначе Селягиновъ)—между которыми можетъ быть сдѣланъ выборъ: которая изъ нихъ была въ основномъ изводѣ былины? Думаемъ, что больше правъ на архаичность имѣетъ форма Селягиновичъ. Какъ несовсѣмъ или не для всѣхъ понятная, она могла быть осмыслена въ Селяниновичъ (съ сохраненіемъ ударенія на томъ же слогѣ); наоборотъ изъ формы Селяниновичъ мы не сумѣемъ объяснить форму съ среднимъ звукомъ г: Селягиновичъ. На большую архаичность по-

¹⁾ Гильбердингъ, № 45, столб. 226.

²⁾ Гильбердингъ, № 255, столб. 1172; № 55, столб. 799.

³⁾ Гильбердингъ, № 195, 82.

⁴⁾ Гильбердингъ, № 32, 78, 98.

⁵⁾ Только у Гильбердинга, № 156, записанномъ отъ грамотнаго Касьянова, (см. столб. 795), не внушающаго большаго довѣрія.

⁶⁾ Гильбердингъ, № 255.

⁷⁾ Гильбердингъ, № 131.

⁸⁾ Гильбердингъ, № 195.

⁹⁾ Гильбердингъ, № 2.

¹⁰⁾ Гильбердингъ, № 55 и 45.

слѣдней формы указывалъ г. Квашиниъ-Самаринъ, хотя оставилъ ее безъ объясненія. Не знаю, на сколько будетъ удачна предлагаемая мною попытка къ объясненію, но настаиваю на томъ, что исходитъ слѣдуетъ отъ Селяиновича.

Система земледѣлія у новгородцевъ, какъ еще и донныѣ въ Олоонецкой губерніи, была весьма первобытна. Расчистивъ мѣсто для пахоты въ лѣсу, новгородскіе земледѣльцы эксплуатировали его, пока не истощали почву, и затѣмъ переходили на другое мѣсто. Даже въ позднѣйшее время, говоритъ Никитскій, было совершенно обычнымъ явленіемъ бросать старое пепелище и основывать новое на другомъ мѣстѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда земледѣльцы прочно усаживались на одномъ мѣстѣ, то во избѣжаніе совершеннаго истощенія почвы они прибѣгали къ переложному хозяйству: пашенная земля въ этомъ случаѣ состояла изъ двухъ отдѣловъ: изъ *нивь* или собственно пашенной земли, находившейся въ данное время въ обработкѣ, и *лядинъ* и *переложковъ* или пашенной земли, запущенной подъ лѣсъ или траву. Въ сѣверныхъ же новгородскихъ владѣніяхъ этимъ двумъ отдѣламъ соотвѣтствовали *ораница*, *орамая земля* и *сѣлми*, то-есть, нивы, запущенныя подъ траву и лѣсъ. Порядокъ обработки состоялъ въ обоихъ случаяхъ въ томъ, что земля воздѣлывалась до тѣхъ поръ, пока не истощалась, а затѣмъ земледѣлецъ обращался къ *лядинѣ*, *сѣлми*, или же, за неимѣніемъ таковыхъ, къ обращенію подъ пашню совершенно необработанной земли (притеребъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ трудъ перехода—къ селгѣ или притеребѣ—былъ нелегкій ¹⁾. Название *сѣлми* до сихъ поръ существуетъ въ Олоонецкой губерніи ²⁾. Кажется, отъ этого сѣвернаго и древняго ³⁾ слова могъ получить свое прозвище Микула (Селягинъ), которое затѣмъ перешло въ отчество (Селягиновъ, Селягиновичъ). „Орать“ поросшую лѣсомъ и травую *сѣлму* было крайне трудно: приходилось постоянно сохъ наскакивать на корни деревьевъ, хотя еще не слишкомъ глубокіе, и дѣйствительно мы видимъ, что Микула оралъ не ниву, а *сѣлму*, такъ какъ вывертывалъ сохою корни. Немудрено, что какъ могучій обработыватель *сѣлми* онъ отъ этой тяжелой работы получилъ свое прозвище, обратившеся по зиническому обычаю въ отчество

¹⁾ Названное соч., стр. 70.

²⁾ См. о словѣ *сѣлми*: *Отч. Зап.* за 1874 г., февраль 2-й отд., стр. 226 въ ст. „Сельская община въ Олоонецкой губ.“; *Калачовъ*, Акт. оти. къ Юр. быту, II, 245—251.

³⁾ Встрѣчается въ актахъ 1391 года.

(срав. Тугаринъ и Тугариновъ). Предлагаю это объясненіе только за неимѣніемъ лучшаго, хотя сознаю нѣкоторые фонетическіе недочеты.

Указывая столько чертъ мѣстнаго быта, вошедшихъ въ былинну о Микулѣ Селянниновичѣ, приурочивающихъ этого орабая къ Новгородскимъ областямъ, мы можемъ дѣлать заключенія о районѣ, въ которомъ сложилась основная былина о немъ, но, конечно, этимъ нисколько не предрѣшаемъ вопроса объ оригинальности самого типа и фабулы, къ нему прикрѣпленной. Думаю попрежнему, что фабула могла быть бродячимъ сюжетомъ, заимствованнымъ извнѣ, но, какъ и въ другихъ случаяхъ, воплотѣ націонализированнымъ въ силу переработки, сквозь которую иногда, впрочемъ, сквозятъ нѣкоторыя черты не реальнаго новгородскаго мужика, а какого-то сказочнаго персонажа. Микула *оретъ* сохою, черкающею о камни, выворачиваетъ коренья на сѣльгѣ, ѣздитъ за солью въ Орѣховець на Невѣ, бьется съ русскими мужиками — все это черты глубоко бытовые, историческія; но къ нимъ тутъ-же примѣшиваются другія, навѣянные уже совсѣмъ не бытовыми условіями. Сошка Микулы дивно изукрашена дорогимъ рыбнымъ зубомъ ¹⁾, краснымъ золотомъ и серебромъ ²⁾, а самъ онъ представленъ иногда записнымъ франтомъ не плоше Чурылы.

„У орабая кобыла содвая,
Гужикъ у нея да шелковыи,
Сошка у орабая кленовая,
Омешики на сошки булатніи,
Присомечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота.
А у орабая кудри качаются,
Что по скаченъ жемчугъ разсынаются.
У орабая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У орабая сапожки зелець сафьянъ:
Вотъ шиломъ пяты, носы востры,
Вотъ подъ пяту воробей пролетить,
Около носа хотъ яйцо прокати.
У орабая шляпа пуховая,
А кафтанчикъ у него да черна бархата“ ³⁾.

Въ такомъ роскошномъ нарядѣ Микула представляется не мужикомъ-пахаремъ по профессіи, а скорѣе какимъ нибудь царевичемъ

¹⁾ Гильфердингъ, № 32.

²⁾ Гильфердингъ, № 131, 45, Рыбниковъ I, № 4. Гильфердингъ 156.

³⁾ Гильфердингъ, № 156, столб. 796.

или бояриномъ, взявшимся для виду за игрушечную соху и разыгрывающимъ изъ себя земледѣльца. Далѣе, съ одной стороны Микула Селяниновичъ съ любовью говоритъ о своемъ трудѣ и о почетѣ отъ мужиковъ, которыхъ онъ угощаетъ и которые его за это величаютъ ¹⁾, съ другой — при первомъ приглашеніи Владимірова племянника Вольги ѣхать съ нимъ въ города за получкой дани для князя, бросаетъ свое обычное занятіе, повидимому, навсегда, такъ какъ иногда прощается съ сохою ²⁾, и ѣдетъ съ княжичемъ собирать дань съ мужиковъ. Такая *невыдержанность* вполне понятна, такъ какъ былина создана самимъ народомъ, а не учеными славянофилами, которые ее истолковывали. Народъ же въ своихъ произведеніяхъ весьма неподатливъ на проведеніе извѣстной тенденціи и въ этомъ отношеніи крайне непослѣдователенъ въ нашемъ кабинетномъ смыслѣ. Приладивъ какую-то заимствованную личность и фабулу къ своему быту, создавъ образъ чудеснаго пахаря, онъ вовсе не подумалъ объ идеализаціи своего крестьянскаго тяжелаго труда, не провелъ той идеи, что крестьянинъ долженъ прилѣпиться къ матери сырой-землѣ, что въ этомъ его единственное благо, а допускаетъ съ легкимъ сердцемъ своего „представителя“ покинуть тяжелый земледѣльческій трудъ и поступить въ дружину князя (слѣдовательно, жить не сохою, а нахлестываніемъ мужиковъ), совершенно согласно съ тѣмъ, какъ и теперь при удобномъ случаѣ крестьянинъ не прочь сбросить тягло, выписаться изъ міра и перейти къ болѣе доходнымъ и легкимъ занятіямъ. Такъ и другой народный идеаль—Илья Муромецъ, какъ извѣстно, пахалъ только разъ въ жизни и затѣмъ промѣнялъ свое мирное крестьянское житье-бытье на боевую жизнь вмѣстѣ съ другими княжескими богатырями.

Итакъ, невыдержанность типа Микулы объясняется тѣмъ, что народъ всегда вѣренъ самому себѣ, мало способенъ къ проведенію тенденцій и мало думаетъ о нихъ при усвоеніи и переделкѣ какихъ нибудь сказочныхъ сюжетовъ. Процессъ усвоенія идетъ естественнымъ путемъ безъ сильнаго вмѣшательства индивидуальнаго творчества, совершенно не такъ, какъ во множествѣ *современныхъ* комедій,

¹⁾ Въ былинѣ *Гильфердинга*, № 255 Микула весною продаетъ хлѣбъ мужичкамъ и сознается, что за это они величаютъ его.

²⁾ *Гильфердинга*, № 255, столб. 1171:

Ты прощай моя сошка ратная,
Да болѣ мнѣ-на вѣкъ на тебѣ и не пахивать.

на столько пригнанныхъ къ нашимъ общественнымъ правамъ, что безъ поясненія въ афишкѣ трудно за ними предположить *заимствованный* сюжетъ...

До сихъ поръ мы отмѣчали черты новгородскаго быта въ былинѣ о встрѣчѣ Вольги съ Микулой. Что касается былины о походѣ Вольги-оборотня въ царство Индѣйское или Турецкую землю, то по самому свойству сюжета область ея сложенія не наложила на нее столь яркой печати.

Ея новгородское происхождение можетъ быть (какъ мы видѣли) предположено главнымъ образомъ въ виду связи личности Волха-оборотня съ Волхомъ-чародѣемъ мѣстнаго новгородскаго преданія. Думаю, что помимо этого въ былинѣ найдутся кое-какія черты, если не прямо подтверждающія, то, по крайней мѣрѣ, не противорѣчащія этому предположенію.

Прикрѣпленіе Вольги къ Киеву и князю Владимиру самое поверхностное, сдѣланное, такъ сказать, на живую нитку. Владимиръ даже вовсе не *является*, а только *упоминается*, какъ дядя Вольги, но при томъ исключительно въ былинахъ, разказывающихъ о рожденіи и встрѣчѣ Вольги съ Микулой. Во всѣхъ же пересказахъ похода Вольги (Волха) князь Владимиръ отсутствуетъ ¹⁾ и упоминается только городъ Кіевъ, неизвѣстно кому принадлежащій, но не безсмѣнному эпическому князю.

Повидному, Кіевъ упомянуть только затѣмъ, чтобъ мотивировать походъ Вольги въ царство Индѣйское.

„Прошла та слава великая
 Ко стольному городу Киеву:
 Индѣйскій царь наряжается,
 А хвалится—похвальноется,
 Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь взять,
 А Божьи церкви на дымъ спустить
 И почестны монастыри разорить.
 А втапоры Волхъ онъ догадивъ былъ,
 Со всею дружиною хороброю
 Ко славному царству Индѣйскому
 Тутъ же съ ними во походъ пошелъ“.

Въ былинахъ другаго содержанія съ болѣе тѣснымъ прикрѣпленіемъ къ Киеву врагъ обыкновенно подступаетъ къ городу и кромѣ

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, № 1—*Гильбердинъ*, № 91; *Гильбердинъ*, № 15; *Рыбниковъ*, I № 2; *Кирия Даниловъ*, № VI.

хвастовства на дымъ спустить Божьи церкви, требуетъ дани отъ Владимира, угрожая и ему, и княгинѣ Опраксѣ. Здѣсь-же князь Владимиръ совсѣмъ позабытъ. Эта крайне слабая связь Вольги съ Киевомъ, повидимому, указываетъ на то, что этотъ городъ введенъ въ былинну въ одной изъ позднихъ ея переработокъ, которыхъ, вѣроятно, было не мало.

Можно думать, что по аналогіи обычныхъ въ эпосѣ опасностей, угрожающихъ стольному городу Киеву отъ хвастливыхъ враговъ, какой-нибудь сказитель внесъ въ былинну эпическій городъ Кіевъ и эпическую похвалу врага, но не найдя въ болѣе раншемъ изводѣ князя Владимира, не счелъ нужнымъ его вставить, что, казалось бы, было нетрудно. Вѣдь сдѣлалъ же другой слагатель Вольгу племянникомъ Владимира, получающимъ отъ него города съ крестьянами.

Итакъ, вычеркнувъ Кіевъ, мы порываемъ единственную тонкую нитку, прикрѣпляющую былинну къ южной Руси. Дѣйствительно, нѣкоторыя черты былинны, какъ будто, указываютъ на сѣверъ.

Когда родился Вольга, недаромъ

И звѣри въ лѣсахъ разбѣжались,
И птицы по подобачью разлетались,
И рыбы по сяню морю разметались ¹⁾.

Они предчувствовали свою участь. Вольга—„великій ловець“. Онъ не забавляется охотой, какъ другіе богатыри, не выѣзжаетъ съ соколомъ, не стрѣляетъ гусей-лебедей для княженецкаго стола. Онъ устраиваетъ ловы въ широкихъ размѣрахъ вмѣстѣ съ своей дружиной, какъ какой-нибудь промышленникъ съ своей артелью. Сначала онъ разстapляетъ сѣти въ *темныхъ* лѣсахъ, по раменью, по сльнику, которымъ такъ изобиловалъ нашъ сѣверный край, и загоняетъ дорожныхъ пушныхъ звѣрей, составлявшихъ наиболѣе цѣнный предметъ новгородской торговли съ западомъ: купницъ, лисицъ, черныхъ соболей, малыхъ горностаюшекъ. Въ одной былинѣ (*Рыбниковъ*, I № 2) даже опредѣлены мѣста, гдѣ Вольга производитъ свой грандіозный ловъ пушнаго звѣря: онъ гонитъ его въ лѣсахъ близъ славнаго Сия моря, подъ которымъ нужно разумѣть море ближайшее къ новгородцамъ, то-есть, Балтійское, называемое въ былинахъ иногда Верайскимъ, Веражскимъ, то-есть, Варяжскимъ. Сѣверная природа и знаніе привычекъ тамошнихъ звѣрей проглядываютъ въ словахъ былинны:

Туры да олени за *горы* пошлц,

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, 1.

Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ ¹⁾.

Вылавливая въ лѣсахъ звѣрей,
Волхъ повѣль-кормилъ дружину хоробрую,
Обуваль-одѣваль добрыхъ молодецъ,
Носили они шубы соболяныя ²⁾.

Слѣдовательно, охота Вольги была не забавой, а доставляла пищу и одежду его дружинѣ-артели. Богатство новгородскихъ владѣній пушными и вообще всякими звѣрями общеизвѣстно. По словамъ проф. Никитскаго ³⁾, „мы находимъ въ памятникахъ прямыя указанія на необычайное богатство звѣрей въ Новгородской области. Особенно богатыми являются Двинскія владѣнія Новгорода. Морской берегъ послѣднихъ изобиловалъ тогда, еще больше, чѣмъ теперь, морскими животными, тюленями, моржами и китами... Югра... независимо отъ второстепенныхъ пушныхъ звѣрей, изобиловала *соболями*... Слѣдовавшая за Югрой къ западу Печора заключала въ своихъ пространствахъ также много дорогихъ пушныхъ звѣрей: *юрностаявъ*, песцовъ, *мисцъ*, а изъ пернатыхъ—соколовъ, которые очень дорого цѣнились въ старое время. Собственно Двинская земля, преимущественное мѣсто поселенія новгородцевъ, была богата бобрами, *куницами* и бѣлками. Въ западной части Двинской области... обыкновенное явленіе составлялъ олень, который встрѣчался, безъ сомнѣнія, и въ другихъ частяхъ сѣверныхъ новгородскихъ владѣній. Условія, которыя благоприятствовали размноженію полезныхъ животныхъ, заключались въ изобиліи лѣсовъ и водъ. А такъ какъ эти условія повторялись одинаково и въ самой Новгородской землѣ, то неудивительно, что тамъ мы встрѣчаемъ богатство звѣрей и птицъ, хотя и не такихъ цѣнныхъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Новгорода... водились дикія свиньи и зайцы. Кромѣ того въ *новгородскихъ* лѣсахъ обычнымъ являлись были медвѣди, волки, куницы, бѣлки, веверицы. Что же касается пернатыхъ, то извѣстно, что Волховъ славился ловлями гагачей, а въ другихъ краяхъ обычной лѣсной и водной дичью были тетерева, гуси, утки и журавли“. Если мы припомнимъ, что

А и бьетъ онъ звѣри сохатые (то-есть, оленей),
А и волку, медвѣдю спуску вѣтъ,

¹⁾ Рыбниковъ, I, стр. 12.

²⁾ Рыбниковъ, I, стр. 14.

³⁾ Назв. сочин., стр. 6 и слѣд.

А и соболи, барсы любимый кузь,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезговаль,

то найдемъ въ былинѣ довольно полное перечисленіе пушныхъ и другихъ звѣрей Новгородскихъ владѣній. Изъ царства пернатыхъ Вольга *силыиками*, которыя его дружина разставляла въ темномъ лѣсу по самымъ верхамъ деревьевъ¹⁾, ловилъ *гусей, лебедей, ясныхъ соколей, стрижъ утокъ* и малую птицу *пташицу*. Являясь идеальнымъ ловцомъ звѣрей и птицъ, Вольга далѣе обращается къ эксплуатаціи другого естественнаго богатства сѣверныхъ областей. Онъ предпринимаетъ рыбную ловлю опять въ широкихъ размѣрахъ, какъ новгородскіе рыбопромышленники.

Какъ новгородскій богатый гость Садко строить корабли, такъ и Вольга говоритъ своей дружинѣ:

Дѣлайте вы дѣло повелѣное:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте суденышко дубовое,
Вяжите путевья шелковыя,
Выѣзжайте вы на синее море,
Ловите рыбу *семжынку* и *блужжынку*,
Щученьку и плотиченку,
И дорогую рыбку осетричку²⁾.

„Рыбы (въ Новгородскихъ областяхъ),—говоритъ проф. Никитскій³⁾,—нарождались въ такомъ множествѣ, что благочестивые новгородцы умѣли объяснить себѣ это явленіе только вмѣшательствомъ сверхъестественной силы. Такъ, напримѣръ, въ 1354 году въ Новгородѣ каждый ловилъ себѣ рыбу руками у берега, сколько было нужно, и лѣтописецъ видѣлъ въ этомъ великое чудо, сотворенное молитвами Пресвятыя Богородицы“. „Въ озерахъ Онежскомъ, Ладожскомъ и въ рѣкѣ Невѣ водилась въ обилии такъ называемая красная рыба, а именно—*осетры*, считавшіяся въ древности одною изъ самыхъ дорогихъ рыбъ не только на Руси, но и между нѣмцами. По крайней мѣрѣ известно, что этою рыбою дорожили сами новгородскіе князья и выговаривали для себя у Великаго Новгорода право посылать въ извѣстныя мѣста, а именно въ Ладогу, своихъ ловцовъ осетра (осетринниковъ). Известно также, что для ловли осетровъ пріѣзжали на Неву и нѣмецкіе промышленники изъ сосѣднихъ горо-

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, № 1.

²⁾ *Рыбниковъ*, I, № 1.

³⁾ Назв. соч., стр. 7 и слѣд.

довъ Нарвы и Ревеля⁴. Понятно, что и былина, сложившаяся въ новгородскихъ предѣлахъ, особенно отмѣтила „дорогую рыбку осетринку“. Она и составляла прежде всего ту *кунную* (то-есть, цѣнную, считаемую на куны, а не на вѣсь?) рыбу, которую Вольга выпугивалъ изъ *глубокихъ становъ*¹⁾ (опять мѣстное наблюдение о привычкахъ рыбы). Мнѣ кажется, что этихъ былинныхъ подробностей о *ловахъ* Вольги достаточно, чтобъ приурочить сложение основной былины о немъ къ новгородскому культурному району. Какъ въ былинѣ о Василии Буслаевѣ отразились черты новгородскихъ внутреннихъ смуть и типъ буйной молодежи, которая поставляла ушкуйниковъ; какъ въ былинѣ о Садкѣ представлено новгородское купечество богатое и предприимчивое,—такъ въ разсматриваемой былинѣ воспѣто необычайное богатство новгородскихъ областей въ звѣриной и рыбной ловлѣ, предпринимаемой чудеснымъ ловцомъ съ его дружиною. Въ первой части былины въ изобиліи разсѣяны черты новгородской природы, фауны и флоры, потому что занятія Вольги-ловца—занятія родныя для новгородскаго населенія. Но какъ блѣдны являются краски во второй половинѣ, когда изображается походъ Вольги (Волха) на царство Индѣйское (Турецъ-землю). Здѣсь такъ и сквозить чужая, фантастически размалеванная основа, и напрасно мы стали бы искать тѣхъ реальныхъ чертъ, какъ бы списанныхъ съ дѣйствительности, которыя мы находимъ, напримѣръ, въ былинномъ описаніи приступа татаръ (Мамал, Батыги) къ Києву. Вольга вовсе не похожъ на богатыря, хотя изрѣдка это названіе и прилагается къ нему, зайдя, вѣроятно, изъ *богатырскаго* эпоса²⁾. Обычныя этому эпосу подробности о сѣдланіи коня и выѣздѣ богатыря неизвѣстны слагателю былины о Вольгѣ. Да послѣдній и не нуждается въ конѣ: онъ обертывается то *львомъ* (левымъ звѣремъ), то *Науи*-птицей, то туромъ-златорогимъ, то яснымъ соколомъ, то горностаемъ, то мурашикомъ и обертывается въ мурашиковъ свою *хоробрую* дружину, чтобы проползти черезъ *мудреные* вырѣзы подворотни-*дорогъ* *рыбій* *зубъ* и такимъ фантастическимъ способомъ попасть въ царство Индѣйское. Во всемъ походѣ Вольги трудно отмѣтить какую-нибудь бытовую историческую подроб-

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, стр. 8.

²⁾ *Рыбниковъ*, I, № 2 (младый богатырь;—былина плоха и некончена); *Гильбердинъ*, № 15 (былина неоконченная и спутанная), *Кириша-Даниловъ*, VI. Въ лучшей былинѣ Романова (*Гильбердинъ*, № 91=*Рыбниковъ*, I, № 1) Вольга называется *сударь*. Итъ названія „богатырь“ и въ былинахъ о встрѣчѣ Вольги съ Микулой.

ность; но можно указать не мало мотивовъ сказочныхъ, зашедшихъ отчасти, какъ было мною указано, изъ Александровыхъ сказаній, отчасти изъ какихъ-нибудь другихъ сказокъ. Кстати при этомъ случаѣ отмѣчу нѣкоторые восточные сказочные мотивы, которые, быть можетъ, пригодятся впоследствии, если когда-либо удастся реставрировать процессъ происхожденія и развитія былины, что весьма сомнительно.

Двѣ детали похождения Вольги — обращеніе въ птицу съ цѣлью подслушать разговоръ Турецъ-Сантала съ царицей Панталовной и обращеніе въ горноста, чтобъ испортить оружіе непріятелей — находятъ себѣ параллели въ восточныхъ (тюркскихъ и монгольскихъ) сказкахъ. Такъ въ алтайской сказкѣ о дѣвѣ-богатыршѣ Оле-олекчинѣ эта, переодѣтая въ мужское платье, богатырна, замысливъ войну съ однимъ царемъ, обернулась *сорокой*, сѣла на аилъ (то-есть, юрту) къ царю и слушаетъ, что будутъ говорить царь съ царицей. Они говорятъ между собою объ ожидаемомъ приходѣ враговъ, и царь сообщаетъ царицѣ, какія мѣры онъ приметъ. Оле-олекчинѣ подслушиваетъ разговоръ и пользуется затѣмъ полученными свѣдѣніями ¹⁾. Въ другой алтайской сказкѣ, записанной академикомъ Радловымъ, (Proben etc. I 31—59) богатырь Тэктэбей-мергенъ перелетаетъ въ видѣ *ястреба* въ царство врага — Кюнъ-хана — и подслушиваетъ его разговоръ съ его женою, которымъ затѣмъ пользуется ²⁾. Въ одной монгольской сказкѣ богатырь Караты-ханъ, обратившись въ *крысу*, прибѣгаетъ въ страну непріятеля своего Джюсунъ-хана и перегрызаетъ доспѣхи его воиновъ ³⁾.

Не придавая большаго значенія этимъ параллелямъ, я привожу ихъ съ цѣлью указать, что походъ Вольги и въ основѣ своей, и въ подробностяхъ сводится къ бродячимъ сказочнымъ мотивамъ, которые за долгое время существованія былины могли наростать изъ разныхъ источниковъ. Но все же связь Волха-оборотня съ новгородскимъ *мстнимъ* сказаніемъ и отмѣченныя выше бытовыя черты въ первой половинѣ былины даютъ намъ, кажется, достаточно основаній, чтобы отнести сложеніе ея къ новгородскому эпосу.

Труднѣе въ данномъ случаѣ другой вопросъ — о времени сложенія

¹⁾ См. Бурятскія сказки и повѣрья, собран. Хангаловымъ. Иркутскъ. 1889, стр. 141.

²⁾ Тамъ-же, стр. 154.

³⁾ *Этнографическое Обзореніе*, кн. VI, стр. 18.

былины о Вольгѣ. Здѣсь, такъ-же, какъ въ вопросѣ о мѣстности, должны служить устоями бытовья данныя, но и эти устои при измѣненіяхъ, вносимыхъ въ былинну устною передачей, оказываются иногда крайне шаткими. Конечно, во вниманіе должны быть приняты тѣ черты, которыя были въ *основной* редакціи былины, но и выведеніе первичнаго типа ея изъ современныхъ вариантовъ не всегда удастся изслѣдователю.

Для былины о встрѣчѣ Вольги съ Микулой, какъ мы выше предположили, хронологической датой могутъ служить *троши*, на которые Микула покупаетъ соль. Они упоминаются во всѣхъ хорошихъ вариантахъ ¹⁾ и отсутствуютъ только въ такихъ, которые плохо помнились сказителями ²⁾. Поэтому нѣтъ основанія думать, чтобы эта монета не упоминалась уже въ основной редакціи былины. Если такъ, то *terminus a quo* для ея сложенія начало XV вѣка. *Соха* Микулы также принадлежитъ основной редакціи, а самыя раннія упоминанія о сохѣ, какъ общераспространенномъ орудіи, вытѣснившемъ болѣе ранній плугъ, относятся, по указанію Никитскаго, къ XIV вѣку. Ссылаться на мое личное впечатлѣніе, не позволяющее мнѣ въ „идеализованномъ“ земледѣльцѣ съ его искусственнымъ отчужденіемъ, символизующимъ его земледѣльческій трудъ, видѣть слишкомъ архаичное созданіе, переодѣтаго потомка русскаго древняго бога земледѣлія, я не стану, потому что такой критерій можетъ быть сочтенъ субъективнымъ. А примаго литературнаго источника для чудеснаго пахаря мы до сихъ поръ не знаемъ, хотя въ указаніи параллелей въ другихъ литературахъ не было у насъ недостатка.

Другой вопросъ: которая изъ обѣихъ былинь, прикрѣпившихся къ историческому имени Олега (Вольги), древнѣе? Здѣсь, кажется, возможенъ положительный отвѣтъ. Былина о Вольгѣ и Микулѣ предполагаетъ уже существованіе былины о Вольгѣ, предпринимающемъ ловы и походъ въ отдаленную страну. Безцвѣтный и недогадливый ³⁾ Вольга, встрѣчающійся съ Микулой, не могъ быть перенесенъ въ былинну о Вольгѣ-оборотнѣ, отличающемся хитростью-мудростью. Перенесеніе возможно только обратное. Такъ къ имени Добрыни-зѣбе-

¹⁾ См. *Гильфердингъ*, № 32, 55, 73—*Рыбниковъ*, I, 3, 156.

²⁾ Напримѣръ, *Гильфердингъ*, № 45—*Рыбниковъ*, I, 4, гдѣ Вольга и Микула *пожылись* ролями; *Гильфердингъ*, № 181 и 255 (гдѣ Вольга замѣненъ Иваномъ Годимовичемъ).

³⁾ *Рыбниковъ*, I, стр. 21: Говоритъ оратай таковы слова:

— *Глупый Вольга Святославовичъ!*

борца могла впоследствии прикрѣпиться сказка о женѣ-волшебницѣ и дать былинѣ о Маринкѣ, въ которой Добрыня не приходится вовсе играть героической роли. Личность чуднаго силача-земледѣльца выступила въ этихъ былинахъ такъ ярко на первый планъ, что совѣтъ обезцвѣтила личность Вольги, и его похождение съ непокорными городами, пришедшее къ концу былины, уже не представляло достаточнаго интереса вниманію, сосредоточенному на Микулѣ. Похождение Вольги и Микулы съ орѣховцами скомкано въ нѣсколько стиховъ въ дошедшихъ до насъ немногихъ пересказахъ, такъ что между началомъ былины, разсказывающимъ о рожденіи Вольги, знаменіяхъ, уходѣ звѣрей, птицъ, рыбъ, обученіи и наборѣ дружины хороброй, и окончаніемъ оказалось несоотвѣтствіе. Начало заставляетъ слушателей ожидать необычайныхъ подвиговъ отъ Вольги, но эпизодъ поглощаетъ весь интересъ, составляетъ всю суть былины, и она кое-какъ сводитъ концы съ началомъ.

Всев. Миллеръ.

ГЕНРИХЪ СЕТТИМЕЛЛО И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛѢ ИСТОРІИ ИТАЛЬЯНСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Область итальянскаго Возрожденія стала съ ранняго времени предметомъ научнаго изученія. Историками Возрожденія являются еще современники этого явленія, при чемъ къ началу XVI вѣка „исторіографія гуманизма, по замѣчанію проф. Корелина, завершила характерный циклъ развитія“¹⁾: мы разумѣемъ здѣсь Ф. Виллани, Доменико Бандини, Дж. Манетти и (отчасти) Б. Фаціо; сюда же надо отнести Веспасіана Бистиччи (1421—1498) и Паоло Кортезе²⁾. Въ XVIII вѣкѣ, когда были проложены настоящіе пути къ научному пониманію Возрожденія, появились труды де-Сада, аббата Беттинелли (1718—1808), Мейнерса, Булэ и др.³⁾. Но эпоху въ современной исторической наукѣ по изученію Возрожденія составили труды Фойхта и Буркхардта⁴⁾, къ которымъ примыкаютъ въ разномъ отношеніи труды новѣйшихъ изслѣдователей Гейгера⁵⁾, Кёртинга⁶⁾, Жебара⁷⁾, А. Н. Веселовскаго⁸⁾ и М. С. Корелина. Колебаніе мнѣній названныхъ

¹⁾ М. С. Корелинъ, Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія, Москва, 1892. Стр. 1087+73, 1007—1011 стр.

²⁾ I. c., 1010.

³⁾ I. c., 1012—1021. О родственныхъ направленіяхъ философовъ XVIII вѣка (такъ называемаго Просвѣщенія) и гуманистовъ у Н. Карнева: Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, 139—154.

⁴⁾ I. Burckhardt, Die Cultur der Renaissance in Italien, 4-е изд. 1886 г. Есть русскій переводъ 1876 года. Voigt, Die Wiederbelebung des klassischen Alterthums 1859 и 1881. Русскій переводъ вышелъ въ Москвѣ 1884 г.

⁵⁾ Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland, 1882 г.

⁶⁾ Anfänge der Renaissance Litteratur in Italien, 1884 г.

⁷⁾ Gebhart, Les Origines de la Renaissance en Italie, 1879 г.

⁸⁾ Вилла Альберти (1870) и Боккаччо (1893), статьи въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

ислѣдователей всего рѣзче сказывается по слѣдующимъ двумъ основнымъ вопросамъ: 1) что такое итальянское Возрожденіе или, говоря иначе, въ чемъ заключается его сущность, и 2) каковы причины его, то-есть, почему Возрожденіе возникло въ Италіи, а не въ какой другой странѣ Европы.

Изъ упомянутыхъ ислѣдователей Фойхтъ приравниваетъ сущность Возрожденія къ возстаовленію классическихъ штудій въ Европѣ, проникнутыхъ истиннымъ пониманіемъ античнаго духа ¹⁾. Остальные ислѣдователи понимаютъ сущность Возрожденія, повидному, гораздо глубже, чѣмъ Фойхтъ: она сводится, по ихъ убѣжденію, къ проявленію индивидуализма во всѣхъ областяхъ человѣческой культуры. Всего рельефнѣе выставляется эта мысль у Буркхардта и особенно у М. С. Корелина. Въ сочиненіи этого послѣдняго автора мы читаемъ: „два существенныхъ признака составляютъ особенность гуманистической литературы—проявляющійся въ ней индивидуализмъ и глубокій интересъ къ классической древности“ ²⁾. Въ гуманистическомъ индивидуализмѣ М. С. Корелинъ указываетъ слѣдующія черты: интересъ человѣка къ себѣ, къ своему внутреннему міру, во внѣшнемъ мірѣ—интересъ преимущественно къ другому человѣку; убѣжденіе въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ и, наконецъ, интересъ къ окружающей дѣйствительности, по скольку она имѣетъ вліяніе на человѣка ³⁾. По второму указанному вопросу—о причинахъ Возрожденія, почему оно возникло именно въ Италіи, а не въ какой другой странѣ, мнѣнія вышеназванныхъ ученыхъ расходятся. Казалось бы, что самымъ простымъ и вѣстѣ съ тѣмъ самымъ логичнымъ рѣшеніемъ этого вопроса было бы слѣдующее положеніе: Возрожденіе возникло въ Италіи потому, что предшествовавшая исторія и культурныя особенности Италіи способствовали этому возникновенію именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. Такого взгляда придерживаются Буркхардтъ, Gebhart и проф. А. Н. Веселовскій. Особенно рельефно и ярко вы-

¹⁾ Корелинъ, I. с., стр. 1022—1033.

²⁾ Корелинъ, I. с., стр. 1061.

³⁾ Корелинъ, I. с., 1061. Ср. Koerting въ Anfänge..., стр. 120—190. Для оцѣнки книги М. С. Корелина см. рецензію проф. Н. И. Карьева въ *Вѣстникъ Европы* 1893 г., № 8, 9, 10, гдѣ, между прочимъ, указывается и на то, что М. С. Корелинъ игнорируетъ особенности итальянской культуры, говоря о происхожденіи гуманизма, на что будетъ указано ниже.

ставляется это соображеніе въ книгѣ Gebhart'a, которая, надо замѣтить, написана подь сильнымъ вліяніемъ Буркхардта. Уже Буркхардтъ утверждалъ, что эпоха Возрожденія тѣснѣйшимъ образомъ связана съ національной итальянской культурой ¹⁾. Эту мысль блестяще развилъ Gebhart, который указываетъ и причины возникновенія Возрожденія въ Италіи. Эти причины Gebhart раздѣляетъ на двѣ группы: causes supérieures и causes secondaires; къ первымъ относятся: 1) la liberté intellectuelle, 2) état social, 3) tradition classique, 4) la langue, а ко вторымъ—иноземныя вліянія. Такимъ образомъ у Gebhart'a итальянское Возрожденіе не виситъ на воздухѣ, а стоитъ въ связи съ предшествовавшей исторіей ²⁾. Послѣдователямъ Gebhart'a остается только доказать документальнымъ образомъ справедливость его теоріи, такъ какъ мало сдѣлать смѣлое построеніе, надо еще оправдать его ³⁾. Приблизительно такія же мысли высказываетъ и А. Н. Веселовскій о связи итальянскаго Возрожденія съ итальянской культурой ⁴⁾. Иные взгляды встрѣчаемъ мы въ сочиненіи М. С. Корелина; авторъ этого капитальнаго труда какъ бы игнорируетъ вопросъ о причинахъ возникновенія Возрожденія именно въ Италіи: онъ отрицаетъ вліяніе итальянскаго народнаго характера, политическихъ особенностей Италіи, социальныхъ и церковныхъ. Идеи гуманистовъ, по словамъ М. С. Корелина, результатъ культурнаго роста личности ⁵⁾. Врядъ ли приведенныя мнѣнія почтеннаго автора представляются вполне обоснованными. Изученіе средневѣковой латинской поэзіи въ Италіи приводитъ насъ къ инымъ выводамъ; нижеслѣдующій очеркъ жизни и произведеній итальянскаго писателя XII вѣка Генриха Сеттимелло можетъ послужить нѣкоторой повѣркой высказанныхъ проф. Корелинымъ обобщеній и, быть можетъ, представить въ многомъ свѣтѣ зачатки одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ въ исторіи западно-европейской культуры ⁶⁾.

¹⁾ См. стр. 120 ff. русскаго перевода.

²⁾ *Gebhart*, *Les origines de la Renaissance en Italie*, 51—226.

³⁾ *Корелинъ* I., с., стр. 1050—1052: здѣсь книгѣ Gebhart'a не придается того значенія, которое придано ей нами выше.

⁴⁾ Вилла Альберти *passim*, „Противорѣчія Итальянскаго Возрожденія“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 12, стр. 317 и слѣд.).

⁵⁾ *М. С. Корелинъ*, I. с., стр. 1088—1087.

⁶⁾ Искать среди латинскихъ поэтовъ Италіи предшественниковъ гуманизма—мысль не новая. Изъ главнѣйшихъ трудовъ въ этомъ направленіи укажемъ: 1) *Гизебрехтъ*: *De litterarum studiis apud Italos primis Medii Aevi saeculis*, Bologni, MDCCCXLV, IV+56. Здѣсь собрано много свѣдѣній о живучести класси-

I.

Въ XI и XII вѣкахъ латинская поэзія въ Италіи развивалась въ различныхъ направленіяхъ ¹⁾. Въ первой половинѣ XI вѣка въ ней преобладалъ аскетическій характеръ; Теодорихъ, учитель Монтекассинской школы ²⁾, пишетъ хвалебный гимнъ св. Маріи; Амаъ, епископъ и монахъ монтекассинскій, посвящаетъ папѣ Григорію VII *versus de gestis Apostolorum Petri et Pauli* ³⁾. Къ XI же вѣку относится и Альберикъ, монтекассинскій монахъ, авторъ гимновъ въ честь различныхъ святыхъ и стихотворенія о судномъ днѣ и мукахъ ада (*de die Judicii, de roenis inferni*) и о радостяхъ райа (*de gaudio Paradisi*) ⁴⁾. Наконецъ, нельзя не упомянуть и знаменитаго Альфана, бывшаго сперва монтекассинскимъ монахомъ, а потомъ салернитанскимъ архіепископомъ: перечисленіе сочиненій этого плодовитаго поэта занимаетъ у Лейзера шесть страницъ ⁵⁾.

Рядомъ съ поэзіей аскетической стоитъ другая, которая, будучи созданіемъ также духовенства, дѣлается выразительницей той ожесточенной борьбы, которая занимала въ то время всѣ умы ⁶⁾: XI и XII вѣка, время реформъ Григорія VII, время борьбы папъ и императоровъ: вызвали всеобщее возбужденіе, которое отразилось и въ поэзіи.

ческой традиціи въ Италіи, гдѣ никогда не умиралъ свѣтскій духъ. Благодаря живучести этой традиціи, переходъ къ гуманизму, по мнѣнію автора, былъ незамѣтенъ. 2) *Куно Франке: Zur Geschichte der lateinischen Schulpoesie des XII und XIII Jahrhundert*, 1879. Здѣсь латинскіе поэты прямо называются предшественниками гуманизма (*Vorgläufer*); Куно Франке указываетъ Петра Эболи, Генриха Миланскаго и Генриха Сеттимелло. 3) *Умберто Ронка: Cultura Medioevale e Poesia Latina d'Italia nei Secoli XI e XII*, 1892 г. Здѣсь къ предшественникамъ Возрожденія причисляются папа Сильвестръ II и Лиутпрандъ, епископъ Кремонскій. 4) *Бартоли* въ сочиненіи *I Precursori del Rinascimento*, 1876 г., считаетъ вагантовъ во многихъ отношеніяхъ предшественниками гуманистовъ. 5) *О. Губачъ* въ сочиненіи *Die lateinischen Vagantlieder des Mittelalters* (1870) высказываетъ подобныя же мысли. 6) *Дюммлеръ* въ специальной работѣ объ Ансельмѣ Перинатетикѣ (1872) считаетъ его предшественникомъ гуманистовъ.

¹⁾ Ронка, I. с., 244.

²⁾ *Casinensis gymnasii presbyter у Лейзера. Historia Poetarum et Poematum Medii Aevi* 1721 г. стр. 308.

³⁾ Лейзера, I. с., 351.

⁴⁾ *Ibid.*, 357.

⁵⁾ *Ibid.*, 358—364. Также Гусебрантъ, *De Studiis...*, стр. 39 ff.

⁶⁾ Ронка, I. с., 245.

Реформы Григорія VII имѣли и защитниковъ, и враговъ: за папу, боровшагося противъ симоніи, конкубината духовенства, вмѣшательства императора въ церковныя дѣла,—вооружались монахи; оппозиція же принадлежала къ богатому и болѣе свободному бѣлому духовенству¹⁾. Такъ создавалась новая струя латинской поэзіи въ Италіи,—струя политико-религіозная съ сатирическимъ или панегирическимъ характеромъ²⁾. Слѣдующій отдѣлъ латинской поэзіи представляетъ поэзія гражданская или, по выраженію Ронка, политико-гражданская. Пробужденіе итальянской жизни XI и XII вѣковъ въ социальномъ отношеніи породило эту поэзію, живой памятникъ и зеркало современныхъ событій. Наиболѣе замѣчательныя событія и лица находятъ себѣ пѣвцовъ. Вильгельмъ изъ Апуліи (*Gulielmus Appulus*), по просьбѣ Урбана II († 1099 г.), пишетъ историческую поэму: *De rebus Normannorum in Sicilia, Apulia et Calabria gestis*³⁾; *Laurentius Veronensis*, диаконъ Петра II, архіепископа Пизанскаго, воспѣлъ походъ пизанцевъ на Балеарскіе острова (1115 г.) подъ заглавіемъ *Regum in Majorica Pisanorum ac de eorum triumpho Pisis habito a. 1104 libri septem*⁴⁾. Дѣянія Фридриха I воспѣлъ *Godefridus Viterbiensis*, капелланъ и нотариусъ императоровъ Конрада IV, Фридриха I и Генриха VI, умершій въ 1196 г.⁵⁾. Петръ Эболи написалъ *Liber ad honorem Augusti*, длинную героическую поэму, въ которой „онъ окружаетъ сіяніемъ славы Генриха VI и его домъ“⁶⁾. Ронка, указывая на эту группу поэтовъ, замѣчаетъ, что съ пробужденіемъ свѣтскаго генія Италіи (*risveglio del laicato italiano*) отступаетъ на задній планъ монастырь со своими учрежденіями и иденми; въ то же время, однако, не замедляетъ и духовная поэзія въ средѣ монаховъ. Такъ, Ланденульфъ, монтекассинскій монахъ, пишетъ „*de renovatione Casinensis Coenobii*“ и „*de regimine Desiderii*“; Альфанъ,—„*de ritu, constructione ac renovatione ejusdem coenobii*“; Гвидо, священникъ изъ Монтекассино, написалъ стихотвореніе: „*De fortuna Albertici Monachi Casinensis*“⁷⁾;

¹⁾ *Ibid.*, 246.

²⁾ *Ibid.*, 246.

³⁾ *Лейзеръ*, Н. Р., стр. 366.

⁴⁾ *Лейзеръ*, *ib.*, стр. 376.

⁵⁾ *Лейзеръ* указываетъ очень мало сочиненій Готфрида и не во всемъ согласенъ съ Ронка. См. *Ронка*, ч. II, стр. 51—59.

⁶⁾ *Ронка*, I, с., 251. Въ каталогѣ Лейзера нѣтъ Петра Эболи; о немъ у *Ронка*, ч. II, стр. 59—61.

⁷⁾ *Ронка*, I, 252.

наконецъ, монахъ Бандульфъ Капуанскій написалъ поэту даже о предѣлѣ еврейской пасхи (De termino Paschae Hebraeorum) ¹⁾.

Таковы главные категоріи латинской поэзіи въ Италіи; остальные не такъ обширны, но все-же представляютъ несомнѣнный интересъ. Такъ, отдѣльной категоріей представляются поэмы о крестовыхъ походахъ; движеніе это, вызвавшее обширную литературу въ другихъ странахъ Европы, среди итальянцевъ нашло мало сочувствія: можно указать только двухъ итальянскихъ писателей, воспѣвшихъ въ XI и XII вѣкахъ крестовые походы — это Григорій, епископъ Террачинскій (episcopus Tarracinensis), авторъ „versus de transitu peregrinorum ad Sepulcrum Domini et captione Hierosolymitanae urbis“ (это стихотвореніе, по отзыву Лейзера — pulcherrimus) ²⁾. и Гвальфредъ, епископъ Сиенскій, воспѣвшій въ стихахъ „sacram Gothofredi Bullionis in orientem expeditionem carmine heroico“ ³⁾. Очень не богата и любовная поэзія: Ронка указываетъ только на такъ называемые дистихи изъ Ивреи и Altercatio Phillidis et Florigae ⁴⁾. Наконецъ, пятый и послѣдній отдѣлъ латинской поэзіи въ Италіи представляетъ поэзія дидактическая и ученая (d'indole scientifica), но и здѣсь тоже нельзя указать большого количества произведеній: Гвидо изъ Ареццо написалъ въ стихахъ свой знаменитый Micrologus de Musica; цѣлый рядъ стихотворныхъ афоризмовъ встрѣчается въ такъ называемой Schola Salernitana ⁵⁾; къ этому же направленію принадлежитъ Liber Faceti, относящійся къ концу XII и къ началу XIII вѣка ⁶⁾; наконецъ, сюда же относится и Генрихъ Сеттимелло съ его элегіей De diversitate fortunae et consolatione philosophiae.

II.

Генрихъ Сеттимелло—поэтъ безспорно не безъ дарованій; его рано стали изучать. Еще Ф. Виллани въ своемъ сочиненіи Liber de civitatis Florentinae civibus famosis даетъ краткую біографію нашего

¹⁾ Лейзеръ, Н. Р., стр. 349.

²⁾ Лейзеръ, Н. Р., стр. 381.

³⁾ Ibid., 382.

⁴⁾ Ронка, I, 255. Едва ли, впрочемъ, сюжетъ второй поэмы оригинальный итальянскій, а не заимствованъ изъ французской литературы. Ср. Langlois, L'origine et les sources du Roman de la Rose.

⁵⁾ Объ этомъ сочиненіи у Гмзбрехта, стр. 20.

⁶⁾ Ронка, I, 256. У Лейзера нѣтъ.

поэта. Тирабоски также отводитъ ему нѣсколько страницъ въ своей монументальной исторіи итальянской литературы. Вскользь упоминаетъ о Генрихѣ и Гаспарі. Гораздо болѣе отводитъ Генриху мѣста К. Франке въ своемъ сочиненіи о латинской школьной поэзіи, заглавіе котораго было приведено выше. Очеркъ К. Франке представляетъ лучшую характеристику поэта, почему мы и остановимся на немъ ¹⁾.

К. Франке разсматриваетъ дѣятельность Генриха Сеттимелло въ той главѣ своей книги, гдѣ говоритъ о вліяніи античной поэзіи на „школьных“ поэтовъ. Указавъ различныя частности, въ которыхъ сказалось это вліяніе, онъ дѣлаетъ краткій очеркъ міровоззрѣнія латинскихъ поэтовъ, разбирая главнымъ образомъ ихъ мысли о Богѣ, природѣ (*natura*), фатумѣ и фортунѣ. У этихъ поэтовъ Богъ представляется вполне человѣкомъ, и при томъ капризнымъ и своевольнымъ. Онъ даже не есть Единный Повелитель міра: рядомъ съ нимъ стоятъ равныя Ему—Смерть и Природа. Эту характеристику Божества даетъ въ своей *Poetria* (стр. 365 ff.) Geoffry Vinesauf ²⁾ (*Godefridus Vinesauf*). Природа есть образующій принципъ вещей, въ противоположность безформенной матеріи (*блн*); она всегда равна себѣ и неизмѣнна, она—водительница судебъ; однимъ словомъ, замѣчаетъ Куно Франке, она почти что Богъ. Вальтеръ Шатильонскій и описываетъ ее повелительницей міра въ одномъ мѣстѣ своей *Aлександриды*; однако удерживается и отецъ боговъ, такъ что два божества стоятъ рядомъ. Съ такимъ взглядомъ встрѣчаемся мы въ поэтикѣ Алана *de Insulis*, которая называется *Anticlaudianus Alani de Anti-Rufino*. Понятіе фатума (*fatum*) является нѣсколько сбивчивымъ; по объясненію К. Франке, фатумъ есть проявленіе природы въ человѣкѣ, иначе говоря: *natura* есть общая руководительница всего сущаго, а *fatum* касается только судьбы человѣка; подобно природѣ и фатумъ вѣченъ и неизмѣненъ. Фортуна (*fortuna*) отличается отъ фатума своимъ непостоянствомъ: она—лицетвореніе измѣнчивости; у нѣкоторыхъ поэтовъ (*Nigellus Wireker*) фортуна является богиней на ряду съ Богомъ, природой и фатумомъ. Полная путаница представленій встрѣчается

¹⁾ Перечень списковъ и изданій поэмы Г. С. приведенъ у *Ромка*, II, 61—64.

²⁾ Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ поэтовъ средневѣковья. Онъ жилъ въ XIII вѣкѣ: онъ упоминаетъ о соборѣ 1245 г. Его сочиненія: 1) *Poetria* 2114 v., 2) *Ad Guilhelmum Cancellarium*, 3) *De statu Curiae Romanae*, 4) *De querelis Ecclesiae*, 5) *Monodia in obitu regis*, 6) *Carmen ad Caesarem Henricum pro liberando rege*, 7) *De rebus ethicis*. См. *Лейзеръ*, II, P., стр. 855—986. Это писатель совершенно не изученный. Кое-что о немъ у К. Франке, стр. 5 и слѣд. 39 стр.

въ Мегакосмѣ и Микрокосмѣ Бернарда Шартрскаго ¹⁾, гдѣ міръ творится изъ хаоса по волѣ Ума (Νοῦς) и Природы; душу человѣка творить Urania, а тѣло—богиня Physis; высшимъ божествомъ является Tagaton (τ'ἀγαθόν); тронъ его помѣщается еще выше неба. Къ числу этихъ поэтовъ, которыхъ съ большимъ правомъ, чѣмъ Проспера, Аратора и др., можно назвать христіано-латинскими, относить К. Франке и Генриха Сеттимелло ²⁾. Сперва онъ даетъ краткую біографію Генриха, заимствуя свѣдѣнія о его жизни изъ его элегій и изъ Ф. Виллани. Въ изложеніи Франке Генрихъ является поэтомъ-философомъ, который стремится уяснить себѣ ходъ человѣческой жизни; онъ задается вопросомъ: что управляетъ жизнью людей? необходимость, или природа, или произволъ? Далѣе Франке даетъ изложеніе, а мѣстами и переводъ элегій; потомъ указываетъ на то смѣшеніе религиозныхъ представленій, о которомъ уже было говорено. Очеркъ Франке ³⁾—наилучшее, что написано о Сеттимелло: Франке правильно указываетъ въ элегій смѣшеніе христіанскихъ и языческихъ представленій, подчеркиваетъ ея философскій смыслъ и даетъ возможно полную біографію автора.

III.

Генрихъ былъ по происхожденію тосканецъ ⁴⁾ и родился въ мѣстечкѣ Settimello ⁵⁾, которое отстоитъ на семь миль отъ Флоренціи по дорогѣ въ Лукку. Родители его были крестьяне, но, по свидѣтельству Ф. Виллани, получили право флорентійскаго гражданства. Самъ Генрихъ говоритъ, что рожденъ въ бѣдномъ сельскомъ семействѣ:

Sim licet agresti tenuique propragine natus (II, 205),

и ему, сыну крестьянина, по словамъ Фортуны (III, 170), приличнѣе всего — обрабатывать землю. Кажется несомнѣннымъ, что родители Генриха были люди зажиточные и не совсѣмъ непросвѣщенные, иначе какъ бы поступилъ Генрихъ въ Болонскій университетъ, въ кото-

¹⁾ *Leiszer*, Н. Р., 1012 ff.

²⁾ *К. Франке*, I. с., 41.

³⁾ Біографія Генриха у *Leiszer*, II. Р. стр. 450 слѣд.—малосодержательна; сообщается только одно любопытное доказательство бѣдности Генриха, почерпнутое изъ сочиненія Михаэля Неандра „*Ethice vetus et sapiens*“, Lips., 1590, р. III, р. 259. Объ этомъ свидѣтельствѣ ничего не говоритъ Франке, хотя оно и подтверждается общимъ характеромъ элегій.

⁴⁾ *Leiszer*, Н. Р.: ex Etruria oriundus.

⁵⁾ Оно существуетъ и теперь. *К. Франке*, стр. 42, Anm.

ромъ, по его собственному признанію, онъ занимался семью свободными искусствами, изученіемъ поэзіи и особенно усердно философіей (III, 3 ff.) ¹⁾. Потомъ онъ принялъ духовный санъ и получилъ довольно богатый приходъ Saleznano во Флоренціи. Есть основаніе предполагать, что церковь, въ которой Генрихъ былъ настоятелемъ, называлась церковью св. Маріи, такъ какъ Генрихъ имѣлъ прозваніе *Samariensis* ²⁾. Обеспеченное положеніе давало ему возможность заниматься науками. Впрочемъ, нельзя назвать его положенія особенно блестящимъ; онъ самъ говоритъ, что и въ счастливое время ему иногда приходилось поститься:

Тощій во все время счастья,
(Теперь), когда смерть мнѣ слишкомъ угрожаетъ, я терплю еще
богѣ (I, 167—168) ³⁾.

Но вдругъ надъ нимъ стряслась бѣда, которая лишила его даже малаго довольства: флорентійскій епископъ Петръ ⁴⁾, корыстолюбивый и жадный, безъ всякаго справедливаго основанія отнялъ отъ Генриха его приходъ. Долго тянулось это дѣло; Генрихъ растратилъ все отцовское наслѣдство, отстаивая свои права, но насиліе взяло верхъ; бѣднякъ оставилъ свое мѣсто и едва не былъ принужденъ просить милостыню ⁵⁾. Друзья оставили его; молва о его несчастіи

¹⁾ Куно Франке предположилъ, что нашъ авторъ учился также и въ Парижскомъ университетѣ, но мы считаемъ это мнѣніе недостаточно обоснованнымъ, такъ какъ въ текстѣ поэмы на это не имѣется прямыхъ указаній. Въ рѣчи Философіи приведены слѣдующіе стихи, которые, повидимому, и ввели К. Франке въ заблужденіе:

Omnia verbosis memorant medicamina linguis
Quae si tentarem singula, tempus abit;
Et mihi secaneos ubi nostra palatia muros
Sic stat propositum mentis adire libet.

Изъ этого слѣдуетъ только то, что Философія (а не Генрихъ) удаляется къ „Секванскимъ стѣнамъ“, то-есть въ Парижъ, какъ центръ занятій, философіей средніе вѣка.

¹⁾ К. Франке, l. c., 48, Anm.

²⁾ Temporibus cunctis jejunos prosperitatis
Morte minante nimis asperiora gemo.

³⁾ Онъ занималъ епископскую кафедру въ 1189—1205. Франке, l. c., *ibid.*

⁴⁾ У К. Франке свидѣтельство Виллана въ данномъ мѣстѣ переведено такъ: *verliess der Arme endlich seine Pfarre und sah sich gezwungen betteln zu gehen.* Но самъ Генрихъ говоритъ, что у него и въ бѣдности былъ слуга Гуго; какая же тутъ милостыня?

быстро разнеслась по Флоренціи, и онъ, по собственному заявленію, сталъ притчей во языцѣхъ:

Gentibus opprobrium sum, crebraque fabula vulgi.

Генрихъ, если вѣрить его словамъ, чрезвычайно страдалъ и не могъ найти утѣшенія; днемъ еще было легче: говоръ толпы заставляя его забыть печаль ¹⁾:

Шумъ толпы днемъ все-таки есть мнѣ утѣшенье ²⁾ (I, 175).

Кромѣ того, днемъ его развлекало постоянное чтеніе книгъ. Ночью же онъ больше страдаетъ, не можетъ заснуть, и вся бѣда обрушивается на несчастнаго слугу его, Гуго. По бѣдности онъ даже не можетъ предаваться своему любимому занятію — поэзії; у него часто нѣтъ папируса, и онъ пишетъ на старой, почти протертой кожѣ ³⁾. Вотъ теперь-то, гонимый бѣдностью и несчастьемъ, написалъ онъ свое стихотвореніе, въ которомъ жестоко напалъ на слѣпую фортуна. „Эта книга, которая получила названіе *Henricuethus*, считалась очень удобной для введенія въ изученіе (*artes liberales?*) и еще теперь читается въ школахъ въ Италіи“. Таковы заключительныя слова біографіи Виллани ⁴⁾. Виллани, какъ извѣстно, жилъ во второй половинѣ XIV вѣка, но память о Генрихѣ сохранилась и у другихъ писателей: 1) *Risponsiva alla invettiva di Messer Antonio Lusco, fatta per Cino di Messer Francesco Rinuccini cittadino Fiorentino*. Здѣсь, защищая Флоренцію отъ нападеній ядовитаго гуманиста, Rinuccini указываетъ на великихъ людей этого города и между ними на *Agghetto da Settimello* ⁵⁾. 2) Въ посвященіи къ стихотвореніямъ Доменико-ди маэстро Андреа говорится, что эрудиты глумятся надъ стихотвореніемъ *De diversitate Fortunaе*, потому что гекзаметрамъ *Арригетто* далеко до *Виргиліевыхъ* ⁶⁾.

¹⁾ *К. Франке* переводитъ этотъ стихъ: *Am Tage freilich vermindert wenigstens Gespräche meine Qual*, и дѣлаетъ такое примѣчаніе (стр. 48): *eigentlich colloquium turbae, was dies bedeutet, da man sich den Dichter doch nicht im Kloster oder sonst mit Menschen in Gemeinschaft denken kan, weiss ich nicht*. При переводѣ: „шумъ толпы... нѣтъ неясности.

²⁾ *Colloquium turbae tamen est solatio luce.*

³⁾ *Лейзеръ*, 451 со ссылкой на *Mich. Neandri „Ethice vetus“*, р. III, 259.

⁴⁾ *К. Франке*, I. с., 43.

⁵⁾ *Веселовскій*, *Вилла Альберти*, стр. 210, и *Корелии*, Ранній италіанскій гуманизмъ, стр. 853 ff., 869 ff.

⁶⁾ *Вилла Альберти*, стр. 221.

Куно Франке ¹⁾ относитъ элегію Генриха ко второй половинѣ 1193 г., основываясь на различныхъ событіяхъ, упоминаемыхъ Генрихомъ въ элегіи (взятіе Іерусалима Саладиномъ, походъ Генриха VI въ Сицилію и плѣнъ Ричарда Львиное Сердце); такъ какъ эти событія приводятся въ качествѣ примѣровъ, заимствованныхъ изъ современной жизни, то указанная К. Франке дата элегіи представляется намъ вполне правдоподобной.

IV.

Общая схема элегіи Генриха „О превратности судьбы и утѣшеніи философией“ сводится къ слѣдующему: въ первыхъ двухъ книгахъ, описавъ свое горькое положеніе, поэтъ препирается съ фортуной, которая является на его зовъ, всячески стараясь доказать, что дѣйствія ея несправедливы, что она безумна, а онъ страдаетъ неповинно; въ третьей и четвертой книгахъ собесѣдницей поэта является философія; она укоряетъ поэта за малодушіе и развертываетъ передъ нимъ цѣлую систему наставленій, съ которыми поэтъ, постепенно примирившійся со своей судьбой, и соглашается. Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе элегіи Генриха, на основаніи которой мы и постараемся сдѣлать характеристику поэта.

V.

Посмотримъ прежде всего, каковы были научныя знанія Генриха. Прежде всего стоитъ вопросъ, зналъ ли онъ по-гречески; извѣстно, что знаніе греческаго языка приживалось въ Италіи не особенно быстро: Боккаччіо. благодаря которому утвердились въ Италіи и особенно въ Флоренціи занятія греческой литературой, самъ зналъ греческій языкъ очень несовершенно ²⁾. Не зналъ греческаго языка и Генрихъ; ему были извѣстны только нѣкоторыя слова, и онъ съ охотой вставлялъ ихъ въ свою элегію, пожалуй даже не вполне понимая ихъ смыслъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто:

Omnia conjurant in me tu Kyrieleison:
Succuras misero creator umas.

Кыриеісон могло быть извѣстно Генриху, какъ и всякому дру-

¹⁾ Франке, l. с., 43.

²⁾ Koerting, Boccaccio's Leben und Werke, стр. 378.

тому, изъ церковнаго обихода; но соединеніе *Kyrieleison* съ *tu* довольно необычно и не указываетъ на достаточное знаніе греческаго языка. Смыслъ второй строчки, должно думать, таковъ: *suscipias misero creator adjuve* *h̄mās*, то-есть, помоги намъ; но Генрихъ перепуталъ *h̄mās* и *h̄mās*, что сдѣлать, конечно, не трудно. Это служить новымъ подтвержденіемъ высказанной а ргіогі мысли о незнакомствѣ Генриха съ греческимъ языкомъ. Теперь посмотримъ, что зналъ Генрихъ въ области классической мѣнологіи. Прежде всего мы видимъ знаніе мѣна о Троянской войнѣ: въ порывѣ горя и озлобленія на слѣпую Фортуны поэтъ восклицаетъ:

Что удивительнаго, если Дава побѣждаетъ Ахиллъ?
И если Терсита Гекторъ сомнѣетъ лошады (I, 64)¹⁾.

Презрительный Терсита упоминается и въ другомъ мѣстѣ; поэтъ порицаетъ стремительность дѣйствій Фортуны, которая безостановочно вращаетъ колесо бѣдствій:

Куда влечешь ты меня, жестокая? Изъ Креза ты дѣлаешь Кодра,
Изъ Нестора—Терсита, дерзая на ужасное преступленіе (II, 34)²⁾.

Наконецъ, изъ троянскихъ героевъ упоминается и Парисъ: Философія обращается къ Генриху съ суровыми словами:

Что тебѣ до публичныхъ домовъ? Что тебѣ до блудницъ?
Вѣришь ты Парису? Ты глупъ и ты отецъ (IV, 151)³⁾.

Такимъ образомъ, Терсита, Давъ, Ахиллъ, Несторъ и Парисъ извѣстны Генриху. Умоляя „милаго родителя“ (*alme pater*) вернуть его несчастную душу на небо, поэтъ упоминаетъ и объ Эриніяхъ, которыя мучаютъ его; именно, мы встрѣчаемъ Алекто, Тизифону и Мегеру (II, 25). Кромѣ того, въ другихъ мѣстахъ своей элегіи Генрихъ упоминаетъ о дерзости Прометея, похитившаго молнію съ неба, другаго титана, стремившагося занять мѣсто Юпитера на ложѣ Юноны; о несчастіяхъ Титія, Тантала и Фаэтона, которые въ сравненіи съ нимъ просто *vigent prosperitate*; объ Эвриалѣ и Низѣ, о Ніобѣ, о Фениксѣ единственномъ и жестокой Медеѣ, Одиссеѣ, Пенелопѣ, Пиладѣ и Орестѣ, Инполитѣ и др. ⁴⁾. Заключая обзоръ свѣдѣній Ген-

¹⁾ Quid mirum Davum si vincat Achilles!
Et si Tersitum conerat Hector equo.

²⁾ Quo rapis, o fera, me? Croesum facis impia Codrum,
Nestora Tersitem turpius ausa nefas.

³⁾ Quid tibi cum ganea? quid cum meretricis alumno?
Credis tu Paridi? stultus es atque pater.

⁴⁾ I, 54; I, 93; II, 79; III, 128, 217; IV, 156—156.

риха Сеттимелло въ классической миеологіи, можно сказать, что они довольно обширны: нашему поэту извѣстны почти всѣ важнѣйшіе мифы, и пользуется онъ ими кстати: они на столько глубоко пропикли въ его сознаніе, что, говоря о той или другой чертѣ своей жизни или окружающей дѣйствительности, онъ сейчасъ же вспоминаетъ соотвѣтствующія явленія изъ классической миеологіи: говоря о своихъ несчастіяхъ, онъ вспоминаетъ Титія, Тантала и Фазтона; разказывая о своемъ жалкомъ положеніи, припоминаетъ Терсита и пр. Словомъ, въ области классической миеологіи Генрихъ вполне, какъ у себя дома.

Изъ историческихъ легендъ древности Генриху извѣстно преданіе о постоянномъ смѣхѣ Демокрита и постоянныхъ слезахъ Гераклита, вмѣсто котораго онъ ошибочно ставитъ Демосеена (IV, 85).

Что касается разказовъ Библии, которая Генриху, какъ лицу духовному, должна быть знакома не меньше классическихъ преданій, то ссылокъ на нее въ элегіи гораздо меньше, чѣмъ ссылокъ на эти послѣднія: упоминается грѣхъ прародительницы Евы, нарушившей постъ вкушеніемъ запретнаго плода (I, 92); говорится о бѣдствіяхъ Іова (I, 95); Искаріотъ и Понтій Пилать являются въ глазахъ Генриха представителями высшаго злодѣйства (II, 86); Самсонъ является обычной метафорой силы (IV, 126). Изъ средневѣковыхъ преданій Генрихъ упоминаетъ только о Тристанѣ и королѣ Артурѣ. Артуръ и его рыцари погибли въ битвѣ съ Мордредомъ; но въ народѣ сохранилось преданіе, что Артуръ не умеръ, и что наступитъ время, когда онъ вернется и возстановитъ круглый столъ. Аланъ de Insulis говоритъ, что въ его время побилы бы камнями всякаго, кто усомнился бы въ этомъ,—такъ велика была эта вѣра¹⁾. Генрихъ упоминаетъ объ этомъ преданіи въ отрицательномъ смыслѣ:

И раньше вернется Артуръ, тотъ старый британецъ,
Чѣмъ ложный другъ подастъ помощь въ несчастіи (I, 157)²⁾.

И въ другомъ мѣстѣ:

Кто хочетъ уничтожить природу, тотъ съѣтъ траву,
Плодь которой будетъ во времена Артура (III, 37)³⁾.

¹⁾ *Dunlop*, *History of Prose Fiction*, 1888 г., I, 228, и весьма интересное примѣчаніе, гдѣ говорится о подобныхъ легендахъ и у другихъ народовъ.

²⁾ Et prius Arthurus veniet vetus ille Britannus
Quam ferat adversis falsus amicus opem.

³⁾ Qui cupit auferre naturam semit herbam
Cujus in Arthuri tempore fructus erit.

Объщаніе исполнить желаніе тогда, „когда вернется Артуръ“, показываетъ, что желаніе не исполнится никогда: Генрихъ, какъ чело-вѣкъ образованный и поэтому немного скептической, не вѣрить тому, во что простодушно вѣрить народъ.

Таковъ запасъ знанія историческихъ преданій у Генриха. Мы видимъ, что больше всего у него ссылокъ на древность, а къ міру новому, средневѣковому, относится лишь незначительная часть, что и находится въ связи съ особенной устойчивостью античной традиціи въ Италіи. Но склонность Генриха къ классическому міру, вообще, даже стремленіе видѣть въ немъ свои идеалы ¹⁾, сказывается еще болѣе въ томъ, что, если онъ упоминаетъ кого нибудь изъ лицъ историческихъ, то, за исключеніемъ современниковъ Генриха, это все — герои древности. Въ самомъ дѣлѣ, каковы же познанія его въ древней исторіи или, говоря проще, кого изъ древнихъ онъ упоминаетъ въ своей элегіи? Упоминаются обычные герои, хорошо знакомые и среднимъ вѣкамъ: Крезъ, Киръ, Дарій, Помпей, Александръ Македонскій, Филиппъ, Крассъ, Цезарь, Писагоръ, Бозцій (Генрихъ называетъ его Севериномъ и говоритъ о его страданіяхъ въ Палиевой темницѣ), Сенека, безстрашно встрѣтившій смерть, Катонъ, Титъ. Цицеронъ, миролюбивый Пробъ и др. Конечно, и эти имена встрѣчаются въ риторическомъ соединеніи, но тѣмъ не менѣе они подтверждаютъ мысль о симпатіяхъ Генриха къ античному міру. Такова область научнаго образованія Генриха Сеттимелло.

VI.

Въ началѣ элегіи, говоря, что вѣсть о его потерѣ разнеслась всюду, Генрихъ восклицаетъ:

Еслибы за меня говорилъ Назонъ, или Муза Марона,
Или труба Лукана, едва ли пошла обо мнѣ хорошая слава.
(I, 16—17).

Такимъ образомъ, этихъ поэтовъ Генрихъ считаетъ наиболѣе замѣчательными, наиболѣе авторитетными. Это приводитъ насъ къ вопросу: кто былъ любимый поэтъ Генриха? Кому онъ подражалъ, откуда составлялъ свой центонъ? Извѣстно, какую роль играетъ цен-

¹⁾ *Ронка*, I, 394

²⁾ Si me commendat Naso; si musa Maronia,
Si tuba Lucani, vix bona fama foret.

тонъ въ средневѣковой латинской поэзіи ¹⁾; школа устани Эберарда Бетунскаго даетъ наставленіе заимствовать чужія выраженія и одѣвать въ чужую поэтическую одежду свои собственныя созданія:

Alterius dictum mihi sumo, sumit amictum
Taliter egregium saepe poeta meum ²⁾.

Чтобы помочь поэтамъ въ этомъ дѣлѣ, въ средніе вѣка составлялись *libri memoriales*, въ которыхъ находились извѣстныя мѣста изъ древнихъ авторовъ ³⁾. Постояннымъ заимствованіемъ изъ античныхъ источниковъ объясняется одна любопытная черта латинской средневѣковой поэзіи — отсутствіе ровности (*aequabilitas*) стиля и изящества: рядомъ съ изящной фразою изъ классика встрѣчается грубое и варварское выраженіе средневѣковца ⁴⁾. Ронка старательно продѣлалъ кропотливую работу отыскиванія центона для латинскихъ поэтовъ въ Италіи XI и XII вѣковъ ⁵⁾. Изъ древнихъ классиковъ поэтами XI и XII вѣковъ были извѣстны: Виргилій, Овидій, Гораций, Луканъ, Ливій, Саллюстій, Проперцій, Силій Италикъ, Катуллъ, Сенека, Стацій, Бозцій, Цезарь, Цицеронъ, Марціалъ и Лукрецій, — изъ нихъ и составляли поэты XI и XII вѣковъ свой центонъ. Болѣе всѣхъ читался, какъ и надо ожидать, Виргилій, изъ Энеиды котораго заимствовано безчисленное множество стиховъ; за Энеидой слѣдуютъ Георгіки ⁶⁾. Второй по популярности — Овидій, *Метаморфозы* котораго также явились глубокимъ колодеземъ для средневѣковыхъ черпальщиковъ: *Amores*, *Ars amandi*, *Ex Ponto*, *Tristia*, *Fasti*, *Heroides* — все это извѣстно нашимъ поэтамъ, отовсюду они заимствуютъ. Третье

¹⁾ Центоны появляются весьма рано; такъ еще въ IV вѣкѣ Проба Фальтонія, знатная римлянка, пишетъ свой *cento virgilianus*, гдѣ говорится о крестной смерти І. Христа, но такъ, что имя его не упоминается ни разу. Всѣ выраженія взяты изъ Виргилія (*Ebert*, G. d. ch. I. Litt.).

²⁾ *Laborintus*, II, 89—90; *Лейсэръ*, Н. Р., 795—854, и *К. Франке*, I. c., 10 ff

³⁾ Надо замѣтить, что въ этомъ случаѣ средневѣковцы продолжали дѣлать то, что дѣлали и латинскіе классики, начиная съ Виргилія: Виргилій подражалъ Энію и Лукрецію, и это замѣтилъ еще Авгъ Геллій; Овидій подражалъ Тибуллу, Проперцію, Катуллу, Энію, Лукрецію, Виргилію и др. Эту традицію продолжали поэты христіанскаго времени: Авзоній, Павлинъ Ноланскій и Клавдіанъ.

⁴⁾ *Ронка* I, 399—401.

⁵⁾ *Ронка* разбираетъ: Lorenzo Varneze; надписи собора въ Пизѣ; Вильгельма изъ Апуліи; *De bello Mediolanensium... liber Cumanus*; *Mag. Moyses, de laudibus Bergomae*; *Donizone, Rangerius, Pietro da Eboli*.

⁶⁾ Изъ другихъ сочиненій Виргилія читались *Эклоги*, *Culex*, *Ciris*.

мѣсто долженъ занять Горацій, и четвертое — Луканъ. Изъ вышеприведеннаго мѣста элегіи видно, что авторитетнѣйшими писателями Генрихъ считаетъ Назона, Марона и Лукана; не упомянуть только Горацій, а въ остальномъ Генрихъ вполне согласенъ со своими современниками. Болѣе всего онъ бралъ отъ Овидія, затѣмъ изъ Виргилія и Горація; несомнѣнно, что стиль и форма элегіи Генриха всего болѣе напоминаютъ *Tristia* Овидія ¹⁾, и что, вообще, Овидій былъ любимымъ авторомъ Генриха.

Tristia Овидія, распадающіяся на 5 книгъ, являются однимъ изъ лучшихъ его произведеній. Они написаны имъ во время его изгнанія; сходство положеній его и Генриха очевидно; оба, лишенные благосклонности Фортуны, забытые друзьями, нишутъ скорбными пѣснями, въ которыхъ оплакиваютъ свою судьбу. Въ этомъ тяжеломъ положеніи Генрихъ и написалъ свою элегію; но вспомнимъ, что Генрихъ былъ риторъ и, вѣроятно, любилъ исполнять правило школы, высказанное устами Эберарда Бетунскаго—все это заставляетъ насъ ожидать въ элегіи немалое сходство съ Овидіемъ и подражаніе ему.

Никому, конечно, не придетъ въ голову сравнивать по ихъ художественному значенію элегіи Овидія съ Генриховой элегіей; отъ первыхъ до второй какъ отъ неба до земли. Кромѣ того, совершенно очевидно, что Генрихъ долженъ былъ подражать и дѣйствительно подражалъ Овидію;—это не стоять и доказывать. Гораздо любопытнѣе отмѣтить самостоятельность Генриха, то-есть, доказать, что нашъ поэтъ не былъ слѣпымъ подражателемъ римскаго элегика, а смѣло выражалъ личныя свои настроенія и наклонности. Среди элегій Овидія есть нѣкоторыя, гдѣ описываются положенія и чувства, весьма сходныя съ Генриховыми; рассмотримъ же выдающіяся мѣста изъ этихъ элегій.

Мы знаемъ, что Генрихъ, пораженный судьбою, находилъ утѣшеніе въ чтеніи; онъ самъ говоритъ, что днемъ частое чтеніе уменьшаетъ его страданія; нѣчто подобное находится и въ первой элегіи 4-й книги Овидія, гдѣ поэтъ обращается съ похвалою къ своей музѣ за то, что она и въ несчастіи не покинула его:

Me quoque musa levat Ponti loca jussa tenentem;
Sola comes nostrae perstitit illa fugae;
Sola nec insidias nec iter, nec Thracia tela
Nec mare, nec ventos barbariemque timet ²⁾.

¹⁾ *Ронка*, I, 892.

²⁾ *Tristia* IV, 19—22 (по изд. *Merkell'*я 1862 г.).

И не много далѣе:

Nos quoque delectant, quamvis posuere libelli ¹⁾:

Можетъ быть, Генрихъ, сочиняя элегію, и вспомнилъ указанные стихи Овидія; пожалуй, даже онъ взялъ свой стихъ прямо изъ Овидія, но взялъ онъ осмотнительно, откинувъ ненужныя въ его положеніи слова: *quamvis posuere*; Овидій указываетъ, что причиной его изгнанія были „*carmen et error*“; ничего подобнаго не было съ Генрихомъ, поэтому онъ и взялъ только то, что ему было нужно. Въ шестой элегіи этой же книги Овидій оплакиваетъ свою жалкую судьбу и полагаетъ, что скоро наступитъ конецъ его страданіямъ:

*Credite deficio! nostroque a corpore quantum
Auguror, accedent tempora parva malis.
Nam necque sunt vires, nec qui color ante solebat:
Vix habeo tenuem quae tegat ossa cutem.
Corpore sed mens est aegro magis aegra, malique
In circumspectu stat sine fine sui.*

Подобное мѣсто есть въ первой книгѣ элегіи Генриха (I, 70), гдѣ говорится, что блѣдный цвѣтъ лица свидѣтельствуешь о его страданіяхъ. Овидій ожидаетъ приближенія смерти, основываясь на признакахъ разстроеннаго здоровья. Генрихъ, очевидно, не ждетъ смерти, а потому опять-таки заимствуетъ изъ Овидія только то, что подходитъ къ его положенію, оставляя безъ вниманія слова: *accedent tempora parva malis*. Можно бы умножить подобныя сравненія Генриха съ Овидіемъ, но и сказаннаго достаточно, чтобы заключить о самостоятельности Генриха, принимая во вниманіе, что почти всѣми свѣдѣніями о его жизни мы обязаны его же элегіи; поэтъ, который вставляетъ въ свою элегію свѣдѣнія о своей жизни, хотя и отрывочныя, и даетъ картины дѣйствительности, не могъ быть только подражателемъ. Несомнѣнно, Генрихъ—поэтъ самостоятельный, хотя общій колоритъ его элегіи напоминаетъ Овидія: Ронка правильно объясняетъ это сходство не одной подражательностью Генриха, но сходствомъ положеній обоихъ поэтовъ.

Самостоятельность Генриха еще видишь при сравненіи его элегіи съ другимъ подобнымъ ей сочиненіемъ—„*De consolatione Philosophiae*“ Боэція ²⁾). Можно съ увѣренностью предполагать, что са-

¹⁾ Ibid. v. 35.

²⁾ Есть два сочиненія, посвященныя сравненію Боэціева трактата и элегіи Генриха: Миланези—Boezio ed Arrighetto, и Джіованни—Boezio filosofo ed i suoi imitatori. Но оба сочиненія мнѣ остались неизвѣстны. Я узналъ о нихъ случайно изъ книгъ Ронка и Тейфеля.

мая идея произведенія Генриха заимствована изъ Боэція; однако, справедлива мысль Ронка, что сходство скорѣе внѣшнее, и что наставленія Боэціевой философіи далеко не тѣ, которыя преподааетъ Генриху его Философія: ниже будетъ видно, что философскіе взгляды Генриха не всегда отличаются возвышенностью, тогда какъ сочиненіе Боэція проникнуто возвышеннымъ идеализмомъ. Сочиненіе Боэція состоитъ изъ пяти книгъ; элегія Генриха—изъ четырехъ. Уже съ самаго начала элегіи Генриха проявляется его оригинальность и свобода по отношенію къ Боэцію; сперва идутъ жалобы поэта на свое горе, потомъ, услышавъ ихъ, появляется Фортуна, которая есть собственное созданіе Генриха; у Боэція ея нѣтъ. Послѣ того, какъ Боэцій въ изящной и проникнутой неподдѣльнымъ чувствомъ элегіи оплакалъ свою печальную судьбу, въ которой только музы утѣшаютъ несчастнаго, въ темницу къ нему спускается „пѣлка жена, видъ которой весьма величественъ“¹⁾; это—сама Философія; въ правой рукѣ у нея книги, а въ лѣвой скипетръ. На вопросъ Боэція, зачѣмъ она пришла, она отвѣчаетъ, что пришла раздѣлить съ нимъ его страданія. Она проситъ философа разказать ей о своихъ страданіяхъ и открыться ей во всемъ. Боэцій разказываетъ о своемъ несчастіи и его причинахъ и кончаетъ жалобной пѣсней о томъ, что Богъ допускаетъ невинныхъ страдать подъ игомъ злодѣевъ. Чтобы излечить душу Боэція отъ тяжелой болѣзни, Философія хочетъ узнать состояніе его души и предлагаетъ ему вопросъ: „не думаешь ли ты, что міръ есть твореніе случая и нечаянности? или его правителемъ признаешь нѣкоторое разумное существо?“²⁾ Боэцій признаетъ, что міръ управляется Богомъ, но Промыселъ Божій не простирается на человѣка: „все въ мірѣ Богъ устроилъ сообразно со своею благостью, и только дѣла людей оставлены безъ мзды“³⁾; философъ проситъ Бога излить на земной шаръ твердую истину и счастье⁴⁾:

Rapidos rector conprime fluctus
Et quo coelum regis immensum
Firma stabiles foodere terras.

Затѣмъ Философія показываетъ Боэцію, что онъ не знаетъ самого

¹⁾ Описаніе ея одежды и фигуры у *Boetius*, стр. 124, по изд. 1843 г., и у *Эберта*, I, 466.

²⁾ *Boethius*, De C. Ph. (instruxit Theodorus Obraius, Jenae, 1843 г.) lib. I, 6, p. 16.

³⁾ Боэцій въ пер. монаха Теофилакта, С.-Пб., 1794, стр. 91.

⁴⁾ *Boethius*, lib. I, стихъ V, v. 46—48.

себя, и, кромѣ того, ему вполне неизвѣстна цѣль вещей; но спасеніе Боэція отъ его болѣзни заключается въ томъ, что онъ еще признаетъ Промыселъ Божій хотя бы по отношенію только къ вѣдѣнному міру ¹⁾. На этомъ кончается первая книга. Пока ясно видно только одно различіе Генриха и Боэція: у послѣдняго вовсе нѣтъ Фортуны, а у перваго споръ поэта съ этой богиней занимаетъ половину элегіи. Но оба писателя сходятся въ печальной мысли, что несправедливость царитъ надъ міромъ. Еще сильнѣе видна самостоятельность Генриха при разсмотрѣніи второй книги Боэція. Въ началѣ второй книги Философія, говоря во имя Фортуны, указываетъ, что переворотъ, происшедшій въ судьбѣ Боэція, вполне справедливъ, и что Фортуна всегда дѣйствуетъ справедливо. Затѣмъ Философія говоритъ то же, что Фортуна у Генриха: подобно всему существующему, Фортуна исполняетъ свои законы, хотя она и непостоянна (II, 97). Указавъ, что все въ мірѣ идетъ по опредѣленнымъ законамъ, Фортуна (или въ лицѣ ея Философія) спрашиваетъ: „an ego sola meum jus exerceo prohibebo?“ Генрихъ, какъ мы видѣли, не понимаетъ смысла дѣйствій Фортуны, которая постоянно мѣняетъ свое направленіе, и объясненіе, даваемое Фортуной ²⁾, конечно, не можетъ считаться удовлетворительнымъ: Философія Боэція указываетъ истинный смыслъ дѣйствій Фортуны въ томъ, что, лишивъ людей тѣннаго, она приводитъ ихъ къ истинному благу ³⁾. Остальная часть второй книги занята доказательствомъ ничтожества земныхъ благъ; это есть и у Генриха. Вообще вторая книга Боэціева трактата гораздо ближе къ элегіи Генриха, чѣмъ первая; нѣкоторыя мѣста элегіи несомнѣнно навѣяны Боэціемъ: такъ у обоихъ поэтовъ Фортуна одинаково защищается отъ обвиненія въ непостоянствѣ; Генрихъ считаетъ себя несчастливъ, потому что у того были жена и дѣти, а онъ одинокъ; а у Боэція Философія говоритъ, что онъ не можетъ считаться совсѣмъ несчастнымъ, такъ какъ у него остались тестъ, жена и сыновья. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствительныя обстоятельства совпали съ желаніемъ замѣтновать отъ Боэція лишній риторическій оборотъ. Но говорить о полномъ сходствѣ элегіи Генриха со второю книгой Боэція невозможно: перебранка Генриха съ Фортуной и ходъ мыслей

¹⁾ *Boethius*, lib. I, стих. V, p. 17.

²⁾ *Elegia*, II, 226: *Omne, quod est crebrum nimio sordescit in usu*
Omne, quod est rarum, carius esse solet.

³⁾ *Boethius*, lib. II, 8, p. 39.

этихъ діалоговъ вполне оригинальны; слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о полномъ подражаніи. Въ третьей книгѣ развивается мысль о тщетѣ земнаго счастья, и поднимается вопросъ о высшемъ благѣ; высшее благо заключается въ познаніи Бога и соединеніи съ Нимъ. Ничего подобнаго у Генриха нѣтъ: онъ не задается вопросомъ о высшемъ благѣ, и вообще Богъ не играетъ у него такой видной роли, какая отводится ему Боэціемъ, хотя, какъ будетъ видно ниже, нельзя сомнѣваться въ полномъ христіанствѣ Генриха. Въ началѣ четвертой книги поясняется различіе между добрыми и злыми. добрые блаженны уже потому, что добры, и въ сравненіи съ этимъ блаженствомъ видимое счастье злыхъ не стоитъ ничего; злые приближаются къ звѣрямъ, а добрые всегда могутъ стремиться къ небесной обители. Этого нѣтъ у Генриха, равно какъ нѣтъ и трудныхъ вопросовъ о Провидѣніи и свободѣ воли, трактуемыхъ Боэціемъ въ V книгѣ.

Изъ этого бѣглого обзора сочиненія Боэція по отношенію къ сочиненію Генриха можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) элегія Генриха чужда того возвышеннаго идеализма, который проникаетъ три послѣднія книги Боэція; правда, что Генрихъ, подобно Боэцію, находитъ окончательное разрѣшеніе страданій и недоумѣній въ покорности волѣ Божіей, но рядомъ съ этой прекрасной мыслью встрѣчаются въ рѣчи философіи совѣты вульгарнаго и даже низменнаго характера; Генрихъ стоитъ на прозаической почвѣ дѣйствительности, а Боэцій ею почти не интересуется. 2) Въ связи съ этимъ философія Боэція учитъ его и открываетъ ему всю глубину премудрости, а Генриху она даетъ совѣты, какъ дѣйствовать. 3) Ходъ мысли въ обоихъ произведеніяхъ вполне различный. 4) Фортуна и споры съ нею суть оригинальныя (по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Боэцію) созданія Генриха. 5) Въ свою элегію Генрихъ вноситъ черты своей собственной жизни и современной дѣйствительности. Итакъ, Генрихъ зналъ трактатъ Боэція и во многихъ мѣстахъ подражалъ ему, но въ общемъ оставался независимъ и сумѣлъ придать своей элегіи индивидуальную окраску.

VII.

Сравнивая элегію Генриха съ произведеніями Овидія и Боэція, мы сдѣлали выводъ, очень важный въ культурно-историческомъ отношеніи: именно, замѣтили индивидуализмъ Генриха, который въ XII

вѣкъ, задолго до Петрарки, могъ написать о себѣ одномъ цѣлую элегію въ 1.000 стиховъ, гдѣ сообщилъ достаточно автобиографическихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ мы открываемъ вторую черту, роднящую Генриха съ гуманистами: онъ относился къ своимъ образцамъ свободно и смѣло вставлялъ въ элегію картинки, полныя реализма и иногда бросающія лучи свѣта на культурную исторію того времени. Генрихъ не запирался въ свою келью, не предавался въ тишинѣ размышленіямъ о суетѣ мірской и спасеніи души, не писалъ благочестивыхъ трактатовъ и религиозныхъ поэмъ на тему о твореніи міра, о Монтекассинскомъ монастырѣ; напротивъ, онъ близокъ къ мірскимъ интересамъ, обсуждаетъ ихъ и иногда произноситъ надъ ними свой приговоръ. Выше уже говорилось о присутствіи въ латинской поэзіи Италія XI—XII вѣковъ струи политико-религиозной и вообще политической. Тогда всѣ умы занимала борьба папъ и императоровъ; у тѣхъ и у другихъ были свои приверженцы и враги, и Генрихъ Сеттимелло не могъ оставаться равнодушнымъ къ борьбѣ двухъ могучихъ силъ и ея послѣдствіямъ. Въ концѣ III книги Философія произноситъ рѣшительную инвективу противъ Рима и папской куріи.

Сама голова міра, продажная курія папъ,
Буду служить, а голова ослабляетъ всѣ члены (III, 199) ¹⁾.

Духовенство Философія обвиняетъ въ продажности: святыня продается на рынкѣ, на позорныхъ условіяхъ; продаются священное муромазаніе, духовныя должности, святыни алтаря и, наконецъ, ipse deus:

Смотри: святыня [мерзость на стыдъ вѣку]
Продается на площадяхъ, на позорныхъ условіяхъ;
Святое помазаніе, священныя чины, святыни алтаря,
Дары священныя. Что больше этого? Продается Самъ Богъ (III, 199) ²⁾.

И далѣе Генрихъ съ ироніей добавляетъ:

О, святая торговля, которая пятнаетъ святыя храмы ³⁾!
О, святыня, дѣлающая изъ небеснаго храма—форумъ (III, 205).

-
- ¹⁾ Ipsa caput mundi, venalis curia Papae,
Prostat et infirmat caetera membra caput.
- ²⁾ Sacrum cerne nefas utrumque pudentius aevo
Venditur in turpi conditione foro,
Crisma sacrum, sacer ordo, altaria sacra, sacrata
Dona; quid haec ultra? Venditur ipse deus.
- ³⁾ O sacra, quae sacras maculant commercia sedes,
O sacra, quae faciunt coelica templa forum.

Но считать Генриха за эти стихи приверженцемъ императорской партіи, какъ это дѣлаетъ Ронка ¹⁾, не позволяетъ слѣдующее мѣсто той же третьей книги:

Отсюда духовный мечъ тѣснить тѣлесный,
И наоборотъ, духовный тѣснимъ тѣлеснымъ (III, 245) ²⁾.

Такимъ образомъ, Генрихъ открыто признаетъ неустройство обоихъ „мечей“ и то, что они узурпируютъ права другъ друга; но можно указать, что Генрихъ не только безпристрастно оцѣниваетъ взаимоотношенія обоихъ „мечей“, но и возвышается до указанія причины неустройства. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого весьма важнаго факта, нужно перечислить еще другіе пороки, которые порицаетъ Философія въ своей длинной инвективѣ: школы ³⁾ на погибель свою начинаютъ подражать толпѣ и, преступая законъ, навлекаютъ на себя обычный плодъ этого—рабскую печаль; женщины и дѣвушки одинаково продажны; продается на всемогущія деньги мысль, и богатство побѣждаетъ праведный судъ; подкупленный судья отклоняется отъ истины, и сокровище свитыни—свитое право—дѣлается ложнымъ; Пиладь строить козни Оресту; жена жестоко смѣется надъ мужемъ; ученый клирикъ, грубый воинъ и легковѣрная чернь одинаково презираютъ право, скромность и питаютъ злодѣйство. Зло поселилось среди людей и царствуетъ надъ ними:

Въ изгнанье удаляется добродѣтель, и порокъ торжествуетъ,
Онъ царствуетъ, и среди народовъ имѣетъ свой тронъ (III, 238) ⁴⁾.

Люди ослѣплены и забыли Бога; и вновь Онъ распинается по всей землѣ и жестоко бичуется всѣми:

Не знаю, какимъ слѣпымъ макомъ усыпленный спитъ
Умъ (человѣчскій) и несправедливо забываетъ своего Творца.
Вотъ снова на всемъ земномъ шарѣ распинается
И снова терпѣть бичеваніе Богъ.

¹⁾ Ронка, I, 247.

²⁾ Inde premit gladius carnalis spirituales
Et via conversa spiritualis eum,

³⁾ Въ подлинникѣ (III, 209): *circumvaga turba scholarum*. На что намекаетъ слово: *circumvaga*? на тотъ фактъ, что учителя нерѣдко мѣняли свое мѣстопробываніе, отчего происходили *migratio discipulorum*, и школы дѣйствительно могли называться *circumvagae*. (См. *Гизебрехтъ*, *De Studiis*, p. 17).

⁴⁾ Migrat in exilium virtus vitiumque triumphat,
Regnat et in populis grande Tribunal habet.

Вновь поднимается рука Веспасіана и въ волненіе приводитъ
 Весь океанъ, который начинаетъ творить зло.
 Творца своего, по наущенью тирана-грѣха, творенье,
 Творенье жалкое въ дѣлахъ своихъ начинаетъ презирать,
 Отсюда голодь и тяжкіе раздоры государствъ,
 Отсюда мы—добыча и пища для хананеевъ,
 Отсюда духовный мечъ тѣснить тѣлесный,
 И наоборотъ, духовный тѣснимъ тѣлеснымъ.
 Поэтому-то и предательница Атропосъ внезапно захватываетъ насъ
 И не позволяетъ несчастному страдать и раскаяться.
 Итакъ ты отлично видишь, что правильной связью въ одно
 Связаны эти два слова печистый и міръ (III, 234) ¹⁾.

Главною причиною всѣхъ неурядицъ и паденія нравовъ является забвеніе Бога людьми. Мы видимъ, что Генрихъ, вдумываясь въ современныя событія, старался поставить ихъ въ связь, найдти имъ причину,—словомъ относился къ нимъ критически. Этимъ онъ отличается отъ слѣпыхъ приверженцевъ императоровъ или папъ: обѣ партіи взаимно видѣли корень зла другъ въ другѣ, а Генрихъ одинаково возвышается надъ тѣми и другими и указываетъ общую причину бѣды — паденіе добрыхъ нравовъ у всѣхъ современниковъ. Другія, не столь важныя событія также занимаютъ Генриха; онъ обдумываетъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ выводы, большею частью, нравоучительные. Прежде всего Генрихъ упоминаетъ о неудачномъ походѣ Генриха VI въ Апулію противъ Танкреда, узурпатора Сициліи; по-

¹⁾ Nescio quo coeco linita papavere dormit
 Mensque creatorem nescit iniqua suum.
 Et iterum toto lingua crucifigitur orbe
 Et iterum patitur dira flagella deus.
 Vespasiana manus iterum consurgit et omne
 Diruit oceanum, qui scelerata patrat.
 Factorem factura suum stimulante tyranno
 Delicti factis despicit orba suis.
 Inde fames venit, inde gravis discordia regnis
 Inde Cananaeis praeda cibusque sumus

 Hinc subitos Atropos proelatrix occupat artus
 Nec sinit, ut doleat poeniteatque miser.
 Jure vides igitur, quod recta legatio nectit
 Immundus mundus haec duo verba simul.

Эта инвектива Философіи—лучшее мѣсто въ элегіи; Генрихъ является истиннымъ поэтомъ и возвышается до наэоса.

ходъ окончился поражениемъ Генриха. И вотъ Фортуна, указывая на свою силу и могущество, говорить:

Развѣ сильныхъ міра и меньшихъ міра сего
 Не заставляю я сгибать шею подь мое иго?
 Недавно нѣмецъ, высадившись на Сицилійскій берегъ,
 Въ битвѣ потерялъ свою Ферикю.
 Потерялъ онъ всадниковъ, вождей, пѣхоту и быковъ,
 Потерялъ, и самъ едва убрался цѣлымъ (II, 59) ¹⁾.

Въ этой же рѣчи Фортуны указывается и на другое современное событіе: на взятіе Іерусалима и всей Палестины Саладиномъ въ 1187 г. Въ стихахъ, говорящихъ объ этомъ событіи, горестномъ — для средневѣковыхъ христіанъ, мы находимъ одну важную черту, снимающую съ Генриха обвиненіе въ паганизмъ, высказанное Ронкой ²⁾. Эти стихи читаются такъ:

И Саладинъ, слишкомъ (усердно) знамя спасенія
 Завоеывая, почувствуетъ меня своимъ врагомъ (II, 65) ³⁾.

Іерусалимъ названъ „знаменемъ спасенія“; и Фортуна скоро сама станетъ врагомъ счастливаго Саладина. Наконецъ, говоря о перемѣнчивости счастья, философія указываетъ на заключеніе Ричарда Львиного Сердца и смерть Конрада, маркиза Монферратскаго:

Ничто не можетъ быть безопаснѣе бѣдности.
 Это единственный левъ, сила вѣры, единственная стѣна,
 И будетъ врагъ одинъ только страхъ врагу.
 Суровый вождь Конрадъ и причина нашего счастья,
 Почему онъ погябъ, хотя и былъ великъ?
 Тотъ, который только что покорялъ сильныхъ царей и замки,
 Которому родъ и богатство давали великую силу,
 Теперь самъ, англичанинъ, въ жалкомъ рубищѣ бѣдности,
 Взятый въ плѣнъ, въ темницѣ искупаетъ свои дѣянья (III, 164) ⁴⁾.

¹⁾ Nonne potestates mundi, mundique minores
 Imperio cogo subdere colla meo?
 Nuper alemanus siculam delatus in oram
 Ludendo Fericam perdidit ipse suam.
 Perdidit hic equites, rochos, peditesque, bovesque
 Perdidit et calphos. Vix bene tutus abit.

²⁾ Ронка, I, 394.

³⁾ Meque Saladinus nimium vexilla salutis
 Expugnans, hostem sentiet esse suam.

⁴⁾ Paupertate nihil tutius esse potest
 Unicus ille leo, fidei vigor, unicus imo
 Murus et hostis erat unicus ille timor.

Конрадъ, маркизь Монферратскій, ревностный борець за христіанскую вѣру, названъ „*causa nostrae salutis*“: значить, по предствленію Генриха, счастье людей связано съ обладаніемъ гробомъ Господнимъ.

Изъ чертъ современности встрѣчаемъ указаніе на жестокость Генриха VI, получившаго, какъ извѣстно, прозваніе Суроваго; въ элегіи сказано:

Скажи мнѣ, какіе нравы, какая жизнь, какой порядокъ
Далъ Нерону города, и силы городовъ, и имперію (II, 155) ¹⁾.

Это мѣсто можно поставить въ связь съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Генриха, что корень всѣхъ бѣдъ лежитъ въ томъ, что люди забыли Бога. За это они наказаны Богомъ и, между прочимъ, тѣмъ, что имъ править Неронъ—Генрихъ VI.

Итакъ, Генрихъ Сеттимелло близокъ къ современной жизни; онъ интересуется дѣйствительностью. А этотъ интересъ къ окружающей дѣйствительности считается характернымъ признакомъ гуманизма ²⁾; такимъ образомъ Генриха можно поставить въ этомъ отношеніи въ несомнѣнное родство съ гуманистами. Конечно, можетъ быть, и другіе поэты среднихъ вѣковъ говорятъ о современныхъ бѣдствіяхъ; но Генрихъ обдумываетъ событія, старается найти ихъ причину. Правда, причина, указанная имъ, имѣетъ вполнѣ религіозный характеръ

*Dux ferus et nostrae Conradus causa salutis
Cur quia magnus erat prodicione perit?
Qui modo regnantes et fortes fregerat arces
Cui genus et census robora multa dabant.
Nuper idem misero sub paupertatis amictu
Captus et inclusus Anglicus acta luit.*

¹⁾ *Dic mihi: qui mores, quae vita, quis ordo Neroni
Urbis et urbis opes imperiumque dedit.*

²⁾ „Гуманисты были первые ученые, которые стали интересоваться реальной жизнью“: *Н. И. Кармелъ*, *Исторія Западной Европы въ новое время*, I, 438.

Любопытно сравненіе Генриха, поэта, приближающагося къ гуманистамъ, съ Гильдебертомъ, епископомъ турскимъ, однимъ изъ наиболее плодovitыхъ поэтовъ среднихъ вѣковъ. Напримѣръ, въ своей поэмѣ *De creatioe mundi* авторъ просто-на-просто перекладываетъ въ стихи слова Библіи и даетъ ихъ объясненія съ аллегорической точки зрѣнія; эта поэма—вполнѣ въ средневѣковомъ духѣ; здѣсь даже и слѣдовъ нѣтъ тѣхъ индивидуалистическихъ чертъ, которыя мы видѣли у Генриха. Любопытно, однако, что тотъ же Гильдебертъ написалъ *Vergius de exilio Troiae*. О Гильдебертѣ еще нѣтъ отдѣльнаго изслѣдованія (см. *Лейзеръ*, 385—410).

(забвеніе Бога), но для насъ не важно, какую окраску принимаетъ эта сторона индивидуализма, такъ какъ и у Петрарки найдется не мало чертъ, общихъ съ средневѣковыми аскетами, но его, тѣмъ не менѣе, ученые почти единогласно считаютъ первымъ гуманистомъ.

VIII.

Чтобы вполне уяснить себѣ мировоззрѣніе Генриха, не надо забывать, при какихъ условіяхъ написана его элегія: лишенный средствъ къ жизни, изгнанный изъ своего прихода, онъ необходимо долженъ былъ пережить тяжелую пору скептицизма и отчаянія и только постепенно примириться съ судьбой, найти успокоеніе. Поэтому и въ мировоззрѣніи Генриха находимъ двѣ стороны—отрицательную и положительную, скептицизмъ и вѣру. Кто будетъ характеризовать Генриха только съ отрицательной стороны, тотъ непременно впадетъ въ ошибку; это случилось и съ Ронка ¹⁾). Ронка, между прочимъ, говоритъ, что въ элегіи Генриха: *arpeno un cenno ha di Dio nella cui bontà bisogna confidare*. Такимъ образомъ, Ронка не признаетъ въ міросозерцаніи Генриха религиозной стороны; но этого, какъ сейчасъ увидимъ, сдѣлать совершенно невозможно. Ронка забываетъ, что Генрихъ — риторъ, и что цѣлый рядъ мѣстъ его элегіи можно понимать только риторически. Но въ наставленіяхъ Философіи указаны идеалы Генриха:

Полезно теперь прибавить четвертую книгу.

До сихъ поръ мы видѣли, откуда происходитъ печаль и откуда

Облегченіе печали, потому что познано вѣроломство зла.

Нужно теперь, чтобы облегчающая медицина обуздала болѣзнь

И чтобы врагъ удалил врага (IV, 7) ²⁾.

Элегія Генриха имѣетъ двойное заглавіе: *De diversitate Fortunae et Philosophiae consolatione*; въ утѣшеніи-то и выражены идеалы Генриха. Человѣкъ; пораженный горемъ, особенно если это случится послѣ долгаго періода счастья, въ первую минуту можетъ подумать,

¹⁾ Ронка, I, 392—396.

²⁾ Utiliter quartum debes hic discere librum
Nactenus unde dolor et quae fomenta doloris
Vidimus inventa perfiditate mali;
Nunc opus est morbum lenis ut medicina refragnet
Atque hostem faciat hostis abesse suam.

что лучше бы вовсе не знать счастья: счастливъ тотъ, кто счастьемъ никогда не наслаждался!

О счастливъ тотъ, кто никогда не зналъ благополучія,

Потому что отъ одного только благополучія приходитъ горе (I, 29) ¹⁾.

Но это только мимолетная мысль, и Генрихъ отлично понимаетъ, что жить безъ счастья или невозможно, или очень тяжело: онъ требуетъ и себѣ счастья и склоняется къ такъ называемой *aurea mediocritas*, счастливой золотой серединѣ Горация:

Несчастный не знаетъ зависти другихъ, но все же

Несчастнѣйшій есть тотъ, кто совсѣмъ лишень благополучія (I, 124) ²⁾.

Подъ вліяніемъ своего тяжелого положенія и печальнаго состоянія современнаго общества Генрихъ впалъ въ пессимизмъ, который (къ чести нашего поэта) разрѣшается, однако, въ религіозномъ успокоеніи. Генрихъ разочаровался въ родъ человѣческомъ, когда всѣ, даже друзья, покинули его въ несчастіи:

Меня господа, товарищи, знакомые и, что хуже всего, друзья,

О злодѣйство! покинули одного среди моря.

Пока вѣялъ зефиръ, много было друзей у меня,

Теперь же поднялась буря, и Аквилонъ всѣхъ обратилъ въ бѣгство,

Какъ поюцій соловей прекращаетъ пѣніе и зелень

Покидаетъ, и рощу, и лѣса, лишь только холодъ его коснется,

Такъ, избѣгая несчастій зимы и ужасныхъ тучъ,

Всякій другъ далеко (находится) во время несчастій (I, 125) ³⁾.

Родъ человѣческой сравнивается съ кровожадными птицами и животными, подобно прожорливому коршуну, черному ворону и вѣщей воронѣ, онъ думаетъ только, какъ быть сытымъ:

Прожорливый коршунъ, черный воронъ и вѣщяя ворона

Всегда готовы набивать свое брюхо (I, 137) ⁴⁾.

-
- ¹⁾ O felix, qui non est usus prosperitate
Nam venit ex sola prosperitate dolor.
- ²⁾ Nam caret invidia miser, immo miserimus ille
Qui nimis omnimoda (sic!) prosperitate caret.
- ³⁾ Me domini, socii, noti, quod magis est, et amici
Proh, scelus! in medio deseruere mari.
Dum Zephyrus flabat, multis sociabar amicis;
Nunc omnes aquilo turbine flante fugat,
Ut philomela canens frondes sonitumque canorum
Et nemus, et silvas frigore tacta fugit,
Sic hyemis casus horrendaque nubila vitans
Omnis iu adversis rebus amicus abest.
- ⁴⁾ Vultur edax, corvuaque niger, presagaqua cornix
Ventricis ad ingluviem semper adesse parant.

Людымъ нужна добыча, и пѣтъ имъ дѣла до братьевъ ихъ:

Пчела ищетъ меду, мухи и волки труповъ. Такъ теперь
За добычей, не за людьми, истовится (слѣдовать эта толпа (I, 139)¹).

Пессимизмъ Генриха простирается на весь міръ, по крайней мѣрѣ, на элементы міровой жизни, которыми, по традиціи, являются земля, воздухъ, огонь и вода:

*Est mihi terra nocens, ignis gravis, unda nociva,
Aer tristitia perfidior nocet (I, 79).*

Обычная жалоба пессимистовъ! Вотъ въ такомъ-то тяжеломъ состояніи Генрихъ и дошелъ до пессимизма и отчаянія, которые сильно подчеркиваетъ Ронка въ своей характеристикѣ. Что управляетъ міромъ: благое Провидѣніе или слѣпой случай? Отвѣтъ на это находимъ въ разговорахъ Генриха съ Фортунной, которая сама является на зовъ и жалобы поэта. Наружность ея не привлекательна: она слѣпа; передняя часть ея головы покрыта волосами, а задняя обрита—символь переувѣчивости Фортуны, которая можетъ быть и матерью и мачехой:

Novercam

Sentio fortunam quae modo mater erat (I, 41).

Генрихъ не пожалѣлъ бранныхъ эпитетовъ, чтобы рельефнѣе обрисовать Фортуну; надѣляя ее некрасивой внѣшностью, онъ называетъ ее вѣроломной, блудницей, мачехой, суровой Медеей, дикой гидрой; внутренности ея, будто бы, движеть самъ дьяволъ (II, 90). Фортуна старается оправдаться, но ея оправданія неудачны, и изъ нихъ, также какъ изъ поступковъ Фортуны, вытекаетъ одно: міромъ управляетъ слѣпой случай. Фортуна преслѣдуетъ невиннаго Генриха. Онъ сильно удивляется этому:

Развѣ я—Искаріотъ? Развѣ я Понтій? Откуда
Я заслужилъ терпѣть столь тяжкіе удары (II, 35)² ?.

Итакъ, Фортуна несправедлива; она такъ непостоянна, что ее можно сравнить съ бѣшеной. Фортуна сама признаетъ непостоянство своихъ уставовъ; она говоритъ Генриху:

Зачѣмъ ты озлобленно пѣсней порочишь мои непостоянные уставы?
Будутъ и такіе, которымъ въ удѣлъ назначено большее несчастье.

-
- ¹) *Leccatrix mel, musca lupusque cadavera sic nunc
Praedam, non homines, gens parat ista sequi.*
- ²) *Numquid ego Scarioth? Numquid sum Pontius? unde
Tam graviter merui tanta flagella pati.*

Развѣ царства міра я не держу въ своей горсти?
 Развѣ всѣ страны не дрожатъ предъ моею властью?
 Грекъ и еврей, варваръ и латинянинъ
 Меня боятся, умоляютъ, почитаютъ и любятъ.
 Развѣ сильныхъ міра и меньшихъ міра сего
 Не заставляю я сгибать шею подъ мое иго (II, 53)? ¹⁾.

Но Фортуна говоритъ въ свое оправданіе, что она исполняетъ опредѣленные законы, и поэтому дѣйствія ея справедливы:

Я исполняю опредѣленные законы; если законы, значить,
 Справедливые; если справедливые, значить, по праву. Итакъ, дѣло
 идетъ хорошо.

Развѣ не всякій такъ слѣдуетъ своимъ законамъ?
 Всякій человекъ пользуется тѣмъ, что далъ ему жребій:
 Воинъ—конями; рыбакъ—водами; клирникъ—гимнами;
 Морякъ—морями; кулачные бойцы—дракой; поэтъ—стихами;
 Грубый мужикъ пашетъ; жадный купецъ считаетъ деньги;
 Дѣва собираетъ цвѣты; влюбленный глупецъ любитъ;
 Значить, и я, богиня, сильнѣе которой нѣтъ ничего на земномъ шарѣ,
 Всюду опоясанномъ (воднымъ) пространствомъ океана,
 Не могу развѣ по праву исполнять свое дѣло, глупецъ?
 Такъ необходимо, чтобъ я внезапно тебя перевернула (II, 97) ²⁾.

Значить, Фортуна исполняетъ безпрекословно законы, кѣмъ-то

¹⁾ Quid mea mordaci laceras vaga fata Camoena?
 Quem fore plus misero plusque dolente dedi.
 Nonne meo mundi clauduntur regna pugillo?
 Nonne meum regnum climata cuncta tremunt.
 Graecus et ebraeus, et barbarus atque latinus
 Me timet exorat, me veneratur, amat.
 Nonne potestates mundi, mundique minores
 Imperio cogo subdere collo meo?

²⁾ Legibus indictis utor. Si legibus: ergo;
 Justis. Si justis: jure. Fit ergo bene.
 Nonne sua licito sic quilibet utitur arte.
 Quod sibi sors dederit, utitur omnis homo:
 Miles—equis; piscator—aquis; et clericus—hymnis,
 Nauta—fretis; pugiles—marte; poeta metris.
 Rusticus asper arat; numerat mercator avarus;
 Virgo legit flores; stultus amator amat.
 Ast ego, quae dea sum, qua nulla potentior orbe,
 Quem ligat oceani circulus orbe suo,
 Nonne meam licite, stultissime, prosequar artem?
 Sic opus est, ut te praecipitando rotam.

ей предписанные, однако, мы можемъ заключить, что законы эти предписаны природой (natura):

Если природа хотѣла, чтобъ я терпѣлъ такія напасти,
Она должна была помѣстить меня въ худшемъ мѣстѣ (I, 103) ¹⁾.

Такимъ образомъ, и у Генриха мы встрѣчаемъ ту концепцію природы и фортуны, на которую указываетъ К. Франке ²⁾. Дѣйствія природы слѣпы, и Фортуна, говоря, что теперь ей „необходимо“ повернуть Генриха въ бездну страданій, не объясняетъ причину этой необходимости, такъ что Генрихъ вполне правъ, называя ее слѣпою и безумной. Эта слѣпая богиня подъ конецъ пытается объяснить свое непостоянство тѣмъ соображеніемъ, что все, часто употребляемое, портится, а потому и счастье должно перемежаться съ несчастьемъ:

Все, что слишкомъ часто, отъ употребленія грязнится,
Все, что рѣдко, становится болѣе милымъ (II, 227) ³⁾.

Понятно, что Генрихъ не удовлетворяется объясненіемъ Фортуны, и они расстаются врагами:

Тогда она: ступай, безумецъ, и помни, что ты мой врагъ,
И я: ступай и ты, и помни, что ты—мой врагъ (II, 249) ⁴⁾.

Однако изъ того, что въ минуту отчаянія Генрихъ утратилъ вѣру въ Провидѣніе и предоставилъ миръ въ жертву слѣпому случаю,

¹⁾ Me si tanta pati natura volebat amara
Ponere debuerat perfidioso loco.

²⁾ К. Франке, I. с., 39 ff. Здѣсь кстати отмѣтить нѣкоторое сходство мыслей Генриха о натурѣ и фортунахъ съ одною новеллою Боккаччо; я разумѣю новеллу VI, 2, гдѣ говорится, какъ Cisti fornajio con una sua parola fa ravvedere messer Geri Spina d'una sua trascurata domanda. Pampinea въ началѣ легенды говоритъ: Belle donne, io non so me medesima vedere che più in questo si pecchi, o la natura apparecchiando ad una nobile animo un vil corpo, o la fortuna apparecchiando ad un nobile anima un vil mestiero.... E certo io maladicerei e la natura parimente e la fortuna, se io non conoscessi la natura esser discretissima e la fortuna aver mille occhi, come che gli sciocchi lei cieca figurino.... Le due ministre del mondo spesso le lor cose più care nascondono sotto l'ombra dell'arti reputate più vile, accid che di quello alla necessità traendole più chiaro appaja il lore splendore. Здѣсь, какъ и у Генриха, Природа и Фортуна являются двумя царшицами міра; отъ Природы зависитъ созданіе, отъ Фортуны судьба человека. См. еще А. Н. Веселовскій, Боккаччо, его среда и сверстники, т. I, стр. 77 и слѣд.

³⁾ Omne, quod est crebrum, nimio sordescit in usu,
Omne, quod est rarum, carius esse solet.

⁴⁾ Tunc ea: vade ferox. Hostis meus esse memento,
Tu quoque vade, hostis memento mea.

далеко еще не слѣдуетъ, чтобы таковы были его коренныя убѣжденія. Генрихъ—моралистъ съ положительными идеалами, и это прекрасно понималъ священникъ Гуго, который присоединилъ небольшое стихотвореніе къ элегіи Генриха; въ заключеніе его онъ говоритъ, что въ этихъ книгахъ философія

дастъ для всѣхъ поученія и наставленія,
Полезныя всякому народу, и старому, и молодому.
Поэтому-то читай хорошенько эти книги.
Вышеозначенные стихи продиктовалъ священникъ Гуго,
Собственными руками написавшій эту книгу ¹⁾.

Среди совѣтовъ Философіи встрѣчаемъ такой: покоряйся въ остальномъ милосердію Божию, и оно вознаградитъ тебя за твою добродѣтель:

Итакъ, въ остальномъ довѣряйся милосердію Божию,
И пусть оно наградитъ тебя за добродѣтель (IV, 56) ²⁾.

Сопоставивши эту цитату съ другими, разобранными выше, мы увидимъ, что Генрихъ—вполнѣ вѣрующій христіанинъ, а не паганистъ и не скептикъ.

Причина всѣхъ несчастій и неустройствъ современности заключается, по мнѣнію Генриха, въ томъ, что люди забыли Бога, милосерднаго Владыку, Который все въ мірѣ направляетъ Своею волею. Иерусалимъ въ рѣчи Фортуны названъ „знаменемъ спасенія“ ³⁾; Конрадъ Монферратскій—*causa postrae salutis*. Кроме того, Генрихъ вовсе не такой фаталистъ, какъ это считаетъ Ронка, и въ рѣчахъ Философіи мы слышимъ:

Теперь самъ, англичанинъ, въ жалкомъ рубищѣ бѣдности,
Взятый въ плѣнъ, въ темницѣ искупаетъ свои злодѣянья (III, 161) ⁴⁾.

¹⁾dat documenta.... perophina cunctis,
Quae populo prosunt veterique novello.
Ergo discendi bene sunt isti tibi libri.
Versus praedictos dictaverat Hugo sacerdos,
Qui propriis librum manibus conscripserat istum.

(У Лейзера, по Гельмштадтской рукописи, *Historia Poëtarum*, стр. 497).

²⁾ Ergo Dei porro confidas in bonitate,
Et tua virtutum jure secundet ea.

³⁾ Хотя это нѣсколько странно; какое дѣло Фортуны, слѣпой исполнительницы великой природы, до спасенія людей? Съ ея фаталистической точки зрѣнія не должно быть ни добра, ни зла, ни спасенія, ни гибели. Эти соображенія показываютъ, что и въ рѣчахъ Фортуны не малая доля риторичности.

⁴⁾ Nuper idem misero sub paupertatis amictu
Captus et inclusus anglicus acta luit.

Это мѣсто относится къ Ричарду Львиному Сердцу. Этотъ герой, блиставшій подвигами, теперь *искушаетъ* страданіемъ свои злодѣянія. Но развѣ можетъ быть искупленіе, если человѣкъ не имѣетъ собственной воли и есть только игрушка въ рукахъ слѣпой Фортуны? Очевидно, что при искупленіи надо допустить свободную волю. Итакъ, и въ этомъ пунктѣ Генрихъ согласенъ съ христіанскимъ ученіемъ. Да, строго говоря, можно ли поднимать вопросъ о паганизмѣ священника XII вѣка, какъ бы онъ ни былъ ученъ, какъ бы ни былъ проникнутъ итальянскою практичностью, столь отдалявшею, по мнѣнію Бартоли и Ронка, итальянцевъ отъ религіозности средневѣковья. Кажется, а ргіогі можно утверждать, что Генрихъ по убѣжденіямъ былъ христіанинъ. Столь длинное доказательство христіанства Генриха объясняется желаніемъ показать, что такое настроеніе не стоитъ въ противорѣчій съ указаннымъ выше гуманистическимъ индивидуализмомъ.

Признавши христіанство Генриха ¹⁾, постараемся указать нѣкоторыя частности его этического мировоззрѣнія. Здѣсь нужно согласиться съ Ронка, что разсужденія философіи не особенно оригинальны ²⁾. Выше было указано, что Генрихъ нерѣдко сходится въ воззрѣніяхъ съ пѣвцомъ „золотой середины“ и Бандузійскаго ключа; уже по одному этому нельзя отъ него требовать высокихъ идеаловъ и особенно благородныхъ мыслей; однако, и такіе проскальзываютъ среди длинныхъ разсужденій Философіи. Въ утѣшное страдающему Генриху она говоритъ, что надо переносить счастье и несчастье, потому что въ противномъ случаѣ человѣкъ не похожъ на человѣка, но пятнаетъ честь его:

Не похожъ на человѣка, пятнаетъ честь человѣка тотъ,
Кто не можетъ терпѣть съ счастьемъ вмѣстѣ и несчастье,
Какъ глупецъ наслаждается сладкимъ, остерегаясь горькаго,
Потому что всякое благо познается черезъ противоположность.
Учись переносить страданія. Терпѣнье умѣряетъ и гнѣвъ,
И жестокою душу укрощаетъ олива ума (III, 41) ³⁾.

¹⁾ Обращеніе Генриха съ жалобами и угрозами къ Юпитеру (I, 50—56) есть, конечно, только риторическая приправа.

²⁾ По выраженію Ронка, она *sermoneggia a bastanza trivialmente*, I, 393.

³⁾ Non hominem redolens (sic!) hominis denigrat honorem
Qui nequit adversis prospera juncta pati,
Utitur ignare dulci, non usus amaro,
Namque per oppositum noscitur omne bonum.
Disce gravanda pati. Patientia temperat iram
Et diros animos mentis oliva domat.

Но отчего такъ страдать Генриху? Онъ потерялъ благосостояніе и довольство. Но стоятъ ли они того, чтобы съ нихъ потерей страдать и печалиться? Безумны тѣ, которые весь смыслъ жизни полагаютъ въ этомъ мірѣ и думаютъ, что будутъ жить цѣлѣе вѣка:

Глупецъ, ты думаешь жить всѣ вѣка? Клянусь тобою,
 Безумнымъ сталъ ты отъ своего легковѣрія.
 Несомнѣнно, что страдаетъ болѣзнью головы тотъ,
 Кто думаетъ, что въ этомъ мірѣ можно долго жить (III, 66) ¹⁾.

Но люди обыкновенно печалятся, потерявъ дары слѣпой Фортуны, забывая, что это самое тлѣнное и ничтожное; не отстаетъ въ этомъ отношеніи и Генрихъ, хотя онъ учился въ Болонскомъ университетѣ и былъ любимымъ ученикомъ Философіи:

Хвалю тебя, но хвалю не за то, что ты плачешь, какъ сирота,
 Когда удалюсь отъ тебя быстрыми шагами самое тлѣнное.
 О, страданіе! Чего ты страдаешь? О, горе! Чего ты боишься? Горе! Чего
 Плачешь? Гдѣ несчастье твое, о прахъ?
 Что твоего первоначально принесъ ты въ міръ?
 Ты былъ голымъ, и будешь ты голымъ ²⁾.

Вотъ какими словами заключается первая рѣчь Философіи. Что частаго можетъ дать грязный міръ? Философія говоритъ:

Грязный міръ, что дасть онъ тебѣ чистаго? (III, 64) ³⁾.

И въ слѣдующихъ частяхъ третьей книги разбѣяны указанія на „мерзость сего міра“; и самъ Генрихъ не скупится прибавить нѣчто къ печальной характеристикѣ міра; онъ указываетъ на безправіе современности, когда грѣшники возносятся вверхъ, а честный давленъ внизу ⁴⁾.

¹⁾ Vivere stulte putasne per omnia secula? per te,

Factus es insanus crudelitate tua.

Insani sane capitis gravitate laborat

Qui putat hoc mundo vivere posse diu.

²⁾ Laudo te; sed in hoc non laudo, quod ipsa caduca

Aufugisse citis gressibus orbe gemis.

Proh dolor! unde doles? proh dolor! unde times? dolor! unde;

Ploras? quae tua sunt o miseranda cinis?

Primitus in mundo tecum tua quanta tulisti?

Nudus eras primo et postea nudus eris.

³⁾ Immundus mundus quae tibi munda dabit?

⁴⁾ Cum quod grande nefas, tolluntur ad alta nefandi

Et premitur vita deteriore probus.

Миръ есть скверна, и поэтому заблуждается умъ человѣческій, который считаетъ благомъ только этотъ миръ и его прелести:

Слѣпой умъ людей, въ какую бездну ошибокъ онъ погруженъ,
Потому что считаетъ за благо одну лишь скверну (III, 139) ¹⁾.

Генрихъ, однако, рѣшается спросить: развѣ миръ созданъ для не-счастья? На это Философія раздражается той прекрасною инвективой, которая была разобрана выше; цѣль этой инвективы доказать фактами, что нѣтъ чистоты въ грязномъ мирѣ, и что

правильной связью въ одно
Связаны эти два слова: нечистый и миръ (III, 250) ²⁾.

Итакъ, даже въ спокойныя минуты, уже не перебраниваясь съ Фортуной, а рассуждая съ Философіей, Генрихъ не отказывается отъ своего пессимистическаго міровоззрѣнія; все вырождается, все стремится къ худшему:

*Omnia degenerant, reioribus omnia currunt
Cursibus et fracto gemige navis abit* (III, 193).

Итакъ Генрихъ—пессимистъ, но его пессимизмъ, какъ было указано выше, переходитъ въ религиозное чувство. Остальные совѣты Философіи представляютъ нѣсколько направленій. Сперва даются нѣкоторые обыденные совѣты, большею частію, въ духѣ „золотой середины“: честь связана съ скромною долей (III, 155); бѣдность лучше всего, такъ какъ она даетъ безопасность (*ibid.*, 157); надо хранить твердость духа; не надо быть слишкомъ веселымъ или слишкомъ печальнымъ; презирать толпу; быть ко всему равнодушнымъ; давать отъ добраго сердца; искать скромнаго удѣла; выше всего ставить чистоту души; не жаловаться на свою судьбу; не быть гордымъ; всего болѣе остерегаться любви ³⁾; помогать только достойнымъ ⁴⁾; словомъ, все обычныя правила, которыми руководится большинство людей,—и нѣтъ нужды входить въ дальнѣйшее ихъ разсмотрѣніе; важно было только отмѣтить присутствіе этой струи житейской философіи въ міровоззрѣніи Генриха. Но теперь нужно указать нѣсколько не особенно лестныхъ для Генриха правилъ его этической

¹⁾ *Mens hominum quantis errorum coesa tenebris
Mergitur, ut reputet sola nefanda bonum.*

²⁾ *recta ligatio nectit
Immundus mundus haec duo verba simul.*

³⁾ Кн. IV, 149 ff., содержитъ любопытную характеристику любви.

⁴⁾ IV, 26, 85, 87, 50, 53, 65, 97, 108, 105 ff.

философін, показывающихъ, что и онъ, подобно гуманистамъ XIV—XV вѣковъ, умѣлъ или старался плыть по теченію. Таковы совѣты: стараться всѣмъ угождать (IV, 64), не обвинять того, что не обвиняется обычаемъ (*ibid.*, 93). Здѣсь практическая философія въ духѣ Горация спускается ступенью ниже и впадаетъ въ тривіальность, а, пожалуй, и въ безнравственность или, по крайней мѣрѣ, въ практической смыслъ весьма невысокаго разбора. Но обвинять Генриха въ совершенной безнравственности нельзя, потому что этимъ правиламъ можно противопоставить такое: надо быть милостивымъ къ рабамъ:

Пусть злѣйшій совѣтникъ противъ рабовъ,
Гнѣвъ суровый, не возбуждаетъ тебя злымъ голосомъ (IV, 77)¹⁾.

Очевидно, въ самомъ Генрихѣ, въ его мировоззрѣніи лежитъ противорѣчіе, которое можно иллюстрировать еще однимъ примѣромъ: признавая, что любовь невыгодна и непріятна, онъ тутъ же сознается, что онъ, глупецъ, способенъ увлекаться женщинами. Нельзя ли видѣть въ этомъ противорѣчии новую гуманистическую черту? И Петрарка въ сочиненіи *De remediis utriusque Fortunae* презрительно отзывается о женщинахъ и о любви²⁾, а между тѣмъ извѣстно, что жизнь его противорѣчила этому. Тотъ же Петрарка „лично любилъ свободу, но всю свою жизнь посвятилъ деспотизму“³⁾. Въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи по исторіи Западной Европы говорится: „обезпеченный досугъ съ почетнымъ и вліятельнымъ положеніемъ въ обществѣ и съ безпренятственною возможностью предаваться излюбленнымъ занятіямъ—вотъ къ чему стремилось большинство италіанскихъ гуманистовъ“⁴⁾. Оттого рядомъ съ высокими идеалами весьма низменные поступки! Въ біографіи Виллани мы читаемъ: *Gli studi fatti da Arrigo non solo gli conciliarano stima et onore, ma sembra ancora che ne ottenne ricchezze*; и немного далѣе: *fatto cherico tonsurato per suoi meriti ottenne la Piave de Calenzano, beneficio assai ricco, e che egli potea apparecchiare ozio alle lettere*⁵⁾. Такимъ образомъ, и Генрихъ имѣлъ все то, къ чему стремились позднѣйшіе гуманисты: почетъ, вліяніе (*stima*), выгодное мѣсто и, благодаря этому, обезпе-

1) *Nec circa famulos te pessima consiliatrix
Concitet iratis vocibus ira gravis.*

2) *Кертинъ, Petrarca's Leben u. Werke*, p. 542 ff.

3) *Н. Н. Картезъ, Исторія Западной Европы въ новое время*, I, 406.

4) *Н. Н. Картезъ, Исторія Западной Европы въ новое время*, I, 406.

5) *Tiraboschi* (по изд.: Modena, 1774 г.), IV, 846.

ченный досугъ. Конечно, нужно и пріятно согласиться съ Виллани, что всѣмъ этимъ Генрихъ обязанъ своимъ занятіямъ, но несомнѣнно, что не малую роль играло тутъ исполненіе тѣхъ правилъ, на которыя указано выше ¹⁾. Теперь остается указать только двѣ любопытныя черты въ мировоззрѣніи Генриха, изъ которыхъ одна опять приведетъ къ гуманизму. Для достиженія счастья и добродѣтели, Философія совѣтуетъ изучать Священное Писаніе:

Стремись объять нравственность духовной сокровищницы (IV, 82) ²⁾,
и сочинять святыя книги:

Sacriloquos gimare libros (IV, 61).

Эти совѣты Философіи вполне годятся для всякаго христіанина, тѣмъ болѣе для средневѣковаго. Гораздо характернѣе два другіе совѣта мудрой наставницы. Первый читается такъ:

Не презирай тѣла за то, что оно какъ будто презрѣнно:
Въ немъ важнѣе способности, чѣмъ его брѣвность.
Обогащая храмъ свѣтомъ и небо наше сладостью,
Много ли живетъ пчела, а двойной плодъ даетъ намъ,
Ястребъ ничтоженъ, но стаю птицъ побѣждаетъ,
И маленькая ехидна обращаетъ въ бѣгство огромнаго быка (IV, 193) ³⁾.

Философія учитъ не презирать тѣла, потому что оно, хотя и ничтожно, но имѣетъ многія способности (*ingenia*), которыя могутъ доставлять намъ удовольствіе. Леонардо Бруни, знаменитый гуманистъ втораго поколѣнія, авторъ моральнаго трактата *Isagogicon disciplinae moralis*, написалъ сочиненіе *De institutione adolescentium ad Ubertinum Carrariensem*; здѣсь онъ рекомендуетъ воспитывать не только духъ, но и тѣло: *ea igitur exercitia suscipienda sunt quae bonam valetudinem salvent ac robustiora membra reddant* ⁴⁾. Слѣдовательно, какъ далеко Бруни отъ средневѣковыхъ моралистовъ, совѣтовавшихъ

¹⁾ Такимъ соображеніемъ отчасти ослабляется мнѣніе Tiraboschi, что, вѣроятно, были какія нибудь причины внезапнаго паденія Генриха; врядъ ли бы онъ, съ его правилами, навлекъ на себя гнѣвъ сильныхъ міра и, поэтому, вѣроятнѣе виновникомъ катастрофы считать только епископа.

²⁾ *Amplexanda tibi cleri thesaurus honestas.*

³⁾ *Sint licet obscuri ne spernas corporis artus.
In quibus ingenium plus brevitate potest.
Lampadibus templum ditans, dulcore palatum
Est brevis et fructu duplici servit apis.
Est brevis accipiter, volucrum tamen obruit agmen,
Et fugat elatum vipera parva bovem.*

⁴⁾ *М. С. Корелинъ, Ранній итальянскій гуманизмъ, 601, прим. 5.*

умерщвляютъ плоть для спасенія души, а между тѣмъ Генрихъ, священникъ XII вѣка, сходится въ этомъ съ нимъ, гуманистомъ XV вѣка. Сходство взглядовъ Генриха и Бруни простирается и дальше: цѣль воспитанія, по Бруни,—утвержденіе культа добродѣтели и равнодушіе къ жизни ¹⁾); почти тѣ же цѣли ставить и Генрихъ для людей. Итакъ, вотъ еще одна черта, роднящая Генриха съ гуманистами. Второй совѣтъ Философіи заключается въ томъ, чтобы Генрихъ читалъ произведенія древнихъ и старался подражать ихъ жизни:

Читай книги древнихъ, слѣдуй за суровымъ Катонемъ,
Послушнымъ Сенекой и тихимъ Пробомъ,
Дулихіемъ, Арастомъ, Цицерономъ, Несторомъ, Титомъ—
Сердцемъ, умомъ, правами, рѣчью и дѣйствіемъ (IV, 203) ²⁾.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на совѣтъ Философіи чисто-литературнаго свойства. Философія проситъ Генриха не выдавать чужихъ произведеній за свои, чтобы не стать предметомъ насмѣшекъ:

Прошу, не хвастайся, что чужая пѣснь принадлежитъ тебѣ.
Чтобы въ собраніи птицъ голая птица не вызвала смѣха (IV, 139) ³⁾.

Заканчивая главу о мировоззрѣніи Генриха, можно было бы дать общій сводъ его взглядовъ въ этомъ отношеніи; но такъ какъ ниже, давая общій обликъ этого писателя, придется вернуться къ этому вопросу, то теперь оказывается удобнѣе прямо перейти къ стилю Генриха Сеттимелло.

IX.

Говоря о стилѣ Генриха, нужно также остановиться на особенностяхъ его языка, отмѣченныхъ Ронка.

Уже не разъ было говорено, что Генрихъ Сеттимелло — риторъ; рѣчь его, гдѣ только можно, изобилуетъ прикрасами. Въ элегіи множество сравненій: самого себя и другіе предметы Генрихъ сравниваетъ съ безчисленнымъ множествомъ историческихъ лицъ и другихъ явленій. Себя онъ считаетъ несчастнѣе Іова, Титія, Тантала, Ніобы,

¹⁾ Ibid., 603.

²⁾ Scripta legens veterum rigidum sectare Catonem,
Morigerum Senecam, pacificumque Probum,
Dulichium, Arastum, Ciceronem, Nestora, Titum,
Pectore, consilio, more, loquendo, manu.

³⁾ Neve tuum jactes alienum deprecor hymnum
Ne volucrum synodo nuda cachinnet avis.

Кагда; прежде былъ счастливъ, какъ Крезъ, теперь его судьба похожа на печальную участь Кодра (II, 33): такимъ образомъ, эти два человѣка являются символомъ—одинъ счастья и довольства, а другой—бѣдности и печали. Не будемъ перечислять всѣ эти сравненія, о которыхъ говорено выше, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ можно сдѣлать единственный и при томъ уже извѣстный выводъ, что Генрихъ заимствуетъ свои сравненія изъ областей классической, средневѣковой, христіанской и библейской. Лучше обратимъ вниманіе на любопытныя сравненія, взятая изъ міра природы. Свои ночныя волненія Генрихъ сравниваетъ съ листьями, которые тербитъ Борей, съ людьми, судьбу которыхъ переворачиваетъ колесо непостоянной Фортуны, и съ мельничнымъ колесомъ, приводимымъ въ движеніе водою:

*Sic solet arboreas boreas evellere frondes;
Sic rota mortales, sic aequa saeva rotam (I, 208).*

Самого себя, надѣющагося въ безуміи, что несчастіямъ придетъ конецъ, Генрихъ сравниваетъ съ глупцомъ крестьяниномъ, который стоитъ на берегу рѣки, дожидаясь, пока она вся пробѣжитъ, для того, чтобы сухимъ перейти черезъ воду:

*Sum velut exspectans prorepantem rusticus amnem,
Qui cupit excursis pergere siccus aquis (I, 225).*

Наконецъ, страданія и несчастія свои Генрихъ сравниваетъ съ челнокомъ, который въ бурю на морѣ долженъ погибнуть:

*Obruor oceano, saevisque reverberor undis.
Nesciat hinc reditum mersa carina suum.*

Друзья сравниваются съ соловьемъ, который покидаетъ рощу при первомъ холодѣ; ложная любовь похожа на гребца, который въ минуту опасности бросаетъ весло и покидаетъ корабль:

Какъ поющій соловей прекращаетъ звучное пѣніе и зелень
Покидаетъ, и рощу, и лѣса, лишь только холодъ его коснется,
Такъ избѣгая несчастій зимы и ужасныхъ тучъ,
Всякій другъ далеко (находится) во время несчастій.
За успѣхами весны слѣдуетъ, но во время зимы
Удалается ложная любовь, отбросивъ весло (I, 131) ¹⁾.

¹⁾ *Ut philomela canens sonitumque canorum
Et nemus et silvas frigore tacta fugit,
Sic hyemis casus horrendaque nubila vitans,
Omnis in adversis rebus amicus abest.
Delicias veris sequitur sed tempora brumae
Deserit ablato remige falsus amor.*

Привожу теперь длинное и запутанное сравненіе страха Фортуны передъ Генрихомъ; это оригинальное мѣсто много теряетъ въ переводѣ:

Ни твоего одобренія, ни угрозъ, мнѣ, всеобщей хозяйкѣ вещей,
 Не нужно; сидя на своемъ креслѣ, я вѣнчаюсь славой.
 Больше боится коршунъ—птицъ, левъ—бабочекъ,
 Скупой Константинополь—гѣснаго Рима,
 Или благородный орелъ—дрожащихъ цикадъ,
 Чѣмъ я боюсь твоего пустословія и угрозъ (II, 181) ¹⁾.

Заботы свои о Генрихѣ въ то время, какъ онъ учился въ Болоньѣ, Философія сравниваетъ съ заботами виноградара о своемъ виноградѣ:

Я горячо любила тебя, учила тебя и часто просила,
 Часто и тайны тебѣ открывала свои.
 Ты былъ моя лоза, ты тѣнь новой лозы виноградной,
 Ты подавалъ мнѣ надежду на богатые плоды.
 Я холила тебя граблями, заборомъ и окопами окружила тебя,
 И камни, и все вредное я отъ тебя удаляла (III, 74) ²⁾.

Очень любопытно сравненіе, рѣдкое у поэтовъ, именно сравненіе неба съ страницей: страданія Герника такъ велики, что

Пусть будетъ страницей небо, вѣтки—писцами, волна —
 Черниломъ: всѣ бѣдствія мои они не могутъ разказать (I, 235) ³⁾.

Таковы сравненія, употребляемыя Генрихомъ; наиболѣе оригинальны изъ нихъ послѣднее и то, которое начинается словами: *nil tua proba, minus* (III, 181). Генрихъ пользуется и фигурой олице-

¹⁾ *Nil tua proba, minus, generalis oecanoma rerum,
 Curo, sed in cathedra glorior ipse mea;
 Nec minus ungvipotens volucres, leo papilionea,
 Nec polis angustum tibur avara minus;
 Nec minus archivolans tremulas generosa cicades
 Quam tua vaniloqua verba minusque tremam.*

²⁾ *Te multum fovi, docui te, saepe rogavi
 Et mea secreta saepe videre dedi.
 Tu mea vitis eras; tu palmitis umbra novelli,
 Tu fructus validam spem mihi saepe dabas,
 Te rostris colui, sepi ac munimine cinxi
 Et lapides ex te et cuncta nocenda tuli.*

³⁾ *Pagina sit coelum, sint frondes scriba, sit unda
 Incaustum: mala non nostra referre queant.*

Подобный образъ есть у Гейне въ посвященіи Сѣверному морю.

творенія; въ самомъ началѣ элегін является на сцену плачущая честность, которая сравнена со вдовой, только что потерявшей мужа:

*Quo modo sola sedet probitas? flet et ingemit aleph,
Facta velut vidua, quae prius uxor erat (I, 1).*

Объ олицетвореніи Фортуны и ея наружности уже сказано выше. Въ началѣ III книги къ безутѣшному и раздраженному Генриху вдругъ спускается Философія въ сопровожденіи *septem artes liberales*:

Когда я въ слезахъ разказывалъ о своихъ печальныхъ дѣлахъ,
И когда я не по-дружески бранилъ Фортуну,
Вотъ въ блестящей одеждѣ передъ очами моими явилась мать
Честная, которая мудрѣе самого Соломона.
Какъ возвышаетъ она лица, какъ разнообразитъ по-очереди свою
Форму,
Теперь захватываетъ она небо, теперь больше неба, теперь землю¹⁾
(III, 2).

Отличительною чертой стиля Генриховой элегін является также такъ называемая игра словъ; вотъ нѣкоторые примѣры:

*Quis ille
Tristanus, qui me tristia plura tulit (I, 97) 2).*

* *

Decidit in cautes incauta carina (ibid., 101).

* *

*Si Codrus foret hic essem nunc codrior illo (ibid., 163).
Verba sic Dario, post verbera; mella Cyro
Fellea post nutrix ingeniosa dedi (II, 69).*

* *

Vel juvenes punge, vel unge senes (IV, 46) и т. д.

Въ этомъ отношеніи Генрихъ не представляетъ ничего оригинальнаго въ сравненіи съ другими латинскими поэтами средневѣковья, у которыхъ каламбуры является любимымъ украшеніемъ стиля.

¹⁾ *Cum mea lamentans elegiaca facta referrem
Et cum fortuna verba inimica darem,
Ecce nitens proba, quae salomonior est Salomone
Ante meum mater lumen amoena stetit,
Quam facies elevat, variat quam forma vicissim
Nunc coelum, nunc plus, nunc capit illa solum.*

²⁾ Тристанъ—одинъ изъ героевъ Круглаго стола.

Въ заключеніе можно сказать, что стихъ Генриха изысканный, старательно обработанный и щедро украшенный цвѣтами краснорѣчія. словомъ то, что называютъ стиль риторическій. Но риторизмъ не мѣшаетъ Генриху быть поэтомъ и искусно выражать въ стихахъ свои чувства и настроенія. Мы указывали на реализмъ Генриха, выразившійся въ его интересѣ къ дѣйствительности; это же свойство не мѣнѣе ясно въ его стилѣ. Въ началѣ элегіи Генрихъ говоритъ о томъ, какъ разнеслась по городу молва о его несчастіи, и тутъ же тонкими штрихами набрасываетъ картинку толпы, которая теперь занята сплетнями на его счетъ:

Я—предметъ насмѣшекъ для людей, я—притча во языцѣхъ,
 Вся улица знаетъ мой позоръ.
 На меня показываютъ пальцемъ, лдовито всѣ смѣются.
 На меня, покрытаго стыдомъ, указываютъ, какъ на чудовище.
 Насмѣшки кусаютъ меня. Обо мнѣ злыя пѣсни поетъ
 Червь, и самъ для себя я—ужасная пѣсня.
 Обо мнѣ поетъ молва, и громкій смѣхъ
 Поднимаетъ, издѣваясь надо мною, безбожная толпа.
 Сзади часто долбитъ меня клювомъ аистъ.
 Тотъ рисуетъ меня съ ослиными ушами, а тотъ въ видѣ собаки.
 Мельники, хлѣбопеки и нищіе
 Говорятъ громкимъ голосомъ о моихъ поступкахъ (I, 5) ¹⁾.

¹⁾ *Gentibus opprobrium sum crebraque fabula vulgi.
 Dedecus agnoscit tota platea meum.
 Me digito monstrant. Subsannant dentibus omnes.
 Ut monstrum monstror dedecorosus ego.
 Mordeor opprobriis. De me mala cantica cantat
 Vulgus et horrendus sum sibi psalmus ego.
 Fama per antiphrasin cantat, multum cachinnum
 De me ludificans impia turba movet
 Concutit a tergo mhi multa ciconia rostrum.
 Hic aures asini fingit et ille canem.
 Turba molendini, grex furni, concio templi
 In mea foecundis vocibus acta sonant.*

Къ этой выпискѣ можно присоединить слѣдующія мѣста изъ Овидія и Персія, которыя, можетъ быть, были въ памяти Генриха и которыя оба соединилъ онъ въ одно:

Ovidii Amor., III, 1, 19:

*Saepe aliquis digito vatem designat euntem
 Atque ait hic hic est quem ferus urit Amor.
 Fabula, nec sentis?—tota jactaris in urbe.*

Pers., I, 28:

At pulchrum est digito monstrari et dicier hic est.

Начало элегій положительно завлекательное: всякому хочется узнать, за что же Генрихъ сталъ мишенью для насмѣшекъ толпы (какъ извѣстно, это желаніе не исполняется, такъ какъ Генрихъ не указываетъ причины своего несчастія). Не менѣе реально и искусно написана сцена, какъ Генрихъ проводитъ свои ночи:

Почью я стенаю, усугубляю стоны, куча скорбей
 Растетъ, и сердце мое сжигаетъ геенна.
 Горе мнѣ; слова мои всегда кажутся мнѣ, страдальцу, басней;
 Пока я бесѣдую самъ съ собою печальнымъ голосомъ,
 Гнѣвъ свирѣпствуетъ и ранитъ сердце безчисленными стрѣлами,
 И въ ярости, какъ дикій звѣрь, несется толпа страданій.
 Я завертываюсь въ одѣяло и сбрасываю его. Завѣдомо мягкое ложе
 Раздражаетъ злосчастное тѣло мое колючими шипами.
 То слишкомъ высока, то падаетъ низко подушка,
 Никакъ нельзя ее устроить, какъ нужно.
 То наклоняю голову, то поднимаю ее на лѣвый бокъ,
 Теперь ложусь, а тамъ на правый, то падаю, то поднимаюсь,
 То такъ, то здѣсь, то вверхъ, то скатываюсь внизъ,
 Поворачиваю голову туда, гдѣ у меня ноги,
 Но не могу такъ лежать, поднимаюсь и переворачиваю ложе;
 То ноги поворачиваю туда, гдѣ у меня голова.
 Но и такъ не могу; тороплюсь (вставать), брашу моего кліента
 За то, что испортилъ мою кровать.
 Гнѣвнымъ голосомъ зову ни въ чемъ неповиннаго слугу:
 Сюда несчастный Гуго! сюда, проклятый!
 Что ты дѣлаешь? Гуго, ты лежишь? Что значить, что кровать моя
 Каждый день стелется такъ худо? Что за причина?
 Тутъ я даю ему затрещину, здорово бью его кулакомъ,
 И такъ за то, что страдаю, расходую свое горе.
 Онъ ворочаетъ и переворачиваетъ кровать, взбиваетъ ее локтями
 И, что самъ перенесъ, старается выместить здѣсь (I, 180) ¹⁾.

Конечно, Генрихъ и этотъ образъ примѣняетъ къ своему положенію; о любви латинскихъ поэтовъ и помину нѣтъ. Тотъ же образъ, какъ извѣстно, встрѣчается и у Петрарки (Epist. metr., III, 27: Fabula quod populo fuerim digitoque monstratus и son. in vita di Madonna Laura I — ma ben veggi'or, si come al popol tutto Favola fui gran tempo и Epist. rer. famil. X, 3: et non essemus populorum fabula).

Ср. вообще *Фойхтъ*, I, стр. 108 (русскаго перевода).

¹⁾ Nocte gemo, gemino gemitus, cumulusque dolorum
 Crescit corque coquit crebra gehenna meum.
 Volvor et evolvor, lectus bene mollis acutis
 Urticat spinis tristia membra meis.
 Nunc nimis est altum, nimium nunc decidit umquam
 Pulvinar, medium nescit habere modum.
 Nunc caput inclino, nunc elevo, parte sinistra

Наконецъ, цѣлый рядъ картинъ реальной жизни даетъ Фило софія въ своей инвективѣ. Нужно еще обратить вниманіе на иронію Генриха: онъ иронизируетъ надъ собой и надъ другими. Когда же буду я счастливъ?—спрашиваетъ онъ:—не сегодня, не завтра, должно быть вчера; когда Арно устремить свой потокъ обратно, къ источникамъ, тогда наступитъ и для Генриха счастье.

Quando mihi tribuet sors prospera prosperitatem?
Non hodie, nec cras, quod puto, forsan heri,
Cum me blandifero respexerit alea vultu,
Arne retro properas, fonte resurge suo (II, 7).

Наконецъ, симонию, ставшую язвой средневѣковаго духовенства, Генрихъ иронически называетъ святымъ дѣломъ, святой торговлей:

O sacra, quae sacras maculant commercia sedes!
O sacra, quae faciunt coelica templa forum (III, 205).

Риторизмъ не помѣшалъ Генриху остаться поэтомъ; многія мѣста его элегіи проникнуты истиннымъ чувствомъ и удовлетворяютъ даже строгаго критика.

Кромѣ уже извѣстной инвективы, написанной живымъ и смѣлымъ языкомъ, — очень хорошо мѣсто, рисующее безопасность, которую даетъ человѣку бѣдность; вотъ это мѣсто цѣлкомъ:

О слѣпой родъ смертныхъ! Что безопаснѣе
Бѣдности? Почти ничего. Ничего, безъ осадка.

Nunc ruo, nunc dextra: nunc cado, nuncque levor
Nunc hac, nunc illac, nunc sursum, nunc rotar infra.
Et modo volvo caput, qua mihi parte pedes,
Non ita stare queo, surgo, lectumque revolve.
Sic modo volvo pedes, qua mihi parte caput,
Non sic esse queo, propero, maledico clientem,
Quod male cum lecto me facit esse meo.
Vocibus iratis insontem clamo ministrum:
Huc miser Hugo veni, huc maledicte veni!
Quid facis? Hugo jaces? Lectus meus iste quid hoc est
Quod male cottidie sternitur? unde locus?
Tunc ipsum colaphis et pugnibus verbero diris
Et sic quod patior verberare vendo malum.
Volvit et evolvit, plumasque reverberat ulnis
Et modo que tulerat vindicat acta puer.

Любопытно сравнить это мѣсто съ посланіемъ трубадура Arnault de Marueilh (XII вѣка) къ дамѣ своего сердца, гдѣ поэтъ описываетъ свои бессонныя ночи.
К. Барчъ, Chr. Pr.³, 94, 28 ff.

Иди черезъ земли испанцевъ и черныхъ индійцевъ,
Иди черезъ козни, иди черезъ всякую рошу,
Иди черезъ вражескій станъ и разбойничью шайку,
Пока ты по-истинѣ бѣднѣе, ты будешь безопаснѣе.
Что будетъ дѣлать въ присутствіи разбойника бѣдный путникъ?
Безстрашно и весело пѣсня его понесется къ звѣздамъ (III, 166) ¹⁾.

Очень поэтичны многія мѣста первой книги, гдѣ авторъ жалуется на свою судьбу; они прямо вызываютъ наше состраданіе. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ доказать, что данный стихотворецъ — дѣйствительно поэтъ; для этого нужно прочитать все произведеніе.

Въ заключеніе этой главы приведемъ нѣкоторыя замѣчанія Ронка о языкѣ элегии Генриха. По языку своему Генрихъ Сеттимелло принадлежитъ къ той группѣ поэтовъ XI и XII вѣковъ, которые не подражаютъ слѣпо классикамъ, а пролагаютъ новые пути, смѣло создаютъ никому невѣдомыя слова. Такихъ словъ въ элегии достаточно; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: *peronizant* (I, 21) = *crudeliter insurgunt*; *salomon* (I, 56) = *sapientia*; *leccatrix* = *apis* (I, 139). Последнее слово даже не латинскаго происхожденія; въ словарь Кёртинга дается ²⁾ *leccator*, какъ предполагаемый *etymon* провансальскаго *lechadiers* и старо-французскаго *leschierre*; это *leccator* возводится къ *ahd. lēkkan* = *lesken*. Дальнѣйшіе примѣры: *sadmus* (I, 221) = *serpens*, должно быть, на основаніи разказа Овидія о битвѣ Кадма съ дракономъ въ *Метаморфозахъ*, кн. III, 28 стр.; *peronior* = *saevior* (II, 5); *molendinat* (II, 18) = *volvit*; *molendinum* (I, 15) = *molae*; *factura* (II, 20) = по объясненію Лейзера, *creatura*: но *creatura* не классическое слово, *factura* же, по Кёртингу, употребляется не только въ народной литературѣ, но и въ письменной; *proteat* (II, 20) = *mutat*, очевидно, отъ имени Протея (*Proteus*, *Πρωτεύς*), извѣстнаго старца, который принималъ различныя виды; *circinat* = *volvit* (II, 52), въ классической латыни *circino* = дѣлать кругообразнымъ, у Генриха употреблено въ значеніи вращать; *Acteon* (III, 141) = *cervus*, опять

¹⁾ O coesum mortale genus! quid tutius ergo
Paupertate? Fere nil. Nihil absque fece.
Vade per Hispanos et nigros vade per Indos,
Vade per insidias. Vade per omne nemus,
Vade per hostiles cuneos, turmasque latronum
Dum modo sis verus tutus egenus eris.
Quid faciet vacuus coram latrone viator?
Laetus et intrepidus fundet ad astra melos.

²⁾ *Etymon*, Lat.-Romanisches Wörterbuch, Paderborn, 1891 г., стр. 447.

на основаніи Овидіевыхъ *Метаморфозъ*, III, 138; *ungvipotens* (II, 183) = *accipiter vel aquila*; *archivolans* (II, 185) = *aquila*; *salomonior* (III, 3) = *sapientior*; *platonior* (III, 86) = *insignior philosophus ipso Platone* ¹⁾. Итакъ мы видимъ, что Генрихъ дѣйствительно создаетъ свои собственные слова. Но и латинскія слова, бывшія въ употребленіи въ письменной или вульгарной латыни, Генрихъ употребляетъ также своеобразно, несогласно съ правилами Цицерона и другихъ. Лейзеръ въ своихъ примѣчаніяхъ къ элегій собралъ тѣ слова, въ употребленіи которыхъ Генрихъ несогласенъ съ классиками; прибавимъ къ этому еще нѣсколько замѣчаній.

Sibi при первомъ лицѣ вмѣсто обычнаго *ipsi* есть, по словамъ Лейзера, явленіе обычное у поэтовъ средневѣковья ²⁾.

Sitit = кл. л. *desiderat* (I, 45); *lacerus* (I, 93) = кл. л. *laceratus*; *sibilla* (I, 95) = кл. л. *serpentes, angues*; но въ письменной латыни было прилагательное *sibilus*, а, um, откуда испанское *silguero* ³⁾; *perfidiore* = кл. л. *pejore*; *taxillor* = кл. л. *taxor, aestimor*; въ письменной латыни *taxillor* нѣтъ, есть *taxillus*—чурбанчикъ (откуда итальянское *tasello*, французское *tasseau*); нѣтъ, по Кертингу ⁴⁾, и въ вульгарной латыни; вѣроятно, это слово—спеціально средневѣковое. *Tremunt cum accus* (II, 56) = кл. л. *timent*; *tremunt cum accus*. могло быть особенностью вульгарной латыни, такъ какъ производныя романскія слова (*trémeg, cremen, craindre*) ⁵⁾ требуютъ винительнаго падежа. *Ante loqui* (III, 96) = *antequam loquatur*, что можно сравнить съ французскимъ оборотомъ *avant de parler*; *improperas* (II, 135) = кл. л. *objicis*; въ классической латыни нѣтъ глагола *impropero*, есть только отглагольное прилагательное *improperatus*, что значитъ неторопливый, но въ вульгарной латыни (быть можетъ, и въ поздней письменной) былъ глаголъ *impropero* въ значеніи *objicio*, откуда итальянское *improverare* ⁶⁾. *Bucifal* (II, 211) = кл. л. *bucephalus* и, кромѣ того, у Генриха *bucifal* = *bos* ⁷⁾. *Elegiacae* (III, 2) =

¹⁾ Любопытно сопоставить образования *salomonior, platonior, neronior* и т. д. съ французскими *mansarde, guillotine, nicotine*, отъ *Mansard, Guillot, Nicot*; см. Кертинъ, L.-R. Wörterbuch и его же *Encyclopedie der Roman. Phil.*, II, 176. Ср. также *bougre* отъ *bulgarus*.

²⁾ Лейзеръ, Н. Р., р. 454, Anm. у.

³⁾ Кертинъ, L.-R. Wörterbuch, 662.

⁴⁾ Ibidem, 711.

⁵⁾ Кертинъ, L.-R. Wörterbuch, 773.

⁶⁾ Ibidem, 403.

⁷⁾ Лейзеръ, Н. Р., 474, Anm. do.

кл. л. *miserrabilia; humnis* (IV, 40) = кл. л. *laudibus; locus* (I, 202) = *саица*. Таковы особенности языка Генриха, которые указаны еще Лейзеромъ, поясненныя при помощи словаря Кёртинга ¹⁾.

X.

Разсмотрѣвъ элегію Генриха Сеттимелло по частямъ, попытаемся представить общую характеристику этого поэта. Генрихъ былъ человѣкъ безспорно высоко-образованный; его познанія были настолько велики, что снискали ему почетъ и уваженіе общества, а если вѣрять словамъ Виллани, то и нѣкоторый достатокъ; и мы видѣли, что познанія его простирались въ область исторіи и поэзіи, древнеклассической мѣлологіи и преданій христіанскихъ и іудейскихъ. Знанія способствовали развитію личности въ Генрихѣ: онъ не былъ сухимъ эрудитомъ и скучнымъ стихослагателемъ. Будучи поклонникомъ античной поэзіи, онъ не былъ ея слѣпымъ подражателемъ, а выражалъ въ поэзіи свое личное настроеніе. Отдавая предпочтеніе изъ латинскихъ поэтовъ Овидію, съ которымъ его сближало нѣкоторое сходство въ положеніи, Генрихъ сумѣлъ сохранить свою индивидуальность и далъ выраженіе ея въ элегіи. Индивидуализмъ Генриха сказался и въ другомъ фактѣ—въ критическомъ отношеніи его къ дѣйствительности, которою онъ интересуется, въ желаніи отыскать причину такого, а не иного положенія вещей. Причину этого онъ видѣлъ въ паденіи религіозности у современниковъ. Самъ Генрихъ былъ христіанинъ въ полномъ смыслѣ слова и съ интересомъ слѣдилъ за современнымъ религіознымъ движеніемъ (Крестовыми походами). Такимъ образомъ, въ Генрихѣ мы встрѣчаемъ религіозность на ряду съ развитіемъ личности или, говоря проще, индивидуализмъ Генриха развивается въ религіозную сторону. Кромѣ того, Генрихъ, какъ мы видѣли, склоненъ къ пессимизму; держась взгляда, что все—„суета суеть и томленіе духа“, Генрихъ необходимо долженъ былъ не высоко ставить людей, которые служатъ суетѣ: пессимизмъ его поддерживался печальнымъ состояніемъ современнаго общества. Нельзя, конечно, отрицать, что Генрихъ не всегда оставался вѣренъ своимъ

¹⁾ Говоря объ языкѣ элегіи Генриха нельзя не выразить желанія, чтобы было произведено сравненіе латыни такъ называемыхъ вагантовъ съ латынью школьныхъ поэтовъ, къ которымъ принадлежитъ Генрихъ. Любопытно, что лексиконъ Сартіна Вигала гораздо ближе къ классической латыни, чѣмъ лексиконъ Генриха.

идеаламъ и нерѣдко исполнялъ такія правила, какъ „угодать всѣмъ и не осуждать того, что не осуждается обычаемъ“. Таковъ сводъ предшествующихъ разсужденій о Генрихѣ Сеттимелло.

Въ трудѣ проф. Корелина „Ранній Итальянскій гуманизмъ“, между прочимъ, сказано: „два существенные признака составляютъ особенность гуманистической литературы: проявляющійся въ ней индивидуализмъ и глубокій интересъ къ классической древности“. Конечно, можетъ быть много способовъ проявленія индивидуализма и могутъ быть люди съ несомнѣнно развитой личностью, но въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ у гуманистовъ; это совсѣмъ иное дѣло, и вопросъ о развитіи личности есть скорѣе вопросъ психологическій, чѣмъ историческій. Остается, какъ фактъ, то, что и у Генриха въ его элегіи проявляется индивидуализмъ, и обнаруживается любовь къ классической древности. Въ гуманистическомъ индивидуализмѣ г. Корелинъ, между прочимъ, указываетъ двѣ черты: интересъ человека къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру и интересъ къ міру внѣшнему: эти двѣ черты мы видѣли и въ Генрихѣ. Итакъ, остается на лицо то обстоятельство, что въ Генрихѣ Сеттимелло есть нѣкоторыя черты, связывающія его съ Петраркой и прочими гуманистами.

Поэтому изученіе Генриха Сеттимелло и поэтовъ, подобныхъ ему (Генриха Миланскаго, Петра Эболи и др.), приобретаетъ интересъ методологическій, изъ котораго естественно возникаетъ вопросъ: какъ изучается эпоха Возрожденія и какъ она должна изучаться?

Д. Истревъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ второй (1702 — 1703). С.-Пб. 1889. Томъ третій (1704—1705). С.-Пб. 1893.

Давать оцѣнку изданію, названіе котораго только-что выписано, представляется въ настоящее время уже излишнимъ, не только потому, что на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* о „Письмахъ и бумагахъ Петра Великаго“ велась уже рѣчь по поводу выхода перваго ихъ тома (см. нашу статью въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889, № 12, стр. 402—425), но и еще болѣе въ виду того, что это изданіе съ перваго же появленія своего въ свѣтъ заняло вполне опредѣленное и почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ. Второй и третій томы „Писемъ и бумагъ“ составлены по тому же плану, что и первый, и могутъ служить образцомъ той тщательности, заботливаго вниманія и истинно научной осторожности въ обращеніи съ такимъ цѣннымъ и важнымъ матеріаломъ, какой подлежалъ опубликованію въ данномъ случаѣ. Если и можно сожалѣть, что изданіе подвигается впередъ не особенно быстро, то при видѣ огромнаго матеріала, внесеннаго въ отдѣлъ примѣчаній и столь облегчающаго пониманіе самыхъ писемъ Петра Великаго,—начинаешь мириться и съ этою медленностью; если, наконецъ, можно сожалѣть, въ интересахъ скорости веденія дѣла, что дѣятельность комиссіи, образованной 30-го декабря 1872 года для собранія матеріаловъ къ изданію писемъ и бумагъ царственнаго Преобразователя, свелась въ настоящее время къ работѣ лишь одного его члена—академика А. Θ. Бычкова, подъ редакціей котораго изданы и оба послѣднихъ тома,—за то невольно удивляешься той массѣ затраченнаго труда, которую понесъ одинъ человѣкъ, и той энергіи,

какую пришлось проявить для осуществленія намѣченной цѣли. Въ ряду многочисленныхъ работъ уважаемаго академика, „Письма и бумаги императора Петра Великаго“ безспорно займутъ одно изъ самыхъ высокихъ и почетныхъ мѣстъ.

Обиліе матеріала со втораго тома сразу и значительно возрастаетъ: въ то время, какъ первый томъ могъ умѣстить серію бумагъ за 14 лѣтъ, второй и третій содержатъ ихъ всего по два года въ каждомъ. Къ тому же и по отпечатаніи перваго тома собраніе матеріаловъ продолжало идти своимъ чередомъ, и предисловія къ новымъ томамъ перечисляютъ новыя имена лицъ, обогатившихъ редакціонный портфель. Кромѣ того дальнѣйшій разборъ архивовъ далъ возможность дополнить первые годы переписки нѣсколькими новыми номерами, точнѣе опредѣлить даты, исправить ошибки не только Голикова, но и Устрялова, Елагина, Соловьева, Германна ¹⁾. Большую услугу оказали хранящіяся въ Государственномъ архивѣ „Записныя Тетради указамъ, отходящимъ за рукою государя“: тамъ были найдены, для времени, главнымъ образомъ, съ 1705 года, указанія на довольно значительное число недошедшихъ до насъ писемъ Петра Великаго. Въ эти Тетради вносилось, въ рѣдкихъ случаяхъ полностью, преимущественно же въ сокращеніи ббольшая часть писемъ и указовъ Петра Великаго; иногда же въ нихъ находится лишь одно указаніе времени когда и лица, къ кому писалъ государь. Встрѣчаются въ Записныхъ Тетрадахъ и черновые собственноручные оригиналы нѣкоторыхъ писемъ и указовъ государя. Резолюціи государя на докладахъ, исправленія, которыя имъ дѣлались въ томъ или другомъ документѣ, а также грамоты къ иностраннымъ государямъ совсѣмъ не вносились въ Тетради. Въ томъ случаѣ, когда письмо въ полномъ видѣ было на лицо, а въ Тетрадахъ находилось одно указаніе на его содержаніе, то въ „Письмахъ и бумагахъ“ лишь упоминается объ этомъ въ примѣчаніяхъ; „въ тѣхъ же случаяхъ, когда письма или указа Петра Великаго не сохранилось, то имѣющіяся въ Записныхъ Тетрадахъ его сокращеніе или даже простое упоминаніе внесены въ самый токъ писемъ и бумагъ Петра Великаго, а въ соответствующихъ примѣчаніяхъ помѣщены отвѣтныя письма къ государю, если такія были найдены, по которымъ можно составить нѣкоторое понятіе о содержаніи утраченнаго письма“ ²⁾.

¹⁾ Ср. для примѣра „Письма и бумаги“ II, 574; III, 587, 592, 605, 609, 687, 689, 707, 709, 763, 966, 1049.

²⁾ Предисловіе къ третьему тому „Писемъ и Бумагъ“.

Какъ ни цѣнны однако сами по себѣ *письма и бумаги*, но онѣ еще болѣе выигрываютъ, благодаря той обстановкѣ, въ какой появляются нынѣ на свѣтъ. При каждомъ номерѣ отмѣчено: откуда онъ взятъ, въ подлинникѣ или копіи, напечатанъ ли раньше, и гдѣ, или нѣтъ; по возможности, данъ необходимый комментарий именамъ, событіямъ, отдѣльнымъ выраженіямъ и т. п.

Чтобы судить о томъ, какое мѣсто и роль играютъ „примѣчанія“ въ цѣломъ изданіи, замѣтимъ, что на 721 страницу второго тома ихъ приходится 403, то-есть, болѣе половины; на 1065 страницъ третьяго—519, то-есть, почти половина. Что касается до самыхъ писемъ и бумагъ Петра Великаго, то очень значительная часть ихъ является или совершенно впервые, или извѣстна была прежде въ извлеченіи, въ неполномъ видѣ, въ пересказѣ или переводѣ. На 214 №№ (403—616) второго тома такихъ вновь или полностью напечатанныхъ документовъ насчитывается 72; на 396 №№ (617—1012) третьяго—115, то-есть, въ общемъ почти цѣлая треть. Это будутъ №№: 406, 411, 412, 413, 414, 416, 417, 418, 419, 422, 423, 424, 425, 431, 435, 441, 449, 464, 467, 472, 474, 475, 482, 483, 485, 486, 495, 496, 507, 509, 516, 521, 522, 536, 541, 543, 545, 546, 549, 550, 553, 557, 559, 561, 563, 564, 565, 568, 569, 574, 575, 576, 579, 587, 590, 591, 593, 596, 598, 599, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 608, 610, 613, 614, 615 и 616—во второмъ томѣ. А въ третьемъ: 617, 618, 620, 622, 623, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 637, 638, 639, 644, 646, 649, 650, 651, 654, 656, 658, 663, 664, 674, 679, 680, 688, 692, 694, 695, 701, 702, 703, 705, 708, 713, 715, 721, 724, 729, 731, 733, 735, 739, 743, 748, 749, 750, 751, 754, 756, 758, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 770, 772, 773, 777, 781, 782, 786, 793, 799, 806, 815, 820, 822, 828, 829, 830, 833, 840, 845, 860, 861, 865, 866, 867, 868, 869, 874, 877, 880, 885, 931, 938, 939, 950, 955, 962, 964, 965, 970, 977, 979. 981, 990, 991, 997, 998, 999, 1000, 1001, 1002, 1004, 1009, 1010 и 1012.

Что касается до плана, до приемовъ изданія, то, какъ уже было замѣчено, они остались и въ нововышедшихъ томахъ такими же, какъ и въ первомъ, а потому относительно ихъ остаются тѣми же и тѣ немногіе пункты разногласія, какіе высказаны были нами при оцѣнкѣ перваго тома „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“. Мы по прежнему думаемъ, что было бы гораздо удобнѣе письма постороннихъ лицъ, заключающія въ себѣ свидѣтельства на недошедшія до насъ бумаги царя, помѣщать не въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ во

второй половинѣ тома, а подлѣ самыхъ писемъ государя на соответственномъ мѣстѣ. Позволимъ себѣ повторить сказанное пять лѣтъ назадъ по этому поводу: „Напрасно возражать, что это уничтожило бы цѣльность изданія и внесло бы постороннее въ составъ страницъ, долженствующихъ всецѣло принадлежать мысли и перу великаго императора. Нельзя не имѣть въ виду, что включаются въ изданіе письма эти съ цѣлью сохранить отъ забвенія малѣйшую черту чего-либо начертаннаго и обдуманнаго царемъ. Мы не можемъ допустить, чтобы ими имѣлось въ виду только удостовѣрить въ существованіи недошедшихъ до насъ писемъ: для этого вполнѣ достаточно было бы ограничиться отмѣткою, что въ письмѣ такого-то лица есть указаніе на государево письмо такой-то даты. Очевидно, печатаніемъ писемъ царскихъ корреспондентовъ предполагалось по возможности прослѣдить по нимъ *содержаніе* утраченнаго, *возстановить* его, хотя бы путемъ намековъ и догадокъ. Поэтому всѣ такія письма въ настоящемъ изданіи имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а, если можно такъ выразиться, какъ *блѣдный отпечатокъ* писемъ Петра, и въ такомъ случаѣ они съ полнымъ правомъ могутъ быть помѣщены рядомъ съ письмами государя. Ихъ можно было бы печатать внизу страницъ подъ чертою, или еще лучше, въ общемъ порядкѣ, но болѣе мелкимъ шрифтомъ. Такимъ путемъ сразу достигнута была бы двойная выгода: удобство пользованія, и что еще важнѣе, умственная дѣятельность царя въ ея послѣдовательномъ теченіи предстала бы предъ нами съ гораздо меньшими перерывами. Кромѣ указаннаго, нельзя еще не обратить вниманія на то, что, даже относя письма царскихъ корреспондентовъ въ отдѣлъ примѣчаній, можно и слѣдовало въ текстѣ государевыхъ писемъ (то-есть, въ первой половинѣ всей книги) вводить подъ соответствующимъ номеромъ указаніе на то, что такое-то (недошедшее) письмо было написано, и именно тогда-то. При этомъ и самыя письма, на основаніи которыхъ это доказывается, стояли бы (въ примѣчаніяхъ) каждое подъ своимъ самостоятельнымъ номеромъ и не пристегивались бы, какъ теперь, къ предъидущему по времени номеру, что, разумѣется, не облегчаетъ ихъ пользованія. Выгода отъ этого оказалась бы еще и та, что сразу очевиднымъ стало бы истинное число писемъ, написанныхъ Петромъ“ ¹⁾. Вотъ почему за періодъ, охваченный первымъ томомъ „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“ вмѣсто заномерованныхъ 402 бумагъ государя, на

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889, № 12, стр. 409—410.

самомъ дѣлѣ, составилъ ихъ около семисотъ; вмѣсто 214 №№ второго тома—ихъ около трехсотъ, вмѣсто 394 третьяго—болѣе четырехъ съ половиною сотенъ,—и въ общемъ 1012 №№ всѣхъ трехъ томовъ можно увеличить почти до полутора тысячъ.

Въ рассматриваемомъ изданіи желательно было бы также видѣть обозначеніе вверху каждой страницы, справа, номеровъ тѣхъ писемъ, о которыхъ идетъ рѣчь, отсутствіе чего особенно чувствительно замедляетъ работу изучающаго эту книгу. Наконецъ, въ отдѣлѣ примѣчаній хорошо было бы найти сбоку каждого номера соотвѣтственную ему дату.

Широкія рамки, въ какихъ задуманы „Письма и бумаги“, могутъ только вызвать чувство научнаго удовольствія въ каждомъ интересующемся успѣхами отечественной историографіи; но за то нельзя не признать, что въ самой широтѣ этой программы заключается и слабая сторона изданія. Комиссія задалась возвышенной и благородною цѣлью сохранить отъ забвенія въ полномъ смыслѣ все, что вышло изъ-подъ пера царственнаго Преобразователя, самую малѣйшую даже черту его. Въ планъ изданія входятъ не только письма, указы, инструкціи, но и учебныя тетради, замѣтки для памяти, черновые наброски; не только грамоты, узаконенія, но и всякія исправленія реляцій, переводныхъ сочиненій и т. п. Но написанное слово цѣнно для насъ не само по себѣ, не съ его внѣшней, археографической стороны, а какъ выраженіе мысли, какъ отраженіе умственной работы. Вотъ почему комиссія печатаетъ не только то, что въ буквальный смыслъ начертано перомъ Петра Великаго, но и „трактаты и договоры, заключенные съ иностранными государствами, а также грамоты къ иностраннымъ государямъ“, хотя бы и не подписанныя Петромъ Великимъ, такъ какъ—вполнѣ основательно заключила она—„документы этого рода составлялись большею частію по мысли и указаніямъ самого государя“.

Но тутъ-то и начинаются затрудненія. Если можно вводить въ сборникъ и то, что только *по существу*, но внутренней, а не одной внѣшней правдѣ подходитъ къ „Письмамъ и бумагамъ Петра“, то въ такомъ случаѣ, гдѣ остановиться въ привлеченіи матеріала? Какъ установить критерій между тѣмъ, что безусловно не Петровское и тѣмъ, что не его только по формѣ выраженія, но способу начертанія? И, думается намъ, комиссія такого критерія не отыскала. Она чувствовала, напримѣръ, всю логичность включенія въ программу „именныхъ указовъ, объявленныхъ разными лицами, не смотря на то,

что они не имѣютъ подписи Петра Великаго⁴, потому что, дѣйстви-тельно, въ именныхъ повелѣніяхъ отнюдь не блѣднѣе, чѣмъ въ дру-гихъ распоряженіяхъ рисуется и мощная воля, и разносторонній умъ, и подавляющая энергія царя, не говоря уже того, что безъ нихъ совокуинность всей государственной дѣятельности Преобразователя не можетъ быть понята съ надлежащею полнотою; но коммиссія испу-галась размѣровъ, до какихъ могло бы вырости въ этомъ случаѣ изданіе, и отказалась отъ первоначальнаго намѣренія.

Точно также она помѣщаетъ „наказы нашимъ дипломатическимъ агентамъ за границею и переписку съ ними лицъ, завѣдывавшихъ Посольскимъ приказомъ, если въ сохранившихся черновыхъ отпускахъ тѣхъ и другихъ встрѣчаются поправки или дополненія, писанныя Петромъ Великимъ⁴“. И вотъ, въ зависимости отъ этого, зачастую чисто-внѣшняго, отличительнаго признака, въ сборникъ не попадаютъ указы, *по существу* стоящіе совершенно въ одинаковыхъ правахъ съ удостоившимися такой чести. Такъ, напримѣръ, тайныя статьи, данныя П. А. Толстому, 2-го апрѣля 1702 года, въ „Письмахъ и бумагахъ“ находятся; но указъ князю П. А. Голицыну, 5-го февраля 1701 года (*Устряловъ*, IV, 2, стр. 14), или статья 7-го ноября 1700 года князю Г. Ѳ. Долгорукову, данныя при отправленіи послѣдняго въ Польшу (*Ibid.*, 7), отсутствуютъ; хотя грамота 6-го ноября 1700 года королю Августу объ отправкѣ того же Долгорукова, содержанія чисто формальнаго и *по существу* стоящая несомнѣнно ниже документа, датированнаго днемъ позже,—тамъ есть. Правда, ни на статьяхъ 7-го ноября, ни на указѣ 5-го февраля нѣтъ внѣшняго признака Петровой мысли, но сомнѣваться въ участіи царя въ ихъ составленіи никто и не подумаетъ, если только вчитаться во всѣ бумаги того времени.

Другой примѣръ. Бирженскій договоръ 26-го февраля 1701 года включенъ въ изданіе, по записку о постановленіяхъ военнаго совѣта, состоявшагося два дня спустя послѣ заключенія договора, и при томъ въ присутствіи царя (*Устряловъ*, IV, 2, стр. 19), не пошла въ число „Писемъ и бумагъ“. Точно также правильно-ли, опять таки *по существу*, помѣщая инструкцію кроншлотскому коменданту, 3-го мая 1704 года, пропускать другіе указы: 5-го августа и 6-го декабря 1702 года, 4-го и 10-го февраля 1703 года (*Ibid.* IV, 2, стр. 33, 42, 44, 45)?....

Результатомъ вышесказаннаго является то, что при всемъ обиліи данныхъ, внесенныхъ въ настоящее изданіе, изслѣдователь не из-

бѣгнеть надобности пользоваться въ другихъ мѣстахъ матеріаломъ, очень тѣсно примыкающимъ къ нынѣ опубликованному. Предупреждая возраженіе, мы заранѣе соглашаемся, что удовлетворить наше желаніе значило бы создать въ перспективѣ сборникъ, которому не хватило бы и сотни томовъ; но вышесказанныя соображенія мы и выставляемъ лишь съ цѣлью отмѣтить особенности настоящаго изданія.

А что потребность въ расширеніи матеріала, хотя бы лишь объяснительнаго и безупречнаго съ формальной стороны по отношенію установленной программы, сознается и самими руководителями дѣла, это можно видѣть на новыхъ томахъ, гдѣ до извѣстной степени сдѣлана серьезная попытка облегчить указанныя затрудненія помѣщеніемъ въ отдѣлѣ примѣчаній не только писемъ, свидѣтельствующихъ объ утерянныхъ строкахъ царя, но и большого количества такихъ документовъ, полностью или въ извлеченіи, которые служатъ просто для разъясненія и дополненія писемъ, грамотъ или договоровъ государя, напечатанныхъ въ текстѣ тома. Число такихъ объяснительныхъ документовъ растетъ и, видимо, будетъ расти, и всякій занимающійся данною эпохой несомнѣнно съ благодарностью отнесется къ этому нововведенію. Нынѣ ходъ событій Великой Сѣверной войны за первые годы, главнымъ образомъ политическая ея сторона, получаетъ болѣе яркое, отчетливое освѣщеніе, чего одни письма царя не въ состояніи были бы дать. Конечно, такое расширеніе программы въ значительной степени усложнило редакторскую часть и замедлило появленіе въ свѣтъ самой книги; за то повысило цѣнность основнаго матеріала и чрезъ это будетъ не мало содѣйствовать установленію болѣе правильныхъ понятій на эпоху реформъ. Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ приходится ждать слѣдующихъ томовъ, гдѣ пища для историка несомнѣнно окажется еще обильнѣе и заманчивѣе.

Повторяемъ, изданіе „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“ обладаетъ такими крупными достоинствами, что не пуждается ни въ рекомендаціи, ни въ одобреніяхъ. Отнынѣ оно должно стать настольною книгою для всякаго занимающагося эпохою Петровскихъ реформъ. Содержаніе вновь вышедшихъ томовъ на столько цѣнно, что заслуживаетъ отдѣльной статьи, потому что краткое изложеніе еще не дастъ правильнаго о немъ представленія. Значеніе и новизна послѣднихъ двухъ томовъ сводится не столько къ открытію какихъ-либо новыхъ крупныхъ, неизвѣстныхъ доселѣ фактовъ, сколько къ болѣе отчетливому уясненію общаго фона событій, деталей, дѣлающихъ болѣе яснымъ основное явленіе, къ возможности

категорически подтвердить то, что прежде лишь чувствовалось и угадывалось.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ. Изданія, подобныя настоящему, предпринимаются не каждый день. Повторенія „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“, въ ближайшемъ будущемъ, по крайней мѣрѣ, едва-ли возможно ожидать. Тѣмъ менѣе желательны какіе либо въ нихъ пропуски и пробѣлы. Съ другой стороны послѣдніе неизбѣжны, если принять во вниманіе всю сложность предпринятыхъ работъ, широту плана и, главнымъ образомъ, разбросанность матеріала. Поэтому считаемъ умѣстнымъ указать на замѣченные нами пропуски. Мы имѣемъ въ виду пять грамотъ царя и нѣсколько писемъ другихъ лицъ, свидѣтельствующихъ о существованіи новыхъ недошедшихъ писемъ Петра Великаго. Подобно тому, какъ это было поступлено нами въ первой рецензій, и въ этой мы приведемъ цѣликомъ тѣ бумаги, которыя, по плану изданія, должны были бы найдти себѣ мѣсто на его страницахъ, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ еще нигдѣ не опубликованы. Исключеніе составляетъ лишь одинъ документъ, недавно напечатанный нами въ *Ученыхъ Запискахъ Юрьевскаго Университета*; поэтому относительно его ограничиваемся одною ссылкою. Считаемъ необходимымъ предупредить, что рѣчь будетъ идти, главнымъ образомъ, о первомъ томѣ.

1) 30-го октября 1697 года отъ имени царя была послана грамота къ венеціанскому дожу Сильвестро Валеріо, съ извѣщеніемъ и описаніемъ двухъ побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками надъ турками и татарами подъ Азовомъ и крѣпостью Таванской, близъ устья Диѣпра ¹⁾). Но мѣсяцъ спустя, именно 30-го ноября, была отправлена другая грамота, съ новымъ описаніемъ побѣдъ русскаго оружія. Обѣ онѣ пришли въ Венецію одновременно, что не покажется страннымъ, когда мы узнаемъ, что и первую-то отправили лишь 19-го декабря ²⁾). Грамота 30-го ноября сохранилась въ Венеціанскомъ Государственномъ архивѣ, и мы весьма сожалѣемъ, что въ настоящую минуту можемъ привести лишь нѣсколько отрывочныхъ изъ нея словъ:

„.... По союзу нашему съ цесарскимъ величествомъ и съ вашею свѣтлостью чиня съ стороны нашей доволство и разрывая силы неприятелскіе, войска наши близъ прошедшаго сего мѣта на Дону и

¹⁾ Письма и бумаги, I, 211.

²⁾ Памятники дипломатическихъ сношеній VIII, 1138, 1141.

на Днѣпрѣ не праздны были и, хотя на Дону особливо собранныя силы непріятельскіе на войска наши приходили, но Божіею поспѣшествующею милостіюи осеннее время октября до 1-го дня задержались. А къ салтану турецкому въ Венгры.... увѣдомленія желаемъ. Писано.... «333 мѣсяца ноября 30-го дня»¹⁾.

Общій характеръ этой грамоты познается изъ отвѣтной венеціанскаго дожа, которая читается такъ:

Con singolare contento et eguale obbligatione si sono ricevute due mani di regie lettere di Vostra Czarea Maestà in data de' 30 ottobre e 30 novembre ultimamente trascorsi, mentre da esse comprendemo le gloriose operationi, fatte da suoi potentissimi esserciti con le vittorie, conseguite così in terra come sopra l'acque contro Turchi e Tartari con la rotta e morte di molto numero d'essi e con l'aquisto delle due piazze importanti. Deve però la Republica nostra ringraziare pienamente la Czarea Maestà Vostra dell' obligante communicatione, che ci fa di tale notizia, accertandola del singolare contento nostro per la gloria e merito, che sempre maggiore s'acquista il nome insigne della Vostra Czarea Maestà et il credito insieme dell' armi sue vittoriose, massime in una causa, nella quale si tratta di dilatore il dominio delle sante insegne della Croce. Per la nostra parte seguendo li dettami antichi della pietà religiosa del Senato et il debito della Sacra Lega, non s'è mancato nella passata campagna di combattere le forze de Turchi in terra in molto nostro vantaggio e sopra l mare in tre successivi combattimenti, si son fugati li nemici, ch'han rilevata copiosa mortalità e son restati in più incontri battuti con loro molto danno. Con la stessa rissolutione e vigore si dispongono li preparativi più forti per la prossima campagna per nuovamente colpirli; come s'accertiamo, sarà praticato dalli validissimi esserciti della Czarea Maestà Vostra, alla quale rinovando gli atti della nostra sincera osservanza, auguriamo sempre maggiori le glorie e duratione di lunghi anni e felici²⁾.

2) Въ Венеціанскомъ Государственномъ Архивѣ сохранился ори-

¹⁾ *Венеціанскій Государственный Архивъ*. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. Документъ № 48.

²⁾ *Венеціанскій Государственный Архивъ*. Senato Ccrti. 1697, № 74, листъ 173, черновой отпускъ грамоты венеціанскаго дожа отъ 1-го февраля 1697 (то-есть, 1698: новый годъ въ Венеціи начинался съ марта) года. Оригиналъ — въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. См. тамъ „Реестръ венеціанскимъ грамотамъ“.

гиналь другой грамоты царя Петра къ дожу Валерію, 8-го іюля 1700 года. Ея содержаніе стоитъ въ тѣсной связи съ грамотою 28-го ноября 1699 года ¹⁾:

„Божіею поспѣшествующею милостію мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ (полный титулъ). Пресвѣтлѣйшему и велеможному князю и господину господину Селивестру Валерію, Божіею милостію арцуху владѣтельства Венецыйскаго, и всему сенату Венецыйскому наше царскаго величества благопріѣтствованное поздравленіе. Изволили мы, великій государь, наше царское величество, вашей велеможности нашею царского величества грамотою, посланною ноября кн дня прошедшаго 1700 году, при усердномъ нашемъ благодареніи объявить объ отпуске отъ насъ свѣтлости нашей изъ Венецыйскаго арсенала бывшихъ въ государствахъ нашихъ мастеровъ воинскихъ, морскихъ судовъ капитана Якова Мора товарищю осми не скудно отъ насъ пожалованныхъ, понеже присланы были они во общую нашу союзную ползу и прибыль, а особо намъ къ вящему отъ насъ удовольствованію во время тогда обще христіанской вѣдущей войны съ Турецкою Портою, и чесо ради мы, великій государь, наше царское величество, уповая на крѣпкую междо нами надежду, самого того помянутого капитана вашего Якова Мора и съ нимъ трехъ его товарищю восхотѣли одержать, то-есть, для начатаго тогда вновь дѣлать галіаса. Нынѣ же мы, великій государь, наше царское величество, тѣхъ оставшихъ по доброрадѣтельно показанной ихъ въ томъ работы, и также удовольствовавъ ихъ нашимъ царского величества жалованьемъ за все ихъ въ государствахъ нашихъ бытіе, капитану по рублю и по осми копѣекъ, да кормовыхъ по полтине, а товарищемъ ево по рублю и кормовыхъ по полтинежъ каждому на всякій день, и сверхъ той всебытной заплаты придавъ имъ и въ дорогу сто пятдесятъ еоимковъ и готовые до рубежа подводы, и для бережи провожатыхъ, указали того капитана и товарищю ево Якова Бабтиста, Оранциника Оантеренія милостиво отпустить, а достальной ево, Яковлевъ, товарищъ, Янъ Оаесто, для совершенія таковажъ дѣла еще у насъ остатисъ приговоренъ, а докончавъ ту работу въ возвращеніи ему во владѣніе вашей свѣтлости возбранено также не будетъ, и при семъ и паки за оную къ намъ, великому государю, къ нашему цар-

¹⁾ Письма и бумаги, I, §19.

скому величеству, свѣтлости вашей и всей сияющей Рѣчи Посполи- той склонность благодарствуя, вручаемъ здравіе ваше въ сохране- ніе всемогущему Господу Богу, отъ него же желаемъ счастливого во владѣніяхъ вашихъ поведенія съ пространствомъ въ дружбе на- шей наилучшаго состоянія. Писанъ государствія нашего во дворѣ, въ царствующемъ велицемъ граде Москвѣ, лѣта по Рождествѣ Христа Спаса и Избавителя нашего 445, мѣсяца іюля 11 дня, государствованія нашего 41 году¹⁾.

Отвѣтъ дожа на эту грамоту былъ посланъ 18-го сентября 1700 года²⁾.

3) До насъ дошелъ польскій переводъ грамоты царя королю польскому Августу II, 11-го апрѣля 1698 года, съ просьбою о свободномъ проѣздѣ въ Вѣну дворянина Владимира Борзого, который везъ Великому посольству царскую казну: соболей и камки. Хотя пере- водъ и помѣчаетъ ея дату 3647-мъ годомъ отъ сотворенія міра и 17-мъ отъ вступленія на престолъ Петра Великаго, но это очевидный недо- смотръ. Ошибка въ датѣ произошла, по всей вѣроятности, отъ неумѣнья прочесть цифры, написанныя въ оригинальной грамотѣ по славянской азбучной системѣ. 7206 (1698) годъ былъ тамъ написанъ: 7333, и не трудно было з принять за 3, с — за 6, титло — за 4 и 5 — за 7. Не даромъ же и въ обозначеніи царствованія (17 вмѣсто 16) допу- щена аналогичная ошибка: славянское з и въ этомъ случаѣ принято одинаково за 7. Грамота была подана королю 26-го іюня 1698 г.³⁾ О порученіи Владимира, или, какъ его называетъ Ав. М. Головинъ, Андрея⁴⁾ Борзого, см. особое дѣло въ дѣлахъ австрійскихъ 1698 г. въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Copia hramoty cara Moskiewskiego do króla jejmosci. Po tytułach vigore pactorum braterskie lubitelne pozdrowienie. Podług naszego, wielkiego hospodara, naszego carskiego wieliczęstwa ukaz, wypra- wiony do naszych wielkich y pełnomocnych posłów, którzy małą być u brata naszego przeswietlejszego wielkiego hospodara Leopoldusa, cesarza rzymskiego, iego cesarskiego wieliczenstwa⁵⁾, do generala ad-

¹⁾ *Венеціанскій Государственный Архивъ, Czar di Moscovia dal 1655 al 1740, документъ № 51.*

²⁾ *Ibidem, Senato Corti, Registro № 77, т. 92. Оригиналъ въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.*

³⁾ *Намятники дипломатическихъ сношеній VIII, 1373—1374. Стр. 1394.*

⁴⁾ *Письма и Бумаги, I, 684.*

⁵⁾ Писецъ придерживался двойной формы написанія этого слова. Въ даль- нѣшемъ мы сохранили одну лишь первую: ф.

miraja y namiesnika Nowohorodzkiego, Franka Jakowlewicza Leforta z towarzyszymi, dworzanin nasz Wladzimirz Borzoy, z naszego carskiego wieliczestwa potrzebnymi, nalezającymi do tego ich poselstwa sprawami y z innymi potrzebami, z naszego carskiego wieliczestwa skarbu sobolami y kamkami. Droga zaś temu dworzaninowi naszemu do granic dzierzienia cesarskiego wieliczestwa należy przez państwa waszego królewskiego wieliczestwa korony Polskiej y wielkiego Księstwa Litewskiego, ziemiami y kamkami. Przeto my, wielki gospodar, naszego carskiego wieliczestwa, żądamy, abyscie wy, brat nasz, wielki gospodar, wasze królewskie wieliczestwo, z lubitelney braterskiej ku nam družby, chcieli rozkazać tego naszego pomienionego dworzanina z naszymi carskiego wieliczestwa sprawami, z skarbami y ze wszystkimi przy nim będącymi ludzmi, wozami, rzeczami od granicy litewskiej y koronney, także y od Warszawy, do pogranicznych miejsc przepuszczając do dzierzawy cesarskiego wieliczestwa z konwojami, przez wszystkie waszego królewskiego wieliczestwa ziemie, z przydaniem podwod y ze wszelką pomocą bez rewidowania posłanych z nim dzieł y skarbu naszego y bez wszelakiego myt, rodzaju y uciepiężenia na komorach y mostach y przewozach, bez zadzierzenia; y aby ochroniony był z waszey królewskiego wieliczestwa ku nam lubwi braterskiej, w tej drodze wszelkim bezpieczeństwem, takim sposobem, iako u naszego carskiego wieliczestwa waszym królewskiego wieliczestwa posłanikom y goncom, y duchownym rzymskiego zakonu ludziom, przez nasze gospodarstwa do Perskiego szacha y nazad wracającymi wszelkie w przelezdzie ich obustron drogi dziejesię wspomóżenie, z wszelkim im nalezającym do samych granic Perskich potrzebowaniem, z prowizyami, z podwodami y z konwojami, wodną zaś drogą — statkami, y morzem — okrętami bezpiecznie, bez zatrzymania ich y uciepiężenia. Gwoli czemu y tę hramotę naszą waszemu królewskiemu wieliczestwu oddać mu rozkazaliśmy. Przy tym my, wielki gospodar, naszego carskiego wieliczestwa, życzymy od Pana Boga waszemu królewskiemu wieliczestwu długoletniego zdrowia y szczęśliwego państwom waszych sprawowania. Pisan we dworze państwa naszego, stołecznym carstwa mieście Moskwie. Roku od stworzenia swiata 3647, miesiąca apryla 11 dnia, panowania naszego siedmnastego roku ¹⁾).

¹⁾ *Московский Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Архивъ царства Польскаго. Сношенія Польши съ Россіей. Акты, писанные на бумагахъ. Связка 3 (1698—1720), документъ № 1.*

4) Грамота 27-го ноября 1701 года польскому королю Августу II, на александрійской бумагѣ, съ золотыми украшеніями и большою государственною печатью:

„Поспѣшествующею милостію мы (полный титуль)... брату нашему (полный титуль) наше царское величества братцкое любительное поздравленіе. Понеже въ нынешнее настоящее время для удобного случая ко исполненію нашихъ государскія братцкія дружбы и любви и къ дѣйствительной силѣ, во еже бы союзовъ укрѣплеше въ слученныхъ мѣрахъ общихъ дѣлъ, обоямъ нашимъ государствамъ служащихъ, любительными пересылками въ состояніи добромъ имѣло быти, изволили мы, великій государь, наше царское величество, послать къ вамъ, брату нашему, къ великому государю, къ вашему королевскому величеству, и ко всей Рѣчи Посполитой, ко обоямъ народамъ короны Польскіе и великаго княжства Литовского, къ духовнымъ и мирскимъ, въ нашихъ государскихъ дѣлахъ чрезъвычайнаго посла нашего, ближняго столника и намѣстника Ростовскаго, князя Григорья Федоровича Долгорукова, которому наказали, для доношенія и согласія обоямъ нашихъ общихъ дѣлъ и совѣтовъ, на нѣкое время при вашемъ королевского величества дворѣ побыть. И вамъ бы, брату нашему, великому государю, нашему королевскому величеству, оному послу нашему въ доношеніи ево милостивое слушаніе и полную вѣру и благоволителные совѣты, ко исполненію нашей государственной братцкой дружбы и къ дѣйствительной силѣ укрѣпленнаго союза въ согласіи обоямъ государствамъ служащимъ и Рѣчи Посполитой обоямъ народовъ, при своемъ королевскаго величества дворѣ и въ походѣхъ на нѣкое время побыть повелите и сіе наше желаніе исполните, въ чемъ надѣмся, что и вамъ, брату нашему, великому государю, и Рѣчи Посполитой сіе общее дѣло благоприятно будетъ. При семъ мы, великій государь, наше царское величество, желаемъ вамъ, брату нашему, великому государю, вашему королевскому величеству, отъ Господа Бога многолѣтнаго здравія и счастливого въ государствахъ вашихъ государствованія и правленія. Писанъ государствіи нашего во дворѣ, въ царствующемъ величѣмъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа 1701-го, мѣсяца ноября 27 дня, государствованія нашего 20 году¹⁾).

¹⁾ *Московский Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Архивъ Царства Польскаго. Сношенія Польши съ Россіею. Акты, писанные на бумагѣ. Связка 8 (1698—1720 гг.). Документъ № 4.*

5) Грамота 27-го ноября 1701 года польскимъ панамъ радѣ:

„Божією послѣшествующею милостію мы (полный титулъ), вамъ. яснееоспечоному ксенже Михаилу Стефану Радѣевскому, архіепископу Гнезденскому, кардиналу послу урожденному примасу короны Полскіе и великого княжства Литовского, первому князю, и яснеевелеможнымъ велеможнымъ паномъ раде и всей Рѣчи Посполитой обоего народу коруны Полской и великого княжства Литовского духовнымъ и мирскимъ. сосѣдственно всякого благополучія желаемъ. Въ нынешнее настоящее время для удобнаго случая ко исполненію нашихъ государскія братскія дружбы и любви и къ дѣйствительной силѣ, во еже бы союзомъ укрѣпленіе въ слученныхъ мѣрахъ общихъ дѣлъ обомъ нашимъ государствамъ и вамъ, паномъ раде, и всей Рѣчи Посполитой служащихъ любительными пересылками въ состояніи добро имѣло быти, посылаемъ мы, великій государь, наше царское величество, къ брату нашему, къ великому государю, къ его королевскому величеству, и къ вамъ, паномъ раде, и ко всей Рѣчи Посполитой чрезвычайнаго посла нашего, ближняго стольника и намѣстника Ростовского, князя Григорья Ѳедоровича Долгорукова, которому наказали, для доношенія и согласія общихъ дѣлъ и благоволительныхъ нашихъ совѣтовъ къ слученію въ союзе общихъ силъ, при дворѣ брата нашего, великаго государя, его королевскаго величества, и при васъ, панахъ радахъ, и при всей Рѣчи Посполитой на нѣкое время побыть. И вамъ бы, паномъ раде, и всей Рѣчи Посполитой тому нашему чрезвычайному послу въ пребываніе отъ васъ благоволительные совѣты къ дѣйствительной силѣ укрѣпленнаго союза и въ настоящей войнѣ къ будущему времени, что онъ имянемъ нашимъ учнетъ предлагать, тому изволите вѣрить. Въ чемъ надѣемся мы, великій государь, наше царское величество, что вы, паны рада. и вся Рѣчь Посполитая по желанію нашему въ намѣренныхъ нашихъ общихъ дѣлахъ противъ общаго нашего непріятели помочниками быти насъ не оставите и по сосѣдственной своей къ намъ дружбѣ и для обомъ нашихъ государствъ и вамъ, паномъ раде, и всей Рѣчи Посполитой общей служащей ползѣ склонность свою въ томъ покажете и желаніе наше по дружбелюбію своему исполните, чего мы, великій государь, наше царское величество, желая, предаемъ васъ, коруны Полской и великаго княжства Литовского паномъ радѣ, и всю Рѣчь Посполитую при добромъ здравіи Богу всемогущему въ сохраненіе. Писанъ государствія нашего во дворѣ, въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ; лѣта отъ

Рождства Спасителя нашего Иисуса Христа 1701-го, мѣсяца ноября 27-го дня, государствованія нашего 20 году“¹⁾).

Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ хранится, какъ извѣстно, грамота Петра Великаго Людовику XIV, 23-го февраля 1704 г.²⁾ Въ ней можно отмѣтить одну мелочь, смѣемъ думать, имѣющую право на вниманіе: подписавшись подъ грамотой („Петръ“), царь не далъ высохнуть черниламъ и поторопился свернуть ее по нижнему сгибу, такъ что на соответствующемъ мѣстѣ отпечатлѣлась (въ обратномъ видѣ) еще не высохшая буква з³⁾. Сангвиническій характеръ царя рисуется и въ этой поспѣшности.

Мы имѣли уже случай сообщать⁴⁾ о томъ, что въ библиотекѣ Юрьевскаго университета хранится тетрадь изъ собранія Ѳ. В. Булгарина, содержащая письма Ѳ. А. Головина къ Петру Великому. Всѣхъ писемъ 14, за мартъ, апрѣль и май 1701 года⁵⁾, какъ разъ за время пребыванія Петра въ Воронежѣ. Большая часть ихъ только подписана Головинимъ, и лишь нѣкоторыя вышли непосредственно изъ подъ пера самого адмирала. Булгаринская коллекція далека до желаемой полноты: письма Головина за эту пору встрѣчаются и въ другихъ книгохранилищахъ. Такъ письмо 20-го мая 1701 года прихо-

¹⁾ Тамъ же, гдѣ и предыдущая грамота, документъ № 5.—На стр. 82-й перваго тома „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“ упоминается грамота дожа, отвѣтная на царскую грамоту 18-го марта 1695 г. Она была составлена 14-го мая 1695 г., и въ черновомъ отпускѣ видѣтъ ее можно въ Венеціанскомъ Государственномъ Архивѣ, Senato Corti, 1695, Registro № 72, стр. 36. Хотя она и отвѣчаетъ якобы на грамоту 18-го февраля, но это очевидное недоразумѣніе: оригиналъ царской грамоты 18-го марта хранится въ томъ же Венеціанскомъ архивѣ вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ, гдѣ мартъ ошибочно замѣненъ февралемъ (Czag di Moscovia, документъ № 35). Очевидно, канцелярія венеціанскаго дожа руководилась, при составленіи отвѣта, не русскимъ оригиналомъ, а переводомъ. Грамота 14-го мая хранится, по „Резестру венеціанскимъ грамотамъ“, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

²⁾ Напечатана въ Письмахъ и бумагахъ, III, 35.

³⁾ *Archives du ministère des affaires étrangères*. Moscovie, vol. II.

⁴⁾ П. В. Постниковъ. Нѣсколько данныхъ для его биографіи. *Ученыя Записки Юрьевскаго университета* 1894, № 1, стр. 111; въ отдѣльномъ оттискѣ, стр. 391

⁵⁾ Булгаринъ, готовившій письма къ печати (что видно изъ собственноручной отяпки его на обложкѣ писемъ: „недѣтъ переписать, попросить знающаго старое письмо свѣрить и тогда печатать. Ѳ. Булгаринъ“), ошибочно отнесъ ихъ къ 1700 году, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они составлены годомъ позже, что видно изъ самаго содержанія переписки, хотя бы, напримѣръ, изъ того, что въ 1700 году еще нельзя было толковать объ условіяхъ, заключенныхъ на свиданіи въ Виржахъ.

дится отыскивать въ Государственномъ архивѣ, въ кабинетѣ Петра Великаго ¹⁾); черновой отлукъ письма 26-го мая 1701 г. попалъ въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ отдѣлъ „Писемъ разныхъ лицъ на русскомъ языкѣ 1703 года“ ²⁾; да, вѣроятно, и это еще не все. Покинувъ Москву, царь, разумѣется, желалъ быть au courant текущихъ событій, и мы видимъ, что Головинъ постоянно дѣлаетъ ему доклады и сообщенія; въ свою очередь и Петръ ставитъ запросы, отдаетъ приказанія. Но писемъ его къ Головину за это время до насъ совсѣмъ не дошло; сохранились одни указанія на нихъ, въ отвѣтахъ его корреспондента; изъ серіи Юрьевского университета именно въ слѣдующихъ:

1) Милостивой государь, здравіе твое, милостивого государя, и всѣхъ, желающихъ оного, десница Вышняго навѣки счастливо да соблюдетъ. Попремногу тебѣ, милостивому государю, благодаренъ за присланное ко мнѣ письмо, которое писано марта въ 22-й день, а наипаче, ей истинно, урадовался всею душою, что ты, милостивой государь, пріѣхалъ здраво ³⁾, понеже на Москвѣ не въ добромъ состояніи здравіе твое, милостивого государя, состояло. О Нарвѣ не изволь. государь, сумнѣватца, о томъ подлинно говорено и съ самимъ королемъ, а что съ министры ево многократно и положено въ совѣтѣ, что послѣ полученія счастливого оружія ихъ, въ нашу сторону всѣми войски когда спомогати и итти или къ Нарвѣ, или къ инымъ мѣстамъ, что написано въ пунктахъ, о томъ подлинно; что учиня подлинной совѣтъ и по положеніи что положено будетъ, конечно записавъ чинить. Елице они и о другихъ земляхъ, которые будто къ ней принадлежать, како Ревель и прочіе, чтобъ мы не вступились въ сие. И не то что мало, но и многократно о семъ говорено, и она сего не спорили. Почта, государь, заморская пришла, и Андреевы письма, какъ изъ Амстрадама, такъ изъ Копенгагена, есть, которыя я посылаю въ семъ моемъ писмѣ къ тебѣ, милостивому государю. Кажетца, за помощію Божіею, есть предначинаніе къ разорванію. При томъ же, государь, посланы и куранты, присланные ко мнѣ отъ Артемоновича. Исъ Копенгагена которое письмо прислано изволишь прочесть, надобно вѣдать тебѣ, милостивому государю. Грамоту къ Аглинскому королю не изволиши, государь, послать еще, объявляя ему посредство prin-

¹⁾ Письма и бумаги Ц. 712.

²⁾ Ibidem, 715.

³⁾ Не придется-ли въ такомъ случаѣ день пріѣзда царя въ Воронежъ, Журналомъ показанный на 23-е марта, отодвинуть по крайней мѣрѣ сутками назадъ?

мателное отъ страны вашей, потому въ первой грамотѣ въ концѣ положено, что видѣвся о томъ съ королевскимъ величествомъ Польскимъ, изволишь учинить подлинную вѣдомость и о томъ писать будешь; что списавъ списокъ, что при окончаніи оной грамоты написано, послалъ на сей почтѣ. Нынѣ пишетъ Артемоновичъ, что лутче и политичиѣе отказываютъ Галапцы Шведу въ споможеніи припятіемъ ихъ посредства между вами. О Брандесбургскомъ, государь, дѣлѣ изволишь гораздо намислитца, мочно писмо дать такое, что хотимъ признать, а впредь изволишь или не изволишь признать, или содержать, что то будетъ въ твоей волѣ, и изволишь о семъ вычестъ куранты, что кромѣ оранцузского вѣѣ для приволакиванія ево къ себѣ признавають и съ поздравленіемъ посылають, токмо въ томъ буди воля твоя, и о томъ ко мнѣ отписать повели. Золотыхъ, государь, еще сколько возможемъ, покупаемъ и что купимъ, отдадимъ не мешкавъ присланному, и считаемъ по договору денги сто тысячъ, полагая всякой золотой по сту по двадцати копѣекъ нашими денги. Англичаня, государь, табакомъ что торгуютъ, въ зачетъ пошлинъ переводятъ въ Гданскъ пятнадцать тысячъ рублей, и тѣ вѣксели я у нихъ возму: годятца впредь ради счету послѣднихъ платежей саксонцомъ за кормовые наши войскамъ денги. Смоленская шляхта по указу, государь, твоему наряжена, и велено имъ быть во Псковъ, такли имъ изволишь быть или зѣ господиномъ Опраксынымъ и нарядить, а во Псковѣ и такъ многолюдно будетъ.

„Рабъ твой Оетко рор. Марта въ 17^а 1).“

2) Милостивой государь, здравіе твое, милостивого государя, и всѣхъ, желающихъ оногo, десница Вышняго навѣки счастливо да соблюдетъ. Писмо, государь, присланное ко мнѣ отъ милости твоей, государя, которое писано апрѣля 2-го дня ²⁾, я принялъ и противъ того для лутчаго дѣла выразумленія съ присланными королевскими я говорилъ, что нѣтъ ли какой секретной у нихъ вѣдомости о нападеніи ко Пскову неприятеля, на что мнѣ отвѣщали, что они ни по какой то чинятъ вѣдомости, но токмо смотря на ображеніе неприятеля, что къ Московскимъ границамъ копитца, и престоерегалъ въ томъ,

¹⁾ Заключенное въ кювычки писано самимъ Головинимъ. На оборотѣ письма помѣта: (получено) „апрѣля въ 4-й денъ“.

²⁾ Такимъ образомъ теперь точиѣе можно опредѣлить дату письма государя, чѣмъ это сдѣлано на стр. 707 втораго тома „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“.

дабы незапного нападенія не учинилъ. И я имъ говорилъ, что они должны въ семь чинить споможеніе, естли отъ непріятели какое наступленіе будетъ, какъ я имъ говорилъ и напередъ сего; на что мнѣ сказали, что они о томъ по первымъ моимъ еще письмамъ писали и мнѣ умножая о томъ писати будутъ. А что, государь, написано въ прежнемъ писмѣ моемъ, чтобъ незапно не напали, и то я написалъ, когда войски наши въ походѣ обрѣтатися будутъ хъ королевскому величеству, и чтобъ ихъ не спустить, чтобъ того Шведы не учинили, что они къ границамъ копитца; о чемъ я говорилъ и присланнымъ, чтобъ они того стерегли и своимъ войскомъ учинить походъ повелѣли на встрѣчу. Сказали, что такъ учинено будетъ, и о томъ они писали многожды, также я съ нарочнымъ въ войска ихъ отъ насъ посланнымъ. Въ провожаніи, государь, войскъ тому у нихъ велено ѣхать во Псковъ, которой нынѣ на Москвѣ принялъ денги, и, отвезши ихъ въ Витепскъ, немедленно хотѣлъ ѣхать во Псковъ, что мы, согласясь съ Тихономъ Никитичемъ, по указу твоему исполняти будемъ. А опасные грамоты во Псковъ часто посылаемъ. Людей, государь, сказывалъ мнѣ Тихонъ Никитичъ, что много есть, и по вѣдомостямъ нынѣ довольно, крѣлости коликіе возможно здѣланы, и письмо, государь, присланное ко мнѣ нынѣ отъ милости твоей, государя, я ему казалъ, и о ратныхъ людехъ, и о роспискѣ ихъ хотѣлъ къ тебѣ, милостивому государю. Тихонъ Никитичъ писать на сей почтѣ. Изволишь, государь, отписать къ нему или хъ кому воля твоя, что какъ поступать тамо князь Никитѣ Репнину приведчи войска. По предложеннымъ, государь, статьямъ о драгунехъ я съ присланнымъ генераломъ адъютантомъ и съ Кениксекомъ говорилъ довольно, и для чего написано у нихъ по 8 ефимковъ каждому на мѣсяць, а даютъ у нихъ по 4, что ты ко мнѣ изволилъ писать, и чтобы намъ у себя въ начинаніи того дѣла впредь тѣхъ поступокъ не испортить, на что мнѣ отвѣщали, что они передъ королевскою дачею ни малого не прибавили, и у нихъ даецца драгуномъ каждому на мѣсяць по 4 ефимка кромѣ другихъ вещей, то есть сапоговъ, и исподняго платья и прочего; а 2 ефимка сверхъ тѣхъ 4-хъ на тѣ вещи примаеть помѣсечно капитанъ и то имъ покупая отдаетъ, а когда бывають на зимовыхъ становищахъ 6 мѣсяцовъ, то имъ непременно позволяютъ выбирать по 8 ефимковъ и болши на мѣсяць. И они-де написали для того ровно по 6 ефимковъ зимою и лѣтомъ, еще убавливая предъ своимъ, а другіе-де 2 ефимка написаны въ лишкѣ, для обѣщанія имъ, чтобы всѣ край пошли, понеже никогда къ Москвѣ людей не наймывали, и

если-де имъ не обѣщать и сперва не дать лишнева, никто не пойдетъ, а какъ будутъ ужъ приведены, мочно съ ними дѣлать, какъ и у нихъ. Также и въ протчемъ написали они лишніе для опасности, чтобъ обѣщався было чѣмъ примать ихъ, понеже-де зѣло трудно у нихъ новые полки сочинять. И во всемъ семъ, если воля твоя будетъ, остался Кениксекъ и перенялъ на себя, обѣщаетца конечно чинить, какъ возможеть, и о томъ писать и увѣщаетъ къ сему господина Бозу, яко сему дѣлу начальника. Съ Кениксекомъ же я говорилъ, чтобъ умалить цѣны, дабы онъ о семъ показалъ къ намъ пріятство и о томъ бы совѣтовалъ того дѣла начальникомъ, за что мы ихъ можемъ и особыми почтить дарами. Генерала, государь, адъютанта отпустили мы, придавъ ему 10 человекъ деншиковъ моихъ въ провожаніе, апрѣля въ 8-й день, а денегъ съ нимъ отпущено золотыхъ 56.823, ценою по рублю по 6 алтынъ по 4 денги, итого 68.192 рубли 13 алтынъ 2 денги; золота 130 фунтовъ съ полузолотникомъ, по рублю по 8 алтынъ по 2 денги золотникъ, итого 15.600 рублей 20 алтынъ; денгами взяли 2.220; всего 86 тысячъ 13 рублей 5 денегъ. А о достальныхъ, государь, денгахъ говорили, чтобъ имъ здѣсь покупать золотые и золото, а буде уже чего купить будетъ не возможно, и въ то время отдать денги мѣлкіе, и о томъ взято у нихъ письмо за рукою Боза, министра ихъ; хотѣлъ, тѣ денги отвезши въ Витепскъ, ѣхать прямо во Псковъ для провожанія войскъ. Вербовые или наемныя денги чтобъ перевезть всѣ въ четыре мѣста: во Гданску, въ Амбурку, въ Любку, въ Кеникзбѣрху, и о томъ бы выпросить позволеніе у кого надлежитъ въ тѣхъ городѣхъ. Къ Артемоновичу, государь, многожды отъ меня писано по указу твоему, чтобъ остерегалъ у Агличанъ и Голанцовъ принятія посредства нашего, а о Цесарскомъ, Французскомъ писалъ я самъ нынѣ на почтѣ къ Паткулю и генералу адъютанту приказалъ говорить, а Брандебурскому сами непрестанно предлагаемъ, и впредь сего пристерегати буду и х кому надлежитъ писать стану, также и при отпускѣ князь Григорью прикажу, отпущень будетъ скоро. Брандебурскому, государь, по указу твоему ко мнѣ со обнадѣживаніемъ говорилъ: благодарствуетъ, токмо просить обнадѣживательного писма себѣ въ томъ. И о полкахъ ему, коляко мнѣ возможно, предлагалъ, чтобъ къ намъ переступить: съ клятвою обѣщаетца радѣть о томъ по возможности своей. Путь, государь, отъ Смоленска и отъ Пскова сюда зѣло труденъ, и которые нынѣ пріѣхали, сказываютъ, что еще тамъ не малые снѣги, и мною, за такую беспутицею и почта сюда заморская не бывала. Почту, го-

сударь, Петру Шафирову приказалъ вѣдать по твоему указу ¹⁾). Князь Федоръ Юрьевичъ съ Москвы поѣхалъ во вторникъ сея недѣли. О судахъ, государь, что въ Новѣ Городѣ, писалъ я къ Гаврилу Ивановичю и послалъ выписку, исполнишь, государь, милостиво выслушать, зѣло опасаясь гнѣва твоего, милостивого государя, чтобъ исправить; а по писму изъ Нова Города Татищева, апрѣля по 1-ое число, кромѣ новгородскихъ никто не высланъ, о чемъ подлиннѣе тебѣ, государю, извѣститца по выпискѣ. Ко французскому, государь, послу з двѣ недѣли тому какъ я писалъ, начиная съ нимъ корреспонденцію.

„Рабъ твой, милостивого государя, Оетко.

Изъ Москвы, апреля въ 1 день“ ²⁾).

3) Милостивой государь, здравіе твое, милостиваго государя, и всѣхъ, купно желающихъ оного, десница Вышняго навѣки счастливо да соблюдетъ. Писмо, государь, отъ милости твоей, милостивого государя, принялъ я съ почты маія въ 2-й день ввечеру, на что тебѣ, государю, извѣствую. Дацкому посланнику многократно, какъ указъ твой, милостиваго государя, нынѣ ко мнѣ, говорено и многократно что и писалъ подлинно. И я тѣ ево писма, трожды смотря ихъ, на почту съ своими отослалъ. И первымъ писмамъ ево съ три недѣли есть: о готовности непрестанно воинскомъ. И чрезъ другіе о Дацкомъ писма, есть подлинная вѣдомость, токмо куды обратитца, о томъ и Андрей пишетъ, что провѣдывалъ, толко зѣло тайно держать, а посланникъ на Москвѣ подтверждаетъ, что будто для внезапной войны съ Шведомъ. И знатно, государь, что естли возможно будетъ Датчаномъ зачать, и сами не утерпятъ, каково имъ все свѣйское дѣло болѣзненно; самъ ты, милостивой государь, извѣстенъ, толко о всемъ самъ по повелѣнію твоему, милостивого государя, исполнять со всякимъ къ тому тщаніемъ буду. Кениксеку, государь, говорено [такъ же] многожды о семъ, и что мнѣ совѣтовалъ, и что по тому ево совѣту послали уже мы вдругорядъ съ ево писмами въ Пятаву, о томъ къ тебѣ, милостивому государю, писалъ я на прежней почтѣ. Подячей, государь, изъ Нитавы нынѣ возвратился и привезъ вѣдомость подлинную о семъ, что королевскимъ войскамъ велено всѣмъ итти и положеніе свое имѣть подлѣ Какегаузена, и о томъ подлинной еще онъ, Кениксекъ, вѣдомости ожидаетъ вскорѣ, когда на встрѣчу пойдутъ къ нашимъ войскамъ;

¹⁾ Сравни „Писма и Бумаги“ I, 444, писмо Випису.

²⁾ Последнія слова въ ковычкахъ—собственной руки Головина. На оборотѣ писма помѣта о полученіи его: „апрѣля въ 12 день“.

а о томъ гдѣ, и подалъ писма для подлиннаго вѣданія, нѣсъ которыхъ выписавъ, посылаю къ тебѣ, милостивому государю, при семъ моемъ писмѣ. Мортировъ, государь, велѣлъ дѣлать сколько возможемъ поспѣть, токмо мастера задолжены; управляемся въ отпуски съ ружьемъ, а сколько возможемъ, здѣлаемъ. Пуитоновъ, государь, здѣлано по се число сто сорокъ, и послѣдніе въ двѣсти додѣлывать велѣлъ, и дѣлають, а какъ все здѣлаемъ, вдругъ смолить и канатити станемъ, и здѣлаетца, чаемъ, вскорѣ. О грамотѣ, государь, Аглинскаго короля, чтѣ отписалъ, съ которой я переводъ послалъ къ тебѣ, милостивому государю, напредъ сего, изволишь, государь, ко мнѣ отвѣтствовать и по прежнему указу посылать твою къ нему, не воспоминаая сей, или особую повелишь, токмо, государь, есть тому время. Почта, государь, пришедшая, чтѣ писемъ принесла, послалъ къ тебѣ, милостивому государю, съ сими писмами. А о дацкомъ, государь, дѣлѣ, кажетца, сумнѣватца не о чемъ, повидимому, что зѣло збираютца и смотрять на начатіе войны французской, и посланнику я здѣсь неоднократно говорилъ. Утверждаетъ быти вѣрность короля своего истинно и хотѣлъ дать обадеживаніе въ подтверженіе союза на писмѣ; и говорилъ, что какаа въ нихъ есть противность съ Шведомъ, мочно сердечно всѣмъ сіе знать. Подлинно, государь, здѣсь является, бутто французской стороны показалъ себя Шведъ, за что Галанцы velmi негодуютъ, и вѣсть пронеслась здѣсь, бутто хотять послать нѣсколько своихъ караблей Галанцы на помѣшаніе шведскому транспорту, толко о семъ впредъ подтверженія ожидаемъ. Андрей, государь, Измайловъ пишеть на сей почтѣ три писма, все едино подтверждаетъ, что чинять великое изготавленіе, а куды, зѣло сіе держать тайно, и свѣдать не можетъ. А цесарскому послу въ отдачѣ людей отказали и дать не хотять конечно и обадеживаютъ по должности союза конечно чинить, толко смотрять войны начинанія. О Шведахъ пишуть, что близъ моровой язвы въ войскѣ ихъ, и болши пяти тысячь померло, о чемъ говорилъ Кениксекъ, чтѣ отписалъ подлинно, дабы могли увѣдомитца, о чемъ мнѣ сказалъ, что есть въ войскѣ и въ Ригѣ отъ болѣзней унадокъ великой, однакожь не язва. просто отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, а нынѣ отъ огневой помирають; а впредъ увѣдомясь подлинно хотѣлъ учинить вѣдомость. Андрей, государь, Измайловъ писалъ ко мнѣ объявляя съ французской стороны отъ посла къ себѣ склонность по малую, и что говорилъ ему французской посоль, что желаетъ король ево торговлю имѣть у Города своимъ купцомъ, и чтѣ на сіе дать позволеніе; о чемъ и къ нему писалъ, что бы онъ на сіе ему позволялъ;

кажетца, для чего бы того не дѣлать? Брандебургской. государь, послашникъ былъ у меня сего числа, и не знаю, въ какую мѣру объявлялъ жалобу на короля Польского, будто нынѣшніе на сеймѣ универсалы выданы въ ту мѣру о коронации ево, чтобъ ево ввести въ войну съ Рѣчью Посполитою, и чтобъ о томъ писать къ мипистромъ нашимъ, дабы х королевскому величеству донесли, чтобъ отъ сего своего намѣренія престалъ. На что я его спрашивалъ, что въ семъ ползы будетъ королю, что на такового себѣ союзника тако учинить, и обнадеживалъ ево, что сего по нынѣшнимъ вѣдомостямъ совершенного намѣренія быти не чаемъ. На что мнѣ сказалъ, будто сіе французской факции дѣло. дабы стравилъ съ нимъ Рѣчь Посполитую и послѣ получа миръ съ Шведомъ, съ ними воеватца или бѣ опровергнуть Рѣчь Посполитую ни во что и учинить себя самодержцемъ. На что ему сказано, что до сего царское величество, чтобъ Рѣчь Посполитую обернуть ни во что, никогда не допустить, какъ ему объявлено о томъ и прежде того, а писать къ министрамъ своимъ по ево желанію, по твоему указу, буду; и напишу о семъ на нарочной почтѣ. Съ писма, государь, одного Бозова изъ Нитавы посланъ къ тебѣ, милостивому государю, списокъ; изволишь, государь, вычестъ; есть нужные дѣла ко увѣдомленію. Черноусова истинно, государь, жаль: дѣтина былъ смирной и къ послушанію угоденъ; и учиню по твоему ко мнѣ указу з братомъ ево и самъ прежде разрѣшу. Псковскихъ стрелцовъ одинъ полкъ оставилъ лутчей по Псковѣ. а другой посланъ съ Реннинымъ. Съ пускомъ кораблей поздравляю тебѣ, милостивому государю: даждь Вышній къ сему благополучіе на разширеніе и освобожденіе христіанское [дати изволилъ]. также и тебе, основателя сего, счастливо въ доволные лѣта во здравіи сохранилъ. чего отъ всея истинныя души моя, со свидѣтельствомъ тогожъ Владѣющаго вѣчностію, быти желаю. О царгородскомъ гопцѣ изволь, государь, ко мнѣ отписать немедленно, и о аглинской грамотѣ по прежнимъ моимъ писмамъ.

„Раба твой рор Оетко. Маія въ 3 день“¹⁾.

Къ этому письму приложена особо запечатанная записочка, собственноручно писанная Головинимъ, слѣдующаго содержания:

„Милостивой государь, не прогневайся на меня. раба своего, что дѣрзостно тако прошение мое предлагаю, зане дѣрзостенъ являюся

¹⁾ Заключенное въ слобки—руки Головина. На оборотѣ писъма помѣта о полученіи его: „маія въ 10 день“.

всегда, памѣтствуя бывшую милость твою. В писмахъ отседа милостиваго государя руки твоя ко мне вишу отседа великую отмену, которая внутрѣннѣю печалию мнѣ отехчаетъ унятисмъ в техъ писмахъ чина моего [Адмиралъ], аще вестма темъ недостойно себѣ того за злымъ несчастиемъ моимъ. По токмо для прежней милости своей ко мне, рабу твоему, хотя до нѣкоторого времѣни сие оставити повели“.

4) Милостивой государь, здравіе твое, милостиваго государя, и всѣхъ, желающихъ оного, десница Вышняго на вѣки счастливо да соблюдеть. Писма, государь, которые писаны ко мнѣ майя въ 7 день¹⁾, а приняты майя въ 11 день, въ полудни отъ тебя, государя; и тогожъ часу посылаъ по Кениксека и съ нимъ говорилъ довольно и, взявъ у него письмо къ Бозу, послаъ на почтѣ х князь Никитѣ Репнину. Съ Тихономъ, государь, Никитичемъ совѣтовавъ о томъ, писалъ я х князь Никитѣ, чтобъ онъ опаснымъ хранѣніемъ сего смотрелъ и послаъ еще нарочно добраго посланного въ Динибуркъ, гдѣ собираютца королевскіе войска, и о порушеніи ихъ къ себѣ на встречу писалъ, и, увѣдавъ о томъ подлинно, шелъ съ великою опасностію не блиско швецкой границы; также и о замыслѣхъ неприятельскихъ увѣдывалъ подлинно. И я съ писма твоего, милостиваго государя, каково изволилъ ты писать ко мнѣ, списалъ подлинно и закрепя своею рукою, къ нему послаъ, гораздо ево въ семъ утвержая. А что впредь за помощію Божією явитца, и о томъ [впредь] тебѣ, милостивому государю, писати буду. О дѣйствѣ, государь, войскъ саксонскихъ надъ неприятелемъ Кениксека спрашивалъ: но что мнѣ сказалъ, что дѣйство свсе начинати, како имъ скоро возможно, будутъ, а королевскому величеству не соверша сейма, которой назначенъ мая въ 11 день, быть ему къ войскимъ своимъ невозможно, и Богъ вестъ, пересрочки какіе сейму не будутли, о томъ мнѣ, государь, мнитца, что изволишь педомости почты днѣ, или сколко воля твоя будетъ, обождать, и потому будетъ возможно разсудить, како можетъ поступать, и въ поѣздкѣ, государь, съ Воронѣжа воля твоя, милостиваго государя, а чаю, что и отъ нашихъ исъ Польши что ни есть явитца вскорѣ.

„Рабъ твой, милостиваго государя, Ѳетко челомъ бью.

Мая въ 7 день вполудни“²⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ теперь вполне точно можетъ быть восстановлена дата этихъ писемъ, кои упоминаются на стр. 858 первого тома „Писемъ и Бумагъ“.

²⁾ Заключенное въ скобкахъ—руки Головина. На оборотѣ письма помѣта о полученіи его: „мая 14-го числа“.

Къ этому нисьму приклеенъ кусокъ бумаги съ слѣдующими словами руки Ѳ. А. Головина:

„С Тиханомъ, государь, Никитичемъ, тогож дни по принятіи оттеда милостивого государя писма, я виделся и писалъ со общаго совету х князь Никитѣ, что написано в семь писмѣ. А о струговой готовности никакова, государь, писма к нему отъ тебя, государя, не было“.

Послѣ всего вышеприведеннаго намъ остается отмѣтить лишь роспись инструментовъ, данную царемъ П. В. Постникову при отъѣздѣ съ транспорта въ Нюхчинскую пристань, въ двадцатыхъ числахъ августа 1702 года. Инструменты эти имѣлось въ виду приобрести въ Парижѣ, указанія на что можно видѣть въ статьѣ нашей о Постниковѣ ¹⁾. Роспись не надо смѣшивать съ письмомъ государя 14-го сентября 1702 года изъ Ладоги, гдѣ Постникову тоже дѣлались разные заказы ²⁾.

Кстати о Постниковѣ. Парижское письмо его Ѳ. А. Головину, 16-го іюля 1703 года, можетъ до извѣстной степени служить комментариемъ къ письму царя Т. Н. Стрешневу, 10-го апрѣля 1703 года ³⁾: смерть доктора Лейма и вообще недостатокъ въ медицинскихъ силахъ обуславливають порученіе нанять во Франціи „искусныхъ цыруликовъ“.

„В Оуранцію послать“, встрѣчающееся въ записной книжкѣ, помѣщенной въ „Письмахъ и бумагахъ“ подъ № 613 ⁴⁾, конечно, вполне правильно связывается съ отправкою Постникова дипломатическимъ агентомъ въ Парижъ ⁵⁾, но, можетъ быть, не потому что „въ 1702 году думали“ осуществить эту мысль, а еще въ 1701 ⁶⁾. Связать вышеприведенную фразу съ послѣднимъ годомъ тѣмъ удобнѣе, что такимъ образомъ *хронологическій* порядокъ отмѣтокъ записной книжки не будетъ нарушенъ, и памятка „о грамотѣ патриарха Досноея о архіереахъ“, слѣдующая за фразой „В Оуранцію послать“ и вызвавшая соответственную грамоту въ сентябрѣ 1701 года ⁷⁾, найдетъ себѣ оправданіе послѣдовательностью по времени свсего появленія на страницахъ царской тетрадки.

Е. Шмурло.

¹⁾ Постниковъ. Нѣсколько данныхъ для его биографіи. Стр. 43 и 83.

²⁾ Ibidem, 84. Письма и бумаги II, 399.

³⁾ Письма и Бумаги II, 149.

⁴⁾ Ibidem, II, 313.

⁵⁾ Ibidem, II, 702.

⁶⁾ Сравни. Постниковъ, 42.

⁷⁾ Письма и Бумаги II, 703.

Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали: слова—*О. М. Истомина*, напѣвы—*Г. О. Дютинъ*. Изданы Русскимъ Географическимъ Обществомъ на средства Высочайше дарованія. С.-Пб. 1894 г. XXIV + 244 стр. 8°.

Въ предисловіи къ настоящему сборнику народныхъ великорусскихъ пѣсень мы читаемъ слѣдующее: „Въ 1884 г. въ отдѣленіи этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по почину дѣйствительныхъ членовъ его Т. И. Филиппова и С. Я. Капустина возникла мысль о необходимости сохранить для искусства и науки *уцѣлѣвшіе* еще среди русскаго народа остатки *быстро исчезающихъ* памятниковъ русской народной поэзіи“, — мысль прекрасная, которую трудно не привѣтствовать отъ всей души всякому любящему и изучающему нашу народную пѣсню. Ближайшей цѣлью снаряженной экспедиціи и было собраніе пѣсень старинныхъ, *уцѣлѣвшихъ* и уже исчезающихъ, какъ сказано въ первыхъ строкахъ введенія къ сборнику, составленнаго участникомъ экспедиціи *О. М. Истоминимъ*. Имѣя въ виду ниже указать на выполненіе этихъ намѣреній и цѣлей, мы предварительно укажемъ на нѣсколько обстоятельствъ, которыми обуславливаются какъ достоинства, такъ и недостатки лежащаго передъ нами сборника.

Изъ всѣхъ областей этнографіи наибольшее вниманіе обращаетъ на себя народная пѣсня. Въ настоящее время снова возрождается въ обществѣ интересъ къ ней и появляются сборники, содержащіе въ себѣ образцы народныхъ пѣсень изъ различныхъ мѣстъ Россіи, а также не мало матеріаловъ помѣщается въ періодическихъ изданіяхъ, специально посвященныхъ этнографіи. Такимъ образомъ, при обзорѣни столь богатаго матеріала, обогащающагося непрерывно новыми запасами, вполнѣ естественно рождается мысль, что слѣдуетъ подумать и объ обработкѣ этого матеріала. Нельзя сказать, чтобы у насъ совсѣмъ ничего не писали о народной пѣснѣ; напротивъ, о ней слишкомъ много писано: почти въ каждомъ сборникѣ матеріаловъ собиратель въ предисловіи старается высказать свой взглядъ на народную пѣсню и на цѣли и задачи, которыя онъ преслѣдовалъ, составляя свой сборникъ. Такъ поступилъ и г. Истоминъ, слова котораго мы выше цитировали. Но этого мало: послѣдовательно съ 70-хъ годовъ появляются статьи въ журналахъ и газетахъ, посвященныя народной пѣснѣ. Нельзя сказать, чтобы всѣ онѣ имѣли для науки равное значеніе. Изъ появившихся въ интересующій насъ періодъ вре-

мени трудовъ о пѣснѣ мы можемъ отмѣтить лишь извѣстное изслѣдованіе А. А. Потебни „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ“, но это изслѣдованіе имѣеть въ виду главнымъ образомъ малорусскую народную пѣсню, при чемъ великорусской авторъ касается лишь вскользь и по стольку, по скольку это необходимо для него. Изъ журнальныхъ статей можемъ отмѣтить лишь обширный разборъ перваго тома „Великорусскихъ пѣсенъ“, собранныхъ П. В. Шейномъ, принадлежаній перу Н. И. Костомарова. Прочія статьи и замѣтки о русской пѣснѣ весьма многочисленны, но крайне бѣдны и безплодны по своимъ результатамъ: онѣ представляютъ въ большей части жалобы авторовъ на паденіе русской пѣсни и на извращеніе „пѣсенныхъ идеаловъ“ русскаго народа. Таковы фельетоны г. Михневича (въ его Ист. оч. 1), таковъ же и рефератъ г. Тиховскаго, читанный прошлымъ лѣтомъ 1893 г. на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ. Рефератъ этотъ, вызвавшій возраженія компетентныхъ лицъ, сплошь состоитъ изъ набора общихъ мѣстъ.

Вотъ итоги, вотъ общія положенія, къ которымъ можно свести всѣ жалобы гг. авторовъ послѣдней категоріи, писавшихъ о русской пѣснѣ: старинная пѣсня была хороша, новая пѣсня значительно уступаетъ старинной, являясь результатомъ постепеннаго паденія народнаго творчества, вырожденія пѣсенныхъ идеаловъ народа. Новую пѣсню не слѣдуетъ собирать, ее нужно всячески искоренять, какъ явленіе вредное.

Посмотримъ, на сколько научны эти взгляды. Мы далеко не можемъ всецѣло съ ними согласиться: вопервыхъ, въ вышеприведенныхъ сужденіяхъ о народной пѣснѣ рѣчь идетъ лишь о пѣснѣ лирической, и ей дѣлается оцѣнка съ *одной*, слишкомъ узкой, точки зрѣнія — съ эстетической. Повторяясь, что особенно интересно, такъ голословно рѣшающіе судьбу русской пѣсни, бранящіе новую и превозносящіе „старинную“ нигдѣ, хотя бы приблизительно, не даютъ опредѣленія этого термина „старинный“ и не выясняютъ дѣйствительнаго отношенія пѣсни старинной къ новой. Втретьихъ, если даже мы и примемъ условный, а въ большинствѣ случаевъ и вовсе произвольный, терминъ „старинный“, то прежде всего нужно тщательно изучить эту старинную пѣсню, чего не дѣлалъ до сихъ поръ никто изъ писавшихъ о паденіи народной пѣсни, ограничиваясь лишь голословными утвержденіями и риторическими обращеніями непосредственно къ личному, субъективному чувству читателя или слушателя.

Вообще у насъ, слѣдуетъ замѣтить, общія положенія идутъ часто

впереді изученія фактовъ исторіи и позднѣйшимъ работникамъ приходится зачастую разрушать легкомысленно построенныя гипотезы, которыя рассыпаются, едва къ нимъ прикоснется строгая научная критика, вооруженная запасомъ прочныхъ и документальныхъ данныхъ. Примѣръ вышесказаннаго можемъ видѣть въ разработкѣ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Сатирическіе журналы долгое время считались историками литературы за оригинальное явленіе, за особо замѣчательное проявленіе національнаго юмора, и многіе ломали голову, объясняя ихъ странное появленіе. И вотъ недавнія изслѣдованія г. В. Ѡ. Солнцева (въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* и въ *Библиографъ*) показали, что значительная часть сатирическихъ журналовъ: „Всякая всячина“ и „Смѣсь“ представляютъ собой передѣлку и въ главномъ просто переводъ англійскихъ и французскихъ сатирическихъ журналовъ.

Мы позволили себѣ это небольшое отступленіе съ цѣлью показать склонность нашей литературы порой преждевременно обобщать, возводить въ законъ такія положенія, которыя нуждаются еще въ обстоятельной критической провѣркѣ и фактахъ, подтверждающихъ ихъ.

Рѣчь о паденіи пѣсни раздается повсюду такъ часто, всѣ такъ привыкли къ этому, всѣ прислушались и приучили себя вѣрить этому на столько, что всякій, кто осмѣлился бы возражать, невольно вызвалъ бы непріязненное чувство въ читателѣ: всякое возраженіе, а особенно подтверждаемое новыми фактами, разрушаетъ извѣстнаго рода представленія, сложившіяся, быть можетъ, и подъ сторонними влияніями, но прочно внѣдрившіяся въ душу.

Относительно современной народной пѣсни дѣло осложняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что почти всякій, слышавшій или знающій двѣ-три пѣсни, почему-то считаетъ себя свѣдущимъ во всемъ, что касается народной поэзіи, и смѣло берется судить о ней съ ученымъ видомъ знатока. Въ результатъ такого отношенія къ народной пѣснѣ и является то, что легковѣсныхъ, чисто субъективныхъ сужденій о ней въ нашей литературѣ наберется немало, а спокойныхъ, далекихъ отъ личныхъ вкусовъ и увлеченій изслѣдованій почти совсѣмъ нѣтъ, если оставить въ сторонѣ упомянутый уже выше трудъ покойнаго проф. Потебни.

Мы думаемъ, что отрицательное и ненаучное отношеніе къ народной пѣснѣ большинства лицъ, которыя писали о ней, находится въ тѣсной связи съ отсутствіемъ у нихъ представленія о задачахъ изученія народной пѣсни. Полагая цѣлью знакомства съ нею лишь

полученіе одного минутнаго удовольствія и относясь къ изученію народной пѣсни съ точки зрѣнія чисто эстетической, либо увлекаясь розысканіями археологическаго характера, многіе совершенно упускаютъ изъ вида историческій ходъ развитія пѣсни; для нихъ она не многозначнае культурное явленіе, не предметъ серьезнаго изученія, а игрушка, тѣшащая ихъ, пока не наскучитъ. Страшно поэтому и думать, что при такомъ отношеніи къ предмету изученіе пѣсни можетъ подвинуться хотя бы на шагъ.

Но остановимся пѣскольку на причинѣ вышеуказаннаго отношенія къ пѣснѣ, такъ какъ оно высказывается такими лицами, которыя для массы играютъ роль авторитетовъ и, пользуясь такимъ положеніемъ, поселяютъ въ головахъ читателей мнѣнія далеко несогласныя съ истиной. Почти всѣ, пренебрежительно относящіяся къ новой пѣснѣ, судятъ, во первыхъ,—по незначительному количеству образцовъ, порой не имѣющихъ даже цѣльности, а представляющихъ полубезсмысленные обрывки. Въ вторыхъ, большинство судитъ съ точки зрѣнія, которую можно считать въ области этнографіи менѣе всего умѣстной и научной—съ точки зрѣнія эстетической, и при томъ, давая полную волю своему личному вкусу, воспитавшемуся на литературныхъ образцахъ, какъ извѣстно, весьма далекихъ отъ народнаго пониманія и мировоззрѣнія. Еще Костомаровъ когда-то (*Вѣстникъ Европы* и затѣмъ „Историческія монографіи“, т. XIII, стр. 447) указалъ, что пѣсню, взятую изъ устъ народныхъ, нельзя судить съ нашей литературно-эстетической мѣркой въ рукахъ. „Къ произведеніямъ народнаго творчества не слѣдуетъ относиться такъ, какъ мы обыкновенно относимся къ литературнымъ произведеніямъ. Народныя произведенія иначе составляются, чѣмъ послѣднія, иначе распространяются, иначе оказываютъ свое вліяніе на среду, воспринимающую ихъ, а потому иначе должны быть изучаемы и понимаемы“. Но даже допустивъ возможность сужденія о пѣснѣ съ точки зрѣнія эстетики, мы невольно должны будемъ считаться съ массой мнѣній, принимая во вниманіе вкусы очень многихъ, при чемъ отыскать истину будетъ прямо невозможно. Да и къ какимъ результатамъ поведетъ эстетическій разборъ пѣсенъ? Скажутъ: съ помощью такого разбора опредѣлятся художественные идеалы народа; но вѣдь, во первыхъ, они выражаются не только въ одной пѣснѣ, и слѣдовательно, ихъ нельзя выводить изъ подобнаго разбора, а, во вторыхъ, возникаетъ вопросъ, къ какой эпохѣ можно будетъ отнести созданный эстетическимъ разборомъ художественный идеалъ народа?

Вѣдь каждая пѣснь слагается изъ массы элементовъ, которые порой древни, порой новы, а слѣдовательно, и здѣсь, прежде чѣмъ строить зданіе, необходимо приготовить надлежащій матеріалъ путемъ историко-сравнительнаго анализа. Если мы будемъ пользоваться послѣднимъ, то мы никогда не впадемъ въ грубыя ошибки, которыя мы у многихъ, даже у весьма опытныхъ собирателей, встрѣчаемъ нерѣдко.

Теперь мы приступаемъ къ второму вопросу, который тѣсно связанъ у насъ съ изученіемъ народной пѣсни. Почти все собиратели и писавшіе о пѣсняхъ раздѣляютъ всю массу ихъ на двѣ рѣзко разграниченныя группы: на пѣсни старинныя и пѣсни новыя. Но еслибы мы поставили вопросъ, категорически требуя отвѣта, что такое эти старинныя пѣсни и въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ пѣснѣ новой, то натолкнулись бы на рядъ отвѣтовъ далеко несогласныхъ между собою. Одни считаютъ для названія пѣсни „старинною“ достаточнымъ, чтобы она была извѣстна лѣтъ 50 тому назадъ, и даже меньше, другіе считаютъ этотъ періодъ ничтожнымъ и думаютъ, что существованіе пѣсни должно измѣряться столѣтіями!

Отчасти это ненаучное положеніе вопроса объ изученіи народной пѣсни зависитъ отъ того, что до сихъ поръ еще не приступлено къ серьезной разработкѣ и классификаціи матеріала и не сдѣлано еще обзорнія пѣсенъ по времени ихъ записи, а также не анализировано ихъ содержаніе. При классификаціи и опредѣленіи степени древности каждой данной пѣсни у насъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ руководятся лишь слѣпымъ чутьемъ и стараются затѣмъ оправдать свои предвзятая заранѣе мнѣнія, ссылаясь то на риому (явленіе новое), то на складъ рѣчи, яко бы обличающій происхожденіе пѣсни и свидѣтельствующій о большей или меньшей степени древности, или даже на сюжетъ ея.

Обыкновенно пѣсню считаютъ новой и причисляютъ къ продуктамъ лакейско-фабричнаго производства, если въ ней встрѣчаются либо грубыя слова и выраженія, либо циничныя грязныя картины, либо, наконецъ, если въ ней есть рѣзкій, выдающій себя размѣръ (преимущественно хоренческій) и риома. Нижеслѣдующіе примѣры укажутъ намъ непрочность такихъ пріемовъ при опредѣленіи „пѣсни старинной“. Вотъ, напримѣръ, пѣсни, повѣствующая о томъ, какъ молодая жена радуется смерти своего стараго мужа:

„Вечоръ млада младешенька я пьяна была,
Не помню млада младешенька, какъ домой пришла.“

Пришла млада младешенька къ чужимъ воротамъ.
 Добро было подворьнице—старуха ляха;
 Ахъ жить было съ милымъ другомъ—старикъ помѣшалъ.
 Наѣхали татарови—положили старика,
 На конь стара посадили—то радость моя,
 Подъ конь ноги подвязали—веселье мое,
 Назадъ руки подломили—хихи да смѣхи!
 По подъ лѣсу поѣхали—кручина моя:
 Зацѣнится, отвяжется, домой прибѣжитъ,
 Меня младу младешеньку убьетъ прижурить,
 Съ милымъ другомъ навѣкъ разлучить!“

По своей мысли, по выраженіямъ, далеко не изящнымъ, по картинамъ, изображеннымъ здѣсь, пѣсня эта значительно отличается отъ цѣлаго ряда пѣсенъ, въ которыхъ молодая женщина, выданная замужъ за старика, оплакиваетъ свою судьбу. Въѣсто тихой грусти, кроткой жалобы на судьбу-злодѣйку, мы встрѣчаемъ здѣсь далеко не смиренное отношеніе женщины къ нелюбимому мужу: холодное злородство такъ и сквозитъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ стихѣ этой пѣсни. Вотъ и другая пѣсня въ томъ же родѣ; ее мы приводимъ въ выдержкѣ вслѣдствіе ея большого объема; молодая жена при содѣйствіи любовника убиваетъ стараго мужа:

„Пестельку на шюшку накидывала,
 Милому въ окошко конецъ подала.
 Милый потяни, потягивай небось!
 Толстое ужище не оборвется,
 У стараго шея не оторвется;
 Старый захрапѣлъ,
 Будьто спать захотѣлъ,
 Вычалнилъ глаза—будьто сердатся,
 Высунулъ языкъ—будьто Ваня бузыкъ“ (пьяница).

Картина также далеко не эстетичная! И вотъ руководствуясь обычнымъ приемомъ гг. собирателей, мы готовы отнести эти обѣ грубыя пѣсни къ разряду новообразованій, подъ вліяніемъ предвзятаго сентиментальнаго отношенія къ старинѣ; а между тѣмъ, первая пѣсня взята нами изъ одного рукописнаго сборника половины XVIII вѣка ¹⁾, вторая же—изъ новаго, сравнительно, сборника П. В. Шейна (№ 97).

Отличительной чертой новой пѣсни считаютъ также хорейскій

¹⁾ Рукопись Императорской Публичной Библіотеки, О. XIV, № 11; пѣсня № 55 в 84; записана *дважды*, что свидѣтельствуетъ о ея популярности.

рѣзко размѣченный размѣръ и римою, какъ оказывается, въ равной степени украшающія какъ новыя, такъ и старыя пѣсни. Вотъ примѣръ пѣсни (изъ той же рукописи, пѣсня № 67) съ очень рѣзкимъ размѣромъ и богатыми приемами:

Вы лазуревы цвѣты расцвѣтайте во саду:
 Ужь(и) я ли молода со надежою иду;
 Тишкомъ лужкомъ
 Со милымъ своимъ дружкомъ.
 Пойте пташки во саду:
 Разгуляться къ вамъ иду.
 Пойте громче, пойте вслухъ—
 Возрадуется мой другъ.
 Ты воспой громче, скворецъ,
 Чтобъ былъ весель молодець,
 Распѣвайте два скворца
 Утѣшайте молодца.... и т. д.

Помимо приема и хорейческаго размѣра пѣсня эта отличается удивительнымъ безвкусіемъ и пошлостью и, съ точки зрѣнія литературной, собиратель-эстетикъ не преминулъ бы включить ее въ разрядъ пѣсень новыхъ и даже самоновѣйшихъ. А между тѣмъ пѣсня эта, какъ показываетъ названный выше сборникъ XVIII вѣка, документально извѣстна была полтора ста лѣтъ тому назадъ. Да, наконецъ, извѣстная пѣсня „Ахъ вы сѣни мои, сѣни“ отличается выдержаннымъ размѣромъ и римой (концы), а никто изъ собирателей, почему-то, не причисляетъ ее къ пѣснямъ новымъ. Отчего же такая непоследовательность?

Теперь обратимся къ *третьей* чертѣ новой пѣсни, которая яко-бы отсутствуетъ въ пѣснѣ старинной: это нескладность въ языкѣ, неловкость въ изложеніи—обусловливаемая порой напѣвомъ. Нападаютъ на такія безсмыслицы въ новой пѣснѣ, какъ напримѣръ:

Ты милѣнокъ, бобка, охъ,
 Подѣлованъ у насъ Богъ
 Положено заклатьице
 А на задатокъ платяице ¹⁾.

Но эта пѣсня для знакомаго съ народной рѣчью, съ ея склонностью къ излишнему, на нашъ взглядъ, лаконизму, не представляетъ ничего непонятнаго, а является лишь немного непоследовательной въ

¹⁾ Нашъ рукописный сборникъ. Пѣсня записана въ Новгородской губерніи, Тихвинскаго уѣзда, дер. Будогощѣ.

выраженіяхъ. Подобныя непоследовательности до извращенія смысла встрѣчаются и въ пѣсняхъ очень старыхъ ¹⁾).

Что же касается новыхъ словъ, несвойственныхъ народной средѣ, на обиліе которыхъ въ новой пѣснѣ обыкновенно указываютъ, то слѣдуетъ замѣтить, что въ пѣсняхъ, документально извѣстныхъ въ серединѣ прошлаго вѣка, мы находимъ также немалое количество иностранныхъ и пошлыхъ вульгарныхъ словъ. Слова: каннанія, корпусъ, великатная персона, мортиры, хрустальные стаканчики, для примѣты поставленные на окно—весьма обычны. Кромѣ того попадаются и такія пѣсни, въ которыхъ „лапушки-сударушки“ неожиданнымъ образомъ послѣ соответственнаго угощенія оказываются на колѣняхъ у молодого адъютанта, и т. п. пошлости. Съ точки зрѣнія языка вообще, старая пѣсня далеко не отличается особой чистотой.

Что же касается послѣдней заключительной особенности такъ называемой новой пѣсни, чрезвычайно развитаго припѣва, состоящаго зачастую изъ набора бессмысленныхъ словъ, то и въ старой пѣснѣ такіе примѣры нередки. Въ томъ же сборникѣ, изъ котораго черпали мы вышеприведенныя пѣсни, встрѣчается слѣдующее (№ 24):

Подъ дубомъ, подъ дубомъ, подъ дубиною,
 Подъ вязомъ, подъ вязомъ, подъ вязиною,
 Подъ тѣмъ подъ вязомъ ковали кують.
 Ковалю, ковалю, окуй ми еѣ.
 Окуй ми обѣ, заплачу тебѣ,
 Маленько сподаренько, оковандо бѣндо,
 Ринди, ризи, ризи, дондо, оковандо бѣндо.... и т. д.

—припѣвъ по-истинѣ поразительный по своей бессмысленности!

Не желая обременять вниманія читателя, мы ограничимся этими немногочисленными примѣрами. Они съ достаточной ясностью показываютъ, что плохія въ эстетическомъ отношеніи пѣсни были и старину, какъ и нынѣ, и что нельзя всѣ достоинства относить безъ разбора на счетъ старины, а недостатки приписывать новымъ влїяніямъ и влїяніямъ. Отсюда слѣдуетъ, что терминъ „старинная“ можно прилагать къ пѣснѣ лишь съ большой осторожностью и что не всегда субъективное чувство собирателя можетъ угадать въ пѣснѣ, новая она или представляетъ остатокъ „быстро исчезающей“ старины. Примѣръ недоразумѣній, происходящихъ изъ неяснаго представленія, что такое старина и что—новое, мы находимъ въ сборникѣ г. Исто-

¹⁾ Напримѣръ, цитируемый выше сборникъ XVIII вѣка № 65.

мина, заглавіе котораго выписано выше. Какъ видно изъ выписанной въ началѣ этой статьи цитаты, задачи г. Истомина и Дютша, имѣя умершаго, сводились къ тому, чтобы изъ богатаго пѣсеннаго матеріала выбрать пѣсни еще неизвѣстныя, затѣмъ—отличающіяся наибольшей стариной и, наконецъ, представить найденныя пѣсни въ наилучшихъ изъ существующихъ образцахъ. Какъ человѣкъ опытный и свѣдущій, г. Истоминъ могъ вполне усильно исполнить первое изъ названныхъ требованій, что же касается втораго и третьяго, то онъ ихъ далеко не выполнялъ, да врядъ-ли и былъ въ состояніи выполнить по тѣмъ причинамъ, какія мы въ общихъ чертахъ изложили выше. Какого-либо болѣе или менѣе прочнаго критерія для сужденія о старинѣ у г. Истомина не было кромѣ личнаго чувства, а оно-то и обмануло его и не одинъ разъ. Но къ этому обратимся ниже, а теперь ознакомимся вообще съ содержаніемъ сборника.

Первый отдѣлъ занятъ духовными стихами, изъ которыхъ представляетъ интересъ извѣстный апокрифъ „Сонъ Богородицы“, распѣваемый въ стихотворной формѣ. Затѣмъ слѣдуетъ въ хорошемъ и достаточно полномъ вариантѣ извѣстный стихъ о Вознесеніи, почему-то озаглавленный „Іоаннъ Златоустъ“, хотя объ этотъ святомъ упоминается вскользь и то по обычному эпическому смѣшенію и отождествленію съ апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Далѣе находимъ стихъ объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божьемъ, и къ нему два палѣва, достаточно извѣстныхъ и напечатанныхъ въ лучшихъ вариантахъ. За симъ слѣдуютъ стихи о Пятницѣ, весьма интересные по содержанію; обычные стихи о Іазарѣ (2 вар.). На стр. 17-й мы находимъ любопытный образецъ псалмы, духовнаго искусственнаго стихотворенія, которая въ большемъ ходу у нашихъ старообрядцевъ и сектантовъ; вотъ первые стихи этой псалмы:

Взираи съ прилежаніемъ тлѣнный человѣче,
Како вѣкъ твой проходилъ (проходить?)—смерть недалече.

На стр. 17-й находимъ стихъ о страшномъ судѣ, довольно извѣстный (многo вар. у Безсонова, Варенцова и въ повременныхъ изданіяхъ). Отдѣлъ духовныхъ стиховъ завершается „Книгой Голубиной“ (стр. 19—23) въ вариантѣ весьма подробномъ (около 200 стиховъ).

Второй отдѣлъ, болѣе обширный, какъ по занимаемому мѣсту (стр. 27—71), такъ и по количеству №№ (14), посвященъ былинамъ и быловымъ пѣснямъ. Сюда вошли записи былинъ: Три поѣздочки Ильи Муромца, Королевичи изъ Крикова, Перемѣтъ Васильевичъ (Смерть Чурилы), Добрыня Никитичъ, Кострюкъ, двѣ былины о Ни-

китѣ Романовичѣ, Земскій соборъ (Смоленецъ), Гришка Отрепьевъ, Василій Окульевичъ, князь Митрій, братья разбойники и сестра, два любовника, птицы и звѣри.

Наиболѣе интересны „Земскій соборъ“ и „Василій Окульевичъ“. Последняя былина представляетъ обработку одного изъ сказаній Соломоновскаго цикла апокрифовъ, показывающую, какъ своеобразно и вмѣстѣ съ тѣмъ близко къ оригиналу воспроизводится текстъ апокрифа въ народной пѣснѣ. Былина о князѣ Митріи принадлежитъ къ большой семьѣ пѣсней, повѣствующихъ объ убіеніи жены мужемъ, возвратившимся изъ похода и повѣрившимъ клеветѣ¹⁾. Разработка этого сюжета здѣсь совершенно сказочная; обычнаго въ былинахъ этого рода трагическаго тона и въ поминѣ нѣтъ: княгиня убитая мужемъ воскрешается мертвой и живой водой къ всеобщему удовольствію, а клеветницъ-монашенокъ князь разрубаетъ на части. Кончается былина пиромъ. Пѣсня о братьяхъ разбойникахъ и сестрѣ не представляетъ ничего интереснаго — самый обычный вариантъ, какихъ много въ другихъ сборникахъ. Представляетъ нѣкоторый интересъ пѣсня о двухъ любовникахъ, почему-то попавшая въ разрядъ былинъ; подобныхъ пѣсней не мало у насъ, особенно же разработаны сюжетъ смерти двухъ любовниковъ въ пѣсняхъ малорусскихъ и болгарскихъ; тамъ также вырастаетъ изъ могилы ихъ два дерева свивающіяся вѣтвями.

Третій отдѣлъ сборника г. Истомина заключаетъ въ себѣ нѣсколько (5) свадебныхъ причетей, ни по формѣ, ни по содержанію не представляющихъ ничего особо замѣчательнаго, а затѣмъ въ слѣдующемъ четвертомъ отдѣлѣ мы находимъ 24 пѣсни изъ разныхъ моментовъ свадебной драмы. Нужно сказать вообще, что эти пѣсни, записанныя въ различныхъ пунктахъ слѣдованія экспедиціи не даютъ картины брачнаго обряда. Лучше было бы не торопиться, а въ одномъ мѣстѣ записать полный обрядъ со всѣми употребительными при его совершеніи пѣснями. Изъ всѣхъ свадебныхъ пѣсней, заключающихся въ четвертомъ отдѣлѣ, наибольшей интересъ представляютъ величальные пѣсни; одна изъ нихъ (виноградья) являются сходными съ колядными величальными; другія, напримѣръ: „по морю морю синему, тутъ бѣжало выбѣгало 30 кораблей и т. д.“, представляютъ большое сходство и даже общія мѣста съ былевымъ эпосомъ, что и не кажется намъ страннымъ при наличномъ одновременномъ существо-

¹⁾ Ср. былевыя пѣсни о кн. Романѣ, анализированныя И. П. Ждановымъ.

ванія того и другаго рода поэзіи (эти общія мѣста разобраны въ диссертациі *Халанскаю*: Великорусскія былины кіевского цикла).

Пятый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ 12 номеровъ пѣсенъ хороводныхъ и плясовыхъ. Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, мы не встрѣтили ничего новаго, неизвѣстнаго изъ старыхъ сборниковъ. Среди пѣсенъ протяжныхъ, сгруппированныхъ г. Истоминымъ въ шестой отдѣлъ также мы не находимъ свѣжаго матеріала. Напримеръ, пѣсня „Снѣжки бѣлыя пушисты“ извѣстна всякому, даже не этнографу. Пѣсня № 13: „На зорѣ то было на зорюшкѣ“... есть у Лаговскаго и у другихъ; пѣсня № 27: „Цвѣли цвѣли цвѣтики, да поблекли“... извѣстна въ подавляющемъ количествѣ вариантовъ, порой болѣе интересныхъ, чѣмъ помѣщенный въ этомъ сборникѣ (сравнимъ у *Варенцова*—стр. 59, *Якушкини*—стр. 567, № 14 и 15; Пинчуки, *Булаковскаю*, стр. 66. *Студитскій*, Новгор. п., стр. 27—новый запѣвъ и конецъ; *ю же* сборникъ пѣсенъ Вологодской губ., стр. 127; *Лаговскій*, стр. 3, № 10, и др.). Пѣсня „Ужъ ты зимушка да ты зима холодная“ на тему „жена убиваетъ мужа“ извѣстна также въ немаломъ количествѣ вариантовъ великорусскихъ (*Смирновъ*, пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній, стр. 136; *Шейнъ*, Великорусскія пѣсни, стр. 361 и 363), малорусскихъ (*Vojsicki I*, 115; II, 204; *Waslaw z Ol.* 505; *Деволланъ* стр. 138—139 и др.), та же пѣсня есть въ цитированномъ выше сборникѣ свящ. *Булаковскаю* „Пинчуки“, стр. 118 и особенно близкій къ великорусскому варианту въ сборникѣ г. Истомина вариантъ—стр. 130. Польскіе варианты—въ сборникѣ Z.): „*Glogera*“: *Priestni ludu*“; въ изданіи: *Zbiór wiadomości do antropologii t. krajowej II* стр. 82 и т. д. Пѣсня № 39—„Юще ѣздитъ гуляе казакъ молодой“... не смотря на старанія собирать лишь „уцѣлѣвшіе остатки старины“—оказывается новой передѣлкой литературнаго образца, о чемъ я писалъ въ моемъ изслѣдованіи „Современная русская народная пѣсня“. С.-Пб. 1893 гл. III. и также весьма распространена. Среди пѣсенъ солдатскихъ находимъ рядъ пѣсенъ также давно извѣстныхъ и не представляющихъ интереса новизны, напримеръ № 44—тема: возвращеніе мужа изъ похода, жена не узнаетъ возвратившагося. Вариантъ очень плохой, безъ конца, и намъ кажется даже страннымъ, зачѣмъ этотъ жалкій обрывокъ попалъ въ сборникъ г. Истомина при существованіи вариантовъ гораздо болѣе полныхъ и совершенныхъ, чего не могъ не знать г. Истоминъ, какъ опытный собиратель и знатокъ народной пѣсни. Слѣдующій № 45 представляетъ вариацию на ту же тему, равно какъ и № 46, наиболѣе полный,

отличающійся отъ предыдущихъ размѣромъ. Вотъ варианты къ этимъ пѣснямъ хотя бы изъ упомянутыхъ выше сборниковъ: *Сахаровъ*, Сказанія, I, стр. 236; *Варенцовъ*, стр. 206; *Якушкинъ*, стр. 554; *Студитскій*: новгородская пѣсня 49, вологодская—178 стр. и пр. Странно встрѣтить въ разрядѣ солдатскихъ пѣсни чисто былеваго склада, хотя бы и поющіеся протяжно,—пѣсня о Чернышовѣ, о Платовѣ; но вопросъ о классификаціи, на который наводитъ это обстоятельство, слишкомъ сложенъ, и мы не будемъ здѣсь касаться его. Заключается шестой и послѣдній отдѣлъ пѣснями тюремными, но ихъ очень немного, да большая часть ихъ къ тому же также знакома по другимъ сборникамъ.

Теперь, сдѣлавъ общій обзоръ сборника, мы остановимся на томъ, чего мы можемъ требовать отъ составителя его. Даже во многихъ сборникахъ, предпринятыхъ и изданныхъ по почину частныхъ лицъ, мы имѣемъ не вполне сырой матеріалъ: собиратели останавливались на пѣснѣ со вниманіемъ и не предлагали читателю безформенныхъ обрывковъ, какъ находимъ здѣсь. Нѣкоторыя пѣсни г. Истомина видимо составлены, спутаны изъ нѣсколькихъ, напримѣръ известная свадебная „Много у сыра дуба“, „Полькомъ полецькомъ“, „Што вы дѣвушки приадумались“ и др. Намъ кажется, что, редактируя сборникъ, г. Истоминъ долженъ былъ отмѣтить это, и также, что самое главное—подвести или хотя сдѣлать указанія на варианты, хотя бы изъ печатныхъ сборниковъ: времени, думаю, хватило бы на это, такъ какъ передъ нами результатъ восьмилѣтней работы!

Если мы даже примиримся съ тѣмъ, что всѣ пѣсенныя богатства русскаго народа исчерпаны въ существующихъ сборникахъ, то тогда тѣмъ болѣе должны мы требовать отъ всякаго составителя и редактора дѣйствительной работы надъ текстами или хотя подготовительныхъ шаговъ къ этой работѣ. Но мы не думаемъ, чтобы все было исчерпано. Если же г. Истому не удалось записать почти ничего новаго, что это, попервыхъ, потому, что край, выбранный для первой экспедиціи, уже много разъ былъ изслѣдованъ, а повторныхъ, и потому еще, что при такой манерѣ записывать, какой пользовался г. Истоминъ, врядъ ли можно достигнуть положительныхъ и хорошихъ результатовъ. Помощь урядника, старосты, десятскаго—врядъ ли облегчить трудъ собирателя: доказательство того, какъ охотно и свободно поетъ народъ по приказанію или, какъ мягко выражается г. Истоминъ, повинуюсь „авторитету“ власти,—мы видимъ въ настоящемъ сборникѣ, являющемся своего рода этнографическимъ пусто-

цѣломъ, не смотря на то, что составители его прошли путь въ 4.500 верстъ. Исключая проѣздъ къ отправному пункту экспедиціи и желѣзнодорожный путь при возвращеніи экспедиціи, мы получимъ 2.720 верстъ, пройденныхъ въ 73 дня. Самое элементарное вычисленіе покажетъ намъ, что, проходя около 40 верстъ въ сутки гг. изслѣдователи должны были по неволѣ знакомиться съ своимъ предметомъ—съ птичьего полета, мимоходомъ. А для того чтобы дать дѣйствительную „характеристику пѣсеннаго творчества“, необходимо гораздо болѣе времени и знакомства съ мѣстными жителями, съ условіями и характеромъ ихъ жизни.

Затѣмъ, возвращаясь къ словамъ, сказаннымъ нами выше, повторяемъ: для того, чтобы собранный матеріалъ былъ цѣненъ—необходимо издать его такъ, чтобы пользоваться имъ можно было безъ опасеній впасть въ грубыя ошибки. Мы не хотимъ сказать, что не слѣдуетъ записывать пѣсенъ предварительно не справившись, есть ли она уже въ печатныхъ сборникахъ: нѣтъ, мы хотимъ лишь отмѣтить то, что редактору сборника, связаннаго съ именемъ Императорскаго Географическаго Общества, слѣдовало бы отнестись новнимательнѣе къ своей задачѣ и хотя бы достойнымъ комментариемъ загладить скудость новыхъ данныхъ. Что же касается музыкальной стороны сборника, то, не занимаясь специально въ этой области, мы не можемъ судить о ней. Замѣтимъ, однако, что даже на первый взглядъ токеты порой не сходятся съ напѣвомъ и вообще съ этой стороны сборникъ, изданный Императорскимъ географическимъ обществомъ, значительно ниже трудовъ Мельгунова, Лопатина и Прокунина.

Вл. Неретцъ.

Зиновій, инокъ Отенскій и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія. Изслѣдованіе *Ф. Калущина*. С.-Пб. 1894.

Скудость данныхъ для біографіи и характеристики Зиновія Отенскаго была, очевидно, причиной того обстоятельства, что до самого послѣдняго времени о немъ говорили только вскользь, что главный его трудъ „Истинны показаніе“, представляющій несомнѣнно большое историческое и историко-литературное значеніе, до сихъ поръ не вызывалъ не только спеціальнаго изслѣдованія, но даже отдѣльной статьи. Ученикъ Максима Грека, сосланный, вѣроятно, за сочувствіе своему учителю въ глухой, бѣдный Отенскій монастырь, Зиновій въ

самоу концѣ своей жизни написалъ богословскій трактатъ „о новомъ ученіи“, въ которомъ обличилъ еретика Косаго, по пунктамъ излагая его ученіе. До сихъ поръ трудомъ Зиновія пользовались, какъ единственнымъ и почти несомнѣннымъ историческимъ источникомъ для характеристики ереси Косаго, излагали ученіе этого еретика прямо по Зиновію. Такимъ же точно образомъ поступилъ, къ сожалѣнію, и авторъ настоящаго specialнаго изслѣдованія объ этомъ полемистѣ, г. Калугинъ. По примѣру своихъ предшественниковъ. только гораздо обстоятельнѣе и точнѣе, г. Калугинъ въ первомъ отдѣлѣ своей книги излагаетъ ученіе Косаго исключительно по двумъ трудамъ Зиновія „Истинны показаніе“ и „Многословное посланіе“. Никакихъ слѣдовъ критической повѣрки этихъ данныхъ мы у него не находимъ. Между тѣмъ, сомнѣнія въ томъ, на сколько вѣрно Зиновій излагалъ ученіе Косаго, напрашиваются сами собой. Самъ г. Калугинъ отмѣчаетъ тотъ странный фактъ, что ни Косой, ни собесѣдники Зиновія не выражали сомнѣній въ бытіи Божіемъ, и что доказательства, съ которыхъ началъ Зиновій свои богословскія разсужденія, являются „какъ бы напрасными и излишними“ (стр. 132). Затѣмъ ученіе Косаго о крестѣ почти дословно повторяетъ ученіе богомиловъ:

Зиновій.

„...Аще кто убіетъ царева сына древомъ, можетъ ли то древо любу быти царю такоже и крестъ Богу...“¹⁾

„...Аще бы кто царева сына убилъ крестомъ древомъ, можетъ-ли то древо любу быти цесарю? Такоже крестъ Богу“²⁾.

Помимо такого точнаго, буквальнаго сходства, на зависимость Зиновія отъ этихъ памятниковъ указываетъ еще то обстоятельство, что Косой, въ первое время, едва ли могъ такимъ образомъ формулировать свое отрицаніе креста. Крестъ отвергали жидовствующіе, нѣкоторую связь съ коими имѣлъ, по мнѣнію г. Калугина, и Косой, но мотивы отрицательнаго отношенія къ кресту были совершенно не тѣ. По словамъ Юсифа Волоцкаго, „злѣбный волкъ“ Зосима св. крестъ и иконы называлъ *болванами* ³⁾, еретики не хотѣли поклоняться кресту, „глаголюще,

¹⁾ *Глубинскій*, Е. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской. М. 1871 г., стр. 159. Ср. также у Козьмы Пресвитера, *Православный Собесѣдникъ*, 1864 г., ч. I, стр. 494: „...аще бо кто сына палицею убіетъ на смерть, еда убо можетъ человекъ палицу ону любити, еяже убіенъ сытъ его“...

²⁾ *Истинны показаніе*, стр. 509.

³⁾ *Просвѣтитель*, стр. 12.

яко не подобаетъ *рукотворенію* поклоняться“¹⁾. Въ одномъ сборникѣ XVI вѣка еще болѣе ясно выражено такое отношеніе еретиковъ къ кресту: „Въпроси Папискъ жидовинъ, почто завѣщавшу непоклонятися древу или каменію, вы сія чтуще и поклоняетесь, творяще отъ нихъ *кресты и иконы*“²⁾. Косой, такимъ образомъ, является совершенно одинокимъ въ своемъ ученіи, совершенно независимымъ отъ окружавшихъ его толковъ. Неволю, если, слѣдуя г. Калугину, признать, что „еретичество въ первой стадіи его развитія было домашнимъ, національнымъ, самобытнымъ явленіемъ“, выросшимъ на родной почвѣ и воспитавшимся соками отечественной обстановки, среды и условій (стр. 73), — придется предположить, что Зиновій въ данномъ случаѣ неточно передалъ ученіе Косаго о крестѣ, заимствовавъ мотивировку отрицанія у богомилловъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что, какъ видно изъ словъ клирошанъ, приведенныхъ Зиновіемъ въ другомъ мѣстѣ, Косой училъ „кресты и иконы именовать идолами“³⁾. Такимъ же точно богомилскимъ характеромъ отличается ученіе Косаго объ иконахъ, „яко отъ сопротивнаго дѣйства ложная чудеса бывають на прельщеніе“⁴⁾. Совершенно несогласны съ происхожденіемъ ереси Косаго его взгляды на нищенство и благотворительность. Въ разказѣ Зиновія Косой и здѣсь является богомилломъ, нищихъ называетъ псами, которымъ ничего не слѣдуетъ подавать⁵⁾. Это уже совершенно не вяжется съ гуманными идеями заволжскихъ старцевъ, идеи которыхъ воплотилъ себѣ Косой. Какъ извѣстно, наиболѣе смѣлый представитель этого направленія, Вассіанъ Патрикѣевъ постоянно защищалъ интересы низшихъ классовъ, доказывая, что лучше раздавать богатство нищимъ и убогимъ, нежели украшать церкви. „Церковное украшеніе, — говорилъ онъ, — пропадаетъ отъ огня и расхищается ворами, а что дается нищимъ и *дьяволъ не можетъ украсть*“⁶⁾. Очень вѣроятно, что и Косой, какъ ученикъ заволжцевъ, долженъ былъ придерживаться такихъ же убѣжденій.

Затѣмъ самъ г. Калугинъ обратилъ вниманіе на то, что многіи

¹⁾ Ibid., стр. 133.

²⁾ Ркп. С.-Пб. Дух. Ак., № 1098, л. 125 об.

³⁾ Истины показаніе, стр. 41.

⁴⁾ Ibid., стр. 476.

⁵⁾ Многосл. посланіе, стр. 144. Правосл. Соб., 1864 г., ч. I, стр. 413

⁶⁾ В. Жмакинъ. Митрополитъ Давидъ и его сочиненія. М. 1881, стр. 90.

мѣста изъ распространенныхъ въ то время посланій троицкаго игумена Артемія, въ свое время тоже обвинявшагося въ еретичествѣ. „*буквально* повторяются Феодосіемъ“ (стр. 66). Дѣйствительно, примѣры, указанные въ книгѣ г. Калугина, число которыхъ можно было бы увеличить ¹⁾, вполне подтверждаютъ справедливость такого замѣчанія. Г. Калугинъ видитъ въ этой близости ученія Косаго и посланій Артемія слѣды вліянія послѣдняго на своего ученика и этими примѣрами доказываетъ, какъ отразилось ученіе Артемія на взглядахъ Косаго. Но г. Калугинъ забываетъ при этомъ, что Зиновій ведетъ бесѣду не съ самимъ Косымъ, который могъ бы еще твердо, „*буквально*“ усвоить себѣ слова своего учителя, а съ людьми, только наслышавшимися о новомъ ученіи, узнавшими о немъ *незадолго* до прихода къ Зиновію. Очевидно, что клирошане не могли сообщить Зиновію ученія Косаго съ такой точностью. Вѣроятноже предположить, что у Зиновія въ то время, когда онъ писалъ свое обличеніе, были передъ глазами посланія старца Артемія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что не только ученіе Косаго въ передачѣ Зиновія носить на себѣ слѣды вліяній Артемія, но даже возраженія Зиновія имѣютъ много общаго съ возраженіями Артемія. Такъ, напримѣръ, законность употребленія и почитанія христіанами иконъ у того и другаго доказывается почти одинаково ²⁾. Нужно только замѣтить при этомъ, что Артемій писалъ противъ кальвинистовъ, а Зиновій противъ Косаго. Все это даетъ полное основаніе предполагать, что Зиновій Отенскій, также какъ и другіе полемисты, нисколько не стѣснялся въ обличеніи Косаго, приписывалъ ему ученія, какія самъ зналъ, взятая изъ разныхъ источниковъ. Поэтому нисколько неудивительно, что, когда въ XVII вѣкѣ понадобились у насъ полемическія сочиненія, противъ распространявшейся Люторской ереси, сочиненіе Зиновія было перепечатано съ замѣной имени Косаго именами Лютера и Кальвина, а клирошанъ учениками послѣднихъ ³⁾. Въ виду всего этого, думаемъ, что врядъ-ли возможно было излагать „ученіе Косаго“ на основаніи сочиненій Зиновія, безъ предварительной критической повѣрки послѣднихъ. Какъ изложеніе этого ученія, такъ и соображенія г. Калугина о его генезисѣ не дали поэтому не только ничего опредѣлен-

¹⁾ „Истинны показаніе“, стр. 790 и 876; Р. И. В., т. IV, стр. 1388.

²⁾ Ср. „Истинны показ.“, стр. 398—401 и Р. И. В., т. IV, стр. 1270, 1282. „Ист. показ.“, стр. 406—412 и Р. И. В., т. IV, стр. 1304—1308 и др.

³⁾ *Калугинъ*, стр. 98.

наго, точнаго, но также и ничего новаго сравнительно съ трудами Костомарова, г. Емельянова и др.

Если признать такой характер за полемическими сочиненіями Зиновія Отенскаго, то нельзя будетъ согласиться и съ тѣмъ, что они представляютъ собой какъ бы стенографически записанные протоколы бесѣдъ Зиновія съ клирошанами, что, повидимому, признаеть г. Калугинъ. Уже на диспутѣ проф. В. И. Ламанскій указалъ г. Калугину на невѣрность такого взгляда, на странность отношеній между Зиновіемъ и клирошанами, и высказалъ предположеніе, что клирошане не добровольно пришли къ Зиновію, а *посланы* были къ нему для *исправленія* и потому волей-неволей должны были его выслушивать, должны были подчиняться его распоряженіямъ. Трудно, однако, признать правильными и то и другое объясненія. Дѣло въ томъ, что къ Зиновію, какъ къ ученику Максима Грека, осужденнаго за ересь, сосланному въ Отенскую пустынь за близкія отношенія, а, можетъ быть, даже и сочувствіе еретику, не могли посылать для исправленія, тѣмъ болѣе, что Зиновій былъ простой монахъ. Онъ самъ говоритъ клирошанамъ, что онъ не имѣетъ права ихъ учить: „таковая убо не наша есть начати, но іерейская и архіерейская“¹⁾. Вѣроятно же предположить, что клирошане, слышавшіе о его учености, связяхъ съ Максимомъ Грекомъ, рассчитывавшіе встрѣтить въ немъ умнаго, гуманнаго, образованнаго и въ то же время совершенно *безопаснаго*, совѣтника, сами обратились къ нему за разрѣшеніемъ мучившихъ ихъ сомнѣній, но сразу же разочаровались, увидѣли, что передъ ними находится человекъ, мало чѣмъ отличающійся отъ Іосифа Волоцкаго, и ушли. Этимъ объясняется, почему почтительный, почти подобострастный тонъ, съ которымъ клирошане обратились къ Зиновію, перешелъ въ концѣ концовъ въ брань²⁾. Приходъ клирошанъ далъ Зиновію мысль написать „Истины показаніе“, направленное противъ новаго ученія, изложить свое сочиненіе въ формѣ бесѣдъ съ клирошанами. Для оживленія и большей естественности онъ могъ вставить рѣзкія выраженія, дѣйствительно сказанныя ему клирошанами, и не стѣсняться съ своей стороны. Такимъ образомъ, *однимъ* разговоръ съ клирошанами далъ поводъ Зиновію написать десять довольно длинныхъ бесѣдъ, въ которыхъ Зиновій обнаружилъ знакомство не только съ ересью Косаго, но и съ другими современными

¹⁾ Истины показаніе, стр. 14.

²⁾ Ср. *ibid.*, стр. 392 и др.

ему толками ¹⁾, а также ученіями прежнихъ еретиковъ ²⁾. Здѣсь же нашли себѣ мѣсто и занимавшіе многихъ современныхъ богослововъ вопросы чисто формальнаго свойства, въ родѣ того, какъ правильнѣе пѣть: „господи помилуй“, или же „осподи помилуй“; какъ нужно говорить: „поемъ ти, благословимъ тя“, или же „поемъ тя, благословимъ тя“ ³⁾; „исполнь небо и землю славы твоя“, или же „славы его“ ⁴⁾ и мн. др.

По мнѣнію г. Калугина, составленію книги „Истины показаніе“ предшествовало составленіе „Многословнаго посланія“, авторомъ котораго считаетъ г. Калугинъ Зиновія Отенскаго. Въ данномъ случаѣ, онъ только повторилъ установившееся объ этомъ памятникѣ мнѣніе, высказанное проф. Николаевскимъ, Поповымъ и поддержанное м. Макаріемъ, но ничуть не устранилъ возникающихъ изъ такого вывода сомнѣній. Прежде всего, уже самъ г. Калугинъ выражаетъ совершенно справедливое изумленіе, какъ это въ короткій промежутокъ времени (не болѣе года) дряхлый старецъ, какимъ былъ въ это время Зиновій, могъ произвести огромную литературную работу, которая едва ли посильна и молодой головѣ: въ годъ онъ написалъ „Истины показаніе“ въ 1000 печатныхъ страницъ, „Многословное посланіе“ въ 305 стр., и слово о Никитѣ, занимающее 60 листовъ in folio полуустава (стр. 310). Кромѣ того, противорѣчіе въ передачѣ исторіи еретиковъ, на которое указалъ еще въ 1880 г. г. С—скій въ своей рецензій на изданное г. Поповымъ „Многословное посланіе“ остается фактомъ, не смотря на объясненіе г. Калугина ⁵⁾. Если даже признать это объясненіе, то-есть, что „Многословное посланіе“ написано раньше „Истины показаніе“, когда Зиновій еще не былъ вполнѣ знакомъ со всѣми подробностями исторіи Косаго, то все-таки не будетъ устранено еще болѣе важное недоумѣніе. И то и другое сочиненіе написано Зиновіемъ въ 1566 году, то-есть, *десять лѣтъ спустя*, послѣ бѣгства Косаго въ Литву. Между написаніемъ того и другаго сочиненія могъ пройти самый незначительный промежутокъ времени. Клирошане, слышавшіе объ ученіи Косаго *не задолго* до прихода къ Зиновію, и литовцы, обратившіеся къ нему письменно съ

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что „Западъ раздраженъ Мартиномъ нѣмчиномъ“: Истины показаніе, стр. 49.

²⁾ Истины показаніе, стр. 812 и мн. др.

³⁾ Ibid., стр. 938.

⁴⁾ Ibid., стр. 944, 961, 968 и др.

⁵⁾ Историческій Вѣстникъ, 1880 г., № 12, стр. 860.

той же цѣлью, должны бы были сообщить одни и тѣ же свѣдѣнія о Косомъ, а между тѣмъ, въ сочиненіи „Истины показаніе“ Косой является жидовствующимъ, отвергающимъ Св. Троицу, божественность Иисуса Христа и т. д., а въ „Многословномъ посланіи“ онъ рисуется христіаниномъ-протестантомъ. Наконецъ, положительно непонятно, почему это изъ Литвы вдругъ обращаются къ забытому, ничѣмъ себя не заявившему, заброшенному въ глухую отенскую пустынь, Зиновію за разрѣшеніемъ животренищующихъ религіозныхъ вопросовъ, почему послѣдователи Косого ссылаются на него, какъ на своего благопріятеля, сочувствующаго ихъ идеямъ? Всѣ эти недоумѣнія разрѣшаются, если принять мнѣніе, высказанное а ргіогі проф. И. Н. Ждановымъ на его лекціяхъ, именно, что авторомъ „Многословнаго посланія“ былъ извѣстный Артемій ¹⁾.

Принявъ эту догадку, мы понимаемъ, почему Косой могъ указывать на Артемія, какъ на человѣка, „тая-же мудрствующаго“ ²⁾. Въ одномъ изъ своихъ посланій „къ брату *отступившему* и жену появившему“ (Косому?), Артемій называетъ этого брата — сообщникомъ всѣхъ страданій, выражаетъ сожалѣніе, что онъ „къ неправеднымъ наукамъ приложился, ихъ-же и *ми сами*, не ощутивше сущая въ нихъ прелести антихристова духа, не дръзнухомъ хулити, но въ нѣкихъ вещахъ не разнствовахомъ“ ³⁾. Понятно, что Косой, ученикъ Артемія, могъ ссылаться на своего учителя, пока не замѣтилъ происшедшей въ послѣднемъ перемѣны образа мыслей. Понятно, что литовскіе жители могли обратиться съ вопросомъ къ Артемію, жившему здѣсь-же. Это-же предположеніе объясняетъ намъ характеръ „Многословнаго посланія“, почему въ немъ излагаются протестантскія ученія, циркулировавшія въ то время въ Литвѣ, по поводу которыхъ Артемій написалъ цѣлый рядъ посланій къ разнымъ лицамъ. Что къ Артемію не только могли, но и дѣйствительно обращались разные лица съ вопросами такого свойства, можно видѣть изъ его посланій, напечатанныхъ въ „Русской исторической библіотекѣ“ (т. IV). Въ тѣхъ-же письмахъ можно найдти намеки, что Артемій задумывалъ и даже обѣщалъ написать посланіе, вродѣ „Многословнаго“. Такъ, въ письмѣ къ кн. Чарторыжскому, онъ говоритъ: „Много имѣхъ писати, но

¹⁾ Очеркъ умственной жизни Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ (литогр. изд.), С.-Иб. 1890, стр. 122.

²⁾ Многословное посланіе, стр. 11.

³⁾ Р. И. Б., т. IV, ст. 1420.

трудно ми вскорѣ о всѣхъ речахъ писати. Надѣюся, Богу споспѣшествующу, *на вся хулы мнѣшнихъ ересей обще списати обличеніе*, елика они умышляютъ лживыми выклады смутити церковь Божию" ¹⁾). Затѣмъ въ другомъ письмѣ, по поводу такой-же просьбы, Артемій пишетъ: „Азъ несмысленный нетокмо твоему величеству, но и прочимъ отписати нудлицимъ меня, на се отвѣщавахъ, яко аще благоволитъ Богъ, хотѣлъ быхъ писати, общая ради ползы, на каждый артикулъ обличительно писаніе лжементатаго разума ихъ, самозаконна прелести умораствѣнныхъ догматъ удобъ-же пріятны сластолюбивымъ. *И сице множицею стѣмъ себя обѣщавшаяся отъ легкумія въскитився*“ ²⁾). Такимъ образомъ, „Многословное посланіе“ могло быть именно этимъ обѣщаннымъ трудомъ. Къ сожалѣнію, всѣ дошедшія до насъ посланія Артемія не представляютъ собой ничего цѣльнаго, не позволяютъ произвести особенно широкихъ сопоставлений, необходимыхъ для положительнаго рѣшенія этого спорнаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, кромѣ приведенныхъ нами выше соображеній, изъ которыхъ главное то, что предметомъ обличеній, какъ у Артемія, такъ и въ „Многословномъ посланіи“ являются—литовскіе протестанты, можемъ еще припести нѣсколько доказательствъ въ пользу авторства Артемія. Если даже, слѣдуя г. Калугину, смотрѣть на уничтожительное вступленіе, какъ на литературный этикетъ, то выраженіе „нѣсмъ достоинъ нарешися и христіанинъ“, какъ говорятъ авторъ о себѣ, гораздо болѣе приложимо къ осужденному за ересь, лишенному духовнаго сана Артемію, нежели Зиновію. Затѣмъ, заглавіе: „Посланіе многословное къ вопросившимъ о извѣстии благочестія“ и т. д. совершенно въ томъ-же родѣ, какъ и другія заглавія посланій Артемія, какъ, напримѣръ: „посланіе старца Артемія къ люторскимъ учителямъ, ставящимъ десятословіе выше Евангелія“ и т. д., „посланіе въпросившему слова Божія“ и др. Сличая, на сколько это возможно было, посланія Артемія съ „Многословнымъ посланіемъ“, мы замѣчаемъ нѣкоторое сходство по вопросу объ иконахъ. Здѣсь-же, между прочимъ, можно отмѣтить одинъ вопросъ, который затрогивается Артеміемъ и „Многословнымъ посланіемъ“, по котораго мы не нашли въ сочиненіи Зиновія „Истинны показаніе“. Это вопросъ о томъ, „откуда безплотныхъ ангелъ человѣческими зраки писать пріять есть церква“ ³⁾).

¹⁾ Р. И. Б., т. IV, ст. 1273.

²⁾ Ibid., стр. 1329.

³⁾ Многосл. посл., стр. 74, и Р. И. Б., т. IV, стр. 1306.

На такую-же связь указываетъ нѣкоторая общность въ выраженіяхъ:

„...отъ довогъ имущихъ отъ Бога и святыхъ апостолъ и пророкъ и преподобныхъ отецъ, якоже цесъ отъ крупницъ, падающихъ отъ трапезы господій своихъ по мѣрѣ дарованія Христова..... отъ многихъ малая собравъ, предложити вещей мудрости азъ ненаученный покушусь“. (Р. И. Б., IV, ст. 1205) ¹⁾.

„....Приемъ аки песь отъ крупницъ, падающихъ отъ трапезы господій, боговидныхъ и духоносныхъ святыхъ мужей, апостоловъ и ихъ преемникъ и ниже по нихъ учителей..... отвѣщаю вамъ“.... (Мн. Посл., стр. 13).

Авторъ „Многословнаго посланія“ также какъ и Артемій любитъ формы архаическаго характера, вродѣ: „пастырскы, еретическы, мръзость, дръззующихъ, благочестіа“ и др., употребляетъ выраженія, которыхъ мы не находимъ у Зиновія, но которыя часто употребляетъ Артемій, напримѣръ: „не буди то“ ²⁾, „крадоводити“ ³⁾ (*praedas agere*) и др. Свообразныя, часто даже непонятныя слова, которыя г. Калугинъ считаетъ достояніемъ Зиновія Отенскаго, встрѣчаются также и у Артемія. Достаточно указать на слѣдующую фразу: „...сія вся не отъ части отпущеннѣ *всему отнюдству свесменнаго* и всего божества налагати“ ⁴⁾ для того, чтобы не пользоваться этимъ свойствомъ, какъ признакомъ авторства Зиновія Отенскаго.

Вѣскимъ на первый взглядъ возраженіемъ для признація Артемія авторомъ этого труда служить несогласное съ гуманными воззрѣніями Артемія, напоминающее Юсифа Волоцкаго, наставленіе, говорищее, что „отступныхъ еретиковъ яко и волковъ подобаетъ убити и яко соблазны каменіемъ въ море погружати“. Но, вопервыхъ, конецъ „Многословнаго посланія“ можетъ быть сочтенъ за приписку другаго лица, и во всякомъ случаѣ за приписку болѣе позднюю, потому что заключеніе это находится въ рукописи послѣ приписки: „Конецъ ѡбличенію на безбожныя ложному тщеславію“ ⁵⁾. Затѣмъ, не пужно забывать, что подъ конецъ жизни Артемій значительно

¹⁾ Ср. также „Многосл. посл.“, стр. 15 в Р. И. Б., т. IV, 1207.

²⁾ „Многосл. посл.“, стр. 12; Р. И. Б., т. IV, стр. 1206, 1435 и др.

³⁾ „Многосл. посл.“, стр. 16; Р. И. Б., т. IV, стр. 1325 и др.

⁴⁾ Р. И. Б., т. IV, стр. 1314.

⁵⁾ Въ этомъ, можетъ быть, сказалось авторство лица, написавшаго житіе Юсифа Волоцкаго, большаго почитателя послѣдняго, на котораго г. С—скій указывалъ, какъ на возможнаго автора „Многословнаго посланія“. „Историческій Вѣстникъ“ 1880 г., № 12, стр. 860.

измѣнилъ свои первоначальныя убѣжденія ¹⁾. Въ одномъ изъ своихъ посланій онъ прямо совѣтуетъ православнымъ, „да не совѣдворяются съ лютераны и прочими еретики“, убѣждаетъ не „слушать препорная ихъ словеса“, „не сходити съ ними ни во ядѣни, ни въ питіи, ни во сродствѣ, ни въ дружествѣ“, совѣтуетъ не принимать ихъ въ домъ и не здороваться ²⁾. Такія наставленія какъ то не вяжутся съ гуманными воззрѣніями заволжскихъ старцевъ, виднымъ представителемъ которыхъ былъ Артемій. Отъ нихъ недалеко уже было, пожалуй и до того, что высказано въ заключеніи „Многословнаго посланія“. Что же касается до сходства „Многословнаго посланія“ съ трудомъ Зиновія, то ихъ „можно объяснить единствомъ источника“, возможность чего допускаетъ и г. Калугинъ (стр. 311). Очень можетъ быть, что въ числѣ источниковъ Зиновія было, между прочимъ, и „Многословное посланіе“ ³⁾. Очень жаль, что именно вопросъ объ источникахъ, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ взглядъ на самого Зиновія, на значеніе его трудовъ, достовѣрность сообщаемыхъ имъ фактовъ, даже не затронуть въ книгѣ г. Калугина.

Такимъ образомъ, книга г. Калугина не исключаетъ возможности дальнѣйшихъ изслѣдованій трудовъ Зиновія Отенскаго; но она несомнѣнно имѣетъ большое значеніе. Г. Калугинъ прежде всего сличилъ довольно много рукописей, заключающихъ въ себѣ труды Зиновія, сличилъ съ ними печатный текстъ и сдѣлалъ не мало существенныхъ поправокъ, указалъ цѣлый рядъ пропусковъ, далъ такимъ образомъ вполне исправный и точный текстъ главнаго сочиненія Зиновія Отенскаго „Истины показаніе“. Затѣмъ, онъ изложилъ въ системѣ и подробно разобралъ всѣ разсужденія Зиновія, сдѣлалъ имъ оцѣнку съ богословской точки зрѣнія, указалъ на то, что Зиновій впервые для доказательства религиозныхъ вопросовъ не остановился на почвѣ буквы и библейскаго документализма, но далъ участіе и доводамъ разсудка, привлекъ свѣдѣнія изъ области внѣшняго, не-

¹⁾ Статья „Артемій, игумень троицкій“ свѣщ. С. Садюковаго (*Ученія Моск. Общ. и Др. Р.*, 1891 г., кн. IV), стр. 136.

²⁾ Р. И. В., т. IV, ст. 1332—1333.

³⁾ Главная причина того, что многіе и такъ упорно приписываютъ „Многословное посланіе“ Зиновію заключается въ томъ, что въ одной рукописи начала XIX вѣка это сочиненіе встрѣчается съ именемъ Зиновія. Но это ровню ничего не доказываетъ. Съ именемъ Зиновія были изданы, на примѣръ, похвальные слова въ честь Зосимы и Савватія, авторомъ которыхъ по ближайшемъ изслѣдованіи оказался сербъ Левъ Аникита Филологъ. *Калугинъ*, Зиновій Отенскій, стр. 358.

церковнаго знанія. Г. Калугицъ далъ прекрасную характеристику Зиновія, не только какъ полемиста-писателя, но также какъ проповѣдника. Онъ подробно разобралъ приписывавшіяся ему похвальные слова на открытіе мощей еп. Никиты и архіеп. Іоны ¹⁾, доказалъ авторство Зиновія, далъ обстоятельныя біографіи названныхъ святыхъ (въ приложеніи напечаталъ впервые слово въ честь архіеп. Іоны), указалъ на зависимость между этими словами и другими трудами Зиновія. Изъ всего этого видно, что хотя изслѣдованіе г. Калугина и не даетъ окончательнаго всесторонняго разбора трудовъ и дѣятельности Зиновія Отенскаго, но тѣмъ не менѣе представляетъ собою большой шагъ въ изученіи этого виднаго писателя.

В. Беццановскій.

И. Г. Гуревичъ: „Исторія Греціи и Рима“. Изд. 6-ое. С.-Пб. 1894.

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда распредѣленіе курса исторіи въ гимназіяхъ было совсѣмъ иное, чѣмъ въ настоящее время, и систематическій курсъ исторіи Греціи и Рима проходилъ только въ VIII-мъ классѣ, вышла въ свѣтъ книга И. Г. Гуревича, предназначенная служить руководствомъ для VIII класса. Въ ту пору наша учебная литература не могла похвастаться обиліемъ учебныхъ пособій по исторіи: для систематическаго курса существовали учебники гг. Иловайскаго и Рождественскаго, а эпизодическій проходилъ по извѣстному руководству г. Белларминова. Книга г. Гуревича, въ основу которой были положены труды извѣстнѣйшихъ ученыхъ иностранныхъ и русскихъ (см. предисл. къ 1-му изд., стр. VII), сразу обратила на себя вниманіе, благодаря удачному соединенію въ ней научныхъ достоинствъ съ педагогическими требованіями; удостоенная въ то же время со стороны ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія награжденія Петровскою премією, она вошла въ общее употребленіе въ качествѣ руководства по древней исторіи для VIII класса гимназій.

Послѣдовавшее затѣмъ измѣненіе въ распредѣленіи курса исторіи по классамъ, именно установленіе особаго предварительнаго курса древней исторіи въ V классѣ, заставило почтеннаго составителя этого руководства сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, съ цѣлью приспособить его къ употребленію не только въ VIII, но и въ V

¹⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 г., февраль и май.

классѣ. Эти измѣненія, не затрогивая существа дѣла, касались главнымъ образомъ внѣшней стороны книги, въ которой весь матеріалъ, предназначенный исключительно для VIII класса, былъ выдѣленъ въ мелкій шрифтъ; кромѣ того, были отчасти опущены, отчасти сокращены нѣкоторыя второстепенныя подробности, сглажены неровности въ изложеніи, которое приурочено было къ уровню развитія и пониманія учениковъ V класса. Въ такомъ видѣ книга г. Гуревича выдержала до 1889 года включительно 4 изданія (1877 г., 1880 г., 1886 г., 1889 г.), подвергаясь каждый разъ новымъ и новымъ исправленіямъ, цѣлью которыхъ было, на основаніи указаній опыта, сдѣлать книгу болѣе удобною для употребленія въ качествѣ руководства.

Съ 1890—1891 учебнаго года стали дѣйствовать новые учебные планы, остающіеся въ силѣ и по настоящее время. Въ распредѣленіи курса исторіи произведена новая, весьма существенная, перемѣна: преподаваніе эпизодическаго курса ограничено однимъ III классомъ (краткій курсъ русской исторіи); съ IV же класса установленъ систематическій курсъ всеобщей, а съ V класса и русской исторіи, оканчивающійся въ VII классѣ; въ VIII классѣ полагается „повтореніе исторіи Греціи и Рима съ дополненіями“, а изъ остальнаго пройденнаго курса повтореніе преимущественно русской исторіи. Такимъ образомъ, курсъ древней исторіи Греціи и Рима, согласно новому учебному плану, проходится два раза, въ IV и въ VIII классахъ, при чемъ первый изъ этихъ курсовъ, въ виду возраста учениковъ и недостаточности ихъ умственнаго развитія, не можетъ и не долженъ быть систематическимъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то-есть, обнимать всѣ стороны жизни древнихъ народовъ, какъ политической, такъ и умственно-художественной, и потому долженъ быть названъ скорѣе элементарнымъ, предварительнымъ, хотя и съ сохраненіемъ возможной полноты фактовъ въ ихъ хронологической послѣдовательности и взаимномъ отношеніи. Систематическій курсъ исторіи Греціи и Рима можетъ быть пройденъ только въ VIII классѣ, ученики котораго и по своему возрасту, и по степени своей умственной подготовки способны глубже проникнуть въ особенности древней жизни и понять какъ политическое, такъ и духовное развитіе древнихъ классическихъ народовъ. Вотъ почему и объяснительная записка къ новому учебному плану исторіи рекомендуетъ въ IV классѣ „обратить больше вниманія на подробное изложеніе внѣшнихъ событій“, а въ VIII—„на политическія учрежденія Греціи и Рима“. Въ виду всего сказаннаго мы полагаемъ, что курсъ древней исторіи въ

VIII классъ долженъ имѣть совершенно самостоятельное значеніе, быть совершенно самостоятельнымъ курсомъ, не „повтореніемъ“ только того, что было пройдено въ IV классѣ, хотя бы и „съ дополненіями“.

Такая постановка вопроса о характерѣ курса древней исторіи въ VIII классѣ вызываетъ, естественно, вопросъ о пригодности для прохожденія этого курса того руководства, по которому проходилъ курсъ древней исторіи въ IV классѣ. По нашему мнѣнію, такое соединеніе невозможно: различіе возраста учениковъ одного и другаго класса, различная степень ихъ умственного развитія, различіе по существу того и другаго курса—все это вызываетъ необходимость имѣть два учебника: одинъ—для IV, другой—для VIII класса. Они должны отличаться одинъ отъ другаго какъ по выбору матеріала, такъ и по изложенію, и всѣ попытки слить оба учебника въ одинъ, хотя бы съ выдѣленіемъ матеріала, специально назначеннаго для VIII класса, въ особый шрифтъ, по нашему глубокому убѣжденію, успѣха имѣть не могутъ.

Само собою разумѣется, при такой перестановкѣ курса древней исторіи изъ V въ IV классъ, книга г. Гуревича переставала быть пригодною для начальнаго курса древней исторіи; ей оставалось, согласно первоначальному ея назначенію, мѣсто только въ VIII классѣ, для котораго она заключала вполне достаточный матеріалъ, отвѣчал и качественно, и количественно тѣмъ требованіямъ, какія указаны въ примѣрной программѣ курса древней исторіи. Наибольше крупнымъ недостаткомъ книги г. Гуревича въ послѣднихъ изданіяхъ,—недостаткомъ, зависѣвшимъ, впрочемъ, не отъ автора (вспомнимъ, что 5-ое изданіе вышло въ 1889 г.), было несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ статей съ современныя положеніемъ относящихся къ нимъ вопросовъ. Это касалось главнымъ образомъ исторіи внутренняго развитія Аѳинской республики, которая, со времени открытія въ 1891 году неизвѣстнаго раньше трактата Аристотеля, получила новое освѣщеніе вслѣдствіе обнаружившейся несостоятельности многихъ прежнихъ положеній, господствовавшихъ въ наукѣ. Этотъ недостатокъ въ настоящее время устраненъ, такъ какъ исторія Аѳинской республики въ новомъ изданіи дана въ совершенно новой переработкѣ, сдѣланной авторомъ при содѣйствіи приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета А. П. Щукарева, и является теперь согласно съ тѣми новыми данными, которыя приняты въ исторической наукѣ. Кроме этого, новое изданіе книги г. Гуревича испытало и нѣкоторыя редакціонныя поправки: кое-какія излишнія подробности опущены, а значительная часть того,

что прежде было напечатано крупнымъ шрифтомъ, теперь отпечатано пеститомъ и выдѣлено такимъ образомъ изъ обязательнаго для усвоенія учениками матеріала, количество котораго чрезъ это значительно уменьшилось. Но при этомъ нельзя не пожалѣть, что стремленіе къ сокращенію объема книги завело г. Гуревича слишкомъ далеко, побудивъ его къ опущенію такихъ статей, которыя въ прежнихъ изданіяхъ служили прямо-таки къ украшенію книги, составляли главное достоинство ея (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1876 г., июнь, стр. 107). Такъ, мы не находимъ въ новомъ изданіи статьи о „значеніи греческихъ мѣровъ для поэзіи и искусства“. Опущеніе этой статьи вызвано, по словамъ автора, тѣмъ соображеніемъ, что этотъ параграфъ „оказывался, по своей отвлеченности, очень труднымъ для усвоенія даже учениками VIII класса“ (предисловіе, XI). Но въ такомъ случаѣ эта статья нуждалась только въ переработкѣ, а совершенное отсутствіе ея неудобно прежде всего по той причинѣ, что въ книгѣ не оказывается статьи, указанной въ примѣрной программѣ и, слѣдовательно, признанной необходимою въ курсѣ VIII класса. Остались и въ новомъ изданіи нѣкоторыя неточности, устраненіе которыхъ желательнѣе въ послѣдующихъ изданіяхъ¹⁾; но эти неточности, отчасти являющіяся результатомъ недосмотра, легко могутъ быть исправлены и, не имѣя существенной важности, нисколько не вредятъ общимъ достоинствамъ книги, заключающимся въ ясномъ, доступномъ пониманію учащихся, изложеніи, научной достовѣрности предлагаемаго матеріала, строгой соразмѣрности отдѣльныхъ частей книги какъ между собою, такъ и по отношенію къ той цѣли, которой должна удовлетворять книга, предназначенная служить руководствомъ для учениковъ старшаго класса гимназій.

¹⁾ Напримѣръ, въ изложеніи первой священной войны при Филиппѣ не обращено вниманія на ессалійскія событія: авторъ просто говоритъ о вторженіи фокидцевъ въ Фессалію, не объясняя того, что происходило тогда въ Фессаліи, и такимъ образомъ даетъ не совсѣмъ правильное освѣщеніе этому факту (стр. 121); разказъ о происхожденіи 1-го триумвирата ведется въ такомъ порядкѣ, что выходитъ, будто союзъ Цезаря, Помпея и Красса былъ заключенъ послѣ консульства перваго изъ нихъ, а раздѣленіе провинцій между триумвирами отнесено, повидному, къ одному и тому же моменту (стр. 225); о началѣ проповѣди св. апостоловъ авторъ выразился также довольно неопредѣленно: „послѣ крестной смерти Христа ученики Его, или св. апостолы, разошлись въ различныя страны“ (стр. 249); въ хронологической таблицѣ, приложенной къ книгѣ, консулъ, побѣдившій македонскаго царя при Клинокефалахъ, названъ Фламиніемъ (стр. 271); смерть Тиберія Гракха отнесена къ 131 г. (стр. 273) и проч.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы считаемъ книгу г. Гуревича въ новомъ изданіи безусловно пригодною для употребленія въ VIII классѣ при прохожденіи въ этомъ классѣ систематическаго курса древней исторіи Греціи и Рима и отъ души желаемъ ей въ этомъ отношеніи наибѣйшаго успѣха и распространенія.

М. Андреевъ.

Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельного владѣнія (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). *И. И. Лаппо.*— М. 1894.

„Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ“ есть работа написанная на тему, которая въ 1891 г. была предложена историко-филологическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета студентамъ для соисканія медалей. Какъ студенческая работа, трудъ г. Лаппо получилъ уже благосклонную оцѣнку факультета, вполне заслуженную (въ отчетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1891 годъ). Въ настоящее время трудъ этотъ появился въ печати и потому можетъ быть оцѣненъ уже съ научной точки зрѣнія, независимо отъ того, изъ-подъ чьего пера онъ вышелъ.

Изслѣдованіе г. Лаппо „основано на изученіи трехъ писцовыхъ книгъ XVI столѣтія Тверскаго уѣзда, напечатанныхъ во второмъ отдѣленіи I тома писцовыхъ книгъ Московскаго государства“. Оно распадается на двѣ, весьма различныя по характеру, части. Первая половина книги раздѣлена на четыре главы: 1) Тверскія писцовыя книги XVI столѣтія, 2) Населенныя и пещеленныя мѣстности, 3) Населеніе Тверскаго уѣзда въ XVI столѣтіи, 4) Виды земельного владѣнія: земли черныя, земли дворцовыя, земли вотчинныя, земли помѣстныя, землевладѣніе монастырское и церковное, села и деревни владычныя. Первая глава сначала характеризуетъ, какимъ образомъ составлялись писцовыя книги вообще, а затѣмъ переходитъ къ указаннымъ выше Тверскимъ писцовымъ книгамъ и опредѣляетъ какъ составителей ихъ, такъ и время, къ которому каждая книга относится. Наиболѣе труднымъ и запутаннымъ былъ вопросъ о годѣ составленія второй книги, но авторъ съ замѣчательнымъ критическимъ тактомъ вполне убѣдительно доказалъ, что она относится къ 1548 г. Послѣдующія главы, очевидно, не имѣютъ цѣлью дать характеристику Тверскаго уѣзда по изученнымъ авторомъ писцовымъ

книгамъ: правда, факты почерпнутые изъ нихъ, почти постоянно мелькаютъ передъ читателемъ, но именно только мелькаютъ, не соединяясь въ цѣльную картину и оставаясь все время па задномъ планѣ. Все вниманіе автора поглощено не мѣстными тверскими явленіями, а обще-русскими. Напримѣръ, подъ заголовкомъ: „населеніе Тверскаго уѣзда въ XVI столѣтіи“ г. Лаппо даетъ характеристику различныхъ видовъ земледѣльцевъ, бывшихъ въ XVI вѣкѣ въ Московскомъ государствѣ, говоритъ объ ихъ положеніи, затрагиваетъ вопросы объ ихъ происхожденіи, при чемъ данныя изъ писцовыхъ книгъ только иногда являются въ качествѣ иллюстрацій къ выводамъ, построеннымъ на основаніи совсѣмъ другихъ источниковъ. Такой же шириной отличаются и остальные главы изслѣдованія г. Лаппо. Но этотъ способъ работы натолкнулъ автора на цѣлый рядъ вопросовъ весьма обширныхъ и трудныхъ, которые нельзя еще считать рѣшенными окончательно. Не имѣя возможности останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи подобныхъ вопросовъ, г. Лаппо, по необходимости, долженъ былъ часто ограничиться простымъ пересказомъ мнѣній того или другаго ученаго, хотя бы и подтверждаемымъ ссылками на первоисточники. Такимъ образомъ, начертавъ себѣ слишкомъ широкую программу, авторъ пожертвовалъ глубиною и основательностью своей работы и выпущенъ былъ придать первой половинѣ своей книги въ значительной степени компилятивный характеръ и отказаться отъ самостоятельныхъ новыхъ выводовъ. Этой невозможностью не только самостоятельно изслѣдовать всѣ вопросы, затронутые г. Лаппо, но даже вполне освоиться съ ихъ литературой, можно объяснить нѣкоторыя слишкомъ ужъ категорическія или даже и неправильныя утвержденія автора. Такъ, напримѣръ, не будетъ ли смѣло настаивать на томъ, что „Московская Русь не знаетъ частной собственности... Верховнымъ собственникомъ всей территоріи является царь и великій князь“ (стр. 58). Вѣдь такое утвержденіе ставитъ г. Лаппо лицомъ къ лицу хотя бы съ стройнымъ и убѣдительнымъ выводомъ проф. Сергѣевича, что черныя земли принадлежали князю, не какъ собственнику, а какъ государю. Думаемъ, что мнѣнію проф. Сергѣевича заслуживаютъ серьезнаго обсужденія. Затѣмъ, какимъ образомъ великій князь можетъ разсматриваться, какъ собственникъ монастырскихъ земель и частно-владѣльческихъ вотчинъ? Вѣдь частные случаи экспроприаціи подобныхъ земель могутъ быть актами государственной власти, а не только проявленіями произвола собственника.

Укажемъ еще на одно слишкомъ категорическое утверждение г. Лаппо. На стр. 37 онъ говоритъ: „крестьянинъ не можетъ быть собственникомъ земли“. А какъ объяснить тогда собишу, упоминаемую въ А. Ю., № 3? Затѣмъ поводъ къ недоумѣнію можетъ подать слѣдующая фраза, на стр. 48: „при уходѣ крестьяне платили выходъ и пожилое“. Конструкция этой фразы заставляетъ думать, что г. Лаппо считаетъ выходъ какимъ-то особымъ налогомъ, независимымъ отъ пожилого. Между тѣмъ первый судебникъ устанавливаетъ только одинъ налогъ на крестьянина при отказѣ—пожилое, въ размѣрѣ рубля за дворъ „въ полѣхъ“ и полтины въ „лѣсѣхъ“. Второй судебникъ повышаетъ пожилое на два алтына и постановляетъ еще „за повозъ инати з двора по два алтына“. „А oprичъ того на немъ (крестьянинѣ) пошлинѣ нѣтъ“—прибавляетъ царскій судебникъ. Повозъ и пожилое—вотъ все, что платилъ крестьянинъ при отказѣ, „выходъ“ же, о которомъ говорится въ Д. къ А. И., I, № 56, не есть какой-либо особый налогъ, а просто означаетъ тѣ же повозъ и пожилое. Столь же неудачно построена и другая фраза: „кабальное холопство оканчивалось не только съ уплатой долга, оно могло окончиться и со смертью землевладѣльца“ (стр. 53). Тутъ авторъ смѣшиваетъ двѣ стадіи въ развитіи кабальнаго холопства.

Переходимъ ко второй части изслѣдованія г. Лаппо. Это—статистическія таблицы, составленныя по тверскимъ писцовымъ книгамъ XVI вѣка. Онѣ раздѣлены на два отдѣла: 1) статистика землевладѣнія и 2) статистическія таблицы документовъ на право владѣнія земельными имуществами, службы съ имѣній и измѣненій въ составѣ владѣльцевъ. Въ этихъ 29 таблицахъ приведенъ въ систему и размѣщенъ по надлежащимъ рубрикамъ весь матеріалъ, заключающійся въ изученныхъ авторомъ писцовыхъ книгахъ, и подведены итоги, которые даютъ возможность вполне возстановить картину Тверскаго уѣзда въ XVI вѣкѣ, на сколько, конечно, она изображена писцовыми книгами. Во второмъ отдѣлѣ книги г. Лаппо и заключается весь центръ тяжести его работы и все ея научное значеніе. Несомнѣнно, что тщательная обработка отдѣльныхъ писцовыхъ книгъ съ такою добросовѣстностью и съ такимъ умѣньемъ, какъ это сдѣлано г. Лаппо, представляется не только желательной, но даже прямо необходимой, такъ какъ только рядъ подобныхъ частныхъ работъ можетъ въ концѣ концовъ дать возможность вполне воспользоваться богатѣйшимъ матеріаломъ, заключеннымъ въ писцовыхъ книгахъ.

С. Адриановъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Религиозно-нравственное мировоззрѣніе Плутарха Херонейскаго. Сочиненіе *Иоанн Эллидинскаго*. С.-Иб. 1893. Стр. 461. Цѣна 3 р.— „Въ русской литературѣ до сихъ поръ нѣтъ спеціальнаго изслѣдованія о Плутархѣ“—говоритъ авторъ въ началѣ предисловія. Это составляетъ, конечно, пробѣлъ, и не маловажный, такъ какъ Плутархъ есть писатель очень крупный и читать его очень полезно. Пополнить такой пробѣлъ можно бы очень просто: взять хорошую иностранную книгу о Плутархѣ и старательно перевести ее. Напримеръ, можно бы перевести книгу Греара (Gréard): *De la morale de Plutarque*, которую такъ хвалитъ Целлеръ. Вмѣсто того, г. Эллидинскій рѣшился самъ изучать Плутарха и составилъ сочиненіе очень обширное, очень ученое, исненренное цитатами изъ греческихъ подлинниковъ и изъ новыхъ писателей русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Начинается книга обзорѣніемъ литературы предмета. Затѣмъ первая глава содержитъ „біографію Плутарха“, вторая—„отношеніе Плутарха къ Платону, Аристотелю и современнымъ ему философскимъ школамъ“, а потомъ, начиная съ 66-й страницы и до конца, идетъ систематически расположенное изложеніе того, что называется *Scripta moralia*, или просто *Moralia* Плутарха. Трудъ огромный и дѣлающій честь прилежанію автора. Къ сожалѣнію, чтеніе этой книги оставляетъ насъ малоудовлетвореннымъ. Плутархъ и его ученіе не выступаютъ передъ нами въ определенныхъ ясныхъ чертѣжахъ, такъ какъ авторъ объ этомъ не заботится, а старается только о полнотѣ изложенія и о томъ, чтобы все обратитъ въ похвалу писателю, о которомъ говорить. Читать его книгу любопытно, такъ какъ дѣло идетъ о важныхъ вопросахъ, и излагаются мнѣнія о нихъ Плутарха; но все это содержаніе сопоставлено нѣсколько механически, и все отчасти обезцвѣчено подведеніемъ подъ общія нормы и понятія. Ученость автора представляетъ нѣкоторый избытокъ. Онъ приводитъ слова Плутарха безъ перевода, какъ и подобаетъ въ ученомъ и самостоятельномъ изслѣдованіи; но большею частію это тѣ слова, въ истолкованіи которыхъ авторъ затруднялся и которые оставлены имъ безъ истолкованія. При ссылкахъ на новыхъ писателей бросается въ глаза ненадобность и излишество этихъ ссылокъ. Напримеръ, на первой страницѣ „біографіи“ въ примѣчаніи сказано: „Віотія только благодаря Эпаминонду со славою побѣдила спартацевъ и стала во главѣ Греціи; но послѣ него опять впала въ обычную апатію“—и для подтвержденія этихъ фактовъ сдѣлана ссылка на „Древнюю Исторію“ Иловайскаго, 11-е изданіе 1879 г., и кромѣ того на Шлоссера въ русскомъ переводѣ (см. стр. 13). Другой примѣръ. Сказавъ въ четырехъ строчкахъ объ ученіи древнихъ биоагорейцевъ, авторъ дѣлаетъ три ссылки: 1) на Шwegлера, 2) на Трубецкаго и 3) на Целлера (стр. 56). Неужели не довольно было одного Целлера? И затѣмъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Шwegлеръ, то-есть, элементарный учебникъ въ родѣ

Иловайскаго? Ошибокъ и неточностей также не мало. Напримеръ, „Аммоній, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ его учениковъ во время вечерняго занятія не довольствуются простою закускою, приказавъ вольноотпущеннику выстѣчь своего мальчика, приговаривая, что нельзя ѣсть безъ уксуса, и вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣлъ на насъ, такъ что упрекъ коснулся и виновныхъ“ (стр. 16). Это переводъ изъ Плутарха. Не говоря о неточности словъ (например, *простая закуска*) тутъ нарушенъ смыслъ; невольника наказываютъ за то, что онъ не хочетъ ѣсть безъ приправы. А иначе въ чемъ бы былъ упрекъ?... Вотъ еще страшное мѣсто. Перечисляя добродѣтели, которыя признавалъ Аристотель, авторъ одну изъ нихъ опредѣляетъ: „4. Великолѣніе (*Grossherzigkeit*), то-есть, приличныя издержки въ большомъ видѣ, занимаютъ средину между малощенностію и чванствомъ, съ одной стороны, и мелочностію съ другою“ (стр. 203). Странно, что тутъ зачѣмъ-то попало нѣмецкое слово; но во всякомъ случаѣ *великолѣніе* и *Grossherzigkeit*—два различныя понятія и не похожи также на *приличныя издержки въ большомъ видѣ*. Въ цѣлой книгѣ можно замѣтить это несомнѣнно точное употребленіе словъ, дающее рѣчи часто странный смыслъ. Связь мыслей страдаетъ подобными же неясностями.

„Бумаги князя Потемкина-Таврическаго“. Вып. I и II, 1774—1789. С.-Пб., 1894; XVI + 378 и XVI + 396. — „Бумаги князя Потемкина“ изданы подъ редакціей генерала Дубровина и составляютъ VI и VII выпуски „Сборника военно-историческихъ матеріаловъ“, издаваемого Военно-ученымъ комитетомъ Главнаго штаба; въ первыхъ пяти выпускахъ его содержатся документы Сѣверной войны (I, II), Ставучанскаго похода (V), начала первой турецкой войны (III) и переноска Румянцева, Потемкина и Суворова въ 1787—1788 гг. (IV). Матеріалы VI и VII выпусковъ относятся преимущественно ко второй турецкой войнѣ: документы 1774—1787 гг. занимаютъ 160 стр., документы 1788 г.—298 стр. и 1789 г.—286 стр. Тутъ напечатано множество ордеровъ Потемкина подчиненнымъ ему начальникамъ, росписанія армій и отдѣльныхъ корпусовъ, донесенія Потемкина императрицѣ, журналы дѣйствій армій и флота; между прочимъ, напечатаны: диспозиція штурма крѣпости Очакова, донесенія объ ея взятіи императрицѣ и письма Потемкина ко многимъ свѣтскимъ и духовнымъ высокооставленнымъ лицамъ съ извѣщеніемъ о томъ же (VII, №№ 112—122, 124, 140); обстоятельное донесеніе Суворова о Рымникской его побѣдѣ (VII, № 342); интересны также частныя письма Потемкина къ императрицѣ (VI, №№ 350—352, 370, 371, 380, 381 и др.), нередко говорящія о томъ же, о чемъ говорится и въ напечатанныхъ тутъ же официальныхъ донесеніяхъ; укажемъ еще любопытный обширный докладъ Потемкина о сооруженіи порта и доковъ въ Севастополѣ (VI, стр. 121—134) и нѣкоторыя его замѣчанія, изъ которыхъ видна его чрезвычайная заботливость о солдатахъ (например, VI, №№ 251, 315; VII, 18, 108, 136 и др.); №№ 121—128 выпуски VI-го содержатъ нѣкоторыя распоряженія Потемкина по случаю путешествія императрицы въ Крымъ въ 1787 г.; любопытны также письма Потемкина къ Румянцеву (VI, №№ 140, 277, 291, 316, 324 и др.). Изъ другихъ документовъ, не имѣющихъ отношенія къ войнѣ, интересны касающіеся устройства на Дону гражданскаго управленія послѣ Пугачевщины (VI, №№ 23, 24, 27, 32, 33, 81, 93, 94),

уничтоженія Сѣчи Запорожской и устройства быта бывшихъ казаковъ, а также привлеченія въ Россію тѣхъ изъ нихъ, которые переселились въ Турцію (VI, №№ 36—41, 62, 65, 69, 72, 80, 87, 104; VII, № 327), и заведенія поселенскихъ войскъ (VII, №№ 183, 193, 197 и др.); наконецъ, документы о вывозѣ въ русскую службу албанцевъ и устройствѣ ихъ поселеній (VI, №№ 29, 43, 64, 77, 81, 84, 85; VII, № 126). Нельзя не пожалѣть объ отсутствіи какова бы то ни было указанія на то, какими источниками или какимъ собраніемъ воспользовались для настоящаго изданія и были ли произведены какія-либо разысканія съ цѣлью получить по возможности большее количество документовъ о дѣятельности Потемкина, или прямо напечатано какое-то уцѣлѣвшее отъ времени князя Потемкина собраніе: въ выноскахъ нѣсколько разъ (VI, 120, 129 и др.) встрѣчаемъ замѣчаніе объ упоминаемыхъ въ текстѣ пламахъ или вѣдомостяхъ: „при журналѣ нѣтъ“, „при дѣлѣ нѣтъ“ и т. п. По предисловію къ IV выпуску того же „Сборника“ (стр. III) можно думать, что въ выпускахъ VI и VII издаемъ общій и секретный журналъ исходящихъ бумагъ канцеляріи князя Потемкина, но это только предположеніе; несомнѣнно, что далеко не всѣ документы исходящія изъ канцеляріи Потемкина напечатаны въ разсматриваемомъ изданіи; въ немъ даже не упомянута напри- мѣръ записка Потемкина (1783 г.) объ обмундированіи арміи (*Русскій Архивъ*, 1888, 11, 364 и въ „Памятникахъ“, изд. Кашнирева), кромѣ того, мы имѣемъ изданіе не только исходящихъ бумагъ, но и нѣкоторыхъ входящихъ; страннымъ образомъ въ число потемкинскихъ бумагъ попало совершенно частное письмо графа Румянцева къ русскому послу въ Вѣнѣ, князю Д. М. Голицыну, которымъ Румянцевъ проситъ его выслать ему изъ Вѣны походный эклипажъ (VI, № 163). Нѣкоторые изъ напечатанныхъ въ разсматриваемомъ изданіи документовъ были уже напечатаны: такъ, напри- мѣръ, № 168, выпуска VII—напечатанъ въ 42 т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, стр. 8, №№ 29, 47, 101 и 310 и нѣкоторые другіе того же выпуска (въ числѣ ихъ и манифестъ объ уничтоженіи Сѣчи Запорожской)—напечатаны въ Поли. Собр. Законовъ (№№ 14.284, 14.354—по опечаткѣ въ П. С. З. столпъ 13354—14764 и 16464); издатель не отиѣтилъ, впрочемъ, уже изданныхъ ранѣе документовъ.

Бартольдъ Нибуръ, его жизнь и дѣятельность. Переводъ съ нѣмецкаго Л. О. Вейберга. Приложение: Письмо Нибура къ филологу. Москва. — Настоящая біографія знаменитаго творца „Рямской исторіи“ написана была его домашнимъ учителемъ Классеномъ къ дню столѣтія со дня рожденія Нибура въ 1876 году. До сихъ поръ это наиболѣе обстоятельная изъ біографій великаго ученаго. Авторъ четыре года состоялъ домашнимъ учителемъ сына Нибура при жизни послѣдняго (1827—1831); послѣ смерти историка Классенъ, согласно желанію родственниковъ Нибура, проводилъ его дѣтей въ Киль и прожилъ тамъ годъ въ домѣ вѣрнаго друга Нибура г-жи Генслеръ; позднѣе онъ посѣтилъ Мельдорфъ, чтобы видѣть то мѣсто, гдѣ протекло дѣтство Нибура, и познакомился тамъ съ пережившею его сестрой. Въ теченіе своего долгаго педагогическаго поприща Классенъ встрѣчался со многими изъ самыхъ близкихъ Нибуру лицъ (Савинни, Николовіусъ, Шайермахеръ, графъ

Ад. Мольто, Буинзонъ и др.). Все это обезпечиваетъ правдивость сообщаемыхъ имъ біографическихъ свѣдѣній. Шагъ за шагомъ слѣдитъ онъ за Нибуромъ въ различные періоды его жизни и подробно излагаетъ его дѣятельность на административно-финансовомъ поприщѣ въ Даніи и Пруссіи, дипломатическомъ—въ Римѣ и ученомъ—въ Берлинскомъ и Бошскомъ университетахъ. Къ переводу біографіи переводчикъ присоединилъ, въ видѣ приложения, переводъ письма Нибура къ молодому начинающему филологу. Письмо это, по справедливому замѣчанію переводчика, имѣетъ двойной интересъ: какъ характеристика научныхъ взглядовъ и пріемовъ самого Нибура и какъ методологическій совѣтъ. До сихъ поръ на русскомъ языкѣ имѣлся только краткій и не доведенный до конца обзоръ жизни Нибура, написанный Грановскимъ; поэтому нельзя не поблагодарить г. Вейнберга за переводъ настоящей біографіи великаго ученаго, которому такъ много обязаны его преемники на поприщѣ науки. Но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не замѣтить, что переводъ г. Вейнберга въ стилистическомъ отношеніи не вполне безупреченъ: довольно часто встрѣчаются у него не только русскіе обороты и не совсѣмъ ясныя выраженія.

1) Царь-работникъ и учитель. *Г. Сеитова*. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе“. Цѣна 15 коп. С.-Пб. 1893. Стр. 30 + II. 2) Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ Великомъ. *Г. Сеитова*. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе“. Цѣна 15 коп. С.-Пб. 1894. Стр. 36.—Свои статьи для дѣтей по русской исторіи, помѣщаемыя въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе* г. Сеитовъ составляетъ обыкновенно такимъ образомъ, что подбираетъ относящійся къ сюжету и доступный для дѣтей историческій матеріалъ, часто очень разнородный (документальныя данныя, анекдоты, пѣсни, сказки), и наскоро связываетъ этотъ матеріалъ какою либо извнѣ взятою мыслью, которой однако усвоивается роль общаго вывода. Такъ, въ первой брошюрѣ, собравъ много общезвѣстныхъ, въ большинствѣ дѣйствительно интересныхъ разказовъ о личной дѣятельности Петра Великаго, авторъ всѣ ихъ направляетъ къ тому, чтобы подтвердить одно положеніе,—что Петръ хотѣлъ и умѣлъ во всемъ быть наставникомъ своего народа. Эту мысль авторъ много разъ высказываетъ и въ началѣ и въ концѣ брошюры, не развивая, а только повторяя ее и подтверждая рядомъ примѣровъ, сопоставленныхъ безъ особой ловкости, даже безъ видной послѣдовательности. Отъ описанія ассамблеи, напримѣръ, авторъ сразу переходитъ къ учрежденію антекъ, отъ антекъ къ пожарной командѣ (стр. 28—29) и т. п. Въ самомъ же концѣ статьи г. Сеитовъ, слишкомъ увлекаясь своею мыслью, говоритъ даже, что „Петръ Великій побуждалъ русскій народъ работать и учиться не столько указами и строгими наказаніями, сколько примѣромъ своей неутомимой дѣятельности“ (стр. 30). Слѣдовало бы сказать какъ разъ наоборотъ, что Петръ Великій дѣйствовалъ столько же указами и высканіями, сколько личнымъ примѣромъ; кто не знаетъ, какой мастеръ былъ Петръ Великій регламентировать народную жизнь и трудъ? Главное содержаніе второй брошюры составляетъ пересказъ извѣстныхъ быльи о Васильѣ Буслаевѣ и Садкѣ. Ему предшествуетъ большое введеніе, въ которомъ съ излишними подробностями авторъ даетъ нѣкоторое

понятіе о Новгородскомъ государственномъ устройствѣ. Все изложеніе связано, какъ и въ первой брошюрѣ, однимъ искусственно введеннымъ и въ сущности мало относящимся къ дѣлу положеніемъ: „русскій народъ любилъ и любитъ лишь тѣхъ богатырей, которые, для облегченія его тяжелой участи, готовы были пожертвовать своею жизнію и своимъ богатствомъ“.

Подвижныя школьныя игры, собранныя по порученію комиссіи по физическому образованію, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній, ея секретаремъ *Н. Филитисъ*. Изданіе магазина „Сотрудникъ школъ“. Москва.—Среди вопросовъ школьной гигиены, о которыхъ такъ много говорится въ послѣдніе годы и въ печати, и въ обществѣ, видное мѣсто занимаетъ вопросъ о школьныхъ играхъ — предметѣ, который сдѣлаютъ обязательнымъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ со времени изданной въ 1889 году министерствомъ народнаго просвѣщенія инструкціи о преподаваніи гимнастики. Между тѣмъ до сихъ поръ въ нашей педагогической литературѣ не было учебника подвижныхъ игръ, приспособленнаго къ потребностямъ школы и къ ея обстановкѣ. Для пополненія этого пробѣла и составлено настоящее руководство г. Филитисъ, преподавателемъ гимнастики въ реальномъ училищѣ Мазинга и въ реальномъ училищѣ при Реформатской церкви въ Москвѣ. Г. Филитисъ помѣстилъ въ своемъ руководствѣ описаніе 54 игръ, распредѣливъ ихъ на четыре отдѣла по возрасту играющихъ. При описаніи каждой игры указывается мѣсто, необходимое для игры, минимум и максимумъ числа играющихъ, условія игры и физическіе элементы, входящіе въ составъ игры (ходьба, бѣгъ, прыжки, метаніе и т. д.). Психическая сторона игръ въ настоящемъ руководствѣ совершенно не затрогивается, но авторъ надѣется въ послѣдствіи пополнить этотъ пробѣлъ.

Въ точенію октября въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Византийскій Временикъ издаваемый при Императорской Академіи Наукъ. Т. II. Вып. 2.—Содержаніе: Отдѣлъ I. Исследования и матеріалы. О начальной исторіи Арменіи Анонима. *П. Мурра*.—Замѣтки по тексту Оеофацова Временика. *Г. Дестуниса*.—О нѣкоторыхъ трудахъ Дмитрія Хоматіана *М. Дринова*.—О служебныхъ мнзяхъ. *А. Пападопуло-Керамеса*. Отдѣлъ II. Критика. *Mordmann*, Esquisse topographique de Constantinople. Рец. *Д. Биллемъ*.—*Кенѣ Игизет*, Les arquesurhes Éthiopiens. Рец. *А. Соболевскаго*.—*Хр. Лопарева*, Житіе св. Евдокима Праведнаго. Рец. *Э. Курцъ*.—*И. Покровскаго*, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Рец. *И. Помяловскаго*.—*Порфирія Успенскаго*, Исторія Аэона. Отдѣлъ III. *А. Дмитриевскаго*. Библиографія. Россія. *В. Р.* и *Б. Меліоранскаго*.—Греція и Турція. *А. Пападопуло-Керамеса*.—Славянскія земли и Румынія. *П. Сырку*.—Новыя книги поступившія въ редакцію.—Отдѣлъ III. Мелкія замѣтки и извѣстія.

— *Л. Майковъ*, Историко-литературныя очерки. (Крыловъ. Жуковский. Батюшковъ. Пушкинъ. Шлегель. Погодинъ. Фетъ). С.-Пб.

— *И. Максимейко*, Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута. Кіевъ.

— *Н. Лизачевъ*. Библиотека и Архивъ Московскихъ Государей въ XVI столѣтіи. С.-Пб.

— Памятники древней письменности:

CI) Слово Чудовскаго инока Евѣммія о милости: „о милости и кѣм просящихъ достойны суть милости, кѣм же ни“. Сообщеніе *С. Н. Брамловскаго*. С.-Пб.

СII) Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности въ 1893—1894 году съ приложениями, прибавленіемъ денежнаго отчета и бюджета. С.-Пб.

СIII) Каталогъ патриаршей библиотеки, составленный въ 1718 году. Сообщеніе *М. И-аю*. С.-Пб.

СIV) Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христе, находящееся въ пространномъ житіи Св. Константина Философа по списку XIII вѣка. Сообщеніе *А. Н. Петрова*. С.-Пб.

CV) Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго. Сообщенія *А. И. Кирличикова*. С.-Пб.

— Скупьени граматички и полемички списки *Вука Стеф. Караџића*. Книга друга. Спеска I. (Државно издѣе). Београд.

— Отчетъ о состояніи коллегии Павла Галагана. Съ 1-го октября 1890 года по 1-е октября 1894 года. Кіевъ.

— Отчетъ орд. проф. *Федора Вержбовскаго* о научныхъ занятіяхъ за границу съ 20-го мая по 20-е августа 1894 г. Варшава.

— Первые уроки русской грамматики въ связи съ начальными упражненіями въ правописаніи. Составилъ *В. Гербачъ*. С.-Пб.

— 1193—1893. Празднованіе во Псковѣ 700-лѣтней годовщины обрѣтенія мощей Св. Благовѣрнаго князя Всеволода-Гавриила 27-го ноября 1893 года. Изданіе редакціи *Псковскихъ Епархіальныхъ Ведомостей*. Островъ.

— Св. князь Всеволодъ-Гавриилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Пскова. Составилъ *Е. Е. Лебедевъ*. Островъ.

— Отчетъ о состояніи Астраханской общественной библиотеки, состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича за 1893 годъ. Астрахань.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Русская история (въ связи съ исторіей великаго княжества Литовскаго).
Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *А. Турцевичъ*, преподаватель Виленской 1-й гимназій. Вильна. 1894. Стр. X + 147. Цѣна 50 к.

Въ общемъ, учебникъ г. Турцевича приуроченъ къ дѣйствующимъ учебнымъ программамъ и представляетъ не собраніе эпизодовъ русской исторіи, а „краткій курсъ“ русской исторіи „въ связномъ изложеніи и въ хронологической послѣдовательности“, какъ то и требуется объяснительною запискою къ учебному плану исторіи въ гимназіяхъ. „Для иллюстраціи болѣе существенныхъ частей изложенія“—говоритъ авторъ—„и для установленія между ними прагматической связи приводится въ учебникѣ цѣлый рядъ статей второстепенной важности, но всѣ эти статьи выдѣлены въ особый шрифтъ и предназначаются для прочтенія въ классѣ, а для изученія не обязательны“ (стр. III). Однако, въ видѣ исключенія, обязательными статьями авторъ склоненъ считать тѣ именно, которыя относятся къ исторіи Западной Руси, хотя онѣ напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Исторія Западной Руси давно уже признана въ наукѣ, какъ полноправная часть отечественной исторіи; г. Турцевичъ желаетъ поднять ея изученіе на должную высоту и въ нашей средней школѣ, и слѣдуетъ сказать, что въ своемъ учебникѣ онъ съ большимъ толкомъ излагаетъ исторію Литовско-русскаго государства. Особое вниманіе къ западно-русскимъ событіямъ составляетъ отличіе его книги отъ прочихъ подобныхъ и, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ сочувствія, хотя бы оно и увеличивало объемъ учебника.

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи вышли въ виду ученнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Исполненіе учебника должно признать вполне удовлетворительнымъ. Языкъ книги, не отличаясь особыми красотою, однако точенъ и вразумителенъ; неудачныхъ и неправильныхъ фразъ не попадаетъ, если не считать статьи, одинаково неудачнейшей во всѣхъ учебникахъ,—„о бытїи, нравахъ и религіи славянъ“; здѣсь можно отмѣтить два-три стилистически некрасивыхъ мѣста. Существенныхъ ошибокъ въ учебникѣ мы не встрѣтили. Въ будущемъ, при пересмотрѣ текста, авторъ, конечно, устранить различныя неловкости въ родѣ такихъ: На стр. 55-й, напримѣръ, нѣтъ ни слова о дѣленіи Великаго Новгорода на „концы“ и „улицы“, но есть сообщеніе о междоусобіяхъ „цѣлыхъ улицъ“; врядъ ли ученикъ пойметъ это сообщеніе надлежащимъ образомъ. На стр. 59-й говорится о вѣнчаніи Грознаго „на царство“, но значеніи титула „царь“ не объясняется. На стр. 78-й совсѣмъ не точно сказано, что Битяговскій „былъ опредѣленъ Годуновымъ къ должности дворецкаго при царевичѣ“ (Димитріѣ). Кое-гдѣ къ несоблюденію исторической вѣрности ведетъ автора его склонность къ искусственной стройности изложенія, къ ложному прагматизму. Такъ, считая, очевидно, неудобнымъ объяснять всю сложную совокупность политическихъ отношеній, приведшихъ Іоанна IV къ Ливонской войнѣ, авторъ не задумывается выставить какъ бы причиною войны извѣстный эпизодъ Шлятте (стр. 62). Говоря о непрочности власти царя Бориса, авторъ поясняетъ, что и крестьяне, между прочимъ, не любили Бориса „за указъ о прикрѣпленіи ихъ къ землѣ“, который если былъ когда-либо изданъ, то не въ царствованіе Годунова (стр. 79). Объясняя далѣе (стр. 100), что Петръ Великій съ 50-ю молодыми людьми „самъ рѣшился ѣхать за границу въ качествѣ простаго ученика“, г. Турцевичъ продолжаетъ: „Съ этой цѣлью царь снарядилъ... большое посольство“. Но вѣдь извѣстно, что великое посольство имѣло не „эту цѣль“, а свою особую, которую слѣдовало бы объяснить.

При второмъ изданіи книги авторъ безъ особаго труда можетъ устранить всѣ подобныя мелкіе промахи, точно такъ же какъ легко можетъ сократить значительное число ненужныхъ мелочей. Было бы, напримѣръ, удобно опустить частности, касающіяся столкновеній между сыновьями Ярослава Мудраго (на стр. 20-й), или же описаніе монастырскихъ обычаевъ въ опричиннѣ (стр. 65) и другіе столь же несущественныя въ курсѣ эпизоды. Въ существенныхъ же своихъ частяхъ учебникъ г. Турцевича заслуживаетъ похвалы. Въ немъ есть очень хорошо составленныя страницы, напримѣръ, -- посвященныя

описанію Великой Сѣверной и Отечественной войнъ, событіямъ Смутаго времени и др. Если объемъ учебника не послужитъ на практикѣ препятствіемъ къ его примѣненію, его можно будетъ признать однимъ изъ лучшихъ руководствъ, существующихъ въ настоящее время для прохожденія элементарнаго курса русской исторіи.

Учебный атласъ по русской исторіи. Составилъ баронъ *Н. Н. Торнау*. С.-Пб. 1894. Цѣна 1 руб.

Новый атласъ барона Торнау состоитъ изъ девяти таблицъ, на которыхъ размѣнены 27 картъ по русской исторіи. Первая таблица относится къ эпохѣ 862—1054 гг. и содержитъ три карты: первая — этнографическая карта Восточной Европы около 862 года, другая — постепенное разростаніе Руси при первыхъ князьяхъ изъ дома Рюрика, третья — Среднее Подпѣпровье. Последняя карта помѣщена, очевидно, потому, что значительное количество названій, группирующаеся возлѣ Кіева, не могло быть съ достаточною ясностью размѣщено на двухъ предшествующихъ картахъ. Вторая таблица относится къ удѣльному времени; основная карта на ней изображаетъ раздѣленіе Руси на отдѣльныя земли, а двѣ боковыхъ карты посвящены Галицко-Волинской и Владиміро-Суздальской землямъ. Третья таблица обнимаетъ эпоху отъ нашествія татаръ до смерти Василія III, то-есть, эпоху, когда совершилось образованіе Московскаго и Литовскаго государствъ. Одна изъ боковыхъ картъ на этой таблицѣ изображаетъ постепенное разростаніе Московскаго княжества до Василія II включительно, а главная карта рисуется дальнѣйшій ростъ Москвы при Іоаннѣ III и Василіѣ III, а также образованіе великаго княжества Литовскаго. Другая малая карта третьей таблицы посвящена государствамъ монголовъ. Четвертая таблица относится ко времени царей Іоанна Грознаго и Ѳеодора Іоанновича. Основная карта изображаетъ государства Московское и Литовское въ эту эпоху, а изъ двухъ малыхъ одна — театр ливонской войны, а другая — приобрѣтенія русскихъ въ Сибирь въ царствованіе Ѳеодора. Пятая таблица посвящена XVII вѣку. Главная карта изображаетъ Московское государство, а одна изъ добавочныхъ — область, уступленная Польшѣ по Деулинскому перемирію. По этимъ двумъ картамъ можно съ достаточною отчетливостью прослѣдить всѣ тѣ измѣненія, которыя претерпѣвала въ XVII вѣкѣ русско-польская граница. Другая малая карта рисуется наступательное движеніе русскихъ въ Сибирь въ ту же эпоху. Шестая таблица обнимаетъ первую половину XVIII вѣка. Основная карта изображаетъ

постепенный ростъ Европейской Россіи при Петрѣ I, Аниѣ и Елисаветѣ, одна изъ добавочныхъ картъ — приобрѣтенія по договорамъ Ништадтскому и Абоскому, а другая—ростъ Азіатской Россіи за то же время. Седьмая таблица посвящена второй половинѣ XVIII вѣка; на основной картѣ показаны приобрѣтенія Екатерины II и Павла, а также польскіе раздѣлы; на малой изображены окрестности Петербурга. Восьмая таблица состоитъ изъ 5 картъ: одна — карта Западной Европы въ современномъ ея видѣ, съ показаніемъ приобрѣтеній Россіи въ 1812 и 1815 гг.; другая — приобрѣтенія Россіи по Фридрихсгамскому миру (Финляндія), третья—походъ Наполеона въ Россію, четвертая—Балканскій полуостровъ въ 1830—1856 гг., пятая—тотъ-же полуостровъ послѣ Берлинскаго трактата. На девятой таблицѣ помѣщены двѣ карты: первая изображаетъ Сибирь и показываетъ главные пути, по которымъ двигалась русская колонизація въ этомъ краѣ, вторая рисуетъ постепенный ростъ русскихъ владѣній на Кавказѣ и въ Средней Азій. Изъ этого перечня видно, что атласъ барона Торнау даетъ непрерывную картину территоріальныхъ измѣненій Русскаго государства отъ его начала и до нашихъ дней. Кромѣ того, къ атласу приложена на отдѣльномъ листѣ карта современной Россіи, назначеніе которой авторъ объясняетъ въ предисловіи къ своему труду такъ: „приложеніе это должно служить для того, чтобы ученики имѣли постоянно возможность сравнивать историческія карты съ современною. Такимъ образомъ у нихъ получится ясное представленіе о прошломъ той или другой части Россіи, и такое знакомство окажется немаловажнымъ подспорьемъ при прохожденіи курса отечественной географіи“. Не ясно только, почему эта карта не составляетъ просто X-й таблицы, а дана на отдѣльномъ не вpletенномъ въ атласъ листкѣ.

Предназначая свой атласъ для учебныхъ цѣлей, авторъ составилъ его примѣнительно къ наиболѣе распространеннымъ изъ существующихъ учебниковъ. „На картахъ нанесены только тѣ данныя, которыя въ нихъ (то-есть, въ учебникахъ) встрѣчаются, говоритъ авторъ въ предисловіи. Существенныя исключенія допущены въ трехъ случаяхъ: 1) на картѣ время Юанна IV нанесенъ рядъ городовъ, расположенныхъ на границѣ Дикаго поля, чтобы показать, какіе города служили опорными пунктами въ борьбѣ съ татарами и погайцами; 2) на картѣ Ливонской войны прибавлены города Гапсаль и Падисъ, не упоминаемые въ учебникахъ, но необходимыя для того, чтобы показать крайній предѣлъ, до котораго доходили войска

Иоанна IV; 3) на таблицѣ IX-й нанесены главные колонизаціонные пути русскихъ въ Сибирь и съ подробностью изображенъ постепенный ходъ занятія русскими Средней Азіи. Авторъ считалъ это необходимымъ, потому что занятіе русскими громадныхъ пространствъ въ Азіи является фактомъ во всякомъ случаѣ очень важнымъ въ нашей исторіи, а между тѣмъ учебники не даютъ достаточно ясной картины этого процесса⁴. Такое скромное расширеніе учебнаго матеріала врядъ ли обременитъ учащихся, а между тѣмъ оно является необходимымъ по существу дѣла.

Трудъ г. Торнау не есть компиляція: сравнивая его съ атласами проф. Замысловскаго и Павлищева, мы на многихъ картахъ найдемъ рядъ крупныхъ и мелкихъ отступленій, которыя все могутъ быть оправданы ссылками на авторитетныя изслѣдованія. Нѣкоторыя карты въ атласѣ барона Торнау являются совершенными новинками. Къ числу такихъ новинокъ могутъ быть отнесены карты разростанія Литовскаго княжества (попытки Павлищева и Добрякова въ этомъ направленіи неудовлетворительны, если принять во вниманіе труды Антоновича и Дашкевича по исторіи Литвы, а также изслѣдованія Андрияшева и Грушевскаго по исторіи Волынской и Кіевской земель) и карты, посвященныя росту русскихъ владѣній въ Сибирь (соотвѣтствующая карта Павлищева, которому слѣдовалъ и Добряковъ, устарѣла и во многомъ совершенно неточна); затѣмъ русско-польскія границы XVI и XVII вѣковъ оказываются тщательно провѣренными и въ нѣкоторыхъ пунктахъ исправленными сравнительно съ атласомъ проф. Замысловскаго.

Картамъ предпосланы краткія замѣтки, которыя имѣютъ цѣлью пояснить карты и предупредить недоразумѣнія, могущія возникнуть у учащихся при пользованіи атласомъ.

Что касается до внѣшности изданія, то фирма Ильина, у которой печатался атласъ барона Торнау, смѣло можетъ имъ гордиться: это одно изъ изящнѣйшихъ русскихъ картографическихъ изданій, ничѣмъ не уступающее заграничнымъ.

Учебникъ логики. Преподавателя Кіевскаго реальнаго училища. *В. Коллово-скаю*. Кіевъ. 1894. Въ двухъ частяхъ: Часть первая. Аналитическій вѣводъ главныхъ принциповъ логики на основаніи разбора образцовъ. Стр. IV+112. Цѣна 1 руб. Часть вторая. Сокращенное синтетическое изложеніе главныхъ принциповъ логики. Стр. 32. Цѣна 25 коп.

Эти двѣ книжки представляютъ намъ примѣръ того, какъ учебный предметъ стремится усложниться для большаго удобства при его

преподаваніи. Авторъ задался мыслью, что полезно преподавать логику *аналитически*, то-есть, выводить ея понятія и положенія изъ разбора какихъ-нибудь произведеній словесности. Поэтому онъ подобралъ рядъ образцовыхъ произведеній, по возможности короткихъ и содержательныхъ, и расположилъ ихъ такъ, чтобы можно было, анализируя находящіяся въ нихъ понятія и разсужденія, послѣдовательно объяснять ученія логики. Все это потребовало не мало обдумыванія, остроумія и труда. Таково содержаніе первой части учебника. Вторая же часть есть лишь сокращеніе первой; въ ней опущенъ весь анализъ образцовъ и оставлены только одни результаты этого анализа, отвлеченное изложеніе логическихъ ученій.

Едва ли можно считать такой приемъ изложенія особенно пригоднымъ для преподаванія, хотя въ рукахъ умѣлаго преподавателя онъ, вѣроятно, можетъ приносить пользу, то-есть, облегчать изученіе логики. Самъ авторъ пишетъ въ предисловіи:

„Исключительно аналитическое преподаваніе имѣетъ тотъ недостатокъ, что ученики, обращая главное вниманіе на разбираемые примѣры, неясно различаютъ общіе принципы отъ ихъ частныхъ примѣненій и не представляютъ себѣ этихъ принциповъ въ ихъ взаимной связи. Поэтому, послѣ болѣе или менѣе подробныхъ аналитическихъ выводовъ, которые дѣлаетъ преподаватель, разбирая частные примѣры, должно требовать отъ учениковъ краткаго синтетическаго изложенія: принципы, найденные аналитически, должны быть изложены въ общей отвлеченной формѣ“ и пр. (Предисл., стр. I).

Значитъ, преподаватель, сдѣлавши одно дѣло, долженъ потомъ поправлять его. Очевидно, работа этимъ усложняется, и никакъ нельзя ручаться, чтобы учащіяся непременно успѣли справиться съ этимъ усложненіемъ, чтобы они вполне отдѣлались отъ неидушихъ къ дѣлу представленій, связавшихся въ ихъ памяти съ изложеніемъ логики.

Замѣтимъ при томъ, что весь порядокъ этого анализа произвольный и искусственный. Авторъ взялъ обыкновенный порядокъ изложенія логики, тотъ, который онъ называетъ синтетическимъ, и на каждый пунктъ подобралъ къ нему примѣры. Но если задаваться строго аналитическимъ изложеніемъ логики, то нужно бы, очевидно, идти другимъ путемъ. Нужно бы взять прямо какія-нибудь разсужденія и показать, что они содержатъ въ себѣ некоторую связь мыслей, то-есть, силлогизмы. Разлагая силлогизмы, можно бы показать, что они состоятъ изъ отдѣльныхъ положеній, то-есть, сужденій. Раз-

лагая сужденія, можно бы найдти въ нихъ представленія и понятія. и такимъ образомъ дойти до того, съ чего обыкновенно начинаютъ логику. При такомъ изложеніи мы получили бы дѣйствительное руководство къ тому, чтобы открывать логическій строй всякой рѣчи, анализировать въ ней ея логическіе элементы.

Какъ бы то ни было, и тѣ анализы, которыми занимается первая часть учебника нашего автора, могутъ быть съ пользою употреблены при изученіи логики; но какъ и на сколько ихъ можно пускать въ дѣло — это должно быть предоставлено преподавателю. Поэтому авторъ самъ говоритъ въ предисловіи: „первая часть можетъ служить главнымъ образомъ для преподавателя“; и далѣе: „первую часть можно, по моему мнѣнію, съ пользою рекомендовать болѣе способнымъ ученикамъ и особенно тѣмъ, которые не могли слушать объясненій преподавателя“ (Предисл., стр. I и II).

Итакъ, первая часть собственно не есть учебникъ и должна быть разсматриваема какъ пособіе при изученіи логики, почему и пригодна лишь для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Вторая же часть должна быть разсматриваема и оцѣниваема какъ учебникъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. „Вторая часть“, говоритъ авторъ, „предназначается для учениковъ, какъ учебникъ, по которому они могутъ выучивать задаваемые уроки и готовиться къ экзамену“ (Предисл., стр. II).

Если такъ, то заглавіе этой маленькой книги (два печатныхъ листа, впрочемъ довольно большаго формата) представляетъ нѣкоторую неловкость. Тутъ стоитъ *часть вторая*,—хотя эта книга обнимаетъ весь предметъ логики; тутъ стоятъ громкія слова *синтетическій, принципы*, изъ которыхъ первое можно выпустить, какъ означающее только противоположность этой части по отношенію къ первой части, а второе слѣдовало бы замѣнить болѣе простыми словами: *понятія, основанія, черты* и т. п.

Разсматривая, затѣмъ, краткое изложеніе логическихъ ученій, сдѣланное авторомъ, мы находимъ, что оно въ разсужденіи порядка, отчетливости, правильности и простоты языка исполняетъ требованія, которыя должны быть предъявляемы къ учебникамъ. Чтò же касается до содержанія, то хотя оно вообще свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ предметомъ и хорошемъ его пониманіи, однако вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія. На первой страницѣ мы читаемъ: „Мышленіе есть дѣятельность ума, направленная къ познанію различныхъ пред-

метовъ съ ихъ признаками“. Здѣсь послѣднія слова или совершенно лишнія, или требуютъ опредѣленнаго поясненія. Почему не сказать просто: къ *познанію*? Въ мысли автора, очевидно, всякое познаніе есть познаніе предметовъ, и предметы познаются не иначе, какъ посредствомъ нахожденія ихъ признаковъ. Между тѣмъ, по его опредѣленію можно предполагать, что только та дѣятельность называется мышленіемъ, которая познаетъ предметы, а не что-нибудь другое, и которая познаетъ предметы съ ихъ признаками, а не съ чѣмъ-нибудь другимъ.

На 2-й страницѣ мы находимъ: „представленія называются реальными, если возникаютъ вслѣдствіе того, что предметъ въ данный моментъ дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства; напримѣръ, представленіе о камнѣ, растеніи или животномъ и вообще предметахъ, которые мы видимъ въ настоящую минуту. Представленія называются идеальными, если возникаютъ, не смотря на то, что предметъ въ данный моментъ не дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства“ и пр.

Такое раздѣленіе представленій, кажется, никѣмъ не принимается, да оно и не можетъ имѣть логической важности, потому что въ мышленіи эти два рода представленій, очевидно, ничѣмъ не различаются. То, что авторъ называетъ реальнымъ представленіемъ, обыкновенно называютъ *воспріятіемъ*, *созерцаніемъ* или *воззрѣніемъ*. Это есть первоначальное образованіе въ нашей мысли извѣстнаго представленія, которое потомъ остается совершенно одинаковымъ, будемъ ли мы только вспоминать его, или опять созерцать предметъ, которымъ оно возбуждено. Петербургъ остается для меня Петербургомъ, все равно, нахожусь ли я въ немъ; или внѣ его.

Можно бы сдѣлать и другія замѣчанія подобнаго рода. Но мы не станемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ вообще авторъ держится общепринятыхъ логическихъ ученій, и неточности у него являются лишь случайно. Иногда только онъ формулируетъ свои положенія не совсѣмъ удачно. Напримѣръ:

„Законъ исключеннаго третьяго выражаетъ требованіе: одно и то же можно только или всегда утверждать, или всегда отрицать“ (стр. 17).

Здѣсь лишнее слово *всегда* мѣшаетъ ясности. Разумѣется, логическіе законы имѣютъ значеніе на всѣ времена. Потомъ слова *одно и то же*—выраженіе неопредѣленное, да и къ чему относится это заявленіе тождественности?

Всякое сужденіе мы должны или утверждать, или отрицать. Третьяго нѣтъ.

- 1) ГРАММАТИКА ДРЕВНЯГО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКИМЪ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. П. Флеровъ, преподаватель Ришельевской гимназiи. Одесса. 1894. Стр. XI+56+XXXV.
- 2) ГРАММАТИКА ДРЕВНЯГО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. П. Флеровъ. Одесса. 1894. Стр. VI+47+XXXV.
- 2) ЭТИМОЛОГИЯ ДРЕВНЯГО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАГО И РУССКАГО ЯЗЫКА, СБЛИЖЕННАЯ СЪ ЭТИМОЛОГІЕЙ ЯЗЫКОВЪ ГРЕЧЕСКАГО И ЛАТИНСКАГО. Е. Бѣляскаго. Изд. 4-е, вновь пересмотрѣнное. Москва. 1894. Стр. XXII+190. Цѣна 1 рубль.

Вторая изъ этихъ книгъ не болѣе, какъ перепечатка первой съ выпускомъ нѣсколькихъ (въ суммѣ около 9-ти) страницъ, касающихся русскаго языка, и въ первой книгѣ уже ясно выдѣленныхъ болѣе мелкимъ шрифтомъ и обстоятельнымъ указаніемъ въ „оглавленіи—планѣ“, приложенномъ въ концѣ ея.

„Наша книга“, замѣчаетъ авторъ, „не компиляція и не переработка бывшихъ доселѣ въ употребленіи учебниковъ“. Трудъ г. Флерова, дѣйствительно, переработкою другихъ учебниковъ названъ быть не можетъ, и не является компиляціей, по скольку учебникъ вообще можетъ не быть компиляціей. Задачею автора было—изложить грамматику древняго церковнославянскаго языка не только точно, кратко и ясно, но еще и *научно*. И это удалось ему съ помощью профессора Н. П. Некрасова, „съ рѣдкою готовностью просмотрѣвшаго учебникъ въ рукописи, сдѣлавъ составителю при томъ надлежащiе поправки и указанiя“.

Остается, слѣдовательно, только приглядѣться—на сколько предлагаемый учебникъ соотвѣтствуетъ потребностямъ и условіямъ нашихъ гимназiй.

Въ этомъ отношеніи осмѣливаемся высказать предположеніе, что курсъ г. Флерова, не смотря на свою краткость, окажется труднымъ для учениковъ IV-го класса.

Часть его, правда, г. Флеровъ предназначаетъ для классовъ высшихъ (отъ V до VIII), гдѣ, замѣчаетъ онъ, согласно „новымъ учебнымъ планамъ при чтеніи литературныхъ образцовъ анализъ грамматическій по прежнему сохраняетъ за собою видное мѣсто“. „Новые планы“ въ грамматикѣ древне-церковно-славянскаго языка видятъ „звено, соединяющее начальное теоретическое изученіе отечественнаго, русскаго языка (грамматическое) съ дальнѣйшимъ теоретическимъ изученіемъ его въ высшихъ классахъ (стилистическимъ и историко-литературнымъ)“.

„Наша книга“, пишетъ г. Флеровъ, „служба для IV класса мужскихъ гимназій учебникомъ грамотности славянскаго языка, для старшихъ классовъ является пособіемъ при практическомъ ознакомленіи съ исторіей этимологическихъ формъ русскаго языка“.

Но, хотя г. Флеровъ и утверждаетъ что, составляя учебникъ свой „постоянно имѣлъ въ виду учебный характеръ книги, что приспособлялся къ силамъ учениковъ, къ учебнымъ планамъ, къ указаніямъ методики“, онъ, повидимому, не принялъ въ соображеніе тѣ совершенно ненаучные приемы, которые положены въ основу изложенія нашихъ элементарныхъ грамматикъ; ту слабую подготовку, съ которою ученики переходятъ въ IV классъ; небольшое число часовъ, которое они могутъ удѣлять славянскому языку...

Реформа въ преподаваніи языка—если она нужна (вопроса этого не касаясь)—должна быть начата съ элементарныхъ грамматикъ. и курсъ славянскаго языка, при существующихъ условіяхъ, окажется слишкомъ труднымъ, если его не примѣнять къ пройденному курсу русской грамматики. Между тѣмъ о такомъ примѣненіи г. Флеровъ, очевидно, не заботился: не говоря уже о нѣкоторыхъ приемахъ изложенія, нельзя не признать ученіе о звукахъ (стр. 4—17) слишкомъ пространнымъ, различіе склоненій по конечнымъ звукамъ основъ безъ нужды затрудняющимъ учащихся, привыкшихъ различать склоненія по окончаніямъ, и т. п.. Точно также „дѣленіе глаголовъ на спряженія по основѣ настоящаго времени“ и „на классы по основѣ неопредѣленнаго наклоненія“ безъ нужды усложняетъ изученіе формъ глагола.

Врядъ-ли въ IV классѣ возможно, безъ большаго обремененія учащихся, предъявлять курсу славянскаго языка какія либо требованія кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для уразумѣнія самыхъ употребительныхъ формъ его и для нѣкотораго поясненія формъ русскаго языка. напримѣръ для поясненія склоненія прилагательныхъ, остатковъ двойственнаго числа, личныхъ окончаній глагола, русскаго прошедшаго и т. п.

Врядъ-ли также г. Флеровъ составилъ себѣ надлежащее понятіе касательно объясненій, требуемыхъ учебными планами въ старшихъ классахъ, при ознакомленіи съ образцами русской словесности.

Въ „словѣ Иларіона“ попадаетъ форма род. пад. ед. ч. жен. р. *твосй*. „Неужли“, спрашиваетъ г. Флеровъ, „при грамматическомъ разборѣ этого произведенія достаточно будетъ отмѣтить, что вотъ въ языкѣ „Слова“ преимущественно древнеславянскомъ, уже встрѣ-

чается форма сравнительно-позднего образования *твоёй* вмѣсто древней—*твооя*? Нельзя при чтеніи Несторовой лѣтописи не указать, прибавляетъ онъ, на генетическое отношеніе *лязите* къ древней формѣ *лязѣте*“... и т. п.

Указанія на *твоёй* вмѣсто *твооя* какъ на примѣръ русификаціи древнеславянскихъ формъ вполне достаточно; указаніе на отношеніе *лязите* съ *лязѣте* смѣло можетъ быть опущено,—отвѣтимъ мы... Для разбора памятниковъ русской словесности въ такихъ мелочахъ ученикамъ не достанетъ ни времени ни подготовки. Для изученія языка въ такихъ подробностяхъ курсъ русскаго языка въ младшихъ классахъ долженъ быть веденъ не такъ, какъ онъ ведется, и ему пришлось бы посвятить много болѣе времени, чѣмъ посвящено теперь...

Въ виду всего вышесказаннаго не думаемъ, чтобы книжки г. Флерова, не смотря на научное достоинство ихъ, могли быть признаны учебниками, вполне пригодными для нашихъ учебныхъ заведеній... Къ тому же въ учебникахъ по славянскому языку недостатка нѣтъ.

Соображенія, высказанныя по поводу книгъ г. Флерова, могутъ быть высказаны съ такимъ же основаніемъ и о новомъ изданіи „этимологій“ г. Бѣлявскаго, хотя, не смотря на болѣе большой объемъ свой, этимологія г. Бѣлявскаго все таки нѣсколько проще, доступнѣе грамматикъ г. Флерова.

Какъ опытный педагогъ, г. Бѣлявскій въ предисловіи (стр. VIII) хорошо опредѣляетъ задачи курса славянскаго языка въ IV классѣ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Прежде всего“, говоритъ онъ, „должно пройти ученіе о буквахъ и звукахъ и только парадигмы склоненій и спряженій, какъ правильныхъ, такъ и неправильныхъ“... „Затѣмъ слѣдуетъ приступить, согласно съ объяснительной запиской къ учебному плану русскаго языка, къ разбору Остромирова евангелія, при чемъ—указывать отношеніе славянскихъ формъ къ русскимъ“...

Все это такъ. И на этомъ, по нашему мнѣнію, приходится остановиться, приведа только замѣчанія, сдѣланныя при хорошо-подобраномъ чтеніи, въ болѣе или менѣе стройную систему.

Но г. Бѣлявскій такую задачей не ограничивается.

„Когда ученики такимъ образомъ практически достаточно ознакомятся съ славянскимъ языкомъ и отношеніемъ его къ русскому языку“—прибавляетъ онъ—„слѣдуетъ приступить къ систематическому изученію этимологій“.

Это можетъ быть и желательно, но—на сколько указываетъ не только опытъ, но и простое ознакомленіе съ учебными планами нашихъ гимназій—не выполнимо.

А между тѣмъ книга г. Бѣлявскаго составлена именно въ виду такого систематическаго курса.

„Въ IV классѣ можетъ оказаться недостаточно времени, чтобы пройти все въ предлагаемомъ руководствѣ“, сознается самъ авторъ; но тутъ же предлагаетъ остальное „проходить въ высшихъ классахъ гимназій, преимущественно при чтеніи памятниковъ древней русской литературы, *когда совершенно умѣстно повторить систематически славяно-русскую грамматику*“.

Для такого систематическаго курса гимназическія занятія не оставляютъ времени. Это составители руководствъ должны имѣть въ виду, не обольщаясь никакими мечтами о желательныхъ—по ихъ мнѣнію—измѣненіяхъ и дополненіяхъ учебныхъ плановъ.

Изученіе славянскаго языка по грамматикѣ г. Бѣлявскаго, кромѣ того, затрудняется системой склоненій сходной, по существу, съ системой, изложенной у г. Флерова, который быть можетъ свое изложеніе и сдѣлалъ по грамматикѣ г. Бѣлявскаго, принявъ въ соображеніе еще рядъ статей, вызванныхъ первымъ ея изданіемъ (см. статьи Я. К. Грота, А. И. Поливанова и др.)... Повторяемъ: если измѣненія въ курсѣ грамматики желательны, ихъ слѣдуетъ вводить въ элементарные курсы; а не речиваться въ IV классѣ ученикамъ гимназій некогда.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, приходится признать прекрасный самъ по себѣ трудъ г. Бѣлявскаго не соответствующимъ условіямъ гимназическаго учебника. Онъ, думается, болѣе умѣстенъ въ фундаментальныхъ бібліотекахъ или, пожалуй, и въ бібліотекахъ ученческихъ.

Живое слово для изученія роднаго языка. Методика русскаго языка въ разказахъ и объясненіяхъ по литературнымъ образцамъ, въ связи съ логикой, грамматикой и словесностью, для всесторонняго развитія и воспитанія учащихся, согласно съ требованіями педагогическихъ принциповъ. Ч. 1-я. Практическій курсъ 1-го класса (Воронежъ, 1889, стр. 91. Ц. 50 к.), и ч. 2-я. Практическій курсъ 2-го класса (Воронежъ, 1892, стр. 168. Ц. 90 к.). Составилъ А. В. Барсовъ.

Въ книжкахъ, изданныхъ подъ этимъ многословнымъ и не совсѣмъ яснымъ заглавіемъ, г. Барсовъ, избравъ около шестидесяти статейъ стихотворныхъ и прозаическихъ, предлагаетъ по поводу ихъ рядъ

работъ съ учениками. Путемъ наводящихъ вопросовъ, бесѣды, онъ объясняетъ содержаніе статей, даетъ замѣтки грамматическія, стилистическія, просодическія, свѣдѣнія по теоріи, по исторіи словесности, бытовныя, этическія... все, что ему въ голову приходитъ.

Въ этой работѣ ученики должны принимать живое участіе: отвѣчать на задаваемые вопросы, записывать на доскѣ полученные выходы, склонять, спрягать, читать хоромъ, выполнять письменныя домашнія задачи (выписывать извѣстныя части предложенія, части рѣчи, раздѣлять слова на слоги, разставлять ударенія, подчеркивать тутъ гласныя, тамъ согласныя, и проч.)...

Учебныя планы, утвержденныя для нашихъ гимназій, опредѣляютъ какъ для 1-го, такъ и для 2-го класса извѣстные курсы по грамматикѣ и обязываютъ при томъ преподавателя наблюдать, дабы ученики этихъ классовъ заучили нѣсколько стихотвореній; на нихъ и на избранныхъ прозаическихъ отрывкахъ учились грамматическому и—на сколько доступно возрасту—логическому анализу читаемаго. Каждый преподаватель знаетъ, конечно, и то, что въ заученномъ ничто не должно оставаться для дѣтей неяснымъ; знаетъ также, что на педагогѣ, кромѣ заботы по передачѣ ребенку извѣстныхъ свѣдѣній, лежатъ и задачи воспитательныя: онъ долженъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать развитію способностей ученика и его нравственныхъ качествъ.

Но книжки г. Барсова представляютъ собою какъ бы опытъ выполненія всѣхъ этихъ задачъ исключительно путемъ заучиванья и объяснительнаго изученія образцовъ. Крайность, односторонность вообще явленія ненормальныя, ненормально и крайнее развитіе одного изъ общепринятыхъ приемовъ преподаванія.

Читая предисловіе къ первой книжкѣ г. Барсова, можно подумать, что онъ является одностороннимъ не только въ приемахъ, но и въ цѣляхъ преподаванія:

„Предполагается“, пишетъ онъ, „что ученики 1-го класса уже имѣютъ значительныя свѣдѣнія по грамматикѣ: они должны знать члены предложенія, части рѣчи, склоненія и спряженія, что даетъ учителю латинскаго языка возможность безъ особыхъ затрудненій начать свои занятія; а *русскій языкъ получаетъ самостоятельность, преслѣдуя свои, главнымъ образомъ—воспитательныя цѣли.*

Противъ этихъ строкъ можно бы возразить многое, но въ книгѣ своей г. Барсовъ какъ бы забываетъ о нихъ: и свѣдѣнія, предпо-

ложешныя извѣстныи, сообщаются снова, и „воспитательнымъ цѣлямъ“ не отводится такого преобладающаго значенія.

Можетъ быть, иной пачинающій, неопытный преподаватель и отыщетъ кое-гдѣ въ предлагаемыхъ бесѣдахъ по поводу статей, избранныхъ (и далеко не всегда удачно-избранныхъ) г. Барсовымъ, что-нибудь полезное для своихъ классныхъ работъ, но въ суммѣ отъ знакомства съ ними пользы ожидать врядъ ли возможно: преподаватель неопытный, въ погонѣ за очень немногими указаніями, которыя могутъ оказаться для него полезными, легко можетъ, по примѣру г. Барсова, увлечься неумѣстными разглагольствованіями, утомитъ учениковъ бесполезными задачами, сбить съ толку бессистемной работой и потратить много времени совершенно безплодно.

Σοφοκλέους Οἰδίπους τύραννος. Трагедія Софокла „Эдипъ Царь“. Въ двухъ частяхъ отдѣльными книгами. Часть I. Греческій текстъ. Часть II. Введеніе съ 4-мя рисунками, комментарий въ текстѣ и приложеніе размѣровъ лирическихъ партій трагедіи. Составилъ для гимназій *Ив. Мир. Ивановъ*. С.-Пб. 1892. Стр. 50 + 142 = 192. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Г. Ивановъ не въ первый разъ является толкователемъ Софокла. Уже въ 1890 году вышло въ свѣтъ его изданіе: „Σοφοκλέους Ἑλέκτρα. Трагедія Софокла „Электра“ въ двухъ частяхъ. Часть I. Греческій текстъ. Часть II. Объясненія къ текстѣ съ введеніемъ, 6-ю рисунками и приложеніемъ размѣровъ лирическихъ партій трагедіи“. Настоящій трудъ составленъ по тому же плану и съ тѣми же достоинствами. Греческій текстъ заимствованъ изъ изданія Шнейдевина-Наука: отступленія отъ него, показанныя въ предисловіи, не важны и при томъ оказываются собственно лишними въ виду школьнаго назначенія книги. Во второй части изданія г. Иванова введеніе съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями перепечатано изъ его изданія „Электры“, при чемъ замѣченныя критикою мѣста исправлены, или разъяснены подстрочными примѣчаніями. Отъ одной лишь невѣрности, собственно логической, указаной критикою, авторъ не могъ отказаться, именно отъ мнѣнія, будто бы „страстныя движенія и бурныя сцены, въ родѣ единоборства, убійства и т. п. очень рѣдко встрѣчаются въ (греческой) трагедіи, тѣмъ болѣе, что и не подходятъ къ ея величавому, торжественному тону“. Авторъ упускаетъ изъ виду, что, съ одной стороны, устраненіе бурныхъ сценъ и т. д., съ другой—величавость и торжественность тона, представляя собою параллельныя явленія, пронтекаютъ изъ одного и того-же источника, то-

есть, эстетическаго чувства древне-греческаго народа. Поэтому нельзя сказать, что тонъ—причина отсутствія бурныхъ сценъ. У Шекспира страстныя движенія, бурныя сцены, въ родѣ единоборства, убійства и т. п., совершаются на сценѣ при соблюденіи торжественнаго и величаваго тона трагедіи. Кромѣ того, мы позволимъ себѣ замѣтить, что на стр. 9-й, строка 2-я снизу, слѣдовало прибавить „вертикальныя“ (призмы), потому что горизонтальныя періакты были бы неумѣстны. Въ общемъ введеніе къ „Эдину Царю“ стоитъ еще выше введенія къ „Электрѣ“.

Комментарій, какъ въ „Электрѣ“, такъ и въ разбираемомъ трудѣ, имѣетъ своимъ основаніемъ изданіе Шнейдевина-Наука. Г. Ивановъ, успѣвшій проникнуть въ духъ и свойства античной драмы, совершенно понялъ трудъ своего предшественника. Кромѣ того, онъ обнаруживаетъ полное знакомство съ научнымъ уровнемъ VIII класса нашихъ гимназій, дополнивъ заимствованный изъ нѣмецкаго изданія матеріалъ, весьма цѣлесообразными намеками и даже правилами по этимологій, по синтаксису и просодіи, и указаніями на древности; не менѣе поучительны подстрочныя примѣчанія по греческой мѣологій. Въ нѣкоторыхъ лишь случаяхъ сжатость объясненія можетъ ставить ученика въ недоумѣніе; напримѣръ: ad V. 947 *ἴνα*—восклицательное. Слѣдовало бы сказать, что весь оборотъ *ἴνα ἴστέ* тутъ употребленъ какъ восклицаніе, а то иной ученикъ подумаетъ, что союзъ *ἴνα* иногда можетъ быть употребляемъ въ видѣ междометія. Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ V. 411, гдѣ *γράφειαι* *πρόστατου*, вѣроятно, опечатка вм. *πρόστατην*, и V. 701, гдѣ въ виду Ajax 1236 и Electr. 317 объясненіе родительнаго падежа *Κρέοντος* посредствомъ подразумеваемаго предлога *κέρι* едва ли окажется состоятельнымъ.

Въ общей сложности, однако, трудъ г. Иванова оказывается въ высшей степени удачнымъ и обѣщающимъ пользу въ школьномъ дѣлѣ.

Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій.

Курсъ V и VI классовъ. Составилъ О. В. Фарникъ, инспекторъ 1-й С.-Петербургской прогимназіи. Изданіе восьмое, вновь обработанное примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 года. С.-Пб. 1894. Стр. 211. Цѣна 1 рубль.

Употребляемый съ большимъ успѣхомъ, особенно въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, учебникъ О. В. Фарника нынѣ появился восьмымъ изданіемъ. Дидактическія достоинства книги, состоящія преимущественно въ удачномъ выборѣ матеріала, въ цѣле-

сообразномъ его распредѣленіи и въ обиліи статей, подведенныхъ подъ параграфы греческой грамматики, доказываются тѣмъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ, что предыдущее седьмое изданіе разошлось въ короткое время, не смотря на то, что непосредственно послѣ его отпечатанія воспослѣдовала перемѣна всей системы преподаванія древнихъ языковъ, лишившая дидактическаго значенія тѣ учебники, которые были составлены на основаніи прежнихъ программъ. Г. Фарникъ, не удовольствуясь такимъ успѣхомъ своего труда въ прежнемъ видѣ и приступивъ къ новому его изданію, тщательно позаботился о томъ, чтобы приоровить свой полезный учебникъ къ требованіямъ новаго времени. Съ этой цѣлью, ограничивъ объемъ книги лишь курсомъ V и VI классовъ, онъ прибавилъ необходимый для V класса этимологическій матеріалъ, непосредственно взятый изъ греческихъ авторовъ, значительно сократилъ синтактическую часть, согласно примѣрной программѣ, и отказался отъ ссылокъ на какое нибудь изъ употребляемыхъ въ гимназіяхъ руководствъ по греческому синтаксису, снабдивъ за то отдѣльныя статьи текста полными заглавіями и помѣстивъ въ началѣ книги довольно подробное оглавленіе. Немногихъ, при томъ маловажныхъ и нисколько не искажающихъ смысла опечатокъ, замѣченныхъ лишь послѣ отпечатанія книги, составитель не отмѣтилъ въ особомъ списокѣ, имѣя въ виду то соображеніе, что такой списокъ для учениковъ бесполезенъ, а для преподавателей ненуженъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾.

На соисканіе наградъ графа Уварова было представлено въ нынѣшнемъ году шесть сочиненій и два оставшихся отложенными отъ предыдущаго конкурса. Для разсмотрѣнія и оцѣнки ихъ была назначена Академію, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, комиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента Академіи Л. Н. Майкова и гг. академикомъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, К. П. Бестужева-Рюмина, В. Г. Васильевскаго и А. А. Куника. Ознакомившись съ представленными сочиненіями, комиссія, для подробнаго разбора ихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить свое заключеніе и оцѣнку къ назначенному для того сроку. По полученіи отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя трудъ разсмотрѣнія переданныхъ имъ сочиненій, и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства ихъ, комиссія положила присудить одному *большую* — въ 1.500 р. и двумъ сочиненіямъ *малыя* уваровскія преміи, по 500 руб. каждая.

¹⁾ Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1894 года непремѣннымъ секретаремъ академикомъ Н. Ѳ. Дубровиннымъ.

Увѣнчанное большою наградою сочиненіе принадлежитъ *Н. П. Барсукову*:

Жизнь и труды М. П. Погодина. Семь книгъ. С.-Пб. 1888 — 1893.

Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя академикъ М. И. Сухомлиновъ.

„Для исторіи умственной и общественной жизни, — говоритъ онъ, — безспорное значеніе имѣютъ біографіи лицъ, въ дѣятельности которыхъ отражаются современное имъ состояніе науки и литературы, степень образованности и нравы тогдашняго общества. Къ числу подобныхъ біографій принадлежитъ представленное на сомсканіе награды графа Уварова сочиненіе Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, состоящее изъ семи книгъ. Седьмою книгою, говоритъ авторъ, завершается *повѣсть* о жизни и трудахъ Михаила Петровича Погодина въ теченіе перваго, *важнѣйшаго* періода его жизни, обнимающаго время съ 11-го ноября 1800 г. по 31-е декабря 1844 года, то-есть, со дня рожденія Погодина и до оставленія имъ каведры въ Московскомъ университетѣ“.

Названіемъ *повѣсть* самъ авторъ весьма вѣрно опредѣлялъ существенное свойство своего труда. Всѣ обстоятельства въ жизни Погодина разказываются въ хронологической послѣдовательности весьма подробно и, при томъ, въ связи съ тою средою, въ которой проходила его весьма разнообразная дѣятельность. Сынъ крѣпостнаго крестьянина, получившій образованіе въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ занялъ потомъ каведру русской исторіи, М. П. Погодинъ не ограничивался изслѣдованіемъ одной науки, но писалъ повѣсти, драмы, журнальныя статьи, самъ издавалъ журналъ, переводилъ книги съ иностранныхъ языковъ и проч. Съ необыкновенною настойчивостью собиралъ онъ памятники старины, изъ которыхъ потомъ составилось его знаменитое древлехранилище. Не будучи исключительно кабинетнымъ ученымъ, онъ вступалъ въ сношенія съ людьми всѣхъ слоевъ общественныхъ и зорко слѣдилъ за движеніемъ государственной и народной жизни, относясь къ явленіямъ ея съ жаромъ писателя просвѣщеннаго и любящаго Россію.

„О богатствѣ содержанія обширнаго труда Н. П. Барсукова, — говоритъ рецензентъ, — можно судить по количеству и свойству его источниковъ: рукописныхъ, печатныхъ и устныхъ, которыми онъ пользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Главнымъ источникомъ служить громадный *Погодинскій архивъ*, поступившій въ собственность

Московского публичнаго и Румянцовскаго музеевъ...". Архивъ этотъ состоитъ изъ дневника Погодина, начатаго въ іюлѣ 1823 года, и обширной переписки покойнаго. Разобравшись въ рукописныхъ матеріалахъ и отдѣливъ „пшеницу отъ плевель“, Н. П. Барсуковъ приступилъ къ изложенію жизни М. П. Погодина, при чемъ останавливается на всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ явленіяхъ и лицахъ, которыя встрѣчались съ его героемъ. Помѣщая письма Погодина, біографъ обыкновенно присоединяетъ къ нимъ и поясняющія ихъ письма тѣхъ лицъ, съ которыми Погодинъ былъ въ перепискѣ. Отсюда въ біографіи М. П. Погодина встрѣчается очень много свѣдѣній о главнѣйшихъ представителяхъ науки и литературы. Двѣ главы „Жизнеописанія“ посвящены, на примѣръ, славянофиламъ: Хомякову, Кирѣевскому, К. С. Аксакову и Ю. О. Самарину. На страницахъ біографіи М. П. Погодина встрѣчаются свѣдѣнія, весьма подробныя, о Жуковскомъ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Мицкевичѣ, кн. Вяземскомъ, Герценѣ, Вѣликомъ и многихъ другихъ писателяхъ и общественныхъ дѣятеляхъ. Къ заслугѣ Н. П. Барсукова надо отнести и то, что онъ даетъ ключъ къ объясненію краткихъ замѣтокъ въ дневникѣ Погодина, отличающагося лаконизмомъ и дающаго только одни намеки.

„Избравши своимъ девизомъ *безпристрастіе* и дорожа историческою истиною,—говоритъ рецензентъ,—біографъ М. П. Погодина приводитъ мнѣнія *за* и *противъ*, чтобы освѣтить предметъ съ различныхъ сторонъ и дать читателю возможность сдѣлать вѣрное заключеніе. Обыкновенно авторъ сопоставляетъ свидѣтельства лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ лагерямъ, и дѣлаетъ это, очевидно, съ цѣлью избѣжать односторонности и невѣрнаго изображенія фактовъ. У Н. П. Барсукова есть свои взгляды и убѣжденія, которыми онъ дорожитъ и которые онъ высказываетъ съ полною откровенностью; но онъ не навязываетъ ихъ читателю и не жертвуетъ правдивостью разказа, ради предвзятой мысли и своихъ личныхъ симпатій. Онъ указываетъ свѣтлыя стороны и у тѣхъ, кому онъ вовсе не сочувствуетъ, и не скрываетъ темныхъ сторонъ, если онѣ встрѣчаются у тѣхъ, которыхъ онъ ставитъ необыкновенно высоко за ихъ обширный умъ и нравственныя достоинства“.

Переходя къ учено-литературной дѣятельности Погодина, авторъ „Жизнеописанія“ излагаетъ ее весьма подробно, говоритъ о содержаніи и судьбѣ его произведеній; приводитъ отзывы о нихъ и современниковъ Погодина и позднѣйшихъ ученыхъ и писателей. Съ первыхъ же лѣтъ ученой жизни его обнаружилось, какого усерднаго

труженика приобрѣла въ немъ наука. Въ одномъ 1826 году появилось нѣсколько его трудовъ, и затѣмъ стали появляться новыя. Но самую выдающуюся заслугою наукъ составляетъ, конечно, собранное имъ „Древлехранилище“, заключающее въ себѣ неисчерпаемые источники для изслѣдованій въ области русской исторіи и исторіи русской литературы.

За сочиненіе „Несторъ“ Академія наукъ присудила Погодину Демидовскую премію въ пять тысячъ рублей; получивъ эту премію, онъ употребилъ ее на покупку болѣе 200 рукописей, оставшихся послѣ извѣстнаго собирателя Лантева. Въ Москвѣ и во всей Россіи славилась бібліотека археографа П. М. Строева, заключавшая въ себѣ богатое собраніе рукописей, относящихся къ отечественной исторіи, гражданской, церковной и литературной. Погодинъ приобрѣлъ это собраніе, и въ то же время приобрѣлъ и бібліотеку московскаго собирателя Филатова. Такимъ образомъ составилось богатѣйшее „Древлехранилище“ Погодина, который, собирая рукописи и акты, не ограничивался ими, но принималъ и живое участіе въ русской литературѣ и даже беллетристикѣ. Одна за другою появились повѣсти Погодина: „Невѣста на ярмаркѣ“, „Великодушный поступокъ“, „Возмездіе“, „Убийца“, „Васильевъ вечеръ“ и др. Веневитиновъ писалъ Погодину, что его произведенія читаются во дворцѣ; Жуковскій находилъ, что разказъ Погодина живъ и занимателенъ, Бѣлинскій писалъ, что въ повѣсти „Черная немочь“ мастерскою кистью описанъ бытъ нашего средняго сословія. Слушая третью дѣйствіе трагедіи Погодина „Марья Посадница“, Пушкинъ заплакалъ и сказалъ: „я не плакалъ съ тѣхъ поръ, какъ самъ сочиняю“. Критикъ „Телескопа“, сопоставивъ трагедію Погодина съ „Борисомъ Годуновымъ“, видѣлъ въ обоихъ произведеніяхъ эру поэтическаго драматизированія народной исторіи, сообразно требованіямъ и видамъ современнаго просвѣщенія.

Погодинъ приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность и на журнальномъ поприщѣ двумя своими изданіями—*Московскимъ Вѣстникомъ*, а въ особенности *Москвитяниномъ*. По свидѣтельству самого Погодина, *Москвитянинъ* произвелъ „такой эффектъ въ высшемъ кругу, что чудо: всѣ въ восхищеніи и читаютъ наперерывъ. Одоевскій говорить: все помѣстили вы въ первой книжкѣ, вѣдь вы не выдержите до трехъ: гдѣ взять вамъ столько отличныхъ статей“.

Судьба поставила Погодина въ кругъ замѣчательнѣйшихъ представителей нашей литературы, и большая часть ихъ помѣщала свои

статьи въ его журналахъ. Въ домѣ Погодина собирались Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Веневитиновъ, князь Вяземскій, Мицкевичъ и др. Съ этими-то лицами Н. П. Барсуковъ и знакомить читателей, при чемъ подробности, которыя онъ даетъ, подали поводъ нѣкоторымъ критикамъ указать на отступленія, какъ бы прерывающія нить разказа. „Но,—говоритъ уважаемый нашъ сочленъ М. И. Сухомлиновъ,— Н. П. Барсуковъ пишетъ не изслѣдованіе, а „повѣсть“, а потому едва-ли можно ему отказать въ правѣ—повѣствуя о своемъ героѣ, сообщать попутно свѣдѣнія о лицахъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе или въ его общественной дѣятельности, или въ его личной жизни. Какъ требовать, напримѣръ, чтобы въ книгѣ рѣже упоминалось о митрополитѣ Филаретѣ, князѣ П. А. Вяземскомъ, П. М. Строевѣ, когда самъ авторъ говоритъ, что они отъ дной его юности наполнили его душу и что, по его убѣжденію, повѣствуя о Погодинѣ, невозможно умолчать ни о митрополитѣ Филаретѣ, ни о князѣ Вяземскомъ, ни о Строевѣ... Позволю себѣ одно замѣчаніе. Если чѣмъ иногда нарушается общее впечатлѣніе „повѣсти“, такъ это приведеніемъ вещей нѣсколько официального качества. Весьма умѣстныя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется точное подтвержденіе факта, онѣ не достигаютъ цѣли тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ искренности чувствъ и глубинѣ убѣжденія“.

При оцѣнкѣ труда Н. П. Барсукова наиболѣе существенный вопросъ заключается въ томъ, на сколько вѣрно, безпристрастно и рельефно выступаютъ основныя черты характера М. П. Погодина. Въ этомъ отношеніи авторъ почти безупреченъ; онъ отнесся къ сообщаемымъ имъ даннымъ съ полною добросовѣстностью, безъ всякихъ постороннихъ предубѣжденій, не преувеличивалъ ни свѣтлыхъ, ни темныхъ сторонъ своего героя. Образъ Погодина является передъ нами со всѣми его достоинствами и недостатками, со всѣми особенностями его духовной природы.

„Внимательное знакомство съ сочиненіемъ Н. П. Барсукова,—говоритъ М. И. Сухомлиновъ,—привело насъ къ слѣдующему заключенію: Обширный, богатый содержаніемъ трудъ Н. П. Барсукова должно признать весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу. При составленіи его авторъ, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ цѣлью „напомнить соотечественникамъ о жизни и трудахъ М. П. Погодина, который работалъ болѣе полувѣка и передъ которымъ прошелъ преемственно цѣлый рядъ поколѣній“. Выборъ Н. П. Барсукова вполне удаченъ: люди, подобные Погодину, не должны быть

обречены забвенію и о нихъ слѣдуетъ напоминать. М. П. Погодинъ принадлежалъ къ числу выдающихся дѣятелей своего времени. Онъ хорошо зналъ Россію, посвятивъ себя изученію ея исторической судьбы, находился въ сношеніяхъ и съ свѣтилами литературнаго міра и съ людьми различныхъ слоевъ общества и различныхъ степеней образованности. Его наблюдательный умъ постоянно слѣдилъ за движеніемъ русской жизни, умственной, политической и общественной. Желая представить обстоятельное, основанное на достовѣрныхъ источникахъ, жизнеописаніе Погодина, Н. П. Барсуковъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неутомимо собиралъ матеріалы, дорожа каждою, относящеюся къ его цѣли, чертою, встрѣчаемою въ массѣ прочитанныхъ имъ книгъ и рукописей, и тщательно провѣрялъ каждое извѣстіе, по чему либо заслуживающее вниманіе. Много труда и времени надо было употребить на то, чтобы разобраться въ накопленныхъ матеріалахъ; самой кропотливой работы потребовалось для объясненія краткихъ, загадочныхъ замѣтокъ рукописнаго дневника, которыя, только благодаря пытливости біографа, сдѣлались совершенно понятными. Богатство свѣдѣній, собранныхъ для біографіи и характеристики Погодина и умѣнье пользоваться разнообразными матеріалами составляютъ неотрицаемую заслугу Н. П. Барсукова. Въ трудѣ его находится чрезвычайно много любопытныхъ и важныхъ данныхъ для знакомства не только съ личностью и трудами Погодина, но и съ современнымъ ему состояніемъ русской литературы, науки и общественной жизни. Н. П. Барсуковъ работаетъ по призванію въ области ему сочувственной и его многолѣтніе труды даютъ ему право на вниманіе и поддержку со стороны ученыхъ обществъ. Премія, присужденная Академіею наукъ достойному труженнику, дастъ ему возможность продолжать изданіе, которое такъ желательно для нашей исторической литературы“.

Малыя Уваровскія преміи присуждены двумъ нижеслѣдующимъ сочиненіямъ:

- 1) *Серія Блюкурова*: Арсеній Сухановъ. Часть I. Біографія Арсенія Суханова. Москва. 1891. Часть II. Сочиненія Арсенія Суханова. Выпускъ I. Москва. 1893.

Для оцѣнки достоинства этого сочиненія Академія обратилась къ содѣйствію экстраординарнаго профессора С.-Петербургской духовной академіи протоіерей П. Ѳ. Николаевскаго.

По плану автора, сочиненіе его должно состоять изъ двухъ ча-

стей: въ первой изложены біографическія свѣдѣнія о старцѣ Арсеніи Сухановѣ; во второй С. Бѣлокуровъ обѣщаетъ представить разборъ сочиненій Суханова, характеристику его личности и оцѣнку его дѣятельности.

„Сочиненіе Бѣлокурова, — говоритъ уважаемый рецензентъ, — носитъ на себѣ слѣды многолѣтней, усидчивой и самостоятельной работы. начатой еще въ 1882 г., и отличается многими положительными достоинствами. Оно основано преимущественно на изученіи многочисленнаго относящагося сюда рукописнаго матеріала“. Главный матеріалъ находится въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и дополняется данными, извлеченными авторомъ изъ другихъ архивовъ, иногородныхъ бібліотекъ и изъ рукописныхъ собраній частныхъ лицъ. Внимательное изученіе этого рукописнаго матеріала дало возможность автору исправить и значительно дополнить біографическія свѣдѣнія о Сухановѣ и возстановить точный текстъ въ его сочиненіяхъ. Благодаря этому, біографія Арсенія Суханова охватываетъ всѣ періоды его жизни, съ дѣтства и до самой его кончины въ 1668 году.

По словамъ П. О. Николаевскаго, изслѣдованіе г. Бѣлокурова „значительною частью своего содержанія направлено главнымъ образомъ къ выясненію того значенія, какое имѣлъ старецъ Арсеній Сухановъ въ дѣлѣ патріарха Никона, выполнявшій важныя порученія, возложенныя на него правительствомъ. Двѣ продолжительныя поѣздки Суханова на Востокъ, одна (въ 1649—1653 г.) для осмотрѣнія святыхъ мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ, вызвавшая составленіе двухъ самыхъ важныхъ сочиненій Суханова: „Преній его съ греками о вѣрѣ“ и „Проскинитарія“; другая (въ 1653—1655 г.) — для покупки греческихъ книгъ и рукописей, нужныхъ для книжной справы, описаны въ изслѣдованіи Бѣлокурова съ такою полнотою и обстоятельностью, съ какою онѣ не излагались прежде въ нашей литературѣ. Главы, посвященныя описанію путешествій Суханова на Востокъ, могутъ быть названы самыми лучшими главами сочиненія. Кромѣ полноты своего содержанія, онѣ устанавливають такіе новые, неизвѣстные въ печати и важные факты въ дѣлѣ исправленія книгъ при патріархѣ Никонѣ, которые идутъ въ разрѣзъ съ показаніями, сдѣланными въ предисловіи къ новосправленному служебнику 1655 г., и бросаютъ новые лучи на все это дѣло“.

При всей тщательности, съ какою авторъ отыскивалъ матеріалъ для возможно полной біографіи Арсенія Суханова, рецензентъ замѣчаетъ нѣкоторые пропуски, недосмотры и неточности. Такъ, время

второй отправки Суханова на Востокъ авторъ справедливо относить къ октябрю 1653 г., но не указываетъ дня этой отправки. На основаніи дѣла Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ о Милорадовичѣ и расходной книги Патріаршаго приказа (№ 36, л. 589, архивъ министерства юстиціи), рецензентъ относитъ время отъѣзда Суханова къ 16-му октября. При описаніи второй поѣздки Суханова на Афонъ для покупки книгъ г. Бѣлокуровъ не касается вопроса о данномъ ему порученіи ѣхать съ тою же цѣлю въ Іерусалимъ. Пропуски и неточности болѣе всего наблюдаются въ томъ мѣстѣ изслѣдованія, гдѣ авторъ излагаетъ дѣятельность Суханова на московскомъ печатномъ дворѣ, въ должности завѣдывающаго этимъ дворомъ.

Но едва-ли, говоритъ протоіерей Николаевскій, не самымъ главнымъ недостаткомъ во всей первой части изслѣдованія г. Бѣлокурова нужно признать то, что авторъ, при описаніи біографіи Суханова, намѣренно уклонился отъ характеристики личности и направленія Суханова въ отношеніяхъ его къ церковнымъ исправленіямъ патріарха Никона и предположилъ дать оцѣнку дѣятельности Суханова въ концѣ уже второй части своего изслѣдованія, послѣ разбора его сочиненій. Отъ этого самая біографія Суханова остается незаконченною; хотя она отличается богатствомъ новыхъ свѣдѣній и фактовъ, бывшихъ доселѣ неизвѣстными въ наукѣ, хотя она излагается въ связи съ общимъ ходомъ тогдашней русской церковно-исторической жизни, но не производитъ въ читателѣ цѣльнаго и яснаго впечатлѣнія и вызываетъ въ немъ вопросы: что же такое былъ старецъ Арсеній Сухановъ, каковъ его былъ умственный кругозоръ и взглядъ на современныя нужды и жгучіе запросы тогдашней жизни, какъ онъ относился къ исправленію церковной обрядности при Никонѣ, былъ ли сторонникомъ или противникомъ послѣдняго, какое значеніе онъ имѣлъ въ исторіи русскаго раскола и въ ряду первыхъ расколочителей? Всѣ эти вопросы поставлены уже въ русской наукѣ и рѣшаются хотя по обстоятельству въ разныхъ направленіяхъ. Но авторъ въ первой части своего изслѣдованія еще не поставилъ прямо этихъ вопросовъ для своего рѣшенія и отложилъ ихъ до конца книги.

„Въ общемъ выводѣ, — говоритъ рецензентъ, — изслѣдованіе г. Бѣлокурова, по богатству и новизнѣ содержанія, важности затронутыхъ и раскрываемыхъ имъ вопросовъ, несмотря на замѣчаемые въ немъ ифкторые недостатки, заслуживаетъ вниманія и назначенія преміа“.

- 2) *М. Любавскаго*: Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, во времени изданія перваго Литовскаго статута. Историческіе очерки, съ картою Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. Москва. 1893.

Оцѣнку этого труда, по просьбѣ академіи, принялъ на себя профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета С. А. Бершадскій.

До настоящаго времени всѣ изслѣдователи обращали вниманіе или на изученіе политической исторіи Литовскаго государства и отдѣльных его земель, или же на исторію отдѣльных общественнхъ классовъ. Послѣ труда Ярошевича не встрѣчается попытокъ представить цѣльную картину государственнаго и общественнаго строя великаго княжества.

„Затрудненія, испытываемыя изслѣдователями, говоритъ рецензентъ, объясняются совершенно естественно тѣмъ обстоятельствомъ, что время самобытнаго развитія государственной и общественной жизни великаго княжества Литовскаго, то-есть, время предшествующее 1566 г., мало изслѣдовано, благодаря тому обстоятельству, что главные работники въ этой области не могли достаточнымъ образомъ познакомиться съ тѣмъ матеріаломъ, который сохранился въ книгахъ бывшаго государственнаго архива великаго княжества, то-есть, въ Метрику Литовской. Несмотря на потерю огромнаго количества матеріаловъ этого древлехранилища, происшедшую еще во времена самостоятельнаго существованія Польско-Литовскаго государства, даже то, что сохранилось до нашего времени, даетъ возможность, какъ показываетъ книга г. Любавскаго, поставить весьма многіе вопросы на совершенно новую почву, предложить изслѣдователямъ новыя точки зрѣнія на тѣ или ныя отношенія внутренней жизни, и, во всякомъ случаѣ, облегчить дальнѣйшія разысканія въ этой области. Можно сказать, что дальнѣйшее движеніе въ этой сферѣ, пока не будутъ изучены и, по возможности, изданы матеріалы изъ книгъ Метрики Литовской за время до Люблинской Унии, наполнено для изслѣдователя всякаго рода неожиданностями.

Правда, что съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія начали издаваться важнѣйшіе матеріалы, которые показали, что самое основаніе Русскаго государства можетъ и должно быть понимаемо иначе, чѣмъ привыкли понимать въ теченіе десятковъ лѣтъ всѣ занимавшіеся этимъ вопросомъ; что элементы общественной жизни и строй государства не могутъ укладываться въ рамки, указанные для него

въ началѣ нынѣшняго столѣтія: вѣче, боярская дума, положеніе и отношеніе общественныхъ классовъ между собою, характеръ и значеніе права уголовного и гражданскаго, понятія о преступленіи и наказаніи—все это получило новое освѣщеніе и истолкованіе. Вотъ почему съ живѣйшимъ вниманіемъ отнесутся къ сочиненію г. Любавскаго всѣ, кто интересуется не только исторією Литвы, но и русскаго права въ Литвѣ.

Трудъ г. Любавскаго распадается на четыре главы текста и приложенія, въ которыхъ помѣщены инвентари конца XV и начала XVI вѣка, акты, изображающіе устройство мѣстнаго управленія, права и обязанности должностныхъ лицъ и отношенія къ нимъ мѣстнаго населенія. Сверхъ того къ сочиненію приложена политическая карта Литовско-Русскаго государства конца XV и начала XVI вѣка, сопровождаемая особымъ объясненіемъ.

Первая глава текста посвящена вопросу о происхожденіи областного дѣленія и доказательству федеративнаго характера Литовско-Русскаго государства. Во второй главѣ авторъ переходитъ къ выясненію принциповъ административнаго дѣленія великаго княжества на округа и къ разрѣшенію вопроса о значеніи волостей, повѣтовъ и проч. По имѣя на этомъ пути предшественниковъ, г. Любавскій принужденъ былъ, для установленія административнаго дѣленія княжества совершить громадную работу. Ему пришлось, на основаніи актовыхъ данныхъ, главнымъ образомъ изъ Метрики Литовской, разыскать границы главнѣйшихъ округовъ, руководствуясь положеніемъ рѣкъ, озеръ и различныхъ урочищъ, названія которыхъ сохранились до настоящаго времени, или же относительно замѣны которыхъ иными, нынѣ существующими, имѣются несомнѣнныя данныя. Для обозначенія же государственныхъ границъ г. Любавскій сдѣлалъ ту же работу, опираясь главнымъ образомъ на напечатанные уже официальные документы. Если принять во вниманіе, что, при неполнотѣ существующихъ у насъ географическихъ словарей, автору приходилось разыскивать всѣ эти урочища по трехъ-верстной картѣ главнаго штаба, просматривая вершокъ за вершкомъ всѣ географическія названія на десяткахъ картъ (для одного виленскаго воеводства болѣе 30 листовъ), — то, говоритъ рецензентъ, одна составленная г. Любавскимъ карта „сама по себѣ представляется огромною и въ высшей степени цѣнною работою. Если же обратить вниманіе и на то обстоятельство, что въ текстѣ книги отмѣчены въ каждомъ воеводствѣ и староствѣ тѣ наиболѣе крупныя владѣнія князей и магнатовъ, ко-

торые составляли высшій общественный слой великаго княжества и роль которыхъ въ исторіи внутренней жизни этого государства весьма важна, хотя до настоящаго времени и не вполне выяснена, то станетъ понятно, какииъ важнымиъ пособіемъ для изслѣдователей будетъ служить эта карта“.

Третья глава, посвященная составу общества въ повѣтахъ и административной дѣятельности представителей власти. выстѣ съ предыдущею главою, разрѣшаетъ рядъ вопросовъ о двухъ существенныхъ элементахъ Литовско-Русскаго государства, то-есть, о территоріи и населеніи великаго княжества. Наконецъ, четвертая глава изслѣдуетъ вопросъ о правительственной дѣятельности и значеніи въ областяхъ воеводъ и старостъ.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе книги г. Любавскаго. Независимо отъ составленія карты, которая сама по себѣ заслуживаетъ особаго вниманія, сочиненіе автора представляетъ важное изслѣдованіе какъ по богатству совершенно новаго матеріала, такъ и по разнообразію вопросовъ, весьма правильно обоснованныхъ и разрѣшенныхъ.

Слѣдя шагъ за шагомъ за содержаніемъ сочиненія автора и указывая на обиліе новаго матеріала, преимущественно сырого, С. А. Бершадскій находитъ, что г. Любавскій не могъ съ одной стороны разработать въ деталяхъ всѣхъ намѣченныхъ имъ вопросовъ и дойти до самаго корня тѣхъ или другихъ явленій; съ другой стороны, въ виду разнообразія внутреннихъ условій жизни и различныхъ судьбъ многочисленныхъ земель, изъ которыхъ складывалось великое княжество, авторъ, конструируя свои положенія, распространяетъ ихъ гораздо далѣе, чѣмъ то можетъ быть допущено при болѣе внимательномъ изученіи. „Такимъ образомъ,—говоритъ рецензентъ,—трудно согласиться, напримѣръ, съ авторомъ, чтобы основное дѣленіе великаго княжества Литовскаго на воеводства и земли опиралось на начала, данныя самостоятельную политическою жизнью отдѣльныхъ княжествъ, или, чтобы дѣленіе собственной Литвы на два воеводства—виленское и трокское—произошло въ силу установившагося въ Литвѣ въ XIV вѣкѣ военно-политическаго дуализма. Дѣленіе русскихъ земель далеко не совпадаетъ со старинными границами русскихъ княжествъ, да сверхъ того остается не разъясненнымъ вопросъ, къ какому именно времени должно быть отнесено установленіе опредѣленнаго ненарушаемаго дѣленія этихъ самыхъ княжествъ. Прежде чѣмъ приурочивать дѣленіе къ принятому авторомъ принципу, слѣдовало бы ука-

зать, на основаніи какихъ началъ существовало единство и происходило распаденіе территорій княжествъ удѣльнаго періода“.

Относительно внутренняго управленія великаго княжества, не смотря на огромную услугу, оказанную г. Любавскимъ разъясенію этого вопроса, рецензентъ не соглашается съ тѣмъ предположеніемъ его, что значеніе воеводъ во всѣхъ воеводствахъ и земляхъ великаго княжества было сходнымъ. Сверхъ того, авторъ вовсе не затрогиваетъ нѣкоторыхъ вопросовъ, которые также не вполне укладываются въ принятую имъ систему отношеній между воеводскими и намѣстническими державами.

„Можно было бы,—говоритъ С. А. Бершадскій въ заключеніи своей рецензій,—привести много еще вопросовъ и отмѣтить тѣ или инныя неточности и не вполне обоснованныя положенія автора, но мы считаемъ достаточнымъ ограничиться вышеуказаннымъ, такъ какъ недостатки и неполная обработка деталей являются совершенно естественными въ такомъ обширномъ трудѣ, какъ тотъ, который представилъ авторъ. Указанія на несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ положеній автора съ фактами, ничуть не умаляютъ, однако, положительныхъ достоинствъ его сочиненія. Въ виду всего указаннаго, я полагаю, что трудъ г. Любавскаго заслуживаетъ вполне премію“.

При общей оцѣнкѣ сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій графа Уварова, комиссія признала заслуживающими поощренія сочиненія В. О. Миллера и Н. Е. Бранденбурга, но, за раздачею всѣхъ имѣвшихся въ ея распоряженіи наградъ, комиссія на основаніи п. I § 16 правилъ объ Уваровскихъ наградахъ признала справедливымъ присудить имъ почетные отзывы.

1) *В. О. Миллеръ*. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. Москва. 1892.

При оцѣнкѣ этого сочиненія представлялось необходимымъ прежде всего опредѣлить: 1) на сколько тщательно и самостоятельно авторъ изучилъ персидскій эпосъ и произведенія восточныхъ литературъ; 2) что новаго дало ему это изученіе, для разъясенія связи между русскимъ эпосомъ и восточнымъ въ содержаніи, мотивахъ и лицахъ; 3) удалось-ли ему указать, хотя бы съ относительною подробностью, путь, по которому восточные сказочные элементы могли проникнуть въ эпическія сказанія русскаго народа.

Оцѣнка сочиненія въ этомъ отношеніи сдѣлана нашимъ соотавителемъ, академикомъ К. Г. Залемачомъ.

Эпическія сказанія древняго Ирана дошли до насъ въ Шахнамэ или Книгѣ Царей знаменитаго Фирдоуси, представляющей собою поэтической пересказъ записанныхъ древнихъ преданій. „Шахнамэ,—говоритъ рецензентъ,—издано цѣликомъ въ текстѣ и переводѣ извѣстнымъ ориенталистомъ Ю. Молеми; французскій его переводъ изданъ и отдѣльно. Можно было бы ожидать, что В. О. Миллеръ, будучи самъ ориенталистомъ и въ особенности иранистомъ, при своихъ экскурсіяхъ въ область иранскаго народнаго эпоса, не ограничится переводомъ, сдѣланнымъ нѣскольکو десятковъ лѣтъ тому назадъ, или по крайней мѣрѣ не допустить ошибочныхъ чтеній собственныхъ именъ, столь извѣстныхъ уже по словарямъ,—но ни то, ни другое ожиданіе не оправдалось“. Вообще авторъ—за исключеніемъ Кавказскихъ сказаній—пользовался преимущественно второстепенными источниками и пренебрегая тѣми, хотя и скудными матеріалами, которые могъ почерпнуть изъ трудовъ современныхъ ориенталистовъ. Тѣмъ не менѣе рецензентъ находитъ, что въ собранномъ г. Миллеромъ матеріалѣ параллели отысканы весьма тщательно, сгруппированы искусно и изложены достаточно подробно для того, чтобы читатель могъ убѣдиться въ принципиальной вѣрности предположенія о значительной примѣси восточныхъ элементовъ въ русскихъ былинахъ. Но, спрашиваетъ академикъ К. Г. Залеманъ, достаточно-ли простаго сопоставленія и перечня всѣхъ сродныхъ чертъ для рѣшенія вопроса, какъ произошло смѣшеніе восточныхъ элементовъ съ русскими? Рѣшеніе этого вопроса нашъ уважаемый товарищъ предоставляетъ знатокамъ русскаго эпоса и сравнительной литературы.

Въ виду этого академія признала необходимымъ обратиться къ содѣйствию профессора университета св. Владиміра въ Кіевѣ Н. П. Дашкевича и просить его рассмотреть болѣе подробно сочиненіе В. О. Миллера.

Рецензентъ прежде всего обращается къ словамъ самого автора, сказаннымъ въ заключеніи его изслѣдованія. Г. Миллеръ говоритъ, что онъ не имѣлъ въ виду подробно и детально рассмотреть вопросъ о вліяніи восточныхъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ. „Я затронулъ его,—говоритъ онъ,—лишь съ цѣлью показать, что онъ нуждается въ обстоятельномъ изслѣдованіи, между тѣмъ какъ со времени появленія работы В. В. Стасова, въ теченіе слишкомъ двадцатилѣтія, эта сторона научной разработки нашего эпоса почти не была затрогиваема нашими изслѣдователями. Для меня несомнѣнно,—продолжаетъ г. Миллеръ,—что работы въ этомъ направленіи должны зна-

чительно подвинуть впередъ вопросъ о происхожденіи нѣкоторыхъ былинныхъ сюжетовъ и содѣйствовать установленію болѣе правльнаго взгляда на процессъ нашего былеваго творчества. Особенно важно то, что въ кругъ наблюденій изслѣдователей эпоса вводится масса новаго матеріала, который долженъ расширить ихъ кругозоръ и удержать отъ одностороннихъ соображеній объ оригинальности и самобытности русскаго эпического творчества“...

Въ этихъ словахъ, по мнѣнію Н. П. Дашкевича, авторъ преувеличилъ невниманіе изслѣдователей къ вопросу о восточномъ элементѣ въ нашемъ народномъ эпосѣ и односторонность въ изученіи и оцѣнкѣ былинъ, въ которыхъ послѣ шестидесятихъ годовъ настоящаго вѣка рѣдко уже находятъ полную оригинальность и самобытность. Рецензія академика Шифнера на монографіи г. Стасова не осталась безъ значенія въ изслѣдованіи вопроса о происхожденіи нашихъ былинъ. „Экскурсы“ самого г. Миллера представляютъ, какъ бы развитіе замѣчаній Шифнера; далѣе г. Миллеръ самъ указываетъ на работы Потанина; академикъ А. Н. Веселовскій также не разъ дѣлалъ вѣроятныя сближенія, а вопросъ о значеніи Кавказа въ передачѣ народныхъ сказаній неоднократно былъ ставимъ въ научной литературѣ.

Такимъ образомъ основныя идеи „Экскурсовъ“ г. Миллера новы. Но онъ дополнилъ сравненія, тщательно сопоставилъ русскій былевой эпосъ съ иранскимъ, указалъ и отмѣнилъ восточныя параллели къ нашимъ былинамъ, ускользавшія отъ полнаго вниманія изслѣдователей.

„Къ сожалѣнію, — говоритъ рецензентъ, — г. Миллеръ преувеличилъ значеніе этихъ выдѣленныхъ имъ и отмѣченныхъ данныхъ и создалъ теорію происхожденія русскаго былеваго эпоса, сливъ во-едино свои наблюденія о распространеніи иранскаго эпоса на Кавказѣ, тезисъ г. Стасова о вліяніи восточныхъ сказаній на русскія былинны, поправку академика Шифнера, замѣчанія Е. В. Барсова о борьбѣ со степными кочевниками, какъ предметъ нашей древней былевой поэзіи, и собранныя въ книгахъ Голубовскаго и другихъ свѣдѣнія о вліяніи сосѣдства половцевъ и другихъ кочевыхъ племенъ на русскую жизнь. Гипотеза эта, хотя и стройна, и не такъ не умѣрена, какъ г. Стасова, почти столь же односторонняя, какъ и мнѣніе, противъ котораго возстаетъ г. Миллеръ“.

Заслуга автора „Экскурсовъ“ состоитъ не въ новизнѣ общаго взгляда на русскій эпосъ, не въ новизнѣ доказательствъ и выводовъ

и не въ оригинальности метода, а лишь въ указаніи нѣкоторыхъ интересныхъ фактовъ, которыми увеличивается число параллелей къ нашимъ былинамъ. Впрочемъ, этимъ еще не разрѣшается вопросъ о происхожденіи этихъ „старинъ“ въ томъ направленіи, въ какомъ онъ поставленъ у г. Миллера.

„Вслѣдствіе несовершенства метода“, говоритъ профессоръ Дашкевичъ, „неполнаго подбора данныхъ и неполнаго пользованія фактами, собранными и отиѣченными уже у изслѣдователей эпосовъ, авторъ, хотя, по собственнымъ словамъ, издавна занимался русскимъ былевымъ эпосомъ, въ своемъ общемъ изображеніи этого эпоса, не выводитъ читателя изъ „замысловатаго лабиринта“, въ которомъ пребываетъ изслѣдованіе нашихъ былинъ, и выводы г. Миллера либо несостоятельны, либо недоказательны и остаются предположеніями“. „Но для правильной оцѣнки изслѣдованія г. Миллера необходимо имѣть въ виду и чрезвычайную сложность, и трудность вопроса о происхожденіи нашихъ былинъ. Въ значительной степени разъясненіе его зависитъ отъ постановки общаго, далеко еще не порѣшеннаго, вопроса о сходныхъ сказаніяхъ у различныхъ народовъ. Сверхъ того, г. Миллеръ добросовѣстно признаетъ нѣкоторую непрочность своихъ построеній, предлагая иные изъ своихъ домысловъ лишь какъ гипотезы“.

„Какъ опытъ отыскиванія новыхъ путеводныхъ нитей, собранія новыхъ матеріаловъ для рѣшенія и болѣе или менѣе методической постановки вопроса о генезисѣ русскаго былеваго эпоса, представившій стройное возсозданіе процесса, которымъ были выработаны наши былины, внесшій оживленіе въ изслѣдованіе этого процесса и послужившій исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда новыхъ работъ, отступающихъ отъ узкой точки зрѣнія и односторонности, трудъ г. Миллера заслуживаетъ поощренія“.

2) *Н. Е. Бранденбургъ*. „Родъ князей Мосальскихъ (XIV — XIX ст.)“. С.-Пб. 1892.

Для оцѣнки этого труда Академія воспользовалась рецензіею приватъ-доцента Московскаго университета В. А. Уляницкаго.

Сочиненіе г. Н. Е. Бранденбурга распадается на три главныхъ отдѣла: первый — посвященъ исторіи рода князей Мосальскихъ, въ различныхъ его развѣтвленіяхъ; второй содержитъ поколѣнную роспись рода, съ перечнемъ собранныхъ авторомъ свѣдѣній о членахъ этого рода; въ третьемъ авторъ приводитъ *in extenso* нѣкоторые до-

кументы. касающіеся кн. Мосальскихъ и выясняющіе родственную связь между разными представителями этой фамиліи.

По плану автора, первый отдѣлъ его изслѣдованія представляетъ не хронологическій лишь сводъ біографическихъ свѣдѣній, а характеристику той исторической обстановки, въ которой жили и дѣйствовали представители описываемой фамиліи, на сколько обстановка эта связывается съ именами тѣхъ и другихъ членовъ послѣдней. Въ виду того, что родъ Мосальскихъ издавна распался на нѣсколько вѣтвей, изъ коихъ однѣ перешли въ Московское государство, а другія въ Литовское княжество, а затѣмъ и въ Польско-Литовское государство, авторъ разсматриваетъ отдѣльно исторію рода Мосальскихъ въ Россіи и въ Польшѣ.

„Такъ какъ князья Мосальскіе, — говоритъ В. А. Уляницкій, — ведутъ свой родъ отъ Юрія Святославича, перваго Мосальскаго удѣльнаго князя, то авторъ начинаетъ исторію этого рода съ момента возникновенія Мосальскаго удѣла въ Черниговскомъ княжествѣ, которое авторъ относитъ приблизительно къ концу XIV вѣка, такъ какъ отецъ Юрія Святославъ Титовичъ Карачевскій упоминается въ 1377 году. Авторъ считаетъ Мосальское княжество подчиненнымъ въ это уже время Литвѣ. Хотя мнѣніе автора, будто Черниговъ и вся Сѣверская земля находилась уже въ 1320 г. подъ скипетромъ Гедимина, не имѣетъ никакого научнаго основанія и почерпнуто, по всей вѣроятности, изъ Нарбута или иного стараго польскаго лѣтописателя, а запись Витовта 1383 г. относится вовсе не къ Василю Карачевскому, а къ дворянину изъ рода Карачовскихъ, никогда не пользовавшагося княжескимъ титуломъ, — тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ концѣ XIV вѣка вся Сѣверщина была дѣйствительно подъ властью Литвы“.

Слѣдя подробно за сочиненіемъ Н. Е. Бранденбурга, рецензентъ находитъ, что авторъ „Рода князей Мосальскихъ“ при своемъ изслѣдованіи пользовался не первоисточниками, а второстепенными и устарѣвшими. Онъ не пользовался, напримѣръ, Сборниками Императорскаго русскаго историческаго общества, Архивомъ *Н. В. Калачева*, Разрядными дьяками *Лихачева*, Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ, Актами Археографической комиссіи, Актами Московскаго государства, Временникомъ Общества исторіи и древностей, и, наконецъ, совершенно незнакомъ съ документами, хранящимися въ главномъ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Оттого у автора часто являются вопросы, недомолвки, сомнѣнія, чего не было бы, еслибы онъ вполнѣ ознакомился съ матеріаломъ, имѣю-

щимся въ позднѣйшихъ изданіяхъ и хранящимся въ нашихъ архивахъ. Такъ, при составленіи генеалогической таблицы и поколѣнной росписи князей Мосальскихъ въ Польшѣ и Литвѣ, автору не удалось опредѣлить генеалогическаго мѣста цѣлаго ряда Мосальскихъ упоминаемыхъ въ современныхъ документахъ. Историческія свѣдѣнія о родѣ Мосальскихъ въ Московскомъ государствѣ не полны на столько, что авторъ оставилъ безъ вниманія весьма цѣнную, но документальности сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, родословную Мосальскихъ, помѣщенную въ IX томѣ Древней Россійской Вивлюэки ¹⁾, и безъ всякой критики сообщаетъ свѣдѣнія, почерпнутыя у Спиридова.

Вообще въ сочиненіи Н. Е. Бранденбурга рецензентъ замѣчаетъ два главныхъ недостатка: первый заключается въ качествѣ источниковъ, которыми пользовался авторъ. „Было бы несправедливо,—говоритъ В. А. Уляницкій,—дѣлать автору упрекъ въ томъ, что онъ писалъ исторію рода Мосальскихъ, не имѣя подъ руками никакого родового архива. Это фактъ прискорбный, но не зависящій отъ воли автора. Но въ виду такого положенія историку рода Мосальскихъ, очевидно, слѣдовало обратить особенное вниманіе на то, чтобы, по возможности, исчерпать хотя бы историческій матеріалъ, который могъ сохраниться помимо семейныхъ архивовъ. Этому авторъ „Рода Мосальскихъ“ не сдѣлалъ. Не говори уже о неполнотѣ источниковъ первой и второй руки, которыми онъ пользовался, читателя его книги не можетъ не поразить тотъ непонятный фактъ, что онъ совершенно игнорировалъ Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Со стороны составителя родословія Мосальскихъ ограниченіе документами Метрики Литовской и архивомъ министерства юстиціи было бы еще допустимо, хотя книга г. Бранденбурга является нагляднымъ примѣромъ недостаточности этого источника. Но для исторіи рода Мосальскихъ обойти архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ было невозможно—доказательствомъ тому то, что авторъ почерпнулъ отрывочныя свѣдѣнія документовъ этого архива изъ вторыхъ рукъ—изъ сочиненій Соловьева и другихъ“.

Второй недостатокъ сочиненія касается самой исторіи рода Мосальскихъ. Авторъ поставилъ себѣ задачею дать характеристику той

¹⁾ „Этотъ томъ Вивлюэки хотя и цитированъ авторомъ, но, повидимому, цитаты взяты изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ на ряду съ цитированными четырьмя мелкими свѣдѣніями мы не находимъ у автора другихъ гораздо болѣе интересныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ этой родословной“.

Примѣч. рецензента.

исторической обстановки, въ которой жили и дѣйствовали представители рода Мосальскихъ, поскольку обстановка эта связывалась съ именами тѣхъ или другихъ членовъ послѣдняго. Такая постановка вопроса, съ научной точки зрѣнія, можетъ быть признана правильною или неправильною, смотря потому, въ какое отношеніе историческая обстановка будетъ поставлена къ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ ней.

„Всякое лицо, — говоритъ рецензентъ, — дѣйствуетъ и живетъ въ извѣстной исторической обстановкѣ, но разказать политическія событія извѣстнаго времени и сказать, что въ это время данное лицо жило и занимало такія-то общественныя должности, не значитъ съ научной точки зрѣнія связать ихъ вмѣстѣ. Въ этомъ отношеніи нужно имѣть въ виду и различіе въ задачахъ и методахъ, которые представляются въ подобныхъ случаяхъ историку извѣстнаго народа или даже извѣстной исторической эпохи и историку рода. Для общаго историка на первомъ планѣ стоятъ массовыя событія и массовые факты и ихъ преемственная связь. Личности для него представляютъ лишь интересъ, но сколько онѣ оказываютъ индивидуальное вліяніе на эти факты и событія и являются типичными представителями общественныхъ, политическихъ или культурныхъ теченій, правовъ и т. п. Въ нѣсколько иномъ видѣ представляется задача историка рода. Для него главная цѣль — характеристика членовъ рода и выясненіе ихъ роли въ историческихъ событіяхъ, въ общественной и политической жизни ихъ времени.

„Примѣняя указанныя нами общія начала къ сочиненію Н. Е. Браунденбурга, мы не можемъ, къ сожалѣнію, признать его удовлетворяющимъ строго научнымъ требованіямъ, такъ какъ въ немъ мы, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, не находимъ послѣдовательно проведеннаго научно-историческаго метода. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ вмѣсто исторіи рода, какъ мы его понимаемъ, авторъ даетъ лишь обзоръ большею частію извѣстныхъ историческихъ фактовъ и эпизодовъ изъ русской или польской исторіи, въ которыхъ участвовали различные члены рода Мосальскихъ, причѣмъ совпаденіе это производитъ на читателя впечатлѣніе чего-то случайнаго, такъ какъ ни личности не получаютъ освѣщенія въ случайномъ сопоставленіи ихъ съ событіями, ни событія, ни явленія не выясняются отъ участія описываемыхъ въ нихъ личностей.

„При всемъ томъ, принимая во вниманіе несомнѣнную трудность предстоявшей автору „Рода Мосальскихъ“ задачи и несомнѣнно зна-

чительный кропотливый трудъ, положенный имъ въ особенности на составленіе второй части его сочиненія, я полагаю, что трудъ этотъ заслуживаетъ поощренія“.

На основаніи § 1 положенія о наградахъ графа Уварова, одновременно съ назначеніемъ премій, могутъ быть выдаваемы *поощрительныя награды* за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предложенныхъ Академію. Въ нынѣшнемъ отчетномъ году на полученіе такой награды было представлено сочиненіе:

Р. В. Зотова. „О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому Синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время“. С.-Пб. 1892.

Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

Исторія Сѣверской земли и Черниговскихъ Ольговичей, владѣвшихъ ею, остается до настоящаго времени недостаточно выясненною; особенно темны послѣдніе годы существованія Черниговско-Сѣверскихъ княжествъ отъ нашествія Батыя до подчиненія ихъ Литовскими Гедиминовичами своей власти.

Сохранившійся въ спискѣ XVIII вѣка Любецкій Синодикъ является драгоценнымъ источникомъ, проливающимъ много свѣта на исторію Сѣверской земли за этотъ періодъ времени. На этотъ памятникъ авторъ и обратилъ свое вниманіе и попытался возстановить личности Черниговскихъ князей и хотя нѣсколько освѣтитъ исторію Черниговскаго княжества.

Сочиненіе г. Зотова составляютъ: введеніе, въ которомъ, кромѣ указанія источниковъ и пособій, служившихъ автору при составленіи его труда, помѣщено подробное описаніе рукописи Любецкаго Синодика; текстъ помянника князей, находящагося въ рукописи и общія замѣчанія объ этомъ помянникѣ, критическій разборъ помянника князей и выводы изъ этого разбора и краткій очеркъ исторіи Черниговскаго княжества въ татарское время. Затѣмъ слѣдуютъ приложенія: родословная Черниговскихъ князей по Любецкому Синодику; родословная Черниговскихъ князей, составленная преосвященнымъ Филаретомъ Гумилевскимъ, списокъ владѣтельныхъ и великихъ князей Черниговскихъ въ порядкѣ пріемства ихъ, полная поколѣнная роспись потомства князя Святослава Ярославича Черниговскаго и, наконецъ, указатель именъ личныхъ и географическихъ.

Изъ всего труда автора наибольшаго вниманія заслуживаютъ кри-

тический разбор помянника князей, находящагося въ Любецкомъ Синодикѣ, и краткій очеркъ исторіи Черниговскаго княжества въ татарское время.

„Разборъ помянника князей,—говоритъ нашъ уважаемый сочленъ А. Ѳ. Бычковъ,—составляетъ прекрасное генеалогическое изслѣдованіе, при выполненіи котораго нерѣдко приходилось г. Зотову преодолевать затрудненія, съ перваго взгляда казавшіяся неустрашимыми. Определить личности князей, скрывающіяся подъ голыми именами, дать имъ жизнь, на основаніи сопоставленія цѣлага ряда фактовъ, нерѣдко крайне мелочныхъ,—однимъ словомъ для каждаго лица написать оправдательный историческій комментарий, составляло задачу г. Зотова, которую онъ выполнилъ прекрасно. Выводы, присоединенные авторомъ къ концу разбора помянника князей, разъясняютъ многія недоразумѣнія, вызываемыя текстомъ. Они съ достаточною очевидностью объясняютъ, почему одни изъ князей потомства Святослава Ярославича не нашли мѣста въ Синодикѣ, а другіе, не принадлежащіе къ потомству этого князя, помѣщены въ него; почему одинаковыя имена князей, внесенныхъ въ Синодикъ, должно приурочивать къ разнымъ князьямъ, и, наоборотъ, князей, поименованныхъ въ Синодикѣ одинаковыми мирскими именами, слѣдуетъ различать между собою именами церковными; почему въ Синодикѣ помѣщены не всѣ князья главныхъ Черниговскихъ удѣловъ и мелкихъ, позднѣе образовавшихся; наконецъ почему въ Синодикѣ упоминаются потомки Гедиминова и князья, получившіе удѣлы отъ Гедиминовичей. Однимъ словомъ совокупность объясненій Синодика, добросовѣстно исполненныхъ авторомъ, ясно указываетъ высокую степень исторической достовѣрности памятника и въ то же время проливаетъ много свѣта на темное время удѣльнаго періода въ южной Россіи“.

Вообще во всемъ трудѣ г. Зотова встрѣчается весьма много новыхъ данныхъ и остроумныхъ соображеній, особенно при объясненіи Любецкаго Синодика. „Конечно,—говоритъ рецензентъ,—противъ нѣкоторыхъ догадокъ и мнѣній автора, какъ недостаточно обоснованныхъ, можно возражать, но въ цѣломъ его трудъ является замѣчательнымъ“.

Краткій очеркъ исторіи Черниговскаго княжества, начиная съ покоренія его татарами до завоеванія Южной Россіи Ольгердомъ и перехода черниговскихъ удѣловъ отъ Литвы къ Московскимъ князьямъ, можетъ быть рассматриваемъ, какъ отвѣтъ на предложенную Академіею задачу для соисканія поощрительной Уваровской награды— „Исторія древнихъ русскихъ княжествъ“. На этомъ основаніи, въ

виду выдающихся достоинствъ труда г. Зотова, комиссія постановила назначить ему поощрительную награду въ размѣрѣ 500 рублей.

По присужденіи премій комиссія, во изъявленіе глубокой признательности, положила благодарить рецензентовъ и назначить отъ имени Академіи золотыя Уваровскія медала: приватъ-доценту Императорскаго Московскаго университета В. А. Уляницкому, профессору С.-Петербургской духовной Академіи. протоіерею П. Θ. Николаевскому, профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета С. А. Бершадскому, профессору Императорскаго университета Св. Владиміра Н. П. Дашкевичу и профессору Императорскаго Харьковскаго университета Н. Θ. Сумцову.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1892 ГОДУ ¹⁾.

Въ 1892 году число мужскихъ гимназій въ Кавказскомъ учебномъ округѣ увеличилось до 9, вслѣдствіе преобразованія Тифлисской шестиклассной прогимназіи въ Тифлисскую 3-ю гимназію, съ открытіемъ въ ней VII класса; число же прогимназій уменьшилось до двухъ. Къ концу отчетнаго года всѣхъ классовъ по 11 заведеніямъ было 124, и изъ нихъ на долю гимназій приходилось 111, въ томъ числѣ 71 нормальныхъ, 12 приготовительныхъ и 28 параллельныхъ. Всѣ гимназіи, за исключеніемъ вновь преобразованной Тифлисской 3-й, имѣютъ полный восьмиклассный составъ; по числу же классовъ и отдѣленій первое мѣсто занимаетъ Тифлисская 1-я гимназія, имѣющая двойной составъ гимназическихъ отдѣленій, съ двумя прогрессивными отдѣленіями приготовительнаго класса, итого 18 классовъ; за ней идетъ Тифлисская 2-я, гдѣ 15 классовъ, Кутаисская имѣетъ—14, Ставропольская—13, Владикавказская—12, Екатеринодарская—11, Елисаветпольская—10; двѣ же гимназіи—Эриванская и Тифлисская 3-я параллелей не имѣютъ, и въ первой изъ нихъ 9 классовъ, а во второй 7. Изъ прогимназій округа въ Пятигорской открытъ нынѣ VI классъ, а Кутаисская осталась при четырехклассномъ составѣ; въ обѣихъ этихъ прогимназіяхъ, кромѣ 10 нормальныхъ классовъ, имѣются 2 приготовительныхъ (по 1-му въ каждой) и 1 параллельный—въ Кутаисской прогимназіи.

За все время своего существованія, начиная съ 1831 года, когда была основана первая въ округѣ гимназія—Тифлисская 1-я, эти за-

¹⁾ Извлечено изъ отчета г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа.

веденія дали всѣхъ выпускѣвъ 174, при чемъ 3.475 молодыхъ людей получили законченное среднее образованіе; въ отчетномъ году удостоены были аттестата зрѣлости 152 ученика.

При всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа имѣются по двѣ бібліотеки: фундаментальная, предназначенная главнымъ образомъ для пользованія учителей, и ученическая; въ гимназіяхъ съ пансіонами существуютъ отдѣльно еще пансіонскія бібліотеки, кромѣ Тифлисской 1-й гимназіи, въ которой, какъ для приходящихъ учениковъ, такъ и для пансіонеровъ, имѣется только одна бібліотека — пансіонская. Изъ бібліотечныхъ отдѣловъ наиболѣе цѣнный и по числу книгъ, и по стоимости своей — фундаментальные (ихъ 11); въ нихъ содержится 27.296 названій при 64.760 томахъ, стоимостью 107.214 р., при чемъ въ отчетномъ году пополненій было сдѣлано на 5.820 р.; затѣмъ въ 10 ученическихъ отдѣлахъ бібліотекъ состоитъ 7.978 названій въ 14.995 томахъ, стоимостью 15.466 р. и въ 4 пансіонскихъ—6.623 названія въ 10.716 томахъ, стоимостью 18.119 р., въ этихъ двухъ отдѣлахъ пополненій было сдѣлано на 2.306 р.; по всѣмъ же бібліотекамъ гимназій и прогимназій состояло 41.897 названій, въ 90.471 томахъ, на сумму 140.799 р., а новыхъ приобрѣтеній за годъ было сдѣлано на 8.070 р. Физическіе кабинеты существовали лишь при гимназіяхъ, но съ открытіемъ въ отчетномъ году VI класса при Пятигорской прогимназіи явилась надобность и при ней открыть физическій кабинетъ, для коего сразу было приобрѣтено 50 приборовъ на сумму 1.057 р., число же всѣхъ приборовъ въ физическихъ кабинетахъ достигаетъ 3.160, стоимостью 53.726 р., въ томъ числѣ 192 прибора на 4.782 рубля вновь приобрѣтены. Остальныхъ учебныхъ пособій имѣютъ гимназіи — 10.151 предметъ и двѣ прогимназіи — 970 предметовъ, всего 11.121 предметъ; первыя на сумму 52.396 р., вторыя—на 6.954 р., всего же на сумму 59.350 р. Общая стоимость всѣхъ бібліотекъ, кабинетовъ и пособій, доходившая въ началѣ отчетнаго года до 237.030 руб., увеличилась за годъ на 16.845 р. или 7,1%, то-есть, дошла до 253.875 р.

Учебники и пособия остались въ большинствѣ заведеній прежніе.

На содержаніе гимназій и прогимназій поступило въ отчетномъ году 701.790 р., при чемъ участіе государственнаго казначейства выражается суммой 424.982 р.; затѣмъ поступило: отъ казачьихъ войскъ на содержаніе стипендіатовъ въ пансіонѣ Ставропольской гимназіи—10.610 р., отъ трехъ городскихъ обществъ—Владикавказскаго на содержаніе одного параллельнаго отдѣленія въ мѣстной гимназіи, Ека-

теринодарскаго на содержаніе городской гимназій и Пятигорскаго въ видѣ субсидіи мѣстной прогимназій — 36.470 р.; отъ сбора за право ученія, за содержаніе частныхъ пансіонеровъ, процентовъ съ капиталовъ и другихъ поступленій — 229.728 р. Изъ всей полученной суммы расходъ на содержаніе гимназій и прогимназій простирался до 668.481 р., при чемъ изъ общей суммы расхода на штатныя суммы приходится 77,9%, а на спеціальныя средства — 22,1%. Средняя стоимость обученія 1 ученика равнялась 128 р., а воспитанія въ пансіонѣ 1 воспитанника — 286 р. По отдѣльнымъ статьямъ расхода содержаніе служащихъ, съ пособиями имъ, включая сюда и расходы на параллельные классы, обошлось въ 427.197 р., на наемъ и ремонтъ помѣщеній съ хозяйственными расходами — 101.232 р., на учебныя пособия — 22.175 р., на содержаніе пансіонеровъ — 74.756 р., на пособия учащимся — 3.735 р., на отчисленія въ спеціальныя средства министерства народнаго просвѣщенія и Кавказскаго учебнаго округа — 15.575 р. и на другіе расходы — 23.811 р.

Годичная нормальная плата за ученіе (40 р.) существуетъ въ 5 гимназіяхъ и обѣихъ прогимназіяхъ, выше же ея взимается въ остальныхъ четырехъ гимназіяхъ, а именно: въ Тифлисской 3-й — за первое полугодіе 30 р., за второе — 33 р., итого 63 р., въ Тифлисской 1-й — по 50 р. за весь учебный годъ, въ Тифлисской 2-й — за первое полугодіе 20 р., за второе — 25 р., итого 45 р., и въ Екатеринодарской въ первое полугодіе съ дѣтей лицъ городского сословія 12 р. 50 к., а съ дѣтей лицъ иногородныхъ — 22 р. 50 к., во второе же — плата съ лицъ первой категоріи взималась въ 15 р., а съ лицъ второй — 30 р., то-есть, первые платили 35 р., послѣдніе — 45 р. въ годъ. Плата за воспитанниковъ въ пансіонахъ осталась прежняя — съ казенныхъ отъ 150 до 200 р., и съ частныхъ — отъ 240 до 300 р. Учениковъ, вовсе не вносившихъ платы за ученіе въ первое отчетное полугодіе, было 623, во второе — 628, а пансіонеровъ, не вносившихъ платы за свое воспитаніе, въ первое полугодіе было 313, во второе 301. Такимъ образомъ, вся сумма, которую не вносили родители за обученіе и воспитаніе своихъ дѣтей, равняется 84.722 р.

Спеціальныхъ средствъ въ отчетномъ году поступило: сбора за право ученія — 133.658 р., платы за частныхъ воспитанниковъ — 77.356 р., отъ двухъ попечителей — 1.440 р., пожертвованій, процентовъ съ капиталовъ и другихъ поступленій — 16.873 р., а всего — 229.327 р. Изъ этой суммы израсходовано на разныя пужды заведеній 147.752 р. и отчислено въ пособіе казны — 67.360 р., итого

215.112 р.; прочіе 14.215 р. были причислены къ оставшимся отъ предыдущаго года 265.700 р.; къ 1-му января 1893 года сумма вѣхъ спеціальныхъ средствъ состояла изъ 279.915 р., изъ копѣхъ 170.660 р. въ процентныхъ бумагахъ, 109.255 р. въ наличныхъ. Въ спеціальныя учрежденія, существующія, за исключеніемъ двухъ гимназій — Тифлисской 3-й и Владикавказской, да Кутаисской прогимназіи—въ остальныхъ восьми заведеніяхъ, поступило въ отчетномъ году отъ членскихъ взносов и другихъ поступленій 8.887 р., изъ которыхъ израсходовано на пособія и другіе расходы 5.022 р. Къ 1-му января 1893 года въ этихъ учрежденіяхъ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ и вновь поступившихъ 3.865 руб. имѣлось всего 40.179 руб., въ томъ числѣ наличными 8.904 р. и въ процентныхъ бумагахъ—31.275 р.

Изъ 11 заведеній пять гимназій: Тифлисская 1-я, Ставропольская, Елисаветпольская, Владикавказская и Кутаисская, имѣютъ собственные помѣщенія, при чемъ зданія гимназій Елисаветпольской и Владикавказской вполне удовлетворяютъ своему назначенію, а зданіе Кутаисской, по тѣспотѣ и многимъ крупнымъ неудобствамъ, безусловно нуждается въ полной перестройкѣ. Остальныя 6 заведеній помѣщаются въ наемныхъ домахъ, и изъ нихъ лишь три могутъ быть признаны удовлетворительными, а три прочія зданія, именно гимназій Тифлисской 2-й и Эриванской и прогимназіи Пятигорской имѣютъ весьма значительные недостатки, вслѣдствіе чего начальства изыскиваютъ средства для постройки собственныхъ для нихъ домовъ; особенно неотложно требуетъ того Тифлисская 2-я гимназія, помѣщеніе которой можно назвать самымъ неудовлетворительнымъ во всемъ округѣ, что создало и мѣстное общество, выразивъ свое сочувствіе пожертвованіями въ размѣрѣ 24.000 р. на пріобрѣтеніе мѣста подъ постройку зданія для гимназіи; затѣмъ Эриванская гимназія, нуждаясь въ гимнастической, рекреационной и музыкальной залахъ, предполагаетъ на имѣющіяся въ ея распоряженіи спеціальныя средства начать часть постройки гимназическаго зданія на участкѣ, составляющемъ собственность заведенія, а на тотъ же предметъ для Пятигорской прогимназіи мѣстная городская дума опредѣлила въ 1892 году ассигновать 10.000 р., но этихъ денегъ, даже со спеціальными средствами прогимназіи, недостаточно для постройки необходимаго помѣщенія; равно недостаточна и пожертвованная сумма для Тифлисской 2-й гимназіи; вслѣдствіе того, объ постройкѣ еще не могутъ быть произведены. Не смотря на недостатки, конми страдаютъ училищныя помѣщенія, большая часть изъ нихъ, какъ собственныхъ,

такъ и наемныхъ, удовлетворяють требованіямъ гигиены: на каждаго ученика приходится въ среднемъ 18,2 куб. аршина воздуха, а въ спальныхъ пансіона приходится на каждаго воспитанника 49,5 куб. аршинъ; въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ находится Елисаветпольская гимназія, дающая каждому ученику 46,5 куб. аршина воздуха; остальные заведенія приближаются болѣе или менѣе къ необходимой нормѣ, кромѣ Тифлисской 2-й гимназіи, въ которой чувствуется все увеличивающійся недостатокъ воздуха; такъ, въ 1890 году въ ней приходилось на 1 ученика по 14,8, въ 1891 году по 13,9, а въ 1892 году только по 12,2 куб. аршина. Число ученическихъ квартиръ было 274, и на нихъ проживало 626 учениковъ (17,7%), платя за свое содержаніе отъ 8 р. до 100 въ мѣсяцъ. Кромѣ того, существуютъ общежитія: въ г. Владикавказѣ, вполне хорошо содержимое на средства Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, и въ которомъ живетъ 29 гимназистовъ, и вновь открытое въ г. Пятигорскѣ, содержимое частнымъ лицомъ для 7 человекъ. Всѣ ученическія квартиры въ теченіе отчетнаго года посѣщены были инспекторами, классными наставниками и ихъ помощниками 2.982 разъ, а Владикавказское общежитіе, наблюденіе за которымъ поручено директору гимназіи, было посѣщено имъ 19 разъ. Изъ гимназій — удостоилась посѣщенія его свѣтлости Бухарскаго эмира — Тифлисская 1-я, а Ставропольскую изволилъ посѣтить г. главнокомандующій гражданскою частію на Кавказѣ С. А. Шереметевъ; большинство же заведеній были посѣщены гг. начальниками губерній и областей, а также мѣстными архіереями.

Къ 1-му января 1893 года число служащихъ въ гимназіяхъ состояло изъ 289 лицъ, а въ прогимназіяхъ — изъ 33, итого 322 лицъ, а именно: 3 почетныхъ попечителя, 10 директоровъ, 12 инспекторовъ, 13 штатныхъ законоучителей, 114 штатныхъ учителей наукъ и языковъ, 3 штатныхъ учителя чистописанія, 14 учителей приготовительнаго класса, 10 сверхштатныхъ учителей, 33 исправляющихъ должность или служащихъ по найму, 36 преподавателей рисованія, пѣнія, музыки, гимнастики, танцевъ и ремеслъ, 24 воспитателей и ихъ помощниковъ, 22 помощника классныхъ наставниковъ, 11 врачей, 11 письмоводителей и бухгалтеровъ и 6 прочихъ должностныхъ лицъ. Въ теченіе года выбыло изъ личнаго состава 30 и назначено вновь 32 лица, въ томъ числѣ 1 инспекторъ, 1 законоучитель, 16 штатныхъ преподавателей, 3 помощника воспитателей и 11 прочихъ должностныхъ лицъ. Вакантныхъ должностей осталось

къ концу года 21, въ томъ числѣ 6 почетныхъ попечителей, 9 преподавателей, 1 воспитателя и 2 помощника классныхъ наставниковъ. Уроки по вакантнымъ преподавательскимъ должностямъ распределены были безъ ущерба для дѣла между наличнымъ числомъ преподавателей.

Директора, инспектора и исполняющіе обязанности послѣднихъ давали 210 уроковъ въ недѣлю, изъ коихъ на долю директоровъ приходится по 7,6 а инспекторовъ—по 12,2 урока въ недѣлю. Семь директоровъ и семь же инспекторовъ преподаютъ языки русскій, латинскій или греческій, а остальные—другіе предметы. На 110 гимназическихъ классовъ приходится 109 классныхъ наставниковъ, при чемъ одинъ преподаватель Тифлисской 2-й гимназіи былъ класснымъ наставникомъ въ двухъ классахъ; каждый изъ классныхъ наставниковъ имѣетъ въ среднемъ выводѣ 5,3 урока въ своемъ классѣ, а состоятъ они по преимуществу учителями древнихъ языковъ—54,4% и русскаго—21,7%. Изъ преподавателей 9 состоятъ классными наставниками, при чемъ каждый изъ нихъ имѣетъ въ среднемъ 20,4 урока. Преподавателей, ведущихъ два или болѣе предметовъ, было 96, или 63,2% всего числа учащихся; чаще всего соединяются однородные предметы: оба древніе языка—таковыхъ 29, русскій съ латинскимъ—11, а также исторія съ географіей—11 и математика съ физикой—11. Всѣхъ уроковъ въ отчетномъ году слѣдовало преподавать 97.707, и изъ этого числа пропущено было лишь 2.830, или 2,9%, (меньше чѣмъ въ 1891—3,31% и 1890—3,42% отчетныхъ годахъ), и то главнымъ образомъ по причинѣ болѣзни. на долю которой приходилось 2.089 пропусковъ или 73,8.

Провѣрочныхъ испытаній, когда директора, инспектора и классные наставники являлись въ классъ, начиная со 2-й четверти года, безъ предваренія о томъ учителей и учениковъ, произведено въ отчетномъ году устныхъ—1.006 и письменныхъ—622, всего 1.628. Изъ числа 25.330 спрошенныхъ и данныхъ ученикамъ на этихъ испытаніяхъ отвѣтовъ, классныя комиссіи въ большинствѣ случаевъ признали оцѣнку преподавателей правильною, именно 17.199; неточною же она признана въ 8.131 случаѣ, при чемъ чаще она повышалась чѣмъ понижалась, сравнительно съ преподавательскою отмѣткой. Постороннихъ лицъ, подвергавшихся разнаго рода испытаніямъ въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій и прогимназій, было въ отчетномъ году 149; изъ нихъ выдержали испытанія и получили искомыя права и званія 88, въ томъ числѣ: вольноопредѣляющагося I разряда —

1 и II разряда—45, на первый классный чинъ—11, на аптекарскаго ученика—11 и на разныя учительскія званія—20.

Педагогическіе совѣты имѣли въ теченіе отчетнаго года 421 засѣданіе; со включеніемъ же засѣданій классныхъ, конхъ было 403. предметныхъ—161. хозяйственныхъ—610 и для испытанія постороннихъ лицъ—61, это число достигаетъ цифры 1.656. Вопросы, подлежащіе обсужденію совѣтовъ, вызывались въ большинствѣ случаевъ текущею жизнью заведеній. Но, кромѣ того, совѣты были заняты и нѣкоторыми общими вопросами. Тяжелое время пронесшейся надъ Кавказомъ эпидеміи потребовало и отъ школы принятія необходимыхъ мѣръ предосторожности и улучшенія гигиенической обстановки учащихся. Желаніе восполнить потерянное время вслѣдствіе поздняго начала учебныхъ занятій могло отозваться неблагоприятно на здоровьѣ учащихся предъявленіемъ къ нимъ непосильныхъ требованій; поэтому совѣты, по предложенію г. попечителя, обсуждали мѣры къ возможно правильному распредѣленію учебнаго матеріала безъ обремененія учащихся домашними работами. Вообще дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ и его комиссій посвящена была тѣмъ учебно-воспитательнымъ вопросамъ, которые указаны въ §§ 74 и 75 устава гимназій и прогимназій. Кромѣ того, нельзя не упомянуть объ исполненіи совѣтами тѣхъ требованій, которыя предъявлены были по составленіи отчета о состояніи кавказскихъ учебныхъ заведеній какъ для Россійской гигиенической выставки, такъ и для Всемирной въ Чикаго.

По отзывамъ начальниковъ учебныхъ заведеній, почти всѣ преподаватели прилагали не мало усердія въ исполненіи многотрудныхъ своихъ обязанностей какъ по обученію, такъ и по воспитанію подрастающаго поколѣнія.

Слѣдующія лица, служавшія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, заявили себя, помимо служебныхъ обязанностей особыми трудами, а именно: въ гимназіяхъ: Тифлясской 1-й—директоръ ея Л. Л. Марковъ—напечаталъ въ Приложеніи къ циркуляру № 8 Отчетъ объ образовательной поѣздкѣ учениковъ 1-й гимназіи въ Баку; преподаватель Е. А. Богословскій — выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ статью „Поэтъ-пѣсенникъ“—ко дню пятидесятилѣтія со дня смерти А. В. Кольцова; преподаватель А. А. Приселковъ напечаталъ: 1) нѣсколько словъ о педагогическихъ собраніяхъ и 2) статьи и замѣтки по народнымъ чтеніямъ; преподаватель М. И. Черниковъ написалъ къ вопросу объ изученіи русскаго языка въ VIII-хъ классахъ жен-

скихъ гимназій. Методическая статья (Напечатана въ циркулярѣ попечителя Кавказскаго учебнаго округа № 12 1892 года; Тифлисской 2-й—директоръ І. О. Дрбоглавъ напечаталъ 4-е изданіе „Пособія для первоначальнаго обученія латинскому языку“; учитель А. Словинскій напечаталъ рѣчь „Основные принципы Великой Дидактики Я. А. Коменскаго“; учитель А. Богословскій: 1) редактировалъ XIII томъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“, 2) издалъ тетради контуровъ для класснаго географическаго черченія и 3) напечаталъ „Систематическій каталогъ фундаментальной бібліотеки Тифлисской 2-й гимназій“; Тифлисской 3-й—директоръ В. А. Мартыновскій выпустилъ: 1) I, II и III томы книги „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ“, новыми изданіями; 2) брошюру „О комментированіи философскихъ сочиненій древнихъ авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ“; сверхштатный учитель Н. В. Горяевъ выпустилъ „Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка“; учитель новыхъ иностранныхъ языковъ Ф. Р. Крейсбергъ выпустилъ „Учебникъ нѣмецкаго языка, часть II“, Кутаисской — учитель Колянковскій напечаталъ въ *Русской Старинѣ* 1892 г. статью: „Воспоминанія о профессорѣ В. И. Григорьевичѣ“; учитель Юркевскій изготовилъ и произнесъ 25-го сентября, въ память пятисотлѣтія кончины преподобнаго Сергія Радонежскаго, рѣчь: „Значеніе подвиговъ преподобнаго Сергія Радонежскаго и его лавры въ исторіи Русскаго государства“; исправляющій должность воспитателя пансіона Кутаисской же гимназій Лабенскій напечаталъ въ журналѣ *Фотографъ-любитель* статьи: „Сравненіе работъ нѣкоторыхъ объективовъ“, „Карманный мгновенный затворъ“, „Печатаніе на аргентотишпой бумагѣ Сухачева“, „Дополненіе къ замѣткѣ о проявителѣ Ильфордъ“, „Еще о гидрохинонномъ проявителѣ“, „Фотометръ“, „Къ работамъ на переводной пленкѣ Истомена“, „Сравненіе работъ нѣкоторыхъ объективовъ“; онъ же производилъ ежедневно метеорологическія наблюденія, печатаемыя Тифлискою обсерваторією; Елисаветпольской—законоучитель священникъ К. Смирновъ давалъ безвозмездно уроки закона Божія въ четырехклассномъ женскомъ училищѣ благотворительнаго общества св. Нины; учитель В. Сиземскій прочелъ рѣчь на актѣ: „Древніе языки въ среднемъ образованіи“; учителя А. Л. Хуціевъ и Г. Ф. Самойленко руководили наблюденіями на метеорологической станціи при гимназій; Эриванской—учитель В. Е. Романовскій произнесъ рѣчь о значеніи Троицко-Сергѣевской лавры въ исторіи Русскаго государства; учитель Н. С. Со-

зоповъ произнесъ рѣчь о Кольцовѣ, какъ о народномъ поэтѣ, 20-го декабря 1892 года, на годовомъ актѣ; Владикавказской — законоучителемъ К. А. Александровымъ напечатаны были слѣдующія статьи: 1) Вѣра и разумъ по ученію Священнаго Писанія; 2) Слово въ день освященія храма во имя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова при Владикавказской мужской гимназіи; 3) по поводу „Пастырскаго увѣщанія преосвященнаго Петра Владикавказскаго къ своей паствѣ“; 4) Слово въ день рожденія Благовѣрной Государыни Императрицы Маріи Теодоровны (всѣ три статьи въ *Терскихъ Вѣдомостяхъ*) и 5) Бесѣды преосвященнаго Іоанникія съ сектантами (въ *Церковномъ Вѣстникѣ*); Ставропольской—законоучитель Восторговъ составилъ для чтенія въ собраніи учащихся 25-го сентября „Житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго“; учитель Кузнецовъ помѣстилъ въ журналѣ *Гимназія* статью о Сократѣ; преподаватели Дорофеевъ и Воскресенскій приготовили къ чтенію дня 25-го сентября статьи: первый—„О значеніи личности преподобнаго Сергія“ и второй—„Объ участіи церкви и монастырей въ созиданіи Московскаго государства и о дѣятельности на пользу государства преподобнаго Сергія“; исправляющій должность преподавателя Епифановъ сказалъ 17-го октября въ собраніи учащихся и учащихся рѣчь о поэзіи Кольцова; преподаватель Котылевскій на актѣ 18-го октября сказалъ рѣчь о значеніи математики, какъ предмета преподаванія въ курсѣ учебно-воспитательныхъ заведеній; онъ же завѣдывалъ метеорологическою станціей при гимназіи и обучалъ метеорологическимъ наблюденіямъ пансіонеровъ старшихъ классовъ; Пятигорской прогимназіи—учителя И. И. Кларовскій и А. П. Раковъ составили историческую записку о состояніи прогимназіи за 25 лѣтъ ея существованія, вышедшую отдѣльнымъ изданіемъ; законоучитель М. И. Закхеевъ и учитель И. А. Выжниковъ составили двѣ рѣчи ко дню празднованія 500-лѣтія со дня блаженной кончины преподобнаго Сергія съ выясненіемъ значенія св. Сергія и Троицкой лавры въ религіозномъ и вообще историческомъ отношеніяхъ.

Всѣхъ учащихся въ началѣ отчетнаго года состояло по заведеніямъ 3.912, а къ 1-му января 1893 года число ихъ увеличилось до 4.055, то-есть, возросло на 143 ученика; въ отдѣльности по гимназіямъ въ концѣ года находилось 3.718 учениковъ и въ двухъ прогимназіяхъ—337, въ общемъ же числѣ учениковъ приходящихъ къ концу года было 3.533 и пансіонеровъ 522. По числу учащихся изъ всѣхъ 11 заведеній первое мѣсто занимаетъ Тифлисская 1-я гимназія—677; за нею слѣдуютъ: Тифлисская 2-я—578, Кутаисская—

494, Ставропольская—469, Владикавказская—389, Екатеринодарская—347, Тифлисская 3-я—343, Эриванская—238, Кутаисская прогимназія—213, Елисаветпольская гимназія—183 и Пятигорская прогимназія—124. А изъ 4-хъ пансіоновъ самымъ многочисленнымъ остался по прежнему Ставропольскій, въ коемъ находилось воспитанниковъ въ гимназическомъ отдѣленіи 233 и въ реальномъ 76, а всего въ обоихъ отдѣленіяхъ 309, затѣмъ въ Тифлискомъ при Тифлисской 1-й гимназіи—147, въ Кутаисскомъ—117 и въ Эриванскомъ—25.

Въ общемъ числѣ учащихся преобладаютъ: 1) по національностямъ — русскіе — 46,6%, армяне — 23,3% и грузины — 18,2% (а остальные 11,9% составляютъ: горцы — 1,5%, татары — 1,9%, евреи — 2,6% и другія національности — 5,9%); 2) по вѣроисповѣданіямъ — православные — 64,4% и армяно-григоріане — 23,2% (а остальные 12,4% составляютъ: католики—4,5%, мусульмане—2,9%, иудеи—2,5%, протестанты—2,2% и прочія исповѣданія—0,3%); 3) по сословіямъ—дворяне—60,7% и городскія сословія, въ томъ числѣ и дѣти почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—28,9% (а остальные 10,4% составляютъ: духовнаго званія—3,2%, крестьянъ—2,9%, нижнихъ чиновъ и казаковъ—2,8% и иностранцевъ—1,5%). Въ числѣ пансіонеровъ преобладаютъ по національностямъ: русскіе—55,0% и грузины—21,0%, затѣмъ армяне—9,6%, горцы—7,5%; татары—3,8%, иностранцы—3,1%; по сословіямъ—дворяне—81,8%, а по вѣроисповѣданіямъ — православные — 75,7%. По отдѣльнымъ заведеніямъ преобладаніе той или другой національности, вѣроисповѣданія и сословія зависятъ отъ этнографическаго характера известной части края, связаннаго въ большинствѣ случаевъ съ вѣроисповѣданіемъ племенной группы, или отъ нахождения въ губерніи многочисленныхъ представителей какого-нибудь сословія. Такъ, русскіе преобладаютъ въ заведеніяхъ сѣвернаго Кавказа — Ставропольской гимназіи—83,6%, Екатеринодарской—80,1%, Пятигорской прогимназіи—77,4% и Владикавказской гимназіи—74,0%; въ двухъ гимназіяхъ Тифлискихъ 1-й и 2-й, они преобладаютъ по сравненію съ каждой изъ національностей: въ 1-й—41,5% и во 2-й—36,3%; въ гимназіяхъ Кутаисской и Эриванской они составляютъ почти треть учениковъ—30,2% и 29,0%, въ Елисаветпольской и Тифлисской 3-ей одну пятую часть—20,2% и 19,8%, а въ Кутаисской прогимназіи одну десятую—13,3%. Представители картвельскаго племени, то-есть, грузины, мингрельцы, сванеты, имѣютъ перевѣсъ въ Кутаисскихъ гимназіи и прогимназіи—58,5% и 77,4%, между тѣмъ какъ

въ трехъ Тифлискихъ гимназіяхъ они уступаютъ другимъ національностямъ—отъ 10,2 до 18,7%. Армяне составляютъ болѣе половины въ гимназіяхъ Эриванской и Тифлиской 3-ей—60,5% и 60,4%. почти достигаютъ половины въ Елисаветпольской—47,5%, а въ Тифлискихъ 1-й и 2-й они составляютъ болѣе четвертой части—25,9 и 30,8%. Представителей тюркскаго племени татаръ—которые, какъ извѣстно, составляютъ четвертую болѣе значительную національность на Кавказѣ. находится въ учебныхъ заведеніяхъ весьма немного: болѣе всего ихъ въ Елисаветпольской и Эриванской гимназіяхъ—18,6 и 6,6. Такъ-называемые горцы, принадлежащіе къ весьма различнымъ національностямъ. обучаются въ незначительномъ числѣ въ Ставропольской гимназіи, куда ихъ привлекаютъ существующія при ней горскія стипендіи—8,3%; еще менѣе ихъ во Владикавказской гимназіи—4,4% и Пятигорской прогимназіи—2,4%. Что касается распредѣленія по сословіямъ, то дворяне въ Тифлиской 1-й и Кутаисской гимназіяхъ составляютъ болѣе двухъ третей—75,0 и 70,9%, между тѣмъ какъ въ остальныхъ заведеніяхъ, Тифлиской 3-ей и Пятигорской прогимназіи, они составляютъ около половины—отъ 42,3 до 67,2%; въ двухъ же названныхъ заведеніяхъ имѣютъ надъ ними перевѣсъ городскія сословія—62,7 и 57,2%.

Прошлой о приемъ въ отчетномъ году было подано 1.433; изъ нихъ принято было 835 и отказано 598, въ томъ числѣ по неявкѣ или добровольному отказу—136, по недостатку мѣста—90, по невыдержанію экзамена—351 и по другимъ причинамъ—21. По недостатку мѣста отказано болѣе всего въ Тифлиской 1-й и 3-й, именно 62, поровну почти въ обѣихъ, а такъ какъ и въ Тифлиской 2-й по той же причинѣ отказано 11, то изъ этого можно вывести заключеніе, что существующихъ въ Тифлиси учебныхъ заведеній далеко не достаточно для удовлетворенія потребности въ образованіи мѣстнаго населенія. Изъ 835 вновь принятыхъ больше $\frac{3}{4}$ —78,9%, получило подготовку домашнюю или въ частныхъ и общественныхъ училищахъ и только ничтожный процентъ — 1,7, въ казенныхъ училищахъ; остальные 19,4% приняты по свидѣтельствамъ. Большая часть изъ принятыхъ опредѣлена въ приготовительный — 56,6% и I классы—23,1%. Выбыло въ теченіе года 692 учащихся, изъ коихъ 152 получившихъ аттестаты зрѣлости и 14 окончившихъ Кутаисскую прогимназію; изъ остальныхъ 526 выбыло: по прошенію 391 и изъ нихъ болѣе половины (244 или 62,4%) заявило о своемъ желаніи поступить въ другія учебныя заведенія; затѣмъ 42 въ военную

службу, 10 въ гражданскую, 15 на частную дѣятельность, а прочіе 80 на этотъ счетъ не сдѣлали никакого заявленія; по неуспѣхамъ—60, за поведеніе—2, за невзносъ платы за ученіе—36, ушедшихъ по болѣзни 10 и исключенныхъ изъ списковъ за смертью—27.

Успѣхи учащихся были слѣдующіе: къ концу учебнаго года всѣхъ учениковъ состояло 3.838; изъ этого числа переведено безъ переэкзаменовокъ 2.273, оставлено въ томъ же классѣ на второй годъ—753, и назначены переэкзаменовки 812 ученикамъ, изъ коихъ выдержало таковыя 583; а потому всѣхъ переведенныхъ въ старшіе классы было 2.856 или 74,4%, что нѣсколько больше числа успѣвавшихъ въ 1891 году—73,7% и въ 1890 году—74,1%; успѣхи пансіонеровъ въ отчетномъ году были почти одинаковы съ успѣхами приходящихъ—71,5% и 71,8%, между тѣмъ какъ въ предыдущіе годы успѣхи оказывались на сторонѣ пансіонеровъ. Успѣхи по главнымъ предметамъ были: по математикѣ—84,4%, по русскому языку—83,2%, по латинскому—82,5% и по греческому—81,6%. Изъ числа 60 уволенныхъ за неуспѣшность, главнымъ образомъ не успѣвали по языкамъ русскому—68,3% и латинскому—66,7% и по математикѣ—61,7%.

Къ концу учебнаго года въ VIII-хъ классахъ всѣхъ гимназій (кромя Тифлисской 3-й) было 178 учениковъ; изъ нихъ допущено къ испытанію зрѣлости 158, а прочіе 20 не допущены по неуспѣшности, за исключеніемъ одного, коему отсрочено испытаніе по болѣзни. Изъ числа допущенныхъ не выдержало испытаніе 6 человекъ, и изъ нихъ лишь одинъ выбылъ изъ заведенія, а 5 остались на 2-й годъ; выдержавшіе же 152 гимназиста удостоены аттестата и между ними 16 награждены медалями: золотою—8 и столько же серебряною. Кроме того, подвергались испытанію 6 постороннихъ лицъ, между которыми только 2 ихъ выдержали и получили свидѣтельство. По роду занятій всѣ 154 лица получившіе аттестатъ зрѣлости предназначали себя: поступить на факультеты—филологическій 13, юридическій—34, медицинскій—38, математическій—46 и восточный—1, всего 132; затѣмъ, въ спеціальныя заведенія—строительный—2, путей сообщенія—4, технологическій—3, горный—2 и другія заведенія—5, всего 16 и, наконецъ, въ военную службу—остальные 6.

Необязательнымъ предметамъ обучались: обоимъ новымъ языкамъ—485, одному французскому—1.718, одному нѣмецкому—511; туземнымъ языкамъ обучаются: изъ 428 грузинъ, находящихся въ младшихъ классахъ—401, изъ 533 армянъ—521 и изъ 59 татаръ—57; кроме того, изъ учениковъ другихъ національностей изучаютъ языки гру-

зинскій—24, армянскій—11 и татарскій—19. Затѣмъ гимнастикой занимались, за исключеніемъ освобожденныхъ гимназическимъ врачомъ (5,3%), всѣ ученики гимназій и прогимназій. Пѣніемъ занимались также всѣ учащіеся, но классное пѣніе практикуется лишь въ четырехъ низшихъ классахъ, и ему обучаются 2.205 учениковъ, на что и отводятся особые уроки; кромѣ того, изъ учащихся всѣхъ классовъ составлялись хоры, которые обучались въ послѣобѣденное время духовному и свѣтскому пѣнію; также существуютъ учебныя оркестры по всѣмъ 11 заведеніямъ, и даже въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются по два оркестра—одинъ струнный, другой духовой. Рисованію обучались ученики какъ трехъ младшихъ классовъ, гдѣ оно обязательно, такъ и многіе ученики старшихъ классовъ—всего 2.275 человекъ; вечернія занятія по рисованію въ Тифлисскихъ гимназіяхъ 1-й и 2-й съ лучшими изъ учениковъ шли съ большимъ успѣхомъ: ученики рисовали или съ гипсовъ, или съ натуры, а рисованіе съ такъ-называемыхъ оригиналовъ вовсе не практиковалось, какъ не рекомендуемое Академіей Художествъ. Обѣ гимназіи, одобренныя достигнутыми на конкурсѣ 1890 года результатами, готовились и въ отчетномъ году къ участию въ слѣдующемъ конкурсѣ, назначенномъ на 1894 годъ. Ремесламъ—столярному и переплетному обучаются почти исключительно пансіонеры, которыхъ также обучаютъ танцамъ, а въ нѣкоторыхъ пансіонахъ и фехтованію. Наконецъ, въ трехъ гимназіяхъ—Кутанской, Елисаветпольской и Ставропольской производились учениками, подъ руководствомъ учителей, метеорологическія наблюденія.

За поведеніе учащіеся въ концѣ отчетнаго года имѣли отлѣтку 5 — 83%, общаго числа учащихся, отлѣтку 4 — 14,4%, отлѣтку 3—2,5%, и менѣе того—0,1%. Карательныя же мѣры примѣнялись только въ исключительныхъ случаяхъ и за разныя поступки подвергнуто было въ теченіе года болѣе серьезнымъ взысканіямъ 477 учениковъ или 11,8%, въ томъ числѣ: 422 аресту свыше двухъ часовъ, 53 выговору педагогическаго совѣта и 2 исключенію, съ правомъ поступленія въ другія заведенія. Число пропущенныхъ учениками уроковъ въ отчетномъ году менѣе значительно, чѣмъ въ два предыдущіе года, что можно только объяснить сокращеніемъ на цѣлый мѣсяць учебнаго времени, вслѣдствіе холерной эпидеміи. Среднее число пропущенныхъ уроковъ всѣми учениками было 32,8, пансіонерами—29,6. Заболѣвавшихъ на 100 учениковъ было 310, а у пансіонеровъ на 100 учениковъ — 106; смертныхъ случаевъ по заведе-

ніямъ было въ отчетномъ году 27, въ томъ числѣ 3 между пансіонерами.

Всѣхъ реальныхъ училищъ въ округѣ 8; въ нихъ, считая въ томъ числѣ и реальное отдѣленіе Ставропольской гимназій, къ 1-му января 1893 года было 77 классовъ, а именно: 48 основныхъ, 8 высшихъ дополнительныхъ, 10 приготовительныхъ и 11 параллельныхъ отдѣленій при основныхъ классахъ. Перемены въ классномъ составѣ училищъ въ отчетномъ году произошли слѣдующія: закрыта параллель при III-мъ и открыта таковая же при I-мъ классѣ Владикавказскаго училища; остававшееся еще механико-техническое отдѣленіе дополнительнаго класса въ Темиръ-Ханъ-Шурииское училище закрыто, и вмѣсто него, открытъ положенный по уставу 1888 года высшій дополнительный классъ. Новыя таблицы числа уроковъ и учебныя планы съ начала 1892—1893 учебнаго года введены въ полномъ объемѣ во всѣхъ классахъ реальныхъ училищъ. Ученики дополнительнаго класса Темиръ-Ханъ-Шуриискаго училища, не изучившіе въ предыдущихъ классахъ нѣмецкаго языка, имѣли вмѣсто того 5 уроковъ французскаго языка. Въ виду того, что по случаю холерной эпидеміи учебныя занятія въ 1892—1893 учебномъ году начались нѣсколько позже положеннаго времени, курсы по нѣкоторымъ предметамъ были сокращены безъ ущерба для дѣла, въ несущественныхъ частяхъ. За все время существованія реальныхъ училищъ округа VI-е классы произвели 98 выпусковъ, при чемъ удостоенныхъ аттестата объ окончаніи курса было 1.680, а дополнительные классы имѣли 101 выпускъ, съ 1.278 окончившими курсъ.

Библіотеки реальныхъ училищъ, кромѣ Ставропольскаго, которое не имѣетъ отдѣльной бібліотеки, а пользуется гимназическою, къ 1-му января 1893 года имѣли въ своихъ фундаментальныхъ отдѣлахъ 12.660 названій, въ 29.110 томахъ, стоимостью 58.179 р., въ ученическихъ—5.285 названій, въ 10.035 томахъ, стоимостью 13.224 р. и въ трехъ пансіонскихъ—1.199 названій, въ 2.661 томѣ, стоимостью 3.311 р., а всего состояло въ нихъ—19.144 названія, въ 41.806 томахъ, на сумму 74.714 р. Физическіе кабинеты состояли изъ 3.562 приборовъ, стоимостью въ 60.299 р.; химическія лабораторіи—изъ 6.408 предметовъ, на сумму 18.285 р., и естественно-историческіе кабинеты—изъ 7.184 номеровъ, на сумму 11.036 р.; учебныхъ пособій, не входящихъ въ составъ бібліотекъ и кабинетовъ, было 8.583, на сумму 35.597 р. Новыхъ пріобрѣтеній книжныхъ, приборовъ и учебныхъ пособій за годъ было сдѣлано на 7.876 р., и

общая стоимость всѣхъ библіотекъ, кабинетовъ и пособій нынѣ составляетъ 199.931 руб., сравнительно съ началомъ года на 3,6% больше. Въ отчетномъ году нѣкоторыми реальными училищами допущены, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, перемены въ учебникахъ, что, главнымъ образомъ, было вызвано введеніемъ новыхъ учебныхъ плановъ и устава 1888 года.

На содержаніе 7 реальныхъ училищъ (кроме Ставропольскаго) въ отчетномъ году поступило 380.491 р., а съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ, коихъ было 72.789 р., образовалась сумма въ 453.280 р. Текущая поступленія составились изъ ассигнованій: государственнаго казначейства—на содержаніе училищъ 198.719 р. и на прибавочное жалованье—26.232 р., всего 225.001 р.; казачьихъ войскъ—на содержаніе Кубанскаго училища 48.567 р. и на стипендіатовъ Владикавказскаго училища 12.325 р., всего 60.892 р.; отъ трехъ городскихъ обществъ училища: Ейское—11.130 р., Шуминское—7.500 р. и Бакинское 7.000 р., всего 25.630 р.; изъ земскихъ сборовъ на подготовительный классъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго училища 900 р.; затѣмъ получилось: со сбора за ученіе—42.394 р. и за содержаніе пансіонеровъ—20.781 р., отъ двухъ попечителей—1.520 р., процентовъ съ капиталовъ—1.569 р. и другихъ поступленій—1.854 р. Израсходовано на содержаніе 7 училищъ въ отчетномъ году изъ штатныхъ суммъ 305.900 р. и изъ специальныхъ средствъ 54.950 р., всего 360.850 р., а именно: на содержаніе личнаго состава, со включеніемъ прибавочнаго жалованья и содержанія параллельныхъ отдѣленій—64,2%, на содержаніе воспитанниковъ пансіоновъ—18,4%, на наемъ помѣщеній, ремонтныя и хозяйственные расходы—10,5%, учебныя пособія—2,0% и остальные расходы—4,9%. Средняя стоимость обученія равнялась 116 р., а содержаніе пансіонера—230 р.

Размѣръ платы за право ученія и за содержаніе воспитанниковъ пансіоновъ реальныхъ училищъ оставался прежній, то-есть, за право ученія приходящихъ взималось отъ 10 р. въ Кубанскомъ училищѣ и до 40 въ годъ съ каждаго ученика въ Тифлисскомъ и Ставропольскомъ училищахъ, а за содержанія въ пансіонахъ казеннаго воспитанника—отъ 140 до 200 р. и за частнаго отъ 200 до 250 р. въ годъ. Безплатнымъ обученіемъ пользовались въ первомъ полугодіи 328, а во второмъ—345 приходящихъ учениковъ; освобожденныхъ отъ платы по постановленіямъ педагогическихъ совѣтовъ было въ первомъ полугодіи 185 и во второмъ 191; изъ числа пансіонеровъ не платили за свое содержаніе въ первое полугодіе 384, во второе—389, и боль-

шинство изъ нихъ воспитывалось или на счетъ казны — 229 и 233, или на счетъ казачьихъ войскъ—121 и 120. Такимъ образомъ всѣ бесплатно обучавшіяся дѣти должны были бы внести за годъ 9.581 р., а бесплатно воспитывавшіяся—62.995 р.

Спеціальныхъ средствъ въ училища поступило отъ сбора за учене, платы частныхъ пансіонеровъ, взносовъ попечителей, процентовъ съ капиталовъ и другихъ поступленій 75.118 р., что вмѣстѣ съ остаткомъ въ 68.186 р. отъ прежнихъ лѣтъ составило сумму въ 143.304 р., изъ коей отчислено въ пособіе казнѣ и израсходовано было 62.682 р.; къ концу учебнаго года спеціальныхъ средствъ у училищъ было наличными 34.657 р. и въ процентныхъ бумагахъ—45.965 р., а всего 80.622 р. Въ учрежденія для пособія учащимся. кои имѣются при 6 училищахъ, за отчетный годъ поступленій было отъ членскихъ и единовременныхъ взносовъ и прочихъ сборовъ 8.572 р., а израсходовано было 8.272 р. и къ концу года, вмѣстѣ со сбереженіями отъ прежнихъ лѣтъ, денегъ было наличными 7.456 р. и въ процентныхъ бумагахъ—14.760 р., всего 22.216 р.

Помѣщенія всѣхъ реальныхъ училищъ остались при прежнихъ условіяхъ. За исключеніемъ двухъ училищъ—Бакинскаго и Владикавказскаго, имѣющихъ собственные дома, всѣ прочія помѣщаются въ насимныхъ зданіяхъ, за которыя въ отчетномъ году внесено было платы 12.900 р. и на ремонтъ—4.228 р. Среднее количество воздуха въ классахъ было на 1 ученика 18,3 куб. арш., а средній объемъ воздуха въ спальняхъ былъ равенъ въ отчетномъ году 36,7 куб. арш. на 1 воспитанника. Всѣхъ ученическихъ квартиръ было въ 1892 году 152, на которыхъ проживало 261 ученикъ, плата за свое содержаніе отъ 7 до 50 р. въ мѣсяцъ.

Въ теченіе отчетнаго года всѣ реальныя училища были лично осмотрѣны г. попечителемъ и окружными инспекторами; число навѣдыванія учениковъ на ихъ квартирахъ классными наставниками и другими лицами было въ году 1.063; посетили училища: Кубанское—г. главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ С. А. Шереметевъ, и не разъ—Владикавказское и Кубанское—мѣстные начальники областей. Кромѣ того, въ училищахъ Тифлискомъ и Владикавказскомъ экзамены по закону Божию учениковъ выпускныхъ классовъ происходили въ присутствіи мѣстныхъ архіереевъ.

Личный составъ служащихъ въ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1893 года заключалъ въ себѣ 190 лицъ, а именно: 4 почетныхъ попечителей, 7 директоровъ, 7 инспекторовъ, 7 штатныхъ законоучи-

телей, 49 штатныхъ учителей наукъ и языковъ, 9 учителей рисованія, 10 учителей приготовительныхъ классовъ, 7 сверхштатныхъ преподавателей, 3 преподавателей исправляющихъ должность, 18 приглашенныхъ по найму законоучителей и учителей, 22 преподавателей музыки, пѣнія, гимнастики и ремеслъ, 7 воспитателей пансіоновъ и 4 ихъ помощниковъ, 16 помощниковъ классныхъ наставниковъ, 8 врачей, 6 писмоводителей и 6 состоящихъ на другихъ должностяхъ. Выбыло изъ личнаго состава въ теченіе года 19 и вновь назначено было также 19 лицъ. Вакантныхъ должностей къ концу года оставалось 7, въ томъ числѣ: почетнаго попечителя въ двухъ училищахъ и учителей новыхъ языковъ — 2, математики — 1, другихъ должностей—2.

Директора и инспектора училищъ давали въ концѣ года всего 146 уроковъ; первые преподавали, большею частью, математику, физику и естественную исторію, а вторые—математику 3, остальные—языки русскій, нѣмецкій, исторію и географію. Классные наставники давали въ своихъ классахъ 295 уроковъ, почти половина которыхъ (48,8%) относилась къ математическимъ и естественнымъ наукамъ. Классныхъ испытаній въ 1891—1892 учебномъ году произведено въ училищахъ 1.058 устныхъ и 567 письменныхъ, всего — 1.625, и сравнительно съ оцѣнкою преподавателей получили на испытаніяхъ отбѣтки: одинаковыя—69,2%, высшія—18,1% и низшія—12,7% всѣхъ спрошенныхъ. Постороннихъ лицъ, подвергнутыхъ въ педагогическихъ совѣтахъ разнаго рода испытаніямъ, было 72, и изъ нихъ удостоились искомымъ свидѣтельствъ 47 человекъ, въ томъ числѣ: 25—на льготу по воинской повинности, 10—на право производства въ чинъ и 12—на разныя учительскія званія. Изъ 66.813 уроковъ, которыя слѣдовало дать въ отчетномъ году, преподавателями было пропущено всего 3.232 урока; болѣе всего пропуски были по причинѣ болѣзни—77,7%. Но, не смотря на манкировки учителей, учащіеся на то время были заняты, какъ и въ предыдущіе года, полезными работами другими преподавателями. Педагогическіе совѣты 7 училищъ (кромѣ Ставропольскаго) имѣли въ отчетномъ году засѣданій: общихъ—151, классныхъ комиссій—167, предметныхъ—30, хозяйственныхъ комитетовъ—109, для испытаній постороннихъ лицъ 39; а всего 496 засѣданій. Педагогическіе совѣты реальныхъ училищъ и ихъ отдѣленія, занимаясь обсужденіемъ всѣхъ относящихся къ ихъ вѣдѣнію текущихъ дѣлъ, по прежнему придавали первенствующее значеніе работамъ объ улучшеніи успѣховъ и поведенія уча-

щихся и вообще о мѣрахъ къ правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ училищахъ. Между прочимъ, обсужденію совѣтовъ подлежалъ вопросъ о сокращеніи программъ, въ виду поздняго начала учебныхъ занятій въ 1892—1893 учебномъ году, по случаю бывшей холерной эпидеміи.

При всѣхъ реальныхъ училищахъ, кромѣ Кубанскаго и Ставропольскаго, существуютъ ссудо-сберегательныя кассы, въ которыхъ къ концу отчетнаго года числилось 224 члена, а сбереженій имѣлось 68.727 р.

Особые труды, коими заявили себя въ теченіе отчетнаго года служащіе въ реальныхъ училищахъ суть слѣдующіе: Тифлискаго училища законоучитель священникъ Четыркинъ прочелъ 25-го сентября поученіе о жизни и трудахъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго и разъяснилъ значеніе Троицко-Сергіевской лавры, а учитель князь Микеладзе составилъ и прочелъ на годичномъ актѣ рѣчь: „Значеніе открытія Америки; Христофоръ Колумбъ“; Бакинскаго училища—директоръ Е. С. Каменскій прочелъ на годичномъ актѣ отчетъ и рѣчь и руководилъ учениками въ занятіяхъ по географіи; кромѣ того, г. директоромъ и преподавателями: Успенскимъ, Побѣдоносцевымъ, Шрамченкомъ и Лавровымъ прочтены публичныя лекціи въ пользу школьныхъ столовыхъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая; инспекторъ П. И. Твердый составилъ и напечаталъ каталогъ пансіонской бібліотеки; учитель Альбановъ руководилъ изученіемъ учащимися приготовленія чучель; учитель Падаринъ — прочелъ на годичномъ актѣ рѣчь: „О литературной дѣятельности Гончарова“ и при чествованіи памяти Фонвизина—біографическій очеркъ; Владикавказскаго училища—учитель Долбежевъ производилъ археологическія розысканія въ Терской области; учитель Мельниковъ-Разведенковъ произнесъ 25-го сентября, въ торжественномъ собраніи училища, рѣчь о Преподобномъ Сергіѣ Радонежскомъ и о значеніи Троицко-Сергіевской лавры и прочелъ публичную лекцію въ пользу голодающихъ; учитель Баланчивадзе прочелъ, въ пользу голодающихъ, три публичныя лекціи на тему: „Планетныя и звѣздныя міры“; учительница французскаго языка Глѣбова прочла, въ пользу голодающихъ, публичную лекцію: „О преимуществахъ старости“, и учитель Барсеговъ руководилъ занятіями пансіонеромъ въ садоводствѣ и цвѣтоводствѣ; Темиръ-Ханъ-Шуринскаго училища—учитель Козубскій составилъ рѣчь ко дню чествованія 500-лѣтія кончины Преподобнаго Сергія Радонежскаго: „Очеркъ жизни Св.

Сергія и значеніе его въ исторіи Россіи“, напечатавъ въ газетѣ *Кавказъ* корреспонденцію о дарѣ г. главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ реальному училищу и критическую статью: „*Русскій Вѣстникъ* о Кавказѣ“ и собиравъ матеріалы для исторіи Дагестана; учитель Яновскій составилъ рѣчь ко дню празднованія 300-лѣтней годовщины дня рожденія педагога Коменскаго; учитель Франтовъ завѣдывалъ метеорологическою станціею училища, руководилъ учениковъ въ производствѣ метеорологическихъ наблюдений и составилъ для города Темиръ-Ханъ-Шуры метеорологическія таблицы за 1892 и за періодъ 1881—1892 годовъ; Ейскаго училища—законоучитель священникъ Стефановъ велъ внѣ богослужебныя религиозно-нравственныя бесѣды съ прихожанами домової церкви училища и произнесъ, по разнымъ случаямъ, нѣсколько поученій; учитель Болотовъ — прочелъ 25-го сентября, въ день чествованія 500-лѣтія со дня кончины Преподобнаго Сергія Радонежскаго, рѣчь: „О значеніи единоподержавія и православія въ исторіи Руси“ и учитель Лацинскій, завѣдывавъ метеорологическою станціею училища, руководилъ учениковъ въ производствѣ метеорологическихъ наблюдений; Кубанскаго училища—учитель Калашиковъ руководилъ учениковъ въ составленіи коллекцій по всѣмъ отдѣламъ естествознанія и учитель Олимпиади завѣдывавъ училищною метеорологическою станціею и руководилъ учениковъ въ производствѣ метеорологическихъ наблюдений. Шушинскаго училища—учитель Воеводскій завѣдывавъ также метеорологическою станціею своего училища.

Всѣхъ учащихся въ 8 реальныхъ училищахъ въ началѣ отчетнаго года было 2.319, въ теченіе года число это возросло на 98 и къ 1-му января 1893 года всѣхъ учениковъ было 2.417, въ томъ числѣ приходящихъ 1.926 и пансіонеровъ 5 пансіоновъ, считая и Ставропольскій,—491. По числу учащихся училища слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Бакинское—535, Тифлисское—406, Владикавказское—348, Шушинское—292, Темиръ-Ханъ-Шуринское—276, Кубанское—240, Ейское—185 и Ставропольское—135. Изъ пансіоновъ самый многочисленный Владикавказскій, въ кося—160 воспитанниковъ, затѣмъ Темиръ-Ханъ-Шуринскій—91, Бакинскій—90, Ставропольскій—76 и Кубанскій—74.

Учащіеся распредѣляются: 1) по національностямъ: русскихъ—1.278, грузинъ—63, армянъ—590, татаръ—112, горцевъ—189, евреевъ—49 и иностранцевъ—136; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—1.387, армяно-григоріанъ—570, католиковъ—64, протестантовъ—1.

стантовъ—79, евреевъ—48, мусульманъ—255, прочихъ исповѣданій—14; 3) по сословіямъ: дѣтей дворянъ—1.163, духовнаго званія—33, городскихъ сословій—843, крестьянъ—152, нижнихъ чиновъ и казакъ—175 и иностранцевъ—51. Изъ этого распредѣленія видно, что по первой категоріи преобладающую группу составляютъ русскіе, то-есть, 53,0%; по училищамъ они составляютъ: больше трехъ четвертей—въ Ейскомъ и Кубанскомъ; больше половины—въ Ставропольскомъ, Владикавказскомъ и Темиръ-Ханъ-Шуриномъ, немного менѣе половины—въ Бакинскомъ и Тифлискомъ и лишь въ одномъ Шушинскомъ они представляютъ случайный элементъ (4,8%), въ которомъ преобладающею группой являются армяне (80,5%) и ихъ же значительныя группы въ училищахъ Бакинскомъ и Тифлискомъ; затѣмъ, изъ прочихъ національностей—грузинъ больше всего въ Тифлискомъ (11,1%), горцевъ—въ Ставропольскомъ, Владикавказскомъ и Темиръ-Ханъ-Шуриномъ, евреевъ—въ Бакинскомъ и Кубанскомъ, а учениковъ-иностранцевъ болѣе всего въ Тифлискомъ училищѣ (12,3%); по второй категоріи—православные составляютъ во всѣхъ училищахъ 57,4%, и вездѣ больше половины учащихся, кромѣ училищъ Бакинскаго и Шушинскаго; по третьей категоріи—преобладающую группу составляютъ дѣти дворянъ и чиновниковъ—48,1%, коихъ въ училищахъ Ставропольскомъ около двухъ-третей, въ Бакинскомъ и Владикавказскомъ болѣе половины и въ остальныхъ, кромѣ Ейскаго, немного менѣе половины; въ послѣднемъ же, какъ и въ Шушинскомъ и Бакинскомъ, перевѣсъ дѣлаютъ дѣти различныхъ городскихъ сословій,—34,8%, кои, вообще, и въ прочихъ заведеніяхъ составляютъ значительныя группы.

Всѣхъ прошеній о приѣмѣ въ отчетномъ году было подано 923; по нимъ принято 556, и изъ нихъ 81 по свидѣтельствамъ, а прочіе 475 по испытанію; большинство вновь принятыхъ поступило въ przygotowательные и I классы. Изъ 367 не принятыхъ 224 не выдержали экзамена, 34 не пошали по недостатку мѣста и 109 по неявкѣ и другимъ причинамъ. Въ теченіе года вышло изъ училищъ 458 учениковъ, въ томъ числѣ: за окончаніемъ курса VI класса—11, VII—130 и до окончанія курса—317, въ томъ числѣ: по увольненію за неусидчивость—46, по поведенію—6, за невзносъ платы—15, по прошеніямъ—226, по болѣзни—8 и за смертью—16. Изъ выбывшихъ по прошенію большинство имѣли цѣлью поступить въ другія учебныя заведенія—120, затѣмъ въ службу гражданскую—7 и военную—10, на частную дѣятельность—39.

Успѣхи учащихся выразились тѣмъ, что изъ числа 2.245 учениковъ, бывшихъ въ реальныхъ училищахъ въ концѣ 1891—1892 учебнаго года, оставлено въ тѣхъ же классахъ было 402 ученика, а переведено въ слѣдующіе классы и окончило удовлетворительно выпускные экзамены 1.380 человекъ; изъ числа же 513 учениковъ, которымъ назначена была перэкзаменовка послѣ каникулъ, выдержало ее 324; такимъ образомъ, всѣхъ успѣвавшихъ было 1.654 или 73.7% (болѣе, чѣмъ за послѣдніе три года: въ 1889 году—64,9%, въ 1890—69,4%, и въ 1891—72%). Успѣшность пансіонеровъ въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, была во всѣхъ безъ исключенія реальныхъ училищахъ выше, чѣмъ успѣшность приходящихъ учениковъ; въ особенности значительно различіе въ успѣхахъ приходящихъ учениковъ и пансіонеровъ въ Ставропольскомъ училищѣ. Общій для всѣхъ училищъ процентъ успѣшности: пансіонеровъ—80,7%, приходящихъ—72,4%. Успѣхи по главнымъ предметамъ выражаются слѣдующими цифрами: русскій языкъ—успѣвшихъ 80,3%, нѣмецкій—82,0%, математика—80,8%, рисованіе—94,9%. Изъ числа 46 уволенныхъ за неуспѣшность оказали неудовлетворительные успѣхи по одному предмету—1, по двумъ—9, по тремъ предметамъ и болѣе—36 и большинство изъ уволенныхъ не успѣвало по математикѣ—85%. Постороннихъ лицъ, допущенныхъ къ испытанію при VII классѣ, было 9, изъ нихъ выдержали испытанія успѣшно изъ курса дополнительнаго класса 7 человекъ. Какъ эти лица, такъ и всѣ 180 учениковъ VII классовъ реальныхъ училищъ, допущенные къ окончательнымъ экзаменамъ и безусловно хорошо ихъ выдержавшіе, по полученію свидѣтельствъ, изъявили желаніе поступить: въ училища строительное—8 и военныя—41, въ институты технологическій—27 и горный—16, въ академія земледѣльческую—1 и лѣсную—13, въ другія учебныя заведенія—26, въ военную службу—4 и на частную дѣятельность—1. Постороннихъ лицъ, экзаменовавшихся съ учениками VI классовъ, было 19, и изъ нихъ выдержало испытанія 6 человекъ; учениковъ училищъ въ VI классахъ въ концѣ учебнаго года было 191, и изъ нихъ допущенныхъ къ окончательнымъ испытаніямъ было 168 и выдержало ихъ—140. Изъ всѣхъ 146 лицъ, удостоенныхъ аттестата, заявили желаніе продолжать образованіе въ дополнительномъ классѣ 184.

Изъ необязательныхъ занятій нѣмецкій языкъ оставался таковымъ только со второй половины отчетнаго года для учениковъ VII класса 6 училищъ, въ училищахъ же Тифлискомъ и Шушинскомъ онъ сдѣ-

ланъ обязательнымъ и въ дополнительномъ классѣ, а исключеніе было сдѣлано только для тѣхъ учениковъ VI и VII классовъ, которые, оставшись на второй годъ въ одномъ изъ этихъ классовъ, раньше не изучали этого языка. Изъ мѣстныхъ языковъ обучались грузинскому: въ Тифлисскомъ училищѣ всѣ ученики-грузины въ 4-хъ низшихъ классахъ; татарскому—всѣ 52 ученика Бакинскаго и 22 изъ 38 учениковъ Шушинскаго и армянскому — въ училищахъ Тифлисскомъ, Шушинскомъ и Бакинскомъ изъ 403 учениковъ — 314; кромѣ того, въ послѣднемъ татарскій языкъ изучаютъ два пансіонера изъ русскихъ дѣтей. Во всѣхъ реальныхъ училищахъ обучаются: гимнастикѣ, отъ коей освобождено было въ отчетномъ году 2,7% всего числа учащихся, затѣмъ пѣнію—59% и музыкѣ—15,3% общаго числа учащихся. Ремеслами занимаются 156 воспитанниковъ пансіоновъ Бакинскаго, Кубанскаго, Владикавказскаго, а также приходящіе ученики Ейскаго училища. Садоводствомъ — ученики Владикавказскаго училища. Метеорологическія наблюденія производились учениками Темиръ-Ханъ-Шуруинскаго, Шушинскаго, Кубанскаго и Ейскаго училищъ. Ученики Бакинскаго училища, кромѣ обязательныхъ для нихъ работъ, занимались, подъ руководствомъ преподавателей, изготовленіемъ чучель, фотографіей и совершили прогулку для осмотра нефтяныхъ промысловъ, а ученики Бакинскаго училища совершили естественно-историческую экскурсію и собирали коллекціи животныхъ и растений.

За поведеніе ученики реальныхъ училищъ имѣли въ концѣ года отмѣтки: 5—81,7%, 4—16,1%, 3—2,1% и 2—всего 2 ученика, а изъ пансіонеровъ получили отмѣтки: 5—86,8%, 4—11,4%, и 3—1,8%. Взысканіямъ подвергались изъ 2.417 учениковъ—136, въ томъ числѣ выговору совѣта 2 и исключенію изъ училищъ, съ правомъ перехода въ другія заведенія—2 приходящихся и 4 пансіонера. Учениками пропущено въ теченіе года уроковъ по причинѣ болѣзни—70.181, а всего—79.715, что составляетъ по 33 урока на ученика. Отдѣльныхъ случаевъ заболѣваній учащихся разными болѣзнями было въ отчетномъ году во всѣхъ училищахъ 3.049, то-есть, 126 случаевъ на 100, а число случаевъ заболѣванія у пансіонеровъ—по 80 на 100 воспитанниковъ. Случаевъ заразныхъ болѣзней было 72, а смертныхъ случаевъ—16, въ томъ числѣ два между пансіонерами.

Женскихъ гимназій въ округѣ существуетъ 10, женскихъ прогимназій 6; въ началѣ отчетнаго года въ нихъ было 152 класса, а въ концѣ года 158, въ томъ числѣ 127 нормальныхъ и 31 параллель-

ный; послѣдніе—всѣ 31 существуютъ при гимназіяхъ, въ которыхъ нормальныхъ классовъ 92, а въ прогимназіяхъ ихъ — 35. Въ числѣ нормальныхъ классовъ 28 приготовительныхъ, которые въ трехъ прогимназіяхъ и двухъ гимназіяхъ состоятъ изъ 1-го отдѣленія, въ одной гимназіи, именно въ Тифлисской 1-й, изъ 3-хъ отдѣленій, и въ остальныхъ 10 заведенійхъ—изъ двухъ отдѣленій. Составъ всѣхъ гимназій семиклассный, и при 5 слѣдующихъ изъ нихъ — Тифлисской 1-й, Ставропольской Ольгинской, Владикавказской, Бакинской и Екатеринодарской—въ настоящее время имѣются дополнительные VIII классы, коихъ стало на 2 меньше, такъ какъ два учрежденія—Кутаисское заведеніе св. Нины и гимназія г-жи Серпинѣ въ отчетномъ году закрыли у себя таковыя. Въ названныхъ же гимназіяхъ, съ VIII дополнительными классами, введены двѣ спеціальности: русскій языкъ и математика, и сверхъ того, въ Тифлисской 1-й и Бакинской имѣется отдѣленіе исторіи и географіи. Изъ прогимназій классовъ имѣютъ: Ейская—6, Темиръ-Ханъ-Шуриискія—5, Александропольская и Горійская—по 4, Сухумская и Эриванская—по 3 класса. За все время своего существованія гимназіи произвели 113 выпусковъ изъ VII класса и 79 изъ VIII класса. Курсы VII класса окончили съ аттестатомъ 2.458 дѣвицъ, въ числѣ которыхъ было награжденныхъ золотою медалью 276 и серебряною—240. Изъ VIII-го класса выпущено было 1.651 дѣвица, изъ которыхъ получили званіе домашней наставницы 432 и домашней учительницы—1.219, и приобрѣли изъ нихъ право на преподаваніе русскаго языка—746, математики—706, исторіи и географіи—187 и новыхъ языковъ—12. Многія изъ окончившихъ свое образованіе въ Кавказскихъ гимназіяхъ находятся на службѣ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ округа.

Отступленія отъ учебныхъ плановъ 1874 года, сдѣланныя въ отчетномъ году, были незначительны и заключались, по большей части, въ увеличеніи уроковъ по русскому языку, математикѣ, въ перенесеніи уроковъ изъ класса въ классъ, въ замѣнѣ одного языка другимъ и т. п.

Всѣ заведенія имѣютъ бібліотеки, но въ трехъ изъ нихъ — въ Кутаисскомъ заведеніи св. Нины, въ гимназіи г-жи Серпинѣ и въ прогимназіи Эриванской, существуютъ только ученическіе и пансіонскіе отдѣлы, безъ фундаментальныхъ, въ Ставропольской же св. Александры, при фундаментальномъ и пансіонскомъ, отсутствуетъ учебническій. Къ концу отчетнаго года во всѣхъ бібліотекахъ 16 заведеній состояло 14.627 названій, въ 35.844 томахъ, на суммѣ 46.857 р.,

въ томъ числѣ новыхъ пріобрѣтеній было сдѣлано на 4.487 р.; въ физическихъ кабинетахъ (конхъ не имѣютъ гимназіи Тифлисская 2-я и г-жи Сернишэ) находятся 1.364 прибора, стоимостью въ 14.529 р., при чемъ вновь заведено 110 приборовъ на 1.279 руб.; прочихъ учебныхъ пособій по всѣмъ заведеніямъ находилось 8.543 предмета, на сумму 34.629 р., и въ томъ числѣ за годъ было пріобрѣтено 432 предмета, цѣною въ 1.853 р. Общая стоимость всѣхъ библиотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій составляетъ 95.783 р., на 8,6% болѣе, чѣмъ въ началѣ года.

На содержаніе всѣхъ женскихъ гимназій и прогимназій округа въ отчетномъ году поступило 433.128 р., а именно: изъ государственнаго казначейства—27.280 р., сбора за ученіе—178.665 р., платы за частныхъ пансіонерокъ—128.516 р., отъ 11-ти городскихъ обществъ—57.873 р. и отъ казачьихъ войскъ, взносов почетныхъ попечителей, разныхъ пожертвованій, процентовъ съ капиталовъ и другихъ поступлений—40.793 р. Расходъ по всѣмъ 16 заведеніямъ вмѣстѣ составилъ въ отчетномъ году 435.932 р., изъ которыхъ употреблено на содержаніе личнаго состава съ добавочнымъ жалованьемъ—260.581 р., на содержаніе пансіонерокъ—55.926 р., на наемъ помѣщеній, ихъ ремонтъ и хозяйственные расходы—74.294 р. и на канцелярію, пособия учебныя, пособія служащимъ и учащимся, на награды учащимся и прочіе расходы—95.131 р. Къ 1-му января 1898 году у заведеній, съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ, имѣлась сумма въ 278.308 руб., изъ нихъ 54.227 руб. составляютъ наличный капиталъ заведеній, а 224.081 р. обращены въ процентныя бумаги, изъ которыхъ бѣольшая часть составляютъ неприкосновенный фондъ, образовавшійся изъ пожертвованныхъ разновременно суммъ на учрежденія стипендій; такихъ неприкосновенныхъ капиталовъ имѣютъ больше всего Ставропольская гимназія св. Александры—111.446 р., заведенія св. Нины Кутаисское—33.200 р. и Тифлиское—32.086 р., а также Тифлисская 1-я гимназія—14.150 р. Средняя стоимость обученія 1-й ученицы составляетъ 70 р., а содержанія 1-й воспитанницы пансіона—173 р. Плата за обученія обязательнымъ предметамъ взимается по заведеніямъ въ различномъ размѣрѣ, и въ нѣкоторыхъ она установлена одинаковою для всѣхъ классовъ, какъ въ Бакинской гимназіи—по 45 р., въ Тифлискомъ заведеніи св. Нины—по 75 р., въ прогимназіяхъ Александропольской—по 20 р. и въ Эриванской—по 40 р.; въ остальныхъ плата возрастаетъ отъ приготовительныхъ къ старшимъ, включая и дополнительные классы, и существуетъ весьма разнообраз-

ная—отъ 6—9 р., какъ въ Ейской прогимназіи, до 60—100 р. въ гимназіи г-жи Серпинз. Кромѣ того, взимается особая плата за обученіе необязательнымъ предметамъ, а именно: за каждый изъ новыхъ языковъ отъ 6 до 15 р. въ годъ, за туземные языки — по 3 р., за танцы—отъ 5 до 10 р. Плата за содержаніе пансіонерокъ измѣняется отъ 120 до 300 р. въ годъ. Безплатнымъ обученіемъ пользовались въ 1-е полугодіе 1892 года 696 входящихъ ученицъ, во 2-е полугодіе—746, а пансіонерокъ, не вносившихъ платы за свое содержаніе, было въ 1-е полугодіе 202 и во 2-е—199, иначе—обучавшіяся и воспитывавшіяся бесплатно въ отчетномъ году должны были бы внести за свое обученіе и воспитаніе 81.075 р. Обществъ для пособія учащимся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ было два: одно въ Тифлисѣ, основанное въ 1876 году и служитъ общимъ для 1-й и 2-й гимназій, другое въ Ставрополѣ, учрежденное въ 1880 году, также принадлежащее обѣимъ гимназіямъ. Въ эти общества въ отчетномъ году поступило членскихъ взносовъ, сборовъ съ концертовъ и прочихъ поступленій 2.279 р., израсходовано 2.489 р., и оставалось съ прежними сбереженіями къ концу года 3.146 р. Остальныя заведенія, гдѣ нѣтъ такого рода учрежденій, пользовались пособиями или отъ обществъ, основанныхъ при мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ женскія гимназіи Владикавказская и Бакинская, или же отъ обществъ, основанныхъ для оказанія пособія вообще всѣмъ учащимся города.

Собственныя помѣщенія имѣютъ 8 женскихъ гимназій и три прогимназій, и нѣкоторыя изъ нихъ, по своему простору и приспособленности къ потребностямъ учебнаго заведенія, могутъ быть отнесены къ лучшимъ школьнымъ помѣщеніямъ округа, какъ напримѣръ, зданіе Тифлисской великой княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи, построенное на суммы, собранныя при содѣйствіи покойной Августѣйшей основательницы и покровительницы этого заведенія; зданіе Тифлискаго учебнаго заведенія св. Нины, благодаря заботамъ о немъ покойной княгини Дундуковой-Корсаковой, и зданія гимназій Бакинской Маринской и Екатеринодарской городской, отстроенныя на средства городскихъ обществъ. Собственныя помѣщенія и остальныхъ заведеній могутъ быть также признаны удовлетворительными. Изъ пяти заведеній, не имѣющихъ своихъ зданій: Ейская прогимназія помѣщается въ домѣ, принадлежащемъ городу, а гимназіи Тифлисская 2-я и г-жи Серпинз, равно и прогимназіи Александропольская и Темиръ-Ханъ-Шурисская, пользуются наемными помѣщеніями. По простору

классовъ почти всѣ помѣщенія женскихъ гимназій можно считать удовлетворительными: въ нихъ въ среднемъ имѣется 19 куб. арш. воздуха на 1 ученицу; исключеніе представляютъ по тѣснотѣ классовъ Кутаисское заведеніе св. Нины, гдѣ приходится 14,1 куб. арш. на ученицу, и прогимназіи — Александропольская, имѣющая 14,3 куб. арш., и Ейская — 12,2 куб. арш. на 1 ученицу. Въ пансіонскихъ дортуарахъ воспитанницы пользуются вполне достаточнымъ количествомъ воздуха: въ среднемъ 43,1 куб. арш. на 1 воспитанницу. Число ученическихъ квартиръ въ отчетномъ году было 124, и на нихъ проживало 175 ученицъ, платя за свое содержаніе отъ 6 до 40 р. въ мѣсяцъ.

Изъ женскихъ гимназій въ отчетномъ году Ставропольскую св. Александры посѣтилъ г. главноначальствующій гражданскою частью С. А. Шереметевъ; гг. начальники губерній и областей, равно и епархіальныя начальства также не оставляли безъ посѣщеній своихъ гимназій и прогимназій, а лично г. попечителемъ и окружными инспекторами были осматриваемы неоднократно всѣ Тифлисскія гимназій, и сверхъ того, осмотрѣна Бакинская гимназія. Всѣхъ посѣщеній ученическихъ квартиръ было сдѣлано классными наставницами 560.

Въ личномъ составѣ женскихъ гимназій и прогимназій къ 1-му января 1892 года имѣлось: почетныхъ попечителей, попечительницъ и членовъ попечительныхъ совѣтовъ 134, директоровъ, инспекторовъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ—16, начальницъ—16, помощницъ начальницъ—1, законоучителей—39, преподавателей—128, учительницъ и надзирательницъ—228, врачей—12 и остальныхъ должностныхъ лицъ—29, всего—603 должностныхъ лица, въ томъ числѣ въ гимназіяхъ 467 и въ прогимназіяхъ—136. Учебно-воспитательный персоналъ состоялъ изъ 145 лицъ мужскаго пола и 245 лицъ женскаго пола. Выбыло изъ личнаго состава 80 лицъ и вновь поступило 103 лица.

Директора гимназій, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, даютъ слѣдующіе уроки: Тифлисской 1-й—8 уроковъ русскаго языка и педагогики, 2-й Тифлисской—14 уроковъ физики и математики, обѣихъ Ставропольскихъ—3 урока математики и Бакинской—8 уроковъ нѣмецкаго языка. Изъ 9 предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ принимаютъ участіе въ преподаваніи только 2, изъ коихъ одинъ имѣетъ 3 урока латинскаго языка въ гимназіи г-жи Серпинз, а другой—2 урока исторіи въ Горійской прогимназіи. Изъ 16 начальницъ 5 вовсе не даютъ уроковъ, а остальные 11 даютъ 128 уроковъ, боль-

шею частью, по иностраннымъ языкамъ. Классныхъ испытаній, которыя дѣлаются въ продолженіе года, обыкновенно, при участіи директоровъ, инспекторовъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ, въ отчетномъ 1891—1892 учебномъ году произведено было устныхъ—1.149 и письменныхъ—593, всего 1.742, и достоинство отвѣтовъ, въ большинствѣ случаевъ, оцѣнено тѣми же отиѣтками, какія ученицы получили въ предшествующую четверть—67,9%, рѣдко высшими—21,2% и еще рѣже низшими—10,9%. Дѣвицъ, прикомандированныхъ къ приготовительнымъ классамъ въ теченіе года для приготовленія къ званію начальной учительницы, было 12 изъ числа бывшихъ ученицъ, прошедшихъ прогимназическій курсъ, и изъ нихъ 6 получили удостовѣреніе въ успѣшномъ исполненіи, въ теченіе полугода, обязанностей помощницы учительницы приготовительнаго класса и затѣмъ получили званіе начальныхъ учительницъ.

Преподавателями пропущено было въ отчетномъ году 4.516 уроковъ изъ общаго числа 102.913 уроковъ, которые слѣдовало преподавать, но при томъ большее число манкировокъ произошло по причинѣ болѣзни, именно 3.635. Тѣмъ не менѣе, дѣти были заняты производительнымъ образомъ, такъ какъ значительную часть пробѣговъ директора, инспектора, начальницы и другіе учителя восполнили своими уроками; въ нѣкоторыхъ же гимназіяхъ къ возмѣщенію свободныхъ уроковъ привлекаются ученицы VIII класса, которыя въ отчетномъ году и дали въ младшихъ классахъ вмѣсто отсутствовавшихъ учительницъ 166 уроковъ.

Попечительные совѣты женскихъ гимназій и прогимназій имѣли въ отчетномъ году 103 засѣданія, а педагогическіе—236. Дѣятельность первыхъ состояла въ улучшеніи матеріальнаго положенія заведеній, особенно ихъ санитарнаго состоянія въ виду появившейся на Кавказѣ холерной эпидеміи, а дѣятельность вторыхъ проявлялась, помимо текущихъ дѣлъ, въ изысканіи мѣръ къ правильной постановкѣ учебновоспитательнаго дѣла какъ въ самихъ заведеніяхъ, такъ и внѣ стѣнъ ихъ и въ примѣненіи различныхъ мѣръ по детальной разработкѣ общихъ указаній, данныхъ г. попечителемъ въ циркулярѣ отъ 10-го сентября 1886 года о необходимости связи между воспитаніемъ нравственнымъ, умственнымъ и физическимъ.

Нѣкоторые изъ служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и заведеніяхъ въ отчетномъ году заявили себя слѣдующими самостоятельными трудами: Тифлисскихъ 1-й и 2-й гимназій законоучитель протоіерей І. Стась произнесъ рѣчь на панихидѣ, отслуженной 31-го

марта, въ здаіи Тифлисской 1-й гимназіи, по въ Бозѣ почившей великой княгинѣ Ольгѣ Оеодоровнѣ, и затѣмъ эту рѣчь напечаталъ въ „Приложеніи къ циркуляру № 2“; Тифлисской 1-й гимназіи учительница гигиены М. А. Исакова напечатала Отчетъ объ осмотрѣ женскихъ гимназій въ г. Тифлисѣ (съ гигиенической стороны); Тифлискаго заведенія св. Нины: законоучитель священникъ М. Адашкевичъ велъ собесѣдованія и религіозно-нравственныя чтенія въ Тифлисской Александро-Невской церкви и произнесъ въ Сіонскомъ соборѣ слово о значеніи св. вѣры въ историческихъ судьбахъ Россіи, которое и напечаталъ въ *Духовномъ Вѣстникѣ*; преподаватель П. Оеодоровскій произнесъ рѣчь 25-го сентября „о заслугахъ св. Сергія Радонежскаго и Троицко-Сергіевской лавры въ исторіи государства Россійскаго“ и напечаталъ въ газетѣ *Кавказъ* статью: „Къ характеристикѣ личности Д. И. Фонвизина“; преподаватель А. Бороздинъ читалъ въ Географическомъ обществѣ и напечаталъ въ газетѣ *Кавказъ* рефератъ объ амкарахъ въ Закавказьи, напечаталъ въ той же газетѣ два фельетона подъ заглавіемъ: „Журнальное обозрѣніе“ и помѣстилъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* нѣсколько библиографическихъ замѣтокъ; Кутаисскаго заведенія св. Нины учитель Юрковскій приготовилъ рѣчь: „О значеніи Лермонтова въ русской литературѣ“ и произнесъ ее на актѣ заведенія 14-го января; учительница Языкова составила рефератъ о преподаваніи иностранныхъ языковъ по методу Берлица и прочла этотъ рефератъ въ засѣданіи педагогическаго совѣта; учитель Колянковскій приготовилъ рѣчь „О значеніи подвиговъ преподобнаго Сергія Радонежскаго и его лавры въ исторіи Русскаго государства“, которую и прочелъ ученицамъ заведенія св. Нины; врачъ того же заведенія Измайлова прочла ученицамъ, при открытіи учебныхъ занятій, популярную лекцію о холерѣ и объяснила при этомъ значеніе тѣхъ мѣръ, которыя рекомендовались въ печатныхъ наставленіяхъ, полученныхъ заблаговременно большинствомъ учащихся, занималась физическимъ изслѣдованіемъ ученицъ и составила учебникъ гигиены, анатоміи и фізіологіи для старшихъ классовъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, напечатанный въ № 11 циркуляра по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ; Ставропольскихъ обѣихъ гимназій преподаватели: учитель П. И. Динникъ напечаталъ статьи: 1) „Замѣчательный медвѣдь“ — въ V книгѣ журнала *Природа и Охота* и 2) „Путешествіе по Тушетіи и Пшави“ — въ *Запискахъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географиче-*

скою *Общества*; учитель М. П. Карпинскій напечаталъ: „Замѣтки о § 99 „Русскаго правописанія“ академика Я. К. Грота“, въ № 8 *Русскаго Филологическаго Вѣстника*, и, кромѣ того, руководилъ литературными ученическими чтеніями; учителя Сергѣенко, равно и Кувшинскій, каждый—составили и произнесли въ день 500-лѣтія кончины Сергія Радонежскаго рѣчь: О значеніи для Россіи этого преподобнаго и Троицко-Сергіевской лавры; учитель В. С. Истамаловъ составилъ записку о преобразованіи VIII класса женскихъ гимназій; наконецъ, учительницы тѣхъ же Ставропольскихъ гимназій: Ясинская, Никанорова, Кривцова, Никитина и Иванова безвозмездно участвовали въ преподаваніи и въ руководствѣ воскресною женскою школою, помѣщающеюся въ зданіи Ольгинской гимназій и находящеюся въ заѣздываніи учительницы Ясинской; Екатеринодарской гимназій: преподаватель Цинкъ помѣстилъ въ *Вѣстникъ Воспитанія* труды: „Обзоръ русскихъ педагогическихъ журналовъ за 1891 годъ“, статью: „Побольше воспитанія“, переводъ книги Зигерта: „Періодическая часть въ развитіи дѣтской природы“ и рецензію о книгѣ Шерера: „Педагогика, часть теоретическая“, а преподаватель Крыжановскій отпечаталъ отдѣльными брошюрами публичную лекцію—„Жизнь и поэзія М. Ю. Лермонтова“ и произнесенную имъ на торжественномъ актѣ гимназій рѣчь: „Общественный интересъ и художественное достоинство романа Гончарова „Обломовъ“.

Къ 1-му января 1893 года число учащихся въ 10 женскихъ гимназійхъ было 3.842, а въ 6 прогимназійхъ—759, всего 4.601 дѣвица. Изъ этого числа приходящихъ было 4.084 и пансіонерокъ—517. По многолюдству учащихся первое мѣсто занимаетъ среди всѣхъ 16 заведеній Тифлисская 1-я гимназія, въ которой одной число ученицъ немногимъ меньше числа ученицъ всѣхъ 6 прогимназій: въ первой ихъ 753, а въ послѣднихъ 759; затѣмъ слѣдуютъ: гимназія Владикавказская—475, Тифлисское заведеніе св. Нины—421, гимназія Бакинская—402, Тифлисская 2-я—382, Екатеринодарская—378, заведеніе Кутаисское св. Нины—362, гимназія Ставропольская-Ольгинская—327, Ставропольская св. Александры—215 и г-жи Серпинѣ—157. Изъ 6 прогимназій многолюднѣйшая—Ейская, въ ней 246 учащихся, затѣмъ: Эриванская—114, Александропольская—108, Горійская—103, Темиръ-Ханъ-Шурииская—99 и Сухумская—89. Изъ 6 пансіоновъ болѣе другихъ воспитывается въ пансіонахъ при Тифлискомъ заведеніи св. Нины—255 и при гимназій Ставропольской св. Александры—121; за ними идутъ: Кутаисскаго заведенія св. Нины—

65, прогимназіи Сухумской—30, гимназіи г-жи Серпинэ—28 и прогимназіи Эриванской—18.

Распределение учащихся по национальностямъ, вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа представляется въ слѣдующемъ видѣ. Преобладающую национальность составляютъ русскія — 57,7⁰/₀; затѣмъ слѣдуютъ армянки — 18,3⁰/₀, грузинки—11,9⁰/₀, а остальныхъ национальностей, какъ-то: татарокъ, горскыхъ народовъ, евреекъ и другихъ национальностей—было 12,1⁰/₀ всего числа учащихся. Такихъ заведеній, въ которыхъ русскіи составляютъ менѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ учащихся, 5, а именно: Кутанское заведеніе св. Нины, гдѣ преобладаютъ грузинки — 51,1⁰/₀. гимназіи г-жи Серпинэ, въ которой преобладаютъ армянки—49,7⁰/₀. Александропольская прогимназія, въ которой также преобладаютъ армянки—52,8⁰/₀, Горійская, гдѣ опять преобладаютъ грузинки — 68,9⁰/₀. и Сухумская, въ которой ученицы изъ горскихъ породностей, преимущественно абхазки и мингрелки, составляютъ 43,8⁰/₀. Изъ вѣроисповѣданій преобладающее—православное—71,9⁰/₀, за нимъ слѣдуетъ армяно-григоріанское—17,6⁰/₀, а 10,5⁰/₀ были католички, протестантки, еврейки, мусульманки и другихъ исповѣданій. Изъ сословій по численности первое мѣсто занимаетъ дворянское—57⁰/₀, потомъ разныя городскія—33,4⁰/₀, а духовное званіе, крестьянское, дѣти нижнихъ чиновъ, казаковъ и иностранцевъ представляютъ 9,6⁰/₀ всего числа учащихся.

Прошеній о приѣмѣ во всѣ 16 заведеній въ отчетномъ году подано 1.395, и по нимъ принято 1.117 и не принято 278, въ томъ числѣ по неувѣжью—55, по недостатку мѣста—26, по невыдержанію экзамена—101 и по разнымъ причинамъ—96. Изъ числа 1.117 вновь принятыхъ поступило въ гимназіи — 895 и въ прогимназіи -- 222; большинство изъ нихъ получило домашнюю подготовку—868; затѣмъ пошло по свидѣтельствамъ—174 и по испытанію—75; большинство поступило въ приготовительный классъ—47,7⁰/₀ и I классъ—22,2⁰/₀.

Выбыло въ теченіе года 1.045 ученицъ, между которыми было: окончившихъ курсъ VIII класса—165, окончившихъ курсъ VII класса—129, окончившихъ курсъ въ прогимназіяхъ—32 и не окончившихъ курса—719. Изъ послѣдней категоріи вышло болѣе всего по прошенію—588, а изъ прочихъ—131 оставили заведенія: по неуспѣшности—24, по поведенію—1, за невзносъ платы—22, за болѣзнь—58 и за смертью—26.

Успѣхи учащихся, кончь въ концѣ года было 4.495, выразились

тѣмъ, что изъ этого числа удостоенныхъ аттестатовъ и переведенныхъ въ высшіе классы, на основаніи годовыхъ занятій, было 3.096; оставленныхъ въ тѣхъ же классахъ на второй годъ — 463 и получившихъ разрѣшеніе держать дополнительный экзаменъ послѣ капикуль — 936; изъ послѣднихъ выдержали испытанія 616 ученицъ, такъ что общее число успѣвающихъ возросло до 3.712. Въ отношеніи успѣшности пансіонерки стояли только въ 2-хъ пансіонахъ ниже приходящихся, а въ 4-хъ на одной съ ними ступени. Успѣхи по главнымъ предметамъ были: по русскому языку — 85,5%, и по математикѣ — 88%. Изъ 23 уволенныхъ за двухгодичное пребываніе въ одномъ и томъ же классѣ наибольшее число не успѣвало по этимъ предметамъ, именно: по русскому языку — 91,7%, и по математикѣ — 54,2%. Въ VIII дополнительныхъ классахъ 7 гимназій было въ концѣ отчетнаго года 166 ученицъ; изъ нихъ удостоены званія домашней наставницы 42 и домашней учительницы — 123, и въ томъ числѣ: по русскому языку — 83, по математикѣ — 69 и по исторіи и географіи — 13. Изъ 245 ученицъ VII классовъ допущены къ экзаменамъ 228, и изъ нихъ удостоились аттестатовъ — 212; медалями награждены 40: золотою — 24 и серебряною — 16 дѣвицъ; затѣмъ, между окончившими этотъ курсъ 115 поступили для продолженія ученія въ VIII классъ.

Изъ необязательныхъ предметовъ изучались : два новые языка, изъ которыхъ французскій введенъ во всѣ заведенія, кромѣ прогимназій Сухумской и Эриванской, а нѣмецкій — въ 7 гимназій и вовсе не преподается въ двухъ Ставропольскихъ гимназіяхъ, въ Кутаисскомъ заведеніи св. Нины и ни въ одной изъ 6 прогимназій. Эти языки, согласно учебнымъ планамъ 1874 года, должны начинаться съ I класса, но въ Тифлисскомъ заведеніи св. Нины и въ гимназій г-жи Серпинѣ обученіе новымъ языкамъ начинается уже съ приготовительнаго класса, въ Тифлисскихъ же 1-й и 2-й гимназіяхъ изученіе нѣмецкаго языка начинается, напротивъ, только со II класса. Изъ 3.607 ученицъ тѣхъ классовъ, гдѣ введено преподаваніе новыхъ языковъ, обучается имъ 45,4%, а именно: обоимъ языкамъ — 358, одному французскому — 1.212 и одному нѣмецкому — 69. Изъ туземныхъ языковъ введены грузинскій и армянскій, и первому обучаются въ Тифлисскомъ и Кутаисскомъ заведеніяхъ св. Нины и въ Горійской прогимназій всѣ 320 грузинокъ-ученицъ и, кромѣ того, еще 56 дѣвицъ другихъ національностей, а второму — въ 5 гимназіяхъ и двухъ прогимназіяхъ изъ числа 620 находящихся всѣхъ по

заведеніямъ армянокъ — его изучаютъ 327 ученицъ. Гимнастикой занимаются въ 5 гимназіяхъ и 1 прогимназіи — 1.402 ученицы; въ прочихъ же заведеніяхъ она не введена за неимѣніемъ или мѣста, или опытныхъ въ томъ преподавательницъ. Танцамъ обучается во всѣхъ 10 гимназіяхъ и 1 Горійской прогимназіи — 1.797 дѣвицъ, пѣнію — во всѣхъ заведеніяхъ, кромѣ Александропольской и Эриванской прогимназіи — 3.598, рисованію обучается, кромѣ тѣхъ же двухъ прогимназій и двухъ гимназій Старопольскихъ, во всѣхъ прочихъ — 2.860. Кромѣ того, 155 воспитанницъ пансіоновъ обучаются фортепианной игрѣ. Поведеніе ученицъ женскихъ гимназій, прогимназій, равно и въ пансіонахъ было въ отчетномъ году вполнѣ хорошее. Самою строгою мѣрою взыскапія былъ выговоръ отъ педагогическаго совѣта, которому подвергались за весь годъ 6 ученицъ (въ томъ числѣ 3 пансіонерки), и 1 ученица уволена изъ заведенія. За поведеніе большинство имѣло отмѣтку 5—3.781, очень немногія 4—186 и только 12 ученицъ имѣли отмѣтку 3; между 517 пансіонерками 189 получили отмѣтку 5, а остальные 28 воспитанницъ имѣли отмѣтку 4. Среднее число пропущенныхъ ученицами уроковъ на 1 ученицу составляетъ 40,1, а у пансіонерокъ—27,8; и изъ этихъ данныхъ главную причину пропусковъ составляла болѣзнь—33,6 и 26,9. Всѣхъ же случаевъ заболѣваній въ отчетномъ году въ 16 заведеніяхъ было 12.712, въ пансіонахъ — 680. Смертныхъ случаевъ было 26, изъ которыхъ среди воспитанницъ пансіоновъ послѣдовало 2.

Александровскій учительскій институтъ въ Тифлисѣ, открытый 15-го мая 1872 года взамѣнъ существовавшей до того времени учительской школы, состоитъ изъ 4-хъ классовъ, а для практическихъ упражненій воспитанниковъ при немъ находится трехклассное городское училище. Въ продолженіе 20-лѣтняго существованія учительскій институтъ выпустилъ 255 учителей городскихъ училищъ. Въ это же число входятъ и 38 бывшихъ учителей уѣздныхъ училищъ, которые, начиная съ 1872 до 1883 года, прикомандировывались постепенно къ институту, срокомъ на $\frac{1}{2}$ года или на 1 годъ, для пополненія образованія и для ознакомленія съ методами преподаванія въ городскихъ училищахъ, при существованіи въ нихъ класснаго обученія; сверхъ сего, въ теченіе того же времени 21 лицо изъ прошлыхъ полный институтскій курсъ, но не удостоенныхъ аттестатовъ за невыдержаніе выпускнаго экзамена, выпущены со званіемъ учителей начальныхъ училищъ; затѣмъ, къ этой

послѣдней категоріи учителей должны быть отнесены и тѣ 66 молодыхъ людей, которые до 1872 года прошли полный курсъ учительской школы и были также выпущены со званіемъ учителей начальной школы. Такимъ образомъ, учительская школа и Александровскій учительскій институтъ до 1892 года приготовили и выпустили для Кавказскаго учебнаго округа 380 учителей, въ томъ числѣ для начальныхъ школъ — 87 и для городскихъ училищъ — 293 учителя. Изъ 255 выпущенныхъ учителей по сословіямъ было: дворянъ—77, духовнаго званія—22, городскихъ сословій—66, сельскихъ сословій—90, а по національностямъ: русскихъ—109, грузинъ—82, армянъ—39, татаръ—9, горцевъ—5 и другихъ національностей—11.

Библиотека институтская состоитъ изъ фундаментальнаго отдѣла, въ коемъ имѣется 2.911 сочиненій въ 4.515 томахъ, на сумму 6.260 р., и изъ ученическаго, содержащаго въ себѣ 599 сочиненій въ 818 томахъ, на сумму 465 р., а всего въ ней—3.510 названій, въ 3.555 томахъ, цѣнностью въ 6.725 р. Физическій кабинетъ института снабженъ 147 приборами, цѣною въ 3,414 р.; прочихъ учебныхъ пособій имѣется 554 предмета на сумму 2.799 р., а вся цѣнность библиотекъ, кабинета и учебныхъ пособій равняется 12.938 р., и въ томъ числѣ за годъ увеличилась на 650 р.

На содержаніе института и состоящаго при немъ городского училища поступило: изъ государственнаго казначейства—30.260 р. сбора за право ученія—2.617 р., на содержаніе четырехъ воспитанниковъ—3.105 р., оставалось отъ прежнихъ лѣтъ—106 р., а всего—36.088 р. Изъ этой суммы израсходовано: на содержаніе личнаго состава—18.698 р., на содержаніе пансіонеровъ—7.836 р., на хозяйственные расходы—8.605 р., на учебныя пособия—1.030 р., на пособия учащимся и различнымъ отчисленіямъ—327 р., а всего—35.996 р. Средняя стоимость обученія одного ученика составляетъ 302 р., а содержаніе одного пансіонера—129 р.

Плату за ученіе въ Александровскомъ институтѣ постановлено взымать по 15 руб. въ годъ, но отъ взноса ея освобождено 30 казеннокоштныхъ воспитанниковъ, и на содержаніе каждаго изъ нихъ отпускается казначействомъ по 145 р.; своекоштные воспитанники вносятъ за свое содержаніе по 150 р. въ годъ и, сверхъ того, единовременно, при поступленіи въ институтъ, по 30 руб. на первоначальное обзаведеніе. На основаніи положенія объ учительскомъ институтѣ, всѣ какъ казеннокоштные, такъ и своекоштные воспитанники, по окончаніи курса ученія получаютъ въ собственность бывшіе

на рукахъ у нихъ учебники, одежду, обувь и бѣлье. Въ виду же того, что контингентъ учащихся въ учительскомъ институтѣ состоитъ главнѣйшимъ образомъ изъ весьма недостаточныхъ учениковъ. часть учащихся освобождается педагогическимъ совѣтомъ отъ платы; въ текущемъ году, по его постановленію, 26 учениковъ не вносили за себя платы и, сверхъ того, было принято въ экономическіе воспитанники еще 8 учениковъ и выдано пособія бѣднымъ—147 р. Такимъ образомъ, сумма, которую слѣдовало внести обучающимся безплатно равнялась 398 р., а воспитывавшимся безплатно—5.400 р.

Помѣщеніе, которое занимаетъ для учительскаго института и состоящаго при немъ городского училища, могло бы быть названо вполне удовлетворительнымъ, еслибы оба учрежденія, въ немъ находящіяся, пользовались одинаковыми удобствами; но этого нельзя признать за помѣщеніемъ городского училища, вслѣдствіе тѣсноты въ немъ классовъ. Что же касается зданія, занимаемаго самимъ институтомъ, то оно отвѣчаетъ вполне всѣмъ насущнымъ потребностямъ учебнаго заведенія съ интернатомъ. На ученическихъ квартирахъ, коихъ 22, проживало 30 учениковъ института, плата за свое содержаніе отъ 5 до 20 р. ежемѣсячно. Институтъ посѣщалъ нѣсколько разъ и въ разное время лично г. попечитель, классные же наставники и другія лица посѣщали ученическія квартиры въ теченіе отчетнаго года 74 раза.

Личный составъ института къ 1-му января 1893 года состоялъ изъ 11 лицъ, а именно изъ: 1 директора, 4 учителей воспитателей, 4 преподавателей искусствъ и ремеслъ и 1 врача. Измѣненій въ служебномъ персоналѣ въ теченіе отчетнаго года послѣдовало два—выбылъ законоучитель армяно-григоріанскаго исповѣдыванія, отказавшійся отъ преподаванія своего предмета, которому онъ обучалъ безвозмездно, и поступилъ съ начала 2-го полугодія учитель музыки. Педагогическій совѣтъ имѣлъ засѣданій: 15 общихъ, 16 хозяйственныхъ и 123 по обсужденію пробныхъ уроковъ, а всего—154. Классныхъ повѣрочныхъ испытаній въ теченіе отчетнаго года произведено: устныхъ — 35 и письменныхъ—17, итого 52. Пропусковъ въ урокахъ учителями сдѣлано изъ 2.625 всего 45, но эти свободные часы въ 41 случаѣ были замѣщены директоромъ, учителями или же работами подъ руководствомъ послѣднихъ и самостоятельными учениковъ; лишь въ 4-хъ случаяхъ учащіеся были отпущены по домамъ. Постороннихъ лицъ, желавшихъ получить званіе учителя городского училища, въ отчетномъ году не было.

Всѣхъ учащихся въ Александровскомъ учительскомъ институтѣ въ концѣ отчетнаго года было 95, въ томъ числѣ 38 приходящихъ и 57 пансіонеровъ. Учащіеся распредѣлялись: 1) по національностямъ: русскихъ—54, грузинъ—24, армянъ—8, горцевъ—4 и иностранцевъ—5; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—88, армяно-григоріанъ—8, католиковъ и протестантовъ—по 1 и мусульманъ—2, и 3) по сословіямъ: дворянъ—18, духовнаго званія—5, городскихъ сословій—29, крестьянъ—29, нижнихъ чиновъ и казаковъ—13 и иностранцевъ—1. Пронсій о принятіи въ институтъ было подано 77; поступило по нимъ всего 20, такъ какъ изъ 57 не принятыхъ всѣ, кромѣ одного не явившагося, не выдержали экзамена. Всѣ вновь принятые молодые люди получили подготовку въ городскихъ училищахъ и всѣ 20 поступили въ I классъ института. Выбыло въ теченіе отчетнаго года 21 ученикъ, въ томъ числѣ 14 по окончаніи курса, 4 по неуспѣшности въ наукѣ, 1 по болѣзни и 2 по прошенію, съ желаніемъ поступить одинъ въ гражданскую службу и другой—въ военную службу.

Изъ общаго числа 94 учащихся, бывшихъ въ концѣ года, оказали удовлетворительные успѣхи 80, а изъ 56 пансіонеровъ—48; изъ 17 воспитанниковъ выпускнаго класса окончили съ успѣхомъ курсъ и получили аттестаты 14 человекъ, а прочіе 3 за неоказаніемъ достаточныхъ успѣховъ выпущены со званіемъ сельскихъ учителей. Кромѣ занятій учебными предметами, ученики института, по примѣру прежнихъ лѣтъ, занимались культурою шелковичнаго червя.

За поведеніе большинство учащихся въ Александровскомъ учительскомъ институтѣ имѣло въ отчетномъ году высшій баллъ, именпо, 5—74 ученика, затѣмъ 12 имѣли отиѣтку—4, остальные 9—отиѣтку 3. Поведеніе пансіонеровъ было вполне удовлетворительное.

Число пропущенныхъ учениками уроковъ составляло 36,9 на одного воспитанника, и въ томъ числѣ приходилось на болѣзнь 24,4. Заболѣваній на каждые 100 учениковъ было 237, а на каждые 100 пансіонеровъ—239, всѣхъ же случаевъ заболѣваній среди учащихся въ институтѣ въ теченіе года было 225, и всѣ они имѣли благополучный исходъ.

Учительскихъ семинарій въ округѣ находится 4: Кубанская въ станицѣ Ладожской, Закавказская въ городѣ Гори Тифлисской губерніи, Кутаисская въ мѣстечкѣ Хони и Эриванская въ самомъ городѣ Эривани; кромѣ того, при трехъ изъ нихъ имѣются по 1 начальному училищу для упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи.

а при четвертой, именно при Закавказской, имѣется 4 начальныхъ училища: русское, грузинское, татарское и армянское. Классовъ въ семинаріяхъ 17, такъ какъ въ каждой изъ нихъ полагается по 3 основныхъ и по 1 пригготовительному, за исключеніемъ Закавказской, въ коей находится 2 пригготовительныхъ класса, при чемъ второй существуетъ для татарскаго отдѣленія семинаріи. За все время существованія семинарій, начиная съ 1871 года, когда основана была первая изъ нихъ, Кубанская, — ими пригготовлено и выпущено 778 учителей и, по имѣющимся свѣдѣніямъ, изъ бывшихъ воспитанниковъ 4 семинарій въ настоящее время 429 состоятъ учителями, большею частью, въ сельскихъ училищахъ Кавказскаго учебнаго округа. По національностямъ сельскіе учителя русскаго происхожденія составляютъ болѣе половины всего числа выпущенныхъ семинаріями учителей; такъ, изъ 778 ихъ 398; затѣмъ учителей грузинъ—157, армянъ — 88, татаръ --75, горцевъ—35 и другихъ національностей—25.

Въ фундаментальныхъ бібліотекахъ 4-хъ семинарій находилось 5.013 названій, въ 9.375 томахъ, на сумму 17.738 р., и въ 4-хъ ученическихъ бібліотекахъ находилось 4.352 названія, въ 8.771 томѣ, на сумму 8.092 р.; 4 физическихъ кабинета заключали въ себѣ 1.529 приборовъ, стоимостью 8.035 р., и прочихъ учебныхъ пособій по четыремъ семинаріямъ состояло 7.657 предметовъ, цѣною въ 17.416 р. Въ теченіе отчетнаго года семинаріями было затрачено на пополненія бібліотекъ 1.847 р., кабинетовъ—90 р. и на приобрѣтенія учебныхъ пособій—1.103 р., а всего—3.040 р.

На содержаніе свое учительскія семинаріи имѣли въ отчетномъ году 155.341 р., въ томъ числѣ: изъ государственнаго казначейства—112.681 р., отъ казачьихъ войскъ—27.477 р., сбора за ученіе и содержаніе пансіонеровъ — 1.699 р., процентовъ съ капиталовъ и другихъ поступленій—762 р., затѣмъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ—12.722 р.; а расхода изъ полученной суммы было сдѣлано на 140.980 р., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава—74.571 р., на наемъ двухъ помѣщеній, ремонтъ зданій всѣхъ 4-хъ семинарій и хозяйственные расходы—20.638 р., на содержаніе пансіонеровъ—35.710 р., на учебныя пособія 3.765 р., на пособія служащимъ и учащимся, отчисленія и другіе расходы—6.296 р. Платы за ученіе, собственно въ семинаріяхъ, не существуетъ вовсе; взимается лишь незначительная плата въ начальномъ училищѣ при Кутаисской семинаріи, гдѣ ученики платятъ 8 р. въ годъ, и въ трехъ начальныхъ училищахъ Закавказской семинаріи, гдѣ платится по 5 р.; ученики же четвертаго

татарскаго ея училища освобождены отъ этого взноса. На содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ государственное казначейство отпускаетъ по 150 р. на каждого, и столько же платятъ своекоштные воспитанники, за исключеніемъ Закавказской семинаріи, гдѣ плата установлена въ размѣрѣ 200 р., но своекоштные воспитанники были въ отчетномъ году лишь въ Эриванской и Закавказской семинаріяхъ, и отъ ничъ въ сложности поступило 1.175 р. Казенныхъ стипендій въ учительскихъ семинаріяхъ положено: въ Закавказской — 50 для христіанъ и 40 для магометанъ, всего 90; въ Эриванской и Кутаисской — по 50.

Кубанская семинарія помѣщается въ войсковыхъ зданіяхъ одной изъ упраздненныхъ частей Кубанскаго войска, и хотя классныя помѣщенія по величинѣ и достаточному освѣщенію можно признать удовлетворительными, такъ какъ на каждого ученика приходится 25,2 куб. арш. воздуха, но самыя зданія, не смотря на ежегодныя дещжныя затраты, съ каждымъ годомъ ветшаютъ. Закавказская семинарія, выѣстѣ съ татарскимъ при ней отдѣленіемъ, помѣщается въ неудобныхъ и тѣсныхъ наемныхъ домахъ, а между тѣмъ въ Гори болѣе подходящаго для заведенія дома нѣтъ; искушаетъ неудобства достаточное количество воздуха какъ классовъ, гдѣ на 1 ученика приходится выше 21 куб. арш., такъ и спалень—39 куб. арш. Кутаисская семинарія находится въ зданіяхъ, за которыя постепенно выплачивается 3000 р., и съ 1902 года они станутъ казенною собственностью; эти зданія достаточно приурочены къ нуждамъ учебнаго заведенія, а классы по обширности своей болѣе чѣмъ достаточны: въ нихъ 41 куб. арш. на 1 ученика; равно и спальни удовлетворяютъ въ гигиеническомъ отношеніи, въ нихъ 40,5 куб. арш. на 1 воспитанника. Эриванская семинарія помѣщается въ наемномъ домѣ, построенномъ со всѣми необходимыми для нея приспособленіями и во всѣхъ отношеніяхъ вполне удобномъ: въ немъ классы довольно обширны—26,7 куб. арш. воздуха на 1 ученика, а спальни даже болѣе, чѣмъ обширны—41 куб. арш. 1 ученика. Ученическихъ квартиръ въ отчетномъ году было 14, и существуютъ онѣ только для учащихся въ Кубанской семинаріи (не имѣющей пансіона, по причинѣ недостаточности помѣщенія); на нихъ и проживали всѣ 75 учениковъ, бывшихъ въ концѣ 1892 года въ этой семинаріи. Во всѣхъ трехъ семинаріяхъ Закавказскаго края въ концѣ отчетнаго года не было ни одного приходящаго ученика, такъ какъ для воспитанниковъ этихъ трехъ училищъ имѣются интернаты, при чемъ

въ Закавказской семинаріи два—одинъ для воспитанниковъ-христіанъ, другой для татаръ-мусульманъ.

Изъ семинарій посѣтили въ отчетномъ году—Закавказскую г. попечитель, въ коей пробылъ трое сутокъ, и Хонскую, въ которой случайнымъ гостемъ былъ также свѣтлѣйшій князь Мингрельскій-Дадіани; ученическія квартиры были посѣщены классными наставниками и другими лицами 185 разъ въ теченіе года.

Всѣхъ служащихъ въ 4-хъ семинаріяхъ состояло къ 1-му января 1893 года 57 лицъ, а именно: 4 директора, 1 инспекторъ, 9 законоучителей, 20 наставниковъ (и въ томъ числѣ 2 учителя по найму), 12 преподавателей искусствъ и ремеслъ, 4 врача и 7 разныхъ другихъ должностныхъ лицъ. Въ теченіе отчетнаго года вышло и переѣщено 13 учителей и за то же время вновь назначено на службу 10 лицъ; вакантныхъ должностей къ концу года оставалось 5. Директора семинарій преподають: въ Закавказской—5 уроковъ педагогики, въ Кубанской—2 урока педагогики, въ Кутаисской—8 уроковъ рисованія и въ Эриванской—11 уроковъ русскаго языка. Число засѣданій педагогическихъ совѣтовъ въ 4-хъ семинаріяхъ доходило до 736, и изъ нихъ было 129 общихъ, 185 хозяйственныхъ и 422 по обсужденію пробныхъ уроковъ. Классныхъ испытаній произведено было по семинаріямъ устныхъ 438 и письменныхъ 232, а всего 670. Всѣхъ уроковъ слѣдовало дать въ теченіе отчетнаго года 17.278, изъ этого числа пропущено было 528, но при томъ лишь 39 уроковъ не были заняты директорами или свободными учителями.

Изъ служащихъ въ учительскихъ семинаріяхъ и въ начальныхъ при нихъ училищахъ заявили себя въ отчетномъ году самостоятельными трудами только нѣсколько лицъ, а именно: директоръ Закавказской семинаріи С. Н. Стрѣлецкій производилъ періодическія измѣренія роста и вѣса учениковъ семинаріи и произнесъ 25-го сентября рѣчь „св. Сергій Радонежскій“; инспекторъ татарскаго отдѣленія при Закавказской семинаріи А. О. Черняевскій завѣдывалъ метеорологическою станціею при отдѣленіи, обучалъ воспитанниковъ производству метеорологическихъ наблюденій и составлялъ ежемѣсячные отчеты, которые печатаются въ *Лѣтописяхъ* главной физической обсерваторіи; онъ же обучалъ воспитанниковъ отдѣленія рациональному пчеловодству на устроенной имъ въ 1889 году учебной пасѣкѣ, наблюдалъ за ремесленными работами воспитанниковъ въ столярной и переплетной мастерскихъ и дѣлалъ нужныя указанія относительно выполненія работъ, руководилъ работами воспитанниковъ

въ саду, обучалъ ихъ огородничеству, цвѣтоводству и, отчасти, садоводству, передѣлалъ и приготовилъ ко 2-му изданію составленный имъ учебникъ русскаго языка для татарскихъ училищъ „Русская рѣчь, ч. I“, составилъ и приготовилъ къ печати „Конструкторскій чертежъ улья Лангстрота, приспособленнаго къ зимовкѣ на открытомъ воздухѣ“, съ объяснительною къ нему статьею, и составилъ планъ зданій, занимаемыхъ татарскимъ отдѣленіемъ, для представленія на Всероссийскую гигиеническую выставку 1893 года; учитель мусульманскаго вѣроученія шіитскаго закона Закавказской семинаріи Молла-Абдуссаламъ-Ахундзаде составилъ и напечаталъ „Персидскую грамматику“ на персидскомъ языкѣ, а учитель мусульманскаго вѣроученія суннитскаго закона той же семинаріи Кадыръ-Эфенди-Махмудъ-Эфенди-заде издалъ составленный имъ учебникъ по мусульманскому вѣроученію „Извлеченіе изъ шаріатскихъ книгъ“; учитель той же семинаріи составилъ и начертилъ 4 плана помещеній семинаріи, съ таблицей ихъ размѣровъ, для представленія на Всероссийскую гигиеническую выставку 1893 года; составилъ проектъ иконостаса для домовой церкви семинаріи и слѣдилъ за производствомъ работъ по его устройству; учитель грузинскаго начальнаго училища при Закавказской семинаріи К. Э. Бараканидзе руководилъ занятіями воспитанниковъ семинаріи ручнымъ трудомъ.

Всѣхъ учащихся въ 4-хъ учительскихъ семинаріяхъ въ началѣ отчетнаго года было 277, по числу это къ концу года уменьшилось до 268, по причинѣ выбитія въ теченіе года нѣсколькихъ учениковъ изъ семинарій Закавказской, Кутаисской и Эриванской. По числу учениковъ семинаріи стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Закавказская—89, Кубанская—75, Эриванская—54 и Кутаисская—50, а по національностямъ, вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ учащіеся распределяются слѣдующимъ образомъ: въ Кубанской семинаріи изъ 75 учащихся было русскихъ 72 и 3 горца, изъ нихъ православныхъ 74, а по сословіямъ—9 сыпоевъ офицеровъ и чиновниковъ казачьяго сословія и 66 сыпоевъ нижнихъ чиновъ казачьяго войска. Изъ 193 учениковъ остальныхъ трехъ закавказскихъ семинарій было: 1) русскихъ — 19, грузинъ — 64, армянъ—39, татаръ—49, горцевъ—9, другихъ національностей—18; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—101, армяно-григоріанъ—38, мусульманъ—53, католиковъ—1 и 3) по сословіямъ: дворянъ—57, духовнаго званія—23, городскихъ сословій—23, дѣтей крестьянъ—84 и иностранцевъ—6.

Всѣхъ желавшихъ поступить въ семинаріи и подававшихъ о томъ

прошенія было въ отчетномъ году 158; по нимъ принято 63 и отказано 95, въ томъ числѣ: по недостатку мѣста 9, по невыдержанію экзамена—54, по неявкѣ или отказу—14 и по другимъ причинамъ—18. Изъ принятыхъ поступили въ приготовительные классы 77 и въ первые—6; поступившіе получили подготовку: 44—въ начальныхъ училищахъ, 9—въ городскихъ училищахъ, 3—въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, 4—въ уѣздныхъ училищахъ, 2—домашнюю и 1—въ семинаріи. Въ теченіе отчетнаго года вышло изъ семинарій 72 ученика, изъ коихъ окончило курсъ—41, уволено за малоуспѣшность—10, за поведеніе—5, по прошенію—3, по болѣзни—11 и умерло—2. Изъ 267 учащихъ, бывшихъ въ 4-хъ семинаріяхъ въ концѣ учебнаго года, удостоены перевода въ высшіе классы и окончили курсъ 212 человекъ, а изъ 44 учениковъ, бывшихъ въ выпускныхъ классахъ 4-хъ семинарій—удостоены аттестатовъ 41, остальные же 3 выпущены безъ учительскаго званія.

Кромѣ предметовъ обученія, положенныхъ по уставу, въ трехъ учительскихъ семинаріяхъ преподаются мѣстные языки: въ Кутанской—грузинскій, въ Эриванской—армянскій и татарскій и въ Закавказской—все три эти языка. Во всѣхъ 4-хъ семинаріяхъ ученики практически занимались культурою шелковичнаго червя, садоводствомъ, строевымъ ученіемъ гимнастикой и пѣніемъ. Затѣмъ въ Кубанской и Закавказской часть учениковъ занималась ручнымъ трудомъ, а въ Эриванской и Закавказской — переплетнымъ ремесломъ; наконецъ, при Кубанской семинаріи имѣется фруктовый садъ, который весьма быстро развивается, такъ какъ къ обученію садоводству привлекаются все ученики.

Въ отчетномъ году начались занятія по обученію грамотѣ арестантовъ Эриванской тюрьмы воспитанниками учительской семинаріи, а именно: въ 1-мъ полугодіи занимались съ 12 арестантами изъ армянъ—2 воспитанника II класса по 3 раза въ недѣлю, и успѣвающихъ было 9; во 2-мъ полугодіи занимались 2 ученика III класса съ 14 арестантами, и успѣвающихъ изъ нихъ было 10. Съ арестантами изъ татаръ занимались въ 1-мъ полугодіи 2 воспитанника по 2 раза въ недѣлю и обучающихся имѣли 18, изъ коихъ успѣвающихъ было 11, а во второмъ полугодіи съ 22 арестантами-татарами занимался 1 воспитанникъ по 3 часа въ недѣлю, и изъ этого числа успѣвающихъ было 13 человекъ.

Поведеніе учащихъ въ семинаріяхъ было таково, что изъ 268 учениковъ лишь одинъ только имѣлъ отмѣтку 2 и 12—отмѣтку 3;

затѣмъ 26 учениковъ имѣли отмѣтку 4 и 229 — 5. За разные проступки въ теченіе года подвергались взысканіямъ 29 учениковъ, въ томъ числѣ: аресту свыше двухъ часовъ—15 воспитанниковъ, выговору совѣта—9, исключенію съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія—3 и съ лишеніемъ сего права—2. Пропусковъ уроковъ учениками было сдѣлано — 12.541, въ томъ числѣ по болѣзни — 10.060 и по другимъ уважительнымъ причинамъ — 2.857. Всѣхъ случаевъ заболѣваній въ теченіе года было 494 или на 100 учениковъ 184, а заболѣваемость между пансіонерами выразилась въ отчетномъ году 253 случаями, или на 100 воспитанниковъ 134 случая. Смертныхъ случаевъ было 2: 1 въ Кубанской семинаріи и 1 въ Закавказской семинаріи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кромѣ родителей, родныхъ и приемныхъ, Ромулу изъ мифологическаго цикла, связаннаго съ древнѣйшими священными скачками, досталась, можетъ быть, еще супруга, Геренлія. Мы видѣли, что рядомъ съ Аккою Ларенціею или Фаволою, благопріятствующей успѣху на скачкахъ, признавалась еще вторая богиня Ангерона, устрашающая стремящихся къ цѣли лошадей. То же понятіе, кажется, выражалось и словомъ *hershilla*, если его сопоставить съ *hogeo* (см. *horgseo*, ср. скр. *harsh*, возбуждаться, *harshula*, возбуждающій).

Титъ Тацій и сабиняне въ Римъ. Сказаніе о Титѣ Таціѣ, пришествіи сабинянь и соединеніе ихъ съ римскимъ народомъ послѣ Швейгера послужило темою для трехъ изслѣдованій ¹⁾. Всѣ трое поставили себѣ цѣлью доказать, что въ образѣ Тита Тація воплотилось одно историческое событіе. Какое же именно событіе, насчетъ этого далеко расходится ученые изслѣдователи. По мнѣнію Моммзена, въ форму легенды облеклось событіе первой половины III вѣка. Въ 290 г. до Р. Х. диктаторъ Курій Дентать опустошилъ и покорилъ сабинскую область, а двадцать два года спустя населеніе ея получило право полного гражданства и образовало двѣ новыхъ римскихъ трибы (*Velina* и *Quirina*). Это историческое присоединеніе сабинянь къ римской общинѣ, по предположенію Моммзена, одинъ неизвѣстный поэтъ облекъ въ форму сказанія о доисторическомъ соединеніи сабинянь и римлянъ, Тита Тація и Ромула. Противъ Моммзена выступили Низе и Кулаковскій. Низе опровергаетъ тѣ историческія предположенія, на которыя опирался Моммзенъ. Покореніе сабинянь Куріемъ Дентатомъ, по его словамъ, сопровождалось почти полнымъ истребленіемъ сабинскаго народа, на землѣ которыхъ поселили римскихъ гражданъ въ столь большомъ количествѣ, что пришлось образовать изъ нихъ двѣ новыя трибы, въ составъ которыхъ, однако, не вошли оставшіеся сабиняне. Итакъ, если взглянуть на это событіе правильно, чѣмъ Моммзенъ, то остается мало сходства между насильственнымъ покореніемъ сабинянь и мирнымъ соглашеніемъ Тація и Ромула или соединеніемъ ихъ народовъ на равныхъ правахъ. Въ основу легенды, должно быть, легъ другой, болѣе мирный союзъ римлянъ съ сабинянами. Такимъ, по мнѣнію Низе, былъ союзъ Рима съ самнитами, до начала первой самнитской войны, въ 354 году до Р. Х. Самниты сами

¹⁾ Моммзенъ *Die Tatiuserlegende*, *Hermes* т. 21 (1886), стр. 570 — 584; Низе *Hist. Zeitschrift* т. 59 (1888), стр. 498—505; Кулаковскій, Къ вопросу о началѣ Рима, Киевъ 1888, гл. III: Абorigины и Сабинны.

называли себя сабинянами (Sabinoi); отъ нихъ, а не отъ сабинянъ Куръ (Cures) пошла легенда. Легендарная дружба Тація съ Ромуломъ— „поэтический отголосокъ“ исторической дружбы Рима съ самнитами. Въ совершенно иномъ свѣтѣ, еще до появленія статьи Низе, возникновеніе легенды о сабинянахъ представлялось Ю. А. Кулаковскому. Въ образѣ Тита Тація воплотилось воспоминаніе о первомъ утвержденіи латинскаго племени на почвѣ Рима. О началѣ Рима у народа было два представленія. Съ одной стороны думали, что римляне и латины искони жили на почвѣ города, по другому понятію ихъ считали народомъ пришлымъ. Одно предположеніе облекали въ образъ Ромула, другое въ образъ Тита Тація. Общую родиною италійскихъ племенъ считалась горная область вокругъ Кутялійскаго озера, страна сабинская. Оттуда пришли, по одному варианту сказанія, аборигены, первые жители Лациа, по другому же, сабиняне съ Титомъ Таціемъ. Такъ какъ переселенія италійскихъ племенъ происходили въ формѣ *ver sacrum*, то „въ образѣ царя-пришельца дано намъ конкретное воплощеніе безличной италійской *ver sacrum*“ (стр. 97). Столкновеніе двухъ противоположныхъ взглядовъ на начало Рима привело къ компромиссу. Царь-основатель, представитель исконности населенія, Ромулъ, сошелся съ царемъ-пришельцемъ, Таціемъ; такимъ образомъ обоимъ назначили товарищами по царству.

Мнѣніе Кулаковскаго имѣетъ одно преимущество передъ другими попытками объясненія легенды: оно сообразуется съ мѣстнымъ характеромъ ея. Въ преданіи о сабинянахъ ясно выдѣляется одинъ основной фактъ городской исторіи Рима: въ чертѣ позднѣйшаго города когда-то жили сабиняне. Другія черты сказанія, какъ то пришествіе ихъ изъ сабинскихъ Куръ, война съ Ромуломъ, примиреніе двухъ народовъ, заключеніе союза, все это подводится подъ этотъ основной фактъ, служа ему какъ-бы вступленіемъ и основаніемъ. Кто, слѣдовательно, сказаніе о сабинянахъ считаетъ выводомъ этиологическаго вымысла, для того и обязательно объяснить, почему въ сказаніи соединеніе двухъ народовъ совершается путемъ переселенія сабинянъ въ самый Римъ. Моммзенъ и Низе мало обратили вниманія на эту основную черту легенды. Присоединеніе сабинской области и ея жителей далеко не то же самое, что поселеніе сабинянъ на холмахъ города Рима. Еще большая, конечно, разница между послѣднимъ фактомъ и непродолжительнымъ союзомъ Рима съ дальними самнитами. При томъ и другомъ объясненіи присутствіе сабинянъ въ Римѣ остается безъ логическаго основанія. Моммзенъ самъ, кажется, почув-

ствовавъ неудовлетворительность своего объясненія. Въ концѣ своего разсужденія (стр. 583) онъ допускаетъ возможность, что одна часть населенія Рима, триба Тиціевъ, на самомъ дѣлѣ состояла изъ сабинянь, чѣмъ, конечно, уничтожается вся придуманная имъ-же искусственная теорія.

Кромѣ невниманія къ общему строго-мѣстному, узко-городскому характеру римской легенды, Моммзену и Низе нельзя не ставить въ упрекъ, что они не сообразовались съ духомъ римской этиологін. Этиологическій характеръ вполнѣ признается Моммзеномъ (стр. 574). Сабинская легенда, по его мнѣнію, направлена къ этиологическому объясненію двухъ фактовъ. Съ одной стороны она объяснила причину двоевластія римскихъ консуловъ историческимъ примѣромъ двоецарствія Ромула и Тація. Въ этомъ, однако, не могла заключаться главная цѣль разказа, для этого не понадобилось бы одного изъ двухъ царей выдавать за сабинянина. Важнѣе второе этиологическое соображеніе. Послѣ принятія сабинянь въ 268 году до Р. Х. въ число римскихъ гражданъ, римская община преобразилась въ средне-италійское союзное государство. Объяснить происхожденіе этого новаго союзнаго римско-сабинскаго государства, управляемаго консулами, въ этомъ состояло, по мысли Моммзена, настоящая цѣль этиологическаго разказа. У Низе, какъ мы видѣли, эта цѣль замѣнена другимъ мотивомъ: этиологія отправляется отъ союза съ самнитами 354 года. Но подходитъ-ли та и другая этиологія подъ то понятіе объ этиологическихъ мифахъ римлянъ, которое установилось особенно со временъ Шлеглера? Мы думаемъ, что далеко не подходятъ. Къ этиологическому вымыслу римляне прибѣгали по двумъ причинамъ: изъ желанія объяснить происхожденіе родной старины и въ виду отсутствія письменныхъ данныхъ для этого. Совершенно понятно поэтому, что они рѣшали путемъ вымышленныхъ разказовъ вопросы, напримѣръ, о происхожденіи консульской должности. Къ чему же было ломать голову насчетъ происхожденія союза съ самнитами или устройства трибъ *Velina* и *Quirina*? Эти событія были записаны въ лѣтописи вмѣстѣ со всѣми предшествующими и по слѣдующими событіями. Къ чему тутъ было выдумывать этиологін, если все безъ того уже было ясно? Мнѣніе Кулаковскаго, безъ сомнѣнія, и въ томъ отношеніи стоитъ выше положеній Моммзена, что онъ подкладкою сабинской легенды считаетъ событія глубокой старины, а не такія, которыя происходили почти передъ глазами римскихъ лѣтописцевъ. Происхожденіе сабинской легенды, какъ оно представляется Моммзену и Низе, ни въ какомъ случаѣ нельзя

подводить подъ понятіе этиологіи. Мы думаемъ, что они ошиблись относительно предлагаемаго ими объясненія. Римскіе лѣтописцы, правда, сочиняли историческіе факты древнѣйшей исторіи также и по другому поводу. Они переносили событія болѣе позднихъ временъ въ древнѣйшую исторію. Такимъ, кажется, анахронизмомъ сабинская легенда представляется Моммзену и Низе. Но и въ такомъ случаѣ догадки ихъ очень невѣроятны, потому что анахронизмы лѣтописцевъ легко узнаваемы по близкому сходству дублетовъ съ подлинными событіями. Между сказаніемъ о Таціѣ, похищеніи сабинянокъ, переселеніи сабинянъ въ Римъ и т. д., а съ другой стороны покореніемъ сабинянъ, устройствомъ двухъ трибъ въ разоренной странѣ или заключеніемъ союза съ самнитами можно замѣтить только самое поверхностное сходство.

Возвращаемся къ третьей попыткѣ, предложенной Ю. А. Кулаковскимъ. Съ результатами его мы уже познакомились въ общихъ чертахъ. Въ Римѣ, полагаетъ онъ, установилось убѣжденіе, что древнѣйшее населеніе городской территоріи откуда-то пришло. По другому взгляду, латины искони жили въ Римѣ. Представители перваго мнѣнія задавались вопросомъ, откуда пришло древнѣйшее населеніе. Общую родину италійскихъ племенъ считали Реатинскую область, побережье Кутилійскаго озера (*lacus Cutiliae*), въ сабинской области. Тамъ, думали, обитали первые жители Итали, аборигины. Оттуда они будто бы выселились въ формѣ „священной весны“ и между прочимъ пришли и въ Лациі. Родина аборигиновъ совпадала съ сабинскою областью, слѣдовательно аборигины могли называться тоже сабинянами. Въ „народномъ творествѣ“ теорія о пришлости древнѣйшихъ римлянъ облеклась въ человѣческій образъ Тита Тація, котораго поэтому выдавали за царя сабинянъ. Но и другое мнѣніе, теорія исконности, требовала представителя, который нашелся въ лицѣ эпонима Рима, Ромула. Изъ компромисса двухъ воззрѣній вышла пара нерпоправителей Рима, Ромулъ и Титъ Тацій.

Противъ догадки Кулаковскаго напрашиваются слѣдующія возраженія: во первыхъ, мнимое представительство аборигиновъ Титомъ Таціемъ прямо противорѣчитъ свидѣтельствамъ нашихъ источниковъ. Римской традиціи въ самомъ дѣлѣ беззвѣстно было поселеніе аборигиновъ въ Римѣ. Это поселеніе однако лежало на Палатинѣ или въ Септимонціѣ¹⁾, другими словами какъ разъ въ городѣ Ромула,

¹⁾ Солинъ 10, 2 Моммз.: *Palatium aliquamdiu Aborigines habitaverunt, perfecti Reate; Fest. p. 391. Sacrani appellati sunt Reate orti, qui ex Septimontio Ligures Siculosque exegerunt.*

а не въ мѣстѣ, занятомъ по преданію Титомъ Таціемъ, то-есть, на капи-толійскомъ и квиринальскомъ холмахъ. Итакъ, скорѣе Ромула должно было бы считать представителемъ аборигиновъ, чѣмъ Тація. Вовторыхъ, по самому распространенному у древнихъ авторовъ толкованію, *aborigines* (*qui ab origine egant*) были автохтоны, а поэтому къ нимъ именно причисляли население древнѣйшихъ частей города. У проф. Кулаковскаго аборигины, наоборотъ, представляютъ собою пришлый элементъ римскаго населенія. Правда, если вѣрить римскимъ авторамъ, аборигины въ концѣ концовъ оказываются пришельцами. Это однако очевидно путаница, вызванная простымъ фактомъ, что объ аборигинахъ сохранилось преданіе въ разныхъ мѣстахъ, какъ въ Лациѣ, такъ и въ сабинской области. По приему древнихъ историковъ, извѣстному намъ изъ тысячи примѣровъ, существованіе одного и того же народа въ разныхъ мѣстахъ объяснялось тѣмъ, что онъ когда-то перешелъ съ одного мѣста на другое. Этотъ приемъ примѣняли также и къ аборигинамъ, не смотря на то, что уже самое понятіе автохтоновъ препятствовало подобной операци. Такимъ образомъ состоялось пресловутое переселеніе аборигиновъ изъ реатинской области въ Лацию и Римъ. Въ добавокъ отождествляли ихъ съ греческими пелазгами, что и побудило историковъ предположить еще переселеніе ихъ изъ Греціи въ Италію. Удивляемся, что проф. Кулаковскій не предпочелъ разобрать всю эту путаницу, а наоборотъ увеличилъ ее, выводя изъ мнимой прилности аборигиновъ дальнѣйшія умозаключенія. Въ третьихъ, вызываетъ сомнѣніе предположенное г. Кулаковскимъ отождествленіе сабинянъ съ аборигинами. На самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ древнихъ авторовъ не думалъ считать ихъ однимъ и тѣмъ-же народомъ. Напротивъ, есть положительное показаніе о вторженіи сабинянъ въ занимаемую ими впоследствии область и объ изгнаніи ими оттуда аборигиновъ. Слѣдовательно, сабинянъ и аборигиновъ считали двумя совершенно различными народами; вѣроятно, никому и въ голову не приходила мысль назвать аборигинскаго царя сабинскимъ. Въ четвертыхъ, мы имѣемъ полное основаніе упрекнуть проф. Кулаковскаго въ довольно неясномъ и неопредѣленномъ взглядѣ на важный вопросъ о первоисточникахъ царской исторіи. Преданіе о Ромулѣ и Таціѣ онъ считаетъ произведеніемъ народнаго творчества. Если онъ подъ этимъ выраженіемъ понимаетъ народную поэзію, историческія пѣсни, то намъ не нужно снова перечислять всѣ доводы, говорящіе противъ предположенія о подобныхъ поэтическихъ источникахъ. Съ другой стороны трудно представить, чтобы народъ когда-либо занимался вопросами въ родѣ того,

пришлымъ ли было древнѣйшее населеніе или оно искони существовало. Это дѣло не народнаго творчества, а ученаго домысла. Наконецъ, мы изъ тезиса г. Кулаковскаго получаемъ очень скудное понятіе объ образованіи и развитіи легенды. Въдѣ о Ромулѣ или Титѣ Таціѣ намъ сообщается въ преданіи цѣлый рядъ опредѣленныхъ биографическихъ фактовъ. Необходимо предположить, что они имѣли какое-нибудь логическое основаніе и находились въ извѣстной связи съ основными понятіями объ этихъ двухъ царяхъ. Съ нихъ-то и должно начинать разборъ легенды. Въ разсужденіяхъ г. Кулаковскаго Ромулъ и Таціѣ превращены въ самыя безцвѣтныя олицетворенія отвлеченныхъ историческихъ идей. Между этими отвлеченными понятіями и традиционными сказаніями нѣтъ ни малѣйшей связи. Неудивительно поэтому, что г. Кулаковскій вполнѣ почти отказался отъ всякой попытки генетическаго объясненія всего того, въ чемъ въ глазахъ римлянъ заключалась плоть и кровь легенды. Въ преданіи о Титѣ Таціѣ число биографическихъ чертъ, правда, небольшое, но тѣмъ онѣ драгоцѣннѣе и тѣмъ менѣе онѣ заслуживаютъ быть отброшенными какъ ненужный хламъ. Всякая догадка о происхожденіи Тита Таціа должна считаться неудовлетворительною, если она не справляется съ биографіею героя.

Титъ Таціѣ, по преданію, царь сабинянъ, поселившихся въ Римѣ и образовавшихъ, послѣ соединенія съ жителями палатинскаго города, вторую составную часть населенія общаго города. Преданіе далѣе утверждаетъ, что изъ этихъ сабинянъ образовалась вторая изъ трехъ древнѣйшихъ трибъ римскаго народа, триба Таціевъ¹⁾. Названіе

¹⁾ Относительно названія второй трибы въ нашихъ источникахъ встрѣчается замѣчательное разногласіе. Если не обратятъ вниманія на разницу суффиксовъ, то имя трибы дошло до насъ въ двухъ различныхъ коренныхъ формахъ. У Циперона (*De rep.* 2, 20, 36), Ливія (1, 13, 8; 1, 36, 2; 10, 6, 7), Проперція (4, 1, 31), Овидія (*Fasti* 3, 131), далѣе въ лексиконѣ Феста (*Paul.* p. 366 *Titienses tribus a praenomine Tati regis appellata esse videtur. Titia quoque curia ab eodem rege est dicta; ср. 344 Turmam, 355 Sex vestales*) имѣется форма *Titienses*. У Варрона же (*De l. l.* 5, 55) во всѣхъ рукописяхъ, въ томъ числѣ и въ *Laurentianus* (F.), читается *Tatiensium Ramnium Lucerum*, а затѣмъ: *nominati, ut ait Ennius, Titienses* (такъ F., младшія рукописи *tatiens tacienses*) аб *Tatio, Ramnenses ab Romulo, Luceres, ut Iunius, ab Lucumone*. Въ другихъ мѣстахъ того-же сочиненія Варрона (5, 81, 89, 91), рукописи F. даютъ обычное чтеніе *Titium Titiensium*, младшія же держатся насвидѣтельствоваанной 5, 55 формы *Tatium Tatiensium*. Плутархъ (Ромулъ 20), который въ другихъ мѣстахъ пользовался трудами Варрона, своею транскрипціею *Τατιῶνες* (*τοὺς μὲν ἀπὸ*

этой трибы повторяется въ имени сабинскаго царя *Tatius*, по всей вѣроятности выражавшемъ какое-то отношеніе этой легендарной личности спеціально ко таціевой трибѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что рѣшеніе вопроса о Титѣ Таціѣ зависитъ отъ рѣшенія двухъ предварительныхъ вопросовъ: о характерѣ римскихъ сабинянъ и значеніи трехъ древнѣйшихъ трибъ, въ особенности же таціевой. Изъ этихъ трехъ вопросовъ, нераздѣльно связанныхъ между собою, мы обратимся сначала къ рѣшенію третьяго—о значеніи трехъ трибъ, какъ самаго общаго.

О началѣ, въ которомъ коренилось учрежденіе трехъ трибъ, высказано множество догадокъ, болѣе или менѣе другъ другу противорѣчащихъ. Мы не имѣемъ претензіи дать полную исторію этого вопроса, тѣмъ болѣе, что задача уже отчасти выполнена. Проф. Кулаковскій (къ вопр. о нач. Рима стр. 17 сл.) тщательно свелъ всю новѣйшую литературу, подвергая результаты ея довольно обстоятельному разбору. Причина дѣленія римскаго народа съ древнѣйшихъ временъ на три части (*tribus*) объяснялась двумя главными путями. По одному мнѣнію, господствовавшему уже въ древней наукѣ и повторяемому большинствомъ современныхъ ученыхъ, причина дѣленія заключалась въ синицизмѣ, въ соединеніи на почвѣ Рима трехъ различныхъ народныхъ элементовъ. Первые данныя для этой теоріи найдены въ самой традиціи. Преданіе объ образованіи второй трибы изъ сабинянъ вызывало вопросъ, изъ какихъ народовъ образовались первая и третья. Имя *Rampes* сближалось съ именемъ Ромула. Народъ Ромула собрался изъ Альбы Лонги и другихъ сосѣднихъ городовъ Лація. Оставалось только отгадать національность Люцеровъ. Для рѣшенія этого вопроса въ традиціи, по видимому, не имѣлось никакихъ ясныхъ данныхъ. Еще Ливій (1, 13, 8) при-

¹ Ρωμαίων Ῥαμνήσας, τοὺς δὲ ἀπὸ Τατίου Τατίνους) подтверждаетъ *Tatienses*, какъ форму принимаемую Варрономъ. Та же форма, должно быть, была и у Эниа, такъ какъ онъ производилъ имя трибы а *Tatio*, а не а *Tito* или а *T. Tatio*. Поэтому нельзя не согласиться съ Л. Мюллеромъ (*Q. Enni reliquiae ann. I fr. LXXIV h.*), пишущимъ у Варрона (*L. I. 5, 55*): *ager Romanus primum divisus in partes tris—Tatiensium Ramnium Lucerum: nominati, ut ait Ennius, Tatienses ab Tatio, Ramnenses ab Romulo, Luceres, ut Iunius, ab Lucumone*. Мы въ своей статьѣ будемъ держаться формы *Tatienses* какъ засвидѣтельствованной Эниемъ и Варрономъ, нашими древнѣйшими свидѣтелями. Въ пользу формы *Tatienses*, какъ мы увидимъ, говорить и древнѣйшая форма прилагательнаго—имя *Tatius*. Отъ него произведено имя прил. *Tatiensis*, множ. число котораго опять сократилось: *Tatius* вѣсто *Tatie(n)ses* (ср. Бехтеля *Bezenbergers Beitr.* т. 7 стр. 5).

шелъ къ сознанию: *Lucerum nominis et originis causa incerta est*. Римскіе ученые однако не потерялись. По правиламъ древней исторической науки каждый народъ былъ обязанъ своимъ наименованіемъ какому-то эпониму. По аналогіи Ромула и Тита Тація, отъ которыхъ производились имена *Rampes* и *Tatienses* или *Titenses*, требовалась еще третья эпонимная личность, для объясненія имени Люцеровъ. Благодаря этому явился Люцеръ (*Lucerius* или *Lucer?*), который на неизвѣстномъ намъ основаніи былъ назначенъ царемъ Ардеи¹⁾. По всей вѣроятности, казалось, что учрежденіе третьей трибы совершилось одновременно съ учрежденіемъ двухъ первыхъ. Поэтому Люцера считали современникомъ Тація и Ромула. Для объясненія прибытія его въ Римъ нашелся благовидный предлогъ, что онъ оказалъ помощь Ромулу въ войнѣ противъ Тація. Личность Люцера, вѣроятно, изобрѣтена знаменитымъ археологомъ времени Августа Верриемъ Флаккомъ, главнымъ источникомъ Феста. Изобрѣтенный имъ эпонимъ Люцеровъ отличался тѣмъ, что его имя близко подходило къ имени *Luceres* или *Lucerenses*. Въ этомъ, по видимому, заключалось превосходство новой догадки надъ болѣе древнею, бывшею въ ходу до Веррія Флакка. М. Юній Гракханъ, другъ Г. Гракха, по свидѣтельству Варрона (*De l. l. 5, 55*) держался того мнѣнія, что имя *Luceres* происходитъ отъ нѣкаго *Lucumo*. У Цицерона мы встрѣчаемъ этого же самаго эпонима, при чемъ изъ словъ Цицерона²⁾ видно, что еще Лукумонъ считался союзникомъ Ромула противъ Тація, также какъ и Люцеръ, замѣнившій Лукумона въ традиціи Феста. Национальность Лукумона и Люцеровъ еще не указана Цицерономъ; о ней заговорилъ въ опредѣленной формѣ первый Варронъ. Ромулъ попросилъ помощи противъ Тація у лукумоновъ³⁾, то-есть, у господствующей въ Этруріи аристократіи. Одинъ изъ лукумоновъ съ войскомъ своимъ пришелъ въ Римъ. Варронъ, слѣдовательно, видѣлъ въ имени

¹⁾ Fest. p. 119. *Lucerenses et Luceres, quae pars tertia populi Romani est distributa a Tatío et Romulo, appellati sunt a Lucero Ardeae rege, qui auxilio fuit Romulo adversus Tatiū bellanti.*

²⁾ Cic. *De rep.* 2, 8, 14 *populumque et suo (Romulus) et Tati nomine et Lucumonis, qui Romuli socius Sabino proelio occiderat, in tribus tres curiasque triginta descripserat.*

³⁾ Serv. ad *Aen.* 5, 560; Varro tamen dicit Romulum dimicantem contra T. Tatiū a Lucumonibus, hoc est Tuscis, auxilia postulasse, unde quidam venit cum exercitu, cui recepto iam Tatío pars urbis est data; a quo in urbe Tuscus dictus est vicus;—ergo a Lucumone Luceres dicti sunt.

воображаемаго эпонима Люцеровъ имя нарицательное; онъ превратилъ Лукумона въ безымяннаго этрусскаго лукумона, а изъ этого вывелъ заключеніе, что триба Люцеровъ происходила изъ Этруріи. Эта догадка самаго сомнительнаго свойства, представляя собою лишь вольное толкованіе преданія¹⁾, самого по себѣ уже явно выдуманнаго. Тѣмъ не менѣе, она сдѣлалась фундаментомъ, на которомъ основывается теорія современной науки о поселеніи этрусковъ въ Римѣ и

¹⁾ Для полнаго опроверженія Варрона было бы важно выяснитъ, откуда взялось имя *Lucumo*, или, другими словами, что побудило римскаго ученаго, впервые задававшагося вопросомъ о происхожденіи люцеровъ, придать имени эпонима люцеровъ форму *Lucumo*, а не *Lucerus*, что гораздо ближе подходило къ названію трибы. Слово *Lucumo*, если оно было латинское—ничто не мѣшаетъ также и этрусское слово *lucumo* признать однимъ изъ многихъ словъ, заимствованныхъ этрусками у италійцевъ—имѣетъ тотъ же суффиксъ, какъ напримѣръ *salmo temo pulmo tergno*. У Тарквинія Приска, какъ извѣстно, было два имени, *Lucumo* и *Lucius*. По мнѣнію нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ, одно имя только видоизмѣненіе другаго (Cic. De rep. 2, 20, 35 *Lucius Tarquinius—sic suum nomen ex etrusco nomine inflexerat*. Діон. Алик. 3, 48 *Λούκιον ἀπὲρ Λοχόμωμονος τίθηται τὸ κοινὸν ὄνομα*. Auct. de praenom. p. 746, 10 Kempf: *Lucii—ut quidam arbitrantur, а Lucumonibus etruscis*). Несмотря на неодинаковое количество гласнаго, довольно вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ *Lucumo* и *Lucius* выражали одно и то же. Также, думаемъ, возможно, что помимо формы *Luceres* въ старину употреблялись варианты съ другими суффиксами. У Павла (Epit. Festi p. 120) читаемъ: *Lucomedii а duce suo Lucumo dicti, qui postea Lucereses sunt dicti* (ср. Проперція 5, 2, 51 *Tempore, quo sociis venit Lucomedius armis; 5, 1, 29 prima galeritus posuit praetoria Lucmon—Hinc—Luceresque coloni*). Если слова Павла *а duce suo Lucumo dicti* не испорчены изъ *Lucumone dicti* или *Lucomedio dicti*, то у насъ будутъ три формы эпонима: *Lucerus*, отсюда *Lucereses* *Luceres*, *Lucomedius* соответственно имени трибы *Lucomedii*, и, наконецъ, *Lucimus* или *Lucumo*. Что касается *Lucomedii*, то мы считаемъ эту форму чисто латинскою, не смотря на греческій видъ ея (ср. *Lucomedius* у Проперція), напоминающій *Λοχόμωμονος* *Λοχόμωμον*. Суффиксъ *edius* служитъ для производствъ дериватовъ именъ, какъ напримѣръ *Rappedius* *Popedius* *Attiedius* *Arpedius* *Mammedia* *Titedius* отъ *Attius* *Titus* и т. д. Такъ же, кажется, *Lucomedius* произведено отъ *Lucimus*. Мы предполагаемъ, что этого *Lucimus* авторы превратили въ *Lucumo*, чтобы придать болѣе вѣроятности мнимому происхожденію третьей трибы изъ Этруріи, а *Lucumonibus etruscis*. Такимъ же образомъ, измѣненіемъ суффикса, приближено къ этрусскому языку имя *Caeles Vibenna*, которое во всѣхъ рукописяхъ Варрона (L. L. 5, 46), между прочимъ и въ флорентійской F, написано *Vibennus* (ср. лат. *Sisennus Spurinus Aulinus*, этр. *Sisenna Spurinna Aulinna*). Итакъ, рядомъ съ формами имени трибы *Lucereses* (эпонимъ *Lucerus*) и *Lucomedii* (эпонимъ *Lucomedius*) она, вѣроятно, называлась также и *Lucumi* (эпонимъ *Lucimus* или *Lucumo*).

образованія изъ нихъ одной изъ основныхъ частей римской общины трибы люцеровъ.

Съ Лукумопомъ, основателемъ третьей трибы, ученое преданіе, римляни приводило въ связь другаго легендарнаго этруска, Целеса Вибенна, *Caeles Vibennus*, какъ пишется у Варрона, или Целеса Вибенну, какъ его называютъ другіе авторы, давая ему обыкновенный суффиксъ этрусскихъ именъ. Изъ римскихъ писателей Варронъ для насъ древнѣйшій свидѣтель объ этой личности. По разказу Варрона (*L. L.* 5,46 ¹). *Serv. ad Aen.* 5,560; *Fest.* p. 355), Целесъ Вибеннъ былъ союзникомъ Ромула; пришедши на помощь къ послѣднему противъ Татія, онъ поселился со своимъ войскомъ на горѣ, наименованной въ его честь *Caelius mons*. Послѣ кончины Целеса этрусски съ горы были переведены въ равнину, въ такъ называемый *vicus Tuscus*. Безъ сомнѣнія, этотъ „знатный вожь этрусскій“ (*Tuscus dux nobilis*) былъ именно тотъ лукумонъ, который, по мнѣнію Варрона, основалъ трибу люцеровъ (см. указ. мѣсто *Servia*). Черезъ остроумное толкованіе имени *Lucumo* Варронъ получилъ возможность соединить два совершенно различныя преданія или ученые мнѣнія о происхожденіи люцеровъ. Съ однимъ мы уже познакомились подробно. Изъ одного имени трибы, *Lucumii*, извлекли эпонимнаго основателя ея, Лукума, котораго потомъ превратили въ этруска Лукумона. По другому преданію, Целійская гора была заселена легендарною личностью, по имени *Caeles Vibennus*. Этого перваго поселенца Целія считали вмѣстѣ съ этимъ также основателемъ трибы люцеровъ, что именно дало Варрону возможность отождествить его съ Лукумопомъ. Целесъ Вибеннъ отличался отъ другихъ легендарныхъ основателей люцеровъ тѣмъ, что имя его ничѣмъ не напоминало имени трибы. Причина, почему Целесу приписывали учрежденіе люцеровъ, по общему почти предположенію современныхъ ученыхъ, заключалась въ томъ фактѣ, что триба люцеровъ первоначально состояла изъ поселенцевъ Целійской горы. Перваго поселенца горы, поэтому, могли также считать родоначальникомъ люцеровъ. Подтвержденіемъ могутъ служить имена и трибы, и горы, и Целеса Вибенны. У Плутарха и другихъ писателей ²⁾ слово *Lucerenses* производится отъ *lucus*, въ

¹⁾ *Caelius mons* a *Caele Vibenno*, *Tusco duce nobili*, qui cum sua manu dicitur Romulo venisse auxilio contra *Tatium regem*. hinc post *Caelis obitum* quod nimis munita loca tenerent neque sine suspitione essent, deducti dicuntur in planum. Цитата *Servia* изъ Варрона приведена выше, стр. 72, примѣч. 3.

²⁾ Плут. Ром. 20 *ὠνόμασαν—Λουκερήνης διὰ τὸ ἄλσος, εἰς ὃ πολλοὶ καταφύγον·*

смыслъ азила. Ромулъ, по преданію, открылъ убѣжище для всѣхъ бѣглыхъ людей. Сбѣжавшіе отовсюду, послѣдніе образовали отдѣльную трибу.

Сказаніе о Ромуловомъ азилѣ сложилось подъ греческимъ вліяніемъ, такъ какъ понятіе объ азилахъ, по видимому, совершенно чуждо италійскимъ религіямъ. Хотя толкованіе слова *lucus*, очевидно, невѣрно, но тѣмъ не менѣе самое производство, на нашъ взглядъ, имѣетъ много вѣроятнаго. *Lucus* (a *lucendo*), собственно, означаетъ „свѣтлый“, расчищенный лѣсъ, а уменьшительный глаголъ *sublucare* „очищать деревья отъ нижнихъ вѣтвей“. Если подъ *Lucerenses* понимать людей, поселяющихся въ лѣсныхъ рощистыхъ или людей расчищающихъ, тогда и станетъ понятно специальное отношеніе ихъ къ Целійской горѣ. Въ преданіи римлянъ, вѣроятно, въ старыхъ духовныхъ памятникахъ сохранялось, другое названіе этой горы, *mons Querquetulanus*, отъ дубоваго лѣса (*querquetum*), когда-то ее покрывавшаго ¹⁾. Новое названіе *Caelius* гора, по мнѣнію древнихъ ученыхъ, получила отъ Целеса Вибенна. По простой и остроумной догадкѣ Бухелера ²⁾, имя *Caelius mons*, отъ *caedere caelare* рубить, означало гору, на которой находился вырубленный лѣсъ (*Aushau*). Вся сѣверовосточная часть городской территоріи въ извѣстное время была покрыта лѣсами, о чемъ свидѣтельствуютъ названія горъ: дубовой (*Aesquilinus Aesculinus*), буковой (*Fagital*), ивовой (*Viminalis*) и, наконецъ, *mons Querquetulanus*.

Расчищеніе и заселеніе лѣсныхъ горъ, по всей вѣроятности, началось съ Целійской, какъ самой близкой къ древнему палатинскому городу. Итакъ, этимологія намъ помогаетъ понять, почему Целійская гора была специальнымъ мѣстомъ жительства люцеровъ и почему Целій Вибеннъ, первый устроившій поселеніе на этой горѣ, имѣлъ право на названіе учредителя люцеровъ.

Остается намъ заняться выясненіемъ личности Целеса Вибенна, преданіе о которомъ также составляетъ одну изъ главныхъ опоръ

τες, ἀσολία; δεδομένης, τοῦ πολιτεύματος μετέσπον· τὰ δ' ἄλλα λαοῦκος; ὀνομάζουσαν. Schol. Cic. Verr. p. 159, Luceres a luco, quem asylum vocaverat Romulus, Schol. Pers. 1, 20; Auct. orig. gentis Rom. 12 a luci communione Luceres appellavit. Съ этою этимологіею согласился и Швергеръ R. G. 1, 590.

¹⁾ Tac. Ann. 4, 65 haud fuerit absurdum tradere montem eum Querquetulanum cognomento fuisse, quod talis silvae frequens fecundusque erat, mox Caelinum appellitatum a Caele Vibenna.

²⁾ Rhein. Mus. N. F. 18, 447.

мнимаго этрусскаго происхожденія третьей трибы. Проф. Кулаковскій, заявившись тѣмъ же вопросомъ, пришелъ къ заключенію, что „Целесь Вибенна былъ чуждъ римлянамъ, чуждъ и остался“. „Личность эпонима Целійскаго холма принадлежитъ къ неизвѣстному намъ кругу этрусскихъ героевъ, а его дѣянія—къ сферѣ этрусскихъ преданій и мѣвовъ“. (Къ вопр. о нач. Рима стр. 112). Проф. Кулаковскій далѣе признаетъ, что „не можетъ ни ставить, ни рѣшать вопроса о томъ, какимъ путемъ и образомъ и когда попалъ этотъ этрусскій герой въ преданія римлянъ о своемъ началѣ; но самый фактъ его въ нихъ присутствія имѣетъ не маловажное значеніе“. Целесь Вибенна выходятъ, наконецъ, такимъ-же олицетвореніемъ укоренившася въ народномъ сознаниіи взгляда на начало Рима, какъ Ромулъ и Титъ Тацій. Этрусскій основатель-эпонимъ, вмѣстѣ съ двумя Тарквиніями и Сервіемъ Тулліемъ, олицетворяетъ сознание римскаго народа о прежнемъ господствѣ этрусковъ надъ римлянами (стр. 120). При такомъ неутѣшительномъ положеніи дѣла, когда даже нельзя ни ставить, ни рѣшать вопроса о происхожденіи личности Целеса Вибенны и странномъ занесеніи его въ преданія римлянъ о своемъ началѣ, при такой безвыходности вопроса, намъ думается, наиболѣе полезнымъ совѣтомъ будетъ, взяться за него съ другаго конца. Можетъ быть, Целесь Вибеннъ повсе не былъ придуманъ этрусками и не занесенъ въ римское преданіе, а наоборотъ занесенъ изъ римскаго въ этрусское. Проф. Кулаковскій при разборѣ римскаго преданія, намъ кажется, недостаточно подчеркнулъ, что сказаніе о Вибеннѣ имѣло два очень различныхъ варианта, или, точнѣе говоря, два слоя преданія, ясно отмѣченныхъ, напримѣръ, у Феста, р. 355 и у Тацита. У Варрона Целесь Вибеннъ эпонимъ-основатель поселенія на Целійской горѣ и учредитель трибы люцеровъ. Поэтому онъ считается современникомъ Ромула. Этому у Феста противопоставляется другой разказъ, заимствованный, вѣроятно, у Веррія Флакка; Целесь Вибенна, который здѣсь является раздвоеннымъ на Целеса и Вибенну, двухъ братьевъ¹⁾,

¹⁾ Это своеобразное дѣленіе, вѣроятно, основано на соображеніяхъ этимологической правильности. Если *mons Caelius* была названа отъ имени *Caelus*, то второе имя *Vibenna* должно было показаться лишнимъ и нарушало только правильность производства. Съ другой стороны желательно было имѣть двухъ основателей, Целійскаго поселка и этрускаго квартала, основаніе которыхъ Веррій Флаккъ, кажется, считалъ одновременнымъ, въ противоположность Варрону, по мнѣнію котораго этруски Целія въ послѣдствіи были переведены въ *Transvicius*.

современникъ не Ромула, а Тарквинія Приска, основаль тускій кварталъ (Tuscius vicus). Онъ слѣдовательно и не могъ устроить трибу люцеровъ. По правдоподобному возстановленію О. Мюллера у Феста читается [Vol]scientes fratres Caeles et Vibenna. Веррій, значить, до былъ болѣе точныя свѣдѣнія о родинѣ переселенцевъ, чѣмъ Варронъ, который удовольствовался указаніемъ общей родины Этрурїи. Въ 1857 г. въ древнемъ городѣ Vulci была открыта гробница, на стѣнныхъ фрескахъ которой оказалось, между прочими изображеніями, одна историческая сцена. Надъ четырьмя изъ дѣйствующихъ лицъ стоятъ надписи Calle Vipinas, Mestrna, Aule Vipinas и Sneve Tarchumes Rumach. Многіе изъ нашихъ современныхъ ученыхъ привыкли какъ-то особенно преклоняться передъ всякими картинными памятниками, изображающими предметы мѣлологіи или мѣлоической исторіи. Доставляемая такими памятниками свѣдѣтельства имъ кажутся болѣе положительными и достойными вѣры, чѣмъ литературный вымысль. Всѣ эти картины однако воспроизводятъ только, болѣе или менѣе вѣрно, содержаніе разказовъ, установившихся въ литературѣ. Главное ихъ достоинство, помимо чисто художественнаго, заключается въ томъ, что часто изображаются сцены изъ потерянныя для насъ литературныхъ памятниковъ. Въ этомъ-то состоитъ главный интересъ и знаменитой этрусской фрески. Мы несогласны съ проф. Кулаковскимъ относительно оцѣнки изображенія Целеса Вибенны и Мастарны. Оно „возводитъ (стр. 114) на степень несомнѣннаго положенія“, что эти герои принадлежали этрускамъ и отъ послѣднихъ заимствованы римлянами въ ихъ преданіи о своей древнѣйшей исторіи. На сказанія о Вибеннѣ и Мастарнѣ въ этрусскихъ анналахъ сослался императоръ Клавдій въ своей рѣчи къ сенату, дошедшей до насъ въ анналахъ Тацита и на лїонскихъ бронзовыхъ доскахъ. Изъ этрусскихъ анналь, по всему вѣроятію, происходили и свѣдѣнія у Феста. Въ высшей степени вѣроятно, что и фреска держалась разказа тѣхъ-же анналь. Если это такъ, то источники наши сводятся къ двумъ основнымъ реляціямъ, одной римской и одной этрусской. Между обѣими замѣтно нѣкоторое родство, которое обнаруживается въ общности самаго героя, Целеса Вибенна или Вибенны, и показанія о поселеніи его на целійскомъ холмѣ. Во всѣхъ другихъ подробностяхъ римская версія далеко расходилась съ этрусской. По разказу этрусскихъ анналь Вибенна послѣ разныхъ приключеній попалъ въ Римъ и встрѣтился тамъ съ Тарквиніемъ, который, по видимому, былъ убитъ Мастарною.

Послѣдній, вѣроятно, вступилъ на римскій престолъ послѣ убито-го имъ царя, что и побудило Клавдія отождествить Матарну съ Сервіемъ Тулліемъ. Вся эта повѣсть вполне неизвѣстна была Варрону. не говори о болѣе древнихъ римскихъ писателяхъ. Съ другой стороны этрусскій Вибенна не имѣлъ никакого отношенія къ происхожденію римскихъ люцеровъ, а въ связи съ этимъ и не жилъ при Ромулѣ. Эта важная черта римскаго преданія поэтому была совершенно чужда этрусскимъ анналамъ, и не могла быть занесена изъ послѣднихъ, а возникла въ самомъ Римѣ. Если смотрѣть на римское преданіе, дошедшее до Варрона, съ точки зрѣнія обыкновенной этиологіи, то это преданіе о Целесѣ Вибеннѣ своимъ характеромъ не отличается отъ остальныхъ произведеній римской этиологіи. Положимъ, что первый редакторъ царской исторіи задался вопросомъ о происхожденіи трехъ трибъ, которыя для государственной жизни конца четвертаго столѣтія легко могли имѣть болѣе значенія, чѣмъ, напримѣръ, въ концѣ перваго столѣтія. Ромулъ и Тацій оказались годными для роли основателей двухъ первыхъ трибъ. Оставалось по догадкѣ создать основателя третьей. Греческая научная система эпонимовъ, чуждая италійцамъ, по которой въ послѣдствіи создались *Lucumo Lucomedius* и *Lucergus*, едва ли уже успѣла проникнуть въ начинающую римскую историографію. За то еще живо сознавалось значеніе люцеровъ и характеръ селенія на Целійской горѣ. Съ этими условіями пришлось согласить основателя селенія. *Saeles* или *Caellus* — и эта форма встрѣчается въ литературномъ преданіи — полагаемъ, произведено такъ-же изъ *caedere* или *caelare*, какъ, по догадкѣ Бюхелера, и имя горы. Если положить, что употребляемая Варрономъ латинская форма втораго имени *Vibennus* близко подходила къ настоящей, а далѣе принять во вниманіе, что двойные согласные въ старину еще до Эннія писались одинаково съ простыми, то первоначальная форма имени могла быть *Saeles Vibenus*. Искусственное имя *Vibenus* мы сближаемъ со словомъ *vibia* (родъ бревна), которое въ свою очередь сближаемъ съ др. ирл. *fid*, гэл. *fedo* дерево (ср. др. гальскій народъ *Viducasses*), затѣмъ древне-сѣв. *vidr*, англосакс. *vudu*, англ. *wood*, древне-нѣм. *witu* дерево (см. Фика *Vergl. Wört.* 1, 554 подъ *sl-vidhu Baum*). На этомъ основаніи мы полагаемъ, что для прародителя люцеровъ, обитателей росчистей целійскаго холма, не безъ остроумія было придумано соответствующее имя, которымъ выражалось понятіе „рубитель деревьевъ“. Не трудно себѣ представить, что новыя поколѣнія римскихъ анналистовъ болѣе не понимали искусственнаго

характера имени и, принимая его за настоящее родовое имя, сравнили съ этрусскимъ именемъ, которое часто упоминается въ надгробныхъ надписяхъ, подъ формами *Vipinal*, *Vipinapas*, *Vipinaus*, *Vipinas*, *Vipinet*, *Vipinl*¹⁾). У этрусскихъ родовъ, вѣроятно, были такія же семейныя преданія, какъ и у римскихъ. Съ другой стороны, этруски навѣрно также стремились сплестать свою древнѣйшую исторію съ исторіею побѣдоноснаго Рима, какъ напримѣръ, римляне сплетали свое прошлое съ миенческою исторіею эллиновъ. Неудивительно поэтому, что вѣсть объ этрускахъ Целесѣ Вибешнѣ и Тарквиніѣ поощрила одного этрускаго анналиста приурочить эти личности къ сказанію о какомъ-то родномъ Вибешнѣ. Особенно благоговѣтъ передъ авторитетомъ этрусскихъ анналь едва ли стоитъ. Повѣствовательному элементу, по нынѣшнимъ понятіямъ фантазіи, при составленіи древнѣйшей исторіи Этруріи, вѣроятно, отведена была такая-же значительная роль, какъ и при составленіи древнѣйшей исторіи Рима и Греціи. Заключалась ли все-таки въ исторіи Мастарны или нѣтъ какаго-нибудь доля правды, объ этомъ, понятно, невозможно судить. Для нашей цѣли впрочемъ много отъ этого не зависитъ. Достаточно одного того факта, что римскіе ученые стали обращать вниманіе на этрусскую традицію только въ позднѣйшее время. Отсюда мы получаемъ полное право утверждать, что этрусскихъ преданій въ сложеніи царской исторіи Рима не было. Эту истину должно признать и къ сказанію о Целесѣ Вибешнѣ, римское происхожденіе котораго, на нашъ взглядъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Подведемъ итоги отступленію нашему объ этрусскомъ происхожденіи третьей трибы. Этруская теорія основана на довольно позднихъ и сомнительныхъ гипотезахъ нѣкоторыхъ римскихъ ученыхъ. Догадки послѣднихъ относились собственно не къ родинѣ самой трибы, а къ родинѣ эпонимовъ ея, Лукума и Целеса Вибешны, образы которыхъ уже сами по себѣ произведенія этиологическаго домысла. Этрусское происхожденіе люцеровъ, между тѣмъ, важная, даже необходимая часть фундамента, на которомъ построена общая теорія объ этническомъ началѣ древнѣйшаго дѣленія римскаго народа. Эта теорія потеряетъ всякій смыслъ, какъ только одна изъ трибъ окажется не состоявшею изъ отдѣльнаго народа. Вслѣдъ за опроверженіемъ этрусской теоріи о люцерахъ, долго державшейся въ ученой литературѣ нашего столѣтія, не сразу однако отказались отъ мысли объ

¹⁾ См. Кулаковскаго: Къ вопросу о началѣ Рима, стр. 113.

общемъ этническомъ началѣ трибъ. Сначала дѣлались попытки замѣнить этрусковъ какимъ-нибудь другимъ народомъ. Такъ, Нибуръ, первый убѣдившись въ неосновательности этрусской теоріи, въ Люцерахъ видѣлъ подвластныхъ Риму латиновъ (R. G. 1, 312 сл.). Мнѣніе Нибура въ болѣе законченной формѣ воспроизведено Шwegлеромъ (R. G. 1, 505 сл.). Разборомъ преданій о Лукумонѣ и Целесѣ Вибеннѣ онъ выяснилъ шаткость традиціонныхъ свидѣтельствъ о происхожденіи люцеровъ изъ Этруріи. Затѣмъ онъ задался вопросомъ, откуда-же на самомъ дѣлѣ могла произойти эта триба. При этомъ онъ, подобно Нибуру, встрѣтился съ другою, не менѣе темною проблемою, относящеюся къ исторіи сложенія римскаго народа. Въ одной части нашихъ источниковъ, у лучшихъ представителей римской археологической науки, сказано, что Целійская гора была заселена еще при Ромулѣ и Титѣ Таціѣ. Невозможно болѣе сомнѣваться въ томъ, что по этому-то взгляду древнѣйшее населеніе горы состояло изъ люцеровъ. Мы видѣли, что есть и другія данныя, кромѣ традиціи, подкрѣпляющія этотъ фактъ. Наиболѣе авторитетный представитель анналистической традиціи, Ливій (1, 30, 33), въ противоположность археологамъ Варрону и Веррію Флакку (Фесту), говоритъ, что Целійская гора была отведена на поселеніе переселеннымъ въ Римъ албанцамъ¹⁾. Мы не имѣемъ права отказать ни тому, ни другому извѣстію въ извѣстномъ основаніи. Самое простое средство уладить противорѣчіе источниковъ о заселеніи Целія то, что целійскіе албанцы были тождественны съ люцерами. Римское преданіе тогда раздвоилось бы или потому, что триба люцеровъ была образована изъ албанцевъ, или потому, что люцеры назывались другимъ именемъ *Albani*. Нибуръ коротко указалъ на первую возможность рѣшенія. Далѣе развита его мысль Шwegлеромъ (R. G. 1, 513 сл.). Для этого необходимо было повѣрить традиціонному разказу о разрушеніи Альбы Лонги и переселеніи ея обитателей въ Римъ. Нибуръ и Шwegлеръ дѣйствительно были увѣрены въ исторической достовѣрности общаго

¹⁾ Оба противоположныхъ другъ другу мнѣнія, кажется, были извѣстны Діонисію Аликзарнасскому. Онъ старается выйдти изъ затрудненія путемъ компромисса. Поэтому онъ относительно происхожденія третьей трибы осторожно признаетъ производство имени *tribus Caelius* отъ *Καίλος*, то-есть Целеса Вибенны (2, 36), не отвергая однако и существованія Лукумона (2, 37). Албанцы наконецъ, по его разказу, поселились не на Целіѣ, а были расселены по всѣмъ частямъ города (3, 31), хотя съ другой стороны признается, что эта гора была присоединена къ городу Туллою Гостиліемъ, переселившимъ албанцевъ (3, 1).

факта, хотя они сами сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы разрушить вѣру въ фактичность разказа римскихъ лѣтописцевъ. Недовѣрчивость двухъ знаменитыхъ критиковъ къ этому разказу доходитъ до того, что Альба, по ихъ убѣжденію, даже была разрушена не римлянами, албанцы же не переселены въ Римъ насильно, но въ бѣгствѣ нашли пріютъ у римлянъ и были приняты въ число гражданъ какъ отдѣльная третья триба. Шwegлеръ кончаетъ свою критику такими словами: „Однимъ словомъ, кто читаетъ традиціонный разказъ о гибели Альбы Лонги не въ полуснѣ, но трезво обсуждая связность, возможность и вѣроятность разказываемыхъ фактовъ, тотъ ни одной минуты не можетъ сомнѣваться, что передъ собою имѣетъ не исторію, а смѣсь легенды съ поэтическимъ вымысломъ“. При такомъ полномъ отрицаніи достовѣрности традиціоннаго разказа невольно является вопросъ, отчего Шwegлеръ удержалъ одинъ голый фактъ разрушенія Альбы Лонги и переселенія ея обитателей въ Римъ, и притомъ въ извращенной формѣ, совершенно чуждой всему преданію. Разъ существовали объ этомъ историческомъ событіи какія-нибудь историческія записи, крайне невѣроятно, чтобы римскіе лѣтописцы не могли или не хотѣли его представлять хотя бы приблизительно вѣрно. Ни Нибуръ, ни Шwegлеръ не указываютъ, откуда могъ явиться такой разказъ, въ которомъ вся историческая истина была исковеркана до послѣдней детали. Не послѣдовательнѣе ли пожертвовать и жалкимъ остаткомъ преданія и искать такого генетическаго объясненія, которое, во первыхъ, болѣе подходило бы къ общему происхожденію царской исторіи, и изъ котораго, во вторыхъ, пролился бы свѣтъ на развитіе, но крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ чертацій именно той легенды, которая до насъ дошла въ римской традиціи.

Историческое существованіе Альбы Лонги, главнаго города Лация, и разрушеніе его, по мнѣнію Шwegлера (R. G. 1, 587), несомнѣнный фактъ; свидѣтельствомъ тому служатъ оставшіеся храмы и культы албанскіе. Это заключеніе однако не логичное: вѣдь не доказано, что эти храмы непременно остатки бывшаго города и что не могли быть и храмы безъ города. Не трудно было бы привести немало примѣровъ подобныхъ священныхъ округовъ, которые никогда не достигали формы города. Итакъ, если существованіе албанскихъ храмовъ для Шwegлера единственное основаніе вѣры въ существованіе города Альбы Лонги, то онъ смѣло могъ этому и не вѣрить. Позволяемъ себѣ думать, что для Шwegлера важно было при-

знать разрушенію Альбы историческимъ фактомъ скорѣе потому, что признаніе этого факта давало ему возможность объяснить, почему населеніе Целія считалось и люцерами, и албанцами. Толкуя очевидное тожество обоихъ такимъ образомъ, что триба люцеровъ состояла изъ албанцевъ, Нибуръ и Швеглеръ не могли не замѣтить одного крупнаго затрудненія въ традиціонномъ разказѣ. Дарованіе равнаго права гражданства покоренному народу, да еще взятому въ плѣнъ, рѣдко встрѣчалось въ древнихъ городскихъ общинахъ, которыя всегда ревностно берегли свое преимущество передъ чужими и покоренными. Это соображеніе заставило Нибура и Швеглера прибѣгнуть къ совершенно произвольной передѣлкѣ традиціи. Альба Лонга, предполагали они, была разрушена латинами, не римлянами, послѣдніе не были врагами Альбы, а союзниками, они и не покорили албанцевъ и не выселили ихъ насильно, а радушно приняли бѣжавшихъ, даруя имъ право гражданства. Рѣшеніе вопроса, требующее столько произвольныхъ предположеній для того, чтобы показаться правдоподобнымъ, никоимъ образомъ нельзя назвать удачнымъ. Послѣ Швеглера не явилось, на сколько намъ извѣстно, ни одной новой попытки рѣшенія вопроса, на какомъ основаніи поселенцами Целійской горы могли считаться люцеры, а съ другой стороны также албанцы. Въ виду немаловажнаго значенія вопроса какъ для критики этническаго объясненія трибъ, такъ и для вѣрнаго пониманія послѣднихъ, мы рѣшаемся представить новую догадку, которую мы вынесли изъ новаго разсмотрѣнія этого стараго вопроса. Мы уже намекали на нее выше по поводу Рен Сильвіи и легенды объ албанскомъ происхожденіи близнецовъ.

Говоря о томъ, какъ бы объяснить очевидное тожество люцеровъ и албанцевъ, мы уже указали на одно возможное объясненіе. Мы обратили вниманіе на то, что албанцы целійской горы, можетъ быть, никакого прямаго отношенія къ Альбѣ Лонгѣ не имѣли, а что Albani только другое устарѣлое названіе люцеровъ. Первый лѣтописецъ, не понимая значенія стариннаго имени или термина, по очень понятному и простибельному недоразумѣнію, римскихъ Albani привелъ въ историческую связь съ наиболѣе извѣстною въ Римѣ Альбою Лонгою. Изъ этого τρωτον ψυδος, по нашему мнѣнію, могли развиваться совершенно естественнымъ образомъ и остальные главные черты традиціоннаго лжеисторическаго разказа. Альба Лонга въ то время не была городомъ, между тѣмъ мнимые выходцы изъ Альбы въ Римѣ составляли довольно значительную часть городского населенія. До выселенія ихъ

изъ Альбы Лонги на мѣстѣ послѣдней, по всему вѣроятію, еще находился большой городъ, главный городъ Лация, какъ можно было заключить изъ обычая всѣхъ латинскихъ общинъ собираться въ этомъ центрѣ для справленія общихъ союзныхъ празднествъ. Исчезновеніе такого важнаго города объяснялось всего легче разрушеніемъ. Иначе и трудно было себѣ представить, отчего жители ея выселились въ Римъ, что едва ли могло случиться по собственному желанію албанцевъ. Разрушителемъ Альбы былъ одинъ изъ первыхъ царей, такъ какъ заселенная албанцами целійская гора принадлежала къ древнѣйшимъ частямъ города. Ромулу и Нумѣ неудобно было приписать разрушеніе: первый самъ родился въ Альбѣ, а поэтому и не могъ уничтожить своего роднаго города; второй былъ слишкомъ миролюбивъ. Передать это дѣло третьему царю, Туллу Гостилию, ничто не мѣшало, тѣмъ болѣе, что для фактической исторіи его царствованія имѣлось очень мало матеріала. Оставалось только наполнить исторію албанской войны подходящими эпизодами, объ источникахъ которыхъ намъ представится случай говорить по поводу легенды о Туллѣ Гостилиѣ. Итакъ, льстимъ себя надеждою, что пониманіе генезиса албанскихъ эпизодовъ въ исторіи царей не встрѣтило бы серьезныхъ возраженій, если только возможно согласиться съ нашею исходною точкою. Наша обязанность поэтому подкрѣпить другими данными предположеніе, что люцеры, обитавшіе на Целіѣ, другимъ именемъ могли называться албанцами (Albani). При этомъ не считаемъ необходимымъ доказывать извѣстную аксіому, что всѣ имена собственные въ извѣстную пору были нарицательными, что слѣдовательно и слову alba первоначально свойственно было извѣстное нарицательное значеніе, утраченное потомъ вслѣдствіе постепенныхъ измѣненій лексикальнаго состава латинскаго языка. Задача наша заключается въ опредѣленіи вѣроятнаго смысла слова alba и примѣненія этого слова къ Целійской горѣ и особеннымъ условіямъ мѣстожителства люцеровъ.

У византійскихъ хронографовъ (Пасхальная хроника и Малала) и Свида встрѣчается странное извѣстіе, что Ромулъ и Ремъ Палладій, поставленный ими на Капитоліѣ, получили изъ города Сильвы ¹⁾. По показаніямъ другихъ (Excerpta barbari, Кедрина и Малала), городъ Сильвія основанъ царемъ Альбою (²⁾Αλβας), и по нему албанскіе цари наименованы Сильвіями ³⁾. Гольццфельд (Röm. Chronologie стр. 279)

¹⁾ Chron. pasch. 1, 204 Bonn. Malalas 1, 171 Bonn. Suidas s. v. Καπιτώλιον.

²⁾ Кедр. 1, 238 Bonn., Малала 1, 169 сл. Excerpta barb. p. 199.

полагаетъ, что городъ Сильва не выдуманъ для объясненія имени Сильвиевъ, а въ самомъ дѣлѣ былъ такой забытый городъ, эпонимомъ котораго считался Сильвій. По древнѣйшему преданію Римъ происходилъ не изъ Альбы, а изъ Сильвіи. При составленіи списка албанскихъ царей сильвійскіе цари Амулій и Нумиторъ почему-то попали въ этотъ списокъ, вслѣдствіе чего и всѣ остальные албанскіе цари считались сильвіями и т. д. Мы конечно несогласны со смѣльями и къ тому-же совершенно бесполезными гипотезами Гольцапфеля. Сильва вовсе не отдѣльный городъ, а по мнѣнію хронографовъ другое названіе Альбы. Или оно выдумано для объясненія общаго прозвища албанскихъ царей, или до хронографовъ дошло преданіе о двойномъ названіи Alba и Silva. Въ первомъ случаѣ не лишено интереса, что занимались вопросомъ, откуда албанцамъ или по крайней мѣрѣ царской династіи албанской досталось имя *Silvii*. Безъ сомнѣнія, *silvius* имя прилагательное производное отъ *silva*, отчего и первый царь албанскій по имени Сильвій по преданію родился въ лѣсу (см. Швеглера R. G. 1, 337). Въ словѣ *alba* также нетрудно признать женскій родъ имени прилагательнаго *albus*. Къ нему требуется имя существительное, которое пропущено ради краткости. Полагаемъ, что это пропущенное слово—*silva*. Тогда и стало бы болѣе понятнымъ загадочное названіе *reges Albani Silvii*; оттого, можетъ быть, и произошло сочетаніе именъ Alba и Silva у хронографовъ. Alba *silva*. „бѣлый лѣсъ“ живо напоминалъ бы выраженіе *lucus* „свѣтлый лѣсъ“ (а *lucendo*). Отъ *alba* (sc. *silva*) производится *Albani*, какъ отъ *lucus*—*Luceres* или *Lucumii*, *Lucumedi*. Обитателей рощистей на „горѣ порубки“ называли то *Luceres*, то *Albani*. Изъ толкованія перваго имени было извлечено сказаніе о заселеніи Целія этрусками, изъ втораго заселеніе той-же горы албанцами изъ Альбы Лонги ¹⁾.

¹⁾ Установленное нами по догадкѣ значеніе термина Alba, думаемъ, подходит и къ Альбѣ Лонгѣ, что является нѣкотораго рода повѣркомъ высказаннаго выше мнѣнія. Ливій (5, 15, 2 *lucus in Albano nemore*) и Цидеронъ (*pro Milone* 31, 85 *luci Albani*) свидѣтельствуютъ объ албанскихъ рощахъ и лѣсѣ. Ссылаемся далѣе на авторитетное показаніе Рудорфа (*Gromatische Institutionen* въ *Die Schriften der römischen Feldmesser* 2, 259 сл.) Въ древнѣйшія времена, говоритъ онъ, дремучіе лѣса составляли границы нѣсколькихъ народовъ или общинъ, поэтому и Сильванъ древнѣйшій богъ границъ (*tutor finium*). Мѣсто, гдѣ сходились границы трехъ, четырехъ или болѣе областей (*compitum*, *confinium*) имѣло особенную важность. При ежегодныхъ обходахъ границъ здѣсь встрѣчались представители сосѣднихъ государствъ и

Возвращаемся въ послѣдній разъ къ теоріи о происхожденіи трибъ изъ трехъ народовъ. Оказалось, что ни старое мнѣніе, производившее люцеровъ изъ этрусковъ, ни новое, видящее въ нихъ албанцевъ изъ Альбы Лонги, не опирается на твердую основу. При невозможности доказать этническое начало одной трибы, должны явиться сомнѣнія въ достовѣрности всей этнической теоріи. Неудивительно поэтому, что на ряду съ послѣднею въ современной литературѣ возникаетъ и все болѣе укореняется другой взглядъ на происхожденіе трибъ. Уже Швеплеромъ (R. G. 1, 500 сл.) допускалась другая возможность объясненія. Дѣленіе гражданъ на три части, говоритъ онъ, встрѣчается не въ одномъ Римѣ. Въ дорійскихъ государствахъ мы находимъ также три филы, а въ связи съ ними въ Спартѣ числа фратрій геронтовъ, всадниковъ, вотчинъ — 30, 300, 3000—кратныя трехъ. Также и въ Римѣ на ряду съ тремя трибами были 3 центурии всадниковъ, 30 курій, 300 сенаторовъ и 3.000 легионныхъ солдатъ. Но и въ Италиі есть слѣдъ аналогичнаго дѣленія. Въ городѣ Мантуѣ населеніе распадалось на три трибы, а въ каждой было по четыре куріи ¹⁾. Въ Мантуѣ еще до поздняго времени сохранялась этруская національность. Три трибы встрѣчались, можетъ быть, и въ городахъ собственной Этрурии, даже подъ

сопровождаяшій ихъ народъ, происходили общее жертвоприношеніе и жертвенный пиръ. Для помѣщенія такой массы народа расчищали лѣсъ (nemus). Кроме того для животныхъ, назначаемыхъ къ приношенію въ жертву, требовалось пастбище. Расчищенная площадь, служившая сборищемъ людей во время празднествъ, называлась lucus. Такіе священные luci со временемъ дѣлались мѣстами для совѣщанія (conciliabula) объ общихъ дѣлахъ соседнихъ общинъ; они служили также для храненія (depositoria) общей военной добычи. Такимъ образомъ, подобныя священныя расчищенныя мѣста (luci) дѣлались центрами союзовъ. По свидѣтельству Катона (fr. 58 Peter), напримѣръ, священная рощища Діаны въ арциійскомъ лѣсу (lucus Dianus in nemore Aricino) была центромъ одного союза восьми латинскихъ городовъ. Не требуется, думаемъ, послѣ этого многихъ словъ для того, чтобы придти къ убѣжденію, что священное мѣсто, называемое Alba Longa, служившее союзнымъ центромъ латинскихъ городовъ, во всѣхъ отношеніяхъ соответствовало указаннымъ только что условіямъ. Развитие ея изъ священной рощищи, такъ сказать, предъ нашими глазами. Для большого числа союзниковъ и собирающейся къ празднествамъ толпы требовалось расчистить особенно большую площадь, отсюда и названіе Alba Longa, то-есть, широкая рощища.

¹⁾ Serv. ad Aen. 10, 202 Mantua tres habuit populi tribus, quae et in quaternas curias dividebantur.

тѣми-же названіями, какъ и въ Римѣ ¹⁾). Къ числу аналогій можно еще присоединить немного измѣнившуюся въ сравненіи съ дорійскою системою четырехъ филъ, принятою во всѣхъ іонійскихъ государствахъ. Аналогія эти повольно должны вызвать болѣе широкій взглядъ на историческое начало римскихъ трибъ. По традиціонному объясненію онѣ образовались подъ вліяніемъ совершенно единичнаго историческаго событія—случайнаго соединенія трехъ націй. Невозможно же, чтобы въ столькихъ мѣстахъ по какому-то странному совпаденію случайныхъ событій получалось одинаковое явленіе. Это соображеніе побудило Шwegлера (R. G. 1, 500) поставить вопросъ, не заключается ли въ дѣленіи римскаго народа на три части извѣстное бытовое или политическое начало. Къ сожалѣнію, Шwegлеръ тотчасъ-же уклонился отъ поставленнаго вопроса, увлекшись воображаемою возможностью при помощи преданія объ албанцахъ возстановить старую полуразрушенную этническую теорію. Мысль Шwegлера, отвергнутая самимъ ея авторомъ, все-таки не пропала даромъ. Съ новою силою она возвращается у Моммзена. Дрепѣйшимъ дѣленіемъ римскихъ гражданъ на три элемента, говоритъ онъ (R. G. 5-ое изданіе, 1, 44), злоупотребляли самымъ ужаснымъ образомъ; безтолковое мнѣніе, что римляне народъ смѣшанный изъ трехъ главныхъ расъ Италіи, оттуда беретъ свое начало. Благодаря этому мнѣнію, тотъ народъ, который развилъ свой языкъ, свой государственный бытъ и свою религію такъ своеобразно, какъ мало другихъ народовъ, превращается въ безпорядочную рухлядь, состоящую изъ всякаго рода осколковъ, этрусскихъ и сабинскихъ, эллинскихъ и даже пелазгскихъ. Отвергая старую этническую теорію, онъ предлагаетъ новую: Тиціи, Рамны и Люцеры—имена трехъ волостей (Gaue), вѣкогда независимыхъ другъ отъ друга. Прежде, чѣмъ образовался городъ на берегу

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ О. Мюллеромъ и Дееке толкуются слова Варрона (De l. l. 5, 65) sed omnes haec vocabula (sc. Tatienses Ramnenses Luceres) tusca. ut Volnius, qui tragoedias tuscas scripsit, dicebat. Разгадать, на чемъ основывалось рассужденіе Вольнія, конечно невозможно. Можетъ быть, онъ и просто имѣлъ въ виду какую-нибудь этимологію, которая, какъ большинство этимологій латинскихъ словъ изъ чужихъ языковъ, наиримѣръ, греческаго, основана на какомъ-нибудь созвучіи. Впрочемъ, этрусскій языкъ, кажется, изобилуетъ словами, заимствованными изъ языковъ покоренныхъ италійскихъ племенъ. Во всякомъ случаѣ неопредѣленное и голословное показаніе Вольнія не можетъ имѣть нѣтъ въ именахъ римскихъ трибъ видѣть старинныя латинскія слова. Такого мнѣнія между прочимъ и Шwegлеръ (R. G. 1, 500).

Тибра, члены трёх волостей занимались земледельствомъ въ открытыхъ поселкахъ, а на холмахъ имѣли свою крѣпость, или у каждой волости была своя отдѣльная крѣпость, которая служила убѣжищемъ для людей и скота. Три волости потомъ слились въ одну общину, съ одною общою ратушею (*curia*). Итакъ, Римъ соединился путемъ политическаго синицизма, подобно синицизму аттиковъ, изъ котораго образовался общій городъ Аоины. Послѣ соединенія каждая изъ бывшихъ трехъ волостей продолжала жить на своемъ прежнемъ земельномъ участкѣ и равнымъ числомъ участвовала въ составѣ гражданскаго войска и собраніи старшинъ. Въ сакральномъ устройствѣ Рима также проглядываетъ слияніе трехъ единицъ. Число почти всѣхъ древнѣйшихъ жреческихъ коллегій дѣлится на три. Таково, по мнѣнію Моммзена, происхожденіе трехъ трибъ и значеніе ихъ для начала римскаго государства. Объясненіе его отличается большою простотою и ясностью. Тѣмъ не менѣе невозможно не замѣтить нѣсколькихъ важныхъ пунктовъ, недостаточно выясненныхъ. Впервыхъ, рѣшительное отверженіе Моммзеномъ стараго мнѣнія не вполне достигаетъ своей цѣли. Волею-неволею ему пришлось помириться съ присутствіемъ чужаго, не латискаго, элемента — сабинянъ, изъ которыхъ, по преданію, состояла триба таціевъ. Моммзенъ постарался смягчить неудобную примѣсь сабинянъ разными предположеніями: сабельское племя въ старину не такъ рѣзко отличалось отъ латискаго, сабинскій элементъ ассимилировался латинскому и т. д. (R. G. I, 45). Но знаменитый историкъ, видимо, самъ не удовлетворился подобными оговорками. Это доказываетъ его статья *Die Tatiuslegende*, вышедшей тридцать лѣтъ спустя послѣ Римской Исторіи. Съ содержаніемъ статьи мы уже познакомились и увидѣли, какъ авторъ ея всѣми силами остроумія и ученыхъ знаній старается доказывать неподлинность преданія о сабинянахъ, заявляя при этомъ въ концѣ статьи, что все преданіе о древнѣйшемъ политическомъ порядкѣ Рима сдѣлалось бы во всѣхъ отношеніяхъ яснымъ и простымъ, если только оттуда выбросить сабинянъ и Тація. Мы, напротивъ, думаемъ, что для выясненія древнѣйшаго политическаго порядка необходимо, не выбросить конечно римскихъ сабинянъ изъ подлиннаго преданія, которому они были извѣстны безъ сомнѣнія со временъ болѣе древнихъ, чѣмъ первая редакція лѣтописи, а выяснить настоящее значеніе ихъ въ древнѣйшемъ строѣ государства. Присутствіе сабинянъ въ составѣ римскаго народа, повторяемъ, одинъ изъ темныхъ вопросовъ, не рѣшенныхъ Моммзеномъ.

Второй пунктъ, вызывающій въ изложеніи Моммзена сомнѣнія, это число трибъ и отношеніе послѣднихъ къ древнѣйшей римской общинѣ. Приведенныя Шwegлеромъ аналогіи дѣленія общинъ на три филы, напримѣръ, у дорійцевъ игнорируются Моммзеномъ вполне. Онъ, правда, допускаетъ мысль, что тройственность дѣленія обусловлена какою-то особенною причиною. Онъ ставитъ вопросъ, не совпали-ли у грековъ и италійцевъ понятія „дѣлить“ и „дѣлить на три части“ (*tribuere*, дѣлать, отъ *tres*), такъ что дѣленіе народа по этой греко-италійской системѣ само-собою принимало форму дѣленія на три части. Но онъ оставляетъ эту мысль какъ несогласную съ фактомъ сліянія трехъ самостоятельныхъ племенъ, на которое намекаетъ римское преданіе (R. G. 1, 41). Итакъ, мнѣніе Моммзена сводится къ тому, что число римскихъ „племенъ“, а слѣдовательно и дорійскихъ или іонійскихъ, дѣло случая. Въмѣсто трехъ волостей, случайно находившихся на берегахъ Тибра, могли-бы соединиться и болѣе, въ родѣ ста или болѣе аттическихъ димовъ, соединившихся въ Аоннахъ. Такъ, въ обсужденіе вопроса снова вводится моментъ случайности, не допускающій вникать въ самую суть вопроса. Мы думаемъ, что число римскихъ трибъ не случайно, а находилось, по всей вѣроятности, въ связи съ какими-то неизмѣнными бытовыми условіями древнѣйшей римской общины, одинаковыми или схожими, можетъ быть, съ тѣми условіями, изъ которыхъ происходила и система дѣленія дорійскихъ и іонійскихъ общинъ. Пока не будетъ обсуждена эта возможность надлежащимъ образомъ—а въ современной литературѣ нѣтъ никакихъ серьезныхъ обсужденій ея,—вопросъ о римскихъ трибахъ останется открытымъ.

Еще третій вопросъ послѣ Моммзена нуждается въ новомъ разсмотрѣніи. Нибуръ, какъ извѣстно, полагалъ, что городъ Римъ образовался изъ соединенія трехъ отдѣльныхъ городовъ, согласно числу трибъ. Кромѣ палатинскаго города Рамновъ, древнѣйшаго Рима, на Квиринальскомъ холмѣ и на Капитоліѣ находился Квириумъ, городъ квиритовъ, таціевъ или сабинянъ. Третій городъ на Целіѣ былъ Люцерумъ, селеніе люцеровъ. Догадка Нибура, въ измѣненномъ видѣ, возвращается у Моммзена. Со свойственной ему гениальностью рисуетъ онъ картину древнѣйшаго города, центромъ котораго была палатинская гора (R. G. 1, 49 сл.) и предѣлы котораго совпадали съ Септимонциемъ Феста. Противъ этого города „горныхъ римлянъ“ (*Romani montani*) высился на Квиринальскомъ холмѣ другой городъ „римлянъ холма“ (*Romani collini*). Картина этого города менѣе ясна по той простой

причинѣ, что о первомъ городѣ въ римской традиціи есть очень положительныя данныя, о второмъ, собственно говоря, никакихъ показаній нѣтъ. Гипотеза Моммзена о существованіи особаго квиринальскаго города встрѣтила въ ученой литературѣ болѣе или мѣнѣе рѣзкую оппозицію. Противники Моммзена ссылаются на полное молчаніе источниковъ о второмъ городѣ и на отсутствіе всякихъ слѣдствъ древнихъ укрѣпленій на Квиринальскомъ холмѣ. Но оба аргумента вѣрны только по отношенію къ городскому характеру селенія на Квириналѣ. Принять предположеніе о существованіи такого селенія, къ которому принадлежалъ и Капитолій, вполне возможно. Это селеніе сабиняицъ, память о которомъ сохранилась въ римскомъ преданіи (Швеглеръ R. G. 1, 480). Оно лежало за хорошо извѣстными предѣлами стараго города. Также за городомъ, на Целіѣ, по преданію, съ древнѣйшихъ временъ находился поселокъ такъ называемыхъ албанцевъ. Если вѣрно, что Квиринальскій холмъ не былъ обведенъ стѣною, другими словами, не былъ городомъ, то съ другой—очень вѣроятно, что обитатели двухъ загородныхъ поселковъ нѣкогда пользовались извѣстною самостоятельностью по отношенію къ городскому населенію. Они отличались отдѣльными именами—Sabini и Albani, имѣли свои отдѣльныя sacra—Sabina и Albana, свою курію, древнюю curia Hostilia, и свою собственную крѣпость—Капитолій, куда они могли спастись во время войны. Римскій пригородъ хотя не развился до полнаго города, но во всякомъ случаѣ носилъ въ себѣ зародыши города. Изъ подобныхъ открытыхъ поселковъ, лежавшихъ вокругъ одного укрѣпленнаго убѣжища, безъ сомнѣнія, когда-то образовался и палатинскій Римъ, образовалось, по всей вѣроятности, большинство городовъ Италиі, Греціи и остальныхъ европейскихъ странъ. Не достигнувъ полнаго городского развитія, этотъ пригородъ Рима соединился когда-то съ городомъ, а изъ слиянія обоихъ вышелъ тотъ Римъ, съ которымъ мы встрѣчаемся въ началѣ историческаго времени. При такихъ предположеніяхъ представляется возможнымъ принять и общее положеніе Моммзена о двойномъ составѣ населенія Рима и согласовать его съ нашимъ преданіемъ. Прибавляемъ, что дѣленіе городского населенія на montani, старгородныхъ, и ragani, пригородныхъ, долго еще сохранялось въ сознаніи римлянъ; оно, между прочимъ, извѣстно Цицерону (De domo 28, 74) ¹⁾. Къ представляемой нами картинѣ вполне, думаемъ, подходятъ

¹⁾ См. Моммзена Röm. Staatsrecht 3, 114 сл.

и трибы. На основаніи преданія мы можемъ утверждать, что рамны, народъ Ромула, составляли населеніе стараго города, а сабиняне Тита Тиція, то-есть, триба таціевъ, занимали Квиринальскую гору, люцеры же или албанцы—Целійскую. По отношенію къ старому городу одна триба была городская, двѣ пригородныя. Каждая занимала извѣстную часть площади, занимаемой впоследствии городомъ. Этимъ не исключается, чтобы каждой трибѣ принадлежали также и поля въ окружающей загородной области, такъ что согласно Варрону (De l. l. 5, 55) *ager Romanus primum divisus in partes tris, a quo tribus appellata Tattensium, Ramnium, Lucerum*. Отдѣльное жительство необходимо вытекать изъ самаго понятія *tribus*, заключающаго въ себѣ непременно дѣленіе почвы ¹⁾. Дѣленіе городской почвы на три трибы подтверждается и позднѣйшими четырьмя городскими трибами близко примыкающими къ древнѣйшимъ трибамъ ²⁾. Несмотря на это, Моммзенъ по какому-то странному произволу рѣшаетъ, что дѣленіе почвы между тремя трибами отнеслось только къ загородной области (*ager Romanus*), тогда какъ въ городѣ тиція, рамны и люцеры съ самаго начала жили въ перемѣшку (R. G. 1, 52; R. St. 3, 98). Мы полагаемъ, что Моммзенъ и въ этомъ пунктѣ напрасно преградилъ путь всякому успѣшному изслѣдованію вопроса. Вопросъ, какъ намъ кажется, въ томъ, по какой причинѣ земля римской общины въ древнѣйшее время была раздѣлена на три части и какими образомъ заселялись эти части и сдѣлались частями общаго города.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своего взгляда на происхожденіе и значеніе трибъ, мы вкратцѣ коснемся еще недавно появившейся статьи Бормана ³⁾. Цѣль этой статьи сводится къ полному отричанію факта существованія трехъ древнѣйшихъ трибъ. Первенство этого открытія принадлежитъ не Борману, а Низе ⁴⁾, заявившему еще въ 1888 г., что „по сравнительно лучшей версіи царской исторіи, у Ливія, Тиція, Рамны и Люцеры не трибы, не отдѣленія всего народа, а центуріи всад-

¹⁾ Моммзенъ (R. Staatsr. 3, 95).

²⁾ Швеглеръ (R. G. 1, 736): Новое дѣленіе примыкало къ старому. Пала-тинская триба соответствовала старой трибѣ рамновъ, коллинская—тиціамъ, субурская, главную часть которой составлялъ Целій, люцерамъ. Прибавилась только вновь приставшая къ городу часть, эсквилинская.

³⁾ Die älteste Gliederung Roms, въ *Eranos Vindobonensis*, Wien 1893, стр. 345 сл.

⁴⁾ *Historische Zeitschrift* N. F. 23 (1888), стр. 500 (не указано Борманомъ); *Müllers Handbuch d. Altertumswiss.* 3, 585.

никовъ, Это значеніе ихъ единственное, доказанное фактами; въ качествѣ трибъ они никогда, вѣроятно, не существовали⁴. Дѣло въ томъ, что Ливій о трибахъ говоритъ дѣйствительно не при изложеніи царской исторіи, а позже, въ десятой книгѣ (10, 6, 7); въ первомъ же мѣстѣ (1, 13, 8) приписываетъ Ромулу устройство трехъ центурій всадниковъ, какъ извѣстно, соименныхъ съ тремя трибами. Молчаніе Ливія о трибахъ въ первой книгѣ комментаторами его объяснялось или особенными соображеніями автора или просто тѣмъ, что онъ въ теченіи разказа не находилъ удобнаго случая или надобности говорить о трибахъ. Въ десятой книгѣ нашелся такой случай, которымъ онъ и воспользовался. Упомянуть же именно объ устройствѣ и наименованіи центурій при Ромулѣ для Ливія необходимо было потому, что онъ нѣсколько далѣе возвращается къ этому факту, по поводу знаменитой исторіи Атты Павія (1, 35). Аргументація Низе, что Ливій о трибахъ ничего не зналъ, потому что не сказалъ о нихъ, гдѣ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ и слѣдовало бы ему сказать, эта аргументація очень натянутая. Едва ли не натянутѣе еще вторая мысль, что незнаціе лучшаго представителя анналистики доказываетъ отсутствіе всякаго достовѣрнаго преданія. О трибахъ, кромѣ Ливія въ десятой книгѣ, пишутъ не мало очень почтенныхъ писателей. Кромѣ Діонисія, тоже представителя анналистики, есть преданіе римскихъ археологовъ. Свидѣтельства ихъ для всѣхъ вопросовъ государственныхъ, сакральныхъ и бытовыхъ древностей полиѣ и компетентнѣе, чѣмъ свидѣтельства ашталитовъ. У Варрона и Феста есть множество данныхъ, не встрѣчающихся у Ливія. Неужели этими драгоценнѣйшими матеріалами можно пренебрегать, потому что Ливій, „сравнительно“ лучшій представитель анналистики, не обнаруживаетъ знакомства съ ними? Этотъ пробѣлъ въ аргументаціи Низе пополняется Борманомъ. Свѣдѣнія Варрона о древнѣйшихъ трибахъ, считались до сихъ поръ самыми авторитетными. По мнѣнію Бормана, три трибы, никогда не существовавшія, выдуманы Варрономъ. Слово *tribus*, по Варрону производится отъ *tres*. Слѣдовательно, древнѣйшія трибы были третями. На самомъ же дѣлѣ съ древнѣйшихъ временъ были четыре трибы городскихъ и извѣстное число сельскихъ. Варронъ для оправданія своей этимологіи предположилъ, что еще раньше Сервіи Туллія существовали три трибы, имена которыхъ онъ заимствовалъ у существующихъ еще въ его время центурій всадниковъ, такъ какъ все устройство римскаго войска, число легионныхъ солдатъ, военныхъ трибуновъ и т. д., казалось, находится въ зависимости отъ числа трибъ. Доказательствомъ того, что трибы сочинены Варрономъ, по

миѣнію Бормана, служить молчаніе всѣхъ авторовъ, писавшихъ до Варрона. Таціями, Рамнами и Люцерами у нихъ называются не трибы, а центуріи всадниковъ. Всѣ авторы, говорящіе о трибахъ, познакомились съ ними благодаря Варрону. Мы думаемъ, что это вовсе не такъ и что у Бормана это доказательство получилось только при помощи сильныхъ натяжекъ. Что касается доварроновой литературы, то весь *opus probandi* сваливается у Бормана опять на несчастнаго Ливія. Въ первой книгѣ онъ пользовался анналистами времени Суллы. Въ то время Варронъ только что родился, слѣдовательно свидѣтельство Ливія древнѣе Варрона. Въ десятой книгѣ за то тотъ же Ливій моложе Варрона. До Варрона и Суллы жили Энній и Юній Гракханъ, современникъ Гракховъ. На нихъ ссылается Варронъ (*De l. l. 5, 55*). „Римская область“, пишетъ онъ, „сначала дѣлилась на три части. откуда триба называемая Таціевъ, Рамновъ и Люцеровъ. Наименованы, какъ говоритъ Энній, Таціи отъ Тація, Рамны отъ Ромула, Люцеры, согласно Юнію, отъ Лукумона“. Варронъ ясно говоритъ, впервыхъ, о происхожденіи трибъ изъ дѣленія римской области на три части, а вовторыхъ, объ этимологіи именъ этихъ же трибъ, при чемъ онъ ссылается на Эннія и Юнія, также значить, говорившихъ о трибахъ. Сказаніе о Лукумонѣ вѣдь сводилось къ тому, что изъ этрускаго войска его образовалась триба Люцеровъ. По голословному утверженію Бормана, Энній и Юній говорили не о трибахъ, но о центуріяхъ всадниковъ, о которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ слова въ цитатѣ Варрона. Превративъ такимъ образомъ всѣхъ доварроновскихъ свидѣтелей о трибахъ въ свидѣтелей о центуріяхъ, Борманъ переходитъ къ тезису, что во время Варрона и послѣ него не было никакого другаго преданія о трибахъ. О нихъ сообщается цѣлый рядъ свѣдѣній въ лексиконѣ Феста. До сихъ поръ считалось одною изъ наиболѣе прочныхъ основъ критики, что Фестъ передаетъ ученіе Верріи Флакка, противника Варрона. Свѣдѣнія Феста о трибахъ (см. *Lucereses, Lucocomedi, Titiensis tribus, Sex Vestae sacerdotes*) замѣтно отличаются отъ варроновыхъ. Борманъ устраняетъ и это преданіе простымъ заявленіемъ, что Фестъ воспользовался Варрономъ. Изъ Варрона, говоритъ онъ, взято, вѣроятно, также показаніе Ливія въ десятой книгѣ, рѣшая такимъ образомъ предвзятымъ миѣніемъ темный вопросъ объ источникахъ первой декады Ливія и разсѣянныхъ по ней археологическихъ замѣтокъ. Относительно Цицерона (*De ger. 2, 9, 16*), Діонисія и поэтовъ, Проперція и Овидія, у которыхъ также встрѣчаются опредѣленные показанія о трибахъ

Борманъ не обмолвился ни однимъ словомъ; вѣроятно, не стоило особенно говорить о томъ, что и они вполне зависямы отъ Варрона. Изъ такого безпристрастнаго разбора свидѣтельствъ не трудно вывести результатъ, что ни одинъ писатель, кромѣ Варрона, не зналъ о существованіи трехъ трибъ, а всѣмъ извѣстны были только три центуриіи Тиціевъ, Рамновъ и Люцеровъ. Теперь возникаетъ интересный вопросъ: откуда же взялись эти центуриіи, если не изъ трехъ трибъ? Это, говоритъ Борманъ въ концѣ статьи, намъ пока неизвѣстно; но, можетъ быть, оно выяснится черезъ нѣсколько времени, если изученіе римскихъ и италійскихъ древностей будетъ прогрессировать въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ оно прогрессировало за послѣдніи пятьдесятъ лѣтъ, благодаря рѣдкимъ заслугамъ Моммзена. Знаменитый архигетъ римскихъ штудій давно уже высказался о происхожденіи центуриіи всадниковъ: въ противоположность къ ежегодно мѣняющемуся составу пѣшаго войска, въ конницѣ постоянно служили одни и тѣ же граждане. Поэтому въ ней и сохранялись древнѣйшіе порядки римскаго войска. Центуриіи всадниковъ распадалась на дважды три центуриіи *Tities*, *Rammes* и *Luceges* и двѣнадцать новыхъ безымянныхъ. Первыя соответствовали древнѣйшему дѣленію народа, такъ какъ все войско сначала состояло изъ контингентовъ трехъ трибъ. Въ пѣшемъ войскѣ этотъ порядокъ былъ замѣненъ другимъ, въ конницѣ онъ остался нетронутымъ, прибавились лишь новыя центуриіи къ старымъ (R. St.-R. 3. 106 сл.). Прибавляемъ, что особыя имена старыхъ центуриіи и безымянность другихъ рѣшительно допускаютъ только одно объясненіе. У каждой изъ первыхъ сначала былъ свой особый составъ, иначе не нужно было различать ихъ особыми именами; безымянныя центуриіи, какъ и центуриіи пѣшихъ, набирались изъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ безъ различія. Наконецъ, обращаемъ вниманіе и на аналогію древнѣйшихъ порядковъ греческихъ съ предполагаемымъ Моммзеномъ римскимъ порядкомъ. Въ Иліадѣ уже (В 362) Несторъ совѣтуетъ Агамемнону разставить войско по филамъ и фратріямъ (*κατὰ φύλα, κατὰ φρήτρας*). чтобы одна фила или фратрія помогала другой. Не будемъ говорить о всѣмъ извѣстныхъ фактахъ, на примѣръ, о десяти филахъ (*φυλαί*) или отдѣленіяхъ аѳинскаго войска и т. п. Взаимное отношеніе дѣленій народа и народнаго войска до того естественны и понятны, что и связь трехъ древнихъ центуриіи съ тремя трибами едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Итакъ, еслибъ Варронъ на самомъ дѣлѣ по центуриіямъ угадалъ прежнее существованіе трехъ трибъ, то эту

конъектуру надо признать необыкновенно удачной и равносильною полной истиной. Думаемъ, однако, что онъ не нуждался въ подобной конъектурѣ, потому что существованіе трибъ было засвидѣтельствовано всѣми преданіемъ. Статья Бормана, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ вниманія только какъ примѣръ того парадоксальнаго мнѣнія, что трудные научные вопросы можно рѣшать простымъ ихъ отрицаніемъ.

Каждая изъ трехъ трибъ занимала отдѣльную часть римской земли, по свидѣтельству Варрона (*De l. l. 5, 55 ager Romanus primum divisus in partes tribus, a quo tribus appellata Tatiensium Ramnium Lucerum*). Это показаніе вполне оправдывается терминомъ *tribus*, который обозначалъ известную часть римской области, затѣмъ живущихъ на ней гражданъ, а наконецъ, и права, вытекающія изъ такого жительства ¹⁾. Изъ разсужденій нашихъ о люцерахъ или римскихъ албанцахъ выяснилось, что мѣсто жительства ихъ составляла лѣсная часть пространства, впоследствии заключеннаго въ городскихъ предѣлахъ Рима. Люцеры напоминаютъ одну изъ трехъ дорійскихъ филъ, филу „лѣсныхъ“ (*Υλλεϊς*) ²⁾. Если принять въ соображеніе, что и дорійскія филы, судя по нѣкоторымъ несомнѣннымъ слѣдамъ, получили свое начало отъ раздѣленія земли, ими занимаемой ³⁾, то изъ повторенія особенной филы лѣсной невозможно не вывести заключенія, что одна часть земли дорійскихъ общинъ по твердому правилу оставлялась покрытою лѣсомъ. Такое правило легко объясняется хозяйственною необходимостью. Прекрасное описаніе Илиады (*V, 490*) наглядно показывать, съ какою беззаботностью въ тѣ времена сжигали лѣсъ. Интересами общества требовалось препятствовать полному истребле-

¹⁾ Ср. опредѣленіе Веррива Флакка у Геллія 18, 7, 5 *tribus et curias dici et pro loco et pro iure et pro hominibus*. Моммзенъ (*St.-R.* 3, 96) говоритъ: *die beiden römischen Tribusordnungen, die wir kennen, beruhen gleichmässig auf der Bodentheilung*.

²⁾ Встрѣчаются слѣдующія варианты имени: *Υλλοι, Υλλεϊες, Υλλης, Υλλεϊς, Υλλειοι*. Общая основа ихъ *ϖλλη*, то-есть *ϖλφη* = *silva*, причемъ *λφ* путемъ правильной ассимиляціи перешло въ *λλ*, и въ формѣ *ϖλλη* удвоеніе согласнаго замѣнено протяженіемъ гласнаго.

³⁾ Такой смыслъ О. Мюллеръ (*Die Dorier* 1, 105 стр. 2, 71) придаетъ стихамъ Илиады (*B 655*) *οἱ Ῥόδοι ἀμφινέμοντο διὰ τρίχα κοσμηθέντες Δινδόν Ἰηλοσόν τε καὶ ἀργυρέαντα Κάριον*. Одна часть города Аргоса называлась *τὸ Παμφυλιακόν* (Плут. κ. ἀρετ. γυν. 4). *Δύμη*, по показанію Психія, *ἐν Σπάρτῃ φυλὴ καὶ τόπος*.

нiю лѣса, необходимаго для добыванiя строительнаго матеріала и топлива. При возрастанiи числа членовъ общины и усиливающейся вслѣдствіе этого потребности въ новой пашнѣ по необходимости стали отводить лѣсные участки для очищенiя. Со временемъ лѣсная почва покрывалась поселками лѣсныхъ поселенцевъ, которыхъ, думаемъ, въ Римѣ называли люцерами, а у дорійцевъ Ὑλλεῖς. Заселенiю лѣсной части, вѣроятно, способствовала близость города, такъ какъ для всякаго выгодиѣ и желательнѣе, чтобы поля лежали какъ можно ближе отъ домовъ. Завоеваніе или мирное присоединеніе окрестной мѣстности давало общинѣ возможность замѣнять пригородный лѣсъ другими лѣсами, лежавшими въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ города. Такъ по римскому преданiю уже четвертый царь позаботился о приобрѣтенiи новаго общиннаго лѣса, *Silva Maesia*, отнятаго у вейцевъ. Разъ мы признаемъ, что одна изъ трехъ земельныхъ частей, называемыхъ *foedae* или *tribus*, была основана на хозяйственномъ началѣ, само собою является предположеніе, что и другія двѣ трети основаны на томъ же началѣ. Если одна треть общей земли была выдѣляема изъ пашни и оставляема подъ лѣсомъ, то слѣдовательно двѣ трети, по всему вѣроятiю, составляли именпо пахатную землю или служили одновременно, при двухпольной системѣ, и выгономъ. Дѣленіе этой земли на двѣ части наводитъ на мысль, что ею пользовались разлчно. При попыткѣ выяснить себѣ способы пользованiя встрѣчаемъ много затрудненій, вслѣдствіе неизвѣстности аграрныхъ порядковъ древнѣйшихъ временъ Греціи и Рима. Особенно затемненъ временемъ самый главный вопросъ, была ли у грековъ и римлянъ когда нибудь принята система общиннаго землевладѣнiя, общаго пользованiя землею, исключашаго или ограничивашаго частную поземельную собственность. Объ этомъ вопросѣ въ ученой литературѣ не разъ поднимались пренiя, не поведшія, однако, ни къ какому опредѣленному концу. Главная причина безуспѣшности—недостатокъ матеріала для рѣшенiя спора. Дошедшіе до насъ источники, какъ литературные, такъ и эпиграфическіе, вообще даютъ не много свѣдѣній объ аграрныхъ порядкахъ Греціи, а о порядкахъ древнѣйшихъ временъ тѣмъ менѣе. Аристотель (*Политика* 1, 1) ссылается на какихъ-то *ὀμοστικοί* (живущихъ общимъ сборомъ плодовъ) и *ὀμόχατοι* (пользующихся общимъ садомъ), упомянутыхъ Харондою и Эпименидомъ, но въ другомъ мѣстѣ (*Политика* 2, 4) совмѣстное пользованіе землею онъ признаетъ обычаемъ только нѣкоторыхъ негреческихъ народовъ. Одинъ англій-

скій ученый ¹⁾ постарался доказать, что Иліадъ еще не извѣстна частная земельная собственность. Изъ аргументовъ его одинъ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, а именно что личное богатство всегда опредѣляется количествомъ скота или движимаго имущества, а не земли. Относительно остальныхъ показаній Гомера, на которыя ссылается авторъ въ пользу своего положенія, правильнѣе сознаться, что они не даютъ никакихъ убѣдительныхъ указаній. Во всей греческой литературѣ есть только одно несомнѣнное свидѣтельство объ общемъ пользованіи и владѣніи землею. Это интересное, можно сказать, драгоценное показаніе дошло до насъ въ разказѣ Діодора о поселеніи кипрскихъ и родосскихъ выходцевъ на Липарскихъ островахъ около 570 г. до Р. Х. Разказъ Діодора (V 9) слѣдующій: На пути изъ Сициліи домой „они пристали къ Липарѣ... Впослѣдствіи тѣснымие тирренцами, которые занимались морскимъ разбоемъ, они снарядили флотъ и раздѣлились такъ, что одни изъ нихъ воздѣлывали землю, обративши острова въ общее владѣніе, другіе отражали нападенія разбойниковъ. Общими сдѣлали они также движимыя имущества, имѣли товарищескіе столы и нѣкоторое время прожили общою жизнью. Потомъ они раздѣлили между собою Липару, гдѣ находился и городъ ихъ; а прочіе острова воздѣлывали сообща. Наконецъ, они подѣлили между собою всѣ острова на двадцать лѣтъ, а по прошествіи этого времени снова дѣлятъ земли на участки по жребію и владѣютъ жеребьевыми участками“ ²⁾. Этотъ разказъ подвергался различнымъ толкованіямъ: одни ученые, стоящіе за существованіе общиннаго владѣнія и у другихъ грековъ, усматривали въ земельныхъ порядкахъ липарцевъ подкрѣпленіе своего взгляда. Другіе ученые, увѣренные въ томъ, что греки съ самаго начала признавали только частное владѣніе землею, не соглашались съ обобщеніемъ прямира липарцевъ, считая описываемые Діодоромъ порядки только исключеніемъ изъ общаго правила. Эти необыкновенные порядки объясняются, по мнѣнію тѣхъ же ученыхъ, ненормальными условіями перваго времени, когда поселенцы, занятые войною съ этрусками, не успѣли еще устроиться окончательно. Какъ только они достигли полной

¹⁾ Н. Ridgeway The Homeric Land-System (Journ. of Hellenic Studies 6, 319—339).

²⁾ См. статью Ф. Г. Мищенко, Общность имущества на Липарскихъ островахъ: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, ноябрь.

осѣдлости, тогда въ скоромъ времени водворился нормальный порядокъ частнаго владѣнія землею. Итакъ, каждая сторона стоитъ на своемъ мнѣшнн, и дѣйствительно, на рѣшеніе спора можно надѣяться только въ томъ случаѣ, если удастся привести новыя, рѣшающія данныя. Таковыя однако имѣются, если только принять въ соображеніе происхожденіе липарскихъ поселенцевъ изъ Кипда и Родоса. Земледѣльческій бытъ повсюду отличается стремленіемъ къ сохраненію старыхъ порядковъ. Поэтому легко можетъ быть, что липарцы отчасти руководились старою аграрною системою своей родины и въ новыхъ мѣстахъ возобновили селенческіе обычаи своихъ кипдскихъ и родосскихъ предковъ. На Родосѣ, думаемъ, въ самомъ дѣлѣ возможно найти слѣды организациі пользованія землею подобной той, какую мы встрѣтили у липарцевъ. О первомъ фазисѣ, чрезъ который проходила колонія дорійскихъ переселенцевъ, нѣкогда устроившихся на Родосѣ, могутъ свидѣтельствовать имена собственныя населенныхъ мѣстъ острова. Останавливаемся на нихъ вкратцѣ въ виду возможности пролить отсюда немного свѣта и на значеніе трехъ филъ.

Островъ Родосъ съ древнихъ временъ былъ раздѣленъ на три части, Іалисъ, Камиръ и Линдъ, и въ каждой изъ этихъ частей по намеку Иліады (В 654) обитала одна фила. Три филы родосцевъ были тождественны съ тремя филами дорійскихъ государствъ ¹⁾. На каждой изъ трехъ частей острова образовался отдѣльный городской центръ, а въ 410 г. до Р. Хр. обитатели трехъ городовъ соединились синикизмомъ и основали большой общій городъ Родосъ. Имена трехъ удѣльныхъ городовъ заслуживаютъ вниманія, какъ свидѣтельства о первобытныхъ условіяхъ поселенія родосцевъ. Имена трехъ городовъ или удѣловъ, какъ извѣстно, Δίνδος, Κάμειροςъ и Ἰάλισος. Первое имя Δίνδος объяснено Фикомъ (Vgl. Wört. 1, 533) на основаніи чисто лингвистическихъ соображеній, вполнѣ независимо конечно отъ предлагаемой нами мысли о значеніи трибъ. Слово Δίνδος по толкованію Фика означало расчищенное мѣсто въ лѣсу (Rodung), что и подходитъ къ филѣ лѣсныхъ (Ἰλλεῖς). Имя второй части Κάμειροςъ, думаемъ, все равно что Κατάμειροςъ (см. гомеровыя формы χαρμόνη, χαρμόη, χαρμόροςъ вмѣсто καταμόνη, καταμούη, καταμόροςъ). Дѣйстви-

¹⁾ Доказательствомъ служить существованіе трехъ филъ въ родосской колоніи Акрагантѣ (С. I. G. 5491).

тельно. эта часть острова была раздѣлена на *χοῖνα*, то-есть, по опредѣленію Исихія, *ὄηροι μεμερισμένοι*, округи размежеванные, раздѣленные на земельные участки. Если эта часть острова слѣдовательно была раздѣлена между членами филы, подобно второй раздѣленной части липарскихъ острововъ, то третья часть острова *Ἰάλωτος*, вѣроятно, въ противоположность къ *Κάρμιρος*, сначала состояла изъ нераздѣленной земли, соответствуя такимъ образомъ нераздѣльной землѣ липарцевъ, воздѣлываемой ими сообща. Къ этому и относилось названіе *Ἰάλωτος*, *Ἰήλωτος*, составленное, какъ мы думаемъ, изъ двухъ словъ: *ἴα* „одна, единая“ и **ἄλωτος* = *ἄλωτος* „нераздѣльный, нераздѣлимый“. Къ тому-же значенію, какъ кажется, приводитъ имя старой крѣпости *Ἰάλωσις*, *Ἀχαιία*, отъ отрицательнаго *ἀ*—и осн. *χα*—(см. *χα-εχω ἔχα-νον, χάος*), „расходиться“. Изъ поселенцевъ этой нераздѣльной земли, должно быть, состояла также одна изъ трехъ филъ, а именно фила *Παμφόλοι* или *Παμφόλιοι*. Названіе ихъ обыкновенно объясняется тѣмъ, что къ дорійцамъ послѣ пришествія въ Пелопоннесъ присоединились разныя недорійскія племена, изъ которыхъ образовалась фила „всѣхъ племенъ“. Объясненіе это само по себѣ невѣроятно, по крайней мѣрѣ основано на двухъ невѣроятныхъ и голословныхъ предположеніяхъ, во-первыхъ, что дорійскія общины когда-нибудь состояли изъ двухъ филъ, а не изъ трехъ, повторныхъ, что въ составъ дорійскихъ гражданъ безъ разбора принимались чужія племена. Словамъ *παμφόλιος, παμφόλος* по аналогіи съ *πανδημιος, πανδημιος* (относящійся ко всему народу, принадлежащій всему народу), можно придавать также смыслъ „принадлежащій всей филѣ“. *Παμφολία* (то-есть, *γῆ*) земля, которую владела вся фила сообща, въ родѣ общей земли липарцевъ ¹⁾. Если

¹⁾ *Παμφολία*, какъ извѣстно, имя страны на южномъ побережьи Малой Азіи, съ очень древнихъ временъ заселенная греческими колонистами. Изъ имени страны мы заключаемъ, что она въ старину составляла одну обширную общину, несмотря на существованіе въ ней нѣсколькихъ городовъ. Указываемъ для аналогіи на громадную общину уральскихъ казаковъ, основанную въ XVI вѣкѣ русскими выходцами изъ московской области. Вся земля на пространствѣ 700—800 квадратныхъ верстъ состоитъ изъ нераздѣльной владѣнн и пользованнн населенія въ 50.000 человекъ. Подобную же общину составляли еще не въ очень давнее время допскіе казаки. Въ связи съ памфильцами, по видимому, находились и кипрскіе греки, на что указываетъ родство ихъ нарѣчія съ памфильскимъ. Островъ знали *Κύπρος* (сл. скр. *απι-σις*, стремиться къ чему душою, лат. *cupio* и *Κύπρος*, имя богини любви и вожделѣннн) и *Μήριον* (отъ *μαίρα* желать) и *Σεφ*

удѣлу намфильцевъ на Родосѣ соответствовала іалісская область, а Линдъ удѣлу „лѣсныхъ“ (Ἰλλεῖς), то слѣдовательно удѣлъ третьей филы Δορῆνες равнялся Камиру. Эта часть состояла изъ частныхъ надѣловъ, которые, слѣдуетъ думать, отдавались въ полную собственность, можетъ быть—цѣлымъ родамъ. Слово Δορῆν, то-есть, обитающій на *домя (сл. имя собств. Δορῆ), вѣроятно, производится отъ δό-ν-αμι δό-ν-αμις. Δορῆνες слѣдовательно были „властные“, полно-властные надъ своею землею. Происхожденіе этой филы можно себѣ представить такимъ образомъ, что въ первыя времена послѣ основанія общины воздѣлывалась не вся земля; обиліе земли при сравнительно маломъ числѣ населенія позволяло удовлетворить хозяйственной потребности всѣхъ наличныхъ членовъ общины, оставляя въ запасъ значительную часть земли. Такъ по крайней мѣрѣ поступали крестьянскія общества во всѣхъ странахъ, гдѣ имѣлось обиліе свободной земли при рѣдкости населенія. О древнихъ германцахъ, наиримѣрь, говорить Тацитъ (Germ. 26): *arva per annos mutant, et superest ager*. Въ составъ средневѣковой германской марки, въ которой уже индѣль установилось право частной собственности, входили земли двойкаго рода. Кромѣ частныхъ дворовъ и полей отдѣльныхъ членовъ общины имѣлась еще нераздѣльная земля, состоящая изъ лѣса, луговъ и незанятыхъ пустопорожнихъ земель. Эта общія земля служила запаснымъ капиталомъ для членовъ общины. Какъ только кто нибудь изъ нихъ чувствовалъ потребность увеличить свои поля, онъ могъ это сдѣлать на счетъ нераздѣленной марки. Распаханная имъ земля обращалась въ частную собственность и переставала быть общей. Такъ-же занимались пустопорожніи земли для новыхъ членовъ семейства. Таково-же въ Англии было значеніе незанятой земли (folcland). Очень близки къ средневѣковому порядку германской марки были и порядки поземельнаго владѣнія въ Россіи ¹⁾. Владѣнія на основаніи перваго захвата отчасти сохранялись еще до нашего времени въ сѣверныхъ губерніяхъ Сибири и въ казацкихъ войскахъ. У казаковъ пахотной землѣ и сѣнокосамъ, принадлежавшимъ имъ на правѣ частнаго владѣнія, противопоставались никѣмъ не освоенныя „свободныя,

хія (отъ осн. εἶν, εἶνῶ свой, см. скр. vāka собственникъ, собственность). Въ противоположность къ общей землѣ (πρῆφιλία), на островѣ предоставлялось присвоить землю „по желанію“.

¹⁾ Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, 1, 220.

вольныя степи⁴. Отдѣльные члены общества пользовались степями, по ихъ обилію, безраздѣльно¹⁾). Въ донскомъ войскѣ установился обычай, въ силу котораго всякій, поставившій шалашъ въ степи, могъ пользоваться землею на пространствѣ 50 сажень кругомъ. Болѣе достаточные казаки, имѣвшіе много скота, захватывали большіе участки, прибѣгая къ разнымъ обходамъ обычая. Нанимая работниковъ они устраивали во многихъ мѣстахъ шалаша, стали раздавать бѣднымъ казакамъ участки изъ известной доли урожая, выдавая этихъ арендаторовъ за наемныхъ работниковъ. Такимъ образомъ бывали случаи, что вся земля, на пространствѣ 40 и болѣе верстъ вокругъ деревни, попадала во владѣніе нѣсколькихъ богачей. Бѣдные, которымъ не удалось занять хорошихъ участковъ, должны были довольствоваться худшей землею или обрабатывать отдаленныя мѣста. Такъ какъ и то, и другое было неудобно, то они арендовали землю у зажиточныхъ казаковъ, платя за нее большею частью трудомъ. Общественное положеніе казаковъ стало до того труднымъ, что они наконецъ приступили къ общему передѣлу по примѣру Великороссіи. При новомъ размежеваніи станицъ, по закону 1835 г., на душу дано было 30 десятинъ. Обыкновенно часть земли казаки оставляютъ въ запасъ для будущихъ поколѣній, а десятины по 15 распределяютъ въ пользованіе наличныхъ членовъ общины²⁾). Приводимъ это описаніе казачьихъ земельныхъ порядковъ не только потому, что оно можетъ служить примѣромъ оставленія, при обиліи земли, свободного запаснаго пространства. Оно является еще кромѣ того прекрасной иллюстраціей происхожденія неравенства поземельнаго владѣнія, описываемаго, на примѣръ, въ началѣ Аристотелева трактата объ афинскомъ государствѣ. Главная причина возвышенія земледѣльческой аристократіи въ Афинахъ, закабаленія массы неимущаго сельскаго населенія и обращенія его въ *κλάται*, обработывавшихъ земли богатыхъ изъ шестой доли урожая, заключалась, надо думать, въ непринужденномъ захватѣ общественной земли. Въ дорійскихъ общинахъ лучше умѣли препятствовать развитію неравенства. При устройствѣ общинъ, известную часть земли, имѣющейся въ изобиліи, вѣроятно, оставляли незанятою, въ запасъ для будущихъ поколѣній, на увеличеніе

¹⁾ Сергѣевичъ, 1, 222.

²⁾ Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, П. А. Соколовскаго, стр. 163.

надѣловъ отдѣльныхъ членовъ общества. На этой землѣ, изъятѣй изъ правильнаго оборота общей земли (*κτμφολία*), допускались освобожденія на правахъ полной собственности. Право захвата, если было такое, вѣроятно обставлено было преградительными правилами, которыми не позволялось превышать извѣстную мѣру земли. Двойное дѣленіе земли и двойное право пользованія еще ясно видны въ Спартѣ. Извѣстно, что въ составъ надѣла каждаго спартанца входила такъ называемая *ἀρχαία μοῖρα*, продажа которой была запрещена закономъ.

Въ этомъ ограниченіи права собственности выражается прежняя принадлежность „старого надѣла“ къ общинной землѣ. Остальная часть земли находилась въ полной собственности владѣльца. Поэтому она свободно продавалась, хотя и продажа не одобрялась общественнымъ мнѣніемъ. Другой слѣдъ прежней общности земли спартанцевъ— это товарищескіе столы (*συσσίτια*). Основною мыслью ихъ было равное пользованіе полевыми сборами, оставшесся, какъ видно изъ липарскихъ сисситій, съ того времени, когда поля воздѣлывались сообща. Общее поле, безъ сомнѣнія, когда-то находилось въ близости города, а собственные поля въ отдаленіи. Съ тѣхъ поръ, когда спартанцы стали пользоваться трудомъ крѣпостныхъ работниковъ, а сами не занимались болѣе полевою работою, отдаленность полей не причиняло никакихъ особенныхъ хозяйственныхъ неудобствъ. Поэтому спартанскимъ общинникамъ возможно было владѣть собственными участками, напримѣръ, въ Мессеніи. Одновременно владѣніе собственными участками на ряду съ общинными, вѣроятно, привело къ уравниенію тѣхъ и другихъ, то-есть, къ распространенію права частной собственности и на общинную землю. При раздѣлѣ послѣдней соблюдали извѣстное равенство участковъ, благодаря которому всѣ спартанцы могли называть себя „равными“ (*ἴσοι*). Въ другихъ общинахъ, гдѣ каждый селенецъ, за неимѣніемъ крѣпостныхъ силъ, самъ сидѣлъ на своемъ участкѣ, совмѣстное веденіе хозяйства въ общинномъ участкѣ и въ дальнемъ собственномъ, было почти невозможно. Западно-сибирскіе крестьяне, обыкновенно владѣющие одними полями близко прилегающими къ деревнѣ и другими отдѣльными, устраиваютъ своихъ сыновей на послѣднихъ, а сами хозяйничаютъ на первыхъ. Такъ приблизительно представляемъ себѣ возникновеніе филы димановъ. Хозяева-общинники путемъ правильнаго равнаго надѣла приобрѣтали участки на запасной пустопорожней землѣ и устраивали тамъ новыхъ членовъ семейства для большаго хозяйственнаго

удобства, по избѣжанію чрезмѣрнаго заселенія общей земли. Тѣмъ и объясняется бы родовый характеръ камирскихъ *κτοῖναι*. Послѣ истощенія запасной пашни приступили такимъ же образомъ къ заселенію лѣсной части. Примѣръ частной земельной собственности, установившейся въ двухъ третяхъ, вѣроятно, содѣйствовалъ упраздненію общиннаго начала первой филы ¹⁾. Теперь обратимся снова къ Риму.

А. Эрманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Не желая слишкомъ уклониться отъ своего предмета, мы не будемъ распространять здѣсь своего изслѣдованія также и на іонійскія филы. Довольствуемся нѣсколькими намеками. Іонійская система совпадаетъ съ дорійской, съ тою только разницею, что прибавлена одна филла "Οπλητας. Обыкновенное толкованіе (=ὀπλίται) заставляетъ предполагать, что эта филла предъ другими пользовалась преимуществомъ полного вооруженія. Изъ всѣхъ списковъ однако явствуетъ, что "Οπλητας занимали послѣднее мѣсто, а слѣдовательно тремъ старшимъ филламъ какъ младшая уступали чиномъ. Слово ὀπλητας составлено изъ ὀ— (см. ὀ-πατρις) и πέλω (жить). Выраженіе "Οπλητας (жилице мѣстѣ) относилось, думается, къ городскому обществу въ противоположность къ разбросаннымъ поселкамъ и дворамъ сельскихъ филъ. Пронехожденіе у іонянъ особенной городской филлы свидѣтельствуетъ о томъ, что городская жизнь у іонянъ достигла болѣе скораго и полнаго развитія, чѣмъ у доріянъ. Въ Аттікѣ области отдѣльных мѣстныхъ филъ, вѣроятно, отчасти совпадали съ димами. Территориальныя и коммунальныя единицы, состоящія изъ трехъ или, послѣ возникновенія общаго центра, изъ четырехъ филъ въ Аттікѣ соотвѣтствовали союзамъ трехъ или четырехъ димовъ. Изъ четырехъ димовъ состояла и городская область Аевнъ. Одинъ изъ нихъ Κουβαίτιαιον, какъ извѣстно, заключалъ въ себѣ древнюю πόλις или ἀκρό-πολις. Къ одной городской филлѣ въ Іоніи часто прибавлялось еще до трехъ-четыре-хъ новыхъ, изъ населеній присоединившихся къ главному городу областныхъ городовъ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ВТОРОЙ МАКЕДОНСКОЙ ВОЙНЫ.

„Въ 552 году отъ основанія города, въ консульство П. Сульпиція Гальбы и Г. Аврелия, началась у римлянъ война съ Филиппомъ. немного мѣсяцевъ спустя послѣ заключенія мира съ карвагенянами“ — такъ начинается Ливій (XXXI, 5, 1) свой разказъ о второй македонской войнѣ. Хронологическая послѣдовательность событій перваго года этой войны представляетъ довольно значительныя затрудненія; разобратъ въ нихъ болѣе или менѣе удовлетворительно возможно только при помощи *подробнаго* изслѣдованія имѣющагося у насъ фактическаго матеріала, и въ данномъ случаѣ никакая подробность не оказывается лишнею.

Главный источникъ для событій 200 года—31-я книга Ливія. Еще Ниссенъ показалъ, что Ливій пользовался при составленіи 31-й книги: 1) анналистами, 2) Поливіемъ ¹⁾. На апсалахъ построены главы: 1—13, 19—22, 47—50; на исторіи Поливія—главы: 14—18 и 22—47. Въ этихъ послѣднихъ главахъ, по замѣчанію Ниссена, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ пользованія какимъ-нибудь другимъ источникомъ. Для гл. 14—18 Ливій пользовался 16-ю книгою Поливія, для гл. 22—47. 17-ю книгою Поливія, отъ которой не сохранилось до насъ ни одного отрывка ²⁾.

¹⁾ *Nissen*, Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius, Berlin 1863, стр. 119 сл. На стр. 131, прим. Ниссенъ замечаетъ: „die annalistischen Abschnitte dieses Buchs gehören Einer Quelle an. Valerius Antias kann dies nicht sein (Kap. 12, 6), schwerlich auch Claudius: denn es finden sich Widersprüche mit folgenden Partien, welche mit grosser Wahrscheinlichkeit diesem beigelegt werden. Vielmehr scheint es dieselbe Quelle zu sein, welche am Ende der dritten Dekade vorzugsweise verwandt ist“.

²⁾ Замѣчу теперь же, что Ниссенъ ошибается, думая, что въ гл. 14—18 Ливій разсказываетъ событія 200 года, а въ гл. 22—47 — событія 199 года. Вся 31-я книга Ливія, за исключеніемъ начальныхъ главъ, посвящена описанію событій *одного* 200 года.

Въ недавнее время анналистическіе источники Ливія въ IV и V декадахъ были разобраны Зольтау ¹⁾). Относительно 31-й книги Зольтау усматриваетъ у Ливія пользованіе уже не однимъ анналистомъ, а тремя: Кальпурніемъ Низономъ, Валеріемъ Анціатскимъ и Клавдіемъ Квадригаріемъ ²⁾). Для нашей цѣли не важно разбирать, сколько анналистовъ было подъ рукою у Ливія: одинъ, или два, или три. Разказъ Ливія о событіяхъ 200 года македонской войны основанъ, и по мнѣнію Зольтау, главнымъ образомъ, на исторіи Поливія.

Какъ пользовался Ливій Поливіемъ, прекрасно охарактеризовалъ Ниссенъ. Можно сказать, замѣчаетъ онъ, что Ливій скорѣе передѣлывалъ, нежели прямо переводилъ Поливія. Сущность Поливіева изложенія заключается въ простомъ, трезвомъ описаніи фактовъ, которые, даже въ самыхъ ничтожныхъ подробностяхъ, разказываются ясно и понятно. Это стремленіе къ ясности и точности придаетъ всему повѣствованію Поливія „etwas Umständliches und Breitspuriges“... „Ливій, въ своей обработкѣ Поливія стремился по возможности къ большей краткости. Самый духъ латинской рѣчи побуждалъ его къ сжатою изложенію. Къ тому же Ливій былъ не столько историкомъ, сколько риторомъ; онъ заботился болѣе объ изящномъ и интересномъ изложеніи, нежели о сухомъ подробномъ перечисленіи фактовъ“ ³⁾).

Зольтау указываетъ также на то, что хронологическая обработка греческихъ и римскихъ источниковъ представляла для Ливія нѣкоторыя затрудненія ⁴⁾). Мнѣ представляется очень заманчивою мысль Зольтау, что Ливій, помимо пользованія трудомъ Поливія, прибѣгалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ анналамъ Клавдія Квадригарія: „hier fand er, говоритъ Зольтау, von manchen Partien des polybianischen Werkes grössere Auszüge oder Excerpte. Obenein musste dieses Werk für Livius schon desshalb von besonderem Werth sein, weil er in ihm den griechischen Bericht mit der annalistischen Tradition ineinander gearbeitet fand“ (стр. 691).

¹⁾ Soltau, Die annalistischen Quellen in Livius IV und V Dekade, *Philologus*, LII (1898), стр. 664 сл.

²⁾ Въ распредѣленіи событій, разказанныхъ въ 31-й книгѣ, по годамъ Зольтау поступаетъ правильно, относя событія, описанныя въ гл. 1—4 къ 201 году, а всѣ послѣдующія главы—къ 200 году.

³⁾ Nissen 21 сл., стр. 27.

⁴⁾ Soltau 691: Ein eingehendes Studium des Polybius jedoch war nicht die Sache des Livius.. und gar die chronologische Verarbeitung des griechischen und römischen Stoffes bereitete ihm manche Schwierigkeiten.

Несмотря на то, что для исторіи перваго года второй македонской войны у насъ сохранилось только очень ограниченное число отрывковъ Поливія, они, какъ увидимъ ниже, оказываютъ намъ громадную помощь и въ нѣкоторыхъ случаяхъ служатъ исходными пунктами.

Итакъ, отрывки 16-й книги Поливія и 31-я книга Ливія служатъ нашими главными источниками для событій 200 года. Къ нимъ присоединяются, уже въ качествѣ дополненія, отрывки и случайныя упоминанія у другихъ писателей, какъ то: Діодора, Діона Кассія, Юстина, Павсанія, Зонары и т. п. Дойди до насъ цѣликомъ исторія Поливія, врядъ ли бы пришлось разрѣшать тѣ недоумѣнія, которыя возникаютъ теперь при чтеніи 31-й книги Ливія.

Приступая къ разказу о второй македонской войнѣ, Моммзенъ съ несвойственною ему рѣзкостью говорить: „лишь тупоумная недобросовѣстность въ состояніи не признавать, что въ ту пору (послѣ окончанія аннибаловой войны) Римъ вовсе не стремился къ владычеству надъ государствами Средиземнаго моря и желалъ только одного — имѣть въ Африкѣ и въ Греціи безопасныхъ сосѣдей; а Македонія сама по себѣ вовсе не была опасной для Рима“¹⁾. Это замѣчаніе Моммзена отчасти ослабляется немедленно слѣдующимъ же замѣчаніемъ: „ея (Македоніи) силы, конечно, не были незначительны, и римскій сенатъ, по видимому, неохотно согласился въ 206/5 г. на заключеніе мирнаго договора, оставлявшаго за ней всѣ ея прежнія владѣнія“. „Но какъ ничтожны были опасенія, продолжаетъ Моммзенъ, которыя Македонія внушала или была въ состояніи внушить Риму, всего яснѣе видно по незначительному числу войскъ, съ которыми Римъ велъ слѣдующую войну и которымъ, однако, никогда не приходилось имѣть дѣло съ болѣе многочисленной непріятельской арміей. Сенату, конечно, было бы желательно унижить Македонію, но онъ находилъ, что это униженіе было бы куплено слишкомъ дорогою цѣною, если бы изъ-за него пришлось римскимъ войскамъ вести въ Македоніи сухопутную войну; поэтому немедленно вслѣдъ за удаленіемъ этолянъ, онъ добровольно заключилъ миръ на основаніи *status quo*. Отсюда видно, что нѣтъ никакого основанія утверждать, будто римское правительство заключило этотъ миръ съ твердымъ намереніемъ возобновить войну при удобномъ случаѣ“ (стр. 693 сл.). Съ этимъ нельзя не согласиться, если принять въ расчетъ общее

¹⁾ Моммзенъ, Римская исторія I, стр. 693, русскій переводъ, Москва, 1887.

положеніе римскихъ дѣлъ въ послѣдніе годы III вѣка, когда въ Римѣ готовились къ африканской экспедиціи, когда „въ римскомъ сенатѣ никто не сомнѣвался ни въ томъ, что война Каррагена съ Римомъ кончена, ни въ томъ, что теперь должна начаться война Рима съ Каррагеномъ“ (стр. 647). И не смотря на все это, римское правительство было крайне недовольно тѣмъ, что этолийцы, безъ спросу римлянъ, заключили миръ съ Филиппомъ ¹⁾. Со стороны римлянъ была даже попытка разорвать этотъ миръ ²⁾.

Если при окончаніи первой македонской войны римскій сенатъ прямо-таки *не могъ* и думать о возобновеніи военныхъ дѣйствій противъ Филиппа ³⁾, то теперь, когда, послѣ битвы при Замѣ, была счастливо покончена война съ Аннибаломъ, онъ врядъ ли отказывался отъ пріятной надежды помѣряться силами съ Филиппомъ; послѣдній, конечно, для римлянъ представлялся далеко не такимъ страшнымъ противникомъ, какимъ былъ Аннибалъ. Но, во всякомъ случаѣ, необходимо было предложить къ войнѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы оправдать свой образъ дѣйствія въ глазахъ народа, отъ котораго приходилось требовать новыхъ жертвъ и новыхъ напряженій послѣ только что окончившейся аннибаловой войны ⁴⁾.

Для римскаго правительства не достаточно было того, что въ войскахъ Аннибала служили македонскіе наемники. Это было, во всякомъ случаѣ, не предложъ къ войнѣ, а пустая придирка. Тѣмъ не менѣе, когда въ Римъ прибыли македонскіе послы хлопотать объ освобожденіи македонскихъ наемниковъ, попавшихъ въ плѣнъ, посламы сумѣли дать надлежащій отвѣтъ: пашъ царь желаетъ войны; его желаніе исполнится въ скорости, разъ онъ будетъ настаивать на сво-

¹⁾ Liv. XXIX 12: Romani... irati, quod sine auctoritate sua adversus foedus cum rege pacem fecissent (этолийцы).

²⁾ Тамъ же Ливій говоритъ, что П. Семпроній, находившійся въ Аполоніи, послалъ своего легата Леторія съ частью войска и 15 кораблями въ Этолию ad visendas res pacemque, si posset, turbandum.

³⁾ Ср. Zonar. IX 15 (по Діону Кассію): μέχρι γάρ ἢ πρὸς Καρχηδονίους ἔχμασι μάχῃ, κἀν μὴ φίλα εἶσι: τὰ περὶ τὸν Φίλιππον ἦν, ἐθεράπευον αὐτὸν, ἵνα μὴ τοῖς Καρχηδονίοις συνάροιστο ἢ εἰς τὴν Ἰταλίαν στρατεύοιτο. ἐπεὶ δὲ τὰ κατ' ἐκείνοιο: ἠρέμησαν, οὐκ ἐπ' ἐμέλλησαν, ἀλλ' εἰς πόλεμον αὐτῷ κατέστησαν φανερόν, πολλὰ ἐγκαλοῦντες αὐτῷ.

⁴⁾ Это сказалось, между прочимъ, и въ томъ, что римское правительство при вопросѣ о войскахъ, которыя должны были пойти на македонскую войну подъ командою П. Сульпиція, постановило: invitum ne quem militem veterem ducendi ius esset. Liv. XXXI, 8, 6.

ихъ требованійхъ (Liv. XXX 42). Врядъ ли этотъ вызывающій отвѣтъ римскаго правительства можетъ быть истолкованъ въ смыслѣ *нежеланія* нести войну съ Филиппомъ. Не дипломатично поступило бы римское правительство и въ томъ случаѣ, еслибъ оно вишло просьбамъ своихъ союзниковъ, Аттала и родосцевъ, просившихъ въ Римѣ заступничества въ ихъ войнѣ съ Филиппомъ (ср. Liv. XXXI, 2, 1. Justin. XXX, 3, 5): вѣдь родосцы и пергамцы въ войнѣ съ Филиппомъ были „нападающими“ (Момзенъ I 695) ¹⁾.

Рядъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты римлянами немедленно послѣ окончанія аннибаловой войны, служить, кажется, лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу того, что принципиально война съ Филиппомъ была рѣшена тогда уже. Прежде всего римскій сенатъ отправляетъ въ восточныя воды претора М. Валерія Левина съ 38-ю кораблями (Liv. XXXI, 3, 3). Конечно, съ такими силами Левинъ могъ лишь наблюдать за дѣйствіями Филиппа и быть готовымъ, при случаѣ, отразить первый ударъ непріятеля. Далѣе, римляне желаютъ обезпечить себѣ свободу дѣйствій въ предполагаемой войнѣ съ Филиппомъ со стороны Сиріи и Египта. Ради этого отправляется на востокъ римское посольство съ дипломатическимъ порученіемъ: добиться отъ Египта изъявленія согласія на вмѣшательство римлянъ въ греко-македонскія дѣла и попытаться устранить Антиоха сирійскаго отъ участія въ войнѣ и разорвать его союзъ съ Филиппомъ. Ливій упоминаетъ объ отправленіи посольства въ Египетъ, въ составъ котораго вошли: Г. Клавдій Перонъ, М. Эмилий Лепидъ и П. Семпроній Тудитанъ ²⁾. Изъ словъ Юстина выходитъ, что было отправлено два отдѣльныхъ посольства: *mittuntur itaque legati, qui Philippo et Antiocho denuntient, regno Aegypti abstineant. Mittitur et M. Lepi-*

¹⁾ Однако, когда война съ Филиппомъ была уже рѣшена, римляне, отправивъ пословъ къ Масинисѣ, дали имъ порученіе объявить: *bellum cum rege Philippo susceptum, quod Carthaginienses auxiliis iuvisset, iniuriasque inferendo sociis populi Romani flagrante bello Italia coegisset classes exercitusque in Graeciam mitti. Liv. XXXI, 11, 10. Ср. XXXI, 1, 9—10.*

²⁾ *Ibid. XXXI, 2, 3—4: internum ad Ptolemaeum Aegypti regem legati tres missi, C. Claudius Nero, M. Aemilius Lepidus, P. Sempronius Tuditanus, ut nuntiarent victum Hannibalem Poenosque, et gratias agerent regi, quod in rebus dubiis, cum finitimi etiam socii Romanos desererent, in fide mansissent, et peterent, ut si coacti iniuriis bellum adversus Philippum suscepissent, pristinum animum erga populum Romanum conservaret. Еще ранѣе того пріѣзжали въ Римъ египетскіе послы съ просьбою принять подъ римское покровительство малолѣтняго Птолемея V Эпифана. Justin. XXX, 2, 8.*

us in Aegyptum, qui tutorio nomine regnum pupilli administraret (XXX. 3, 3—4). Наконецъ, изъ отрывочнаго замѣчанія Поливія, по видимому, слѣдуетъ, что было отправлено одно посольство, которое должно было отправиться и къ Антиоху, и къ Птолемию ¹⁾.

Миѣ дѣло объ отправленіи посольства представляется въ такомъ видѣ: собственно на востокъ отправлено было *одно* посольство, состоявшее изъ трехъ вышеназванныхъ Ливіемъ лицъ. Изъ Афинъ, гдѣ ихъ застаютъ разказъ Поливія, посольство, быть можетъ, раздѣлилось: одна часть его (М. Эмилиѣ Лепидѣ) отправилась въ Египеть, другая—въ Сирію.

По связи Ливіева разказа, это посольство выѣхало изъ Рима, во всякомъ случаѣ, до избранія новыхъ консуловъ, значить, до января 200 года ²⁾; вѣроятно, еще въ концѣ 201 года ³⁾. Одинъ изъ отрывковъ 16-й книги Поливія несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что послы эти, по пути, заѣзжали въ Афины. „Въ то время, какъ римскіе послы проживали въ Афинахъ, Никаноръ, полководецъ Филиппа (въ текстѣ: Νικάνορος τοῦ παρὰ Φιλίππου), опустошалъ своими набѣгами Аттику вплоть до Академіи. Римляне (то-есть, римскіе послы), выславъ къ нему напередъ глашатая, вступили съ нимъ въ переговоры и побуждали его объявить Филиппу: римляне приглашаютъ царя не воевать ни съ кѣмъ изъ грековъ, за обиды же, причиненныя Атталу, давать отвѣтъ въ непристрастномъ судѣ (Ῥωμαῖοι παρακαλοῦσι τὸν βασιλεῦσιν τῶν μὲν Ἑλλήνων μηδενὶ πόλεμῶν, τῶν δὲ γεγονότων εἰς Ἀττικὸν ἀδικημάτων δίνας ὑπέχειν ἐν ἰσῶ κριτηρίῳ). Послы прибавили: если царь будетъ поступать такъ (то-есть, согласно римской волѣ), ему обезпеченъ миръ съ римлянами, если же онъ не желаетъ (исполнить римскихъ требованій), то послѣдуетъ противное. Никаноръ, услышавъ это, удалился. То же самое (τὸν αὐτὸν δὲ λόγον τοῦτον) римляне объявили относительно Филиппа иириотамъ, приплывъ въ Финику, и Амипандру, отправившись въ Аоаманію, равнымъ образомъ и этолийцамъ въ Навпактѣ и ахейцамъ въ Эгіѣ. Тогда же, объявивъ объ

¹⁾ Polyb. XVI, 27, 5: τότε... αὐτοὶ (послы) μὲν ἀπέπευσαν ὡς Ἀντιόχου καὶ Πτολεμαίου ἐπὶ τὰς διαλύσεις.

²⁾ Ср. Mommsen, Röm. Staatsrecht, I^o 583.

³⁾ А у Ине, Röm. Gesch. III 14, выходитъ, что посольство это отправилось уже послѣ того, какъ война съ Филиппомъ въ Римѣ была рѣшена формально. Mommsen, Римская исторія, I 697, помѣщаетъ время пребыванія этого посольства въ Афинахъ къ концу 201 года, Gomme, Griech. Gesch. IV 437,—къ началу 200 года.

этомъ Филиппу чрезъ посредство Никанора, послы *отплыли къ Антиоху и Птолемею ἐπὶ τὰς θαλάσας* (Polyb. XVI 27).

Этотъ отрывокъ Поливія, невѣрно, по моему предположенію, до сихъ поръ толкуемый, имѣеть для насъ очень важное значеніе. Прежде всего мы узнаемъ изъ этого отрывка о вторженіи въ Аттику полководца Филиппа, Никанора. Набѣгъ на Аттику Никанора всѣми, насколько мнѣ извѣстно, ставится въ связь съ извѣстной исторіей умерщвленія аоніянами двухъ акарнанскихъ юношей, оскорбившихъ своимъ присутствіемъ святость элевсинскихъ мистерій ¹⁾. Ниже я пытаюсь доказать, что это не такъ, что исторія съ акарнадцами случилась позже. Набѣгъ на Аттику Никанора совершенъ, вѣроятно, въ самомъ началѣ 200 года, когда римскіе послы, проѣздомъ на востокъ, остановились въ Аониахъ. Врядъ-ли онъ былъ серьезенъ и принесъ Аттікѣ большой вредъ. По крайней мѣрѣ, внимательство римскихъ пословъ положило ему скорый предѣлъ. Изъ того, что римскіе послы поручили Никанору передать Филиппу, ясно слѣдуетъ, что въ Римѣ формальнаго разрыва съ Филиппомъ не произошло. Филиппу гарантируется миръ, если онъ будетъ вести себя спокойно по отношенію къ Греціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему грозятъ войною, въ случаѣ повторенія подобныхъ набѣговъ. Эти угрозы распространяются отчасти и на ипиротовъ и на асамановъ, союзниковъ Филиппа, дѣлаются соотвѣтствующія внушенія ахейцамъ и этолійцамъ. Только послѣ этого послы отправляются на востокъ ²⁾.

Непосредственно предъ приведеннымъ отрывкомъ Поливія помѣщается другой его отрывокъ, довольно знаменательный, гдѣ описывается прибытіе Аттала Пергамскаго въ Аонны. Этотъ отрывокъ начинается такъ: „аонскій народъ выслалъ пословъ къ царю Атталу, чтобы поблагодарить его за ранѣе оказанныя благодѣянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы пригласить его пріѣхать въ Аонны—поговорить о

¹⁾ Ср. *Моммзенъ*, Римская исторія, I 697, *Thue*, Römische Geschichte, III 18 сл., *Holtz*, Griechische Geschichte IV 438. *Hertzberg*, Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, I 59 думаетъ, что посольство, бывшее въ Аттікѣ во время набѣга Никанора, было другое, не то, которое потомъ отправилось на востокъ. Но вѣдь это противорѣчитъ разказу Поливія.

²⁾ Изложеніе *Моммзена* I 697 („въ лагерѣ подъ Абидосомъ застало царя римское посольство, которое, послѣ окончанія своихъ дѣлъ въ Сиріи и Египтѣ, объѣхало мелкія греческія государства и подготовило ихъ къ исполненію задуманнаго плана“) противорѣчитъ разказу Поливія, изъ котораго ясно, что по Греціи послы ѣздили до отправленія на востокъ.

настоящемъ положеніи дѣлъ¹⁾. Какія могли быть въ Аѳинахъ „настоящія“ дѣла? По набѣгъ-ли Никанора, который хотя и благополучно, конечно, относительно, кончился для Аѳинъ, но вѣдь за этимъ набѣгомъ могли послѣдовать и дальнѣйшіе?²⁾

Но, спрашивается, какая же причина была этого набѣга? Врядъ-ли Никаноръ, по собственному побужденію, сталъ опустошать Аттику? Невѣроятно, что и Филиппъ послалъ его просто такъ, безъ всякой задней мысли: Филиппу не было цѣли вооружать противъ себя аѳинянь, когда у него и такъ было много враговъ.

Бросимъ взглядъ на событія 201 года. Мы знаемъ, что тогда Филиппъ воевалъ съ Родосомъ и Пергамомъ. Разбирать событія этой войны для насъ нѣтъ надобности, но важно указать, въ какомъ положеніи находился Филиппъ зимою 201 года. Здѣсь опять является на помощь отрывокъ Поливіа (XVI 24): „царь Филиппъ, когда началась уже зима, въ которую въ Римѣ былъ избранъ въ консулы П. Суллицій, проживалъ въ Варгиліяхъ и видя, что родосцы и Атталъ не только не распускаютъ флота, но еще снаряжаютъ суда и еще ревностнѣе заботятся объ охранѣ, былъ въ большомъ затрудненіи и строилъ много всякаго рода плаховъ насчетъ будущаго. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рвался выѣхать изъ Варгидій, хотя и предвидѣлъ опасность на морѣ, и не довѣряя положенію дѣлъ въ Македоніи, никонмъ образомъ не желалъ зимовать въ Азіи, опасаясь и этолійцевъ, и римлянъ. Онъ вѣдь зналъ, что въ Римѣ отправляется посольство съ жалобами на него (отъ родосцевъ и Аттала, ср. ниже). Въ силу всего этого онъ былъ крайне раздраженъ, но былъ вынужденъ въ настоящее время, оставаясь въ Азіи, жить, какъ говорится, вол-

¹⁾ Polyb. XVI, 25, 1: Ὅτι ὁ τῶν Ἀθηναίων δῆμος ἐξέπεμπε πρεσβυτάς πρὸς Ἀττάλον τὸν βασιλέα τοῦς ἄμα μὲν εὐχαριστήσοντας ἐπὶ τοῖς γεγενησίν, ἄμα δὲ παρακαλέσοντας αὐτὸν ἐλθεῖν Ἀθήνας χάριν τοῦ συνδιαλαβεῖν περὶ τῶν ἐνεστῶτων.

²⁾ Трудно рѣшить, какой именно набѣгъ Филиппа на Аттику, Никанора-ли или одинъ изъ послѣдующихъ, имѣетъ въ виду Аппіанъ, ἐκ τῆς Μακεδονικῆς, 4, 1, говоря: καὶ ἐτέρῳ μέρει στρατοῦ τὴν Ἀττικὴν ἐλομαίνετο καὶ τὰς Ἀθήνας ἐπολιόρχει. По контексту даже выходитъ, что это случилось до 200 года, во время войны Филиппа съ Пергамомъ и Родосомъ. Но намъ ничего не извѣстно о томъ, что Филиппъ напалъ на Аттику въ 201 г. Ниже Аппіанъ говоритъ: ἐπὶ δὲ τοῖς Ῥοδίων Ἀθηναίων πρέσβεις ἤτιῶντο Φίλιππον τῆς πολιορκίας. Ср. Nissen, Kritische Untersuchungen, стр. 123: Wenn Appian ausserdem von einer Belagerung Athens spricht, so ist dies entschieden ungenau und wahrscheinlich aus dem folgenden Jahr (Liv. 24) hierher bezogen. Относительно опредѣленія времени Ниссенъ, впрочемъ, ошибается, какъ видно будетъ ниже.

чьей жизнью (λόχο βίον ζῆν). У однихъ онъ грабилъ и воровалъ, надъ другими учинялъ насиліа, предъ нѣкоторыми сверхъ мѣры лъстилъ; его войско голодало, питаясь когда мясомъ, когда смоквами, когда скуднымъ количествомъ хлѣба (σπάρια βραχέα παντελῶς). Сѣстные припасы Филиппу доставлялъ отчасти Зевксидъ, отчасти миласцы, алавандцы и магнисійцы; когда ему доставлялись ими сѣстные припасы, онъ предъ ними „впялялъ хвостомъ“ (ἔσαινεν), а когда припасовъ не давали, начиналъ противъ нихъ „лаять“ и злоумышлять (ὀλάχτει καὶ ἐπαβούλευεν). Наконецъ, онъ составилъ планъ экспедиціи противъ Миласъ при помощи Филокла, но и тутъ потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе необдуманности замысла. Мѣстность алавандцевъ онъ опустошалъ какъ вражескую, указывая на то, что вѣдь надо же доставать войску средства къ пропитанію“. Вотъ въ какихъ чертахъ рисуется Поливій положеніе Филиппа, которому соединенный флотъ Аттала и родосцевъ отрѣзалъ отступление въ Европу и принудилъ его зазимовать въ Каріи. Филиппъ метался какъ звѣрь въ клѣткѣ. Обыкновенно думаютъ, что Филиппъ вернулся изъ Азіи въ Европу въ концѣ 201 года. Но, быть можетъ, и начало 200 года застало его еще въ Каріи. Обстоятельства постоянно звали Филиппа въ Македонію, а между тѣмъ онъ не могъ вырваться изъ Каріи. Возможно, что набѣгъ Никанора на Аттику былъ именно вызванъ этимъ желаніемъ Филиппа вырваться изъ такого положенія: Филиппъ могъ рассчитывать, что этотъ набѣгъ отвлечетъ Аттала и родосцевъ отъ него, заставитъ ихъ флотъ пойти на помощь аѳинянамъ, ихъ союзникамъ, а онъ, тѣмъ временемъ, улучшить удобную минуту вырваться изъ Каріи и снова продолжать невольнио прерванную кампанію. Какъ ни необдуманъ былъ такой шагъ, онъ, кажется, вполне допустимъ, если принять въ расчетъ порывистый характеръ Филиппа, не могшаго жить безъ войны.

Но какъ Атталъ попалъ въ Аонны? Ливій говоритъ: „царь Атталъ и родосцы, преслѣдуя Филиппа, отступающаго въ Македонію, прибыли по Эгипту; царь перенравился въ Пирей для возобновленія и закрѣпленія союза съ аѳинянами“ (Liv. XXXI, 14, 11). Значитъ, пергамскій и родосскій флоты преслѣдовали Филиппа въ Македонію. Вѣроятно, въ то время, когда пергамцы и родосцы были на пути или уже стояли у Эгипта, совершился набѣгъ Никанора на Аттику. Въ то время, какъ Атталъ стоялъ у Эгипта, прибыли въ Аонны римскіе послы, уладившіе все дѣло. Аѳиняне отправляютъ къ Атталу, значитъ, на Эгипту, пословъ съ приглашеніемъ пожаловать въ Аѳины,

посоветываться „о настоящемъ положеніи дѣлъ“. „Атталъ, читаемъ у Поливія, спустя нѣсколько дней узнавъ, что въ Пирей приплыли римскіе послы, и считая необходимымъ свидѣться съ ними, спялся быстро съ якоря“ (Polyb. XVI. 25. 2). Далѣе у Поливія слѣдуетъ описаніе торжественной встрѣчи Аттала съ аонинянами ¹⁾).

По случаю пріѣзда Аттала созвано было народное собраніе, на которое пригласили и царя. Атталъ отказывался, говорилъ, что ему непристойно лично являться въ собраніе, гдѣ будутъ говорить о благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ аонинянамъ. Тогда аониняне согласились на то, чтобы царь письменно изложилъ, что, по его мнѣнію, полезно предпринять въ настоящемъ случаѣ ²⁾. Атталъ изложилъ письменно свою прокламацію, и она была прочитана въ собраніи. Въ прокламаціи Аттала напоминалось и о его прежнихъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ аонинскому народу, и излагалось то, что имъ въ настоящее время предпринято было противъ Филиппа (очевидно, недавняя война противъ Филиппа вмѣстѣ съ родосцами), а въ концѣ концовъ Атталъ приглашалъ аонинявъ на войну съ Филиппомъ и клятвенно завѣрялъ ихъ, что, если и теперь они не рѣшатся присоединиться къ своей ненависти къ Филиппу къ родосцамъ, римлянамъ и самому Атталу, а потомъ, пропустивъ удобное время, изъясвятъ желаніе пользоваться миромъ, для достиженія котораго они не пошевелили пальцемъ, то они ошибутся въ своихъ разчетахъ ³⁾. Эта прокламація Аттала къ аонинянамъ очень интересна по отношенію къ общему характеру ихъ политики въ то время. Аониняне желаютъ наслаждаться миромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотятъ выйти изъ своего нейтралитета, котораго они придерживались вотъ уже 30 лѣтъ, со времени освобожденія Аонинъ отъ македонской зависимости. Они дружатъ и съ Римомъ, и съ Родосомъ, и съ Пергамомъ, но дружба эта платоническая. Въ то время, какъ Пергамъ и Родосъ ведутъ войну противъ Филиппа, римскіе послы, благодаря своему вѣщательству, отвращаютъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабляютъ нашествіе Пиканора на Аттику, аониняне все чего-то ждуть и не становятся въ прямую оппозицію противъ Филиппа. Конечно, гораздо выгоднѣе предоставить другимъ заботиться объ общемъ мирѣ, а самимъ пользо-

¹⁾ Polyb. XVI, 25, 8—9. Разказъ Ливія XXXI, 14 и 15 гораздо короче и не безъ риторическихъ прикрасъ (ср. di prope ipsi exciti sedibus suis accerperunt (Attalum)).

²⁾ Polyb. XVI, 26, 1—3. Liv. XXX, 15, 1—2.

³⁾ Polyb. XVI, 26, 4—7. Liv. XXXI, 15, 3—4.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 15 листовъ. Первая книга выйдетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1894 года.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ назначеевъ пользуются разсрочною до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіи первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ, пользуются разсрочною до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Студенты Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лицей, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицей и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10^о.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Пб., Васильевскій островъ, 5 линія д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи, С.-Петербургъ, Екаторининская улица, зданіе Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающіеся гонораръ можетъ быть высылаемъ иногороднимъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ, Членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной,
Профессоръ *Н. Сергеевскій*.

ВИЗАНТІЙСКИЙ ВРЕМЕННОКЪ

издаваемый при Императорской Академіи Наукъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Г. Васильевскаго и *В. Э. Ретеля*
Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Сиб. Университета.

Томъ I. Выпускъ II.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отдѣлъ I. Исслѣдованія и матеріалы.

	СТРАН.
О начальной исторіи Арменіи Анонима. <i>Н. Марра</i>	263
Замѣтки по тексту Ософалова Временника. <i>Г. Дестуниса</i>	307
О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана. <i>М. Дринова</i>	319
О служебныхъ мнѣніяхъ. <i>А. Панадопуло-Керамесса</i>	341

Отдѣлъ II. Критика.

<i>Mordtmann</i> , Esquisse topographique de Constantinople. Рец. <i>Д. Бялсва</i>	388
<i>René Brassel</i> , Les аросгурфes Éthiopiens. Рец. <i>А. Соболевскаю</i>	403
<i>Хр. Лопарсва</i> , Житіе св. Евдокима Праведнаго. <i>Э. Куризъ</i>	404
<i>Н. Покровскаю</i> , Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Рец. <i>И. Помяловскаго</i>	407
<i>Порфирія Успенскаго</i> , Исторія Аоона. III. Рец. <i>А. Дмитриевскаю</i>	413

Библиографія.

Россія. <i>В. Р. и Б. Мелиоранскаго</i>	480
Греція и Турція. <i>А. Панадопуло-Керамесса</i>	445
Славянскія земли и Румынія. <i>И. Сырку</i>	451
Новыя книги, поступившія въ редакцію.	454

Отдѣлъ III.

Мелкія замѣтки и извѣстія.	456
------------------------------------	-----

„Византійскій Временникъ“ выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя *К. Л. Риккера*, Невскій проспектъ, № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12¹/₂ германскихъ марокъ или 16 франк. за границей.

Редакція журнала помѣщается на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
(6-й годъ изданія)
НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ вышедшихъ книжкахъ (январь — октябрь) помѣ-
щены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

- 1) Казнь Фортунки (очеркъ). Д. Н. Мамина-Сибиряка; 2) Школьные типы 50-хъ годовъ. В. О. Михневича; 3) Какъ возникъ первый въ Россіи музей прикладныхъ знаний въ Петербургѣ (Изъ моего дневника). Н. Х. Весселя; 4) Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. Д. А. Семенова; 5) Изъ прошлаго второй Петербургской гимназіи. Н. Маева; 6) Изъ дневника учительницы воскресной школы. (Наблюденія и замѣтки). И.; 7) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ между ними. Д-ра В. В. Гориневскаго; 8) О воскресномъ отдыхѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Н. Зайцевича; 9) О физическомъ образованіи въ школахъ. проф. И. Лесгафта; 10) О значеніи и обязанностяхъ образованнаго врача. Д-ра А. С. Виреніуса; 11) Вопросы школьной гигиены въ связи съ санитарной обстановкой учебныхъ заведеній въ Швейцаріи. Д-ра В. В. Святловскаго; 12) Санитарный надзоръ въ Петербургскихъ городскихъ школахъ. Д-ра Г. М. Герценштейна; 13) Развитіе и разновидности дѣтскаго ума. П. Ф. Каптерова; 14) Объ уходѣ за психическимъ развитіемъ дѣтей. Д-ра В. Ф. Янубовича; 15) Воспитаніе умственныхъ способностей (по Полюе). А. С. Виреніуса; 16) О необходимости поднять уровень эстетическаго образованія въ современной школѣ. Вл. Бѣловича; 17) Воспитательное вліяніе семьи и школы. Д-ра М. М. Покровскаго; 18) Воспитаніе молодого поколенія въ духѣ трезвости и воздержанія. Е. П. Ковалевскаго; 19) О самообразованіи учителя. М. И. Демнова; 20) Богатѣйшія библіотеки на земномъ шарѣ. А. Я. Острогорскаго; 21) Медицинское образованіе и классицизмъ во Франціи. А. О.; 22) Профессиональное образованіе въ Швейцаріи. В. В. Святловскаго; 23) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. Его-же; 24) Дѣтскіе дни пріюта въ Берлинѣ. М. А. Сабашниковой; 25) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. В. В. Бирюковича; 26) Сельско-хозяйственное образованіе для женщинъ. Его-же; 27) Обязательный минимумъ образованія. М. Л. Несновскаго; 28) Какъ достигнуть образовательнаго минимума населенія. Его-же; 29) Воскресныя школы и повторительные курсы. В. А. Вахтерова; 30) По поводу педагогическихъ курсовъ. И. М. Ларионова; 31) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. Я. В. Абрамова; 32) Съѣзды народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая мѣра. А. М. Тютрюмова; 33) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1893 г. И. П. Бѣлоконскаго; 34) Объ устройствѣ публичныхъ библіотекъ при городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. А. Козьменкова; 35) Учебныя пособия, учительскія и ученическія библіотеки въ начальныхъ городскихъ школахъ Москвы и Петербурга. Е.; 36) Предметные уроки въ начальной школѣ П. Р.; 37) Чему и какъ учить на урокахъ ариметики. С. И. Шохеръ-Троицкаго; 38) О наглядности при начальномъ обученіи. С. Бобровскаго; 39) Расположеніе учебнаго матеріала при преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Д. И. Тихомерова; 40) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. В. Ч.; 41) Къ вопросу о лѣтнихъ естественно-историческихъ занятіяхъ учащагося юношества. Проф. Д. Н. Майгородова; 42) Потенціальная теорія электрическихъ явленій на основаніи аналогій. В. А. Розенберга; 43) Распространеніе „естественнаго“ метода изученія языковъ въ Америкѣ и значеніе американскаго опыта для Россіи. П. Т. Минусова; 44) Къ вопросу о прямомъ почеркѣ. М. Е. Евсева.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей въ вышедшихъ книжкахъ журнала „Русская Школа“ за 1894 г. помѣщено около ста рецензій, а также печаталась ежемѣсячная хроника народнаго образованія Я. В. Абрамова, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго Комитетовъ грамотности; сверхъ того, напечатано около шестидесяти статей и замѣтокъ въ отдѣлѣ „Педагогическая хроника“, множество мелкихъ замѣтокъ и сообщеній въ отдѣлѣ „Разныя извѣстія и сообщенія“. Уставъ С.-Петербургскаго общественнаго собранія педагоговъ и мн. др.

Подписка на журналъ „Русская Школа“ принимается въ главной конторѣ редакціи (Уголь Лпговки и Бассейной, д. 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Карбасникова и Калмыковой. Подписная цѣна за годъ—въ Петербургѣ ШЕСТЬ руб.; для иногородныхъ съ пересылкою—СЕМЬ руб.; за границу—ДЕВЯТЬ рублей. Учителя-же сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892 и 1893 годъ по вышеозначенной цѣнѣ.

За всѣ эти годы журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Присвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

№№ 9 и 10 за сентябрь и октябрь выйдутъ одновременно въ половинѣ октября.

Содержаніе ихъ слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Изъ дневника учительницы воскресной школы. (Наблюденія и замѣтки). (Окончаніе). К.; 3) Значеніе воспитательницы въ закрытомъ учебномъ заведеніи. (Изъ воспоминаній институтки. М. Р.); 4) Объ уходѣ за психическимъ развитіемъ дѣтей. Д-ра В. Ф. Янубовича; 5) Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Америкѣ (въ связи съ характеристикой американской школы вообще). П. Г. Мимуева; 6) Профессіональное образованіе въ Швейцаріи. В. В. Святловскаго; 7) Сельскохозяйственное образованіе во Франціи. В. В. Бирюковича; 8) Къ вопросу объ экзаменахъ въ гимназіяхъ. Н. Г. Высотскаго; 9) Ненормальные лаграты. А. К—ва; 10) О мѣрахъ къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаний въ народѣ М. Я. Песковскаго; 11) Сѣзды народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая мѣра. (Окончаніе). А. М. Гурюмова; 12) Народное образованіе въ Самарской губерніи. И. Краснопорова; 13) О наглядности при начальномъ обученіи. (Окончаніе). С. Ф. Бобровскаго; 14) Опытъ методическаго введенія въ алгебру. В. А. Розенберга; 15) Желательная постановка преподаванія нѣмецкаго языка въ реальныхъ училищахъ. Г. Миттельштейнера; 16) Критика и библиографія (около 10 рецензій); 17) Педагогическая хроника; 18) Разныя извѣстія и сообщенія; 19) Библиографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го января по 1-е июня 1894 г.; 20) Объявленія.

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ ШКОЛА“:

- 1) Мысли о воспитаніи. *Джона Локка*. Переводъ съ англійскаго Петра Вейберга. 1891 г. Цѣна 1 руб.
- 2) Душа ребенка въ первые годы жизни. Двѣ публичныхъ лекціи приватъ-доцента *Н. Н. Ланге*. 1892 г. Цѣна 40 коп.
- 3) Цѣль и средства преподаванія высшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія *С. И. Шохоръ-Троцкого*. 1892 г. Цѣна 60 к.
- 4) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщннъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. *П. Г. Вижмуева*. II. 50 к.
- 5) Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Николая I. *А. В. Вилкинго*. Цѣна 1 руб.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.
СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ сѣвѣрнѣйшихъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. 1894 г. Одобрена Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вышкласнаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЬВІШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе пятое дополненное, 1893 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вышкласнаго чтенія; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Овященной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

«ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ».

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключатъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтотпись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСѢІ.

1894.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1894.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряженія	33
Ив. А. Тихомировъ. Обзорніе состава Вокресенскаго лѣтописнаго овода	237
Н. В. Волковъ. Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка.	266
Ө. Ө. Зигель. Коллегіи и университеты въ Америкѣ	274
В. И. Модестовъ. Забѣтки по Тацитѣ (<i>продолженіе</i>)	311
Н. М. Туниковъ. Литературная дѣятельность царевича Ивана Ивановича	368
Н. А. Смирновъ. Изъ литературной исторіи древнерусской образованности XVII столѣтія	376

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ө. Л. Радловъ. <i>Н. М. Коркуновъ</i> . Лекціи по общей теоріи права. 3-е изд. С.-Пб. 1894	402
Л. Н. Майковъ. Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894). Харьковъ. 1894	420
А. И. Соболевскій. <i>Н. Лихачевъ</i> . Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. С.-Пб. 1894	430
А. П—въ. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга девятая. Москва. 1894	434
Н. Д. Чочулицъ. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. II. Царствованіе Екатерины Великой. Генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Д. Ө. Масловскій. С.-Пб. 1894.	438
А. Л. Ногодинъ. <i>W. Schwartz</i> . Nachklänge prähistorischen Volksglaubens in Homer. Berlin. 1894	446
— Книжныя новости	460
— Наша учебная литература (разборъ 4 книгъ)	17

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

И. В. Мещерскій. Преподаваніе механики и механическихъ лекцій въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, Франціи, Швейцаріи и Германіи	63
— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1892 году (<i>окончаніе</i>)	129
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	164
Н. Ч. Д. Ө. Масловскій (<i>некрологъ</i>)	174

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

С. А. Жебелевъ. Первый годъ второй македонской войны (<i>окончаніе</i>).	113
А. Ө. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (<i>продолженіе</i>)	146
В. К. Ершштедтъ. <i>Αμφοτέρω ἑτάμῳσι</i> (Фукид. VI, 64)	168

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го декабря).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСѢІ.

1894.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1894.

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

24-го октября 1894 года. *Утверждены*: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковилевскій*, ректоромъ Императорскаго Варшавскаго университета; почетными почитолами на три года: потомственный почетный гражданинъ, провизоръ *Розенплентеръ*—Омской гимназій, Елизаветградскій уѣздный предводитель дворянства *Эрдели*—Елизаветградскаго и потомственный дворянинъ *Андреевъ*—Вологодскаго Александровскаго реальнаго училищя.

Зачтены въ командировку за границу съ ученою цѣлью: исправляющему должность адъюнкта-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Коломійцеву*—разрѣшенный ему заграничный отпускъ съ 11-го по 19-е сентября 1894 года; лаборанту Императорскаго Новороссійскаго университета *Лебедичеву*—время состоянія его по 22-е октября 1894 г. членомъ экспедиціи по изслѣдованію Мраморнаго моря.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью: приватъ-доценту Императорскаго Харьковскаго университета *Хрущову*—на шесть мѣсяцевъ: сверхштатному лаборанту при патолого-анатомическомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета *Шимшину*—по 15-е сентября 1895 года.

Командированъ съ ученою цѣлью за границу оставленный при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію *Зайцевъ*—на одинъ годъ.

Продолженъ срокъ отпуска за границу члену совѣта министра

народнаго просвѣщенія, дѣйствительному тайному совѣтнику *Корнилову*—до 20-го ноября 1894 года.

Уволены въ отпускъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Яцукевичъ*—въ Россіи и за границу, по 1-е октября 1895 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета *Судакевичъ*—въ Россіи, на одинъ годъ, съ 20-го августа 1894 года.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

14. (13-го мая 1894 года). *Положеніе о преміяхъ, учреждаемыхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Преміи въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II учреждаются вслѣдствіе состоявшагося 16-го марта 1880 года постановленія общаго собранія акціонеровъ Харьковскаго земельного банка, при чемъ ими пожертвованъ былъ на этотъ предметъ капиталъ въ 10.000 рублей. Капиталъ этотъ увеличенъ въ 1889 году до 20.000 рублей и съ наросшими процентами и дополнительными отчисленіями банка составляетъ 26.700 рублей въ 4¹/₂ % облигаціяхъ государственнаго внутренняго займа 1893 года. Составленные для осуществленія этой цѣли правила о преміяхъ одобрены общимъ собраніемъ акціонеровъ банка 26 марта 1889 года.

§ 2. Назначеніе премій имѣеть цѣлью содѣйствовать изученію и изслѣдованію экономическаго состоянія части Россіи, въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Области Войска Донскаго, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности.

§ 3. Къ соисканію премій допускаются труды, относящіяся или къ цѣлому означенному въ предыдущемъ § району, или къ части его, или къ отдѣльнымъ губерніямъ и къ Области Войска Донскаго.

Примѣчаніе. Труды, относящіяся къ частямъ губерній, или къ отдѣльнымъ уѣздамъ, либо округамъ Области Войска Донскаго, допускаются къ соисканію премій только въ томъ случаѣ, если удовлетворяютъ требованіямъ, изъясненнымъ въ § 4.

§ 4. Сочиненія, представленныя на конкурсъ, могутъ имѣть своимъ содержаніемъ: либо разностороннее изслѣдованіе общаго экономическаго состоянія данной мѣстности, либо изслѣдованіе одной или нѣсколькихъ изъ важнѣйшихъ отраслей народной промышленности и сторонъ народнаго хозяйства. Изслѣдованія эти могутъ имѣть своимъ предметомъ какъ современное положеніе дѣла, такъ и историческое развитіе экономической дѣятельности въ данной мѣстности, или отдѣльныхъ отраслей промышленности и сторонъ народнаго хозяйства.

§ 5. Чѣмъ тѣснѣе предѣлы задачи, поставленной себѣ авторомъ (когда, на примѣръ, изслѣдованіе относится къ части губерніи, или къ одной какой либо отрасли промышленности и т. д.), тѣмъ полнѣе и разностороннѣе должна быть обработка предмета, тѣмъ болѣе сочиненіе должно удовлетворять тому требованію, чтобы данныя и выводы, приводимые авторомъ, составляли плодъ его непосредственнаго, самостоятельнаго изученія.

§ 6. Въ приложеніи къ настоящему положенію сдѣлано примѣрное указаніе предметовъ для конкурсныхъ сочиненій. Этотъ перечень, который при каждомъ новомъ объявленіи о конкурсѣ можетъ быть измѣняемъ и дополняемъ, если то признано будетъ нужнымъ, предлагается только для соображенія соискателей премій, но отнюдь не должно стѣснять ихъ въ выборѣ предметовъ для сочиненій: имъ предоставляются соединять или раздѣлять входящія въ него темы. избирать и темы новыя, лишь бы сочиненіе отвѣчало цѣли, изложенной въ § 1 положенія.

§ 7. Для веденія дѣла по объявленію о конкурсѣ, разсмотрѣнію представленныхъ на конкурсъ сочиненій, присужденію премій и для всѣхъ распоряженій, которыя по этому предмету окажутся нужными, учреждается особый постоянный комитетъ, въ составъ котораго входятъ, какъ непремѣнные члены, преподаватели Университета по кадрамъ: политической экономіи, статистики, полицейскаго права, финансоваго права, гражданскаго права, русской исторіи, агрономіи, технологіи, физической географіи и гігіены. Комитету предоставляется пополнять свой составъ приглашеніемъ лицъ, которыя по своимъ спеціальнымъ знаніямъ могутъ быть полезны комитету. Число такихъ лицъ не должно превышать четырехъ.

§ 8. Каждый три года комитетъ избираетъ изъ своей среды, закрытою подачею голосовъ, предсѣдателя, на котораго возлагается своевременное публикованіе объявленій о конкурсѣ, какъ при его открытіи, такъ и въ послѣдствіи ежегодно, веденіе всей переписки

по комитету, исполненіе его постановленій, завѣдываніе, подъ личной отвѣтственностію, денежными суммами, которыя будутъ въ распоряженіи комитета, веденіе по нимъ отчетности предъ комитетомъ, составленіе и опубликованіе отчета о присужденіи премій и ежегодныхъ денежныхъ отчетовъ. На расходы по дѣлопроизводству и на почтовые расходы назначается въ распоряженіе предсѣдателя 140 рублей въ годъ.

§ 9. Засѣданіе комитета считается дѣйствительнымъ, если въ немъ участвуетъ не менѣе половины его непремѣнныхъ членовъ. Рѣшенія комитета постановляются простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ, то рѣшеніе считается состоявшимся, за которое поданъ голосъ предсѣдателемъ.

§ 10. Сочиненія представляются на конкурсъ къ 19-му февраля года, предшествующаго тому, въ которомъ по объявленію о конкурсѣ должно послѣдовать присужденіе премій—въ пяти экземплярахъ, если сочиненіе напечатанное, и въ двухъ экземплярахъ, если оно рукописное.

§ 11. Къ соисканію премій допускаются только сочиненія на русскомъ языкѣ, съ объявленіемъ имени автора, или подъ девизомъ съ приложеніемъ закрытаго пакета, въ которомъ заключается обозначеніе имени автора. Сочиненія напечатанныя допускаются къ конкурсѣ, если со времени изданія ихъ прошло не болѣе трехъ лѣтъ. Рукописныя сочиненія допускаются въ томъ лишь случаѣ, если они четко переписаны.

§ 12. Къ соисканію премій не допускаются сочиненія, удостоенныя уже премій отъ какого либо правительственнаго или общественнаго учрежденія.

§ 13. По предварительномъ разсмотрѣніи представленныхъ на конкурсъ сочиненій, комитетъ опредѣляетъ, какія изъ нихъ могутъ быть допущены къ соисканію премій, и назначаетъ, для разбора и оцѣнки ихъ, рецензентовъ какъ изъ своей среды, такъ и изъ постороннихъ лицъ.

§ 14. Рецензіи должны быть представлены въ комитетъ не позже 1-го ноября того года, въ который (къ 19-му февраля) сочиненіе представлено на конкурсъ.

§ 15. Присужденіе премій производится въ засѣданіи комитета, въ которомъ участвуетъ съ правомъ голоса и рецензентъ разсматриваемаго сочиненія; при равенствѣ голосовъ перевѣсъ получаетъ то рѣшеніе, на сторонѣ котораго оказывается голосъ рецензента. Если

рецензентъ не присутствуетъ въ засѣданіи, мнѣніе, высказанное имъ въ рецензіи, идетъ въ счетъ голосовъ съ тѣмъ же значеніемъ при равенствѣ послѣднихъ. Если рѣшеніе комитета, постановленное большинствомъ голосовъ, будетъ не согласно съ мнѣніемъ рецензента, то такое рѣшеніе должно быть комитетомъ мотивировано и внесено въ отчетъ о присужденіи премій.

§ 16. Въ случаѣ, если два или болѣе сочиненій равнаго достоинства признаны будутъ достойными одной и той же преміи, вопросъ о присужденіи разрѣшается жребіемъ.

§ 17. За каждую рецензію выдается представившему ее золотая медаль цѣнностью до 100 рублей.

§ 18. Присужденію премій должно быть окончено въ первой половинѣ февраля. Отчетъ о дѣйствіяхъ комитета и расходованіи суммъ за три года, съ присоединеніемъ къ нему всѣхъ представленныхъ рецензій, печатается отдѣльнымъ изданіемъ; краткія же изъ него извлеченія публикуются въ газетахъ обѣихъ столицъ и въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*; въ послѣднихъ эта публикація должна быть сдѣлана, по возможности, въ номерѣ отъ 19-го февраля.

§ 19. Если рукописное сочиненіе будетъ удостоено преміи, то послѣдняя не выдается автору до напечатанія сочиненія въ количествѣ не менѣе 300 экземпляровъ имъ самимъ или, по соглашенію съ нимъ, комитетомъ; въ послѣднемъ случаѣ вычитаются изъ преміи издержки печатанія.

Примѣчаніе. Если издержки на напечатаніе сочиненія, удостоеннаго преміи, въ требуемомъ имъ параграфомъ количествѣ экземпляровъ, превысятъ размѣръ самой преміи, то комитету предоставляется, по его усмотрѣнію, пополнить недостающую на напечатаніе сумму изъ остатковъ, могущихъ образоваться отъ неприсужденія всѣхъ премій, невыдачи медалей рецензентамъ и т. д. (§ 26).

§ 20. Авторы сочиненій, удостоенныхъ премій, обязываются представить въ комитетъ по одному экземпляру а) для каждаго изъ членовъ комитета, б) для фундаментальной бібліотеки Университета, в) для студенческаго при ней отдѣленія, г) для юридическаго кабинета, д) для кабинета при кафедрѣ агрономіи, е) для Харьковской Общественной бібліотеки и ж) два экземпляра для Харьковскаго Земельнаго Банка.

§ 21. Капиталь, обращаемый въ основной фондъ учреждаемыхъ премій, состоитъ изъ 26.700 рублей въ 4½% облигаціяхъ государ-

ственного внутренняго займа 1893 года. Капиталъ этотъ передается Императорскому Харьковскому университету, какъ неприкосновенный фондъ, проценты котораго расходуются согласно настоящему положенію. Всѣ денежныя выдачи изъ этихъ процентовъ производятся по постановленіямъ правленія Университета, согласно представленіямъ председателя постояннаго комитета (§ 6).

§ 22. При выходѣ въ тиражъ процентныхъ бумагъ, составляющихъ основной фондъ премій, Университетомъ приобрѣтаются новыя процентныя бумаги того же достоинства. Могущая при этомъ произойти потеря, вслѣдствіе измѣненія цѣны, покрывается изъ источниковъ, ниже (§ 25) указанныхъ.

§ 23. Выдача премій производится одинъ разъ каждые три года; въ теченіе этого промежутка времени проценты на капиталъ составляютъ, по расчету изъ $4\frac{1}{2}\%$ годовыхъ, сумму въ 3.604 рубля 50 коп., за исключеніемъ же изъ нея государственнаго $\%$ налога 180 р. 23 к., расходовъ за три года: на ежегодныя публикаціи о конкурсѣ, объявленія о результатахъ конкурса, на печатаніе отчета о присужденіи премій съ приложеніемъ рецензій премированныхъ сочиненій, а также на заготовленіе отдѣльныхъ оттисковъ для рецензентовъ 504 р. 27 к., на вознагражденіе рецензентовъ медалями 500 р., на дѣлопроизводство и почтовые расходы по комитету въ теченіе трехъ лѣтъ 420 р.—1.604 р. 50 к.,—остается для выдачи въ видѣ премій 2.000 р.

§ 24. Эта сумма распределяется на три преміи: одна въ 1.000 р. и двѣ по 500 рублей. Въ случаѣ, если высшая премія останется не присужденною, а между тѣмъ комитетъ найдетъ возможнымъ удостоить второстепенной преміи болѣе нежели два сочиненія, высшая премія можетъ быть раздѣлена на двѣ преміи равнаго размѣра.

§ 25. При пониженіи процентовъ на основной капиталъ (26.700 р.) и уменьшеніи вслѣдствіе того суммы (2.000 р.), назначаемой на выдачу премій (§ 23), уменьшается соотвѣтственно этому размѣръ премій, о чемъ комитетъ публикуетъ при самомъ объявленіи о конкурсѣ.

§ 26. Остатки, могущіе образоваться отъ неприсужденія премій, невыдачи медалей рецензентамъ и т. д., поступаютъ на возмѣщеніе потерь при выходѣ процентныхъ бумагъ въ тиражъ и другіе экстраенные расходы. Всѣ могущіе затѣмъ образоваться остатки поступаютъ на приобрѣтеніе процентныхъ бумагъ для увеличенія первой преміи до 1.500 рублей, второй до 750 рублей и затѣмъ на учрежденіе новыхъ премій въ 500 рублей.

§ 27. Первое присужденіе премій назначается черезъ три года,

считая отъ 19-го февраля, слѣдующаго за утвержденіемъ настоящаго положенія о преміяхъ.

Приложеніе къ § 6-му Положенія о преміяхъ, учреждаемыхъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Перечень предметовъ для конкурсныхъ сочиненій.

Землевладѣніе: личное и общее, товарищеское и компанейское, старозаимочное, четвертное, чиншевое, общинное (борьба началъ: индивидуальнаго и общиннаго), казенное, удѣльное, монастырское, другихъ учрежденій. Историческіе виды землевладѣнія: слобинное, запасныя земли при казачьихъ поселеніяхъ (вольницы), рацговое, гетманскаго уряда. Вліяніе различныхъ видовъ землевладѣнія на сельское хозяйство и бытъ населенія.

Законодательство и обычное право, регулирующія поземельныя отношенія при землевладѣніи старозаимочномъ, четвертномъ, чиншевомъ, общинномъ, слобинномъ.

Литовскій статутъ, Магдебургское право, со стороны ихъ вліянія на современный имъ экономическій и юридическій бытъ населенія и отношеній къ обычному праву и общерусскому законодательству.

Картографическое изображеніе землевладѣнія въ настоящее время и, по возможности, въ различные періоды прошлаго времени, для опредѣленія размѣровъ и характера измѣненій его во времени: владѣнія казны, удѣловъ, духовнаго и другихъ вѣдомствъ, крестьянъ и другихъ сословій, товариществъ, акціонерныхъ компаній, иностранцевъ, инородцевъ и т. д.

Вліяніе межеваго права и межевой практики на сельское хозяйство и землевладѣніе; исторія межеванія; чрезполосность и ея вліяніе на хозяйственный бытъ населенія; выводъ чрезполосности.

Сервитуты: право мельничное, право проѣзда и прохода, въѣзда и входа въ лѣса, рыбной ловли, пользованія чужой землею для осушенія и орошенія, понаса скота на сѣнокосныхъ лугахъ, толочныхъ поляхъ, въ лѣсахъ; дѣйствующее въ отношеніи къ этимъ сервитутамъ обычное право; вліяніе ихъ на сельско-хозяйственную промышленность.

Иностранцыя и инородческія колоніи: вѣмецкія, болгарскія, еврейскія и др.; особенности ихъ поземельной, сельско-хозяйственной и административной организаціи.

Военная колонизація въ южной Россіи; слѣды, оставшіеся отъ эпохи военныхъ поселеній въ экономической и культурной жизни мѣстнаго населенія.

Кадастръ и владѣнные записи; ихъ вліяніе на дальнѣйшую судьбу землевладѣнія у государственныхъ крестьянъ.

Крупное и мелкое землевладѣніе и хозяйство; экономическое значеніе того и другаго. Хуторское хозяйство; вліяніе на развитіе его законодательства и обычнаго права.

Виды найма земель и угодій (за деньги, за отработки, изъ части урожая) въ связи съ законодательствомъ и обычнымъ правомъ. Экономическое значеніе различныхъ видовъ найма земель.

Состояніе кустарныхъ промысловъ: ихъ виды, размѣры производства, способы пріобрѣтенія сырыхъ матеріаловъ, степень технического совершенства способовъ производства и самыхъ издѣлій; сбытъ послѣднихъ, конкуренція ихъ съ продуктами ремесленной и фабричной промышленности; экономическое значеніе разныхъ кустарныхъ промысловъ; виды на дальнѣйшее ихъ развитіе, указаніе мѣръ содѣйствія этому.

Состояніе ремесленной промышленности: виды ея, уровень ихъ технического развитія, размѣры производства, сбытъ издѣлій, конкуренція послѣднихъ съ произведеніями ремесленной промышленности, привозимыми изъ другихъ мѣстностей; цѣны издѣлій, приблизительный расчетъ издержекъ производства. Этнографическій составъ мѣстнаго ремесленнаго населенія; матеріальное его положеніе.

Состояніе различныхъ видовъ добывающей промышленности (донецкая каменно-угольная, бахмутская соляная и др.; добываніе различныхъ рудъ въ криворожской и др. мѣстностяхъ), размѣры добычи, техническіе способы, раіонъ сбыта добываемыхъ матеріаловъ, ихъ цѣны и издержки добыванія; степень выгоды предприятий; положеніе и бытъ рабочихъ.

Фабричная промышленность, ея виды, размѣры производства, техническое развитіе, условія сбыта фабрикатовъ, вліяніе конкуренціи отечественной и иностранной, издержки производства и степень выгоды фабричныхъ предприятий; составъ фабричнаго населенія: этнографическій, по сословіямъ, по мѣстожительству (мѣстное и пришлое), по постоянству занятій. Виды на дальнѣйшее развитіе существующихъ предприятий и на учрежденіе новыхъ; мѣры содѣйствія этому.

Заводская промышленность—съ тѣхъ же сторонъ, какія указаны относительно фабричной промышленности.

Свеклосахарная промышленность. Современное ея состояніе, значеніе въ народномъ хозяйствѣ и въ частности вліяніе ея на сельско-хозяйственную промышленность, условія сбыта продуктовъ производства; положеніе рабочихъ.

Винокуреніе. Современное его состояніе, значеніе его для народнаго хозяйства и въ частности для сельско-хозяйственной промышленности; условія сбыта продуктовъ; положеніе рабочихъ.

Торговля, преимущественно хлѣбомъ и другими продуктами сельскаго хозяйства. Ея организація, посредники, торги, базары, ярмарки; вліяніе улучшеній путей сообщенія на измѣненіе характера и направленія различныхъ видовъ торговли.

Состояніе путей и способовъ сообщенія въ изслѣдуемой мѣстности: вліяніе желѣзныхъ дорогъ, способовъ веденія желѣзнодорожныхъ предпріятій и тарифной ихъ политики на народное хозяйство и бытъ населенія. Дѣйствіе конкуренціи желѣзныхъ дорогъ на измѣненіе въ направленіи движенія грузовъ. Подѣздные пути. Значеніе портовъ для мѣстной торговли.

Исторія и современное состояніе ярмарокъ въ изслѣдуемой мѣстности (въ частности ярмарокъ гор. Харькова); ихъ роль въ народномъ хозяйствѣ и вліяніе на бытъ населенія, преимущественно городского.

Исторія цѣвъ различныхъ продуктовъ, преимущественно сельско-хозяйственной промышленности, и цѣвъ на поземельную собственность за продолжительный, по возможности, періодъ времени, на основаніи изученія архивныхъ матеріаловъ.

Развитіе кредита въ изслѣдуемой мѣстности; кредитъ краткосрочный и долгосрочный; дѣятельность кредитныхъ учрежденій частныхъ, общественныхъ и государственныхъ; вліяніе ихъ на развитіе народнаго хозяйства, на распредѣленіе и движеніе поземельной собственности.

Вліяніе, оказанное крестьянской реформой на экономическій бытъ населенія и отдѣльныхъ его классовъ (крестьянъ, землевладѣльцевъ) и на измѣненія въ распредѣленіи поземельной собственности.

Отхожіе промыслы и подспорные заработки сельскаго и городского населенія. Передвиженіе рабочихъ, переселенія сельскаго населенія (эмиграція и иммиграція въ предѣлахъ изслѣдуемой мѣстности). Способы и формы найма рабочихъ, ихъ значеніе въ отношеніи къ сельскому хозяйству и бытовое.

Подробное описаніе быта крестьянъ-земледѣльцевъ (пища, одежда,

домашняя утварь, хозяйственный инвентарь); годовой бюджетъ (доходъ и расходъ) крестьянина-земледѣльца; описаніе быта и способовъ къ существованію крестьянъ, не имѣющихъ собственнаго скота и не пользующихся земельнымъ надѣломъ.

Города въ изслѣдуемой мѣстности. Ихъ исторія, современное состояніе, составъ населенія; его послѣдовательныя измѣненія по отношенію къ этнографическому составу, по сословіямъ, профессіямъ и т. д.; населеніе коренное и пришлое, постоянное и временное. Роль городовъ въ хозяйственной и общественной жизни населенія; экономическій бытъ и средства къ существованію различныхъ классовъ городского населенія; нищенство въ городахъ; распредѣленіе недвижимой собственности въ городахъ между различными классами населенія. Санитарныя условія жизни въ городахъ.

Сельское, городское и земское управление и его вліяніе на хозяйственный бытъ и благосостояніе населенія; юридическое и экономическое положеніе городовъ въ земствѣ.

Вліяніе податной системы и отдѣльныхъ государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ на хозяйственную дѣятельность и благосостояніе различныхъ классовъ населенія.

Питейное дѣло. Вліяніе существующей его организаціи на народное хозяйство и бытъ населенія. Степень развитія пьянства въ изслѣдуемой мѣстности.

Экономическая, торговая и таможенная политика съ точки зрѣнія вліянія ихъ на состояніе и развитіе разныхъ отраслей народно-хозяйственной дѣятельности и на экономическій бытъ населенія.

Таможенная и торговая политика иностранныхъ государствъ со стороны вліянія ея на состояніе и развитіе различныхъ отраслей народно-хозяйственной дѣятельности и на бытъ населенія въ изслѣдуемой мѣстности.

Вліяніе этнографическихъ особенностей различныхъ группъ населенія, историческихъ условій, юридическихъ и другихъ обычаевъ, религиозныхъ вѣрованій и обрядовъ на формы и производительность народно-хозяйственной дѣятельности и на бытъ населенія.

Роль иностранцевъ и инородцевъ въ экономической дѣятельности края (нѣмцы, французы, англичане, евреи, греки, армяне и т. д.). Движеніе инородческаго и иностраннаго населенія въ городахъ и селеніяхъ изслѣдуемой мѣстности.

Состояніе и характеръ народнаго образованія (высшаго, средняго и низшаго, общаго и профессиональнаго) и вліяніе его на хозяй-

ственную дѣятельность и быть населенія; отношеніе населенія къ школь.

Санитарныя условія жизни населенія сельскаго, рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и въ разныхъ отрасляхъ народно-хозяйственной дѣятельности.

Статистика народонаселенія изслѣдуемой мѣстности, его движеніе (прирость и убыль); смертность по различію этнографическихъ группъ, по сословіямъ, профессіямъ и т. д.

Изслѣдованіе климата по отношенію къ сельскому хозяйству данной мѣстности.

Гидрографическій очеркъ изслѣдуемой мѣстности. Подземныя воды.

Изслѣдованіе и описаніе почвы данной мѣстности со стороны геологическаго и орографическаго ихъ характера, химическаго и физическаго состава, характерныхъ особенностей, обуславливающихъ тотъ или другой способъ ихъ обработки и ихъ пригодность къ разведенію тѣхъ или другихъ культурныхъ растений.

Изслѣдованіе мѣстныхъ способовъ обработки почвы въ зависимости отъ ея особенностей, климатическихъ условій, требованія культуры тѣхъ или другихъ растений и общаго экономическаго состоянія. Описаніе и оцѣнка наиболѣе распространенныхъ въ мѣстности земледѣльческихъ орудій въ отношеніи пригодности ихъ къ достиженію тѣхъ или другихъ цѣлей обработки почвы.

Свѣдѣнія о произведенныхъ въ данной мѣстности опытахъ удобренія (зеленаго, золою, фосфатами и другими туками).

Подробное описаніе одного или нѣсколькихъ изъ главнѣйшихъ посѣвныхъ растений съ ихъ разновидностями, указаніе распространенія ихъ въ данной мѣстности, приемовъ разведенія и получаемыхъ результатовъ. Сюда относятся: рожь, озимая и яровая пшеница, ячмень, овесъ, просо, сахарная свекла и картофель для винокуренія.

Искусственное разведеніе кормовъ для скота; обзоръ произведенныхъ въ мѣстности опытовъ разведенія ихъ, съ обозначеніемъ приемовъ этого разведенія и достигнутыхъ результатовъ относительно: а) кормовыхъ травъ, б) корнеплодовъ и в) зеленыхъ кормовъ, съ описаніемъ испытанныхъ въ мѣстности способовъ силосованія.

Спеціальныя культуры: табакъ, подсолнечникъ, конопля, ленъ, хмель, бахчеводство и огородничество.

Насѣкомыя, наносящія вредъ полевымъ и огороднымъ культурнымъ растеніямъ, и борьба съ ними.

Степень развитія садоводства въ данной мѣстности. Приемы раз-

веденія наиболѣе распространенныхъ породъ; сорта фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ; сорта, наиболѣе удающіеся изъ числа перепесенныхъ изъ другихъ мѣстностей (Крымъ, Кавказъ и т. д.).

Уходъ за фруктовыми деревьями. Уборка, способы сохраненія и сбытъ свѣжихъ фруктовъ. Сушка плодовъ и приготовленіе консервовъ. Торговля фруктами. Возможно подробное описаніе извѣстнѣйшихъ въ мѣстности фруктовыхъ садовъ, школъ и питомниковъ. Виноградарство и винодѣліе.

Пользованіе фруктовыми породами, дико растущими въ мѣстныхъ лѣсахъ. Виды этого пользованія, приготовленіе къ сбыту собираемыхъ фруктовъ и пути сбыта.

Насѣкомыя, вредящія садоводству, и борьба съ ними.

Лѣсность данной мѣстности; количество лѣсовъ, листовныхъ и хвойныхъ, и ихъ распредѣленіе. Вліяніе этого распредѣленія на физическія условія культуры и экономическій бытъ населенія.

Статистика лѣсовладѣнія: лѣса казенные, общественные, лѣса частныхъ владѣльцевъ; степень раздробленности лѣсовладѣнія. Указаніе болѣе крупныхъ лѣсныхъ дачъ.

Количественное отношеніе лѣсныхъ площадей по возрастамъ покрывающихъ ихъ породъ: лѣса бондарные, строевые (съ обозначеніемъ замѣчательнѣйшихъ дачъ этихъ двухъ категорій и сообщеніемъ свѣдѣній о ихъ размѣрахъ и состояніи, въ которомъ они находятся), полустроевыхъ, кустарныхъ (хворостяныхъ); господствующія въ нихъ породы.

Историческій очеркъ измѣненій въ количествѣ лѣсовъ и въ состояніи лѣснаго хозяйства въ данной мѣстности въ связи съ увеличеніемъ населенія, успѣхами культуры и промышленности, съ измѣненіемъ экономическихъ и юридическихъ условій народнаго быта.

Общераспространенные способы эксплуатаціи лѣсовъ различныхъ категорій.

Указаніе правильно устроенныхъ лѣсныхъ дачъ въ данной мѣстности и сообщеніе принятыхъ въ нихъ системъ лѣснаго хозяйства.

Заготовленіе и сбытъ лѣсныхъ матеріаловъ: строеваго, подѣлочнаго (для производства бондарнаго, телѣжнаго и т. д.), дровянаго разныхъ качествъ, хворосту и проч.; обжиганіе угля; лѣсональное дѣло.

Средняя цѣнность одной десятины лѣса указанныхъ категорій при продажѣ на срубъ и при хозяйственной рубкѣ.

Мѣстная торговля лѣсными матеріалами и издѣліями лѣсной тех-

ники. Ихъ цѣны. Вывозъ ихъ въ другія мѣстности, или же привозъ ихъ изъ мѣстностей болѣе лѣсныхъ, съ обозначеніемъ этихъ мѣстностей и опредѣленіемъ приблизительныхъ размѣровъ вывоза, или ввоза.

Свѣдѣнія объ опытахъ искусственнаго лѣсоразведенія и ихъ результатахъ; укрѣпленіе летучихъ песковъ разведеніемъ лозы и сосны.

Насѣкомыя вредныя для лѣсной растительности.

Общій очеркъ состоянія скотоводства (крупный рогатый скотъ) въ данной мѣстности и измѣненія въ положеніи скотоводства за послѣднее время въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ и у крестьянъ.

Породы рогатаго скота, распространенныя въ данной мѣстности. Опыты разведенія выписныхъ породъ; результаты улучшенія мѣстныхъ породъ выписными.

Виды пользованія: откармливанія рогатаго скота—лѣтнее и зимнее; молочное хозяйство. Значеніе рогатаго скота, какъ рабочей силы.

Торговля скотомъ и пути сбыта. Скотскія ярмарки.

Эпизоотія рогатаго скота и мѣры борьбы съ ними. Страхуваніе рогатаго скота.

Очеркъ состоянія коневодства въ данной мѣстности, хозяйственнаго и заводскаго, и измѣненія въ положеніи этихъ отраслей за послѣднее время. Статистика коневодства.

Характеристика мѣстныхъ породъ; мѣры къ улучшенію коневодства: пользованіе случными конюшнями государственнаго коннозаводства и общественными случными жеребцами; достигнутые этими мѣрами результаты.

Свѣдѣнія о наиболѣе извѣстныхъ конскихъ заводахъ въ данной мѣстности.

Торговля лошадьми. Конскія ярмарки.

Очеркъ современнаго состоянія овцеводства въ данной мѣстности: грубо-шерстнаго и мериносоваго. Экономическое значеніе овцеводства и измѣненія въ степени развитія и направленія этой отрасли скотоводства за послѣднія 25 лѣтъ. Шерстяная торговля. Смущковое овцеводство. Эпизоотія овецъ и мѣры борьбы съ ними.

Степень развитія свиневодства и его экономическое значеніе. Характеристика мѣстныхъ породъ и опыты ихъ улучшенія. Описаніе наиболѣе извѣстныхъ свиныхъ заводовъ, торговля продуктами свиневодства.

Очеркъ современнаго состоянія пчеловодства въ данной мѣстности.

Описаніе наиболѣе извѣстныхъ пчелиныхъ заводовъ (пасѣкъ) и торговли продуктами пчеловодства.

Распредѣленіе населенія по отношенію къ обрабатываемой площади, въ разныхъ частяхъ изслѣдуемой мѣстности (его скученность, или разбросанность); вліяніе этого распредѣленія на хозяйственную жизнь края.

Различные способы пользованія земельною собственностію (веденіе хозяйства за свой счетъ, сдача земли за деньги, исполу и за отработки) и ихъ вліяніе на хозяйственный бытъ населенія. Существующія цѣны на землю и арендная плата. Движеніе арендной платы въ связи съ измѣненіемъ цѣны продуктовъ сельскаго хозяйства и самой земли за послѣднія двадцать пять лѣтъ.

Организація земледѣльческаго труда въ крестьянскомъ быту. (Участіе членовъ семьи въ общемъ хозяйствѣ, семейные раздѣлы, наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ). Обеспеченіе рабочими силами владѣльческихъ хозяйствъ; участіе въ немъ мѣстнаго населенія: отвлеченіе послѣдняго отхожими промыслами; пришлые рабочіе.

Доходность имѣній въ зависимости отъ различныхъ видовъ организаціи хозяйства (хозяйство чисто земледѣльческое и соединенное съ техническими производствами); представленіе подробныхъ учетовъ издержекъ производства и денежныхъ его результатовъ въ одномъ большомъ хозяйствѣ, или въ нѣсколькихъ хозяйствахъ одного, или разныхъ типовъ. Издержки производства въ крестьянскомъ хозяйствѣ; доходность его и размѣръ оплаты затрачиваемаго на производство труда.

Статистика урожаявъ, по возможности, за продолжительный періодъ времени. Мѣры къ обеспеченію народнаго продовольствія. Общественныя записки. Страхованіе посѣвовъ.

II. Примѣчанія къ перечню предметовъ для конкурсныхъ сочиненій.

Каковъ бы ни былъ избранный авторомъ предметъ для изслѣдованія, будетъ ли оно посвящено изображенію современнаго положенія дѣла, или изученію историческаго его развитія, во всякомъ случаѣ авторъ долженъ съ возможною полнотою воспользоваться соответствующими матеріалами, заключающимися въ общихъ и специальныхъ сочиненіяхъ, въ статьяхъ періодическихъ изданій, въ статистическихъ изданіяхъ правительственныхъ, земскихъ и т. д. и, кромѣ

того, если этого потребуетъ предметъ изслѣдованія, неизданными матеріалами и данными, хранящимися въ архивахъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Сочиненія, составленныя компилятивнымъ способомъ, по источникамъ второй руки, могутъ быть удостоены преміи въ томъ только случаѣ, если они а) будутъ представлять полный систематическій сводъ свѣдѣній, относящихся, по крайней мѣрѣ, къ одной губерніи, б) будутъ результатомъ изученія важнѣйшихъ изъ обнаруженныхъ источниковъ по данному предмету и в) будутъ представлять правильную, цѣлесообразную группировку данныхъ, соединенную съ тщательной литературной обработкой содержанія.

Независимо отъ сего, отъ сочиненія, представленнаго къ соисканію преміи, будетъ требоваться подробное изслѣдованіе—и тѣмъ подробнѣе и интенсивнѣе, чѣмъ уже и ограниченнѣе задача, поставленная себѣ авторомъ—данной стороны народнаго хозяйства или отрасли промышленности въ зависимости и взаимодействіи ихъ съ различными сторонами народной жизни (этнографическими особенностями, бытовыми условіями, обычаями, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ населенія и т. д.).

Авторы представленныхъ на конкурсъ сочиненій, за исключеніемъ посвященныхъ специально историческимъ изысканіямъ, должны имѣть въ виду и практическую цѣль: изслѣдованія должны быть доведены до той степени близости къ практической жизни, чтобы могли дать положительныя данныя къ указанію авторомъ мѣръ содѣйствія, которыя могли бы вести къ развитію и усовершенствованію изслѣдуемой стороны народнаго хозяйства или отрасли промышленности.

Желательно, чтобы авторы, избирающіе ограниченный предметъ изслѣдованія (Положеніе о преміи, § 4) или вопросъ технической, имѣющій, однако же, и экономическое значеніе, отдавали преимущество такимъ предметамъ и вопросамъ, уясненіе которыхъ можетъ способствовать улучшенію матеріальнаго быта массы населенія и при томъ въ ближайшемъ будущемъ.

Изслѣдованіе экономическаго положенія данной мѣстности неизбежно вызываетъ необходимость основательнаго изученія естественныхъ условій народно-хозяйственной дѣятельности — натуральныхъ богатствъ страны и физическихъ условій, при которыхъ должна совершаться ихъ эксплуатація. Эти двѣ стороны дѣла находятся во взаимодействіи и требуютъ совмѣстнаго изученія. Равнымъ образомъ при изслѣдованіи экономическаго состоянія и значенія той или дру-

гой отрасли промышленности, добывающей или обрабатывающей, необходимо изученіе и техническихъ способовъ, которыми она орудуетъ, такъ какъ ими обуславливается экономическій результатъ производства и народно-хозяйственное его значеніе. Такимъ образомъ экономическое изученіе края должно соприкасаться во многихъ пунктахъ съ изслѣдованіями естественно-научнаго и технического характера.

Въ виду первенствующей роли сельской промышленности въ народно-хозяйственной жизни района, означеннаго въ § 1-мъ Положенія о преміи, сельское хозяйство не можетъ не останавливать на себѣ главнаго вниманія при экономическомъ изслѣдованіи края и требуетъ разносторонняго изученія въ связи съ разнообразными условіями, отъ которыхъ зависитъ болѣе или менѣе благоприятное его развитіе и соответствующее значеніе въ народно-хозяйственной жизни населенія. Поэтому въ вышеприведенномъ перечнѣ предметовъ для конкурсныхъ сочиненій предметы, относящіеся къ сельскому хозяйству, намѣчены съ большею сравнительно подробностію.

15. (5-го іюля 1894 года). *Нормальный уставъ Общества взаимнаго вспоможенія учащимъ и учившимъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Цѣль Общества.

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью помогать нуждающимся учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ (или другаго рода учебныхъ заведеніяхъ) данной губерніи, уѣзда или города денежными пособіями и другими видами помощи (§ 24).

II. Составъ Общества.

§ 2. Общество состоитъ изъ членовъ обоого пола: дѣйствительныхъ, почетныхъ и членовъ-соревнователей.

§ 3. Дѣйствительными членами Общества могутъ быть только лица, учація и учившія въ указанныхъ въ § 1-мъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 4. Почетными членами могутъ быть лица, сдѣлавшія въ пользу Общества значительныя пожертвованія или оказавшія Обществу существенную услугу. Лица эти предлагаются правленіемъ и избираются общимъ собраніемъ членовъ.

§ 5. Членами-соревнователями могутъ быть всѣ лица, содѣйствующія цѣлямъ Общества.

§ 6. Лица несовершеннолѣтнія, а равно и учащіяся въ учебныхъ заведеніяхъ, не могутъ быть членами Общества.

III. Порядокъ вступленія въ Общество, права и обязанности его членовъ.

§ 7. Лица, желающія вступить въ члены Общества, заявляютъ объ этомъ правленію, словесно или письменно.

§ 8. Дѣйствительные члены и члены-соревнователи вносятъ въ кассу Общества ежегодно руб.

§ 9. Лица, внесшія единовременно руб., а также лица, пробывшія въ званіи дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-соревнователей лѣтъ сряду, считаются пожизненно членами Общества и освобождаются навсегда отъ дальнѣйшихъ взносовъ.

§ 10. Члены Общества участвуютъ съ правомъ голоса въ общихъ собраніяхъ и сообщаютъ правленію Общества или общему собранію членовъ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны для цѣлей Общества.

§ 11. Исполненіе какихъ-либо другихъ обязанностей, какъ-то: участіе въ управленіи дѣлами Общества или завѣдываніе какими-либо предпріятіями Общества возлагается на членовъ Общества не иначе, какъ съ ихъ согласія.

§ 12. Правомъ на пособіе отъ Общества пользуются только дѣйствительные члены (§ 3), пробывшіе таковыми не менѣе 2 лѣтъ.

Примѣчаніе. Въ исключительныхъ случаяхъ правленіе можетъ выдать пособіе и ранѣе 2 лѣтъ.

§ 13. Почетные члены и члены-соревнователи пользуются всѣми правами дѣйствительныхъ членовъ, за исключеніемъ правъ на пособіе.

§ 14. Дѣйствительные члены и члены-соревнователи, которые въ продолженіе двухъ лѣтъ не сдѣлали взносовъ, считаются отказавшимися отъ участія въ Обществѣ и исключаются правленіемъ изъ списка членовъ.

§ 15. Члены-соревнователи, выбывшіе изъ Общества, вступаютъ вновь въ члены Общества, порядкомъ, указаннымъ въ § 7. Дѣйствительные же члены могутъ быть приняты вновь не иначе какъ по постановленію общаго собранія.

IV. Средства Общества.

§ 16. Средства Общества образуются изъ ежегодныхъ и единовременныхъ членскихъ взносов, единовременныхъ пожертвованій, случайныхъ поступленій, изъ процентовъ съ капитала и доходовъ отъ предприятий Общества, какъ-то: публичныхъ лекцій, благотворительныхъ спектаклей, концертовъ, вечеровъ и т. п., устраиваемыхъ съ надлежащаго, каждый разъ, разрѣшенія и съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для сего правилъ.

§ 17. Основной капиталъ Общества образуется въ первые года изъ извѣстнаго, опредѣляемаго общимъ собраніемъ числа процентовъ съ ежегодныхъ членскихъ взносов и половины всѣхъ остальныхъ поступленій, а по прошествіи лѣтъ изъ извѣстнаго числа процентовъ со всѣхъ вообще поступленій, также по постановленію общаго собранія. Капиталъ этотъ, какъ неприкосновенный, хранится въ мѣстномъ учрежденіи государственнаго банка и по мѣрѣ накопленія обращается въ государственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги.

§ 18. Остальные поступления образуютъ расходный капиталъ, порядокъ храненія коего опредѣляется общимъ собраніемъ.

V. Дѣятельность Общества.

§ 19. Денежныя пособія выдаются только лицамъ, крайне нуждающимся. Возвращеніе выданныхъ пособій возлагается на нравственную обязанность тѣхъ изъ получившихъ ихъ лицъ, которыя впоследствии будутъ въ состояніи возвратить оныя.

§ 20. вспоможенія могутъ быть единовременныя и постоянныя.

§ 21. Единовременныя пособія выдаются при крайней въ томъ нуждѣ члена Общества, происшедшей отъ потери занятій, болѣзни и другихъ причинъ. Семейные члены имѣютъ преимущество въ этихъ случаяхъ.

§ 22. Постоянныя пособія могутъ быть выдаваемы только при обстоятельствахъ, ставящихъ лицъ, имѣющихъ право на пособія, въ такое положеніе, которое преграждаетъ имъ на продолжительное время возможность дальнѣйшаго существованія безъ пособія, и при томъ не иначе, какъ съ разрѣшенія общаго собранія. Такія пособія могутъ состоять изъ ежемѣсячныхъ выдачъ, производимыхъ впредь до

опредѣленнаго заранѣе срока, или до благопріятной перемены, дѣлающей вспомошествованіе ненужнымъ.

§ 23. Какъ единовременныя, такъ и постоянныя пособія и другіе виды помощи могутъ быть оказываемы также ближайшимъ родственникамъ дѣйствительнаго члена Общества, оставшимся безъ всякихъ средствъ вслѣдствіе его смерти.

§ 24. Въ видахъ оказанія всесторонней помощи своимъ дѣйствительнымъ членамъ, Общество принимаетъ всѣ возможныя мѣры, относящіяся къ улучшенію матеріальнаго ихъ благосостоянія, какъ на примѣръ: принимаетъ на себя заботы о пріисканіи имъ мѣстъ, о предоставленіи имъ удешевленной медицинской помощи, въ случаѣ болѣзни члена Общества, пріискиваетъ лицъ, желающихъ помочь ему личными услугами, и т. п. Принятіе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ мѣръ зависитъ отъ общаго собранія, которое и даетъ правленію точныя указанія о порядкѣ и способахъ примѣненія ихъ на практикѣ.

VI. Управление дѣлами Общества.

§ 25. Дѣлами Общества завѣдуетъ правленіе и общее собраніе.

§ 26. Правленіе Общества состоитъ изъ предсѣдателя и шести членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на двухлѣтній (или трехлѣтній) срокъ; по истеченіи каждаго года одна половина (или одна треть) членовъ правленія выбываетъ и на мѣсто ихъ избирается общимъ собраніемъ соотвѣтствующее число новыхъ. Кромѣ сего въ составъ правленія на правахъ члена входитъ лицо по назначенію отъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства. Правленіе изъ своей среды выбираетъ товарища предсѣдателя, секретаря и казначея.

Примѣчаніе. По окончаніи перваго года (или первыхъ двухъ лѣтъ) существованія Общества, очередь выхода между лицами, вступившими въ составъ правленія, опредѣляется жребіемъ, а затѣмъ выбываютъ прослужившіе два (или три) года. Выбывающіе члены могутъ быть снова избраны общимъ собраніемъ.

§ 27. На случай выbytія членовъ правленія ранѣе срока, на который они были избраны, общее собраніе ежегодно избираетъ по 4 кандидата. Кандидатъ, вступившій въ составъ правленія, остается въ немъ до того срока, на который былъ избранъ выбывшій членъ.

§ 28. Правленіе собирается по приглашенію предсѣдателя, по его личному усмотрѣнію или по заявленію не менѣе двухъ членовъ правленія, но во всякомъ случаѣ не рѣже одного раза въ мѣсяць, при

чемъ въ засѣданія правленія могутъ быть приглашаемы и кандидаты съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 29. Для дѣйствительности постановленій правленія необходимо присутствіе предсѣдателя или товарища его и не менѣе двухъ членовъ правленія.

§ 30. На правленіе возлагается:

- 1) Распредѣленіе запятій между членами правленія.
- 2) Разсмотрѣніе и разрѣшеніе представляемыхъ дѣйствительными членами Общества ходатайствъ о пособіяхъ въ предѣлахъ предоставленныхъ ему общимъ собраніемъ.
- 3) Собраніе свѣдѣній, необходимыхъ для разрѣшенія какъ упомянутыхъ въ п. 2, такъ и тѣхъ ходатайствъ, о коихъ правленіе представляетъ на усмотрѣніе общаго собранія.
- 4) Возбужденіе ходатайствъ о назначеніи пособій отъ тѣхъ учреждений и лицъ, на средства которыхъ содержатся учебныя заведенія.
- 5) Наблюденіе за поступленіемъ суммъ въ кассу Общества и выдача билетовъ на званіе членовъ Общества.
- 6) Наблюденіе за веденіемъ приходо-расходныхъ книгъ и повѣрка кассы и имущества Общества.
- 7) Завѣдываніе имуществомъ Общества.
- 8) Вносъ въ кредитныя учрежденія суммъ, принадлежащихъ Обществу, и обратное истребованіе ихъ.
- 9) Составленіе и представленіе общему собранію годичныхъ отчетовъ о дѣятельности Общества.
- 10) Изысканіе мѣръ къ возможно полному развитію и достиженію цѣли Общества.

§ 31. Рѣшенія правленія постановляются большинствомъ голосовъ присутствующихъ въ засѣданіи членовъ онаго; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 32. Исполненіе рѣшеній правленія и всѣ распоряженія по нимъ возлагаются на предсѣдателя, который сносится для этого съ разными учрежденіями и лицами отъ имени правленія.

§ 33. Казначей ведетъ приходо-расходныя книги (денежныя и матеріальныя), принимаетъ денежные взносы и пожертвованія, выдаетъ деньги по распоряженію предсѣдателя правленія, ведетъ счетоводство и составляетъ годовую отчетность.

§ 34. Секретарь завѣдуетъ письмоводствомъ по дѣламъ Общества, составляетъ протоколы засѣданій правленія и скрѣпляетъ своею подписью исходящія отъ правленія бумаги.

§ 35. Правленіе можетъ, въ случаѣ надобности, приглашать въ свои засѣданія кого либо изъ членовъ Общества и постороннихъ лицъ съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 36. Члены Общества имѣютъ право дѣлать письменныя заявленія въ правленіе, которыя обсуждаются въ засѣданіи правленія, при участіи заявившаго, не позже слѣдующаго засѣданія.

§ 37. Общія собранія созываются правленіемъ въ (названіе города) и бываютъ очередныя и экстренныя. Очередное общее собраніе созывается не менѣе одного раза въ годъ; экстренное собраніе, въ случаѣ надобности, созывается по усмотрѣнію правленія или по требованію не менѣе 10-ти проживающихъ въ (названіе города) членовъ Общества. Въ общихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ Общества, по выбору собранія, за исключеніемъ предсѣдателя и членовъ правленія.

§ 38. Общія собранія членовъ Общества созываются, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, повѣстками или объявленіями въ газетахъ, указанныхъ общимъ собраніемъ, съ обозначеніемъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію. О днѣ, часѣ и мѣстѣ собранія доводится до свѣдѣнія мѣстнаго учебнаго и административнаго начальства.

§ 39. Общее собраніе имѣетъ предметомъ занятій:

1) Избраніе предсѣдателя, членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ, а также членовъ ревизіонной комиссіи. Число членовъ ревизіонной комиссіи, а равно срокъ и предѣлы ея полномочій, опредѣляются общимъ собраніемъ.

2) Избраніе почетныхъ членовъ Общества (§ 4).

3) Повѣрку дѣйствій правленія.

4) Обсужденіе доклада ревизіонной комиссіи и утвержденіе годичныхъ отчетовъ правленія.

5) Утвержденіе ежегодной прихода-расходной смѣты Общества, представляемой правленіемъ.

6) Опредѣленіе числа процентовъ, отчисляемыхъ въ основной капиталъ изъ членскихъ взносовъ и прочихъ поступленій (§ 17).

7) Опредѣленіе размѣра тѣхъ пособій, которыя правленіе не имѣетъ права выдавать безъ утвержденія общаго собранія.

8) Разрѣшеніе всѣхъ прочихъ ходатайствъ и вопросовъ, разсмотрѣнныхъ правленіемъ.

9) Утвержденіе инструкцій для правленія и ревизіонной комиссіи.

§ 40. Общее собраніе считается состоявшимся, если на немъ присутствует не менѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ членовъ, живущихъ въ (названіе города). Если общее собраніе не состоялось по непрібытію такого числа членовъ, оно созывается вторично въ срокъ, назначенный собраніемъ членами, для обсужденія тѣхъ же вопросовъ, и собраніе это считается состоявшимся при какомъ бы то ни было числѣ присутствующихъ членовъ.

§ 41. Въ общемъ собраніи каждый присутствующій членъ, кромѣ своего голоса, можетъ располагать однимъ голосомъ по довѣренности члена, не живущаго въ (названіе города).

§ 42. Рѣшенія общаго собранія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ вопросовъ объ измѣненіи и дополненіи устава, для рѣшенія которыхъ требуется согласіе не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ наличныхъ членовъ общаго собранія.

§ 43. Одобренныя общимъ собраніемъ, по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ наличныхъ членовъ, предположенія объ измѣненіи и дополненіи настоящаго устава представляются на утвержденіе правительства установленнымъ порядкомъ.

§ 44. Утвержденный общимъ собраніемъ годовой отчетъ Общества представляется попечителю округа и вмѣстѣ съ докладомъ ревизіонной комиссіи разсылается всѣмъ членамъ Общества.

§ 45. Ревизія наличныхъ суммъ, а также книгъ, документовъ и имущества Общества производится ревизіонною комиссіей, которая провѣряетъ и годовой отчетъ правленія. О результатахъ произведенной ревизіи дѣлается ревизіонная надпись въ кассовой книгѣ, за подписью всѣхъ членовъ комиссіи.

§ 46. Общество имѣетъ печать съ изображеніемъ наименованія общества.

§ 47. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ признано будетъ необходимымъ приступить къ закрытію Общества, то по постановленію о томъ общаго собранія въ составѣ не менѣе $\frac{2}{3}$ членовъ, живущихъ въ (названіе города), или $\frac{1}{2}$ всѣхъ членовъ Общества, и по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ наличныхъ членовъ собранія, дѣйствія Общества прекращаются. Имущество и капиталы Общества обращаются, по опредѣленію общаго собранія, утверждаемому министерствомъ народнаго просвѣщенія, на употребленіе, соотвѣтствующее цѣли Общества.

16. (25-го сентября 1894 года). *Правила для учениковъ промышленныхъ училищъ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Относительно религиозныхъ обязанностей (для учениковъ православнаго исповѣданія).

1) Ученики обязаны въ воскресные и праздничные дни, а также и вечеромъ наканунѣ этихъ дней, посѣщать училищную церковь, а гдѣ таковой нѣтъ—общественное богослуженіе.

2) Въ храмѣ ученики обязаны вести себя съ подобающимъ святынѣ благоговѣніемъ, отнюдь не дозволяя себѣ ни переходить съ мѣста на мѣсто, ни разговаривать между собою, и вообще не дѣлая ничего такого, что могло бы мѣшать сосредоточенному молитвенному настроенію какъ товарищей, такъ и другихъ прихожанъ церкви.

3) Ученики обязаны ежегодно въ страстную седмицу бывать у исповѣди и св. причастія, при чемъ тѣ, коимъ дозволено исполнять эти христіанскія обязанности внѣ прямаго надзора и наблюденія учебнаго начальства, обязаны представить сему послѣднему свидѣтельство отъ своего духовника о томъ, что были у него на исповѣди и причастились Св. Таинъ.

4) Ученики, участвующіе въ церковномъ хорѣ училища, обязаны являться въ назначенное время для спѣвки подъ руководствомъ учителя пѣнія или другаго регента хора, и всѣ вообще ученики должны, на сколько могутъ, содѣйствовать благолѣпію богослуженія въ училищной или назначенной для посѣщенія учениками училища церкви.

II. Относительно ученія.

5) Всѣ ученики послѣ вакацій или разрѣшеннаго начальствомъ кому-нибудь изъ нихъ отпуска обязаны явиться въ училище непременно въ назначенный начальствомъ срокъ, возвращая при семъ училищному начальству свой билетъ съ надписью родителей или попечителей о времени отправленія ихъ изъ дому. Не явившійся въ срокъ и не представившій къ этому сроку свидѣтельства о законной причинѣ своей неявки, считается выбывшимъ, и отъ

усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ вновь принять его, буде еще имѣется вакансія въ классѣ.

6) Ученики обязаны въ учебное время неопустительно посѣщать всѣ свои занятія. отнюдь не опаздывая на молитву передъ началомъ ученія.

7) Въ случаѣ совершенной невозможности явиться на уроки или практическія занятія, по болѣзни или другой вполнѣ уважительной причинѣ, увѣдомленіе о томъ должно быть прислано въ тотъ же день, для надлежащаго со стороны учебнаго начальства распоряженія. Неисполненіе этого правила безъ уважительной причины подвергаетъ ученика отвѣтственности, какъ опустившаго занятія самовольно.

8) Выходить самовольно изъ класса во время урока или во время практическихъ занятій воспрещается, и лишь въ случаѣ крайней необходимости предоставляется испрашивать на то дозволеніе преподавателя или руководителя практическими занятіями.

9) До окончанія всѣхъ своихъ ежедневныхъ уроковъ и практическихъ занятій никто изъ учениковъ не долженъ самовольно уходить изъ училища безъ разрѣшенія указанныхъ начальствомъ училища лицъ.

10) Ученики, не бывшіе на какомъ-либо урокѣ или практическихъ занятіяхъ по болѣзни или другой законной причинѣ, обязаны позаботиться о томъ, чтобы усвоить все пройденное въ ихъ отсутствіе; письменныя же работы, заданныя на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, должны быть доставляемы ими къ сроку, если только характеръ болѣзни не требовалъ безусловнаго прекращенія на все то время всякаго рода умственныхъ занятій по за свидѣтельствуванію врача училища.

11) Ученики обязаны являться на занятія со всѣми необходимыми для нихъ книгами, тетрадами и прочими учебными, письменными и чертежными принадлежностями и передъ началомъ занятій, до прихода преподавателя, должны привести въ порядокъ и приготовить тѣ изъ нихъ, кои имъ понадобятся.

12) Въ классѣ каждый ученикъ занимаетъ заранѣе назначенное ему мѣсто и самовольно, не испросивъ на то дозволеніе преподавателя, не долженъ перемѣнять его. На практическихъ занятіяхъ ученики размѣщаются руководителями сихъ занятій.

13) Во время уроковъ ученики обязаны сидѣть прямо, хотя бы и прислонясь къ спинкѣ скамьи, но не облокачиваясь и не разва-

ливаясь, имѣть на столѣ передъ собою относящіяся къ предмету преподаванія по указанію преподавателя тетради и книги и отнюдь не должны ни разговаривать или шептаться между собою, ни заниматься чѣмъ либо постороннимъ, ни производить какого либо шума, ни подсказывать другъ другу, ни отвѣчать самовольно безъ спроса преподавателя, ни перебивать его объясненій какими либо замѣчаніями и вопросами, по обязанности со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ слѣдить за его преподаваніемъ и за отвѣтами другихъ учениковъ; по окончаніи же объясненій преподавателя, въ случаѣ, если что либо изъ этихъ объясненій ими не понято, они могутъ просить разъясненія не понятаго ими.

14) Ученики должны давать преподавателю отвѣтъ, даже и самый короткій, не иначе, какъ вставая и держась прямо.

15) Ученики встаютъ съ своихъ мѣстъ по окончаніи урока не иначе, какъ съ разрѣшенія преподавателя и выходятъ изъ класса въ надлежащемъ порядкѣ.

16) Передъ началомъ перваго урока и по окончаніи послѣдняго урока одинъ изъ учениковъ по установленной очереди читаетъ назначенную молитву передъ и послѣ ученія.

17) Опоздавшій на урокъ ученикъ только съ разрѣшенія преподавателя можетъ занять свое мѣсто въ классѣ.

III. Отношенія къ начальникамъ и наставникамъ.

18) Ученики обязаны безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ и наставникамъ, какъ лицамъ, которымъ въѣрепа ближайшая забота объ ихъ образованіи и воспитаніи.

19) Ученики обязаны оказывать всякое почтеніе своимъ начальникамъ и наставникамъ и при входѣ ихъ въ классъ, а также при выходѣ изъ класса, вставать съ своихъ мѣстъ. То же соблюдается и при посѣщеніи классовъ посторонними лицами. При встрѣчѣ съ начальниками и наставниками на улицѣ или въ иномъ общественномъ мѣстѣ, ученики обязаны привѣтствовать ихъ вѣжливымъ поклономъ, хотя бы они и не были преподавателями ихъ класса. Обращаясь лично къ кому либо изъ своихъ начальниковъ или наставниковъ ученики обязаны называть ихъ по имени и отчеству.

20) Ученики для собственной своей пользы должны относиться къ своимъ начальникамъ и наставникамъ съ полнымъ довѣріемъ и

откровенностію, ибо лишь при этомъ условіи могутъ получать отъ нихъ и помощь и добрый совѣтъ и полезное наставленіе.

21) Ученики обязаны быть вполнѣ правдивыми вообще, особенно въ отношеніи къ своимъ начальникамъ и наставникамъ, избѣгая всякаго лицемѣрія, притворства, лжи и обмана.

IV. Обязанности учениковъ другъ къ другу.

22) Въ отношеніи ко всѣмъ своимъ товарищамъ ученики обязаны быть вѣжливы, доброжелательны и дружелюбны.

23) Ссоры, брань и драки между учениками строго воспрещаются; но еще строже преслѣдуется злоупотребленіе силою противъ слабѣйшихъ и въ особенности противъ новичковъ.

24) Дорожа своею честью, ученики не могутъ не дорожить честью своего училища и даже въ отдѣльности честью своего класса, а потому обязаны воздерживаться сами и воздерживать своихъ товарищей, какъ въ стѣнахъ заведенія, такъ и внѣ онаго, отъ всякаго рода поступковъ, несовмѣстныхъ съ честью благовоспитанныхъ юношей и должны всячески предупреждать такіе поступки, которые могутъ бросить тѣнь на учебное заведеніе.

25) Заботясь о собственныхъ своихъ успѣхахъ въ ученіи, лучшіе и наиболѣе успѣвающіе ученики должны, по возможности, помогать своимъ болѣе слабымъ товарищамъ, вразумляя ихъ на счетъ ихъ обязанностей, объясняя имъ то, что ими не понято, указывая имъ, какъ лучше могутъ они готовить свои уроки и исполнять письменныя работы, но отнюдь не дѣлая сами за нихъ эти работы, ибо это было бы попыткой обмануть наставниковъ. Особенно же слѣдуетъ имъ не отказывать въ своей помощи заболѣвшимъ товарищамъ.

26) Строжайше преслѣдуется: употребленіе учениками въ разговорѣ между собою какихъ либо неприличныхъ словъ и выражений, всякаго рода неблагоразумныя разговоры и рассказы и всякое сообщеніе или дѣйствіе, противное нравственной чистотѣ и клонящееся къ соблазну для товарищей, равно какъ и всякое подстрекательство товарищей къ какому либо дурному поступку, а тѣмъ болѣе къ какимъ либо безсрамкамъ сообщая. Виновные могутъ подвергнуть себя въ сихъ случаяхъ даже немедленному исключенію изъ училища. Ученики сами не должны терпѣть въ своей средѣ столь предныхъ товарищей и должны сообщать о нихъ начальству.

27) Ученики не должны приносить съ собою въ училище никакихъ постороннихъ ученію книгъ или изданій и вообще ничего такого, что можетъ служить къ разсѣянію вниманія или къ смущенію какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ товарищей.

28) Ученики отнюдь не должны составлять между собою или съ посторонними лицами какихъ либо обществъ, или вступать въ таковыя общества подъ опасеніемъ немедленнаго исключенія изъ училища.

29) Всякаго рода игры на деньги или вообще съ корыстною цѣлью также какъ и продажа всякаго рода вещей или книгъ другу другу или постороннимъ лицамъ, или мѣна ихъ, воспрещается ученикамъ.

30) За порчу, хотя бы и неумышленную, принадлежащихъ товарищамъ книгъ, тетрадей и прочихъ учебныхъ принадлежностей, или платья, равно какъ и за порчу классной мебели и другихъ классныхъ принадлежностей и вообще казеннаго имущества ученикъ обязанъ возмѣстить причиненный имъ ущербъ въ размѣрѣ, опредѣленномъ начальствомъ училища, и можетъ, сверхъ того, подвергнуться особому взысканію, смотря по мѣрѣ и роду вины.

V. О соблюденіи порядка и приличія внѣ стѣнъ училища

31) Ученики обязаны принимать всѣ указываемыя имъ наставниками мѣры предосторожности для сохраненія своего здоровья, какъ необходимаго условія для самой успѣшности ихъ ученія.

32) Для сохраненія здоровья и для успѣшности ученія необходимо избѣгать въ вечерніе часы учебныхъ дней развлеченій и увеселеній, особенно же въ ущербъ времени, назначенному для сна или для приготовленія уроковъ.

33) Посѣщеніе театровъ, въ коихъ обыкновенно даются пьесы сомнительнаго содержанія и вообще театра въ тѣ дни, когда даются подобныя пьесы, безусловно воспрещается; вообще же посѣщеніе театра и всякихъ публичныхъ представленій, а также танцевальныхъ вечеровъ въ общественныхъ собраніяхъ ученикамъ дозволяется только съ разрѣшенія, даваемого начальствомъ каждый разъ особо и при томъ въ учебное время сколь можно рѣже, дабы ученики могли сколь можно болѣе сосредоточивать вниманіе на исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей, то-есть, на ученіи, какъ важнѣйшемъ дѣлѣ юношескаго возраста.

34) Ученикамъ промышленныхъ училищъ безусловно и строжайше воспрещается посѣщать маскарады, клубы, трактиры, кофейни, биллиардныя и другія подобныя заведенія, а равно посѣщать въ числѣ публички залы судебныхъ засѣданій и всякаго рода общественныя и увеселительныя мѣста, посѣщеніе конихъ будетъ признано вреднымъ или неприличнымъ для учениковъ со стороны ихъ начальства.

35) Безусловно воспрещается ученикамъ употреблять крѣпкіе напитки и курить табакъ на улицѣ, въ общественныхъ мѣстахъ, во всѣхъ помѣщеніяхъ училища и гдѣ бы то ни было.

36) Въѣ дома ученики обязаны быть всегда въ одеждѣ установленной формы и застегнуты на всѣ пуговицы. Ношеніе длинныхъ волосъ, а равно излишнихъ украшеній, какъ напримѣръ: колець, перстней и проч., а также тросточекъ, хлыстовъ, палокъ—воспрещается.

Примѣчаніе 1-е. Ношеніе лѣтней одежды и въ нѣкоторыхъ частяхъ Имперіи, суровыхъ по климату, особой зимней одежды—дозволяется въ назначенное для того время года, по особымъ распоряженіямъ начальства училища.

Примѣчаніе 2-е. Выбывшіе по какому либо случаю изъ училища, хотя и могутъ донашивать свое платье, но безъ металлическихъ на немъ пуговиць, наплечныхъ знаковъ и форменной фуражки.

37) На улицахъ и во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ ученики обязаны держать себя скромно, соблюдая порядокъ, благоприличіе и вѣжливость и не причиняя никому никакого безпокойства.

38) При встрѣчѣ съ Государемъ Императоромъ и членами Императорской Фамиліи, ученики обязаны останавливаться и снимать фуражку, а при встрѣчѣ съ гг. министромъ народнаго просвѣщенія и товарищемъ его, попечителемъ учебнаго округа и его помощникомъ, а также губернаторомъ и архіереемъ, ученики обязаны отдавать имъ должное почтеніе.

39) Ученики не имѣютъ права отлучаться изъ города безъ разрѣшенія начальства.

40) Во время сбора учениковъ передъ началомъ ученія воспрещается имъ толпиться на улицѣ или на тротуарѣ передъ зданіемъ училища, и точно также, расходясь изъ учебнаго заведенія, по окончаніи уроковъ, ученики обязаны идти каждый въ свою сторону, отнюдь не гурьбою и не большими группами, и не затѣвая между собою ни игръ, ни ссоръ и дракъ.

VI. О дежурныхъ по классу.

41) Въ каждомъ классѣ изъ учениковъ, по усмотрѣнію начальства, пазначается по очереди, на одинъ день и при томъ наканунѣ этого дня, по одному или по два дежурныхъ.

42) Дежурные обязаны наблюдать за внѣшнимъ порядкомъ въ классѣ, какъ то: за содержаніемъ въ чистотѣ половъ, стѣнъ, подоконниковъ, за цѣлостію и сохранностію мебели и классныхъ принадлежностей (всякаго рода рисунковъ, изображеній, приборовъ и т. д.), за чистотою классныхъ досокъ, за тѣмъ, чтобы были наготовѣ мѣлъ, губка и все, что нужно для преподаванія какого либо предмета.

43) Дежурные сообщаютъ надзирателю и преподавателямъ имена отсутствующихъ въ классѣ учениковъ.

44) Дежурные обязаны исполнять порученія преподавателей по классу и въ классное время.

Примѣчаніе. Обязанности дежурныхъ по мастерскимъ ближайшимъ образомъ устанавливаются начальствомъ училища.

VII. Объ ученическихъ квартирахъ.

45) Ученики, не имѣющіе въ городѣ родителей или близкихъ родственниковъ, могутъ занимать квартиры только у лицъ, получившихъ на то разрѣшеніе отъ начальства училища. Начальство училища рекомендуетъ ту или другую квартиру тѣмъ изъ учениковъ, которые обратятся къ нему за совѣтомъ по этому дѣлу.

Примѣчаніе. Переходъ съ одной квартиры на другую въ теченіе учебнаго года безъ уважительной причины не допускается и всегда происходитъ съ разрѣшенія начальства училища.

46) Въ квартиро-содержатели избираются начальствомъ училища преимущественно преподаватели и вообще должностныя лица училища, а также лица учебнаго вѣдомства, бывшіе преподавателями и вообще лица, пользующіяся довѣріемъ начальства, буде эти лица заявятъ желаніе содержать у себя учениковъ.

47) Квартиро-содержатели устанавливаютъ на каждый учебный годъ впередъ одинаковую для всѣхъ учениковъ плату, о размѣрѣ которой доводятъ передъ началомъ учебнаго года до свѣдѣнія учи-

личнаго начальства, для объявленія родителямъ, желающимъ выбрать для своихъ сыновей одну изъ рекомендуемыхъ имъ квартиръ. Возвышеніе размѣра платы противъ объявленной учебному начальству въ теченіе того же учебнаго года и хотя бы съ кого либо изъ учениковъ ни въ какомъ случаѣ не допускается.

48) Ученическія квартиры должны быть приспособлены къ потребностямъ, занятіямъ и числу учениковъ; при этомъ они должны быть содержимы въ чистотѣ и опрятности, своевременно и достаточно отапливаемы. Вообще же требованія свои къ квартиро-содержателямъ училищное начальство соразмѣряетъ съ платою и съ числомъ учениковъ.

49) Въ комнатахъ, назначенныхъ для ученической квартиры, никто изъ постороннихъ лицъ жить не долженъ.

50) Безусловно запрещаются многолюдныя собранія учениковъ на ихъ квартирахъ.

51) Ученикамъ запрещается имѣть у себя недозволенные начальствомъ изданія, а равно порохъ, огнестрѣльное и холодное оружіе.

52) Каждый ученикъ, живущій въ ученической квартирѣ, долженъ имѣть опись своимъ вещамъ и книгамъ и содержать ихъ въ надлежащей чистотѣ и должномъ порядкѣ.

53) Журналъ ученическихъ квартиръ ведется лицомъ, которому будетъ поручено начальствомъ училища наблюденіе за квартирою, и въ него заносятся всѣ замѣчанія наблюдающаго и надзирающаго, а также и начальства при посѣщеніи ими квартиръ.

54) Содержатели или содержательницы ученическихъ квартиръ должны немедленно доносить начальству о каждомъ случаѣ, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ (о каждомъ безпорядкѣ), въ противномъ случаѣ начальство во всякое время имѣетъ право закрыть квартиру.

55) Главнѣйшій надзоръ за ученическими квартирами лежитъ на обязанности начальства училища.

VIII. Относительно практическихъ работъ.

56) Практическія занятія учениковъ промышленныхъ училищъ происходятъ въ лабораторіяхъ, мастерскихъ, учебныхъ заводахъ, на фермахъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, смотря по спеціальности училища. Кроме того, по указанію па-

чальства, ученики могутъ работать на частныхъ заводахъ и мастерскихъ.

57) Доступъ въ лабораторіи, мастерскія и учебныя заводы открытъ для учениковъ только въ указанное росписаніемъ для занятій время; въ другое время пребываніе учениковъ въ указанныхъ помѣщеніяхъ возможно только съ разрѣшенія завѣдующихъ лабораторіями, мастерскими и заводами.

58) У завѣдывающихъ лабораторіями, мастерскими и учебными заводами ведутся журналы, гдѣ отмѣчаются работы учениковъ по днямъ и числу часовъ занятій.

59) По окончаніи практическихъ занятій, указанныхъ въ росписаніи, возбѣщаемомъ особымъ звонкомъ, ученики убираютъ свои инструменты, вѣшаютъ ключи отъ своихъ шкафовъ, ящиковъ при станкахъ, верстакахъ и проч. на опредѣленный номеръ стѣнной таблицы, ключъ отъ которой находится у руководителя работъ и которая отворяется при началѣ работъ и черезъ 10 минутъ послѣ входа учениковъ въ лабораторію, мастерскую или заводъ запирается и вновь открывается только послѣ звонка, означающаго окончаніе работъ.

60) Каждый ученикъ, приступая къ работамъ въ лабораторіи или мастерской, получаетъ отъ руководителя работъ особый журналъ, на первомъ листѣ котораго противъ наименованій различной посуды, инструментовъ и другихъ предметовъ проставляетъ въ началѣ учебнаго года число выданныхъ имъ на руки ученику приборовъ, съ точнымъ обозначеніемъ количества предметовъ и ихъ стоимости.

61) На поляхъ журнала руководитель работъ отмѣчаетъ назначенную имъ ученику работу, проставляя число и мѣсяцъ заданія оной. Ученикъ обязанъ весь ходъ исполняемой работы вносить въ журналъ, хотя бы и кратко, съ употребленіемъ указаннаго руководителемъ способа обозначенія.

62) Во время работъ въ мастерскихъ училища ученики во всемъ безпрекословно подчиняются руководителямъ работъ и ихъ помощникамъ.

63) Ученикамъ вмѣняется въ обязанность представлять отчетъ о своихъ работахъ на просмотръ и оцѣнку завѣдывающимъ работами въ сроки, ими указанные.

64) Во время работъ на заводахъ частныхъ владѣльцевъ ученики обязаны безусловно подчиняться всѣмъ указаніямъ, требованіямъ и назначеніямъ управляющихъ заводами.

65) Для учениковъ, работающихъ на частныхъ заводахъ, обязательны всѣ правила заводскаго распорядка.

66) Ученики не могутъ ходить въ тѣ отдѣленія завода, доступъ въ которыя для нихъ не будетъ открытъ управленіемъ завода.

67) Ученики обязаны вести себя прилично и вѣжливо со всѣми служащими на заводѣ, въ томъ числѣ и рабочими.

68) Ученики должны внимательно выслушивать указанія и совѣты даже простыхъ рабочихъ, помня, что эти люди приобрѣли умѣнье путемъ многолѣтняго опыта и практическаго навыка.

69) Ученики не должны вести съ рабочими никакихъ разговоровъ, не относящихся къ технической сторонѣ производства.

70) Во время занятій на заводахъ ученики не должны отвлекать рабочихъ отъ исполненія лежащихъ на нихъ обязанностей и не затруднять ихъ никакими своими порученіями.

71) Для возможно полнаго и серьезнаго ознакомленія съ заводскимъ дѣломъ ученикамъ, занимающимся на заводѣ, выдается отъ училища программа работъ по изученію указаннаго производства. Слѣдуя программѣ, ученики обязаны вести дневникъ своихъ занятій, ежедневно занося не только свои наблюденія, свѣдѣнія, собираемыя на мѣстѣ отъ завѣдывающихъ работами и рабочими, но и чертежи приборовъ, изложеніе заводскихъ процессовъ и проч.

72) Снятіе чертежей можетъ производиться только съ разрѣшенія управленія заводомъ.

73) При снятіи чертежей, размѣровъ деталей механизмовъ и пр. необходимо соблюдать особую осторожность и крайнее вниманіе, чтобы оберегать себя отъ пораненія и увѣчья. Не слѣдуетъ самовольно касаться паровыхъ крановъ, рычаговъ, клапановъ и ремней. Особенно слѣдуетъ опасаться шестерней, шкивовъ и проч. движущихся частей машинъ.

74) Ученикамъ не дозволяется толпиться въ тѣсныхъ мѣстахъ завода, присутствовать безъ нужды при нагрузкѣ или разгрузкѣ; не дозволяется самовольно приводить въ движеніе или останавливать дѣйствующія машины.

75) По окончаніи работъ ученики обязаны составлять подробный отчетъ о своихъ работахъ въ указанныхъ программой размѣрахъ.

76) Ученикамъ, для возможно полнаго представленія объ измѣненіи вещества въ зависимости отъ его обработки, рекомендуется, съ согласія на то управленія заводомъ, составлять коллекціи какъ

сырыхъ матеріаловъ, такъ равно промежуточныхъ, побочныхъ и окончательныхъ продуктовъ.

77) Въ училищахъ съ сельскохозяйственнымъ отдѣленіемъ ученики этого отдѣленія, въ указанное начальствомъ время, занимаются на фермѣ.

78) Во время занятій на фермѣ ученики обязаны безпрекословно подчиняться завѣдывающему фермою, преподавателю сельскаго хозяйства.

79) Завѣдывающій фермою, распредѣляя работы и назначая парядъ на нихъ, заноситъ въ свою книгу наименованіе работы и фамиліи учениковъ, коимъ поручена работа.

80) Всѣ ученики, занимающіеся работами на фермѣ, должны быть въ сборѣ ко времени назначенія нарядовъ на работы.

81) По окончаніи практическихъ занятій на фермѣ ученики обязаны представить завѣдывающему работами отчетъ о произведенныхъ ими работахъ по указанной начальствомъ формѣ.

82) Нарушеніе ученикомъ какого либо изъ правилъ, до него относящихся, подвергаетъ виновнаго, смотря по проступку, различнаго рода взысканіямъ.

17. (25-го сентября 1894 года). *Правила о взысканіяхъ съ учениковъ промышленныхъ училищъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Взысканія имѣютъ цѣлю главнѣйше нравственное исправленіе учениковъ. Назначеніе взысканій зависитъ отъ педагогическихъ соображеній начальника учебнаго заведенія и прочихъ поставщиковъ юношества, обучающагося въ заведеніи, и отъ возраста ученика, совершившаго проступокъ, за который налагается взысканіе.

§ 2. Ученикъ подвергается взысканію только въ такомъ случаѣ, если въ виновности не можетъ быть никакого сомнѣнія, но для признанія кого либо виновнымъ отнюдь не слѣдуетъ выпустить наказаніями или угрозами собственное признаніе обвиняемаго.

§ 3. Взысканіе, по самымъ свойствамъ своимъ, должно, по возможности, соответствовать свойствамъ самаго проступка и быть какъ бы естественнымъ его послѣдствіемъ.

§ 4. Взысканія, употребляемыя въ промышленныхъ училищахъ раздѣляются на взысканія: а) словомъ и б) дѣйствіемъ. Къ первому роду взысканій принадлежатъ: 1) порицаніе, относящееся къ

отдѣльному проступку; 2) выговоръ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, относящійся къ образу мыслей или дѣйствій, вообще по всему нравственному направленію и наклонностямъ ученика и 3) выговоръ, соединенный съ угрозою дальнѣйшихъ взысканій въ случаѣ неисправленія; ко второму же роду принадлежатъ всѣ остальные взысканія.

Примѣчаніе. Простое замѣчаніе, внушеніе и увѣщаніе, хотя бы и предъ цѣлымъ классомъ, не причисляются ко взысканіямъ.

§ 5. Взысканія какъ словомъ, такъ и дѣйствіемъ могутъ быть нижеслѣдующія:

- 1) Выговоръ преподавателя наединѣ.
- 2) Выговоръ преподавателя передъ цѣлымъ классомъ.
- 3) Выговоръ преподавателя съ угрозою дальнѣйшихъ взысканій, при чемъ полезпѣ не означать въ точности этихъ взысканій.
- 4) Стояніе ученика на мѣстѣ, болѣе или менѣе продолжительное, во время урока за скамьею или у скамьи, и стояніе его у двери.
- 5) Одинокое сидѣніе въ классѣ на какой либо скамѣ въ продолженіе нѣсколькихъ уроковъ.

Примѣчаніе. Наказаніе это назначается преимущественно за разговоры съ товарищами въ учебное время, за неуживчивость съ товарищами, за неопрятность и нечистоплотность и за подсказыванье.

6) Сообщеніе о проступкѣ или неисправности ученика начальнику заведенія, что влечетъ за собою, смотря по мѣрѣ вины, или выговоры наединѣ, или выговоры передъ цѣлымъ классомъ—въ послѣднемъ случаѣ со внесеніемъ въ штрафной журналъ.

7) За неоднократно обнаруженное перадѣніе, лѣность и вообще легкомысленное отношеніе къ занятіямъ въ училищѣ ученику назначаются въ праздничные и воскресные дни особыя занятія, для которыхъ ученикъ вызывается въ помѣщеніе училища.

8) Въ случаѣ безуспѣшности указанныхъ мѣръ взысканія, а также при обнаруженіи болѣе важныхъ проступковъ ученикъ отдѣляется на время отъ общества товарищей съ назначеніемъ ему особаго мѣста при занятіяхъ; такое наказаніе назначается по преимуществу за неуживчивость и поступки, не дѣлающіе чести классу, со внесеніемъ въ штрафной журналъ, но безъ лишенія свободы.

9) Заключение въ карцеръ на время отъ 1 до 4 часовъ въ учебные дни, съ назначеніемъ работъ, подъ наблюденіемъ кого либо изъ служащихъ въ училищѣ.

10) Заключение въ карцеръ на время свыше 4 часовъ, но не болѣе 8, съ содержаніемъ за это время на хлѣбѣ и водѣ, съ соблюденіемъ правила, изложеннаго въ предыдущемъ параграфѣ.

11) Заключение въ карцеръ на время свыше 8 часовъ и не болѣе какъ на сутки, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, какъ въ учебные дни, такъ и воскресные и праздничные, съ соблюденіемъ правилъ, указанныхъ въ п. 9 и съ тѣмъ, чтобы въ ночное время благонадежный служитель безотлучно находился при заключенномъ, при чемъ служителю вѣняется въ обязанность вообще не вступать ни въ какіе разговоры съ заключеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ заключенія ученика въ карцеръ на время свыше 2-хъ часовъ по окончаніи уроковъ, родители его немедленно о томъ вѣдомляются.

12) Выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта: а) передъ цѣлымъ классомъ съ пониженіемъ отмѣтки за поведеніе въ четвертной вѣдомости и съ лишеніемъ на слѣдующее полугодіе права на освобожденіе отъ платы или на полученіе стипендіи или пособія и б) передъ цѣлымъ училищемъ съ предвареніемъ родителей о томъ, что если они не примутъ съ своей стороны энергическихъ мѣръ къ исправленію ученика, то, въ случаѣ дальнѣйшаго его неисправленія, начальство училища прибѣгнетъ къ увольненію его изъ учебнаго заведенія.

Примѣчаніе 1-е. Внесеніе въ штрафной журналъ кого либо изъ учениковъ влечетъ за собою возможность пониженія отмѣтки въ ближайшей срочной вѣдомости. Сверхъ того каждый случай внесенія ученика въ штрафной журналъ сообщается родителямъ съ краткимъ указаніемъ на вину. Заключение въ карцеръ непременно вносится и въ штрафной журналъ.

Примѣчаніе 2-е. Въ штрафномъ журналѣ противъ имени оштрафованнаго ученика излагается проступокъ, за который онъ записанъ, и также взысканіе, которому онъ за него подвергся.

13) Удаленіе изъ училища, но съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія въ томъ же городѣ.

14) Увольненіе изъ училища безъ права поступленія въ учебныя заведенія того же города.

15) Исключеніе изъ училища, съ оповѣщеніемъ о томъ всѣхъ учебныхъ начальствъ и съ лишеніемъ права поступить въ какое либо учебное заведеніе.

Примѣчаніе. Постановленія по п.п. 13 и 14 представляются на утвержденіе попечителя учебнаго округа, а по п. 15 на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, чрезъ попечителя учебнаго округа.

§ 6. Всѣ взысканія, кромѣ выговора, не влекущаго за собою никакихъ другихъ послѣдствій, вносятся въ классный кондуктнй журналъ, съ прописаніемъ вкратцѣ, противъ имени ученика, проступка и взысканія. Классный кондуктнй журналъ служитъ для соображенія при оцѣнкѣ поведенія учениковъ и нравственнаго состоянія цѣлаго класса; отъ него отличается штрафной журналъ, внесеніе въ который имени кого либо изъ учениковъ есть уже само по себѣ наказаніе и существенно вліяетъ на четвертные отмѣтки за поведеніе.

Надзоръ за оставляемыми въ училищѣ лѣнвыми и нерадивыми учениками, а также замѣченными въ неодобрительномъ поведеніи возлагается на надзирателей.

18. (29-го сентября 1894 года). *О дополненіи § 27 правилъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4 (нынѣ п. 3) устава о сей повинности.*

Министръ народнаго просвѣщенія, 29-го сентября 1894 года, донесъ правительствующему сенату, для распубликованія, что вслѣдствіе ходатайства туркестанскаго генералъ-губернатора о распространеніи на Туркестанскій край дѣйствія § 27 правилъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4 (нынѣ п. 3) устава о сей повинности¹⁾, имъ. мши стромъ народнаго просвѣщенія, признано возможнымъ означенный § 27 дополнить въ слѣдующемъ смыслѣ, а именно: послѣ словъ „Астраханской, равно какъ“ прибавить слова „въ Туркестанскомъ край и“.

¹⁾ Собр. узак. 1885 года, № 121.

19. (30-го сентября 1894 года). *Положеніе о стипендіи въ Читинскомъ ремесленномъ училищѣ въ ознаменованіе проѣзда чрезъ Забайкалье Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ Читинскомъ ремесленномъ училищѣ учреждается на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Троицкосавскою городскою думою, одна стипендія въ память проѣзда въ 1891 году чрезъ Забайкальскую область Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, въ размѣрѣ трехъ тысячъ руб., заключается въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго налога, расходуются на обученіе и содержаніе одного стипендіата, при чемъ за стипендіата вносятся установленная плата за ученіе, а остальныя затѣмъ деньги выдаются ежемѣсячно его родителямъ или заступающимъ ихъ мѣсто на содержаніе стипендіата.

§ 4. Избраніе стипендіата изъ недостаточныхъ учениковъ Читинскаго ремесленнаго училища, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію, предоставляется педагогическому совѣту, съ участіемъ почетнаго смотрителя училища (если таковая должность будетъ учреждена при училищѣ). О каждомъ избраніи стипендіата начальство училища извѣщаетъ для свѣдѣнія Троицкосавскую городскую думу.

Примѣчаніе. Стипендія предоставляется бѣднѣйшимъ ученикамъ ремесленнаго училища, христіанскаго вѣроисповѣданія, преимущественно сиротамъ безъ различія сословія, уроженцамъ Забайкалья, но при этомъ отдается преимущество уроженцамъ гор. Троицкосавска и слободъ Кяхты и Усть-Кяхты, если только таковыя будутъ въ числѣ учениковъ училища и будутъ соответствовать требованіямъ, предъявляемымъ при назначеніи стипендіи.

§ 5. Избранные стипендіаты сохраняютъ право на полученіе стипендіи во все время пребыванія ихъ въ училищѣ и лишаются сти-

пендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта, съ вѣдома почетнаго смотрителя училища, за малоуспѣшность и неодобрительное поведеніе.

§ 6. Стипендіаты, которые будутъ оставаться въ какомъ-либо классѣ или отдѣленіи училища сверхъ времени, положеннаго на прохожденіе курса въ томъ классѣ или отдѣленіи, пользуются стипендіею только въ исключительныхъ случаяхъ, признанныхъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ училища, съ согласія почетнаго смотрителя.

§ 7. Могушіе образоваться остатки отъ стипендіи присоединяются къ стипендіальному капиталу, при увеличеніи котораго можетъ быть или увеличенъ размѣръ стипендіи или учреждена вторая стипендія на основаніи сихъ правилъ, но испрошеніи на то особаго разрѣшенія.

§ 8. Если при училищѣ будетъ пансіонъ, то стипендіаты должны содержаться въ этомъ учрежденіи и стипендія должна быть вписана въ суммы пансіона.

§ 9. Если плата за содержаніе въ пансіонѣ будетъ превышать размѣръ стипендіи, то педагогическому совѣту, съ утвержденія учебнаго начальства, предоставляется временно, впредь до приращенія капитала до необходимыхъ размѣровъ, не замѣщать стипендіи, присоединяя проценты къ капиталу.

§ 10. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 11. Въ случаѣ закрытія Читинскаго ремесленнаго училища стипендіальный капиталъ на вышензложенныхъ основаніяхъ поступаетъ въ то техническое заведеніе, которое будетъ учреждено въ Читѣ или другомъ городѣ Забайкалья взамѣнъ означеннаго ремесленнаго училища.

20. (30-го сентября 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ Августейшихъ Именъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича, Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, Ею Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и въ Бозѣ почившаго Императора Петра I при Архангельскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ Императора Петра I.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 23-го сентября 1894 г. учреждаются при Архангельскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ Императора Петра I пять стипендій: двѣ имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Алексан-

дровича, одна имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, одна имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и одна имени въ Бозѣ почившаго Императора Петра I, на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи семьсотъ руб., пожертвованнаго Архангельскою городскою думою въ знакъ глубокаго сочувствія къ развитію и процвѣтанію технического дѣла.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, составляя неотъемлемую собственность Архангельскаго технического училища Императора Петра I, остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ на полученные деньги приобретаются соотвѣтственные государственныя бумаги.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5%, государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, христіанскаго исповѣданія и русско-подданныхъ, заслужившихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію, принадлежитъ городскому головѣ города Архангельска, по соглашенію съ директоромъ училища.

§ 5. При выборѣ стипендіатовъ преимущество дается дѣтямъ лицъ, входящихъ въ составъ мѣстнаго городского населенія.

§ 6. Избранный ученикъ пользуется стипендіею цѣлый годъ и лишается только вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія. Въ такомъ случаѣ на второе полугодіе избирается другой стипендіатъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ §§ 4 и 5 сего положенія.

§ 7. Оставшійся на другой годъ въ классѣ по малоуспѣшности лишается стипендіи, если только малоуспѣшность произошла не отъ продолжительной болѣзни.

§ 8. Въ случаѣ выхода или исключенія стипендіата изъ училища въ продолженіе учебнаго года, открывшаяся такимъ образомъ ваканція замѣщается порядкомъ, указаннымъ въ §§ 4 и 5 сего положенія.

§ 9. Выборъ стипендіатовъ производится каждый годъ снова на общихъ основаніяхъ сего положенія.

§ 10. Могушіе образоваться остатки отъ стипендій идутъ на приобретение чертежныхъ принадлежностей для стипендіатовъ.

§ 11. Въ случаѣ преобразованія Архангельскаго техническаго училища Императора Петра I въ другое однородное учебное заведеніе стипендіи остаются при этомъ послѣднемъ.

§ 12. Въ случаѣ повышенія платы за ученіе, или въ случаѣ конверсіи процентныхъ бумагъ стипендіи не выдаются, а присоединяются къ основному капиталу, доколѣ онъ не увеличится до надлежащей суммы.

§ 13. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

21. (9-го октября 1894 года). *Положеніе о преміи имени Володи Павлова при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ пятьсотъ руб., пожертвованныхъ Московскому университету потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Александровичемъ Палловымъ, учреждается при медицинскомъ факультетѣ сего университета одна премія имени Володи Павлова за научныя работы врачамъ, оставляемымъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ.

Примѣчаніе. Соискателями преміи могутъ быть сверхштатные ассистенты, лаборанты, ординаторы, не получающіе содержанія.

§ 2. Кандидаты на премію предлагаются не позже 1-го октября членами медицинскаго факультета, подъ руководствомъ которыхъ были произведены соискателями научныя работы.

§ 3. Предложенія обсуждаются комиссіей изъ пяти членовъ медицинскаго факультета, избираемыхъ записками, и утверждаются факультетомъ закрытой баллотировкой.

§ 4. Премія можетъ быть выдаваема по рѣшенію медицинскаго факультета одному лицу или раздѣлена между двумя соискателями.

§ 5. Въ случаѣ если премія не будетъ выдана,—она остается въ распоряженіи факультета и въ слѣдующіе годы образуются двѣ и болѣе преміи.

§ 6. Премія можетъ быть назначена только лицу русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 7. О присужденіи преміи объявляется въ торжественномъ собраніи 12-го января (на университетскомъ актѣ).

§ 8. Счетъ % съ 12.500 руб. долженъ быть веденъ отдѣльно для медицинскаго факультета, независимо отъ капиталовъ, пожертвованныхъ Павловымъ для другихъ факультетовъ Московскаго университета.

22. (9-го октября 1894 года). *Положеніе о преміи имени бывшаго заслуженнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Василя Матвѣевича Черняева.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ три тысячи руб., пожертвованнаго Харьковскому университету вдовою Каролиною Черняевою, учреждается при физико-математическомъ факультетѣ университета денежная премія имени бывшаго заслуженнаго профессора сего университета Василя Матвѣевича Черняева за научныя сочиненія.

§ 2. Премія присуждается ежегодно физико-математическимъ факультетомъ Харьковскаго университета одному изъ студентовъ этого университета за сочиненіе, представленное на избранную имъ самимъ тему, касающуюся изслѣдованій природы юга Россіи и въ частности одного изъ отдѣловъ: ботаники, зоологій, геологій съ минералогіей и палеонтологіей, общей географіи юга Россіи, географіи животныхъ и растений южной Россіи и метеорологіи, при чемъ, въ случаѣ представленія сочиненій одинаковаго достоинства, преимущество отдавать сочиненію по ботаникѣ.

Примѣчаніе. Въ соотвѣтствіе съ общимъ характеромъ научныхъ занятій бывшаго заслуженнаго профессора Черняева, особенно желательны изслѣдованія флоры и фауны южной Россіи, въ связи съ климатическими и почвенными условіями по вопросамъ биологій.

§ 3. Преміи, не выданныя въ одинъ годъ, могутъ быть выдаваемы въ ближайшіе слѣдующіе годы.

§ 4. На полученіе премій имѣютъ право и тѣ лица, которыя окончили курсъ наукъ въ университетѣ въ томъ году, въ которомъ подается ими сочиненіе.

§ 5. Написанныя на премію сочиненія должны быть представляемы въ факультетъ къ 1-му ноября, съ приложеніемъ имени автора въ закрытомъ пакетѣ съ девизомъ. Присужденіе преміи происходитъ ежегодно въ засѣданіи физико-математическаго факультета въ концѣ

гражданскаго года, а премія выдается на торжественномъ актѣ университета.

23. (9-го октября 1894 года). *Положеніе о преміи имени Володи Павлова при юридическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ пятьсотъ рублей, пожертвованнаго Московскому университету потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Александровичемъ Павловымъ, учреждается при юридическомъ факультетѣ сего университета премія имени Володи Павлова за научныя сочиненія.

§ 2. Премія назначается факультетомъ за научныя сочиненія, одобренныя имъ до или послѣ напечатанія сочиненій. Если факультетъ сочтетъ необходимымъ, авторъ обязанъ до полученія преміи напечатать одобренное факультетомъ сочиненіе.

§ 3. Премія можетъ быть назначаема какъ студентамъ, такъ и лицамъ, окончившимъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, за исключеніемъ профессоровъ.

§ 4. Премія можетъ быть присуждаема только лицамъ русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Размѣръ преміи опредѣляется въ 400 руб., при чемъ факультетъ можетъ, смотря по достоинству сочиненія, или присудить меньшую сумму, или соединить двѣ преміи въ одну, если премія предыдущаго года осталась невыданной вполнѣ или отчасти. Ежегодная премія можетъ быть выдана и двумъ лицамъ, при чемъ раздѣленіе ея предоставляется усмотрѣнію факультета.

§ 6. О присужденныхъ преміяхъ объявляется въ торжественномъ собраніи 12-го января (на университетскомъ актѣ).

§ 7. Остатки отъ процентовъ должны быть употребляемы частью на вознагражденіе референта премированнаго сочиненія, частью на увеличеніе капитала для образованія новыхъ премій. Для вознагражденія референта назначается медаль въ 85% остатка.

§ 8. Счетъ % въ 12.500 руб. долженъ быть веденъ отдѣльно для юридическаго факультета независимо отъ счетовъ по капиталамъ, пожертвованнымъ Павловымъ для другихъ факультетовъ Московскаго университета.

24. (9-го октября 1894 года). *Положеніе о преміи имени Володи Павлова при историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двадцать пять тысячъ руб., пожертвованнаго Московскому университету потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Александровичемъ Павловымъ учреждаются при историко-филологическомъ факультетѣ сего университета двѣ преміи имени Володи Павлова за научныя сочиненія.

§ 2. Темы для сочиненій назначаются историко-филологическимъ факультетомъ по представленію комиссіи, состоящей въ первый годъ изъ профессоровъ классическаго отдѣленія, во второй—словеснаго, въ третій—историческаго, въ четвертый—изъ профессоровъ философіи и такъ далѣе въ томъ же порядкѣ.

§ 3. О темѣ дѣлается публикація въ газетахъ за годъ до срока представленія сочиненій.

§ 4. Сочиненія на премію должны быть поданы въ факультетъ не поздиѣ 1-го октября. Факультетъ въ ближайшемъ засѣданіи назначаетъ рецензента для ихъ разсмотрѣнія. Докладъ рецензента долженъ быть представленъ не поздиѣ 15-го декабря.

§ 5. Преміи могутъ быть назначены какъ за печатныя, такъ и за рукописныя сочиненія.

§ 6. Преміи могутъ быть назначены студентамъ, получившимъ зачетъ 6 семестровъ въ Московскомъ университетѣ, или лицамъ, окончившимъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, но не поздиѣ трехъ лѣтъ послѣ зачета 6 семестровъ.

§ 7. Преміи могутъ быть присуждаемы только лицамъ русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія.

§ 8. Размѣръ каждой изъ двухъ премій опредѣляется въ четырехъ руб., при чемъ факультетъ можетъ, смотря по достоинству сочиненія, или присудить меньшую сумму или соединить двѣ преміи въ одну, если премія предыдущаго года осталась невыданною вполнѣ или отчасти.

§ 9. О присужденіи премій опредѣленнымъ лицамъ объявляется въ торжественномъ собраніи 12-го января (на университетскомъ актѣ).

§ 10. Остатки отъ процентовъ должны быть употребляемы частью на вознагражденіе тѣхъ лицъ, которымъ факультетъ поручить разсмотрѣніе и оцѣнку сочиненій, частью на увеличеніе капитала для

образованія новыхъ премій. Для вознагражденія рецензента, если онъ не профессоръ Московскаго университета, назначается медаль цѣнностью въ 75% остатка.

§ 11. Счетъ % съ 25.000 руб., пожертвованныхъ Павловымъ для учрежденія двухъ премій на историко-филологическомъ факультетѣ, долженъ быть веденъ отдѣльно для этого факультета, независимо отъ капиталовъ, пожертвованныхъ имъ для другихъ факультетовъ Московскаго университета.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

31-го октября 1894 года. *Утверждены:* экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Штеръ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики, съ 23-го октября 1894 г.; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассесоръ *Федоровъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней, съ 24-го сентября 1894 г.; приватъ-доцентъ и лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Львовъ*—адъюнктъ-профессоромъ химіи С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, съ 1-го сентября 1894 г.; инспекторъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Якубовичъ*—директоромъ Шушинскаго реальнаго училища, съ 30-го октября 1894 г.; исполняющій обязанности инспектора реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ *Фидлеръ*—директоромъ сего училища, съ 28-го октября 1894 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Платоновъ* и приватъ-доцентъ сего университета *Ланто-Данилевскій*—членами археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 20-го сентября 1894 г.; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Трещенко* и барошъ *Де-Шадуаръ*—почетными попечителями прогимназій: первый—Рыльской и второй—Житомирской,—оба на три года; брянскій городской голова, мѣстный купецъ *Сафоновъ*—почетнымъ попечителемъ Брянскаго низшаго механико-техническаго училища, на три года; потомственный почетный гражданинъ *Шитманъ*—почетнымъ попечителемъ Александровскаго караимскаго духовнаго училища въ городѣ Евпая-

торіи, на три года, съ 16-го октября 1894 г.; надворный совѣтникъ *Роджеръ*—попечителемъ состоящей при Красноуфимскомъ промышленномъ училищѣ низшей сельско-хозяйственной русско-башкирской школы, съ 4-го августа 1894 г.

Назначены: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Бахъ*—дѣлопроизводителемъ VI класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 20-го октября 1894 г.; штатный смотритель Уманскаго двухкласснаго городского училища надворный совѣтникъ *Чеботкевичъ*—исправляющимъ должность инспектора народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, съ 29-го октября 1894 года.

Опредѣлены: дѣлопроизводители VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, надворные совѣтники: *Моревъ* и *Ковалевскій* и титулярный совѣтникъ *Молчановъ*—дѣлопроизводителями VII класса сего департамента, съ 17-го сентября 1894 г.; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь *Образцовъ*, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 24-го октября 1894 г., дѣлопроизводителемъ VIII класса сего департамента, съ 1-го іюля 1894 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени, *Таберио*—помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 17-го октября 1894 г.; окончившіе курсъ: въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени, *Макарій Илгинскій* и въ главномъ нѣмецкомъ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, съ коммерціи совѣтника *Александръ Карпеевъ*—на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія; первый—помощникомъ дѣлопроизводителя, съ 17-го октября и второй—канцелярскимъ служителемъ, съ 25-го октября 1894 года.

Причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Александровскій*, согласно прошенію съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 27-го октября 1894 года.

Оставлены на службѣ: директоръ народныхъ училищъ губерній; Ярославской, статскій совѣтникъ *Федосеевъ*—по 1-е іюля 1895 г. и Тифлисскаго, статскій совѣтникъ *Дарскій*—на три года, съ 21-го августа 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербур-

бургскаго университета, статскій совѣтникъ *фан-дерб-Флитъ*, съ 24-го октября и экстраординарный профессоръ Императорскаго университета, статскій совѣтникъ *Доначевскій-Петрунка*, съ 27-го мая 1894 г., первый—по выслугѣ 30 и второй—35 лѣтъ по учебной части.

Командированы, съ ученою цѣлью: ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Висковатовъ*—внутри Россіи, съ 1-го сентября 1894 года по 1-е февраля 1895 г.; профессорскій стипендіатъ Императорскаго Казанскаго университета *Венеціановъ*—въ С.-Петербургъ, по 1-е сентября 1895 года.

Уволены, согласно прошеніямъ: директоръ Шуминскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Тарасовъ*—отъ службы, съ 30-го октября 1894 г.; директоръ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, коллежскій ассессоръ *Зянецъ*, отъ сей должности, съ 20-го октября 1894 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: статскому совѣтнику *Сатурнову*, начальницѣ Оренбургской женской прогимназіи *Хитриной* и оренбургскимъ купцамъ Егору *Иванову* и Николаю *Клюмпу*—за ихъ труды и усердіе по сооруженію церкви при Оренбургскихъ женскихъ гимназіи и прогимназіи; почетному попечителю Мтипской прогимназіи *Кузнецову* и попечительницѣ Путивльскаго женской прогимназіи, женѣ дворянина Елисаветѣ *Тереценко*—за сдѣланныя ими пожертвованія въ пользу сихъ прогимназій; землевладѣльцу Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи, *Нарышкину*—за пожертвованную имъ Саратовскому реальному училищу естественно-историческую коллекцію; попечителю Богатыревскаго начальнаго училища Суздальскаго уѣзда, Владимирской губерніи, губернскаму секретарю *Кучменко* и почетному блюстителю капаклія Резешскаго однокласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Измаильскаго уѣзда, дворянину *Вишневному*—за ихъ усердіе и пожертвованія на пользу сихъ училищъ; члену строительнаго комитета по сооруженію церкви при Оренбургскихъ женскихъ гимназіи и прогимназіи, коллежскому ассессору *Иванову*—за его труды и усердіе по постройкѣ сей церкви.

Исключены изъ списковъ умершіе: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Беуъ* и директоръ Томской гимназіи и училищъ Томской губерніи, статскій совѣтникъ *Кильдюшевскій*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Настольная книга для священно-церковно-служителей (Сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно практической дѣятельности отечественнаго духовенства). Составилъ преподаватель Харьковской духовной семинаріи *С. Булаковъ*. Харьковъ. 1892. Стр. XII+924+242“—допустить къ приобрѣтенію въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Начальный курсъ латинскаго языка. Учебная книжка для I-го класса. Составилъ *П. Виноградовъ*. Изданіе 3-е. Москва. 1894. Стр. II+60+71. Цѣна 60 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства по латинскому языку для I-го класса гимназій и прогимназій

— Книгу: „Латинская хрестоматія съ упражненіями для II-го и III-го классовъ гимназій и прогимназій и съ картой Италіи и Греціи. Составилъ *П. Виноградовъ*. Изданіе 3-е. Москва. 1894. Стр. 174. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій по книгамъ Ходобая и Виноградова. Составилъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. *П. Виноградовъ*. Выпускъ II (курсъ V-го и VI-го классовъ). Москва. 1894. Стр. IV+128+IV“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для V-го и VI-го классовъ гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Первая латинская книга для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изданіе 3-е, исправленное и измѣненное соответственно новымъ учебнымъ планамъ. Составилъ *Мих. Кеммерлингъ*, преподаватель 6-й С.-Петербургской гимназіи. С.-Пб. 1894. Часть I. Упражненія. Стр. 128.—Часть II. Словарь. Стр. 100. Цѣна за обѣ части 1 р. 25 коп.“—одобрить какъ руководство для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „*М. Киселева*. Разказы изъ греческой міѳологіи съ рисунками *В. П. Шрейбера*. С.-Пб. 1894. Стр. 114“—допустить въ ученическія библиотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „*А. Киселевъ. Элементарная алгебра. Пятое улучшенное изданіе, содержащее курсъ классическихъ гимназій и 6-ти классовъ реальныхъ училищъ. Москва. 1894. Стр. VII+296. Цѣна 1 р. 25 коп.*“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Изданіе: „*Учебный атласъ по русской исторіи. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. С.-Пб. 1894. Цѣна 1 руб.*“—рекомендовать какъ пособіе при прохожденіи отечественной исторіи въ положенныхъ для того классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Высокопреосвященный Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ Литовскій и Виленскій. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портретомъ митрополита Іосифа. Сочиненія Г. Я. Киприановича. Вильна. 1894. Стр. VIII+140. Цѣна 60 коп.*“—одобрить для ученическихъ старшаго и средняго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также для учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книгу: „*Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и его время. Историческій очеркъ (1625—1682 гг.). Е. Волковой. Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой. Москва. 1894. Въ 16 д. л., стр. 144*“—допустить въ ученическія библиотеки средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюры: 1) „*Царь работникъ и учитель. Г. Сенилова. Изданіе редакціи журнала Дѣтское Чтеніе. С.-Пб. 1893. Стр. 30+II. Цѣна 15 коп.*“—2) „*Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ Великомъ. Г. Сенилова. Изданіе редакціи журнала Дѣтское Чтеніе. С.-Пб. 1894. Стр. 36. Цѣна 15 коп.*“—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „*Учебникъ общей географіи съ таблицами. Свѣдѣнія изъ математической, физической и политической географіи. Составилъ Г. С. Лыткинъ, преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназій. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное чертежами. С.-Пб. 1894. Стр. VI+62. Цѣна 45 коп.*“—допустить въ видѣ руководства для мужскихъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: „*Ботаника для реальныхъ училищъ Н. Рагевскаго. Изданіе 3-е, исправленное, съ 329 рисунками. С.-Пб. 1894. Стр. 212*“—одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*Segensreiche Wirksamkeit durch vier Generationen. Vier Lebensbilder in Vorträgen: Dorothea, Herzogin von Württemberg (1736—1798); Maria Feodorowna, Kaiserin von Russland (1759—1828); Katharina Pawlowna, Königin von Württemberg (1788—1819); Olga*

Nikolajewna, Königin von Württemberg (1822—1892). Von *I. Merkle* Lehrer am Kgl. Katharinenstift in Stuttgart. Stuttgart, 1893. Стр. 96. Цѣна 90 коп.“—рекомендовать, какъ весьма полезное и интересное чтеніе, для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ особенности женскихъ гимназій, а также для выдачи ученицамъ старшихъ классовъ послѣднихъ заведеній.

— Книги подъ общимъ заглавіемъ: „Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніями, примѣчаніями и словаремъ *Ө. К. Андерсона*: 1) *Egmont. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen von W. von Göthe*. Эгмонтъ, *Göthe*. С.-Пб. 1894. Стр. 145. 2) *Hauff's Märchen*. Сказки *Hauff*. 1-я часть. С.-Пб. 1893. Стр. 132. Цѣна 40 коп. 3) *Wallenstein. Ein dramatisches Gedicht von Friedrich Schiller*. Dritter Theil. Wallensteins Tod. Смерть Валленштейна, *Шиллера*. С.-Пб. 1893. Стр. VIII+246. Цѣна 45 коп.“—первыя двѣ („Эгмонтъ“ Гете и „Сказки“ Гауфа) допустить, а третію одобрить какъ пособие при изученіи нѣмецкаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ.

— Изданія: „Иллюстрированное изданіе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей *Л. Георгиевскаго* и *С. Манштейна*: 1) *M. Тулліи Цицеронъ. Рѣчь противъ Верреса*. Книга V: о казняхъ. Съ введеніемъ, примѣчаніями, рисунками и картою Сициліи. Объяснилъ *Ө. Злинскій*, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. С.-Пб. 1894. Стр. II+76+146. Цѣна 75 коп.“—рекомендовать какъ учебное пособие для гимназій. 2) „*Ксенофонтъ. Походъ 10.000 грековъ по Анабасису Ксенофонта* съ вводными статьями, рисунками, картою и примѣчаніями. Обработалъ *С. Н. Любомудровъ*, преподаватель Императорскаго лицея Цесаревича Николая. Часть I: текстъ съ вводными статьями, 14-ю рисунками и картою Малоі Азіи. Часть II: комментарий. С.-Пб. 1894. Стр. 93+45=138. Цѣна за обѣ части 80 коп.“ и 3) „Введеніе къ чтенію *Иліады* и *Одиссеи*. Составилъ *П. А. Счастливецъ*, преподаватель Виленской 1-й гимназіи. С.-Пб. 1894. Стр. 55. Цѣна 20 коп.“—рекомендовать какъ учебное пособие по греческому языку для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— „III и VIII таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей (греческія монеты и римскій лагерь), съ объяснительнымъ текстомъ. Составилъ *С. Цыбульскій*, учитель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи. С.-Пб. 1894“.—рекомендовать какъ учебное пособие по классическимъ древ-

ностямъ и для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: 1) „Греческая грамматика гимназическаго курса. Э. Чернаго. Часть I. Этимологія. Изданіе 9-е, исправленное. Москва. 1894. Стр. 243. Цѣна 1 руб.“—2) „Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству П. Везенсера и другихъ, съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе 9-е, исправленное. Москва. 1894. Стр. 280. Цѣна 1 р. 30 к.“—одобрить первую въ качествѣ руководства, а вторую въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Демосеенъ. Жизнь Демосеена и его труды. Составилъ Я. Г. Мищенко. Кіевъ. 1894. Стр. V + 95. Цѣна 35 коп.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Филиппики Демосеена. Объяснилъ П. Юнатовъ, преподаватель Черновской гимназіи. Т. II. Рѣчи „о мирѣ“; вторая противъ Филиппа: „о событіяхъ въ Херсонесѣ“ и третья противъ Филиппа. Лейпцигъ. 1891. Стр. 97. Цѣна 60 коп.“—одобрить какъ учебное пособие по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Космографія въ историко-генетическомъ изложеніи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 98-ю чертежами, 20 рисунками и картою наиболѣе замѣчательныхъ созвѣздій, видимыхъ въ Европѣ. Составилъ Всев. Морозовъ, окружный инспекторъ Виленскаго округа. Вильна. 1894. Стр. XIV + 209. Цѣна 1 руб. 40 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „К. Д. Краевичъ. Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. XII (посмертное) изданіе подъ редакціей и съ измѣненіями А. Ефимова. С.-Пб. 1895. Стр. XX + 654. Цѣна 2 р. 50 коп.“—рекомендовать какъ учебное руководство для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Элементарный учебникъ минералогіи и основанія геологіи. Составилъ М. Соловьевъ, преподаватель Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища. (Руководство составлено примѣнительно къ новымъ (1888 г.) планамъ министерства народнаго про-

свѣщенія для реальныхъ училищъ), С.-Пб. 1894. Стр. VI + 124 — одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Вредныя насѣкомыя и мѣры борьбы съ ними (практическая энтомологія). Руководство для сельскихъ хозяевъ, сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, народныхъ учителей и учительскихъ семинарій. Составилъ *К. А. Бримсонъ*. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Часть I. Съ одною литографическою и 4-мя хромолитографическими таблицами рисунковъ. Екатеринославъ. 1894. Стр. V + 263. Цѣна 1 р. 80 коп.“ — допустить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для старшаго возраста.

— Книгу: „Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіе врача. Составилъ статскій совѣтникъ д-ръ медицины *К. Ф. Трояновскій*, врачъ и преподаватель „медицины“ при Островскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ. Второе, совершенно передѣланное изданіе. С.-Пб. 1894. Стр. VII + 158. Цѣна 1 руб.“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Определеніемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его сіятельствомъ г. министромъ, книга подъ заглавіемъ: „*Е. С. Шумиорскій*. Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828). Ея біографія. Томъ первый. С.-Пб. 1892. Цѣна 5 р.“ — допущена въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя Западно Сибирскаго учебнаго округа въ г. Семипалатинскѣ открыто 18-го сентября 1894 года четырехклассная мужская прогимназія, первоначально въ составѣ I и II классовъ. Ко дню открытія прогимназіи подано 30 прошеній о приѣмѣ въ оную.

— Согласно Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 1-й день февраля текущаго года, 25-го сентября послѣдовало открытіе въ городѣ Шушѣ, Елисаветпольской губерніи, Маринскаго женскаго училища, при 120 учащихся.

— 16-го минувшаго октября послѣдовало открытіе Старо-Крымскаго, Таврической губерніи, городского однокласснаго училища по положенію 31-го мая 1872 года, при 35 учащихся.

— По донесенію попечителя Харьковскаго учебнаго округа, при станціи „Моршанскъ 1-й“, Сызрано-Вяземской желѣзной дороги, открыто одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, при 84 учащихся.

— По донесенію попечителя Рижскаго учебнаго округа, 23-го сентября сего года состоялось открытіе въ г. Гольдингенѣ, Курляндской губерніи, начальнаго женскаго училища, при 35 учащихся.

— По донесенію главнаго инспектора училищ Туркестанскаго края, въ г. Кокандѣ открыты училища: 28-го августа городское двухклассное, при 29 учащихся, и 4-го сентября женское приходское одноклассное, при 22 учащихся. Кромѣ того, съ разрѣшенія Туркестанскаго генераль-губернатора открыты съ начала текущаго 18⁷⁴/75 учебнаго года приходскія училища: въ г. Ташкентѣ одноклассное мужское и въ селеніяхъ Константиновкѣ, Тамерлановкѣ, Богородицкомѣ, Обручевѣ и Мамаевкѣ для дѣтей обоого пола.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа 15-го минувшаго сентября открыто общежитіе при Серменевскомъ русско-башкирскомъ училищѣ, Верхнеуральскаго уѣзда, при 10 башкирскихъ мальчикахъ.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа 1-го минувшаго сентября состоялось преобразование Ирбито-заводскаго начальнаго училища, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи, въ двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія при 137 учащихся.

— По донесенію пачальства Московскаго учебнаго округа, 25-го минувшаго сентября состоялось открытіе Ухоловскаго женскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Рязскаго уѣзда, Рязанской губерніи, при 140 учащихся.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа 1-го минувшаго сентября, открыто русско-башкирское училище въ дер. Аттитаровой при 10-ти учащихся мальчикахъ.

— По донесенію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, 15-го сентября сего года Ригодишское, Валдайскаго уѣзда, начальное женское училище преобразовало въ одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія.

ОБОЗРѢНІЕ СОСТАВА ВОСКРЕСЕНСКАГО ЛѢТОПИСНАГО СВОДА.

Москва не имѣеть, на подобіе Повгорода или Пскова, особыхъ, специальныхъ, ей только принадлежащихъ лѣтописей. Какъ она сама является объединительницей всей Руси, такъ и ея лѣтописные своды заключаютъ въ себѣ лѣтописи всей Руси; начинаясь Повѣстью временныхъ лѣтъ, они послѣдовательно содержатъ въ себѣ лѣтописи южной, Ростовско-Суздальской и Новгородской земли, а затѣмъ и остальныхъ частей обширнаго Московскаго государства. Какъ Москва явилась на историческое поприще позже другихъ княжествъ, такъ и лѣтописные сборники появились въ ней далеко послѣ появленія ея на страницахъ исторіи, уже въ періодъ ея могущества, когда она объединила подъ своею державою почти всю древнюю Русь, получила свою особую фізіономію, высоко выставивъ знамя православія, единоподравія и самодержавія.

До сихъ поръ мы имѣемъ три московскихъ лѣтописныхъ свода: Софійскій 1 и 2, Воскресенскій и Никоновскій. Между ними видное мѣсто занимаетъ Воскресенскій сводъ, названный такъ потому, что первая его часть, доводящая разказъ до 1347 года и по почерку относящаяся къ концу XVI вѣка, пожертвована была въ 1658 г. патриархомъ Никономъ основанному имъ Воскресенскому Новоіерусалимскому монастырю ¹⁾). Можно предполагать, что сводъ, бывший въ ру-

¹⁾ Въ Московской синодальной бібліотекѣ есть рукопись, озаглавленная: „Книга Лѣтописецъ послѣдняя половина“. Рукопись, писанная скорописью въ концѣ XVI вѣка и начинающаяся съ 1347 г., пожертвована была въ 1591 г. архіепископомъ вологодскимъ Іоною въ монастырь Рождества Богородицы. Можно предполагать, что это двѣ разрозненные части одного и того же лѣтописнаго сборника.

какъ одного изъ высокопоставленныхъ и просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, долженъ быть составленъ очень тщательно и полно, на основаніи всѣхъ болѣе или менѣе доступныхъ матеріаловъ. И дѣйствительно, по богатству матеріаловъ и по полнотѣ извѣстій Воскресенскій сводъ послѣ Никоновскаго занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ лѣтописныхъ сводовъ, заключаая въ себѣ такія извѣстія, какихъ нѣтъ въ другихъ древнѣйшихъ сводахъ, о первыхъ страницахъ русской исторіи. Но, безъ всякаго сомнѣнія, главная и существенная часть Воскресенскаго свода—это вошедшія въ него московскія лѣтописи, къ которымъ мы и обратимся.

Итакъ, съ какого времени слѣдуетъ искать начала московскихъ лѣтописей? Такъ какъ Москва, какъ самостоятельное княжество, появляется только при младшемъ сынѣ Александра Невскаго, Даніилѣ, то собственно съ этого времени и слѣдовало бы искать начала московскихъ лѣтописей. Но хотя время Даніила и описано въ нашемъ сводѣ, по ни за его княженіе, ни за княженіе его сына Юрія рѣшительно нѣтъ записей, которыя можно было бы съ полнымъ основаніемъ признать за московскія. Первые извѣстія въ Воскресенскомъ сводѣ съ явными признаками записи въ Москвѣ находятся подъ 6834 (1826) г. Эти извѣстія слѣдующія: „Того же лѣта родася великому князю Ивану сынъ Іоанъ, марта 30, на память Ивана Лѣтвичника. Того же лѣта, въ Господино говѣніе, мѣсяца августа 4, заложена бысть 1-я церковь каменная на Москвѣ, на площади, Успеніе святыя Богородица пресвященнымъ митрополитомъ Петромъ и великимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ: тогда же ту заложи и гробъ себѣ своимъ руками Петръ митрополить, близъ святаго жрѣтовника по стѣпѣ“¹⁾. Только съ этихъ извѣстій московскія записи выступаютъ яркою полоскою среди другихъ лѣтописныхъ извѣстій — сначала въ очень ограниченномъ, едва замѣтномъ числѣ, а потомъ, увеличиваясь болѣе и болѣе, мало-по-малу вытѣсняя и заслоняя собою извѣстія остальныхъ княжествъ и, наконецъ, являясь исключительно господствующими на страницахъ лѣтописнаго свода. Это начало московскихъ лѣтописныхъ записей совпадаетъ, можно сказать, съ началомъ политическаго возвышенія Москвы, когда первая борьба ея съ Тверью, хотя и кончившаяся не въ ея пользу, показала все-таки ея силу и

¹⁾ Воскр., II. С. Р. Л., VII, 199, 200. Соф. I, II. С. Р. Л., V, 217. Ник., II. С. Р. Л., X, 190—во всѣхъ одной редакціи; въ Ник. рожденіе князя поставлено годомъ позже основанія церкви.

могущество. Значить и въ данномъ случаѣ ходъ лѣтописанія въ Москвѣ не отстываетъ отъ общаго хода, бывшаго въ другихъ княжествахъ. Какъ только какое либо княжество выдвигалось впередъ, усиливалось въ политическомъ отношеніи, такъ тотчасъ же въ немъ начиналась лѣтописная дѣятельность; такъ было въ Новгородѣ, такъ было въ Твери, такъ было въ Ростово-Суздальской области, такъ же было, какъ видимъ, и въ Москвѣ. Не отступаютъ московскія лѣтописи отъ другихъ и въ томъ отношеніи, что въ числѣ первыхъ извѣстій находится запись о построеніи патрональнаго храма ¹⁾.

Какія же извѣстія изъ записанныхъ въ Москвѣ за время княженія Іоанна Калиты вошли въ нашъ сводъ? Кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ извѣстій, подъ тѣмъ же 6834 г. ²⁾ находится извѣстіе о смерти митрополита Петра—очевидно, московской записи; затѣмъ подъ 6835 г. ³⁾ о рожденіи у Калиты сына Андрея 4-го іюля и объ освященіи Успенскаго храма 4-го августа, подъ 6836 г. ⁴⁾ о запятіи Іоанномъ Калитой великокняжескаго стола, подъ 6837 г. ⁵⁾ о заложеніи и совершеніи двухъ церквей въ Москвѣ: Іоанна Лѣтвичника и поклоненія честныхъ веригъ апостола Петра, подъ 6838 г. ⁶⁾ о заложеніи каменной церкви во имя Преображенія, подъ 6839 г. о пожарѣ Москвы 3-го мая ⁷⁾ и путешествіи Калиты въ орду ⁸⁾, подъ 6840 г. о смерти его супруги Елены 4-го марта ⁹⁾, о неурожаѣ на Руси ¹⁰⁾ (въ Никоновскомъ сводѣ извѣстіе о неурожаѣ тверское), подъ 6841 г. ¹¹⁾ о совершеніи и освященіи церкви во имя Архангела Михаила и женитьбѣ князя Симеона Іоанновича, подъ 6844 г. о путешествіи Іоанна Калиты въ орду ¹²⁾, подъ 6845 г. о пожарѣ Москвы

¹⁾ Въ Ник. св. московскія извѣстія начинаются нѣсколькими годами раньше; тамъ подъ 6828 г. (1230 г.) находится извѣстіе о рожденіи у Іоанна Калиты сына Данила (И. С. Р. Л., X, 187), о путешествіи Калиты въ орду въ томъ же и 6833 гг. (стр. 190).

²⁾ Воскр., VII, 200. Въ Ник., X, 190—191, отрывокъ изъ житія святаго.

³⁾ Воскр., 200. Ник. 195.

⁴⁾ Воскр., 201. Въ Ник. 195 г. находится, кромѣ того, московское извѣстіе о поставленіи митрополитомъ Θεогноста,

⁵⁾ Воскр., 202. Ник., 201.

⁶⁾ Воскр., 202. Ник., 203, 204.

⁷⁾ Воскр., 202. Ник., 204.

⁸⁾ Воскр., 203. Ник., 205.

⁹⁾ Воскр., 203. Ник., 204 подъ 6839 г.

¹⁰⁾ Воскр., 203. Ник., 206. Тв., XV, 418.

¹¹⁾ Воскр., 204. Ник., 206.

¹²⁾ Воскр., 204. Ник., 207.

и рожденіи у князя Симеона сына Василя и смерти его подъ слѣдующимъ годомъ ¹⁾, подъ 6847 г. о постройкѣ въ Москвѣ дубовыхъ стѣнъ, объ отправленіи сыновей Калиты въ орду ²⁾, подъ 6848 г. о походѣ Калиты на Смоленскъ ³⁾ и подъ 6849 г. о его смерти ⁴⁾. Всѣ эти извѣстія мы считаемъ записанными въ Москвѣ: 1) потому, что при большинствѣ изъ нихъ стоятъ цифровыя данныя, и 2) по самому ихъ характеру. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, какъ не въ Москвѣ, могло быть записано о рожденіи и смерти Василя, сына князя Симеона.

Разсматривая затѣмъ московскія извѣстія по содержанию, мы видимъ, что они почти всѣ или церковныя, или касаются домашней жизни князя; записей политическихъ, за исключеніемъ извѣстій о поѣздкахъ въ орду и походѣ на Смоленскъ, не имѣется. А между тѣмъ въ княженіе Калиты происходила борьба Москвы съ Тверью. Какъ это ни странно, но и о борьбѣ Калиты съ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ, какъ прежде о борьбѣ Юрія Даниловича съ Михаиломъ Александровичемъ, взято въ Воскресенскій сводъ изъ новгородскихъ лѣтописей; такъ эти заимствованія замѣтны въ извѣстіи объ опустошеніи Твери послѣ убіенія Шевкала ⁵⁾ и въ извѣстіи объ убіеніи Михаила Александровича ⁶⁾. Извѣстіе о походѣ Іоанна Калиты на Псковъ для изгнанія оттуда Александра Михайловича составлено по псковскимъ лѣтописямъ ⁷⁾.

Такимъ образомъ московскихъ извѣстій оказывается очень не много—не болѣе 23. Чѣмъ же заполненъ сводъ за княженіе Іоанна Калиты? Прежде всего въ немъ встрѣчается нѣсколько извѣстій, записанныхъ въ Ростовѣ; а именно о смерти епископа Прохора и о поставленіи на его мѣсто епископомъ Антонія, о женитьбѣ князя Константина Васильевича—всѣ три подъ 6836 г. ⁸⁾, о смерти князя Осдора Васильевича 28-го марта 6838 г. ⁹⁾ и епископа Антонія подъ 6844 г. ¹⁰⁾.

¹⁾ Воскр., 205. Ник., 207, 208.

²⁾ Воскр., 205. О построеніи стѣнъ говорится дважды — изъ двухъ различныхъ источниковъ. Ник. (211) сходно со вторымъ извѣстіемъ.

³⁾ Воскр., 206. Ник., 211. Тв. (П. С. Р. Л., XV, 421). Новг. 4 (П. С. Р. Л., IV, 55)—во всѣхъ почти буквально.

⁴⁾ Воскр., 206. Ник., 211.

⁵⁾ Воскр., 200, 201. Лѣт. по Сии. си., стр. 323.

⁶⁾ Воскр., 205. Лѣт. по списку арх. ком., 335—337.

⁷⁾ Воскр., 201. 1 Пск. лѣт. (П. С. Р. Л., IV), 185.

⁸⁾ Воскр., 201. Ник., 195, только первыя извѣстія.

⁹⁾ Воскр., 202. Ник., 204, подъ 6839 г.

¹⁰⁾ Воскр., 204. Ник., 207.

Но главная составная часть Воскресенскаго свода за это время— это новгородскія лѣтописи, изъ которыхъ составитель свода беретъ даже такія извѣстія, которыя мы ожидали бы видѣть записанными въ Москвѣ, какъ, напримѣръ, о прибытіи въ Москву митрополита Оеогноста подь 6841 г. ¹⁾). Новгородскихъ извѣстій за этотъ періодъ гораздо больше, чѣмъ московскихъ; нѣкоторые годы почти сплошь заключаютъ въ себѣ одни только новгородскія извѣстія, подь другими ихъ преобладающее большинство. Такъ какъ заимствованія изъ новгородскихъ лѣтописей идутъ въ Воскресенскомъ сводѣ очень далеко—до 1440 г. ²⁾), то считаю умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ составитель свода пользовался этими извѣстіями.

Прежде всего составитель нашего свода не имѣлъ подь руками древнѣйшей новгородской лѣтописи, извѣстной теперь подь именемъ Синодальной, такъ какъ въ немъ нѣкоторыя извѣстія читаются не такъ, какъ въ Синодальномъ спискѣ новгородскихъ лѣтописей; напримѣръ, извѣстіе о смерти князя Аванасія Даниловича болѣе сходно съ такъ называемой 2-ю новгородской лѣтописью, чѣмъ съ Синодальнымъ спискомъ (тоже о смерти арх. Антонія подь 6897 г.) ³⁾); извѣстія подь 6838 г. о построеніи псковичами Изборска и удаленіи на покой епископа Моисея почти буквально сходны съ такъ называемой новгородской 3-й лѣтописью ⁴⁾). По нѣкоторымъ даннѣмъ можно предположить, что у составителя Воскресенскаго свода находился подь руками лѣтописный сборникъ, въ родѣ извѣстнаго теперь подь названіемъ 4-ю новгородской лѣтописи, изъ котораго онъ и почерпалъ извѣстія, касающіяся не только Повгорода, но и другихъ земель, и не только за первоначальный періодъ самостоятельнаго существованія Москвы, но и за болѣе поздній ⁵⁾). Подтвержденіемъ нашего мнѣнія можетъ служить тотъ фактъ, что гдѣ Воскресенскій сводъ не сходенъ съ Синодальнымъ спискомъ новгородскихъ лѣтописей, тамъ онъ сходенъ съ 4-ю новгородскою лѣтописью, такъ, напримѣръ, въ извѣстіи о походѣ Магнуса подь Орѣховець въ Синодальномъ спискѣ

¹⁾ Воскр., 201. Новг. 4, стр. 51.

²⁾ Последнее извѣстіе изъ Новг. лѣт. въ Воскр. св. объ убіеніи въ Литвѣ князя Сягизмунда Александромъ Чарторижскимъ. Воскр., VIII, 107. Новг. лѣт. по сп. арх. ком., стр. 419.

³⁾ Воскр., 198. Новг. лѣт. по Архив. сб., стр. 27.

⁴⁾ Воскр., 202. Лѣт. Новг. церк. вѣж., стр. 216.

⁵⁾ Сходство извѣстій Воскр. св. съ извѣстіями 4 новг. лѣт. продолжается въ видженіе Дмитрія Донскаго и Василія Дмитріевича.

сказано, что новгородцы послали подъ Орѣховець воеводу „съ малою дружиною“; по 4-й новгородской и Воскресенской: „а съ ними 400 рати“; бой по послѣднимъ сводамъ былъ „на Жабчѣ полѣ“; въ Синодальномъ спискѣ мѣсто битвы не обозначено. По Синодальному списку Магнусъ повелѣ въ плѣнъ 8 чел., а по новгородскому 4 и Воскресенскому 11 ¹⁾. О войнѣ псковичей въ союзѣ съ литовскими князьями противъ нѣмцевъ въ 1342 г. въ Воскресенскомъ сводѣ излагается совершенно такъ же, какъ въ новгородской 4-й лѣтописи (тоже о походѣ новгородцевъ на Псковъ въ 6898 г.) ²⁾, о походѣ новгородцевъ въ 1398 г. на Бѣлоозеро, Галичъ, Устюгъ и Заволочье почти буквально сходно въ обоихъ сводахъ ³⁾. Другія новгородскія извѣстія сходныя въ обоихъ сводахъ: о войнѣ Дмитрія Донскаго съ Новгородомъ въ 1386 г. (VIII, 50, 51; IV, 94, 95), о посольствѣ Лугвонія въ Новгородъ въ 1388 г. (VIII, 52; IV, 96), о мирѣ новгородцевъ съ Василемъ Дмитріевичемъ и прибытіи Софьи Витовтовны въ Новгородъ проѣздомъ въ Москву (VIII, 61; IV, 97), о военныхъ дѣйствіяхъ москвичей и новгородцевъ въ 1392 и 1393 гг. (VIII, 63; IV, 100) и мирѣ, о посольствѣ Витовта и Василя Дмитріевича къ новгородцамъ въ 1396 г. (VIII, 70; IV, 102), объ удаленіи епископа Іоанна на покой (VIII, 87; IV, 114), объ убіеніи Анфала съ сыномъ подъ 6926 г. (VIII, 90; IV, 118), о возведеніи въ епископы Феодосія въ 1423 г. (VIII, 91; IV, 120; лѣт. церк. Бож., 266), о казни стригольниковъ въ 1375 г. (VIII, 24; IV, 72) ⁴⁾.

Составитель Воскресенскаго свода свои заимствованія изъ новго-

¹⁾ Воскр., VII, 211. 4 новг., 58. Лѣт. Новг. по Арх. сп., стр. 348.

²⁾ Воскр., 207—209. 4 новг., 56, 57. Ср. новг. лѣт. по Арх. сп., 341 — 342. Воскр. и 4 новг. сп. передаютъ сокращенное извѣстіе изъ Пск. лѣт. по сп. Ав. (П. С. Р. Л., IV, 187, 188).

³⁾ Воскр., VIII, 71. 4 новг., 102. Въ послѣднемъ сводѣ сокращено по полному извѣстію, сохраненному въ Арх. сп., 385—388.

⁴⁾ Воскр. и 4 новг. сп. замѣчаются сходство въ слѣдующихъ изъ новгородскихъ извѣстій: подъ 6874 г. о дѣлахъ восточныхъ (VIII, 14; IV, 65), о побѣдѣ на Скоринщевѣ (VIII, 18; IV, 67), о нападеніи Олега на Рязань (тамъ же), о походѣ Дмитрія Донскаго на Тверь, взытіи Костромы Прокопиемъ (VIII, 22 — 24; IV, 70 — 72), о дѣлахъ литовскихъ подъ 6885 г. (VIII, 25; IV, 72), о крещеніи трехъ татаръ (Воскр., VIII, 64; IV, 97, 98), объ отношеніи Василя Дмитріевича къ Семену Суздальскому (VIII, 75, 76; IV, 108), о боѣ рязанцевъ съ литвою у Любутска (тамъ же, IV, 106), объ отношеніяхъ между собою тверскихъ князей (VIII, 76; IV, 106), о дѣлахъ литовскихъ (VIII, 86; IV, 113), о митр. Григоріѣ Цамылакѣ (VIII, 89, 90; IV, 115—119).

родскихъ лѣтописей дѣлалъ очень близко къ подлиннику, хотя есть случаи вставокъ или пропуска нѣсколькихъ словъ и выраженій. Эти отступленія не остались, конечно, безъ вліянія на смыслъ подлинника; такъ, напримѣръ, въ извѣстїи о походѣ кн. Симеона Ивановича на Новгородъ въ Архивномъ спискѣ новгородской лѣтописи сказано: „къ князю послаша владыку Василя... и докончаша миръ по старымъ грамотамъ, на всей воли Новгородской“. Эти слова въ нашемъ сводѣ переданы такъ: „послаша съ челобитьемъ... и дастъ имъ миръ по старымъ грамотамъ“. Остальныя слова пропущены. Слова „медливъ же князь долго“ подъ перомъ составителя Воскресенскаго свода превратились въ „помедливъ же не много князь“¹⁾. Особенно же яркій примѣръ того, какъ пользовался составитель Московскаго свода новгородскими лѣтописями, находится подъ 6894 г. въ извѣстїи о походѣ Дмитрія Донскаго на Новгородъ. Въ новгородской 4 лѣтописи сказано, между прочимъ: „по Рожествѣ Христовѣ, въ понедѣльникъ по обѣдѣхъ, промчеса вѣсть, стоитъ князь Дмитрій на Жилотугѣ, и новгородци вси доспѣвъ выѣхаша къ Жилотугу, бѣше бо силно велика и свѣтла рать новгородцкая коневая, и пѣшей рати велии много, и охвочи битися; но низовцевъ не бѣше на Жилотугѣ“. Въ Воскресенскомъ сводѣ это передано такъ: „промчеса вѣсть пѣ городѣ, что стоитъ князь великій Дмитрей Ивановичъ съ всею силою у Жилътуга; новгородци же слышавше начаша боятися велии, и послаша на вѣсти испытovati, они же ѣздиша и не обрѣтоша нигдѣ же рати“²⁾. Или вотъ еще характерное мѣсто. Во время войны Новгорода съ княземъ Василиемъ Дмитриевичемъ въ 1393 г. „новгородци“, по новгородскимъ лѣтописямъ, „не хотя видѣти болшаго кровопролитья въ крестьянехъ, послаша послы къ великому князю съ челобитьемъ о старинѣ“; въ Воскресенскомъ сводѣ это передается такъ: „прислаша новгородцы пословъ своихъ къ великому князю лучшихъ людей, бѣюще челомъ за свои вини и за грубости и за не исправленія свои“³⁾. Эти замѣненія были сдѣланы москвичемъ-переписчикомъ, конечно, съ умысломъ. Но есть въ Воскресенскомъ сводѣ и другія измѣненія, которыя можно объяснить непониманіемъ со стороны московскаго переписчика отношеній новгородцевъ къ князьямъ и формъ ихъ правленія; встрѣчая, напримѣръ, извѣстїя о рядахъ

¹⁾ Новг. лѣт. по Арх. сп., стр. 348. Воскр., 211.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 94. Воскр., VIII, 50.

³⁾ Тамъ же, IV, 100; VIII, 63.

(договорахъ), о новгородской волѣ. — москвичь-переписчикъ просто не могъ понять этихъ выраженій и старался выразить ихъ сообразно со взглядами, существовавшими въ Московскомъ государствѣ; зная Новгородъ за составную часть Московскаго государства и встрѣтивъ выраженіе о докончаніи мира, онъ старался передѣлать его въ смыслѣ просьбы мира съ челобитьемъ; ему чужды были понятія о новгородской волѣ; новгородская воля для него была синонимомъ своеволия и ослушанія; поэтому подобныя выраженія въ родѣ: „великія Новгородъ того не похотѣлъ“, у него превращаются въ выраженіе: „новгородци же того не послушаша“¹⁾; воспитанный въ идеяхъ московскаго самодержавія и единодержавія, пережившій, можетъ быть, страшныя времена опричнины, москвичь-переписчикъ не могъ понимать и новгородской инициативы; поэтому гдѣ въ новгородской лѣтописи говорится о Великомъ Новгородѣ, тамъ подъ его перомъ является дѣйствующимъ лицомъ одинъ только князь; такъ, напримѣръ, подъ 6928 г. въ Архивномъ спискѣ новгородской лѣтописи записано новгородцы „послаша намѣстника“; это выраженіе замѣнено въ Воскресенскомъ своѣдѣ словами: „послалъ князь Костянтипъ“. Такимъ образомъ переписчикъ и этими не многими словами сумѣлъ выразить свой взглядъ. Этими же непониманіемъ можно объяснить и крайне рѣдкое упоминаніе о выборѣ посадниковъ, тысяцкихъ и другихъ новгородскихъ сановниковъ, хотя о выборѣ архіепископовъ, какъ должностныхъ лицъ, ему знакомыхъ, упоминается каждый разъ. Но все-таки новгородскія лѣтописи и въ московской передѣлкѣ не бесполезны, помимо обрисовки взглядовъ московскихъ переписчиковъ, нѣкоторыми фактическими прибавками—правда, не особенно многочисленными,—такъ какъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ онѣ передаютъ извѣстія, сохраненныя новгородскими лѣтописями, съ нѣкоторыми подробностями, напримѣръ, о разграбленіи Ахмыломъ Ярославля (Воскресенскій св., VII, 198), въ числѣ послонъ къ Симеону Іоанновичу названъ посадникъ Інокъ (Никоновск., X, 212); а иногда сообщаютъ совершенно новыя извѣстія; какъ на примѣръ этого, укажемъ на извѣстіе о цѣлованіи креста Василиемъ Дмитріевичемъ къ новгородцамъ—первый „на томъ, что ему отступитися ихъ вотчины Бѣжицкаго Верха да Волока да Волотцкихъ мѣсть“, а послѣдніе, о построении корелой новаго городка (1 Соф., 235), о пріѣздѣ въ Новгородъ Андрея Ольгердовича (*ibid.*, 246), „что имъ княжчипъ всѣхъ

¹⁾ Тамъ же, подъ 6900 г.

отсутнітся гдѣ ни есть¹⁾. Въ иныхъ случаяхъ новгородскія извѣстія въ Воскресенскомъ сводѣ записаны съ явными признаками мѣста записи; такъ подъ 6877 г. о пожарѣ записано: „и *връжеся онъ на оу сторону* и погорѣ Плотницкій конецъ весь“. Такъ какъ Плотницкій конецъ былъ на торговой сторонѣ, то, слѣдовательно, запись сдѣлана на Софійской сторонѣ, что въ изложеніи новгородскихъ лѣтописей стерто²⁾.

За княженіе Симеона Іоанновича въ Воскресенскомъ сводѣ находятся слѣдующія московскія извѣстія: подъ 6849 г. о женитьбѣ Іоанна Іоанновича³⁾, подъ 6850 г. о вступленіи Чанибека на престолъ, объ отправленіи Симеона Іоанновича и митрополита Теоноста въ орду и возвращеніи ихъ оттуда⁴⁾, подъ 6851 г. о пожарѣ въ Москвѣ⁵⁾, подъ 6852 г. о дѣлахъ рязанскихъ, о путешествіи князя Симеона съ братьями въ орду и возвращеніи ихъ оттуда, о подписаніи въ Москвѣ двухъ церквей — Успенской и Архангельской⁶⁾, подъ 6853 г. о смерти жены Симеона Іоанновича, о подписаніи церкви Спаса, о женитьбѣ Симеона и его братьевъ⁷⁾, подъ 6854 г. о слитіи двухъ колоколовъ въ Москвѣ, объ окончаніи подписаніемъ церквей Спаса, Архангельской и Іоанна Лѣствичника, о поставленіи архим. Іоанна въ епископы въ Ростовъ, о морѣ, объ отсылкѣ Симеономъ Іоанновичемъ своей второй жены и выдачѣ ея замужъ за князя Оедора Ооминскаго⁸⁾, подъ 6855 г. о женитьбѣ князя Симеона на княжѣ Маріи Тверской, о рожденіи у него сына Даніила и хожденіи Симеона въ орду къ Чанибеку⁹⁾; подъ 6856 г. о возвращеніи Симеона изъ орды и чудѣ у гроба митрополита Петра¹⁰⁾, подъ 6857 и 6858 гг. объ отношеніяхъ Симеона къ Ольгерду¹¹⁾, подъ 6859 г. о путешествіи въ орду князя Симеона съ братьями и возвращеніи оттуда, о рожденіи у князя Ивана сына Дмитрія, о выдачѣ кн. Симеономъ дочери за тверскаго князя Михайла Васильевича,

¹⁾ Воскр., 6932 г. (стр. 97).

²⁾ Тамъ же, VIII, 16.

³⁾ Воскр., VII, 207. Ник., X, 213.

⁴⁾ Тамъ же, VII, 207, 209; X, 213, 215.

⁵⁾ Тамъ же, VII, 209; X, 215.

⁶⁾ Тамъ же, VII, 209; X, 216.

⁷⁾ Тамъ же, VII, 209; X, 216.

⁸⁾ Тамъ же, VII, 210; X, 217.

⁹⁾ Тамъ же, VII, 210, 214, 215; X, 218, 219.

¹⁰⁾ Тамъ же, VII, 215; X, 219.

¹¹⁾ Тамъ же, VII, 215; X, 219, 221.

о рожденіи у князя Симеона сына Іоанна, о благословеніи митрополитомъ Θεогностомъ Даниила, епископа суздальскаго ¹⁾, о чудѣ при гробѣ митрополита Петра, подъ 6860 г. о походѣ Симеона подъ Смоленскъ, о поставленіи митрополитомъ Θεогностомъ намѣстника своего Алексѣя въ епископы владимирскіе, о рожденіи у кн. Симеона сына Симеона же и всѣхъ извѣстія подъ 6861 г. ²⁾, при чемъ въ извѣстіи объ отравленіи князей, по смерти Симеона Іоанновича въ орду, сдѣлана вставка изъ повгородскихъ лѣтописей о посольствѣ новгородцами Симеона Судокова хлопотать за князя Константина Суздальскаго.

Такимъ образомъ за этотъ періодъ московскихъ извѣстій больше, чѣмъ за предшествующій: многіе годы (напримѣръ, 6856, 6857, кромѣ одного извѣстія, и 6858) цѣликомъ заключаютъ въ себѣ московскія записи; подъ другими годами (напримѣръ, 6854, 6859, 6860 и 6861) онѣ преобладаютъ. Но все-таки и эти извѣстія почти не выходятъ изъ сферы домашней княжеской жизни и церковной; политическихъ извѣстій очень мало.

За этотъ періодъ есть нѣсколько рязанскихъ извѣстій: подъ 6850 г. о распрѣ между рязанскими князьями, объ убійствѣ князя Ивана Коротопла подъ 6851 г. ³⁾ и смерти князей Ярослава Александровича Пронскаго и Василія Александровича Рязанскаго, объ обновленіи Юріемъ Ярославичемъ Муромскимъ своей отчины ⁴⁾; остальные извѣстія—повгородскія ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, VII, 215; X, 221, 222.

²⁾ Тамъ же, VII, 216, 217; X, 223, 225, 226. Всѣ перечисленныя извѣстія въ Воскр. и Ник. сводахъ почти буквально сходны и, слѣдовательно, взяты изъ одного источника.

³⁾ Тамъ же, VII, 209; X, 215.

⁴⁾ Тамъ же, VII, 215; X, 222. Эги извѣстія также сходны въ обоихъ сводахъ.

⁵⁾ За этотъ періодъ въ Никоновскомъ сводѣ есть нѣсколько лишнихъ московскихъ извѣстій сравнительно съ Воскресенскимъ о томъ, что князя Симеона Іоанновича не было на погребеніи отца (стр. 211), о рожденіи у князя Симеона сына Константина и смерти въ тотъ же день (стр. 213), о смерти княгини Θεодосіи, жены Іоанна Іоанновича (стр. 215), объ отравленіи митрополитомъ Θεогностомъ „въ Царьградъ къ патриарху о благословеніи“ и поставленіи Нафанаила епископомъ въ Суздали (стр. 218), о неудачномъ нападеніи хана Темира на Алексинъ и чудѣ у гроба митр. Петра (стр. 220), о возвращеніи митр. Θεогноста изъ Волыни (стр. 221) и рожденіи у князя Симеона Іоанновича сына Михаила (ib.), объ окончаніи постройкой притвора у церкви св. Спаса (стр. 222), о бѣдѣ митр. Θεогноста (ib.), о поставленіи инока Θεодорита въ митрополиты на Русь (стр. 226). Отмѣтимъ еще двукратное упоминаніе въ Никоновскомъ сводѣ о посольствѣ Магнуса, короля шведскаго, въ Новгородъ съ требованіемъ собрать соборъ для пренія о вѣрѣ (стр. 218 и 219).

Разсматривая составъ Воскресенскаго свода отъ смерти князя Симеона Иоанновича до вокняженія Дмитрія Иоанновича, мы замѣчаемъ нѣкоторое измѣненіе въ немъ: какъ до этого времени московскія извѣстія составляли меньшинство среди записанныхъ въ другихъ княжествахъ, такъ, напротивъ, съ этого времени они являются преобладающими; новгородскихъ извѣстій, входившихъ раньше въ составъ свода въ значительномъ количествѣ, попадаетъ гораздо меньше. Другое измѣненіе заключается въ томъ, что съ этого періода начинаютъ появляться извѣстія, записанныя въ Суздальскомъ княжествѣ, преимущественно въ Нижнемъ Новгородѣ, и идутъ вплоть до 1422 г. включительно. Часть этихъ извѣстій иногда буквально находится въ такъ называемомъ Нижегородскомъ лѣтописцѣ. Чтобы не возвращаться къ нимъ, перечислимъ извѣстія, какъ вошедшія, такъ и не вошедшія въ Нижегородскій лѣтописецъ. Къ числу первыхъ относятся слѣдующія: о битвѣ съ татарами при рѣкѣ Пьянѣ въ 1377 г. ¹⁾, о нападеніи мордвы и пораженіи ихъ на рѣкѣ Пьянѣ ²⁾, о походѣ нижегородскихъ князей въ Мордовскую землю ³⁾, о путешествіи князя Андрея Константиновича въ орду въ 1354 г. ⁴⁾, о смерти его въ 1365 г. ⁵⁾, о построеніи Дмитріемъ Константиновичемъ каменной церкви св. Николая на Бечевѣ ⁶⁾ (VIII, 18; Ниж. лѣт., 15), о распрѣ между князьями послѣ его смерти ⁷⁾, о троекратномъ ударѣ колокола ⁸⁾, объ избіеніи татаръ въ Нижнемъ ⁹⁾, о смерти

¹⁾ Между обоими сводами слѣдующія разницы: князь Симеонъ, убитый въ битвѣ, называется по отчеству въ Ниж. лѣт. Дмитріевичемъ, а въ Воскр. лѣт. Михайловичемъ; послѣднее вѣрнѣе, потому что князь Симеонъ Дмитріевичъ является дѣйствующимъ лицомъ и впослѣдствіи (Ср. Ниж. лѣт., 24; Воскр., VIII, 72); при нападеніи татары, по Воскр. св., раздѣлились на 5 полковъ, въ Ниж. лѣт. просто сказано: „на многіе полки“; къ Нижнему татары подступили, по Воскр. св., 5-го августа въ среду, по Ниж. лѣт. 16-го августа; убитые князья, по Воскр. св., были привезены въ Нижній 23-го августа, по Ниж. лѣт. 20-го августа. Самая битва при Пьянѣ въ Ниж. лѣт. невѣрно отнесена къ 6825 г. (1317) вм. 6885 (1377 г.): Воскр., VIII, 25, 26. Ниж. лѣт., 5—10, изд. Гацисскаго, Нижни. Повг., 1886 г.

²⁾ Воскр. это событіе правильно относитъ къ 6885 (1377 г.) вм. 6811 г., указанного въ Ниж. лѣт.: Воскр., VIII, 26; Ниж. лѣт., 4.

³⁾ Воскр., VIII, 26. Ниж. лѣт., стр. 12, подъ 6873 (1359 г.).

⁴⁾ Воскр., VIII, 10. Ниж. лѣт., 10.

⁵⁾ VIII, 13. Ниж. лѣт., 11.

⁶⁾ Бечева—мѣстность въ Нижн. Новгородѣ (Ниж. лѣт., изд. Гацисскимъ, стр. 16).

⁷⁾ Воскр., VIII, 13. Ниж. лѣт., 13—15.

⁸⁾ Воскр., VIII, 19. Ниж. лѣт., 16.

⁹⁾ Воскр., VIII, 21. Ниж. лѣт., 17.

князя Дмитрія Константиновича ¹⁾, о нападеніи сыновей Дмитрія на Бориса Константиновича ²⁾, о нападеніи Симеона Дмитриевича съ царевичемъ Энтякомъ на Нижній ³⁾, о сильномъ вихрѣ ⁴⁾, о нападеніи татаръ на Владимиръ ⁵⁾, о голодѣ на Руси ⁶⁾. Къ числу извѣстій, не вошедшихъ въ Нижегородскій лѣтописецъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, записанныхъ въ Нижегородской области, относятся слѣдующія: подъ 6862 г. о женитьбѣ Константиномъ Васильевичемъ сына Бориса и смерти Константина Васильевича 21-го ноября ⁷⁾, о нападеніи татаръ на нижегородскія волости и пораженіи ихъ у рѣки Пьяны и сильномъ громѣ въ г. Городцѣ въ 1367 г. ⁸⁾, объ обвалѣ горы за церковью Благовѣщенія и постройкѣ церкви Архангела Михаила въ Городцѣ въ 1369 г. ⁹⁾, о безпорядкахъ въ ордѣ ¹⁰⁾, о казни татаръ въ 1375 г. ¹¹⁾ и нападеніи ихъ на Нижегородскую область ¹²⁾, о дарованіи ярлыка на Нижегородское княжество Борису Константиновичу ¹³⁾, о поѣздкѣ его въ орду ¹⁴⁾, о походѣ на него Василія и Симеона Дмитриевичей ¹⁵⁾ и смерти его ¹⁶⁾, о постройкѣ Борисомъ Константиновичемъ г. Курмыша въ 1372 г. (Воскр., VIII, 19).

И за этотъ періодъ въ Воскресенскомъ сводѣ помѣщены не всѣ

¹⁾ Воскр., VIII, 48, 49. Ниж. лѣт., 22.

²⁾ Воскр., VIII, 52, подъ 1387 г. Ниж. лѣт., 13, подъ 1367 г.; первое вѣрнѣе

³⁾ Воскр., VIII, 72, Ниж. лѣт., 24, 25.

⁴⁾ Воскр., VIII, 78. Ниж. лѣт., 23.

⁵⁾ Воскр., VIII, 86. Ниж. лѣт., 25; въ послѣднемъ сводѣ только начало извѣстія; въ Воскр. св. вошла запись современника, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ: „также *маюлазу* же тогда въ илѣиъ томъ бывше“, и изъ подробностей о мученіяхъ Владимірскаго протопона Патрика.

⁶⁾ Воскр., VIII, 91. Ниж. лѣт., 27.

⁷⁾ Воскр., VIII, 9.

⁸⁾ Воскр., VIII, 14, 15. Новг. 4 лѣт., II. С. Р. Л., IV, 66.

⁹⁾ Воскр., VIII, 16. Новг. 4, IV, 66.

¹⁰⁾ Воскр., VIII, 11. 4 новг., 64. Это извѣстіе мы считаемъ записаннымъ въ Нижнемъ Новгородѣ по слѣдующему выраженію: „А князь Ондрей Костантиновичъ въ то время поиде изъ Орды въ Русь, и на пути удари на него князь Рятиколь, и поможе Богъ князю Андрею Константиновичу и приде здравъ на Русь“. Во всемъ этомъ извѣстіи нижегородскіе князья—на первомъ планѣ.

¹¹⁾ Воскр., VIII, 21. Это извѣстіе составляетъ окончаніе извѣстія, помѣщеннаго въ этомъ сводѣ подъ 1374 г., о казни татаръ въ Нижнемъ Новгородѣ.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 22.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 49.

¹⁴⁾ Тамъ же, стр. 50.

¹⁵⁾ Воскр., VIII, 52. 4 Новг., IV, 95.

¹⁶⁾ Воскр., VIII, 64.

московскія извѣстія; такъ въ Никоновск. св. подъ 6863 г. паходится извѣстіе о мирѣ Іоанна Іоанновича съ Константиномъ Васильевичемъ, подъ 6864 г. о прибытіи въ Москву татарина Ирпчя съ сурожанами и подъ 6865 г. Иткара; въ Соф. I подъ 6864 г. есть извѣстіе о сѣздѣ князя Іоанна Іоанновича съ Андреемъ Константиновичемъ въ Переяславлѣ ¹⁾).

За княженіе Дмитрія Донскаго составъ Воскресенскаго свода слѣдующій: 1) отдѣльныя произведенія—сказанія, повѣсти и житія, 2) лѣтописныя записи: а) сдѣланныя за предѣлами Московскаго княжества и б) московскія.

Къ числу отдѣльныхъ произведеній относятся: 1) Житіе митрополита Алексѣя ²⁾. 2) Повѣсть о Митяѣ, заканчивающаяся словами: „сія же до здѣ, и пакы глаголемъ бывшее“, и болѣе подробная, чѣмъ помѣщенная въ Тверской лѣтописи. Объ повѣсти одной редакціи, но въ послѣднемъ сводѣ она сокращена. Повѣсть составлена современникомъ со словъ очевидцевъ, какъ видно, наиримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ: „повѣдаху же тамо бывшюи на корабли томъ, и глаголаху“ ³⁾. 3) Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ ⁴⁾. 4) Сказаніе о нападеніи Тохтамыша на Москву ⁵⁾ и 5) Сказаніе о Житіи и преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича ⁶⁾. Сказаніе составлено въ риторическомъ духѣ, съ вопросами, умолчаніями и восклицаніями. Выраженія: „како въспишу, или како възглаголю“... „аще ли премолчу“...

¹⁾ Ник., X, 228, 229. Соф. I, V, 228. Въ Ник. сводѣ есть еще нижегородское извѣстіе о построеніи княземъ Андреемъ Константиновичемъ церкви во имя Архангела Михаила въ 1359 г. (X, 230. Ниж. лѣт., 11). Укажемъ еще на двукратное извѣстіе въ этомъ сводѣ подъ 6869 г. о затменіи солнца, въ первый разъ сказано: „погибе мѣсяць, и бысть аки кровь“, а во второй: „погибе солнце, и потомъ мѣсяць предложися въ кровь“; очевидно, здѣсь говорится объ одномъ и томъ же явленіи (Ник., X, 232, 233).

²⁾ Воскр., VIII, 26—28. Начало сходно съ Житіемъ, помѣщеннымъ въ Тверск. сб. (XV, 437, 438); только по послѣднему имя при крещеніи митр. Алексѣю было Олферій, но Воскр. Семіонъ. О потомкѣ его Данилѣ Теофановичѣ въ Тверск. сб. сходно съ Воскр. (VIII, 63).

³⁾ Воскр., VIII, 28—32.

⁴⁾ Воскр., VIII, 34—42. Н. С. Р. Л., IV, 75—83. 1 Соф. VI, 90—98; во всѣхъ сводахъ почти буквальное сходство.

⁵⁾ Воскр., VIII, 42—48; IV, 84—90; VI, 98—103. Во всѣхъ св. почти буквальное сходство. Повѣсть московскаго происхожденія, „Олегъ... хоташе добра не мамъ“.

⁶⁾ Воскр., VIII, 53—60; VI, 104—111. Въ Новг. 4 (IV, 349—357) похвалы, такъ какъ въ срединѣ (стр. 355, 350) есть нѣсколько лишнихъ похвалъ.

„кому угодоблю“ и т. п. встрѣчаются очень часто. Авторъ сказанія, или, вѣрнѣе, похвалы, вѣроятно, лицо духовное и во всякомъ случаѣ былъ хорошо знакомъ съ Священнымъ Писаніемъ, какъ это видно по приводимымъ въ обиліи текстамъ. Былъ знакомъ онъ и съ святоотеческою литературою, греческою и русскою. Есть выдержка изъ Діонисія Ареопагита; а выраженіе „похваляетъ бо земля Римская Петра и Павла, а Асійская Ивана Богослова, и Индійская апостола Оуму... тебе же, великій князь Дмитрей Ивановичъ, вся Руская земля“, очевидно, взято изъ слова митр. Иларіона о законѣ и благодати. Ученость автора видна изъ употребленія иностранныхъ словъ, напримѣръ, „арганъ сладко вѣщающа“, „асръ“; изъ упоминанія о древнихъ еллинскихъ философахъ. Фактическихъ данныхъ, новыхъ сравнительно съ лѣтописью, похвала не сообщаетъ.

Переходя затѣмъ къ лѣтописнымъ замѣткамъ, записаннымъ въ предѣлахъ Московскаго княжества, мы, кромѣ новгородскихъ и нижегородскихъ извѣстій, видимъ еще и смоленскія, которыя продолжаютъ и потомъ за время княженія Василя Дмитриевича. Такъ какъ ихъ сравнительно немного, то мы и перечислимъ ихъ всѣ заразъ. Они слѣдующія; о нападеніи смольнянъ на Мстиславль въ 1387 г. ¹⁾, о взятіи Витовтомъ Смоленска въ 1395 г. ²⁾ и княземъ Юріемъ Святославичемъ въ 1401 г. ³⁾, о вторичномъ взятіи Смоленска Витовтомъ ⁴⁾. Если не къ смоленскимъ, то во всякомъ случаѣ къ извѣстіямъ, записаннымъ въ западной Руси, слѣдуетъ отнести запись о взятіи Кременца Дашкомъ Оедоровичемъ ⁵⁾.

Есть нѣсколько извѣстій объ одномъ и томъ же событіи, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ, а именно: о женитьбѣ Ягайла на Ядвига въ годъ 6889 и 6894 гг. ⁶⁾, о преставленіи Суздальскаго архіепископа Діонисія подъ 6893 и 6897 гг. ⁷⁾; эти извѣстія читаются различно; изъ житія Дмитрія Донскаго повторено о дѣтяхъ его (ср. стр. 58, 60).

¹⁾ Воскр., VIII, 51, 52; IV, 92, 93; V, 239, 240, одной редакціи.

²⁾ Воскр., VIII, 68, 69; V, 246; IV, 101. Лѣт. вел. кн. Лит., 41, 42.

³⁾ VIII, 76; IV, 106; V, 252. Лѣт. Лит. кн., 42, 43.

⁴⁾ VIII, 76; IV, 106, 107; V, 253. Всѣ своды передаютъ смоленскія извѣстія сходно почти дословно.

⁵⁾ Воскр., VIII, 90; IV, 117; V, 260. Лѣт. Лит. кн., 43, 44. Везде сходно.

⁶⁾ Воскр., VIII, стр. 42—51. Первое извѣстіе вошло въ IV новг. лѣт. (стр. 83), а послѣднее извѣстіе вошло въ 1 Соф., V, 242, и 4 Новг., IV, 94, 95.

⁷⁾ Воскр., VIII, 49, 60. Послѣднее извѣстіе вошло въ I Соф., V, 243, и, вѣроятно, новгородскаго происхожденія, какъ это видно по отрывочности изложенія.

За княженіе Василя Дмитріевича находятся въ сводѣ слѣдующія отдѣльныя повѣсти и сказанія: 1) О нападеніи Темиръ-Аксака однаковой редакціи съ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ Соф. I, гдѣ, впрочемъ, она передана съ нѣкоторыми несущественными сокращеніями; пропущено перечисленіе покоренныхъ Тамерланомъ земель; сравненіе его съ древними мучителями-царями, нѣкоторыя молитвенныя воззванія. Повѣсть составлена въ Москвѣ, которая называется *нашимъ* городомъ, на основаніи извѣстій очевидцевъ: „повѣдаху же сице бывшен тогда оу оного поганого царя“. Сказанія предназначались для чтенія въ церкви, какъ видно изъ словъ „благослови, отче“ (Воскр.) и „отпустъ“ (Тверск.)¹⁾. 2) Сказаніе о битвѣ Витовта съ Темиръ-Кутлумъ—одной редакціи во всѣхъ лѣтописныхъ сводахъ²⁾. 3) Повѣсть о смерти князя Михаила Александровича Тверскаго одной редакціи съ помѣщеніемъ въ 4-й новг. лѣт.³⁾. 4) Прощальная грамота митрополита Кипріана⁴⁾. 5) Сказаніе о нападеніи Эдигей на Москву, составленное очевидцемъ-современникомъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ выраженій: „жалостно же бѣ видяху“; „мню бо“...⁵⁾. 6) Отрывокъ изъ посланія митрополита Фотія о Григоріи Цамвлакѣ къ псковичамъ⁶⁾.

Что касается до лѣтописныхъ записей, то за этотъ періодъ мы видимъ у составителя Воскресенскаго свода матеріалъ, бывшій въ употребленіи раньше, — это записи ростовскія. Къ нимъ относятся слѣдующія извѣстія: подъ 6902 г. о смерти ростовскаго архіепископа Θεодора⁷⁾, списокъ ростовскихъ архіереевъ, помѣщенный по случаю извѣстія о поставленіи въ архіепископы ростовскіе—Григорія⁸⁾, о

¹⁾ Воскр., VIII, 65—68; V, 247—249. Въ Соф. II (VI, 124—128) и Тв. (X, 447—456) сказаніе другой редакціи, хотя въ нихъ мѣстахъ и замѣчается дословное сходство—признакъ, что обѣ повѣсти составлялись при помощи одного источника.

²⁾ Воскр., VIII, 72; IV, 108; V, 251; X, 458, 459.

³⁾ Воскр., VIII, 73, 74; IV, 359, 360. Въ Тверск. сб. (XV, 459, 460) нѣсколько разнится отъ остальныхъ.

⁴⁾ Воскр., VIII, 79, 80. I Соф., V, 254—256. Здѣсь находится косвенное указаніе на время составленія сборника. „Прочіи митрополити рустіи и доныѣ.... повелѣвають... такоже прочитати въ услышаніе всѣмъ“. Значитъ сборникъ составленъ былъ до учрежденія патриаршества.

⁵⁾ Воскр., VIII, 82—84. Въ 2 Соф. (VI, 136) сказаніе краткой редакціи.

⁶⁾ Воскр., VIII, 89, 90. 4 Новг., IV, 116, передаетъ все посланіе.

⁷⁾ Воскр., VIII, 64. Лѣт. по Акад. сп., 509.

⁸⁾ Воскр., VIII, 69. Списокъ этотъ составленъ былъ въ два пріема: въ первый разъ при означенномъ епископѣ Григоріѣ, такъ какъ о немъ сказано: „сей Гри-

пожарѣ въ Ростовѣ въ 1408 году ¹⁾, о совершеніи и освященіи двухъ церквей въ Ростовѣ ²⁾, о смерти епископа Григорія въ 1416 году ³⁾ 3-го мая „порану“ (въ часъ дня, II Соф.).

Обращаясь, наконецъ, къ лѣтописнымъ извѣстіямъ за это время, записаннымъ собственно въ Москвѣ, мы видимъ, что составитель лѣтописнаго сборника пользовался извѣстіями непосредственныхъ очевидцевъ того или другаго событія, что замѣтно какъ по числовымъ даннымъ, сопровождающимъ въ большинствѣ случаевъ записи, такъ и по указаніямъ на личность, отъ кого получено то или другое записанное свѣдѣніе; такъ, напримѣръ, при извѣстіи о появленіи въ 6910 году звѣзды „копейнымъ образомъ“, авторъ записи самъ указываетъ на себя, какъ на очевидца словами: „юже видѣхомъ по 12 дній“ ⁴⁾; въ другихъ случаяхъ онъ ссылается на извѣстія, полученные отъ достовѣрныхъ людей; такъ о количествѣ пограбленнаго въ 6918 году во Владимірѣ авторъ знаетъ, помимо личныя свѣдѣній, отъ бывшихъ въ татарскомъ плѣну: „также глаголаху иже тогда въ плѣнѣ томъ бывшеи“; ⁵⁾ подробности о рожденіи у великаго князя Василія Дмитріевича сына Василія авторъ знаетъ тоже по слухамъ: „мнѣ же о семъ Стефанъ діакъ сказа, а о прежнемъ прореченіи старца Дементей печатникъ, а сему сказа повѣда великаа княгини Маріа“ ⁶⁾. Въ иныхъ случаяхъ составитель свода ссылается на рукописные матеріалы, служившіе ему при составленіи; такъ по поводу извѣстія о смерти пермскаго епископа Стефана онъ заявляетъ, что у него находилось подъ руками полное житіе пермскаго просвѣтителя: „естъ же

горей“. Продолженіе его сдѣлано при епископѣ Тихонѣ (отказался отъ епископін въ 1503 г.), о которомъ въ 2 Соф. (VI, 128) тоже сказано: „сей Тихонъ“. Другіе списки ростовскихъ владыкъ: въ 4 новг. (IV, 102) оканчивается Ефремомъ и Тв. (XV, 481, 482) оканчивается тоже Тихономъ.

¹⁾ Воскр., VIII, 82. Лѣт. по Акад. сп., 510. II Соф. (VI, 135) одной редакціи съ Воскр.; Тв. (XV, 481, 482) передаетъ извѣстіе подробнѣе.

²⁾ Воскр., VIII, 86. Лѣт. по Акад. сп., 511. II Соф. (VI, 139, 140) сходно объ этихъ извѣстіяхъ. Кромѣ того, въ Соф. сводахъ передается объ устройствѣ колоколовъ (V, 257; VI, 140).

³⁾ Воскр., VIII, 88; 2 Соф., VI, 140; Тв., XV, 487,—сходство буквально. Отмѣтимъ еще ростовское извѣстіе во II Соф. (VI, 141) объ избраніи въ ростовскіе епископы Діонисія, чрезвычайно сочувственное избранному владыкѣ. Въ Воскр. (VIII, 90) кратко; то же самое и въ Тв. (XV, 488).

⁴⁾ Воскр., VIII, 75.

⁵⁾ Тамъ же, 85.

⁶⁾ Тамъ же, 87.

отъ житія его и книги сложены, имуще тетрадей съ двадцать; здѣ же мало нѣчто изрекохъ о немъ, но токмо да не потаена будутъ добраа дѣла его, еже сътвори“. Значить въ сводѣ вошло нѣчто въ родѣ некролога, составленнаго по подробному житію святаго, написанному въ то время, когда еще были живы „мнози свѣдетели“... „житію и добродѣтели“ святаго... „въ послѣднее время седмыа ты- сящи на остаточномъ стѣ“¹⁾).

Въ Воскресенскомъ сводѣ, какъ мы видѣли, помѣщены не всѣ извѣстія о московскомъ княжествѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, не вошли въ него потому, что ихъ не было подъ руками у со- ставителя, но относительно другихъ слѣдуетъ сказать, что они имъ пропущены намеренно; такъ въ извѣстїи подъ 6864 годомъ объ убїенїи московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича опущены послѣднія слова о мятежѣ въ Москвѣ и объ отъѣздѣ московскихъ бояръ въ Рязань съ своими семействами, что читается въ Никоновскомъ сводѣ, въ кото- ромъ, какъ видно отъ сравненія, извѣстія это взято изъ одного источника съ Воскресенскимъ. Равно нѣтъ извѣстія о вызовѣ изъ Рязани двухъ бояръ, уѣхавшихъ туда. Точно такъ же въ нашемъ сводѣ нѣтъ даже никакого намека на распрю между митрополитами Але- ксѣемъ и Романомъ; мало того, даже нѣтъ и имени послѣдняго митро- полита. Правда, въ Никоновскомъ сводѣ извѣстія о митрополитѣ Ро- манѣ находятся среди тверскихъ извѣстїй, но во всякомъ случаѣ объ этой распрѣ должно было быть извѣстно и въ Москвѣ; не появилось же въ Воскресенскомъ сводѣ потому, чтобы на святителя, чтимаго въ Москвѣ, не было наброшено никакой тѣни. Небезпристрастіе Воскресен- скомъ свода видно и въ извѣстїи о присоединенїи Нижняго Повгорода къ московскимъ владѣніямъ; фактъ этотъ выставляется, какъ проявленіе особой милости хана, который „придасть ему (Василію Дмитріевичу) къ великому княженію и Повгородъ Нижній и Городецъ... сице удиви

¹⁾ Тамъ же, 69, 70. За княженіе Василя Дмитріевича составъ II соф. лѣт. почти такой же, какъ Воскр. св.; нѣкоторыя извѣстія переданы въ сокращен- номъ видѣ противъ послѣдняго, другія буквально сходны—знакъ, что у обоихъ составителей источникъ былъ общій. Изъ нелѣтописныхъ статей внесены от- рывки изъ Житія св. Сергія Радонежскаго и его ученика и преемника по игу- менству—Никона. И то и другое житіе принадлежит перу Пахомія Логовета (срав. Соф. VI, 119, 121, 129, съ жит. св. Сергія, изд. въ Пам. др. писем., 140—144, 109—111, 115, 116, 121, 122. О житїи преп. Никона см. *Ключевскій, Житія святыхъ*, 152, 153).

Господь милость свою на немъ",—заканчиваетъ лѣтописецъ свое извѣстіе ¹⁾).

Что касается до отношенія Воскресенскаго свода къ другимъ московскимъ сводамъ, то за разобранный нами періодъ мы видимъ, что у всѣхъ составителей источникъ былъ общій, потому что многія событія во всѣхъ сводахъ передаются одинаково. Разница заключается только въ томъ, что составитель Софійскаго свода по большей части сокращаетъ свой матеріалъ и въ отношеніи количества извѣстій, и въ отношеніи ихъ распространенности, составитель же Никоновскаго свода въ обоихъ отношеніяхъ представляетъ полную противоположность. Воскресенскій сводъ занимаетъ золотую середину между обоими сводами; не имѣя полноты Никоновскаго свода, онъ въ то же время не страдаетъ и краткостью Софійскаго. Но, не смотря на краткость одного и подробность другаго свода, нельзя не замѣтить въ нихъ одного общаго источника, и не только для московскихъ извѣстій, но и постороннихъ.

Таковъ составъ Воскресенскаго свода за первое столѣтіе существованія Московскаго княжества: въ него вошли и самостоятельныя произведенія и лѣтописныя записи, сдѣланныя какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ—Великомъ и Нижнемъ Новгородѣ, Ростовѣ, Рязани и Смоленскѣ. За послѣдующее время, какъ увидимъ дальше, составъ свода значительно измѣняется.

Ив. Тихомировъ.

¹⁾ Воскр., VIII, 62.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКАГО ЯЗЫКА ¹⁾.

Открываемый мною курсъ будетъ носить характеръ теоретико-практической. Предметомъ лекцій я избралъ собственно не исторію русскаго языка, какъ нѣчто цѣлое, а лишь историческое изученіе его древнихъ памятниковъ. Этотъ элементъ исторіи языка, входящій въ нее вмѣстѣ съ двумя другими: изученіемъ языка народнаго и литературнаго и фізіологіей звуковъ (антропофоникой), составляетъ главнѣйшую ея основу, такъ какъ памятники—единственные свидѣтели минувшихъ судебъ языка.

Говорить ли мнѣ о важности исторіи русскаго языка среди другихъ филологическихъ дисциплинъ? Какъ объектъ науки, онѣ всѣ равны, но нѣтъ между ними равенства въ отношеніи національномъ. „Исторія языка нераздѣльна съ исторіей народа,—говоритъ Срезневскій ²⁾,—и должна входить въ народную науку, какъ ея необходимая часть“... Посвящая себя филологическимъ занятіямъ, уже по одному долгу вамъ слѣдовало бы удѣлять долю вниманія и времени родному языку. Но есть еще другая побудительная причина къ его изученію,—это необходимость. Обратитесь ли вы къ русской исторіи, къ древнерусской литературѣ или къ языковѣдѣнію, всюду встрѣтите потребность въ знаніи древнерусскаго языка. Возьмите область исторіи, кажущуюся наиболѣе удаленною отъ сферы языка,—не одни ли и тѣ же памятники русскаго слова служатъ часто источниками и древняго періода русскаго языка и древней русской исторіи? Филологъ изучаетъ ихъ языкъ, историкъ—содержаніе; но кто же рѣшится отри-

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ С.-Иб. университетѣ, 16-го сентября 1894 г.

²⁾ Мысли объ исторіи русскаго языка, посмертное изд. 1887 г., стр. 3.

цать, что безъ знанія перваго нельзя въ точности овладѣть послѣднимъ. А сколько есть важныхъ для историка побочныхъ вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ филологическимъ изученіемъ памятниковъ! Укажу, для примѣра, на опредѣленіе времени и мѣста ихъ написанія, на взаимное отношеніе разныхъ списковъ одного и того же памятника, на распознаваніе подлинности документовъ. Для историка литературы филологическія свѣдѣнія составляютъ еще болѣе насущную потребность. Лишенный ихъ, онъ похожъ на подслѣшоватаго челоуѣка со спутанными погами. Возможно ли, слѣдуя современному направленію въ изученіи древнихъ литературныхъ произведеній, представить судьбу какого-нибудь древняго переводнаго памятника и рѣшить, русскаго или южнославянскаго онъ происхожденія, если не умѣешь отличить русскіе списки отъ южнославянскихъ, не зная чертъ, чуждыхъ русскому языку? Для собственно же филолога, будетъ ли это славистъ, или общій языковѣдъ, важность знанія древняго русскаго языка еще значительнѣе. Среди славянскихъ нарѣчій русскій языкъ занимаетъ первенствующее мѣсто какъ по богатству, такъ и по большей традиционности своего звуковаго, формальнаго и синтаксическаго строя; ни у одного изъ прочихъ славянскихъ языковъ нѣтъ такого количества и разнообразія древнихъ памятниковъ, позволяющихъ съ значительною достовѣрностью и полнотою возстановить исчезнувшія черты древнѣйшей эпохи; древнѣйшіе памятники русскаго языка, при крайней недостаточности памятниковъ древнецерковнославянскаго (древнеболгарскаго) языка, служатъ весьма важнымъ источникомъ для изученія послѣдняго; наконецъ, чистота звуковъ и формъ древнерусскаго языка, оригинальныя особенности ихъ и своеобразіе прочихъ сторонъ грамматическаго строя, прежде всего самая первичность этого языка—даютъ ему право занять одно изъ важныхъ мѣстъ въ системѣ сравнительнаго языкознанія. Если въ трудахъ германскихъ лингвистовъ русскому языку удѣляется еще мало вниманія, то единственная причина кроется въ томъ, что только новѣйшему времени принадлежитъ правильная оцѣнка важности изученія русскаго языка.

Излагая вамъ результаты изученія древнерусскихъ памятниковъ на общемъ обзорѣніи ихъ и на разборѣ главнѣйшихъ изъ нихъ за время съ XI по XIV вѣкъ, я не стану ограничиваться одною научно-содержательной стороною и не обойду молчаніемъ другую важную сторону—методическую. Важно не только владѣть научными истинами, но и знать, какиимъ путемъ онѣ добыты. Тамъ, гдѣ наука пустила

прочные корни, окрѣпшіе въ теченіе многихъ десятковъ, даже сотенъ лѣтъ; гдѣ твердо установились методы и приемы изслѣдованія; гдѣ есть много замѣчательныхъ ея представителей и существуетъ нѣсколько школъ послѣдователей разныхъ направленій,—тамъ многое приходитъ само собою или дается и усваивается легко. Въ такомъ состояніи находится филологія въ Германіи; въ Россіи же ея положеніе и прежде не было блестящимъ и теперь еще мало улучшилось. Изученіе древнерусскаго языка, выѣстъ съ церковнославянскимъ, начавшееся въ Россіи около 75 лѣтъ тому назадъ, въ теченіе всего этого времени никогда не принимало широкихъ размѣровъ и не отличалось ни единствомъ цѣлей и приемовъ, ни послѣдовательностью, и если подвигалось впередъ при разрозненности силъ, то медленно и однообразно. Въ числѣ различныхъ причинъ слабости русской филологіи, изъ которыхъ главная выяснится изъ нижеслѣдующаго очерка историческаго изученія русскаго языка, надо признать, безъ сомнѣнія, невыясненность ни цѣлей, ни направленія и отсутствіе методичности. Срезневскій, прошедшій тяжелую школу автодиакта—самоучки, высказалъ старую, но для насъ важную мысль: „новые труженики могутъ являться только тогда, когда не затруднительно первоначальное приготовленіе къ труду“¹⁾.

Приступаю къ очерку главнѣйшихъ трудовъ по историческому изученію русскаго языка, на характеристикѣ которыхъ я выясню какія задачи оно себѣ ставило, и укажу тѣ методы, которыхъ держался его выразители. Эту исторію изученія русскаго языка проф. Кочубинскій остроумно назвалъ „блѣдной хроникой блѣднаго труда“²⁾. „Нѣсколько именъ,—говоритъ онъ далѣе,—и списокъ нашъ обрывается, хотя исторія русскаго языка—какое благодарное поле дѣятельности“!

Историческое изученіе русскаго языка такъ же тѣсно связано съ изученіемъ языка церковнославянскаго, какъ самые языки эти въ древнерусскихъ памятникахъ. Тотъ же Востоковъ, который далъ твердое историческое направленіе славянской филологіи своимъ знаменитымъ „разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ“, въ 1820 г. и замѣчательными не только для своего времени описаніями памятниковъ, въ 1820—1840 годахъ, расчистилъ почву для историческихъ изслѣдованій русскаго языка. Срезневскій выставялъ тройкую заслугу Востокова: вопервыхъ, онъ ознакомилъ со множествомъ древнихъ па-

¹⁾ Славянорусская палеографія, С.-Пб. 1835, стр. 15.

²⁾ Итоги славянской и русской филологіи, Одесса 1882, стр. 13.

мятниковъ русской письменности; въ которыхъ, указавъ возможность приуроченія памятниковъ письма къ опредѣленному времени и мѣсту на основаніи палеографическихъ особенностей и правописанія и при этомъ установилъ нѣкоторыя изъ областныхъ чертъ, напримѣръ, особенность древнихъ повгородскихъ памятниковъ — смѣшеніе ц и ч; и въ третьихъ, сдѣлавъ нѣсколько филологическихъ открытій — о природѣ носовыхъ звуковъ, о значеніи глухихъ ¹⁾. Есть еще заслуга Востокова — это первое образцовое изданіе древнихъ памятниковъ, именно изданіе Остромирова Евангелія. въ 1843 г., такъ выполненное, какъ не издавались памятники долгое время спустя. Востоковъ не создалъ и не задавался созданіемъ цѣльнаго труда по исторіи русскаго языка, какъ и церковнославянскаго, хорошо понимая его преждевременность при отсутствіи тщательнаго изученія самыхъ памятниковъ. Последнему дѣлу онъ посвятилъ всѣ свои долговременные неутомимые труды. Чтобы судить, съ какимъ умѣньемъ и успѣхомъ оно произведено въ цѣломъ рядѣ работъ, достаточно бѣлаго сопоставленія описаній Востокова съ тѣми замѣтками о рукописяхъ, которыя приложены Добровскимъ къ его „Institutiones linguae slavicae“. Между грамматическими трудами Востокова есть одинъ, изслѣдующій русскій языкъ. — это „Русская грамматика по начертанію сокращенной полнѣе изложенная“ (1831 г.), но она лишена для насъ всякаго значенія по отсутствію какого-либо историческаго матеріала; въ ней заключаются только наблюденія надъ современнымъ литературнымъ языкомъ, до настоящаго времени еще не совсѣмъ утратившія себѣ цѣну. Наконецъ, изданіемъ своего „Словаря церковнославянскаго языка“ (1858—1861 г.) Востоковъ оказалъ чрезвычайно важное содѣйствіе изученію словарнаго состава древнерусскаго языка, такъ какъ включилъ въ свой словарь и то, что имѣло мѣсто исключительно въ языкѣ русскомъ.

Возлѣ имени Востокова въ лѣтописяхъ нашей науки слѣдуетъ поставить другое почтенное имя талантливаго русскаго палеографа — Калайдовича. Я упоминаю здѣсь о немъ, не смотря на то, что всѣ работы его сосредоточивались въ области славянской палеографіи. потому, что онъ, вмѣстѣ съ Востоковымъ, указавъ русской филологіи необходимость историческаго направленія. Въ его замѣчательномъ трудѣ „Юаннъ Ексархъ Болгарскій“, изданномъ въ 1824 году, когда

¹⁾ *Н. Срезневскій*, Филологическія наблюденія А. Х. Востокова, С.-Пб. 1865, стр. LV—LVII.

существовало весьма незначительное число краткихъ описаній памятниковъ, въ родѣ описанія Евгеніевскихъ рукописей Востокова (1821 г.), помѣщены слѣдующія знаменательныя слова, одинаково касающіяся русскаго языка, какъ и церковнославянскаго: „грамматика древняго языка словенскаго не прежде можетъ получить правильную систему, доколѣ не будутъ отмѣчены грамматическія особенности и правописаніе древнѣйшихъ рукописей“ (стр. 23). Описанія списка перевода Іоанна Ексарха Волгарскаго, книги о правой вѣрѣ Іоанна Дамаскина XII вѣка и списка Шестоднева Іоанна Ексарха 1263 г., наиболѣе подробныя изъ всѣхъ прочихъ описаній Калайдовича, служатъ у него какъ бы примѣромъ филологическаго изученія рукописей. Но не обладая ни прозорливостью Востокова, ни филологическою подготовкой, Калайдовичъ не могъ вполне успѣшно выполнить вѣрно намѣченную мысль: его описанія, цѣпныя въ палеографическомъ отношеніи, страдаютъ отсутствіемъ полноты и систематичности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ касаются особенностей правописанія и характеристики языка. Особый интересъ представляютъ для насъ нѣкоторыя изъ примѣчаній Калайдовича въ этомъ изслѣдованіи: въ нихъ впервые являются упоминанія о первыхъ трудахъ по сравнительному языкознанію—Аделунга (1811 г.), Леванды (1812 г.), Скороходъ-Масвскаго (1816 г.) и Михановича (1823 г.); здѣсь впервые зашла рѣчь о филологахъ „западноевропейскихъ“. Краткія указанія Калайдовича на сходство языковъ „словенскихъ“ съ „азіятскими“ драгоценныя памъ, какъ первый отголосокъ того движенія въ филологической наукѣ на Западѣ, которое незадолго до того времени возникло вслѣдствіе открытія санскрита.

Къ концу 30-хъ годовъ въ Западной Европѣ установились формы новой науки сравнительнаго языкознанія трудами Бонпа, Гумбольдта, Потта, Як. Гримма и другихъ, и выработался новый сравнительный методъ; явились изслѣдованія, разсматривавшія вмѣстѣ съ прочими древними языками и церковнославянскій языкъ, хотя и не въ одинаковомъ съ первыми объемѣ; въ то же время въ западныхъ славянскихъ земляхъ продолжалось пачатое грамматическими изслѣдованіями Добровскаго изученіе живыхъ славянскихъ нарѣчій. Ознакомленіе русскихъ филологовъ съ тѣми и другими трудами не замедлило отразиться на ихъ собственныхъ: не оцѣненное историческое направленіе Востокова было оставлено и продолжало существовать лишь въ описательной дѣятельности Строева, Ундольскаго, Горскаго и другихъ, шедшихъ по стопамъ Востокова, а все вниманіе обра-

тилось къ изслѣдованію языка современнаго, живаго, къ сопоставленію его съ санскритскимъ, греческимъ, латинскимъ и нѣкоторыми другими древними и съ славянскими нарѣчіями и къ опредѣленію мѣста, которое долженъ занимать русскій языкъ среди европейскіихъ языковъ.

Первымъ трудомъ—опытомъ изученія русскаго языка по новому сравнительному методу были „Филологическія наблюденія“ протоіерея Павскаго, въ 1841 году¹⁾. Для насъ любопытно его вступленіе, гдѣ изложены цѣль и приемы его труда. Задачей его было „отыскивать законы, по которымъ происходятъ разныя измѣненія слоговъ, словъ и указывать причину отступленій“. „И не торилъ,—говоритъ Павскій,—грамматическихъ правилъ, которыя допускаютъ множество исключеній, и не одобряю такихъ грамматистовъ, которые находятъ въ языкѣ множество неправильныхъ словъ“. „Облегченіемъ труда,—говоритъ онъ далѣе,—можетъ служить правильная метода изслѣдованія и изложенія. Вотъ метода, которую избралъ я для своихъ наблюденій. Зная, что нашъ русскій языкъ принадлежитъ къ большому семейству образованнѣйшихъ въ свѣтѣ языковъ, я взялъ грамматическій составъ всѣхъ однородныхъ языковъ, отмѣчалъ сходства и несходства ихъ съ нашимъ языкомъ и старался узнать отличительное его свойство и мѣсто, какое онъ занимаетъ въ порядкѣ родственныхъ языковъ“. Эта широкая задача, навѣянная западноевропейскими трудами, была совершенно неспособна Павскому по скудости необходимыхъ свѣдѣній, и не выполняется имъ даже съ формальной стороны; а тотъ сравнительный методъ, который такъ ярко выставляется въ его вступленіи, является чисто механическимъ, ограничивающимся простымъ сопоставленіемъ часто лишь однозвучныхъ словъ разныхъ языковъ. Огромная по размѣрамъ „Наблюденія“ Павскаго, подробно разбирающія весь строй языка, его звуки, формы, суффиксы и корни, исключая синтаксисъ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ не лишены своего смысла, въ большинствѣ же случаевъ они поражаютъ своею странностью.—стоитъ припомнить въ нихъ „придыхательные“ ъ и ѣ и „самоуправство“ выговора. Кое-гдѣ попадаются въ „Наблюденіяхъ“ историческіе примѣры изъ лѣтописей и актовъ, но это совершенно случайно и безсвязно. Если я рѣшился остановить на Павскомъ ваше вниманіе, то лишь потому, что его „Наблюденія“ были первою попыткой, открывавшей русскимъ любителямъ филологіи новый путь; въ нихъ важна самая мысль, ока-

¹⁾ Второе изданіе вышло въ 1850 г.

завшая, безъ сомнѣнія, вліяніе на дальнѣйшіе труды, а не ея выполненіе. Какъ ни странно, находились тогда и такіе люди, которымъ, по словамъ самого Павскаго, не нравилось сличеніе русскихъ словъ съ словами иноземныхъ языковъ; имъ казалось, что при такомъ сличеніи уничтожалась самобытность и самостоятельность русскаго языка (Введеніе ко 2-му изд., стр. V). Впрочемъ, надо замѣтить, что многое изъ „Филологическихъ наблюденій“ Павскаго было принято и на нихъ дѣлались ссылки даже не въ столь далекое отъ насъ время.

Въ 1845 году вышла въ свѣтъ диссертация М. Каткова „Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка“, также основанная, какъ указываетъ авторъ ея, на знакомствѣ съ трудами Бошпа, братьевъ Гриммовъ, Вильсона и Бюрнуфа. Ограничивъ кругъ своего изслѣдованія только нѣкоторыми явленіями языка. Катковъ отнесся къ нимъ довольно самостоятельно и не стремился строго подгонять ихъ подъ западноевропейскую теорію языкознанія. Онъ осторожниже Павскаго въ сопоставленіяхъ и выводахъ и точиже въ наблюденіяхъ. Хотя и онъ пользовался главнымъ образомъ живымъ литературнымъ языкомъ, по все-таки иногда пускался въ сферу древнюю, обращался къ памятникамъ и, впервые послѣ Востокова, пытался слѣдить за историческою судьбою нѣкоторыхъ звуковъ, напримѣръ, глухихъ. Конечно, было бы напрасно искать даже относительной полноты и послѣдовательности въ этихъ ссылкахъ на древніе памятники; для насъ важно сознаніе ихъ необходимости, — одно изъ положеній его диссертации прямо говорить: „единственный путь ведетъ къ изученію законовъ языка—историко-сравнительный“. Это обращеніе Каткова къ памятникамъ позволило ему сдѣлать такое важное наблюденіе, какъ второе полногласіе, впоследствии научно установленное Потебнѣю. Въ заслугу Каткова можно поставить и то, что онъ въ значительно большей степени, чѣмъ Павскій, привлекъ къ сравненію близкія намъ прочія славянскія нарѣчія. Наконецъ, въ трудѣ Каткова есть еще одна новая сторона—философская.

Вслѣдъ за диссертацией Каткова, въ 1846 г., появилась въ Москвѣ другая диссертация—К. С. Аксакова „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“, нынѣ на столько забытая, что не помѣщается даже въ общемъ обзорѣ трудовъ по историческому изученію русскаго языка, хотя имѣетъ на это нѣкоторое право. То, что можетъ быть сказано о филологической части этого труда, слѣдуетъ отнести и къ двумъ другимъ большимъ его трудамъ: къ „критическому разбору „Опыта исторической русской грамматики“ Буслаява“ (1859 г.)

и къ „Опыту русской грамматики“ (1860 г.). Я остановлю на нихъ ваше вниманіе, потому что они представляютъ собой далеко не безынтересное явленіе; тѣмъ болѣе, что въ литературѣ нѣтъ объ нихъ свѣдѣній, кромѣ голаго упоминанія въ „Очеркѣ звуковъ и формъ русскаго языка“ Колосова. К. С. Аксаковъ, по мѣткому опредѣленію И. С. Аксакова, брата — издателя его трудовъ ¹⁾, былъ филологъ-художникъ, въ которомъ „недостатокъ филологическихъ свѣдѣній восполнялся филологическимъ чутьемъ, способностью проникать въ самыя духовныя нѣдра слова и угадывать сокровенную мысль грамматическихъ видоизмѣненій“. „Процессъ его работы былъ не просто аналитическій, по такъ сказать и художественный вмѣстѣ, мгновенно объемлющій синтезъ изслѣдуемаго явленія, его „душу живу“ и органическую цѣльность“. „Его мысль почти всегда предваряла длинный путь логическихъ выводовъ и формальнаго знанія и изрѣдка, къ удивленію ученыхъ, находила себѣ подтвержденіе, или въ цѣлой массѣ научныхъ, еще вовсе не извѣстныхъ К. С. Аксакову данныхъ или въ послѣдующихъ открытіяхъ науки“ (Отъ издателя, стр. VIII). Эта художественная стихія въ дѣятельности К. С. Аксакова не мѣшала ему уважать и строгій научный методъ. Задачей русской филологіи К. С. Аксаковъ ставилъ — „прослѣдить мышленіе самого языка, выражающееся въ его различныхъ формахъ, флексіяхъ и словоизмѣненіяхъ, и извлечь изъ самой сущности языка его внутренніе органическіе законы“ (VII). Было бы несправедливо считать, что труды К. С. Аксакова состоятъ изъ ряда безрезультатныхъ фантастическихъ картинъ языка, исполненныхъ поэтическаго вымысла. Довольно будетъ привести два — три примѣра. У К. С. Аксакова весьма тонко выяснено литературное различіе между церковнославянскимъ и русскимъ языками въ нашихъ древнихъ памятникахъ („Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“, стр. 81 и слѣд.), составленъ правильный взглядъ на значеніе языка актовъ (стр. 172), чутко предугаданъ новый приливъ церковнославянскаго языка во второй половинѣ XIV вѣка (стр. 166) и сдѣлано довольно много вѣрныхъ синтаксическихъ наблюденій. „Опытъ исторической грамматики“ Буслаева нашель въ К. С. Аксаковѣ нелишняго дополнителя и недурнаго цѣпителя. „Нельзя не согласиться, — говоритъ издатель К. С. Аксакова. — что онъ шелъ новымъ и до него неизвѣдан-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова. Т. II. Сочиненія филологическія, ч. I. Москва 1875 г.

нымъ путемъ, что онъ поставилъ точку зрѣнія вполне самостоятельную, съ которой одной только могутъ открыться передъ русскимъ филологомъ новые горизонты самобытной русской мысли, новые законы, новыя богатства русскаго слова“ (Отъ издателя, IX). „Опытъ русской грамматики“ К. С. Аксакова, для насъ весьма странный, искусственный, называется упомянутымъ издателемъ И. С. Аксаковымъ „опытомъ философіи русскаго языка“ (тамъ же, XII). Миѣ остается замѣтить, что наука не исключаетъ философскаго творчества, но надобно, чтобы оно гармонически сочеталось не съ одною силою ума, но и съ глубокими знаніями, какъ это было въ другомъ нашемъ филологѣ-философѣ—Потебнѣ.

Въ началѣ 40-хъ годовъ вернулись изъ ученаго путешествія по славянскимъ землямъ наши первые „насадители славяновѣдѣнія“—Прейсъ, Бодинскій и Срезневскій, и позже Григоровичъ. Кроме новыхъ впечатлѣній и свѣдѣній, эта поѣздка дала имъ возможность на мѣстѣ ознакомиться съ состояніемъ германской и славянской филологій и ихъ выдающимися представителями, что не замедлило отразиться на направленіи и характерѣ ихъ трудовъ. Русскій языкъ нашелъ себѣ среди нихъ одного изслѣдователя—И. Срезневскаго. Ему принадлежитъ честь возстановителя историческаго направленія въ изученіи русскаго языка. Мысль о необходимости историческихъ изслѣдованій созрѣла въ немъ подъ вліяніемъ описаній и изданій Востокова и его послѣдователей-палеографовъ, грамматическихъ трудовъ западныхъ славистовъ Добровскаго и Шафарика и, по всей вѣроятности, не безъ вліянія „Deutsche Grammatik“ Як. Гримма. Переходъ Срезневскаго къ занятіямъ исторіей русскаго языка, какъ и церковнославянскимъ языкомъ, совпалъ съ переводомъ его въ 1847 г. изъ Харькова въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ доступъ къ рукописнымъ сокровищамъ. Первый трудъ его въ этомъ направленіи былъ „Мысли объ исторіи русскаго языка“. Это актовая университетская рѣчь въ 1849 г. По отзыву Котляревскаго, автора „Библиологическаго опыта о древней русской письменности“, „ими началось настоящее, строго-методическое изученіе исторіи русскаго языка и положены основанія собственно исторіи русскаго языка“ (стр. 163). Но подобный взглядъ на „Мысли“ Срезневскаго раздѣляется далеко не всеми. Академикъ Ягичъ въ введеніи къ „Критическимъ замѣткамъ по исторіи русскаго языка“ говоритъ о „Мысляхъ“ въ полупренебрежительномъ тонѣ, называя ихъ лишь „живо написанными картинками изъ жизни народа и историческихъ судебъ русскаго языка“ и „об-

щими разсужденіями о языкѣ, о ходѣ и развитіи его въ связи съ исторіей народа* (стр. 1, 2). Хотя и самъ Срезневскій не претендуетъ на полноту и законченность „Мыслей“, говоря, что ограничивается „немногими общими замѣчаніями о древнѣйшемъ состояніи русскаго языка“ (стр. 19) и останавливается лишь на „нѣкоторыхъ подробностяхъ хода измѣненій русскаго языка“ (стр. 29), все же нельзя согласиться съ мнѣніемъ академика Ягича. „Мысли объ исторіи русскаго языка“ чрезвычайно важны по своему направленію. Съ первыхъ же словъ своей рѣчи Срезневскій ясно и рѣшительно заявляетъ о необходимости историческаго изученія языка: „какъ измѣняется языкъ въ народѣ? что именно въ немъ измѣняется и по какому пути идетъ рядъ измѣненій? Безъ рѣшенія этихъ вопросовъ невозможно уразумѣніе законовъ, которыми подлещитъ языкъ, какъ особенное явленіе природы. Рѣшеніе ихъ составляетъ исторію языка; изысканія о языкѣ невозможны безъ историческаго направленія“ (стр. 2, 3). Не раздѣляя исторіи языка отъ исторіи народа, Срезневскій далѣе намѣчаетъ задачу исторіи языка еще полнѣе — „опредѣлнить, что былъ языкъ народа въ то время, когда народъ, какъ особенный народъ, отдѣлился отъ другихъ народовъ своего племени и какъ постепенно измѣнялся языкъ въ народѣ, примѣняясь къ его особенному положенію, къ его личной народности, къ успѣхамъ его образованности, внѣшней и внутренней“. Отсюда является у него необходимость обратить вниманіе: „во 1-хъ, на строй и составъ языка и, во 2-хъ, на его измѣненія въ отношеніи къ его естественной измѣняемости и къ обстоятельствамъ внѣшнимъ, которыя имѣли вліянія на его измѣненія въ народѣ и литературѣ“ (стр. 13, 14). Въ исторіи русскаго языка Срезневскій различаетъ два главныхъ отдѣла: исторію языка простонароднаго и исторію языка книжнаго, литературнаго, такъ какъ ихъ судьбы находятся въ зависимости отъ различныхъ причинъ. Изученіе русскаго языка и выдѣленіе церковно-славянскихъ элементовъ Срезневскій считаетъ не иначе возможнымъ, какъ на основаніи наблюденій надъ памятниками X—XIV вѣка и болѣе поздними. Онъ первый затронулъ въ своихъ „Мысляхъ“ вопросъ о древности нарѣчій русскаго языка и времени ихъ образованія. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто Срезневскій лишь съ XIII—XIV вѣка признавалъ образованіе русскихъ нарѣчій и думалъ, что до того времени было въ языкѣ полное единство. Причиной такого мнѣнія скорѣе служить нѣкоторая неясность въ изложеніи Срезневскаго: онъ говоритъ о единствѣ въ общемъ смыслѣ, зная о существо-

ваніи новгородскихъ особенностей въ памятникахъ древнѣе XIII вѣка, указанныхъ еще Востоковымъ. Въ „Мысляхъ“ Срезневскаго приведены и главныя особенности древнерусскаго языка и намѣченъ главный ходъ измѣненій. Наконецъ, въ тѣхъ же „Мысляхъ“ даны указанія, какъ должны быть приготовлены матеріалы для исторіи русскаго языка, въ отношеніи древнихъ памятниковъ, народныхъ нарѣчій и говоровъ и литературнаго языка. Сверхъ этихъ матеріаловъ для исторіи языка, Срезневскій считаетъ необходимымъ „разсмотрѣніе его въ связи съ другими славянскими нарѣчіями и сродными языками, для чего требуетъ не только знакомства съ иностранными трудами по этому предмету, но и собственныхъ филологическихъ разысканій“ (стр. 99). Ни прежде, ни послѣ этого труда Срезневскаго ни разу не ставилась такъ полно задача русской филологіи и не намѣчались пути ея развитія.

Вотъ основанія, по которымъ „Мысли объ исторіи русскаго языка“, не свободныя отъ промаховъ и неточностей, въ нравѣ считаются дѣйствительно замѣчательными. Правильнымъ взглядомъ на этотъ трудъ будетъ видѣть въ немъ широко и талантливо начертанную программу историческихъ изслѣдованій русскаго языка. Самъ Срезневскій не успѣлъ, да и не былъ въ состояніи выполнить цѣликомъ всю эту программу, не выполнимую даже и въ наше время, когда русская филологія сдѣлала значительные успѣхи; онъ не оставилъ ни одного другаго цѣльнаго труда по исторіи русскаго языка, но за то много способствовалъ разработкѣ отдѣльныхъ ея вопросовъ и изученію памятниковъ. Я не стану перечислять всѣ его труды, касающіеся русскаго языка, не говоря о трудахъ по церковнославянскому языку,—укажу только, что онъ издалъ единственный обзоръ всѣхъ (ему извѣстныхъ) памятниковъ русскаго языка X—XIV вѣковъ. имъ сдѣланы болѣе подробныя филологическія и весьма подробныя палеографическія описанія памятниковъ, установившія, между прочимъ, мелкія черты почерковъ, весьма важныя для опредѣленія времени рукописей, и тщательно издааны многіе изъ древнихъ памятниковъ. „Свидѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ Срезневскаго, содержація много важныхъ данныхъ по разнымъ вопросамъ русской филологіи, вмѣстѣ съ самымъ крупнымъ его трудомъ „Матеріалами для словаря древнерусскаго языка“, еще далеко не вполне изданными ¹⁾, справедливо названы профес. В. И.

¹⁾ Вышло всего три выпуска.

Ламацкимъ „монументальными трудами, достойно вѣнчающими многолѣтнюю плодотворную дѣятельность Срезневскаго и навсегда утверждающими за нимъ славу одного изъ великихъ сподвижниковъ науки и одного изъ заслуженныхъ филологовъ нашего времени“¹⁾). Но мое очертаніе работъ Срезневскаго вышло бы неполнымъ, еслибы я не указалъ самаго характера его филологическихъ трудовъ. Исслѣдованій въ полномъ смыслѣ у него почти нѣтъ,—всѣ работы его скорѣе описательнаго свойства. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, какъ поступилъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, произнесшій свой рѣзкій приговоръ, что Срезневскій „не желалъ понимать задачъ и метода настоящаго языковѣдѣнія“. Какъ слышали вы выше, Срезневскій сознавалъ важность сравнительнаго изученія русскаго языка какъ съ славянскими нарѣчіями, такъ и съ родственными языками индоевропейскими, но онъ не бралъ на себя выполненія этой задачи, можетъ быть не считая ее своевременной до подробной разработки памятниковъ и народныхъ нарѣчій. Еще одну заслугу надо признать за Срезневскимъ—онъ первый образовалъ филологическую школу въ лицѣ многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей, изъ которой вышли профессоры В. И. Ламацскій, А. Будиловичъ, В. Малининъ, П. Лавровскій, Г. Воскресенскій, трудами по древнеславянскому языку не мало способствовавшіе изученію русскаго.

Въ 1852 г. вышла въ свѣтъ монографія П. Лавровскаго „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“. Посвященная разбору языка одной группы древнихъ памятниковъ, она выполняла одно изъ предначертаній „Мыслей“ Срезневскаго. Имѣя дѣло не съ первоисточниками древняго языка—рукописями, а съ печатными матеріалами изъ лѣтописей и актовъ, не съ филологическою цѣлью изданныхъ, Лавровскій по-неволѣ былъ обезсиленъ ихъ неисправностью. Въмѣсто того, чтобы разсматривать дѣйствительныя черты и явленія языка, ему нерѣдко приходилось останавливаться на мнимыхъ, случайныхъ буквенныхъ замѣнахъ, безъ фонетическаго и морфологическаго значенія. Однако это не помѣшало ему съ большимъ тактомъ опредѣлить почти всѣ главнѣйшія черты древняго новгородскаго нарѣчія. Взглядъ его, что русскій языкъ до XIII вѣка не распадался на южное и сѣверное нарѣчіе, въ настоящее время вполне опровергнуто. Свой трудъ Лавровскій причисляетъ къ тѣмъ, исключительною задачей которыхъ—„собрать на основаніи памятниковъ и живой рѣчи всѣ данныя языка,

¹⁾ „Измякъ Ивановичъ Срезневскій (1812—1880)“. Москва, 1890, стр. 40.

прослѣдить его видоизмѣненія по всеѣмъ вѣкамъ, опредѣлить характеръ этихъ видоизмѣненій и отличить то, что принадлежало и принадлежитъ языку искони, отъ того, что явилось впоследствии, смѣнявши новымъ забытое старое". Трудами другаго рода—съ сравнительнымъ направлеишемъ—были у него двѣ статьи: „О русскомъ полногласіи“ и „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчій малорускаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянорусскими нарѣчїями“, изъ которыхъ первая всегда будетъ цѣниться по тщательности и полнотѣ сопоставленныхъ данныхъ.

Дальнѣйшій шагъ въ разработкѣ исторіи русскаго языка составляетъ „Опытъ исторической грамматики русскаго языка“ Ѳ. Буслаева. 1858 г., извѣстный въ слѣдующихъ 4-хъ изданїяхъ подъ заглавїемъ „Историческая грамматика русскаго языка“. Еще въ 1844 году въ обширной статьѣ „О преподаванїи отечественнаго языка“ указывалъ Буслаевъ на важность историческаго изученія языка. Въ теченїи 14 лѣтъ, по мѣрѣ знакомства съ трудами германскихъ лингвистовъ, съ славянскими изслѣдованїями Шлейхера и Миклошича, а главнѣйше съ историческимъ направлеишемъ грамматикъ Я. Гримма (нѣмецкаго языка) и Дица (романскихъ языковъ), эта мысль у Буслаева окрѣпла и приняла опредѣленныя, хотя и не широкія, формы. Помѣщенные въ юбилейномъ изданїи Московскаго университета, въ 1855 году, „Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторїи славянскихъ письменъ“, состоявшіе изъ подробныхъ палеографическихъ и филологическихъ описаній нѣсколькихъ важныхъ памятниковъ древнерусскаго языка, свидѣтельствовали о глубокомъ пониманїи Буслаевымъ своей задачи. Но возбужденныя ими надежды не вполне оправдались на „Опытъ исторической грамматики“. Его выполненіе, между прочимъ, много пострадало отъ тѣсныхъ рамокъ учебнаго труда. Это не исторія и не изслѣдованіе русскаго языка, а лишь собраніе данныхъ древняго языка и современнаго литературнаго и народнаго, расположенныхъ по грамматическимъ рубрикамъ. Въ связи съ „Опытомъ исторической грамматики“ долженъ разбираться другой обширный трудъ Буслаева—„Историческая хрестоматія церковнославянскаго и древнерусскаго языка“ (1861 г.), которая назначалась служить практическимъ руководствомъ къ изученію этихъ языковъ, теоретически разсматривавшихся въ „грамматикѣ“. Въ „хрестоматїи“ Буслаева насъ интересуютъ не образцы памятниковъ, а присоединенныя къ нимъ грамматическія примѣчанія. Расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ памятниковъ, они сами по себѣ составляютъ какъ бы ис-

торію языка и существенно дополняютъ находящееся въ „грамматикѣ“. И обращу ваше вниманіе на эти труды, обнимающіе весь русскій языкъ во всё его эпохи и почти во всѣхъ отношеніяхъ, со стороны ихъ историческаго и сравнительнаго направленія. Приводимыя Буслаевымъ въ „грамматикѣ“ историческія данныя изъ памятниковъ древней и средней эпохъ русскаго языка, кажущіяся по нашему времени скудными, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ представлялись весьма значительными и заслуженно оцѣнены явившимися тогда рецензіями этого труда. Къ тому же надо прибавить, что примѣры были взяты не изъ однихъ только печатныхъ изданій, но также изъ самыхъ рукописей. К. С. Аксаковъ въ своемъ „Критическомъ разборѣ“ говоритъ: „въ книгѣ Буслаева несомнѣнное достоинство—это выборъ примѣровъ“ (Филологическія сочиненія, часть I, стр. 529). Если что подвергалось критикѣ, то это неравномѣрность разработки матеріала и не всегда достаточная основательность выводовъ. Буслаевъ не разграничилъ областей церковнославянскаго языка и русскаго и, смѣшавъ ихъ, затемнилъ черты русскія. Еще П. Лавровскій въ своей запискѣ объ „исторической грамматикѣ“ Буслаева, по поводу ея втораго изданія въ 1864 году, указалъ, что Буслаевъ далеко не всё воспользовался для объясненія явленій и сопоставленія съ прочими языками славянскими и другими родственными изъ того, что могъ найдти у Шлейхера, Миклошича и въ другихъ трудахъ по сравнительной грамматикѣ, и въ этомъ отношеніи „записка“ Лавровскаго служила дополненіемъ труда Буслаева. Но какъ бы ни были велики пробѣлы „исторической грамматики“ Буслаева, необходимо слѣдуетъ согласиться съ оцѣнкою Лавровскаго, что она „составляетъ эпоху въ изученіи отечественнаго языка“. Вѣдь всякаго сомнѣнія стоитъ то, что труды Буслаева имѣли чрезвычайно важное вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи русской филологин: на нихъ воспиталось поколѣніе молодыхъ филологовъ, во главѣ съ проф. А. И. Соболевскимъ.

Первымъ трудомъ, „распредѣлявшимъ историческія данныя не по грамматическимъ категоріямъ, а хронологически, по мѣрѣ совершенія въ языкѣ измѣненій, съ объясненіями на исторической же почвѣ“,— была диссертация М. Колосова „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка“, въ 1872 году. Такъ смотритъ Колосовъ на свой трудъ, представляющій систематическій, вѣрнѣе лишь хронологическій сводъ данныхъ, разсѣянныхъ въ множествѣ изданныхъ памятниковъ. Ближайшею цѣлью труда онъ ставилъ—опредѣлить по памятникамъ фо-

нетическія и формальныя особенности русскаго языка для каждаго столѣтія съ XI до XVI вѣка. Ни мысль эту, ни выполнение ея нельзя назвать удачными. Далеко не исчерпывая печатные матеріалы и вовсе не обращаясь къ рукописнымъ, Колосовъ не могъ придать своему труду ни полноты, ни достовѣрности. Но это одно не помѣшало бы труду его удерживать нѣкоторое значеніе, еслибы самое исчисленіе особенностей по вѣкамъ и ихъ объясненія не носили слишкомъ искусственнаго характера. Легкость перехода одного звука въ другой, необыкновенныя смѣны различныхъ формъ, допускаемыя Колосовымъ, возбуждаютъ частыя и справедливыя сомнѣнія; сравнительныя данныя въ этомъ трудѣ совершенно отсутствуютъ. Наконецъ, Колосовъ вовсе обошелъ часть вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ изученіемъ древнихъ памятниковъ, каковы, напримѣръ, вопросы объ историческихъ судьбахъ нарѣчій русскаго языка. Такимъ образомъ, за этимъ трудомъ Колосова одна неотъемлемая заслуга,—это мысль представить въ цѣльномъ очеркѣ особенности древнерусскаго языка на основаніи памятниковъ.

Теперь передъ нами двѣ крупныхъ филологическихъ силы нашего времени: одна, нынѣ уже покойный († 1891 г.), А. А. Потебня, другая—уважаемый проф. А. И. Соболевскій.

Здѣсь не мѣсто касаться всѣхъ сторонъ обширныхъ и разнообразныхъ трудовъ Потебни; я укажу лишь на тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ предметомъ русскій языкъ въ его историческомъ развитіи. Всѣ области русскаго языка: фонетическая, діалектическая, этимологическая, семасіологическая и синтаксическая вошли въ кругъ изслѣдованій Потебни, но только одной изъ нихъ посвященъ огромный цѣльный трудъ—это синтаксису; остальные же подвергнуты разсмотрѣнію въ длинномъ рядѣ отдѣльныхъ статей, подъ общими заглавіями: Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866 г.), Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій (1871 г.), Къ исторіи звуковъ русскаго языка (4 выпуска, 1873—1883 г.). Во всѣхъ этихъ трудахъ, какъ и во многихъ другихъ мелкихъ, поражаетъ обиліе данныхъ по каждому изъ изслѣдовавшихся Потебнею явленій и вопросовъ исторіи русскаго языка. Первое и второе, твердо установленное впервые Потебнею, полногласія, исторія глухихъ гласныхъ, особенности плавныхъ, смягченіе зубныхъ—получили у Потебни полное лингвистическое освѣщеніе. Изъ русскихъ нарѣчій наиболее полно очерчено имъ родное его малорусское нарѣчіе, не только въ упомянутыхъ выше „Замѣткахъ о малорусскомъ нарѣчій“, но главнѣе въ замѣчательной

рецензія изслѣдованія П. Житовскаго „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (1877 г.), полной цѣнныхъ историческихъ указаній и относительно другихъ вѣтвей русскаго языка (въ *Запискахъ Императорской Академіи Наукъ*, томъ XXXIII, стр. 764 — 839). Поттебнѣ же принадлежатъ важныя статьи по исторіи значенія словъ, въ особенности статья: „Село, деревня“. Въ этой чрезвычайно мало изслѣдованной области до Поттебни существовало лишь нѣсколько замѣтокъ Срезневскаго (въ его „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка, — дополнительныя приобщанія — и въ замѣчаніяхъ о книгѣ Гедеонова „Варяги и Русь“) ¹⁾. Но самый замѣчательный трудъ Поттебни и самый полный — по русскому синтаксису — „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“. „Благодаря принятой въ нихъ системѣ, онѣ даютъ, — по выраженію В. И. Ламаускаго, — широкое изложеніе историческаго развитія внутренняго склада русскаго языка, при чемъ строго отличаются различныя оттѣнки повременныхъ измѣненій въ его строѣ съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго“ ²⁾. Въ нихъ съ наибольшою силою сказалась выдающаяся особенность всѣхъ вообще изслѣдованій Поттебни — философское направленіе, тѣсно соединенное у него съ многостороннимъ фактическимъ изученіемъ. Общепризнанное мнѣніе, что Поттебни былъ единственнымъ у насъ, да и во всей славянской наукѣ, истиннымъ представителемъ философскаго языкознанія, которое на Западѣ проявилось главнымъ образомъ въ изслѣдованіяхъ Гумбольдта и Як. Гримма, основывается преимущественно на его синтаксическихъ трудахъ, въ частности же на „Запискахъ по русской грамматикѣ“. Я не стану раскрывать все значеніе этого труда, — довольно напомнить, что единственнымъ предшественниками у него были: синтаксическая часть „Исторической грамматики“ Буслаева и „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen—Syntax“ Миклошича, и что „на самой родинѣ сравнительнаго языкознанія изученіе синтаксиса по сравнительному методу сосредоточивается почти въ одномъ лицѣ — Дельбрюкѣ“ ³⁾.

Общая цѣнность трудовъ Поттебни зиждется на ихъ сравнительномъ направленіи; онѣ несутъ на почву русской филологіи плоды, добытые западноевропейскимъ языкознаніемъ во второй періодъ его развитія. Если труды Поттебни не сохранили для нашего времени всей преж-

¹⁾ *Записки Императорской Академіи Наукъ*, т. XXXIII, стр. 680 — 698.

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892, № 1, стр. 67.

³⁾ Памяти А. А. Поттебни. Харьковъ. 1892, изъ статьи *Н. Петушила*, стр. 23.

ней цѣнности, то главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что сравнительное языкознаніе, все болѣе развиваясь, измѣняетъ казавшіяся прежде безспорными положенія.

Что касается метода изслѣдованій Потебни, то прекрасное опредѣленіе его далъ проф. А. Будиловичъ: „особенность научнаго метода Потебни заключается въ его рѣдкой цѣльности, при всей сложности входящихъ элементовъ... Потебня соединилъ въ одно цѣлое всѣ три извѣстные метода, такъ что его методъ можетъ быть названъ сравнительно-историко-философскимъ“. Приведу еще слова проф. В. И. Ламанскаго, такъ ярко обрисовывающія характеръ и значеніе изслѣдованій Потебни: „послѣ Востокова ни одинъ быть можетъ изъ нашихъ филологовъ не отличался такими, какъ Потебня, способностями языковѣда, такимъ даромъ провидѣнія и проникательности въ тайны и тончайшія особенности и черты языковъ славянскихъ, ни одинъ не оставилъ по себѣ трудовъ съ такимъ высоковажнымъ значеніемъ для славянской филологіи, для сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ“¹⁾. Остается пожалѣть, что Потебня, по сообщенію одного изъ его учениковъ, не создалъ школы въ полномъ смыслѣ слова, будучи слишкомъ индивидуаленъ въ своей дѣятельности²⁾.

Въ трудахъ Потебни была одна сторона, не отличавшаяся тою же силой и крѣпостью, какъ сравнительная,—это *историческая*, но только не во всемъ ея объемѣ, а въ той части, которая касалась исторіи звуковъ и формъ: дѣло въ томъ, что Потебня пользовался одними печатными изданіями, а не рукописными матеріалами древнихъ памятниковъ, между прочимъ, потому, что, живя безвыѣздно въ Харьковѣ, онъ не могъ имѣть ихъ у себя подъ руками. Не замѣтно на синтаксическихъ вопросахъ отсутствіе рукописныхъ данныхъ не могло не отразиться на точности и полнотѣ фонетическихъ и морфологическихъ изслѣдованій. Эта историческая сторона разработки русскаго языка нашла себѣ замѣчательнаго выразителя въ лицѣ проф. А. И. Соболевскаго. Уже въ первой его диссертациі „Изслѣдованія въ области русскои грамматики“ (1881 г.), занимающейся историко-сравнительнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ древнерусскихъ формъ склоненія и спряженія, съ небывалой точностью и полнотою собраны данныя по изданнымъ памятникамъ и рукописнымъ и разсмотрѣны въ строгомъ историческомъ направленіи. Вторая диссертациія „Очерки изъ исторіи

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1892 г., № 1, стр. 56.

²⁾ Памяти А. А. Потебни. Харьковъ. 1892 г. стр. 72.

русскаго языка" (1884 г.), съ рядомъ мелкихъ статей, вышедшихъ до и послѣ нея, идетъ далѣе, изслѣдуя трудную область историческихъ судебъ нарѣчій и говоромъ русскаго языка. Вы видѣли, каковы были попытки Лавровскаго и другихъ къ ихъ раскрытію, безъ тщательнаго изученія древнихъ памятниковъ и безъ обширнаго знакомства съ рукописными матеріалами. Вся честь блестящаго выполненія этой задачи безспорно и всецѣло должна принадлежать автору „Очерковъ“. Древніе говоры галицко-волинскій, лсковскій, смоленско-полоцкій, а также кievскій съ рельефностью выступили въ своихъ особенностяхъ изъ мнимаго единства древнерусскаго языка. Наконецъ, въ 1888 году вышелъ третій, самый обширный, трудъ проф. А. И. Соболевскаго—„Лекціи по исторіи русскаго языка“, исполненный необыкновеннаго богатства матеріаломъ, извлеченныхъ изъ первоисточниковъ. Разрозненныя историческія черты и явленія впервые явились въ нихъ въ стройной связи и послѣдовательности, вмѣстѣ съ данными народнаго и литературнаго языковъ. Можно увеличивать объемъ ихъ, какъ и сдѣлано это во второмъ изданіи, 1891 г., количествомъ примѣровъ и дополнять новыми данными по вновь изслѣдованнымъ памятникамъ или дать другое построеніе, но нельзя поколебать самыхъ наблюденій и выводовъ. Нужно быть слишкомъ пристрастнымъ, чтобъ не оцѣнить всей важности и достоинствъ этого труда, даже при сравненіи съ однородными трудами западныхъ славистовъ, Даничича, Каллины и Облака, по исторической грамматикѣ западныхъ славянскихъ нарѣчій. „Лекціи по исторіи русскаго языка“—это прочный глубокий фундаментъ грандіознаго зданія исторіи русскаго языка.

Съ середины 80-хъ годовъ явился цѣлый рядъ трудовъ по изученію разныхъ сторонъ исторіи русскаго языка—Брандта, Богородицкаго, Ягича, Фортунатова, Шахматова, Булича, Карскаго и другихъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ выполнявшихъ свои цѣли. Одни (какъ Карскій) лишь расширяли область исторіи русскаго языка, другіе же вмѣстѣ съ тѣмъ служили проводниками новаго направленія сравнительнаго языкознанія, созданнаго трудами Бругмана, Острофа и Лескина.

Мм. гг.! Развертывая передъ вами картину постепеннаго хода историческаго изученія русскаго языка, я уже достаточно, кажется, подготовилъ васъ къ слѣдующимъ выводамъ: русская филологія шла и продолжаетъ идти по пятамъ западноевропейской, въ частности германской и западнославянской; на личную долю русскихъ филологовъ вынадеетъ пересажденіе результатовъ западно-европейскаго языко-

вѣдѣнія, включеніе русскаго языка въ сферу языковъ прочихъ славянскихъ и индоевропейскихъ, а главнымъ образомъ углубленіе исторической стороны. Мы выступаемъ теперь изъ періода собиранія и предварительной разработки матеріала; но нашъ новый путь не будетъ самостоятеленъ до тѣхъ поръ, пока мы сами не обратимся къ изученію индоевропейскихъ языковъ, въ особенности языковъ восточной группы и литовскаго: только въ такомъ случаѣ наши историческія изслѣдованія пріобрѣтутъ твердость, устойчивость и рѣшительность.

Закончу свое чтеніе глубоко вѣрными словами проф. В. И. Ламанскаго, сказанными по поводу смерти Потебни: „Мало, мало у насъ славныхъ именъ, мало совершено нами крупныхъ дѣлъ въ области мысли и знанія. Всего менѣе сдѣлано нами въ области наукъ историко-нравственныхъ, очень мало по филологіи и языкознанію“¹⁾.

И. Волковъ.

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892 г., № 1, стр. 53.

КОЛЛЕГИИ И УНИВЕРСИТЕТЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

Коллегии и университеты принадлежать къ разрядамъ заведеній, предназначенныхъ для высшаго образованія; въ первыя поступаютъ ученики обыкновенно между 18-ю и 22-мя годами; во вторые—отъ 22-хъ до 25-ти лѣтъ ¹⁾). Оба эти типа заведеній не вполне еще отдѣлились одинъ отъ другаго; при томъ въ Америкѣ не имѣется одного общаго устава для общеобразовательныхъ высшихъ заведеній. Вслѣдствіе этого разнообразіе громадное, въ которомъ можно осмотрѣться только при помощи исторіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Во время открытія Америки и начала англійской колонизаціи въ ней англійскіе университеты, а именно Оксфордскій и Кембриджскій, существенно измѣнились. Средневѣковой университетъ, въ которомъ видное мѣсто занимали корпоративно-организованныя народности со своими выборными представителями, отживалъ свой вѣкъ; уже съ XIII вѣка начали все чаще и чаще возникать „коллегии“, основанныя на частныхъ средствахъ и предназначенныя сперва для сожительства нѣсколькихъ бѣдныхъ студентовъ, и при томъ обыкновенно готовящихся къ духовному званію. Все это, естественно, способствовало ограниченію личной свободы учащихся, и вотъ въ коллегіяхъ съ самаго ихъ основанія заводится почти монастырскій уставъ: начало

¹⁾ Обычный возрастъ поступающихъ обозначенъ на основаніи словесныхъ объясненій выдающагося профессора Пенсильванійскаго университета, Эдмунда Джемса, которому я много обязанъ при моей поѣздкѣ по американскимъ университетамъ.

общежитія, назначеніе одного, выдающагося своими дарованіями и уже кончающаго курсъ ученика, какъ бы пастоятеля, а иногда и прямо профессора (*magister regens*), для присмотра за младшею учащеюся братією и для помощи при прохожденіи курса (будущій *tutor*, „воспитатель“). Эта помощь незамѣтно перешла въ лекціи, такъ что коллегіи сдѣлались сами учебными заведеніями, а не только сожительствомъ студентовъ. Такъ постепенно началъ выработываться типъ коллегіи, въ которомъ преобладала почти монастырская дисциплина въ противоположность бурной университетской жизни студентовъ съ ихъ рыцарскими упражненіями, попойками, участіемъ въ городскихъ смутахъ и даже междоусобныхъ войнахъ. Сравнительно съ ними бросались въ глаза всему англійскому обществу браконравіе, образованность, выдержанность воспитанниковъ коллегій, что и было причиною все бѣльшаго и бѣльшаго увеличенія количества коллегій. Онѣ теперь основывались не только съ благотворительною цѣлью, но даже аристократами для своихъ сыновей. Обстановка и содержаніе въ этихъ новыхъ коллегіяхъ, конечно, были несравненно лучше, но уставъ и дисциплина оставались прежнія. Мало-по-малу не только общественная, но и ученая университетская дѣятельность начала сосредоточиваться въ коллегіяхъ, а университетъ сдѣлался какъ бы собраніемъ различныхъ коллегій ¹⁾.

Колонизація Америки англичанами была вызвана преимущественно религиозными волненіями; отправлялись послѣдователи различныхъ вѣроученій, возникшихъ изъ реформаціоннаго движенія всей Западной Европы и болѣе или менѣе преслѣдуемыхъ на родинѣ. Большинство составляли кальвинисты (пуритане), видѣвшіе въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ почти единственный предметъ достойный изученія. Въ противоположность католичеству, отрицающемуся при объясненіи Слова Божія на церковномъ преданіи, кальвинисты, какъ реформаторы, желали дойти до первоисточниковъ, понять Заветъ въ его первобытной

¹⁾ Возникновеніе первыхъ коллегій въ Оксфордѣ и Кембриджѣ относится къ половинѣ XIII вѣка (*Denifle, Die Universitäten des Mittelalters bis 1400, I, Berlin, 1885, стр. 249 и 375*). Объ этихъ древнѣйшихъ англійскихъ университетахъ см. *A hist. of the university of Oxford from the earliest times to the year 1530, by N. C. Maxwell Lyte, London, 1886*; *Worthies of all souls; four centuries of english history illustrated from the college archives by Montagu Burrows, London, 1874*; *The university of Cambridge, by James Bass Mullinger, Cambridge, 1873—1883*. Не потеряло также научнаго значенія: *V. A. Huber, Die englischen Universitäten, Cassel, I, 1839; II, 1840*.

формѣ ¹⁾. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что греческій, латинскій, еврейскій и даже сирійскій языки были для нихъ важны, какъ предметы изученія. Пуритане были суровые моралисты, доктринеры, убѣжденные въ истинности одного кодекса нравственности, источникъ котораго они видѣли въ Старомъ и Новомъ Завѣтахъ. Все мало-мальски несогласующееся съ этимъ кодексомъ безусловно искоренялось, такъ что снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ было несравненно меньше, чѣмъ въ католициствѣ. Этотъ нравственный кодексъ долженъ былъ быть выдѣренъ въ умы подростующихъ поколѣній не только въ семьѣ, но и въ школѣ. Понятно, при такомъ состояніи новыхъ поселенцевъ коллегіи представляли собою самый совершенный типъ, гдѣ должно было даваться не только умственное, но преимущественно нравственное воспитаніе. Да и гдѣ было колонисту, должствующему не только снискивать себѣ пропитаніе въ Новомъ Свѣтѣ, но и подчасъ бороться съ туземцами, смотрѣть за воспитаніемъ своихъ дѣтей? Закрытое заведеніе было почти необходимою, а вывезенный съ родины образецъ коллегіи какъ нельзя болѣе удовлетворялъ этому. Итакъ, указанныя мною условія сами собою опредѣляли какъ типъ заведеній, такъ и преподаваемые въ нихъ предметы. Гуманитарное движеніе, распространенное въ XVI вѣкѣ и въ Англии, со своей стороны способствовало тому, чтобы особенное вниманіе было обращено на древніе языки; при чрезвычайномъ увлеченіи классическимъ міромъ языкъ и бытъ римлянъ и грековъ считались особенно достойными изученія.

Въ 1636 году было положено начало первой американской коллегіи постановленіемъ общаго собранія представителей Массачузетской колоніи, но только при денежной помощи священника Гарварда она могла быть открыта, почему и называется „коллегіей Гарварда“. Въ

¹⁾ „Основатели этой колоніи (Massachusetts Colony) были любители просвѣщенія, но они смотрѣли на него преимущественно, какъ на помощь для религіозной жизни, а посему первую цѣлью при возникновеніи коллегій было изученіе богословія. Отъ этой исходной точки зрѣнія и на этомъ основаніи началось развитіе ново-англійскихъ учрежденій. Въ теченіе перваго столѣтія по высадкѣ пуританъ въ Новомъ Свѣтѣ, богословіе было осью, вокругъ которой вертѣлось общество и политика, и мѣрою, которою измѣрялись всѣ общественныя и экономическія вопросы“. *History of higher education in Massachusetts, Washington, 1891, стр. 13, а также стр. 253 (Contributions to American Educational History edited by Herb. B. Adams, № 13)*. На организацію низшаго и средняго образованія оказала большое вліяніе Голландія; на установленіе предметовъ преподаванія въ коллегіяхъ, особенно въ Гарвардѣ—Англія. *Richard C. Boone, Education in the United States, its history from the earliest settlements. New York, 1893, стр. 5, 6, 24.*

1642 году были выработаны для нея правила, по которымъ высшій надзоръ за нею вѣряется нѣсколькимъ попечителямъ, занимающимъ этотъ постъ въ силу своего общественнаго положенія (губернаторъ колоніи, его помощникъ и т. д.). Вслѣдствіе неудобствъ такого управленія уже въ 1650 году была учреждена „корпорация 7 лицъ“ (президентъ, казначей и 5 бывшихъ воспитанниковъ Гарварда по ихъ выбору), которой и было передано непосредственное завѣдываніе коллегіей. Итакъ управленіе состояло изъ двухъ органовъ, высшаго—попечителя и низшаго—корпорации 7 лицъ: только постепенно президентъ и наставники получили нѣкоторую дисциплинарную власть. Предметами преподаванія были арифметика, геометрія, риторика, логика, этика, физика, метафизика, политика и богословіе, а также еврейскій, халдейскій, сирійскій, латинскій, греческій и англійскій языки. Старымъ и Новымъ Завѣтамъ преимущественно пользовались для изученія еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ. Ихъ употребляли въ ежедневныхъ чтеніяхъ и переводахъ Св. Писанія при утреннихъ и вечернихъ молитвахъ. Къ этимъ курсовымъ занятіямъ присоединялись лѣтомъ чтенія о природѣ растений, а зимою объ исторіи, и объявлялись опредѣленныя темы для диспутовъ; письменныя сочиненія требовались отъ всѣхъ. Эта широкая программа выполнялась очень не полно, ибо до 20-хъ годовъ XVIII вѣка всѣ предметы преподавались только однимъ президентомъ коллегіи съ помощію двухъ, трехъ воспитателей¹⁾; еще въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія знаніе латинскаго и греческаго языковъ было неглубокое, латинскіе и греческіе писатели мало извѣстны, а естественныя науки, философія и новая литература совершенно невѣдомы. Раздѣленіе предметовъ между отдѣльными преподавателями было заведено не ранѣе 1766 года. Во второй половинѣ XVIII вѣка планъ преподаванія былъ слѣдующій. Классики по-прежнему составляли основной предметъ въ первые 3 года. Къ нимъ для первокурсниковъ (*freshmen*) присоединялись риторика, арифметика, краспорѣчіе; для второкурсниковъ (*sophomores*)—алгебра и другія части математики; для третьекурсниковъ (*juniors*)—богословіе и разъ въ недѣлю одинъ урокъ изъ греческаго Нового Завѣта; для четверокурсниковъ (*seniors*)—логика, метафизика и этика. Перво и второкурсники были обязаны изучать или еврейскій или французскій языкъ. Въ теченіе всего времени пребыванія въ коллегіи шло преподаваніе хроноло-

¹⁾ Hist. of higher education in Massachusetts, стр. 21—52.

ги и исторіи, а также воспитанники должны были упражняться въ декламациі. Требованія для поступленія въ коллегію были весьма ограниченныя, экзаменовъ, какъ переводныхъ, такъ и выпускныхъ до 1825 года почти не производилось; всѣ, бывшіе въ теченіе четырехъ лѣтъ въ коллегіи, получали степень бакалавра искусствъ (bachelor of arts), а кончившіе курсъ (graduates), то-есть, бакалавры, послѣ трехлѣтняго, такъ сказать, дополнительнаго пребыванія въ коллегіи, степень магистра (master); нынѣшняя система письменныхъ экзаменовъ заведена въ 1857 году ¹⁾.

Хотя коллегія Гарварда получила въ 1780 году право называться университетомъ, тѣмъ не менѣе только постепенно, по мѣрѣ пожертвованій частными лицами суммъ на содержаніе отдѣльныхъ профессуръ, начали возникать профессиональныя школы, которыя по американскимъ понятіямъ объ университетѣ и превращаютъ коллегію въ университетъ ²⁾. Въ 1782 году была основана медицинская школа; между 1815—1817 гг.—школа правовѣдѣнія; въ 1817—школа богословія; въ 1847 г.—школа Лоренса для естественныхъ наукъ; въ 1868 г.—школа дантистовъ; въ 1871 г.—школа земледѣлія и въ 1882—ветеринарная школа ³⁾. Не смотря на все это, по описаніямъ достовѣрнаго свидѣтеля, еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія въ Гарвардѣ преподавались съ усиліемъ только классическая филологія и математика; новыя языки находились въ запущеніи, а на естественныя науки, наиримѣръ, на химію, не обращалось никакого вниманія ⁴⁾. Не ранѣе 70-хъ годовъ заканчивается превращеніе коллегіи въ полный университетъ; въ 1872 году принимаются мѣры для полученія степеней доктора философіи и доктора естественныхъ наукъ, а въ 1878 году университетъ увеличилъ количество отдѣленій до 8-ми: двѣ школы для студентовъ, не имѣющихъ ученыхъ степеней (undergraduates), по окончаніи которыхъ дается въ одной—степень бакалавра искусствъ классическаго образованія, въ другой—бакалавра

¹⁾ Тамъ же, стр. 69—75, а также 33.

²⁾ „Итакъ, какъ близко, можемъ мы спросить, подходитъ къ образцу, поставленному для настоящаго университета, американскій университетъ? Кто либо можетъ возражать, что мы еще не имѣемъ настоящаго американскаго университета, или, по крайней мѣрѣ, что нѣкто не можетъ сказать, что за типъ американскаго университета. *Дѣйствительно, до самаго недавняго времени мы не имѣли ничего выше американской коллегіи, къ которой были присоединены одна или болѣе профессиональныхъ школъ*“ (тамъ же, стр. 14).

³⁾ Тамъ же, стр. 75—77, 83—87.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 188—192.

наукъ (реальное образование), школы богословія, медицины, правовѣдѣнія, вѣдущія къ степени бакалавра богословія и т. д., школы философіи и высшихъ наукъ для обладающихъ учеными степенями съ цѣлью получить степень доктора философіи или доктора наукъ, наконецъ школа земледѣлія и школа дантистовъ ¹⁾). Рядомъ съ тѣмъ постепенно увеличивались экзаменаціонныя требованія для приѣма, а также становились серьезнѣе экзамены для получения ученыхъ степеней; для пріобрѣтенія послѣднихъ было необходимо не только пребываніе положеннаго количества лѣтъ въ университетѣ, но и выдержаніе строгихъ испытаній, а также, для нѣкоторыхъ степеней, представленіе сочиненій ²⁾).

Превращеніе коллегіи въ университетъ, понятно, должно было сначала ослабить, а затѣмъ и уничтожить коллегіальныя сожительства. Въ 1825 году было отмѣнено правило, по которому каждый воспитанникъ долженъ былъ жить въ коллегіи; въ 1849 году само такое общеніе было уничтожено, хотя съ 60-хъ годовъ снова возникли общежитія студентовъ, но они не имѣли уже того тѣснаго, монастырскаго характера, какъ прежде ³⁾). Измѣненія въ управленіи произошли самыя незначительныя; съ 1865 года попечители, въ количествѣ 30, избираются всѣми воспитанниками Гарварда, пробывшими въ немъ пять лѣтъ ⁴⁾).

Съ половины нынѣшняго столѣтія начала существенно измѣняться самая система обученія; появилась избирательная система въ противоположность бывшей дотолѣ единственно извѣстной обязательной. Вновь введенная система, составляя особенность Америки, была впервые испробована и одобрена въ Гарвардѣ и затѣмъ начала быстро распространяться въ Новомъ Свѣтѣ. Ея существенныя черты слѣдующія: студентъ, для полученія степени бакалавра, обязанъ пройти 12 „курсовъ“ и выдержать удовлетворительно экзаменъ; „курсъ“ состоитъ изъ трехъ лекцій въ недѣлю, въ продолженіе цѣлаго года; 4 „курса“, то-есть, 12 часовъ въ недѣлю, обыкновенно считаются достаточными для годовичныхъ занятій студентовъ средней руки; выборъ „курсовъ“ предоставляется благоусмотрѣнію студентовъ, *но подл условіемъ согласія на это факультета, который строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы выбранныя „курсы“ составляли изъ себя извѣстное органическое цѣлое.*

¹⁾ Тамъ же, стр. 88.

²⁾ Тамъ же, стр. 151—160.

³⁾ Тамъ же, стр. 187.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 91 и 111.

Въ повѣйшее время эта система отразилась и на требованіяхъ при поступленіи въ университетъ; такъ, напримѣръ, при выборѣ курсовъ естественныхъ наукъ можно обойтись безъ греческаго и даже латинскаго языковъ, но за то требуются обширныя знанія въ математикѣ, физикѣ или химіи, и въ одномъ изъ новыхъ языковъ; наоборотъ при избраніи филологическихъ „курсовъ“ нужны латинскій и греческій языки, но послабѣе испытанія изъ математики и естественныхъ наукъ. Знанія для поступленія по объему раздѣлены на элементарныя и болѣе глубокія; послѣднія вполнѣ соотвѣтствуютъ свѣдѣніямъ, приобретеннымъ въ университетѣ при изученіи даннаго „курса“ (то-есть, трехъ лекцій въ недѣлю) въ теченіе года. Итакъ, поступающій экзаменуется или изъ всѣхъ элементарныхъ предметовъ и по меньшей мѣрѣ изъ двухъ болѣе спеціально, или изъ всѣхъ элементарныхъ, за исключеніемъ нѣмецкаго или французскаго, и изъ трехъ болѣе спеціально, или изъ всѣхъ, за исключеніемъ греческаго или латинскаго, и изъ четырехъ спеціально, или изъ всѣхъ, за исключеніемъ греческаго или латинскаго и за исключеніемъ французскаго или нѣмецкаго, и изъ 5 предметовъ спеціально. Вступительныя экзамены дозволяется раздѣлить на 2 года или на 2 срока въ одинъ годъ; въ случаѣ только частичнаго выдержанія допускается въ теченіе пребыванія въ университетѣ пополненіе пробѣловъ, наконецъ, возможно прямо держать экзаменъ на высшій курсъ, для чего требуется выполненіе условій, какъ для поступленія въ университетъ, такъ и спеціальныхъ—для высшаго курса ¹⁾). Итакъ, двери университета широко открыты, но только хорошо подготовленнымъ, а качество подготовки уже предопредѣляетъ ту область вѣдѣнія, которой поступающій желаетъ посвятить себя.

Появленіе избирательной системы было вызвано измѣненіями въ самомъ настроеніи американскаго общества. Уже сказано, что а-

¹⁾ Элементарными предметами считаются: языки 1) англійскій, 2) греческій, 3) латинскій, 4) нѣмецкій, 5) французскій, 6) исторія (или исторія Греціи и Рима или исторія Соединенныхъ Штатовъ и Англіи), 7) математика, 8) естественныя науки (астрономія и физика или механика, звукъ, свѣтъ, теплота и электричество). Спеціальныя предметы слѣдующіе: 1) греческій и 2) латинскій языки, 3) греческіе и латинскіе переводы, 4) нѣмецкій и 5) французскій языки, 6) математика, 7) математика (въ обихъ предметахъ опредѣленныя части алгебры и геометріи), 8) естественныя науки (физика), 9) естественныя науки (химія). Изъ элементарныхъ предметовъ важнѣйшими признаются греческій и латинскій языки и математика; спеціальныя предметы рассматриваются равными по достоинству. The Harvard University Catalogue, 1892—1893, стр. 176—192.

глійскіе колонисты видѣли въ религіозно-нравственномъ воспитаніи существо всякаго просвѣщенія; коллегіи давали такое воспитаніе, и громадное количество ихъ воспитанниковъ поступали на мѣста священниковъ. Въ теченіе XVII и всего XVIII вѣка это направленіе преобладало; рѣдко, рѣдко возникала одна или другая профессиональная школа, имѣвшая въ виду не столько образованіе молодежи, сколько удовлетвореніе спеціальныхъ потребностей (напримѣръ, школа правовѣдѣнія въ Литчфилдѣ, въ Коннектикутѣ, основанная около 1784 года и существовавшая до 30-хъ годовъ XIX вѣка). Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ этомъ отношеніи происходитъ существенный переворотъ: общество все болѣе и болѣе начинаетъ интересоваться чисто мірскими дѣлами; политика, литература, наука начали болѣе занимать американцевъ, чѣмъ религіозно-нравственныя бесѣды о грѣхѣ, искупленіи и т. п. Въмѣстѣ съ тѣмъ и число воспитанниковъ, желающихъ сдѣлаться священниками, уменьшалось. Первымъ послѣдствіемъ этого была предоставленная возможность замѣны еврейскаго языка, считаемаго по-прежнему необходимымъ для духовенства, французскимъ. Къ этому съ 50-хъ годовъ присоединился чрезвычайно живой интересъ къ новымъ языкамъ и въ особенности къ естественнымъ наукамъ, который и выразился въ основаніи школы Лоренса, предназначенной для спеціальнаго и при томъ теоретическаго естествовѣдѣнія. Возникшая при этихъ условіяхъ избирательная система завоевала себѣ сочувствіе американцевъ по многимъ причинамъ. Она считается единственно возможною для усвоенія небольшого ряда наукъ изъ громаднаго числа нынѣ существующихъ, она удовлетворяетъ наклонностямъ каждаго индивида; она облегчаетъ и дѣлаетъ раціональнымъ строгій контроль, ибо требуется изученіе предметовъ, добровольно избранныхъ; она уничтожаетъ диллетантизмъ; наконецъ, она, вслѣдствіе строгаго надзора факультета, устраняетъ возможность неудачнаго выбора курсовъ (изучается только чрезвычайно малая часть вселенной, но такъ, чтобы это изученіе было возможно полно и всесторонне) и способствуетъ тѣсному сближенію студентовъ съ профессорами ¹⁾).

Прежняя строгая дисциплина въ коллегіи оставила свой слѣдъ

¹⁾ Исторія избирательной системы, стр. 162—176. Hist. of higher education in Massachusetts; ея примѣненіе, стр. 176—188. The Harvard University Catalogue, 1892—1893. Впервые о ней заговорилъ Джефферсонъ, который и принялъ ее въ открытій въ 1825 г. университетъ Вирджиніи. *Boone, Education in the United States*, стр. 190.

и послѣ превращенія коллегіи въ университетъ. До новѣйшаго времени никто не можетъ быть принятъ въ Гарвардъ безъ свидѣтельства о хорошемъ поведеніи, а также безъ указанія двухъ лицъ, которыя могли бы дать о немъ разъясненіе ¹⁾; вновь поступающіе дѣлятся на группы, и каждая поручается постоянному и строгому надзору одного изъ преподавателей ²⁾; въ случаѣ неудовлетворительно выполненной работы (студенты иногда спрашиваются на лекціяхъ изъ пройденнаго, какъ въ нашихъ гимназіяхъ) даютъ объ этомъ въ концѣ академическаго года знать родителямъ ³⁾.

Я изложилъ въ общихъ чертахъ ростъ коллегіи Гарварда потому, что она, какъ старѣйшая, прошла всѣ фазисы развитія и при этомъ оказывала сильное вліяніе на всю систему воспитанія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. На ней легко подмѣтить, какъ коллегія вначалѣ была высшимъ воспитательнымъ заведеніемъ съ религіозно-нравственнымъ направленіемъ, какъ подлѣ нея начали возникать профессиональныя школы, которыя по американскимъ взглядамъ превращаются въ университетъ, какъ вслѣдствіе развившагося интереса къ естественнымъ наукамъ начинаеть прокладывать себѣ путь реальное образованіе подлѣ классическаго, что вызываетъ появленіе избирательной системы. Всѣ эти перевороты совершаются чрезвычайно медленно, ибо они являются слѣдствіемъ измѣнившихся взглядовъ цѣлыхъ народныхъ массъ. Не ранѣе 1890 г., съ окончательнымъ устанювленіемъ школы для обладающихъ учеными степенями, вносится строго продуманная группировка въ чрезвычайное множество преподаваемыхъ предметовъ, а именно возникаетъ факультетъ искусствъ и наукъ, гдѣ непрерывно слѣдуютъ курсы какъ по моральнымъ („искусства“), такъ и по естественнымъ наукамъ („науки“), ведущіе не только къ степени бакалавра различныхъ наукъ, но и къ степенямъ магистра и доктора философіи или наукъ; подлѣ факультета искусствъ и наукъ, дающаго чисто теоретическія познанія, существуетъ цѣлый рядъ различныхъ школъ, по-европейски факультетовъ, предназначенныхъ для профессиональнаго, практическаго образованія ⁴⁾. Такимъ образомъ въ Америкѣ стремятся провести строгое различіе между науками чистыми и прикладными, чего въ Европѣ

¹⁾ The Harvard University Catalogue, 1892—1893, стр. 176.

²⁾ Тамъ же, стр. 194.

³⁾ Тамъ же, стр. 196, 197.

⁴⁾ Hist. of higher education in Massachusetts, стр. 224. Развитие школы для обладающихъ учеными степенями, см. тамъ же, стр. 182—184.

пока не дѣлается, а также объединяють, не безъ пользы думается мнѣ, нѣсколько профессиональныхъ заведеній (въ Европѣ различные институты, школы, академіи, напримѣръ, горный, технологическій, лѣсной) съ университетомъ, что даетъ возможность выдающимся студентамъ профессиональныхъ факультетовъ проникнуться чисто научнымъ духомъ, а также прослушать тотъ или другой теоретическій или общеобразовательный курсъ. Изъ сдѣланнаго очерка Гарварда легко также понять невозможность проведенія точной черты между коллегіями и университетами; существуютъ коллегіи, которыя, хотя и давно основаны, но не доразвились еще до университета, то-есть, не открыли еще полнаго количества профессиональныхъ школъ и по-прежнему являются заведеніями закрытыми; кромѣ того, при широчайшей частной инициативѣ не возбраняется открыть учебное заведеніе съ названіемъ университета и теперь, которое давало бы высшее образованіе въ нѣкоторыхъ только отрасляхъ вѣдѣнія и было бы собственно коллегіей, или даже такое, которое преслѣдуетъ другія цѣли, не передачу знаній, напримѣръ, а ихъ увеличеніе, какъ Clark university, то-есть, устроить академию въ европейскомъ смыслѣ слова.

Обращаясь теперь отъ исторіи Гарварда къ общему историческому очерку, мы замѣчаемъ, что въ теченіе XVII и цѣлаго XVIII вѣка объ университетахъ не могло быть еще и рѣчи; существовало, кромѣ Гарварда, нѣсколько коллегій съ общежитіемъ воспитанниковъ и религиозно-нравственнымъ направленіемъ; коллегіи въ это время предназначались не столько для всенароднаго образованія, сколько для подготовленія къ духовному званію. Такой ихъ характеръ оказывалъ громадное вліяніе на внутренній порядокъ и на выборъ преподаваемыхъ предметовъ. Отсюда понятно, что возникновеніе коллегій обыкновенно было дѣломъ духовенства, которое наблюдало за ними въ должности попечителей, а отдѣльныя религиозныя секты давали средства на существованіе. Такъ, напримѣръ, коллегія Еля въ Коннектикутѣ возникла вслѣдствіе недовольства нѣкоторой части кальвинистовъ преобладаніемъ болѣе либеральныхъ религиозныхъ взглядовъ въ Гарвардѣ ¹⁾. Эта тѣсная связь религіи съ воспитаніемъ сохранилась до новѣйшаго времени и составляетъ характеристическую особенность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. И теперь нѣкоторыя значительныя и при томъ новые университеты находятся въ тѣсной связи съ религиозными сектами, напримѣръ, Сѣверо-Западный универ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 55.

ситеть въ Еванстонѣ, въ Иллинойсѣ, основанный въ 1850 г., поддерживается методистами, а только что открывающійся въ Чикаго—баптистами. Вообще, по повѣйшему отчету, изъ 415 коллегій, отъ которыхъ получены свѣдѣнія, только 99 не имѣютъ сектантскаго характера. Впрочемъ, это не оказываетъ вліянія на преподаваніе или на положеніе студентовъ, а проявляется только въ поддержкѣ, доставляемой даннымъ вѣроученіемъ. Эта связь учебныхъ заведеній съ сектами была одною изъ главнѣйшихъ причинъ основанія государственныхъ университетовъ; когда возникла потребность въ болѣе полномъ, глубокомъ и всестороннемъ образованіи, что и выразилось въ предназначеніи нѣкоторой части государственныхъ земель на образовательныя цѣли, пришлось основывать новыя высшія заведенія, ибо надѣлать уже существующія земляни оказалось неудобнымъ вслѣдствіе ихъ сектантскаго характера, такъ какъ такимъ образомъ косвенно давалась бы поддержка изъ государственныхъ суммъ опредѣленной сектѣ¹⁾.

Съ начала вышшняго столѣтія начинается развиваться потребность въ профессиональномъ образованіи, ослабляется интересъ къ религіозно-правственнымъ вопросамъ, а выступаетъ — къ политикѣ, литературѣ, естественнымъ наукамъ. Эти новыя потребности удовлетворяются основаніемъ цѣлаго ряда профессиональныхъ заведеній, какъ въ связи съ уже существующими коллегіями, такъ и самостоятельно, а также ослабленіемъ религіозно-правственнаго характера въ прежнихъ коллегіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ широкомъ объемѣ выдвигается частная инициатива; она проявляется въ учрежденіи на частныя средства множества профессуръ въ коллегіяхъ, въ открытіи частными лицами цѣлыхъ заведеній съ самымъ разнообразнымъ характеромъ, профессиональныхъ школъ, университетовъ, очень сходныхъ съ европейскими, напримѣръ, Boston College, университетовъ въ смыслѣ европейскихъ академій, напримѣръ, Clark University. Кроме того, иногда богатые люди видятъ въ открытіи учебныхъ заведеній просто выгодное помѣщеніе для своихъ капиталовъ. Все это, понятно, вноситъ чрезвычайную пестроту въ возникающія учрежденія. Обыкновенно, желающіе основать коллегію собираются вмѣстѣ для общихъ совѣщаній, при чемъ обдумываются денежныя средства для будущаго заведенія, устанавливается его цѣль, обсуждается

¹⁾ Report of the commissioner of education for the year 1889—1890, Washington, 1893, стр. 787, 788.

программа преподаванія. Обо всемъ этомъ печатается возможно болѣе въ газетахъ, чтобы заинтересовать общество. Изъ среды собравшихся избираются нѣсколько лицъ, попечителей (trustees), на которыхъ возлагается присмотръ за цѣлымъ заведеніемъ. Хотя послѣ всего этого заведеніе иногда и открывається, въ него постунають ученики и т. д., тѣмъ не менѣе оно не имѣетъ юридическаго основанія, не можетъ, слѣдовательно, располагать собственностью, какъ юридическое лицо, а также выдавать дипломы. Для этого необходимъ законодательный актъ (chartes). Поэтому въ законодательное собраніе даннаго штата вносится проектъ вновь возникающаго заведенія, гдѣ опредѣляется его цѣль, устанавливается въ общихъ чертахъ его управленіе, предоставляется право имѣть, иногда только до извѣстной суммы, собственность, наконецъ, разрѣшается полученіе въ немъ ученыхъ степеней. Только съ момента превращенія этого проекта въ законъ заведеніе считается открытымъ. До новѣйшаго времени въ этомъ преимущественно состоятъ надзоръ государства за учебными заведеніями. Самыя юридическія нормы, опредѣляющія жизнь заведеній, носятъ на себѣ исключительно частный, гражданскій характеръ; въ нихъ нѣтъ ничего изъ сферы публичнаго права; заведеніе „инкорпорируется“, то-есть, становится „корпорацией“, по-нашему — превращается въ юридическое лицо, къ которому и примѣняются всѣ начала, дѣйствующихъ относительно этого предмета въ жизни и въ наукѣ.

Только что указанная особенность американскаго взгляда на высшее народное образованіе, какъ на поле для частной инициативы, лежащее въ сторонѣ отъ государственныхъ интересовъ, объясняется, думаю я, взглядомъ американцевъ на самое существо государства. Вотъ что объ этомъ говоритъ знатокъ Сѣверной Америки, Брайсъ: „Государство не есть для американцевъ, какъ для нѣмцевъ или французовъ и даже для нѣкоторыхъ англійскихъ мыслителей, идеальная, нравственная сила, на которую возложена обязанность образовывать характеры и руководить жизнью ея подданныхъ. Оно болѣе похоже на торговое товарищество или, пожалуй, на большую городскую общину, созданныя для выполненія извѣстныхъ дѣйствій, въ которыхъ заинтересованы всѣ, живущіе въ ея границахъ, собирающія налоги и употребляющія ихъ на эти дѣла общаго интереса, но большую частію предоставляющія акціонеровъ или горожанъ самимъ себѣ“¹⁾.

¹⁾ The American commonwealth, by *James Bryce*, 2 ed., London, 1890, II, стр. 575, 576.

Дѣйствительно, нигдѣ такъ сильно не вошли въ кровь и плоть населенія убѣжденія политической философіи конца XVIII вѣка. Обратимся ли мы къ Руссо и французскимъ энциклопедистамъ, или къ политическимъ дѣятелямъ первой французской революціи, или къ политическимъ теоріямъ Канта и Фихте, или къ англійскимъ и шотландскимъ профессорамъ практической философіи, къ Адаму Сміту и экономистамъ, вездѣ замѣтно сильное недовѣріе къ государству и его дѣятельности и преувеличенное до чрезвычайности мнѣніе о личности и частной предпримчивости. Хотя причинъ этого явленія слѣдуетъ искать глубже, въ измѣнившихся условіяхъ и цѣломъ міросозерцаніи, тѣмъ не менѣе въ значительной степени это было вызвано неумѣло примѣняемой государственной онекой, искренно желавшей блага обществу, а на дѣлѣ часто только тормозившей его развитіе. Въ Европѣ во всѣхъ странахъ въ этомъ отношеніи скоро наступила реакція. Проповѣдниковъ безграничной личной свободы во Франціи смѣнили клерикалы, коммунисты, социалисты, желавшіе для совершенно противоположныхъ цѣлей возможно болѣе увеличить церковный или государственный контроль даже надъ самыми интимными человѣческими отношеніями. Въ Германіи, начиная съ Шеллинга, особенно при Гегелѣ и его послѣдователяхъ, все растетъ и растетъ чуть не обоготвореніе государства. Только въ одной Америкѣ взгляды публицистовъ XVIII вѣка привились и окрѣпли и наложили совершенно своеобразную печать на все американское государство и обществовъдѣніе.

Не ранѣе 1867 г. былъ открытъ департаментъ просвѣщенія подъ названіемъ „the United States bureau of education“, вскорѣ сдѣланный отдѣленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но и теперь это „бюро“, во главѣ котораго стоитъ высокоуважаемый William T. Harris, занимается не контролемъ надъ заведеніями, а собраніемъ и изданіемъ статистическихъ матеріаловъ и прекрасныхъ историческихъ сочиненій о народномъ образованіи ¹⁾. До учрежденія „бюро“ государственная дѣятельность по отношенію къ высшему народному образованію ограничивалась только матеріальною поддержкою высшихъ заведеній въ различныхъ формахъ (разрѣшеніе лотерей, пожалованіе земель, денежныхъ суммъ). Уже въ 1787 г. федеральное правительствомъ издало постановленіе о выдѣленіи весьма значительнаго пространства земли (two townships) въ Огайо для поддержанія уни-

¹⁾ *Boone*, Education in the United States, стр. 303—311.

верситета, и этотъ примѣръ нашелъ затѣмъ подражаніе въ каждомъ штатѣ, вновь допущенномъ въ Союзъ. Суммы, получаемыя отъ продажи этихъ земель, были почти вездѣ предназначаемы на поддержаніе государственныхъ университетовъ, и еслибы ими распоряжались надлежащимъ образомъ, то существовалъ бы достаточный денежный запасъ для такихъ учреждений. Только новые штаты, умудренные примѣромъ болѣе давнихъ, извлекли надлежащія средства изъ продажи земель и распорядились ими по назначенію. Непроизводительная растрата значительнаго большинства суммъ, добытыхъ отъ продажи земель, вмѣстѣ съ живо ощущасмою потребностью направить приобрѣтенныя человѣчествомъ познанія къ разработкѣ неизмѣримыхъ естественныхъ богатствъ Сѣверной Америки, что не достигалось при прежней классической системѣ преподаванія въ коллегіяхъ, привели въ 1858 г. Г. Морриля, представителя отъ Вермонта, къ тому, что онъ предложилъ въ конгрессѣ законъ о пожалованіи части государственныхъ земель на основаніе въ каждомъ штатѣ коллегіи для преподаванія такихъ отраслей знанія, которыя относятся къ земледѣлію и механическимъ искусствамъ. Это предложеніе, послѣ продолжительныхъ преній въ двухъ сессіяхъ, прошло обѣ палаты конгресса, но было отклонено президентомъ Вухананомъ. Только президентъ Линкольнъ утвердилъ этотъ проектъ въ 1862 г. Отсюда происшедшія суммы въ нѣкоторыхъ штатахъ были переданы государственнымъ университетамъ, а въ нѣкоторыхъ употреблены на учрежденіе особенныхъ заведеній. Вообще можетъ быть признано правиломъ, что законодательныя собранія отдѣльныхъ штатовъ жалуютъ государственнымъ университетамъ суммы какъ ежегодно, такъ и смотря по необходимости.

Государственнымъ университетамъ, которыхъ имѣется 28, по предметамъ преподаванія почти не отличаются отъ старыхъ высшихъ заведеній, основанныхъ въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка. Какъ въ Гарвардѣ, университеты распадаются на „коллегію“ или „департаментъ“, удѣляющій теоретическія познанія по моральнымъ (степени: *bachelor* и *master of arts*) и по естественнымъ наукамъ (*bachelor* и *master of sciences*), и на цѣлый, болѣе или менѣе полный рядъ профессиональныхъ школъ. За исключеніемъ прекрасно обставленнаго, какъ я лично убѣдился, университета штата Мичиганъ въ Эннъ-Арборѣ (*Ann Arbor*) и, вѣроятно, университета въ Калифорніи, государственные университеты не могутъ соперничать по полнотѣ и глубинѣ преподаванія со старыми университетами: Гарвардъ, Ель, *Columbia College*. Особенности государственныхъ университетовъ,

по моему мнѣнію, дѣѣ. Попечителя въ 17-ти университетахъ назначаются, какъ и всѣ остальные государственные чиновники, губернаторомъ штата, а подтверждаются сенатомъ; въ остальныхъ университетахъ попечители или прямо избираются народомъ, этимъ самодержавнѣйшимъ властелиномъ въ Сѣверной Америкѣ, или вообще ихъ назначеніе, такъ или иначе, находится въ зависимости отъ государственной власти. Итакъ, государственные университеты, какъ возникшіе на государственныя средства и содержимые государствомъ, находятся въ вѣдѣніи государственныхъ чиновниковъ, но форма управленія заимствована отъ частныхъ университетовъ, то-есть, во главѣ стоятъ нѣсколько довѣренныхъ лицъ „board of trustees“ или regents, supervisors, curators, visitors. Вторая особенность заключается въ гораздо болѣе низкой платѣ за преподаваніе. Между тѣмъ какъ въ частныхъ университетахъ нужно платить 100, обыкновенно 150 и даже 200 долларовъ въ годъ, въ Мичиганѣ гражданніи штата платитъ только 10, а посторонній—25 долларовъ ¹⁾).

Возникновеніе „бюро просвѣщенія“ и государственныхъ университетовъ находится въ связи, думается мнѣ, съ появленіемъ сознанія того, что дѣятельность государства должна быть расширена, что широкое примѣненіе доктрины *laissez faire* отжило свой вѣкъ. Одинъ изъ оригинальнѣйшихъ мыслителей Сѣверной Америки, Лестеръ Уордъ, уже въ 1883 г. поднялъ свой авторитетный голосъ въ пользу строгаго государственнаго контроля надъ народнымъ образованіемъ, а въ 1893 г., въ своемъ новомъ сочиненіи, желаетъ вообще очень расширить государственный надзоръ, видя въ правительствѣ органъ народнаго сознанія, руководимый общественнымъ умомъ ²⁾).

Въ тѣсной связи со все болѣе и болѣе сознаваемымъ значеніемъ естественныхъ наукъ, въ Ель-коллегіи (Yale College, New Haven, Connecticut) уже въ сороковыхъ годахъ ощущается потребность въ преподаваніи лицамъ, получившимъ ученныя степени. Въ 184¹/₂ г. такимъ лицамъ, если ихъ накопится достаточно, читались лекціи профессорами.

¹⁾ Report of the Commissioner of education for the year 1889—1890. Wash., 1893, стр. 780—787. Hist. of. higher education in Massachusetts, стр. 364. Calendar of the University of Michigan for 1892—1893, стр. 29.

²⁾ Dynamic sociology, or applied social science, as based upon statical sociology and the less complex sciences by L. F. Ward, New York, 1883. The psychic factors of civilization, by Lester F. Ward, Boston, 1893. О доктринѣ *laissez* и о возникающемъ государственномъ контролѣ въ различныхъ сферахъ дѣятельности см. у Брайса, т. II, стр. 417—436.

Въ 1847 г. здѣсь былъ основанъ цѣлый „департаментъ философіи и искусствъ“ для самаго высшаго образованія. Послѣ нѣсколькихъ видоизмѣненій учреждается въ Ель въ 1872 г. особая школа для обладающихъ учеными степенями, а съ 1860 г. даются особыя степени (*master* и *doctor*) за самыя глубокия знанія. За Елемъ послѣдовалъ Гарвардъ, Принстонъ и т. д. Впослѣдствіи возникали цѣлые университеты для высшаго образованія. Университетъ Джоанъ Гонкиуса въ Балтиморѣ (*Maryland*), открытый въ 1876 г., насчитываетъ большинство своихъ студентовъ среди лицъ, обладающихъ степенью бакалавра, благодаря совершенству „департаментовъ исторіи и химіи“, а также сравнительной легкости получить стипендію лицамъ, окончившимъ курсъ въ другихъ университетахъ. Кларкъ—университетъ въ Массачузеттѣ—даже прямо предназначенъ для лицъ, уже имѣющихъ ученые степени, да и среди нихъ дѣлается весьма строгій выборъ, за то и удобства изученія для принятыхъ чрезвычайны (покупаются всѣ нужныя книги и аппараты, иногда дается особая комната, ежедневное руководство профессоровъ). Теперь не только заведены школы для окончившихъ университетскіе курсы во всѣхъ почти университетахъ, но и профессиональныя школы при университетахъ, напримѣръ, правовѣдѣніе и медицина, организовали свое самое высшее образование, придавая ему не профессиональный, а теоретическій характеръ ¹⁾.

Это учрежденіе школы или департамента (по-нашему факультета) для окончившихъ курсъ съ цѣлью получить степени магистра и доктора представляется особенностію американскаго высшаго образованія. Въ Европѣ для приобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней требуются экзамены и ученые работы, но посѣщеніе лекцій или занятія въ лабораторіяхъ въ теченіе опредѣленнаго времени не обязательно. Въ Америкѣ профессора назначаютъ курсы, отличающіеся или по своей глубинѣ, или по своей специальности, или по приемамъ преподаванія (совмѣстныя, строго научныя занятія учителя съ ученикомъ для посвященія послѣдняго во всѣ приемы ученыхъ изысканій). Такіе курсы должны быть посѣщаемы одинъ, два, три года, смотри по искомой степени и предмету. Послѣ такого пребыванія въ университетѣ требуется строгій экзамень, а иногда и представленіе ученыхъ работъ. Школа для обладающихъ учеными степенями предназначается для

¹⁾ Report of the Commissioner of education for the year 1889 — 1890, стр. 815—826. Hist. of higher education in Massachusetts, стр. 379—392.

спеціалистовъ, и при томъ преимущественно имѣть въ виду будущихъ преподавателей.

Изъ всего изложеннаго видно, что при уже существующихъ коллегіяхъ, дающихъ классическое образованіе, постепенно заводились по мѣрѣ сознанія необходимости различныя школы (для естественныхъ наукъ; права, архитектуры и т. д., и т. д.) и при томъ сплошь и рядомъ на частныя средства. Последнее явленіе заставляло уважать волю дарителя или зашщателя, которые не всегда желали вполнѣ слить устрояемую школу съ коллегіей. Отсюда происходятъ различія въ отношеніяхъ школъ къ коллегіи. Иногда самъ университетъ представляется не чѣмъ инымъ, какъ собраніемъ нѣсколькихъ по управленію независимыхъ школъ. Только въ новѣйшее время замѣчается стремленіе къ большей централизаціи. Такъ, только въ 1890 году Колумбія-коллегія въ Нью-Йоркѣ изъ четырехъ самостоятельныхъ школъ (of Arts, of Law, of Mines, of Political Science) превратилась въ одно единое учрежденіе съ единою администраціей ¹⁾.

Наконецъ, намъ остается сказать о высшемъ женскомъ образованіи. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія о немъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ и низшаго почти что не существовало. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія общественное мнѣніе могло быть выражено въ слѣдующемъ вопросѣ: „Кто будетъ варить намъ пищу или чинить платья, когда дѣвочки будутъ обучать философіи и астрономіи?“. Еще въ 30-хъ годахъ одинъ отецъ сказалъ: „Я употребилъ тысячу долларовъ на воспитаніе моей дочери. Я далъ бы другую тысячу, чтобы это воспитаніе уничтожить. Она сдѣлалась тщеславна, легкомысленна и не удовлетворяется прямыми, простыми домашними порядками“. Не смотря на всѣ эти предубѣжденія, нѣсколькимъ личностямъ, особенно г-жѣ Лайонъ, удалось преодолѣть всѣ эти препятствія и открыть въ 1836 г. въ Южномъ Гедли (South Hadley), въ Массачузеттсѣ, первую женскую коллегію съ программой, ни въ чемъ не уступающею мужскимъ коллегіямъ и даже университетамъ. Съ этихъ поръ количество женскихъ коллегій все болѣе и болѣе увеличивается. Характеристическая черта этого высшаго женскаго образованія, кажется мнѣ, его сильное религіозно-нравственное направленіе. Во всѣхъ почти исключительно женскихъ заведеніяхъ особенно подчеркивается „жизнь на христіанскихъ началахъ“. Въ этомъ про-

¹⁾ Report of the Commissioner of education for the year 1889 — 1890, стр. 789, 790.

свѣтлѣваетъ мысль американцевъ, что женщина, какъ существо, въ которомъ чувство играетъ такую чрезвычайную роль, должна быть воспитываема съ религіозно-правдивной, а также съ эстетической стороны. Глубокія убѣжденія, опредѣляющія собою всю дѣятельности женщинъ, слагаются не столько подъ вліяніемъ холоднаго ума, опирающагося на знанія и умудреннаго опытомъ, не столько на математическомъ расчетѣ сравнительной пользы для себя и для общества, сколько на идеалѣ, сложившемся подъ вліяніемъ религіозныхъ, правдивныхъ и эстетическихъ оцѣнокъ. Неудивительно поэтому, что изъ американскихъ женскихъ коллегій не мало выходитъ миссіонерокъ, дѣйствующихъ въ Индіи, Японіи, Африкѣ. Какъ строги требованія даже для поступленія въ нѣкоторыя жепскія коллегіи, видно изъ слѣдующаго. Уеллесли-коллегія (Wellesley college) требуетъ для поступленія знаніе 4 книгъ Цезаря, 6—Виргилія, 7 рѣчей Цицерона и латинское сочиненіе, а по математикѣ требованія теперь выше, чѣмъ въ Гарвардѣ. Во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія открылись передъ жепщинами двери почти всѣхъ университетовъ, гдѣ при приемѣ и въ теченіе курса онѣ выполняютъ то же въ то же, что мужчины. Помянуто, направленіе воспитанія въ высшихъ заведеніяхъ смѣшанныхъ носитъ на себѣ иной характеръ, опредѣляемый преобладаніемъ мужскаго элемента.

Причины, вызвавшія это движеніе въ пользу женскаго образованія, заключались не только въ общемъ положеніи, что „рука, которая качаетъ колыбель, управляетъ міромъ“, но и въ необходимости имѣть прекрасно обученныхъ учительницъ. При сравнительной дешевизнѣ женскаго труда и большой способности женщинъ особенно къ начальному воспитанію, почувствовалась большая потребность въ учительницахъ какъ по общимъ предметамъ, такъ и по спеціальнымъ. Имъ вначалѣ въ коллегіяхъ предоставлялись особыя удобства, да и теперь, преимущественно въ лѣтнее канікулярное время, читаются особыя курсы въ университетахъ, приравненные къ потребностямъ воспитательницъ, напримѣръ, о педагогикѣ, психологіи ребѣнка и т. п. Результаты высшаго женскаго образованія вполнѣ оправдали ожиданія. По отзывамъ многихъ президентовъ университетовъ, профессоровъ и т. д., женщины стоятъ не только не ниже, но иногда выше по усиліямъ своихъ мужскихъ товарищей¹⁾.

¹⁾ Hist. of higher education in Massachusetts, стр. 393—445. Report of the commissioner of education for the year 1880—1890, стр. 743—753. Благодаря чрез-

Современное состояніе.

Количество и характеръ коллегій. По новѣйшему недавно вышедшему официальному отчету за 1889—1890 г. имѣется въ Соединенныхъ Штатахъ 415 коллегій и университетовъ. Причины такого обилія заключаются въ недостаточности средствъ населенія. Въ каждомъ Штатѣ ощущаются потребности имѣть свой университетъ, хотя онъ далеко не отвѣчалъ бы такому названію, ибо цѣль средствъ воспитывать своихъ дѣтей пдалекѣ, въ одномъ изъ университетовъ, уже воиолнѣ окрѣпшихъ. Самъ отчетъ перепечаталъ замѣчанія Брайса объ университетахъ и тѣмъ придалъ имъ официальный характеръ. „Изъ этого громаднаго числа учреждений (по отчету за 1885—1886 г. ихъ было 345), имѣющихъ право раздачи ученыхъ степеней, очень немногія отвѣчаютъ современному понятію объ университетѣ. Если мы опредѣлимъ университетъ, какъ мѣсто, гдѣ происходитъ обученіе высшаго рода, обученіе, которое ставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ самымъ полнымъ и самымъ точнымъ современнымъ знаніемъ, въ цѣломъ рядѣ предметовъ, охватывающихъ все большіе отдѣлы умственной жизни, то подъ это опредѣленіе подойдут не болѣе 12, а, можетъ быть, только 8 или 9 америкапскихъ учреждений. Изъ нихъ почти все находятся въ приатлантическихъ штатахъ. Вслѣдъ за ними идутъ 30 или 40 учреждений, которыя едва заслуживаютъ названія университетовъ: нѣкоторыя потому, что ихъ кругъ преподаванія еще ограниченъ традиціоннымъ курсомъ моральныхъ и естественныхъ наукъ, какъ это было 30 лѣтъ тому назадъ; другія потому, что, предполагая учить большому разнообразію предметовъ, они преподаютъ ихъ недостаточнымъ образомъ, не имѣя ни достаточно широкаго состава высоко образованныхъ профессоровъ, ни надлежащаго запаса лабораторій, библиотекъ и другихъ внѣшнихъ приспособленій. Болѣе старыя новоанглійскія коллегіи представляютъ хорошій типъ первой группы. Ихъ преподаваніе здраво; оно хорошо рассчитано на подготовленіе человѣка къ званію юриста или богослова; но оно опускаетъ многія

высшей любезности президента коллегіи De-Garmo, мнѣ удалось осмотрѣть одно такое высшее заведеніе, гдѣ совмѣстно обучаются женщины и мужчины, а именно Swarthmore College близъ Филадельфіи. Коллегія обставлена превосходно, снабжена всемъ необходимымъ и даетъ образованіе, не уступающее университетскому по тѣмъ предметамъ, которые тамъ преподаются. О женскомъ образованіи см. также у *Ньюе*, Education in the United States, стр. 362—382.

отрасли знанія классическаго и реальнаго, которое приобрѣло значеніе въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Нѣкоторыя западныя коллегіи также заслуживаютъ быть причисленными въ эту категорію. Большинство западныхъ государственныхъ университетовъ принадлежатъ къ другой группѣ этого втораго класса, къ такимъ учрежденіямъ, которыя стремятся выполнить болѣе, чѣмъ это для нихъ до сихъ поръ возможно. Они имѣютъ широковѣщательную программу, но ни подготовка ихъ студентовъ, ни силы профессорскаго состава не позволяютъ имъ удовлетворить обѣщаніямъ, заключающимся въ программѣ. Они истинные университеты скорѣе по своимъ стремленіямъ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Еще ниже ихъ третій и гораздо болѣе обширный классъ коллегій, около трехсотъ, которыя не что иное, какъ школы по большинству своихъ намѣреній и цѣлей. Онѣ отличаются отъ гимназій Германіи, отъ лицеевъ Франціи, отъ *grammar schools* Англии и *high schools* Шотландіи не только тѣмъ, что даютъ ученые степени лицамъ, усѣбно прошедшимъ предписанный курсъ или курсы, но и предоставленіемъ болѣе личной свободы студентамъ, чѣмъ разрѣшается мальчикамъ этихъ странъ. Онѣ—университеты или коллегіи относительно нѣкоторыхъ своихъ постановленій; но школы относительно достигнутыхъ ими образовательныхъ результатовъ. Эти триста могутъ быть далѣе подѣлены на 2 разряда, отличные одинъ отъ другаго частію по своимъ доходамъ, частію по качеству населенія, которому онѣ служатъ, частію по личнымъ дарованіямъ президента, какъ обыкновенно называется глава заведенія, и преподавателей. Изъ нихъ 70 или 80, хотя сравнительно малы, но сильны рвеніемъ и способностями своихъ учителей, и хотя не пытаются учить всему, но учать предметамъ, за которые берутся, со все возрастающей полнотою. Остальныя сдѣлали бы лучше, отказавшись отъ права давать степени и удовлетвовавшись школьнымъ дѣломъ по школьнымъ методамъ“.

Система и методъ преподаванія. Тридцать или тридцать пять лѣтъ тому назадъ почти всѣ коллегіи и университеты имѣли одинъ опредѣленный четырехлѣтній курсъ наукъ. Онъ состоялъ изъ классическихъ предметовъ и математики, за которыми слѣдовали основныя начала философіи и этики, послѣ чего давалась степень бакалавра искусствъ (A. B.). Эта система обязательныхъ курсовъ нынѣ отмѣнена въ большемъ количествѣ высшихъ заведеній, а на мѣсто ея введена болѣе или меньшая свобода выбора. Она осуществляется двоякимъ образомъ. Предметы преподаванія распределены на группы

(schools, divisions, departments) несравненно меньшія, чѣмъ въ европейскихъ университетахъ факультеты, и студенты, понятно, могутъ свободно выбирать между группами. Кромѣ того, особенно въ богатыхъ университетахъ, по тому же предмету читается нѣсколько параллельныхъ курсовъ, между которыми студентамъ предоставляется выборъ подъ строгимъ контролемъ профессоровъ. Лучшимъ примѣромъ сказаннаго можетъ служить уже извѣстный намъ Гарвардъ. Въ немъ легко отдѣлится теоретическое образованіе отъ профессиональнаго. Первое дается „въ факультетѣ искусствъ и наукъ“, который по историческимъ и административнымъ причинамъ распадается на I—„Коллегію Гарварда“ (моральныя науки), II—„Научную школу Лоренса“ (естественныя науки), III—Школу для обладающихъ учеными степенями (graduate school). Каждая изъ этихъ школъ ведетъ къ извѣстной ученой степени, а именно, первая послѣ успѣшнаго прохожденія четырехлѣтняго курса къ bachelor of arts, вторая при тѣхъ же условіяхъ къ bachelor of science, третья—къ master of arts, къ doctor of philosophy или doctor of science. Дѣленіе „факультета искусствъ и наукъ“ на три школы не имѣетъ особеннаго значенія при самой группировкѣ предметовъ преподаванія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи факультетъ распадается на слѣдующіе разряды: 1) семитическихъ языковъ и исторіи; 2) древнихъ языковъ съ двумя „департаментами“: А) индоиранскихъ языковъ и В) классическихъ (греческій, латинскій); 3) новыхъ языковъ съ пятью „департаментами“: А) англійскаго языка, В) нѣмецкаго, С) французскаго, D) итальянскаго и испанскаго; Е) германской и романской филологіи; 4) философіи; 5) исторіи и политической науки съ двумя департаментами: А) исторіи и римскаго права и В) политической экономіи; 6) искусствъ; 7) музыки; 8) чистой и прикладной математики съ двумя департаментами: А) математики и В) инженернаго искусства; 9) физики; 10) химіи; 11) естественной исторіи съ тремя департаментами: А) ботаники; В) зоологіи; С) геологіи; 12) американской археологіи и этнографіи. Профессиональное образованіе дается въ школахъ: 1) богословія; 2) правовѣдѣнія; 3) медицины; 4) дантистики; 5) ветеринарной медицины; 6) земледѣлія. Изъ этого обзора видно, что, не говоря уже о профессиональномъ образованіи, въ „факультетѣ искусствъ и наукъ“ студентъ имѣетъ выборъ не только между отдѣльными двѣнадцатью группами, но даже и въ нихъ иной разъ существуетъ по нѣскольку раздѣленій. Кромѣ того, студенту предоставляется посѣщать по усмотрѣнію тотъ или другой параллель-

ный курсъ. Такъ, для вновь поступившихъ обязательны: 1) риторика и англійскія сочиненія (3 раза въ недѣлю), 2) химія (лекціи, одинъ разъ въ недѣлю, первое полугодіе), 3) нѣмецкій или французскій языкъ (3 раза въ недѣлю) для тѣхъ, которые не выбрали этихъ языковъ на вступительныхъ экзаменахъ. Всѣ остальные предметы предоставляются выбору студента. Если онъ выберетъ группу „древнихъ языковъ“, а въ этой группѣ „департаментъ“ классическихъ языковъ“, то по греческому одному онъ можетъ посѣщать или курсъ А (Геродотъ, Гомеръ) или курсъ В (Гомеръ, Лизій, Платонъ, Еврипидъ — Медея) или курсъ С (Гомеръ, Лизій, Платонъ, Аристофанъ) или два половинные курса (Е и F), гдѣ пишутся сочиненія на греческомъ языкѣ. Какъ уже выше было сказано, выборъ группы находится въ значительной зависимости отъ предметовъ, изъ которыхъ студентъ держалъ вступительный экзамень. Итакъ, специализація начинается ранѣе поступленія въ университетъ; будущій студентъ еще мальчикомъ намѣчаетъ себѣ тотъ путь, по которому думаетъ идти въ университетѣ и затѣмъ въ жизни. Но глубокому убѣжденію американцевъ, при громадномъ объемѣ нынѣшнихъ наукъ и безусловномъ вредѣ дилеттантства и верхоглядства необходимо ранѣе избрать немного, но это немного изучить возможно полно и всесторонне ¹⁾.

Гарвардъ даетъ намъ хорошій образецъ преподаванія въ различныхъ американскихъ университетахъ, такъ какъ система преподаванія въ послѣднихъ отличается очень мало; мы также уже ранѣе объяснили ея историческое происхожденіе. Американцы относятъ открытіе идеи американскаго университета къ Джеферсону, современнику Вашингтона и Франклина. Онъ различалъ элементарныя, общія и профессиональныя школы. Въ общихъ школахъ должны существовать 3 департамента: языковъ (языки и исторіи), математики (естественныя науки и теорія медицины) и философіи (логика, этика, естественное и международное право, государственное право, политическая экономія). „Въ профессиональныхъ школахъ каждая наука должна быть преподаваема до той высшей ступени, до которой она до сихъ поръ дошла“. Здѣсь должно быть даваемо специальное образованіе въ противоположность общему. Слѣдовательно, въ Америкѣ подъ профессиональною школою понимается не только техническое обученіе, под-

¹⁾ Report of the commissioner of education for the year 1889—1890, стр. 755—758. The Harvard University Catalogue 1892—1893, стр. 57, 53, 193, 64—66.

готовяющее челоѣка прямо къ жизни, но и теоретическое ¹⁾. Дѣйствительно, во всѣхъ американскихъ университетахъ доселѣ мы видимъ различіе между общимъ образованіемъ (college, faculty of arts, department of philosophy and the arts и т. д.) и специальнымъ—въ школахъ различныхъ наименованій.

Къ классическому образованію, появившемуся въ Америкѣ вмѣстѣ съ первыми колонистами, къ профессиональному, —начавшемуся съ конца прошлаго вѣка, къ изученію естественныхъ наукъ съ половины нынѣшняго столѣтія, присоединилось въ семидесятыхъ годахъ государственовѣдніе и обществовѣдніе. Кажется, въ открытомъ въ 1876 г. университетѣ Джона Гопкинса впервые былъ основанъ особый отдѣлъ для исторіи и политики. Здѣсь исторія, по примѣру Оксфорда и Кембриджа, связана съ политикой, то-есть, преимущественно изучается, какъ наука о законахъ, по которымъ происходитъ развитіе челоѣческихъ обществъ. За Гопкинсомъ слѣдовала коллегія Колумба въ Нью-Йоркѣ, учредившая въ 1880 г. школу политической и социальной науки; въ ней, кромѣ семи семинарій, преподаются 3 рода курсовъ: 1) исторія и политическая теорія; 2) публичное право и сравнительная юриспруденція; 3) политическая экономія и социальная наука ²⁾. До семидесятыхъ годовъ, а во многихъ университетахъ ³⁾ и теперь, политическія науки входили въ объемъ общеобразовательныхъ предметовъ. Такъ какъ верховная власть въ Соединенныхъ Штатахъ принадлежитъ народу и имъ очень часто непосредственно осуществляется, то понятіе о государственномъ устройствѣ и экономическихъ вопросахъ считается обязательнымъ для каждаго гражданина, какава бы ни была его специальность.

Стремленіе къ расширенію изученія политическихъ и общественныхъ наукъ проявилось также въ основаніи въ 1881 г. при Пенн-

¹⁾ Benjamin Franklin and the university of Pennsylvania, ed. by F. N. Thorpe, Wash., 1893, стр. 180—183. Подробнѣе объ этомъ Thomas Jefferson and the University of Virginia.

²⁾ Columbia College in the City of New York. President's annual report, 1892, стр. 94—107.

³⁾ Напримѣръ, въ Ель „политическая наука и право“ входятъ, какъ одинъ изъ избираемыхъ курсовъ, во второй и третій годъ (junior and senior years) въ academic department, гдѣ дается общее образованіе (Catalogue of Yale University, 1892—1893, стр. 44—46). То же самое замѣчается въ государственномъ университетѣ штата Мичиганъ (Calendar of the university of Michigan for 1892—1893, стр. 63—71). Въ обоихъ университетахъ имѣется, кромѣ того, самостоятельная школа правовѣднія.

сильванійскомъ университетѣ „школы Уортона для финансовъ и экономіи“. По плану г. Уортона цѣль школы—„доставить молодымъ людямъ спеціальныя средства образованія и точнаго ознакомленія съ теоріей и практикой современныхъ финансовъ и экономіи, равномѣрно государственной и частной, для того чтобы они, хорошо освѣдомленные и свободные отъ обманчивыхъ мечтаний относительно этихъ важныхъ предметовъ, могли или служить обществу искусно и добросовѣстно въ должностяхъ довѣрія, или, оставаясь въ частной жизни, умно вести свои собственныя дѣла и способствовать поддержанію здоровой финансовой нравственности, — однимъ словомъ, доставить средства для усвоенія общаго образованія во всѣхъ предметахъ, касающихся финансовъ и экономіи“. Основатель школы видѣлъ, что существующіе курсы въ университетахъ имѣютъ въ виду теоретическую подготовку къ профессорской, вообще учебной и ученой дѣятельности, что коммерческія коллегіи готовятъ служащихъ средняго и низшаго рода, но что средствъ для воспитанія лицъ, желающихъ занять высшее положеніе, стоять во главѣ разнообразнѣйшихъ предпріятій, не имѣется. Кромѣ того, онъ понималъ, что въ основѣ широкихъ и жгучихъ социальныхъ вопросовъ, ждущихъ разрѣшенія, лежатъ экономическіе интересы, а поэтому американскіе граждане, а въ особенности будущіе журналисты, обязаны изучить ихъ всесторонне, и при томъ не только теоретически, но и практически. Итакъ молодые люди въ теченіе двухъ лѣтъ изучаютъ торговлю, средства передвиженія, теорію страхованія, банковое дѣло, промышленность, земледѣліе съ экономической и общественной стороны, а также право, экономію и статистику для подготовленія себя къ общественной дѣятельности, къ преподаванію исторіи и экономіи, къ журналистикѣ и широкимъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Послѣ двухгодичнаго курса и успѣшно выдержанныхъ экзаменовъ дается степень бакалавра ¹⁾. Въ нѣкоторой связи со школою Уортона находится недавно основанная однимъ изъ выдающихся ея преподавателей, Эдмундомъ Джемсомъ, американская академія политической и социальной науки. Она представляетъ изъ себя совершенно независимое, громадное общество, болѣе чѣмъ изъ 3.000 лицъ, интересующихся общественными науками, а не только средо ученыхъ спеціалистовъ, какъ европейскія академіи. На съѣздахъ членовъ обсуждаются

¹⁾ Benjamin Franklin and the university of Pennsylvania, стр. 320—326. Circular of information relating to the Wharton School of Finance and Economy, Philadelphia, 1893.

различные общественные вопросы, или волнующіе въ данный моментъ общественное мнѣніе, или вообще такъ или иначе заинтересовавшіе многихъ. Члены избираютъ нѣсколько ученыхъ специалистовъ, дѣлающихъ доклады, завѣдующихъ съѣздами, обсуждающихъ изданія академіи, а во главѣ всей академіи стоитъ президентъ, ея основатель Эдмундъ Джемсъ. Изданія академіи состоятъ изъ журнала (Annals) и нѣлаго ряда различныхъ трудовъ, какъ самостоятельныхъ, такъ и переводныхъ.

Изученіе семитическихъ языковъ, какъ сказано, началось весьма рано вслѣдствіе потребностей богословія; со временемъ, ради сравнительнаго языковѣдѣнія, къ этому присоединились санскритъ и древне-иранскіе языки, а торговыя сношенія съ Китаемъ и Японіей привели къ ознакомленію съ этими языками. Читенія о языкахъ древне-азиатскихъ и восточныхъ относятся по причинамъ историческимъ къ „департаменту коллегіи“. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, кромѣ музыкальной школы (консерваторіи), преподается и архитектура. Итакъ, американскій университетъ стремится обнять въ одно единое цѣлое всѣ сферы человѣческаго вѣдѣнія.

По методу американское преподаваніе отличается отъ европейскаго тѣмъ, что оно болѣе напоминаетъ гимназическое, чѣмъ университетское. Студентовъ иногда спрашиваютъ изъ пройденнаго на лекціяхъ; обязательно имѣть учебники, такъ что сами лекціи имѣютъ по временамъ характеръ разъясненія и пополненія учебника. Затѣмъ, обученіе производится болѣе практическимъ, чѣмъ теоретическимъ путемъ. По естественнымъ наукамъ очень много мѣста удѣляется занятіямъ въ лабораторіяхъ, клиникахъ, у постели больного; по юридическимъ—очень въ ходу чтеніе подъ руководствомъ профессора въ классѣ судебныхъ дѣлъ, а также примѣрное судоговореніе, гдѣ роли судей, адвокатовъ, свидѣтелей и т. п. распределены между студентами. На лекціяхъ не рѣдкость, что студентъ во время самаго чтенія обратится къ профессору съ вопросомъ; вообще отношеніе студентовъ къ профессорамъ несравненно ближе, чѣмъ въ Европѣ.

Ученныя степени. Изъ выше изложеннаго легко вывести, что степени американскихъ университетовъ не имѣютъ равнаго значенія, ибо зависятъ отъ высоты заведенія, которое ихъ дало; онѣ также различаются между собою по существу. Такъ, напримѣръ, bachelor of arts можетъ быть, какъ тотъ, который специально занимался повыми языками, такъ и тотъ, который изучалъ семитическіе языки, а также тотъ, который является специалистомъ по исторіи и политикѣ.

Степени: master of arts и of science, doctor of philosophy и doctor of science получаются за прохожденіе одно, двухъ или трехлѣтняго курса въ школахъ, предназначенной для получившихъ уже предшествующую степень бакалавра, послѣ выдержанія установленнаго экзамена, а также обыкновенно послѣ представленія ученой работы ¹⁾).

Статистика. Во всѣхъ 415 высшихъ заведеніяхъ имѣлось

преподавателей:

Въ приготовительномъ „департаментѣ“ ²⁾ .	Въ „департаментѣ коллегіи“.	Въ профессиональныхъ „департаментѣхъ“.	Общее число.		Всего.
			Мужчинъ.	Женщинъ.	
1.431 (463) ³⁾	3.626	1.755	6.832 (3) ³⁾	1.083	7.918

Студентовъ:

Въ приготовительномъ департаментѣ.		Въ департаментѣ коллегіи.		Въ деп. для обладающихъ учеными степенями.		Въ профессиональныхъ департаментахъ.	
Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.
26.715 (504) ³⁾	12.196	35.791 (495) ³⁾	7.847	1.767 (3) ³⁾	228	15.342	269

Во всѣхъ департаментахъ:

Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
86.066	(7.026)	25.489
		118.581.

Доходъ всѣхъ этихъ 415 коллегій, употребляемый на ихъ содержаніе: 10.801.918 долларовъ; эта сумма получается изъ слѣдующихъ источниковъ: 34,9% изъ взносовъ за пребываніе въ заведеніи, 36,7% изъ доходовъ съ движимаго и недвижимаго имущества, 13% субсидіи отъ штата и города, 15,4% разнообразныя другіе ближе не поименованныя доходы ⁴⁾).

Статистическія данныя о распредѣленіи студентовъ по различ-

¹⁾ Report of the commissioner of education for the year 1889 — 1890, стр. 758, 759.

²⁾ Тамъ, гдѣ среднее образованіе (secondary schools) неудовлетворительно, университеты и коллегіи принимаютъ на себя эту обязанность.

³⁾ Что обозначаютъ цифры, поставленныя въ скобкахъ по среднѣ между двухъ другихъ цифръ и при томъ въ подлинникѣ не много выше двухъ соседнихъ, мнѣ неизвѣстно. Статистическія данныя не всегда согласуются между собою; такъ количество преподавателей во всѣхъ департаментахъ не совпадаетъ съ общимъ числомъ преподавателей; точно также количество студентовъ во всѣхъ департаментахъ не соответствуетъ общему числу студентовъ.

⁴⁾ Report, стр. 759—771.

нимъ курсамъ, не вполнѣ полныя и въ настоящее время приводятъ къ выводу, что въ болѣе старыхъ частяхъ страны, въ сѣверномъ и южномъ атлантическихъ отдѣленіяхъ, классическое образованіе, все еще хотя и въ меньшей степени, привлекаетъ большинство студентовъ, между тѣмъ какъ въ частяхъ, сравнительно недавно колонизированныхъ, болѣе вниманія удѣляется естественнымъ и математическимъ наукамъ, вообще такимъ курсамъ, гдѣ древніе языки рѣдко находятъ себѣ мѣсто ¹⁾).

Вышеприведенныя общія цифры даютъ понятіе о распредѣленіи профессоровъ и студентовъ по важнѣйшимъ разрядамъ образованія (подготовительное, классическое, наивысшее, профессиональное); для болѣе подробнаго ознакомленія съ самою группировкою наукъ и количествомъ изучающихъ ихъ лицъ приведемъ повѣйшія статистическія данныя нѣкоторыхъ выдающихся университетовъ.

Гарвардъ (Бостонъ, Массачузетсъ).

<i>Число преподавателей.</i>	294	II. Школа богословія	41
<i>Число студентовъ:</i>		III. Правовѣдніе.	394
I. „Факультетъ искусствъ и наукъ“:		IV. Медицина	451
1) „Коллегія“	1.598	V. Школа дантистовъ	53
2) Естественныя науки	181	VI. Ветеринарная школа . . .	39
3) Школа для обладающихъ степенями	206	VII. Школа земледѣлія	6
Итого	1.985	Всего	2.969

(Собственно 2.966, ибо трое зачислены въ двухъ отдѣлахъ)²⁾.

Ель (Нью-Гевенъ, Коннектикутъ).

<i>Число студентовъ:</i>		II. Школа богословія	109
I. „Департаментъ философіи и искусствъ“:		III. Медицина	76
1) Курсы для облающихъ степенями	125	IV. Правовѣдніе.	171
2) „Коллегія“ (классическое образованіе)	966	Всего	2.014
3) Естественныя науки	529	А за вычетомъ 45, упомянутыхъ два раза, 1.969 ³⁾ .	
4) Школа искусствъ	31		
5) „Музыкальный департам.“ . .	7		
Итого	1.658		

¹⁾ Тамъ же, стр. 772—775.
²⁾ The Harvard University Catalogue, 1892—1893.
³⁾ Catalogue of Yale University, 1892—1893.

Пеннильванійскій университетъ (Филадельфія).

Число преподавателей	255	VII. Лабораторія гигиены	11
Число студентовъ:		VIII. Правовѣдѣніе для кон-	
I. „Коллегія“	618	чившихъ курсъ юридиче-	
II. Медицина	860	скихъ наукъ	3
III. Дантисты	153		
IV. Ветеринарная школа	92	Всего	2.071
V. Правовѣдѣніе	217	А за вычетомъ повторенныхъ—	
VI. Философія	117	2.055 ¹⁾ .	

Колумбія-коллегія въ Нью-Йоркѣ.

Число преподавателей	226
Число студентовъ:	
Не имѣющихъ ученыхъ степеней	298
Имѣющихъ ученые степени	460
Спеціальныхъ слушателей, не стремящихся къ ученымъ степенямъ	812
Курсы для женщинъ	3
Всего	1.573

Это число по департаментамъ распредѣляется такъ:

I. Правовѣдѣніе	318	(со степенью 108, безъ степени 210)
II. Медицина	570	(„ 232, „ 338)
III. Горное дѣло	351	(„ 58, „ 293)
IV. Политическія науки	211	(„ 82, „ 129)
V. „Философія“	130	(„ 56, „ 74)

Всего, за вычетомъ повто-	
ренныхъ	1.272 (со степенью 460, безъ степени 812)
„Искусства“	298
Общіе курсы для женщинъ	3

Общее число 1.573 ²⁾.

¹⁾ University of Pennsylvania. Catalogue and Annoncements. 1892 — 1893. Въ „факультетѣ коллегій“ читаются курсы по предметамъ филологическимъ, по естественнымъ наукамъ, инженерному искусству, архитектурѣ, финансамъ и экономіи, музыкѣ. „Департаментъ философіи“ предназначается для лицъ, уже обладающихъ нашею ученою степенью.

²⁾ Columbia College in the City of New York. President's annual report, 1892, стр. 27, 28. Подъ „философіей“ понимается департаментъ философіи, филологіи и литературы для обладающихъ ученою степенью; въ департаментѣ „искусствъ“ дается классическое образованіе.

Государственный университет штата Мичиганъ.

Число студентовъ:

I. „Департаментъ литературы, наукъ (естественныхъ) и искусствъ“	1.491
II. „Департаментъ медицины и хирургіи“	344
III. „Департаментъ права“	639
IV. Фармацевтическая школа	82
V. Гомеопатическая медицинская коллегія	63
VI. Коллегія зубной хирургіи	189

Всего 2.808,

а за вычетомъ не одинъ разъ упомянутыхъ — 2.778. Въ число студентовъ различныхъ департаментовъ включены обладающіе ученою степенью, не имѣющіе ихъ и спеціальные студенты, не стремящіеся къ учебнымъ степенямъ ¹⁾.

Корнелль-университетъ (Итака, Нью-Йоркъ).

Число преподавателей 145

Число студентовъ:

Имѣющихъ ученую степень	200
Не имѣющихъ ученой степени	1.245
Спеціальныхъ слушателей	85
Студентовъ-юристовъ	203

Всего 1.733,

а за вычетомъ повторенныхъ—1665 ²⁾.

Сѣверо-западный университетъ (Еванстонъ, Иллинойсъ).

Число студентовъ:

I. „Коллегія свободныхъ искусствъ“	512
II. Медицинская школа	274
III. Школа правовѣдѣнія	180
IV. Фармацевтическая школа	385
V. Школа дантистовъ	66
VI. Медицинская школа для женщинъ	137
VII. Школа богословія	158
VIII. Норвежско-датская богословская школа	25
IX. Шведская богословская школа	28
X. Въ департаментахъ, не дающихъ ученыхъ степеней	954

Всего 2.714,

а за вычетомъ упомянутыхъ болѣе одного раза—2.463 ³⁾.¹⁾ Calendar of the University of Michigan for 1892—1893.²⁾ The Cornell University Register, 1892—1893.³⁾ Northwestern University. Catalogue, 1892—1893.

Колумбиенъ-университетъ (Вашингтонъ, дистриктъ Колумбія).

Число преподавателей	110
Число студентовъ:	
Студентовъ-юристовъ	348
Студентовъ-медиковъ	161
Студентовъ въ школахъ дактиловъ	46
Студентовъ, изучающихъ „искусства и науки“ (моральныя и естественныя науки).	236
Всего	791

а со студентами въ приготовительной школахъ (74)—865 ¹⁾.

Общественная жизнь при университетахъ. (Одною изъ характеристическихъ особенностей американскихъ университетовъ представляется обиліе различныхъ обществъ, группирующихся кругомъ университета и дѣлающихъ изъ него центръ умственной жизни для цѣлаго города, иной разъ чуть не для цѣлаго штата. Первое такое общество для взаимнаго усовершенствованія было основано въ 1776 г. при Уилліамъ и Мэри-коллегіи въ Вирджиніи; оно считается родоначальникомъ всего безконечнаго множества такихъ обществъ ²⁾). Чтобы дать понятіе о всемъ разнообразіи университетскихъ обществъ, я воспользуюсь исторіей Пеннсилванійскаго университета, гдѣ этотъ предметъ рассмотрѣнъ обстоятельно. При этомъ университетѣ находятся 7 родовъ обществъ: 1) общества воспитанниковъ и отдѣльных классовъ; 2) общества для пополненія обычнаго круга наукъ; 3) организации для специальныхъ литературныхъ или научныхъ цѣлей; 4) музыкальныя и драматическія общества; 5) атлетическія общества; 6) общества, преслѣдующія чисто общественныя цѣли; 7) общества, не подходящія ни подъ одинъ изъ выше приведенныхъ разрядовъ. Остановимся только на тѣхъ видахъ, которые имѣютъ выдающійся научный интересъ.

¹⁾ Catalogue of officers and students of the Columbian University, Wash., D. C., for the Academic year 1892—1893.

²⁾ Education in the United States, its history from the earliest settlements, by Richard O. Boone, New York, 1893, стр. 76. Это первое общество называлось по греческимъ буквамъ „фи, бетта, каппа“. По его образцу основывались другія, не только явные, но и тайныя, тоже именовавшія себя по греческимъ буквамъ. Отсюда въ американской литературѣ студенческія общества извѣстны, какъ „Greek fraternities“ или „Greek letter societies“; см. Bruce, т. II, стр. 561, 562.

Въ первомъ отдѣлѣ прежде всего (въ 1836 г.) было основано „общество воспитанниковъ Пеннсилванійскаго университета“. Оно состоитъ изъ кончившихъ курсъ въ „коллегіи“ университета и имѣетъ цѣлью поддерживать и подвигать интересы „департамента коллегіи“ и соединять всѣхъ кончившихъ курсъ въ этомъ департаментѣ въ одно цѣлое. Оно собирается ежегодно вечеромъ въ день акта (commencement day), а въ теченіе года управляется ежегодно выбираемыми лицами. Общество проявило себя установленіемъ наградъ за ученіе и успѣхи въ различныхъ спортахъ. Въ 1861 г. было узаконено „общество воспитанниковъ юридическаго департамента“ съ цѣлью „поддерживать и подвигать интересы департамента и развивать чувство дружбы между окончившими курсъ въ немъ“. Оно установило двѣ награды за двѣ лучшія работы. „Общество воспитанниковъ медицинскаго департамента“ (1870), кромѣ тѣхъ же цѣлей, ставитъ себѣ задачей „помогать всѣмъ усиліямъ къ усовершенствованію медицинскаго образованія и къ расширенію прогресса въ медицинской наукѣ и искусствѣ“. Точно также существуютъ общества дантистовъ и ветеринаровъ. Нѣкоторое объединеніе всѣхъ этихъ обществъ достигается посредствомъ центрального комитета воспитанниковъ, состоящаго изъ кончившихъ курсъ въ департаментахъ коллегіи, юриспруденціи и медицины и имѣющаго право выбора каждаго третьяго попечителя университета.

Ко второму разряду относятся множество клубовъ (для изученія литературы и классическихъ языковъ, для изученія естественныхъ наукъ, клубъ инженеровъ, химиковъ и т. д., и т. д.); медики и юристы имѣютъ по нѣсколько клубовъ. Въ нихъ разбираются различные научные вопросы, дѣлаются доклады объ интересныхъ случаяхъ, новыхъ открытіяхъ и т. п. Клубы обыкновенно обладаютъ своими небольшими библіотеками. Клубъ естественниковъ для изученія фауны, флоры и геологическаго состава полей кругомъ Филадельфіи (the Naturalists' Field Club) даже стремится сдѣлаться центромъ для всѣхъ горожанъ, интересующихся біологіей.

Къ третьему разряду принадлежатъ два общества (Philomathean и Zelosophic), занятыхъ преимущественно изданіемъ студенческихъ работъ. Они имѣли среди своихъ членовъ много выдающихся лицъ и обнародовали цѣлый рядъ изданій съ самымъ разнообразнымъ характеромъ.

Оставляя въ сторонѣ всѣ остальные разряды обществъ, какъ менѣе интересные, необходимо замѣтить, что хотя изложенное отно-

сятся къ Пеннсилванійскому университету ¹⁾, тѣмъ не менѣе упомянутые виды обществъ существуютъ въ болѣе или менѣе развитой формѣ во всѣхъ выдающихся американскихъ университетахъ. Однако, одно общество заслуживаетъ особеннаго вниманія: это—*Intercollegiate Young Men's Christian Association*. Всякій, посѣщавшій великую республику, пораженъ чрезвычайнымъ развитіемъ въ ней релігіознаго духа. Соединенные Штаты желаютъ быть христіанскимъ государствомъ. Вслѣдствіе громаднаго обилія сектъ они не касаются совершенно догматической стороны христіанства; вопросы о тринитности Божества, даже о божественности Иисуса Христа обходятся, но за то особенно стремятся развить и вселить въ молодое поколѣніе идею христіанской любви, взаимной помощи, братства. При отсутствіи централизаціи, при слабой арміи, при недостаточности полиціи, вообще тѣхъ силъ, которыя въ Европѣ сплачиваютъ въ одно политическое цѣлое иногда даже враждующія племена, братство различныхъ народностей на началахъ христіанской любви считается необходимымъ условіемъ прочности государства ²⁾. Изъ этого глубокаго сознанія, проникающаго массы, возникло „христіанское общество молодежи“. Оно располагаетъ громадными капиталами, имѣетъ почти во всѣхъ университетскихъ городахъ прекрасныя зданія, бібліотеки и т. д., и ставитъ себѣ задачей воспитывать въ молодежи стремленіе къ взаимной помощи. Такъ въ зданіяхъ общества находятъ себѣ бесплатный пріютъ на первое время всѣ вновь поступающіе студенты, явившіеся изъ далека; такъ члены общества прискиваютъ для немощныхъ уроки, вообще стараются возможно облегчить имъ пребываніе въ большомъ, иногда дорогомъ университетскомъ городѣ. При этомъ совершаются въ праздники богослуженія, говорятся подходящія проповѣди, назначаются священники различныхъ сектъ для собесѣдованія со студентами по желанію студентовъ, дѣлаются собранія, на которыхъ обсуждаются мѣры къ укрѣпленію христіанской любви между людьми. Вліяніе этого могучаго общества чувствуется повсюду; нигдѣ въ моихъ странствованіяхъ по славянскимъ, германскимъ и романскимъ странамъ мнѣ не приходилось встрѣчать столько госте-

¹⁾ *Fr. N. Thorpe*, Benjamin Franklin and the University of Pennsylvania, Wash., 1893, стр. 410—419. О томъ же въ Гарвардѣ *Hist. of higher education in Massachusetts*, стр. 193—206.

²⁾ См. объ этомъ прекрасную главу (СIII, *The influence of religion*) у *Брайса*, въ *The American Commonwealth*, т. II, стр. 586—599.

примства, желанія безкорыстно помочь, вообще радунія и благорасположенія, какъ въ различныхъ слояхъ американскаго народа.

Упомянутыя мною общества имѣютъ въ виду почти исключительно студентовъ и бывшихъ воспитанниковъ; профессора могутъ въ нихъ участвовать, но на равныхъ правахъ со студентами. Другими словами, эти товарищества существенно отличаются отъ ученыхъ европейскихкихъ обществъ, гдѣ профессора играютъ главную роль, а студенты только допускаются. И такія общества имѣются, напримѣръ, въ Филадельфій Archacological Societies, Society for the Extension of University Teaching и т. д.; но я объ нихъ не говорю. По моему мнѣнію, эти студенческія братства составляютъ въ Америкѣ необходимое дополненіе университетской жизни. Дисциплина въ самихъ университетахъ чрезвычайно строга; студенты не только должны приносить отъ родителей и родственниковъ письменныя объясненія причинъ непосѣщенія лекцій и могутъ быть подвергнуты за это удаленію изъ университета, но въ Мичиганскомъ университетѣ они не могутъ даже безъ разрѣшенія перемѣнить мѣста, которыя имъ назначаются въ началѣ учебнаго года. При такой дисциплинѣ въ стѣнахъ университета разнообразныя общества, гдѣ студентамъ дается полная свобода, служатъ какъ бы поприщемъ, на которомъ юность можетъ безирепятственно проявить всѣ свои, даже бурныя наклонности; это своего рода клапанъ для того, чтобы сдерживаемая молодая сила не выразила себя неблаговиднымъ, пожалуй, разрушительнымъ образомъ. Эти братства дѣйствуютъ благотворно и на народъ, и на университетъ; живая связь народа съ университетомъ не прерывается; судьбою университета постоянно интересуются окончившіе въ немъ курсъ, а этотъ интересъ выражается не только въ пиршествахъ съ никому не нужными застольными рѣчами, но и въ установленіи наградъ, учрежденіи стипендій, постройкѣ необходимыхъ зданій.

Заключеніе. Прежде всего необходимо замѣтить, что ознакомленіе съ американскими высшими заведеніями представляетъ, по моему мнѣнію, большой педагогическій интересъ вслѣдствіе постоянно замѣтнаго въ нихъ прогресса, вслѣдствіе громаднаго количества самыхъ разнообразныхъ опытовъ и поэтому вслѣдствіе большаго обилія фактовъ для сравненій. Гдѣ, напримѣръ, можно найдти такой послѣдовательный ростъ, какъ въ Гарвардѣ, начавшемъ съ какими нибудь десятию, двадцатью воспитанниками, обучаемыми однимъ лицомъ, президентомъ, и дошедшемъ до такого состоянія, что съ до

стоинствомъ можетъ выдержать сравненіе съ любымъ европейскимъ университетомъ? Гдѣ можно подыскать такую массу опытовъ съ программами (обязательные предметы, факультативные предметы, классическіе языки и математика, новые языки и естественныя науки и т. д.), съ условіями поступленія (полная свобода, дипломъ средняго заведенія, экзамены и т. д.), съ общимъ сожительствомъ и жизнью на частныхъ квартирахъ и т. д., и т. д.? Все испытывается, о результатахъ дѣлаются сообщенія въ газетахъ, все обсуждается на собраніяхъ профессоровъ, учителей и т. д. Америка—это единственная въ своемъ родѣ лабораторія для производства экспериментовъ надъ живыми людьми.

Обращаюсь теперь къ отрицательнымъ и положительнымъ сторонамъ высшихъ заведеній. Первые, подмѣчаемая самими американцами, заключаются въ отсутствіи общаго, строго продуманнаго и послѣдовательно приведеннаго въ исполненіе плана организаціи высшихъ заведеній въ цѣломъ государствѣ. Отсюда вытекаютъ неравномѣрное географическое ихъ распредѣленіе, различія вступительныхъ требованій, системы преподаванія, ученыхъ степеней. Значительное большинство, обладая весьма ограниченными средствами, стремится привлечь возможно большее число студентовъ, поддерживающихъ заведеніе своею платою за слушаніе лекцій, что приводитъ ко взаимному соперничеству заведеній, желанію открыть возможно болѣе курсовъ безъ наличности должныхъ научныхъ силъ, даже къ пониженію требованій для вступленія въ заведеніе и при окончательныхъ и переходныхъ экзаменахъ. Наконецъ, за исключеніемъ государственныхъ университетовъ, высшее образованіе стѣдитъ дорого, учебная плата высока, а стипендій не имѣется въ достаточномъ обиліи. Всѣ эти слабыя стороны трудно, думаю я, устранимы; онѣ вытекаютъ изъ ничѣмъ почти не ограниченной частной инициативы, изъ сравнительной слабости центральнаго правительства и изъ общей дороговизны американской жизни.

Положительныя стороны, вообще, тѣ, надъ которыми стѣдитъ остановиться, слѣдующія:

1) Избирательная система, теперь почти повсюду примѣненная въ Америкѣ. Необходимо сознаться, что громадное развитіе наукъ уже давно подкапываетъ установившееся съ среднихъ вѣковъ дѣленіе университета на 4 факультета (филологическій, юридическій, медицинскій, математическій); поэтому издавна дѣлались попытки къ раздвоенію, напримѣръ, юридическаго на чисто юридическій и админи-

стративный, математическаго на чисто математическій и естественный. Рано или поздно должна съ полною силою представиться необходимость найти новыя группировки предметовъ университетскаго преподаванія. Вотъ тогда-то американская избирательная система должна подвергнуться самому тщательному изученію ¹⁾).

2) Хотя въ Америкѣ существуетъ большое количество профессиональныхъ школъ, тѣмъ не менѣе университеты считаютъ своею обязанностію давать, кромѣ теоретическаго, и практическое образованіе; какъ сказано, профессиональныя школы и превращаютъ коллегію въ университетъ. Эта связь университета съ профессиональнымъ образованіемъ, думаю я, имѣетъ не мало хорошихъ сторонъ. Молодой человѣкъ не разъ заглянетъ въ аудиторію, гдѣ читаются предметы, не связанные съ его спеціальностію, но обогащающіе и развивающіе его умъ; сообщество студентовъ другихъ факультетовъ расширяетъ его кругозоръ, и онъ незаметно проникается обще-университетскимъ духомъ, видящимъ въ самомъ знаніи, а не только въ его выгодномъ примѣненіи, великую нравственную силу. На это также было обращено вниманіе на международномъ конгрессѣ въ Чикаго о воспитаніи. Президентъ Колумбін-коллегіи въ Нью-Йоркѣ указалъ на большую возможность усвоенія не только профессиональной практики, но и научныхъ началъ, лежащихъ въ основѣ этой практики, на большую свободу и удобства пополненія знанія при помощи библиотекъ, лабораторій и т. п. и, наконецъ, на чисто ученую атмосферу, въ которой работаетъ будущій техникъ, какъ на особенно полезныя явленія при соединеніи университета съ профессиональными школами ²⁾).

3) Стремленіе американскихъ коллегій и университетовъ—подготовить человѣка къ жизни. По американскимъ понятіямъ, „высшая цѣль воспитанія не выгоды, доставляемая силой для эгонистическаго пользования или познагражденія человѣка, но доставленіе возможности послѣднему выполнить неизмѣнныя обязанности, возложенныя на него

¹⁾ Признавая ея пользу и видя въ ней единственное средство согласить глубину и полноту преподаванія съ необозримымъ обиліемъ предметовъ, американцы, однако, усматриваютъ слабыя стороны ея современнаго примѣненія и даже иногда не безъ сожалѣнія исполняютъ старую обязательную систему. Proceedings of the International Congress of Education of the worlds Columbian exposition, New York, 1894, стр. 140, 141. Boone, Education in the United States, стр. 187.

²⁾ Proceedings, стр. 148, 149.

его мѣстомъ во вселенной, его отношеніемъ къ Богу и къ его ближнимъ во всѣхъ сложныхъ отношеніяхъ и жизненной дѣятельности. Тотъ, кто добываетъ знаніе только ради знанія, не многимъ лучше того, кто добываетъ деньги ради денегъ¹⁾. Университеты не стоятъ внѣ общественной жизни; напротивъ, они находятся въ тѣснѣйшей связи съ нею. Всѣ возможные вопросы, волнующіе общество, волнуютъ и университетъ; онъ отражаетъ обычаи и условія той сферы, среди которой находится, а не стоитъ въ гордой отчужденности. Такъ, напримѣръ, школа политической науки разсматриваетъ разнообразныя задачи городского управленія, желѣзнодорожные вопросы и т. п.; школа инженеровъ—водоснабженіе, канализацію и т. д. того города, гдѣ находится. Эти-то постоянно возникающіе жизненные вопросы и толкаютъ университетъ на путь прогресса, удерживаютъ его отъ самодовольной апатіи, дѣлаютъ его живой силой въ живомъ обществѣ. Однимъ изъ средствъ къ такому сближенію кажется мнѣ учрежденіе попечителей (trustees). Какъ извѣстно, высшее управленіе университетомъ ввѣряется комитету попечителей, избираемыхъ или своею же средою или университетскими воспитанниками, или же назначаемыхъ государственною властью или собраніемъ даннаго вѣроисповѣданія. Эти попечители почти никогда не бываютъ профессорами, а людьми съ широкою общественною дѣятельностію, напримѣръ, банкиры, фабриканты, знаменитые инженеры, выдающіеся литераторы. Такія лица прекрасно знаютъ жизненные требованія и сообразно съ ними направляютъ университетскую дѣятельность; оказывается потребность въ доставленіи средствъ для воспитанія лицъ, долженствующихъ занять высшее положеніе въ финансовомъ или промышленномъ мірѣ, стоятъ во главѣ разнообразнѣйшихъ предпріятій,—открываютъ на свой счетъ школу Уортона въ Пеннсилванійскомъ университетѣ; чувствуется недостатокъ въ архитекторахъ, устраивается школа архитектуры и т. д. Такія лица также зорко слѣдятъ, чтобы профессиональныя школы не превратились въ исключительно теоретическія заведенія. Попечители немедленно обратятъ вниманіе президента университета и профессоровъ, если, напримѣръ, земледѣльческая школа будетъ выпускать агрономовъ, ищущихъ мѣсть гдѣ угодно, но только не въ сельскомъ хозяйствѣ. Эта такъ живо и всѣми сознаваемая польза отъ университета и является причиною

¹⁾ Report of the commissioner of education for the year 1889 — 1890, стр. 1137.

чрезвычайныхъ пожертвованій на открытіе новыхъ высшихъ заведеній и на усовершенствованіе старыхъ.

4) Наконецъ, можно отмѣтить студенческія общества и заимствованныя изъ Германіи семинаріи. Польза здѣсь заключается въ тѣсномъ общеніи профессоровъ со студентами; нигдѣ не чувствуется такъ сильно оживляющее вліяніе увлеченнаго своимъ предметомъ преподавателя, какъ въ близкихъ, почти товарищескихъ сношеніяхъ профессоровъ съ ихъ слушателями въ ученыхъ клубахъ, семинаріяхъ, различныхъ студенческихъ образовательныхъ обществахъ ¹⁾.

Ф. Зигель.

¹⁾ Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ новѣйшее время на студенческія общества, преимущественно тайныя, смотрять въ Америкѣ не особенно благоклонно, что и было высказано на международномъ конгрессѣ въ Чикаго о воспитаніи. Proceedings, стр. 145, 146. См. также объ университетахъ весьма живо написанную главу [С] у *Брайса*, т. II, стр. 541 — 569; въ ней описано состояніе, относящееся къ восьмидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія; такъ какъ жизнь въ Америкѣ развивается чрезвычайно быстро, то поэтому статья уже не вполне соответствуетъ современности. У *Буна* (Education in the United States) о коллегіяхъ и университетахъ см. стр. 20—43 (колоніальный періодъ), стр. 70—78 (періодъ революціи), стр. 158 — 211 (періодъ реорганизаціи), стр. 359 (коллегію Юга), стр. 365—378 (женское высшее образованіе).

ЗАМѢТКИ ПО ТАЦИТУ ¹⁾.

IV.

Вопросъ о *Dialogus de oratoribus*.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ относящейся къ Тациту ученой литературѣ есть вопросъ о *Dialogus de oratoribus*, то-есть, объ авторѣ и времени написанія этого важнаго по содержанію и мастерскаго по исполненію произведенія римской литературы серебрянаго вѣка. Уже триста двадцать лѣтъ ведется споръ по этому поводу между филологами и ведется до сей поры съ такою живостью, какъ бы онъ возникъ въ наукѣ еще очень недавно и имѣеть интересъ новизны для ученаго міра. Это указываетъ съ одной стороны на важность спора или подлежащаго спору предмета, съ другой—на существованіе серьезныхъ затрудненій къ окончательному разрѣшенію поддерживающихъ споръ педоумнѣній. На важность спора указываетъ также и то обстоятельство, что въ немъ съ самаго начала не переставали принимать участіе крупныя ученые, для которыхъ тутъ открывалось достаточно широкое поприще, чтобъ приложить къ дѣлу какъ солидную эрудицію, такъ и остроумныя филологическія комбинаціи. Въ самомъ дѣлѣ, обзрѣвая исторію вопроса, мы видимъ на сценѣ между многими другими: Юста Липсія, Питу, Фр. Авг. Вольфа, Шпальдинга, Ланге, Орелли, Бернгарди, Экштейна, Пинпердея, Зауппе, Тэйфеля, Петера, Дрэгера, Вельфлиа, Андресена. Трудность же рѣшенія спорныхъ вопросовъ видна здѣсь также и изъ того, что важнѣйшіе филологи переходили отъ одного мнѣнія къ дру-

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую вышку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1898 годъ.

тому. какъ и изъ того, что лица, одинаково компетентныя въ обсужденіи относящихся къ классической филологіи вопросовъ, въ данномъ случаѣ расходятся самымъ радикальнымъ образомъ, хотя у всѣхъ предъ глазами одни и тѣ же факты, одни и тѣ же научныя матеріалы.

Заговорить о *Dialogus de oratoribus* подало намъ поводъ новое его изданіе, въ предисловіи къ которому вопросъ объ авторѣ сочиненія, равно какъ и о времени написанія этого послѣдняго, разсматривается съизнова. Мы имѣемъ въ виду изданіе В. Петерсона, вышедшее въ 1893 году въ Оксфордѣ подъ заглавіемъ: „Cornelii Taciti Dialogus de oratoribus. A revised text with introductory essays and critical and explanatory notes“ (Clarendon Press). Авторъ этого труда за два года передъ тѣмъ обратилъ на себя вниманіе ученыхъ изданіемъ *десятой* книги Квинтилиановой *Institutio oratoria*. Переходъ отъ изученія знаменитаго сочиненія „Объ ораторскомъ образованіи“, принадлежащаго перу главнѣйшаго учителя краснорѣчія въ Римѣ, къ современному ему „Разговору объ ораторахъ“, изслѣдующему важный вопросъ о разницѣ характера краснорѣчія въ эпоху имперіи сравнительно съ прежнимъ временемъ и о причинахъ его упадка (вопросъ, которымъ—кстати сказать—занимался и Квинтилианъ въ недошедшемъ до насъ сочиненіи *De causis corruptae eloquentiae*), былъ совершенно естественъ. Поэтому авторъ и называетъ свое изданіе *Диалогомъ* товарищемъ, а companion volume, къ вышущему ему осенью 1891 года изданію *десятой* (самой интересной) книги Квинтилианова сочиненія. Заняться же тѣмъ и другимъ изданіемъ у него былъ специальный мотивъ—„избавить англійское образованіе отъ упрека въ пренебреженіи къ двумъ наиболѣе интереснымъ образчикамъ латинской литературы или въ упованіи для знакомства съ ними почти всецѣло на иностранныя источники“: мотивъ похвальный и въ принципѣ своимъ заслуживающій подражанія и со стороны русскихъ ученыхъ.

Взявшись за дѣло, г. Петерсонъ, какъ это водится между англійскими учеными, счелъ своею обязанностью разсмотрѣть его всесторонне, перебирая одинъ за другимъ всѣ пункты, къ которымъ сводится вопросъ о *Dialogus de oratoribus*. Въ обширномъ введеніи, которому посвящена 91 страница, онъ разсматриваетъ въ пяти отдѣльныхъ главахъ прежде всего вопросъ объ авторѣ и времени сочиненія, затѣмъ говоритъ о содержаніи и схемѣ Диалога, о собесѣдникахъ и долѣ каждаго изъ нихъ въ разговорѣ, о стилѣ и языкѣ и о рукописяхъ, въ которыхъ дошло до насъ разсматриваемое произведе-

деніе. Къ этимъ пяти главамъ прибавлена шестая, посвященная библиографіи предмета, заключающейся, впрочемъ, въ одномъ перечнѣ изданій, переводовъ и ученыхъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ *Dialogus de oratoribus*, въ перечнѣ, по правдѣ сказать, далеко не полномъ и начинающемся хронологически лишь съ 1833 года. Слѣдующій за введеніемъ текстъ сочиненія снабженъ обширнымъ комментариемъ, которымъ авторъ въ главномъ обязанъ объяснительнымъ примѣчаніямъ изданій Андресена, Петера и Вольфа, а равно и тѣмъ, какими снабженъ переводъ Діалога на нѣмецкій языкъ, сдѣланный докторомъ Джономъ ¹⁾. Самый текстъ Діалога значительно разнится отъ Гальмова не только потому, что авторъ вносилъ въ него поправки другихъ критиковъ, равно какъ и свои собственные, но и потому, что въ его распоряженіи былъ кодексъ Британскаго музея (*Harlejanus*, № 2639), которымъ до тѣхъ поръ никто, какъ слѣдуетъ, не пользовался, но который принадлежитъ къ лучшимъ кодексамъ такъ не хорошо дошедшаго до насъ сочиненія. За текстомъ слѣдуютъ два указателя: указатель именъ и указатель словъ и выраженій. Посвящено изданіе „*Universitati sancti Andreae*“, извѣстному шотландскому университету св. Андрея, которому авторъ, вѣроятно, обязанъ своимъ филологическимъ образованіемъ.

Трудъ г. Петерсона есть трудъ, тщательно составленный, хорошо обдуманый и почти вполне удовлетворяющій своему назначенію, какъ англійское изданіе древняго автора, отъ котораго требуется обстоятельность обработки матеріала, полнота и цѣлесообразность объясненій, при избѣганіи всего лишняго и неяснаго. Соединяя въ себѣ результаты предшествовавшихъ изданій Діалога, изданіе г. Петерсона можетъ замѣнить многія изъ нихъ въ томъ, что касается объясненій текста, а своимъ введеніемъ можетъ ввести въ достаточное знакомство какъ съ исторіей вопроса о *Dialogus de oratoribus*, такъ и со всеми существенными данными, на основаніи которыхъ онъ рѣшается. Наибольше спорнымъ пунктомъ въ его изданіи являются тѣ поправки, какія онъ внесъ какъ лично отъ себя, такъ и принимая конъектуры другихъ, въ текстъ Діалога. Но эти поправки вводятся имъ въ текстъ курсивомъ и тѣмъ прямо выставляются, какъ новизна,

¹⁾ Первые 27 главъ этого перевода помѣщены въ „Программѣ“ евангелическо-богословской семинаріи въ Урахѣ (1886), когда г. Джонъ былъ профессоромъ этой семинаріи, а остальныя въ „Программѣ“ гимназій zu Schwäbisch Hall (1892), гдѣ г. Джонъ состоитъ ректоромъ.

которую вправѣ принимать и не принимать каждый, кто пользуется его изданіемъ. Приводимое (хотя неполно и не всегда вѣрно) подѣ текстомъ разночтеніе рукописей и издателей даетъ извѣстную возможность знать, какъ читается данное мѣсто, съ одной стороны, въ источникахъ текста, съ другой—въ изданіяхъ этого послѣдняго, а примѣчанія указываютъ основанія, по которымъ авторъ рѣшился въ данномъ случаѣ на измѣненіе. Нѣкоторыя изъ его поправокъ были имъ раньше предлагаемы вниманію ученыхъ въ извѣстномъ филологическомъ органѣ *Classical Review*. Если онѣ совсѣмъ не встрѣтили одобренія со стороны такого авторитетнаго издателя Діалога, каковъ Андресенъ ¹⁾, то это не лишало автора права внести ихъ въ свое изданіе, тѣмъ болѣе, что способъ ихъ внесенія (курсивъ) таковъ, что авторъ никому своихъ поправокъ не навязываетъ, какъ это сілошь да рядомъ случается съ нѣмецкими издателями и идущими по ихъ стопамъ русскими, позволяющими себѣ выдавать за текстъ древняго автора свои конъектуры даже въ школьныхъ изданіяхъ, что подлежитъ безусловному осужденію. Поправки г. Петерсона относятся къ слѣдующимъ мѣстамъ: 1, 8 *erit mihi* вм. *ut*, какъ всѣ рукописи и изданія; 3, 9 *intelleges* вм. *leges*, какъ всѣ рукописи и изданія, при чемъ вся фраза, различно читаемая разными издателями, у г. Петерсона читается такъ: *intelleges tu quidem quid Maternus sibi debuert* (*quidem* принадлежитъ *cod. Harlejan.*); 3, 22 *adgregando* вм. *adgregages*; 5, 12 *inveniri contigit*, вм. обычнаго *inveni*, что у Андресена замѣнено *inveniri non puto*; 5, 13 *hos* вм. *eos* рукописей, *vos* Липсія и другихъ, *nos* Джона, *se* Андресена и Бэренса; 5, 17 *vel ad voluptatem jucundius* (добавочная фраза, которой въ рукописяхъ не встрѣчается), какъ Ниппердей, вм. обычнаго *vel ad voluptatem dulcius*; 6, 27 *grata quae* вм. обычнаго *alia*, измѣненнаго Андресеномъ въ *utiliora quae*; 10, 18 *altiorum* вмѣстѣ съ Андресеномъ вм. *aliarum*; 11, 9 *sub Nerone* вмѣстѣ съ Новакомъ вм. *in Nerone* рукописей, что у Михаэлиса, Андресена и Иоанн. Мюллера замѣнено конъектурой Луц. Мюллера *impregante Nerone*, а у Вольфа превратилось въ *spogmet et*; 12, 14 *mortalibus* внесено въ текстъ на основаніи предполагаемаго пропуска послѣ *major*, по конъектурѣ Михаэлиса и Гудемана; 13, 14 *omni*, какъ Вальтеръ, вм. *sunt* рукописей, измѣняемаго другими въ *communi*, *humili* и даже въ *capina* (Гальмъ) и по-

¹⁾ Въ *Jahresbericht über die Fortschr. der class. Alterthumswissenschaft* за 1893 годъ, р. 243 слѣд.

ставляемого въ скобки Андресеномъ; 15, 5 *parem antiquis*, слѣдуя въ первомъ словѣ прибавкѣ Липсіа, что у Иоанн. Мюллера замѣняется *si conferretur*; 19, 3 *Equidem Cassium* въ пополненіе пропуска, признаваемого также Валеномъ и Гальмомъ; 21, 4 *quique alii omnes* вм. обычнаго *quosque alios*, что у Михаэлиса замѣнено *aliorum quia*, у Андресена *quique alii*, и чему въ рукописяхъ соответствуетъ *quique alios*, просто *alios* и *que. alios*¹⁾; 21, 17 *reliquae*, какъ Зорофъ, вм. *Illae*, что даютъ и нѣкоторые рукописи, и что у Михаэлиса замѣнено *verborum et*, а у Андресена *hercule*, стоящимъ въ связи съ *regule* и *regulae* трехъ списковъ (двухъ ватиканскихъ и лейденскаго); 23, 10 *et oderunt*, какъ Бэрэнсъ и Вольфъ, вм. [*oderunt*] Гальма и Иоанн. Мюллера, выпускаемого Андресеномъ; 25, 8—9 *in qua nimirum* вм. *si cominus* рукописей, что замѣняется у Гальма *qua quasi convictus*, у Иоанн. Мюллера *qua quasi cominus pisus*, какъ и у Андресена въ послѣднемъ изданіи, а у Михаэлиса *quominus*, при чемъ *fatear* вм. *fatetur*; 25, 26 *solitos esse* вм. *solitos et* рукописей, при чемъ авторъ, какъ и Михаэлисъ, сохраняетъ *invidere*, выпускаемое или поставляемое въ скобки Ниппердеемъ, Гальмомъ, Мюллеромъ, Андресеномъ; 26, 12 *facetis hominibus* вм. *sicut his cla et*, что обыкновенно замѣняется у издателей *quibusdam*, у Михаэлиса *sicut scitis clausula et*, у Иоанн. Мюллера *circulis scholarum*, у Андресена *si dis placet*; 32, 15 *jus hujus civitatis* вм. *jus civitatis* рукописей и изданій; 34, 21 *neq secus* вмѣстѣ съ Шопеномъ вм. *neq male* Питу, принятаго позднѣйшими изданіями, замѣненнаго у Андресена *neq minus bene* и предложеннаго Джономъ *neq parum bene*; 37, 37 *vellicent*, вм. *velint* рукописей и изданій; 39, 12 *testitus audiendis silentium patronis* вм. *testibus sil. patronus* рукописей, различно исправляемого въ изданіяхъ, при чемъ Гальмъ и Михаэлисъ вм. *patronus* читаютъ *protinus*, Иоанн. Мюллеръ, слѣдуя Риттеру, совершенно выпускаетъ *patronus* и прибавляетъ вмѣсто него *silentio suo*, а Андресенъ ставитъ *patronus* въ скобкахъ; 40, 5 *ut histriones* вмѣстѣ съ Гальмомъ вм. *et histriones* рукописи, исправляемого различно издателями.

Изъ сказаннаго видно, что изданіе г. Петерсона при всей своей тщательности и обстоятельности, о которыхъ особенно свидѣтель-

¹⁾ См. у Фридр. Шейера (Scheur) въ еро De Tacitei de oratoribus Dialogi codicum nexu et fide. Pars I. Vratislaviae, 1891, p. 13, откуда взялъ это указаніе и г. Петерсонъ.

стуетъ его глава о рукописяхъ, по отношенію къ тексту все-таки не можетъ быть названо тѣмъ, что называется руководящимъ изданіемъ, а по отношенію къ его объясненію, какъ століце въ зависимости отъ нѣмецкихъ объяснительныхъ изданій, не имѣетъ значенія дающаго тонъ изданія. Но оно заслуживаетъ вниманія не только англійскихъ, но и вообще европейскихъ филологовъ именно тѣмъ, что снова поднимаетъ вопросъ объ авторѣ *Dialogus de oratoribus* и не только рѣшаетъ его безъ колебанія въ пользу Тацита, но и отмѣчаетъ иную дату появленія этого сочиненія, чѣмъ какія до сихъ поръ указывались учеными. Въ томъ и другомъ случаѣ англійскій издатель рѣшительно расходится съ заключеніями Андресона, самаго авторитетнаго изъ новѣйшихъ издателей Діалога.

Въ виду, такимъ образомъ, еще разъ выступившаго на сцену рѣзкаго противорѣчія во взглядахъ специалистовъ на предметъ, постоянно въ теченіе болѣе трехъ сотъ лѣтъ интересовавшій всѣхъ тѣхъ, кто занимался Тацитомъ,—противорѣчія, котораго при современной разработкѣ вопроса, повидимому, не должно было бы вовсе существовать, но которое между тѣмъ не уменьшилось со временъ Липсія ни на волосъ, намъ кажется вполнѣ цѣлесообразнымъ, по крайней мѣрѣ, указать на тотъ путь, какимъ вопросъ о Діалогѣ рѣшается наиболѣе научнымъ образомъ, если не установить надлежащей точки зрѣнія на него въ русской ученой литературѣ.

Собственно говоря, въ русской ученой литературѣ уже образовалось твердое воззрѣніе, что *Dialogus de oratoribus* можетъ принадлежать только Тациту и никому больше. Воззрѣніе это, ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, было проведено авторомъ этихъ строкъ въ въ книгѣ „Тацитъ и его сочиненія“ (С.-Петербургъ, 1864) съ указаніемъ всѣхъ основаній, какія могли быть приведены въ то время какъ въ пользу, такъ и противъ принадлежности сочиненія Тациту. Затѣмъ эта же точка зрѣнія развита и въ специально посвященномъ Діалогу трудѣ г. Павлуцкаго („Корнелія Тацита Разговоръ объ ораторахъ. Переводъ и изслѣдованіе“, Кіевъ, 1885), гдѣ были приняты во вниманіе и тѣ новые труды иностранныхъ ученыхъ, которые вышли въ свѣтъ въ теченіе двадцати лѣтъ, прошедшихъ съ появленія моей книги до того времени, когда принялся за свою работу молодой кіевскій ученый. Если и обнаруживались иногда попытки къ разногласію въ этомъ отношеніи, то онѣ проходили совершенно незамѣтно, да и не принадлежали трудамъ, основаннымъ на

серьезномъ изученіи вопроса ¹⁾. Но не только со времени появленія моего труда, но и послѣ выхода въ свѣтъ труда г. Павлуцкаго протекло уже не мало времени, въ теченіе котораго вопросъ о *Dialogus de oratoribus* если и не подвергся существенному перевороту, то во всякомъ случаѣ на столько обогатился новыми изслѣдованіями, что пересмотръ его является уже почти настоятельнымъ для русскихъ филологовъ.

Теперь приступимъ къ самому дѣлу.

Какое первое основаніе, въ силу котораго *Dialogus de oratoribus* считается сочиненіемъ Тацита?

Первое основаніе то, какое является первымъ и для всѣхъ другихъ сочиненій, дошедшихъ до насъ изъ древности: *Dialogus de oratoribus* дошелъ до насъ въ рукописяхъ, какъ сочиненіе Тацита, и вмѣстѣ съ другими сочиненіями великаго историка. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, какъ Cod. Vaticanus 1862, Leidensis XVIII, иначе Perizonianus Vaticanus 1518, Vindobonensis DCCXI, Venetus или Marcianus XIV, онъ находится вмѣстѣ съ *Германіей* Тацита, въ другихъ, какъ Farnesianus и Vindobonensis CCCLI, вмѣстѣ со второй половиной *Литоники* (XI—XVI), *Исторіями* и *Германіей*, или, какъ Vaticanus 4498, вмѣстѣ съ *Африкалой* и *Германіей*. Отдѣльно отъ другихъ сочиненій Тацита находится только въ Ottobonianus 1455, въ Parisiensis 7773 и въ Harlejanus 2639 (II). При этомъ въ каждомъ изъ упомянутыхъ кодексовъ, кромѣ Діалога или Діалога и другихъ сочиненій Тацита, есть что либо другое, непременно отрывокъ изъ Светоніева *De grammaticis et rhetoribus*, а, кромѣ него, въ Vaticanus 1518 *Порфиріоновы* комментаріи къ Горацию и *Жизнь Персія*, съ комментаріемъ къ нему *Корнута*, въ Vaticanus 4498 *Pseudo-Plinii de viris illustribus* и кое-что другое, въ Ottobonianus *Messalae Corvini de progentie sua libellus* и разныя другія вещи, какъ, на-

¹⁾ Такова именно, повидимому, неизвѣстная мнѣ брошюра г. Дивишка („Разговоръ объ ораторахъ“, Каменецъ-Подольскъ, 1885), о которой г. Павлуцкій въ предисловіи къ своему труду говоритъ слѣдующее: „Авторъ, послѣ нѣлаго изложенія содержанія Діалога, высказываетъ сомнѣніе въ принадлежности этого произведенія Тациту. Соображенія г. Дивишка, изложенныя тяжелымъ и подчасъ даже трудно понятнымъ русскимъ языкомъ, обличаютъ въ авторѣ ограниченность свѣдѣній и крайне поверхностное знакомство съ существующей по этому вопросу литературой; они представляютъ не болѣе, какъ неискусную перетасовку замѣчаній, взятыхъ, вѣроятно, изъ вторыхъ рукъ, быть можетъ, въ курсахъ (?) исторіи римской литературы Бернгарди и Тейфеля“.

примѣръ, *Blondi Forliviensis Italia illustrata*, въ *Vindobonensis DCCCXI* также разные трактаты; не относящіяся къ древности ¹⁾). Во всѣхъ этихъ кодексахъ всѣ находящіяся въ нихъ сочиненія, какъ Тацитовы, такъ и другихъ авторовъ, приводятся подъ надлежащими именами ихъ авторовъ. Слѣдовательно, *Dialogus de oratoribus* перешелъ къ намъ изъ древности, какъ сочиненіе Тацита, прежде всего на основаніи рукописнаго преданія, которое звало его, какъ трудъ, принадлежащій Тациту, наравнѣ съ другими его сочиненіями. Если въ вѣнскомъ кодексѣ (*Vindobonensis CCCLI*), писанномъ, повидимому, для венгерскаго короля Матюся Корвина, къ заглавію Діалога какая-то позднѣйшая рука приписала имя Квинтилиана, то приписка эта, принадлежащая комбинаціи ученаго эпохи новаго времени, какъ всякій понимаетъ, не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакого значенія.

Итакъ, рукописное преданіе ясно и твердо считаетъ авторомъ *Dialogus de oratoribus* Тацита. Но такъ ли велика въ данномъ случаѣ сила рукописнаго преданія, чтобы мы могли положиться на него безъ всякаго колебанія?

Сила этого преданія въ данномъ случаѣ далеко не безусловна. Дѣло въ томъ, что всѣ рукописи, въ которыхъ дошелъ до насъ *Dialogus*, очень поздняго времени (XV столѣтія) и, что особенно подрываетъ ихъ важность, всѣ происходятъ изъ одного источника, то-есть, представляютъ собой списки съ одной и той же рукописи или со списковъ этой послѣдней, которая, какъ есть нѣ основанія полагать, однако, также не можетъ быть очень древнею и не превышаетъ своею древностью XIII столѣтія. Что эти рукописи одного происхожденія, это яснѣ всего доказывается общимъ у нихъ пропускомъ, который въ печатныхъ изданіяхъ начинается съ конца 35-й главы сочиненія. Слѣдовательно, не смотря на то, что въ нашемъ распоряженіи находится *болѣе десятка* описанныхъ рукописей Діалога, мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ свидѣтельство о принадлежности его Тациту лишь *одной* рукописи, которой всѣ эти списки обязаны своимъ происхожденіемъ.

Что же это за рукопись?

Это была та самая рукопись, которую въ числѣ другихъ принесъ въ Италію около 1458 года монахъ Энохъ Аскуланскій (изъ *Ascoli*), получившій еще въ 1451 году отъ папы Николая V, из-

¹⁾ См. перечень ихъ у Шейера въ упомянутой диссертаціи *De Tacitei de oratoribus Dialogi Codicum nexu et fide*, p. 11.

вѣстнаго ревнителя возстановленія классической древности, порученіе объѣздить Францію, Германію и Данію съ цѣлію отысканія древнихъ рукописей и принесенія съ нихъ списковъ, какъ это значится и въ рекомендательномъ письмѣ паны къ магистру Тевтонскаго ордена Лудвигу Эрлихсгаузену ¹⁾. Пришесенная Энохомъ рукопись сочиненій Тацита, ожидавшаяся такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ знаменитымъ гуманистомъ Поджо, въ рукахъ котораго еще съ 1427 года находились послѣднія книги *Лѣтописи* и часть *Исторій* въ рукописи, извѣстной теперь подъ именемъ втораго Медичейскаго кодекса, вскорѣ потерялась, но съ нея были своевременно сдѣланы списки, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ собственноручный списокъ Ювіана Понтана (1426—1503), который со временемъ также потерялся. Прямую копию этого послѣдняго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, самый списокъ Понтана, мы имѣемъ въ Лейденскомъ спискѣ ²⁾ Діалога, но всѣ остальные рукописи, какими мы располагаемъ, являются списками со списковъ принесенной Энохомъ рукописи, за исключеніемъ, быть можетъ, изслѣдованнаго г. Петерсономъ Гарлеева кодекса, или со списковъ этихъ списковъ. Но, судя по способу письма, именно, по системѣ сокращеній сохранившихся списковъ Діалога, оригиналь, отъ котораго они ведутъ начало, не очень древняго происхожденія и, какъ обыкновенно полагаютъ, не старше XIII столѣтія. Съ другой стороны, однако, не слѣдуетъ забывать, что рукопись XIII столѣтія была спискомъ съ болѣе древней рукописи, которая, въ свою очередь, была преемницею рукописнаго преданія еще болѣе древняго времени. Въ данномъ случаѣ прототипомъ рукописи, которую Энохъ нашелъ въ Германіи и которую или списокъ съ которой онъ принесъ въ Италію, былъ, какъ не безъ основанія полагаютъ, тотъ са-

¹⁾ См. *Voigt, Die Wiederbelebung des class. Alterthums*, II, p. 202, 2-е изданіе. Приведено у Михаэлиса въ введеніи къ изданію Діалога, p. XXII. Существенное мѣсто этого письма приводится и въ изданіи г. Петерсона, стр. LXIII Введенія.

²⁾ Списокъ этотъ, признанный Ниппердеемъ (*Opuscula*, p. 391), а вслѣдъ за нимъ и многими другими нѣмецкими учеными за списокъ, сдѣланный рукою самаго Ювіана Понтана, скорѣе надобно считать за списокъ съ Понтанова кодекса, какъ на это указывалъ еще голландскій ученый Гель (*Geelius*) въ *Catalogus librorum manuscritorum, qui inde ab a. 1741 bibliothecae publicae Lugduno-Batavae asservantur*, Lugd., 1852, p. 121. Ссылки на незнакомаго мнѣ книгу дѣлаетъ г. Шейеръ, который раздѣляетъ заявленіе голландскаго ученаго (p. 5 указ. сочин.). Г. Петерсонъ также считаетъ Лейд. списокъ копіею съ Понтанова списка (p. LXIV Введенія).

мый кодексъ сочиненій Тацита, который былъ въ 863 году въ рукахъ у монаха Фульдскаго монастыря (въ Гессенѣ) Рудольфа и который, быть можетъ, принадлежалъ Корвейскому монастырю (въ Вестфаліи), откуда происходитъ знаменитая рукопись (Cod. med. prior), заключающая въ себѣ первыя шесть книгъ *Литтониси*. Этотъ фульдскій кодексъ, принадлежавшій IX или, быть можетъ, еще VIII столѣтію, потерялся, но съ него былъ сдѣланъ списокъ въ XIII столѣтіи, который былъ собственностью, повидимому, Герсфельдскаго монастыря, находившагося въ какихъ нибудь тридцати пяти верстахъ отъ Фульды,—списокъ, до котораго и добрался Энохъ Аскуланскій! Впрочемъ, на Герсфельдское происхождение этого послѣдняго списка указываютъ лишь продолжительные переговоры, какіе велъ Поджо съ монахомъ Герсфельдскаго монастыря, обѣщавшимъ ему за хорошія деньги привезти изъ Германіи Тацита, какъ это видно изъ писемъ знаменитаго флорентинскаго гуманиста и папскаго секретаря къ Никколо Никколи ¹⁾. Но откуда бы ни былъ принесенъ Энохомъ въ Италію списокъ сочиненій Тацита—изъ Корвея, изъ Фульды, или изъ Герсфельда, несомнѣнно, что это и есть та единственная рукопись, отъ которой происходятъ всѣ существующіе списки. Мы, правда, не знаемъ положительно, была ли принесенная Энохомъ рукопись сочиненій Тацита нѣмецкій оригиналъ, или сдѣланная самимъ Энохомъ съ него копія. Судя по инструкціи, данной ему папой Николаемъ V, онъ былъ уполномоченъ не уносить самихъ рукописей изъ бібліотекъ, гдѣ онѣ хранились, а только дѣлать съ нихъ списки ²⁾. Такъ обыкновенно и думаютъ, что Энохъ сдѣлалъ только списокъ съ рукописи, который и принесъ въ Италію; но находящаяся въ Гарлеевскомъ кодексѣ и приводимая г. Петерсономъ приписка даетъ основаніе думать, что итальянскіе кописты имѣли дѣло не съ новымъ спискомъ, какой могъ быть сдѣланъ самимъ Энохомъ или кѣмъ другимъ, по его порученію, въ Германіи, а съ самою рукописью, хранившеюся въ одномъ изъ монастырей Германіи и представлявшеюся итальянскимъ копистамъ очень древнею. Именно въ концѣ Свето-

¹⁾ Относящіяся къ дѣлу мѣста изъ этихъ писемъ можно найти въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ изданіяхъ Тацита, начиная съ Риттерова, гдѣ они въ первый разъ были приведены по Бандини, особенно у Михаалиса, р. XIX—XXII, а также у Рейффершейда въ его изданіи Отрывковъ Светонія, равно какъ и въ изданіи Диалога Петерсона, р. LXIV Введенія.

²⁾ „Nolumus... ut aliquis liber surripatur, sed tantummodo ut fiat copia transcribendi“,—говорится въ упомянутомъ письмѣ папы къ Лудвигу Эрлихсгаузену.

нѣва трактата въ Cod. Harlejanus стоитъ: *hic antiquissimum exemplar fuit et hoc integrum videtur*. Обстоятельство это—не маловажнаго значенія, и если дѣйствительно Энохъ принесъ съ собой не свой списокъ, а самую германскую рукопись, то рукописное преданіе, говорящее о принадлежности *Dialogus de oratoribus* Тациту, опирается на болѣе солидныя опоры, чѣмъ доселѣ думали. Въ лицѣ кодекса II мы имѣемъ, значитъ, потомка, идущаго по прямой линіи отъ фульдскаго оригинала ¹⁾).

Такимъ образомъ рукописное преданіе, дошедшее до насъ *Dialogus de oratoribus*, какъ сочиненіе Тацита и вмѣстѣ съ другими сочиненіями Тацита, при всемъ томъ, что оно опирается на одинъ кодексъ, и вдобавокъ давно утраченный, стоитъ непоколебимо въ пользу принадлежности Діалога именно Тациту, а не кому либо другому. Въ тотъ періодъ времени, когда еще была цѣла привезенная Энохомъ изъ Германіи рукопись (подлинникъ или копія), въ которой заключался *Dialogus*, и когда съ нею или съ ея списковъ, уже сдѣланныхъ, дѣлались новые списки, оно было такъ прочно, такъ несомнѣнно, что первымъ издателямъ Тацита, жившимъ среди рукописей сочиненій древности, не приходило въ голову ни малѣйшей тѣни сомнѣнія относительно того, кто былъ авторомъ столь интереснаго „Разговора объ ораторахъ“. Они его печатали съ такимъ же точно убѣжденіемъ, что они печатаютъ сочиненіе Тацита, съ какимъ они печатали извѣстную тогда вторую часть *Литотиси*, первая пять книгъ *Исторій*, печатавшіяся тогда, какъ продолженіе *Литотиси*, и *Германію*. Таково было editio princeps, сдѣланное въ 1470 году или около того, въ Венеціи—Венделиномъ Спирой; таково было вышедшее около 1475 года въ Миланѣ изданіе Путеолана, куда вошелъ и *Африкола*; таково было и первое полное изданіе всѣхъ сочиненій Тацита, вышедшее въ 1515 году въ Римѣ Вероальдомъ. Наконецъ, въ поддержку рукописнаго преданія можно привести и свидѣтельство ученаго грамматика XV столѣтія Помпонія Сабина, которому *Dialogus* былъ извѣстенъ, какъ именно сочиненіе Тацита. Дѣлая примѣ-

¹⁾ Само собою разумѣется, что первенство въ такого рода предположеніи принадлежитъ г. Петерсону, который говоритъ (р. LXXIX Введенія): „If this inference (принесеніе Энохомъ въ Италію самого Герсфельдскаго кодекса) is correct, a lineal descent may be established for II from the archetype of Fulda“. По предположенію о томъ, что Энохомъ была принесена въ Италію сама рукопись, найденная имъ въ Италиі, сдѣлано было гораздо раньше и еще не такъ давно защищалось Ротомъ въ его изданіи Светонія (Лейпцигъ, 1882, р. LXV слѣд.).

чаніе къ стихотворенію *De obitu Maecenatis*, онъ говоритъ: *S. Tacitus appellat scripta Maecenatis calamistros*, что дѣйствительно значитъ въ 26-й главѣ Діалога. Сомнѣніе въ принадлежности Діалога тому же автору, которому принадлежали сохранившіяся книги *Лѣтописи* и *Исторій*, *Германія* и *Африкола*, стало возникать лишь тогда, когда рукописное преданіе уже потеряло свою прежнюю живость, когда изданіе сочиненій Тацита перешло за Альпы, къ нѣмцамъ и голландцамъ. Первое сомнѣніе было высказано по этому поводу эльзасцемъ Бильде изъ Рейнау, гораздо болѣе извѣстнымъ подъ своимъ псевдонимомъ Беата Ренана, который, издавая Тацита въ 1519 году въ Базелѣ, находилъ Діалогъ такъ мало похожимъ на другія сочиненія Тацита, что готовъ былъ принять его за позднѣйшее сочиненіе, но въ своемъ отрицаніи не пошелъ дальше фразы: *Nunc dialogum vix crediderim esse Taciti*. Положительный отрицатель авторства Тацита, по отношенію къ этому сочиненію, явился лишь сто съ небольшимъ лѣтъ спустя послѣ появленія перваго печатнаго изданія твореній великаго римскаго историка, въ лицѣ знаменитаго голландскаго филолога Юста Липсіа, который занимался Тацитомъ съ особенною любовью и въ изученіи его сочиненій сдѣлалъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Въ первомъ же изданіи сочиненій своего любимаго писателя, выпущенномъ въ 1574 году въ Антверпенѣ, Липсіи съ горячимъ убѣжденіемъ въ вѣрности своего мнѣнія заявилъ, что *Dialogus de oratoribus* не можетъ быть сочиненіемъ Тацита. Въ послѣдующихъ своихъ изданіяхъ Липсіи до нѣкоторой степени ослабилъ свое мнѣніе и видоизмѣнилъ его, отказавшись непремѣнно считать авторомъ Діалога Квинтилиана (хотя въ заглавіи сочиненія постоянно удерживалъ: *Fabii Quintilliani, ut videtur, dialogus*), равно какъ и нашедши болѣе удобнымъ употребить въ заглавіи выраженіе *Tacito vulgo inscriptus* вмѣсто *falso inscriptus*, какъ это было имъ употреблено въ первомъ, Антверпенскомъ изданіи (1574), и даже заключивъ свой, надѣлавшій столько шуму, походъ противъ принадлежности Діалога Тациту совѣтъ уже иного тона фразою: *mibi non liquere*. Но все-таки, при его огромномъ авторитетѣ въ филологическомъ мѣрѣ, ему удалось произвести въ вопросѣ о *Dialogus de oratoribus* тотъ переворотъ, съ которымъ мы должны считаться до настоящей минуты.

Какъ бы, однако, ни было велико значеніе Липсіа, необходимо предположить, что въ его заявленіи противъ принадлежности Діалога Тациту должны были находиться очень сильныя основанія, коль

скоро его мнѣніе могло получить силу въ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ періодовъ въ исторіи классической филологіи, въ вѣкъ Іосифа Скалигера, Питу, Казобона и ихъ современниковъ какъ во Франціи, такъ и въ Голландіи. Какія же это были основанія?

Такъ какъ хронологическое соображеніе Липсія, будто въ шестой годъ правленія Веспасіана, когда происходилъ разговоръ объ ораторахъ, Тацитъ, начавшій при Веспасіанѣ же государственную карьеру, не могъ быть „*juvenis admodum*“ (какъ говоритъ о себѣ авторъ Діалога), не выдерживаетъ никакой критики, то существеннымъ основаніемъ его заявленія слѣдуетъ считать собственно одно: именно, что слогъ Діалога до того не похожъ на другія сочиненія Тацита, что чрезвычайно трудно допустить, чтобы и *Dialogus de oratoribus*, и историческія сочиненія, несомнѣнно принадлежація Тациту, были писаны однимъ лицомъ. На возраженіе, что слогъ писателя мѣняется съ его лѣтами и содержаніемъ сочиненій, Липсій отвѣчаетъ, что мѣняется, но никогда въ такой степени, чтобы былъ совершенно не похожъ на себя, и приводитъ въ примѣръ Цицерона, во всѣхъ сочиненіяхъ котораго, когда бы они ни были писаны и какого бы ни были содержанія, всегда остается извѣстная черта одного и того же писателя. Такъ же точно,—прибавляетъ онъ,—бываетъ и со всѣми другими писателями ¹⁾).

Выдвинутый Липсіемъ аргументъ по существу своему такъ силенъ и высказанъ онъ былъ такъ рѣшительно и такимъ знатокомъ Тацита, что современникамъ знаменитаго голландскаго филолога оставалось только согласиться съ нимъ, если никто изъ нихъ не хотѣлъ взяться за кропотливую работу подробнаго изслѣдованія языка Тацита и посредствомъ подробнаго стилистическаго сличенія Діалога съ другими сочиненіями Тацита привести въ точную извѣстность, на сколько вѣрно увѣреніе, будто языкъ автора Діалога нисколько не похожъ на языкъ несомнѣнныхъ сочиненій Тацита. Но такія работы были не

¹⁾ Хотя относящееся сюда мѣсто Липсія приведено въ подлинникѣ въ моей книгѣ о Тацитѣ (Тацитъ и его сочиненія, С.-Пб., 1861, глава III), однако его необходимо привести буквально и въ наслономъ случаѣ: „*Stilus valide abnuit, non fallax in hoc genere argumentum. Qui in nostro (у Тацита) constrictus ubique, teres, acutus et severus magis, quam lepidus: hic (въ Діалогѣ) omnia contra. At mutari is in aetate aut argumento potest, inquit. Non nego, sed numquam ita, ut abeat prorsus a sese. Quidquid Cicero scripsit, senex, juvenis, philologum, philosophum, in iis tamen lineamenta quaedam apparent ejusdem viri et vultus. Nec aliter fit in omnibus nobis*“.

въ духѣ XVI и XVII столѣтій, и потому почти всѣми было признано, что *Dialogus de oratoribus* не принадлежит Тациту. Въ числѣ немногихъ, не согласившихся съ Липсіемъ и желавшихъ остаться вѣрными преданію о принадлежности Діалога Тациту, былъ такой столпъ филологіи, какъ Питу (Pithoeus), на возраженія котораго и указываетъ Липсій въ своемъ заявленіи ¹⁾. Не раздѣляли мнѣнія Липсія и *princeps philologorum* Іосифъ Скалигеръ, какъ и крупный англійскій филологъ Додуэль, но такъ какъ ни Питу, ни Скалигеръ, ни Додуэль сами не изслѣдовали Тацита, а Липсій дѣлалъ одно изданіе за другимъ, то неудивительно, что возрѣніе Липсія, по отношенію къ Діалогу Тацита, стало почти общимъ возрѣніемъ. Разница въ мнѣніяхъ ученыхъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій заключалась только въ томъ, что одни изъ нихъ, не смотря на колебаніе самого Липсія, продолжали считать авторомъ этого сочиненія Квинтилиана, другіе готовы были видѣть его въ лицѣ Плинія Младшаго, даже Светонія, а нѣкоторые не находили ничего лучшаго, какъ приписать это сочиненіе самому Куріатію Матерну, личность котораго составляетъ центральную фигуру въ Діалогѣ. Несостоятельность подобныхъ, совершенно произвольныхъ, мнѣній ²⁾ была такъ велика и очевидна, что ни одно изъ нихъ, кромѣ мнѣнія объ авторствѣ Квинтилиана, давно уже не находитъ послѣдователей, а старая теорія принадлежности Діалога Квинтилиану, блистательно опровергнутая, безъ малаго сто лѣтъ тому назадъ, первокласснымъ знатокомъ

¹⁾ „Sed exemplaria omnia Tacito adserunt. Quae illa? Vix bina aut terna credo ea esse in omni Europa, quae tam facile et pronum est hic mentiri, quam in aliis libris saepe. Sed etiam Pomponius Sabinus. Ita enim politissimus doctissimusque Pithoeus nos docuit notis ad hunc libellum. Is igitur Sabinus mediae aetatis grammaticus in carmine de obitu Maccenatis: Cornelius, inquit, Tacitus appellat scripta Maccenatis calamistros. Nec negare certe possumus, quin is locus hodieque in hoc libello exstet. Quid dicam? Serio et ingenue, nihil me credere huic ignobili Sabino, qui ex vetero verbo somniavit fortasse, quod voluit. Dico me, nam aliis nihil praeco, quid sequantur“. Последняя фраза указываетъ, что Липсій не былъ глубоко увѣренъ въ своей правотѣ, отрицая важность свидѣтельства рукописей и цитаты Помпонія Сабина изъ Діалога, какъ сочиненія Тацита.

²⁾ На представителей этихъ мнѣній я указывалъ въ своей книгѣ о Тацитѣ. Подробнѣе объ этомъ рѣчь идетъ у Экштейна въ его *Prolegomena in Taciti qui vulgo fertur Dialogum de oratoribus* (Halle, 1835), p. 41 сл., а затѣмъ у Вейнхауфа въ его интересной книгѣ *De Tacito Dialogi qui de oratoribus inscribitur auctore*, 2 изд. (Köln, 1881, p. XIV сл.).

Квинтилианова стили, издателемъ его текста Шпальдингомъ, нашла въ наше время себѣ защитника въ лицѣ лишь чешскаго ученаго д-ра Роберта Новака, о существованіи двухъ разсужденій котораго ¹⁾ на эту тему мы узнаемъ изъ введенія г. Петерсона къ его изданію Діалога. Упорѣе всего изъ Липсіевой эпохи держалась и даже до настоящей минуты держится простая точка зрѣнія, что *Dialogus de oratoribus* не принадлежитъ Тациту, и что кто авторъ этого сочиненія, неизвѣстно.

Итакъ, Липсіей, отвергая въ данномъ случаѣ такой важный фактъ, какъ твердое рукописное преданіе, противопоставилъ ему, нисколько, впрочемъ, не заботясь объ его опроверженіи, лишь свое соображеніе, что слогъ Діалога не есть слогъ Тацита. Еслибы онъ высказалъ это соображеніе не въ послѣдней четверти XVI, а въ послѣдней четверти XIX столѣтія, то его заявленіе получило бы только тогда значеніе, когда оно появилось бы въ обстановкѣ длиннаго ряда доказательствъ, примѣровъ, сравненій и вообще имѣло бы видъ соображенія, подтвержденнаго фактически. Но три вѣка тому назадъ научные приемы были другіе, и мнѣніе большаго авторитета могло быть принято другими и безъ подробныхъ доказательствъ. Съ другой стороны, и противники Липсія, какъ Питу, также не сочли нужнымъ прибѣгать къ фактическому подтвержденію своихъ возраженій при помощи подробнаго разбора языка Тацита, и путемъ сравненій слогъ и выраженій Діалога съ историческими сочиненіями автора доказать что это въ основѣ своей языкъ не разныхъ, а одного и того же писателя. На эту почву строгихъ филологическихъ изслѣдовацій вопросъ былъ перенесенъ лишь въ нашемъ столѣтіи.

Забудемъ, однако, на время о Липсіѣ и его послѣдователяхъ и представимъ себѣ, что не было сдѣлано никакихъ возраженій противъ принадлежности *Dialogus de oratoribus* Тациту, которому это сочиненіе приписывается рукописями. Чѣмъ же мы, однако, можемъ подтвердить эту принадлежность, кромѣ рукописей? Прежде всего, нѣтъ ли на это сочиненіе ссылокъ у самого Тацита или у другихъ древнихъ писателей?

Ссылокъ у Тацита на *Dialogus de oratoribus* нѣтъ; у другихъ писателей прямыхъ ссылокъ мы также не находимъ. Но есть одно мѣсто у Плинія Младшаго, именно въ писемѣ его къ Тациту (Ep., IX, 10),

¹⁾ Muže-li Tacitus pokladan býti za puvodce dialogu de oratoribus?—Možno-li, aby byl kdo jiný skladatelem dialogu de oratoribus než Quintilian? 1890.

гдѣ онъ припоминаетъ своему другу *eo munitie*, что „поэтическія произведенія всего удобнѣе слагаются среди лѣсовъ и роцъ“ ¹⁾. Дѣйствительно, такое заявленіе съ употребленіемъ тѣхъ же самыхъ словъ дѣлается въ Діалогѣ отъ лица Апра (глава 9) ²⁾ и затѣмъ воспроизводится въ возраженіи Матерна (глава 9) ³⁾. Конечно, нельзя непремѣнно утверждать, что Плиній здѣсь имѣетъ въ виду именно указанныя мѣста въ Діалогѣ, а не какое либо заявленіе Тацита, сдѣланное въ дружеской бесѣдѣ или въ письмѣ къ Плипію, по положительности ссылки на опредѣленные слова и на опредѣленное выраженіе Тацита, какія мы находимъ прямо въ *Dialogus de oratoribus*, заставляетъ думать, что Плиній имѣлъ въ виду не словесное или просто письменное, а литературное заявленіе друга.

Далѣе, если *Dialogus* есть сочиненіе Тацита, то у него должна быть какая нибудь внутренняя связь съ другими сочиненіями того же автора. Въ чемъ проявляется эта связь, это внутреннее родство, которое непремѣнно должно связывать сочиненія, вышедшія изъ-подъ пера одного и того же автора, хотя бы въ очень разное время, и хотя бы имѣющія различное содержаніе?

Она проявляется въ очень многихъ мѣстахъ въ сходствѣ сужденій объ ораторахъ, о воспитаніи юношества, въ общности характеристикскихъ чертъ міровоззрѣнія и нравственнаго настроенія, въ стремленіи сравнивать настоящее съ прошедшимъ, въ любви къ свободѣ, которая проходитъ черезъ всѣ сочиненія Тацита. Эти и подобныя черты внутренняго родства Діалога съ другими сочиненіями Тацита были тщательно прослѣжены и указаны А. Г. Ланге въ его прекрасной статьѣ: подъ заглавіемъ: *Dialogus de oratoribus Tacito vindicatus*, которая, появившись сначала еще въ 1811 г. въ *Acta semin. reg. et societatis philol. Lips.* (I, 78) ⁴⁾, вошла въ изданіе Діалога, сдѣланное Дронке (Кобленцъ, 1828) и затѣмъ въ „*Vermischte Schriften*“ самого Ланге (Лейпцигъ, 1832). Ланге же, — слѣдуетъ прибавить, — принадлежитъ и первое указаніе на сходство мыслей и выраженій Діалога о поэтическомъ творчествѣ съ тѣмъ, что припи-

¹⁾ *Itaque poemata quiescunt, quae tu inter nemora et lucos commodissime putas.*

²⁾ *Adice, quod poetis, si modo dignum aliquid elaborare et efficere velint, in nemora et lucos, id est in solitudinem secedendum est.*

³⁾ *Nemora vero et luci et secretum ipsum, quod Aper increpabat, tantam mihi afferunt voluptatem etc.*

⁴⁾ См. у *Вейнкунста*, р. XVI.

сывается въ этомъ отношеніи Плиніемъ въ вышеуказанномъ письмѣ къ Тациту. Черты, указывающія на одинаковость политическихъ, нравственныхъ, литературныхъ и педагогическихъ воззрѣній автора Діалога съ авторомъ *Азрикомъ*, *Германіи*, *Исторій* и *Лѣтописи*, правда, довольно общаго характера и могутъ встрѣчаться у другихъ писателей, но въ своей совокупности и въ характерѣ ихъ выраженія онѣ настойчиво говорятъ о Тацитѣ. Для примѣра можно указать на мысль, проведенную въ одинаковыхъ чертахъ въ *Dialogus* (гл. 12) и въ *Annales* (гл. 26), о томъ, что въ глубокую старину, называемую золотымъ вѣкомъ, люди, не зная преступленій, не нуждались въ адвокатскомъ краснорѣчій для своей защиты, и что судебное краснорѣчіе вызвано порожденіемъ дурныхъ нравовъ. *Nam lucrosae hujus et sanguinantis eloquentiae usus recens et malis moribus natus atque, ut tu dicebas, Aper, in locum teli repertus. Ceterum felix illud et, ut more nostro loquar, aureum saeculum, et oratorum et criminum inops, poetis et vatibus abundabat, qui bene facta canerent, non qui male admissa defenderent.* Такъ говоритъ авторъ Діалога. *Vetustissimi mortalium, nulla adhuc libidine, sine probro, scelere, eoque sine poena aut coercionibus agebant; neque praemiis opus erat, cum honesta sнопте ingenio peterentur; et ubi nihil contra morem cuperent, nihil per metum vetabantur.* Такъ говоритъ авторъ *Лѣтописи*. Не смотря на то, что сообразно особому ходу того и другаго сочиненія, авторъ Діалога, какъ и авторъ *Лѣтописи*, касается золотаго вѣка и происхожденія краснорѣчія въ каждомъ изъ нихъ совершенно независимо, нельзя не чувствовать, что тѣ и другія строки дышатъ однимъ духомъ, носятъ печать одной авторской личности, одного пера. Если духовное родство этихъ мѣстъ и подобныхъ имъ ¹⁾ не кажется вполне яснымъ и несомнѣннымъ, то можно найти такія мѣста въ Діалогѣ и въ другихъ сочиненіяхъ, происхожденіе которыхъ отъ одного автора наказывается нашему уму само собою. Это можно прямо сказать о нѣкоторыхъ сентенціяхъ, повторяющихся на разные лады у Тацита и въ одномъ, и въ другомъ, а иногда и въ третьемъ сочиненіи. Такова сентенція о томъ, что не слѣдуетъ хвалить только прошлое, стараясь не видѣть ничего хорошаго въ настоящемъ. Въ Діалогѣ (гл. XVIII) на эту тему гово-

¹⁾ См. указаніе мѣстъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ отличаютъ цѣли, у *Ланге* въ *Vermischte Schriften*, р. 8 слд., а также у *Вейнкауфа*, 20 стр. 2-го изд. (10 стр. 1-го).

рится: *Nec statim deterius esse, quod diversum est, vitio autem malignitatis humanae vetera semper in laude, praesentia in fastidio esse.* Въ *Литониси* (II, 88) то же самое выражается словами: *dum vetera extollimus recentium incuriosi.* Половину этой мысли Тацитъ еще раньше, чѣмъ въ *Литониси*, выразилъ въ *Агриколѣ*, въ самомъ началѣ сочиненія (гл. 1) словами: *quamquam incuriosa suorum aetas.* Если, наконецъ, и такія совпаденія не убѣждаютъ насъ въ существованіи внутренняго родства между *Диалогомъ* и другими сочиненіями Тацита, то можно ли спорить противъ того, что Матернъ въ своей рѣчи, начиная съ 38-й главы, выражалъ прямо Тацитовскую мысль, что время республиканской вольности прошло, и что принцепать, водворившій въ государствѣ миръ, есть дѣло исторической необходимости, съ которою нужно помириться? Когда въ *Диалогѣ* (гл. 40) мы читаемъ: *nostra quoque civitas, donec erravit, donec se partibus et dissensionibus et discordiis confecit, donec nulla fuit in fororibus, nulla in senatu concordia, nulla in judiciis moderatio, nulla superiorum reverentia, nullus magistratuum modus, tulit sine dubio valentorem eloquentiam; sed nec tanti rei publicae Gracchorum eloquentia fuit, ut pateretur et leges, nec bene famam eloquentiae Ciceroni tali exitu pensavit,* то въ этихъ словахъ заключается не одна иронія надъ тѣмъ, что было прежде и что теперь, какъ и въ раньше (гл. 38) сказанныхъ Матерномъ словахъ: *postquam longa temporum quies et continuum populi otium et assidua senatus tranquillitas et maxime principis disciplina ipsam quoque eloquentiam sicut omnia depracaverat,* но и ясное признаніе, что теперешнее положеніе дѣла есть результатъ прошлаго, созданный необходимостью водворенія мира въ раздиравшемся борьбою партій государствѣ. Мы называемъ эту мысль *Тацитовскою* потому, что никто не только изъ древнихъ, но и изъ новыхъ писателей не формулировалъ ее съ такою отчетливостью, какъ Тацитъ, который, приступая къ *Исторіямъ*, прямо говоритъ (гл. 1): *omnem potestatem ad unum conferri pacis interfuit,* и затѣмъ влагаетъ въ уста Гальбы, усыновляющаго Пизона, такое заявленіе (*Hist. I, 16*): *nunc eo necessitatis jam pridem ventum est, ut nec mea senectus conferre plus populo Romano possit, quam bonum successorem, nec tua plus juvena, quam bonum principem.*

Теперь умѣстно спросить: если эти сходныя по духу и по характеру выраженія съ разными мѣстами Тацитовскихъ сочиненій мысли *Диалога* принадлежатъ не Тациту, то кому же онѣ могутъ принад-

лежать? Исторія римской литературы не знаетъ такого писателя, который, не говоря о томъ, что могъ бы написать такое блестящее по идеѣ, по глубинѣ мысли и по мастерскому изложенію сочиненіе, подходилъ бы сколько нибудь къ хронологическимъ даннымъ, указываемымъ въ самомъ сочиненіи. Первый писатель, которымъ думали подмѣнить Тацита, есть Квинтиліанъ, писавшій, какъ это извѣстно изъ его собственныхъ словъ ¹⁾, трактатъ о причинахъ паденія краснорѣчія, чѣмъ въ сущности занимается и *Dialogus*. Но авторъ этого послѣдняго сообщаетъ, что передаваемый имъ разговоръ ораторовъ происходилъ въ 6-й годъ правленія Веспасіана ²⁾, и что онъ въ это время былъ очень молодымъ человѣкомъ ³⁾. Между тѣмъ Квинтиліанъ, учитель Плинія Младшаго и, вѣроятно, самого Тацита, имѣлъ въ 6-й годъ правленія Веспасіана, то-есть, въ 74 — 75 году по Р. Хр., около 45 лѣтъ отъ роду (род. около 80 по Р. Хр.) и не могъ въ своей юности быть ученикомъ Юлія Секунда, котораго, какъ и Анра, авторъ Діалога, по его словамъ (гл. 2), не только внимательно слушалъ въ судахъ, но и на дому, и сопровождалъ его въ общественныхъ мѣстахъ, *mirā studiorum cupiditate et quodam ardore juvenili*. Юлій Секундъ, какъ мы знаемъ изъ словъ самого Квинтиліана ⁴⁾, былъ ровесникъ знаменитаго автора книги „Объ ораторскомъ образованіи“, и, слѣдовательно, отношенія между ними, хотя и очень теплыя и дружескія, были другія, а не отношенія авторитетнаго учителя и жадно слушающаго ученика, о чемъ идетъ рѣчь въ *Dialogus de oratoribus*. Такимъ образомъ, Квинтиліанъ, за котораго даже вскорѣ пересталъ стоять самъ Липсій, и который совершенно былъ устраненъ, какъ авторъ *Диалога*, еще сто лѣтъ назадъ Шпальдингомъ, его первокласснымъ издателемъ (1798—1816), не можетъ быть никакимъ образомъ ⁵⁾

¹⁾ Inst. orat., VI, Prooem. 3; VII, 6, 76.

²⁾ Dialog., 17: *sextam jam felicitis hujus principatus stationem, qua Vespasianus rem publicam fovet*. Никакое другое толкованіе слова *stationem*, какъ въ смыслѣ года, немыслимо въ такой комбинаціи.

³⁾ Dial., 1: *Vix hercule auderem, si mihi mea sententia proferenda ac disertissimorum ut nostris temporibus hominum sermo repetendus esset, quos eandem hanc quaestionem pertractantes juvenis admodum audivi*.

⁴⁾ Inst. orat., X, 8, 12: *aequalem meum atque a me, ut notum est, familiariter amatum, mirae facundiae virum, infinitae tamen curae*.

⁵⁾ Мы уже не говоримъ о разницѣ содержанія потеряннаго сочиненія Квинтиліана съ *Dialogus*, разницѣ, достаточно ясной изъ ссылокъ Квинтиліана на свое сочиненіе. Inst. or., VIII, 8, 58; II, 4, 42; V, 12, 28.

авторомъ разсматриваемаго нами сочиненія ¹⁾. Если Квинтиліанъ былъ слишкомъ старъ для того, чтобы считаться во второй половинѣ правленія Веспасіана, при которомъ онъ открылъ въ Римѣ публичную школу риторики, *juvenis admodum*, то Плиній Младшій для роли, приписываемой себѣ авторомъ Діалога, былъ слишкомъ молодъ во время происходившаго между ораторами разговора; онъ былъ еще мальчикомъ тринадцати лѣтъ, который не былъ въ состояніи слѣдить за ходомъ столь серьезныхъ преній, ни, тѣмъ менѣе, передать ихъ впоследствии съ такою отчетливостью. Къ тому же намъ хорошо извѣстно, что учителями Плинія въ краснорѣчїи были Квинтиліанъ и Никита Жрецъ (*Nicetes Sacerdos*) ²⁾, а въ адвокатской практикѣ онъ искалъ живаго примѣра не въ М. Аурѣ и Юліѣ Секундѣ, а въ Тацитѣ ³⁾. Поэтому основаній для приписыванія Плинію такого сочиненія, какъ *Dialogus de oratoribus*, нѣтъ ровно никакихъ, кромѣ того, что оно написано для друга Плинія, Фабія Юста ⁴⁾, и нельзя удивиться, какъ съ легкой руки очень не важнаго нѣмецкаго ученаго Наста, сдѣлавшаго переводъ Діалога на отечественный языкъ (Галле, 1787), мнѣніе это могло держаться около полстолѣтія, пока не было опровергнуто Экштейномъ въ его очень серьезной диссертаци: „*Prolegomena in Taciti, qui vulgo fertur, Dialogum de oratoribus (Halls Saxonium, 1835)*“ ⁵⁾. Еще менѣе смысла выставлять авторомъ Діалога Светонія, который могъ только родиться въ тотъ годъ, когда происходилъ разговоръ, передаваемый въ этомъ сочиненіи, но говоря уже о томъ, что между сухимъ и дѣловымъ слогомъ Светонія и живымъ и блестящимъ языкомъ „Разговора объ ораторахъ“ нѣтъ ничего общаго. Уже совсѣмъ бессмысленно видѣть автора Діалога въ лицѣ Матерна, одного изъ собесѣдниковъ, въ уста которыхъ вложено все разсужденіе объ ораторахъ, коль скоро авторъ сочиненія

¹⁾ Только въ видѣ курьеза можно указать на попытку чешскаго ученаго Новака поднять снова теорію авторства Квинтиліана въ двухъ статьяхъ, приводимыхъ г. Петерсономъ.

²⁾ Ер., II, 14; IV, 6.

³⁾ Ер., VII, 20: *Equidem adolescentulus, cum jam tu fama gloriaque floreres, te sequi, tibi longo sed proximus intervallo et esse et haberi concupiscebam. Et erant multa clarissima ingenia; sed tu mihi (ita similitudo naturae ferebat) maxime imitabilis, maxime imitandus videboris.*

⁴⁾ Къ нему обращено у Плинія Ер., I, 11; см. также I, 5; VII, 2.

⁵⁾ См. ссылки на послѣдователей Наста и проч. въ книгѣ „Тацитъ и его сочиненія“, стр. 36—37.

называетъ себя ученикомъ Апра и Юлія Секунда, присутствовавшимъ при столь интересной бесѣдѣ въ качествѣ слушателя въ пору своей ранней юности. Такимъ образомъ, куда бы мы ни повернулись, мы нигдѣ не видимъ лица, сколько нибудь подходящаго по хронологическимъ даннымъ для того, чтобы быть авторомъ сочиненія, въ которомъ прямо и опредѣленно заявляется, что писавшій его передаетъ здѣсь разговоръ, происходившій въ 6-й годъ правленія Веспасіана, то-есть, въ 74—75 г. по Р. Хр., когда онъ былъ еще *juvenis admodum*: мы видимъ, что эти хронологическія данныя идутъ только къ Тациту, къ тому лицу, которому сочиненіе приписывается рукописнымъ преданіемъ, и которому оно, дошедшее до насъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями Тацита, всего болѣе можетъ принадлежать по внутреннему родству, то-есть, по родству идей политическихъ, философскихъ, литературныхъ, педагогическихъ, съ какими мы знакомы по другимъ сочиненіямъ великаго историка. Тацитъ родился, какъ извѣстно, не раньше 53—54 г. по Р. Хр.¹⁾ и имѣлъ, слѣдовательно, въ 74—75 г. по Р. Хр. не болѣе 20—22 лѣтъ отъ роду, что ему, старавшемуся образоваться для ораторскаго поприща въ обществѣ извѣстнѣйшихъ ораторовъ, давало право назвать себя *juvenis admodum*²⁾.

Остается теперь вопросъ о слогѣ. *Dialogus de oratoribus*, приписываемый Тациту рукописями, въ которыхъ онъ дошелъ до насъ, и при томъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями Тацита, имѣющій родство съ этими послѣдними по идеямъ и взглядамъ, не встрѣчающій никакихъ хронологическихъ препятствій къ тому, чтобы быть сочиненіемъ Тацита, можетъ ли быть приписанъ ему по языку, представляющемуся столь различнымъ отъ безспорныхъ сочиненій великаго историка?

Разница между тѣмъ слогомъ, какимъ писанъ Діалогъ, и тѣмъ,

¹⁾ См. соображенія о годѣ рожденія Тацита въ книгѣ „Тацитъ и его сочиненія“, стр. 5 слд.

²⁾ Въ *Agricola*, 7, Тацитъ называетъ *juvenis admodum* восемнадцати-лѣтняго Домиціана; это же выраженіе историкъ употребляетъ для обозначенія раннихъ занятій философій со стороны Гельвидія Приска, имѣя въ виду подобный же возрастъ; Цицеронъ прилагаетъ выраженіе *adolescens admodum* (*De off.*, II, 13, 14) къ Л. Крассу, когда ему шелъ 21-й годъ. Веллей Патеркулъ прилагаетъ выраженіе *admodum juvenis* къ Кесарю, когда ему шелъ 24-й годъ. Примѣры эти я цитую по Петерсону, р. XV. Раньше они собраны были Экштейномъ и Вейнхауфомъ.

какимъ писаны историческія сочиненія Тацита, безспорно очень значительна, хотя далеко не такова, какую представлялъ ее себѣ Липсій, заявлявшій, что между слогомъ Діалога и историческими сочиненіями Тацита нѣтъ ничего общаго (*hic omnia contra*). Значительною разица эта и не могла не быть: вопервыхъ, потому что содержаніе Діалога составляетъ литературная бесѣда, которая требуетъ совсѣмъ другаго изложенія, чѣмъ историческое повѣствованіе; вонторыхъ, потому, что Діалогъ писанъ Тацитомъ въ молодые годы, когда онъ былъ не историкомъ, а ораторомъ, и когда онъ находился подъ вліяніемъ школы, требовавшей отъ хорошаго оратора изученія классическихъ образцовъ краснорѣчія и слѣдованія рѣчи Цицерона, а не Сенеки. Къ этому нужно прибавить, что между написаніемъ сочиненія, трактовавшаго, въ формѣ бесѣды между представителями краснорѣчія, о причинахъ упадка этого послѣдняго, и появленіемъ въ свѣтъ даже перваго изъ историческихъ сочиненій, жизнеописанія Агриколы, прошелъ значительный періодъ времени, приблизительно въ десять лѣтъ, если не болѣе, не говоря о послѣднемъ сочиненіи этого рода, *Литописи*, первая книга которой писалась по крайней мѣрѣ, тридцать лѣтъ спустя послѣ написанія Діалога. Въ прошлое время совсѣмъ не обращали вниманія на то, что слогъ Тацита далеко не одинаковъ въ сочиненіяхъ, которыхъ у него никто не осматривалъ, а что онъ, чтобы сдѣлаться „*constrictus ubique, teres, acutus et severus magis quam lepidus*“, какъ опредѣляетъ его Липсій, прошелъ разныя стадіи, пока не достигнулъ въ *Литописи* той силы, своеобразности и смѣлости, которыя составляютъ вполнѣ характеристическую особенность Тацитовскаго стиля.

Это послѣдовательное развитіе языка Тацита было систематически прослѣжено Эд. Вольфлиномъ еще въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ ¹⁾ и въ настоящее время составляетъ фактъ, который сталъ уже достояніемъ науки.

Что разица предмета обуславливаетъ стилистическую разицу у одного и того же писателя, это—вещь совершенно естественная, понятная и безспорная. Самому Липсію не разъ указывали на то, что и онъ въ разныхъ случаяхъ писалъ различнымъ образомъ. Да Липсій и не отвергалъ, повидимому, того, что иначе и быть не можетъ, что разный сюжетъ, какъ и разный возрастъ писателя, измѣняютъ слогъ писателя. Онъ стоялъ только на томъ, что переѣмна

¹⁾ См. *Philologus*, XXIV—XXVII.

эта не можетъ доходить до такой степени, чтобы въ одномъ и другомъ сочиненіи одного и того же писателя не было слѣдовъ сходства въ слогѣ, *nunquam ita, ut (stilus) abeat prorsus a sese*. Доказательствомъ для него служить Цицеронъ, въ сочиненіяхъ котораго, о чемъ бы онъ ни писалъ, всегда сохранялись слѣды того же самаго писателя, *lineamenta apparent ejusdem viri et vultus*. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ. Какъ бы ни были различны по предмету чьи либо сочиненія, личность автора должна въ нихъ отражаться, такъ какъ сущность ея всегда остается и неизбѣжно налагаетъ свою печать на многое и прежде всего на способъ выраженія. Какъ бы слогъ его ни видоизмѣнялся, невозможно, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ въ способѣ выраженія переставалъ быть самимъ собою, когда обращался къ другому предмету, хотя бы на далекомъ разстояніи по отношенію къ времени. Вопросъ только вотъ въ чемъ: правда ли, что между Діалогомъ и историческими сочиненіями Тацита нѣтъ никакой стилистической связи? Мы увидимъ, что это не правда, и что одно и то же лицо могло быть и авторомъ Діалога, и авторомъ *Африкомы*, *Германіи*, *Исторій* и *Лѣтописи*. Но предметъ, которымъ этотъ авторъ занимался въ Діалогѣ, а главное—діалогическій методъ его изслѣдованія несомнѣнно требовали другой манеры изложенія, чѣмъ какая свойственна историческимъ сочиненіямъ. Языкъ разговора—одинъ, языкъ историческаго изложенія—другой. „Можно ли представить себѣ,—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ издателей Діалога,—запальчиваго Апра, мудраго Мессалу и энтузіаста Матерна, спорящихъ на языкѣ *Исторій* и *Лѣтописи*, полномъ, безъ сомнѣнія, блеска, но черезчуръ сжатомъ и тонкомъ?“¹⁾ И въ самомъ дѣлѣ, еслибы даже Тацитъ и въ то время, когда былъ писалъ Діалогъ, владѣлъ своимъ характеристическимъ стилемъ для историческаго жанра, *Dialogus de oratoribus* необходимо представлялъ бы собой нѣчто особенное, онъ былъ бы писанъ языкомъ разговора, хотя бы авторъ и не задался намѣреніемъ передать рѣчь каждаго изъ собесѣдниковъ „*isdem numeris, isdem rationibus*“, по его выраженію. Тѣмъ болѣе разницы между языкомъ Діалога и историческихъ сочиненій Тацита должно было быть потому, что первый есть произведеніе еще молодыхъ лѣтъ автора и относится къ эпохѣ, когда и занятія автора, и литературное призваніе его были совсѣмъ другія.

Въ то время, когда происходила въ комнатѣ Матерна описываемая

¹⁾ *Goelzer*, Введеніе къ изданію, р. XXVIII.

въ *Dialogus de oratoribus* бесѣда между М. Апромія, Юліемъ Секундомъ, Випстаномъ Мессалой и хозяиномъ о положенія въ Римѣ краснорѣчія и причинахъ его несомнѣннаго упадка, Тацитъ былъ занятъ тѣмъ, чтобы выработать изъ себя наилучшаго оратора, такъ какъ краснорѣчіе и въ первый вѣкъ имперіи, какъ то было въ республикѣ, было наилучшимъ средствомъ проложить дорогу къ значительному положенію въ отечествѣ и государствѣ. Для практическаго ознакомленія съ жизнью форума и съ приемами ораторскаго искусства онъ избралъ себѣ, какъ это было принято въ республикѣ и какъ рекомендовалось лучшимъ изъ тогдашнихъ учителей риторики, Квинтилианомъ ¹⁾, въ руководители двухъ выдающихся адвокатовъ, именно М. Апра и Юлія Секунда, которыхъ онъ постоянно слушалъ въ судахъ, къ которымъ приходилъ на домъ и шелъ вмѣстѣ съ ними, когда они показывались въ публикѣ, и все это для того, чтобы не только знать, какъ хорошіе ораторы говорятъ на форумѣ, но и какъ они говорятъ и спорятъ дома, какъ, наконецъ, они готовятся къ произнесенію рѣчей на форумѣ домашнею ихъ, такъ сказать, репетиціей ²⁾. Такимъ образомъ, авторъ Діалога является предъ нами прежде всего въ качествѣ юноши, стремящагося усвоить чужую ораторскую рѣчь, способы выраженія главныхъ представителей судебного краснорѣчія, при чемъ собственный стиль его, не только стиль историческихъ или другихъ сочиненій, но и ораторскій стиль былъ еще впереди. Не довольствуясь, однако, практическимъ образованіемъ для адвокатской и вообще ораторской дѣятельности, онъ старался выяснитъ себѣ и теорію наиболѣе совершеннаго ораторскаго искусства, на что указываетъ и крайне внимательное отношеніе его къ той поучительной бесѣдѣ, которую онъ передаетъ въ своемъ сочиненіи. Представителемъ же высшаго пониманія требованій ораторскаго образованія былъ въ то время Квинтилианъ, который въ своей риторской школѣ, содержавшейся при поддержкѣ государства, проповѣдывалъ, что всего болѣе слѣдуетъ изучать Цицерона, что онъ именно долженъ быть образцомъ для оратора ³⁾ и можетъ для изучающихъ его быть какъ вѣрною гарантіей достиженія истиннаго ораторскаго образованія, такъ и средствомъ

¹⁾ *Inst. orat.*, X, 5, 19: oratorem sibi aliquem, quod apud majores fieri solebat, deligat, deligat, quem sequatur, quem imitetur.

²⁾ *Dial.* 2: ... ut fabulas quoque eorum et disputationes et arcana semotae dictionis penitus exciperem.

³⁾ *Inst. orat.*, X, 1, 112: Hunc igitur spectemus, hoc propositum nobis sit exemplum, ille se profecisse sciat, cui Cicero valde placebit.

устраненія того извращеннаго подѣ влияніемъ Сенеки краснорѣчія¹⁾, которымъ заражены современные ораторы. Мы не знаемъ, посѣщаль ли Тацитъ школу Квинтилиана, но знаемъ навѣрное, что принципы, которыхъ держался Квинтилианъ въ ученіи объ ораторскомъ образованіи, нашли въ немъ равностнаго послѣдователя. Объ этомъ намъ ясно говорятъ два факта: во первыхъ, то, что Плицій Младшій, воспитанникъ Квинтилиановой школы, избралъ себѣ въ руководители на ораторскомъ поприщѣ не кого другаго, какъ Тацита²⁾; повторныхъ, то, что *Dialogus de oratoribus* обнаруживаетъ ближайшее знакомство съ сочиненіями Цицерона, не только съ рѣчами, но и съ сочиненіями философскими и особенно съ риторическими, и писанъ тѣмъ правильнымъ, расчлененнымъ и красивымъ языкомъ, который есть не что иное, какъ вольное и невольное подражаніе Цицероновской рѣчи. Въ три послѣднихъ десятилѣтія языкъ сочиненій Тацита и въ частности Діалога до того разработанъ, что мы теперь знаемъ въ подробности, что въ этомъ послѣднемъ сочиненіи принадлежитъ влиянію Цицерона, что языку серебряной латыни. Этому вопросу была посвящена даже специальная работа г. Людовикомъ Клейберомъ подѣ заглавіемъ: „*Quid Tacitus in Dialogo prioribus scriptoribus debeat*“ (dissert. inaug. etc., Halis Saxonium, 1883), работа, которая обязана своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ необыкновенно тщательнымъ изслѣдованіямъ Тацитовскаго языка, сдѣланнымъ Франц. Вейнкауфомъ въ той части его, уже не разъ упомянутаго нами, труда (*De Tacito Dialogi, qui de oratoribus inscribitur auctore*), которая озаглавляется: *Index comparativus*³⁾.

Клейберъ прежде всего по порядку отдѣльныхъ главъ Діалога приводитъ одно за другимъ выраженія, частію заключающія въ себѣ прямыя повторенія Цицероновыхъ, частію указывающія на то, что тѣ же самыя слова въ Діалогѣ, какъ и въ сочиненіяхъ Цицерона, употреблены въ томъ же смыслѣ и въ томъ же сочетаніи, частію

¹⁾ Ibid., 125: *Corruptum et omnibus vitiis fractum dicendi genus revocare ad severiora iudicia contendo.*

²⁾ Ер., VII, 20; мѣсто приведено выше.

³⁾ Трудъ Вейнкауфа появился первоначально въ двухъ осеннихъ программахъ Кельнской гимназіи 1857 и 1859 гг. Затѣмъ онъ вышелъ въ увеличенномъ болѣе чѣмъ на цѣлую треть выдѣ въ 1881 г. также въ Кельнѣ (*Editio nova atque aucta*). Въ прибавленной части на 170 страницахъ рассмотрѣны: Исторія спора объ авторѣ Діалога; содержаніе и планъ, цѣль и время появленія сочиненія; стиль и языкъ оратора и историка.

совершенно одинаково построенныя, такъ что само собою бросается въ глаза очевидное подражаніе языку и стилю Цицерона. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Dial., 4: *agitare et insequi*, Cic. pro Mur. 9, 21: *agitet et insectatur*; Dial., 5: *eloquentiam virilem et oratoriam*, De orat., I, 54, 231: *orationem-oratoriam—fortem et virilem* (cp. Acad., I, 8, 31); D., 5: *complecti provincias*, Att., 16, 15, 3: *ut adolescentem totamque causam manumque veteranorum complecterer*; D., 6: *in summa omnium rerum abundantia*, Brut., 93, 320: *in omnium rerum abundantia*; D., 6: *accuratam meditatamque orationem*, De orat., I, 60, 257: *accuratae et meditatae commentationes*; D., 9: *versus Basso domi nascuntur*, Att., I, 19, 3: *cum haec mihi domi nascuntur* (cp. Fam., IX, 32; Acad., II, 25, 86); D., 19: *si quis dicendo diem eximeret*, Quint. frat., II, 1, 3: *Clodius dicendo diem eximere coepit*, D., 19: *elementis studiorum etsi non instructus, at certe imbutus*, De or., II, 39, 162: *et doctrina institutus et aliquo jam usu imbutus* (cp. Or. 49, 165), D., 21: *equidem fatebor vobis—me in quibusdam—vix risum, in quibusdam vix somnum tenere*, Brut., 85, 293: *equidem in quibusdam vix risum tenebam*, 80, 278: *somnum isto loco vix tenebam*; D., 21: *nec voluntatem ei,—sed ingenium ac vires defuisse*, De or., I, 25, 113: *neque vero istis rationem dicendi, sed naturam defuisse*; D., 21: *orationes—redolent antiquitatem*, Brut., 21, 82: *orationes—redolentes magis antiquitatem*; D., 24: *cum praesertim centum et viginti annos...*, Or. 9, 32: *cum praesertim fuisset honoratus et nobilis*, Brut. 67, 267: *M. Bibulus—cum praesertim non esset orator*; D., 25: *judicium animi sui detexit*, 27: *judicium animi proferre*, De or., II, 89, 363: *judicium animi mei comprobari*; D., 26: *malim Bacchi impetum, quam calamistros Maecenatis*, Brut., 75, 262: *qui volent illa calamistris inurere*; D., 28: *omnis ejusdem familiae suboles*, Phil., II, 22, 54: *omnem subolem juventutis* (cp. Off., I, 17, 54, Fam., 10: 33, 1); D., 30: *oratoris vis et facultas*, De or., I, 31, 142: *oratoris omnis vis et facultas*; D. *oratores, quorum infinitus labor*, De or., I, 1, 1: *infinitus forensium rerum labor*; D., 31: *haec est enim oratori subjecta ad dicendum materia*, De or., II, 27, 116: *ad probandum oratori subjecta materies* (cp. I, 46, 201); D., 31: *nisi qui cognovit naturam humanam et vim virtutum*, De or., I, 12, 53: *nisi qui naturas hominum vimque omnem humanitatis... perspexerit*; D., 31: *alios fusa et aequabilis oratio magis delectat*, De or., II, 15, 64: *genus orationis fusum et cum lenitate quadam aequabili profluens*; D., 31: *incidunt enim causae... plurimae*, Fam., IX, 16, 4: *incidunt autem multa, duae...*; D., 32: *circumcisa et amputata*. De or., I, 15, 65: *cir-*

cumcidat et amputet (ср. Fin., V, 14, 39, I, 13, 44: Acad., II, 45, 38; D., 35... rem cogitarent, nihil humile vel abjectum eloqui poterat, Fin., V, 21, 57: nihil humile, nihil abjectum cogitarant (Or., 57, 192); D., 40: nostra quoque civitas... tulit sine dubio valentio rem eloquentiam, Tusc., I, 42, 101: tales innumerabiles nostra civitas tulit ¹⁾).

Далѣе, Тацитъ заимствовалъ у Цицерона не только отдѣльныя слова и сочетанія словъ, но и метафорическія выраженія и образы. Такъ, напримѣръ, Dial., 6: nam ingenio quoque, sicut in agro, De or., II, 30, 131: subacto ingenio opus est, ut agro (ср. Or., 15, 48 и въ др. м.); D., 18: juvenes ut in ipsa studiorum incude positi; De or., III, 39, 162: eandem incudem diem noctemque tudentibus; D., 34: nec deorant adversarii et aemuli ferro, non rudibus dimicantes, De opt. Gen. dic., 6, 17: Non enim in acie versatus et ferro, sed quasi rudibus ejus eludit oratio; D., 40: est magna eloquentia alumna licentiae, Brut., 12, 45: est... bene constitutae civitatis quasi alumna eloquentia; D., 40: sicut in domibus ager habet quasdam herbae laetitiores, Or., 15, 48: ut segetes fecundae et uberes non solum fruges, sed etiam herbas effundunt... sic interim ²⁾).

Даже употребленіе у Тацита и особенно въ Діалогѣ рядомъ двухъ однозначныхъ словъ, свойственное также Плинію Младшему и другимъ писателямъ той эпохи, какъ основательно замѣчаетъ Клейберъ, находитъ себѣ оправданіе въ Цицероновскомъ языкѣ. Ибо у Цицерона мы находимъ: Brut., 2: memoria et recordatio (какъ въ Dial., 1: memoria et recordatione opus est); De or., I, 172: tueri atque defendere; Verr., IV, 19, 41: metus ac timor; De or., III, 30, 120: conferunt et convertunt; II, 58, 234: extrudunt ei ejectione; III, 38, 154: gignuntur ac fiunt; III, 45, 177: formamus et fingimus и мн. д. ³⁾).

Какъ авторъ Діалога много и внимательно изучалъ Цицерона, доказывается не только заимствованіемъ у этого послѣдняго словъ и оборотовъ или подражаніемъ стилю Цицерона, но и нѣкоторыми другими пещами. И прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что самая форма Діалога та самая, какъ авторъ нашелъ ее у Цицерона, именно, распредѣливъ роли между собесѣдниками, самъ авторъ, хотя

¹⁾ Kleyber, p. 11—16.

²⁾ Ibid., p. 16—17.

³⁾ Ibid., p. 18. Цѣлый рядъ общихъ Цицерону и Тациту синонимовъ приводитъ Вейнкауфъ въ своемъ Index compar., p. 39 слѣд. (2-е изд.).

и скрытымъ образомъ, даетъ понять ¹⁾, съ кѣмъ изъ собесѣдниковъ онъ согласенъ, нигдѣ не вмѣшивается въ разговоръ, а только присутствуетъ при немъ и слушаетъ. Даже подробности постройки и изложенія сочиненія находятъ много соотвѣтствія въ Цицероновыхъ діалогахъ. Изъ многихъ, сгруппированныхъ Клейберомъ ²⁾, примѣровъ я позволю себѣ заимствовать слѣдующіе:

D., 1: Saepe ex me requiris..., cum priora saecula.

D., 1: Cui percontationi tuae respondero et tam magnae quaestionis pondus excipere vix auderem..., si mihi mea sententia proferenda ac non disertissimorum, ut nostris temporibus, hominum sermo repetendus esset. Ita non ingenio, sed memoria et recordatione opus est, ut quae a praestantissimis viris excogitata subtiliter et dicta graviter accipi... persequar.

D., 3: Igitur, ut intravimus cubiculum Materni, sedentem, ipsam quem pridie recitaverat librum inter manus habentem deprehendimus.

D., 5: Quis enim nescit, neminem mihi conjunctiorem esse et usu amicitiae et assiduitate contubernii, quam Salejum Bassum.

D., 28: Tum Messala: Non reconditas causas, nec aut tibi, aut huic Apro ignotas requiris.

D., 42: Ac simul assurgens Maternus... Cum adrisissent, discessimus.

Or., 1, 3: Quaeris igitur, idque jam saepius...

Or., 10, 35: Si sustinere tantam quaestionem non potero, injusti oneris impositi tua culpa sit. De or., 1, 2, 4: Ac mihi repetenda est veteris cujusdam memoriae recordatio non sane satis explicata, sed apta ad id, quod requiris, ut cognoscas, quae viri omnium eloquentissimi clarissimique senserint. De rep., I, 8, 13: Nec vero nostra quaedam est instituenda nova et a nobis inventa ratio, sed clarissimorum et sapientissimorum nostrae civitatis virorum disputatio repetenda memoria est.

De nat. deor., I, 7, 15: Nam cum feriis latinis ad eum venissem, offendi eum sedentem in exedra et cum Vellejo disputantem.

Acad., I, 1, 1: hominem nobiscum et studiis iisdem et vetustate amicitiae conjunctum.

De or., III, 37, 148: Tum Craesus: Pervolgatas, inquit, et tibi non incognitas res requiris.

De or., I, 61, 265: Cum exurgeret Scavola, simul adridens...

Съ этимъ очевиднымъ подражаніемъ языку Цицерона, съ заимствованіемъ у него даже приемовъ и формулъ діалогическаго изложенія сюжета стоятъ въ связи большое сходство (хоть и не во всѣхъ

¹⁾ Такого рода скрытое сочувствіе автора Клейберъ не безъ основанія отмѣчаетъ въ главахъ: 1, 15, 24, 25, 27. Но онъ, повидимому, забылъ при этомъ о постоянномъ пребываніи автора на сторонѣ разсужденій Матерна, который, видимо, является представителемъ авторской мысли.

²⁾ Ibid., p. 21—24.

случаяхъ) въ мысляхъ, касающихся краснорѣчія и ораторскаго образованія, съ мыслями, высказанными Цицерономъ въ его риторическихъ сочиненіяхъ, равно какъ и въ сужденіяхъ о нѣкоторыхъ римскихъ и греческихъ ораторахъ,—сходство, показывающее, въ какой большой зависимости *Dialogus de oratoribus* находятся отъ изученія его авторомъ сочиненій Цицерона. Такъ какъ подобное сравненіе такого рода сходныхъ мѣстъ завело бы насъ очень далеко, то мы отъ него воздержимся. Мы укажемъ лишь на то, что мысли автора о необходимости или важности для оратора не только природнаго таланта, но и хорошаго образованія—знакомства съ философіей, юриспруденціей и съ другими науками ¹⁾, находятъ почти оправданіе въ риторическихъ сочиненіяхъ Цицерона ²⁾, хотя Тацитъ и высказывается противъ того ораторскаго образованія, какое даютъ риторскія школы, упражняющія только языкъ и голосъ въ рѣчахъ на вымышленныя и неправдоподобныя темы, и не даетъ никакихъ наставленій и правилъ, опирающихся на риторику, безъ изученія всѣхъ тонкостей которой Цицеронъ, какъ потомъ и Квинтиліанъ, не считалъ возможнымъ образованіе искуснаго оратора.

Итакъ, сличеніе Діалога съ сочиненіями Цицерона, особенно съ риторическими, приводитъ къ твердому и ясному результату, что авторъ его внимательно и плѣнительно изучалъ Цицерона, у котораго онъ заимствовалъ множество мыслей и сужденій и съ языкомъ котораго онъ такъ освоился, что во множествѣ случаевъ или прямо пользовался его словами и оборотами, или руководился изложеніемъ знаменитаго республиканскаго оратора, какъ образцомъ, по которому вольно и невольно слагалась его собственная рѣчь о предметахъ, трактовавшихся обоими писателями.

Если мы теперь примемъ во вниманіе, что *Dialogus de oratoribus* есть продуктъ ораторскаго образованія Тацита, что образованіе это, согласно принципамъ, проповѣдывавшимся въ школѣ Квинтиліана, у него совершилось при помощи ближайшаго изученія рѣчей и вообще сочиненій Цицерона, что изученіе это, требовавшее значи-

¹⁾ Въ Dial., гл. 30, авторъ устами защитника широкаго образованія, Мессалы, указываетъ на то, что изъ книгъ Цицерона, изученнаго у лучшихъ учителей гражданское право и всѣ части философій, можно видѣть, что *non geometricae, non musicae, non grammaticae, non denique ullius ingenuae artis scientiam ei defuisse.*

²⁾ См. смыслъ у Клейбера, р. 25 слд.

тельнаго времени и вниманія, само по себѣ должно было наложить на языкъ молодаго человѣка печать и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ былъ чуждъ всякой мысли о подражаніи, что Тацитъ, напротивъ, какъ это доказываетъ языкъ Діалога и то обстоятельство, что Плиній, ученикъ Квинтилиана, именно его избралъ себѣ образцомъ въ ораторской дѣятельности,—изучалъ Цицерона съ цѣлью имѣть себѣ въ немъ высшаго руководителя въ краснорѣчій, то необходимо придетъ къ заключенію, что въ Діалогѣ мы имѣемъ дѣло съ сочиненіемъ, которое по стилю и по языку никакъ не могло быть тѣмъ же самымъ, что намъ представляютъ историческія сочиненія Тацита, произведенія не только другаго литературнаго жанра, но и другой эпохи, когда авторъ выступить предъ нами не въ качествѣ ищущаго наилучшаго образованія юноши, а въ качествѣ умудреннаго жизнiю, опытомъ и государственною дѣятельностью мыслителя, передъ которымъ лежали другія задачи и другое призваніе. Но прежде чѣмъ это новое призваніе въ Тацитѣ вышло наружу и проявилось рядомъ трудовъ, обезсмертившихъ его имя, прошло много времени, въ теченіе котораго Тацитъ жилъ и дѣйствовалъ на поприщѣ практическаго краснорѣчія въ судахъ и въ сенатѣ, служа образцомъ молодымъ ораторамъ въ родѣ Плинія, но не обнаруживая того стиля, который извѣстенъ теперь подъ именемъ Тацитовскаго. Въ первый разъ новое призваніе и вмѣстѣ съ тѣмъ начало новаго стиля, и только начало, сказалось въ *Агриколь*, въ первомъ историческомъ трудѣ, написанномъ уже по смерти Домиціана и вышедшемъ въ концѣ 97 или въ началѣ 98 года по Р. Х. Между тѣмъ Тацитъ выступилъ на сцену съ публичнымъ словомъ, по крайней мѣрѣ, двадцатью годами раньше этого времени. Какой же былъ стиль его краснорѣчія за все это время? Конечно, не тотъ старый, отрывистый, сильный, какой мы видимъ въ *Исторіяхъ* и *Лѣтописи*, стиль которыхъ образовался лишь впоследствии, когда прежній ораторъ сдѣлался историкомъ, и образовался мало-помалу, пока не нашелъ своего полного выраженія въ послѣднемъ изъ вышеуказанныхъ сочиненій. То былъ тотъ плавный, округленный и обильный стиль, какой долженъ былъ быть плодомъ ближайшаго изученія Цицерона, и какой мы видимъ въ *Dialogus de oratoribus*.

Приступая къ первому своему историческому сочиненію—*Агриколь*, Тацитъ признается, что языкъ для этого рода сочиненій имъ еще не выработанъ, что ему приходится писать *incondita ac rudi voce* (гл. 3). Этимъ заявленіемъ онъ самъ полагаетъ грань между своимъ ораторскимъ стилемъ и тѣмъ, какимъ ему нужно теперь писать, выступая

на поприще историка. Но такъ какъ за историческія сочиненія принялся писатель, у котораго въ другомъ родѣ литературной дѣятельности образовались извѣстныя привычки, пристрастіе къ тѣмъ или другимъ стилистическимъ особенностямъ, то понятно, что эти особенности должны были сохраниться въ большей или меньшей степени и въ историческихъ сочиненіяхъ, особенно въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя стояли хронологически ближе къ его прежнему роду дѣятельности, то-есть, въ *Агриколѣ* и въ *Германіи* ¹⁾. Этимъ и объясняется, почему въ стилѣ и языкѣ Діалога—съ одной стороны, *Агриколы* и *Германіи*—съ другой, при всей разницѣ въ тонѣ и характерѣ, какая отличаетъ сочиненіе, оставшееся намъ отъ перваго періода литературной дѣятельности Тацита, отъ послѣдующихъ, есть такъ много общаго.

Несомнѣнная связь языка автора Діалога съ языкомъ *Агриколы* и *Германіи*, а затѣмъ и съ послѣдними сочиненіями Тацита—это намекъ, о который окончательно разбивается возраженіе Линсія и его послѣдователей о принадлежности Діалога Тациту. Пользуясь современною разработкой предмета, можно провести эту связь въ разныхъ отношеніяхъ, но достаточно будетъ указать на двѣ стороны, гдѣ она бросается въ глаза, ясно свидѣтельствуя, что тутъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же авторѣ. Такимъ образомъ въ стилистическомъ отношеніи намъ нѣтъ нужды останавливаться на употребленіи простыхъ синонимовъ, вообще употребительныхъ у писателей, любящихъ въ извѣстныхъ случаяхъ придавать риторическую полноту своему выраженію, хотя нѣкоторыя синонимическія выраженія Діалога мы видимъ повторяющимися и въ другихъ сочиненіяхъ Тацита, какъ, напримѣръ, въ D., 5: metum et terrorem, въ *Agr.*, 32: metus et terror; въ D., 9: in nemora et lucos, 12: nemora et luci, въ *Germ.*, 9: lucos ac nemora, 10: nemoribus ac lucis, 45: nemora lucosque; въ D., 19: vi et potestate, въ *Hist.*, II, 39: vis ac potestas, III, 11: vis ac potestas; въ D., 24: vim et ardorem, въ *Agr.*, 8: vim ardoremque, въ *Hist.*, I, 62: ardor et vis; въ D., 26: modestia ac pudore, въ *Ann.*, 26: pro modestia ac pudore; въ D., 41: modus et temperamentum, въ *Hist.*, I, 83: temperamentum et modum; въ D., 10: fortuitae et subitae, въ *Germ.*, 11: fortuitum et subitum и др. Подобнаго рода синонимическія выраженія встрѣчаются у Цицерона, у Сенеки, у Квинтиліана, у Плинія; нѣкоторые

¹⁾ Изданіе *Германіи* слѣдовало вскорѣ за *Агриколой* и относится къ 98 г. по Р. X.

изъ синонимовъ Діалога прямо заимствованы у Цицерона (et animi et ingenii, clamore et plausu, divitiae et opes, fama et laus), ingenium et studium, jure et legibus, memoria et recordatione, modestia ac pudore, operae curaque, vis et facultas ¹⁾).

Гораздо важнѣе и характеристичнѣе употребленіе двойныхъ синонимовъ, одна группа которыхъ противопоставляется другой—пріемъ общій Діалогу съ *Африкой* и *Германіей*. Таковы, напримѣръ, выраженія въ Діалогѣ—2: ingenio potius et vi naturae, quam institutione et litteris; 24: non solum ingenio ac spiritu, sed etiam eruditione et arte; 33: neque enim solum arte et scientia, sed longo magis facultate et usu; 37: non viribus modo et armis, sed ingenio quoque et oratione; 19: vi et potestate, non jure aut legibus; 28: non studia modo curaque, sed remissiones etiam lususque. Нужно сравнить съ ними слѣдующія мѣста въ *Африкѣ*—3: non spem modo ac votum..., sed ipsius voti fiduciam ac robur; 31: bona fortunaque in tributum, ager et annus in frumentum; 33: non fama nec rumore, sed castris et armis tenemus. Или въ *Германіи*—25: non disciplina et severitate, sed impetu et ira; 27: lamenta et lacrimas cito, dolorem et tristitiam tarde ponunt; 41: cum ceteris gentibus arma modo castraque nostra ostendamus, his domos villasque patefecimus ²⁾).

Рядомъ съ этимъ противопоставленіемъ двухъ синонимическихъ группъ стоитъ употребленіе Тацитомъ такъ называемой oratio bimembris или oratio trimembris, то-есть, такой конструкціи, въ которой понятіе выражается двумя или тремя членами. Такую конструкцію, которую Тацитъ, видимо, заимствуетъ въ Діалогѣ, мы точно такъ же находимъ въ большемъ употребленіи въ *Африкѣ*; въ *Германіи* она встрѣчается сравнительно не такъ часто; въ *Исторіяхъ* и въ *Литтониси* довольно обыкновенна. Изъ массы примѣровъ ³⁾ можно привести слѣдующіе:

Oratio bimembris.

- Dial.*, 20: Vulgus quoque adsistentium et adfluens et vagus auditor.
29: histrionalis favor et gladiatorum equorumque studia.
30: ad naturam saeculorum ac respectum immensi hujus aevi.

¹⁾ Приведены у *Вейнкауфа*, р. СХХХVII.

²⁾ Приведены по Яцену у *Гльзера*, Введ., р. XXIX, и у *Петерсона*, Введ., р. XLVII—XLVIII.

³⁾ Собраны на стр. 89—97 (32—35) у *Вейнкауфа*.

- 1: percontationi tuae respondere: et tam magnae quaestio-
nis pondus excipere.
- 12: in illa casta et nullis contacta vitii pectora.
- 12: felix illud et ut more nostro loquar, aureum saeculum.
- 24: more veteri et a vestris philosophis saepe celebrato.
- 31: fictis nec ullo modo ad veritatem accedentibus controversiis.
- 41: invidiosis et excedentibus modum controversiis.
- 46: mixtis omnibus et uno moderatore carentibus.
- 50: sine obsequio, sine severitate, contumax, temeraria, ad-
rogans.
- Agr.*, 29: Omnis juvenus et quibus crura et viridis senectus.
- 43: vulgus quoque et hic aliud agens populus.
- 5: obsessam curiam et clausum armis senatum.
- 18: probare exemplum ac recentis legati animum opperiri.
- 16: Innocens Bolanus et nullis delictis invisus.
- 14: vetere ac jam pridem recepta populi Romani consuetudine.
- 33: laetum et vix munimentis coercitum militem.
- Germ.*, 2: immensus ultra, utque sic dixerim, adversus Oceanus.
- 10: candidi et nullo mortali opere contacti.
- 28: promiscuas adhuc et nulla regnorum potentia divisas.
- 2: vocabulum recens et nuper additum.
- 13: robustioribus ac jam pridem probatis.
- 35: sine cupiditate, sine impotentia, quieti secretique.

Къ этимъ примѣрамъ oratio bimembris, взятымъ изъ трехъ пер-
выхъ сочиненій Тацита, будетъ не лишнимъ прибавить нѣсколько изъ
двухъ послѣднихъ сочиненій великаго историка.

- Hist.*, IV, 32: Treveri ceteraeque servientium animae.
- I, 25: memoria Neronis ac desiderium prioris licentiae.
- I, 88: segnis et oblita bellorum nobilitas.
- III, 73: segnis et veluti captus animi.
- III, 78: ficta haec et in gratiam Muciani composita.
- I, 9: senecta ac debilitate pedum invalidum, sine constan-
tia, sine auctoritate.
- Ann.*, II, 25: invictos et nullis casibus superabiles Romanos.
- IV, 11: adversum unicum et nullius ante flagitii compertum.
- IV, 45: novo ac tum primum audito crimine.
- XIII, 19: non vetera et saepius jam audita.
- XV, 44: sontes et novissima exempla meritos.

Oratio trimembris.

Dial., 12: Orphea et Linum ac, si introspicere altius velis, ipsum Apollinem.

10: in forum et ad causas et ad vera proelia.

11: comitatus istos et egressus aut frequentiam salutationum.

13: a sollicitudinibus et curis et necessitate quotidie aliquid contra animum faciendi.

2: fabulas quoque eorum et disputationes et arcana semotae dictionis.

30: infinitus labor et quotidiana meditatio et in omni genere studiorum adsiduae exercitationes.

30: pulchre et ornate et ad persuadendum apte.

18: mitior Corvinus et dulcior et in verbis magis elaboratus.

25: et invidere et livere et ceteris humanae infirmitatis vitis affici.

Agr., 46: admiratione te potius et immortalibus laudibus et, si natura suppeditet, similitudine colamus.

25: pedes equesque et nauticus miles.

21: porticus et balnea et conviviorum elegantiam.

13: delectum ac tributa et injuncta imperii munera.

41: vigorem et constantiam et expertum belli animum.

9: securi et obtusior et plura in manu agens.

21: dispersi ac rudes eoque in bella faciles.

31: integri et indomiti et in libertatem, non in paenitentiam bellaturi ¹⁾).

Germ., 12: vehiculum et vestes et, si credere velis, numen ipsum.

8: constantia precum et objecta pectorum et monstrata cominus captivitate.

12: seu superbiae odio, seu praedae dulcedine, seu favore quodam erga nos deorum.

2: informem terris, asperum coelo, tristem cultu adspectuque.

12: ignavos et imbelles et corpore infames.

4: propriam et sinceram et tantum sui similem gentem.

Прибавимъ и здѣсь примѣры изъ *Исторій* и *Литтониси*, гдѣ этотъ родъ рѣчи представляется очень развитымъ.

¹⁾ Конъектура Вейнкауфа, принятая и Иоан. Мюллеромъ вм. *laturi* (*arma laturi* Вейса).

- Hist.*, I, 51: odio, metu et, ubi vires suas respexerant, securitate.
 III, 66: nedum Primus ac Fuscus et specimen partium Mu-
 cianus.
 V, 17: captivitatem clademque et dira omnia.
 I, 30: stupra et comissiones et feminarum coetus.
 II, 76: popinis et comissionibus et principis imitatione.
 IV, 22: virgas et secures et dominorum ingenia.
 I, 4: apud patres aut populum aut urbanum militem.
 I, 18: tonitrua et fulgura et coelestes minae ultra solitum.
 III, 25: miraculum et questus et saevissimi belli exsecratio.
 I, 84: aeternitas rerum et pax gentium et mea cum vestra
 salus.
 I, 56: segnis, pavidus et socordia innocens.
 IV, 64: sincerus et integer et servitutis oblitus populus.
 I, 87: Penninae Cottiaeque Alpes et ceteri Galliarum aditus.
 V, 17: saxis glandibusque et ceteris missilibus.
 II, 71: histrionibus et spadonum gregibus et cetero Nero-
 nianae aulae ingenio.
 I, 22: adulteria, matrimonia ceterasque regnorum libi-
 dines.
- Ann.*, XV, 45: persimplici victu et agrestibus pomis et, si sitis ad-
 moneret, profluente aqua vitam tolerat.
 XIII, 1: insontem, nobilem et, quod tunc spectaretur, e Cae-
 sarum posteris.
 XI, 18: stationes, vigiliae diurna nocturnaue munia.
 I, 4: iram et simulationem et secretas libidines.
 II, 14: pila et gladios et haerentia corpori tegmina.
 IV, 46: ferrum et juventutem et promptum libertati aut ad
 mortem animum.
 II, 64: (ingenium) atrox, avidum et societatis impatiens.
 II, 4: incerti solutique et magis sine domino, quam in li-
 bertate.
 XIII, 18: proelia quoque et oppugnationes urbium et cetera
 belli.
 IV, 9: Sabina nobilitas, Attus Clausus ceteraeque Claudiorum
 effigies.
 III, 2: Vestem, odores atque funerum solemnia.
 III, 28: Urbemque et Italiam et quod usquam civium.
 I, 92: Vigillas, stationes et si qua alia usus indixerat.

Приведенныя нами параллели стилистическихъ особенностей Діалога съ таковыми же другихъ сочиненій Тацита до такой степени говорятъ объ одномъ и томъ же писателѣ, что было бы поразительно, еслибы эти двойныя и тройныя группы синонимовъ, составляющія характеристическую особенность Тацитовскаго стиля, и эта *oratio bitembris* и *tritembris*, которую такъ вообще любятъ Тацитъ и которая у него еще носитъ типическую черту преобладанія дактилическаго окончанія, еслибы такія и подобныя стилистическія свойства, общія Діалогу съ другими сочиненіями Тацита, были раздѣляемы великимъ историкомъ съ другимъ лицомъ, являющимся въ этомъ отношеніи какъ бы двойникомъ Тацита.

Не смотря на то, что авторъ Діалога много и близко изучалъ Цицерона и старался усвоить себѣ стилистическую манеру главы римскаго краснорѣчія, въ манерѣ выражаться автора Діалога мы узнаемъ Тацита не только по указаннымъ вышнимъ приемамъ его строго обдуманной и рассчитанной на извѣстный ритмъ рѣчи, но и по внутренней силѣ или по духу многихъ выраженій, въ которыхъ онъ, по вѣрному замѣчанію г. Петерсона, „предвосхищаетъ“ позднѣйшую способность къ новымъ и поразительнымъ комбинаціямъ. Англійскій ученый болѣе или менѣе удачно приводитъ ради примѣра слѣдующія выраженія: *arcana semotae dictionis* (гл. 2); *solicitude lenocinatur voluptati* (гл. 6); *lucrosae hujus et sanguinantis eloquentiae* (гл. 12); *nomen inserere famae* (гл. 10); *gaudii pondus et constantia* (гл. 6); *me dejungere a forensi labore* (гл. 11); *hanc illi famam circumdederunt* (гл. 37); *utilitates alunt* (гл. 9); *philosophiam odoratus* (гл. 19); *nec insanum ultra ei lubricum forum famamque pallentem trepidus experiar* (гл. 13); *negotium sibi importare* (гл. 3); *angustiae rerum eos circumsteterunt* (гл. 8); *minimum locum obtinere* (гл. 8); *sin periculum increpuit* (гл. 5); *ingredi famam auspiciatus sum*. Наконецъ, кто изъ современниковъ Тацита могъ вложить въ уста Матерну, вспоминая о благопріятныхъ условіяхъ для великаго краснорѣчія въ республиканскомъ Римѣ, фразу: *cum in plerisque judiciis crederet populus Romanus sua interesse, quid judicaretur* (гл. 39)?¹⁾ Ясно, что Липсіевъ „*stilus valide abnuat*“ не выдерживаетъ критики.

Въ этомъ мы убѣждаемся тѣмъ больше, чѣмъ ближе всматри-

¹⁾ Введеніе къ изданію, р. XLIX. Больше выраженій переведено у Гѣльзера (Введ., р. XXXI). Наибольшія перечень ихъ у Вейнкауфа, р. 29—30 (13—14).

ваемся въ дѣло. Такимъ образомъ не рѣдко можно замѣтить, что Тацитъ не только въ *Агриколѣ* и *Германіи*, но и въ двухъ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ обращался къ тѣмъ же или одинаковымъ съ употребленными въ *Диалогѣ* выраженіямъ, когда ему приходилось возвращаться къ тому же предмету или къ такимъ же представленіямъ. Вотъ примѣры ¹⁾:

Dial., 34: oratorem, qui principem locum in civitate obtinebat.

Dial., 36: eloquentia assequi in civitate... eminentem locum.

Dial., 2: promptum sermonem... in quantum satis erat, profluens sermo.

Dial., 38: Postquam... principis disciplina ipsam quoque eloquentiam, sicut omnia, depacavorat.

Dial., 36: hinc leges assiduae... hinc contiones magistratum... hinc procerum factiones et assidua senatus adversus plebem certamina.

Dial., 5: non... firmiter munimentum, quam.

Dial., 37: hanc illi famam circumdederunt.

Dial., 10: nomen inserere possunt famae.

Dial., 10: natura ingenium denegavit.

Dial., 37: in ore hominum agit.

Dial., 5: (eloquentia) complecti provincias.

Dial., 29: at nunc... infans delegatur graeculae alicui ancillae.

Итакъ, stilus non abnuit.

Ann., III, 75: principem in civitate locum studiis civilibus adscutus.

Ann., 13: Augusto prompta ac profluens, quae docet principem, eloquentia.

Hist., I, 1: postquam omnem potentiam ad unum conferre pacis interfuit, magna illo ingenia cessero.

Ann., IV, 32: discordias consulum adversus tribunos, agrarias frumentariasque leges, plebis et optimatium certamina.

Hist., IV, 52: non... perinde firma imperii munimenta, quam...

Agr., 20: egregiam famam paci circumdedit.

Hist., IV, 11: principatus inanem ei famam circumdarent.

Hist., II, 61: inter magnorum virorum discrimina... inserere sese fortunae ausus est.

Ann., VI, 2: dum ignobilitatem suam magnis nominibus inserit.

Ann., XV, 42: quibus ingenium aut audacia orat, etiam quae natura denegavisset, per artem tentare.

Hist., III, 36: non in ore vulgi agere.

Hist., II, 73: orat in ore famaque.

Ann., II, 82: populum Romanum aequo jure complecti.

German., 20: sua quemque mater uberibus alit, nec ancillis aut nutricibus delegantur.

¹⁾ Приведены у Гёльзера, Введ. къ изданію, р. XXXII—XXXIII. Ср. *Вейнхауфа*, р. CLIV слд.

Теперь намъ предстоитъ коснуться вопроса, рѣшить который труднѣе, чѣмъ вопросъ объ авторѣ Діалога, но который въ значительной степени связанъ съ этимъ послѣднимъ, давалъ противникамъ принадлежности Діалога Тациту по стилистическимъ основаціямъ точку опоры въ хронологическомъ отношеніи. Когда написанъ *Dialogus de oratoribus*?

Трудность яснаго рѣшенія этого вопроса заключается въ томъ, что приходится иногда примирять между собою такія данныя, которыя тянутъ далеко не въ одну сторону.

Прежде всего мы имѣемъ заявленіе самого автора Діалога, что онъ передаетъ тутъ разговоръ, при которомъ онъ присутствовалъ въ очень молодые годы, когда онъ былъ *juvenis admodum* (гл. 1). Очень молодые годы Тацита, получившаго квестуру еще при Веспасіанѣ и потому родившагося не позже 54 по Р. Хр., — при томъ такіе годы, когда онъ практически готовился къ адвокатурѣ и былъ въ состояніи слѣдить за ходомъ мыслей въ бесѣдѣ, разказавшей съ историко-литературной и политической точки зрѣнія причина упадка въ Римѣ краснорѣчія, — приходились на половину семидесятыхъ годовъ, когда Тацитъ былъ юношей 21-го года ($54 + 21 = 75$) или 22-хъ лѣтъ ($53 + 22 = 75$) ¹⁾. На этотъ моментъ, именно на шестой годъ правленія Веспасіана, падающій на время отъ 1-го іюля 74 до іюля 75 года ²⁾, и указываетъ авторъ Діалога, какъ на время, когда происходила описываемая имъ бесѣда въ домѣ Матерна. Оснаряжая у защитниковъ республиканскаго краснорѣчія право относить представителей краснорѣчія классическаго времени: Цицерона, Кесаря, Целія, Кальва, Брута, Аспинія Полліона и Мессалу, къ древнему, а не къ современному собесѣдникамъ періоду, Аперъ приводитъ такое соображеніе: „Вѣдь, чтобъ повести рѣчь о самомъ Цицеронѣ, онъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ его вольноотпущенникъ Тиرونъ, былъ убитъ въ консульствѣ Гиртія и Пансы, въ седьмой день до декабрьскихъ идъ, въ годъ, когда божественный Августъ замѣстилъ собой и Кв. Педіемъ въ консульской должности Пансу и Гиртія. Положи пятьдесятъ шесть ³⁾ лѣтъ, въ теченіе которыхъ пра-

¹⁾ См. соображенія о годѣ рожденія Тацита въ книгѣ *Тацитъ и его сочиненія*, стр. 5—7.

²⁾ Tac., *Hist.*, II, 79: *Initium ferendi ad Vespasianum imperii Alexandriae coeptum, festinante Tiberio Alexandro, qui Kalendis Juliiis sacramento ejus legiones adegit. Isque principatus dies in posterum celebratus.*

³⁾ Въ рукописяхъ: novem. Эта необходимая поправка сдѣлана Липсіемъ и принята всѣми.

вилъ государствомъ божественный Августъ; прибавъ двадцать три года правленія Тиберія, почти четырехлѣтіе Гая, да дважды по четырнадцать лѣтъ Клавдія и Нерона, да тотъ длинный годъ Гальбы, Отона и Вителлія, да шестой уже годъ этого счастливаго приципата, которымъ Веспасіанъ осчастлививаетъ государство, и наберется отъ смерти Цицерона до настоящаго дня *всего сто двадцать лѣтъ*, время жизни одного человѣка“ (гл. 17). Хотя счетъ указанныхъ здѣсь годовъ дастъ не 120, а лишь 117 или, пожалуй, 118 лѣтъ, но эта цифра (117—118) почти вполне совпадаетъ съ другою тутъ же указанной датой, именно съ 6-мъ годомъ правленія Веспасіана, то-есть. съ 827—828 отъ основанія Рима (711 — 828 = 117), или съ 74—75 по Р. Хр. ($43 + 74 = 117$; $43 + 75 = 118$), а цифра 120, очевидно, является круглою, приблизительною цифрою, какъ и вообще весь счетъ сдѣланъ Апромъ приблизительно, съ употребленіемъ выражений *prope* и *longum et ipsum annum*. Г. Петерсонъ, который также принимаетъ приблизительность цифръ¹⁾, напротивъ придаетъ буквальное значеніе выраженію „до настоящаго дня“, *in hunc diem*, полагая, что бесѣда происходила именно въ день смерти Цицерона, то-есть, 7-го декабря, и происходила, какъ онъ думаетъ, именно въ это число въ 74 г. по Р. Хр.²⁾ Въ тотъ или другой день происходила бесѣда, важно положительное указаніе автора, что она происходила въ шестой годъ³⁾ правленія Веспасіана, когда Тацитъ былъ еще очень молодъ, *juvenis admodum*.

Если же вѣрно то, что очень юные годы автора Діалога падаютъ на половину семидесятыхъ годовъ, то необходимо допустить, что прошло не мало времени, когда происходившая въ шестой годъ Веспасіанова правленія бесѣда, при которой авторъ присутствовалъ, какъ

¹⁾ Приблизительности суммы 120 не хочетъ знать г. Андресенъ (Введ. къ изд., р. 1—2), опираясь страннымъ образомъ на то, что эту же сумму приводитъ Матернъ въ 24 главѣ. Но въдъ Матернъ только повторяетъ здѣсь слова Апра.

²⁾ Введеніе къ изд., р. XIV—XV.

³⁾ Никакого другаго смысла словъ *statio* здѣсь, то-есть, въ соединеніи съ *sexta* и *principatus*, имѣть не можетъ. Объясненіе, которое даетъ и г. Петерсонъ, что *statio*, постъ, потому можетъ обозначать годъ правленія, что *tribunicia potestas* императора ежегодно возобновлялась, вполне удовлетворительно. Тѣ, которые находятъ возможнымъ видѣть *sexta principatus statio* шестаго предстателя императорской власти, ошибаются не только потому, что Веспасіанъ былъ седьмой, а не шестой императоръ, то-есть, носитель принципата, но и потому, что у автора Діалога идетъ счетъ *только* отъ смерти Цицерона до момента, когда происходила бесѣда, а не смѣны императоровъ со времени Августа.

juvenis admodum, была описана имъ и обнародована. Иначе ссылка на очень молодые годы не имѣла бы смысла: на очень молодые годы можетъ сослаться лишь тотъ, кто уже не совсѣмъ молодъ. Затѣмъ, указывая на время происходившей въ квартирѣ Матерна бесѣды, авторъ о принимавшихъ участіе въ ней Апрѣ и Секундѣ выражается такъ: „знаменитѣйшіе въ *то время* таланты нашего форума“. Иско, что, когда авторъ писалъ, время было другое, когда этихъ лицъ уже не было на сценѣ и даже не было въ живыхъ (иначе авторъ не могъ бы такъ выразиться о своихъ руководителяхъ, да и выраженія, употребленныя тамъ же: *non defuit*—о Секундѣ, *contemnebat, nesciebat*—объ Апрѣ, заставляють предпологать то же самое), и *celeberrima ingenia* римскаго форума считались другія лица. Къ этому аргументу, который былъ высказанъ нами еще въ книгѣ „Тацитъ и его сочиненія“ (стр. 53), мы тамъ же прибавили еще два, которые до сихъ поръ сохраняють свою силу: вопервыхъ, что Фабій Юстъ не обращался бы настойчиво (*saepe ex te requiritis*, говоритъ авторъ) за разрѣшеніемъ такого нелегкаго вопроса, какъ вопросъ о причинахъ упадка въ Римѣ краснорѣчія, къ человѣку, не успѣвшему составить себѣ репутацію авторитетности въ сужденіяхъ о предметахъ общественной важности, что предпологаетъ въ авторѣ лицо, достаточно уже дѣйствовавшее на поприщѣ публичной жизни и хорошо знакомое, какъ съ положеніемъ краснорѣчія въ прежнее время, такъ и съ настоящими его условіями; вовторыхъ, что зрѣлость самого сочиненія, обличающая въ авторѣ человѣка не только съ солиднымъ образованіемъ, но и съ крѣпкою мыслию, устраняетъ идею о большой молодости автора. Поэтому мы никакъ не можемъ допустить, чтобы *Dialogus* могъ быть написанъ Тацитомъ въ правленіе Тита, какъ думаетъ не только Риттеръ, котораго авторъ этихъ строкъ оспаривалъ еще въ упомянутомъ своемъ сочиненіи, но и Вейнкауфъ и Штейнеръ ¹⁾, Япсень ²⁾, Гѣльзеръ ³⁾, опирающійся на Инсена, и Швепкенбежеръ ⁴⁾. Даже въ по-

¹⁾ De Taciti Dialogi et auctore, p. LIX. Въ сочиненіи Вейнкауфа, въ которомъ вѣдается, между прочимъ, исторія вопроса о *Dialogus de oratoribus*, разсматривается и трудъ Штейнера о Діалогѣ (въ осенней программѣ Крейцнахской гимназіи, 1863), p. XXI слѣд.; Штейнеръ, какъ и самъ Вейнкауфъ, принимаетъ 81 годъ, какъ годъ написанія Діалога.

²⁾ De Taciti Dialogi auctore, Groningen, 1878, p. 57. См. у Вейнкауфа, p. XLIV.

³⁾ Введеніе къ изданію, p. XXV.

⁴⁾ Quo anno Taciti Dialogus de oratoribus scriptus sit quaeritur, Spottau, 1886 (Progr.). Для автора нѣтъ никакого сомнѣнія, что *Разговоръ объ ораторахъ* написанъ въ 81, не раньше и не позже.

слѣдній годъ правленія Тита, въ 81 г. по Р. Х., Тациту было не больше 27 лѣтъ отъ роду. Не могъ, какъ справедливо замѣтилъ еще Андресенъ ¹⁾, Тацитъ на 27 году своей жизни, обращаясь ко времени описываемаго разговора, называть себя *juvenis admodum*, а сказалъ бы *raucos abhinc annos* или что либо подобное. Разница въ шесть лѣтъ именно на столько значительна, что въ теченіе ихъ можетъ произойти въ жизни человѣка значительная перемѣна, такъ что Тацитъ въ этотъ періодъ времени получилъ одну за другою двѣ государственныхъ должности ²⁾, но все-таки шесть лѣтъ не такой періодъ времени, чтобы начало его могло казаться очень далекимъ молодому человѣку, и чтобы авторъ Діалога въ теченіе его изъ ревностнаго ученика Апра и Секунда сдѣлался авторитетомъ для другихъ и сталъ смотрѣть на своихъ учителей, какъ на нѣчто, отошедшее уже въ исторію или, во всякомъ случаѣ, отдѣленное отъ момента, когда авторъ приступилъ къ писанію сочиненія, продолжительнымъ временемъ.

Промежутокъ времени, между временемъ разговора и временемъ написанія сочиненія, по только что высказаннымъ соображеніемъ, долженъ быть таковъ, чтобы авторъ Діалога имѣлъ право говорить о своемъ присутствіи при происходившей у Матерна бесѣдѣ, какъ о времени своей ранней юности, какъ о другомъ времени. Но отогнывая одинъ моментъ отъ другаго, мы должны помнить, что если *Dialogus de oratoribus* принадлежитъ Тациту, то онъ принадлежитъ тому періоду, когда онъ *incondita ac rudī voce* началъ серію своихъ историческихъ сочиненій. Въ литературномъ и стилистическомъ отношеніи *Dialogus de oratoribus*, какъ мы видѣли, находится подъ преимущественнымъ влияніемъ Цицерона и относится ко времени, когда Тацитъ, приобрѣвшій уже репутацію образцоваго оратора, не обнаруживалъ еще въ себѣ призванія историка. Требовалось время, въ теченіе котораго Цицероновское влияніе въ стылѣ должно было ослабѣть, и должны были въ то же время рѣзче выдѣлиться элементы того стиля, въ которомъ обнаруживается авторская субъективность, развившаяся съ теченіемъ времени до крайнихъ предѣловъ. Такъ какъ перемѣна эта въ первый разъ у Тацита обнаружилась въ сочиненіи, посвященномъ жизнеописанію Агриколы и вышедшемъ зимою 97—98 года,

¹⁾ Введеніе къ изданію, р. 3.

²⁾ *Hist.*, I, 1: *Dignitatem nostram a Vespasiano inchoatam, a Tito auctam... non abnuerim.*

то подготовкой для нея естественно должно было служить то время, которое Тацитъ провелъ вмѣстѣ со многими другими въ невольномъ литературномъ молчаніи.

Если это невольное молчаніе онъ въ предисловіи къ *Агриколѣ* (глава 3) опредѣляетъ въ пятнадцать лѣтъ, то-есть, простираетъ его на все время правленія Домиціана, то онъ здѣсь не говоритъ лично о себѣ, а имѣетъ въ виду вообще римскую литературу, представителямъ которой, если они не соглашались унижаться до низкой лести, какъ это дѣлали поэты Стацій и Марціалъ и отчасти самъ Квинтиліанъ въ своей книгѣ *Объ ораторскомъ образованіи*, оставалось только молчать. Въ дѣйствительности такое молчаніе не могло водвориться сряду, тѣмъ больше, что Домиціанъ не сразу обнаружилъ свой жестокой характеръ, а дошелъ постепенно до той ужасной степени тиранин, которую Тацитъ такими рѣзкими штрихами очерчиваетъ въ 44—45 главахъ *Агриколы*. Историкъ самъ отмѣчаетъ (гл. 44): *postremum illud tempus, quo Domitianus non jam per intervalla ac spiramenta temporum, sed continuo et velut uno ictu rem publicam exhausit*. Что же касается специально Тацита, то онъ еще въ половинѣ правленія Домиціана, именно въ 88 г. по Р. Х., получилъ отъ него претуру и даже принималъ дѣятельное участіе ¹⁾ въ празднованіи столѣтнихъ игръ (*ludi saeculares*) въ память восьмисотлѣтія Рима, отпразднованнаго еще раньше и своевременно Клавдіемъ. Да и Светоній сообщаетъ ²⁾, что вначалѣ правленіе Домиціана было смѣсью хорошаго и дурнаго, и что его хорошія стороны превратились въ дурныя мало-по-малу. Слѣдовательно, молчаніе литературы началось не съ перваго года правленія Домиціана, который даже старался до известной степени быть ея покровителемъ, устроивъ два литературныхъ конкурса, одинъ въ честь Юпитера Капитолійскаго, долженствовавшій возобновляться черезъ пятилѣтіе, а другой, въ честь Минервы, ежегодный. Не забудемъ также, что при Домиціанѣ началъ свою литературную дѣятельность и Ювеналь, выражавшій потомъ съ неменьшею энергіей и негодованіемъ, чѣмъ Тацитъ, свой ужасъ къ тому времени, „когда Римъ находился въ рабствѣ у мысаю *Нерона*“ ³⁾. Такимъ образомъ ничто не мѣшало Тациту написать свой *Диалогъ*

¹⁾ *Ann.*, XI, 11: Is (Domitianus) quoque edidit ludos saeculares *hisque intentius adfui* sacerdotio quindecim virili praeditus ac tunc praetor.

²⁾ *Dom.*, 3.

³⁾ *Sat.*, IV, 38.

объ ораторахъ при Домиціанѣ, хотя многіе ¹⁾ и думаютъ, что онъ могъ быть написанъ лишь послѣ смерти этого императора.

Мнѣніе о томъ, что *Dialogus de oratoribus* написанъ по смерти Домиціана естественно можетъ принадлежать только тѣмъ, кто оспариваетъ принадлежность этого сочиненія Тациту, такъ какъ они заставляютъ автора Діалога писать Цицероновскимъ слогомъ въ такое время, когда уже стали появляться историческія сочиненія Тацита въ стилѣ, мало похожемъ на писателя, находящагося подъ сильнымъ вліяніемъ Цицероновскихъ произведеній. Поэтому странно, что Ниппердей, признающій Діалогъ за Тацитовское произведеніе, съ 3-го изданія *Литотиси* Тацита (1862) сталъ въ числѣ защитниковъ идеи о появленіи Діалога по смерти Домиціана, и именно въ то время, когда историкъ выпустилъ въ свѣтъ *Агриколу и Германію* ²⁾. Мнѣніе свое Ниппердей основалъ частію на томъ, что выраженіе *juvenis admodum* не шло къ лицу, которое было бы старше 7-ю или 8-ю годами противъ прежняго, частію на томъ, что Діалогъ не могъ быть изданъ при жизни выступающихъ на сцену въ разговорѣ лицъ, какъ, напримѣръ, Куріатія Матерна, умершаго въ 91 году, частію на томъ, что въ разговорѣ заключаются такія вещи, какія не могли быть высказаны при жизни Домиціана. А чтобы примирить это мнѣніе съ различіемъ стиля Діалога отъ одновременно вышедшихъ сочиненій Тацита, Ниппердей долженъ былъ прибѣгнуть къ предположенію, что Тацитъ, выработавши уже свой оригинальный стиль, попытался еще разъ писать въ возродившемся, подъ вліяніемъ Квинтилиана, Цицероновскомъ стилѣ.

Останавливаться на опроверженіи этихъ доводовъ, независимо отъ того, что она въ свое время были въ главномъ достаточно опровергнуты еще Штейнеромъ въ его упомянутомъ нами раньше сочиненіи о Діалогѣ ³⁾, нѣтъ нужды уже потому, что они, вообще говоря, произвольны и никакъ не выжутся съ послѣдовательностью образованія тацитовскаго стиля, сдѣлавшееся послѣ трудовъ Дрэгера и Вѣльфлиха своего рода догматомъ въ наукѣ. Болѣе цѣлесообразно звучатъ доводы тѣхъ изъ единомышленниковъ Ниппердей, которые не призна-

¹⁾ Ниппердей, Зауше, Губнеръ, Андресенъ.

²⁾ Введеніе къ 3-му изданію *Литотиси* (Берлинъ, 1862), р. XXII. Замѣчательно, что въ введеніи къ первому изданію *Литотиси* (1851) Ниппердей высказалъ мнѣніе, нашедшее себѣ затѣмъ не мало послѣдователей, что *Dialogus de oratoribus* написанъ въ 81 г., при Титѣ.

³⁾ См. изложеніе этого опроверженія у *Вейнкауфа*, р. XXXII слд.

ютъ авторомъ Діалога Тацита. Они такъ же, какъ и Ниппердеи, не допускаютъ появленія Діалога до правленія Домиціана въ силу негодности въ такомъ случаѣ ссылки на свои очень молодые годы въ 74--75 г. по Р. Х. и такъ же, какъ ошъ, не допускаютъ появленія его и при Домиціанѣ, когда еще былъ въ живыхъ доносчикъ Эпрій Марцеллъ, имѣвшій большое значеніе при Домиціановомъ дворѣ и умершій не задолго до 93 года. Такъ именно говоритъ Андресенъ, который, считая доказаннымъ, что Діалогъ могъ быть лишь по смерти Домиціана, заявляетъ, что если не прибѣгать „къ извороту“, что Діалогъ написанъ при Домиціанѣ, а изданъ послѣ его смерти, то приходится или отнять его у Тацита, или принять, что одинъ и тотъ же писатель въ одно и то же время писалъ разными стилями, что было бы дѣломъ неслыханнымъ ¹⁾.

Наше мнѣніе, какъ видѣлъ читатель, напротивъ, то, что *Dialogus de oratoribus* написанъ при Домиціанѣ. Мнѣніе это, высказанное нами еще тридцать лѣтъ назадъ въ книгѣ „Тацитъ и его сочиненія“ (стр. 54), остается до сихъ поръ единственнымъ, въ которомъ примиряются разныя данныя и соображенія: и то, что авторъ Діалога, обращаясь ко времени бесѣды въ домѣ Матерна, могъ назвать себя тогда *juvenis admodum*, и то, что написанъ Діалогъ стилемъ, въ которомъ преобладаетъ Цицероновское вліяніе и который представляетъ большую разницу съ стилемъ уже первыхъ историческихъ сочиненій Тацита, и то, что авторъ имѣлъ достаточно времени и условій къ выработкѣ послѣ того болѣе индивидуальнаго стиля, и то, что къ нему, уже сильно выдвинувшемуся на общественномъ поприщѣ, особенно въ роли оратора, человѣку, могъ обратиться Фабій Юстъ за разрѣшеніемъ труднаго вопроса, поставленнаго новыми условіями римской жизни, и то, наконецъ, что сочиненіе соблюдаетъ необыкновенно сдержанный тонъ, когда рѣчь идетъ объ имперіи въ параллель съ республиканскимъ временемъ, на что мы указывали еще въ первомъ своемъ трудѣ о Тацитѣ (*ibid.*).

¹⁾ Введеніе къ 3-му изданію Діалога (Лейпцигъ, 1891), гдѣ доводъ, выставлюющій препятствіемъ къ изданію этого сочиненія при Домиціанѣ существованіе въ живыхъ до 91 года Матерна, опущенъ. Съ замѣчаніемъ о неслыханности разныхъ стилей у одного и того же писателя, направленнымъ, конечно, противъ Ниппердеи, видимо несогласенъ г. Бернгардъ Вуткъ, написавшій разсужденіе: *Dialogum a Tacito Trajani temporibus scriptum esse demonstravit Bernhardt Wutk* (программа городской гимназіи въ Шпандау, 1887) и доказывающій, что *Dialogus de oratoribus* написанъ не раньше 99 и не позже 103 г. по Р. Х. (р. XIV).

Г. Петерсонъ, изданіе котораго подало поводъ къ настоящей статьѣ, приходитъ также къ выводу, что *Dialogus de oratoribus* написанъ при Домиціанѣ, въ первый періодъ его управленія, когда въ младшемъ сынѣ Веспасіана дурныя стороны еще уравновѣшивались до извѣстной степени хорошими, когда онъ оказывалъ поощреніе литературѣ, особенно поэзіи и краснорѣчію. Англійскій издатель Діалога заявляетъ, что трудно думать, чтобъ восшествіе на престолъ новаго императора было для такого полнаго свѣжихъ силъ литературнаго аспиранта, какъ Тацитъ, сигналомъ къ сомкнутію своихъ устъ для молчанія. Онъ не рѣшается сказать, былъ ли Діалогъ Тацитомъ изданъ непосредственно послѣ того, какъ былъ написанъ, или сначала показывался только не многимъ интимнымъ друзьямъ, но находитъ себя „почти вынужденнымъ“ отнести написаніе его приблизительно къ 84—85 г. „Такая теорія,—говоритъ онъ,—выигрываетъ прежде всего достаточный промежутокъ между временемъ сочиненія и исторической канвою его, въ то время какъ, съ другой стороны, предоставляетъ достаточный періодъ времени для развитія стиля Тацита, какъ мы знаемъ его впоследствии. Если Діалогъ былъ тогда же обнаруженъ, то вполне возможно, что продолжительное молчаніе, сохранявшееся Тацитомъ въ правленіе Домиціана, отчасти было вызвано нѣкоторымъ выраженіемъ неодобренія, которое было ему передано. Тотъ, съ какимъ Матернъ относится къ нѣкоторымъ изъ придворныхъ фаворитовъ (13, 10), могъ очень хорошо послужить основаніемъ къ неудовольствію. Эпрія Марцелла, правда, уже не было въ живыхъ, и онъ не могъ сохранять высокаго мѣста въ воспоминаніяхъ императора о прошломъ: Домиціанъ могъ не любить своего отца, но не возможно, чтобъ онъ могъ имѣть какое нибудь расположеніе къ заговорщикамъ. Съ другой стороны, Вибій Криспъ продолжалъ процвѣтать при императорскомъ дворѣ до своей смерти, послѣдовавшей въ преклонномъ возрастѣ, въ 93 году по Р. X. Но уже при Титѣ на такія личности, какъ Криспъ, которыя прокладывали себѣ дорогу къ могуществу путемъ званія *delator*, стало меньше спроса (*Suet., Tit., 8*). вполне вѣроятно, что извѣстное неудовольствіе, которое императоръ могъ выразить, могло быть вызвано столько же общимъ характеромъ сочиненія, какъ и нѣкоторыми частными выраженіями. И за всеѣмъ тѣмъ неудовольствіе это не могло быть очень глубокимъ. Писатель не провинился въ какихъ нибудъ позорящихъ намекахъ на самого Домиціана или на обстоятельства, относящіеся къ его правленію, и

его политическія теоріи, надо полагать, раздѣлялись многими въ Римѣ того времени ¹⁾).

Все это разсужденіе англійскаго издателя Тацитова Діалога представляет собой лишь рядъ вѣроятностей, подъ которыми трудно ощущать достаточно твердую почву. Въ то время, какъ другіе находят появленію въ свѣтъ такого сочиненія, гдѣ не только восхваляется республиканское краснорѣчіе, роскошное развитіе котораго стоитъ прямо въ связи съ широкою политическою свободою, но и дѣлаются выходки противъ доносчиковъ, изъ которыхъ одинъ продолжалъ пользоваться при дворѣ вліяніемъ, прямо невозможнымъ, г. Петерсонъ считаетъ это не только возможнымъ, но и относитъ написаніе его къ 84—85 г., то-есть, къ такому времени, послѣ котораго Тацитъ получилъ отъ Домиціана высокую должность претора. При этомъ онъ допускаетъ, что *Dialogus de oratoribus* не понравился Домиціану и даже вызвалъ неудовольствіе отличавшагося деспотическими наклонностями императора. Но англійскій ученый забываетъ, что причиненіе такого рода лицамъ неудовольствія не равносильно съ облегченіемъ себѣ государственной карьеры, что неудовольствіе, разъ въ нихъ вызванное, ими не забывается, если иногда и не влечетъ неприятныхъ или опасныхъ для виновника его послѣдствій. Съ этой стороны теорія г. Петерсона относительно времени написанія Діалога, видимо, слаба. Да и тридцатилѣтній возрастъ, навязываемый ею автору Діалога, едва ли совсѣмъ устраняетъ возраженія какъ относительно употребленія имъ фразы *juvenis admodum*, характеризующей его возрастъ въ моментъ происходившей у Матерна бесѣды, въ 6-й годъ правленія Веспасіана, такъ и относительно нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ. Если даровитому и трудолюбивому писателю въ тридцать лѣтъ заданный Фабіемъ Юстомъ вопросъ былъ совершенно по плечу, что мы охотно допускаемъ, то нужно взять во вниманіе еще то, могъ ли задавать такой вопросъ и усиленно добиваться рѣшенія его самъ Фабій Юстъ, которому въ 84—85 г., можетъ быть, какъ и его другу и ровеснику Плинію, было не больше 22 — 23 лѣтъ. Возраженіе это сдѣланное Андресеномъ противъ теоріи изданія Діалога при Титѣ въ 80—81 году, сохраняетъ свою силу и тогда, когда хотя бы отнести появленію Діалога на свѣтъ тремя или четырьмя годами позже.

Во всякомъ случаѣ вѣроятность выигрываетъ въ своей силѣ, если

¹⁾ Введеніе къ изд., р. XVIII—XIX.

мы отнесемъ написаніе Діалога ко времени, послѣдовавшему за полученіемъ Тацитомъ отъ Домиціана претуры, слѣдовательно, къ 88-му или къ 89-му году по Р. Х. Черезъ это мы, во первыхъ, устраняемъ съ дороги трудность сохраненія Тацитомъ расположенія деспота даже послѣ возбужденія въ немъ неудовольствія своимъ сочиненіемъ, вовторыхъ, получаемъ для автора приблизительно тридцатипятилѣтній возрастъ, достаточный не только для рѣшенія сложныхъ культурно-историческихъ вопросовъ и для обладанія авторитетностью въ глазахъ другихъ, особенно младшихъ лицъ, но и для того, чтобы имѣть право говорить о своихъ очень молодыхъ лѣтахъ, когда вспоминаешь о событіяхъ, происходившихъ четырнадцать-пятнадцать лѣтъ назадъ. Далѣе эти четырнадцать-пятнадцать лѣтъ представляютъ собой еще не столь далекое прошлое, которое не могло бы быть удобно для воспроизведенія *memoria et recordatione*, какъ выражается въ 1-й главѣ авторъ Діалога, то-есть, памятью того, что было высказано въ его присутствіи бесѣдовавшими въ домѣ Матерна лицами. Наконецъ, послѣ написанія Діалога въ 88 или въ 89 году остается не менѣе девяти лѣтъ до появленія *Агриколы и Германіи*, когда Тацитъ уже освободился отъ господства въ своемъ стилѣ Цицероновскаго вліянія и сталъ замѣтнымъ образомъ проявлять особенности своего индивидуальнаго стиля. Девять лѣтъ, изъ которыхъ четыре были проведены историкомъ внѣ Рима, и въ теченіе которыхъ онъ пережилъ большой внутренней кризисъ, были достаточны для того, чтобы онъ измѣнилъ свой литературный жанръ и съ нимъ характеръ стиля, который не могъ уже быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ эпоху, когда онъ ревностно занимался краснорѣчіемъ и изучалъ сочиненія Цицерона.

Такимъ образомъ мы мало-по-малу приходимъ къ заключенію, что рукописныя преданія, приписывающія *Dialogus de oratoribus* Тациту, не находятъ опроверженія ни въ стилѣ этого сочиненія, ни во времени, когда оно могло быть написано.

В. Модестовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАРЕВИЧА ИВАНА ИВАНОВИЧА ¹⁾.

Царевичъ Иванъ Ивановичъ, сынъ царя Ивана IV, подобно отцу обладалъ склонностью къ книжнымъ занятіямъ и занимаетъ свое мѣсто въ ряду литературныхъ дѣятелей XVI вѣка: ему принадлежитъ передѣлка житія Антонія Сійскаго, раньше составленнаго монахомъ Іоною.

Преподобный Антоній, въ мѣрѣ Андрей, родился въ 1478 г. отъ благочестивыхъ родителей, живущихъ въ веси Кіехта въ Двинской области и „земледѣліе творящихъ“. Семи лѣтъ онъ былъ отданъ „учителю благоискусну и хитру“ въ „училище книжное“, гдѣ и учился съ большимъ успѣхомъ. Сверхъ того родители обучали его „иконному писанію“. Когда Андрею было 25 лѣтъ, онъ лишился родителей. Послѣ этого онъ отправился въ Новгородъ и въ теченіе пяти лѣтъ работалъ у нѣкоего боярина. Здѣсь онъ женился, но уже черезъ годъ потерялъ жену. Съ этого времени Андрей начинаетъ размышлять все чаще и чаще о тлѣнности всего земнаго и стремиться къ иноческому житію, и дѣйствительно, вскорѣ послѣ смерти своего господина онъ покинулъ мѣрѣ и въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ въ Пахоміевой пустыни (на берегу рѣки Кема) постригся подвѣнемъ Антонія, а черезъ годъ по желанію братіи былъ рукоположенъ въ священники. Но монастырская жизнь не удовлетворяла юнаго Ан-

¹⁾ Рефератъ, прочитанный въ годовомъ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности 5-го мая 1894 года.

Тексты житія Антонія Сійскаго еще не изданы. При составленіи реферата мы пользовались рукописями Императорской Публичной Библіотеки изъ собранія графа Толстого: отд. II № 344 (редакція Іоны, XVII вѣка) и отд. III № 31 (редакція царевича, XVI вѣка; списокъ не отличается особенной исправностью текста).

тонія, и онъ съ благословенія Пахомія удалился, сопровождаемый двумя иноками Александромъ и Іоакимомъ, въ пустынные мѣста, на сѣверъ, по рѣкѣ Онегѣ. Они дошли до рѣки Емцы и, поселившись здѣсь, основали монастырь, куда пришли еще четыре инока. И вотъ начинается пустынножизненная жизнь Антонія, полная бѣдствій и лишеній. Вскорѣ на него возстали жители окрестныхъ селъ и заставили преподобнаго искать новаго убѣжища, которое онъ и нашель дальше на сѣверъ, на рѣкѣ Сии. И тутъ не прекращаются разные бѣдствія: то Антоній съ братіей страдаютъ отъ недостатка пищи, то имъ угрожаютъ нападеніемъ разбойники, то пожаръ истребляетъ только что построенную церковь. Но ничто не въ состояніи ослабить ревность преподобнаго, и его трудами новосозданная обитель крѣпнеть и расширяется. Когда число братіи умножилось, преподобный Антоній былъ избранъ игуменомъ, но это избраніе не помѣшало ему вести по-прежнему строго воздержанный и труженническій образъ жизни, посвящать свои силы на служеніе прочей братіи. Между тѣмъ слухъ о преподобномъ распространился повсюду, и многіе страждущіе приходили въ обитель, чтобъ найдти себѣ облегченіе отъ недуговъ съ помощью чудодѣйственной молитвы Антонія. Извѣстность эта тяготила Антонія: онъ боялся, чтобы, будучи славимъ „отъ земныхъ“, онъ не „погрѣшилъ небесная“. Поэтому, поставивъ на свое мѣсто игуменомъ Феогноста, самъ Антоній въ сопровожденіи одного инока тайно ушелъ на озеро Дудницу и поселился на островѣ, весьма удобномъ для пустынножительства. Но мѣсто это было все же близко къ монастырю (на разстояніи трехъ поприщъ), и многіе приходили къ преподобному и нарушали его безмолвіе. Тогда онъ отправился дальше на озеро Падунъ (на разстояніи пяти поприщъ отъ озера Дудницы). Два года прожилъ здѣсь Антоній въ уединеніи. Когда же Феогностъ оставилъ игуменство, то Антоній, уступая настоятельнымъ просьбамъ братіи быть ихъ наставникомъ и настоятелемъ, опять вернулся въ обитель и оставался въ ней до кончины (7-го декабря 1557 г.).

Вскорѣ же послѣ смерти преподобнаго начинаются попытки составить его житіе. Въ редакціи Іоны въ числѣ посмертныхъ чудесъ находимъ чудо „о явленіи святаго отъ священноинокъ нѣкоему“¹⁾. Здѣсь разказывается, какъ нѣкій инокъ, задумавшій написать житіе Антонія, былъ укоряемъ братіей, которая говорила: „прежде

¹⁾ Въ редакціи царевича этого чуда нѣтъ.

сего никто же дерану писати, а сей убо пишетъ и житія святыхъ составляетъ“. Тогда инокъ началъ думать о прекращеніи своего труда, но былъ укрѣпленъ въ своемъ намѣреніи явившимся во снѣ Антоніемъ. Житіе это осталось неизвѣстнымъ ¹⁾.

Далѣе въ качествѣ біографа преподобнаго Антонія выступаетъ инокъ Сійской обители Іона. Свѣдѣнія о происхожденіи этого труда, представляющаго первую редакцію жизнеописанія Антонія, мы находимъ въ записи къ житію (листъ рѣ об.). Уже много лѣтъ прошло со дня смерти преподобнаго, говоритъ Іона, и никто еще не написалъ житія его. Между тѣмъ все меньше оставалось его учениковъ, „достоверно помнящихъ добродѣтели“ своего учителя, все незначительнѣе дѣлалось число „памятуховъ“. И вотъ игуменъ Питиримъ съ братією Сійской обители обратились къ Іонѣ, который, уступая ихъ желанію, изъ многого того, что слышалъ о преподобномъ отъ достоверныхъ свидѣтелей, немногое сообщаетъ, дабы не были позабыты труды его. Питиримъ съ братією и были тѣми „памятухами“, которые сообщали Іонѣ разныя нужныя свѣдѣнія: „Еже бо они о блаженнѣмъ повѣдоваху ми; ови родъ его и воспитаніе и отъ юна персты пребываніе; ови же святаго сего отца о прихожденіи его въ Пахоміеву пустыню, и о начальномъ и непрекословномъ его послушаніи, и о премногемъ смиреніи святаго; иніи же повѣдаша ми, како приде на мѣсто святое сіе, и о общежительномъ пребываніи его, и о многотрудномъ его, и нераскалномъ его, и вышесестественномъ терпѣніи, како пребываше блаженный во отходныхъ пустыняхъ, еже есть во скитѣхъ, вышечеловѣкоестественнымъ житіемъ, сирѣчь ангельскимъ, питаяся тамо быліями саморастущими, а нного ничесо же вкушая, или изъ обители приемя; а иніи сказаша ми о его честнѣмъ и о его святѣмъ преставленіи подробну и истинно, еже тамо бывшии и видѣвшии неблаженно. Азъ же сіа слышахъ и во едино собрахъ, писанію предахъ“ (листы рѣз об. и рѣи). Дѣйствительно, въ текстѣ житія Іона не разъ дѣлаетъ указаніе, что сообщенный фактъ слышалъ онъ отъ очевидца или отъ лица причастнаго ²⁾.

¹⁾ Въ редакціи царевича упоминается инокъ Филосей, который въ 1579 г. явился вмѣстѣ съ игуменомъ Питиримомъ въ Москву, и о которомъ царевичъ говоритъ слѣдующее: „Его же житіе первый списатель свидѣтельствуя въ чудесѣхъ блаженнаго старца“.

²⁾ „Повѣда ми бышес на немъ сіе чудо“ (л. рѣи); „инокъ же си повѣда и мнѣ убогому, самъ своимъ усты, бывшая къ нему вся сіа отъ святаго присѣщенія, азъ же писанію предахъ“ (л. рѣи, об.).

Изъ этой же записи къ житію узнаемъ, что оно было составлено Іоною на 21-й годъ по преставленіи святаго, въ 1578 году, въ царствованіе царя Ивана Васильевича, въ святительство Антонія, митрополита всея Руси, по благословенію Варлаама, епископа вологодскаго и великопермскаго.

Кромѣ житія, Іона по приказанію архіепископа Новгородскаго Александра и по побужденію настоятеля обители Пятирима и всей братіи написалъ еще похвальное слово Антонію.

Іона съ большимъ тщаніемъ выполнилъ свою задачу ¹⁾. Мы видѣли уже, какъ старательно онъ собиралъ отъ очевидцевъ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ жизни преподобнаго. Его простой безхитростный разказъ даетъ намъ не мало интересныхъ историческихъ данныхъ. Жизнь Антонія представлена обстоятельно отъ дней его дѣтства до самой кончины. Тамъ, гдѣ передаются рѣчи преподобнаго, разказъ дышитъ неподдѣльнымъ чувствомъ, порою полонъ лирическаго одушевленія. Правда, Іона не воздѣ самостоятеленъ: г. Нхонтовъ ²⁾ не разъ указываетъ при разборѣ труда Іоны параллельныя мѣста въ другихъ болѣе раннихъ литературныхъ произведеніяхъ; но одинъ ли только Іона изъ нашихъ агиографовъ повисенъ въ этомъ?

Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе труда Іоны. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о предисловіи. Эта часть житія подверглась наибольшей передѣлкѣ въ редакціи царевича, такъ что изъ разсмотрѣнія предисловія въ обѣихъ редакціяхъ можемъ мы лучше всего увидѣть разницу литературныхъ приемовъ обомъ авторовъ. Начинаетъ Іона съ указанія важности агиографическихъ занятій: „О неже великихъ святыхъ мужей добродѣтели писати, преподобно есть и благо. Елици благопотребни Богови явишася; елици міра и сущихъ въ немъ отвергшеся, и суетную прелесть и вся соблазны міра сего отразивше и ни во что же вѣннивше и яко уметы вся поправше по апостолу царства ради небеснаго, и на невидимыя враги крѣпко и мужественно подвизашеся и безвѣсти сотворивше. Кълици духомъ живше и духови приложшася и святое житіе стяжавше; въ нихъ же Святый Духъ вселися и дѣйствова въ нихъ; о нихъ же убо глаголаю есть; ихъ же житію Ангели удившася; имъ же не бѣ достоинъ

¹⁾ Сверхъ житія Антонія Сійскаго Іона написалъ еще житія Сергія Пуромскаго и Варлаама Важскаго.

²⁾ Авторъ исследования: „Житія святыхъ сѣверно-русскихъ подвижниковъ Поморскаго края, какъ историческій источникъ“. Казань. 1882.

весь міръ; ихъ же нога ста на правотѣ; о сихъ же гласъ есть: въ пустыняхъ скитающеса и се мы оставихомъ вся и во слѣдъ тебе идехомъ и паки: въ вертепахъ и пропастьехъ земныхъ крыющеса, наготою, голодомъ, и мразомъ и паромъ дневнымъ и зноемъ измождавшя плоти своя вѣчныхъ ради благъ“ (листы б об. и г) и т. д. Далѣе предисловіе идетъ по готовой формулѣ. Авторъ говоритъ братіи, по-нуждающей его написать житіе преподобнаго, что „превыше нашей силы дѣло сіе обрѣтается, и нѣсть мѣры нашей таковому дѣлу касаться, заже разума нищетою содержимъ есмь и отъ убогаго дома ума моего ничесо же имѣю пищи подобны вашего отчества вамъ предложить трапезу ангельскія сладости пищей полноу суцу. Но праведно убо есть мнѣ убогому далече нѣгдѣ отбѣгнути такового дѣла и въ темнѣ мѣстѣ сокрытися, и совѣстію своею осудитися, и персты споя на устнѣ свои положить, свои недостатки укорити, и себе окляти, и сице разсудивъ себе, таковыхъ не касатися“ (листъ є). Но все-таки Іона повинуется желанію братіи, „понеже преслушанія смерти бояся, иже отческаго заповѣданія преслушавшимъ обыче бывати, и лѣниваго раба запрещенія, иже пріять отъ господина талантъ въ земли сокрывъ“. Іона только проситъ братію монастыря помолитися, чтобы Богъ даровалъ ему „разумъ благосмышленія“. Далѣе Іона указываетъ источникъ своего труда, именно свидѣтельства очевидцевъ жизни Аптонія. Здѣсь мы имѣемъ нѣчто близкое тому, что помѣщено въ записи къ житію. Затѣмъ идетъ разсужденіе на тему, что житія святыхъ пишутся не для славы святыхъ, „не требуютъ бо святіи тлѣнныя славы, но небесныя ищуть“, а для пользы читателей. Оканчиваетъ Іона предисловіе повтореніемъ того, что онъ недостойнъ составлять житіе преподобнаго, что опъ беретъ за это, лишь призваннн на помощь преподобнаго Аптонія и полагаеся на молитвы братіи.

При всемъ своемъ стараніи Іона не угодилъ знатокамъ книжнаго искусства. Въ XVI вѣкѣ составителю житія, чтобы удовлетворить читателя, уже недостаточно было только изложить факты жизни сятаго. Въ это время на первомъ планѣ стояли церковно-ораторскіе элементы житія. Цѣннымъ прибавленіемъ считается краснорѣчивое предисловіе. Если мы прослѣдимъ, какъ наши агіографы XV—XVII вѣковъ относились къ такъ называемымъ первичнымъ редакціямъ, то намъ будетъ ясно, какія требованія начинаютъ предъявляться составителямъ житій. Инокъ Досиѳей въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка, писавшій житіе Зосимы и Савватія, говоритъ слѣдующее о житіи Сав-

ватія, видѣнномъ имъ у инока Германа: „Сія вся повелѣ Германъ клирикомъ писати; яко же Германъ сказоваше имъ простою рѣчію, тако они писали, не украшающе рѣчи, но точію памяти ради писана житія блаженныхъ отецъ Зосимы и Савватія“. Но оказалось, что и Досноей не въ состояніи былъ дать удовлетворительное по понятіямъ того времени произведеніе. Онъ самъ говоритъ, что изъ братіи „овін любяще писанная мною, иніи глумяще съ написанныхъ и въ смѣхъ полагаху“. Въ самыхъ полныхъ спискахъ жизнеописанія Зосимы и Савватія находимъ предисловіе третьяго писателя ¹⁾. Здѣсь между прочимъ говорится, что „Досноей писана потонку и неухищренно и яко же бы возможно тамо живущимъ человекомъ глаголати и прочитати, понеже убо тамо пребывающіе человекѣцы близъ моря и округъ острова того мало свѣдущіе російскаго языка близъ живущіе. Ижера, Чудь, Лопь, вдалѣ же Каяне и Мурмане и иніи мнози языцы. Мнози бо отъ тѣхъ прихождаху во обитель преподобныхъ Зосимы и Савватія и постризающе власы главъ своихъ бываху мниси. Того убо ради Досноей неухищренно ниже добрословесіемъ писаше“. Въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка была составлена первичная редакція жизнеописанія преподобныхъ Іоанна и Логгина Яренскихъ. Пресвитеръ Сергій, написавшій въ XVII вѣкѣ „сказаніе о чудесѣхъ“ преподобныхъ, говоритъ: „сихъ святыхъ повѣсти о чудесѣхъ обрѣтохъ на хартіяхъ написана невѣждами простою бесѣдою не презрѣхъ же сіе не украшено оставити“ ²⁾. Сами составители житій (и житій витіеватыхъ) ожидали встрѣтити строгихъ читателей и заранѣе просили о снисхожденіи, говоря „понеже извитія словесемъ по вѣмъ, ни рѣшенія притчамъ павыкохъ, ни у философвъ учихся, грамотникія же и риторикія никогда же прочитахъ“ ³⁾. Мы приводили примѣры критическаго отношенія къ первичнымъ житіямъ. Конечно, трудъ Іоны не можетъ быть причисленъ по своему литературному стилю къ числу первичныхъ житій, но и онъ все-таки, какъ уже мы сказали, не удовлетворялъ требованіямъ знатоковъ и, быть можетъ, потому, что они не находили здѣсь „извитія словесемъ“.

Въ 1579 году прибылъ въ Москву игуменъ Сійскаго монастыря

¹⁾ Оговорка эта приписывается Максиму Греку.

²⁾ *И. С. Некрасовъ*. Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси. Часть I, стр. 36, 44, 46, 57.

³⁾ *Ключевскій*. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 428.

Питиримъ въ сопровожденіи уже упомянутого перваго списателя житія ипока Филоея. Явились они съ цѣлью просить о признаніи Антонія святымъ. Празднованіе было установлено. Тогда митрополитъ Антоній, Питиримъ, Филоей и архіепископъ новгородскій Александръ стали уговаривать царевича Ивана Ивановича сложить канонъ въ честь преподобнаго. Очевидно, что царевичъ былъ въ это время извѣстенъ, какъ мастеръ литературнаго дѣла. Царевичъ согласился, но не ограничился только составленіемъ канона, а находя, что трудъ Іоны „въ лехкости“ написанъ, „въ другоредъ преписалъ житіе“ Антонія. Вотъ, что сообщаетъ самъ царевичъ въ особой записи о своей работѣ:

„И образъ его изыскавъ отъ тѣхъ самовидцовъ и неложныхъ свидѣтелей: и еже слышахъ у отца моего о подобіи лица его и возраста и отъ волножь, знаехъ баше былъ преподобный всѣми, яко часто приходаше во градъ богоспасающій и царствующій градъ Москву; и отъ тѣхъ отъ всѣхъ испытно ищитавъ, и напечат(лѣт)ъ повелѣхъ подобіе воображенія, а самъ канонъ изложи отъ житія его, слико вразуми мя Богъ, и въ разумъ мой приде. Потомъ начахъ писати и житіе преподобнаго, имѣхъ убо отъ тѣхъ преподобныхъ принесено ко мнѣ списаніе о житіи его и zelo убо суще въ лехкости написано. Азъ же понуждаемъ бысть отъ предиреченнаго Александра, еже написати похвалу святому, въ житіи слико вразумѣхъ, толико и написахъ, еще же и повѣда ми послѣди списанія сего, яже содѣюшася ново, у гроба преподобнаго отца Антонія“ (листы 389 об.—390).

Трудъ царевича распадается на двѣ части. Одна часть вполне самостоятельна. Сюда принадлежать заново составленное предисловіе; далѣе, статья, помѣщенная въ редакціи царевича послѣ похвальнаго слова подъ заглавіемъ: „Восписаніе и сказаніе предписанное. О похвалѣ святаго“; наконецъ, служба преподобному Антонию. Вторую часть составляетъ передѣлка житія, чудесъ и похвальнаго слова, написанныхъ Іоною.

Остановимся сначала на этой второй, редакторской сторонѣ писательства царевича. Въ общемъ, можно сказать, царевичъ не подвергалъ трудъ Іоны значительнымъ передѣлкамъ. Да что онъ могъ и сдѣлать, не нарушивъ историческую вѣрность, когда на каждомъ шагѣ встрѣчалъ у Іоны или разказъ очевидца, или описаніе мѣстности, или воспроизведеніе рѣчей и наставленій преподобнаго? Мѣстами (и такихъ мѣстъ достаточно) текстъ обѣихъ редакцій почти совпадаетъ, и разница заключается лишь въ небольшомъ измѣненіи отдѣльныхъ словъ. При значительномъ сходствѣ обѣихъ редакцій во многихъ мѣстахъ, мы однако, послѣ внимательнаго сличенія

ихъ, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ проф. Ключевскаго, что царевичъ „написалъ новое предисловіе и сократилъ два первые разказа въ трудѣ Іоны, а далѣе дословно повторилъ послѣдняго“¹⁾. Редакчество царевича выразилось шире, чѣмъ говорить проф. Ключескій. Прежде всего, царевичъ внесъ весьма значительное количество цитатъ изъ Священнаго писанія въ дополненіе къ тѣмъ, которыя есть у Іоны (изъ разныхъ библейскихъ книгъ, изъ Лѣтвицы)²⁾. Нѣсколько разъ царевичъ дѣлаетъ церковно-историческіе экскурсы, совершенно отсутствующіе у Іоны. Приведемъ примѣры:

Андрей, немного не дойдя до Пахоміевой пустыни, уснулъ. И вотъ явился ему во снѣ старецъ въ бѣлыхъ ризахъ и съ крестомъ въ рукѣ, сказалъ Андрею: „возьми крестъ свой, гряди въ слѣдъ мене“, и затѣмъ благословилъ Андрея крестомъ, прибавивъ: „симъ побѣжай лукавые духи“. По поводу этого явленія царевичъ указываетъ аналогичные случаи въ церковной исторіи: 1) какъ Константину явился крестъ „на небесѣхъ звѣздами составленъ паче солнечныхъ лучъ крестообразно“; 2) какъ Моисей палицею разсѣкъ Черное море и побѣдилъ Аммалика тѣмъ, что крестообразно распростеръ руки; 3) какъ Арсеній, жившій во времена царей „Аркадіа и Ануріа“, когда пожелалъ отойти въ иночество, дважды слышалъ голосъ, который повелѣвалъ ему безъ колебаній покинуть міръ; 4) какъ иноку Досифею явилась въ образѣ жены Богородица и велѣла молиться и поститься, чтобъ избѣжать мукъ; 5) какъ Марія Египетская слышала голосъ Божіей Матери и какъ митрополитъ Алексій, еще будучи міряниномъ, слышалъ голосъ незримаго существа, предсказавшій ему будущее иночество (листы 130 и сл.).

Послѣ разказа о томъ, какъ житель села Бросачева, по имени Самуилъ, увидѣлъ неожиданно въ пустынной мѣстности Антонія, окруженнаго иноками, у царевича находимъ слѣдующую вставку: „Пишетъ убо и въ житіи преподобныхъ отецъ, иже въ скитѣ живущихъ, иже ихъ молитвы яко столпіе огнено отъ земля до небеси стояща. Пишетъ убо и въ житіи преподобнаго и богопоснаго отца нашего Александра Свирскаго, новаго чудотворца, егда наиде его Андрей Завалишинъ, творящу ему ловы и видитъ еленя, посомъ же

¹⁾ Ключескій, *op. citato*, стр. 31.

²⁾ Одинъ разъ царевичъ ошибся въ указаніи источника цитаты. Слова: чти отца твоего и мать твою и т. д. онъ называетъ евангельскими, хотя у Іоны они вѣрно названы пророческими.

гонящимъ еленя того, и той елень невидимъ бысть ни псомъ, ни ловцу ихъ, но наиде стезю яко единому человѣку шествующа и обрѣте Божія человѣка блаженнаго Александра. Тако и сій обрѣтъ блаженнаго Антонія“ (л. 161).

Іона, разказывая о переселеніи Антонія на рѣку Сію, сообщаетъ со словъ жителей окрестныхъ селъ, что задолго до пришествія святаго они слышали звонъ и церковное пѣніе и видѣли иноковъ, прорубающихъ лѣсъ. Царевичъ въ своей редакціи напоминаетъ, что нѣчто подобное находится и въ житіи Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ: „Егда пришедшу блаженному Савватію на островъ Соловецкій и слышитъ звонъ въ день недѣльный велий, во вся дни по обычаю и звонящи во вся дни и въ нощи, яко же обычай есть въ монастырѣхъ, и во многихъ убо житій сихъ знаменіе обрѣщемъ, яже Богу восхотѣвшу своя угодники прославити“ (л. 167).

Въ главѣ „о пришествіи разбойникъ“ разказывается, что дьяволъ внушилъ Василію, намѣстнику новгородскаго архіепископа, мысль о богатствѣ Антонія, и что Василій отправилъ на монастырь разбойниковъ для разграбленія его. Царевичъ указываетъ въ Патерикѣ Печерскомъ ¹⁾ и въ житіи Авраамія Ростовскаго, подобныя же случаи что дьяволъ ложно сообщаетъ князьямъ тѣхъ мѣстъ о мнимомъ богатствѣ праведниковъ, и что одному изъ праведниковъ, Авраамію, пришлось изъ за этого много потерпѣть (л. 179 об. и сл.) ²⁾.

Наконецъ, по поводу приказанія Антонія по смерти тѣло его или бросить въ дебри на съѣденіе звѣрямъ, или повѣсить на деревѣ, или же повергнуть въ озеро, царевичъ приводитъ еще примѣры подобныхъ завѣщаній изъ Лѣствицы и изъ житія Александра Свирскаго (л. 268 об. и сл.).

Дѣлаетъ вставки царевичъ и для приданія разказу большей картинности и поэтичности. Такъ, напримѣръ, послѣ описанія жизни Антонія въ пустынѣ, разнообразныхъ лишеній и борьбы съ кознями дьявола, у царевича находимъ еще слѣдующія слова: „яко же бо морскія волны о камень разбивашеся, тако и вражіе коварство всо отъ преподобнаго истребляшеся; или твердый адамантъ и жало употребляеть, и камень стираеть, тако и сій преподобный отоць нашъ Антошій невидимыхъ врагъ молитвою употребляше и отъ человѣкъ не-

¹⁾ Житіе Василія и Θεодора.

²⁾ Собственно говоря, пострадалъ и Θεодоръ, упоминаемый въ Патерикѣ, но этотъ эпизодъ изъ Патерика у царевича приведенъ очень неполно и неточно.

праведныхъ приносимые примаше съ радостію“ (л. 171). Подобное картинное распространіе видимъ также въ разказѣ о братѣ Геласіѣ, не успѣвшемъ застать преподобнаго Антонія живымъ. Вотъ какъ читается это мѣсто въ обѣихъ редакціяхъ:

Редакція Іоны:

Зако(слѣ)вшу же ему и не пришедшу скоро въ монастырь иѣкихъ ради великихъ нуждъ, и не прилучися ему быти и на преставленіе преподобнаго (листь рѣ).

Редакція царевича:

Зако(слѣ)вшу же ому и не пришедшу скоро въ монастырь иѣкихъ ради великихъ нуждъ монастырскихъ, кочиящу же ему время не мило тамъ, но вшегда же изорудовати потребы монастырскыя, восхотѣ въ монастырь возвратитися и не возможе морскаго ради тревоженія и вѣтренаго ради противнаго надлежанія, поспеже воздуху уже премѣншуся, во глубокую сънь преложшуся, и морю возгремѣвшуся, волны яко горы ношашеся, и вѣтренему дыханію противну велику возбравяющу, и лды же уже на морѣ плаваше великыя, и не дадушу ему возвратитися во обитель наку блаженнаго и сицеваго ради морьскаго залогу пужаго и озимѣти Геласіе сему тамо и не приѣти ему въ монастырь на преставленіе преподобнаго“ (листы 253 об., 254) ¹⁾.

Кое-гдѣ царевичъ распространяеть редакцію Іоны, чтобы рѣзче обрисовать поступки преподобнаго и внушить читателю большее къ нимъ уваженіе. Такъ у Іоны паходимъ замѣчаніе, что Антоній „многожды же и отай братіи милостыню нищимъ даяше, да не ропотъ будетъ во братіи“ (листь Чѣ об.). Въ редакціи царевича это мѣсто распространено слѣдующимъ образомъ: „многожды же и опотай братіи, многожды убо даяше нищимъ и ризы своя, яже пошаше, самъ же многожды босыми ногами хождаше, не баше бо ему имѣнія даяти нищимъ, но еже самъ носяше сіе и подаваше имъ. Иѣци же отъ

¹⁾ Описаніе морской бури см. еще въ житіяхъ Зосимы и Савватія, Іоанна и Логгина Яренскихъ (*Некрасовъ*, Пахомій Сербъ, стр. 92). Слабую попытку изобразить волнующееся море находимъ и у Іоны, но въ другомъ мѣстѣ, именно въ одномъ изъ посмертныхъ чудесъ преподобнаго. Здѣсь читаемъ слѣдующее описаніе: „Приде нань буря вѣтрениа веліа, и бысть въ мори трусь великъ зѣло, и волны на мори яко горы устремляхуся“ (и все описаніе, л. рѣ).

братіи его видяще, иже не разумни суще, ругахуся другъ ко другу глаголюще, видите ли святого нашего, яко ни ризы, ни сандаліа на ногахъ имать. Прендобный же отецъ нашъ Антоніе вся съ радостію приємлетъ, милостыню пицимъ даяше, даже ропоть будетъ въ братіи“ (листы 219 и 220).

Иногда послѣ изложенія извѣстнаго эпизода царевичъ дѣлаетъ вставку для объясненія этого событія. Такъ, напримѣръ, послѣ разказа о томъ, что Андрей прожилъ пять лѣтъ у новгородскаго боярина и женился въ это время, находимъ у царевича слѣдующія слова, совершенно отсутствующія у Іоны: „Се же не безъ Божія велѣнія бысть, но вся быша Божиємъ изволеніемъ, Богу тако изволившу, да прежде блаженный обучився мірскому пребыванію и яко нѣкоими степенями отъ нижнихъ на горнія добродѣтели взыдетъ иноческаго жительствова, и тако обрящется благопотребенъ Богу; по повелѣнію же Господа своего и законному браку счѣтовается. Се же все Божія смотрѣнія дѣло бысть, восхотѣвшу Богу блаженнаго отрока въ сицевыхъ обучитися“ (листы 120 об. и 121).

Сверхъ подобныхъ примѣровъ, вносящихъ въ обѣ редакціи большія различія, мы находимъ у царевича не мало измѣненій, сдѣланныхъ изъ-за стилистическихъ соображеній. Измѣненія эти самаго разнообразнаго характера: изложенное растянута у Іоны—у царевича выражается болѣе сжато; выкидываются лишнія или неподходящія слова; уничтожаются повторенія, противорѣчія, неточности и непоследовательность изложенія; наконецъ, подправляются невѣрныя формы. Отмѣтимъ еще одну черту редакторской дѣятельности царевича, именно взглядъ на отношеніе его труда къ труду Іоны. Царевичъ не ограничился, какъ уже было показано, тѣмъ, что переписалъ редакцію Іоны. Онъ внесъ въ нее нѣкоторое число добавленій, исправилъ многія мѣста (хотя и не всѣ, которыя нуждались въ исправленіи) со стороны стилистики. Но все же онъ понималъ, что текстъ Іоны играетъ видную роль въ его редакціи. Поэтому онъ сохранилъ Іонинскую записку къ житію съ указаніемъ, что оно написано Іоною, сохранилъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ Іонѣ. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Іона желалъ выразить свое смиреніе, царевичъ смягчалъ слова Іоны. Такъ изъ словъ Іоны: „азъ убогій священноиннокъ Іона, и грубый, и унылый, и лѣнивый“, у царевича оставлено только: „азъ убогій священноиннокъ Іона“; вмѣсто словъ Іоны: „отъ многихъ малая въ повѣсть списать дерзнувшаго“ у царевича находимъ: „отъ многихъ малая въ повѣсть списавшаго“. Такое же сохра-

неніе царевичемъ выраженій, относящихся къ Іошѣ, видимъ и въ текстѣ житія и чудесъ вездѣ, гдѣ Іона говоритъ, что онъ слышалъ то или другое отъ кого-нибудь изъ „памятуховъ“, эти слова повторяетъ и царевичъ.

Обратимся теперь къ тѣмъ частямъ труда царевича, гдѣ онъ не находился въ зависимости отъ Іоны, и прежде всего разсмотримъ предисловіе къ житію. Въ началѣ его находимъ слѣдующее заглавіе:

„Мѣсяца декабря въ 3 день житіе и подвизи и мало отъ части чудесъ неповѣдавіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего аввы Антонія чудотворца, иже Сійскій нарицается по острову, составляшаго пречестную обитель во имя Святыхъ и Живоначальныхъ Троица на езерѣ Михайловѣ въ предѣлахъ западныхъ. Преписано бысть сіе во царство благовѣрнаго и христолюбиваго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца, и при освященномъ Антоніѣ митрополитѣ всея Русіи, и при благовѣрныхъ царевичехъ царевичѣ Ивалѣ и при царевичѣ Теодорѣ Ивановичехъ, многорѣшнымъ Ивановомъ, во второе на первомъ писателя, колѣна августова, отъ племени варяжскаго, родомъ Русина, близъ восточныя страны, межъ предѣлъ словенскихъ, и варяжскихъ, и агаринскихъ, иже нарицается Русь по рѣкѣ Русѣ. Благослови отче“ (листы 73 и 74).

Уже съ первыхъ строкъ предисловія, написаннаго царевичемъ, мы видимъ, что имѣемъ дѣло съ совершенно иными литературными приемами, чѣмъ у Іоны. Вотъ начало предисловія:

1) „Благаго и преблагаго и всеблагаго нашего Бога и Царя добро есть отъ Бога Божіимъ угодникомъ начати вся, иже отъ Него созданная словесная самовластиа сапомъ почетнаго. Ови и убо суть Тому друзи, друзи убо Тому есть, еже убо приближившеся Тому всѣмъ животомъ, и всю жизнь суетную мимо текущую и глѣбную ни во что же вмѣшивше, единаго Христа возлюбивше, и Того добротѣ наслѣдницы явившася. Елицы убо Его познаша, толпо и Онъ ихъ возлюбилъ; и обаче еще и живи суть и въ бернѣемъ телеси, и сопробывающу въ нихъ Пресвятому Духу и дѣйствующу, отъ мира множайшими частями умертвившася и множайши удалшася и уединившася отъ чловѣкъ воинствовати и въ воинскій санъ Царю царствующимъ и Господу господствующимъ причтошася, яко добримъ храборници и крѣпцими воини непобѣдиміи, верхи горамъ постигши и кушци потокши, верхи верхомъ постигши добродѣтелей; яко же бо нѣкотори воини добрымъ и промудрымъ стратигомъ тчатся всѣмъ разумомъ и хитростію прага побѣдити своего телеснаго, тако и тѣи невидимаго врага супостата тми вѣкы князи борющаго насъ хитростію Духа Святаго побѣдивше, легкома крылома того сѣти прешеду иже на нихъ проняти. Пишетъ убо яко нѣкоторымъ въ ногахъ жылы разгорѣшася и болша начаша тещы, или нѣкоторый елень заналився сердца своего гѣлеснаго жаждоу на воду грядеть, и Пророкъ возонилъ глаголетъ: имъ же образомъ жаждетъ елень на источники водныя, сице жаждетъ душа моя къ Богу крѣпкому и живому. Елена убо Пророкъ приложи къ мужу пра-

ведну, и святу, и преподобну, и беззлюбиву. Про таковыхъ убо Апостолъ глаголетъ: братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершеннѣ бывайте. Елень убо чисто есть и беззлюбиво, и на кровь нехотѣтельно, и чловѣкопепавивно, по егда бо воспалится жаждою тѣлесною, тогда грядетъ на воду и жсласть: тако и святыи духопосныи преподобныи отецъ нашъ Антоніе, о немъ же намъ выиѣ слово предлежитъ, запалився огнемъ божественнымъ, реченно убо есть: внигда возгорится сердце отъ душа доброты желательныи, тогда умомъ чловѣкъ и плѣнець бываетъ, умъ бо отъ любви Божіи изступаетъ, иже видѣвъ духъ воцарится, повивувшимся ему внѣ себя бываетъ, и не вѣсть яко на земли пребываетъ, но мѣсти, яко на небесехъ пребываетъ. Таковою убо любовію блаженныи отецъ нашъ Антоніе распалився, вся оставивъ Христа ради по Пророку реченному: се удалихся, бѣгавъ, и водворихся въ пустыни, чаахъ, Бога спасающаго мя отъ пренемоганія и буря забыхъ и быхъ, яко птица особающаяся на здѣ“ (листы 74—77).

Далѣе:

2) „И Господъ во Святѣмъ Своѣмъ Евангеліи глаголетъ: не бойся, Мое малое стадо, его же благоизволи Отецъ Мой дати вамъ царство; будутъ убо чресла ваша препоясанія истинною и свѣтильницы горяще, и вы подобни чловѣкомъ, чающе Господа своего; и пишеть убо во апакалянси, яко даны быша нѣкомъ потири бѣлы, да ся утѣшатъ; сиречь, ризы свѣтлыи; таковы суть труды, и подвизи, и посты, и молитва, и чистота душевная и тѣлесная, иже во здѣшней и суетней, и мимотекущей жизни, акы быстринѣ рѣчнѣй подобаеся, текуще стѣнь, стѣнь мимогрядущая, сонъ, мечтаніе, привидѣніе, прахъ—здѣшнее наше житіе. Сій святыи преподобныи отецъ нашъ, о немъ же намъ слово предлежитъ, и дѣлу яхомся, мечтанія вся сія отложъ, къ симъ всѣмъ исправленія предлежа. Видждъ, что убо препоясаніе, и ризы бѣлы, и свѣтильницы злати горяще; ризы бѣлыи мѣняютъ чистое, и нескверное, и непорочное (житіе); яко же ризы бѣлы, тако ихъ житіе свѣтяеся, и душа, и тѣлеса ихъ бѣлы, и чисты, и нескверны; и препоясаніе же при сесцу ангельско, и святительско, и царско есть; ангельское удержаніе ярости есть неплотьско, но сердечнѣи, то же и святительско, и царско; тѣмъ же преподобнымъ отцемъ пояси при сесцу прообразуетъ, убо плоть свою обуздавшее и препоясавшее воздержаніемъ“ (листы 80 и 81).

Мы привели два большихъ отрывка изъ обширнаго разсужденія объ угодникахъ Божіихъ, соотвѣтствующаго началу предисловія Іоны. Какъ здѣсь, такъ и тамъ—тема одна и та же, но вмѣсто немногихъ болѣе или менѣе простыхъ словъ Іоны у царевича находимъ значительное распространеніе той же мысли, сравненія, аллегорическія толкованія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи отмѣтимъ мѣсто, гдѣ говорится о необходимости отказаться отъ земныхъ привязанностей и послѣдовать за Христомъ. Здѣсь царевичъ, выказывая съ одной стороны хорошее

знакомство съ священнымъ писаніемъ, съ другой стороны является блестящимъ стилистомъ. Вотъ это мѣсто: „Господь убо Христосъ Богъ нашъ, Спасъ всего міра, во Святомъ Своемъ Евангеліи глаголетъ: аще не отречется кто своего имѣнія, аще же и душа своя, не можетъ быти Мой ученикъ, иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть; благо бо есть и паки благо есть, легко убо есть бремя Его; не мпози убо заповѣди, еже Господь заповѣда намъ, и аще совершимъ по Его святому повелѣнію, не токмо на земли прославить насъ, но и на небесѣхъ прославить. Богословець глаголетъ убо, не любите убо міра и яже суть въ мірѣ, и аще кто міръ любить, врагъ Божій бываеть. Разумѣши ли, аще кто міръ любитъ, врагъ Божій бываеть? Кая благодать въ немъ бываеть? кая къ Богу благодаренія, кая къ Богу прошенія? и гдѣ въ тѣхъ къ Богу моленія, и слезы, и труды? и гдѣ услышаніе отъ напастей и избавленіе огненаго горѣнія? и легко бо есть, иже вземше на ся иго Христово и отъ міра отлучившися; есть люто убо и въ правду люто, еже унівшимся намъ самохотѣніемъ и самолюбіемъ, и отторгнувшимся во слѣдъ похотемъ своимъ и вдавшимся страсемъ и сластемъ, и гордящимся и величающимся; и гдѣ убо въ тѣхъ молитва? еже гордость, не имать пребывати ту молитва; гдѣ убо въ тѣхъ сердце сокрушено? и пророкъ возопи, глаголя: сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ, гордымъ окомъ и не сытымъ сердцемъ сихъ испавидѣхъ, иже сердцемъ, яко пардуси, на ближяго и другъ на друга; въ нихъ же грохотаніе, и кошуны, и смѣяніе; гдѣ въ тѣхъ молитва и слезы? гдѣ въ тѣхъ сердечное къ Богу восклицаніе отъ душа? гдѣ въ тѣхъ, иже приближащихъ и совокупающихъ множествомъ богатства“ (листы 83 об.—85).

Для подтвержденія мысли о тлѣности земнаго богатства царевичъ приводитъ нѣсколько притчъ изъ Евангелія (о богатомъ и о Лазарѣ; о богачѣ, возгордившемся своимъ богатствомъ; о богатомъ юношѣ), изъ Дѣяній Апостольскихъ (разказъ объ Ананіи) и также изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ (эпизодъ о трехъ друзьяхъ, при чемъ первымъ другомъ является жена и дѣти, вторымъ—богатство, а третьимъ—нищій). Сдѣлавъ рядъ назидательныхъ цитатъ какъ изъ Священнаго писанія, такъ и изъ свѣтской литературы, царевичъ пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи дать нѣсколько наставленій: воздерживаться отъ злорѣчія и обмана, не поддаваться гордынѣ; однимъ словомъ, „бѣгать отъ грѣха и вса-

кыя неправды“, чтобы сохранить „ту божественную ризу чисту и нескверну, юже пріяхомъ отъ святого крещенія, до исхода живота нашего“. Далѣе говорится, что никто не долженъ отчаиваться въ возможности получить прощенье грѣховъ, но надо не позволять страстямъ позростать въ нашей душѣ. Всѣ эти наставленія изложены съ такими же литературными приѣмами, какъ и начало предисловія. Такъ, по поводу совѣта не предаваться гордынѣ приведенъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторій, показывающихъ, что гордыня вела всегда къ злу. Послѣ совѣта уничтожить страсти въ самомъ началѣ сообщается эпизодъ изъ книги Дороея, какъ нѣкій старецъ заставлялъ одного изъ учениковъ своихъ вырывать изъ земли кипарисъ: небольшой кипарисъ выдернуть было легко; но чѣмъ кипарисъ былъ больше, тѣмъ труднѣе становилось исполнить полю старца, такъ что подъ копецъ пришлось прибѣгнуть къ посторонней помощи.

Слѣдующая за этимъ часть предисловія содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, относящіяся къ самому агиографу и его труду. Здѣсь почти та же схема, которую мы видѣли и у Іоны: царевичъ благодаритъ Бога, научившаго его написать о преподобномъ Антоніѣ; проситъ самого Антонія невидимо быть ему „наказателемъ“ при выполненіи труда; проситъ братію молиться за успѣшное окончаніе его задачи; говорить, что боялся, отказавшись отъ работы, уподобиться рабу, скрывшему талантъ, такъ какъ „дѣла Божія проповѣдати преславно есть“. Далѣе идутъ свѣдѣнія о происхожденіи житія: о просьбѣ Питирима и братіи; о полученіи свѣдѣній отъ „самовидцевъ“. Оканчивается предисловіе слѣдующимъ лирическимъ обращеніемъ: „Господи, Господи, вразуми мя оправданіемъ твоимъ, Духомъ Твоимъ святымъ утверди и духомъ владычнымъ укрѣпи мя. Слава Ти, Господи, и наки рече: слава Ти, слава Тебѣ многомилостивому, слава Ти милосердому, слава Ти многощедрому, слава Ти человѣколюбивому, слава Ти, милосердія пучина бездна. Слава Ти, слава Ти, Господи, иже укрѣпи ми немощнаго, и лѣннаго, и грубаго, и ненокорипаго, и злаго раба и буено. Ты ми, Господи, устпѣ утверди, и сердце вразуми, и языкъ мой укрѣпи. Отселѣ бо дѣлу ся яхъ и слово глаголю, да возглаголю о роженіи святаго“ (л. 114).

Послѣ похвалы преподобному, составленной Іоною и сохраненной царевичемъ, въ редакціи послѣдняго помѣщается еще одна статья, всецѣло ему принадлежащая. Она озаглавлена такъ: „Восписаніе

и сказаніе предписанное о похвалѣ святого. И здѣ мало нѣчто имать къ похвалѣ святому. И о преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, иже въ рооссійстѣмъ островѣ просіавше. Списано же бысть сіе мною же многогрѣшнымъ Іоанномъ, Русина родомъ. Благослови отче“ (листъ 369 и сл.). Повторивъ похвалу святому, написанную Іоною, царевичъ имѣлъ уже мало матеріала для новаго прославленія Антоція; поэтому въ своей оригинальной статьѣ царевичъ прославляетъ, главнымъ образомъ, разныхъ русскихъ свитыхъ, въ томъ числѣ и Антоція, и говоритъ о значеніи ихъ дѣятельности. Въ общемъ можно сказать, что статья написана слабѣе предисловія.

Что касается канона, то содержаніе его состоитъ отчасти изъ воспоминаній о событіяхъ жизни Антоція и его чудесахъ, отчасти изъ риторическихъ обращеній къ преподобному и къ Божіей Матери. Здѣсь царевичъ выказалъ себя прекраснымъ стилистомъ. Приведемъ для образца одно мѣсто: „Что Тя нареку, Антоіе, херувимли, яко на Тебѣ почилъ естъ Христосъ; серафимли, яко непрестанно прославилъ еси Его; ангела Тя нареку, яко ангельски пожилъ еси и плоть Свою вознепавидѣлъ еси; многа Твоя чудеса, а больша дарованія. Моли спастися душамъ нашимъ. Что Тя наречемъ, Антоіе, прехвальне на земли, яко безплотенъ пожилъ еси и на небеса възде; точиши пещѣленія, и твориши чудеса, и отгониши духи лукавыя отъ челоуѣкъ; многа Твоя чудеса, а больша Ти дарованія. Моли спастися душамъ нашимъ. Что Тя нареку, Антоіе, прехвальне, кладязь неисчерпаемый чудесъ, море божественнаго дарованія, жажду лютую утоляюще и сердце веселяще, тьму лютую отъ душа отгоняще невидѣнія и просвѣщаеши вся свѣтомъ разума; многа Твоя чудеса, а больша дарованія. Моли спастися душамъ нашимъ“ (листы 67 об.—68).

Мы разсмотрѣли и редакторскую, и авторскую дѣятельность царевича Ивана Ивановича. Передъ нами писатель хорошо начитанный и обладающій несомнѣннымъ талантомъ. Церковно-славянскимъ языкомъ, литературнымъ языкомъ древней Руси, владѣеть онъ, можно сказать, хорошо. Не менѣе искусенъ онъ и „въ плетеніи словесъ“. Ярче всего дарованіе царевича выразилось въ канонѣ и въ предисловіи, гдѣ онъ былъ вполне самостоятеленъ. Если же части, написанныя на основаніи Іонинскаго матеріала, слабѣе оригинальныхъ, то это можетъ объясняться, вонервыхъ, боязнью автора повредить исторической вѣрности разказа; вовторыхъ, тѣмъ, что царевичъ, наследовавшій тревожный, увлекающійся характеръ своего отца, по

могъ долго сосредоточиться на одномъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ онъ началомъ работы показалъ, что могъ бы онъ сдѣлать на литературномъ поприщѣ, еслибы преждевременная смерть не прервала его жизни ¹⁾).

Н. Тушневъ.

¹⁾ Въ собраніи графа Толстого есть еще одинъ списокъ (XVII вѣка) житія преподобнаго Антонія Сійскаго (отд. II, № 490). Здѣсь мы имѣемъ смѣшанную редакцію: въ основѣ ея лежитъ текстъ Іоны, но изъ редакціи царевича внесены многія поправки и дополненія, сдѣланныя по стилистическимъ соображеніямъ, напримѣръ, описаніе бушующаго моря. За то всѣ оригинальныя части труда царевича, а также церковно-историческіе экскурсы въ смѣшанной редакціи отсутствуютъ.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ XVII СТОЛѢТІЯ.

Изъ всѣхъ южно-русскихъ ученыхъ XVII столѣтія, дѣйствовавшихъ на Москвѣ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ Симеону Полоцкому какъ по многочисленности написанныхъ имъ сочиненій, такъ и по тѣмъ результатамъ, которые они имѣли.

Пріѣхавъ въ 1664 году въ Москву, Симеонъ Петровскій Ситіановичъ Полоцкій, какъ было его полное имя, сразу заявилъ о себѣ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ схоластической науки и потому по справедливости заслуживаетъ названія энциклопедиста XVII столѣтія, обнаружившаго свѣдѣнія и богословскія, и педагогическія, и литературныя.

Среди напечатанныхъ имъ сочиненій имѣется между прочимъ „риѣмотворная псалтирь“, стихотворное переложеніе псалтири царя и пророка Давида. По поводу этого-то переложенія мы и имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ.

Сочиненіе это появилось въ свѣтъ въ 1680 году. На первомъ листѣ авторъ по свойственному тому времени обычаю даетъ краткое попятіе о содержаніи книги и о времени ея выхода: „Во славу Господа Бога въ Троицѣ лицъ, въ единствѣ естества славимаго, Псалтирь царя и пророка Давида, художествомъ риѣмотворнымъ равномѣрно слоги, и согласноконечно, по различнымъ стиховъ родомъ преложенная: Повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего царя, и великаго князя Оеодора Алексіевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержца: благословеніемъ же въ духовномъ чину отца его и богомолца, великаго господина святѣйшаго Куръ Іоакима, патріарха Московскаго, и всея Россіи: издадеся въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ типографіи верхній: въ лѣто отъ сотворенія міра,

№38пи (7188), отъ рождества же по плоти Бога Слова, №4Хп (1680): индикта, 3. мѣс. апрѣліа“.

Въ прозаическомъ предисловіи къ благочестивому читателю Полоцкій такъ объясняетъ появленіе этого труда. Перечисливъ свои сочиненія по времени ихъ написанія: „Вѣнецъ вѣры“, „Обѣдъ душевный“, „Вечера душевная“ и „Вертоградъ многоцвѣтный“, который „ритмически по чину алфавита славенскаго діалекта“ написать, онъ продолжаетъ: „всегда ми достигнути (въ Вертоградѣ) писменѣ пси впаде во умъ псалмы покаянныя преложити стихотворнѣ“¹⁾). Такимъ образомъ оказывается, что поводомъ къ подобному переложенію послужило совершенно случайное обстоятельство. Но, сдѣлавъ два, три опыта, онъ вскорѣ такъ полюбилъ это занятіе, что рѣшился переложить и всю псалтирь („возлюбихъ и на всѣхъ псалмовъ трудъ пуститися“²⁾) и по свойственному ему обыкновенію всецѣло отдался этому дѣлу: „съ толикимъ трудихся прилѣжаніемъ,—говоритъ Полоцкій,—яко паче мя нудяше блахотѣніе ко совершенію того дѣла предпріятого, неже обыкоша лакомо желающіи прибытковъ тлѣнныхъ господіе рабы своя пудити днемъ и нощію ко трудомъ домашнимъ“³⁾), каковую работу и закончилъ въ очень короткій срокъ: „и пособіемъ Божимъ въ немнозѣхъ мѣсяцѣхъ дѣло совершеніемъ увѣччася“⁴⁾). Такимъ образомъ, серьезно занявшись этимъ дѣломъ, Полоцкій не считалъ уже его простымъ упражненіемъ въ стихотворствѣ, но видѣлъ тутъ причины уже болѣе глубокія, которыя и поддерживали его въ необходимости довести дѣло до конца, и на которыя онъ указываетъ въ предисловіяхъ къ своему переложенію.

Извѣстно, что псалтирь въ древній періодъ русской жизни имѣла громадное значеніе: она употреблялась какъ книга богослужбная, какъ книга учебная, какъ книга назидательная для чтенія домашняго и, наконецъ, какъ книга спасительная въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ жизни⁵⁾).

Это значеніе настоящей книги, внѣ всякаго сомнѣнія, было хорошо извѣстно нашему стихотворцу, какъ оно, по крайней мѣрѣ, до

¹⁾ Псалт. рѣмотвор. л. 4.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibidem, л. 4 и обор.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Порфирьевъ, Употребл. кн. псалтирь въ др. быту рус. нар. (Прав. Собес. 1857, стр. 815).

извѣстной степени и обнаруживается изъ предисловія. Указавъ на употребленіе псалтири въ церкви и дома:

Я (псалмы) церковь мати по вси дни читаетъ,
Во всякихъ си пѣніихъ ихъ употребляетъ.
Полезно же и въ домѣхъ оны честно пѣти ¹⁾,—

Полоцкій не проходитъ молчаніемъ и четвертаго случая употребленія псалтири, говоря, что Давидъ пѣлъ псалмы „во всякихъ нуждахъ“, что они внушены Давиду самимъ Богомъ, и потому цари и всѣ вѣрные должны подражать въ этомъ Давиду, такъ какъ псалтирю можно умолить Бога и ангеловъ и умилостивить враговъ ²⁾, какъ бы намекая этимъ на Владиміра Мономаха, обращающагося къ псалтири въ трудную минуту жизни; боярина Феодора, поющаго псалмы во время своего мученія въ ордѣ, и т. п. обстоятельства.

Указавъ такимъ образомъ на общее значеніе псалтири въ древней русской жизни и какъ бы объясняя этимъ, почему онъ остановился именно на псалтири, а не на другой библейской книгѣ, Полоцкій затѣмъ переходитъ къ выясненію обстоятельствъ, заставившихъ его переложить псалтирь стихами. Во первыхъ, свидѣтельство восточныхъ и западныхъ писателей о существованіи стихотворнаго изложенія псалмовъ у евреевъ: „обрѣтохъ въ писаніи творцовъ восточныхъ и западныхъ, яко псалмы въ началѣ си на еврейстѣмъ языцѣ составишася художествомъ стихотворенія. Отъ восточныхъ свидѣтельствуешь о семъ Кириллъ божественный, иже въ словѣ седмомъ на Іуліана Отступника о псалмѣхъ глаголетъ сице: единъ Іуліанъ ненавистію благочестія питичество быти у еврей прекословить“ ³⁾. Это знаменитый александрійскій архіепископъ, Кириллъ, умершій въ 444 г. и оставившій послѣ себя массу духовныхъ сочиненій самаго разнообразнаго характера—изъяснительныхъ, апологетическихъ, полемикодогматическихъ и правоучительныхъ. „Отъ западныхъ же,—продолжаетъ Полоцкій,—Николай Диранъ, иже бѣ родомъ и вѣрою прежде евреинъ, потомъ въ западнѣй церкви велій богословъ, на всю вивлію толкованіе сотворившій, изъ еврейскаго языка на латинскій, въ толкованіи псалтири множицею поминаетъ псалтирь стихотворно писану быти на еврейстѣмъ діалоктѣ“ ⁴⁾. Тутъ разумѣется извѣстный библей-

¹⁾ Псалт. риемот. л. 2 об. Стихотв. обрац. къ Феодору Алексѣевичу.

²⁾ Псалт. риемотъ. л. 1 об. Стихи о псалмѣхъ.

³⁾ Псалт. риемотъ., л. 4 об. Предисл. къ благочест. читателю.

⁴⁾ Псалт. риемот., л. 4 об. Предисл. къ благочест. читателю.

скій комментаторъ XIV столѣтія Nicolaus Lyranus (de Lyra) doctor planus et utilis, умершій въ 1340 году. Кромѣ этихъ двухъ, Полоцкій приводитъ еще свидѣтельство третьяго лица, довольно извѣстнаго еврейскаго комментатора XV — XVI столѣтій Моше Бен Чавив¹⁾: „Еще и еврейскій учитель равви Моисей (въ рукописной Псалтири, принадлежащей Московской Синодальной библиотекѣ № 661, это мѣсто читается такъ: еврейскій учитель равви Моисей Гавивъ) глаголетъ о ней сице: стиси древнихъ святы суть, яко въ псалмѣхъ двостипшія иная мѣрятыся извѣстнымъ слоговъ числомъ: тако да первый стихъ, ово есть должшій, ово кратшій: иная мѣрою состоятъ равною, развѣ яко стиси разиствуютъ числомъ слоговъ, не временемъ, ибо то разиствіе исполняютъ чрезъ ушесъ согласованіе и гортанныхъ движенія, или поглощаютъ неравенство лагодѣніемъ и сладкопѣніемъ“²⁾. Вторымъ обстоятельствомъ, побудившимъ Полоцкаго къ подобной работѣ, были видѣнныя имъ, стихотворныя переложенія псалмовъ на греческомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ: „яко на еллинствѣхъ, на латинствѣхъ языцѣхъ прилучимся псалтирь стихотворно преведенную видѣти: видѣхъ и на прискрнемъ нашему славенскому языку діалектѣ полскомъ книги печатныя, псалтирь стихотворно преложенную содержащія, не точію во странахъ полскихъ, но и въ царствующемъ градѣ Москвѣ обносимы“³⁾. Изъ греческихъ стихотворныхъ переложеній псалтири Полоцкій, очевидно, разумѣетъ переложеніе героическими стихами псалмовъ, сдѣланное Аполлинаріемъ, епископомъ Лаодикійскимъ IV столѣтія, какъ это видно изъ приписки самого Полоцкаго, находящейся въ церковномъ спискѣ римотворной псалтири въ концѣ того же предисловія⁴⁾ и не имѣющей въ печатномъ изданіи: „На гречестемъ писа псалтирь Аполлинарій (на поляхъ — сверстникъ Василя Великаго и Григорія Богослова премудрый Аполлинарій), о немъ же божественный Григорій воспоминая въ посланіи 7 ко Клидонію пресвитеру не хулить метротворенія, но самъ метротворити обѣщася, пишетъ“; затѣмъ приводятся слова Григорія Богослова въ названномъ посланіи ко Клидонію, написанномъ вообще по поводу ереси Аполлинарія и въ частности по поводу его стихотворнаго переложенія псалтири: „если же обширныя книги новыя

¹⁾ Grässe, Lehrbuch einer allgem. Litterärgesch., II B., 3 Abt., 2 Hälfte.

²⁾ Псалт. римотв. л. 4 об. Предисл. къ благочест. читателю.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Рукоп. Москов. Синодал. библ. № 661.

псалтири, противорѣчащіе Давиду и пріятные стихи почитаются третьимъ завѣтомъ, то и мы станемъ псалмопѣвствовать, писать много и слагать стихи" ¹⁾. Объ этой же Аполлинаріевой псалтири упоминаетъ и патриархъ Іоакимъ въ своемъ „словѣ поучательномъ“ ²⁾, обвиняя Полоцкаго въ томъ, что онъ свою псалтирь— „готовую преведе.... отъ Оподинаріа еретика сложеную, яже многы прилоги и отъятія имать въ себѣ“. Что касается латинской псалтири, то митрополитъ Евгенийъ высказываетъ предположеніе о стихотворной псалтири Буханана ³⁾, хотя у Полоцкаго на это указаній не имѣется никакихъ. На польскомъ же языкѣ разумѣется стихотворное переложеніе псалтири, сдѣланное Яномъ Кухановскимъ. Но кромѣ этихъ обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ о существованіи у другихъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, стихотворной псалтири, Полоцкаго принудила къ подобному переложенію любовь всѣхъ русскихъ людей „къ сладкому и согласному пѣнію польскія псалтири“, хотя и далеко не всѣмъ доступной для пониманія: „мнози во всѣхъ странахъ Малыя, Бѣлыя, Черныя и Червоныя Россіи, паче же въ Великой Россіи въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ возлюбилше сладкое и согласное пѣніе польскія псалтири стиховно преложенныя, обыкошата псалмы пѣти, рѣчей убо или мало, или ничтоже знающе и точію о сладости пѣнія увеселяющеса духовнѣ“ ⁴⁾. И вотъ теперь С. Полоцкій, желая восполнить этотъ существенный недостатокъ, переводитъ „псалмы словенскіе на различные стиховъ роды“. И эти труды свои, которые

инымъ обычны, въ Россіи новыя ⁵⁾,

Полоцкій предназначаетъ не для церкви, а для домашняго чтенія и пѣнія:

„не дабы тако въ церкви чтенней быти,
но еже въ домѣхъ часто ю читати
или сладкими гласы воспѣвати“ ⁶⁾.

¹⁾ Твор. иже во свят. отца нашего Григорія Богосл. архіен. Константиноп. Изд. 3-е, ч. 4. М. 1889, стр. 168.

²⁾ См. Остенъ. Казань. 1865, стр. 187.

³⁾ „Псалтирь (Полоцкаго) переложенная въ стихи по примѣру Буханановой латинской таковой же псалтири“. Митр. Евгенийъ Словарь писат. духовнаго чина, стр. 215.

⁴⁾ Псалт. рѣмоть., Предисл. къ благочест. читат. л. 2.

⁵⁾ Псалт. рѣмоть.—Стихотв. предисл. л. 7 об.

⁶⁾ Ibid., л. 6 об.

Въ стихотворномъ обращеніи къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, предшествующемъ предисловію къ псалтири, Полоцкій дѣлаетъ между прочимъ указаніе и на то, что онъ не первый занялся такимъ дѣломъ, что попытки подобныхъ переложеній были и раньше, но за трудностію дѣла не были доводимы до конца:

„Нѣдн прежде мене негли начинаху,
Но за трудности мнози отъ дѣла престаху“¹⁾

Затѣмъ нашъ писатель переходитъ къ новому вопросу о точности и вѣрности передачи имъ Давидовой псалтири. Вопросъ этотъ въ своемъ предисловіи разбираетъ онъ довольно подробно, ожидая, очевидно, со стороны литературныхъ своихъ враговъ всевозможныхъ нападеній, которыя дѣйствительно и были. Самымъ главнымъ и существеннымъ упрекомъ, какого ожидалъ Полоцкій, могло быть обвиненіе его въ томъ, что онъ перевелъ не Давидову псалтирь, а латинскую, или еще того опаснѣе—польскую Я. Кохановскаго. Поэтому Полоцкій, не дожидаясь подобнаго упрека, самъ откровенно заявляетъ, въ чемъ заключалось его подражаніе Кохановскому. Такъ какъ московскимъ людямъ нравился не переводъ польской псалтири, а самое „сладкое пѣніе“ ея, то поэтому подражаніе Полоцкаго, по собственнымъ его словамъ, выразилось главнымъ и единственнымъ образомъ въ возможномъ сохраненіи формы или, лучше сказать, напѣва польскихъ псалмовъ. Мы говоримъ—въ возможномъ, потому что Полоцкому не всегда удавалось въ славянскомъ стихѣ достигнуть полного соотвѣтствія формы стиха польскаго, частію вслѣдствіе неполнаго соотвѣтствія языковъ польскаго и русскаго, такъ что не всегда можно было польское слово извѣстнаго числа слоговъ замѣнить русскимъ съ тѣмъ же количествомъ слоговъ; частію же вслѣдствіе того, что не всѣ напѣвы польскіе были ему извѣстны. Вотъ что онъ говоритъ самъ по этому поводу: „не всякаго убо псалма польскаго пѣнію тогожде числа славенскій подложеніемъ знаменій можетъ соотвѣтствовать, яко не вся тѣмъ же преведохъ родомъ стиховнымъ, ово за трудность преводенія, ово яко не всѣхъ ми псалмовъ польскихъ гласы суть извѣстны“²⁾.

Что же касается самаго смысла, толкованія псалмовъ и даже „украшеній пѣтическихъ“, то Полоцкій, „спуская обычая рода и страны“, держится „всячески словесъ псалтирныхъ и разума толко-

¹⁾ Псалт. рѣмотв. Стихотв. предисл. л. 2 об.

²⁾ Псалт. рѣмотв. Предисл. л. 5 об.

ванія приличнаго“¹⁾), то-есть, обѣщаетъ оставаться вѣрнымъ псалтири еврейской. Но такъ какъ прозаическая рѣчь не можетъ быть дословно передана стихотворною, хотя бы даже и силлабическою, то понятно, что у Полоцкаго встрѣтились лишнія противъ подлинника слова или же отъятіе нѣкоторыхъ реченій. Поэтому Полоцкій преду-преждаетъ и съ этой стороны могущіе быть упреки. „Не удивляйся,—говоритъ онъ дальше въ томъ же предисловіи,—читатель, если найдешь лишними нѣкоторыя слова или даже цѣлыя стихи: это сдѣлано въ пополненіе смысла или стиховъ. Если же нѣкоторыя реченія окажутся недостающими, то это сдѣлано также по необходимости, такъ какъ не вмѣстились они въ мѣрныя строчки, на смыслъ же псалмовъ это нисколько не повліяло. Наконецъ, нѣкоторыя измѣненія, или, вѣрнѣе сказать, прибавки, сдѣланы ради толкованія псалмовъ, хотя намѣреніе мое было не толковать ихъ, а стихотворно перенести, почему многіе псалмы остались безъ всякаго толкованія“²⁾).

Вотъ какія разсужденія предпосылаетъ нашъ писатель своему переложенію псалтири прежде выхода ея въ свѣтъ. Мы нарочно подробно остановились на этомъ предисловіи, которое можетъ намъ оказать услугу въ объясненіи послѣдующаго. На первый взглядъ можетъ показаться подозрительнымъ, что нашъ писатель такъ старательно спѣшитъ выяснитъ причины появленія своего труда и какъ бы оправдаться отъ обвиненій, которыхъ на него еще никто не возводитъ. Очевидно, можно подуматъ, что онъ чувствуетъ самъ себя въ этомъ случаѣ небезгрѣшнымъ и оправдывается, не дожидаясь упрековъ. Но въ дѣйствительности дѣло было не такъ.

Извѣстно, что южноруссы, цѣлымъ рядомъ политическихъ обстоятельствъ поставленные въ близкія сношенія съ католическою національностью, поневолѣ должны были заимствовать отъ нея многія стороны жизни, привычки, обычаи и т. п. Все это, конечно, не осталось незамѣченнымъ московскими людьми, которые если и допускали у себя присутствіе кievскихъ ученыхъ охотиѣ, нежели католиковъ, то тѣмъ не менѣе встрѣчали ихъ далеко не съ распростертыми объятіями. Они видѣли въ нихъ все-таки неправославныхъ, а схизматиковъ, и потому оказывали имъ мало довѣрія. Съ другой стороны, и кievскіе ученые, по справедливости считавшіе за собой умственное превосходство надъ москвичами, не могли не смотрѣть на нихъ нѣсколько

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. т. 5 об. и 6.

свысока, что безъ сомнѣнія оскорбляло московскихъ людей. Въ результатѣ всего этого явилась борьба между двумя лагерями, то происходившая открыто, то остававшаяся подпольною въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ. Симеонъ Полоцкій, обладавшій ббльшими схоластическими свѣдѣніями сравнительно съ другими южноруссами. прїѣзжавшими въ Москву, само собою разумѣется, держалъ себя еще болѣе независимо, пользуясь къ тому же и своимъ положеніемъ учителя царскихъ дѣтей. А потому непріязненное отношеніе къ С. Полоцкому московской духовной власти въ лицѣ патріарха Іоакима сказалось особенно рѣзко. Не имѣя права и достаточныхъ основаній избличать его открыто, враги его установили за нимъ, такъ сказать, негласный надзоръ: они слѣдили за каждымъ его шагомъ, за каждымъ дѣйствіемъ, пользуясь всякимъ его вольнымъ и невольнымъ грѣхомъ. И вотъ теперь до слуха ихъ дошло, что Симеонъ принялся за переложеніе стихами псалтири. Это обстоятельство дало имъ новый родъ оружія противъ Полоцкаго, и послѣдній самъ настойчиво и съ полнымъ убѣжденіемъ въ достовѣрности факта заявляетъ объ этомъ въ стихотворенія, помѣщенномъ послѣ псалтири и, очевидно, написанномъ по окончаніи переложенія, въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Къ гаждателью“:

Не мню токмо, но и вѣмъ, ибо еще трудн
Сн свѣта не зрѣша, ни видоша въ люди,
А уже хулители завистнн слово
Лукавое имѣша во устѣхъ готово ¹⁾,—

Онъ разумѣлъ здѣсь, очевидно, чудовскаго инока Евфимія, пользовавшагося расположеніемъ и довѣріемъ патріарха Іоакима, по совѣту коего Евфимій еще до появленія въ печати псалтири Полоцкаго дѣлаеть изъ отцевъ церкви Аѳанасія Александрійскаго и Григорія Богослова выборку мнѣній, сводящихся къ тому, что псалмы не должно переводить стихами и вообще не слѣдуетъ измѣнять въ нихъ ни одного слова ²⁾. Послѣ этого намъ становятся понятными указанія выше

¹⁾ Псалт. римотв. 139 л.

²⁾ Въ опис. рип. Моск. Синод. библ. *Горскаго и Невоструева*, II, 3, 418 стр., указанъ сборникъ статей, относящихся до Символа вѣры; въ началѣ этого сборника вклеены между прочимъ черновыя записки монаха Евфимія, при чемъ на л. 66 сборника имѣется выписка „святаго Аѳанасія Великаго Александрійскаго къ Маркелину изъ посланія“. „Выписка направлена противъ украшенія псалмовъ цвѣтами своего краснорѣчія. Къ тому же направлены и другія выписки изъ житія Григорія Богослова и изъ его посланія ко Климонію. И эта статья

въ предисловіи оправданія Полоцкаго. Но если въ такомъ положеніи было дѣло еще до выхода въ свѣтъ риѣмотворной псалтири, то чего же надо было ожидать послѣ ея напечатанія? Теперь уже враги Полоцкаго нападаютъ на него открыто, не обнаруживая при этомъ ни знанія приѣмовъ критики, ни обладанія литературными фактами. Теперь уже противъ Полоцкаго выступаетъ самъ патріархъ Іоакимъ со своимъ „Словомъ поучательнымъ“, въ которомъ онъ категорично заявляетъ, что „Псалтирь (Полоцкаго) не яже чрезъ Давида богоотца духомъ святымъ вѣщанная, но или съ полскихъ книгъ онъ, Симеонъ, собра, или готовую преведе, отъ Яна иѣкоего Кохановскаго, латинина суца, или Онолинарія еретика сложоншую, яже многы прилоги и отъятія имать въ себѣ, о ней же пишеть святой Григорій богословъ въ первомъ словѣ къ Кладонію и ученикъ святааго Григорія богослова Григорій пресвитерь, въ житіи святааго Григорія богослова. Тамо хотий да прочитаеть“ („Остенъ“. Казань. 1865, 137 стр.). Такое обвиненіе, какъ оно ни было рѣзко и открыто сказано, но ни чѣмъ не обоснованное, являлось совершенно голословнымъ и подтверждало только, что суровый критикъ не знакомъ ни съ псалтирью Полоцкаго, ни съ переложениями тѣхъ писателей, которыхъ онъ называетъ, то-есть, Кохановскаго и Онолинарія.

Такимъ образомъ мы познакомились по данному вопросу съ показаніями той и другой стороны. Мы видѣли собственныя признанія Полоцкаго, чѣмъ и какъ руководился онъ въ данной работѣ; видѣли также рѣзкія, хотя и голословныя обвиненія его враговъ. Теперь обратимся къ самому переложенію псалтири Полоцкаго и посмотримъ, кому должна быть отдана справедливость—стихотворцу или его не въ мѣру строгимъ критикамъ.

Мы уже говорили о томъ громадномъ значеніи, которымъ пользовалась псалтирь въ нашей древнерусской жизни; по популярности этой книги не ограничивалась одною Русью. Псалтирь, благодаря глубокому сокрытому въ ней смыслу, была вездѣ и всегда любимую книгою. Поэты всѣхъ странъ и временъ останавливаютъ на ней свое вниманіе.

направлена противъ Симеона Полоцкаго, переложившаго псалтирь въ стихи“. Любопытно, что тотъ же Евфимій въ переводѣ своего съ греческаго поученія Кирилла Іерусалимскаго на поляхъ противъ одного мѣста, въ правильности перевода котораго онъ сомнѣвался, приписалъ „спрос: симеон полотск.“, очевидно показавъ этимъ, что онъ довѣрилъ богословскимъ знаніямъ Полоцкаго. См. „Отношеніе чудовскаго мѣна Евфимія къ Симеону Полоцкому и Сильвестру Медвѣдеву“ въ *Филол. Вѣстн.* 1889, № 4.

Однимъ изъ первыхъ стихотворныхъ переложеній псалтири было, кажется, переложеніе героическими стихами, сдѣланное Аполлинаріемъ, епископомъ Лаодикійскимъ IV столѣтія. Въ XIV столѣтіи въ Италіи нѣсколько псалмовъ переводить стихами Дантѣ. Но особенно по-счастливилось псалтири въ періодъ XVI — XVII столѣтій. Во Франціи переводить ее стихами [Клеманъ-Маро (1495—1549), въ Англии Уайэттъ (1503 — 1541), въ Шотландіи Бухананъ (1506 — 1582), въ Испаніи Люпсъ-де-Леонъ (1527—1591), въ Германіи Флемингъ (1609—1640), въ Дубровникѣ Джоржичъ (1676—1737), въ Польшѣ въ 1558 г. является первый стихотворный переводъ псалмовъ Якова Любельчика, не сумѣвшаго справиться съ трудностью перевода. Въ 1579 г. появился новый переводъ псалмовъ Яна Кохановскаго, поражающій своею внѣшнею формою и силою поэтическаго вдохновенія.

Такимъ образомъ подобные стихотворные переводы псалмовъ были въ то время не рѣдкость, и Симеонъ Полоцкій, какъ человекъ западно-европейски образованный, могъ знать и читать ихъ. Но, безъ сомнѣнія, ему, какъ кievскому ученому, были болѣе извѣстны переводы латинскій и польскій, какъ это мы видѣли изъ предисловія самого Полоцкаго и какъ можемъ судить по двумъ дошедшимъ до насъ описаніямъ библіотеки Симеона Полоцкаго, въ которой среди прочихъ книгъ не разъ встрѣчаются псалтири на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Такъ въ первомъ описаніи библіотеки Полоцкаго мы находимъ слѣдующія псалтири:

Книга псалтырь полская на виршахъ 178.

Книга псалтырь на виршахъ Яна Кохановскаго 260

Книга псалтырь расположенная на недѣли, латынская 371.

Книга псалтырь, на польскомъ языкѣ 487.

Книга псалтырь Воложская 513 ¹⁾.

Затѣмъ въ описаніи патриаршей библіотеки 1718 г., въ отдѣлѣ „книги жъ въ сундуке“, переданныя въ общую библіотеку послѣ смерти Полоцкаго, находимъ:

719. Книга псалтырь на виршахъ, черная, писана бѣлоруски, въ кожаныхъ доскахъ.

737. Книга псалтырь на виршахъ, въ черномъ софинѣ, по обрѣзу золочена ²⁾.

Кромѣ того надо замѣтить, что Полоцкій на Руси явился не по-

¹⁾ Временникъ, 1853, XVI, стр. 53.

²⁾ Русскій Архивъ, 1864 г.

второмъ въ дѣлѣ переложенія псалтири стихами. Впервыхъ, это подтверждается находеніемъ въ его библиотекѣ, какъ это мы видѣли изъ приведенныхъ выше описаній, книги „псалтирь на виршахъ, писано бѣлоруски“, а вовторыхъ, замѣткою г. Левицкаго, которому удалось найти бѣлорусскій стихотворный переводъ псалма 42, напечатанный имъ въ мартовской книжкѣ *Кіевской Старины* за 1886 годъ, стр. 598, гдѣ мы читаемъ слѣдующее:

„Въ актовъ книгѣ градскаго житомирскаго суда, хранищейся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ и заключающей въ себѣ судебные акты съ 1590 по 1644 г. писанные въ большей части на западно-русскомъ языкѣ и лишь изрѣдка на польскомъ, на листѣ 278, въ той части книги, гдѣ записаны акты за 1635 г., въ ряду постороннихъ приписокъ, неоконченныхъ фразъ, стихотвореній и т. п., мы нашли стихотворное переложеніе 42 псалма, сдѣланное на южно-русскую рѣчь, но записанное польскими буквами“.

И затѣмъ приводится самый текстъ переложенія въ русской транскрипціи:

Во невинности мой, Боже мой, суди ми,
 Отъ мужа неправа и лстива збави ми;
 Яко Ты еси, Боже, держава моя,
 Воскую мя остави, Боже, милость Твоя?
 Пошли ми, Боже, свить Твой и истину Твою.
 Вииду въ села Твоя, ко олтару Твоему...
¹⁾
 А во гуслиахъ исповимся, Цару, предъ Тобою,
 А во арфѣ я прославлю, Цару, славу Твою.
 Надіюся на Бога, на Бога живого,
 А той ми откриеть свить—то истина іюго.

Все это подтверждаетъ только справедливость словъ нашего стихотворца, сказанныхъ имъ въ предисловіи къ псалтири и приведенныхъ нами выше:

Нѣци прежде мене негли начинаху,
 Но за трудности многи отъ дѣла престаху.

Это неумѣнье предшественниковъ Полоцкаго справляться съ трудностями перевода ясно обнаруживается, если мы сравнимъ съ приведеннымъ сейчасъ переложеніемъ 42-го псалма неизвѣстнаго переводчика переложеніе Полоцкаго:

Суди ми, Боже, прю да разсудиши,
 Отъ мужа лстива мя да свободиши.

¹⁾ Пропускъ въ текстѣ.

И отъ языка мя непреподобна,
 И отъ лукава мужа дѣй свободна:
 Яко Ты, Боже, мнѣ держава еси,
 Вскую мя ринулъ живый на небеси;
 И вскую хожду духомъ унывая,
 Внегда стужаетъ врагъ ми досаждая.
 Посли свѣтъ, Боже, и истину Твою,
 Да та наставятъ бѣдну душу мою:
 Да воведуть мя во святую гору,
 Ко пржежанну и честну ти двору.
 Азъ во жертвенникъ виду божественный
 Къ Богу, имъ же осмъ въ младости чрежденный,
 И хошу славу въ гуслѣхъ пѣти Тебѣ,
 Боже мой, Боже, царствуй на небѣ.
 Вскую, о душе моя, ты скорбиши,
 И смущеніе въ сердцѣ ми родиши.
 Уповаи въ Бозѣ, Онъ ми Богъ Спаситель,
 Ему дамъ славу, Онъ ми покровитель.

Но пойдѣмъ дальше. Какъ мы видѣли, патриархъ Іоакимъ бросаетъ Полоцкому упрекъ и переводомъ Аполлинаріевымъ. Но это обвиненіе, хотя объ Аполлинаріѣ упоминаетъ и самъ Полоцкій, разбирается очень легко самимъ же патр. Іоакимомъ, который въ томъ же „Словѣ поучательномъ“, которое мы уже цитировали, говоритъ, что „Симеонъ Полотскій отъ инзуитовъ прелщень, зане гречески ничтоже знааше“¹⁾, а псалтирь Аполлинарія написана на греческомъ языкѣ. Вѣришь предположить, что Полоцкій и не видалъ совсѣмъ этой псалтири, а говоритъ о ней со словъ Григорія въ первомъ посланіи къ Клидопію. Но едва ли и самъ патриархъ былъ знакомъ съ этимъ Аполлинаріевымъ переводомъ, который, по его словамъ, „многы прилоги и отъятія имать въ себѣ“²⁾. Мы взяли нѣсколько псалмовъ изъ него для сравненія съ славянскимъ текстомъ, и насъ поразила близость перевода. Чтобы не быть голословными, мы ниже приведемъ этому примѣры.

Такимъ образомъ остаются два перевода — латинскій и польскій, которыми могъ пользоваться московскій пѣнта. Что касается латинской стихотворной псалтири, о чемъ упоминаетъ и самъ нашъ писатель, то сказать опредѣленно, чей переводъ былъ у Полоцкаго, представляется невозможнымъ. Митрополитъ Евгеній, какъ мы сказали, называетъ псалтирь Буханана, но откуда онъ взялъ это указаніе, намъ

¹⁾ Остенъ, стр. 130.

²⁾ Остенъ, стр. 137.

неизвѣстно. Буханаъ (Георгъ) поэтъ и историкъ XVI столѣтія (1506—1582), родомъ изъ Шотландіи, воспитывался въ Парижѣ. Благодаря своему либеральному, сатирическому образъ мыслей принужденный переходить изъ одного государства въ другое, въ Португаліи онъ, наконецъ, попалъ въ тюрьму, гдѣ и переложилъ метрическими стихами псалтирь, появившуюся въ печати въ 1567 г. подъ заглавіемъ „Psalmorum Davidis paraphrasis poetica“. Она нѣсколько разъ переиздавалась, и то изданіе, которымъ пользовались мы, вышло въ 1648 г.—Herbornae Nassoviorum ¹⁾). Сравненіе, сдѣланное нами, этого перевода съ переводомъ Полоцкаго, убѣдило насъ, что послѣдній не пользовался и этой псалтирю. Ниже мы представимъ этому доказательства.

Остается такимъ образомъ еще одинъ и послѣдній польскій стихотворный переводъ псалтири—Кохановскаго, которому, всего вѣроятнѣе, могъ подражать Полоцкій и, чего онъ, какъ это мы видѣли, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи формы не отрицаетъ и самъ. Вслѣдствіе этого мы подвергли сравненію оба эти перевода—Полоцкаго и Кохановскаго и пришли вопреки категорическому заявленію г. I. Татарскаго ²⁾ къ полному убѣжденію въ искренности словъ самого Полоцкаго, что онъ подражалъ Кохановскому только въ формѣ, напѣвахъ, да и то это удавалось ему не всегда. Что же касается смысла, толкованій или даже поэтическихъ красотъ, то, какъ это мы увидимъ сейчасъ, онъ строго держался славянскаго текста. Во всей псалтири Полоцкаго мы нашли только *десять* мѣстъ, которыя приближаются больше къ переводу Кохановскаго, чѣмъ къ славянскому тексту, и эти мѣста мы приводимъ здѣсь параллельно съ соответствующими выраженіями библейской псалтири, Буханана и Аполинарія. Псалтирь Кохановскаго мы цитируемъ по юбилейному изданію 1884 г.—Jana Kochanowskiego dzieła wszystkie. Wydanie pom-

¹⁾ Что псалтирь Буханана была извѣстна у насъ на Руси, особенно южной можно судить хотя бы изъ дошедшаго до насъ и принадлежащаго Черниговской духовной семинаріи рукописнаго сборника XVII столѣтія, въ которомъ между прочими статьями имѣется: „Psalmi a Gregorio Buchanano vario carminum genere descripti“. См. Описаніе рукописей, хранящихся въ библиотекѣ Черниговской духовной семинаріи. Составилъ *Лилеевъ*, отд. 3, риторика, № 190.

²⁾ „Наиболѣе строгому обличенію съ его (Евфимія) стороны подверглось въ это время „Римотворная Псалтирь“ Симеона, бывшая *дѣйствительно* *прямымъ подражаніемъ* *стихотворнаго перевода Псалтири польскаго поэта Яна Кохановскаго*“. Изслѣдованія г. *Героея Татарскаго* „Симеонъ Полоцкій, его жизнь и дѣятельность“. М. 1886, стр. 308.

pikowe. Tom pierwszy. Библейскую псалтирь — по московскому изданію 1664 г. Буханана по изданію 1648 г. и Аполлинарія псалтирь въ латинскомъ переводѣ по изданію *Migne, Patrologia graeca, t. 33, 13110 p.*

Псаломъ 6.

- Библ. псалтирь.* Смятошася кости моя.
Пс. С. Полоцкаго. Кости смущены и тмяю
Пс. Кожановскаго. A ulży nieco bolu kośćiom udgręszonym.
 Ciałem, y duszą stękam.
Пс. Буханана. Corpus, solutis ossium compagibus,
 Enerue vires deserunt.
Пс. Аполлинарія. A conturbatione vero mea ossa se dato.

Псаломъ 12, польско-латинскій 13.

- Библ. пс.* Доколѣ положу совѣты въ души моей... Просвѣти
 очь мою да не когда усну въ смерть.
Пс. С. Пол. Доколѣ печаль душу будетъ ми смѣдати...
 Просвѣти очь моя свѣтомъ божественнымъ,
 да некогда усну въ смерть своимъ невозбужденнымъ.
Пс. Кож. Dokąd duszę moję frąsunki trapić będą.
 Rozwićć moie ciemności swym nieogarnionym
 światłem, abych nie zasnął wnet nieprzebudowanym.
Пс. Бух. Quousque curas turbidae mentis quietem distrahent.
 Et lucem tuam infunde, ne mors lumina
 Somno perenni sopiat.
Пс. Аполл. Usquequo nostro robora animo sollicita mollio.
 Da lumen, ut somnum profugiam mortis parentem.

Псаломъ 15, польско-латинскій 16.

- Библ. пс.* Сохрани мя, Господи, яко на Тя уповахъ.
Пс. С. Пол. Сохрани мя, Господи, царствующій въ небу,
 яко упование азъ положихъ въ Тебѣ.
Пс. Кож. O ktry biedziśz ná wysokim niebie,
 Ja nie mam inszého nadzieie króm ciebie.
Пс. Бух. O rerum sator, o solus humani generis certa periculis.
 Qui te respicit unum famulum, instantibus erripe.
Пс. Аполл. Immortalis, conserva me, quoniam tu mea spes es.

Псаломъ 19, польско-латинскій 20.

- Библ. пс.* И исполнить Господь вся прошенія твоа.
Пс. С. Пол. Исполнить вся Господь твоа прошенія,

Надеждно да ждемъ свыше спасенія.

Пс. Кож. *Będźs dobręj nádkieic, a spušć syc ná ráńá,
Twojá prósbá, krołu, będkie wysłucháná.*

Пс. Буж. *Annuit illo pio quaecunq̄ue rogabitur ore,
Laetumq̄ue precibus exitum justis dabit.*

Пс. Аполл. *Omnia tibi immortalis cordi grata faciat,
Omne expleat tuum divinum consilium.*

Псаломъ 35, польско-латинскій 36.

Библи. пс. Сынове чловѣчестіи въ кровѣ крылу твоею надѣются имуть.

Пс. С. Пол. Чловѣцы въ кровѣ крылъ твоихъ уповаютъ,
Яко птенцы подѣ крылы матере витають.

Пс. Кож. *Jáko ptak liché dkiatki skrzydły swojémi krije,
Táko człowiek pod zastóną láski twojéj żyje.*

Пс. Буж. *Tactus sub aliis volucris ut legit avis
Praesidii fugimus spe mala cuncta tui.*

Пс. Аполл. *Tuarum alarum mortalibus semper tegmen erit spes.*

Псаломъ 41, польско-латинскій 42.

Библи. пс. Имъ же образомъ жаляетъ елень на источнике водныхъ.

Пс. С. Пол. Якоже елень ловацы утружденный
Воды жаляетъ, быти прохладженный.

Пс. Кож. *Jako ná ruszczy przędkimi psy zszwóná
Strumienia szuka łáni zmordowána.*

Пс. Буж. *Non cervus fluvios sic auet algidos,
Cervus turba sanum quiet premit.*

Пс. Аполл. *Quemadmodum fontanas aquas cervus desiderans.*

Псаломъ 56, польско-латинскій 57.

Библи. пс. И избави душу мою отъ среды скимновъ. Поснахъ смущенъ
сынове чловѣчестіи, зубы ихъ оружія и стрѣлы и языкъ...

Пс. С. Пол. Сынове мнѣ чловѣчестіи быша яко лове,
Зубы ихъ—оружія и стрѣлы мнѣ баху.

Пс. Кож. *Mieszkał, nie między ludźmi, ale woy śrogimi,
Między zwierzęty mieszkał okrutnemi.
Których język...*

Пс. Буж. *Inter enim saevos habito feritate leones:
Flammam vomentes versor inter belluas,
Linqua quibus...*

Пс. Аполл. *Eripuit vero catulorum perniciosorum de medio cor meum.
Ipse dormivi difficilli conturbatus calamitate.
Visi quibus scutumque et quibus telum sunt dentes...*

Псаломъ 64, польско-латинскій 65.

- Библ. пс.* Тебѣ воздается молитва во Иерусалимѣ; услыши молитву мою, къ тебѣ всяка плоть придетъ.
- Пс. С. Пол.* Тебѣ и объти во градъ твоимъ честно принесутся свято пожрутся.

Молитву мою изводи внушити,
Къ тебѣ плоть всяка имать приходити,
Отъ странъ различныхъ, славу ти носущи
И дары чинуци.

- Пс. Коз.* *Tam obsecrabo tibi postulaboné*
Będą isszczoné
Do ciebie, który prosbami ludzkiemi
Nie gárdzisz, przydą wszyscy, co po ziemi
Okrągléy chodzą, uczesnicy wiecznych
Darów słonecznych.

- Пс. Бух.* Te manent laudes Dous in Sione:
Hic tibi castis operata sacris
Vota gens solvet tua victimisque imbuet aras.
Quisque tam praesens tibi supplicantium
Exitus votis tribuas secundos
Te petent gentes sub utroque mundi axe jacentes.

- Пс. Апост.* In Ierusalem vero fert iteratum votum.

Такимъ образомъ вотъ тѣ очень немногія мѣста изъ псалтири Полоцкаго, которыя имѣютъ болѣе сходства съ переводомъ Кохановскаго, чѣмъ съ библейскимъ текстомъ, но и это сходство явилось, кажется, совершенно случайно и можетъ быть объяснено желаніемъ Полоцкаго, извѣстнымъ намъ уже изъ его предисловія, выражаться понятнѣе, раскрывать иногда нѣсколько темный смыслъ подлинника. Безъ сомнѣнія, у Полоцкаго во время перевода была постоянно передъ глазами псалтирь Кохановскаго, такъ какъ цѣль его была по его словамъ, приведеннымъ нами выше, удержать размѣръ и напѣвъ польскихъ стиховъ. Вотъ это-то обстоятельство, можетъ быть, и заставляло его иногда внести то или другое слово или даже цѣлое выраженіе изъ Кохановскаго въ своей переводъ, тогда какъ сохраненіе даннаго библейскаго слова нарушало бы опредѣленное число слоговъ въ строчкѣ. Но это было чрезвычайно рѣдко, такъ какъ писатель нашъ умѣлъ очень искусно справиться съ встрѣчавшимися ему затрудненіями.

Кромѣ этихъ девяти мѣстъ, мы нашли у Полоцкаго только одинъ псаломъ, который въ цѣломъ представляетъ сходство съ переводомъ Кохановскаго и Бухана. Это псаломъ 132, у католическихъ писа-

телей (133) Мы приведемъ его для большей наглядности въ пяти переводахъ: библейскомъ, Полоцкаго, Кохановскаго, Буханана и Аполлинарія.

Библейская псалтирь. Се что добро или что красно, по еже жити брати вкупѣ. Яко муро на главѣ, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его. Яко роса аермонская, сходящая на горы Сионскія, яко тамо заповѣда Господь благословеніе и животь до вѣка.

Псалтирь Полоцкаго:

Се, что толь добро, или красно зрится,
 Яко въ брати аще сохранится
 Любовь правая: еже вкупѣ жити
 Другъ друга чтити.
 Яко же муро благовонно бяше,
 Еже изъ главы на браду сходяше
 Ааронову, и на ризѣ ометы
 Прекрасныхъ цвѣты.
 И яко роса, яже аермона
 Плоднаго творить, и гору Сиона,
 Благополезна: тако есть благая
 Любы святая
 Ибо идѣже та ся обрѣтаеть,
 Ту вся блagam Господь посылаетъ:
 И благословитъ жити человекъ
 Долгія вѣки.

Псалтирь Кохановскаго

Iáko rzecz piękna, iáko rzecz przyjemna
 Pátrzać, gdźiv miłość pánuie wzajemna:
 A bráćia sformi w szczérèy uprzeymośći
 Strzegą iednośći.
 Nie ták iest wdźięczny oléy bálsámowy
 Świéżo wylany ná włos Aronowy:
 Zkąd wonny plynie aż ná kray bogáty
 Ostátniéy száty.
 Nie ták roskoszne krople są perlówé
 Niébieskiéy rossy, które Hermonowé
 Pastwiská zdbiá, kiedy wstáie z morzá,
 Ognista zorzá.
 Bo kędy zgodá święta przémieszkawa,
 Tám pan niebieski wszystko dobré dawa,
 Wzbudzáiąc zázwdy ná miejsce oycowé
 Potomstwo nowé.

Псалмрь Буханаа

Nil caritate mutua fratrum, nihil
 Iucundius concordia;
 Non aura suavis balsami, quum funditar
 Aronis in sacrum caput,
 Et imbro laeto proluens barbam et sinus
 Limbum pererrat aureum.
 Non ros, tenella gemmulis argenteis
 Pingens Sionis gramina,
 Aut verna dulci inebrians uligine
 Hermonis intonsi juga.
 Fraterna quam pax incolit domum, juvas
 Dominus benigna dextera.
 Et opibus auget, filiorum et filios
 Multis propagat saeculis.

Псалмрь Аполлиарія

Quid mortalibus pulchrum erat, quid rursum iucundum est,
 Quem fratribus simul amicos domos habitare?
 Unguentum diffusum capitis vero velut utque barbam,
 Aaronis honorati barbam totam inungens.
 Ab ipsius autem mento decurrens extrema vestimenti.
 Sicut ros aethoreus floridi aermonis,
 Montibus florigeris super Sionem fluens.
 Benedictionem ubi omnem suam mandavit Pastor
 Semper vito omnino esse praesidium.

Этотъ псаломъ, если вѣрить Татищеву ¹⁾, переведенъ царствен-
 нымъ ученикомъ С. Полоцкаго Оедоромъ Алексѣевичемъ. Можетъ
 быть молодой пѣнта не сумѣлъ справиться со всѣми трудностями пе-
 ревода и неволью придержался готоваго уже перевода польскаго.
 Того же самаго однако нельзя сказать про псаломъ 145; тоже припи-
 сываемый Татищевымъ Оедору Алексѣевичу и стоящій гораздо уже
 ближе къ славянскому тексту.

Библейская псалмрь. Хвали, душе моя, Господа: Восхваляю Господа въ
 животъ моему, пою Богу моему дондеже смь. Не надѣйтесь на князи, на
 сыны человеческія, въ нихъ же нѣсть спасенія: Изыдетъ духъ его и возвра-
 тится въ землю свою: въ той день погибнуть вся помышленія его. Блаженъ,
 ему же Богъ Іаковль помощникъ его, упованіе его на Господа Бога своего,
 сотворшаго небо и землю, море и вся, яже въ нихъ: хранящаго истину въ
 вѣкъ: творящаго судъ обидимымъ: дающаго пищу алчущимъ. Господь рѣшитъ
 окованныя: Господь умудряетъ слѣпцы: Господь возводитъ низверженныя:

— >¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, XIII, прим. 181.

Господь любить праведники: Господь хранить пришельцы, сира и вдову при-
иметь и путь грѣшныхъ погубить. Воцарятся Господь въ вѣкъ, Богъ твой,
Сіоне, въ родъ и родъ.

Псалтирь Полоцкаго.

Хвали, душе моя, Бога твари вся,
До конца и жизни восхваляю моя.
Пѣснь Богу моему имать воспѣвати,
Дождеже въ существѣ дастъ ми пребывати.
Надежды во князехъ вси не полагайте,
Въ сынѣхъ человѣчнхъ вы не уповайте;
Яко спасеніе въ нихъ не обитаетъ,
Ишедшу бо духу плоть ся въ прахъ вращаетъ,
А помышленія тогда исчезаютъ,
Ибо умышленныхъ дѣлъ не содѣваютъ.
Блаженъ человекъ есть, ему же отъ Бога
Іаковля помощь и надежда многа
На Господа жива, нже сотворилъ есть
Небо, землю, море и вся исполнилъ есть;
На Господа во вѣкъ истинну храняща
И судъ обидимымъ людемъ си творяща.
Алчущимъ доволство пищи дающаго,
Окованные же люди рѣшащаго.
Господь умудряетъ во людехъ слѣбныя,
Возводитъ надшныя, любятъ праведныя.
Господь хранить страанныхъ, сира же и вдову
Воспріяти, имать десницу готову.
Путь человекъ грѣшныхъ имать погубити,
Самъ же имать вѣчно царь превелій быти.
Богъ твой, о Сіоне, отъ рода и въ роды,
Единъ царь и Господь небесны породы.

Псалтирь Кожановскаго, пс. 146.

Tobie nieśmiertelny pánie,
Póki mi żyvotá stánie,
Y ustá będą śpiéwáły,
Y gąsłeczki moie grály.
Ná króle sye nie spuszczaýcie:
Śmiertelnemu nie ufaycie:
Bo ten nie pomoże sobie,
Pogotowiu áni tobie.
Skoro duch wynidzie z ciała,
Ziemiá ziemię będzie brátá:
A nászé ploné nadźieie
Po powietrzu dmá rozwieie.
To czlowiek práwie szczęśliwy,

Komu sam pan iest chętniwy.
A on téz tylko iednemu
Ufa pánu bogu swemu.

Który piękne niebo spráwił,
Y ziemię z morzem postáwił:
Y cokolwiek ognistemi
Swiát oblápił mury swemi.

Który prawdy strzeże wiecznie,
Krzywdy nie lubi koniecznie:
Głodné chlebem opátruie,
Więźnie z okow rozwiązuie.

Pan oczy zászle cięmnością
Obdarza nową swiátłością:
Pan niedołącznych rátuie,
Pan spráwiedliwé miłuie.

Pan iest stróżem przychodniowi,
Pan sirotę, y stan wdowi
Ma ná pieczy: tonze zgládzi,
Co zły w głowie swéy urádzi.

Królestwo, Siońska skało,
Twégo króla będzie trwáło,
Poki słońce gorolotné,
Poprowadzi látá wrotné.

Псалтирь Апостолурия.

Celebro Deum, chara anima, tuae dominum vitae:
Laudabo regem valde orandum donec repo,
Immortalem cithara omnino celebrabo,
Nunquam principibus cum animis confidens fueris,
Neque mortalium filiis, unde lumen nunquam est:
Qui anima evolante suam rursus redibant in terram.
His vero simul interreunt universae mortuis cogitationes.
Beatus, cui Deus summus est adjutor,
Cuique fiducia est in Regis praeceptis,
Qui terram viridemque et coelum latum fecit,
Mare horrisonum, et quaecunque nutrit fluctus maris.
Semper veritatem cupidus praecordiis custodit,
Qui oppressis justitiam demonstrat,
Omnibus vero famelicis largiter vitalem cibum.
Ipse compedibus vinctum novit servare:
Ipse difficili a ruina viros excitat:
Ipso rex caecis mentem prudentem facit:
Ipse Dominus sanctum genus diligit.
Ipse Rex novit advenam virum custodire,
Viduamque popillumque in ulnis suscipere.
At viam suspiciosam conterat impiorum

Perpetuo immortalis gloriosus regnabit.
De saeculo in saeculum Deus Sionis imperans.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ приведенныхъ нами сравненій мы убѣждаемся въ томъ, что невозможно доказать мысль о переводѣ Полоцкимъ псалтири Кохановскаго, но за то гораздо легче подтвердить мнѣніе, высказанное самимъ Полоцкимъ о томъ, что онъ въ своемъ переложеніи держался славянскаго текста, на сколько позволяя ему стихотворный размѣръ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько псалмовъ въ переводѣ Полоцкаго, представляющихъ наибѣе сходство съ славянскимъ текстомъ.

Библейскій псаломъ 3. Господи, что ся умножиша стужающіи ми. Мнози востають на мя, мнози глаголють души моея: нѣсть спасенія ему въ Бозѣ его. Ты же, Господи, заступникъ мой еси, слава моя и возносяй главу мою. Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ и услыша мя отъ горы святыя своея. Азъ уснухъ и спяхъ, востахъ, яко Господь заступити мя. Не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя. Воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой, яко ты порази еси вся враждующія ми всуе; зубы грѣшниковъ сокруши еси. Господне есть спасеніе и на людехъ твоихъ благословеніе твое.

Переложеніе Полоцкаго.

Господи, вскую себе зѣло умножаютъ,
Иже стужающе ми люте на мя встають.
Глаголють души моея отъ числа ихъ мнози:
Нѣсть спасенія ему о Господѣ Бозѣ.
Ты же, Боже, заступникъ мой еси и слава,
Тобою возносится во честь моя глава.
Гласомъ азъ ко Господу дерзахъ воззвати,
Онъ же отъ горы святы изволи мѣ вяти.
Азъ уснухъ, спяхъ и востахъ въ его благодати,
Яко онъ мя изволи отъ злыхъ заступати
Не имамъ ся темъ людей обшедшихъ страшити,
Воскресъ Господи, самъ мя изволь защитити.
Иже мѣ врази туне быша пораженіи
Тобою, и грѣшникомъ зубы сокрушеніи.
Отъ тебе есть, Господи, мое спасеніе,
И твое есть на людехъ благословеніе.

Библейскій псаломъ 17. Возлюблю тя, Господи, крѣпосте моя: Господь утверженіе мое, и приближеніе мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой и уповаю на него, защитель мой и роугъ спасенія моего и заступникъ мой. Хвали, призову Господа и отъ врагъ моихъ спасуся. Одержаша мя боги смертныя и потоци беззаконія смятоша мя. Боги адовы обыдоша мя. Предвариши мя сѣти смертныя и ввсегда скорбѣти ми, призвахъ Господа и къ Богу моему возвахъ и т. д.

Переложеніе Полоцкаго.

Возлюблю тя, Господи, ты мой укрѣпитель,
 Твердость и прибѣжище, ты мой избавитель,
 Ты Богъ мой и помощникъ, на тя уповаю,
 Ты защитникъ, ты ми рогъ спасенія знаю.
 Богъ мой заступникъ, хвала имаѣ и призвати
 И спасеніе отъ врагъ моихъ воспріяти.
 Болѣзни даже къ смерти мене обидоша
 И неправды потоци душу мя смитоша.
 Болѣзни же адовы мене обступиша,
 Лютя смерти сѣти мене предвариша.
 И вегда скорбѣти ми, призвахъ жива Бога.
 Ко Господу возсылахъ прошенія многа и т. д.

Библейскій псалом 101. Господи, услыши молитву мою, и воня мой къ тебѣ да придетъ. Не отврати лица твоего отъ мене. Воня же аще день скорблю, приклони ко мнѣ ухо твое, воня же аще день призову тя, скоро услыши мя. Яко исчезоша яко дымъ днѣ мои, и кости моя яко сушило сохлошася. Уязвень быхъ яко трава и исше сердце мое, яко забыхъ снѣсти хлѣбъ мой. Отъ гласа въздыханія моего прильпе кость моя плоти моеи. Унодобихся неяснѣи пустыней, быхъ яко нощный вранъ на вырщи. Бдѣхъ и быхъ яко птица особящася на здѣ и т. д.

Переложеніе Полоцкаго.

Господи, изволи молитву пріяти
 Мою, и воня сердца слезный услышати.
 Лица ти отъ мене да не отвратиши,
 Воня же день воскорблю, но скоро услыши,
 Ибо, яко дымъ дни мои исчезоша
 И яко сушило кости ми сохлоша.
 Иасохъ яко трава, сердце изсыхаетъ,
 Даже хлѣба ясти рабъ твой забываетъ.
 Отъ въздыханія кость плоти слѣпнися
 Неяснѣи рабъ твой точень сотворися.
 Быхъ яко вранъ нощный въ лишенномъ вырщи,
 Яко птица на здѣ во нустѣ жилища, и т. д.

Изъ этихъ трехъ примѣровъ, которые мы считаемъ совершенно достаточными для доказательства нашей мысли и достовѣрности словъ Полоцкаго, ясно можно убѣдиться, что измѣненія Полоцкимъ текста славянскаго подлинника объясняются или стихотворнымъ размѣромъ или желаніемъ переводчика разъяснить не совсѣмъ иногда ясное выраженіе оригинала.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ этому:

Напримѣръ, въ *псалмь 1* выраженіе: „и на сѣдалищи губителей не сѣде“ Полоцкій перевелъ опредѣленнѣе:

„ниже на сѣдалищѣхъ восхотѣ сѣдѣти
Тѣхъ, иже не жаждутъ блага разумѣти“.

Кохановскій слово „губителей“ также переводить цѣлымъ предложеніемъ, но придаетъ ему болѣе тѣсный смыслъ:

„Co sye z náuki zdrowéu rádłi násmiewáia“.

Во *второмъ псалмь* библейское выраженіе: „примите наказаніе, да не когда прогнѣвается Господь и погибнете отъ пути праведнаго. Егда возгорится вскорѣ ярость его, блаженіи вси надѣющіися на нь“ Полоцкій переводить такъ:

„Накажитесь, да не възярится
Господь и съ гнѣвомъ на вы обратится.
Отъ пути правды да не погибнете,
Паче въ милости его да будете.
Блаженіи, иже въ Возѣ уповаютъ,
Надежду свою всю въ немъ полагають“.

Довольно близко это мѣсто Полоцкаго къ переводу Буханана:

„In vos ne justae vindictam exerceat irae,
De calle recti devios Nam quum brevi
Saeviet injustos contra justa ira, scietis
Quam sint beati, spes in illo qui locant“.

Что же касается перевода Кохановскаго, то Полоцкій, въ этомъ случаѣ, точно нарочно поступилъ какъ разъ наоборотъ ему: держась близко славянскаго текста, Симеонъ распространилъ нѣсколько послѣднія строки псалма, Кохановскій же, широко распространивъ весь псаломъ, эти строки перевелъ необыкновенно сжато и, слѣдовательно, чрезвычайно близко къ славянскому тексту:

„Obdŕpcie syná: by was więc nie włożył
W liczbę stráconych: bo ieśli straszliwy
Gniew iego kiedy wspłonie, to szczęśliwy
Tylko, kto w nim swą nadzieię położył“.

Въ *псалмь 4*, выраженіе: „внегда призвати ми, услыши мя Богъ правды моя“,—у Полоцкаго передано:

„Внегда воззвахъ тя, Боже, живый на небеси,
Свидѣтелю правды ми, услышалъ мя еси“.

Въ *псалмь 36*, выраженіе: „насели землю и унасешися въ богатствѣ ея“ Полоцкій передалъ:

„Насели землю, плоды домъ твоѣ насытиши“.

Въ *псалмь 43* Полоцкому показались не вполне ясными первая строка: „Боже, ушима нашими услышахомъ, и отцы наши возвъстиша намъ дѣло, еже содѣлалъ еси во днехъ ихъ, во днехъ древнихъ“, и онъ его нѣсколько распространилъ:

Господи, мы ушима нашими слышахомъ,
И отъ отецъ предваршихъ въ повѣсти прияхомъ
Дѣла, еже ты въ днехъ ихъ изволялъ творити,
Внегда ти изъ Египта родъ нашъ изводити.

Мы думаемъ, что приведенныхъ примѣровъ будетъ довольно для подтвержденія словъ самого Полоцкаго, что онъ переводилъ не польскую, а славянскую псалтирь. Указанныя нами разночтенія Полоцкаго перевода и славянскаго текста ясно свидѣтельствуютъ, что они произошли частью по требованію стихотворной рѣчи, частью же изъ желанія выразиться высокопарнѣе, многоглаголивѣе, что составляло особенность всѣхъ схоластическихъ писателей; но это нисколько не измѣняло смысла того или другаго выраженія, о сохраненіи котораго всегда такъ заботился переводчикъ. Онъ самъ указываетъ на это въ стихотворномъ предисловіи, говоря, что „толкъ (то-есть, распространеніе того или другаго выраженія) слова мѣийтъ, множитъ, уменьшаетъ, разумъ же псалмовъ хранить цѣло, само сущесе въ церкви цѣло тебѣ“, продолжаетъ онъ, „здѣсь же только—метафразисъ къ домашнѣй потребѣ“¹⁾.

Послѣ разбора вѣрности перевода намъ еще слѣдуетъ сказать о формальной сторонѣ его. Но и здѣсь Полоцкій остается вѣренъ своему слову. Кохановскій, какъ получившій западно-европейское образование и какъ человѣкъ своего времени, то-есть, схоластъ, ради „украшеній пѣтическихъ“, любитъ иногда для сравненія заимствовать примѣры изъ классической мифологіи. Полоцкій же, хотя и удовлетворявшій свою умственную жажду приблизительно изъ того же источника, однако не счелъ удобнымъ прибѣгать къ подобнымъ поэтическимъ оборотамъ на русской православной почвѣ. Такъ, напримѣръ, краткое славянское выраженіе въ *1 псалмь* „но въ законѣ господни воля его и въ законѣ его поучится день и ночь“—Кохановскій передастъ слѣдующимъ образомъ:

Ale to iego umysl, to iego stáranié,
Aby ná wszystkimъ peñnil Páñskié przykazánié:

¹⁾ Стихотв. предисл. 7 стр.

Dziéłłi po niebie wiedzie, nocli swoje kónie,
On ustáwicznie w Páńskim rozmyśła zasonie.

Выраженіе, взятое изъ греческой мифологіи, именно сравненіе съ Фебомъ, богомъ солнца, вѣдввшимъ по небу на своей колесницѣ. Полоцкій же просто сохраняетъ славянское выраженіе:

Но въ законѣ Господни волю полагаетъ,
Тому днемъ и ноцію себе поучаетъ.

Передавая выраженіе *псалма 17-го*: Et ascendit super cherubim et volavit: volavit super pennas ventorum (vulgata), Кохановскій и тутъ счелъ нужнымъ показать знакомство съ классической мифологіей:

Siedział ná lotnym Cherubie, ná niezścignionych
Skrzydłách latał Aquilonów nieuiezdzonych.

Полоцкій же перевелъ это мѣсто такъ:

Взыде на херувимы, на вѣтрехъ леташе,

оставаясь такимъ образомъ ближе къ славянскому тексту: „и взыде на херувимы и летѣ: летѣ на крылу вѣтреню“.

Въ *псалми 31* выраженіе: „возвратихся на страсть, егда унзо ми тернь“ Полоцкій перевелъ: „Ако тернь бодяше. Вратихся на страсть“. Кохановскій и здѣсь выразился описательно, прибѣгнувъ къ помощи астрономін:

Gorzałem w ogniu: ledwie tak goraią
Słoneczne koła, kiedy lwa mijaią.

Въ началѣ *псалма 107* у Кохановскаго есть одно дѣйствительно поэтическое описаніе мѣсть, гдѣ люди, получившіе освобожденіе отъ враговъ при помощи Бога, хвалятъ Его:

Jedni ztąd, kędy słońce występuje z morzám:
Drudzy, gdzie gáśnie wieczorna zorzá.
Ci z kráiów Aquilonom podległych, á owi
Z pól náklónionych ku południowi.

Эти поэтичность описанія Кохановскаго, съ одной стороны, и сухая лаконичность славянскаго подлинника, съ другой стороны (въ славянской псалтири сказано: „и отъ странъ собра ихъ, отъ востокъ и западъ, и сѣвера и моря“) заставила Полоцкаго прибѣгнуть въ свою очередь хоть къ слабому поэтическому украшенію:

Отъ востока, запада, сѣвера и моря,
Идѣже раздѣляетъ и сгасаетъ зори.

Такимъ образомъ и эти слова нашего писателя,—что онъ не подражалъ „преводника полскаго во украшеніи пѣтическомъ“,—оказываются вѣрными.

Скажемъ, наконецъ, о послѣдней возможности подражанія Полоцкимъ польской псалтири Кохановскаго—чисто формальнаго, то-есть, къ числу слоговъ въ строчкѣ, напѣву. Но и тутъ, какъ мы уже раньше замѣтили, Полоцкій, по указаннымъ выше причинамъ, не всегда могъ подражать Кохановскому. Такъ изъ всѣхъ 150 псалмовъ только (92) псалма Полоцкаго представляютъ полное сходство въ отношеніи количества слоговъ и, слѣдовательно, напѣва съ соответствующими псалмами Кохановскаго; изъ нихъ 30 одинаковы даже не только числомъ слоговъ, но и числомъ строкъ.

Такъ Симеонъ Полоцкій исполнилъ задуманную имъ работу и исполнилъ, какъ мы видѣли, оставаясь вѣрнымъ церкви и своимъ словамъ; если же и допускалъ иногда какую-нибудь прибавку или сокращеніе, то оно, мы знаемъ уже, вызывалось частію условіями разнѣренной, хотя бы и силлабической, рѣчи, частію же желаніемъ стихотворца раскрыть не совсѣмъ иногда ясный смыслъ подлинника. Но враги Полоцкаго не хотѣли понять это и отнесли къ стихотворному переложенію псалтири, какъ уже было выше сказано, крайне враждебно, на что очень прозрачно указываетъ и самъ Полоцкій въ стихотвореніи, помѣщенномъ послѣ перевода псалтири и озаглавленномъ „Къ гаждателю“ (о немъ у насъ выше была уже рѣчь). Сказавъ о гомеровскомъ критикѣ Зоялѣ, который ничего не достигъ своимъ хулительствомъ, такъ какъ всѣ узнали, что причина этого кроется въ зависти его, Полоцкій продолжаетъ:

Мню азъ, яко и пинѣ жителѣ зоплѣ въ чадѣхъ
 Права хулы своя, и въ россійскихъ градѣхъ.
 Не мню токмо, но и вѣмъ, ибо еще труднѣ
 Снѣ свѣта не зрѣша, ни видоша въ люди,
 А уже хулители завистнии слово
 Дукавое имѣша во устѣхъ готово.
 Колми паче узрѣвши потщатся хулити
 Трудъ сей, дабы худую славу получитьи.
 Но, злыи зоиля, полза тебѣ о семъ кая?
 Зависти, хулительства слава злomu злая.

Далѣе авторъ говоритъ:

„Не разумъ, но злоба понуждаетъ тебя труды моя злѣ судити,
 Самъ не хотя, ни могущъ точныхъ положить“.

Это невѣрный путь пріобрѣтенія славы въ людяхъ, но

! „Аще ти даде Богъ разумъ, ты самъ потрудися,
(Не въ чуждихъ дѣлѣхъ смысляеъ, но въ твоихъ явися“,—

заканчиваетъ Симеонъ Полоцкій очень прозрачнымъ намекомъ на литературное превосходство свое передъ московскими книжниками, которые были не „искателями ума“ въ его сочиненіяхъ, а „ловителями словъ.“

И. Смирновъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. М. Коркуновъ, Лекции по общей теории права. 3-е изд. С.-Пб. 1894. 8°. 354 стр.

Нѣкоторыя главы книги „Общая теорія права“ я читалъ съ большимъ усердіемъ и вниманіемъ; меня заинтересовали основныя понятія права, и я думалъ найти рѣшеніе вопросовъ, которые должны интересовать всякаго человѣка. Если я рѣшаюсь высказать нѣсколько соображеній принципиальнаго характера относительно книги проф. Коркунова, то не съ цѣлью умалить достоинства книги, написанной живо, поучительно и талантливо, а съ цѣлью выясненія нѣкоторыхъ недоумѣній, навязавшихся сами собой; если я при этомъ впаду въ догматическій тонъ, то опять-таки не съ цѣлью поученія, ибо далеко отъ мысли, что мои мнѣнія во всемъ вѣрнѣе тѣхъ, которыя разсматриваются мною, а потому, что критикъ, не ограничивающійся указаніемъ противорѣчій въ мысляхъ автора, но разбирающій эти мысли по существу, не можетъ избѣжать догматичности. Первый способъ критики—указаніе противорѣчій—хотя и можетъ показать, что авторъ ошибается, но нисколько не выясняетъ истины, потому и не можетъ служить образцомъ настоящей критики.

I.

Меня интересовалъ изъ общей теоріи права въ сущности только одинъ вопросъ, а именно, выясненіе отношеній права и нравственности, и въ книгѣ проф. Коркунова, какъ мнѣ показалось, нѣтъ удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса. Но этотъ вопросъ связанъ

съ цѣлымъ рядомъ другихъ, которыхъ придется точно также коснуться. Я полагаю (и продолжаю полагать), что единственнымъ основаніемъ права служить нравственность. Но возможно вѣдь и обратное рѣшеніе и, наконецъ, возможно, что право и нравственность суть двѣ вполне различныя области, то-есть, что право имѣетъ свое принципиальное понятіе, независимое отъ нравственности. Мнѣніе проф. Коркунова можетъ быть истолковано въ смыслѣ каждой изъ этихъ трехъ категорій, и это, кажется, и есть коренной недостатокъ книги. Онъ не утверждаетъ тождества права и нравственности, но при разграниченіи ихъ не даетъ читателю возможности понять особой природы cadaго изъ этихъ понятій.

Исходной точкой проф. Коркунова служитъ блестящая по вѣшности формула, дающая, повидимому, краткое и ясное разграниченіе права и нравственности—нравственность это оцѣнка интересовъ; право—разграниченіе интересовъ. Самый существенный недостатокъ этой формулы съ точки зрѣнія логической заключается въ томъ, что здѣсь опредѣляется *ignotum per ignotius*.

Дѣйствительно, всякій знаетъ изъ опыта, хотя и не вполне отчетливо, что такое нравственность, и что такое право; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы довольно вѣрно опредѣляемъ различіе, и затрудненіе заключается лишь въ общемъ опредѣленіи понятій. Проф. Коркуновъ вводитъ въ свое опредѣленіе понятіе интереса, которое самъ нигдѣ не опредѣляетъ, и тѣмъ лишаетъ насъ возможности рѣшить прямо, непосредственно вопросъ, правильно ли его опредѣленіе права и нравственности или нѣтъ ¹⁾. Одно очень существенное обстоятельство слѣдуетъ однако установить уже теперь. Изъ опредѣленія проф. Коркунова явствуетъ, что различіе нравственности и права не можетъ находиться въ содержаніи; слѣдовательно, должно исключительно заключаться въ формальномъ моментѣ. Хотя не ясно, что разумѣетъ проф. Коркуновъ подъ терминомъ интересъ, но въ интересѣ онъ видитъ содержаніе какъ нравственности, такъ равно

¹⁾ Въ опредѣленіи нравственности, какъ оцѣнки интересовъ, у проф. Коркунова легко подмѣтитъ противорѣчіе. Нравственность разсматривается проф. Коркуновымъ какъ нѣчто субъективное, могущее опредѣлять дѣятельность лица внѣ общества (стр. 36); тогда какъ „интересы человѣка въ самой незначительной степени опредѣляются его индивидуальной организаціей; наибольшая часть интересовъ человѣка является продуктомъ жизни его въ обществѣ“ (стр. 81). Отсюда ясно, что или нравственность имѣетъ дѣло лишь въ весьма незначительной степени съ интересами, или же, наоборотъ, нравственность можетъ имѣть характеръ не только индивидуальный.

и права. Двѣ различныхъ науки могутъ имѣть одинаковый предметъ и различаться только точкою зрѣнія на этотъ предметъ; въ данномъ случаѣ и необходимо было бы доказать, что оцѣнка и разграниченіе суть двѣ вполне различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ (интересъ). Но сдѣлать это трудно, ибо разграниченіе зависитъ, повидимому, отъ оцѣнки. Для проф. Коркунова является однако еще и другое затрудненіе. Признавъ тожество по содержанію нравственности и права, онъ, очевидно, можетъ видѣть различіе лишь въ формальной сторонѣ; однако онъ отрицаетъ формальное пониманіе права (ср. стр. 75—84), критикуя ученія Фихте и Гегеля. (Касательно критики проф. Коркунова слѣдуетъ сдѣлать одно общее замѣчаніе. Вѣдь критика полезна лишь въ томъ случаѣ, когда она касается принципиальныхъ понятій. поэтому должно, какъ кажется, останавливаться на идеальномъ содержаніи какой-либо школы и ея ученія, а не на той частной формѣ, въ которой, въ силу историческихъ условій, выразилась основная идея. Опроверженія проф. Коркунова весьма часто имѣютъ въ виду именно этотъ второстепенный историческій, такъ сказать, моментъ основной идеи, который онъ умѣетъ выставить рельефно и талантливо перечислить опровергающія инстанціи; но благодаря этому обстоятельству критика его не касается самаго существа дѣла). Я говорю, что распредѣленіе или разграниченіе зависитъ отъ оцѣнки интересовъ. Для того, чтобы разграничивать, нужно имѣть какое-либо мѣрило, которое способно служить основаніемъ разграниченія, если только разграниченіе не дѣлается вполне случайно (въ каковомъ случаѣ оно не можетъ быть признано ни нравственнымъ, ни правовымъ). Разграниченіе не есть первоначальный фактъ, а зависитъ отъ основанія дѣленія. А priori можно себѣ представить два основанія разграниченія интересовъ: силу и достоинство; несомнѣнно, что первое (право сильнаго) служило и служитъ весьма часто основаніемъ для закона, и имъ объясняется не только источникъ, но и характеръ нѣкоторыхъ законовъ. Проф. Коркуновъ однако отвергаетъ принудительный характеръ права ¹⁾; но въ такомъ случаѣ остается только второе основаніе права, то-есть, нравственность. И дѣйствительно только то распредѣленіе или тотъ законъ вполне понятенъ человѣку и соответствуетъ достоинству человѣческой лич-

¹⁾ Читая остроумные доводы проф. Коркунова противъ принудительнаго характера права, я невольно припомнилъ известный законъ: „Всѣ должны въ церкви Божіей быть почтительными и входить въ храмъ Божій съ благоговѣніемъ, безъ усилія“. Уст. о прес. преступл. Глава I, отдѣлъ I, § 3.

ности, который покоится на чисто нравственных, общедоступных соображеніяхъ. Всякое измѣненіе въ положительномъ законодательствѣ точно также почерпаетъ свое основаніе въ идеѣ блага людей и достоинствѣ человѣческой личности: то-есть, какъ возникновеніе, такъ и дѣйствіе закона цѣликомъ зависитъ отъ пониманія добра и зла, и ими опредѣляется право. Такимъ образомъ опредѣленіе права, принадлежащее Еллинеку, какъ нравственнаго минимума, мнѣ кажется вѣрнымъ и весьма симпатичнымъ. Проф. Коркуновъ не соглашается съ этимъ взглядомъ, хотя это единственный для него возможный, разъ онъ отказался отъ принудительнаго характера права. Два довода, приподимые проф. Коркуновымъ противъ отождествленія права и нравственности, не имѣютъ очень большаго значенія. Впервыхъ, проф. Коркуновъ утверждаетъ, что не все содержаніе права опредѣляется нравственными началами; вовторыхъ, къ числу разнообразныхъ интересовъ, могущихъ требовать разграниченія, относится между прочимъ и возможность каждаго руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ своими собственными нравственными убѣжденіями (стр. 46). Допустимъ, что опредѣленіе сроковъ, числа свидѣтелей и т. д. съ точки зрѣнія нравственной безразличны, это доказывало бы, что основная формула проф. Коркунова (нравственность—оцѣнка интересовъ) не вѣрна, ибо мы здѣсь имѣемъ дѣло съ интересами, а оцѣнки нѣтъ; но я думаю, что и съ точки зрѣнія правовой различныя опредѣленія юридическихъ формъ довольно безразличны; они касаются не самого права, а правовой техники, искусства примѣненія законовъ. Второй доводъ, повидимому, имѣетъ ббльшую цѣну: законъ можетъ гарантировать свободу совѣсти, свободу слова и др. Слѣдовательно, законъ здѣсь стоитъ выше нравственности и даетъ ей почву. Но я не думаю, чтобы этотъ доводъ доказывалъ мысль пр. Коркунова. Вѣдь разграниченіе въ данномъ случаѣ можетъ касаться двоякаго: дозволенія свободы совѣсти и слова или запрещенія ихъ; перваго рода законъ совпадалъ бы съ нравственными требованіями, второй противорѣчилъ бы нравственности и представлялъ бы собою примѣръ безнравственнаго закона, стоящаго не выше нравственности, а внѣ ея, и покоящагося на принужденіи. Въ своемъ доводѣ пр. Коркуновъ смѣшиваетъ фактически существующее съ идейнымъ. Сама по себѣ свобода совѣсти и др. вовсе не нуждается въ законѣ, дозволяющемъ ее; въ этомъ смыслѣ можно говорить и о законахъ разрешающихъ дыханіе, хожденіе по землѣ¹⁾ и т. п., ибо и все это можетъ быть запрещено. Кромѣ того, въ доводѣ

¹⁾ „Всѣмъ и каждому запрещается пьянство“. Уст. о прес. прест. Глава 8-я, § 153.

проф. Коркунова одно непонятно: что собственно разумѣть, онъ подъ правомъ руководиться собственной нравственностью? Вѣдь нравственность одна, и можно говорить лишь о *собственной* безнравственности, которая безконечно разнообразна, а никакъ не о собственной нравственности ¹⁾. Еслибы антропофагъ пріѣхалъ въ цивилизованное общество, то на основаніи принципа пр. Коркунова онъ могъ бы спокойно наслаждаться человѣческимъ мясомъ, оправдываясь тѣмъ, что онъ руководится собственными нравственными убѣжденіями. Такимъ образомъ, повидимому, пр. Коркуновъ очень хорошо могъ бы стать на точку зрѣнія Еллинека; тѣмъ болѣе, что какъ онъ говорить „въ первобытномъ обществѣ, гдѣ нѣтъ разнообразія нравственныхъ воззрѣній, гдѣ всѣ подчиняются изстари установившимся правамъ, и разграниченіе интересовъ опредѣляется ими, и право по содержанію своему почти сливается съ нравственностью“. Но въ сущности говоря, разница между нынѣшнимъ и первобытнымъ обществомъ есть только разница по степени, психическая природа человѣка не измѣнилась; отношенія людей осложнились, но качественно остались тѣми же. Можно себѣ очень хорошо представить общество, которое руководилось бы исключительно нравственными требованіями, безъ положительнаго законодательства; въ дѣйствительности большинство людей живетъ безъ всякаго знанія законовъ, одними нравственными принципами; но нельзя себѣ представить общества, руководимаго хотя бы превосходными законами, но безъ нравственныхъ принциповъ: оно тотчасъ распалось бы. Свою мысль, раздѣляемую многими философами, я поляпю выпиской изъ сочиненія Хельчицкаго „Сѣтъ вѣры“ ²⁾: „Во времена апостоловъ въ каждомъ народѣ были нѣкоторые, избранные Богомъ, которые увѣровали въ евангеліе. Они составляли собраніе вѣрующихъ, выдѣленное апостолами изъ среды другихъ людей невѣрныхъ... Этому обществу вѣрующихъ апостолы дали двоякое устройство: внѣшнее и внутреннее. Внѣшнее должно было обезпечивать спокойное пребываніе христіанъ среди язычниковъ и іудеевъ: христіане должны были 1) платить дань властямъ, и, въ чемъ должно, имъ повиноваться и 2) по отношенію къ іудеямъ и язычникамъ обнаруживать кротость и служить для нихъ добрымъ примѣромъ, который въ общеніи съ людьми дѣйствуетъ

¹⁾ „Совершенные люди однообразны, порочные разнообразны“. Этика Аристотеля, кн. II, § 5.

²⁾ Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Томъ пятьдесятъ пятый. 1898 г.

силнѣе, чѣмъ одна словесная проповѣдь. По отношенію къ себѣ самимъ новообращенные христіане должны были заботиться прежде всего о совлеченіи съ себя ветхаго человѣка съ его страстями и похотями и облаченіи въ новаго человѣка-Христа. Все предписанное первымъ христіанамъ должно было утверждаться на единомъ основаніи—Христѣ, ибо іудеи могли также творить добрыя дѣла, но ихъ дѣла были мертвы, такъ какъ не утверждались на Христѣ. Впослѣдствіи придумано было много другихъ основаній непрочныхъ, на которыхъ многіе люди утверждаютъ. Такъ, папа хочетъ быть основаніемъ церкви, ея главою и краеугольнымъ камнемъ; монашескіе ордена утверждаютъ на своемъ основателѣ и т. д. Поэтому разумные люди должны обращать взоръ только къ тому основанію, которое утвердили апостолы, дабы могли творить по истинѣ добрыя дѣла. Между первыми христіанами апостолы установили равенство: никто не былъ обязанъ другъ другу, но всѣ должны были любить другъ друга и служить другъ другу изъ любви, составляя одно тѣло, соединенное изъ многихъ членовъ и имѣя главою Христа. Между ними не было правителей съ языческими должностями: судей, городскихъ совѣтниковъ. Хотя христіане жили подъ властью язычниковъ, которымъ должны были платить дань, но сами не занимали языческихъ должностей. Такъ продолжалось болѣе трехсотъ лѣтъ, до Константина: онъ первый вмѣшался въ среду христіанъ съ языческимъ господствомъ и съ чиновниками, которые приличествовали язычникамъ. Цѣль, къ которой вели христіанъ апостолы, была гораздо возвышеннѣе и совершеннѣе, чѣмъ та, которую преслѣдовали языческія власти, ибо составлять одно тѣло и руководиться однимъ духомъ Божиимъ въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ гораздо выше, чѣмъ соблюдать ту земную слабую справедливость, которая поддерживается языческими властями посредствомъ разныхъ принудительныхъ мѣръ.... Суды въ ратхаузѣ, хотя и помогаютъ возвращенію отнятой собственности, вводятъ въ грѣхи, отъ которыхъ христіане не иначе могутъ избавиться, какъ отказавшись отъ такихъ судовъ. Христіане не должны никому причинять несправедливости и никого не обманывать, а причиненную несправедливость терпѣливо переносить, не воздавая зломъ за зло.... Итакъ, одного закона Христова было вполне достаточно для устроенія общинъ первыхъ христіанъ, и, руководясь имъ однимъ, они преуспѣвали въ нравственномъ отношеніи, но потомъ, когда примѣшались къ нимъ два закона, гражданскій и папскій, нравственность стала падать.... Мы, поздніе потомки, сидя какъ бы подъ

тѣмъ этихъ законовъ, неувѣренно говоримъ о законѣ Божіемъ и управленіи Божіемъ, ибо тѣмъ этихъ двухъ законовъ заслоняетъ очи. Поэтому, такъ сказать ошунью и гадая, я задаю вопросъ: достаточно-ли закона Христова безъ приданныхъ къ нему законовъ человѣческихъ для того, чтобы основать и устроить здѣсь, на земномъ пути, вполне христіанскую религію? Я отвѣчаю, хотя и съ трепетомъ: да достаточно и теперь, потому что и прежде его было достаточно для устройства христіанскаго общества. Законъ Христовъ не ослабляется ни отъ сопротивленій, которыя ему оказываютъ, ни отъ множества обращенныхъ къ нему; напротивъ, отъ этого онъ приобретаетъ еще большую силу, а потому его одного всегда достаточно. Далѣе, если его было достаточно для обращенія невѣрующихъ къ вѣрѣ, то достаточно и для устройства въ жизни и правахъ, ибо послѣднее легче. А такъ какъ управленіе при помощи ученія Христова лучше, чѣмъ съ помощью человѣческихъ примѣсей, то кто усумнится, что невѣста Христова была бы совершеннѣе, руководясь закономъ Божиимъ, чѣмъ напоая себя, какъ ядомъ, разными примѣсями* (ст. 345—348).

Вотъ превосходное описаніе (которое мы, къ сожалѣнію, приводимъ въ сокращеніи) общества, живущаго исключительно нравственными началами, безъ законодательства ¹⁾.

Все это, конечно, отлично извѣстно проф. Коркунову; но какъ онъ толкуетъ подобныя явленія? На стр. 38-й онъ говоритъ, что только „при особенно близкихъ отношеніяхъ между людьми, столкновение ихъ интересовъ можетъ быть улажено посредствомъ одной оцѣнки. Для этого необходимы совершенное тожество нравственныхъ отношеній, полная откровенность, безусловное взаимное довѣріе и на столько сильная любовь, чтобы чужой интересъ вполне приравнялся къ собственнымъ“. Слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общество можетъ жить исключительно одними нравственными началами. А на стр. 70-й: „Если бы общество все состояло изъ людей святыхъ, принужденіе было бы совершенно излишне, каждый бы и такъ уважалъ чужое право и выполнялъ свои обязанности. Но право все таки существовало бы,

¹⁾ Это по существу дѣла то же самое, чему училъ и Сократъ; въ одной старой книгѣ такъ выражены мысли Сократа: „Законъ не для добрыхъ установленъ. Градь наилучше страгомый есть тотъ, который заключаетъ въ себѣ великое число честныхъ людей; благодѣннѣйшій—въ которомъ начальники дѣлаютъ все съ согласія общаго; превосходнѣйшій же всѣхъ тотъ, въ которомъ добродѣтель несомнѣнная имѣетъ воздаянія“.

такъ какъ для того, чтобы я могъ добровольно исполнить свои обязанности и воздать каждому свое, нужно, чтобы было опредѣлено, въ чемъ мои обязанности и въ чемъ заключается это „свое каждого“... Въ этихъ двухъ цитатахъ несомнѣнное противорѣчiе: въ первой говорится, что одной оцѣнки интересовъ (то-есть, нравственности) достаточно, во второй, что необходимо все же разграниченiе интересовъ, хотя и безъ принудительнаго элемента (то-есть, права). Изъ всего сказаннаго, мнѣ кажется, можно заключить, что въ книгѣ проф. Коркунова понятiя права и нравственности недостаточно разграничены, что онъ одно и то же явленiе подводитъ то подъ понятiе права, то подъ понятiе нравственности. Это, какъ кажется, возможно лишь въ томъ случаѣ, когда опредѣляющiя понятiя тождественны, что проф. Коркуновъ отрицаетъ.

Къ тому же выводу придемъ мы, когда рассмотримъ ученiе проф. Коркунова о нормахъ; онъ сводитъ всѣ нормы къ двумъ видамъ нормъ—техническимъ и этическимъ. Проф. Коркуновъ видитъ между нормою технической и этической лишь количественную разницу— „нормы техническiя суть правила осуществленiя отдѣльныхъ цѣлей человѣческой дѣятельности, нормы этическiя — правила совмѣстнаго осуществленiя всѣхъ людскихъ цѣлей“, здѣсь мы имѣемъ, значить, тожество по существу. Далѣе проф. Коркуновъ различаетъ эти два вида нормъ слѣдующими признаками: этическiя нормы имѣютъ формальный характеръ, техническiя—материальный; этическiя отличаются для отдѣльнаго лица неизмѣнностью (въ нѣкоторой степени), единствомъ, техническiя—множественностью, измѣнчивостью; соблюденiе послѣднихъ факультативно; первыхъ—обязательно; то-есть, этическiя нормы имѣютъ характеръ требованiй обязательныхъ. Это остроумное различенiе Н. М. Коркунова, показывающее въ немъ искусстваго діалектика, все-жъ не достигаетъ цѣли, потому что, трактуя о нормахъ, проф. Коркуновъ говоритъ не обо всѣхъ видахъ нормъ, какъ намѣревался, а упускаетъ изъ виду логическiя и эстетическiя нормы; вторыхъ, подъ понятiе нормы онъ подводитъ техническiя правила, которыя вовсе не суть нормы, и разницу которыхъ отъ нормъ онъ самъ показываетъ очень хорошо. А подвелъ Н. М. Коркуновъ техническiя правила подъ понятiе нормы въ силу слишкомъ обобщеннаго опредѣленiя нормы („правила, обусловливаемыя опредѣленною цѣлью, суть нормы“, стр. 31). Такъ какъ всякое правило опредѣлено нѣкоторою цѣлью, то оказывается, что всѣ правила суть нормы, и всѣ нормы — правила. Сопоставивъ то, чего не слѣдовало сопоставлять,

Н. М. Коркуновъ не различилъ того, что слѣдовало: этическихъ нормъ отъ эстетическихъ и логическихъ. Въ этическихъ нормахъ Н. М. Коркуновъ различаетъ два вида: нравственные и юридическія. Отличіе ихъ проф. Коркуновъ видитъ въ томъ, что нравственныя нормы устанавливають мѣрило добра и зла, а это мѣрило не примѣнимо ко всѣмъ дѣйствіямъ человѣка въ обществѣ. Человѣкъ внѣ общества можетъ руководиться нравственными нормами, но, живя въ обществѣ, человѣкъ сталкивается съ другими людьми и интересами, и одной оцѣнки интересовъ недостаточно: нужно устранить столкновение ихъ, разграничить интересы; нравственной оцѣнки недостаточно въ случаѣ столкновения равнооцѣнныхъ интересовъ. Къ тому же нравственныя правила мѣняются, поэтому недостаточно одного общаго основанія для оцѣнки (здѣсь, однако, право оказывается тоже оцѣнивающимъ интересы, но съ болѣе справедливой точки зрѣнія, чѣмъ нравственность). Наконецъ, въ силу силетенія интересовъ и дѣйствій людей, нравственная оцѣнка можетъ быть сдѣлана только по соображенію ея связи съ другими. Вотъ три соображенія, въ силу которыхъ нравственная оцѣнка оказывается недостаточной и нуждается въ пополненіи ея инымъ (правомъ). Впрочемъ, право является распределителемъ интересовъ не во всѣхъ случаяхъ отношеній людей между собой, а только въ тѣхъ, когда мы имѣемъ передъ собой индивидуумовъ, то-есть, личностей, представляющихъ цѣль сами по себѣ, а не являющіяся только средствомъ для другихъ. Такъ выводитъ проф. Коркуновъ относительную независимость права отъ нравственности. Но уже изъ самаго выведенія ясно, что нравственность общѣ права, ибо охватываетъ собой гораздо болѣе большую сферу дѣятельности, при томъ всѣхъ людей, въ то время какъ право не касается всѣхъ и примѣняется лишь тамъ, гдѣ невозможно произвести нравственную оцѣнку, то-есть, право есть осложненная и болѣе специфированная нравственная оцѣнка. Такимъ образомъ въ самомъ разсужденіи проф. Коркуновъ исходитъ не изъ идеи самостоятельности нравственности и права, а подчиненности права нравственности. Что касается самаго выведенія, то нельзя не замѣтить слѣдующаго. Во-первыхъ, на нравственность проф. Коркуновъ смотритъ, какъ на вѣчто слабое и недостаточное само по себѣ, ибо оказывается, что ею могъ бы руководиться человѣкъ внѣ его отношеній къ другимъ людямъ, но къ сожалѣнію здѣсь ей нечего дѣлать (интересно было бы услышать нравственный кодексъ Робинзона до его встрѣчи съ Пятницей), а тамъ, гдѣ она могла бы что нибудь сдѣлать, то-есть, въ отношеніяхъ

людей между собою, тамъ она оказывается безсильной передъ правомъ, нравственность уступаетъ поле дѣйствій праву, а право безъ нравственности должно руководиться силой. Вовторыхъ, самое построение сферы дѣйствія права и выведение его изъ нравственности представляется отвлеченнымъ и вовсе не соответствующимъ дѣйствительнымъ явленіямъ. Это построение весьма напоминаетъ Буридапову защиту свободы воли въ формѣ *liberum arbitrium indifferentiae*. Въ дѣйствительности не бываетъ ни равносильныхъ интересовъ, ни равныхъ въ качественномъ отношеніи лицъ, и только право, отвлекающее отъ индивидуальныхъ особенностей, рассматриваетъ лица, какъ отвлеченныя единицы; слѣдовательно, въ дѣйствительности, нѣтъ именно тѣхъ условий, наличности которыхъ требуетъ проф. Коркуновъ для того, чтобы стало возможнымъ примѣненіе права.

Изъ всего вышесказаннаго можно, какъ кажется, вывести, что проф. Коркуновъ не разграничилъ нравственности отъ права, и хотя и говоритъ о двухъ принципахъ, но въ дѣйствительности знаетъ только одинъ. Дѣйствительно, въ его ученіи нѣтъ мѣста нравственности. Въдѣ между нравственной областью и всякой другою, въ которой проявляется дѣятельность человѣка (которую проф. Коркуновъ называетъ технической), нѣтъ, какъ онъ полагаетъ, различія по качеству, а только по степени. Технические нормы указываютъ, какъ осуществить отдѣльную цѣль; а установленіе гармоніи въ совместномъ осуществленіи многихъ цѣлей—задача этики. Такъ какъ въ техникѣ, то-есть, въ большемъ количествѣ дѣйствій человѣка, вообще нѣтъ ничего нравственнаго, то и въ этикѣ, то-есть, въ совокупности техническихъ нормъ, тоже не можетъ быть ничего нравственнаго, ибо сколько бы нулей мы ни слагали, въ суммѣ получится нуль.

II.

Въ одномъ частномъ вопросѣ разсужденія проф. Коркунова есть внутреннее противорѣчіе, на которое слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ въ немъ повинны и многіе другіе, раздѣляющіе мнѣніе проф. Коркунова. Право, учить проф. Коркуновъ, возникаетъ безсознательно. Но ежели юридическія нормы возникаютъ и устанавливаются безсознательно, то-есть, безъ всякаго участія разума, то онѣ и теперь, то-есть, во время дѣйствія ихъ, не нуждаются, въ такомъ участіи, и право отъ начала до конца является чѣмъ то неразумнымъ. Терминъ безсознательнаго есть одна изъ формъ, которыми прикрывается

docta ignorantia. Еслибы онъ обозначалъ только, что мы не знаемъ, какъ возникло извѣстное явленіе, то противъ него ничего нельзя бы возразить; но возводитъ чисто отрицательное, лишенное всякаго положительнаго содержанія, понятіе въ принципъ явленій не имѣетъ смысла и показываетъ лишь, что и въ XIX вѣкѣ мы вовсе не отдѣлились отъ коренной ошибки, состоящей въ томъ, что слова принимаемъ за реальности. Еслибы психологическія предпосылки проф. Коркунова (существованіе бессознательныхъ дѣйствій и ассоціаціи ихъ) были бы правильны, то въ результатѣ получилось бы нѣчто совершенно иное, чѣмъ право. Вѣдь ассоціаціи закрѣпили бы бессознательныя дѣйствія на столько, что въ разумѣ не было бы никакой необходимости, и не было бы даже возможности его проявленія. Я могу понять, что сознательное дѣйствіе отъ повторенія можетъ стать привычнымъ и сопровождаться такой слабой степенью сознанія, что намъ будетъ казаться бессознательнымъ; но обратное—непонятно; изъ бессознательнаго—сознанія никогда не получится ¹⁾). Проф. Коркуновъ находитъ невозможнымъ договорное происхожденіе права (я, напротивъ, нахожу его единственно возможнымъ), но то, что онъ предлагаетъ взаимѣнъ, вовсе не есть объясненіе, а слово, лишенное положительнаго содержанія. Мнѣ кажется, что въ вопросахъ о первоначальномъ возникновеніи какого либо явленія мы обыкновенно впадаемъ въ ошибку, легко, впрочемъ, устранимую. Первое возникновеніе извѣстнаго явленія совершалось на основаніи тѣхъ же законовъ, которые управляютъ имъ и въ настоящее время, поэтому вмѣсто того, чтобы обращаться въ глубь времени, которая всегда темна, для освѣщенія настоящаго, которое хоть иногда бываетъ яснымъ, слѣдовало бы поступать наоборотъ и объяснять прошлое—настоящимъ, возникновеніе права—тѣмъ путемъ, которымъ оно возникаетъ теперь, и тогда теорія договора не оказалась бы уже столь невозможной, какъ думаетъ проф. Коркуновъ. Подобно тому какъ геологи отказались отъ ученія о катастрофахъ и предполагаютъ, что тѣ же силы, которыя наблюдаются теперь, дѣйствовали всегда, и юристамъ точно также слѣдовало бы поступить въ ученіи о правѣ: и тутъ дѣйствуютъ однѣ и тѣ же психическія силы человѣка, въ числѣ которыхъ не находится бессознатель-

¹⁾ Особенно странно, что проф. Коркуновъ не замѣчаетъ противорѣчія слѣдующаго своего предложенія: „каждое совершенное нами бессознательное дѣйствіе оставляетъ послѣ себя въ нашемъ сознаніи два представленія“ (стр. 113). Если дѣйствіе оставляетъ что либо въ сознаніи, то оно не было бессознательнымъ.

ныхъ; поэтому историки и юристы могутъ ссылаться на разумъ, волю, чувство, вообще на известные факты психической природы человѣка, а не на то, въ чемъ слѣдуетъ видѣть отрицаніе психической природы. Аналогія относительно возникновенія языка, на которую указываетъ проф. Коркуновъ, говоритъ не за, а противъ него; вѣдь центръ тяжести въ ученіи Штейнтала относительно языка лежитъ въ ученіи объ апперценціи представленій, то-есть, въ процессѣ сознательномъ, и только матеріалъ языка, то-есть, звуки доставляются человѣку помимо сознанія; и если Штейнталь и говоритъ о безсознательномъ, то въ этомъ случаѣ онъ дѣлаетъ отступленіе отъ Гербартовской школы, къ которой онъ себя причисляетъ, хотя въ ней понятію безсознательнаго нѣтъ мѣста ¹⁾). Отступленіе весьма не основательное.

III.

Признавъ независимость права отъ нравственности, самостоятельность двухъ началъ, можно было бы думать, что проф. Коркуновъ на ряду съ положительнымъ правомъ признастъ существованіе естественнаго права, но это послѣднее онъ отрицаетъ. Въ краткомъ и весьма отчетливомъ очеркѣ исторіи естественнаго права проф. Коркуновъ показываетъ, какъ возрѣнія на естественное право мѣнились, и какъ до настоящаго времени все же большинство крупныхъ философовъ цѣпляется за это, повидимому, отжившее и непужное, понятіе. Я думаю, что теоріей естественнаго права философы выражали зависимость права отъ нравственности, что подъ *jus nativae* не слѣдуетъ разумѣть ничего инаго, какъ общественную нравственность, то-есть, то мѣрило, которымъ опредѣляются въ концѣ концовъ всѣ понятія права.

Естественное право покоится на основныхъ нравственныхъ аксіомахъ; оно едино и неизмѣнно, какъ и нравственность (и истина). Какъ въ логикѣ и въ математикѣ существуютъ положенія самоочевидныя, лежащія въ основѣ всякаго доказательства, точно такія же аксіомы должны быть и въ нравственномъ мірѣ. Никто этого не отрицаетъ въ сферѣ мышленія, и этому не противорѣчитъ вовсе тотъ фактъ, что относительно числа аксіомъ спорять и различно ихъ опредѣляютъ. Такою самоочевидностью имѣютъ и нѣкоторыя положенія въ нрав-

¹⁾ Критику идеи безсознательнаго см. у Гербарціанца *Бренкано*: *Empirische Psychologie*, I Band.

ственномъ мірѣ, хотя найдти ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ въ логическомъ. Думаю, что и основная этическая аксіома выражаетъ собой отношеніе двухъ явленій, какъ, напримѣръ, логическая аксіома тождества, при чемъ явленіями здѣсь называются два субъекта, отношенія которыхъ и опредѣляются аксіомой. Принципъ морали коренится въ природѣ отдѣльнаго человѣка, но для своего проявленія нуждается въ сообществѣ людей; но существу принципа индивидуальной и общественной нравственности тождественны, но отдѣльный человѣкъ, одаренный нравственною природою, можетъ осуществить вполне свободно и во всей строгости этической принципъ, въ то время какъ общество, благодаря различію составляющихъ его элементовъ, должно требовать осуществленія лишь минимальныхъ этическихъ требованій, предоставляя идеальныя требованія свободному импульсу каждаго. Безнравственнымъ всѣ люди считаютъ эгоизмъ и дѣйствія изъ него произтекающія; нравственный законъ, слѣдовательно, выражаетъ собой требованіе безусловнаго уничтоженія эгоизма. Люби ближняго безконечно больше самого себя—это идеаль, который каждому рисуется въ мысляхъ. Это есть тотъ идеаль, который заставляетъ насъ преклоняться передъ самопожертвованіемъ, удивляться безкорыстію, невольно завидовать миссіонеру, идущему служить прокаженнымъ. Это коррективъ нашей дѣятельности, которымъ мы руководимся при оцѣнкѣ дѣйствій. Совершенно пелѣно, несогласно съ фактами объясненіе этого явленія изъ мотивовъ эгоизма, даваемое нѣкоторыми авторами, въ родѣ Гельвеція. Идеаль нисколько не страдаетъ оттого, что онъ не выполняется, какъ законъ логики не страдаетъ отъ заблужденій и ошибокъ, въ которыхъ живетъ человѣкъ. Эгоизмъ, однако, на столько силенъ, что борьба съ нимъ на почвѣ идеала является безнадежною борьбой мечты съ дѣйствительностью; въ виду этого мы признаемъ нравственнымъ уже и такого человѣка, который, не принимая въ расчетъ безконечно разнообразнаго характера конкретныхъ личностей, рассматриваетъ ихъ какъ качественно равныхъ себѣ и уважаетъ въ нихъ личность, и поэтому идею равенства (справедливости) признаетъ руководящимъ началомъ своей дѣятельности. Это и есть точка зрѣнія права, то-есть, ослабленной нравственности, низведенной до ея минимума, выраженной въ законодательствѣ. Законодательство должно бы, разграничивая интересы, рѣшать чисто математическую проблему, то-есть, дѣлить ровно, въ зависимости отъ количества и качества условій. Такое равное дѣленіе, не принимающее въ расчетъ никакихъ историческихъ условій, и даетъ картину естественныхъ правъ человѣка. Такъ какъ

условія, отъ которыхъ зависить дѣленіе, столь многообразны, то весьма понятно, что въ опредѣленіи правъ люди расходятся, и это въ зависимости отъ историческихъ данныхъ, опредѣляющихъ ихъ мышленіе.

Проф. Коркуновъ не признаетъ естественнаго права. Такъ какъ высказанная мною мысль по существу принадлежитъ Руссо и Канту, то нужно рассмотреть лишь тѣ доводы проф. Коркунова, которые онъ приводитъ противъ теоріи Канта и XVIII вѣка ¹⁾. У проф. Коркунова мы находимъ лишь одинъ доводъ. Ученіе о естественномъ правѣ приводитъ неизбѣжно къ отрицанію положительнаго права, существованіе котораго есть фактъ несомнѣнный (ст. 94). „Какъ могло возникнуть положительное право, когда искони существовала все-исчерпывающая система естественныхъ правовыхъ нормъ?“ По моему никакого противорѣчія между естественнымъ и положительнымъ правомъ нѣтъ, какъ нѣтъ противорѣчія въ томъ, что логическіе законы искони существовали, факты и законы міра искони существовали, тѣмъ не менѣе исторія науки представляетъ собой цѣлое море заблужденій и ошибокъ и медленное освобожденіе отъ ихъ гнета. Система естественныхъ правъ прирожденна только потенціально, изъ основныхъ аксіомъ нужно вывести всѣ слѣдствія, а это дѣло нелегкое ²⁾, въ которомъ люди постоянно ошибаются, и тѣмъ, не менѣе, думаю, что положительное законодательство также представляетъ постепенное осуществленіе идеальныхъ требованій, которыя, будучи заложены въ психической природѣ человѣка, представляютъ совершенно такой же фактъ, какъ и само положительное законодательство. Вопросъ проф. Коркунова сводится къ тому, какъ возникла человѣческая глупость, которая несомнѣнно существуетъ или, какъ проф. Коркуновъ мягко выражается, „несовершенство человѣческаго знанія“. На этотъ вопросъ трудно отвѣтить, ибо при зародженіи ея люди XIX вѣка не присутствовали ³⁾ и повинны лишь въ расширеніи ея. Но подобно тому, какъ мы не станемъ отрицать науки

¹⁾ Аристотель смотрѣлъ на естественное право совершенно такъ же, какъ Руссо и юристы XVIII вѣка. См. его *Этику*, кн. V, § 10.

²⁾ Англичане говорятъ, что въ каждомъ кускѣ мрамора находится прекрасная статуя, и вся трудность заключается лишь въ томъ, чтобы ее оттуда извлечь.

³⁾ Я думаю, что она зародилась въ Кантѣ: Адамъ еще „имѣлъ врожденную философію... Кантъ же былъ человѣкъ злой, сіе извѣстно, слѣдовательно исповѣдовалъ и училъ Еммуризмъ; но кого, когда и какъ—сего никто сказать не въ состояніи“. См. Сокращенная исторія философіи, Москва, 1785, ст. 7.

на основаніи того, что племя Акки или Типо-Типъ ничего о ней не знаетъ, такъ мы не можемъ отрицать ея нравственности или красоты потому, что онѣ различно понимаются, или что гг. Типо-Типы ихъ не признають.

IV.

Теперь обратимся къ послѣднему вопросу, имѣющему философское значеніе и связанному съ нравственностью, — къ вопросу о свободѣ воли.

Вопросъ о свободѣ есть вопросъ объ опредѣленіи понятія, поэтому весьма важно знать, что авторъ разумѣетъ подъ понятіемъ свободы, и вовсе не столь важно—отрицаетъ ли онъ ее или признаетъ, ибо съ извѣстной точки зрѣнія можетъ оказаться, что отрицающій ее—въ дѣйствительности признаетъ, а признающій — отрицаетъ: напримеръ, стоики, повидимому, отрицали свободу и утверждали подчиненность человѣка законамъ природы, и въ то же время не было философской школы, которая такъ сильно настаивала бы на индивидуальной свободѣ. Итакъ вся суть въ томъ, что разумѣетъ подъ свободой ¹⁾).

Посмотримъ, что разумѣетъ проф. Коркуновъ подъ свободой и что собственно онъ отрицаетъ. Впервыхъ, отмѣтимъ, что ученіе о свободѣ проф. Коркуновъ помѣщаетъ въ главу объ общественныхъ условіяхъ развитія права; условіемъ, конечно, можетъ быть только явленіе, то-есть, нѣчто реальное; въ этомъ смыслѣ вполне уместно разсматривать природу общества, психическую природу человѣка, отношеніе личности къ обществу, формы общества и т. д.; но такъ какъ проф. Коркуновъ отрицаетъ свободу воли, то главу о свободѣ какъ

¹⁾ Для того, чтобы показать, какъ многообразно пониманіе свободы и выннму нѣсколько строкъ изъ сочиненія „Свобода и вольность“, появившагося въ 1866 году: „Свобода человѣка существуетъ двоякая, духовная и плотская, каждая изъ оныхъ можетъ быть разумная и неразумная... Разумная плотская свобода заключается въ избраніи человѣкомъ для своего жительства общества или государства и въ ономъ аванія, свойственнаго его способностямъ и занятіямъ, въ повиновеніи и исполненіи религиозныхъ учреждений и законовъ государства въ мирной и благопріятной жизни въ избранномъ для жительства обществѣ. Но если человѣку по какимъ-либо причинамъ не нравятся учрежденія и законы того государства, гдѣ онъ живетъ, то съ позволенія правительства онъ можетъ удалиться куда ему вздумается, исполнивъ лишь формальности учрежденныя на счетъ сего въ государствѣ. Противное изложенному будетъ уже плотской свободой неразумной“.

объ отрицательномъ условіи, которыхъ безчисленное множество, можно было бы совершенно опустить, тѣмъ болѣе, что изъ этой главы читатель узнаетъ только, что воля не свободна, и болѣе ничего; слѣдовательно, свобода не можетъ быть условіемъ развитія права. Теперь, что же говоритъ проф. Коркуновъ въ подтвержденіе своей мысли? Свободу воли проф. Коркуновъ противопоставляетъ законмѣрности; онъ формулируетъ вопросъ о свободѣ слѣдующимъ образомъ: подчинены ли акты нашей воли закону причинности или нѣтъ? Благодаря этой формулѣ, какъ онъ полагаетъ, легко показать: 1) что отрицаніе свободы воли не есть фатализмъ и 2) что нельзя найти формулы, примиряющей свободу съ необходимостью причинной связи.

Различіе фатализма отъ несвободы воли проф. Коркуновъ видитъ въ томъ, что по ученію фатализма „событія не зависятъ отъ воли и дѣйствій людей и что вообще явленія вызываются не другъ другомъ, а какой-то силой, извнѣ ими управляющей..; это воззрѣніе отрицаетъ причинную связь между явленіями и привноситъ понятіе о чудѣ“ (ст. 214). Откровенно говоря, не смотря на это разъясненіе, я не вижу разницы между фатализмомъ и ученіемъ о несвободѣ; можетъ быть, разница и существуетъ, но въ разъясненіи проф. Коркунова ея не видно. Не все ли равно: навязано ли принужденіе явленіямъ извнѣ, или оно заключается въ нихъ самихъ, во всякомъ случаѣ всякое принужденіе будетъ чувствоваться, какъ нѣчто чуждое самому явленію, и будетъ его цѣликомъ принуждать; различіе, слѣдовательно, болѣе въ объясненіи источника принужденія, чѣмъ въ характерѣ его дѣйствія.

Попытокъ примирить свободу съ необходимостью, по мнѣнію автора, три: первая принадлежитъ Фулье; она состоитъ въ указаніи на идею свободы, какъ на мотивъ дѣйствій человѣка. Человѣкъ не свободенъ, но, руководясь въ своей дѣятельности идеей свободы, онъ можетъ поступать, какъ будто бы былъ свободенъ. Незачѣмъ говорить о несостоятельности такого воззрѣнія; это просто психологическое замѣчаніе, не лишенное нѣкоторой цѣны, никѣмъ не оспариваемое, но въ то же время совершенно бесполезное для рѣшенія самого вопроса. Всѣ идеи, имѣющія отношеніе къ чувствамъ человѣка, могутъ стать мотивами; то же слѣдуетъ сказать и объ идеѣ свободы, но въ такомъ случаѣ она именно и будетъ опредѣлять человѣка, то-есть, въ этомъ смыслѣ дѣлать его несвободнымъ.—Вторая теорія приписана проф. Коркуновымъ Риду; хотя, собственно говоря, она представляетъ собой не что иное, какъ старое ученіе о *liberum arbitrium indifferentiae*, которое Буриданъ облакъ въ знаменитый образъ

осла, долженствующаго умереть отъ голода безъ свободы выбора, еслибы этотъ оселъ былъ помещенъ между двухъ кучъ сѣна одинаковыхъ размѣровъ, на одинаковомъ отъ нихъ разстояніи. Уже Лейбницъ вполне убѣдительно показалъ невозможность этой теоріи, которая представляетъ вполне абстрактное построение, въ дѣйствительности не встрѣчающееся; къ тому же это построение доказывало бы свободу выбора лишь въ случаяхъ, не имѣющихъ въ жизни ровно никакого значенія и оказалось бы бесполезнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда свобода могла бы имѣть значеніе.—Наконецъ, третья теорія, упоминаемая проф. Коркуновымъ, есть такъ называемый психическій детерминизмъ, настаивающій на томъ, что опредѣленіе дѣйствій психическими условіями отличается отъ механическаго опредѣленія. Проф. Коркуновъ не придаетъ этой теоріи значенія, такъ какъ она признаетъ всеобщность причинной связи, а большая сложность психической причинности есть уже „вопросъ степени“. Итакъ примиренія нѣтъ, нужно категорически ставить вопросъ: свободна ли нѣтъ воля? Воля не свободна; это доказывается: а) всеобщностью причинной связи, б) несовѣстностью закона сохранения силъ съ свободой воли, в) свобода есть логическая несообразность, г) духовная жизнь зависитъ отъ тѣлесной. Кромѣ этихъ общихъ доводовъ проф. Коркуновъ приводитъ еще цѣлый рядъ соображеній опытнаго характера; изъ нихъ одно (219 ст.) нѣсколько сбивчиво. Самонаблюденіе, говоритъ проф. Коркуновъ, заставляетъ признать волю несвободной; но на слѣдующей страницѣ онъ говоритъ, что мы нерѣдко сознаемъ себя свободными. За несвободу воли говорятъ и наблюденія надъ поведеніемъ другихъ лицъ и, наконецъ, статистическія данныя. Итакъ воля не свободна.

Съ этой аргументаціей проф. Коркунова трудно согласиться. Единственный доводъ философскаго характера—противорѣчіе свободы воли объективной причинной связи. Но объективность причинной связи нигдѣ не доказывается; даже нѣтъ попытки доказательства этого положенія, а просто, совершенно догматически, предполагается, что причинность есть всеобщій объективный законъ, не знающій исключеній. Если уступить автору въ этомъ пунктѣ, то, конечно, всякій ребенокъ сумѣетъ сдѣлать выводъ, что свобода воли противорѣчила бы всеобщему объективному закону причинности и, слѣдовательно, недопустима. Но вѣрна ли посылка? Можетъ быть, причинность есть категорія нашего разсудка, слѣдовательно примѣнима только къ явленіямъ и дѣйствіямъ, а не къ самой волѣ. Я высказываю это Кантово положеніе вовсе не какъ

утвержденіе, а какъ инстанцію, съ которою проф. Коркунову необходимо было считаться, если онъ хотѣлъ придать своимъ размышленіямъ характеръ доказательства, а не замѣтокъ болѣе или менѣе остроумныхъ. Остальные доводы проф. Коркунова подлежатъ прямому опроверженію. О законѣ сохраненія силъ нечего говорить, ибо онъ касается явленій матеріальнаго міра и, доколѣ тожество духа и матеріи не доказано, до тѣхъ поръ нечего и распространять упомянутый законъ на психику человѣка. Зависимости духа отъ тѣла противостоитъ обратная зависимость, столь же общая; наконецъ, эмпирическія указанія столько же говорятъ въ пользу свободы, сколько и въ пользу несвободы. Мы, на основаніи изученнаго характера человѣка, предсказываемъ его дѣйствія; но ошибаемся не только потому, что изученіе не полно, но и потому, что не принимаемъ въ расчетъ возможности измѣненій самаго характера. Если проф. Коркуновъ говоритъ противъ ученія о свободѣ выбора, то, конечно, онъ правъ, и никто съ нимъ спорить не станетъ; если онъ хочетъ сказать, что свобода не есть произволь, то и это справедливо. Но что же далѣе? Вѣдь и камень не свободенъ, и дерево не свободно, и животныя не свободны, а не станетъ же проф. Коркуновъ утверждать, что дѣйствія людей тожественны съ движеніями, испытываемыми камнями, и съ дѣйствіями животныхъ. Гораздо существеннѣе было бы указаніе различія разумныхъ дѣйствій человѣка отъ похожихъ на нихъ явленій изъ царства животныхъ. Говори, что воля несвободна, проф. Коркуновъ окрашиваетъ въ одинъ цвѣтъ разнородныя явленія, и поэтому его замѣчанія способны только сбить съ толку читателя. Психологическій детерминизмъ, которому проф. Коркуновъ посвящаетъ нѣсколько строкъ, заслуживаетъ болѣе внимательнаго отношенія. Лейбницъ это ученіе формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „воля детерминируется, не нецесситируется“¹⁾. Дѣйствительно разница весьма велика: будетъ ли воля опредѣляема извнѣ механической необходимостью, или же психической. Первая уничтожала бы возможность разумной жизни, въ то время какъ вторая даетъ возможность самоопредѣленію. Механическая необходимость сама по себѣ, конечно, не можетъ дѣйствовать на волю, ибо она должна первоначально стать сознанной, то-есть, пред-

¹⁾ Theodicée. La bonté de Dieu. I p. § 43. Je suis d'opinion que la volonté est toujours plus inclinée au parti qu'elle prend, mais qu'elle n'est jamais dans la nécessité de le prendre. Il est certain, qu'elle prendra ce parti, mais il n'est point nécessaire qu'elle le prenne... Astra inclinans, non necessitans.

ставленіемъ и тогда уже можетъ сдѣлаться мотивомъ. Тутъ разница не только по степени, какъ думаетъ проф. Коркуновъ. Само собой разумѣется, что слѣдуетъ отказаться отъ идеи свободы въ смыслѣ произвола, отъ пониманія свободы какъ чего-то, стоящаго внѣ и выше закона природы, но отсюда еще весьма далеко до утверженія, что свободы нѣтъ. Вѣдь если ужъ отрицать разницу между духовнымъ міромъ и матеріальнымъ и утверждать ихъ тождество по существу, то, конечно, не въ духѣ матеріализма; единственно возможная и логически оправданная точка зрѣнія есть идеализмъ, а въ такомъ случаѣ сознаніе свободы получаетъ большое значеніе, и механическая связь явленій получаетъ характеръ производный, то-есть, разумная связь мотива и дѣйствія есть первообразъ, по которому мы представляемъ себѣ связь внѣшнихъ явленій, такъ что говорить придется не о зависимости воли отъ внѣшнихъ явленій, а наоборотъ.

Въ заключеніе повторю, что я имѣлъ въ виду доказательство лишь одной мысли: ежели проф. Коркуновъ различаетъ нравственность отъ права, то ему, какъ мнѣ кажется, слѣдовало признать существованіе естественнаго права и свободы воли (хотя бы въ формѣ психологическаго детерминизма). Отрицавъ послѣднія два понятія, ему слѣдовало отрицать и самую нравственность, какъ это дѣлаютъ позитивисты, напримѣръ, И. Гюйо, который говоритъ, что нравственность есть только гигиѣна.

Э. Радловъ.

Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Биллемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 годъ). Съ портретомъ видомъ могилы и снимками почерка. Харьковъ. 1894.

Сто лѣтъ тому назадъ, 29-го октября 1794 года, скончался Григорій Саввичъ Сковорода, прозванный „украинскимъ философомъ“. Онъ умеръ въ слободѣ Ивановкѣ подъ Курскомъ, по уроженцемъ былъ Лубенской округи, а большую часть жизни провелъ на Слободской Украинѣ, то-есть, въ Харьковской губерніи. Впрочемъ, имя его гремѣло въ свое время по всей Малороссіи, да и теперь тамъ хорошо памятно. Справедливо говорилъ о немъ Костомаровъ: „Мало можно указать такихъ *народныхъ* лицъ, какимъ былъ Сковорода, и которыхъ бы такъ почиталъ и уважалъ народъ. На всемъ пространствѣ

отъ Острогожска (Воронежской губерніи) до Кіева, во многихъ домахъ висятъ его портреты, всякій грамотный малороссійнинъ знаетъ о немъ; имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа: его странническая жизнь—предметъ разсказовъ и анекдотовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потомки, отъ отцовъ и дѣдовъ, знаютъ о мѣстахъ, которыя онъ посѣщалъ, гдѣ любилъ пребывать, и указываютъ на нихъ съ почтеніемъ; доброе расположеніе Сквороды къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ составляетъ семейную гордость внуковъ; странствующіе пѣвцы усвоили себѣ его пѣсни; на храмовомъ праздникѣ, на торжищѣ нерѣдко можно встрѣтить толпу народа, окружающую группу этихъ рапсодовъ и со слезами умиленія слушающую: „Всякому городу свой нравъ и права“. До какой степени пѣсни Сквороды сдѣлались народными во всей южнорусской странѣ, можно судить по тому, что нѣкоторыя вошли въ собраніе галицкихъ пѣсенъ Вацлава съ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей, что эти пѣсни сочинены Сквородою“.

Дѣйствительно, это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ людей своего времени, личность столь же даровитая, сколько оригинальная. Сынъ простаго казака, питомецъ стариннаго схоластическаго образованія, совершенный бѣднякъ и по обстоятельствамъ своей жизни, и по принципу, Скворода одною силой своего нравственнаго вліянія сдѣлался очень виднымъ человѣкомъ среди спонхъ современниковъ и соотичей. По своимъ способностямъ, по уму и знаніямъ онъ легко могъ бы, что называется, выйдти въ люди, и нельзя сказать, чтобъ ему не представлялось удобныхъ къ тому случаевъ. Но онъ какъ-то не ладилъ съ установившимися формами общественнаго быта: педагогъ, онъ не могъ удержаться ни въ одной школѣ, куда былъ приглашаемъ; человѣкъ строгой жизни, почти аскетъ, онъ не шелъ въ монастырь и къ монашескому быту относился даже отрицательно. Его возмущалъ тотъ низкій уровень, на которомъ стояло тогдашнее общество въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи; онъ негодовалъ на преобладаніе въ немъ матеріальныхъ интересовъ и на господство „суевѣрія“; очень мало придавалъ онъ значенія внѣшней набожности и даже обрядности. Дорожа всего болѣе своею личною независимостью и „почувствовавъ вкусъ къ свободѣ отъ суетностей и пристрастій житейскихъ“ (какъ выразился любимѣйшій изъ его учениковъ), Скворода разо откинулъ всякіе соблазны честолюбія и ограничилъ до-нельзя свои матеріальныя потребности,—за то, создалъ себѣ совсѣмъ особый родъ дѣятельности:

въ сѣрой свитѣ и смушковой шапкѣ, съ сумкой за плечами, онъ бродилъ изъ села въ село, изъ одной панской усадьбы въ другую и поучалъ всякій людъ, знатнаго и незнатнаго, бѣднаго и богатаго, нравственному совершенствованію и праведной жизни. Въ его нравственной проповѣди соединились элементы сократической философіи и христіанскаго ученія; хорошо знакомый съ мудрецами классической древности, онъ утвердился на афоризмъ Сократа: „познай самого себя“; но въ то же время онъ былъ горячо вѣрующимъ христіаниномъ и отлично зналъ Священное Писаніе; примѣняя къ его историческимъ сказаніямъ символическое толкованіе, онъ видѣлъ въ немъ источникъ для познанія не только Бога, но и человѣка. Такимъ образомъ, его нравственный идеалъ освѣщался христіанскою истиной. Сковорода поучалъ живымъ словомъ и писаніями. Не всё, конечно, слушавшіе его, постигали его проповѣдь во всей полнотѣ, но всякій бралъ изъ нея что могъ, и уже въ томъ находилъ себѣ удовлетвореніе. Какъ бы то ни было, странствующій нравоучитель пользовался общимъ уваженіемъ въ родномъ краѣ.

Послѣ Сковороды осталось много сочиненій; между тѣмъ какъ его стихотворенія усвоивались переходными слѣпцами, его прозаическія писанія распространялись между грамотными людьми, панами и духовными лицами. При жизни Сковороды ни одно изъ его произведеній не было напечатано, но впоследствии кое-что изъ нихъ попало въ печать. Впрочемъ, только въ повѣйшее время приближеніе столѣтняго срока со дня кончины украинскаго философа подало поводъ къ изданію его сочиненій, приготовленному съ соблюденіемъ научныхъ требованій. Изданіе это предпринято Историко-филологическимъ обществомъ при Харьковскомъ университетѣ и составляетъ большой томъ въ шестьсотъ страницъ, отпечатанный убористымъ, но четкимъ и красивымъ шрифтомъ. Почтенный и нелегкій трудъ приготовить это изданіе принадлежитъ профессору Харьковскаго университета Д. И. Багалѣю. Лежащая предъ нами книга состоитъ изъ двухъ отдѣленій: первое, озаглавленное „Биографическіе матеріалы о Г. С. Сковородѣ“, содержитъ въ себѣ обширную критико-библиографическую статью г. Багалѣя, иначе говоря—введеніе ко всему изданію, затѣмъ „Житіе Григорія Сковороды“, написанное его другомъ и ученикомъ М. И. Ковалинскимъ въ 1796 году, и письма Сковороды; во второмъ отдѣленіи помѣщены самыя его сочиненія, а въ концѣ книги, въ видѣ приложения, напечатаны еще два произведе-

нія, ошибочно ему приписываемая, и указатель къ его латинскимъ письмамъ, составленный профессоромъ И. В. Нетушиломъ.

Рукописи сочиненій Сквороды разбѣяны по разнымъ бібліотекамъ общественнымъ и частнымъ; нѣкоторыя изъ нихъ оказываются даже его автографами, другія же — только списки. Но есть и такія рукописи, въ которыхъ подъ именемъ Сквороды помѣщены повсе не его произведенія. Кромѣ того, есть и въ печати если не цѣлыя статьи, то отрывки, ему приписываемые, между тѣмъ какъ подлинность ихъ ничѣмъ не засвидѣтельствована. Наконецъ, и самыя заглавія сочиненій Сквороды являются въ рукописяхъ неустойчивыми, что также подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Вообще, опредѣлить кругъ литературной дѣятельности Сквороды не совсѣмъ легко, и вопросъ о томъ, что именно должно быть включено въ собраніе его сочиненій, представляется довольно сложнымъ и требующимъ тщательнаго изслѣдованія. Такова была первая, основная задача, предстоявшая г. Багалѣю, и на сколько можно судить по весьма подробному изложенію во II-й главѣ его очерка, она рѣшена имъ вполне успѣшно. Изъ его изысканій обнаруживается, что начало литературной дѣятельности Сквороды восходитъ къ половинѣ 1750-хъ годовъ, когда имъ было составлено руководство къ пѣтикамъ и написаны первыя стихотворенія; въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ Скворода написалъ курсъ христіанскаго добродѣя для молодыхъ дворянъ, обучавшихся въ Харьковскомъ коллегіумѣ, а когда онъ оставилъ преподаваніе въ этомъ училищѣ и сталъ странствующимъ нравоучителемъ, то принялся за писаніе философскихъ и богословскихъ сочиненій въ формѣ трактатовъ и діалоговъ; еще въ 60-хъ годахъ составленъ имъ сборникъ такъ-называемыхъ „Харьковскихъ басенъ“, а позже сдѣланы переводы сочиненій Цицерона „О старости“ и Плутарха „О тишинѣ сердца“, снабженные его собственными толкованіями. Еще за годъ до своей смерти, въ 1791 году Скворода занимался окончательною обработкою трактата „Потопъ зміиш“, который, повидимому, и былъ его послѣднимъ произведеніемъ. Писалъ Скворода тяжелымъ книжнымъ языкомъ старой школы, съ значительною примѣсью малороссіанизмовъ. Всѣхъ литературныхъ трудовъ Сквороды г. Багалѣй насчитываетъ болѣе двадцати, но изъ нихъ уцѣлѣло только 18, при чемъ однако всѣ его стихотворенія зачислены подъ одинъ номеръ. Въ настоящемъ изданіи сочиненій украинскаго философа напечатано ихъ 13. Какъ сказано въ вводной статьѣ г. Багалѣя, „нѣкоторыя изъ сочиненій Сквороды, и притомъ, чрез-

вычайно важныя, по разнымъ внутреннимъ и вѣшнимъ соображеніямъ и обстоятельствамъ не могли войти въ настоящій томъ" (стр. CVII). Но, какъ объясняетъ г. Багалъи въ другомъ мѣстѣ статьи (стр. CXXV), — „со всѣхъ этихъ рукописей сняты проверенныя нами копии, которыя составляютъ нынѣ собственность Историко-филологическаго общества и могутъ быть изданы, когда позволятъ средства и обстоятельства". Итакъ, настоящее изданіе все еще не содержитъ въ себѣ полного собранія сочиненій Сквороды; тѣмъ не менѣе, девять его произведеній являются нынѣ въ печати впервые, и кромѣ того, почти все здѣсь помѣщенное напечатано съ автографовъ сочинителя, стало быть, въ текстѣ вполне достовѣрно. Очевидно, только настоящее, хотя и неполное, изданіе открываетъ возможность основательнаго, документальнаго изученія Сквороды, и въ этомъ заключается несомнѣнная и важная заслуга Харьковскаго историко-филологическаго общества и въ частности г. Багалъи. Въмѣстѣ съ тѣмъ положено и начало такому изученію: профессоръ Харьковскаго университета О. А. Зеленогорскій еще во время печатанія рассматриваемой книги успѣлъ ознакомиться съ нѣкоторыми изъ вновь изданныхъ произведеній Сквороды и сдѣлалъ попытку дать очеркъ его философскихъ воззрѣній въ статьѣ, напечатанной въ 3-й и 4-й книжкахъ журнала *Вопросы философіи и психологіи* за текущій годъ.

Нельзя не одобрить мысли редактора настоящаго изданія предпослать сочиненіямъ Сквороды сборникъ біографическихъ о немъ матеріаловъ. „Житіе" украинскаго философа, написанное два года спустя по его смерти его ученикомъ и другомъ М. И. Ковалинскимъ, напечатано здѣсь впервые по подлинной рукописи автора, между тѣмъ какъ прежнее изданіе этого „Житія" было сдѣлано съ неполныхъ списковъ. Обширное собраніе писемъ Сквороды также составляетъ значительную новость: изъ помѣщенныхъ здѣсь писемъ только одно существовало до сихъ поръ въ печати. Но страннымъ и непонятнымъ представляется, почему въ настоящемъ изданіи не воспроизведены письма Сквороды къ купцу Е. Е. Урюпицу, напечатанныя въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* 1817 года, и къ священнику Якову Правницкому, изданныя въ журналѣ *Библиографъ* текущаго года Всев. Изв. Срезневскимъ. Перепечатка этихъ послѣднихъ писемъ была бы тѣмъ умѣстнѣе, что они относятся къ такимъ годамъ жизни Сквороды, о которыхъ біографія, составленная Ковалинскимъ, не даетъ никакихъ свѣдѣній. Что касается вводной критико-біографической статьи г. Багалъи, то считаемъ нужнымъ сказать о ней подробнѣе, такъ

какъ, по мысли автора, она предназначена служить, такъ сказать, ключемъ ко всему изданію.

Статья г. Багал'я состоитъ изъ двухъ главъ, изъ коихъ первая называется „Изданія сочиненій Г. С. Сковороды и изслѣдованія о немъ (историко-критическій очеркъ)“, а вторая—„Библиографическій обзоръ сочиненій Г. С. Сковороды“. Статья очень обильна содержаниемъ, но признаемъ, обработка этого богатаго матеріала кажется намъ не вполне удовлетворительною. Дѣло въ томъ, что, обзрѣвая въ I-й главѣ литературу о Сковородѣ, г. Багал'й не провелъ необходимаго различія между тѣмъ, что въ данномъ случаѣ имѣеть характеръ *источника*, и что можетъ быть названо только *пособіемъ*. Намъ представляется это значительною методологическою ошибкою. Не въ число изслѣдованій, то-есть, пособій для изученія Сковороды, а въ рядъ прямыхъ источниковъ слѣдовало бы поставить не только „Житіе“, написанное Ковалинскимъ, но и статью *Украинскаго Вѣстника* 1817 года съ извѣстіями Гессе де-Кальве и Вернета, и статью И. И. Срезневскаго въ альманахѣ „Утренняя Звѣзда“ 1833 года. Де-Кальве и Вернетъ, подобно Ковалинскому, знали Сковороду лично и говорятъ о немъ какъ очевидцы; равнымъ образомъ, и въ основу статьи Срезневскаго положены свидѣтельства знакомцевъ Сковороды. Напротивъ того, все остальное, что о немъ писано, носитъ на себѣ уже характеръ болѣе или менѣе ученый; тутъ уже нѣтъ непосредственныхъ свидѣтельствъ, идущихъ отъ живыхъ лицъ, а вмѣсто того являются изысканія, соображенія и разсужденія. Очевидно, что и отношеніе критики къ трудамъ такого рода должно быть иное, чѣмъ къ источникамъ первоначальнымъ. Къ сожалѣнію, г. Багал'й разсудилъ иначе. Записку Ковалинскаго, этотъ основной и чрезвычайно любопытный источникъ для біографіи украинскаго философа, который слѣдовало бы поставить во главу обзора литературы, г. Багал'й даже вовсе не подвергаетъ разбору, а разсматривая извѣстія де-Кальве и Вернета, считаетъ нужнымъ одинаково внимательно оцѣнивать какъ достоинство ихъ фактическихъ показаній, такъ и ихъ сужденія о Сковородѣ. Съ Вернетомъ онъ вступаетъ даже въ полемику. Точно также, полемизируетъ онъ и противъ юношескихъ мнѣній Срезневскаго и въ то же время почти не извлекаетъ фактическихъ указаній изъ его статьи, которую однако самъ признаетъ цѣнною по включеннымъ въ нее живымъ преданіямъ. По нашему мнѣнію, вмѣсто всей этой многословной полемики полезнѣе было бы просто перепечатать цѣликомъ статью изъ *Украинскаго Вѣстника* и „Утренней

Звѣзды“ (изданій пунѣ очень рѣдкихъ), такъ чтобъ онѣ, вмѣстѣ съ запиской Ковалинскаго, составили полное собраніе первоисточниковъ для біографіи Сквороды. Сюда же можно было бы присоединить и воспоминаніе о немъ О. П. Лубяновскаго, которое, повидимому, осталось новсе неизвѣстнымъ г. Багалѣю ¹⁾).

Что касается „Житія Сквороды“, написаннаго Ковалинскимъ, то оставивъ его показанія безъ всякой провѣрки и комментарія, г. Багалѣй только уменьшилъ достоинство этого столь высоко и справедливо цѣнимаго имъ памятника. Ковалинскій зналъ Сквороду въ теченіе многихъ лѣтъ, но былъ гораздо моложе его и описывалъ юность своего учителя по его разказамъ. У него много любопытныхъ подробностей, но въ то же время замѣчается недостатокъ хронологическихъ данныхъ. Могутъ ли его разказы выдержать хронологическую провѣрку — вотъ, очевидно, первый вопросъ, подлежащій изслѣдователю. Но г. Багалѣй и не подумалъ о томъ. А между тѣмъ рѣшить этотъ вопросъ было даже не особенно трудно. Такъ, напримѣръ, когда Ковалинскій говоритъ о соученичествѣ Сквороды съ Самуиломъ Миславскимъ въ Кіевской академіи, слѣдовало бы навести справку въ біографіи этого архіерея, написанной г. Рождественскимъ (Кіевъ. 1977): оказалось бы, что Миславскій, будучи на девять лѣтъ моложе Сквороды, могъ быть его товарищемъ только по вторичномъ его вступленіи въ академію, въ 1744—1745 годахъ. Когда въ „Житіи“ упоминается о путешествіи Сквороды въ Венгрію съ генераломъ Вишневскимъ, провѣрка этого факта, вовсе не датированнаго Ковалинскимъ, могла бы быть сдѣлана по свѣдѣніямъ о Вишневскомъ, сообщеннымъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 г. и въ статьѣ А. В. Рачинскаго: „Русскіе комиссары въ Токаѣ въ XVII столѣтіи“ (*Русскій Вѣстникъ* 1875 г., № 9). Ковалинскій не называетъ по имени того епископа Череевскаго, который вызвалъ Сквороду учительствовать въ Череевскую семинарію, но вскорѣ уволяя его съ этой должности, — и не обозначаетъ, когда это случилось; въ числѣ стихотвореній Сквороды (стр. 280) есть одно, посвященное епископу Іоанну Козловичу, „входившему въ градъ Череевль на престолъ епископскій изъ 1750 года“. Но эта дата оказывается центрною: по точнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Ю. В. Толстымъ въ „Спискѣ архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ Всероссійской іерархіи со времени учрежденія св. свнода“

¹⁾ См. въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 г., ст. 106—108.

(С.-Пб. 1872), видно, что Іоаннъ Козловичъ занималъ переславскую каюедру съ 7-го марта 1753 года по день своей кончины, 17-го марта 1757 года. Стало быть, и учительство Сковороды въ Переславѣ должно быть приурочиваемо къ тому же періоду времени. О поѣздкѣ Сковороды въ Москву „съ Калиграфомъ, отправившимся въ Московскую академію проповѣдникомъ“, Ковалинскій упоминаетъ, также не датируя этого факта; но изъ свѣдѣній объ архимандритѣ Владимірѣ Калиграфѣ, которыя изложены въ статьѣ П. Н. Барсова: „Малоизвѣстные русскіе проповѣдники XVIII столѣтія“ (*Христіанское Чтеніе* 1874 г., № 2), усматривается, что Калиграфъ прибылъ въ Москву около половины 1755 года; слѣдовательно, тогда же пріѣхалъ туда и Сковорода. А въ такомъ случаѣ и службу его въ Переславской семинаріи придется ограничить лишь 1753 и 1754 годами. Замѣтимъ кстати маленькую неточность Ковалинскаго: Калиграфъ былъ вызванъ въ Москву на должность не проповѣдника, а префекта академіи и преподавателя въ ней богословія. Не трудно было бы продолжать сличенія въ родѣ представленныхъ выше; но достаточно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, что провѣрка показаній Ковалинскаго была бы весьма не лишнею, тѣмъ болѣе, что она свидѣтельствуетъ болѣею частью въ пользу ихъ точности и тѣмъ возвышаетъ цѣнность его труда. Наконецъ, и о самомъ авторѣ „Жизнія Сковороды“ г. Багалѣй, какъ самъ сознается во вводной статьѣ (стр. СХІХ), имѣетъ свѣдѣнія „очень скудныя“. Позволимъ себѣ напомнить, что о службѣ Ковалинскаго, вообще довольно видной (съ 1801 по 1803 годъ онъ былъ однимъ изъ кураторовъ Московскаго университета въ чинѣ тайнаго совѣтника), можно найти извѣстія въ сочиненіи А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“, и въ „Исторіи Московскаго университета“ С. П. Шевырева; что же касается его литературныхъ трудовъ, то они указаны въ „Справочномъ Словарѣ“ Г. Н. Геннади. Здѣсь между прочимъ упомянуть одинъ переводный трудъ Ковалинскаго, изданный въ 1774 году въ Петербургѣ и посвященный начинавшему въ то время возвышаться „герою и философу“ Григ. Ал. Потемкину, подъ заглавіемъ: „Заниски Христіны королевы Шведской, съ примѣчаніями г. д'Аламберта“; эта небольшая литературная работа Ковалинскаго свидѣтельствуетъ объ особенномъ его интересѣ къ личности знаменитой женщины, прославившейся, между прочимъ, своимъ отреченіемъ отъ престола, и косвенно можетъ служить къ подтвержденію догадки г. Багалѣя, что переводчику „Записокъ“ принадлежитъ сочиненіе „Правды въры“,

статья, приписанной въ одной рукописи Сквородѣ, но сочиненной не имъ, и въ которой также упоминается объ отреченіи Христіяны. Впрочемъ, въ переведенной Ковалевскимъ книжкѣ мы не нашли того письма Шведской королевы, изъ котораго приводится ссылка въ „Правдѣ вѣры“.

Болѣе или менѣе научныя изслѣдованія о Сквородѣ начинаются со статьи И. М. Снегирева, напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1823 года, и доходятъ, какъ мы уже видѣли, до новѣйшаго времени. Всю эту литературу г. Багалѣй обозрѣваетъ очень тщательно и съ подробностью, иногда довольно утомительною. Во всякомъ случаѣ, ему слѣдовало бы избѣгать повтореній; а между тѣмъ, наприимѣръ, про статью Хиждеу (въ *Телескопѣ* 1835 года) онъ принимается говорить дважды (стр. XVIII—XXV и LXVII—LXX), и оба раза говорить очень пространно. Сообщеніямъ этого автора г. Багалѣй склоненъ придавать большую цѣну. Дѣйствительно, Хиждеу сулитъ много; въ началѣ своей статьи онъ предупреждаетъ читателя, что написалъ о Сквородѣ большое сочиненіе, и даже представляетъ его программу; но печатаетъ онъ только отрывокъ изъ своего труда, имѣющій цѣлью дать „общее основное понятіе о Сквородѣ, объясненное изъ его собственнаго сознанія“. Къ сожалѣнію, высprenній тонъ этого отрывка и явная склонность его автора къ такъ-называемымъ „высшимъ взглядамъ“—нечальныя примѣты нашей легковѣсной журналистики начала тридцатыхъ годовъ—внушаютъ мало довѣрія къ основательности Хиждеу. Старишная классическая риторика совѣтовала ораторамъ прибѣгать къ „источникамъ изобрѣтенія“,—писатель романтической эпохи, Хиждеу оказывается изобрѣтателемъ уже безъ всякихъ источниковъ и еще въ свое время заслужилъ упрекъ въ приписываніи Сквородѣ собственныхъ вымысловъ, лишь бы имѣть возможность провести параллель между нимъ и Сократомъ. Это тяжкое обвиненіе, еще въ 1836 году высказанное И. И. Срезневскимъ, остается не опровергнутымъ до сихъ поръ, и факты, подобранные самимъ же г. Багалѣемъ, служатъ къ его подтвержденію. Это обстоятельство отнимаетъ у статьи Хиждеу всякое серьезное значеніе. Вообще, обзоръ литературы о Сквородѣ свидѣтельствуетъ, что писать о немъ брались и до сихъ поръ берутся не только серьезные люди, но и разные добровольцы отъ наукъ, развязно ставящіе украинскаго мудреца въ связь то съ тѣмъ, то съ другимъ древнимъ или новымъ философомъ, иногда, впрочемъ, наивпо сознаваясь, что для такого сближенія у нихъ нѣтъ никакихъ осозательныхъ доказательствъ.

Позволяемъ себѣ думать, что подробное изложеніе содержанія подобныхъ статей представлялось бы излишнимъ.

Какъ ни заботился г. Багалѣй о полнотѣ своего обзора, дѣло не обошлось у него безъ пропусковъ. Мы не нашли у него указаній ни на „Исторію славянскихъ литературъ“ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, ни на „Обзоръ русской духовной литературы“ архіепископа Филарета. Въ первомъ изъ названныхъ сочиненій сужденіе о Сковородѣ не имѣетъ самостоятельнаго характера. Но преосвященный Филаретъ, по свидѣтельству г. Багалѣя, очень интересовался Сковородой, и потому параграфъ, посвященный ему въ „Обзорѣ духовной литературы“, заслуживалъ бы особеннаго вниманія. Преосвященный Филаретъ угадывалъ въ возрѣвѣніяхъ Сковороды вліяніе мистики Якова Бѣма и въ подтвержденіе своихъ соображеній приводилъ между прочимъ слѣдующій фактъ: „Сочинителю принесены были крестьяниномъ Каразина три фоліанта съ сочиненіями Якова Бѣма, переведенными въ прошломъ столѣтіи. Въ рукописи нѣтъ показанія, кто переводилъ Бѣма; но по современности фоліантовъ съ Сковородою и по его связямъ съ дворянскими домами Украйны вѣроятно, что фоліанты если не переведены Сковородою, то были въ его рукахъ и навѣяли нечистую пыль на его душу“¹⁾. Есть мнѣніе, допускающее существованіе русскихъ переводовъ изъ Якова Бѣма даже въ концѣ XVII вѣка, и это представляется не невѣроятнымъ въ виду пребыванія, въ то время, многихъ послѣдователей Бѣмова ученія въ московской Нѣмецкой слободѣ. Въ послѣдней четверти XVIII столѣтія сочиненія Бѣма были хорошо извѣстны русскимъ мартинистамъ, и именно одинъ изъ нихъ, А. Ѳ. Лабзинъ, сохранилъ извѣстіе о существованіи старыхъ русскихъ переводовъ изъ Бѣма²⁾. Тотъ же Лабзинъ въ 1806 году, и раньше его, въ 1798 году, другой послѣдователь масонства, М. И. Антоновскій, были первыми издателями нѣкоторыхъ произведеній Сковороды. Послѣдній, очевидно, признавался пѣ масонскихъ кружкахъ мыслителемъ, достойнымъ сочувствія. Со своей же стороны, самъ Сковорода, по свидѣтельству Ковалинскаго, сторонился отъ мартинизма. „Сія секта“, говорилъ онъ, — „мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, несообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: поживѣ въ малѣ, исполнѣ лѣта долга. Сверхъ того, она ласкатель-

¹⁾ Обзоръ русской духовной литературы. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1884, стр. 365.

²⁾ *Библиографическія Записки* 1858 года, статья С. П—ва: „Русскіе переводы Якова Бѣма“.

ствууетъ соблазнительно суетности человѣческой, похотоугодіямъ, гордости, зависти, любостыжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тѣлности, въ сердцѣ—поводъ къ саддукейству“. Но, осуждая мартинистовъ, Скворода могъ все-таки быть знакомъ съ произведеніями почитаемаго ими Якова Бѣма, и даже въ подлинникѣ, такъ какъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ. Преосвященнымъ Филаретомъ, очевидно, поставленъ любопытный вопросъ, требующій внимательнаго изслѣдованія; для разъясненія его хотѣлось бы имѣть больше подробностей о тѣхъ ученыхъ людяхъ, съ которыми Скворода встрѣчался за границей; въ XVII вѣкѣ были послѣдователи Бѣмова ученія и въ Венгріи. и въ другихъ частяхъ австрійскихъ владѣній, посѣщенныхъ Сквородой; и въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія не могъ ли онъ найдти тамъ представителей какихъ-либо мистическихъ сектъ?

Вторая глава вводной статьи г. Багалѣя представляетъ еще болѣе интереса, чѣмъ первая. Въ ней идетъ рѣчь о кругѣ литературной дѣятельности Сквороды, излагается содержаніе всѣхъ его сочиненій, какъ изданныхъ, такъ и не изданныхъ, и сообщаются свѣдѣнія о спискахъ ихъ, разысканныхъ г. Багалѣемъ въ разныхъ библіотекахъ. Въ изложеніи этихъ свѣдѣній можно бы желать побольше порядка. Но самыя данныя, собранныя тутъ авторомъ, такъ важны, что внѣшняя форма его сообщеній невольно отходитъ на второй планъ. За эту главу будутъ особенно благодарны г. Багалѣю будущіе изслѣдователи біографіи и произведеній украинскаго философа. Будемъ надѣяться, что такія изслѣдованія не замедлятъ появиться послѣ изданія, на осуществленіе котораго г. Багалѣй положилъ столько энергіи и труда.

Л. Майковъ.

Н. Лихачевъ. Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. С.-Пб. 1894.

И. Е. Забѣлинъ недавно издалъ два „доношенія“ пономаря Конона Осипова о существованіи въ Москвѣ подъ Кремлемъ тайника, а въ этомъ тайникѣ двухъ „палатъ“ съ сундуками, поданныя этимъ пономаремъ въ 1724 и 1734 годахъ ¹⁾. Данныя доношеній, взятые Осиповымъ изъ разказа очевидца, дьяка большой казны Василія

¹⁾ *Археологическія Извѣстія и Записки* 1894 года, № 2.

Макарьева, оказались таковы, что сами собою выдвинулись впередъ два вопроса, одинъ старый—о библиотекѣ московскихъ царей XVI вѣка, другой—объ ихъ архивѣ въ томъ же столѣтіи. Вотъ этимъ вопросамъ г. Лихачевъ и посвятилъ свой трудъ.

Результаты изслѣдованія автора имѣютъ вполне отрицательный характеръ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что никакой особой библиотеки съ греческими и латинскими книгами московскіе цари не имѣли и что такъ называемый царскій архивъ XVI вѣка — не что иное, какъ архивъ Посольскаго приказа, отчасти сохранившійся до нашихъ дней.

Мы не станемъ спорить съ авторомъ по вопросу о царской библиотекѣ. Если онъ почему-то находитъ преувеличенными разказы объ этой библиотекѣ „сказанія“ о Максимѣ Грекѣ и ливонской лѣтописи Ниешtedта, а въ разказѣ неизвѣстнаго нѣмца XVI вѣка видитъ даже повѣйшую поддѣлку, то, надѣемся, онъ признаетъ достойными полной вѣры 1) запись въ Миней XVI вѣка, въ которой передается ходившая послѣ московскаго пожара 1547 года молва, будто въ этотъ пожаръ въ Кремлѣ сгорѣли „святыя многія книги, греческія и русскія, дивно преизрядно украшенныя“ (Строевъ, Библиологическій словарь, стр. 5), и 2) письмо Паисія Лигарида къ царю Алексѣю Михайловичу отъ 7-го іюня 1663 года, съ просьбою разрѣшить ему доступъ въ царскую библиотеку съ греческими и латинскими рукописями (Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, томъ IV, № 28). По нашему мнѣнію, существованіе этой царской библиотеки не только въ XVI, но и въ XVII вѣкѣ не подлежитъ спору.

Что до вопроса объ архивѣ, то на немъ мы считаемъ не лишнимъ остановиться. Вотъ какъ авторъ доказываетъ, что такъ называемый царскій архивъ XVI вѣка (опись котораго издана въ „Актахъ Археологической Экспедиціи“) — не болѣе какъ архивъ Посольскаго приказа. „Въ виду того, говоритъ онъ, что ядро этого архива составляли несомнѣнные дѣла Посольскаго приказа и такъ какъ все, что уцѣлѣло изъ множества упоминаемыхъ въ описи дѣлъ, находится теперь въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, можно не задумываясь высказать мнѣніе, что государственный архивъ, „казна“, находился при Посольскомъ приказѣ“ (стр. 66—67). И только. Но изъ двухъ посылокъ автора первая не совсѣмъ основательна: до насъ дошла лишь часть описи архива XVI вѣка, большая или меньшая, неизвѣстно, и потому мы не имѣемъ права говорить объ „ядрѣ“ архива. Что до второй, то и она лишена большаго значенія: архивъ Посольскаго приказа сохранился несравненно лучше, чѣмъ архивы

другихъ приказовъ, и потому въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ теперь больше документовъ XVI вѣка и ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ ¹⁾.

Очевидно, автору нужно было представить лучшія доказательства, или по крайней мѣрѣ уничтожить могущія быть противъ его мнѣнія возраженія.

Мы указали на отмѣтку въ описи царскаго архива при ящикѣ 18-мъ: „75 (то-есть: въ 1567 году) въ посольную палату взялъ Андрей“, и замѣтили: „если документы были взяты въ Посольскій приказъ и, объ этомъ на описи было отмѣчено, очевидно, они были не въ Посольскомъ приказѣ, а въ какомъ-то особомъ хранилищѣ“. Г. Лихачевъ приводитъ наши слова (стр. 15) безъ всякихъ объясненій.

Эта отмѣтка показываетъ также, что Андрей (по г. Лихачеву, думный дьякъ Андрей Васильевъ, стоявшій въ 1567 году во главѣ Посольскаго приказа, стр. 107) не завѣдывалъ царскимъ архивомъ и былъ по отношенію къ нему постороннимъ лицомъ. Изъ нея же позволительно заключать, что Иванъ Михайловъ (Висковатый), составившій одну изъ описей царскаго архива, завѣдывалъ архивомъ не въ качествѣ думнаго дьяка Посольскаго приказа, а въ какомъ-либо другомъ званіи (сравни стр. 96, 102). Г. Лихачевъ ограничивается выраженіемъ увѣренности, что царскимъ архивомъ завѣдывалъ думный посольскій дьякъ (стр. 84), да предположеніемъ, что дошедшая до насъ опись царскаго архива „представляетъ копию съ старой переписной тетради дьяка Андрея Васильева“; „это—черновая (?) книга, переписанная по приказанію дьяка Андрея Щелкалова (?) съ книгъ Андрея Васильева, по которой Щелкаловъ и принялъ архивъ послѣ своего предшественника, казеннаго въ 1570 году“ (стр. 61).

Нѣсколько данныхъ указываютъ, что важнѣйшіе документы Посольскаго приказа ²⁾ уносились изъ этого приказа „для береженья“ на Казенный дворъ (а оттуда, въ XVI столѣтіи, передавались въ

¹⁾ Нахожденіе въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ такихъ документовъ царскаго архива, которые въ Посольскому приказу никакого отношенія не имѣли, можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что документы царскаго архива хранились въ коробкахъ, которыя были сложены въ сундуки, и что когда требовались справки, то иногда въ Посольскій приказъ приносились (и въ немъ оставались) цѣлые сундуки.

²⁾ А равно и другихъ приказовъ. Опись дѣлъ Разряднаго приказа, изданная г. Лихачевымъ, показываетъ, что на Казенномъ дворѣ были дѣла Разряднаго приказа: „да въ 155 году взято съ Казеннаго двора“ (стр. 74).

особое хранилище)¹⁾ Г. Лихачевъ дѣлаетъ такую выписку изъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній“, отъ 1635 года: по царскому указу, „дьяки думный Федоръ Лихачевъ да Максимъ Матюшкинъ собравъ государственныя начальныя великія дѣла, съ окрестными государи докончальныя и перемирныя посольскія записки и всякія большія крѣпости, положили въ сундукъ, и за печатью думнаго дьяка Федора Лихачева изъ Посольскаго приказа отнесенъ тотъ сундукъ на Казенный дворъ и поставленъ въ большой палатѣ и приказанъ беречь казенному дьяку Гаврилу Облѣзову“ (стр. 85). И. Е. Забѣлинъ дѣлаетъ сходнаго содержанія выписки изъ описей царской казны на Казенномъ дворѣ²⁾. Мы можемъ привести не совсѣмъ ясное указаніе на то, что грамота константинопольскаго собора 1593 года объ учрежденіи патріаршества въ Россіи до 1666 года хранилась „въ сокровищницѣ царской“, а въ этомъ году была представлена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ собору. Г. Лихачевъ на извѣстіяхъ о перенесеніи важнѣйшихъ документовъ на Казенный дворъ не останавливается, но признаетъ, что перенесеніе производилось „по старой памяти“.

Какъ видитъ читатель, мы вполне расходимся съ авторомъ по вопросу о царскомъ архивѣ. Наше разногласіе не ограничивается общимъ, но распространяется и на нѣкоторыя частности. Г. Лихачевъ въ „книгахъ татарскихъ“ и „книгахъ латинскихъ“, значащихся въ описи царскаго архива, видитъ книги въ нашемъ смыслѣ этого слова, хотя другія „книги“—литовскія, волошскія, датскія, ординскія, крымскія, бухарскія и т. д., по его мнѣнію,—книги дипломатическихъ сношеній (стр. 81—84). Мы не находимъ возможнымъ съ нимъ согласиться. По автору, „можно сказать съ увѣренностью, что до построенія посольской палаты въ 1565 году, (царскій) архивъ хранился въ каменныхъ подклѣткахъ Казеннаго двора“ (стр. 85). Намъ кажется, итъ основанія даже предполагать что-нибудь подобное.

Но мы совершенно согласны съ авторомъ въ одномъ: всѣ помѣщенія съ царскимъ имуществомъ, въ чемъ бы послѣднее ни заключалось, въ цѣнныхъ ли вещахъ, въ книгахъ или въ документахъ, въ московской Руси стараго времени носили одно и то же названіе: *казна*.

¹⁾ Изъ описи царскаго архива описаніе ящика 186-го: „а въ немъ купчая...; а далъ тотъ ящичекъ царь и великій князь съ казеннаго двора лѣта 7070“ (у г. Лихачева, стр. 62).

²⁾ *Археологическія Извѣстія и Записки* 1894 года, №№ 8—9, стр. 248—249.

Кромѣ изслѣдованія, въ книгѣ г. Лихачева находятся большія приложенія: 1) списокъ думныхъ посольскихъ дѣяковъ XVI и начала XVII вѣковъ, о вѣрности котораго судить не беремъ, но польза котораго несомнѣнна; 2) извлеченіе изъ дѣла о прїѣздѣ Антонія Поссевиана; 3) рядъ документовъ изъ архива Посольскаго приказа XVI вѣка и 4) „опись дѣламъ, вынесеннымъ изъ Разряда во время московскаго пожара 1626 года, мая 3 дня, и найденнымъ послѣ пожара тамъ же и на Казенномъ дворѣ“.

А. Соболевскій.

ОПИСАНІЕ ДОКУМЕНТОВЪ И БУМАГЪ, ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ. Книга девятая. Москва. 1894 г.

Девятая книга „Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи“ начинается изложеніемъ тѣхъ заключеній, къ которымъ привели управляющаго архивомъ въ 1893 году „ознакомленіе съ исторіей, организаціей и дѣятельностью Московскаго архива министерства юстиціи, осмотръ порядка храненія документовъ въ новомъ хранилищѣ и рядъ совѣщаній съ архивными чиновниками“. Заключенія эти нельзя назвать утѣшительными. Штатъ архива недостаточенъ, составъ чиновниковъ непогочисленъ и часто мѣняется, вслѣдствіе небезопасности въ средствахъ жизни, а періодическія ревизіи огромнаго архива (болѣе 100 милліоновъ древнихъ актовъ), описаніе его и даже нынѣ отсутствующее простое инвентарное описаніе всѣхъ его отдѣловъ — дѣло требующее многихъ и постоянныхъ силъ. Администрація архива указываетъ на „трудность и опасность передвиженія между шкафами при посредствѣ желѣзныхъ рельсъ и неустойчивыхъ дрезинъ, на значительной высотѣ“ и на то, что занятія архивныхъ чиновниковъ „возможны только въ лѣтніе мѣсяцы, а въ зимнее время невозможны, вслѣдствіе холода въ архивномъ хранилищѣ“.

Рѣшенія, принятая администраціей архива, по докладу бывшему министру юстиціи Н. А. Мавассеину, должны значительно облегчить и ускорить изученіе архива, если найдутся средства для ихъ выполненія. Предполагается выработать новый штатъ, упорядочить устройство хранилища, привести въ порядокъ архивное имущество и издать его описаніе въ архивномъ изданіи, котораго девятая книга только что появилась. Эта книга заключаетъ въ себѣ, кромѣ работы И. И. Шимко, подъ заглавіемъ: „Патріаршій казенный приказъ“, и начало

„описанія документовъ архива“. Описаніе, судя по началу, должно дать инвентарный списокъ архивнаго имущества, по группамъ, съ краткимъ указаніемъ на содержаніе документовъ, на мѣсто помѣщенія ихъ и на существующіе алфавитные указатели къ нимъ. Такое „описаніе“ несомнѣнно облегчитъ архивныя справки и пользованіе архивомъ для ученыхъ разысканій. Во второмъ отдѣлѣ девятой книги „Описанія документовъ и бумагъ“ перечислены хранящіеся въ архивѣ: 1) документы Разряднаго приказа, какъ-то: боярскія книги (1626—1692 гг.), боярскіе списки (1667—1713 гг.), жилецкіе списки (1663—1710 гг.), „дѣла десятенъ“, смотрѣнные списки; и 2) книги разрядныхъ столовъ, именно Московскаго, Владимірскаго, Новгородскаго и Сѣвскаго. При составленіи описи ея авторамъ пришлось подчиниться не вполне систематичному расположенію документовъ въ архивѣ. Такъ подъ рубрикой „дѣла десятенъ“ соединены десятии съ разнаго рода „книгами“ и „списками“; десятии-же будутъ, какъ указано, попадаться и въ другихъ отдѣлахъ, какъ, напримѣръ, въ дѣлахъ Печатной конторы. „Книги разрядныхъ столовъ“ также будутъ описаны по системѣ храненія ихъ, не соотвѣтствующей дѣйствительному дѣленію Разряда на столы. Впрочемъ, въ описи упомянуты восемь столовъ, а девятаго—„помѣстнаго“—нѣтъ, и объясненіи этому исключенію тоже нѣтъ.

Работа И. И. Шимко соединяетъ въ себѣ задачи историческаго изслѣдованія съ задачами археографическаго описанія,—слѣдовательно, имѣетъ двойной интересъ. И съ той, и съ другой точки зрѣнія работа эта производитъ хорошее впечатлѣніе по тщательности собранія матеріаловъ и отчетливости ссылокъ. Историческій интересъ судебъ патриаршаго управленія заключается, главнымъ образомъ, въ характеристикѣ „тягловаго строя“ церковнаго управленія въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, строя, столь противорѣчившаго истиннымъ задачамъ церкви. Работа г-на Шимко даетъ много матеріаловъ для знакомства съ этимъ управленіемъ, для изученія его постепенной секуляризаціи, развивавшейся подъ давленіемъ двухъ причинъ: сознанія необходимости внести въ церковное управленіе тѣ улучшенные приемы администраціи, которые вводились въ управленіи гражданскомъ, а также сознанія, что финансовое управленіе—„дѣло свѣтское, а Св. Синодъ и безъ того важнѣйшими духовными дѣлами весьма отягощенъ“, какъ выразился Сенатъ въ 1738 г. по поводу „выбора недоимокъ“ по церковному вѣдомству.

Въ первой главѣ авторъ изучаетъ „внѣшнюю исторію и устройство

приказа". Точно опредѣлить годъ возникновенія Казеннаго приказа оказывается невозможнымъ. Происхожденіе патриаршихъ приказовъ не было рѣзкою новостью; какъ и свѣтскіе приказы, они развились изъ прежнихъ временныхъ и единоличныхъ порученій. Организация управленія патриаршею областью и связанное съ нею появленіе патриаршихъ приказовъ, какъ постоянныхъ учреждений.—дѣло патриарха Филарета. Такъ и учрежденіе Казеннаго приказа относится ко времени между 1619 и 1623 г. Затѣмъ, авторъ подробно разсматриваетъ составъ приказа, отношенія къ приказу патриарховъ, обязанности служащихъ, способы ихъ вознагражденія и контроля надъ ихъ дѣятельностью, мѣсто Казеннаго приказа въ ряду другихъ учреждений по церковному управленію. Последняя часть первой главы занята изложеньемъ судьбы Казеннаго приказа послѣ смерти патриарха Адріана до его закрытія въ 1740 г.

Небольшая вторая глава знакомитъ насъ съ исторіей архива Казеннаго приказа, его потерь въ XVII и XVIII вѣкахъ и съ его современнымъ состояньемъ: указаны документы, случайно попавшіе въ архивъ Казеннаго приказа, а также его документы, находящіяся въ другихъ отдѣлахъ архива юстиціи. Третья глава—самая обширная—разсматриваетъ финансовую дѣятельность приказа въ три періода его существованія: патриаршескій, междупатриаршескій и синодальный, а также административную и судебную его дѣятельность за время отъ кончины патриарха Адріана до 1740 года. Археографическая цѣль работы достигается тѣмъ, что, описывая функціи приказа, авторъ характеризуетъ его дѣлопроизводство и тѣ документы, которые при этомъ создавались.

Особенно интересенъ первый отдѣлъ третьей главы, посвященный дѣятельности приказа въ патриаршескій періодъ. Онъ, въ свою очередь, имѣетъ четыре подраздѣленія, озаглавленныхъ такъ: 1) Связь финансовой дѣятельности приказа съ опредѣленіемъ платежныхъ средствъ приходскихъ церквей и управленіемъ церковными землями. 2) Доходы приказа. 3) Расходы патриаршей домовою казны. 4) Отношеніе приказа къ монастырямъ патриаршей области.

Фискальный характеръ патриаршаго управленія выступаетъ тутъ очень опредѣленно. Нечего говорить, какъ важно изученіе этой стороны патриаршескаго періода для оцѣнки эпохи, когда въ центрѣ вводились благотѣльные „новшества“, а въ массѣ поднималась реакція, не находившая противодѣйствія въ провинціальномъ „тягломъ“ духовенствѣ. Въ Казенномъ приказѣ сосредоточивались общія и част-

ныя переписи приходоѡ и десятиницъ. Порядокъ производства переписей, имѣвшихъ цѣлью или опредѣленіе доходности приходоѡ или регистрацію церковныхъ земель, весьма обстоятельно изученъ г. Шимко. Эти страницы его труда характеризуютъ также положеніе низшаго духовенства.

Такъ какъ обязанность Казеннаго приказа состояла въ сборѣ патриаршихъ доходовъ, то на него падало сложное дѣло: надо было слѣдить, чтобы окладные сборы съ приходскаго духовенства и съемщиковъ пустыхъ церковныхъ земель, а также неокладные сборы съ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ поступали полностью, чтобы не было утаенныхъ или затерянныхъ участковъ. Задача усложнялась тѣмъ, что въ низшемъ духовенствѣ и поповскихъ старостахъ приказъ не встрѣчалъ содѣйствія; напротивъ, вся дѣятельность его носитъ характеръ постоянной борьбы съ „тяглымъ“ духовенствомъ и мірянами. Таково общее впечатлѣніе, производимое указаннымъ отдѣломъ третьей главы работы г. Шимко. Далѣе авторъ переходитъ къ описанію доходовъ приказа, сборовъ окладныхъ, неокладныхъ и „съ оброчныхъ статей“, опредѣляя, по возможности, ихъ размѣры. Тутъ, какъ и въ описаніи „расходовъ патриаршей казны“, — много любопытныхъ подробностей.

Въ періодъ „междупатріаршества“ созданной въ XVII вѣкѣ системѣ обложенія духовенства пришлось послужить свѣтскимъ цѣлямъ. Переданный въ вѣдѣніе свѣтской власти, Казенный приказъ сталъ посредникомъ между тяглымъ духовенствомъ и свѣтскою властью, передавая полученные имъ сборы на разные, преимущественно военные, правительственныя нужды. Вообще за это время исторія Казеннаго приказа не представляетъ самостоятельнаго интереса. Съ открытіемъ Синода, патриаршая область быстро возстановилась и даже увеличилась. Въ связи съ этимъ возстановилось значеніе Казеннаго приказа и его дѣятельности. Его закрытіе въ 1740 г. на цѣлыхъ 25 лѣтъ предшествовало исчезновенію тѣхъ потребностей, которыя вызывали его дѣятельность. „Тяглый строй“ церковнаго управленія пережилъ Казенный приказъ. Къ изображенію этого строя г. Шимко обращается въ послѣдней части своей работы, подробнѣе останавливаясь на явленіяхъ, которыхъ отчасти касался и раньше. Тутъ авторъ рассматриваетъ отношеніе приказа къ мѣстнымъ органамъ духовной администраціи.

Объ отношеніи приказа къ десятильникамъ и смѣнявшимъ ихъ въ XVIII вѣкѣ „управителямъ духовныхъ дѣлъ“ авторъ отчасти говорилъ въ первой главѣ. Въ послѣдней главѣ онъ подробнѣе касается

вліянія Казеннаго приказа на мѣстное церковное управленіе, а затѣмъ даетъ оцѣнку „роли приказа въ жизни приходскаго духовенства“, значительно пополняя и опредѣляя тотъ выводъ, который вытекаетъ изъ сдѣланнаго имъ раньше разбора дѣятельности приказа по части сбора патріаршихъ доходовъ. Казенному приказу принадлежалъ судъ надъ бѣлымъ духовенствомъ по „интереснымъ дѣламъ“, то-есть, прежде всего, преслѣдованіе неплательщиковъ. Болѣе благопріятной для низшаго духовенства была роль его, какъ защитника церковнаго имуществва, служившаго обезпеченіемъ платежныхъ силъ приходскаго духовенства, отъ посягательствъ со стороны мірянъ. Тутъ же приказъ разбиралъ споры духовенства и причетниковъ при дѣлежѣ доходовъ и вѣдалъ ставленниковъ, вдовыхъ и переходжихъ поповъ. Дѣла о рукоположеніи бѣлаго духовенства, какъ и дѣла о позведеніи въ санъ іеродіаконскій и іеромонашескій Казенный приказъ вѣдалъ вмѣстѣ со Ставленническимъ столомъ, такъ какъ они соединены были со сборомъ пошлинъ.

Въ заключеніе, авторъ разсматриваетъ отношеніе приказа къ членамъ приходскихъ общинъ, создававшееся правомъ прихожанъ участвовать въ выборѣ духовенства и причта и постройкою храмовъ на частныя средства.

Въ концѣ статьи авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о ходѣ управленія бывшей патріаршей областью послѣ закрытія Казеннаго приказа.

А. И—въ.

Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи.—Выпускъ II. Царствованіе Екатерины Великой. Генеральнаго штаба ген.-маіоръ Д. О. Масловскій. С.-Пб. 1894. XII+V+507; „Примѣчанія и приложения“, 101+107+35+10, и атласъ чертежей и плановъ.

Профессоръ академіи генеральнаго штаба генералъ Д. О. Масловскій, нынѣ уже покойный, издалъ въ августѣ настоящаго года второй томъ своихъ „Записокъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи“, посвященный царствованію Екатерины II. Первый томъ этого труда вышелъ еще въ 1890 году. Въ первой главѣ перваго тома авторъ далъ общій очеркъ устройства военныхъ силъ Московскаго государства въ XVII и отчасти XVI вѣкахъ; во второй и третьей — изложилъ военныя дѣйствія Петра Великаго въ 1700—1709 гг., организацію его войскъ разнаго рода оружія и главныя

черты его тактики и стратегіи, при чемъ высказалъ положеніе, что Петръ Великій не только подражалъ хорошо извѣстной ему системѣ знаменитыхъ полководцевъ Западной Европы, но и явился творцомъ въ области стратегіи. Генералъ Масловскій выдвигаетъ слѣдующія особенности въ тактикѣ Петра Великаго: вопервыхъ, онъ преимущественно дѣйствовалъ непосредственно противъ *армій*, тогда какъ въ Западной Европѣ полководцы чаще имѣли дѣло съ осадю крѣпостей или старались побѣдить врага, уничтожая его сообщенія; вторыхъ, онъ вообще стремился сосредоточивать войска, а не растягивать ихъ, и, наконецъ третьихъ, Петръ Великій замѣчательно цѣлесообразно организовалъ движенія и особенно набѣги конницы (т. I, 175—176). Главы IV и V посвящены состоянію русской арміи при Аннѣ Иоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ, дѣятельности Миниха и дѣйствіямъ русскихъ въ Семилѣтнюю войну. За Минихомъ генералъ Масловскій, въ противоположность общераспространенному взгляду, не признаетъ выдающихся талантовъ полководца, не думаетъ даже, чтобы онъ оставилъ замѣтный слѣдъ и какъ военный инженеръ, но говоритъ, что „огромная его заслуга“ въ томъ, что онъ „оцѣнилъ могущественное значеніе нравственнаго элемента въ русскомъ войскѣ“ и „всегда высоко поддерживалъ въ арміи ея достоинство“. Последняя глава перваго тома „Записокъ“ представляетъ краткое изложеніе обширнаго труда того же автора „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“ уже справедливо заслужившаго высокую оцѣнку специалистовъ.

Первая глава втораго тома посвящена операціямъ подъ Кольбергомъ въ 1761 г.; мѣсто ей было бы, конечно, въ первомъ томѣ, но авторъ помѣстилъ ее во второй, какъ содержащую описаніе первыхъ самостоятельныхъ дѣйствій такого виднаго полководца Екатерининской эпохи, какъ Румянцевъ. Глава II посвящена обзорѣ организации и состоянія русской арміи при Екатеринѣ II; глава III — Ларго-Кагульской операціи Румянцева, глава IV — войнѣ съ польскими конфедератами въ 1768—1772 гг., глава V — крымскому походу кн. Долгорукаго въ 1771 г. и дѣйствіямъ Румянцева на Дунаѣ въ 1771—1774 гг.; главы VI и VII — второй турецкой войнѣ, и наконецъ, глава VIII и последняя — дѣйствіямъ Суворова въ Польшѣ въ 1794 году. Своею задачею авторъ ставитъ не столько изложить ходъ всѣхъ военныхъ событій Екатерининскаго царствованія, сколько выяснитъ основные принципы дѣйствій тогдашнихъ русскихъ полководцевъ, и отличительныя, характерныя особенности, которыя послужили об-

разцами и основаніями для дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія русскаго военнаго искусства. Поэтому онъ очень подробно останавливается на такихъ моментахъ, которые представляютъ наилучшій матеріалъ для его наблюденій, и совершенно не касается нѣкоторыхъ военныхъ событій, не менѣе важныхъ съ общенсторической точки зрѣнія, но не представляющихъ интереса для его задачи. Такъ, онъ не говоритъ ничего о шведской войнѣ, о борьбѣ противъ Пугачева, о послѣднемъ набѣгѣ крымцевъ въ русскіе предѣлы въ 1769 г., хотя объ этомъ любопытномъ фактѣ до сихъ поръ наши свѣдѣнія очень не полны, не говоритъ и объ присоединеніи Крыма къ Россіи въ 1783 г., хотя это послѣднее событіе было подготовлено передвиженіями и сосредоточеніемъ войскъ и столько же нуждается въ оцѣнкѣ его съ военной стороны, сколько и со стороны дипломатической; совершенно не затронуты, наконецъ, дѣйствія флота въ Средиземномъ морѣ въ первую турецкую войну и т. п. Впрочемъ, повторяемъ, всѣ эти пропуски вполнѣ объясняются указанною выше цѣлью автора. Ларго-Кагульскую операцію онъ разсматриваетъ, какъ классическій образецъ *наступательныхъ* дѣйствій; борьбу съ конфедератами—какъ поучительный образецъ *партизанской* войны, въ теченіе которой особенно развилась частная инициатива отдѣльныхъ начальниковъ, съ такимъ блескомъ выступающая у сложившихся въ это время военныхъ дѣятелей; крымскій походъ кн. Долгорукаго—какъ поучительный образецъ степной войны и прекрасной подготовки всего необходимаго для задуманнаго движенія; операціи второй турецкой войны, разсматриваются, какъ образецъ совмѣстныхъ дѣйствій сухопутной арміи и флота, подчиненныхъ одному начальнику, находящемуся на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій и не стѣсняемому предписаніями гофкригерата изъ столицы; наконецъ, дѣйствія въ Польшѣ въ 1794 г.—какъ первая кампанія, веденная совершенно самостоятельно Суворовымъ.

Спеціальная военная критика, конечно, обратитъ полное вниманіе на этотъ интересный и обстоятельный трудъ профессора Масловскаго. Нѣкоторыя положенія его, вѣроятно, могутъ быть подвергнуты спору. Такъ, напримѣръ, оцѣнка дѣйствій Румянцева предъ Кагульской битвой, сдѣланная генер. Масловскимъ, нѣсколько расходится съ оцѣнкою ихъ, данною генер. Петровымъ въ его извѣстномъ трудѣ „Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами“ (сл. „Записки“, т. II, 194—196 и „Война“, вып. II, 134—136); еще болѣе существенное разногласіе замѣчается въ оцѣнкѣ кн. Потемкина какъ

полководца: генер. Масловскій ставитъ его очень высоко, непосредственно за Петромъ Великимъ, Румянцевымъ и Суворовымъ (II, 436)—генер. Петровъ придерживается прежняго взгляда на Потемкина — полководца и считаетъ, что онъ своими распоряженіями и дѣйствіями только вредилъ и мѣшалъ Суворову („Вторая турецкая война“, т. II, 247). Дѣло специалистовъ установить болѣе или менѣе доказательно то или другое положеніе. Цельзи, впрочемъ, не замѣтить, что ген. Масловскій, въ своемъ стремленіи защитить кн. Потемкина отъ слишкомъ сильныхъ, и отчасти, несомнѣнно, неосновательныхъ порицаній, заходитъ нѣсколько далеко и увлекается Потемкинскимъ. Такъ, онъ ставитъ въ заслугу Потемкину, что онъ дѣлалъ основательныя распоряженія уже при самомъ началѣ второй турецкой войны, не смотря на ея полную неожиданность для Россіи (II, 302 и 310),—но при этомъ упускаетъ изъ виду, что если даже дѣйствительно Потемкинъ обнаружилъ въ это время замѣчательную дѣятельность, то въ данномъ случаѣ онъ лишь искупалъ свою вину. Неприготовленность Россіи къ войнѣ, явно обнаружившаяся въ 1787 и 1788 гг., составляла крупную вину именно Потемкина: онъ, который присоединилъ Крымъ, который уже въ 1783 г. мечталъ о войнѣ съ Турціей и въ 1786 г. писалъ, что войска у него вполне готовы къ войнѣ, который, наконецъ, устроилъ это знаменитое и, понстигъ, вызывающее путешествіе Екатерины въ Крымъ, — конечно, онъ, занимавшій въ то время должность президента военной коллегіи, долженъ нести всецѣло отвѣтственность за эту неготовность Россіи къ войнѣ.

Военная исторія Екатерининскаго царствованія уже до появленія труда проф. Масловскаго въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ была разработана довольно обстоятельно. Мы имѣемъ такіе труды, какъ сочиненія генер.-маіора *Петрова*: „Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами въ 1768—1774 г.“ (5 частей); его же: „Вторая турецкая война въ царствованіе Екатерины II“ (2 тома); „Суворовъ и паденіе Польши“, *Смита* (2 тома); „Генералиссимусъ князь Суворовъ“, *Петрушевскаго* (3 т.); „Суворовъ въ ряду преобразователей русской арміи“, *Дубровина*; наконецъ, довольно краткое, первое по времени въ этомъ ряду сочиненіе генер. *Бодановича* „Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турцію“ (1852), и сверхъ того много отдѣльныхъ статей въ разныхъ военныхъ изданіяхъ и журналахъ. Ближе всего по своему предмету подходятъ къ сочиненію генер. Масловскаго труды генер. Петрова; но постановка вопроса у этихъ двухъ авторовъ совершенно различная: генер. Масловскій стре-

мится выяснитъ и показать на разборѣ яркихъ примѣровъ отличительныя черты дѣйствій русской арміи; генер. Петровъ описываетъ съ большою подробностью весь ходъ военныхъ дѣйствій и удѣляетъ большое вниманіе политическимъ отношеніямъ, которыя вызвали войну и вліяли на ходъ ея, что совершенно оставлено въ сторонѣ ген. Масловскимъ. Затѣмъ генер. Масловскій привлекъ къ своему изученію, помимо обширнаго печатнаго матеріала, огромную массу совершенно новыхъ архивныхъ матеріаловъ, которыми его предшественники могли воспользоваться несравненно менѣе. Вообще, трудъ генер. Петрова представляетъ большой интересъ при изученіи вѣдшей, политической исторіи; трудъ ген. Масловскаго имѣетъ огромное значеніе для изученія внутренней исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ: обширная вторая глава втораго тома (84—124), цѣликомъ посвященная изученію состава, количества и устройства русскихъ военныхъ силъ въ царствованіе Екатерины II, представляетъ замѣчательное изслѣдованіе по вопросу очень важному не только съ точки зрѣнія военной исторіи, но и съ точки зрѣнія исторіи бытовой и экономической, и вмѣстѣ съ тѣмъ—доселѣ совершенно не затронутому спеціальнымъ изученіемъ. Ген. Масловскій говоритъ весьма обстоятельно о рекрутскихъ наборахъ въ царствованіе Екатерины; слѣдитъ за постепенными улучшениями въ постановкѣ этого дѣла, предпринятыми подъ вліяніемъ Румянцева, Потемкина, отчасти Безбородка и направленными между прочимъ къ тому, чтобы облегчить тягости великорусскихъ губерній, на которыхъ только первоначально и лежала поставка рекрутъ; приводитъ любопытныя замѣчанія объ устройствѣ поселенныхъ войскъ, которыми очень интересовался кн. Потемкинъ (46—55). Въ этой же главѣ ген. Масловскій собираетъ цѣнныя данныя о количественномъ составѣ русской арміи и о постепенномъ ростѣ ея въ царствованіе Екатерины: въ 1767 г. считалось 135.000 пѣхоты и 51.000 конницы, въ 1786—213.000 пѣхоты и 62.000 конницы, наконецъ, въ 1795—270.000 пѣхоты и 67.000 конницы; присоединяя же сюда 95.000 мѣстныхъ войскъ, 40.000 иррегулярной конницы, 21.000 артиллерійскихъ войскъ и 4.000 пѣхоты на гребной флотиліи, получаемъ, что къ концу царствованія Екатерины военные силы Россіи достигали почти 500.000 чел. (59—69, 78). Авторъ разсматриваетъ и мѣры, какими достигнуто было это увеличеніе военныхъ силъ, разсматриваетъ организацію войскъ казачьихъ и артиллерійскихъ (70—77). Далѣе онъ излагаетъ дѣйствовавшій тогда въ Россіи стреловой уставъ и указываетъ особенности въ обученіи и воспитаніи

солдатъ; вносимыя отдѣльными начальниками и, конечно, особенно останавливается на Суворовскомъ воспитаніи (94 — 104); въ приложеніяхъ перепечатаны такіе любопытные памятники, какъ „Обрядъ службы“ Румянцева, „приказы“ Суворова по войскамъ резервнаго корпуса въ 1774 г. и по войскамъ крымскаго и кубанскаго корпуса въ 1778 г., его же „Наука побѣждать“ и т. п. (25—50, 64 — 84). Въ заключеніе этой главы ген. Масловскій говоритъ о строевомъ и полевомъ обученіи солдатъ и объ обезпеченіи арміи продовольствіемъ (104—124); въ началѣ же главы онъ даетъ очеркъ состоянія русскихъ границъ и нѣсколько краткихъ замѣчаній о комплектованіи корпуса офицеровъ и о дѣятельности отдѣльныхъ органовъ военнаго управленія (34—46, 55—57).

Изъ этого обзора содержанія второй главы видно, какъ многосторонне затрогиваетъ авторъ свой предметъ; его изслѣдованіе представляетъ новыя и очень цѣнныя свѣдѣнія, даетъ вполне достаточное понятіе о состояніи вооруженныхъ силъ Россіи во вторую половину XVIII вѣка и можетъ быть, въ извѣстномъ смыслѣ, поставлено на ряду съ лучшими изслѣдованіями русской ученой литературы о дворянствѣ, городахъ, крестьянахъ и духовенствѣ. Подобнаго изслѣдованія о русскомъ войскѣ въ XVIII вѣкѣ мы не имѣли; оно написано на основаніи обширнѣйшаго архивнаго матеріала и вноситъ въ науку много цѣнныхъ и новыхъ данныхъ. Примѣчанія, которыми сопровождается ген. Масловскій эту главу, занимаютъ 40 страницъ мелкаго шрифта и содержатъ указанія на цѣлый рядъ документовъ, въ высшей степени важнаго и любопытнаго содержанія; нѣкоторые изъ нихъ обстоятельно изложены авторомъ. Надо надѣяться, что богатства военныхъ архивовъ, мало-по-малу приводимыя въ порядокъ нѣсколькими преданными дѣлу тружениками, обратятъ на себя вниманіе изслѣдователей; судя по тому, что извлекалъ изъ нихъ ген. Масловскій, можно быть увѣреннымъ, что работа въ этихъ архивахъ никогда не останется безъ важныхъ и цѣнныхъ результатовъ.

Послѣ того, что мы сказали о книгѣ ген. Масловскаго, мы считаемъ себя въ правѣ указать нѣсколько вопросовъ, на которые почтеннымъ авторомъ не обращено было, повидимому, вниманія, но которые желательно было бы видѣть разработанными съ такою же обстоятельностью, и съ такимъ же знаніемъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, съ какимъ работалъ всегда ген. Масловскій. Авторъ, напримѣръ, не коснулся вопроса объ устройствѣ быта военныхъ, оставлявшихъ службу за старостью и слабостью; между тѣмъ обезпеченіе ихъ

имѣть, конечно, довольно близкое отношеніе къ вопросамъ организаціи войска, которые разсматриваются авторомъ; не мало любопытныхъ данныхъ по этому вопросу находятся въ Полномъ Собраніи Законовъ; въ архивныхъ матеріалахъ ген. Масловскій, вѣроятно, нашелъ бы еще и другія интересныя данныя. Еще ближе касается организаціи арміи вопросъ о томъ, какъ размѣщать войска: на квартирахъ ли у обывателей, или въ особо построенныхъ казармахъ. По инициативѣ Синерса вопросъ этотъ былъ поднятъ въ воинской комисіи, и комиссія высказалась за прежній способъ расквартированія войскъ, у обывателей, указывая между прочимъ, что „черезъ отлученіе солдата отъ мѣщанина они сдѣлаются какъ чужды, согласіе между ними кончится и старинное страшное о солдатѣ мнѣніе опять возобновится, которое теперь такъ счастливо изъ мыслей подлыхъ людей выходитъ начинать“; императрица согласилась съ мнѣніемъ комисіи (Полю. Собр. Зак., № 12373). Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что ген. Масловскій совершенно не коснулся финансовыхъ вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ и увеличеніемъ арміи. Конечно, разработка этой стороны для военной исторіи не можетъ не стоять на второмъ, если не на третьемъ планѣ; но для полноты представленія необходимо указать хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ связанныя съ содержаніемъ арміи расходы государственной казны. Финансовые документы, напечатанныя въ V, VI и XXVIII томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, позволяютъ сдѣлать эти расчеты, хотя, вслѣдствіе нѣкоторой неполноты этихъ документовъ мы должны взять цифры не за 1767, 1786 и 1795 гг., къ которымъ относятся приведенныя ген. Масловскимъ свѣдѣнія о войскахъ, а за 1762, 1786 и 1795 гг. Оказывается, что на армію расходовалось: въ 1762 г.—8,6 милл., въ 1786—10,3 милл., въ 1795—14 милл.; изъ всѣхъ государственныхъ расходовъ на армію было употреблено—въ 1762 г. 50%, въ 1786—20% и въ 1795—35% (приблизительно). Эти цифры представляютъ, какъ намъ кажется, краснорѣчивое дополненіе къ сообщаемымъ въ замѣчательномъ трудѣ ген. Масловскаго даннымъ о численномъ составѣ русской арміи въ царствованіе Екатерины II.

III. Чечулинъ.

W. Schwartz NACHKLÄNGE PRÄHISTORISCHEN VOLKSGLAUBENS IM HOMER. Mit einem Anhang über eine Hexenfahrt der Hera und die sogenannte Hexensalbe. Berlin. 1891. 52 стр.

Заслуженный изслѣдователь миологій индо-германскихъ племень, профессоръ Шварцъ настоящую свою книгу посвящаетъ „отголоскамъ до-исторической религій у Гомера“; въ приложеніи къ ней онъ даетъ экскурсы о вѣдьминоѣ полетѣ Геры къ Зевсу (въ 14-й пѣснѣ Іліады) и о такъ называемой вѣдьминоѣ мази, дающей силу летать, куда угодно.

Какъ и въ прежнихъ сочиненіяхъ этого ученаго (напримѣръ, *Indogermanischer Volksglaube*. Berlin. 1885), мы встрѣчаемся въ этой книгѣ съ двумя элементами: аналитическимъ, проявляющимся въ тонкомъ разборѣ миоовъ, въ возбужденіи цѣлаго ряда новыхъ вопросовъ по сравнительной миологій и т. д., и другимъ элементомъ, который, въ отличіе отъ перваго, можно было бы назвать синтетическимъ, именно съ миологическимъ обобщеніемъ и миологическою догмой. Въ этомъ отношеніи мы наталкиваемся на прежнее непрерывное сведеніе всѣхъ вѣрованій къ доисторической древности и въ ней къ явленіямъ атмосфернымъ и космическимъ, въ родѣ облаковъ, грозы, солнца, (то-есть, вѣриѣ, солнечнаго дерева съ его плодомъ солнцемъ) и т. п. Какъ и прежде, мы не находимъ провѣрки возможности того или другаго міросозерцанія у доисторическаго человѣка, встрѣчаемъ то же отсутствіе прочнаго психологическаго метода: авторъ не задумывается, вмѣстѣ съ Гриммомъ, надъ тѣмъ: какъ это послѣ завершения столь значительной дифференцировки между греками и германцами, сказавшейся въ различіи ихъ языковъ, нравственнаго и религіознаго пониманія, остается возможность говорить о „die *ŷuma* des alten Gottes, den der Teufel in dieser Hinsicht vertritt“ (слова Гримма въ его „*Deutsche Myth.*“², 303). Я не могу здѣсь входить въ подробную оцѣнку Шварцевой миологической системы, тѣмъ болѣе, что этотъ элементъ въ цитированномъ сочиненіи, видимо, отступаетъ на задній планъ: указанія на него встрѣчаются или мѣлоходомъ, или въ примѣчаніяхъ, или даже просто оговариваются, какъ гипотезы. Я не могу не коснуться только одного вопроса.

Если миологическія вѣрованія (вѣриѣ, ихъ символы, какъ, напримѣръ, папортникъ въ Иванову ночь символъ вѣрованій, связанныхъ съ молніей) восходятъ къ индо-германскому времени и если при томъ они были такъ сильны и жизненны, что дожили до сихъ поръ или въ вовсе неизмѣненномъ или въ только слегка измѣненномъ видѣ, то какимъ же образомъ названія предметовъ этихъ вѣрованій,

этихъ индо-германскихъ существъ оказались такими различными у всѣхъ индо-германскихъ племенъ, когда въ то же время имена реальныхъ предметовъ остались тѣми же, но въ окраскѣ звуковыхъ законовъ каждаго племени. Если индо-германское названіе березы *bhergā въ санскритскомъ языкѣ прииблилось не къ березѣ, но къ дереву, имѣвшему извѣстныя свойства березы, то эта метафора вполне понятна. Разъ мы признаемъ, что въ зависимости отъ измѣненія понятій измѣняются и названія вещей, мы должны признать перемѣну въ пониманіи мифологическаго существа, если находимъ въ различіи названій отраженіе различія и въ пониманіи. Такъ, напримѣръ, германская *Peche* (изъ др.-верх.-нѣм. gen. pl. *hagazussun*) съ вѣроятнымъ значеніемъ: „лѣсная женщина“ отъ др.-верх.-нѣм. *hac* (лѣсъ) ¹⁾, литовско-латышская *rajanis* съ вѣроятнымъ значеніемъ: „видящая“ отъ глагольнаго корня *reg* (литов. *regėti*, латышск. *redzēt*) ²⁾ или „рогатая“ отъ слова „*ragas*“ (рогъ), славянская *вѣдьма* или *вѣдмуца* отъ корня *вѣд*, далѣе латинское *saga* (*sagire sentire acute est: ex quo sagae anus, quia multa scire volunt. Cicero, de divin. I, 31*) или греческое *στρίγξ* (*striges* ab *avibus ejusdem nominis, quia maleficae mulieres volaticae dicuntur. Festus s. v.*) ³⁾, — всѣ эти слова представляютъ совсѣмъ различныя оттѣнки впечатлѣнія; слѣдовательно очень трудно рѣшить, какое вѣрованіе было первоначальнымъ и не наслоились ли на первобытныя вѣрованія одного народа вѣрованія другихъ народовъ.

Другой вопросъ близокъ къ первому. По ученію Шварца („*Indog. Volksgl.*“, 5), солнечное дерево представляется и почитается на землѣ въ образѣ старыхъ, пережившихъ много поколѣній, деревьевъ. По моему мнѣнію, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *circulus vitiosus*: солнце представляется деревомъ потому, что деревья уже заранѣе обращали на себя особо-религіозное или художественное вниманіе ⁴⁾; обращали же они на себя это особое вниманіе потому, что имъ пользовалось солнце, представляемое въ образѣ такихъ деревьевъ. То же самое

¹⁾ *E. Mogk* въ „*Grundriss der germanischen Philologie*“. Band I. 1891. Strassburg. S. 1020.

²⁾ *August Leskien. Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen. Leipzig. 1884. S. 365.*

³⁾ Обѣ послѣднія цитаты заимствованы изъ *Deutsche Mythologie von Jacob Grimm, 4 Aufl., Berlin. 1887. S. 868, прим. 2 и 3.*

⁴⁾ Такова и приводимая Шварцемъ, какъ переживаніе древнѣйшаго вѣрованія, малороссійская загадка: „среди деревни деревно; оно видно въ каждой изъ“.

можно сказать о папоротникѣ—resp. грозовомъ цвѣткѣ (Gewitterblume. „Indog. Volksgl“, 204 et pass.)— resp. молніи, объ облакѣ resp. ручьѣ и т. д.

Главная мысль, изъ которой вытекаетъ изслѣдованіе Шварца, и проста, и безспорна. „Древнегреческія мѣстныя легенды, особенно на европейскомъ материкѣ, вмѣстѣ съ примыкающими къ нимъ суевѣріями—въ громадной массѣ сохранили догомеровскій, доисторическій типъ“. Мы имѣемъ въ нихъ „остатки первоначальной примитивной религіи“, „низшую міѳологію“, изъ которой въ дальнѣйшемъ развитіи *всего* народа, какъ цѣлаго, уже у Гомера выработалась общая міѳологія, явились существа всезнающія, всемогущія и вѣчныя, явились боги въ противоположность „естественнымъ существамъ (Naturwesen) прежняго времени“. Такъ, стрѣлы и лукъ у гомеровскаго Аполлона и легкая смерть, наносимая имъ, объясняются не изъ Гомера, но изъ предшествовавшихъ ему представлений молніи въ видѣ стрѣлы. Таково же и все цѣликомъ гомеровское вѣрованіе въ чары, вѣдьмы, привидѣнія и т. д. Этому вѣрованію посвящено, главнымъ образомъ, содержаніе книжки. Шварцъ находитъ у Гомера вѣру въ заговоры крови (Od. 19, 455 ss.), о которыхъ упоминаютъ, кромѣ него, Пиндаръ, Virgilій, Плиній и др. ¹⁾ (см. стр. 13, прим. 1).— вѣру въ чудодѣйственныя травы и корни (напримѣръ, трава цѣлѣ) и посохъ (Zauberstab)—символы молніи, въ чудесныя сандаліи, поясъ, мечъ, облачный корабль и проч. но особенно рельефно у Гомера выступаетъ вѣра въ значеніе сновъ и въ привидѣнія. Эта послѣдняя проявляется въ Одиссеѣ съ одною чертою, позволяющею находить у Гомера также вѣру въ вампировъ. Именно, тѣни получаютъ сознаніе и возвращаются на минуту къ жизни, если выпьютъ крови. Изъ этого вѣрованія вырастаетъ вампиризмъ, которому Шварцъ посвящаетъ, можетъ быть, самыя блестящія страницы своей книги (стр. 25—30).

И упомянулъ уже объ экскурсахъ о вѣдьмахъ и ихъ мази. И остановлюсь подробнѣе на этихъ экскурсахъ, потому что не могу согласиться съ заключеніемъ Шварца, что въ основѣ вѣрованія въ вѣдьмъ лежитъ естественный миѳъ (Naturmythus) ²⁾ и что перво-

¹⁾ Можно прибавить, что о чудесной травѣ (Zauberkraut) упоминаетъ и Аполлодоръ въ описаніи гигантомахіи. Ср. *Preller. Griechische Mythologie*, 4 Aufl. Berlin. 1887. I, 73.

²⁾ Вѣдьмы это духи вѣтра, поднимающіеся въ туманѣ для того, чтобы полетѣть въ видѣ облаковъ (стр. 49).

начально вѣдьмы не имѣли того враждебнаго характера, какой имѣютъ теперь подъ вліяніемъ христіанства. Мнѣ кажется, что, вопервыхъ, вѣдьмы уже въ очень отдаленную отъ насъ и, можетъ быть, отъ христіанства эпоху имѣли враждебный характеръ, и что, повторыхъ, онѣ на столько же не имѣли въ основѣ своей многа, какъ и вампиры, которымъ этого не приписываетъ даже и Шварцъ. Я думаю такъ потому, что арены дѣятельности вампировъ и вѣдьмъ почти совпадаютъ и восходятъ почти цѣликомъ къ Ивановой ночи. Опираясь на вѣропанія литовцевъ и латышей, можно указать, что для вѣдьмъ Иваловская ночь имѣетъ не только то значеніе, что въ это время совершается ихъ полетъ на гору Шатрію ¹⁾, но и то, что при помощи расцвѣтшаго въ эту ночь папортникова цвѣта можно открыть сидящую за столомъ вѣдьму ²⁾. Травы и деревья, которыми отгоняются вѣдьмы, дѣйствуютъ и противъ вампировъ. Какъ извѣстно, кобылье молоко у литовцевъ до сихъ поръ сохраняетъ значеніе цѣлебнаго напитка, какъ это сообщаетъ Мнѣ Карловичъ („O języku litewskim“), и какъ разъ противъ молока особенно воюють вѣдьмы. Далѣе, близкое отношеніе вѣдьмъ къ Ивановой ночи, имѣющей, кажется, главнымъ образомъ цѣлебное значеніе, придаетъ ихъ существу именно враждебный физическому существованію характеръ. Многоческій же элементъ опустится въ нашихъ глазахъ еще ниже, если и вѣдьминой мази мы не будемъ придавать никакого особаго значенія кромѣ того, что всякое превращеніе требуетъ какого-нибудь измѣненія внѣшняго вида, какой-нибудь особенной операціи: вѣдьмину мазь, по моему представленію, нельзя отдѣлять отъ лягушечьей шкурки заколдованнаго царевича, безъ которой онъ не можетъ жить среди людей, отъ

¹⁾ Теперь, по сообщенію г. Гинкена, литовскія вѣдьмы летятъ на Лисую гору въ Кіевъ, но еще въ началѣ XVIII вѣка онѣ летали на гору Шатрію: такъ, въ одномъ юридическомъ документѣ отъ 1707 года двухъ женщинъ обвиняютъ въ томъ, что онѣ „przeszłego roku latali na Szatrią z iskrami nad inne w nosy przed świętym Iannem“. Wspomnienia Żmudzi przez X. Ludwika Juszcwiska. Wilno. 1842. стр. 209. Для знающихъ литовскій языкъ напомню, что этотъ документъ перепечатанъ въ литовскомъ переводѣ и безъ указанія источника у Волонченскаго въ *Żemajtiu Wiskupiste*. II. 1848. Стр. 182—192; на Волонченскаго ссылаются Гейтлеръ („Littauische Studien“) и Бенценберггеръ („Das Johannisfest von Litaue“. *Alt-preussische Monatschrift*. XII. 1875, стр. 70—75). Ср. еще вышеуказанное сочиненіе Волонченскаго II, 178.

²⁾ Объ этомъ упомянуто вскользь въ литовской газетѣ *Vienybe Lietuvininku* 1893 г., № 26, кромѣ того у Довжонта, *Buda senowes-Letuwiu Kalnienū ir Zėmajtiū Petrop*. 1845, стр. 136.

одежды, которую снимаетъ человѣкъ, желающій превратиться въ волка и пролѣзающій для этого трижды подъ приподнятымъ корнемъ дерева, отъ одежды, не имѣя которой, человѣкъ не можетъ стать снова человѣкомъ. Вѣдьмина мазь—не болѣе, какъ магическое средство, такое же, какъ магическое слово для проникновенія въ заколдованный замокъ. Связь вѣдьмы съ травами еще виднѣе изъ того вѣрованія, что вѣдьмы варятъ травы ¹⁾; странно, что Шварцъ такъ мало придаетъ этому значенія (стр. 50—51): отъ изслѣдователя, который посвятилъ такъ много труда разъясненію чудесныхъ свойствъ травъ (см. въ „Indog. Volksgl.“ главу: „Мионическія паразитныя растенія на небесномъ деревѣ свѣта“, стр. 64—168 и въ другихъ мѣстахъ), мы могли бы ожидать большаго вниманія къ этому вопросу. Вспомнимъ, кромѣ того, что заговоры произносятся теперь также колдунами и вѣдьмами, что изъ вѣдьмы при извѣстныхъ условіяхъ получается *лекарница* ²⁾. Что же получается въ результатѣ? Не являются-ли вѣдьмы плодомъ вѣрованій въ Иванову ночь, *людьми*, на которыхъ перешла та враждебная цѣлѣю сила, противъ которой всѣми своими проявленіями вооружается эта почва. Говоря объ Ивановой ночи, я имѣю въ виду, конечно, не именно ночь съ 23 на 24 іюня, а все время приблизительно съ половины іюня до конца его. Такъ, уже Видовъ день (15 іюня) у турецкихъ сербовъ ³⁾, видимо, смѣшанъ съ Ивановымъ днемъ, и пѣсня, которая поется въ Видовъ день, гораздо болѣе, нежели ему, посвящена Иванову вечеру. Въ 1862 году Нильсонъ (Skandinaviska Nordens ur-Invånare) старался доказать финикійское происхожденіе этого праздника. Взглядъ его не принятъ, хотя кое-что, повидимому, подтверждаетъ его: такъ, справленіе праздника Κρόνια ⁴⁾ очень напоминаетъ современное зажиганіе огня на

¹⁾ Связь Ивановой ночи съ травами въ средневѣковыхъ вѣрованіяхъ и вообще средневѣковое вѣрованіе въ извѣстныя травы подробно разсмотрѣны Карломъ Мейеромъ въ сочиненіи: „Der Aberglaube des Mittelalters und der nächstfolgenden Jahrhunderte“. Basel. 1884. S. 60—70. Ср. также S. 107. Здѣсь же приведена и библиографія этого предмета.

²⁾ Напримѣръ, у сербовъ, „кад се ијештица један пут исповиједи и ода, онда више не може јести људи, него постане *лекарница*, и даје траву ижедењима“. Вук Караджич. „Живот и обичаји народа српскога“. У Бечу. 1867. Стр. 211—213.

³⁾ Н. С. Петребогъ. Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. С.-Пб. 1886. Стр. 169—170.

⁴⁾ Preller. Griechische Mythologie, 4 aufl. Berlin. 1887. SS. 52, прим. 3; 54, прим. 1; 55, прим. 2; 59.

холмахъ у финскихъ и среднеевропейскихъ крестьянъ въ Иванову ночь, а богъ Кроносъ, по мнѣнію Преллера, какъ разъ финикійскаго происхожденія. Далѣе, важно и то, что древнѣйшія извѣстія о необыкновенныхъ космическихъ явленіяхъ, связанныхъ съ Ивановымъ днемъ и теперь, идутъ именно изъ Галліи, которая была, по мнѣнію Нильсона, особенно подвержена финикійскому вліянію. Отъ 1202—1207 г. сохранилось у прусскаго лѣтописца Дюсбурга (III, с. 5), а также и у другихъ (*Muratori*. Tom. XI. Ptol. Hist. eccles, 21, 4—Mart. Trop. p. 395) слѣдующее, совершенно совпадающее съ современными народными вѣрованіями, извѣстіе: „In Gallia circa festum beati Iohannis baptiste ros de celo cadens mellitus spicas segetum infecit, ita ut multi eas in ore ponentes odorem mellis sentirent aperte“.

Какъ мнѣ кажется, Иванову ночь и родственные съ нею обряды долженъ сдѣлать сосредоточіемъ своихъ занятій всякій этнографъ, занимающійся „низшею миологіей“. Къ сожалѣнію, г. Шварцъ не обратилъ на это вниманія, а увлекся черезъ-чуръ отвлеченнымъ и произвольнымъ объясненіемъ „природнаго миа“.

А. Погодишь.

Книжныя новости.

Астрономія въ общепонятномъ изложеніи, *С. Ньюкомба* и *Р. Этельмана*, дополненная *Г. Фотелемъ*, директоромъ астрофизической обсерваторіи въ Потсдамѣ. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія *Н. С. Дреительна*. Выпускъ I. Изданіе *К. Риккера*. 1894. Стр. 1—144. — Это—переводъ извѣстнаго курса астрономіи Ньюкомба, принятаго, какъ руководство, въ нашихъ университетахъ. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ прежде всего изложеніе въ историческомъ порядкѣ развитія системы міра, заканчивающееся краткими свѣдѣніями изъ сферической астрономіи. За исключеніемъ этой послѣдней главы, все изложеніе совершенно наглядно и сопровождается повсюду рисунками и простыми чертежами. Въ этотъ же выпускъ входитъ и начало отдѣла практической астрономіи, также снабженное рисунками, изображающими развитіе устройства астрономическихъ трубъ отъ временъ Галилея и до нашихъ дней.

Практическое руководство для электрохимическихъ работъ д-ра *Ф. Эттеля*. Переведено съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. *Д. Коновалова* и *В. Святскихъ*. Съ 26-ю рисунками. Изданіе *Ф. Шпанскаго*. 1894.—Цѣль этого небольшого курса (въ 100 страницъ),—сообщить необходимыя свѣдѣнія для работъ по электролизу техникамъ, занимающимся на химическихъ и горныхъ заводахъ.

Отъ читателя требуется только знакомство съ основными законами электрическихъ явленій; все остальное, начиная съ устройства источниковъ тока, измѣрительныхъ приборовъ и кончая установкой электрохимическихъ работъ, въ существенныхъ чертахъ описывается авторомъ. Далѣе дается подробное описаніе явленій, происходящихъ при электролизѣ. Книга заканчивается практическими свѣдѣніями о наиболѣе дешевомъ устройствѣ необходимыхъ приборовъ и описаніемъ, на отдѣльномъ примѣрѣ, самаго хода производства промышленнаго электрохимическаго изслѣдованія.

Въ теченіе ноября въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в. (Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія его сочиненій и обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей его языка). Съ приложеніемъ неизданныхъ проповѣдей изъ рукописныхъ „Огородка“ и „Вѣнца“. *М. Марковскаго*. Кіевъ.

— Семейство Разумовскихъ. *А. А. Васильчикова*. Томъ пятый. Приложенія къ біографіи князя А. К. Разумовскаго. Изданіе *А. Брикнера*. С.-Пб.

— *Ипполитъ Тэнъ*. Овъ умъ и познаніи. Второе изданіе. Переводъ подъ редакцію *И. И. Страхова*. С.-Пб.

— LA GUERRE DU NORD ET LA PAIX D'OLIVA 1655—1660. Par *Emile Haumont*, Docteur ès lettres, Chargé de cours à la faculté des lettres de Lille. Paris.

— QUID DETRIMENTI EX INVASIONE HUNGARORUM SLAVI OPERIRI. Thesim facultati litterarum parisiensi proponebat *E. Haumont*, ejusdem facultatis olim alumnus. Parisiis.

— *Виталий Эймеръ*. Книги Кіевской и Львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII вѣка. Москва.

— *В. Н. Перетцъ*. Деревня Будогоща и ея преданія. (Этнографическій очеркъ). С.-Пб.

— *Н. Кармевъ*. Историко-философскія и соціологическія этюды. Изданіе *О. Н. Поповой*. Цѣна 1 р. 25 к. С.-Пб. 1895.

— *Платонъ Кулаковскій*. Илиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варшава.

— *С. Н. Мамъевъ*. Документы, относящіеся къ ссылкѣ Августа Коцебу въ Сибирь въ 1800 году. Тобольскъ.

— Рукописи виллотеки Тобольскаго губернскаго музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтій. Выпускъ I (1621—1645). Описъ дозорныхъ, переносныхъ и другихъ книгъ городовъ Верхотурья, Пельма, Туринска, Тюмени, Тары и Тобольска съ ихъ уѣздами. Составилъ бібліотекаръ музея *С. Н. Мамъевъ*. Тобольскъ.

— Въстникъ правленія V-го съезда Общества русскихъ врачей въ память *Н. И. Пирогова*, издаваемый подъ редакцію проф. *К. Ф. Славянскаго*. № 1.

— Труды V съезда Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, издаваемые правленіемъ V съезда въ С.-Петербургѣ. С.-Пб.

— Методы рѣшеній вопросовъ элементарной геометріи. *Вары Шиффа*. С.-Пб.

— Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнауль, Томской губерніи. Отчетъ за 1893 годъ. Общество существуетъ съ 7-го октября 1884 года. Годъ девятый. Барнаулъ.

— „Иллюстрированная библіотека Крестнаго Календаря“. Сказки русскаго народа. Текстъ подъ редакціей В. А. Гатцука. Рисунки художниковъ Н. А. Бахатова, Г. Дорэ и др. Четыре тетради. Москва.

— Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Сочиненіе воспитанника IV класса Туркестанской учительской семинаріи Худабоя Кустанаева. Подъ редакціей Н. А. Воскресенскаго. Ташкентъ.

— Двадцатипятилѣтіе Александровской гимназій Смоленскаго земства въ г. Вязьмѣ (1869—1894). Историческая записка, составленная Н. П. Виноградовымъ. Вязьма.

— DEUTSCHE FIBEL ODER ERSTES LEBEBUCH FÜR DIE KIRCHENSCHULEN DER ENEMALIGEN DEUTSCHEN KOLONIEN IN RUSSLAND. Herausgegeben von R. Schölsel, Lehrer an der sechsklassischen Stadtschule in Odessa. Odessa.

— Русская Азбука. Учебникъ, примененный къ методическому руководству К. Шельцеля, для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ по реальному методу. Составили К. Шельцель и И. Непойчицкій. Одесса.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Космография въ историко-генетическомъ изложеніи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 98-ю чертежами, 20 рисунками и картой наиболѣе замѣчательныхъ созвѣздіи, видимыхъ въ Европѣ. Составилъ *Всес. Морозовъ*, окружный инспекторъ Виленскаго округа. Вильна. 1894. Стр. XIV + 209. Цѣна 1 р. 40 к.

Названная книга заслуживаетъ вниманія, какъ весьма цѣнный и въ значительной степени оригинальный трудъ, имѣющій немаловажныя научныя достоинства; богатство содержанія, зрѣло-обдуманнй планъ, выдержанная система, стремленіе къ геометрической строгости и полнотѣ доказательствъ, выборъ вѣскихъ и наиболѣе точныхъ данныхъ, соотвѣтствіе современному состоянію науки—ся главныя положительныя качества.

Изложеніе нѣкоторыхъ частныхъ такъ хорошо, что можетъ быть названо образцовымъ. Таковы, напримѣръ: стр. 27 и 28—„начальные пункты счета времени“, стр. 39—42—„среднія сутки, уравненіе времени, движеніе солнечнаго перигея“, почти весь § 7—„видимое съ земли движеніе луны“ (за исключеніемъ одной обмолвки въ строкѣ 3-й, страницы 48-й: *синодическою* мѣсяца, вмѣсто *драконическою*), § 15—„временисчисленіе“, § 17.—„Объясненіе видимаго движенія небесныхъ тѣлъ по системѣ Коперника—Кеплера“, и мн. др., почти вся глава VII—„краткая астронгнозія“.

Съ особеннымъ искусствомъ изложены почти все тѣ параграфы, которые относятся до исторіи астрономіи; напримѣръ, § 16—„историческій ходъ объясненія видимыхъ движеній небесныхъ тѣлъ“—сви-

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

дѣтельствуеъ о тщательномъ изученіи этого вопроса и вѣрномъ воззрѣніи на астрологическія свѣдѣнія древнихъ; такое обстоятельное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, краткое изложеніе геоцентрической или такъ-называемой Птолемеевой системы съ ея разными видоизмѣненіями едва-ли можно указать въ какомъ-либо другомъ учебникѣ космографіи, русскомъ или иностранномъ. Нельзя только согласиться съ оцѣнкою авторомъ системы Тихо-Браге, которую онъ называетъ „недостойною великаго наблюдателя“ и „неимѣющею высокаго внутренняго достоинства“ (стр. 76); между тѣмъ, система эта была вѣнцомъ геоцентрическихъ воззрѣній, и не было въ то время извѣстно ни одного факта, который бы могъ служить ей опроверженіемъ.

Слабѣ остальныхъ первыя страницы введенія: „Психическій интересъ знанія космическихъ явленій; предметъ космографіи и значеніе ея, какъ общеобразовательной науки“. Въ нихъ замѣчается риторичность, искусственность рѣчи, вредящая впечатлѣнію идей, въ сущности вѣрныхъ и вѣскихъ.

Научныхъ промаховъ или неточностей немного, и они маловажны. Такъ, напримѣръ, на стр. 105, на основаніи факта, что всѣ спутники планетъ въ нашей солнечной системѣ значительно меньше своихъ центральныхъ тѣлъ,—сказано: „отсюда выводимъ, какъ общее правило, что большія тѣла не могутъ обращаться около меньшаго“: заключеніе не основательное и не вѣрное. Или, на стр. 145: „существованіе притягательнаго взаимодѣйствія матеріальныхъ тѣлъ обнаруживается въ отклоненіи (девіаціи) *отѣса* отъ истиннаго вертикальнаго направленія въ мѣстахъ, близкихъ къ большимъ горахъ“; между тѣмъ, направленіе *отѣса* и есть истинное вертикальное, девіація же, о которой идетъ рѣчь, состоитъ въ несовпаденіи этого направленія съ нормалю къ поверхности эллипсоида—*предполагаемаю*, то-есть, опредѣленнаго вычисленіемъ изъ результатовъ геодезическихъ измѣреній. Ошибочно также сказано на стр. 167, что къ заключенію о существованіи на Марсѣ разумныхъ существъ приводятъ усматриваемые на этой планетѣ правильно устроенные каналы; между тѣмъ, мнѣніе объ этихъ каналахъ, будто бы искусственныхъ, высказанное нѣкоторыми астрономами вскорѣ послѣ открытія на дискѣ Марса сѣти прямыхъ линій и ихъ раздвоеній, опровергнуто дальнѣйшими изслѣдованіями этого вопроса.

Всѣ подобнаго рода погрѣшности легко поправимы и почти не умаляютъ достоинства книги; болѣе вредить ей неудобопонятность

нѣкоторыхъ страницъ, изложенныхъ такъ, какъ еслибы книга предназначалась не для учащихся, а для тѣхъ, кто уже изучилъ предметъ, составляющій ея содержаніе. Напримѣръ, на стр. 54 сказано, что, вслѣдствіе рефракціи, продолжительность дней болѣе или менѣе увеличивается „измѣняясь отъ 25 часовъ подъ экваторомъ до 66 часовъ у полюса“; подразумѣвается, конечно, годовая сумма разностей между продолжительностями дни и ночи, но авторъ не упоминаетъ, что рѣчь идетъ о такой суммѣ, а потому продолжительность дней „25 часовъ подъ экваторомъ“ должна ввести ученика въ крайнее недоразумѣніе. То же замѣчаніе относится до сказаннаго на стр. 56, что сумерки сокращаютъ ночь подъ экваторомъ на 852 часа. Стремленіе автора къ полнотѣ доказательствъ не всегда бываетъ успѣшно, и иногда приводитъ къ усложненію и неудобопонятности; примѣромъ могутъ служить послѣднія страницы изложенія маятника Фуко (стр. 95—96), не уясняющія, а скорѣе затемняющія сказанное на предшествующихъ имъ страницахъ. Могли бы быть также изложены несравненно проще и короче стр. 135 и 136, гдѣ говорится о „притяженіи матеріальнымъ сферическимъ слоемъ внутренней точки“, еслибы авторъ ввелъ въ разсмотрѣніе безконечно узкіе и взаимно противоположные трехгранные углы съ вершиною въ A , вмѣсто безконечно узкихъ двуполыхъ коническихъ поверхностей съ тою же вершиною и, слѣдовательно, съ произвольнымъ очертаніемъ поперечнаго сѣченія (о которомъ надо было упомянуть, но этого не сдѣлано); тогда не потребовалось бы проектировать элементы слоя на сферы, имѣющія центръ въ A , и ученику было бы очевидно, что такими парами трехгранныхъ угловъ можетъ быть заполнено всё пространство вокругъ точки A (замѣтимъ, кстати, что въ оглавленіи не упомянуто объ однородности притягивающаго слоя).

Положительныя качества разсматриваемой книги весьма значительны, а всѣ промахи и неясности, подобныя вышеуказаннымъ, легко могутъ быть устранены въ слѣдующемъ ея изданіи. Несомнѣнно также, что, еслибы курсъ космографіи могъ быть пройденъ по руководству, предлагаемому г. Морозовымъ, то ученики приобрѣли бы весьма основательныя и достаточно полныя свѣдѣнія по этому предмету; но незначительное количество времени, предназначеннаго на математическую географію и космографію въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности въ гимназіяхъ, затруднитъ усвоеніе такого обширнаго курса.

Начала космографіи (математическая географія), учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній, составилъ *М. Попруженко*, инспекторъ классовъ Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса. Цѣна 1 рубль. Москва. 1894. Стр. VIII+148.

Названная книга существенно отличается отъ другихъ, имѣющихся въ нашей учебной литературѣ краткихъ руководствъ къ изученію математической географіи и космографіи. Особенности ея обнаруживаютъ не стремленіе автора къ оригинальности, а основательно обдуманное рѣшеніе задачи: „выработать учебникъ, возможно краткій и возможно точный“. Нельзя сказать, что всѣ части учебника удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ критики, но, въ общемъ, можно признать цѣль автора достигнутою: книга имѣетъ только 148 страницъ крупной печати, изложена ясно и просто, по возможности устранено все второстепенное и также все не соответствующее уровню математическихъ знаній учениковъ, а между тѣмъ учебникъ этотъ содержитъ все необходимое для усвоенія учениками вѣрнаго и отчетливаго понятія о фигурѣ и движеніяхъ земли, о солнечной системѣ, о звѣздныхъ мірахъ и т. под.; можно даже сказать, что по полнотѣ объясненій и богатству содержащагося въ немъ цѣннаго матеріала онъ не только не уступаетъ многимъ другимъ, болѣе объемистымъ учебникамъ космографіи, но даже превосходитъ ихъ.

Первыя три страницы содержатъ доказательство шарообразнаго вида земли; онѣ озаглавлены „фигура земли“ (1-е приближеніе). Доказательство основано исключительно на видѣ горизонта и выведена формула для приблизительнаго вычисленія длины земнаго радіуса по углу пониженія горизонта, соответствующаго данной высотѣ глаза наблюдателя, а также—формула приблизительнаго вычисленія радіуса горизонта. Затѣмъ, послѣ указанія способовъ опредѣлять мѣста свѣтилъ на небесной сферѣ и слѣдить за ихъ движеніями, опредѣлять широты и долготы земныхъ пунктовъ и т. под. и послѣ изложенія доказательствъ суточного вращенія земли, на четырехъ страницахъ (29—33), озаглавленныхъ „фигура земли“ (2-е приближеніе), дано понятіе о *геоидѣ*, какъ объ эллипсоидѣ вращенія около малой оси. Упомянуто о томъ, что Ньютонъ, исходя изъ гипотезы о первоначальномъ огненно-жидкомъ состояніи земной массы, доказалъ, что земля должна была получить именно такую форму. Затѣмъ сказано о результатахъ измѣреній дугъ меридіана, обнаружившихъ возрастаніе длины градуса меридіана отъ экватора къ полюсамъ, и о согласности этихъ результатовъ съ гипотезою Ньютона. Доказательство

этой согласуемости авторъ основываетъ на формулѣ, выражающей зависимость радіуса кривизны эллипса отъ наклона этого радіуса къ большой оси; формулу эту онъ, конечно, приводитъ безъ доказательства. Онъ не только не входитъ ни въ какія подробности о геодезическихъ работахъ, но даже о способѣ измѣренія дуги меридіана ограничивается лишь слѣдующими словами: „прежде всего надо обозначить направление меридіана на поверхности земли. Это достигается соединеніемъ(?) точекъ, имѣющихъ одну и ту же долготу. Затѣмъ обозначенную дугу измѣряютъ посредствомъ триангуляціи (см. тригонометрію)“. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, сослаться на геодезію, а не на тригонометрію, ибо ни изъ прямолинейной, ни изъ сферической тригонометріи нельзя извлечь правильнаго представленія ни о вычисленіяхъ съѣти треугольниковъ, стороны которыхъ суть дуги чрезвычайно малыя въ сравненіи съ ихъ радіусомъ, ни о вычисленіяхъ геодезическихъ разстояній и т. под. — Наконецъ, послѣ изложенія законовъ движеній земли и планетъ и т. под., доказательства закона всемірнаго тяготѣнія и ознакомленія съ массами и плотностями солнца и планетъ и съ силою тяжести на ихъ поверхностяхъ, дано понятіе на двухъ страницахъ (109 — 111), озаглавленныхъ „фигура земли“ (3-е приближеніе), о несопадѣніи геодезическаго вида земли съ эллипсоидомъ вращенія и о геодезическихъ неровностяхъ или такъ-называемыхъ отклоненіяхъ отвѣсныхъ линій.

Изъ астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ сказано только о теодолитѣ, и все описаніе его устройства ограничено краткою схемою, изложенною на 7-ми строкахъ (стр. 8, § 19).

Для изложенія вращательнаго движенія земли избранъ такой порядокъ. Послѣ описанія законовъ видимаго суточного перемѣщенія звѣздъ, указаны двѣ гипотезы, могущія объяснить эти суточные перемѣщенія свѣтилъ: гипотеза вращающагося свода и гипотеза Коперника; въ нѣсколькихъ строкахъ обнаружена невѣроятность первой гипотезы; затѣмъ показано, что гипотеза Коперника объясняетъ вполнѣ удовлетворительно всѣ подробности суточного движенія свѣтилъ и что она не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; въ заключеніе приведены доказательства вращенія земли около оси (законъ Бэра, пассаты, океаническія теченія, размываніе береговъ рѣкъ, разрушеніе рельсовъ, отклоненіе падающихъ тѣлъ къ востоку отъ вертикальной линіи, отклоненіе плоскости качаній маятника, измѣненіе ускоренія свободнаго паденія тѣлъ—а также и вѣса тѣла—въ разныхъ мѣстахъ земли). Всѣ эти доказательства занимаютъ менѣе 5-ти стра-

ницъ (24—28), при чемъ приведенъ полный выводъ формулы уско- ренія паденія въ зависимости отъ географической широты, предпо- лагая землю правильнымъ шаромъ, а также—выводъ формулы откло- ненія падающихъ тѣлъ отъ вертикальной линіи; отклоненіе плоскости качаній маятника объяснено только для того случая, еслибы на- блюденіе производилось на земномъ полюсѣ. Авторъ, вполнѣ спра- ведливо, не призналъ возможнымъ дать краткое, точное и удобопон- ятное объясненіе общаго случая, а потому ограничился замѣчаніемъ: „теоретическія изслѣдованія показываютъ, что отступленіе Δ пло- скости качаній маятника должно имѣть мѣсто и въ другихъ мѣстахъ земли и опредѣляется формулою $\Delta = 15 \sin \varphi^\circ$, гдѣ φ широта мѣста. Французскій ученый Фуко въ 1849 г. впервые произвелъ опыты надъ маятникомъ и полученные имъ результаты совершенно согласуются съ выше приведенной формулой“.

Съ тою же степенью сжатости и подобнымъ же способомъ изло- жены всѣ остальные отдѣлы математической части космографіи, но въ ея физической части — въ описаніи солнца, деформаций кометъ, происхожденія падающихъ звѣздъ — авторъ входитъ въ нѣкоторыя подробности, безъ которыхъ, конечно, онъ не могъ бы изложить от- четливо этихъ сложныхъ предметовъ. Напримѣръ, физическому опи- санію солнца удѣлено 10 страницъ (111 — 120), о богатствѣ содер- жанія которыхъ можно судить по оглавленію: видъ солнца черезъ зрительную трубу; наблюденія надъ солнцемъ во время полнаго сол- нечнаго затменія; химическій составъ солнца; сила солнечнаго свѣта; количество теплоты, излучаемой солнцемъ; температура солнца; состо- яніе матеріи на солнцѣ; источники солнечной теплоты; вращеніе солнца около оси; зодіакальный свѣтъ; гипотеза Гауе о строеніи солнца; строеніе короны солнца.

Такой методъ изложенія учебника, не смотря на сжатость, кажу- щуюся чрезмѣрною, долженъ быть одобренъ. Учебная книга, вообще, должна быть краткою и содержать лишь существенно необходимое; включеніе подробностей, развитіе сдѣланныхъ въ ней указаній—дѣло преподавателя и зависитъ главнымъ образомъ отъ количества вре- мени, удѣленнаго на изученіе даннаго предмета; при томъ ученики старшаго возраста, заинтересованные учебникомъ, не затруднятся извлечь желаемыя имъ дополнительныя свѣдѣнія изъ болѣе подроб- ныхъ курсовъ той же науки, долженствующихъ находиться въ би- блиотекѣ учебнаго заведенія.

Но, по замѣчанію самого автора въ концѣ предисловія къ его

учебнику: „При такихъ условіяхъ“ — то-есть, при значительной переработкѣ учебнаго матеріала по сравненію съ существующими у насъ курсами — „въ первомъ изданіи неизбежны промахи и ошибки“. Дѣйствительно, промаховъ и ошибокъ не мало; укажемъ на нѣкоторые изъ замѣченныхъ нами:

1) На 2-й стр. сказано: „наблюденіе показываетъ, что, во всѣхъ мѣстахъ земли и при всякой высотѣ глаза надъ поверхностью ея, линія видимаго горизонта представляется окружностью“, — и при этомъ не оговорено, что подразумѣвается наблюденіе на открытомъ и ровномъ мѣстѣ.

2) На стр. 7-й: „какъ бы ни была велика избранная на землѣ база АВ, лучи зрѣнія SA и SB, проведенныя отъ оконечностей ея къ какой нибудь неподвижной звѣздѣ, всегда оказываются параллельными между собой“. При этомъ не сказано, какимъ образомъ убѣдились въ этой параллельности. На этой параллельности условной, то-есть, въ предѣлахъ показаній совершеннѣйшихъ изъ существующихъ нынѣ углоизмѣрительныхъ инструментовъ, авторъ основываетъ свои дальнѣйшія сужденія и выводы, а потому слѣдовало бы предотвратить всякія недоразумѣнія, что и было бы достигнуто добавленіемъ § 17-му лишь нѣсколькихъ строкъ.

3) Параграфъ 23-й (стр. 10) неудачно выраженъ и слишкомъ многословенъ послѣ сказаннаго уже въ § 17-мъ.

4) На стр. 14-й: „Азимуть измѣряется дугой горизонта между точкою юга и кругомъ высоты свѣтила и считается отъ 0° до 360° по направленію суточнаго движенія“. Такъ отсчитываютъ только азимуты земныхъ предметовъ, а не свѣтилъ, и при томъ только по такъ называемой французской системѣ. У насъ принято отсчитывать земные азимуты отъ точки сѣвера, по направленію движенія часовой стрѣлки отъ 0° до 360° . Азимуты свѣтилъ разсматриваются какъ сферическіе углы и ихъ всегда отсчитываютъ отъ 0° до 180° въ обѣ стороны отъ меридіанальной плоскости.

5) На стр. 23-й: „на основаніи законовъ относительнаго движенія, *всѣ* движенія на земной поверхности или около нея должны совершаться одинаково, какъ въ предположеніи, что земля неподвижна, такъ и въ предположеніи, что она вращается“. Здѣсь слово *всѣ* не умѣстно, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за этимъ говорится объ исключеніяхъ.

6) На стр. 40-й (§ 99) доказательство, что траекторія солнца

есть эллипсъ, основано на суточныхъ измѣненіяхъ углового діаметра солнца. Это доказательство слишкомъ искусственно: измѣренія діаметра солнца не достигли еще такой степени точности, чтобы служить данными для вычисленія суточныхъ измѣненій радіуса вектора, и ни при какомъ совершенствѣ инструментовъ не *могутъ ее достигнуть*, вслѣдствіе неспокойнаго состоянія поверхности этого свѣтла.

7) На стр. 41-й: „ближайшая къ землѣ точка Рэллипса, описываемаго солнцемъ, называется перигелиемъ, а отдаленнѣйшая А — апогелиемъ“. Это грубая ошибка. повторенная много разъ (на стр. 42, 75, 86 и пѣк. др.): *перигелиемъ* и *афелиемъ* (но, все таки, не *апогелиемъ*) называются точки *гелиоцентрическихъ* орбитъ—ближайшая къ солнцу и отдаленнѣйшая, подобныя же точки *геоцентрическихъ* орбитъ—ближайшая къ землѣ и отдаленнѣйшая — называются *перигеемъ* и *апогеемъ*.

8) На стр. 48-й сказано, что малая вѣроятность гипотезы о дѣйствительномъ обращеніи солнца около земли заставила Коперника принять такую гипотезу: „земля движется по эллипсу, который вполнѣ равенъ солнечному, и лежитъ въ плоскости эклиптики.... Движеніе земли подчиняется закону площадей“. Между тѣмъ извѣстно, что Коперникъ не зналъ ни закона площадей, ни эллиптического вида земной орбиты.

9) Параграфы 134, 135, 136, 137 и 138 (стр. 63—66) безъ всякаго ущерба могутъ быть исключены изъ учебника, равно какъ и таблица § 139-го. Въ этихъ параграфахъ идетъ рѣчь о количествѣ солнечной теплоты, получаемой въ данное время единицею земной поверхности въ данномъ географическомъ пунктѣ, то-есть, о такъ называемой (не вполнѣ правильно) нѣкоторыми метеорологами, *инсоляціи*. Инсоляція эта разсматривается въ учебникѣ исключительно лишь въ зависимости отъ географической широты, то-есть, отъ угла паденія солнечныхъ лучей и отъ продолжительности дня, при чемъ не принимается въ расчетъ даже длина пути луча въ атмосферѣ. Понятно, что этотъ теоретическій и узко-односторонній результатъ оказывается въ такомъ разногласіи съ дѣйствительностью, что лѣтняя инсоляція на полюсѣ получается большею чѣмъ на экваторѣ. Очевидно, вопросъ объ этой теоретической инсоляціи можетъ представлять интересъ только для специалистовъ, а потому, даже въ самыхъ полныхъ курсахъ математической географіи, умѣстенъ лишь въ мелкомъ шрифтѣ или въ примѣчаніяхъ.

10) На стр. 75-й: „законы *собственного движениа луны*. Приемами, изложенными въ главѣ о движениа солнца, легко доказать, что: 1) луна движется съ запада на востокъ..... Долгота перигелия = $266^{\circ}10'$ “. Но, вопервыхъ,—не *перигелия*, а *перигея*; повторыхъ,—числовыя данныя элементовъ орбитъ не *доказываются*, а *вычисляются* на основаніи данныхъ, доставленныхъ наблюденіями; втретьихъ,—и это самое главное—линія луныхъ апсидъ перемѣщается по орбитѣ и такъ быстро, что менѣе чѣмъ въ девять мѣтъ описываетъ полную окружность, слѣдовательно, указаніе долготы луннаго перигея безъ указанія соотвѣтствующей ей *эпохи* не имѣетъ смысла.

11) На стр. 76-й: доказывается, что „*собственное движеніе луны* есть дѣйствительное движеніе“, то-есть, что не земля обращается около луны и вѣстѣ съ нею около солнца, а луна около земли. Доказательство это, вопервыхъ, излишне, ибо уже ранѣе было доказано, что земля обращается около солнца по эллипсу; повторыхъ, оно не выдерживаетъ критики. А именно, оно изложено такъ: „это двойное движеніе“—то-есть, обращеніе земли около луны и около солнца—„надо представить себѣ такъ: луна L движется по эллипсу АВ, въ фокусѣ котораго находится солнце S, а земля T движется по другому эллипсу, уносящемуся вѣстѣ съ луной, которая занимаетъ фокусъ этого эллипса“.... Но почему такъ надо себѣ представлять это движеніе? Естественное и правильное представленіе должно быть другое: луна движется по своей *гелиоцентрической* орбитѣ (то-есть, относительно центра солнца), а земля по своей *геоцентрической* орбитѣ (то-есть, такъ, какъ представилось бы ея движеніе наблюдателю изъ центра луны); результаты этихъ относительныхъ движеній будутъ вполнѣ согласны съ дѣйствительностью, и изложенное на 76-й страницѣ доказательство не будетъ имѣть мѣста.

12) На стр. 123-й сказано, что сжатіе Марса = $\frac{1}{290}$, между тѣмъ вопросъ о сжатіи Марса до настоящаго времени остается не рѣшеннымъ: по наблюденіямъ Кейзера въ 1862 году оно = $\frac{1}{118}$, а по парижскимъ наблюденіямъ = $\frac{1}{83}$.

Можно было бы перечислить много другихъ промаховъ или неудачныхъ выраженій, но считаемъ достаточнымъ ограничиться вышеприведенными, болѣе важными.

Астрономическія вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, туманности. *Герм. Клейна*, директора обсерваторіи въ Кельнѣ. Перев. съ 3-го нѣмецкаго изданія. Изданіе журнала *Міръ Божій*. Съ портретами и рисунками. С.-Пб. 1894. Стр. 290.

Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора для популяризаціи астрономіи, какъ изданіе вышеназванной книги Клейна; ее смѣло можно назвать образцовою во всѣхъ отношеніяхъ. Чтобы написать такую превосходную и общепонятную книгу, надо обладать не только глубокимъ знаніемъ, но и большимъ педагогическимъ и литературнымъ талантомъ. Все содержащееся въ ней изложено съ такою замѣчательною ясностью и увлекательностью, что даже сложные законы и глубокія идеи будутъ не затруднять читателя, а вызывать въ немъ сильнѣйшій интересъ къ астрономіи. Знатокъ астрономіи не можетъ не удивляться искусству, съ какимъ авторъ обошелъ всѣ препятствія, исключилъ техническую или узко-утилитарную часть, а сосредоточилъ все вниманіе на философской сторонѣ науки и рельефно изобразилъ исторію прогресса человѣческой мысли, послѣдовательный и все болѣе и болѣе ускоряющійся ходъ ея проникновенія въ тайны міроздавія. Переводчику предстояла трудная задача — сохранить достоинства подлинника, и онъ достигъ этого съ полнымъ успѣхомъ.

Искать недостатковъ въ этой книгѣ, примѣнять къ ея оцѣнкѣ методъ рутинной или мелочной критики былъ бы трудъ недостойный и неблагодарный. Авторъ, мѣстами, вдается въ большія подробности, напримѣръ, при описаніи луны; но кто же рѣшится упрекнуть его за эти подробности, даже при разсматриваніи книги съ узко-педагогической точки зрѣнія? Вѣдь, чѣмъ далѣе читаешь ихъ, тѣмъ сильнѣе приковывается вниманіе къ нимъ, тѣмъ ярче рисуется въ умѣ картина нашего спутника, тѣмъ глубже проникаетъ мысль въ его природу и дѣлается понятною односторонность мнѣній различныхъ селенографовъ. Рѣчь автора иногда становится возвышенною, восторженною; но было бы грубою ошибкою видѣть въ этомъ желаніе блеснуть краснорѣчіемъ или искусственно приподнятый тонъ: искренность въ ней очевидна; это рѣчь страстнаго любителя науки, съ успѣхомъ посвятившаго ей много времени и труда, оказавшаго ей серьезныя услуги. Для указанія воспитательнаго значенія такой рѣчи, можно бы привести много примѣровъ изъ разсматриваемой книги, но достаточно слѣдующихъ двухъ (стр. 255—256): „Самое чудесное—это дѣйствительность; рядомъ съ ней кажется жалкой са-

мая неуправляемая фантазія. Какъ глубоко, казалось древнимъ, проникли они въ тайны мірозданія; какимъ величественнымъ и стройнымъ представлялся имъ міръ! Припомнимъ ихъ міровоззрѣніе. Въ центрѣ вселенной неподвижно покоится земля; вокругъ нея описываютъ вѣчные круговые пути солнце, луна, планеты—каждое мировое тѣло по своей особенной сферѣ, а надъ ними вращается сфера неподвижныхъ звѣздъ. Но какъ бѣдно это представленіе въ сравненіи съ истиннымъ устройствомъ вселенной. Истинную систему міра люди узнали, когда Николай Коперникъ остановилъ солнце и заставилъ планеты вращаться вокругъ него по разбѣреннымъ путямъ. Открылась удивительная стройность, которой никто не предчувствовалъ! А когда Кеплеръ открылъ три знаменитыхъ закона въ движеніи планетъ, и послѣ него Ньютонъ доказалъ теоретически необходимость этихъ законовъ, тогда люди приобрѣли право говорить о гармоніи небесныхъ движеній, и эта дѣйствительная гармонія оставила далеко позади себя вымышленную „гармонію сферъ“ древнихъ. Оказалось, что и въ мірѣ вѣкъ насъ осуществлена великая мысль; а самое важное то, что человѣческій умъ оказался способнымъ понять эту мысль, прослѣдить ее, уловить и подняться до пониманія работы Великаго Зодчаго этого планетнаго міра“...

Или (стр. 283): „И если мы глубже вдумаемся въ то, о чемъ говорятъ намъ эти міры, развитіе звѣздныхъ системъ, не знающее покоя движеніе небесныхъ тѣлъ въ пространствѣ, сіяніе звѣздныхъ кучъ и мерцаніе туманностей, то придемъ къ тому убѣжденію, что вся вселенная есть великое царство разума: познавая ея гармоническое устройство, нашъ собственный разумъ начинаетъ сознавать свое могущество. Вселенная есть свѣтильникъ, озаряющій передъ нами жизнь; если бы лучи этого свѣтильника, которые мы воспринимаемъ, не отвѣчали ихъ сущности, мы не знали бы свѣта. Не даромъ говоритъ Гёте: „нашъ глазъ не могъ бы видѣть солнца, еслибъ не былъ ему подобенъ“. Тоже и со вселенной. Если бы разумъ, сказавшійся въ ея устройствѣ, не отвѣчалъ законамъ нашего разума, мы не могли бы познать вселенную; никакая гармонія сферъ не могла бы звучать въ нашей душѣ. Таинственная связь существуетъ между законами всего мірозданія и познаніемъ этихъ законовъ нашимъ разумомъ. Познавая твореніе Великаго Зодчаго вселенной, мы можемъ утверждать, что причастны Его духу“.

Авторъ не избѣгаетъ гипотезъ, но его воззрѣніе на нихъ столь удачно и въ такой мѣрѣ соотвѣтствуетъ достоинству той или другой

приводимой имъ гипотезѣ, что его невозможно упрекнуть ни въ малѣйшемъ уклоненіи отъ строгой науки или въ какомъ-либо смѣшеніи доказаннаго съ предполагаемымъ. Укажемъ, для примѣра, на стр. 188, гдѣ говорится о гипотезѣ Patridge относительно каналовъ Марса, или на стр. 260, гдѣ говорится о центрѣ движенія нашего солнца и системы неподвижныхъ звѣздъ, и такое же указаніе можно бы сдѣлать относительно почти каждой изъ гипотезъ, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Есть только одна гипотеза (стр. 229 — 230), къ которой сказанное выше непримѣнимо и которую не слѣдовало включать въ книгу. Эта гипотеза — мнѣніе автора о страшныхъ послѣдствіяхъ, угрожающихъ землѣ въ случаѣ столкновенія съ кометою. А именно, онъ говоритъ: „всѣ собранныя до сихъ поръ наши знанія о кометахъ приводятъ, *ни мой взлядъ*, къ тому заключенію, что столкновение кометы съ землею, если только оно когда-нибудь произойдетъ, должно имѣть страшныя послѣдствія для земли и вызвать катастрофу, всѣхъ ужасовъ которой воображеніе не можетъ представить. Правда, кометы имѣютъ на столько ничтожную массу, что вліяніе ея не замѣтно въ самыхъ тонкихъ астрономическихъ наблюденіяхъ. Однако эта масса далеко не равна нулю. Поэтому прежнее заключеніе астрономовъ, что столкновение земли съ кометою менѣе опасно, чѣмъ съ большимъ метеорнымъ камнемъ, кажется мнѣ очень ошибочнымъ. Правда, земля наша неоднократно проходила чрезъ хвостъ кометъ, при чемъ этого нельзя было непосредственно замѣтить. Только вычисленія, произведенныя позже, обнаружили это. Но встрѣча съ головой и ядромъ кометы — совсѣмъ другое дѣло. Подобная встрѣча, *по моему убѣжденію*, должна имѣть слѣдствіемъ гибель нашей цивилизаціи, гибель большей части человѣческаго рода“... Какія, однако, эти „собранныя до сихъ поръ наши знанія о кометахъ“, которыя привели автора къ столь угрожающему намъ выводу? Въ XX и XXI главахъ его книги, гдѣ весьма обстоятельно и полно изложено все существенно важное о кометахъ, не находимъ ничего подтверждающаго такой выводъ. Автору слѣдовало бы этотъ *его взлядъ, его убѣжденіе*, хранить про себя, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не представитъ вѣскихъ математическихъ доказательствъ, основанныхъ на достовѣрныхъ данныхъ относительно массъ кометъ, строенія ихъ ядръ и т. под.

Помѣщенные въ книгѣ рисунки, а также портреты знаменитѣйшихъ астрономовъ, исполнены весьма хорошо. Вообще изданіе вполне удовлетворительно и даже опечатокъ почти нѣтъ; есть, однако, крайне

странная обмолвка, а именно на стр. 180 сказано: „Эти прохожденія Венеры довольно рѣдки, потому что происходятъ только 16 разъ въ столѣтіе... только 7-го іюня 1904 года Венера снова пройдетъ предъ солнцемъ“. Здѣсь слово *столѣтіе* поставлено, по ошибкѣ, вмѣсто *тысячелѣтіе*. (Въ тысячелѣтіе Венера имѣетъ 16, а иногда 17, прохожденій по диску солнца), а ближайшее прохожденіе будетъ не въ 1904 году, а въ 2004, іюня 7-го по новому стилю, то есть, 25-го нашего мая.

Исторію астрономіи Клейнъ изложилъ въ видѣ ряда біографій знаменитѣйшихъ творцовъ этой науки. Эти біографіи, составляющія содержаніе первыхъ 12-ти главъ книги, не только крайне поучительны, но и должны благотворно вліять на душу юнаго читателя. Въ краткихъ очеркахъ авторъ съ необыкновеннымъ искусствомъ изображаетъ геніальныхъ дѣятелей, ихъ страстное исканіе истины, сущность и величіе достигнутыхъ результатовъ. А потому, воплію справедливо мнѣніе, что въ „Астрономическихъ вечерахъ“ Клейна помѣщены два цѣнныхъ элемента: образовательный и воспитательный.

Книгѣ этой предстоитъ весьма широкое распространеніе. Она содержитъ богатый матеріалъ для публичныхъ чтеній, должна составлять необходимую принадлежность каждой удовлетворительно организованной бібліотеки, а для обучающихся космографіи будетъ служить превосходнѣйшимъ пособіемъ и въ особенности необходима тамъ, гдѣ на этотъ предметъ удѣлено весьма мало времени. Читеніе этой книги не только не будетъ обременять умъ любознательнаго ученика, но будетъ для него какъ бы приятнымъ отдыхомъ отъ утомительныхъ классныхъ работъ, а между тѣмъ она уяснитъ ему изучаемый имъ краткій курсъ и пополнитъ пробѣлы. Можно смѣло сказать, что извлеченныя ученикомъ свѣдѣнія изъ этой книги будутъ прочнѣе и плодотворнѣе тѣхъ, которыя онъ могъ бы извлечь даже изъ весьма подробныхъ учебниковъ космографіи.

А. Киселевъ. Элементарная алгебра. Пятое улучшенное изданіе, содержащее курсъ классическихъ гимназій и 6-ти классовъ реальныхъ училищъ. Москва. 1894. Стр. VII+296. Цѣна 1 р. 25 к

Пятое изданіе названной книги отличается отъ четвертаго изданія двумя добавленіями: 1) рѣшенія неравенствъ 2-ой степени и 2) нахожденія наибольшаго и наименьшаго значенія трехчлена второй степени. Помѣщеніе этихъ весьма полезныхъ статей, изложеніе коихъ занимаетъ только десять страницъ, не умаляетъ достоинства книги.

Книга г. Киселева, представляя изъ себя хорошей учебникъ и по своей краткости и по простотѣ изложенія, и по отсутствію серьезныхъ ошибокъ, нуждается, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе г. Киселева на слѣдующія мѣста его сочиненія:

Стр. 47 и 50. Г. Киселевъ обращаетъ вниманіе учащихся на то, 1) что нельзя сократить часть числителя съ частью знаменателя и 2) что преобразование разности $\frac{a}{m} - \frac{b+c}{m}$ въ дробь $\frac{a-b+c}{m}$ будетъ неправильно.

Намъ кажется, что подобныя замѣчанія излишни, и ихъ можно сдѣлать безконечное множество. Учебникъ долженъ содержать изложеніе истинъ, а не абсурдовъ.

Стр. 67. Г. Киселевъ увѣряетъ, что „дробь $\frac{A}{B}$ можетъ равняться нулю *только* въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: или 1) когда $A = 0$, а $B \neq 0$ или 2) когда $B = \infty$, а $A \neq \infty$ “.

Все это невѣрно. Какъ на примѣръ, укажемъ на дробь $\frac{(x-1)^2}{x-1}$, которая равна нулю при $x=1$, а между тѣмъ и числитель, и знаменатель совместно равны нулю при $x=1$.

Стр. 85. Г. Киселевъ, указывая на встрѣчающіяся иногда затрудненія при рѣшеніи системы уравненій по способу Безу, не объясняетъ, что затрудненіе это происходитъ отъ того, что одно изъ уравненій помножается на единицу, что иногда недопустимо.

Стр. 110. Мы не понимаемъ слѣдующей фразы: „замѣтимъ, что въ этой книгѣ корни разсматриваются только съ цѣлыми положительными показателями“. На основаніи какихъ соображеній авторъ не желаетъ обобщить представленія о корнѣ съ какими ни есть показателями?

Замѣтимъ здѣсь кстати, что на стр. 220 встрѣчается не оговоренная и нежелательная опечатка, а именно, вмѣсто:

$$p \sqrt{\frac{m}{a}} = a^{\frac{m}{n}} : p, \text{ напечатано: } p \sqrt{\frac{m}{a}} = \frac{m}{n} : p.$$

Стр. 165. Г. Киселевъ, изслѣдуя тотъ случай, когда коэффициентъ при x^2 въ уравненіи $ax^2 + bx + c = 0$ равенъ нулю, выводитъ изъ формулы:

$$x_1 = \frac{-b + \sqrt{b^2 - 4ac}}{2a}, \quad x_2 = \frac{-b - \sqrt{b^2 - 4ac}}{2a},$$

при предположеніи $a = 0$, формулы:

$$x_1 = \frac{-b + \sqrt{b^2}}{0} = \frac{0}{0}, \quad x_2 = \frac{-b - \sqrt{b^2}}{0} = \frac{-2b}{0} = \pm \infty$$

Замѣтимъ автору, что это будетъ справедливо при b положительномъ, и тогда $x_2 = -\infty$; при отрицательномъ же b получаемъ:

$$x_1 = \frac{-b - b}{0} = \frac{-2b}{0} = \pm \infty;$$

смотря по тому закону, по которому a стремится къ нулю,

$$x_2 = \frac{-b + b}{0} = \frac{0}{0}$$

Здѣсь также встрѣчается неговоренная и нежелательная опечатка, а именно, вмѣсто того, чтобы сказать: „положивъ теперь $a = 0$ “, авторъ говоритъ: „положивъ теперь $b = 0$ “.

Стр. 169. Въ теоріи мнимого количества авторъ не поясняетъ, что въ символѣ $(a + bi)$ знакъ $+$ не можетъ быть разсматриваемъ, пока не установлено соглашеніе относительно суммы комплексныхъ выраженій, какъ знакъ сложенія. Вслѣдствіе этого изложеніе статьи о мнимыхъ количествахъ не выдерживаетъ критики.

Стр. 227. Замѣтимъ автору, что, напримѣръ, прогрессія

$$2, -4, 8, -16, \dots$$

представляетъ изъ себя прогрессію возрастающую, а между тѣмъ ея знаменатель менѣ единицы.

Стр. 231. Авторъ формулируетъ теорему о суммѣ членовъ безконечно убывающей геометрической прогрессіи такимъ образомъ: „предѣлъ суммы членовъ и т. д.“. Здѣсь слово „предѣлъ“ лишнее; одно изъ двухъ: или нужно говорить—сумма членовъ, или же говорить—предѣлъ суммы послѣдовательныхъ и членовъ.

Стр. 234. Не достаточно ясно объяснено, почему отрицательныя числа при положительномъ основаніи не имѣютъ логарифмовъ.

Ученикъ можетъ утверждать, что $\log(-2)$, при основаніи 4, равняется половинѣ, ибо это не противорѣчитъ понятію о логарифмѣ.

Замѣтимъ автору, что здѣсь причина лежитъ не въ соглашеніи разсматривать только положительныя значенія степеней, а въ непрерывности функции a^x , и соглашеніе это дѣлается именно для полученія таблицы непрерывныхъ значеній показательной функции.

Совѣтуемъ автору изложить это, но разумѣется въ формѣ элементарной, доступной пониманію.

Стр. 263. Авторъ, говоря, что, дѣлая перестановки въ сочетаніяхъ, мы будемъ получать размѣщенія, не показываетъ однако, что

мы получимъ всё размѣщенія, при чемъ каждое размѣщеніе войдетъ только одинъ разъ.

Всѣ эти замѣчанія показываютъ, что авторъ не долженъ почивать на лаврахъ, а долженъ при послѣдующихъ изданіяхъ совершенствовать свою книгу и нѣсколько уменьшить ея цѣну, ибо трудъ автора, по всей вѣроятности, уже достаточно вознагражденъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРЕПОДАВАНІЕ МЕХАНИКИ И МЕХАНИЧЕСКІЯ КОЛЛЕКЦІИ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ИТАЛІИ, ФРАНЦІИ, ШВЕЙЦАРІИ И ГЕРМАНИИ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

1. Въ концѣ 1893 года я былъ командированъ за границу физико-математическимъ факультетомъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета „для ознакомленія съ преподаваніемъ механики и механическими коллекціями въ Италіи, Франціи и Германіи“.

Для выполненія этой задачи въ теченіе первыхъ семи мѣсяцевъ настоящаго года я посѣтилъ слѣдующія учрежденія:

въ Италіи: университеты и высшія техническія училища въ Римѣ и Неаполѣ;

во Франціи: физико-математическіе факультеты въ Парижѣ и Монпелье, Ecole Supérieure des Sciences въ Алжирѣ, Collège de France, Ecole Polytechnique, Ecole Nationale des Ponts et Chaussées, Ecole Supérieure des Mines, Ecole Centrale des Arts et Manufactures, Conservatoire National des Arts et Métiers—въ Парижѣ;

въ Швейцаріи: политехническое училище въ Цюрихѣ;

въ Германіи: политехническія училища въ Мюнхенѣ и Берлинѣ.

Германскіе университеты не представляли особеннаго интереса, потому что механика въ нихъ преподается обыкновенно только какъ часть курса математической физики.

Имѣя затѣмъ въ виду интересы кабинета практической механики С.-Петербургскаго университета, я осмотрѣлъ *мастерскія* для изготовления механическихъ приборовъ: въ Парижѣ—инженера *M. Digeon*, въ Женевѣ—„*Société Genevoise pour la construction des instruments de Physique et de Mécanique*“, въ Берлинѣ—*Gustav Voigt* ¹⁾.

2. Знакомство съ высшими техническими училищами я началъ въ Италіи, и здѣсь уже бросилась въ глаза малочисленность студентовъ-математиковъ и физиковъ по сравненію со студентами техниками: въ Римѣ, напримѣръ, по официальнымъ свѣдѣніямъ 1893 г. первыхъ всего 36, тогда какъ послѣднихъ 146, а въ Палермо отношеніе еще гораздо больше—5 и 93.

То же самое явленіе наблюдается и во Франціи: число студентовъ на физико-математическихъ факультетахъ такъ незначительно, что правительство занималось изысканіемъ мѣръ къ увеличенію этого числа, а высшія техническія училища не вищаютъ и четвертой части желающихъ въ нихъ поступить.

Въ Германіи, гдѣ такъ много высшихъ техническихъ училищъ, въ сравнительно молодомъ Полятехникумѣ Берлинскомъ теперь уже болѣе двухъ тысячъ студентовъ.

Въ Россіи, какъ извѣстно, происходитъ то же самое.

Такимъ образомъ повсюду существуетъ рѣзко выраженное стремленіе молодежи къ техническому образованію.

3. *Постановка* высшаго технического образованія въ различныхъ странахъ совершенно различна.

Въ *Италіи* высшее техническое училище, кромѣ Миланскаго института, составляетъ часть университета; изъ пяти лѣтъ курса будущей инженеръ слушаетъ въ первые два года исключительно, а въ третій годъ отчасти, лекціи на физико-математическомъ факультетѣ.

Въ *Швейцаріи* и *Германіи* спеціальныя техническія школы извѣстнаго района имѣютъ общую администрацію, общихъ профессоровъ, общіе кабинеты и лабораторіи; однимъ словомъ, соединены въ одно учрежденіе—*политехническое училище*; это училище представляетъ *технической университетъ*, факультеты котораго суть спеціальныя школы.

¹⁾ Попутно я осмотрѣлъ такія интересныя учрежденія, какъ астрономическія обсерваторіи Алжира, Рима, Ниццы и Парижа.

Политехническія училища такъ разрослись, что заключаютъ въ себѣ, какъ часть, физико-математическій факультетъ, а нѣкоторыя и цѣлый университетъ, напримѣръ, Цюрихскій Политехникумъ, седьмое, „общее“, отдѣленіе котораго—это университетъ да еще со включеніемъ военныхъ наукъ.

Свобода преподаванія полная, но въ Цюрихѣ посѣщеніе лекцій, упражненій и репетицій обязательно для студентовъ, въ Германіи же репетицій не существуетъ, а лекціи и упражненія обязательнаго характера не имѣютъ.

Курсъ обыкновенно четырехлѣтній.

Во *Франціи* спеціальныя техническія школы существуютъ отдѣльно, независимо одна отъ другой и отъ университета: „Ecole Nationale des Ponts et Chaussées“, „Ecole Supérieure des Mines“, „Ecole Centrale des Arts et Manufactures“.

Курсъ трехлѣтній.

Время, посвящаемое различнымъ курсамъ, и содержаніе курсовъ точно регламентировано; посѣщеніе лекцій и упражненій для студентовъ обязательно; предписанія школьной дисциплины строго соблюдаются.

Ядро учащихся въ „Ecole des Ponts et Chaussées“. „Ecole Supérieure des Mines“ составляютъ „*élèves ingénieurs*“—лица, окончившія уже „Ecole Polytechnique“,—хотя при этихъ училищахъ существуютъ и подготовительныя отдѣленія съ годовичнымъ курсомъ.

4. „Ecole Polytechnique“ — это военная школа, въ которой для военныхъ наукъ назначено въ десять разъ меньше времени, чѣмъ для дифференціального и интегрального исчисленія и механики; минувшимъ лѣтомъ она праздновала столѣтіе своего славнаго существованія.

За сто лѣтъ школа дала много выдающихся дѣятелей въ области науки и техники, которые составляютъ гордость Франціи.

Причина такого явленія лежитъ, конечно, не въ одной только талантливости учениковъ и учителей, но и въ *общемъ строгъ школы съ ея дисциплиной*; важно то, что школа всецѣло посвящена изученію *математики, механики, астрономіи, физики и химіи*, ибо другіе предметы — военное искусство, архитектура, черченіе, исторія, литература имѣютъ въ ней лишь второстепенное значеніе; важно и то, что кромѣ лекцій, читаемыхъ выдающимися профессорами, существуютъ *упражненія и спрашиванія*, и занимаютъ они столь видное

мѣсто въ курсѣ, что репетиторами являются такіе ученые, какъ *Ms. Poincaré* и *Appell*.

5. Высшія спеціальныя техническія школы въ Россіи, кромѣ Политехникума въ Ригѣ, по своей организаціи стоятъ очень близко къ французскому типу: каждая изъ нихъ представляетъ такъ же вполне самостоятельное отдѣльное учрежденіе, какъ и во Франціи; дѣло учащихся и учащихся имѣетъ тотъ же обязательный характеръ, такъ же регламентировано, какъ и во Франціи; но въ Россіи нѣтъ школъ, которыя бы соответствовали „Ecole Polytechnique“.

6. *Математика, механика, физика и химія* въ извѣстномъ объемѣ, который можетъ быть установленъ, составляютъ *основаніе* всякаго технического образования; приступая къ изученію технической спеціальности, будущій инженеръ долженъ уже *владѣть* этими предметами въ указанномъ объемѣ; а эта цѣль будетъ достигнута вполне только тогда, когда на нѣкоторое время онъ отдастся всецѣло ихъ изученію; нужно, слѣдовательно, такое учрежденіе, которое было бы посвящено преподаванію основныхъ наукъ: математики, механики, физики и химіи.

Такое учрежденіе представитъ *физико-математическая школа* ¹⁾, именно, школа, а не факультетъ, ибо въ курсѣ этого учрежденія столь же важное мѣсто, какъ и лекціи, должны занимать *упражненія и сприниванія* учащихся: этимъ путемъ будетъ достигнуто, что человекъ, прошедшій школу, будетъ *владѣть* пройденными отдѣлами, то-есть, онъ не только ихъ усвоитъ, но съумѣетъ и примѣнить ихъ выводы и приемы въ тѣхъ разнообразныхъ случаяхъ, съ которыми онъ встрѣтится въ своемъ техническомъ образованіи и позже въ своей технической дѣятельности.

Опытъ „Ecole Polytechnique“ показываетъ, что *двухъ лѣтъ* для этого совершенно достаточно.

Въ настоящее время математика, механика, физика и химія въ высшихъ техническихъ училищахъ являются вспомогательными предметами, имѣютъ второстепенное значеніе; вслѣдствіе этого учащіеся не относятся къ изученію ихъ съ тѣмъ рвеніемъ, котораго онѣ заслуживаютъ.

Выдѣленіе этихъ общихъ предметовъ изъ курса спеціального технического училища будетъ полезно, конечно, и для самого училища,

¹⁾ Въ курсѣ школы должно войти также и *черченіе*.

такъ какъ оно освободится тогда отъ посторонняго ему элемента: оставшись съ трехлѣтнимъ курсомъ, оно будетъ спеціальнымъ техническимъ училищемъ въ точномъ смыслѣ этого слова.

При объединеніи общихъ основныхъ предметовъ, читаемыхъ теперь въ каждомъ изъ высшихъ техническихъ училищъ, въ одной школѣ значительная часть преподавательскаго персонала, освободившись отъ чтенія лекцій, явится въ качествѣ репетиторовъ школы, то-есть, будетъ вести то дѣло, которое дѣлають въ „Ecole Polytechnique“ *Ms. Poincaré, Appell* и др.

Физико-математическая школа съ успѣхомъ замѣнитъ первые два курса высшихъ спеціальныхъ техническихъ училищъ.

7. Какъ въ высшихъ техническихъ училищахъ за границей, такъ и въ университетахъ я знакомился главнымъ образомъ съ преподаваніемъ механики и механическими коллекціями, такъ какъ въ этомъ состояла задача, поставленная мнѣ физико-математическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета.

Настоящая статья и представляетъ сжатое изложеніе того, что я видѣлъ и узналъ по интересовавшему меня вопросу при моихъ посѣщеніяхъ указанныхъ въ параграфѣ 1-мъ учреждений.

Каждая глава этой статьи, посвященная одному изъ учреждений, состоитъ, вообще говоря, изъ трехъ главныхъ частей.

Въ первой части излагаются *общія условія*, въ которыя поставлено преподаваніе вообще и преподаваніе механики въ частности; сюда относятся общій строй даннаго учреждения, число и составъ учащихся, время, посвящаемое различнымъ курсамъ, лекціямъ, упражненіямъ, репетиціямъ, экзамены и т. д.

Во второй части я занимаюсь *преподаваніемъ механики*; здѣсь указывается, какіе именно отдѣлы механики преподаются, излагается содержаніе читаемыхъ курсовъ и, главнымъ образомъ, теоретической механики, а затѣмъ содержаніе и методъ упражненій.

Третья часть посвящена *коллекціямъ*, имѣющимъ отношеніе къ преподаванію механики; кромѣ общей характеристики, я даю здѣсь болѣе или менѣе подробный списокъ предметовъ коллекціи.

Въ *результатъ* получается такимъ образомъ въ сжатомъ видѣ довольно полная картина постановки механики въ цѣломъ рядѣ заграничныхъ учреждений.

Я не считаю нужнымъ помѣщать въ статьѣ программы, имѣющихся въ печати; но всѣ эти программы, равно какъ и другія изда-

нія ¹⁾, на которыя я ссылаюсь въ статьѣ, приложены къ моему отчету физико-математическому факультету.

8. Преподаваніе теоретической механики въ основныхъ чертахъ повсюду имѣеть тотъ же характеръ, что и въ Россіи; различіе состоитъ обыкновенно только въ ббльшемъ или меньшемъ развитіи отдѣльныхъ статей, въ томъ мѣстѣ, которое онѣ въ курсѣ занимають.

Въ большинствѣ случаевъ *статики* выдѣляется въ самостоятельный отдѣлъ, а нѣкоторые съ нея и начинаютъ изложеніе теоретической механики.

Въ *кинематикѣ* ббльшую частью излагается статья о механизмахъ.

Въ *динамикѣ* сравнительно очень кратко трактуется движеніе твердаго тѣла.

Упражненія по теоретической механикѣ вездѣ состоятъ въ рѣшеніи задачъ.

Графическая статика занимаетъ видное мѣсто въ техническихъ школахъ Италіи и Германіи, но во Франціи ей придается гораздо меньше значенія.

На значеніе *кинематики механизмовъ* смотрять весьма различно: въ Берлинскомъ Политехникумѣ — это одинъ изъ главныхъ предметовъ, тогда какъ въ Цюрихѣ и Мюнхенѣ находятъ, что ея значеніе преувеличено, что въ практической механикѣ она имѣеть очень мало приложений.

Механическія коллекціи ²⁾, весьма различныя по количеству и качеству предметовъ, вездѣ служатъ только для демонстрацій на лекціяхъ.

Практическія занятія студентовъ состоятъ главнымъ образомъ въ черченіи; затѣмъ дѣлаются экскурсіи технического характера, производятся испытанія матеріаловъ въ соответствующихъ лабораторіяхъ; но я нигдѣ не слышалъ о такихъ работахъ студентовъ въ специальныхъ мастерскихъ, какъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ.

¹⁾ *L. Cremona*, Relazione dell' ufficio centrale sul progetto di legge per l' istruzione superiore del Regno, 1884.

A. Biedler, Amerikanische Technische Lehranstalten, 1893.

Recueil des lois, décrets, ordonnances,..... concernant Conservatoire National des Arts et Métiers, 1889.

Каталоги механическихъ мастерскихъ: *G. Voigt* въ Берлинѣ и *M. Digeon* въ Парижѣ.

Журналъ проф. *Martens* для студенческихъ работъ по испытанію матеріаловъ въ Берлинскомъ Политехникумѣ, и др.

²⁾ Въ статьѣ я указываю и коллекціи геометрическія, такъ какъ многія модели этихъ коллекцій полезны при преподаваніи механики.

ИТАЛІЯ.

Физико-математическіе факультеты университетовъ и высшія техническія училища въ Римѣ и Неаполѣ.

Университеты и высшее техническое образование въ Италіи.

1. Италія имѣетъ *двадцать одинъ университетъ*: семнадцать, принадлежащихъ государству, и четыре частныхъ („*Università liberale*“) въ городахъ: Савегіно, Фергара, Перугія, Урбино.

По количеству студентовъ первое мѣсто занимаетъ Неаполитанскій университетъ, въ которомъ число студентовъ доходитъ до пяти тысячъ; за нимъ слѣдуетъ университетъ Туринскій — около двухъ тысячъ студентовъ, далѣе Римскій — около полутора тысячъ; затѣмъ идутъ университеты Болоньи. Павии и т. д.

Высшихъ техническихъ училищъ въ Италіи семь: „*Instituto tecnico Superiore*“ въ Миланѣ и „*Scuole di applicazione per gl' ingegneri*“ въ Туринѣ, Болонѣ, Падуѣ, Римѣ, Неаполѣ и Палермо.

Въ университетахъ Пизы и Павии проходится курсъ одного перваго года „*Scuola di applicazione*“¹⁾.

Наибольшее число студентовъ въ Туринскомъ училищѣ. „*Bulletino ufficiale del Ministero dell' istruzione pubblica*“ 1893 г. даетъ для высшихъ техническихъ училищъ слѣдующія числа:

въ 1892—1893 учебномъ году въ Туринѣ	322 студента.
„ „ „ „ Миланѣ	241 „
„ „ „ „ Неаполѣ	193 „
„ „ „ „ Болонѣ	153 „
„ „ „ „ Римѣ	131 „

Число студентовъ-техниковъ въ Падуѣ и Палермо въ „*Bulletino*“ не указано.

2. Высшее техническое образование въ Италіи представляетъ ту особенность, что всѣ „*Scuole di applicazione per gl' ingegneri*“ *тѣсно связаны* съ мѣстными университетами, именно съ ихъ физико-математическимъ факультетомъ.

¹⁾ О техническомъ образованіи въ Италіи писалъ А. С. Де-Суреръ въ своемъ сочиненіи: „*L'enseignement technique en Italie*“ (Extrait de la Revue universelle des mines), Liège, 1878.

Будущій инженеръ, по окончаніи курса въ лицей или техническомъ институтѣ ¹⁾, вступаетъ въ университетъ и здѣсь проходитъ курсы первыхъ двухъ лѣтъ на физико-математическомъ факультетѣ: дополнительные статьи изъ алгебры, аналитическую геометрію, начертательную геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленія, физику, химию.

Затѣмъ только онъ становится студентомъ „*Scuola di applicazione*“, но и здѣсь связь съ университетомъ прерывается не сразу.

Курсъ школы *трехлѣтній*.

Школа въ первый годъ и университетъ имѣютъ еще общіе курсы, именно теоретической механики и геодезіи; только курсы двухъ послѣднихъ лѣтъ школы совершенно разобщены съ университетомъ.

Миланскій техническій институтъ представляетъ единственное высшее техническое училище Италіи, вполне самостоятельное ²⁾, съ пятилѣтнимъ курсомъ; по организаціи преподаванія это училище близко къ политехникумамъ Германіи.

Въ административномъ и хозяйственномъ отношеніи связь между технической школой и физико-математическимъ факультетомъ университета далеко не одинакова въ различныхъ городахъ, на примѣръ, въ Римѣ профессора школы въ то же время члены факультета, и вообще эта связь между школой и университетомъ очень тѣсная, тогда какъ въ Неаполѣ она почти не существуетъ.

Экономическія соображенія имѣли, конечно, большое значеніе при установленіи указанной связи между университетскимъ и высшимъ техническимъ образованіемъ, но есть въ Италіи и принципиальные сторонники этой связи: представителемъ такого взгляда является директоръ Римскаго технического училища, проф. *Cremona*.

По его мнѣнію, для того, чтобы техническое преподаваніе стояло на должной высотѣ, нужно, чтобы техническая школа слилась съ университетомъ: физико-математическій факультетъ и техническая школа должны образовать два факультета—философскій и прикладной ³⁾.

¹⁾ Для нашего и среднего технического образованія въ Италіи существуютъ техническія школы съ трехлѣтнимъ курсомъ и техническіе институты съ курсомъ четырехлѣтнимъ.

²⁾ Въ Миланѣ нѣтъ университета.

³⁾ Въ 1884 г. проф. *Cremona* представилъ сенату обширный докладъ о высшемъ образованіи въ Италіи. См. Senato del Regno. Atti Parlamentari. Relazione dell' ufficio centrale sul progetto di legge per l'istruzione superiore del Regno, 1 marzo 1884.

Совершенно противоположнаго взгляда держится проф. *Brioschi*, директоръ Миланскаго института, сторонникъ полной обособленности технической школы.

3. Послѣ первыхъ двухъ лѣтъ университетскаго курса по физико-математическому факультету *большинство* студентовъ переходить въ высшее техническое училище; остаются въ университетѣ только тѣ, которые или готовятся къ преподавательской дѣятельности, или желаютъ получить степень доктора.

Въ „*Bulletino ufficiale del Ministero dell'istruzione pubblica*“, № 20, 1893 г. приведены статистическія свѣдѣнія о студентахъ университетовъ въ 1892—1893 году, откуда можно видѣть, между прочимъ, какая часть студентовъ предназначаетъ себя къ дѣятельности инженера, какъ это показано для нѣкоторыхъ университетовъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Студ., не готовящіеся въ инженеры.		Студ., готовящіеся въ инженеры.
	Математики.	Физики.	
Генуя	15	—	66
Туринъ	17	3	288
Болонья	21	5	74
Римъ	27	9	146
Неаполь	88	21	254
Палермо	5	—	93

4. Курсы въ университетахъ и высшихъ техническихъ училищахъ не имѣютъ программъ, утвержденныхъ правительствомъ; каждый профессоръ составляетъ программу своего курса и затѣмъ, по одобреніи ея факультетомъ или совѣтомъ училища, выполняетъ ее въ своихъ лекціяхъ.

Послѣ каждой лекціи преподаватель записываетъ въ особый журналъ содержаніе лекціи.

Лекціи обыкновенно литографируются.

Репетицій не существуетъ.

Теоретическая механика преподается въ университетахъ и высшихъ техническихъ училищахъ, *прикладная механика* только въ этихъ послѣднихъ.

5. Лично я познакомился съ преподаваніемъ механики и соотвѣтствующими коллекціями въ *Римъ* и *Неаполь*.

Римское высшее техническое училище открыто только въ 1873 г.;

Неаполитанское гораздо старше: оно основано французами въ 1810 г.; это было первое высшее техническое училище въ Италіи; оно было организовано подобно „Ecole des ponts et chaussées“ въ Парижѣ; въ настоящемъ видѣ Неаполитанское училище существуетъ съ 1863 г.

Какъ то, такъ и другое училище приготовляетъ только архитекторовъ („ingegnere architetto“) и гражданскихъ инженеровъ („ingegnere civile“); курсъ перваго года общій для обоихъ отдѣленій.

Программы курсовъ Римскаго и Неаполитанскаго училищъ напечатаны въ изданияхъ:

R. Università Romana. Scuola d'applicazione per gl' ingegneri. Programmi d' insegnamento. Roma. 1890.

Annuario della R. Scuola di applicazione per gl' ingegneri in Napoli, 1890—1891, 1891—1892.

Теоретическая механика.

6. Теоретическая механика преподается въ теченіе одного года студентамъ, которые уже прослушали курсы первыхъ двухъ лѣтъ на физико-математическомъ факультетѣ.

Курсъ излагается на лекціяхъ профессоромъ, упражненія ведутся его ассистентомъ.

Все преподаваніе имѣетъ совершенно отвлеченный характеръ: предметъ трактуется только математически; ни приборовъ, ни моделей при преподаваніи не употребляется.

Искрѣплены только *устные*—въ объемѣ прочитаннаго курса.

Печатныхъ курсовъ теоретической механики на итальянскомъ языкѣ очень мало: въ продажѣ я видѣлъ только курсъ проф. *Battaglini*:

Trattato elementare sulla Meccanica Razionale. Bologna, 1893. 2 vol.; затѣмъ, какъ рѣдкія изданія:

Giuseppe Venturoli. Elementi di Meccanica e d'Idraulica. Bologna, 1809. 3 vol.

Frederico Ot. Mossotti. Meccanica Razionale. 1856.

Domenico Chelini. Elementi di Meccanica Razionale. 1860.

Лучшій изъ этихъ курсовъ—очень сжатый курсъ *Mossotti*, составленный по Лагранжу и Пуассону; проф. *Brioschi* предполагаетъ его переиздать съ добавленіемъ примѣчаній.

7. Въ Римѣ профессоръ теоретической механики—инженеръ *V. Cerruti*, ассистентъ его—докторъ *R. Marcolongo*; курсу посвящаются три полуторачасовыхъ лекціи въ недѣлю и упражненія два часа въ недѣлю.

Привожу здѣсь *содержаніе* курса, который читалъ проф. *Cerru* въ 1891 — 1892 учебномъ году.

Этотъ курсъ олитографированъ и занимаетъ 675 страницъ.

Lezioni di Meccanica Razionale del Prof. Valentino Cerruti.

R. Scuola d'applicazione degl' ingegneri. Roma. anno 1891.

I. Кинематика (стр. 1—192).

СТРАН.

1. Траекторія, скорость и ускореніе точки.

18. Способъ *Роберваля* для проведенія касательныхъ къ кривымъ.

17. Понятіе о твердомъ тѣлѣ.

21. Движеніе плоской фигуры въ ея плоскости.

(Подробное разсмотрѣніе различныхъ кривыхъ, вычерчиваемыхъ въ этомъ движеніи).

64. Движеніе сферической фигуры по ея сферѣ.

87. Безконечно-малыя перемѣщенія твердаго тѣла, имѣющаго неподвижную точку.

97. Движеніе твердаго тѣла въ общемъ случаѣ.

(Безконечно малыя движенія, формула *Frenet*....).

110. Сложеніе и разложеніе движеній.

(Въ статьѣ о сложеніи безконечно-малыхъ вращеній вокругъ непересякающихся осей излагается теорія линейныхъ комплексовъ).

157. Составныя движенія.

167. Ускореніе въ движеніи твердаго тѣла.

186. Относительное движеніе.

II. Статика (стр. 193—361).

193. Основныя понятія: инерція и силы.

200. Сложеніе, разложеніе и равновѣсіе силъ.

(Эта статья изложена довольно кратко, потому что тотъ же предметъ одновременно трактуется въ графической статикѣ)

249. Начало возможныхъ перемѣщеній.

(14 страницъ посвящены доказательству этого начала: „*demonstrazione generale del Principio*“).

277. Приложенія начала возможныхъ перемѣщеній.

291. Равновѣсіе веревочнаго многоугольника.

301—361. Равновѣсіе нити.

301. Уравненія равновѣсія нити.

СТРАН.

307. Первая задача: нахождение силъ, приложенныхъ къ нити по данной формѣ ея равновѣсія.

320. Вторая задача: опредѣленіе формы равновѣсія нити по даннымъ силамъ.

(Случаи, когда линіи дѣйствія силъ пересѣкаютъ неподвижную прямую или встрѣчаются въ неподвижной точкѣ. Частные случаи интегрированія. Случай параллельныхъ силъ. Цѣпная линія. Нить на поверхности. Тяжелая нить на сферѣ и вообще на поверхности вращения. Рѣшеніе задачи въ криволинейныхъ координатахъ).

III. Динамика (стр. 361—675).

361. Свободная точка. Прямолинейное и криволинейное движеніе. Законы живой силы и площадей.

427. Движеніе точки по поверхности.

448. Движеніе точки по кривой.

(Круговой и циклоидальный маятники. Таутохроны и брахистохроны).

468. Относительное движеніе. Маятникъ *Фуко*.

481. Ньютоновское притяженіе.

(Краткое изложеніе теоріи потенциала).

503. Движеніе планеты вокругъ солнца.

516. Движеніе системы точекъ. Начало *д'Аламбера* и его приложенія.

534. Движеніе твердаго тѣла.

(Моменты инерціи. Физическій маятникъ).

566. Законы живой силы и площадей.

587. Вращеніе твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки.

(Подробно разсматривается только вращеніе по инерціи).

601. Колебанія струны.

608. Объ ударѣ тѣлъ.

622—675. *Механика жидкости*.

Измѣняемое тѣло вообще. Равновѣсіе и движеніе жидкости.

Въ настоящемъ учебномъ году проф. *Cerruti* значительно сократилъ статью о равновѣсіи нити для того, чтобы имѣть возможность подробнѣе изложить механику измѣняемаго тѣла вообще и жидкости въ частности.

Упражнения по теоретической механикѣ.

8. Два часа въ недѣлю, посвящаемыя упражненіямъ, слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ.

Упражнения идутъ, по возможности, параллельно съ курсомъ.

Методъ, принятый докторомъ *Marcolongo*, въ общемъ такой же, какъ и тотъ, который практикуется въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Вначалѣ повторяются студентамъ главнѣйшія предложенія и формулы того отдѣла, къ которому упражненія будутъ относиться; затѣмъ даются задачи, студенты рѣшаютъ ихъ у себя въ тетрадяхъ; по прошествіи пѣкотораго времени преподаватель вызываетъ одного изъ студентовъ къ доскѣ, и задачи рѣшаются уже на доскѣ, конечно, при болѣе или менѣе активномъ участіи преподавателя.

Такъ какъ студенты очень заняты, то задачи для рѣшенія дома имъ и не предлагаются.

Какъ *примѣръ* упражненій, я привожу задачи, относящіяся къ различнымъ отдѣламъ курса.

Эти задачи, сообщенныя мнѣ докторомъ *Marcolongo*, составляли предметъ упражненій въ 1894 году.

Кинематика. 3-го января.

Проекціи скорости точки движущагося твердаго тѣла по отношенію къ тремъ осямъ, связаннымъ съ тѣломъ, выражаются по формуламъ:

$$u = u_0 + qz - ry, \quad v = v_0 + rx - pz, \quad w = w_0 + py - qx.$$

1. Опредѣлить точки, скорость которыхъ равна нулю.
2. Какъ упрощаются формулы, когда ось z будетъ осью винтоваго движенія?
3. Показать, что проекціи скоростей точекъ прямой, движущейся вмѣстѣ съ тѣломъ, на самое прямую, имѣютъ постоянную величину.
4. Показать, что направленія скоростей точекъ прямой будутъ при этомъ производящими косога параболоида.

Статика. 7-го марта.

1. Нить находится въ равновѣсіи при дѣйствіи центральной силы; кривая, по которой нить располагается, плоская, и мы имѣемъ:

$$Tr^2 \frac{d\theta}{ds} = a = \text{const.}, \quad T' \frac{x}{r} + \frac{d}{ds} \left(T' \frac{dx}{ds} \right) = 0, \quad T' \frac{y}{r} + \frac{d}{ds} \left(T' \frac{dy}{ds} \right) = 0.$$

Показать, что

$$F' = -a \frac{rr'' - r^2 - 2r'^2}{r^2 \sqrt{r^2 + r'^2}}, \text{ гдѣ } r' = \frac{dr}{d\vartheta}, r'' = \frac{d^2r}{d\vartheta^2}.$$

2. Нить при дѣйствіи центральной силы принимаетъ форму логарифмической спирали съ полюсомъ въ началѣ координатъ; найдти выраженіе силы.

Та же задача, предполагая, что кривая равновѣсія выражается уравненіемъ:

$$r^k \cos k\theta = a^k.$$

Динамика. 11-го апрѣля.

Закопъ живой силы, какъ для точки свободной, такъ и для точки, которая остается на неподвижной кривой или на неподвижной поверхности, выражается уравненіемъ:

$$mv^2 = h + 2 \int (Xdx + Ydy + Zdz).$$

1. Определить движеніе тяжелой точки по параболѣ, ось которой вертикальна.

2. Тотъ же вопросъ, предполагая, что на точку дѣйствуетъ притяженіе къ оси, пропорціональное разстоянію.

3. Точка находится на логарифмической спирали и притягивается къ полюсу силою, пропорціональною разстоянію; определить движеніе.

9. Въ Неаполь профессоръ Теоретической механики—*F. Siacci*, ассистентъ его—инженеръ *Francesco*; для курса и упражненій назначено пять часовъ въ недѣлю.

Профессоръ *Siacci* всего годъ, какъ замѣнилъ покойнаго профессора *Padeletti* ¹⁾; раньше онъ былъ профессоромъ въ Туринѣ.

Лекціи проф. *Siacci* изданы (литогр.) подъ названіемъ:
Lezioni di Meccanica razionale di F. Siacci.

R. Università di Torino. Anno 1893.

Курсъ проф. *Siacci* не содержитъ ни теоріи потенциала, ни механики жидкости; онъ начинается изложеніемъ статики (стр. 4—145); выдѣленіе статики въ самостоятельный отдѣлъ проф. *Siacci* объясняетъ, между прочимъ, важностью ея изученія для архитекторовъ

¹⁾ Программа курса проф. *Padeletti* напечатана въ *Annuario de R. Sc. di appl. in Napoli, 1890—1891, стр. 53—64.*

и инженеровъ, начинать же съ изложенія статки онъ считаетъ полезнымъ въ дидактическомъ отношеніи.

За статкой слѣдуетъ гораздо болѣе краткій, чѣмъ у проф. *Cerruti*, отдѣлъ *кинематики* (стр. 146—202) и, наконецъ, *динамика* (стр. 202—407).

Объемы этихъ отдѣловъ соотвѣтствуютъ программѣ испытаній въ физико-математической комиссіи въ Россіи.

10. Упражненія по теоретической механикѣ ведетъ инженеръ *Francesco*, ученикъ проф. *Cerruti*; онъ рѣшаетъ со студентами задачи изъ литографированнаго сборника проф. *Porta*:

Esercizi di Meccanica razionale del Prof. Francesco Porta,
R. Università di Torino, 1893.

Въ этомъ сборникѣ статика занимаетъ стр. 1—158, изъ которыхъ 63 страницы посвящены задачамъ на опредѣленіе центра тяжести; кинематика—стр. 158—243, динамика—стр. 203—409. Большинство задачъ взято изъ извѣстныхъ сборниковъ *Jullen*, *St. Germain* и др., при этомъ выбраны именно тѣ задачи, которыя рѣшаются наиболѣе просто; рѣшеніе ихъ въ сборникѣ изложено.

Высшая механика.

11. Въ теченіе четвертаго года университетскаго курса читается такъ-называемая *высшая механика*.

Предметъ этого курса зависитъ отъ выбора профессора; обыкновенно излагается *теорія Гамильтона-Якоби*,—такъ она читалась и проф. *Cerruti* въ прошломъ году, и проф. *Siacci*.

Курсъ проф. *Cerruti*, судя по запискамъ доктора *Marcolongo*, нѣсколько отличается отъ курса, читаемаго въ С.-Петербургскомъ университетѣ; онъ содержитъ, между прочимъ, статью объ интегрированіи уравненій съ части. произв. 1-го порядка.

Въ настоящемъ учебномъ году проф. *Cerruti* вначалѣ вкратцѣ изложилъ теорію Гамильтона-Якоби, дальнѣйшій курсъ онъ посвящаетъ изслѣдованію второй вариации и изложенію тѣхъ вопросовъ механики, при рѣшеніи которыхъ мы встрѣчаемся съ второй вариацией.

12. Прикладная механика.

I. Механика въ приложеніи къ машинамъ и черченіе машинъ входитъ въ курсъ втораго года техническаго училища и только на инженерномъ отдѣленіи.

Лекціямъ посвящается 3 часа и *черченію* — отъ 8 до 10 часовъ въ недѣлю.

Въ Римѣ этотъ предметъ преподаетъ теперь проф. *C. Sciotti*, въ Неаполѣ—проф. *E. Cavalli*, который три года тому назадъ занималъ ту же кафедру въ Римѣ.

Программы ихъ курсовъ весьма близки другъ къ другу.

Я видѣлъ литографированный курсъ проф. *Cavalli*, который онъ читалъ въ 1889—1890 году въ Римѣ:

Lezioni di Meccanica applicata alle macchine. E. Cavalli. R. Scuola d'appl. per gli Ingegneri in Roma, 1890 (400 стр.).

Курсъ состоитъ изъ *трехъ* отдѣловъ.

Первый отдѣлъ (стр. 1—92)—*теорія механизмовъ*: кинематическія пары и цѣпи, зубчатые колеса, передача вращенія сочлененіями въ случаѣ параллельныхъ и непараллельныхъ осей, стержневыми системами („*sistemi articolati*“)—эксцентрики, параллелограммы и т. д., передача движенія чрезъ посредство жидкости.

Второй отдѣлъ (стр. 92—190)—*общая теорія машинъ*: примѣненіе принциповъ рациональной механики къ машинамъ въ движеніи, пассивныя сопротивленія, передача силы зубчатыми колесами, сочлененіями и стержневыми системами, измѣреніе работы машины, модераторы и регуляторы.

Третій отдѣлъ (стр. 191—400)—*машины различныхъ родовъ*: „*macchine idrofore, pneufofore e motrici*“.

Тепловыя и гидравлическія машины составляютъ въ Неаполѣ предметъ особаго курса, который преподаетъ въ теченіе третьяго года на инженерномъ отдѣленіи проф. *F. Milone*, имѣя 4 1/2 часа въ недѣлю.

Чертежи, которые я видѣлъ въ Римѣ, представляютъ зубчатые колеса, вообще части машинъ, тогда какъ въ Неаполѣ *чертежи* имѣютъ чисто кинематическій характеръ: вычерчиваются траекторіи различныхъ точекъ твердаго тѣла, движущагося параллельно неподвижной плоскости, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда двѣ точки тѣла движутся по двумъ прямымъ, въ случаѣ высшей кинематической пары, гдѣ криволинейный двусторонникъ движется въ треугольникѣ, и т. п.

II. Механика въ приложеніи къ постройкамъ читается въ теченіе втораго года на обоихъ отдѣленіяхъ технического училища.

Проф. *Geradini* въ Римѣ и проф. *E. Isé* въ Неаполѣ посвящаютъ этому предмету 3 часа въ недѣлю.

Въ курсѣ излагается ученіе о сопротивленіи матеріаловъ, теорія мостовъ, сводовъ и т. д.

III. Графостатика занимаетъ видное мѣсто въ курсѣ технического училища; она преподается въ теченіе *перваго* года: для лекцій назначается 2 часа и для черченія около 8 часовъ въ недѣлю; профессора этой науки: *C. Saviotti* въ Римѣ и *E. Isé* въ Неаполѣ.

Содержаніе курса: графическое вычисленіе; опредѣленіе центра тяжести линий, поверхностей и тѣлъ; сложеніе, разложеніе и равновѣсіе силъ, приложенныхъ къ твердому тѣлу; приложенія къ машинамъ, мостамъ, сводамъ и т. д.; фермы; взаимныя фигуры; діаграммы натяженія, сжатія и изгибающихъ моментовъ; упругія деформаци и гнутіе стержней.

Экзаменъ по графостатикѣ производится не только устный, но и письменный.

IV. Гидравлика. Въ Римѣ *гидравлику и гидравлическія сооруженія* преподаетъ проф. *I. Navagni*; курсъ проходитъ въ теченіе третьяго года при 3 часахъ лекцій и 6 часахъ черченія въ недѣлю.

Программу см.: R. Un. Romana. Programmi. 1890. Стр. 34—39.

Въ Неаполѣ *теоретическая и практическая гидравлика* входитъ въ курсъ втораго года инженернаго отдѣленія; теоретическую гидравлику читаетъ проф. *U. Masoni* 3 часа въ недѣлю, практическую— проф. *S. Tessitore*—2 часа въ недѣлю.

Гидравлическія сооруженія преподаетъ проф. *G. Bruno* въ теченіе третьяго года, имѣя для этого 9 часовъ въ недѣлю.

Программы см.: Annuario, 1890—1891, Napoli, стр. 92—101, 109—116.

Проф. *U. Masoni* издалъ курсъ гидравлики подъ названіемъ: *Corso di Idraulica teoretica e pratica dettato dal Prof. U. Masoni*. Napoli. 1889. Печатный томъ въ 540 стр.

Практическія занятія студентовъ состоятъ главнымъ образомъ въ черченіи; затѣмъ предпринимаются экскурси съ техническою цѣлью не только въ различные города Италіи, но и за границу.

13. Коллекціи, имѣющія отношеніе къ преподаванію механики.

Механическія коллекціи высшихъ техническихъ училищъ въ Римѣ и Неаполѣ *блжны* и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи.

I. Кабинетъ машинъ въ Неаполѣ, по своему содержанію, такой же, какъ и въ Римѣ: тутъ собраны приборы и модели, которые

показываются студентамъ на лекціяхъ по механикѣ въ приложеніи къ машинамъ.

Почти всѣ модели изъ *дерева* и потому представляютъ рядъ недостатковъ, свойственныхъ этому матеріалу.

Въ трехъ небольшихъ двухстворчатыхъ шкапахъ помѣщаются *кинематическія* модели.

1. Колеса съ трениемъ.
2. Зубчатые колеса: цилиндрическія, коническія, гиперболическія и геликоидальныя. Внѣшнее и внутреннее зацѣпленія. Соединенія колесъ. Модели, относящіяся къ начертанію зубцовъ. Колесо и безконечный винтъ. Колесо и зубчатая полоса. Эллиптическія колеса. *Рѣмеры* колеса.
3. Сочлененіе *Кардана*. Сочлененіе *Oldham*. Прямая съ двумя роликами, которые движутся въ крестообразномъ прорѣзѣ. Четырехсторонникъ.
4. Четырехсторонникъ, длину сторонъ котораго можно измѣнять, — металлическая модель отъ *Leiner*, подобная той, которая принадлежитъ кабинету практической механики С.-Петербургскаго университета. Параллелограммъ *Уатта*.
5. Эксцентрики — круглый и другіе, въ которыхъ пластинка съ криволинейнымъ контуромъ движется въ четырехугольной рамѣ: криволинейный треугольникъ, пластинка, ограниченная двумя дугами архимедовой спирали, пластинка, ограниченная восемью дугами круга.
6. Превращеніе непрерывнаго вращательнаго движенія въ движеніе прямолинейное переменнаго направленія посредствомъ круга, плоскость котораго наклонна къ оси вращенія: кругъ поднимаетъ стержень, параллельный оси.
7. Ременная и цѣпная передача.

Кромѣ этихъ моделей, въ кабинетѣ находятся: деревянные турбины, деревянные парораспределители, динамометры, пневматическій тормазъ и нѣкоторыя мелкія части машинъ.

II. Кабинетъ механики въ приложеніи къ постройкамъ не представляетъ ничего интереснаго.

III. Кабинетъ гидравлики я осмотрѣлъ въ Неаполѣ, хотя въ то время въ немъ производился, по указаніямъ проф. *Masoni*, капитальный ремонтъ.

Вода проведена изъ источника, питающаго городской водопроводъ.

Кабинетъ содержитъ каналъ и различные приборы для опредѣленія скорости теченія жидкости, затѣмъ резервуары для полученія струи изъ отверстій разныхъ формъ; для опредѣленія соответствующей формы струи служитъ простой приборъ: на подставкѣ находится кольцо съ иглами, которыя могутъ двигаться вдоль по радиусамъ кольца.

Въ кабинетѣ имѣется также коллекція образцовъ гидравлическихъ матеріаловъ.

IV. Кабинетъ геометріи находится въ римскомъ училищѣ и состоитъ въ вѣдѣніи проф. *Cremona*.

Кромѣ нитяныхъ моделей проф. *Björling* изъ Лунда, кабинетъ содержитъ почти всѣ модели, изготовленныя въ извѣстной мастерской *Brill*'я.

1. Поверхности 2-го порядка изъ картона.
2. Софокусныя поверхности 2-го порядка изъ гипса.
3. Поверхности 2-го порядка съ геодезическими линиями и линиями кривизны.
4. Полная коллекція *Brill*'я поверхностей 3-го порядка.
5. Коллекція, относящаяся къ теоріи функций.
6. Поверхности *Римана* и *Плюккера*.
7. Поверхности вращенія.
8. Поверхности съ постоянной кривизной.
9. Кривыя и ихъ проекціи.
10. Нитяныя модели пересѣкающихся поверхностей.

Кабинетъ геометріи и прекрасная специально физико-математическая *библіотека* представляютъ лучшія коллекціи училища.

ФРАНЦІЯ.

Физико-математическіе факультеты въ Парижѣ и Монпелье.

Ecole Supérieure des Sciences въ Алжирѣ.—Ecole Normale Supérieure.—Collège de France.—Ecole Polytechnique.—Ecole Nationale des Ponts et Chaussées.—Ecole Nationale Supérieure des Mines.—Ecole Centrale des Arts et Manufactures.—Conservatoire National des Arts et Métiers.

Физико-математическіе факультеты въ Парижѣ и Монпелье и высшая физико-математическая школа въ Алжирѣ.

1. Изъ университетовъ Франціи я лично познакомился съ физико-математическими факультетами, „*facultés des sciences*“, въ

Парижъ и *Монпелье* и съ соотвѣтствующею этому факультету высшею школою—„*Ecole supérieure des sciences*“ въ *Алжирѣ*.

Парижскій факультетъ по своимъ преподавательскимъ силамъ, объему программы и количеству слушателей занимаетъ первое мѣсто и оставляетъ далеко за собою другіе факультеты Франціи.

Факультетъ Монпелье, составляющій часть одного изъ древнѣйшихъ университетовъ, представляетъ типъ провинціального французскаго факультета.

Наконецъ, „*Ecole supérieure des sciences*“ въ *Алжирѣ*—это французскій факультетъ въ начальной стадіи его развитія, когда онъ еще не вполне организованъ: школа не можетъ, напримѣръ, производить экзаменовъ „*de licence*“,—ученики школы должны держать эти экзамены въ *Европѣ*, въ одномъ изъ университетовъ Франціи.

Преподаваніе механики.

2. Въ *Парижскомъ факультетѣ* существуютъ двѣ каведры по механикѣ: одна — каведра *раціональной механики*, которую занимаетъ *М. Appell*, другая — каведра *физической и экспериментальной механики*, которую занимаетъ *М. Boussinesq*; кромѣ того, какъ дополнительный курсъ, „ *cours annexes*“, преподается *кинематика*, которую теперь читаетъ *М. Коѣнигс*; существуютъ затѣмъ соотвѣтствующія нашимъ упражненіямъ „ *conférences*“ подъ руководствомъ *М. Пуизеу*.

Въ *Монпелье* читается только *раціональная механика*; профессоръ *М. Dautheville*; онъ же вмѣстѣ съ *М. Stoff* руководитъ *упражненіями*.

Въ *Алжирѣ* механика имѣетъ единственнаго преподавателя въ лицѣ директора школы *М. Thevenet*, который, кромѣ раціональной механики, читаетъ и всю математику.

3. Лекціи во всѣхъ французскихъ факультетахъ *публичныя*.

На лекціяхъ по раціональной механикѣ у *М. Appell* въ Сорбоннѣ я встрѣчалъ 30 — 40 слушателей, тогда какъ у *М. Dautheville* ихъ было всего семеро, а у *М. Thevenet* только трое.

Число слушателей въ Алжирской школѣ весьма незначительно, напримѣръ, въ 1892 — 1893 учебномъ году школа имѣла всего 36 учениковъ.

Вообще въ физико-математическихъ факультетахъ Франціи *число* студентовъ на столько мало, что министерство въ послѣднее

время занималось вопросом о мѣрахъ для увеличенія этого числа; одною изъ такихъ мѣръ было, между прочимъ, распоряженіе (напримѣръ, въ Монпелье), въ силу котораго студенты медицинскаго факультета должны слушать курсы физики, химіи и другихъ общихъ предметовъ въ физико-математическомъ факультетѣ.

Раціональная механика.

А. Объемъ курса *раціональной механики* въ французскихъ факультетахъ опредѣляется въ общихъ чертахъ *программой экзаменовъ „de la licence“*, но такъ какъ содержаніе курса вполне зависитъ отъ читающаго его профессора, то въ различныхъ факультетахъ существуютъ болѣе или менѣе значительныя отступленія отъ этой программы.

Программа экзаменовъ „de la licence“ въ отдѣлѣ механики мало отличается отъ программы испытаній въ физико-математической комиссіи въ Россіи.

Французская программа содержитъ слѣдующія *статьи*, которыя не входятъ въ программу русскую: притяженіе эллипсоидовъ, приложенія статики къ простымъ машинамъ, приложенія кинематики къ машинамъ, каноническія уравненія движенія, гидравлическія колеса, принципы тепловыхъ двигателей.

Начало наименьшаго дѣйствія въ французскую программу не входитъ.

Весь курсъ раціональной механики во всѣхъ факультетахъ читывается въ теченіе *одного* учебнаго года. Обыкновенно этому курсу посвящаются *три* часа въ недѣлю, именно двѣ полуторачасовыя лекціи.

Что касается до *способа изложенія*, то онъ, конечно, зависитъ отъ личности лектора, напримѣръ, *M. Appell* читаетъ медленно, отбѣиваетъ мѣста болѣе важныя или болѣе трудныя, останавливается на ихъ разъясненіи, однимъ словомъ, стремится къ тому, чтобы все прочитанное было совершенно ясно для слушателей и могло быть усвоено уже на самой лекціи.

Содержаніе лекцій *M. Appell* изложено въ болѣе развитомъ видѣ въ издаваемомъ имъ теперь курсѣ механики: „*Traité de Mécanique rationnelle*“.

Б. Въ парижскомъ факультетѣ *кинематика* отдѣлена отъ раціональной механики; *M. Koenigs* читаетъ ее въ продолженіе

двухъ семестровъ, имѣя одну полуторачасовую лекцію въ недѣлю, но обыкновенно онъ заканчиваетъ свои лекціи ранѣе конца учебнаго года.

Курсъ *M. Коëniys* съ значительными дополненіями въ настоящее время печатается у издателя *M. Hermann*.

Б. Упражненія „*conférences*“ бываютъ двухъ родовъ: одни имѣютъ цѣлью приготовленіе къ экзаменамъ „*de la licence*“, другія—приготовленіе къ экзаменамъ „*d'agrégation*“.

Въ программу экзаменовъ „*de la licence ès sciences mathématiques*“ ¹⁾ входятъ: дифф. и инт. исчисления, механика и астрономія.

Экзамены состоятъ изъ письменныхъ, практическихъ и устныхъ испытаній; на письменномъ испытаніи экзаменующійся рѣшаетъ данныя задачи изъ математики и механики ²⁾, имѣя для каждаго отдѣла 4 часа; на практическомъ онъ дѣлаетъ чертежъ по начертательной геометріи или рѣшаетъ задачу на вычисленіе по астрономіи, и только послѣ того, какъ результаты этихъ испытаній будутъ признаны удовлетворительными, экзаменующійся допускается къ устнымъ испытаніямъ, которыя для всѣхъ трехъ отдѣловъ вмѣстѣ должны продолжаться не болѣе полуторыхъ часовъ.

Экзамены „*d'agrégation*“ имѣютъ характеръ конкурса.

Экзамены „*d'agrégation ès sciences mathématiques*“ держатъ лица, удостоенныя уже степени „*licencié ès sc. math.*“ для того, чтобы получить право быть штатными преподавателями математики въ *среднихъ* учебныхъ заведеніяхъ ³⁾.

Въ началѣ каждаго учебнаго года публикуется, къ какимъ именно отдѣламъ математики и механики относятся вопросы и задачи ⁴⁾, которые будутъ предложены въ этомъ году на конкурсѣ „*d'agrégation*“.

¹⁾ Физико-математическіе факультеты даютъ еще „*licence ès sciences physiques*“ и „*licence ès sciences naturelles*“.

²⁾ Въ печати имѣются сборники задачъ, которыя предлагались на экзаменахъ „*de la licence*“: „*Annales de la licence ès sciences (math., phys., nat.)*“, in 12°, 1888—1893, librairie Nony et Co.

³⁾ Прежде существовали еще экзамены „*d'agrégation ès sc. math.*“ на право преподаванія математики въ *высшихъ* учебныхъ заведеніяхъ; такіе экзамены сдавъ, напримѣръ, теперешній президентъ академіи *M. J. Bertrand*.

⁴⁾ Сборники задачъ, которыя предлагались на экзаменахъ „*d'agrégation*“, названы подъ названіемъ „*Annales de l'agrégation des sciences mathem.*“, 1876—1888 въ одномъ томѣ, 1889—1893—каждый годъ отдѣльно. Librairie Nony et Co.

Указанные отдѣлы и разрабатываются на „*conferences d'agrégation*“.

7. „*Conférences de licence*“ по механикѣ состоятъ въ рѣшеніи задачъ, относящихся къ курсу рациональной механики въ объемѣ программы „*de licence*“.

Въ началѣ каждаго упражненія руководитель, „*maître de conférences*“, указываетъ главнѣйшія предложенія того отдѣла, къ которому будутъ относиться задачи; затѣмъ даются самыя задачи; студенты рѣшаютъ ихъ у себя въ тетрадяхъ, а руководитель дѣлаетъ указанія отдѣльнымъ студентамъ или на доскѣ всѣмъ; студенты же на доскѣ задачъ не рѣшаютъ.

Въ Сорбоннѣ упражненія по механикѣ происходятъ два раза въ недѣлю; „*maître de conférences*“ — *M. Puisseux*; при моемъ посѣщеніи, по болѣзни *M. Puisseux*; его замѣнилъ молодой ученый *M. Carton*.

Въ Монпелье „*maître de conférences*“ по механикѣ *M. Stouff*, который читаетъ также курсы астрономіи.

Въ Алжирѣ изъ трехъ часовъ въ недѣлю, назначенныхъ для механики, *M. Thevenet* два часа посвящаетъ лекціямъ и одинъ часъ упражненіямъ.

8. „*Conférences d'agrégation*“ по механикѣ въ 1893 — 1894 учебномъ году имѣли своимъ предметомъ *вращеніе твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки*, при чемъ, кромѣ того, что входитъ въ курсъ „*de licence*“, изучались XVII—XVIII примѣчанія, „*notes*“, *M. Darboux* къ извѣстному сочиненію: „*Traité de Mécanique*“, *Desreynous*; затѣмъ рѣшались задачи, въ которыхъ принимается въ расчетъ треніе.

Физическая и экспериментальная механика.

9. *M. Boussinesq* читаетъ въ Сорбоннѣ двѣ лекціи въ недѣлю; онъ посвящаетъ ихъ *гидродинамикѣ*; курсъ его уже не входитъ въ программу „*de la licence*“.

Въ 1893—1894 учебномъ году въ осеннемъ полугодіи *M. Boussinesq* занимался внутреннимъ треніемъ жидкостей; при этомъ онъ трактовалъ движеніе жидкости въ узкихъ трубкахъ, фильтрацію, диффузію, испареніе, а затѣмъ постепенное ослабленіе жидкихъ и звуковыхъ волнъ; въ весеннемъ полугодіи *M. Boussinesq* читалъ о вихревыхъ и вообще бурныхъ теченіяхъ жидкости, которые бываютъ, напримѣръ, въ каналахъ съ большими сѣченіями.

10. Изъ того, что я видѣлъ и слышалъ, можно заключить, что преподаваніе механики въ факультетахъ Франціи имѣетъ исключительно *математическій* характеръ, — никакихъ пособій въ видѣ приборовъ, моделей не употребляется; профессоръ даетъ только формулы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, въ статьѣ о механизмахъ, схематическіе чертежи.

Въ *Алжирѣ*, въ *Монпелье* и не существуетъ ни моделей, ни приборовъ; въ *Сорбоннѣ*, по словамъ декана физико-математическаго факультета *M. Durbois*, имѣется небольшая механическая коллекція, но ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ лежитъ она въ кладовой, упакованная въ ящики, по случаю перестройки Сорбонны.

Тѣмъ не менѣе почти всѣ, съ кѣмъ приводилось бесѣдовать по этому поводу, находили, что преподаваніе выиграло бы въ ясности при пользованіи моделями и приборами, въ особенности въ кинематикѣ, и, напримѣръ, *M. Picard* говорилъ, что онъ пользовался моделями, когда преподавалъ кинематику въ Сорбоннѣ.

Этотъ *отвлеченный* характеръ преподаванія механики въ французскихъ факультетахъ нѣкоторые ставятъ въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что кафедра физической и экспериментальной механики въ Сорбоннѣ, которую занималъ *Poncelet, Héton de la Gourpilière*, въ послѣднее время совершенно потеряла свой первоначальный характеръ, сдѣлавшись кафедрой гидродинамики.

Высшая нормальная школа.

„*Ecole Normale Supérieure*“ представляетъ интернатъ-семинарію при Сорбоннѣ.

Студенты этой школы слушаютъ лекціи въ Сорбоннѣ; въ самой школѣ профессоровъ нѣтъ, тамъ только „*maitres de conférences*“, они дополняютъ лекціи Сорбонны, спрашиваютъ студентовъ, чтобы убѣдиться, на сколько усвоены пройденныя части курсовъ, задаютъ задачи: одинъ изъ этихъ задачъ рѣшаются немедленно въ присутствіи самого „*maitre de conférences*“, при чемъ одинъ изъ студентовъ вызывается къ доскѣ; другія же даются для внѣклассной разработки съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе было представлено черезъ восемь дней.

Студенты остаются въ „*Ecole Normale Supérieure*“ три года: въ первые два они сдаютъ экзамены „*de la licence*“ по двумъ отдѣленіямъ: „*ès sciences mathématiques*“ и „*ès sciences physiques*“, въ третій годъ—экзамены „*d'agrégation*“.

Въ 1893—1894 учебномъ году механикой занимались въ школахъ человекъ двадцать; „*maître de conférences*“ по механикѣ—*M. Koënigs*.

Collège de France.

Классу „*Аналитической и небесной механики*“ въ „*Collège de France*“ занимаетъ *M. Maurice Levy*; онъ читаетъ *два* лекціи въ недѣлю.

Въ весеннемъ семестрѣ 1894 года эти лекціи были посвящены изложенію теоріи *приливовъ* и *отливовъ*.

Политехническое училище.

1. „*Ecole Polytechnique*“ состоитъ въ вѣдѣніи военнаго министерства.

Это знаменитое училище дѣйствительно *военное* по формѣ и общему строю жизни его учениковъ; но военныя науки и военныя упражненія стоятъ совсѣмъ на второмъ планѣ; чтобы судить о томъ, какъ мало посвящается имъ времени, достаточно замѣтить, что единственная военная наука, которая преподается въ училищѣ: „*Art militaire et fortification*“, занимаетъ всего пятнадцать лекцій, тогда какъ, напримѣръ, для курса дифф. и интегр. исчисленія назначено семьдесятъ три лекціи.

„*Ecole Polytechnique*“ имѣетъ *двухлѣтній* курсъ.

Программы курсовъ, преподаваемыхъ въ училищѣ, напечатаны подъ названіемъ: „*Programmes de l'enseignement intérieur de l'Ecole Polytechnique, arrêtés par le conseil de perfectionnement et approuvés par le ministre de la guerre*“. Эти программы изданы въ 1886 году, но онѣ сохраняютъ свой *обязательный* характеръ и въ настоящее время, такъ какъ, по словамъ *M. Mercadier*, „*directeur des études*“, программы училища могутъ измѣняться только разъ въ десять лѣтъ.

Въ училищѣ существуетъ особая книга, въ которую профессора должны вписывать содержаніе каждой прочитанной лекціи, подобно тому, какъ это дѣлается въ высшихъ техническихъ училищахъ *Италіи*.

Лекціи литографируются и выдаются ученикамъ.

Преподаваніе механики.

2. Курсъ механики, подъ названіемъ: „*Mécanique et machines*“, читается въ теченіе *двухъ* семестровъ: втораго и четвертаго, обыкновенно съ 4-го марта по первыя числа іюня.

Во второмъ семестрѣ полагается 35 лекцій механики, въ четвертомъ—36, такъ что для всего курса механики имѣется 71 полутора-часовая лекція.

Кромѣ лекцій, существуютъ упражненія—„*exercices*“, и спрашиванія—„*interrogations*“,

Лекціи механики читаются двумя профессорами: *M. Résal* и *M. Sarrau*; каждый изъ нихъ читаетъ полный курсъ, то-есть, каждый читаетъ одинъ годъ во второмъ семестрѣ, слѣдующій годъ въ четвертомъ семестрѣ.

Упраженія и спрашиванія ведутся тремя *репетиторами*, въ числѣ которыхъ находится *M. Appell*.

Графическія работы состоятъ въ черченіи различныхъ частей машинъ, цилиндрическихъ и коническихъ зубчатыхъ колесъ.

3. Просматривая записи профессоровъ: *M. Résal* и *M. Sarrau*, я замѣтилъ только незначительныя отклоненія отъ печатной программы: напримѣръ, въ курсахъ излагается вкратцѣ теорія потенциала, которая въ программу не входитъ.

Для того, чтобы дать болѣе полное понятіе о *содержаніи* курсовъ и *распредѣленіи* его по лекціямъ, я привожу здѣсь въ сокращенномъ видѣ записи проф. *Résal* и проф. *Sarrau* въ лѣтніе семестры 1891 и 1892 г.

4. Курсъ проф. Résal въ Ec. Pol.

Первая часть.

4-го Марта 1892—25-го мая 1892 г.

лекцій.

1. Неизмѣняемая система. Понятіе о механикѣ.
2. Способы интегрированія *Simpson* и *Poncelet*.
3. Мгновенный центръ вращенія.
4. Ось вращенія и скольженія. Кривизна.
5. Геодезическія линіи. Катаніе двухъ поверхностей.
- 6, 7, 8. Ускореніе линейное и угловое.
9. Относительное движеніе. Сложное центробѣжное ускореніе.

10. Матеріальная точка. Уравненія движенія.
 11. Движеніе тяжелой точки.
 12. Точка на неподвижной кривой.
 13. Колебанія маятника въ сопротивляющейся средѣ.
 14. Таутохрона. Таутохрона въ сопротивляющейся средѣ при сопротивленіи пропорціональномъ квадрату скорости. Брахистохрона.
 15. Точка на поверхности. Теоремы *Gauss*, *Joachimsthal*.
 16. Движеніе конического маятника.
 17. Геодезическія линіи. Примѣненіе цилиндрическихъ координатъ.
 18. Маятникъ *Foucault*.
- 19, 20. Центръ тяжести.
21. Основанія статики.
 22. Теорія паръ.
 23. Астатическое равновѣсіе.
 24. Вѣсы: *Roberval*, *Quinteur*, *Sanctorius*.
 25. Висячіе мосты. Цѣпныя линіи. Паруса.
 26. Нить въ формѣ параболы. Обертывающія плоскихъ кривыхъ.
27. Преобразованія движенія. Блоки. Ремни. Зубчатыя колеса.
 28. Коническія зубчатыя колеса. Сочлененія *Cardano* и *Clemens*. Винтъ. Храповое колесо и собачка. Воротъ. Шатунъ и кривошипъ. Соединеніе валовъ.
 29. Круговыя эксцентрики. Кулисса. Треугольный эксцентрикъ. Качающійся поршень. Преобразование прямолинейнаго движенія перемѣннаго направленія въ движеніе круговое перемѣннаго направленія. Параллелограммы *Watt* и *Peaucellier*. Кулиссы *Stephenson* и *Gooch*.
 30. Шатунъ *Watt*. Системы зубчатыхъ колесъ. Эллиптическія и логарифмическія зубчатые колеса.
 31. Законы тренія при скольженіи. Наклонная плоскость. Клинь. Цапфа. Пята. Воротъ. Шатунъ и кривошипъ.
 32. Винтъ съ треугольной нарѣзкой. Цилиндрическія и коническія зубчатыя колеса. Случай, когда нѣтъ тренія.
 33. Безконечный винтъ. Ремни. Треніе при катаніи.
 34. Катки для передвиженія грузовъ. Тяга экипажей. Жесткость веревокъ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

4-го марта 1891—3-го іюня 1891 г.

ЛЕКЦІИ.

- 1, 2. Притяженіе.
3. Методъ измѣненія постоянныхъ произвольныхъ.
4. Дифференціальныя уравненія механики.
5. Уравненія *Лагранжа*. Относительное движеніе.
6. Принципъ наименьшаго дѣйствія.
7. Мгновенныя силы.
8. Моменты ииерціи.
9. Вращеніе твердаго тѣла вокругъ оси.
10. Вращеніе твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки. Вращеніе *Poinsot*.
11. Полодіи и Герполодіи.
12. Устойчивость перманентныхъ осей.
13. Свободное твердое тѣло. Волчокъ. Тѣло вращенія на плоскости.
14. Двойной конусъ на наклонной плоскости. Гироскопъ *Foucault*.
- 15, 16. Ударъ. Теорема *Carnot*. Маятникъ *Robins*.
17. Равновѣсіе элементарнаго параллелепипеда и элементарнаго тетраэдра. Упругость.
18. Расширенія и сдвиги.
19. Растяженіе и крученіе призмъ.
20. Гнутіе призмъ.
21. Расширенія и сдвиги въ цилиндрическихъ и сферическихъ координатахъ.
22. Дифференціальныя уравненія для упругихъ пластинокъ.
23. Круглыя и прямоугольныя пластинки.
24. Гидростатика.
25. Плавающія тѣла.
26. Дифференціальныя уравненія гидродинамики.
27. Потенціалъ скоростей. Вихри. Термодинамика. Удѣльная теплота.
28. Цикль *Carnot*. Энтропія.
29. Удѣльная теплота газа. Шаръ.
30. Паровая машина съ термодинамической точки зрѣнія.
31. Машины въ движеніи. Двигатели. Маховики. Нажимъ *Prony*.

32. Принципъ подобія.
33. Регуляторы: *Watt*, американскій, изохронный *Farcot*. Принципъ *Borda*.
34. Истолкованіе и повѣрка принципа *Borda*. Аjustage. Коэффициентъ сжатія. Истеченія.
35. Вода, какъ двигатель.

Б. Курсъ проф. Saggau въ Ec. Pol.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

4-го марта 1891—29-го мая 1891 г.

лекции.

- 1, 2. Теорія векторовъ и моментовъ.
3. Кинематическая геометрія. Перемѣщеніе. Сложеніе вращеній.
4. Элементарное перемѣщеніе твердаго тѣла.
5. Скорость и ускореніе въ криволинейномъ движеніи.
6. Движеніе: $x = a \cdot \cos(\omega t + \alpha)$, $y = b \cdot \cos(\omega t + \beta)$, $z = c \cdot \cos(\omega t + \gamma)$
Сложеніе движеній.
- 7, 8. Движеніе точки въ полярныхъ координатахъ.
Движеніе твердаго тѣла.
9. Относительное движеніе.
10. Динамика. Силы.
11. Потенціалъ силъ.
12. Масса. Единицы. Уравненія движенія точки.
13. Законъ площадей. Живая сила. Равновѣсіе.
14. Прямолинейное движеніе.
15. Движеніе снаряда въ пустотѣ.
16. Теорія постоянныхъ силъ.
17. Центральныя силы. Случай Ньютоновскаго закона. Равновѣсіе точки на поверхности.
18. Равновѣсіе точки на неподвижной кривой. Движеніе точки на поверхности.
19. Круговой маятникъ.
20. Относительное равновѣсіе и относительное движеніе точки.
21. Равновѣсіе и движеніе точки на поверхности земли.
22. Маятникъ *Foucault*. Центръ тяжести.
23. Равновѣсіе свободнаго твердаго тѣла. Центръ параллельныхъ силъ.

24. Пары силъ.
25. Измѣняемая система, состоящая изъ нѣсколькихъ неизмѣняемыхъ системъ.
26. Равновѣсіе гибкой нити. Случай потенциала. Равновѣсіе какихъ либо системъ.
27. Travail virtuel. Методъ множителей.
28. Трѣніе. Равновѣсіе точки на плоскости.
29. Тяготѣніе. Законы *Кенлера*.
30. Теорія потенциала.
31. Уравненія *Лапласа* и *Пуассона*.
32. Прикладная кинематика. Зубчатые колеса и ихъ начертаніе. Элементарное скольженіе. Цѣвочные колеса. Кремальеры.
33. Внѣшнее и внутреннее зацѣпленія. Сцѣпленія между параллельными и непараллельными осями. Безконечный винтъ. Системы зубчатыхъ колесъ — обыкновенныя и эпициклоидальныя. Формула *Виллиса*.
34. Парадоксъ *Fergussou*. Ремни. Универсальный шарниръ. Преобразование круговаго движенія постояннаго направленія въ движеніе прямолинейное перемѣннаго направленія.
35. Экцентрики. Шатуны. Кривошипъ. Преобразование круговаго движенія перемѣннаго направленія въ движеніе прямолинейное перемѣннаго направленія. Параллелограммы *Watt* и *Peaucellier*.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

4-го марта 1892—1-го іюня 1892 г.

ЛЕКЦІИ.

1. Система силъ. Равновѣсіе твердаго тѣла.
2. Общія уравненія движенія системы. Теоремы: количество движенія, центра тяжести, площадей.
3. Сохраненіе площадей. Теорема живой силы.
4. Принципъ *Д'Аламбера*.
5. Уравненія *Лагранжа* и *Гамильтона*.
6. Уравненія движенія въ случаѣ потенциала. Двѣ точки на прямой. Точка на измѣняющейся кривой.
7. Движеніе точки на измѣняющейся или движущейся поверхности.
8. Теорія малыхъ движеній.

9. Ударъ. Моменты инерціи.
10. Вращеніе тѣла вокругъ оси.
11. Давленіе тѣла на опоры.
12. Дѣйствіе удара на твердое тѣло, имѣющее ось вращенія.
Баллистическій маятникъ.
13. Вращеніе тѣла вокругъ неподвижной точки.
14. Случай, когда равнодѣйствующая сила проходитъ черезъ неподвижную точку. Аналитическое и геометрическое разсмотрѣніе.
15. Полодіи и герполодіи.
16. Движеніе тѣла вращенія вокругъ одной изъ точекъ оси фигуры при дѣйствіи силы тяжести. Гироскопъ *Foucault*.
17. Движеніе свободного твердаго тѣла.
Равновѣсіе элементарнаго параллелепипеда и элементарнаго тетраедра.
18. Эллипсоидъ упругости.
19. Расширенія.
20. Уравненія внутренняго равновѣсія и внутренняго движенія упругаго тѣла.
21. Натяженія въ упругомъ цилиндрическомъ слѣѣ.
22. Внутреннія движенія въ изотропныхъ тѣлахъ. Продольныя и поперечныя колебанія.
23. Движеніе твердыхъ тѣлъ въ ихъ естественномъ состояніи.
Ударъ. Теорема *Карно*.
24. Катаніе и скольженіе твердыхъ тѣлъ.
25. Гидростатика.
26. Уравненія для плавающихъ тѣлъ.
27. Уравненія движенія жидкостей.
28. Установившееся движеніе жидкости. Теорема *Бернулли*.
29. Термодинамика.
30. Цикль *Карно*.
31. Опредѣленіе внутренней теплоты и энтропіи.
32. Формулы *Navier* и *Zeuner*.
33. Дополнительные свѣдѣнія относительно двухъ принциповъ термодинамики.
34. Вычисленіе натяженій связей въ машинѣ. Маховыя колеса.
Кривошипъ.
35. Два кривошипа двойнаго дѣйствія. Регуляторъ *Уатта*.

36. Регуляторы: изохронный, параболическій, „bras croisés“, *Fascot*. Тормазы. Принципъ однородности въ механикѣ.

6. Механическая коллекція.

Въ „*Ecole Polytechnique*“ существуетъ коллекція моделей и приборовъ по механикѣ, въ которой помѣщены также геометрическія и архитектурныя модели.

Консерваторъ коллекціи *M. Rozé* въ то же время репетиторъ по астрономіи.

По словамъ *M. Rozé*, эта коллекція составлена въ послѣдніи двадцать лѣтъ; тратится на нее около 6.000 фр. въ годъ.

Нѣкоторыя модели и приборы демонстрируются на лекціяхъ, но, вообще говоря, механическая коллекція не пользуется особеннымъ вниманіемъ со стороны преподавательскаго персонала, не смотря на то, что механизмамъ въ курсѣ отведено значительное мѣсто.

Коллекція занимаетъ два большихъ зала и четыре маленькихъ.

Въ одномъ изъ залъ помѣщенъ *демпатель* и *пять станковъ* для работъ съ металломъ. Эти работы не имѣютъ обязательнаго характера, но есть ученики, очень немногіе, которые ими занимаются.

Модели, относящіяся къ кинематикѣ и динамикѣ, — металлическія, за немногими исключеніями.

1. Двѣ модели соединенія валовъ: одна съ косыми зубцами, другая съ конусами.
2. *Зубчаття колеса*: цилиндрическія съ внутреннимъ и внѣшнимъ сцѣпленіемъ, коническія, гиперболическія, геликоидальныя, цѣвочныя; цилиндрическія колеса „à chevron“, въ которыхъ каждый зубецъ изломанъ по срединѣ подъ нѣкоторымъ тупымъ угломъ; дифференціальныя колеса; эллиптическія колеса, колеса логарифмическія (деревянная модель); деревянная модель, относящаяся къ начертанію зубцовъ.
3. Двѣ модели: зубчатое колесо и безконечный винтъ.
4. Двѣ модели для преобразованія вращательнаго движенія перемежнаго направленія въ непрерывное вращательное движеніе, напримѣръ, первое движеніе имѣетъ винтъ съ двойной нарѣзкой, а второе — ось двухъ зубчатокъ, соотвѣтствующимъ образомъ соединенныхъ съ винтомъ.
5. Универсальное сочлененіе и сочлененіе *Clemens*.

6. Направляющіе механизмы: *Watt*, *Hart*, *Линкина—Peaucellier*, *Чебышева*.
7. Эксцентрики: круговой, треугольный, съ пластинкой, ограниченной 8 дугами, которая даетъ 4 остановки.
8. Три модели ременной передачи.
9. Модель цѣпной передачи.
10. Четыре модели регуляторовъ: *Watt*, *Farcot* и др.; парораспредѣлитель, кулисы *Stephenson* и *Gooch*.
11. Модели паровыхъ машинъ, между прочимъ, машины Уатта.
12. Коллекція приборовъ для предупрежденія различныхъ случайностей при работѣ машинъ.
13. Модели турбинъ и насосовъ, между прочимъ, ротативная машина, такая же, какъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.
14. Гидравлическій прессъ; *bielle hydraulique*.
15. Три модели динамометровъ и нажимъ *Прони*.
16. Планиметръ.
17. Планиграфъ *Darboux*.
18. Двѣ модели ходящихъ машинъ „*éléphant*“, предназначенныхъ, между прочимъ, для перевозки тяжестей по грунтовымъ дорогамъ.
19. Различныя части машинъ для черченія.
20. Приборъ, вычерчивающій траекторію относительнаго движенія точки, движущейся прямолинейно, по отношенію къ вращающемуся кругу въ случаѣ пропорциональности между скоростями.
21. Приборъ: движеніе тяжелой точки по кривой, состоящей изъ двухъ дугъ круга, въ вертикальной плоскости.
22. Приборъ: каченіе вверхъ по наклонной плоскости цилиндра, простаго и двойнаго конуса.
23. Столъ съ изогнутой доской для вычерчиванія траекторіи сферическаго маятника.
24. Гѣрполодографъ *Darboux et Koënis* съ плоскимъ конусомъ, прикрѣпленнымъ къ нижней сферической зубчаткѣ, края конуса гладкіе—безъ винтовъ, приборъ построенъ въ мастерской *Château père et fils*.
25. Коллекція гироскоповъ, заключающая въ себѣ, кромѣ общеизвѣстныхъ приборовъ этого рода, гироскопъ съ спиральными пружинами, конструированный *M. Rosé*.

26. Приборъ для демонстраціи теоремы относительно момента количества движенія: скорость конца линіи, изображающей главный моментъ количества движенія, равна и параллельна главному моменту силъ; приборъ представляетъ волчокъ, ось котораго опирается въ коническое углубленіе; сила—натяженіе нити, прикрѣпляемой къ верхнему концу оси.
27. Гипсовые модели, относящіяся къ теоріи упругости,—изъ числа тѣхъ, которыя имѣются въ кабинетѣ практической механики С.-Петербургскаго университета.
28. Гипсовая модель струн, вытекающей изъ четырехугольнаго отверстія.

Ecole Nationale des Ponts et Chaussées.

1. Школа находится въ вѣдѣніи министерства общественныхъ работъ.

Курсъ школы *трехлѣтній*; при ней существуетъ *приготовительное отдѣленіе*, курсъ котораго проходитъ въ *одинъ* годъ.

Слушатели раздѣляются на три группы: *ученики-инженеры*— „*élèves-ingénieurs*“, тѣ, которые уже окончили курсъ „*Ecole Polytechnique*“; *ученики-экстерны*— „*élèves-externes*“, которые могутъ быть какъ французы, такъ и иностранцы, выдержавшіе вступительный экзаменъ; наконецъ, *вольнослушатели*— „*auditeurs libres*“, допущенные къ слушанію лекцій съ разрѣшенія директора школы.

Ученики приготовительнаго отдѣленія, по выдержаніи вступительнаго экзамена, переходятъ въ число учениковъ-экстерновъ.

Въ 1893—1894 учебномъ году въ школѣ было около 80 учениковъ, изъ которыхъ 32 ученика-инженера.

Преподаваніе въ школѣ и приготовительномъ отдѣленіи *безплатное*.

Посѣщеніе лекцій и участіе въ практическихъ занятіяхъ *обязательны* для учениковъ, и администрація школы внимательно слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ учениками правилъ устава.

Практическія занятія составляютъ: графическія работы, посѣщеніе мастерскихъ, испытаніе матеріаловъ.

Въ концѣ января бываетъ *частный экзаменъ* и въ концѣ учебнаго года—*общій* по каждому предмету.

2. *Механика* преподается въ приготовительномъ отдѣленіи ¹⁾ и первые два года въ школѣ.

Въ приготовительномъ отдѣленіи механику, именно кинематику, статику и динамику, читаетъ *М. Haag* при *двухъ* лекціяхъ въ недѣлю.

Программа курса короче программы „de la licence“, такъ какъ не содержитъ притяженія эллипсоидовъ, гидростатики и гидродинамики; изъ *приложеній* разсматриваются въ кинематикѣ механизмы для преобразования движенія, въ статикѣ—простыя машины, въ динамикѣ— работа силъ въ машинахъ и сопротивленія.

Курсъ *М. Haag* находится въ настоящее время въ печати.

Для учениковъ приготовительнаго отдѣленія существуютъ и *репетиціи* по механикѣ.

Въ школѣ читается *прикладная механика*, именно ученіе о сопротивленіи матеріаловъ и гидравлика, — профессоръ, *М. Colignon*, имѣетъ двѣ лекціи въ недѣлю; затѣмъ—*курсъ паровыхъ машинъ*, который читаетъ *М. Hirsch*.

3. Пособіемъ при преподаваніи механики являются *чертежи; модели и приборовъ*, относящихся къ кинематикѣ, статикѣ и динамикѣ, въ школѣ не существуетъ.

Имѣющагося „галлерей моделей“ представляетъ коллекцію моделей мостовъ и гидротехническихъ сооружений.

Для курса профессора *М. Hirsch* есть двѣ паровыя машины, изъ которыхъ одна разборная; затѣмъ кулисса *Стефенсона* и пѣкоторыя части паровой машины.

Лабораторія для испытанія матеріаловъ, въ которой производится, между прочимъ, рядъ опытовъ для учениковъ „Ecole des ponts et chaussées“, помѣщается далеко отъ школы—въ Трокадеро.

„*Дено машинъ*“ въ школѣ содержитъ только такіе приборы, надобность въ которыхъ встрѣчаютъ инженеры путей сообщенія въ ихъ практикѣ.

Ecole Nationale Supérieure des Mines.

1. *Организація* школы та же самая, что и въ „Ecole des ponts et chaussées“; она также находится въ вѣдѣніи министерства общественныхъ работъ.

¹⁾ Въ приготовительномъ отдѣленіи преподаются: дифф. и инт. исчисленія, механика, физика, химія, начертательная геометрія, элементарный курсъ архитектуры, черченіе.

Школа имѣетъ *трехлѣтній* курсъ; состоящее при ней *приготовительное отдѣленіе*—*юридичный* курсъ.

Слушатели раздѣляются на три группы: ученики-инженеры, ученики-экстерны, вольнослушатели.

Въ 1893—1894 учебномъ году въ школѣ было 180 учениковъ. Преподаваніе *бесплатное*.

2. *Механика* читается въ *приготовительномъ отдѣленіи* ¹⁾ и послѣдніе два года въ школѣ.

Въ *приготовительномъ отдѣленіи* механику, именно кинематику, статику, динамику точки и системы съ ихъ приложениями къ механизмамъ читаетъ *М. Moutard* при *трехъ* лекціяхъ въ недѣлю.

Подробная *программа* этого курса напечатана въ „*Programme des conditions et des connaissances exigées pour l'admission aux places d'élèves externes. Ecole Supérieure des Mines*“ (стр. 9—15).

Въ школѣ въ теченіе втораго года читаютъ: *М. Résal*—ученіе о сопротивленіи матеріаловъ, при *двухъ* лекціяхъ въ недѣлю, и *М. Sauvage*—курсъ машинъ. также при *двухъ* недѣльныхъ лекціяхъ.

Въ теченіе третьяго года *М. Sauvage* читаетъ гидравлику и построеніе машинъ, при *двухъ* лекціяхъ въ недѣлю.

3. Никакихъ *моделей* и *приборовъ* для курсовъ *М. Moutard* и *М. Résal* въ школѣ не существуетъ; только для курса *М. Sauvage* имѣется нѣсколько гидравлическихъ колесъ, вентиляторъ, паровая машина, парораспределитель и регуляторъ.

Практическія занятія учениковъ по механикѣ состоятъ въ графическихъ работахъ и посѣщеніи мастерскихъ.

Ecole Centrale des Arts et Manufactures.

1. *Школа* находится въ вѣдѣніи министерства торговли и промышленности; имѣетъ *трехлѣтній* курсъ; въ 1893—1894 учебномъ году въ ней было около 700 учениковъ.

Профессора въ своихъ лекціяхъ обязаны строго слѣдовать установленнымъ программамъ; эти программы напечатаны подъ названіемъ: „*Ecole Centrale des arts et manufactures. Programme des cours*“, изданіе 1888 года.

¹⁾ Въ *приготовительномъ отдѣленіи* преподаются: дифференціальное и интегральное исчисленія, механика, физика (термодинамика, оптика, электричество), химія, черченіе.

Репетиторы нѣсколько разъ въ теченіе учебнаго года экзаменуютъ учениковъ изъ пройденныхъ частей курса; отвѣты оцѣниваются баллами, которые принимаются во вниманіе при окончаніи ученикомъ курса школы.

Въ концѣ учебнаго года каждый профессоръ производитъ *экзамень* по своему предмету.

2. *Механика* преподается въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ, именно: *кинематика и общая механика* въ первый годъ, *прикладная механика*—во второй и въ третій; затѣмъ *построеніе машинъ* читается три года, „*résistance appliquée*“ и *паровыя машины*—второй годъ.

Подробныя *программы* этихъ курсовъ помѣщены въ „*Programme des cours*“, а потому я ограничусь только нѣкоторыми замѣчаніями.

3. Кинематику и общую механику читаетъ *M. Picard* при 52 лекціяхъ въ годъ.

Въ *кинематикѣ* (*Progr.*, стр. 4—8), кромѣ статей о скорости и ускореніи, читается довольно обширная статья о механизмахъ; здѣсь же дается теорія моментовъ линій.

Въ *общей механикѣ* (*Progr.*, стр. 8—15) излагается равновѣсіе и движеніе точки, равновѣсіе системъ вообще и твердаго тѣла въ частности; здѣсь же мы находимъ краткое изложеніе *графической статики*; затѣмъ слѣдуютъ основныя теоремы динамики системы и приложеніе одной изъ нихъ—теоремы живыхъ силъ, къ машинамъ; далѣе статья объ ударѣ и треніи и, наконецъ, слишкомъ короткая статья о движеніи системъ.

Графическая статика не играетъ важной роли въ курсѣ школы: школа, по словамъ ея вице-директора *M. Hegelbacher*, стремится научить своихъ учениковъ возможно лучше *вычислять*.

4. *Прикладную механику* во второй годъ читаетъ *M. Maurice Levy*, при 60 лекціяхъ въ годъ (*Progr.*, стр. 73—78).

Здѣсь излагаются: ученіе о сопротивленіи матеріаловъ и приложенія его къ балкамъ, аркамъ, сводамъ и т. д., а затѣмъ приложенія принциповъ динамики къ машинамъ, маховики, регуляторы, относительное движеніе.

Чисто *практическія* приложенія ученія о сопротивленіи матеріаловъ къ вычисленію размѣровъ частей машинъ и построекъ составляютъ предметъ отдѣльнаго курса „*Résistance appliquée*“, который читаетъ *M. Bertrand de Fontviolant* при 25 лекціяхъ въ теченіе второго года (*Progr.*, стр. 79—82).

Въ курсѣ *M. Maurice Levy* мы встрѣчаемъ повтореніе того, что читалось уже въ первый годъ,—таковы: различныя предложенія изъ статики и динамики системы, статика графическая и относительное движеніе.

Относительное движеніе трактуется еще разъ, въ третій годъ, въ курсѣ прикладной механики, который читаетъ *M. de Comberousse* при 45 лекціяхъ въ годъ (*Progr.*, стр. 141—152).

Главный предметъ этого курса: *механика жидкостей и гидравлическія машины*, затѣмъ основанія механической теоріи тепла и предложенія ея къ газамъ.

Подробныя программы курсовъ „*Построеніе машинъ*“ помѣщены въ „*Programme des cours*“, на страницахъ: 54—60, 83—95, 153—161, и „*Паровыя машины*“, стр. 107—119.

Б. Механика по обширности своей программы занимаетъ очень важное мѣсто въ курсѣ школы, имѣеть по преимуществу прикладной характеръ, и въ то же время *механическая коллекція* школы поражаетъ своей бѣдностью.

Нѣсколько массивныхъ, грубо сдѣланныхъ зубчатыхъ колесъ, турбина, мельница, паровая машина, два прибора для измѣренія сопротивленія давленію и растяженію съ ртутными показателями — вотъ все, что я видѣлъ изъ предметовъ механическаго отдѣла при посѣщеніи школы.

Сосѣдство „*Conservatoire des arts et métiers*“ не объясняетъ этого обстоятельства, ибо коллекціями консерваторіи въ школѣ не пользуются; пособіемъ при преподаваніи служатъ только *чертежи*.

В. Кромѣ „*Ecole Centrale des arts et manufactures*“, во Франціи существуютъ „*Ecoles Nationales d'Arts et Métiers*“, техническія школы, которыя должны быть отнесены къ типу среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ въ ихъ курсѣ не входятъ дифференціальное и интегральное исчисленія; онѣ находятся въ городахъ: *Aix, Angers, Chalons sur Marne*.

Постановка *механики* въ этихъ техническихъ школахъ заслуживаетъ вниманія: здѣсь проходятся *всѣ отдѣлы* механики, которые читаются въ „*Ecole Centrale*“, кромѣ „*Построенія машинъ*“.

Программы курсовъ напечатаны въ изданіи: „*Programmes des cours des Ecoles nationales d'arts et métiers*“, 1893.

На страницахъ 14—28 этого изданія мы имѣемъ подробную программу курса механики: „*Mécanique et machines*“, изъ которой мы

видимъ, между прочимъ, что при изложеніи „прикладной кинематики“, то-есть, кинематики механизмовъ, принята и проведена во всей полнотѣ система *R. Willis*.

Conservatoire National des Arts et Métiers.

1. *Консерваторія искусствъ и ремеслъ* представляетъ богатый промышленный музей, въ которомъ читаются публичныя лекціи по наукамъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ промышленности.

Прежде чѣмъ заняться механическимъ отдѣломъ консерваторіи въ ея современномъ состояніи, я очерчу вкратцѣ *последовательное развитіе* этого замѣчательнаго учрежденія.

Источникомъ для очерка служить изданный въ 1889 году сборникъ: „*Recueil des lois, décrets, ordonnances, arrêtés, décisions et rapports relatifs à l'origine, à l'institution, à l'organisation et à la direction du Conservatoire national des arts et métiers*“.

2. *Идея* учрежденія, представляющаго собраніе машинъ и инструментовъ, имѣющихъ примѣненіе въ различныхъ отрасляхъ промышленности,—учрежденія, въ которомъ производились бы опыты, и профессора давали бы объясненія всѣмъ интересующимся,—принадлежитъ *Декарту*¹⁾.

Первый шагъ къ практическому осуществленію этой идеи сдѣлалъ извѣстный изобрѣтатель *Vaucanson*: ядро современной консерваторіи—коллекція *Vaucanson'a*, въ которой механизмовъ болѣе важныхъ насчитывалось до 60; большая часть изъ нихъ относятся къ обработкѣ шелка, и первое мѣсто занимаютъ станки для сученія шелка, „*soie à soie*“, самого *Vaucanson'a*.

Изъ рапорта контролера финансовъ *Joly de Fleury* королю *Людовику XVI*, 2-го августа 1783 г., мы видимъ, что коллекція *Vaucanson'a*, въ силу его завѣщанія принятая королею, преобразуется въ музей машинъ и моделей, *открытій для публики*²⁾.

„*Conservatoire des arts et métiers*“ учреждена закономъ Конвента 10-го октября 1794 года, какъ „собраніе машинъ, моделей, инструментовъ, чертежей и книгъ, относящихся ко всѣмъ родамъ искусствъ и ремеслъ“ (art. 1).

¹⁾ *Recueil*. Note 1), p. 4.

²⁾ *Recueil*, pp. 3—5.

Тотъ же законъ предписываетъ консерваторіи „объяснять устройство и употребленіе инструментовъ и машинъ, полезныхъ въ искусствахъ и ремеслахъ“ (art. 2).

1-го августа 1796 года утвержденъ *уставъ* консерваторіи ¹⁾.

Подтверждая ту цѣль, которая указана закономъ 10-го октября 1794 года, *уставъ* опредѣляетъ администрацію консерваторіи, учреждаетъ при ней *чертежное бюро* и *мастерскую*, которая, кромѣ завѣдывающаго и его помощника, имѣетъ до 15 рабочихъ ²⁾ и, между прочимъ, ставитъ консерваторіи въ обязанность ежедневно *пускать съ ходъ* машины и станки (art. 3, titre II).

Съ 10-го октября 1794 года до середины 1799 года коллекціи машинъ и инструментовъ помѣщались въ трехъ мѣстахъ: въ Hôtel de Montagne, гдѣ раньше жилъ Vaucanson, — „Cabinet des machines de Vaucanson“, въ Hôtel d'Aiguillon — „Dépôt national de physique et des machines“, и въ Луврѣ.

Члены консерваторіи занимались только разыскиваніемъ машинъ и инструментовъ и установкой ихъ въ указанныхъ помѣщеніяхъ; неудобство этихъ помѣщеній было причиной того, что *уставъ* не исполнялся въ самыхъ существенныхъ пунктахъ.

10-го іюня 1798 года послѣ обширнаго доклада *Grégoire* ³⁾ о значеніи консерваторіи и ея нуждахъ „Совѣтъ Пятисотъ“ издалъ законъ, въ силу котораго для помѣщенія консерваторіи отведена большая часть прежняго аббатства „de Saint-Martin des Champs“, гдѣ она находится и въ настоящее время.

Важнѣйшимъ фактомъ въ развитіи консерваторіи является затѣмъ введеніе въ ней *публичнаго и бесплатнаго преподаванія*. Людовикъ XVIII указомъ 25-го ноября 1819 года ⁴⁾ учреждаетъ преподаваніе трехъ курсовъ—*механики, химіи, политической экономіи*—въ *приложеніи* ихъ къ промышленности ⁵⁾.

¹⁾ *Recueil*, pp. 16—27.

²⁾ Въ 1889 году консерваторія не имѣла чертежной, а въ мастерской работало всего трое.

³⁾ *Recueil*, pp. 28—40.

⁴⁾ *Recueil*, pp. 50—54.

⁵⁾ Преподаваніе велось и раньше въ консерваторіи въ тѣхъ специальныхъ техническихъ школахъ, которыя были при ней устроены: „Ecole gratuite de filature“, которая существовала съ 1804 по 1814 годъ, и „Ecole gratuite de dessin appliqué aux arts“, болѣе извѣстная подъ именемъ „Petite Ecole“, учрежденная въ 1806 году и закрытая въ 1874 году.

Первымъ профессоромъ механики въ консерваторіи былъ *Charles Dupin*.

Указомъ 6-го мая 1829 года ¹⁾ введенъ четвертый курсъ—курсъ *экспериментальной физики*, профессоромъ которой назначенъ *Pouillet*.

Въ 1839 году консерваторія имѣеть уже *десять* кафедръ, въ 1868—*четырнадцать*.

Въ 1892—1893, а также въ 1893—1894 г. въ консерваторіи читается *семнадцать* курсовъ; за послѣдніа тридцать лѣтъ прибавилось, такимъ образомъ, три курса: электричество въ примѣненіи къ промышленности, металлургія и обработка металловъ, торговое право и социальная экономія.

Согласно уставу 1-го сентября 1843 года ²⁾ курсы читаются въ консерваторіи въ теченіе *шести* мѣсяцевъ—съ начала ноября до конца апрѣля; каждому курсу посвящаются двѣ полуторачасовыя лекціи въ недѣлю; программа курса составляется профессоромъ и утверждается совѣтомъ консерваторіи.

Лекціи читаются вечеромъ и сопровождаются демонстраціями и опытами; для лекцій специально имѣется паровая машина.

Коллекціи консерваторіи въ 1783 году считали *60* машинъ, въ 1799 г. было уже *495* предметовъ, въ 1817—1818 г. опубликованъ первый каталогъ, содержащій *3279* нумеровъ, въ 1869 году было *8669* нумеровъ, въ 1889—*11.703* нумера, при чемъ одинъ нумеръ содержитъ часто нѣсколько предметовъ.

Въ скоромъ времени появится новый *каталогъ*.

Консерваторія имѣеть: *библіотеку*, въ которой около *40.000* томовъ, замѣчательный „*portefeuille industriel*“—собраніе чертежей и привилегій на изобрѣтенія, *лабораторіи*—физическую, химическую, механическую и лабораторію специально по электричеству.

Коллекціи, бібліотека, „*portefeuille industriel*“ *открыты* для публики въ часы и дни, указанные въ афишахъ.

Руководящая роль въ консерваторіи принадлежитъ совѣту, „*conseil de perfectionnement*“, въ составъ котораго входятъ: директоръ консерваторіи, ея профессора, нѣкоторые сенаторы, депутаты и представители промышленности.

Администрацію составляютъ: директоръ, помощникъ директора, бібліотекаръ и консерваторы.

¹⁾ Recueil, pp. 101—102.

²⁾ Recueil, pp. 63—77.

Годовой *бюджетъ* консерваторіи въ 1819 г. составлялъ 50.000 фр., въ 1848 году онъ былъ уже 150.000 фр., а въ послѣдніе годы—полмилліона франковъ. Изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ идетъ на содержаніе персонала, $\frac{1}{3}$ на коллекціи и опыты.

3. *Преподаванію механики* въ консерваторіи посвящена одна кафедра: „*Mécanique appliquée aux arts*“, которую теперь занимаетъ *M. Hirsch*; его предшественниками были: *Ch. Dupin*, *A. Morin* (1839—1856) и *H. Tresca* (1857—1885).

Содержаніе курса *M. Hirsch* измѣняется каждый годъ.

Въ 1891—1892 г. предметомъ его лекцій были: принципы механики, статика, простыя машины, кинематика, гидравлика; въ 1892—1893 году онъ читалъ: принципы механики и ихъ приложенія къ употребительнымъ механизмамъ, гидростатику, гидравлику и гидравлическія машины, термодинамику; наконецъ, въ 1893—1894 году на лекціяхъ *M. Hirsch* излагались: гидродинамика и гидравлическія машины, равновѣсіе и движеніе газа и соотвѣтствующія примѣненія къ машинамъ, механическая теорія тепла и общіе принципы тепловыхъ машинъ.

Нѣкоторые отдѣлы механики читаются иногда и въ другихъ курсахъ, напимѣръ, въ минувшемъ учебномъ году *кинематикъ механизмовъ* былъ посвященъ курсъ: „*géométrie appliquée aux arts*“ (*M. Laussedat* и *M. Brisse*), и *графической статикъ*—курсъ „*géométrie descriptive*“ (*M. Rouché*).

4. Механическій отдѣлъ консерваторіи представляетъ самую богатую коллекцію моделей и приборовъ по механикѣ, какая только существуетъ во Франціи.

Предметы этого отдѣла отчасти вслѣдствіе громоздкости нѣкоторыхъ изъ нихъ, отчасти вслѣдствіе передѣлокъ въ зданіи помѣщены въ различныхъ мѣстахъ.

Каталогъ механической коллекціи, по словамъ *M. Masson*, инженера консерваторіи, готовится къ печати, при чемъ для отдѣла кинематики принята система *Willis*.

Чтобы дать понятіе о механической коллекціи консерваторіи, привожу здѣсь составленный мною *краткій списокъ* предметовъ этой коллекціи.

Изъ прилагаемаго списка видно, между прочимъ, что въ консерваторіи очень мало предметовъ изъ такъ называемой коллекціи профессора *Reuleaux* (см. каталогъ *G. Voigt*).

Многія модели подарены ихъ изобрѣтателями, напримѣръ, модели академяка П. Л. Чебышева.

Модели, приобретенныя консерваторіей, всѣ сдѣланы французскими мастерами; начиная съ конца тридцатыхъ годовъ онѣ выходили ббольшую частью изъ мастерской *Clair*, а въ послѣдніе годы изъ мастерской *M. Digeon*.

Б. *Мастерская* инженера *M. Digeon*: „*Construction spéciale de moddles d'enseignement, machines nouvelles, mécanique de précision*“ (Paris), основана въ 1873 г.

При посѣщеніи этой мастерской я видѣлъ въ работѣ модели миноносцевъ, машины для производства бумажныхъ коробокъ, машины для приготовления тартиннокъ, части земледѣльческихъ орудій, части оптическихъ инструментовъ и кинематическихъ приборовъ; „галлерей“ мастерской содержитъ, между прочимъ, нѣсколько готовыхъ кинематическихъ моделей.

Мастерская насчитываетъ около 50 рабочихъ.

Приборы, относящіеся къ преподаванію механики, у *M. Digeon* вообще слишкомъ массивны, въ нихъ нѣтъ той тонкой отдѣлки, какъ, напримѣръ, въ приборахъ *G. Voigt*; они болѣе приспособлены для производства работы, чѣмъ для демонстрацій на лекціяхъ, но они даютъ точное понятіе о механизмахъ въ томъ видѣ, въ какомъ ими пользуется практика ¹⁾.

Вслѣдствіе своихъ значительныхъ размѣровъ и прочности приборы *M. Digeon* сравнительно дороги, напримѣръ, „*Train différentiel à roue satellite intérieure*“ въ каталогѣ *M. Digeon*—275 фр., тогда какъ въ каталогѣ *G. Voigt*—140 фр.

Механическій отдѣлъ коллекцій *Conservatoire national des arts et métiers*.

Кинематика.

1. Соединеніе и разъединеніе валовъ.

1. Модель съ прямыми зубцами (*Clair*, 1846) ²⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя модели изъ мастерской *M. Digeon* находятся въ механической коллекціи Московскаго технического училища, напримѣръ, приборъ для вычерчивания кривыхъ, изображающихъ движеніе эксцентриковъ (*Catalogue*, p. 56).

²⁾ Годъ, гдѣ онъ указанъ, обозначаетъ годъ поступления предмета въ консерваторію.

2. Модель динамометрическаго разъединенія (Moisson, 1855).
3. Модели: *Bourdon* (1843), *Franchot* (1867), *Lavo* (1878).

II. Колеса тренія.

III. *Зубчатыя колеса.*

1. Приборъ, показывающій, что катаніе двухъ дисковъ совершается безъ скольженія при употребленіи слѣдующихъ кривыхъ: а) развертки круга, б) эпициклоида и круга, с) эпициклоида и гипоциклоида, d) эпициклоида и радиуса (*Digeon*, p. 55. Catalogue, 1889).
2. Шесть деревянныхъ моделей различныхъ начертаній зубцовъ.
3. Приборъ, показывающій полученіе геликоидальныхъ колесъ *White* съ помощью прямыхъ цилиндрическихъ колесъ, насаженныхъ на одну ось; на каждой оси по три колеса, которыя могутъ быть повернуты на какой угодно уголъ и затѣмъ закрѣплены (*Clair*, 1878).
4. Цилиндрическія геликоидальныя колеса съ параллельными осями.
5. Цилиндрическія геликоидальныя колеса, оси которыхъ взаимно перпендикулярны.
6. Цилиндрическія колеса „à chevron“, въ которыхъ каждый зубецъ изломанъ по срединѣ (*Plat*, 1880).
7. Цилиндрическія геликоидальныя колеса „à chevron“.
8. Геликоидальныя колеса *Hook*, зубцы которыхъ „à chevron“ расположены такъ, что уничтожаются составляющія силы, параллельныя оси колеса (*Clair*).
9. Коническія колеса (*Digeon*, p. 39)¹⁾.
10. Три модели коническихъ геликоидальныхъ колесъ.
11. Гиперболическія колеса *Belanger*, оси которыхъ составляютъ уголъ 45° (*Clair*, 1860).
12. Шесть моделей, представляющихъ зубчатое колесо и безконечный винтъ (*Bourdon*, 1841; *Broschi*, 1842).
13. Геликоидальное колесо и зубчатая полоса (*Plat*, 1845).
14. Парадоксъ *Fergusson* (*Digeon*, p. 55).
15. Нѣсколько моделей дифференціальныхъ колесъ, между прочимъ, сдѣланіе, въ которомъ отношеніе угловыхъ скоростей 1: 1200 (*Clair*, 1865).

¹⁾ Если послѣ имени *Digeon* указана страница, то это страница каталога мастерской *M. Digeon*, изданнаго въ 1889 году, на которой помѣщенъ рисунокъ прибора.

16. Эллиптическія колеса, центры которыхъ находятся на осяхъ (Clair, 1878).
 17. Эксцентрическое круглое колесо и эллиптическое съ осью, проходящей чрезъ центръ.
 18. Овальное и бисквитообразное колеса (Burdet, 1867).
 19. Логарифмическія колеса *Weisbach* (Digeon, p. 55).
 20. Эллиптическія колеса, оси которыхъ проходятъ чрезъ фокусы (Schroeder).
 21. Двѣ модели сердцевидныхъ зубчатыхъ колесъ (Schroeder).
 22. Мальтійскій крестъ (Schroeder).
 23. Шестерня съ двумя зубцами и ступенчатое колесо (Digeon, p. 55).
 24. Различныя формы „encliquetage“, храповыя колеса, между прочимъ, модель безшумнаго защелкиванія (Digeon, p. 57).
 25. Передача вращенія въ случаѣ параллельныхъ осей, состояніе между которыми измѣняется: зубчатыя колеса, насаженныя на оси, посредствомъ двухъ шестерней соединяются съ третьимъ колесомъ, ось котораго перемѣщается.
- IV. Передача вращенія въ случаѣ параллельныхъ осей.
1. Пластика, соединенная съ одной осью, имѣетъ шестигольный прорѣзной крестъ, въ которомъ движутся три ролика, соединенные съ другою осью (Gauda, 1886).
 2. Пластика имѣетъ четырехугольный прорѣзной крестъ, въ которомъ движутся два ролика (Clair, 1883).
 3. Двѣ модели сочлененія *Oldham*.
- Передачи вращенія въ случаѣ пересѣкающихся осей.
4. Двѣ модели *Whitworth* (Clair, 1865).
 5. Двойное сочлененіе *Кардана*; оси снабжены кругами съ дѣленіями, такъ что можно судить объ отношеніи угловыхъ скоростей при различной величинѣ угла между осями (Digeon, 1887).
 6. Сочлененіе *Clemens* (Digeon, 1878).
 7. Муфта *Goubet* (Piat, 1879).
- V. 1. Нѣсколько моделей ременной передачи.
2. Шкивъ съ измѣняющимся радіусомъ (Clair, 1843).
- VI. 1. Кривошипъ и шатулъ.
2. Приборъ, показывающій соотвѣтствующія перемѣщенія кривошипа и ползуна, соединеннаго съ шатуномъ (Clair, 1869).

3. Приборъ для вычерчиванія кривыхъ, описываемыхъ разными точками шатуна (*Gauchot*).
 4. Шатунъ съ прорѣзомъ для преобразования круговаго непрерывнаго движенія въ движеніе качательное.
- VII. 1. *Эксцентрики*: круговой, треугольный, сердцевидный (*Clair*, 1840).
2. Эксцентрикъ, дающій нѣсколько остановокъ при одномъ оборотѣ.
 3. Эксцентрикъ съ рулетой въ четырехугольной рамѣ.
 4. Приборъ для вычерчиванія кривыхъ, выражающихъ законы передачи движенія эксцентриками при различныхъ формахъ контура (*Digeon*, p. 56).
 5. Приборъ *Carrère*, служащій для той же цѣли (1854).
- VIII. 1. Параллелограммы *Watt*.
2. " *Hart, Динкина—Peaucellier*.
 3. " *White, Reuleaux*.
 4. Семь моделей сочлененій академика *Чебышева*, подаренныхъ изобрѣтателемъ въ 1889 году ¹⁾.
- IX. 1. Дифференціальныи винтъ *Prony*.
2. Модель для преобразования круговаго непрерывнаго движенія въ прямолинейное переменнаго направленія посредствомъ винта съ двойной нарѣзкой (*Gaуда*, 1888).
- X. 1. Модели паровыхъ машинъ, мельницъ, насосовъ, гидравлическихъ колесъ.
2. Модели различныхъ регуляторовъ.
 3. Модели парораспределителей, между прочимъ, парораспределитель академика *Чебышева*, подаренный изобрѣтателемъ въ 1893 году.
 4. Индикаторы и динамометры, между прочимъ, динамометръ *Maurin*.
- XI. 1. Пантографы *Fournier, Dollond* и др.
2. Диаграфъ *Gavard* для вычерчиванія круговъ, эллипсовъ и спиралей.
 3. Планиграфъ *Darboux*.
- XII. 1. Планиметры: *Beuvière, Ansfeld, Bianchi, Amsler*.
2. Интеграторъ *Amsler* (1888) для опредѣленія площади фигуры, ея центра тяжести и момента инерціи.

¹⁾ Въ консерваторіи нѣются фотографіи *Лисса* двухъ приборовъ академика *Чебышева*: сочлененія для передвиженія лодки и ходящей машины.

- XIII. 1. Счетныя машины: *Morel, Roth, Thomas*, академика *Чебышева*—послѣдняя подарена изобрѣтателемъ въ 1893 году.
 2. Вѣсы различныхъ системъ.
 3. Различные счетчики.
- XIV. 1. Дѣлятельныя машины.
 2. Токарныя станки.
 3. „*Tour à portrait, provenant d'un don fait par le Czar Pierre le Grand* lors de son passage à Paris 1717, remis à Conservatoire des arts et métiers par l'Institut de France 1807“.
 4. Машины для распиливанія дерева, для фабрикаціи цѣпей, для изготовленія экипажныхъ колесъ и т. д.
- XV. Коллекція шестерней, подшипниковъ, подушекъ, консолей и т. д.

Статика.

1. Приборъ *Delainay* для доказательства параллелограмма силъ: слагаемыя силы суть натяженія нитей, перекинутыхъ черезъ блоки, вслѣдствіе прикрѣпленныхъ къ нимъ грузовъ.
2. Приборъ *s' Gravesande* для показанія свойствъ наклонной плоскости, клина, блока, ворота и т. д.

Динамика.

1. Машина *Atwood*.
2. Приборъ *Maurin* для вывода путемъ опыта законовъ паденія тѣлъ (*Digeon*, p. 56).
3. Двѣ модели маятниковъ *Галилея* съ тремя шарами.
4. Маятникъ *Foucault*.
5. Циклоидальный маятникъ *Huygens*.
6. Двѣ модели, относящіяся къ удару упругихъ шаровъ: въ одной радіусы шаровъ одинаковы, въ другой—различны.
7. Герполодографъ *Darboux* и *Koënigs* (*Chateau père et fils*).
8. Стрефоскопъ *Gruey* (1889).
9. Гироскопъ съ приспособленіемъ для демонстраціи нериметрическаго вращенія.
10. Политропъ *Sire*.
11. Гироскопы *Foucault* и *Bohnenberger* (1889).

Въ помѣщеніи, которое прежде занимала церковь аббатства „*St. Martin des Champs*“, находятся машины большихъ размѣровъ, напримѣръ, универсальная машина для испытанія матеріаловъ; тутъ же подвѣшенъ качающійся маятникъ *Foucault*.

Въ сосѣдней комнатѣ помѣщена витрина съ коллекціей, относящейся къ опытамъ *Tresca* надъ теченіемъ твердыхъ тѣлъ; далѣе коллекція приборовъ для предупрежденія случайностей при работѣ машинъ.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Политехническое училище въ Цюрихѣ.

1. Народное образованіе въ Швейцаріи—дѣло отдѣльных кантоновъ; *Цюрихское политехническое училище* представляетъ *единственное* учебное заведеніе, которое учреждено союзнымъ совѣтомъ и содержится на средства союза.

Училище учреждено закономъ 7-го февраля 1854 г. и открыто въ октябрѣ 1855 г.

Въ настоящее время *училище* имѣетъ многочисленный преподавательскій персоналъ—сто десять профессоровъ и приватъ-доцентовъ; около тысячи студентовъ; ежегодный бюджетъ—700.000 фр., и занимаетъ прекрасное помѣщеніе, въ которомъ особеннаго вниманія заслуживаетъ физическій институтъ.

2. Училище состоитъ изъ *семи отдѣленій*: I—архитектурное, II—инженерное, III—механическое, IV—химическое, V—сельскохозяйственное, VI—педагогическое и VII—общее философское.

VI отдѣленіе имѣетъ цѣлью приготовленіе преподавателей математическихъ и естественныхъ наукъ; оно соотвѣтствуетъ физико-математическому факультету нашихъ университетовъ, но имѣетъ не столь обширную программу.

VII отдѣленіе—отдѣленіе курсовъ, не имѣющихъ обязательнаго характера; здѣсь читаются: математика, естественныя науки, литература, исторія, политическая экономія, науки права; VII отдѣленіе—это цѣлый университетъ и даже болѣе, такъ какъ съ 1877 г. въ немъ преподаются и военныя науки.

Это отдѣленіе создано для того, чтобы противодействовать слишкомъ узкой специализаціи; „молодые люди, посвятившіе себя изученію техники, должны оставаться въ постоянномъ общеніи съ великими идеями, которыя возвышаютъ и облагораживаютъ человѣка; училище можетъ гордиться VII отдѣленіемъ, которое достойно въи-

часть зданіе“,—такъ говорить обзоръ училища, напечатанный въ 1889 г.: „*Ecole Polytechnique Fédérale à Zurich. Publié par ordre du Conseil Fédérale Suisse*“.

На философскомъ отдѣленіи преподаются, между прочимъ, различные отдѣлы элементарной математики для тѣхъ, кто имѣетъ въ виду держать вступительный экзаменъ въ одно изъ спеціальныхъ отдѣленій.

Языкъ преподаванія преимущественно нѣмецкій; профессора, читающіе по-французски, представляютъ исключеніе; есть, впрочемъ, предметы, которые читаются на обоихъ языкахъ,—такъ дифференціальное и интегральное исчисленіе проф. *Hurwitz* читаетъ по-нѣмецки, а проф. *Franel*—по-французски.

Въ первыхъ четырехъ отдѣленіяхъ курсъ продолжается семь семестровъ, то-есть, 3½ года, въ V и VI—отъ пяти до семи семестровъ.

3. *Слушатели* раздѣляются на студентовъ— „*Regulären Studierenden*“—и вольнослушателей— „*Audítoren oder Zuhörer*“.

На спеціальныхъ отдѣленіяхъ они подчинены однимъ и тѣмъ же правиламъ.

Для поступленія въ число студентовъ нужно или представить свидѣтельство объ окончаніи курса въ учебномъ заведеніи, программа котораго признается достаточной, или сдать вступительный экзаменъ.

Въ 1893—1894 учебномъ году въ училищѣ было 1154 слушателя, изъ которыхъ 725 студентовъ и 429 вольнослушателей.

Въ числѣ студентовъ было 377 швейцарцевъ и 348 иностранцевъ, изъ нихъ болѣе всего русскихъ, именно 81.

По отдѣленіямъ студенты были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

I . . .	41	изъ нихъ русскихъ	1
II . . .	194	„ „ „	26
III . . .	247	„ „ „	17
IV . . .	146	„ „ „	21
V . . .	46	„ „ „	8
VI . . .	41	„ „ „	8

4. Въ Цюрихскомъ училищѣ лекціи сопровождаются упражненіями, и затѣмъ обращается большое вниманіе на репетиціи; существованіе репетицій представляетъ важное отличіе этого училища отъ политехникумовъ Германіи.

Лекціи, упражненія, практическія работы, репетиціи на спеціаль-

ныхъ отдѣленіяхъ *строю обязательны*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, очень немногихъ, факультативныхъ предметовъ.

Чтобы можно было судить о числѣ обязательныхъ часовъ въ недѣлю, беру зимній семестръ 1893—1894 г.—съ 9-го октября по 17-е марта: для студентовъ, которые состоятъ въ училищѣ второй годъ, въ I отдѣленіи—38 часовъ, во II—33, въ III—42.

При этомъ среди факультативныхъ предметовъ мы находимъ такіе, которые очень важны для студента, напримѣръ, на механическомъ отдѣленіи: построеніе и расчетъ динамомашинъ (проф. *Demmeler*), новыя паровыя машины, кулисы и регуляторы (проф. *Stodola*).

Много времени удѣляютъ и профессора своимъ училищнымъ занятіямъ, напримѣръ, проф. *Stodola* говорилъ, что онъ занятъ въ училищѣ 24 часа въ недѣлю.

Лекціи профессоровъ не издаются, такъ какъ преподавательскій персоналъ видитъ въ этомъ одно изъ побудительныхъ средствъ къ аккуратному посѣщенію лекцій студентами.

Въ печати нѣтъ даже краткихъ программъ, которыя давали бы хоть какое нибудь понятіе о содержаніи курсовъ; содержаніе курса зависитъ только отъ читающаго его профессора.

Преподаваніе механики.

Б. *Общій курсъ механики* читаетъ проф. *Herzog*, декабрь механическаго отдѣленія, въ теченіе *двухъ* семестровъ, именно втораго и третьяго, при 4 часовыхъ лекціяхъ въ недѣлю.

Курсъ содержитъ только самыя необходимыя свѣдѣнія изъ механики; причина этого, по словамъ проф. *Herzog*, заключается въ недостаткѣ времени и въ недостаточной подготовкѣ слушателей.

На VII отдѣленіи въ теченіе лѣтняго семестра, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, проф. *Herzog* читаетъ нѣкоторыя „избранныя главы изъ механики“.

Для *упражнений* и *репетицій* студенты дѣлятся на группы; по программѣ каждая группа имѣетъ въ недѣлю *два* часа упражненій и *одну* часть репетицій.

Упражнения состоятъ въ рѣшеніи задачъ, которыя берутся нерѣдко изъ сборника *Julien*.

В. *Кинематика въ приложеніи къ механизмамъ* составляетъ въ Цюрихскомъ училищѣ только часть небольшого курса механики.

проф. *Herzog*; она читается приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, которые установлены программой „de la licence“ во Франціи, и, слѣдовательно, занимаетъ очень скромное мѣсто.

Этого нельзя было ожидать, зная, что проф. *Reuleaux* въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ профессоромъ Цюрихскаго политехникума.

Теперешніе профессора находятъ, что значеніе кинематики механизмовъ для различныхъ отдѣловъ прикладной механики не на столько велико, чтобъ ей стоило посвящать болѣе одного часа въ недѣлю въ теченіе одного семестра; въ библиотекѣ училища нѣтъ даже такого сочиненія, какъ „*Lehrbuch der Kinematik*“ проф. *Burmester*.

7. *Графическую статику* читаетъ проф. *Ritter* въ теченіе двухъ семестровъ—четвертаго и пятаго, имѣя въ недѣлю три часа въ 4-мъ семестрѣ и два часа въ 5-мъ.

Гидравлику и теорію машинъ читаетъ проф. *Fliegyer*.

Курсъ машинъ читаетъ также проф. *Ehrlich*.

Построеніе машинъ—„*Maschinenbau und Maschinenconstruiren*“, преподаютъ: проф. *Stodola*—главнымъ образомъ паровыя машины, проф. *Veith*—главнымъ образомъ гидравлическія машины, и проф. *Prasil*.

Механическую технологию читаетъ проф. *Escher*.

Техническое черченіе преподаетъ проф. *Fritz*.

Практическія занятія студентовъ по механикѣ состоятъ изъ графическихъ работъ.

Механическая коллекція.

8. При преподаваніи кинематики студентамъ показываются модели изъ имѣющейся въ училищѣ обширной коллекціи.

Модели коллекціи, за немногими исключеніями, *легкія, небольшія размѣровъ*, приблизительно тѣхъ же, что модели проф. *Reuleaux* изъ мастерской *G. Voigt*; это обстоятельство дѣлаетъ ихъ удобными для демонстрацій на лекціяхъ.

I. Изъ высшихъ кинематическихъ паръ въ коллекціи имѣется только одна: криволинейный двусторонникъ въ треугольникѣ.

II. Колеса тренія. Keil-räder.

III. *Зубчатія колеса*.

1. Обыкновенныя цилиндрическія и коническія.

2. Гиперболическія, оси которыхъ составляютъ уголъ 45°,—проволочная модель съ желѣзными зубцами на концахъ.

3. Геликондалныя.
 4. Цилиндрическія и коническія колеса „à chevron“, въ которыхъ каждый зубецъ изломанъ по срединѣ подъ нѣкоторымъ угломъ.
 5. Цѣвочныя колеса: на одномъ изъ двухъ колесъ зубцы замѣнены перпендикулярными къ плоскости колеса вращающимися цилиндрами.
 6. Фигурныя колеса: эллиптическія, логарифмическія, сердцевидныя, мальтійскій крестъ, овальное съ бисквитообразнымъ.
 7. Двѣ модели цилиндрическихъ колесъ, которыя насажены на одну ось и могутъ быть повернуты на любой уголъ: въ одной модели—три колеса, въ другой—шесть.
 8. Три коническихъ колеса, которыя, будучи насажены на одну ось, могутъ быть повернуты на любой уголъ.
 9. Сцѣпленіе, въ которомъ зубцы замѣнены пластинками, параллельными оси: на одномъ колесѣ вмѣсто каждого зуба одна пластинка, на другомъ—двѣ параллельныя, раздѣленные промежуткомъ.
 10. Зубчатая колеса: *Pickering, Moore, Eads*,—пять моделей съ внутреннимъ сцѣпленіемъ.
 11. Дифференціальныя колеса. Парадоксъ *Fergusson*.
 12. Шесть моделей колесъ съ остановками; храповыя колеса и собачки.
 13. Зубчатое колесо и безконечный винтъ.
- IV. *Передача вращенія въ случаѣ параллельныхъ осей.*
1. Три параллельныхъ и равныхъ стержня.
 2. Четырехугольный прорѣзной крестъ съ двумя рулетами.
 3. Шестиугольный прорѣзной крестъ съ двумя рулетами.
 4. Четырехсторонникъ.
 5. Сочлененіе *Oldham*.
- V. *Передача вращенія въ случаѣ осей, составляющихъ нѣкоторый уголъ.*
1. Сочлененіе Кардана.
 2. Муфта *Goubet*.
 3. Сочлененіе *Polham*: двѣ дуги круга, прикрепленныя къ осямъ, соединены кольцомъ.
 4. Оси взаимно перпендикулярныя; шесть стержней, согнутыхъ подъ прямымъ угломъ, свободно скользятъ въ соответствующихъ каналахъ, сдѣланныхъ въ осяхъ.

VI. Самый обширный отдѣлъ коллекціи составляютъ механизмы, которые служатъ для *преобразованія круговаго движенія въ движеніе прямолинейное*: здѣсь мы находимъ около *семидесяти* моделей.

1. Двадцать пять моделей представляютъ, вообще говоря, эксцентрики, въ которыхъ пластинка съ криволинейнымъ контуромъ движется внутри четырехугольника; нѣкоторые изъ нихъ указаны въ каталогѣ *G. Voigt* ¹⁾ подъ литерою *L*.
2. Модели съ крестомъ, которыя указаны у *G. Voigt* подъ литерой *D* (№№ 7, 8, 9, 11, 13).
3. Тридцать моделей направляющихъ механизмовъ; большинство изъ нихъ указаны у *G. Voigt* подъ литерой *S*.
4. Модель, въ которой прямолинейно движущійся стержень соединенъ съ другимъ стержнемъ, сочлененнымъ съ двумя коническими зубчатыми колесами; эти колеса приводятся въ движеніе третьимъ колесомъ, ось котораго составляетъ продолженіе прямолинейно движущагося стержня.
5. Модель, въ которой прямолинейно движущійся вертикальный стержень опирается на круглую пластинку, прикрѣпленную подъ угломъ 45° къ вертикальной оси.
6. Модели: винтъ и гайка, винтъ съ двойной парѣзкой.

VII. Различные случаи *ременной* и *цѣпной* передачи вращенія.

VIII. 1. Модели паровыхъ машинъ.

2. Регуляторы.
3. Парораспредѣлители.
4. Модели кулиссъ на доскахъ: кулиссы *Stephenson*, *Gooch*, *Allan*, *Finck*, *Heusinger*.

IX. 1. Модели насосовъ; между прочимъ, модель *Dart* и модель, въ которой вращеніемъ приводятся въ дѣйствіе шесть помпъ, расположенныхъ на окружности.

2. Деревяныя модели турбинъ, между прочимъ, и тѣхъ, которыя установлены у истока Роны въ Женевѣ.

9. Нѣкоторыя изъ моделей коллекціи политехникума изготовлены въ мастерскихъ: „*Société Genevoise pour la construction d'instruments de Physique et de Mécanique*“, въ Женевѣ.

По своимъ размѣрамъ эти мастерскія значительно превосходятъ

¹⁾ „Kinematische Modelle nach Professor Reuleaux“. *Gustav Voigt*.

мастерскія *M. Digeon* въ Парижѣ и, еще болѣе, *G. Voigt* въ Берлинѣ: въ мастерскихъ Общества работаютъ у станковъ болѣе ста человѣкъ.

Главныхъ отдѣленій два: одно, гдѣ изготовляются инструменты, модели и приборы для физическихъ и механическихъ кабинетовъ, другое—гдѣ строятся машины большихъ размѣровъ; имѣются затѣмъ: отдѣльный залъ съ дѣлательными машинами, кузница и комната для упаковки.

Всѣ станки приводятся въ движеніе водою Роны чрезъ посредство двухъ турбинъ, помѣщенныхъ въ зданіи мастерскихъ.

10. Сооруженіе, которое служитъ для эксплуатаціи теченія Роны, какъ двигателя, даетъ Женевѣ 4200 лошадиныхъ силъ.

У истока Роны установлены *двадцать* большихъ турбинъ; каждая изъ нихъ посредствомъ двухъ насосовъ накачиваетъ воду въ высокій цилиндръ, въ которомъ давленіе достигаетъ обыкновенно *сотка* атмосферъ; отсюда вода разсылается по городу.

11. При Политехническомъ училищѣ существуетъ *лабораторія для испытанія матеріаловъ*; довольно скромная по своимъ размѣрамъ, она извѣстна по работамъ профессора *Tetmajer*.

ГЕРМАНІЯ.

Высшія техническія училища въ Мюнхенѣ и Берлинѣ.

Королевское Баварское высшее техническое училище въ Мюнхенѣ.

(„Königliche Bayerische Technische Hochschule zu München“).

1. Училище имѣетъ *шесть отдѣленій*: архитектурное, инженерное, механическое, химическое, сельско-хозяйственное и общее—последнее для приготовленія преподавателей математическихъ и естественныхъ наукъ.

Курсъ каждаго изъ отдѣленій рассчитанъ, вообще говоря, на *четыре* года.

Учебный годъ состоитъ изъ двухъ *семестровъ*: зимняго—отъ 15-го октября по 23-е марта, и лѣтняго—отъ 22-го апрѣля по 15-е августа.

Учащіеся раздѣляются на студентовъ („*Studierende*“), слушателей („*Zuhörer*“) и посѣтителей („*Hospitanten*“).

Вступительныхъ экзаменовъ не существуетъ; въ *студенты* принимаются молодые люди по представленіи аттестата отъ учебнаго заведенія, курсъ котораго признается достаточнымъ; отъ *слушателя* требуется только подготовка къ той узкой специальности, которую онъ желаетъ изучить въ училищѣ; *госпитанты*—это офицеры, студенты университета, вообще лица, получившія отъ директора училища разрѣшеніе слушать нѣкоторыя лекціи и участвовать въ нѣкоторыхъ работахъ.

Чтобы можно было судить о *количествѣ* учащихся на разныхъ отдѣленіяхъ, привожу здѣсь числа для лѣтняго семестра 1893 года.

		Студен- товъ.	Слуша- телей.	Госпитан- товъ.	Всего.
Архитектурное	отдѣленіе	115	60	13	188
Инженерное	"	234	6	7	247
Механическое	"	302	55	9	366
Химическое	"	73	20	25	118
Сельскохозяйственное	"	9	2	5	16
Общее	"	40	14	143	197
		773	157	202	1132

Изъ иностранцевъ среди учащихся было болѣе всего *русскихъ*, именно 58 человекъ.

2. *Свобода преподаванія* выражается въ томъ, что каждый профессоръ въ предѣлахъ своего курса можетъ преподавать, *что* хочетъ и *какъ* хочетъ.

Свобода ученія—въ томъ, что посѣщеніе лекцій, упражненій и практическихъ занятій для учащихся необязательно.

Благодаря этой свободѣ ученія, упражненія, напимѣръ, по математикѣ посѣщаетъ едва четвертая часть тѣхъ, которые слушаютъ соотвѣтствующія лекціи.

Лекціи профессоровъ *не издаются*.

Репетицій не существуетъ, хотя введеніе ихъ, по мнѣнію проф. *Schröter*, было бы весьма желательно.

Испытанія въ концѣ семестра производятся только для тѣхъ, которые желаютъ получить стипендіи; эти испытанія бываютъ устными или письменными, въ послѣднемъ случаѣ экзаменующіеся *могутъ пользоваться своими записками*.

Бываютъ затѣмъ экзамены въ концѣ четвертаго семестра („Absolutorialprüfungen“) и, наконецъ, въ концѣ четвертаго года окончательные экзамены („Diplomprüfungen“).

Преподаваніе механики.

3. Въ концѣ юня 1894 года, когда я посѣтилъ Политехникумъ, кафедра механики оставалась еще незанятою послѣ смерти проф. *Bauschinger*.

Въ программѣ ¹⁾ указаны два отдѣльных курса механики: *элементарная механика* и *механика техническая* ²⁾, но въ лекціяхъ проф. *Bauschinger* этого раздѣленія не существовало.

Курсъ состоитъ изъ четырехъ частей: I—статика точки и твердаго тѣла; II—графическая статика; III—теорія упругости, статика жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ; IV—динамика твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ.

I и II части читаются на архитектурномъ, инженерномъ и механическомъ отдѣленіяхъ; III и IV—только на двухъ послѣднихъ; студенты, готовящіеся къ преподаванію математики и физики, слушаютъ, конечно, также весь курсъ.

I-ой части посвящается въ недѣлю 4 часа во второмъ семестрѣ, II части—3 часа въ третьемъ семестрѣ, III и IV—4 часа въ третьемъ семестрѣ и 3 часа въ четвертомъ.

Лекціи графической статики сопровождаются упражненіями, и затѣмъ въ курсахъ машинъ при рѣшеніи задачъ отъ студентовъ требуется уже употребленіе приемовъ графической статики.

4. *Кинематику* читаетъ проф. *Burmester* на механическомъ отдѣленіи въ шестомъ семестрѣ при трехъ лекціяхъ въ недѣлю.

Содержаніе курса представляетъ извлеченіе изъ извѣстнаго сочиненія профессора: „*Lehrbuch der Kinematik von Pr. Burmester*“.

Для болѣе подробнаго изученія предмета у студентовъ нѣтъ времени, да и излишнимъ находить такое изученіе, потому что въ курсѣ машинъ, по словамъ проф. *Schröter*, кинематика имѣетъ мало при-

¹⁾ „Programm der Königl. Bayerischen Technischen Hochschule zu München für das Studienjahr 1894—1895“.

²⁾ Подъ именемъ „технической механики“ въ Германіи разумѣютъ обыкновенно курсъ, наложенный проф. Ахенскаго Политехникума *A. Ritter* въ его книгѣ: „*Lehrbuch der technischen Mechanik*“, von August Ritter.

мѣненій; это видно, впрочемъ, ужъ изъ того, что она преподается только во второй половинѣ третьяго года.

Б. Въ зимнемъ семестрѣ 1894 года назначены 4 часа въ недѣлю для лекцій проф. *Finsterwalder*: „Избранныя главы изъ аналитической механики“; содержаніе ихъ будетъ зависѣть отъ подготовки тѣхъ немногихъ слушателей, которыхъ профессоръ рассчитываетъ имѣть.

Въ томъ же семестрѣ назначенъ одинъ часъ въ недѣлю для курса приватъ-доцента *Bischoff*: „Механическое и графическое счисленіе“, предметъ котораго составляютъ: счетныя линейки, счетныя машины, планиметры и т. д.

В. „Построеніе машинъ“ читаютъ профессора *Grove* и *Ultsch*; „Теорію машинъ“ („*Theoretische Maschinenlehre*“) и „Механическую теорію тепла“ — проф. *Schröter*, деканъ механическаго отдѣленія; „Общее ученіе о машинахъ“ („*Allgemeine Maschinenlehre*“) — проф. *Ultsch* и „Механическую технологию“ — проф. *Hoyer*.

Коллекціи.

7. *Геометрическая коллекція* находится въ вѣдѣніи профессора *Duck*; она представляетъ собраніе гипсовыхъ, литейныхъ и проволочныхъ моделей поверхностей и линий; большая часть изъ нихъ указана въ извѣстномъ каталогѣ *Brill*.

По количеству предметовъ коллекція училища значительно богаче коллекціи, принадлежащей кабинету практической механики С.-Петербургскаго университета, особенно въ отдѣлѣ литейныхъ моделей: этотъ отдѣлъ содержитъ много моделей, относящихся къ пересѣченію поверхностей и вообще къ теоріи кривыхъ высшихъ порядковъ; есть затѣмъ рядъ проволочныхъ моделей для показанія зависимости между особенностями кривой и ея проекцій; отдѣлъ гипсовыхъ моделей содержатъ не болѣе десятка такихъ моделей, которыхъ нѣтъ въ кабинетѣ практической механики С.-Петербургскаго университета, на примѣръ, шаръ, поверхность котораго раздѣлена на треугольники, шаръ съ проведенными на немъ локсодромиами, одна изъ поверхностей *minima* профессора *Neovius* и др.

Многія модели конструированы въ самомъ училищѣ.

8. *Мастерская* представляетъ небольшую комнату, въ которой находится станокъ для выпиливанія, инструменты для вырѣзы-

ванія, приборъ для проведенія параллельныхъ сѣченій на поверхностяхъ.

При изготовленіи модели какой либо поверхности обыкновенно сначала вырѣзываютъ изъ тонкаго картона или изъ цинка параллельныя сѣченія этой поверхности; затѣмъ берутъ или одинъ рядъ такихъ сѣченій и насаживаютъ ихъ на ось, или два ряда сѣченій взаимно перпендикулярныхъ; пустые промежутки заполняются сѣрой глиной; модель сглаживается и въ такомъ видѣ поступаетъ къ формовщику, который приготовляетъ затѣмъ модель изъ гипса и представляетъ ее для провѣрки въ училище; здѣсь наносится различныя линіи, и модель возвращается къ формовщику, отъ котораго выходитъ уже вполне оконченной.

Обыкновенно формовщику приходится разъ пять передѣлывать одну и ту же модель.

Нѣкоторыя модели искусный токарь дѣлаетъ сразу изъ дерева, пользуясь данными ему указаніями относительно свойствъ поверхности, такова, напримѣръ, модель винтовой поверхности, которая находится въ кабинетѣ практической механики С.-Петербургскаго университета.

Студенты лишь очень немногіе принимаютъ участіе въ конструированіи моделей, главнымъ образомъ, потому, что слишкомъ скромное вознагражденіе совершенно не соотвѣтствуетъ количеству затраченнаго труда.

Проф. *Dyck* издалъ каталогъ: „*Katalog mathematischer und mathematisch - physikalischer Modelle, Apparate und Instrumente*“. *Walter Dyck. München. 1892. 430 Ss. Nachtrag 1893. 135 Ss.*

9. *Кинематическая коллекція* находится въ вѣдѣніи профессора *Burmester*.

Коллекція содержитъ небольшое количество металлическихъ хорошо исполненныхъ моделей; нѣкоторыя изъ нихъ получены отъ *G. Voigt*, другія изготовлены въ мастерской *Max Ott* въ Мюнхенѣ.

1. Одна изъ высшихъ кинематическихъ паръ: двусторонникъ въ треугольникѣ.

2. Колеса тренія.

3. Зубчатыя колеса: цилиндрическія, коническія, гиперболическія (проволочная модель съ зубцами), геликоидальныя.

4. Покруглыя колеса.

5. Колесо и безконечный винтъ.

6. Сочлененіе *Гука*.

7. Кривошипъ и шатуны.
8. Эксцентрики.
9. Параллелограммы Гарта и Поселье.
10. Капсельные механизмы *Pappenheim, Root, Dart* и насосъ *Wedding* (*G. Voigt*, Каталогъ, литера *I'*, 3).

Новыя модели, изготовленныя по чертежамъ проф. *Burmester*.

1. Модель съ двумя матовыми стеклами: одно неподвижное и на немъ карандашъ, соединенный съ движущимся извѣстнымъ образомъ тѣломъ, вычерчиваетъ эллипсъ; другое—движущееся вмѣстѣ съ тѣломъ, и на немъ неподвижный карандашъ вычерчиваетъ улитку *Паскаля*.

Почитательная модель, хорошо исполненная изъ мѣди въ мастерской *Max Ott* въ Мюнхенѣ.

2. Модель съ матовымъ стекломъ, на которомъ съ обѣихъ сторонъ, съ помощью особаго механизма, вычерчиваются тождественныя эпициклоиды; также мѣдная модель изъ мастерской *Ott*.

3. Семь моделей, изъ алюминія, механизмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „*Brennpunkt-Mechanismen*“.

Есть только одинъ приборъ, относящійся къ *динамику*, именно приборъ, обнаруживающій давленіе, которое является слѣдствіемъ ускоренія въ движеніи шатуна при равномерномъ вращеніи,—ползунъ, соединенный съ шатуномъ, имѣетъ большую массу.

10. *Коллекція моделей*, относящихся къ курсу „*Построеніе машинъ*“, помещается въ томъ же залѣ, гдѣ и коллекція кинематическая; она находится въ вѣдѣніи проф. *Grove*.

Эта коллекція содержитъ собраніе моделей различныхъ кулисъ, затѣмъ модель паровой машины, парораспределители, два регулятора, гидравлическія колеса, зубчатая колеса съ внутреннимъ и вѣшнимъ зацепленіемъ и чертежи.

11. *Лабораторія* профессора *Schröter*, кромѣ приборовъ и машинъ для электрическаго освѣщенія, содержитъ для демонстраціи предъ студентами большую машину съ двумя цилиндрами низкаго и высокаго давленія.

12. При училищѣ состоятъ *лабораторія для испытанія матеріаловъ*.

Въ лабораторіи находится *универсальная машина* силою въ 100 тоннъ, на которой и производятся: растяженіе, сжатіе, гнутіе и крученіе образцовъ, большею частью, желѣзныхъ.

Для испытанія цементовъ служитъ *гидравлическій прессъ*.

Источникъ силы для обѣихъ машинъ—давленіе воды, которая проходитъ изъ городского водопровода чрезъ мультипликаторъ, помѣщенный въ лабораторіи.

Въ сосѣднемъ залѣ производится испытаніе металлическихъ образцовъ въ теченіе значительнаго промежутка времени посредствомъ цѣлага ряда послѣдовательныхъ растяженій или сжатій по системѣ *Wöhler*.

Въ коллекціи по *механической технологіи*, которой завѣдуетъ проф. *Goyer*, находятся два маленькихъ прибора, одинъ горизонтальный, другой—вертикальный, для испытанія главнымъ образомъ бумаги.

Королевское высшее техническое училище въ Берлинѣ.

(„Königliche Technische Hochschule zu Berlin“).

1. Берлинскій Политехникумъ по своей обстановкѣ одно изъ самыхъ лучшихъ учебныхъ заведеній континента.

Онъ помѣщается въ Шарлоттенбургѣ, въ зданіи, которое производитъ прекрасное впечатлѣніе, благодаря удачному сочетанію красоты и удобства; онъ имѣетъ обширныя, свѣтлыя аудиторіи и чертежныя залы, богатые кабинеты и лабораторіи.

Училище состоитъ изъ пяти отдѣленій: I—архитектурное, II—инженерное, III—механическое, IV—химическое, V—общее.

III отдѣленіе имѣетъ секцію *кораблестроенія*, которая въ другихъ политехникумахъ не существуетъ.

На V отдѣленіи преподаются науки физико-математическія и политическая экономія; программа отдѣленія очень обширна; она содержитъ многіе отдѣлы математики, механики и физики, напримѣръ, по механикѣ въ программу входятъ ¹⁾ всѣ указанные ниже предметы, кромѣ курсовъ различныхъ машинъ, статикъ построекъ, ученія о матеріалахъ и механической технологіи.

Преподавательскій персоналъ училища въ лѣтній семестръ 1894 года состоялъ изъ 68 профессоровъ, 49 приватъ-доцентовъ и 144 ассистентовъ.

Слушатели раздѣляются на студентовъ („Studierende“) и госпитантовъ („Hospitanten“).

¹⁾ „Kön. Technische Hochschule zu Berlin. Programm für das Studienjahr 1893—1894“.

Студентъ долженъ представить при поступленіи аттестатъ учебнаго заведенія, свидѣтельствующій объ его достаточной подготовкѣ. и затѣмъ слушаетъ всѣ курсы избраннаго имъ отдѣленія; госпитантъ поступаетъ съ разрѣшенія ректора и слушаетъ только нѣкоторые курсы.

Въ лѣтній семестръ 1894 года въ училищѣ было 2250 слушателей: 1681 студентъ и 569 госпитантовъ; изъ числа студентовъ въ I отдѣленіи 297, II—426, III—842, изъ нихъ 125 на секціи кораблестроенія, IV—126.

Среди студентовъ-иностранцевъ первое мѣсто по количеству занимаютъ русскіе: въ этотъ семестръ ихъ было 79 человекъ, тогда какъ норвежцевъ, которымъ принадлежитъ второе мѣсто, было только 21.

Условія, въ которыя поставлено преподаваніе въ училищѣ, въ общемъ тѣ же, что и въ Мюнхенскомъ политехникумѣ: содержаніе каждаго курса зависитъ только отъ читающаго его профессора; репетицій нѣтъ; лекціи, упражненія, практическія занятія не имѣютъ обязательнаго характера для студентовъ; лекціи не издаются.

Курсъ каждаго изъ отдѣленій рассчитанъ на *восемь семестровъ*.

Преподаваніе механики.

2. *Теоретическая механика* преподается на всѣхъ отдѣленіяхъ, кромѣ химическаго.

Училище имѣетъ четырехъ преподавателей по этому предмету: гг. *Weingarten*, *Pietsch*, *Wehage*, *Kötter*; старѣйшій изъ нихъ *Weingarten*.

Курсъ теоретической механики содержитъ: статику, теорію упругости, основныя свѣдѣнія изъ кинематики, динамику, гидростатику и гидродинамику; читается онъ въ продолженіе трехъ семестровъ: второго, третьяго и четвертаго; при этомъ лекціямъ посвящается *пять часовъ* и упражненіямъ—*два часа* въ недѣлю.

Курсъ, напримѣръ, проф. *Pietsch* распредѣляется слѣдующимъ образомъ: второй семестръ — статика, третій — теорія упругости (такіе вопросы, какъ задача *St. Venant*, не излагаются), четвертый—динамика, гидростатика и гидродинамика,—въ послѣдней трактуется главнымъ образомъ движеніе жидкости по трубамъ.

Курсъ проф. *Wehage* имѣетъ техническій характеръ.

Упражненія состоятъ въ рѣшеніи задачъ, предлагаемыхъ профес-

соромъ; задачи эти рѣшаютъ студенты у себя въ тетрадяхъ, профессоръ подходитъ къ одному, къ другому и дѣлаетъ указанія; особенное вниманіе обращается на то, чтобы студенты примѣняли къ рѣшенію задачъ различные методы.

Далеко не всѣ студенты, изучающіе механику, принимаютъ участіе въ упражненіяхъ; на нихъ присутствуетъ приблизительно всего лишь шестая часть изъ тѣхъ, которые слушаютъ лекціи.

При преподаваніи теоретической механики ни приборами, ни моделями не пользуются, отчасти потому, что въ курсъ не входятъ нѣкоторые отдѣлы, гдѣ примѣненіе приборовъ особенно желательно, какъ, напримѣръ, вращеніе тяжелаго твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки.

3. *Кинематика* преподается только въ III отдѣленіи въ теченіе пятого и шестаго семестровъ.

Читаетъ кинематику проф. *Reuleaux*, посвящая ей 4 часа въ недѣлю.

Онъ стремится придать своему курсу чисто механической характеръ, строго различая кинематику и фонономію ¹⁾.

Вопреки тому мнѣнію, которое высказывалось въ Цюрихѣ и Мюнхенѣ, проф. *Reuleaux* приписываетъ кинематикѣ большое значеніе и теоретическое и практическое; онъ указываетъ на такую промышленную страну, какъ Америку, гдѣ кинематика занимаетъ видное мѣсто въ преподаваніи ²⁾, и на такіе практическіе результаты, какъ автоматическое изготовленіе цилиндрическихъ и коническихъ зубчатыхъ колесъ.

На лекціяхъ кинематики демонстрируются многочисленныя модели изъ богатой кинематической коллекціи.

Въ теченіе третьяго и четвертаго семестровъ въ III отдѣленіи проф. *Reuleaux* преподастъ „Элементы машинъ“ („*Maschinen-Elemente*“), имѣя въ недѣлю 4 часа лекцій и 6 часовъ упражненій; послѣднія состоятъ въ черченіи.

Совершенно отдѣльный курсъ представляетъ *кинематическая гео-*

¹⁾ См. статью проф. *Reuleaux*: „Ueber das Verhältniss zwischen Geometrie, Mechanik und Kinematik“. Verein deutscher Ingenieure.

²⁾ Въ „Cornell University“ на механическомъ отдѣленіи кинематикѣ посвящается въ теченіе третьяго года пять лекцій въ недѣлю въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ: октября, ноября и декабря. См. „Amerikanische Technische Lehranstalten“. Bericht im Auftrage des Herrn Kultus-Ministers von Pr. A. Riedler, стр. 417.

метрія, которую читаетъ проф. *Вика* для III и V отдѣленій въ теченіе третьяго и четвертаго семестровъ, имѣя въ недѣлю $\frac{1}{4}$ часа лекцій и 2 часа упражненій.

4. *Графическая статика* преподается на всѣхъ отдѣленіяхъ, кромѣ химическаго, въ теченіе третьяго семестра; читаетъ ее проф. *Пауск* при двухъ часахъ въ недѣлю.

Упражненія ведутся въ первыхъ трехъ отдѣленіяхъ не въ одно время, но такъ, что въ каждомъ изъ нихъ они занимаютъ два часа въ недѣлю.

Графическую же статику читаетъ и приватъ-доцентъ *Jolles*.

5. „Избранныя главы изъ механики“ читаетъ проф. *Haentschel*. механическую теорію тепла—проф. *Gross*; приложенія механической теоріи тепла къ машинамъ и теорію потенциала—проф. *Servus*; далѣе слѣдуютъ: „теорія машинъ“—проф. *Slaby*, „черченіе машинъ и паровыя машины“—проф. *Rieller*, „черченіе машинъ и регуляторы“—проф. *Consentius*, „гидравлическія машины“—проф. *Ludewig*, „статика построекъ“—проф. *Müller-Breslau*, „передача силы на большія разстоянія“—*H. Hartmann*, „ученіе о матеріалахъ“—проф. *Martens*, „механическая технология“—проф. *Hürmann*.

Коллекціи.

6. *Геометрическая коллекція* представляетъ собраніе гипсовыхъ, нитяныхъ и проволочныхъ моделей поверхностей и линій; большая часть изъ нихъ отъ *Brill'a*.

Гипсовые модели: однофокусныя поверхности втораго порядка; поверхности, налагающіяся другъ на друга; поверхности съ постоянной кривизной; модели, относящіяся къ теоріи функцій, тѣ же, что и въ кабинетѣ практической механики С.-Петербургскаго университета; затѣмъ четыре нитяныхъ модели пересѣченія поверхностей; проволочныя модели кривыхъ съ ихъ проекціями на двѣ взаимно перпендикулярныя плоскости и, наконецъ, модели линейчатыхъ поверхностей изъ негибаемыхъ стержней.

По словамъ проректора училища, проф. *Lampe*, эти модели на лекціяхъ не показываются: онѣ помѣщены въ двухъ шкафахъ въ одномъ изъ корридоровъ, гдѣ желающіе студенты и могутъ ихъ видѣть.

7. *Кинематическая коллекція* училища по количеству и качеству моделей лучшая изъ всѣхъ, которыя я видѣлъ въ Россіи,

Франціи, Германіи, Швейцаріи, Италіи и, по всей вѣроятности, лучшая въ мірѣ; она создана профессоромъ *Reuleaux*, который и завѣдуетъ ею въ настоящее время.

Коллекція содержитъ болѣе двухъ тысячъ предметовъ и богатое собраніе чертежей.

Вся коллекція помѣщается въ одномъ громадномъ залѣ; модели разставлены въ шкафахъ и витринахъ съ поднимающимися стеклянными рамами.

Въ сосѣднемъ залѣ находятся различныя части машинъ, относящіяся къ курсу „*Maschinen-Elemente*“.

Всѣ модели металлическія.

Нельзя, конечно, представить здѣсь списка моделей коллекціи проф. *Reuleaux*; нѣкоторое понятіе о ней даетъ то обстоятельство, что она содержитъ всѣ модели, указанныя въ первомъ и второмъ выпускахъ иллюстрированнаго каталога *Gustav Voigt*: „*Kinematistische Modelle nach Prof. Reuleaux*“, *erstes und zweites Verzeichniss*; но коллекція содержитъ много и такихъ моделей, которыя не вошли въ этотъ каталогъ.

Для примѣра возьмемъ отдѣлъ сочлененій „*Kupplungen*“.

Каталогъ содержитъ двѣнадцать сочлененій въ отдѣлахъ *P* (стр. 10), *Z* (стр. 16) и №№ 55, 72 втораго выпуска; въ коллекціи ихъ двадцать три.

Кромѣ сочлененій съ крестомъ, сочлененій *Clemens*, *Possey*, *Köchlin*, *Ullhorn*, *Pouyer*, *Oldham*, „*Riffelscheibenkupplung*“ *Reuleaux*, коническаго сочлененія, въ коллекціи находятся:

сочлененіе *Polham*, съ кольцомъ, соединяющимъ двѣ дуги;

универсальное сочлененіе *Reuleaux*, съ нѣсколькими кольцами;

сочлененія *Mannesman*, съ двумя и четырьмя зубцами;

сочлененіе *Schuman*;

„*Lamellenkupplung*“ *Weston*;

сочлененіе *Adyman*;

универсальное сочлененіе *Klein*;

сочлененіе *Klein*, усовершенствованное *Reuleaux*—двѣ гукowychъ крестовины, соединенныя четырьмя парами стержней;

универсальное сочлененіе *Blees*.

Есть затѣмъ въ коллекціи цѣлая серія моделей, совсѣмъ не указанныхъ въ каталогѣ *G. Voigt*, напримѣръ, модели съ *глобоидами*, въ которыхъ различныя тѣла вращенія съ нарѣзками на своей поверхности соединены съ зубчатыми колесами.

Показывая свою коллекцію, профессор *Reuleaux* обратилъ особенное вниманіе на модели, которыя служатъ для вычерчиванія линий, получаемыхъ при катаніи одной кривой по другой, см. №№ 92—105 каталога *G. Voigt, II Verzeichniss*; онъ находитъ, что свойства такихъ линий еще недостаточно изучены.

Почти всѣ модели коллекціи изготовлены въ мастерской *Gustav Voigt* въ Берлинѣ.

8. Издѣлія этой мастерской отличаются вообще изяществомъ и тщательностью отдѣлки; посѣщеніе ея представляло нѣкоторый интересъ, тѣмъ болѣе, что я познакомился уже съ мастерскими „*Société Genevoise pour la construction des instruments de physique et de mécanique*“ въ Женевѣ и *M. Digeon*—въ Парижѣ.

Мастерская *G. Voigt* очень мала по сравненію съ этими мастерскими: въ ней работаетъ въ настоящее время всего одиннадцать человѣкъ, но раньше, когда исполнялись заказы на полныя коллекціи всѣхъ моделей, указанныхъ въ каталогѣ, работало до тридцати человѣкъ; такой заказъ сдѣланъ былъ, напримѣръ, для университета въ Мюнхенѣ; полная коллекція обходится въ 60.000 марокъ.

Готовыхъ моделей, какъ и вездѣ въ мастерскихъ этого рода, у *Voigt* очень мало.

9. *Лабораторія для испытанія матеріаловъ*, состоящая при Берлинскомъ политехникумѣ, представляетъ лучшее изъ учрежденій этого рода на континентѣ Европы.

Лабораторія занимаетъ отдѣльное зданіе.

Въ большомъ залѣ находится *громадная горизонтальная машина съ силою въ 500 тоннъ* для испытанія растяженіемъ, сжатіемъ, гнутіемъ и крученіемъ; испытуемые образцы могутъ быть до 20 метровъ длиною.

Залъ, въ которомъ обыкновенно работаютъ студенты, содержитъ четыре машины силою въ 100 и 50 тоннъ: машины *Werder, Pohl-mayer* и *Martens*.

Слѣдующій залъ посвященъ испытаніямъ въ теченіе значительнаго промежутка времени съ аппаратами *Wilder*.

Далѣе имѣются особенныя отдѣленія, прекрасно обставленныя, для испытанія бумаги, масла, строительныхъ матеріаловъ—цемента, извести и т. д.

Лабораторія владѣетъ интересной коллекціей различныхъ деформированныхъ образцовъ: сломяные, согнутые, раздавленные, скрученные бруски; сосуды, разорванные давленіемъ воды и газа, и т. д.;

есть, кромѣ того, деревянныя и гипсовыя модели, изображающія разные случаи деформаций.

Въ лабораторіи ведутся *упражнения*, относящіяся къ курсу „ученія о матеріалахъ“ профессора *Martens*.

Упражнения состоятъ главнымъ образомъ въ испытаніи металловъ и изслѣдованіи различныхъ обстоятельствъ, которыя при этомъ имѣютъ мѣсто.

Чугунъ, желѣзо, сталь, мѣдь, латунь, свинецъ испытываются на растяженіе, давленіе, срѣзываніе, сплющиваніе, пробиваніе и гнутіе; испытываются затѣмъ на растяженіе металлы, употребляющіеся для снаиванія, отдѣльно и въ спайкѣ съ нѣкоторыми изъ предыдущихъ металловъ; изслѣдуются также различные матеріалы: проволоки, нитки, бумага, кожа, резина, волосъ, клей, шелкъ и др., и, наконецъ, смазочныя масла.

Каждый студентъ, приступающій къ упражненіямъ, получаетъ книгу, которая содержитъ планъ работъ съ подробнымъ объясненіемъ болѣе сложныхъ изслѣдованій и, кромѣ того, рядъ таблицъ для записыванія результатовъ изслѣдованій и графическаго ихъ изображенія.

И. В. Мещеряевъ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1892 ГОДУ ¹⁾.

Всѣхъ городскихъ училищъ въ Кавказскомъ округѣ въ началѣ 1892 года было 35, а къ концу его ихъ стало 36, вслѣдствіе преобразованія начального училища г. Асхабада Закаспійской области въ трехклассное городское по положенію 31-го мая 1872 года. По дирекціямъ училища располагались: въ Тифлисской — 9, въ Елисаветпольско-Эриванской и Карсской — 7, Кубанской — 6, Терской — 5, Кутаисской — 4, Бакинско-Дагестанской — 3, въ Ставропольской 1 и въ Закаспійской области, не имѣющей особой дирекціи, — 1. По классному составу училищъ имѣлось: двухклассныхъ — 2, именно, Новобаязетское и Кизлярское, трехклассныхъ — 25 и четырехклассныхъ — 9; во всѣхъ же училищахъ классовъ было 179, съ 227 отдѣленіями, и въ томъ числѣ 12 пригготовительныхъ классовъ. Ремесленные отдѣленія существовали при 9 училищахъ. Начиная съ 1872 года, когда заведено было первое городское училище при учительскомъ институтѣ въ 32 училищахъ окончило курсъ 3.184 ученика, и въ томъ числѣ въ отчетномъ году 345; четыре же училища, открытыя въ годахъ: 1889—Бакинское, 1891—Екатеринодарское и Тифлиское 2-е и 1892—Асхабадское не имѣли еще ни одного выпуска.

Во всѣхъ городскихъ училищахъ имѣются библіотеки фундаментальныя и ученическія, кромѣ училища, состоящаго при институтѣ, которое пользуется какъ его обѣими библіотеками, такъ и физическимъ кабинетомъ, равно и прочими учебными пособіями, и училища Мингрельскаго, которое въ отчетномъ году пострадало отъ бывшаго въ немъ

¹⁾ *Окончаніе.* См. ноябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

пожара на столько, что лишилось части библіотеки, физическаго кабинета и всѣхъ своихъ учебныхъ пособій; уцѣлѣлъ въ немъ одинъ лишь отдѣлъ библіотеки — фундаментальный. Къ 1-му января 1893 года въ 35 фундаментальныхъ отдѣлахъ состояло 23.733 названія, въ 59.590 томахъ, а въ 34 ученическихъ отдѣлахъ—10.955 названій, въ 18.523 томахъ; стоимость всѣхъ 34.688 названій простиралась до 89.641 р., и въ томъ числѣ новыхъ приобретеній было сдѣлано на 5.075 р. Физическихъ кабинетовъ не имѣютъ, кромѣ училища при институтѣ и нынѣ Мингрельскаго училища, еще два недавно открытыя училища Бакинское и Асхабадское; въ 32 же остальныхъ имѣется приборовъ 4.321, на сумму 22.182 р.; изъ этого числа въ теченіе года было приобретено 158 приборовъ за 1.387 р. Прочихъ учебныхъ пособій, за исключеніемъ училищъ при институтѣ и Мингрельскаго, имѣется по училищамъ 16.877 предметовъ, цѣною въ 43.773 р.; въ отчетномъ году приобретено вновь 2.204 предмета за 7.356 р.

На содержаніе городскихъ училищъ въ отчетномъ году поступило 256.681 р., а съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ—330.079 р., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства — 124.024 р., отъ 18-ти городскихъ обществъ — 60.121 р., отъ платы за ученіе — 49.836 р., а остальные 22.700 р. образовались изъ взноса казачьихъ войскъ, изъ земскихъ сборовъ, за содержаніе частныхъ пансіонеровъ, изъ взносов почетныхъ попечителей, пожертвованій, процентовъ съ капиталовъ и другихъ поступленій. Расходъ на содержаніе 36 училищъ въ отчетномъ году равнялся 251.586 р., и изъ нихъ употреблено: на наемъ и ремонтъ помѣщеній и хозяйственные расходы—47.742 р., на личный составъ и добавочное жалованіе—131.486 р., на учебныя пособія—13.818 р., на содержаніе параллелей—14.931 р., на содержаніе пансіонеровъ—15.325 р., и на пособія служащимъ и учащимся, на отчисленіе въ Кавказскій округъ и другія надобности—28.284 р. Размѣръ платы за ученіе въ городскихъ училищахъ колеблется отъ 3 до 16 р. въ годъ и взимается: въ 3 училищахъ по 16 р., въ 6— по 12 р., въ 13—по 10 р., въ 6—по 8 р., въ 2—по 6 р., въ 3— по 5 р., въ 1— 4 р., въ 1— 3 р., и въ 1, именно въ Бакинскомъ—обучаются бесплатно. Въ спеціальныя средства училищъ въ отчетномъ году поступило, кромѣ сбора за ученіе въ 49.836 р., еще 14.489 р., а именно: отъ почетныхъ попечителей—2.424 р., процентовъ съ капиталовъ—1.509 р., разныхъ пожертвованій и изъ другихъ источниковъ—8.297 р., платы за содержаніе частныхъ воспитанниковъ—

2.250 р., всего же 64.316 р., а съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ въ 72.999 р.—137.315 р. Изъ этого числа израсходовано 59.775 р. и осталось къ 1-му января 1893 года — 77.540 р. Освобожденных отъ платы за ученіе было въ первое полугодіе 1.359, во второе—1.357, а воспитывалось бесплатно въ двухъ пансіонахъ—при Ахалцыхскомъ и Закатальскомъ училищахъ и въ конвиктѣ при Пушкинскомъ училищѣ—70 учениковъ, изъ коихъ 55 на счетъ казны, 14—на счетъ разныхъ обществъ и 1—экономическій. Сумма, которую должны были бы уплатить всѣ эти ученики, равняется 21.049 р. Общества для пособія недостаточнымъ ученикамъ существуютъ при 12 училищахъ. Къ началу отчетнаго года они располагали суммой въ 14.631 р., въ теченіе года поступленій новыхъ было 5.542 р., израсходовано—4.273 р., и къ концу года оставалось—15.900.

Изъ городскихъ училищъ пользуются собственными зданіями—7, зданіями, отведенными для нихъ городскими обществами,—11 и помѣщаются въ наемныхъ—17; за немногими исключеніями, всѣ эти помѣщенія не могутъ быть признаны достаточно удобными. Среднее содержаніе воздуха на 1 ученика равняется 12,7 куб. арш.; наибольшее количество воздуха приходится лишь въ пяти училищахъ—отъ 17,5 до 21,6; въ остальныхъ же отъ 17,2 до 6,6 куб. арш. На частныхъ квартирахъ проживаетъ 705 учениковъ, или 10,2% всего числа учащихся, и изъ нихъ почти $\frac{2}{3}$ принадлежатъ 4 училищамъ: Озургетскому—130, Мингрельскому—114, Кутаисскому—105 и Горійскому—80. Всѣ эти 705 не живущіе съ родителями ученики посѣщались членами педагогическихъ совѣтовъ въ теченіе отчетнаго года 2.362 раза, а изъ училищъ многія были осмотрѣны самимъ г. попечителемъ, окружными инспекторами, а также архіереями, начальниками областей и губернаторами.

Всѣхъ служащихъ въ городскихъ училищахъ къ концу отчетнаго года состояло 364 лица, а именно: почетныхъ смотрителей—23, инспекторовъ—33, завѣдывающихъ—2, законоучителей—65, учителей—93, помощниковъ учителей и сверхштатныхъ—49, прачей—25, учителей гимнастики, пѣнія, ремеслъ и другихъ служащихъ—74. Вновь назначенныхъ было 85, въ томъ числѣ: почетныхъ смотрителей—4, инспекторовъ—5, законоучителей—9, учителей—10, ихъ помощниковъ—21 и прочихъ служащихъ—36. Выбыло—59 и изъ нихъ: умерло—6, перемѣщено въ другія учрежденія—23 и уволено—30.

Въ 1891—1892 учебномъ году дней классныхъ занятій было, въ среднемъ, 184,7; уроки начинались въ училищахъ Сѣвернаго Кав-

каза съ 20-го августа, а въ училищахъ Закавказскаго края съ 1-го сентября, и всюду продолжались до 1-го іюня. Учащіе должны были дать 125.845 уроковъ, изъ коихъ пропущено 6.147, и въ томъ числѣ по причинѣ болѣзни—48,3%, а прочіе 51,7%, по служебнымъ обязанностямъ, по вызову въ судъ, по домашнимъ и т. п. причинамъ; но изъ числа пропущенныхъ уроковъ большая часть была возмѣщена другими лицами; такъ, инспекторами дапо было 939 уроковъ, учителями—1.608; затѣмъ, ученики были заняты подъ руководствомъ учителей—1.299 и самостоятельно—402 свободныхъ часа. Всѣхъ за сѣданій педагогическихъ совѣтовъ въ теченіе отчетнаго года было 1.273; кромѣ обсужденія хозяйственныхъ вопросовъ и вообще всѣхъ дѣлъ по внутреннему распорядку въ училищахъ, совѣты подвергали испытаніямъ на разныя учительскія званія и на первый классный чинъ 109 лицъ, изъ коихъ 90 выдержали ихъ удовлетворительно и получили соотвѣтственныя званія и права, а именно: учителей городскихъ начальныхъ училищъ—16 и таковыхъ же учительницъ—3, учителей сельскихъ начальныхъ училищъ—30 и таковыхъ же учительницъ—4, остальные 37 — получили право на чинъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, совѣты заботились о развитіи и объ организаціи новыхъ оркестровъ, церковныхъ хоровъ, о веденіи при содѣйствіи учащихся метеорологическихъ наблюденій и проч.; учителя и ученики продолжали охотно пополнять коллекціи устроенныхъ почти при всѣхъ училищахъ школьныхъ музеевъ, для чего совершали экскурсіи съ опредѣленными ботанико-зоологическими цѣлями; равно обращалось вниманіе на развитіе занятій ремеслами и нѣкоторыми отраслями сельскаго хозяйства. Личный составъ учащихъ принималъ всѣ зависящія мѣры къ установленію правильнаго надзора за учениками какъ въ самихъ училищахъ, такъ и внѣ стѣнъ послѣднихъ, а всѣ педагогическіе совѣты прилагали стараніе къ развитію и точному исполненію тѣхъ мѣръ, о коихъ уже заявлено было въ отчетахъ г. попечителя за предыдущіе годы.

Нѣсколько лицъ, служащихъ и обучающихся въ городскихъ училищахъ, заявили себѣ въ отчетномъ году самостоятельными трудами, а именно: инспекторъ Ахалцыхскаго училища П. Петровъ, состоящій корреспондентомъ главной физической обсерваторіи, производилъ, въ г. Ахалцыхѣ съ 16-го октября отчетнаго года наблюденія надъ грозами и атмосферными осадками, а по предложенію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и метеорологической при немъ комиссіи, производилъ наблюденія надъ періодическими явленіями природы,

имѣющими сельско-хозяйственное значеніе, и представилъ туда же отчетъ о наблюденіяхъ надъ снѣговымъ покровомъ, метелями, вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ въ г. Майколѣ; всѣ упомянутыя наблюденія напечатаны въ изданіяхъ главной физической обсерваторіи и Географическаго Общества; помощникъ учителя Ахалцыхскаго училища А. Микеладзе написалъ по грузинской словесности статью: „Похожденія царевича Георгія“, напечатанную въ XIII выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа“. Учитель Горійскаго училища П. И. Намченко организовалъ, при помощи учениковъ училища, училищный музей, содержащій до 500 разныхъ предметовъ; сверхштатный учитель того же училища С. С. Ламаури напечаталъ нѣскольکو статей въ грузинской газетѣ *Иверія*. Директоръ народныхъ училищъ Терской области С. Ѳ. Грушевскій выпустилъ 22-мъ изданіемъ книгу: „Первая учебная книга церковно-славянскаго языка и 7-е изданіе „Образцы и черченіе по клѣткамъ“. Инспекторъ Моздокскаго училища П. А. Буровъ производилъ наблюденія надъ атмосферными осадками, направленіемъ и силою вѣтра и временемъ замерзанія и вскрытія водъ и наблюденія свои сообщилъ въ С.-Петербургскую главную и Тифлисскую физическую обсерваторіи. Инспекторъ Пятигорскаго училища Г. И. Абозинъ изготовилъ 9 экземпляровъ чучель птицъ мѣстныхъ породъ; учитель того же училища Теръ-Аветикянцъ собралъ во время экскурсій съ учениками 36 породъ (видовъ) мѣстныхъ насѣкомыхъ и составилъ изъ нихъ коллекцію. Учитель-инспекторъ Баталпашинскаго училища С. Г. Потаповъ завѣдывалъ метеорологическою станціею, дѣлая наблюденія надъ грозами, атмосферными осадками, снѣговымъ покровомъ, метелями, вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ, и эти наблюденія отправлялъ въ главную физическую обсерваторію. Равно учитель-инспекторъ Темрюкскаго училища О. Ф. Арканниковъ производилъ такія же наблюденія надъ грозами и атмосферными осадками и отправлялъ ихъ въ главную физическую обсерваторію, а о своихъ наблюденіяхъ надъ снѣговымъ покровомъ, метелями, вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ въ городѣ Темрюкѣ и его окрестностяхъ и объ наблюденіяхъ надъ періодическими явленіями природы, имѣющими сельско-хозяйственное значеніе доставлялъ отчеты въ метеорологическую комиссію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества; онъ же напечаталъ въ газетѣ *Сѣверный Кавказъ* статью „Санитарное состояніе г. Темрюка“.

Всѣхъ учащихся въ 36-ти городскихъ училищахъ въ началѣ от-

отнаго года состояло 6.699; въ теченіе года число это увеличилось на 858 ученика, и къ 1-му января 1893 года было 7.052 учениковъ, въ томъ числѣ пансіонеровъ 123 и 6.929 приходящихъ. По числу учащихъ болѣе всего находится въ 4-хъ училищахъ: Екаторинодарскомъ 366, въ Кутанскомъ—330, въ Тифлискомъ 1-мъ—320 и въ Озургетскомъ—312; затѣмъ, отъ 250 до 300 въ 4-хъ училищахъ: Ставропольскомъ—298, Мингрельскомъ—278, Ахалцыхскомъ—271 и Сигнахскомъ—251; отъ 200 до 250—въ 8-ми училищахъ, отъ 150 до 200—въ 10-ти училищахъ, отъ 100 до 150—въ 7-ми училищахъ, болѣе 50 въ двухъ училищахъ и менѣе 50—въ одномъ Кизлярскомъ—всего 46. Воспитанниковъ имѣли въ этихъ же училищахъ: Шушинское—20, при которомъ существуетъ конвиктъ на это число мальчиковъ, Закапальское—29, гдѣ пансіонъ на 25 казенно-коштныхъ и на 10 воспитанниковъ-конвиктеровъ, Тифлиское—50, при которомъ общежитіе, содержимое на суммы Закавказской желѣзной дороги, и Ахалцыхское—14, имѣющее также общежитіе для воспитанниковъ сельскихъ обществъ и другихъ частныхъ стипендіатовъ. Подававшихъ прошеніе о приѣмѣ было 2.991, изъ коихъ не принято по недостатку мѣста 438, по невыдержанію испытанія—147 и по другимъ причинамъ—82, всего 667; изъ принятыхъ же 2.324 попали по свидѣтельствамъ—90, изъ училищъ: казенныхъ—305, общественныхъ—568, частныхъ—319 и по домашней подготовкѣ—1.042; всѣ вновь поступившіе распредѣлены по преимуществу въ 1-е отдѣленіе, затѣмъ во 2-е и подготовительные классы. Выбыло за годъ 1.971, въ томъ числѣ: окончило курсъ—345, удалено за неуспѣшность и поведеніе—79, за невзносъ платы—181, по болѣзни—56, по прошеніямъ—1.268 и умерло—42. Выбывшіе по прошенію поступили или въ другія заведенія—309, или на частную дѣятельность—338, а также на службу гражданскую и военную—74; о намѣреніи остальныхъ 547 ничего неизвѣстно.

Учащсея распредѣлялись: 1) по національностямъ: русскіе—2.717, грузины, имеретины, сванеты и мингрельцы—1.618, армяне—1.345, татары—270, горцы—96, евреи—113 и иностранцы—293; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—4.483, армяно-григоріанъ—1.869, католиковъ—176, протестантовъ—48, евреевъ—116, мусульманъ—308 и проч. исповѣданій—52; 3) по сословіямъ: дворянъ—972, духовнаго званія—263, разныхъ городскихъ сословій—3.717, крестьянъ—1.264, нижнихъ чиновъ и казаковъ—772, иностранцевъ—57.

Въ концѣ учебнаго 1891—1892 года учащихся по училищамъ было 6.279, изъ которыхъ переведено въ слѣдующіе отдѣленія и классы — 4.269. Изъ необязательныхъ предметовъ воспитанники обучаются языкамъ: грузинскому—въ 8 училищахъ 1.126 учениковъ, армянскому—въ 15 училищахъ 1.524 ученика, татарскому—въ 7 училищахъ 221 ученикъ и французскому—въ 1 училищѣ, именно, въ Горійскомъ, 35 человѣкъ. Пѣніе и гимнастика преподаются во всѣхъ училищахъ, а въ 15 училищахъ организованы оркестры болѣе или менѣе полныя. Въ видахъ педагогическихъ, при нѣкоторыхъ училищахъ, гдѣ изысканы были хотя нѣкоторыя средства, организованы по возможности правильныя занятія ремеслами, а также шелководствомъ, садоводствомъ и пчеловодствомъ. Такъ, въ Ейскомъ училищѣ 24 ученика занимались столярно-токарнымъ ремесломъ по 1½ часа черезъ день; въ Моздокскомъ—32 ученика обучались столярному ремеслу и 44 шелководству; въ Кизлярскомъ—34 ученика шелководству, въ Георгіевскомъ—все ученики принимали участіе въ садовыхъ работахъ, а 81 обучались шелководству, 36 столярному и 12 слесарнымъ работамъ; въ Пятигорскомъ, Тифлисскомъ 1-мъ и Сигнахскомъ введены занятія шелководствомъ, въ Закатальскомъ, кромѣ шелководства, которому обучается 48 учениковъ, ведутся для пансіонеровъ и занятія въ столярной мастерской, и тамъ ихъ обучается 29 человѣкъ, равно и въ Нахичеванскомъ, кромѣ шелководства, желающіе, коихъ 10, обучаются столярному и слесарному ремесламъ, наконецъ, въ Ахалкалакскомъ училищѣ—ученики принимали участіе въ устройствѣ пчельника и сада и посадкѣ деревьевъ. Кромѣ того, при двухъ училищахъ имѣются особыя отдѣленія, руководствующіяся уставомъ, утвержденнымъ учебнымъ начальствомъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1869 года. При Баталпашинскомъ существуетъ ремесленное отдѣленіе, гдѣ курсъ трехлѣтній и преподаются мастерства: столярное, кузнечное, слесарное, сѣдельное и шорное; въ немъ обучаются какъ ученики училища, такъ и посторонніе и къ концу отчетнаго года всѣхъ учащихся состояло 47, въ томъ числѣ постороннихъ 21; сверхъ того, 24 ученика обучались садоводству и пчеловодству. При Ахалцыхскомъ училищѣ въ 1890 году открыто сельско-хозяйственное отдѣленіе съ трехлѣтнимъ курсомъ для не учениковъ городского училища и пятилѣтнимъ для учениковъ сего послѣдняго. Отдѣленіе имѣетъ свой пансіонъ для стипендіатовъ сельскихъ обществъ, вносящихъ, по приговорамъ, за cadaго воспитанника отъ 180 до 160 р. въ годъ. Въ курсъ входятъ, кромѣ обученія столяр-

ному и слесарному ремесламъ, для чего имѣются мастерскія, еще отрасли сельскаго хозяйства: огородничество, садоводство, пчеловодство и шелководство и для практическихъ занятій имѣется участокъ земли въ 2 десятины 560 квадр. сажень. Есть также ферма. Для обученія всѣмъ этимъ отраслямъ хозяйства приглашенъ специалистъ ученый садоводъ и мастера; теоретическихъ уроковъ назначено по 6 въ недѣлю, а исполненіе практическихъ работъ ведется ежедневно, начиная съ сентября до холодовъ, на это полагается по 4—5 часовъ въ день, затѣмъ съ марта по іюнь—6 часовъ и лѣтомъ—8 часовъ, и каникулами занятія продолжаются группами. Сверхъ того, учащіеся занимаются отъ 2 до 3 часовъ ежедневно въ мастерскихъ, столярной и слесарной, по выбору, а не ученики училища имѣютъ уроки по русскому языку, арифметикѣ, геометріи, черченію и рисованію. Изъ учащихъ—приходящихъ 26 и пансіонеровъ 15. Введенныя въ училищѣ занятія шелководствомъ и пчеловодствомъ не получили еще пока должнаго развитія по недостатку средствъ. Такое же отдѣленіе организуется нынѣ при Мингрельскомъ городскомъ училищѣ, въ которомъ введено обученіе ручному труду, а также столярныя работы и занятія садоводствомъ и огородничествомъ на участкѣ земли, прилежащемъ къ училищу.

Поведеніе учениковъ, за отчетный годъ въ общемъ, было вполне удовлетворительно. Изъ 7.052 учащихъ исключено всего 30, а подвергнуто разнымъ взысканіямъ 984. Высшую отлѣтку 5 имѣли 5.967 учениковъ, отлѣтку 4—849, 3—222 и 2—14 учениковъ. Изъ всего числа уроковъ пропущено учащимися 154.161 или 1 ученикомъ 21,9, въ томъ числѣ по причинѣ болѣзни 99.047 разъ. Отдѣльныхъ случаевъ заболѣваній было 6.873, то-есть, 97 на 100 учениковъ, и изъ нихъ со смертнымъ исходомъ 42.

Горскихъ школъ въ округѣ было 5, и съ 13-го марта отчетнаго 1892 г. три изъ нихъ, именно Терской области—окружная въ слободѣ Налчикъ и начальныя въ Назранѣ и гор. Грозномъ, по силѣ Высочайшаго повелѣнія, переданы въ полное вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, а остальные двѣ—въ городѣ Майкопѣ Кубанской области и въ городѣ Сухумѣ Кутаисской губерніи, за возникшимъ предположеніемъ относительно преобразования ихъ въ промышленныя училища, оставлены на прежнемъ основаніи, вполне руководствуются уставомъ для горскихъ школъ, Высочайше утвержденнымъ 20-го октября 1859 года. Классовъ въ школахъ 19, въ томъ числѣ основныхъ 10 и приготовительныхъ 9, изъ которыхъ 1 въ Майкопской

школъ и по 2 въ остальныхъ; отдѣленій 24. За все время существованія школъ, начиная съ 1860 года, школы имѣли 123 выпуска и въ нихъ окончило курсъ 1.137 учениковъ, въ томъ числѣ въ отчетномъ году—42.

Горскія школы имѣютъ фундаментальныя и ученическія бібліотеки, въ коихъ состоитъ всего 4.476 названій въ 10.719 томахъ, стоимостью 12.331 р.; въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено на 509 р. Физическіе кабинеты имѣются только въ Пальчикской и Сухумской школахъ; въ нихъ приборовъ 238, цѣною въ 722 р., а разныхъ учебныхъ пособій школы имѣютъ 1.894 предмета, стоимостью 4.268 р., изъ коихъ вновь приобрѣтено было 93 предмета въ 205 р.

На содержаніе школъ въ отчетномъ году поступило 50.402 р., а съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ—всего 54.515 р., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства—37.405 р., изъ суммъ земскихъ—6.205 р., отъ платы за ученіе и содержаніе воспитанниковъ—5.416 р., разныхъ пожертвованій и поступленій—1.376 р. Израсходовано на школы 49.775 р., а именно: на наемъ и ремонтъ помѣщеній и хозяйственные расходы—12.273, на содержаніе личнаго состава и пособіе служащимъ—15.564 р., на содержаніе пансіонеровъ и пособіе учащимся—18.584 р., на учебныя пособія—986 р. и на прочія нужды—2.368 р. Въ среднемъ, обученіе 1 ученика обошлось въ 41 р., а содержаніе 1 воспитанника—106 р. Размѣръ платы за ученіе колеблется отъ 3 до 6 р. въ годъ, и таковой платы въ отчетномъ году поступило 1.280 р., при чемъ освобождено было отъ взноса ея въ первое полугодіе 79 учениковъ, во второе—76; а плата за содержаніе въ пансіонѣ казеннокоштныхъ была: въ Майкопской, Грозненской и Пальчикской по 60 р. въ годъ, въ Назрановской—98 р. и въ Сухумской 142 р., и таковыхъ пансіонеровъ воспитывалось въ 1-е полугодіе—154, во 2-е—158; за частныхъ же воспитанниковъ въ первыхъ трехъ школахъ взимается по 80 р., въ Назрановской 75 р. и въ Сухумской 128 р.; въ отчетномъ году на счетъ разныхъ учреждений воспитывалось въ 1-е полугодіе 40 и во 2-е полугодіе 41 пансіонеръ. Такимъ образомъ сумма, которую слѣдовало внести обучающимся бесплатно, равнялась 281 р., а воспитывавшимся бесплатно—равнялась 16.258 р. Въ спеціальныя средства въ отчетномъ году поступило: платы за ученіе—1.280 р., платы за содержаніе воспитанниковъ—4.136 р., процентовъ съ капиталовъ и другихъ поступленій—2.931 р., всего же—8.347 р., изъ коихъ израсходовано на содержаніе пансіонеровъ и другія нужды школъ—

7.979 р. Къ 1-му января 1893 года всѣхъ специальныхъ средствъ, съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ было 4.481 р.

Всѣ горскія школы номѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ, кромѣ Грозненской, которая пользуется наемнымъ номѣщеніемъ; лучшими по общему устройству, по размѣрамъ классовъ и спаленъ слѣдуетъ признать помѣщенія Майкопской, Сухумской и Назрановской. Хотя ученическія квартиры вовсе не существуютъ, такъ какъ всѣ входящіе ученики живутъ или съ родителями, или у близкихъ родственниковъ, тѣмъ не менѣе служащіе въ школахъ всѣхъ ихъ посѣщали, и таковыхъ посѣщеній въ отчетномъ году было сдѣлано 119; всѣ же школы были посѣщены начальниками областей, округовъ и отдѣловъ, а нѣкоторыя изъ нихъ осмотрѣны были г. Попечителемъ и окружными инспекторами.

Всѣхъ служащихъ въ горскихъ школахъ въ отчетномъ году было 53 лица, въ томъ числѣ почетныхъ попечителей—3, смотрителей—5, законоучителей—6, учителей—17, врачей—3 и лицъ на другихъ должностяхъ—19. Вновь назначено и перемѣщено—20 (въ томъ числѣ 3 смотрителя, 1 законоучитель и 5 учителей) и выбыло также 20, изъ коихъ 2 умерло, 7 перешло на службу въ другія учрежденія или вѣдомства и 11 оставили службу. Изъ всего числа 14.700 уроковъ, которые слѣдовало дать, пропущено 657, въ томъ числѣ 387 по болѣзни. Засѣданій совѣтовъ въ теченіе года было 74, предметами занятій коихъ, кромѣ хозяйственныхъ вопросовъ по школамъ и пансіонамъ, было обсужденіе вопросовъ учебно-воспитательныхъ. Изъ служащихъ въ школахъ одно лицо, именно смотритель Назрановской школы Д. Д. Дмитріевъ, помимо своихъ служебныхъ обязанностей занимался научными препаратами и изготовилъ 8 экземпляровъ чучель птицъ мѣстныхъ породъ и нѣсколько экземпляровъ спиртовыхъ препаратовъ змѣй, раковъ и рыбъ.

Всѣхъ учащихся въ началѣ отчетнаго года было 565, въ теченіе года число это увеличилось на 30 человекъ и къ концу года было 595, въ томъ числѣ входящихъ 352 и пансіонеровъ—243. По числу учащихся школы стоятъ такъ: Сухумская—193, Грозненская—152, Пальчикская—106, Назрановская—78 и Майкопская—66, а изъ пяти пансіоновъ воспитанниковъ болѣе всего въ Пальчикскомъ—77, затѣмъ въ Сухумскомъ—56, въ Майкопскомъ—46, въ Грозненскомъ—44 и въ Назрановскомъ—20. Желавшихъ поступить въ горскія школы и подававшихъ о томъ прошенія было въ отчетномъ году 229, изъ которыхъ не принято по недостатку мѣста 28 и по невыдержанію

испытанія 5, всего 33; принятые же 196 поступили изъ училищъ: казенныхъ—25, общественныхъ—13, частныхъ—85 и съ домашней подготовкой—73 и размѣщены 180 въ приготовительный и 16 въ 1-й классы. Выбыло въ теченіе года 166 учениковъ, въ томъ числѣ: за окончаніемъ курса—42, по неуспѣшности и неодобрительному поведенію—11, по болѣзни—3, за невзносъ платы—1, по домашнимъ обстоятельствамъ—105 и за смертью—4.

Учащіеся распредѣлялись: 1) по національностямъ: русскихъ—172, грузинъ—93, армянъ—25, горцевъ—258, евреевъ—19 и другихъ національностей—28; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—348, армяно-григоріанъ—25, католиковъ—2, протестантовъ—6, евреевъ—12, мусульманъ—193 и прочихъ исповѣданій—2; 3) по сословіямъ: дворянъ—157, духовнаго званія—4, разныхъ городскихъ сословій—174, крестьянъ—173, нижнихъ чиновъ и казаковъ—86 и иностранцевъ—1.

Изъ 492 учениковъ, бывшихъ въ концѣ учебнаго года, переведено въ слѣдующіе классы 384. Сверхъ предметовъ, обязательно преподаваемыхъ согласно дѣйствующимъ программамъ, учащіеся занимались еще слѣдующими предметами необязательно: французскимъ языкомъ—въ Пальчикской школѣ 44 ученика, арабскимъ языкомъ—въ Пальчикской и Назрановской школахъ 115 учениковъ, пѣніемъ—во всѣхъ школахъ, мастерствами: столярнымъ и токарнымъ—кромя Сухумской, во всѣхъ прочихъ школахъ 81 ученикъ, слесарнымъ—въ Майкопской 5 учениковъ, переплетнымъ—въ Майкопской и Назрановской 23 ученика, садоводствомъ и огородничествомъ—кромя Сухумской, въ прочихъ школахъ 201 ученикъ и шелководствомъ занимаются пока въ 3 школахъ; музыкѣ обучаются въ Майкопской и Нальчикской школахъ 46 учениковъ, и въ послѣдней имѣется и духовой оркестръ; военной гимнастикѣ и на снарядахъ обучаются въ Сухумской, Нальчикской и Майкопской школахъ, и въ остальныхъ общей гимнастикѣ всѣхъ 326 учениковъ.

Поведеніе учащихся въ отчетномъ году въ общемъ было хорошее: изъ 595 учениковъ взысканіямъ подвергались 33, а отмѣтку 5 за поведеніе имѣли 489 учениковъ, отмѣтку 4—88, остальные 18 учениковъ—3. Пропущено учениками уроковъ 13.406, или однимъ ученикомъ 22,5, въ томъ числѣ по болѣзни 7.875 уроковъ. Случаевъ заболѣваній было 975—на 100 учениковъ 164 случая, а смертныхъ случаевъ—4.

Ремесленныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи округа, имѣется

7, а именно: 1) Батумское училище, открытое въ 1889 году на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія о промышленныхъ училищахъ и штата, руководствуется уставомъ ремесленныхъ училищъ 1889 года. Училище, постепенно развиваясь, въ отчетномъ году дало уже 1-й выпускъ, состоявшій изъ 6 человекъ. Оно состоитъ изъ трехъ классовъ и двухъ отдѣленій: столярно-токарнаго и кузнечно-слесарнаго, а изъ предметовъ въ немъ преподаются, по программамъ 1890 года министерства народнаго просвѣщенія: Законъ Божій, русскій языкъ, ариметика со счетоводствомъ, геометрія, основныя понятія изъ физики и механики, технологія дерева и металловъ, рисованіе, черченіе геометрическое и техническое, чистописаніе. 2) Владикавказское графа Лориса-Меликова четырехклассное, съ пятилѣтнимъ курсомъ, училище, открытое первоначально въ 1868 году, затѣмъ преобразовано въ настоящій его типъ въ 1886 году, руководствуется особымъ положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ въ томъ же 1886 году. Въ немъ образовательный курсъ проходитъ примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ по положенію 1872 года, и изъ общихъ предметовъ преподаются: законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, геометрія, географія, исторія, черченіе и рисованіе, а изъ прикладныхъ предметовъ—техническое черченіе, счетоводство и краткія свѣдѣнія: по гигиенѣ, естественной исторіи, физики и технологіи дерева и металловъ; изъ ремеслъ преподаются: столярное, слесарное, токарное, кузнечное, и дѣлаются необходимыя приспособленія для введенія литейнаго. Оканчивающіе курсъ сего училища пользуются по отбыванію воинской повинности правами III разряда. 3) Ставропольское Михайловское, съ трехлѣтнимъ курсомъ обученія училище, открытое въ 1872 году, руководствуется уставомъ, утвержденнымъ въ іюль того же 1872 года бывшимъ намѣстникомъ Кавказа. Въ число предметовъ преподаванія входятъ: законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, геометрія, черченіе, рисованіе, технологія дерева и металловъ, а изъ ремеслъ—столярное, токарное, слесарное, кузнечное и литейное. 4) Елисаветпольское Михайловское, открыто въ 1884 году и руководствуется пока особымъ частнымъ уставомъ, утвержденнымъ г. попечителемъ округа, впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, выработаннаго для него положенія. Училище состоитъ изъ двухъ пригготовительныхъ классовъ, съ 4 послѣдовательными отдѣленіями и 4 спеціальныхъ классовъ. Ученики I класса знакомятся съ садоводствомъ, шелководствомъ и огородничествомъ; ученики старшаго пригготовительнаго класса зани-

маются въ мастерскихъ черезъ день по 4 часа и столько же употребляютъ на занятія садоводствомъ, а ученики младшаго приготовительнаго класса исполняютъ легчайшія работы въ саду; ученики II, III и IV классовъ изучаютъ ремесла каждый по одному изъ отдѣленій: столярному, кузнечно-слесарному и бондарному. 5) Закатальское училище открыто въ 1882 году и руководствуется уставомъ, утвержденнымъ г. попечителемъ округа; состоитъ оно изъ двухъ классовъ съ 4-мя отдѣленіями и общеобразовательные предметы преподаются въ немъ въ объемѣ курса начальныхъ училищъ, а изъ ремеслъ обучаютъ: столярному, токарному, кузнечному, слесарному и литейному; также ученики знакомятся и съ шелководствомъ. 6) Тифлисское четырехклассное училище, открыто въ 1880 году, на правахъ частнаго учебнаго заведенія, въ коемъ преподаются изъ предметовъ: законъ Божій, русскій языкъ, туземные языки, географія, исторія, ариметика, геометрія, естествовѣдѣніе, счетоводство, технология дерева и металловъ, также черченіе, рисованіе и чистописаніе, а изъ ремеслъ—столярное съ токарнымъ, слесарное съ кузнечнымъ и литейное. 7) Бакинское училище, открытое въ 1888 году на правахъ также частнаго учебнаго заведенія, состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ классовъ, въ которыхъ, кромѣ общеобразовательныхъ и нѣкоторыхъ прикладныхъ предметовъ, преподаются 4 ремесла: столярное, токарное, слесарное и кузнечное.

За все время своего существованія эти училища дали 53 выпуска, при чемъ окончилъ курсъ 448 молодыхъ людей, и въ томъ числѣ въ отчетномъ году 60 человекъ, которые выпущены изъ 6 училищъ,— въ 7-мъ же училищѣ, именно Бакинскомъ, выпуска не было произведено, такъ какъ по причинѣ охватившей жителей Баку паники во время появленія холеры, всѣ занятія классныя и въ мастерскихъ сами собою прекратились; послѣдствіемъ такого перерыва въ занятіяхъ было то, что для многихъ учениковъ явилась необходимость остаться на 2-й годъ въ одномъ и томъ же классѣ, а ученикамъ, сдавшимъ выпускной экзаменъ, пришлось остаться еще на одинъ годъ для окончанія недодѣланныхъ выпускныхъ работъ. Нѣкоторые изъ училищъ собрали свѣдѣнія о своихъ питомцахъ, окончившихъ курсъ въ отчетномъ году. Такъ, изъ 6 учениковъ, выпущенныхъ изъ Ставропольскаго училища, двое занялись кровельными работами, одинъ состоитъ при мукомольной мельницѣ своего отца, одинъ поступилъ на частную дѣятельность и двое выѣхали изъ города; изъ 9, окончившихъ курсъ во Владикавказскомъ училищѣ выработались

трое въ столяровъ и шестеро въ слесарей, и изъ 3 столяровъ, одинъ, осетинъ, открылъ мастерскую и складъ земледѣльческихъ орудій въ родномъ селѣ, другой, казакъ, поступилъ учителемъ ремесла въ станичное училище, третій, также казакъ, исполняетъ частные заказы въ своей станицѣ, и изъ 6 слесарей—двое еще не пристроились, а четверо состоятъ: одинъ—помощникомъ машиниста на Петровской желѣзной дорогѣ, другой, казакъ, поступилъ на службу вольноопредѣляющимся, третій—въ частной мастерской и четвертый—въ мастерской почтово-телеграфнаго округа; наконецъ, изъ 6 учениковъ Батумскаго училища—столяръ опредѣлился въ рамочное отдѣленіе одного изъ магазиновъ города Батума, а изъ 5 слесарей—двое работаютъ въ городѣ Батумѣ въ депо желѣзной дороги, одинъ помощникомъ машиниста, а остальные два выбыли въ городъ Тифлисъ.

Всѣ училища, кромѣ Закатальскаго, имѣютъ бібліотеки, въ отдѣлахъ фундаментальныхъ которыхъ содержится 1.385 названій въ 2.600 томахъ, стоимостью 4.350 р., и въ ученическихъ — 1.199 названій въ 2.440 томахъ, стоимостью 2.026 р. и за годъ пополнились оба отдѣла на 1.220 р. Физическіе кабинеты не имѣются въ 2 училищахъ—Закатальскомъ и Бакинскомъ; и въ прочихъ они не велики, въ нихъ всего 381 приборъ, на сумму 1.828 р., и въ томъ числѣ вновь приобрѣтено 74 прибора на 318 р. За то мастерскія во всѣхъ училищахъ хороши, такъ какъ на устройство и обстановку ихъ обращено должное вниманіе, и общая стоимость инструментовъ и другихъ предметовъ въ нихъ находящихся, коихъ числомъ 23.481, оценывается въ 59.513 р., въ томъ числѣ новыхъ обзаведеній сдѣлано въ количествѣ 2.026 предметовъ на 2.036 р. Прочихъ учебныхъ пособій по училищамъ имѣется 4.747 предметовъ на 4.469 р., и изъ нихъ вновь приобрѣтено 346 предметовъ на сумму 658 р.

На содержаніе 7 училищъ въ отчетномъ году поступило 168.895 р., а съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ 207.502 р., и въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства—16.458 р., отъ Терскаго казначьяго войска—2.490 р., отъ городскихъ и сельскихъ обществъ—84.467 р., изъ земскихъ сборовъ—9.958 р., сбора за право ученія—1.218 р., за содержаніе частныхъ пансіонеровъ—3.389 р., отъ почетныхъ попечителей, пожертвованій и другихъ поступленій—50.915 р. Израсходовано на училища 176.597 р., а именно: на содержаніе личнаго состава и на пособія—61.408 р., на хозяйственныя надобности—17.953 р., на содержаніе пансіонеровъ и на пособія ученикамъ—24.274 р., на учебныя пособія—4.232 р., на наемъ и ремонтъ по-

мѣщеній—17.848 р. и на другіе расходы—50.887 р. Средняя стоимость обученія 1 ученика, колеблющаяся отъ 468 р.,—какъ въ Бакинскомъ училищѣ, до 132 р.,—какъ въ Владикавказскомъ, не можетъ быть принята за нормальную, въ виду тѣхъ затратъ, которыя дѣлаются одновременно на первоначальное обзаведеніе мастерскихъ Бакинскаго, Батумскаго и другихъ училищъ. Плата за ученіе взимается по училищамъ, кромѣ Тифлискаго, въ размѣрахъ: въ Ставропольскомъ—3 р., въ Батумскомъ—6 р., въ Бакинскомъ—10 р., въ Елисаветпольскомъ—12 р., въ Закатальскомъ—24 р., во Владикавказскомъ—25 р., и всего отъ учениковъ поступило 1.218 р., а за содержаніе воспитанника, какъ казеннаго, такъ и частнаго,—училища получаютъ отъ 84 до 120 р., и такого сбора съ воспитанниковъ поступило 3.389 р. Отъ платы за ученіе освобождено было въ 1-мъ полугодіи 49 и во второмъ—60 человекъ; а воспитывалось на счетъ казны, казачьихъ войскъ, разныхъ учреждений и на экономической счетъ въ 1-мъ полугодіи 200 и во 2-мъ полугодіи—205 воспитанниковъ. Всѣхъ же специальныхъ средствъ въ отчетномъ году въ училища поступило—отъ сбора платы за ученіе и воспитаніе, отъ взносов попечителей, пожертвованій, процентовъ съ капиталовъ и другихъ источниковъ—60.452 р., и отъ прежнихъ лѣтъ оставалось 38.607 р., всего было 99.059 р.; изъ этой суммы израсходовано 70.859 р., и къ 1-му января 1893 года состояло 28.200 р.

Всѣ училища имѣютъ собственные дома, кромѣ Бакинскаго, которое помѣщается въ наемномъ зданіи; сверхъ того, три училища владѣютъ земельнымъ имуществомъ, а именно: Владикавказское училище имѣетъ слишкомъ 14 десятинъ въ двухъ участкахъ, изъ которыхъ на одномъ разведенъ фруктовый садъ въ 1.200 деревьевъ, огородъ и небольшая насадка съ ульями различныхъ системъ, а на другомъ—огородъ и сѣнокосъ; у Елисаветпольскаго училища также два участка, изъ которыхъ одинъ занятъ подъ древесную школу и огородъ, а другимъ—пока еще училище не пользуется; Закатальское училище, имѣя одинъ участокъ, развело на немъ фруктовый садъ, виноградникъ и устроило образцовую черводню. Въ отчетномъ году значительно расширены помѣщенія Батумскаго училища, находящагося въ одной изъ лучшихъ частей города, около приморскаго бульвара, постройкою, въ видѣ особыхъ зданій, мастерскихъ столярной, слесарной съ машиннымъ отдѣленіемъ, кузнечной и флигели для квартиръ служащихъ и для пансіона, а во дворѣ училища разведенъ садъ, и устроена небольшая тутовая плантація; всѣ эти

постройки производились подъ наблюдениемъ комитета, предсѣдательство въ которомъ имѣлъ помощникъ Кутаисскаго военнаго губернатора князь Эрнстовъ, а особое участие въ трудахъ его и главное руководство надъ работами принялъ на себя статскій совѣтникъ Быковъ, просвѣщенному содѣйствію котораго обязаны своими недорогими стоявшими, но удобными помѣщеніями Батумскія училища, какъ ремесленное, такъ и Маринское женское. Въ общемъ, всѣ зданія ремесленныхъ училищъ довольно просторны: въ классахъ на 1 ученика приходится среднимъ числомъ 26,4 куб. арш. воздуха, въ мастерскихъ—68,3 и въ спальняхъ—35,3. Ученическихъ квартиръ существуетъ весьма немного, такъ какъ ученики въ большинствѣ проживаютъ у родителей—384 и въ пансіонахъ—232, и лишь 15-ти ученикамъ приходится жить на частныхъ квартирахъ. Послѣднихъ посѣщали служащіе въ училищахъ въ теченіе года 148 разъ; училища же осматрѣны были начальниками губерній, а нѣкоторые окружными инспекторами и 3—г. попечителемъ.

Личный составъ ремесленныхъ училищъ состоялъ изъ 104 лицъ, въ томъ числѣ почетныхъ попечителей—3, завѣдывающихъ—7, законоучителей—9, учителей предметовъ—23, учителей ремеслъ—21, врачей—4 и прочихъ должностныхъ лицъ—37. Въ теченіе года вновь назначено 14 лицъ, именно 1 попечитель, 1 завѣдывающій, 2 законоучителя, 3 учителя предметовъ, 4 учителя ремеслъ и 3 на прочія должности. Выбыло—13, изъ которыхъ 9 уволено, 3 перемѣщено и 1 умеръ. Изъ всего числа 20.452 уроковъ учителями пропущено 1.124, но ученикамъ преподааны были 410 уроковъ другими учителями, затѣмъ въ 229 случаяхъ они были заняты самостоятельными работами въ классахъ, въ 428 случаяхъ занятіями въ мастерскихъ и лишь въ 57 случаяхъ отпущены были по домамъ. Число засѣданій совѣта было 149, они были заняты вопросами какъ хозяйственными, такъ и учебно-воспитательными; между прочимъ, во Владикавказскомъ училищѣ на педагогическомъ совѣтѣ подвергались обсужденію вопросы, касающіеся достиженія большей успѣшности учениковъ по ремесламъ и о расширеніи кузнечнаго ремесла, въ Елисаветинскомъ—о точномъ примѣненіи, въ виду предстоящаго утвержденія выработаннаго для училища устава, программъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для ремесленныхъ училищъ; въ Бакинскомъ—объ организаціи общества для вспомошествованія бѣднымъ учащимся, объ устройствѣ училищной церкви и о возможно частомъ посѣщеніи квартиръ учениковъ; въ Батумскомъ—объ изы-

сканін мѣръ къ лучшей постановкѣ учебнаго дѣла, а также обсуждался вопросъ о дополнительныхъ занятіяхъ въ теченіе года въ мастерскихъ для окончившихъ курсъ, вопросъ о предоставленіи права окончившимъ курсъ поступать безъ экзамена въ желѣзнодорожныя училища, о введеніи формы, объ устройствѣ училищной церкви.

Четверо изъ служащихъ въ ремесленномъ графа Лорисъ-Меликова училищѣ заявили себя въ отчетномъ году слѣдующими самостоятельными трудами: смотритель училища А. О. Фролковъ завѣдывалъ Владикавказскою мужскою воскресною школой и какъ онъ, такъ и учитель Тарасовъ безвозмездно преподавали въ ней; кромѣ того. Тарасовъ производилъ опыты никкелировки металлическихъ издѣлій учениковъ училища; учитель Динникъ безвозмездно дирижировалъ оркестромъ, а мастеръ Талдыкинъ составилъ атласъ слесарныхъ работъ примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ; атласъ этотъ изданъ редакціей *Ремесленной Газеты* въ отчетномъ году.

Всѣхъ учащихся въ началѣ отчетнаго года было 591; въ теченіе года поступило 246, выбыло 206, и къ 1-му января 1898 года было 631, то-есть, увеличилось на 40 человекъ. По числу учащихся училища стоятъ: Тифлиское — 219, Елисаветпольское — 118, Бакинское — 109, Владикавказское — 78, Батумское — 44, Закатальское — 40 и Ставропольское — 23. Пансіонеровъ — 232; пансіоны существуютъ при 4-хъ училищахъ, и въ каждомъ пансіонеры составляютъ большинство; ихъ въ Елисаветпольскомъ — 113, во Владикавказскомъ — 65, въ Закатальскомъ — 30 и въ Батумскомъ — 24. Прошеній о приѣмѣ въ училища въ отчетномъ году подано 374, по нимъ принято 246, и въ томъ числѣ по свидѣтельству — 72, изъ училищъ: казенныхъ — 36, общественныхъ — 62, частныхъ — 5 и по домашней подготовкѣ — 71, а остальнымъ 128 отказано: по невыдержанію экзамена — 58, по недостатку мѣста — 17, по неявкѣ — 29 и по другимъ причинамъ — 24. Изъ числа принятыхъ зачислены въ I классъ 171. Изъ 206 выбывшихъ окончило курсъ 60, уволено за неуспѣшность — 23, за поведеніе — 7, по болѣзни — 4, по прошенію — 107, за невзносъ платы — 1 и умерло — 4.

Учащіеся распредѣлялись: 1) по національностямъ: русскихъ — 239, грузинъ — 98, армянъ — 176, татаръ — 40, горцевъ — 34, евреевъ — 8 и иностранцевъ — 36; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ — 340, армяно-григоріанъ — 174, католиковъ — 17, протестантовъ — 13, евреевъ — 11, мусульманъ — 66 и прочихъ исповѣданій — 10; 3) по сословіямъ: дворянъ — 53, духовнаго званія — 17, разныхъ городскихъ со-

словій—225, крестьянъ—247, нижнихъ чиновъ и казаковъ—82 и иностранцевъ—7.

Изъ 543 учащихся, бывшихъ въ концѣ учебнаго года, переведено въ слѣдующіе классы и окончило курсъ — 406; за успѣхи въ ремеслахъ учащіеся въ концѣ учебнаго года имѣли отиѣтки: 5—70 учениковъ, 4—158, 3—207 и менѣе того—78. Изъ 631 учащихся изучаютъ ремесла 601, а 30 учениковъ Елисаветпольскаго училища, по своему возрасту и физическому развитію, не были еще допущены къ занятіямъ въ мастерскихъ и занимались легкими отраслями сельскаго хозяйства; въ отдѣленіяхъ же состояло: столярно-токарномъ—213, въ бондарно-колесномъ — 14, въ слесарно-кузнечномъ — 346 и въ литейномъ — 28. На занятія ремеслами употреблялось въ недѣлю: въ приготовительномъ классѣ отъ 12 до 18 часовъ; въ I классахъ—отъ 18 до 48 часовъ, именно въ Закавказскомъ; во II и III—отъ 20 до 32 часовъ и въ IV отъ 24 до 41, именно въ Тифлискомъ. Всѣ мастерскія исполнили за годъ разныхъ издѣлій на 32.959 р., и слѣдуетъ замѣтить, что учащіеся, вообще, охотно занимаются изученіемъ ремеслъ, и въ особенности столярнаго; такъ, изъ числа 60 окончившихъ курсъ изучали двѣ трети слесарное мастерство, а прочіе 20 изучали: столярное—15, садоводство—4 и литейное мастерство — 1. Кромѣ ремеслъ, учащіеся слѣдующихъ училищъ имѣли возможность заниматься: въ Елисаветпольскомъ и Закавказскомъ—садоводствомъ 133 ученика и огородничествомъ 56; въ Закавказскомъ же, въ Батумскомъ и Владикавказскомъ—шелководствомъ 68 учениковъ; въ послѣднемъ ученики практически обучались огородничеству подъ руководствомъ смотрителя въ часы, свободные отъ обязательныхъ занятій, а въ Ставропольскомъ училищѣ во время каникулъ, утромъ и послѣ обѣда (при чемъ обѣдъ выдавался отъ училища), ученики знакомились съ приемами производства колесъ, плетеніемъ корзинъ и дѣтскихъ колясокъ, сборомъ молотилокъ, сушилокъ для фруктовъ и проч. Изъ необязательныхъ предметовъ обучаются гимнастикѣ — въ Елисаветпольскомъ и Батумскомъ училищахъ 158 учениковъ, пѣнію — въ Батумскомъ, Елисаветпольскомъ и Владикавказскомъ — 185; кромѣ того, въ послѣднемъ 16 учениковъ изучаютъ музыку.

Поведеніе учащихся, въ теченіе отчетнаго года, въ общемъ было похвальное: случаевъ взысканій было всего 83, а отиѣтки за поведеніе имѣли 10 учениковъ—2, 25 учениковъ—3, 96 учениковъ—4 и остальные 500 учениковъ — 5. Пропущено уроковъ учащимися

19.530, или 1 ученикомъ 31. Санитарное состояніе училищъ въ отчетномъ году было, въ общемъ, удовлетворительно: среднее число заболѣваній на 100 учащихся 151, или всѣхъ случаевъ заболѣваній—952; смертныхъ случаевъ послѣдовало 4.

Училищъ, типа мореходныхъ классовъ, въ округѣ имѣются 3: Анапское Кубанской области, Потійское Кутаисской губерніи и Бакинское Бакинской губерніи; въ нихъ 5 штурманскихъ классовъ и 8 шкиперскихъ отдѣленій, въ томъ числѣ въ Анапскомъ 2 класса и 4 отдѣленія, въ Потійскомъ по 2 класса и отдѣленія и въ Бакинскомъ—1 классъ и 2 отдѣленія. Съ 1879 года, когда возникло первое изъ трехъ училищъ, Анапское, выпускное было сдѣлано 26 и окончило въ нихъ курсъ ученія 202 человекъ, въ томъ числѣ въ отчетномъ году 28.

Мореходные классы имѣютъ небольшія бібліотеки, въ которыхъ 568 названій въ 1.211 томахъ, на сумму 1.483 р.; за отчетный годъ было приобретено книгъ на 113 р.; въ 3 навигаціонныхъ кабинетахъ приборовъ 312, стоимостью 3.660 р., при чемъ за отчетный годъ приобретень 1 приборъ за 150 р.

На содержаніе свое мореходные классы имѣютъ каждое отъ правительства по 1.000 р., и сверхъ того, городскія общества даютъ: Бакинское—4.300 р., Потійское—600 р. и Анапское—100 р. Всего же, съ деньгами на добавочное содержаніе служащимъ въ размѣрѣ 147 р., другими поступленіями и остатками отъ прежнихъ лѣтъ—394 р., классы имѣли въ отчетномъ году 8.546 р. Изъ этого числа израсходовано: на содержаніе личнаго состава—4.656 р., на наемъ помѣщеній съ ремонтомъ—1.933 р., на учебныя пособия—283 р., на хозяйственныя надобности—941 р. и на прочіе расходы—378 р., всего 8.191 р. Средняя стоимость обученія 1 ученика—75 р. въ годъ, а такъ какъ плата за ученіе не взимается, то и специальныхъ средствъ, кромѣ случайныхъ поступленій, мореходные классы не имѣютъ. Всѣ 3 училища помѣщаются въ наемныхъ домахъ, которые, въ общемъ, болѣе или менѣе удовлетворительны; на 1 ученика, въ среднемъ, приходится количество воздуха 30,8 куб. арш.

Служащій персоналъ въ мореходныхъ классахъ состоялъ изъ 13 лицъ, въ томъ числѣ: 3 завѣдывающихъ, 7 учителей и 3 прочихъ должностныхъ лицъ. Изъ 1.238 уроковъ, которые слѣдовало дать, пропущено было только 3, и то по случаю вызова преподавателей въ судъ, при чемъ всѣ 3 раза учащиеся были заняты самостоятельными работами. Засѣданій совѣтовъ въ теченіе года было 8. Классныя занятія, какъ

обычно, продолжались съ начала ноября до марта мѣсяца, когда, послѣ экзаменовъ, наступаетъ періодъ лѣтнихъ практическихъ занятій на судахъ.

Всѣхъ учащихся въ мореходныхъ классахъ въ началѣ отчетнаго года было 105, въ теченіе года поступило 55, выбыло 51 и къ концу года состояло 109; наибольшее число ихъ находилось въ Бакинскомъ классѣ — 73, затѣмъ въ Анапскомъ — 22 и въ Потійскомъ—10. Всѣ учащіеся въ мореходныхъ классахъ — приходящіе; между ними живущихъ съ родителями 46, а живущихъ на частныхъ квартирахъ—63; послѣднихъ посылками служащіе въ теченіе года 11 разъ. Учащіеся распределяются: 1) по національностямъ: русскихъ—82, грузинъ—7, армянъ—4, татаръ—11, евреевъ—2, иностранцевъ—3; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—87, армяпогригоріанъ—4, католиковъ—3, евреевъ—2, мусульманъ—11 и прочихъ исповѣданій—2; 3) по сословіямъ: дворянъ—29, духовнаго званія—7, разныхъ городскихъ сословій—58, крестьянъ—11, нижнихъ чиновъ—1 и иностранцевъ—3. Подававшихъ о приѣмѣ въ классы прошеній было 56, и за исключеніемъ одного, всѣ были приняты. Изъ 51 выбывшихъ 6 уволено за неуспѣшность въ занятіяхъ, 6 — за поведеніе, 10 — по прошеніямъ, 1 — умеръ, 28 выбыли по окончаніи курса, въ томъ числѣ изъ Анапскаго—5, изъ Бакинскаго—20 и изъ Потійскаго — 3. Общая успѣшность занятій выразилась весьма небольшимъ процентомъ 33,3 окончившихъ курсъ и переведенныхъ въ старшія отдѣленія. По поведенію изъ 109 учащихся отгѣтку 5 имѣли 72 и отгѣтку 4 остальные 37. Число пропущенныхъ учениками уроковъ было 576, или 5,3 на 1 ученика, въ томъ числѣ по болѣзни 332. Отдѣльныхъ случаевъ заболѣваній въ годъ было 118, среднимъ числомъ на 100 учащихся 108; смертный случай былъ 1 въ Анапскомъ училищѣ.

Съ сентября 1890 года въ округѣ существуютъ два женскихъ Маріинскихъ училища, открытыя, согласно Высочайше утвержденному въ маѣ того же года положенію: одно—въ городѣ Батумѣ Кутаисской губерніи и другое—въ городѣ Карсѣ Каресской области. Оба училища въ отчетномъ году имѣли 8 основныхъ и 3 приготовительныхъ, а всего 11 классовъ и 12 отдѣленій; изъ первыхъ въ отчетномъ году открыто два: IV-й и приготовительный въ Батумскомъ училищѣ. Учебная часть этихъ училищъ организована согласно числу уроковъ и учебному плану, данному министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ разрѣшенія котораго въ Батумскомъ училищѣ введены также, для желающихъ, французскій языкъ и музыка.

Въ фундаментальныхъ отдѣлахъ училищныхъ библиотекъ заключается 381 названіе въ 1.358 томахъ, стоимостью 1.134 р., а въ учебныхъ отдѣлахъ — 162 названія въ 1.176 томахъ, стоимостью 341 р.; за годъ пополненій по обоимъ отдѣламъ было сдѣлано на 196 р. Прочихъ учебныхъ пособій имѣется у обоихъ училищъ 179 предметовъ на 559 р., и въ томъ числѣ вновь приобретено въ теченіе года 55 предметовъ на сумму 95 р.

На содержаніе свое училища имѣли въ отчетномъ году 11.592 р., а съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ всего 12.342 р., въ томъ числѣ: изъ государственнаго казначейства—1.075 р., отъ городскихъ обществъ—6.310 р., сбора за право ученія—2.492 р., пожертвованій—1.482 р. и другихъ поступленій—233 р. Изъ этой суммы израсходовано: на содержаніе личнаго состава и на пособіе служащимъ—7.994 р., на учебныя пособія—291 р., на ремонтъ и хозяйственныя надобности—2.851 р. и на прочіе расходы—541 р., всего 11.677 р. Плата за право ученія установлена въ Батумскомъ училищѣ 20 р. и въ Карскомъ 8 р.; въ теченіе года платы поступило 2.492 р., а освобождено отъ нея было въ 1-е полугодіе 67 и во 2-е—77 ученицъ; такимъ образомъ сумма, которую не внесли родители за обученіе своихъ дѣтей, равняется 919 р. Въ среднемъ, обученіе 1 ученицы въ годъ стоило въ Батумскомъ училищѣ 44 р., а въ Карскомъ—53 р.

Оба училища имѣютъ собственныя, вполне приспособленныя для ихъ потребностей, помѣщенія; воздуха въ классахъ Батумскаго училища на 1 ученицу приходится 17,8 куб. арш., а въ Карскомъ—23,5 куб. арш. На ученическихъ квартирахъ проживаетъ всего 4 ученицы Батумскаго училища, и ихъ служащіе посѣщали до 50 разъ въ теченіе года, а Карское училище неоднократно посѣщаль въ году военный губернаторъ Карской области, принимающій въ благоустройствѣ его живое участіе.

Всѣхъ служащихъ въ Маріинскихъ училищахъ состояло 31, въ томъ числѣ: членовъ попечительныхъ совѣтовъ—9, предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ—1, смотрительницъ—2, законоучителей—3, учителей—2, учительницъ—11, другихъ служащихъ—3; изъ этого числа 14 лицъ было мужскаго пола и 17 женскаго. Вновь назначенныхъ въ теченіе отчетнаго года было 6 лицъ: 2 законоучителя, 2 учительницы и 2 на прочія должности; выбывшихъ изъ личнаго состава было 6: трое уволено и 3 перевѣщено. Уроковъ слѣдовало дать 7.182, изъ нихъ пропущено 472, въ томъ числѣ по болѣзни—

238, по вызову въ судъ — 142, по служебнымъ обязанностямъ — 38, по домашнимъ обстоятельствамъ — 17 и по нахожденію въ отпуску — 37. Ученицамъ, взамѣнъ свободныхъ часовъ, дано другими преподающими 202 урока, 110 разъ онѣ были заняты самостоятельно въ классахъ, а въ прочихъ 160 случаяхъ были отпускаемы по домамъ. Попечительные совѣты имѣли 9 засѣданій, и дѣятельность ихъ направлена была, по прежнему, къ всестороннему улучшенію благосостоянія порученныхъ имъ училищъ; педагогическіе совѣты имѣли 23 засѣданія.

Всѣхъ учащихся въ началѣ отчетнаго года было 209, вышло 50, вновь поступило 86 и къ концу года состояло 245, то есть, увеличилось на 36 ученицъ. Изъ этого числа въ Батумскомъ училищѣ находилось 147 и въ Карсскомъ—98. Изъ числа 50 выбывшихъ 2 окончили курсъ въ Карсскомъ училищѣ и открыли собою 1-й выпускъ этого училища, а остальные вышли: 1—за певзность платы, 2 — по болѣзни и 45 — по прошенію; изъ послѣднихъ 7 уже опредѣлены въ другія учебныя заведенія. Подававшихъ прошенія о приѣмъ въ Батумское училище было 59 и въ Карсское—56, всего 115; по нимъ отказано 29, въ томъ числѣ: 1 — по неявкѣ, 20 — по невыдержанію экзамена и 8—по разнымъ причинамъ. Изъ 86 принятыхъ поступило: по свидѣтельствамъ—3, изъ училищъ казенныхъ—2 и частныхъ — 6 и по домашней подготовкѣ — 75; вновь принятія размѣщены по классамъ: приготовительнымъ — 70, I-мъ — 9 и II-мъ — 7.

Учащіеся распределяются: 1) по національностямъ: русскихъ—91, грузинокъ—28, армянокъ—70, евреекъ—22 и иностранокъ—34; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—133, армяно-григоріанокъ—66, католичекъ—12, протестантокъ—5, евреекъ—22 и другихъ вѣроисповѣданій—7; 3) по сословіямъ: дворянокъ—51, духовнаго званія—4, разныхъ городскихъ сословій—151, крестьянокъ—15, дѣтей нижнихъ чиновъ и казаковъ—18 и иностранокъ—6. Сверхъ общихъ для всѣхъ ученицъ предметовъ, изъ необязательныхъ, изучали языки: французскій—23 ученицы, армянскій—57 и греческій—17; изъ искусствъ—музыкой занимались 10 ученицъ, пѣнію же обучаются всѣ ученицы.

Къ концу учебнаго года учащихся состояло 197, изъ нихъ переведено въ высшіе классы 143. Поведеніе ученицъ въ отчетномъ году было вполнѣ отличное: никто изъ дѣтей не подвергался ни разу высканіямъ и 234 получили въ поведеніи отмѣтку 5, а 11 отмѣтку 4. Ученицами пропущено 5.519 уроковъ, или, среднимъ числомъ,

одною ученицею 22,5, въ томъ числѣ по болѣзни — 4.194 урока. Случаевъ заболѣваній было 160.

Частныхъ учебныхъ заведеній въ округѣ въ началѣ отчетнаго года было 96, но въ теченіе года 7 изъ нихъ перестали существовать, такъ что къ концу года ихъ оставалось 89; изъ нихъ заведеній перваго разряда считалось 3, втораго—6 и третьяго—80. Наибольшее число этихъ училищъ находится въ Тифлисской губерніи—26 и въ Кубанской области—15; затѣмъ остальные находятся: въ губерніяхъ Елисаветпольской и Кутаисской—по 10, въ Ставропольской и Бакинской—по 8, въ Терской области—5, въ Эриванской губерніи—4, въ областяхъ Закаспійской—2 и Дагестанской—1. Пансіоны существуютъ при 26 училищахъ. Училища I-го разряда всѣ 3 мужскія, изъ 6 училищъ II-го—на половину мужскія и женскія, а изъ числа 80 училищъ III-го разряда мужскихъ—30, женскихъ—3 и смѣшанныхъ—47. Плата за обученіе въ частныхъ училищахъ взимается въ годъ отъ 4 р. до 250 р., а за содержаніе въ пансіонахъ отъ 100 до 600 р.; сбора за ученіе въ отчетномъ году получено 94.981 р., сбора за воспитаніе—64.995 р., и того 159.976 р., а съ прочими поступленіями изъ другихъ источниковъ всѣ частныя заведенія имѣли въ своемъ распоряженіи сумму въ 238.223 р. Расходу произведено заведеніями на личный составъ—97.212 р., на наемъ помѣщеній—42.966 р. и на всѣ прочія по заведеніямъ траты—69.984 р., всего 210.162 р. Число бесплатно обучающихся на счетъ благотворительныхъ обществъ и другихъ учрежденій было 1.068 приходящихъ и бесплатно живущихъ въ пансіонахъ—4.

Въ отчетномъ году всѣ частныя учебныя заведенія, кромѣ 5, осмотрѣны были чинами дирекцій народныхъ училищъ, при чемъ удовлетворительными найдены помѣщенія 77 училищъ, классная мебель—въ 81 и учебныя пособія—въ 71. Среднее количество воздуха въ классахъ равняется 15,0 куб. арш. на 1 учащагося, а въ спальняхъ—37,1 куб. арш. на 1 пансіонера.

Всѣхъ служащихъ въ частныхъ заведеніяхъ числилось въ отчетномъ году 325, въ томъ числѣ: содержателей—36, содержательницъ—46, закопоучителей—38, учителей—91, учительницъ—91, воспитателей—8, воспитательницъ—1 и прочихъ должностныхъ лицъ—24. По отзывамъ чиновъ дирекцій, ведутъ дѣло обученія успѣшно: изъ учителей 95 и изъ учительницъ—112, всего 207 лицъ.

Всѣхъ учащихся въ частныхъ заведеніяхъ въ началѣ отчетнаго года было 3.785, въ томъ числѣ мальчиковъ—2.900 и дѣвочекъ—

885; въ теченіе года поступило 1.642, выбыло 1.620; въ концѣ года число ихъ увеличилось на 22 и было 3.807, въ томъ числѣ мальчиковъ 2.828 и дѣвочекъ—979, изъ коихъ приходящихъ: мальчиковъ—2.511, дѣвочекъ—976, всего—3.487, и пансіонеровъ—317, пансіонерокъ—3, всего—320. Учащіеся распредѣлялись: 1) по національностямъ: русскихъ—988, грузинъ—1.172, армянъ—1.273, татаръ—53, горцевъ—29, евреевъ—175, прочихъ національностей—117; 2) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—2.075, армяно-григоріанъ—1.306, католиковъ—57, протестантовъ—59, евреевъ—177, мусульманъ—81 и другихъ исповѣданій—52; 3) по сословіямъ: дворянъ—1.215, духовнаго званія—115, разныхъ городскихъ сословій—1.785, крестьянъ—507, дѣтей нижнихъ чиновъ и казаковъ—136 и иностранцевъ—49. Случаевъ заболѣванія заразными болѣзнями, удосто-вѣренныхъ свидѣтельствами и записками родителей, было между учащимися въ частныхъ заведеніяхъ 1.049, то-есть, на 100 учащихся 28, и въ пяти случаяхъ былъ смертный исходъ.

Всѣхъ начальныхъ училищъ въ округѣ въ началѣ отчетнаго года состояло 905, въ теченіе года было закрыто 8, открыто вновь 17 и къ 1-му января 1893 года имѣлось 914 училищъ съ 1.204 въ нихъ классами. Общее число училищъ осталось безъ измѣненія въ Дагестанской области, а также въ Терской, въ которой только увеличилось число классовъ на 4, хотя въ самой Терской дирекціи и сознается настоящая потребность въ новыхъ училищахъ, особенно среди горскаго ея населенія, для котораго имѣется лишь 3 правительственныхъ училища на 141 тысячу жителей. Перемены въ числѣ училищъ по другимъ дирекціямъ были нижеслѣдующія: въ Кубанской—закрылось 1 училище, воскресная школа въ г. Екатеринодарѣ, и открылось вновь 3 училища: 1) въ с. Армавиръ на средства общества попеченія о бѣдныхъ дѣтяхъ, 2) въ пос. Широчапскомъ Ейскаго отдѣла и 3) въ колоніи Гнадау Темрюкского отдѣла—на средства мѣстныхъ обществъ; затѣмъ, 2 училища—Мансуровское и Бибердовское, преобразованы, согласно Высочайше утвержденному 15-го ноября 1883 года мнѣнію государственнаго совѣта, въ сельскія нормальныя и 7 училищъ—изъ одноклассныхъ въ двухклассныя по образцу училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Въ Ставропольской дирекціи вновь открыто 2 училища: второе одноклассное училище въ с. Медвѣженскомъ и въ колоніи Фридрихсфельдъ. Въ Тифлисской дирекціи уменьшилось число школъ на 5: четыре школы католическаго исповѣданія въ Ахалцыхскомъ

уѣздѣ закрыты, а изъ двухъ отдѣльныхъ школъ того же исповѣданія въ г. Тифлисѣ образована одна. Въ Елисаветпольско-Эриванской дирекціи открыто вновь 6 училищъ: 3 одноклассныхъ училища въ Карской области, 1 въ Эриванской губерніи и 2 въ Елисаветпольской—одноклассное на Кедабекскомъ заводѣ и двухклассное на станціи желѣзной дороги. Въ Бакинской дирекціи вновь открыто 1 училище—3-я русско-татарская школа въ г. Баку. Въ Кутаисской дирекціи открыто вновь 4 училища и 1 закрыто. Что же касается Закаспійской области, то въ ней находится 8 начальныхъ училищъ, въ томъ числѣ 3 казенныхъ—Мервское двухклассное, женское Асхабадское двухклассное и Форта-Александровскаго одноклассное и 5 одноклассныхъ: Узунъ-Адинское, Кизиль-Арватское, Казанджикское, Гермабское и Куль-Калабское, но свѣдѣнія вошли въ отчетъ только по тремъ первымъ изъ нихъ казеннымъ училищамъ.

Изъ 914 начальныхъ училищъ находятся на Сѣверномъ Кавказѣ—545, а именно: въ Кубанской области съ Черноморскимъ округомъ—287, въ Ставропольской губерніи—151 и въ Терской области—107; въ Закавказскомъ краѣ—366, въ томъ числѣ: въ губерніяхъ: Тифлисской съ Закатальскимъ округомъ—114, Кутаисской—128, Елисаветпольской—38, Эриванской—27, въ Карской области—7, въ Бакинской губерніи—42, въ Дагестанской области—10 и въ Закаспійской области—8.

Изъ числа 914 начальныхъ училищъ въ настоящее время имѣется: а) казенныхъ — 52, изъ коихъ 7 образцовыхъ при учительскихъ семинаріяхъ, 16 городскихъ по положенію 1867 года и по особо утвержденнымъ штатамъ и 29 сельскихъ нормальныхъ по штату 1875 года; б) содержимыхъ городскими и сельскими обществами—797, въ томъ числѣ содержимыхъ одними городами 59, сельскими обществами—701 и на суммы общихъ сборовъ по Закавказскому краю—37; по типу и учебнымъ программамъ эта категорія школъ раздѣляется на начальные городскія, коихъ 59, начальные сельскія—494 и на сельскія министерства народнаго просвѣщенія—244; в) церковно-приходскихъ—40, изъ которыхъ 10 католическихъ и 30 лютеранскихъ—все они приравнены, въ учебномъ отношеніи, къ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія; г) содержимыхъ благотворительными обществами и частными лицами—25, которыя руководствуются общими для нихъ училищъ программами и правилами. Пαιсіоны находятся при 4-хъ училищахъ: общественный — при Маусуровскомъ Кубанской области училищѣ, для дѣтей изъ сосѣднихъ ауловъ и 3

казенныхъ: при Сацхенискомъ, Душетско-Тіонетскомъ и при татарскомъ училищѣ Закавказской учительской семинаріи. Въ 673 училищахъ, преподаваніе ведется исключительно на русскомъ языкѣ, и въ 241, согласно программѣ для училищъ среди туземнаго населенія, — на русскомъ и мѣстныхъ языкахъ.

Развитіе народнаго образованія началось прежде всего на Сѣверномъ Кавказѣ, въ Кубанской области, за которою идутъ Терская область и Ставропольская губернія, а изъ Закавказскаго края — параличъ съ нимъ шли только губерніи Тифлисская и Кутаисская; во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ еще до 1843 года существовало 19 училищъ, 12 — на Сѣверномъ Кавказѣ и 7 — въ названныхъ двухъ губерніяхъ Закавказья; затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ 20 лѣтъ, къ прежнимъ 19 школамъ прибавились вновь основанныя 106 школъ, и было къ 1863 году всего 125 училищъ; съ 1863 по 1877 годъ послѣдовало открытіе еще 444 училищъ, то-есть, имѣлось уже 569 народно-образовательныхъ учрежденій, а за послѣднія 15 лѣтъ прибавилось еще 345 училищъ.

На содержаніе училищъ въ отчетномъ году поступило 943.720 р., при чемъ на Сѣверный Кавказъ приходилось 54,8%, на Закавказскій край — 44,6%, и на Закаспійскую область — 0,5%; въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства — 81.365 р., отъ сельскихъ обществъ — 434.774 р., отъ городскихъ обществъ — 104.081 р., изъ земскихъ сборовъ — 51.572 р., сбора за ученіе — 45.305 р., отъ казачьихъ войскъ — 18.094 р., отъ благотворительныхъ обществъ — 16.374 р., отъ церквей и монастырей — 12.777 р., отъ платы за частныхъ воспитанниковъ, отъ частныхъ лицъ, отъ попечителей, блюстителей, смотрителей, разныхъ пожертвованій, процентовъ съ капиталовъ и изъ другихъ источниковъ — 179.978 р. Израсходовано въ теченіе года 824.872 р., или, въ среднемъ, издержано на содержаніе 1 училища — 902 р. и на 1 ученика — 13,8 р., а въ частности: на Сѣверномъ Кавказѣ — 477.001 р., на 1 училище — 875 р. и на 1 ученика — 13,3 р., въ Закавказьѣ и Закаспійской области — 347.871 р., на 1 училище — 943 р., на 1 ученика 14,5 р. Запасныхъ капиталовъ и специальныхъ средствъ у училищъ къ началу отчетнаго года состояло 352.769 р., въ теченіе года вновь поступило 214.295 р., израсходовано 167.717 р., и къ 1-му января 1893 года осталось наличными 104.498 р. и въ процентныхъ бумагахъ — 294.849 р., всего же — 399.347 р.; въ томъ числѣ училищамъ Сѣвернаго Кавказа принадлежало 247.588 р., а училищамъ Закавказья — 151.759 р. Плата за

ученіе существуетъ въ размѣрѣ отъ 1 р. до 36 р. и введена въ 403 училищахъ; ея поступило въ отчетномъ году по Сѣверному Кавказу 14.807 р. и по Закавказью — 30.498 р., а всего 45.305 р., въ томъ числѣ отъ 149 почетныхъ блюстителей и попечителей было внесено въ 149 училищъ 7.278 р.

Въ собственныхъ домахъ, построенныхъ обыкновенно по типичному школьному плану, выработанному каждою дирекціей сообразно климатическимъ и другимъ условіямъ мѣстности, помѣщаются 730 училищъ, и изъ нихъ удобными, отвѣчающими по своимъ размѣрамъ числу учениковъ, можно считать 643. Наибольшее число собственныхъ, выстроенныхъ на средства сельскихъ обществъ, зданій имѣютъ Кубанская область—91,9% и Ставропольская губернія—91,4%, а въ Закавказскомъ краѣ Кутаисская губернія—88,3% и Карсская область—85,7%. Въ отчетномъ году окончены постройкой 25 собственныхъ помѣщеній, стоимостью въ 146.100 р.; приблизительная стоимость всѣхъ 730 собственныхъ зданій достигаетъ 2.385.662 р., и изъ этого числа 477 таковыхъ помѣщеній на Сѣверномъ Кавказѣ оцѣниваются въ 1.850.680 р.

Библіотеки для учителей и учениковъ имѣются въ 866 училищахъ, и въ нихъ заключается 483.278 томовъ, цѣною въ 280.022 р.; собранія учебныхъ пособій имѣютъ 824 училища, и въ отчетномъ году израсходовано на пополненіе библіотекъ и на приобрѣтеніе разныхъ учебныхъ пособій 50.800 р., изъ коихъ для училищъ Сѣвернаго Кавказа употреблено 35.207 р., при чемъ для однихъ училищъ Кубанской области израсходовано 22.102 р.

Начальствомъ училищныхъ дирекцій въ отчетномъ году произведено 1.211 осмотровъ, при чемъ посѣщено было 672 училища, и осталось не осмотрѣнными на Сѣверномъ Кавказѣ—158 и въ Закавказьѣ—84, а всего 242 училища. Директорами, въ числѣ семи, осмотрѣно 331 училище, на чтò употреблено было ими 406 дней, а инспекторами, въ числѣ 13, осмотрѣно 553 училища, на чтò употреблено 920 дней. Осмотру г. попечителя и окружныхъ инспекторовъ подверглись нѣкоторыя училища Вакинской, Кутаисской и Елисаветпольской губерній, а также Терской и Закаспійской областей. Кроме того, большинство училищъ были посѣщены енархіальными начальствами и гг. губернаторами.

Для улучшенія учебнаго дѣла училищъ и вообще для благоустройства ихъ во всѣхъ отношеніяхъ дирекціями постоянно изыскиваются различныя полезныя мѣры; такъ, къ мѣрѣ, принятыхъ дирекці-

ями Сѣвернаго Кавказа, особенно выдаются слѣдующія: по Кубанской дирекціи исходатайствовано о назначеніи въ каждый районъ по одному запасному учителю для практическаго ознакомленія остальныхъ учителей съ правильнымъ веденіемъ садоводства и огородничества, при чемъ таковыя должности должны будутъ замѣщаться исключительно лицами, окончившими курсъ въ Никитскомъ училищѣ и пріобрѣтшими затѣмъ званіе учителя начальнаго училища; предложено всѣмъ училищамъ, по мѣрѣ возможности, образовывать бібліотеки, которыми могли бы пользоваться и окончившіе курсъ въ училищахъ; въ видахъ закрѣпленія учащимися сообщаемыхъ имъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній, учащимъ предложено завести для каждаго ученика отдѣльныя тетради для письменнаго изложенія этихъ свѣдѣній, а въ тѣхъ училищахъ, гдѣ ведутся воскресныя чтенія, предложено учащимъ знакомить учениковъ съ элементарными гигиеническими свѣдѣніями; богатымъ станицамъ рекомендовано преобразовать одноклассныя училища въ двухклассныя; принимались мѣры къ постройкѣ новыхъ училищныхъ зданій, которыя отвѣчали бы главнѣйшимъ требованіямъ школьной гигиены; устроено нѣсколько собраній учителей и учительницъ по новоду практическихъ уроковъ, при чемъ на одномъ изъ такихъ собраній въ городѣ Екатеринодарѣ въ женскомъ купеческомъ училищѣ, кромѣ всѣхъ учащихся въ начальныхъ училищахъ, присутствовали учитель приготовительнаго класса реальнаго училища и воспитанницы допознительнаго класса женской гимназіи. По Терской дирекціи—для улучшенія помѣщеній, при всякомъ смотрѣ, обращалось вниманіе представителей общества на необходимость замѣны помѣщеній болѣе удобными, а для улучшенія школьныхъ бібліотекъ и учебныхъ пособій обществу рекомендовано было отнискать на этотъ предметъ деньги, и по ходатайству дирекціи, начальство области сдѣлало уже распоряженіе, чтобы станичныя общества отчисляли изъ общественныхъ суммъ по 75 коп. на ученика для пріобрѣтенія учебныхъ принадлежностей, а остатки обращать на пополненіе бібліотекъ; для 6 училищъ пріобрѣтены на суммы войска книги для бібліотекъ и учебныя пособія; по примѣру прежнихъ лѣтъ, при училищахъ продолжали устраиваться учащими совмѣстно съ учащимися небольшіе музеи наглядныхъ пособій, необходимыхъ при прохожденіи книги для чтенія, и для пополненія музеевъ учителя съ учениками предпринимали экскурсіи, при чемъ послѣднимъ сообщались свѣдѣнія о растительномъ, ископаемомъ и животномъ царствѣ; принимались мѣры какъ для улучшенія матеріаль-

наго положенія учителей, такъ и для улучшенія личнаго состава учащихся, для чего кандидатовъ на учительскія должности прежде назначенія прикомандировываютъ къ одному изъ Владикавказскихъ начальныхъ училищъ, гдѣ они знакомятся съ требованіями дирекціи и даютъ урокъ въ присутствіи инспектора училищъ, а съ цѣлью уясненія методовъ и приемовъ преподаванія—ежемѣсячно одинъ изъ учителей Владикавказскихъ училищъ даетъ примѣрные уроки, которые потомъ разбираются присутствующими преподавателями въ присутствіи директора и инспекторовъ; такіе же уроки устраиваются и въ станицахъ при ревизіи училищъ чинами дирекціи. По Ставропольской дирекціи кандидаты на учительскія должности также предварительно прикомандировывались къ лучшимъ училищамъ города Ставрополя для наблюденія и практики въ обученіи дѣтей; устраивались собранія учителей въ городѣ Ставрополѣ и въ селахъ, подъ руководствомъ кого-либо изъ членовъ дирекціи. Подобныя же мѣры принимались и дирекціями Закавказскаго края, гдѣ обращалось особое вниманіе на усовершенствованіе приемовъ обученія русскому языку и на усвоеніе учащимися какъ разговорной, такъ и книжной русской рѣчи. Во всѣхъ училищахъ дирекціями рекомендуется и поощряется внѣклассное чтеніе по праздничнымъ днямъ, равно высказывается желаніе видѣть дѣтей по праздникамъ въ храмахъ, и поощряется дѣтское участіе въ церковномъ пѣніи.

Къ 1-му января 1893 года всѣхъ служащихъ въ начальныхъ училищахъ было: на Сѣверномъ Кавказѣ—1.909, въ Закавказьѣ—950 и въ Закаспійской области—9, итого 2.868, въ томъ числѣ лицъ мужскаго пола—2.511 и женскаго—357. Изъ общаго числа состояло: попечителей—366, попечительницъ—18, почетныхъ блюстителей—238, почетныхъ блюстительницъ—4, завѣдывающихъ училищами мужскаго пола—366 и женскаго—147, законоучителей разныхъ исповѣданій—713, учителей—507, учительницъ—121, помощниковъ—37, помощницъ—49 и прочихъ служащихъ—302. Въ теченіе отчетнаго года вновь было назначено 678, въ томъ числѣ учителей—229, учительницъ—97 и законоучителей—118; почетныхъ попечителей, попечительницъ, блюстителей и блюстительницъ—121 и прочихъ служащихъ—113. Выбыло въ теченіе года 570 лицъ, въ томъ числѣ уволено 318, перемѣщено—215 и умерло—37. Къ концу года вакантныхъ должностей по училищамъ оставалось 231, въ томъ числѣ почетныхъ должностей—165, законоучителей разныхъ исповѣданій—62 и учителей—4. По отзывамъ директоровъ, изъ числа преподающихъ

ведуть дѣло обученія успѣшно 735 учителей и 267 учительницъ. Между ними достигшихъ особенно хорошихъ успѣховъ въ занятіяхъ съ учащимися было: пѣніемъ—185, ремеслами—38, садоводствомъ и огородничествомъ—123, пчеловодствомъ—18 и шелководствомъ—40. Кроме того, изъ служащихъ въ училищахъ, пятеро заявили себя въ отчетномъ году самостоятельными трудами, а именно: Нестеровскаго станичнаго училища Карягинъ изготовилъ для Назрановской горской школы коллекцію земледѣльческихъ орудій; смотритель Новороссійскаго однокласснаго училища П. П. Самойловъ состоялъ завѣдующимъ метеорологическою станціею 2-го разряда и производилъ полныя наблюденія, отчетъ о которыхъ за отчетный годъ напечаталъ въ лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи; завѣдывающій Абинскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ И. К. Бабенко производилъ наблюденія надъ грозами и атмосферными осадками; учитель Казинскаго однокласснаго училища В. С. Ильинъ напечаталъ въ XIII выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ статью: „Долмены близъ станицы Даховской“, а учитель Родниковскаго однокласснаго училища С. П. Ступинъ напечаталъ въ № 11 журнала *Русскій Начальный Учитель* статью: „Объ обменѣ съ учителями сѣверныхъ губерній предметами, нужными для школьныхъ музеевъ“.

Всѣхъ учащихся въ начальныхъ училищахъ въ началѣ отчетнаго года было 57.775, въ томъ числѣ мальчиковъ—45.562 и дѣвочекъ—12.213; въ теченіе года вновь поступило мальчиковъ—1.327 и дѣвочекъ—656, а въ общемъ увеличилось на 1.983, и въ концѣ года учащихся состояло 59.758, въ томъ числѣ мальчиковъ—46.889 и дѣвочекъ—12.869. Изъ всего числа учащихся состояло: въ 804 одноклассныхъ училищахъ 81,5% или 48.709, изъ коихъ въ 82 городскихъ начальныхъ училищахъ—6.449 и въ 722 сельскихъ—42.260, а въ 110 двухклассныхъ—18,5% или 11.049, изъ коихъ въ 25 городскихъ—3.074 и въ 85 сельскихъ—7.975; въ среднемъ числѣ, въ 1 одноклассномъ училищѣ числилось — 61 ученикъ и въ двухклассномъ—100. Изъ 59.758 дѣтей обучается: въ 52 казенныхъ училищахъ—3.916, въ 37 земскихъ нормальныхъ—1.663, въ 25 содержимыхъ благотворительными обществами и частными лицами—2.042, въ 40 церковныхъ лютеранскихъ и католическихъ—3.434, въ 59 училищахъ, содержимыхъ городскими обществами,—5.524 и въ 701 училищѣ, содержимыхъ сельскими обществами,—43.179 дѣтей.

Учащіеся распределяются: а) по мѣстности: на Сѣверномъ Кав-

казѣ посѣщали училища—35.787 учащихся, въ Закавказскомъ краѣ—23.789 и въ Закаспійской области—182, а по дирекціямъ ихъ находилось: на Сѣверномъ Кавказѣ—въ Кубанской области—20.483 учащихся, въ Ставропольской—8.513, въ Терской—6.791 и въ Закавказьѣ—въ Тифлисской—8.112, въ Кутанской—9.362, въ Елисаветопольско-Эриванской, съ Карескою областью—4.009, въ Бакинско-Дагестанской—2.306 и въ Закаспійской области—182; б) по національностямъ: русскихъ—34.983, и изъ этого числа въ училищахъ Сѣвернаго Кавказа 32.037, а въ остальныхъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ Закаспійской области, русскихъ—2.946, грузинъ—11.695, армянъ—5.536, татаръ—1.778, горцевъ—798, евреевъ—354 и другихъ національностей—4.614; в) по вѣромповѣданіямъ: православныхъ—46.057, армяно-григоріанъ—4.579, католиковъ—1.316, протестантовъ—3.557, евреевъ—428, мусульманъ—2.175 и прочихъ исповѣданій—1.464; г) по сословіямъ: дворянъ—1.973, духовнаго званія—1.024, разныхъ городскихъ сословій—7.677, крестьянъ, дѣтей нижнихъ чиновъ и казаковъ—48.826 и иностранцевъ—258.

Изъ необязательныхъ предметовъ пѣніе, гимнастика и рукодѣліе сдѣлались почти обязательными и введены вездѣ, гдѣ представлялась къ тому хотя малѣйшая возможность. Такъ, пѣніе нынѣ преподается въ 701 училищѣ, и сравнительно лучше оно поставлено въ Кубанской дирекціи, гдѣ преподаваніе его ведется въ 245 изъ 287 училищъ, при чемъ въ 110 училищахъ образованы правильные церковные хоры, и въ томъ числѣ въ 65 училищахъ учащіяся всѣмъ составомъ во время богослуженія исполняютъ нѣсколько молитвъ, а есть и такіа училища, въ которыхъ учащіяся исполняютъ уже всю литургію; къ достиженію такихъ же результатовъ въ пѣніи стремятся и другія дирекціи, особенно Терская, гдѣ пѣніе преподается также почти во всѣхъ училищахъ, именно въ 100 изъ 107. Гимнастика, собственно военная, вводится постепенно во всѣ училища, по мѣрѣ приготовления учителей; въ отчетномъ году она преподавалась уже въ 588 училищахъ, и болѣе другихъ правильно поставлено дѣло въ Кубанской дирекціи, гдѣ изъ 287 училищъ ею занимаются въ 250; что же касается общей гимнастики, такъ-называемыхъ вольныхъ движеній, то она введена, помимо военной, почти во всѣхъ училища округа. Рукодѣлію обучаются во всѣхъ женскихъ и почти во всѣхъ смѣшанныхъ училищахъ, именно въ 155; обученіе ему ведется по опредѣленнымъ программамъ и имѣетъ цѣлью научить дѣвочекъ тѣмъ ручнымъ работамъ, которыя

могутъ пригодиться каждой изъ нихъ въ семейномъ быту, какъ-то: кройкѣ и шитью бѣлья, платья, вязанью чулокъ, платковъ и т. п.— до вышиванія узоровъ. Во многихъ училищахъ уже теперь рукодѣлье поставлено весьма удовлетворительно, особливо въ Тифлисскихъ училищахъ, содержимыхъ благотворительнымъ обществомъ; при двухъ женскихъ училищахъ — Екатеринодарскомъ и Майкопскомъ, устроены, кромѣ общихъ занятій рукодѣліемъ, особые курсы кройки и шитья, подъ руководствомъ особыхъ учительницъ; эти курсы посѣщаются и окончившими курсъ училища, и такихъ посѣтительницъ въ Екатеринодарскомъ было въ отчетномъ году 43. Изъ другихъ необязательныхъ предметовъ, по мѣрѣ изысканія средствъ и сообразно мѣстнымъ условіямъ, вводятся нѣкоторыя ремесла, а также и сельско-хозяйственныя занятія. Сравнительно малое развитіе ремесленныхъ занятій зависитъ отъ ограниченности средствъ, часто отъ неимѣнія подходящихъ мѣстныхъ мастеронъ, а главнымъ образомъ отъ того, что первенствующій предметъ занятій жителей составляетъ сельское хозяйство. Такъ, изъ ремеселъ обучаются: столярному въ 26 училищахъ, токарному—въ 20, бондарному—въ 2, слесарному—въ 3, кузнечному—въ 1, сапожному—также въ 1 и переплетному—въ 31; при нѣкоторыхъ училищахъ существуютъ особыя ремесленныя отдѣленія, содержимыя на средства обществъ, которыя отпускаютъ для этого деньги, не входящія въ общую сумму бюджета училищъ, и въ такихъ отдѣленіяхъ обучаются не только ученики, но допускаются и постороннія лица учиться. Изъ отраслей сельскаго хозяйства изучаются и получили наибольшее развитіе садоводство, которое уже введено въ 354 училищахъ, огородничество—въ 179 училищахъ, шелководство—въ 112, пчеловодство—въ 82, а также виноградарство; недавно въ 1 училищѣ введено хлопководство; въ видахъ развитія и распространенія занятій всѣми этими отраслями хозяйства, дирекціи принимали зависящія отъ нихъ мѣры, какъ напримѣръ, изъ Кутаисской губерніи 5 учителей были командированы на курсы, устроенныя при школѣ садоводства, устроенныя въ городѣ Тифлисъ; назначено было 2 учителя, получившихъ образованіе въ агрономическихъ училищахъ; выписано было изъ школы садоводства на 860 р. саженцевъ для посадки ихъ въ дворахъ училищъ; въ Елисаветпольской дирекціи при осмотрѣ училищъ принимались мѣры къ устройству при училищахъ древесныхъ питомниковъ; въ Кубанской дирекціи при занятіяхъ садоводствомъ и огородничествомъ обращалось вниманіе, помимо сообщенія учащимся элементарныхъ свѣ-

дѣній по этимъ отраслямъ сельскаго хозяйства, на распространіе, при помощи учащихъ, среди населенія области лучшихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ овощей, что и достигается разведеніемъ значительныхъ питомниковъ при школахъ, выпискою учащими лучшихъ сортовъ огородныхъ сѣмянъ и бесплатною раздачею ихъ учащимся для посѣва въ собственныхъ огородахъ. Нынѣ въ тѣхъ дирекціяхъ, гдѣ названныя отрасли сельскаго хозяйства получили наибольшее развитіе, уже стали замѣчаться не только нѣкоторые успѣхи и охота въ занятіяхъ учащихъ, но и одобреніе этихъ занятій населеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ находятся школы; такъ, напримѣръ, въ Кубанской дирекціи шелководствомъ занимаются весьма охотно, и все населеніе въ мѣстностяхъ, гдѣ производилась въ училищахъ выкормка червей, заинтересовалось шелководствомъ, хотя развитію его распространенія въ Кубанской области пока препятствуетъ немѣніе при училищахъ тутовниковъ; въ виду этого въ отчетномъ году уже разослано училищамъ для посадки 300 молодыхъ деревьевъ, и во всѣ училища, имѣющія свои дворы, высланы сѣмена туты для посѣва. Ставропольская дирекція озаботилась разведеніемъ училищныхъ садовъ и огородовъ въ степной полосѣ губерніи, въ земляхъ кочевыхъ калмыковъ и туркменъ, тогда какъ еще два-три года назадъ попытка садоводства и огородничества при школахъ этой мѣстности встрѣчала со стороны населенія насмѣшки; въ дополненіе къ прежде сдѣланному по этой части, въ отчетномъ году училищамъ высланы изъ казеннаго мѣсничества для посадки 46.000 саженцевъ тѣхъ же дикорастущихъ кустовъ и деревьевъ; недостатокъ воды для поливки восполняется устройствомъ при училищахъ цистернъ емкостью въ три-пять тысячъ ведеръ. Въ Терской дирекціи не мало уже училищъ, обучающихъ садоводству и огородничеству, и сады училищные разводятся или за станицами, на особо отведенныхъ участкахъ, или при самихъ училищахъ; затѣмъ, опытъ выкормки шелковичныхъ червей сдѣланъ въ 29 училищахъ, и приняты мѣры къ устройству тутовыхъ плантацій и червоводенъ; принимались также мѣры къ изысканію средствъ на обзаведеніе большаго числа училищъ ульями, пчелами, и побуждались общества къ отпуску необходимыхъ для этого денегъ; теперь же занятія по пчеловодству существуютъ лишь въ трехъ училищахъ. Всего же въ дирекціяхъ Сѣвернаго Кавказа введены занятія садоводствомъ въ 296 училищахъ, огородничествомъ—въ 102, шелководствомъ—въ 42 и пчеловодствомъ—въ 47, а въ дирекціяхъ Закавказскаго края занимались:

садоводствомъ въ 58 училищахъ, огородничествомъ—въ 677, шелководствомъ—въ 70, пчеловодствомъ—въ 35 и хлопководствомъ пока въ 1.

Въ большихъ размѣрахъ и съ особою пользою для учащихся ведутся сельско-хозяйственныя занятія при Сацхенисскомъ двухклассномъ начальномъ училищѣ Тифлисской дирекціи, съ пансіономъ при немъ на 110 учениковъ, а также при 4 училищахъ той же дирекціи: Аджугенскомъ и Кахскомъ нормальныхъ, Сагареджинскомъ двухклассномъ и Кавтисхевскомъ одноклассномъ начальныхъ. При первомъ изъ нихъ, Сацхенисскомъ училищѣ сельско-хозяйственное отдѣленіе учреждено въ 1885 г., съ цѣлью сообщать учащимся свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, въ составъ которыхъ вошли: садоводство, огородничество, пчеловодство, шелководство и виноградарство; всѣ ученики училища, за исключеніемъ самаго младшаго отдѣленія, въ числѣ 82, подъ руководствомъ учителя, окончившаго курсъ садоводства въ Уманскомъ училищѣ, раздѣляясь на группы, ежедневно занимаются практическими работами—лѣтомъ по 4 часа, а зимою—по 2¹/₂ часа; теоретическія же свѣдѣнія, помимо тѣхъ, которыя сообщаются всѣмъ ученикамъ при самыхъ работахъ, на особыхъ урокахъ даются лишь ученикамъ IV и V отдѣленій, съ употребленіемъ на то 4-хъ часовъ въ недѣлю. У училища въ настоящее время имѣется 7¹/₄ десятины земли, и занято подъ фруктовымъ садомъ 3 десятины, подъ питомникомъ для плодовыхъ растений участокъ въ 700 слишкомъ сажень. подъ виноградникомъ 1 десятина, огородъ устроенъ на 3 десятинахъ, пасѣка къ концу отчетнаго года состояла изъ 80 ульевъ, а по шелководству получилось 1 пудъ 28 ф. сырыхъ коконовъ, изъ которыхъ для приготовленія гренъ были отобраны хорошіе коконы, въ количествѣ 1 пуда, а остальные 28 ф. были размотаны мѣстнымъ способомъ и дали 3 ф. шелку. Всего, по всѣмъ введеннымъ отраслямъ получилось продуктовъ на 659 р. При Аджугенскомъ училищѣ имѣются садъ, съ площадью въ 1 десятину 1.092 кв. саж., въ которомъ различныхъ плодовыхъ деревьевъ—583 и тутовыхъ—80, огородъ въ 60 сажень, и съ отчетнаго года положено начало пчеловодству, приобрѣтеніемъ двухъ ульевъ пчелъ; доходу отъ всѣхъ трехъ частей хозяйства получилось за годъ 103 р. 90 к., каковыя внесены на храненіе въ Ахалцхское казначейство въ депозитъ училища. При Кахскомъ училищѣ имѣется около десятины земли, занятой виноградникомъ въ 500 лозъ, фруктовыми деревьями въ числѣ 60, питомникомъ, огородомъ и частью обработанной для насадки тутовыхъ деревъ. При Сагареджинскомъ училищѣ имѣется два сада, изъ коихъ одинъ состоитъ изъ 2 десятинь, занятыхъ по-

ровну виноградникомъ и фруктовыми деревьями; доходу съ этого сада получилось 100 р., которые употреблены на обработку и устройство другаго сада того же характера. Наконецъ, при Кавтисхевскомъ училищѣ имѣется 670 кв. саж. садовой земли, и съ 1890 года здѣсь открылись запятія подъ руководствомъ учителя по тѣмъ же всѣмъ 5 отраслямъ сельскаго хозяйства, что введены въ Сацхеписскомъ училищѣ, при чемъ заведено 416 плодовыхъ деревъ, 267 тутовыхъ и другихъ до 100, виноградныхъ лозъ 376, затѣмъ въ пчельникѣ имѣется 9 рамочныхъ ульевъ разныхъ системъ; производилась уже и выводка шелковичныхъ червей.

Всѣхъ окончившихъ курсъ ученія въ отчетномъ году было 4.236, то-есть, 7,1% всего числа учащихся: на Сѣверномъ Кавказѣ—2.935 и въ прочихъ мѣстностяхъ—1.301. Приобрѣли право на льготу IV разряда на Сѣверномъ Кавказѣ—998, въ Закавказскомъ краѣ и Закаспійской области—221, всего 1.219; небольшое число выданныхъ свидѣтельствъ на это право объясняется особыми условіями отбыванія воинской повинности жителями Закавказскаго и большей части Кавказскаго края; въ этихъ свидѣтельствахъ нуждаются почти исключительно жители Ставропольской губерніи и такъ-называемые иногородніе Терской и Кубанской областей, что обнаружилось и въ числѣ свидѣтельствъ, а именно: 644 изъ 1.219, или 52,8% всего числа, выданныхъ училищами Ставропольской дирекціи. Число окончившихъ курсъ не даетъ еще полнаго понятія о распространеніи грамотности путемъ начальныхъ училищъ, такъ какъ, сверхъ окончившихъ курсъ, вышло не окончившихъ курса, но умѣющихъ читать и писать 10.551 ученикъ; такимъ образомъ, въ теченіе года общества получили 14.787 знающихъ болѣе или менѣе грамоту.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Октябрь 1894 года.

I.

Въ текущемъ мѣсяцѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я началъ писать корреспонденціи изъ Парижа въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Въ этотъ періодъ времени, *grande mortalis aevi spatium*, я преимущественно старался знакомить васъ съ успѣхами нашего высшаго образованія. Я началъ писать на другой же день по вступленіи въ министерство Дюрюи, чловѣка, который первый предпринялъ преобразование системы нашего народнаго просвѣщенія. Съ 1869 года много министровъ смѣнилось одинъ за другимъ въ зданіи улицы Grenelle ¹⁾; ни одинъ изъ нихъ не оставался тамъ долго, но всѣ признавали необходимымъ увеличить бюджетъ нашихъ факультетовъ и число ихъ профессоровъ и студентовъ. Тѣ изъ вашихъ пылѣвшихъ читателей, которые желали бы составить себѣ понятіе о положеніи этого вопроса, но не имѣли случая просматривать мои прежнія письма, найдутъ всѣ подробности о томъ въ сочиненіи Ліара: „L'Enseignement superieur en France“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я упоминалъ въ одномъ изъ моихъ писемъ о первомъ томѣ этого важнаго труда. Второй томъ его, только что вышедшій въ свѣтъ (у Армана Колена), обнимаетъ собою періодъ времени съ 1789 по 1893 годъ. Онъ особенно любопытенъ, такъ какъ авторъ вотъ уже десять лѣтъ состоитъ директоромъ отдѣла высшаго образованія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по тому предмету,

¹⁾ Гдѣ находится министерство народнаго просвѣщенія.

о которомъ говорится въ его сочиненіи. Бывшій питомецъ Нормальной школы, Ліаръ (теперь ему 51 годъ) сначала занималъ каедру философіи и написалъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ философскихъ сочиненій. Сперва онъ былъ профессоромъ на словесномъ факультетѣ въ Бордо, а затѣмъ, въ 1880 году, былъ назначенъ попечителемъ Канскаго (Саен) учебнаго округа. Административныя способности, имъ проявленныя, дали ему въ 1884 году право занять мѣсто Альбера Дюмона въ должности директора отдѣла высшаго образованія, и онъ вполне оправдалъ это назначеніе, принявъ дѣятельное участіе въ предложенныхъ реформахъ. Книга, теперь имъ изданная, излагаетъ весь ходъ устройства у насъ высшаго образованія въ теченіе нынѣшняго вѣка, послѣ его уничтоженія революціей. Революція закрыла старые университеты и сперва поощряла только преподаваніе медицины и фармацевтики. Вскорѣ однако было признано необходимымъ возобновить преподаваніе юридическихъ наукъ. Всякій воображалъ себя судьей или адвокатомъ, и отъ того происходили важныя злоупотребленія; но вновь основанныя школы правовѣдѣнія были чисто техническія и практическія, безъ всякаго научнаго элемента. Въ то же время было рѣшено, чтобы только правительству принадлежало право присужденія ученыхъ степеней. Припаты были самыя строгія мѣры, чтобы степени эти давались правильно, послѣ серьезныхъ экзаменовъ. Когда Наполеонъ создалъ такъ-называемый Французскій университетъ, то-есть, огромную корпорацію преподавателей, онъ предоставилъ словеснымъ факультетамъ лишь скромное мѣсто. „На курсахъ литературы“,—говорилъ онъ,—„преподается лишь то, что всякій знаетъ уже въ четырнадцать лѣтъ. Профессора ихъ даютъ только забаву ушамъ“. Онъ интересовался исключительно исторіей и географіей; на содержаніе словеснаго и физико-математическаго факультетовъ онъ назначалъ сумму въ пять или десять тысячъ франковъ. Они не имѣли, такъ сказать, собственнаго персонала профессоровъ, и большая часть лекцій читалась на нихъ учителями средней школы, а слушателями ихъ были ученики лицеевъ. Главною обязанностью профессоровъ было присужденіе степени бакалавра или магистра. Докторскія степени давались рѣдко, диссертации писались почти ничтожныя. Въ Немѣ на словесномъ факультетѣ читались только три предмета, а на курсѣ греческой литературы было всего три слушателя; въ Лионѣ лекціи философіи читались въ лицей. Во время реставраціи преподаваніе на Парижскомъ словесномъ факультетѣ отличалось большимъ блескомъ, благодаря Вильмену, Ку-

зону и Гизо, но въ провинціи факультеты пребывали въ полномъ упадкѣ. Но курсы Гизо и Кузена были закрыты. За то процвѣтали лекціи при Музеѣ естественныхъ наукъ и во Французской коллегіи, и онѣ одни поддерживали у насъ славу высшаго преподаванія. При Луи-Филиппѣ Гизо помышлялъ о возстановленіи университетовъ, и Кузень, посѣтившій Германію, раздѣлялъ идеи Гизо; но имъ не удалось осуществить свою мысль. И физико-математическіе факультеты, и словесные оставались, по словамъ Ліара, мастерскими для сдачи экзаменовъ. Они имѣли жалкое помѣщеніе въ старыхъ запущенныхъ зданіяхъ. Въ 1839 году на Ліонскомъ факультетѣ былъ всего одинъ профессоръ, лекціи котораго привлекали слушателей: то былъ Эдгаръ Кинге; но онъ долженъ былъ читать лекціи въ залахъ меріи или даже въ судебной палатѣ. За правительствомъ времени Луи-Филиппа остается однако та заслуга, что оно преобразовало Школу палеографіи (*École des chartes*) и создало Аенскую школу, подготовившій многихъ отличныхъ ученыхъ. Во время имперіи преобладалъ исключительно авторитетъ начальства: профессорамъ факультетовъ предписывалось кончать въ теченіе трехъ лѣтъ полный курсъ ихъ преподаванія. Такого рода система не допускала, конечно, никакой оригинальной работы. Чтобы вызвать ее, Дюрюи основалъ Школу высшихъ знаній, принесшую столько пользы наукѣ. Въ то же время онъ занялся изученіемъ матеріальнаго положенія факультетовъ; оказалось, что факультеты нуждались во всемъ—въ помѣщеніи, въ лабораторіяхъ, въ инструментахъ. Курсы нѣкоторыхъ профессоровъ отличались внѣшнимъ блескомъ и краснорѣчіемъ, но серьезная наука оставалась въ полномъ небреженіи. Дюрюи удалось увеличить на 480.000 франковъ весьма бѣдный бюджетъ высшаго образованія и подготовить переустройство факультетовъ, но онъ не могъ довести это дѣло до конца. Послѣ войны 1870—1871 годовъ за него взялись съ энергіей, извѣстной вамъ изъ моихъ писемъ. Вторая часть книги Ліара посвящена всецѣло исторіи этой реформы. Особенно любопытна глава о католическихъ факультетахъ: духовенство требовало полной свободы высшаго преподаванія и надѣялось организовать могущественные факультеты, съ правомъ давать ученныя степени, какъ въ былое время. Но республиканское правительство оставило за собою присвоенное ему право и только разрѣшило открывать свободные университеты съ тѣмъ, чтобы они состояли не менѣе какъ изъ трехъ факультетовъ. Сперва католики обнаружили чрезвычайное рвеніе; рассчитывали, что католическіе факультеты будутъ способствовать возстановленію монархіи. Въ 1877 году

собрано было въ Тулузѣ болѣе двухъ милліоновъ добровольныхъ подписей, въ Парижѣ болѣе милліона. Избрано четыре города для основанія въ нихъ католическихъ университетовъ—Парижъ, Лионъ, Лилль, Анжеръ. Но успѣхъ не отвѣчалъ надеждамъ основателей. Самое большое число студентовъ не превышало 1000 человѣкъ, и распредѣлялись они такъ: въ Парижѣ насчитывалось 351, въ Анжерѣ 207, въ Лионѣ 89, въ Лиллѣ 352 человѣка. Такъ какъ сдача экзаменовъ допущена была только при правительственныхъ факультетахъ, то, очевидно, всѣ предпочитаютъ и лекціи слушать тамъ же.

Послѣдняя часть книги Ліара посвящена вопросу собственно объ университетахъ; я уже объяснял вамъ причины, мѣшающія основанію у насъ университетовъ *de jure*, тогда какъ *de facto* они уже существуютъ. Истинная и единственно вѣрная причина—это зависть второстепенныхъ городовъ, которымъ угрожаетъ опасность имѣть только отдѣльные факультеты, а не полные университеты. Ліаръ по своему официальному положенію не высказывается откровенно по поводу этой затруднительной стороны вопроса. Книга его снабжена нѣкоторыми официальными документами, увеличивающими ея интересъ.

Городъ Лионъ выразилъ наибольшее стремленіе основать у себя университетъ. Его различные факультеты насчитываютъ въ настоящее время около 2.000 студентовъ; они содержатъ на средства мѣстнаго учебнаго округа обсерваторію и морскую учебную станцію на Средиземномъ морѣ. Богатое общество „друзей Лионскаго университета“ даетъ стипендіи нѣкоторымъ студентамъ и содѣйствуетъ устройству археологическаго музея. Лионцы отличаются упорствомъ; они кончатъ тѣмъ, что принудятъ министерство разрѣшить имъ образованіе настоящаго университета. Въ Монпелье удостовѣрено увеличеніе въ 1894 году числа студентовъ на 143 человѣка. Въ Нанси оно увеличилось на 25 человѣкъ.

Вопросъ о физическомъ воспитаніи дѣтей продолжаетъ занимать у насъ умы. Въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ состоялся въ Парижѣ международный конгрессъ по атлетическимъ играмъ. Для поощренія этого спорта конгрессъ порѣшилъ учредить олимпийскія игры, которыя и будутъ происходить каждые четыре года. Первые состоятся въ Греціи въ 1896 году, вторыя—въ Парижѣ по случаю выставки 1900 года. Французская ассоціація наукъ, желая со своей стороны подвинуть этотъ вопросъ, занялась имъ на конгрессѣ, происходившемъ недавно въ Канѣ, и выразила мнѣніе противъ злоупотребленія этими играми, именно противъ состязаній, вызывающихъ дѣйствительное физическое

переутомленіе и вредящихъ школьнымъ занятіямъ юношества. Этотъ вопросъ снова былъ поднятъ на международномъ гигиеническомъ конгрессѣ въ Буда-Пештѣ, но, повидимому, еще далекъ отъ разрѣшенія.

II.

Четвертый томъ „Всеобщей Исторіи“, издаваемой Лависсомъ и Рамбо, включаетъ въ себѣ эпоху возрожденія, реформацію и открытіе Нового Свѣта и оправдываетъ успѣхъ всего сочиненія (книготорговля Армана Колена); лучшія изъ помѣщенныхъ въ немъ статей слѣдующія: эпоха возрожденія въ Италіи — Жебара, профессора Сорбонны, лучшаго во Франціи знатока этого любопытнаго періода; Франція съ экономической точки зрѣнія — Левассера, французская литература первой половины XVI вѣка — Пети де-Жюллевиля, искусство — Андре Мишеля, науки — Таннери, реформація въ Германіи — Дени, реформація во Франціи — Бюссона, Венгрія — Сейу, Польша отъ 1495 до 1572 года — Лежера, Московія и Оттоманская имперія — Рамбо, Сѣверная Африка — Макерз, Америка — Муано.

Картографъ Шрадеръ оказалъ большія услуги изученію географіи во Франціи. Его большой атласъ, изданный фирмою Гашетта, распроданъ, какъ увѣряютъ, въ числѣ 40.000 экземпляровъ. Онъ сдѣлалъ изъ него извлеченіе для нѣсколькихъ школьныхъ атласовъ и для карманнаго атласа, истиннаго чуда печати. Тѣмъ же Шрадеромъ составленъ, въ сотрудничествѣ съ Галлоудекомъ, курсъ географіи (фирма Гашетта) въ семи небольшихъ томикахъ, обѣщающій принести большую пользу. Первый томикъ этого сочиненія заключаетъ въ себѣ всеобщую географію средиземнаго бассейна, второй — элементарную географію Франціи и ея колоній, третій — всеобщую географію Европы, четвертый — географію Америки, пятый — географію Африки, Азии и Океаніи, шестой — подробную географію Европы, седьмой — подробную географію Франціи и ея колоній. Нѣкоторые томикъ этого сочиненія служатъ, повидимому, двойкой цѣли, такъ какъ, будучи составлены по программѣ нашихъ лицеевъ, они говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ дважды — для различныхъ классовъ, сначала кратко, а затѣмъ подробнѣе. Очень хорошій текстъ и карты, приложенныя къ каждому тому, дѣлаютъ это изданіе настоящимъ атласомъ въ миниатюрѣ. Эти книги, при томъ изящно переплетенныя, баснословно дешевы: цѣна ихъ отъ 3 до 3½ франковъ. Шрадеръ,

Лавассеръ, Фонсенъ, Ниоксъ и Видалъ-Лаблашъ дѣйствительно обновили у насъ изученіе географіи.

Видалъ также, какъ и Шрадеръ, посвятилъ свою жизнь преподаванію географіи. Инспекторъ классовъ Нормальной школы, онъ, какъ говорятъ, предназначается въ замѣстители Гимли, профессора географіи въ Сорбоннѣ. Имъ уже написаны замѣчательныя монографіи: „Земля“ (1883) и „Марко Поло“ (1880). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Видалъ основалъ журналъ *Annales de Géographie*, быстро занявшій выдающееся мѣсто въ ряду подобныхъ ему изданій; онъ же издалъ стѣнные карты новой системы, очень отчетливыя, въ высшей степени поражающія дѣтское вниманіе и весьма распространенныя въ настоящее время въ нашихъ школахъ; наконецъ, онъ предпринялъ и только что окончилъ печатаніе большаго атласа историческаго и географическаго, который выходилъ отдѣльными тетрадями; теперь онъ пущенъ цѣликомъ въ продажу фирмою Армана Колена — по 30 франковъ за экземпляръ. Этотъ атласъ состоитъ изъ двухъ частей: исторической — съ отдаленныхъ временъ до нашихъ дней, и географической. Онъ заключаетъ въ себѣ 420 картъ или раскрашенныхъ картоновъ и алфавитный указатель 40.000 названій, нанесенныхъ на карты. Въ немъ встрѣчаются полезныя нововведенія; такъ, въ историческомъ его отдѣлѣ помѣщена цѣлая серія плановъ города Парижа, дающихъ понятіе о томъ, какимъ образомъ городъ этотъ разрастался. Кромѣ политическихъ картъ государствъ, которыя снабжены примѣчаніями, въ атласѣ находятся карты торговли и промышленности, статистическія діаграммы, карты климатологическія и т. п. Сотрудниками Видаля-Лаблаша по этому замѣчательному изданію было нѣсколько отличныхъ молодыхъ географовъ: Комена д'Альмеда изъ Канскаго факультета, Сеньбозъ и Галлуа изъ Парижскаго факультета. Гравюры и типографская сторона этого прекраснаго атласа также весьма изысканы. Карты удивительно хороши.

Тотъ же издатель предпринялъ изданіе географическаго альбома Марселя Дюбуа, профессора Сорбонны, и историческаго альбома. Географическій альбомъ заключаетъ въ себѣ изображенія самыхъ замѣчательныхъ явленій физической жизни земнаго шара (характеръ горъ, очертанія земель, береговъ) и гравюры, изображающія самыя выдающіеся виды стараго и новаго свѣта. Историческій альбомъ, редактированный Пармантье, состоитъ изъ цѣлой серіи гравюръ, изображающихъ сцены общественной и частной жизни разныхъ народовъ. Это исторія нравовъ въ гравюрѣ; идея очень остроумная, а исполненіе весьма изящное.

Къ числу открытій географическихъ или геологическихъ, сдѣланныхъ французами въ эти послѣдніе годы, принадлежитъ открытіе въ центральной Франціи неплодородныхъ известковыхъ плоскихъ возвышенностей (*causses*). Эти пространства орошаются глубокими и узкими потоками воды или *canots* и прорѣзываются пропастями. На нихъ долго не обращали вниманія; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ тщательно изслѣдовали и открыли въ нихъ много чудеснаго. Заслуга этихъ изслѣдовацій принадлежитъ прежде всего одному парижскому адвокату, Мартелю. Въ 1890 году онъ собралъ свои изслѣдованія въ весьма замѣчательную книгу подъ заглавіемъ „Северскія горы“ (*Sévennes*). Поощряемый успѣхомъ своего сочиненія, Мартель простеръ свои изысканія и на другія мѣстности. Онъ посѣтилъ послѣдовательно Бельгію, Австрію, Грецію и сдѣлалъ весьма много новыхъ открытій. Съ 1888 по 1893 годъ онъ осмотрѣлъ 230 пещеръ, большею частью еще не изслѣдованныхъ. Онъ начертилъ подземные планы, въ 50 километровъ протяженія, изучилъ метеорологію, минералогію, палеонтологію, доисторическія древности, фауну, флору этихъ мѣстностей. Открытія, сдѣланныя имъ, онъ собралъ въ книгу подъ названіемъ: „Пропасти“ (*Lés Abîmes*, фирма Делаграва); въ ней онъ даетъ всѣ необходимыя указанія для изслѣдователя пещеръ, описываетъ всѣ имъ видѣнныя пещеры въ главныхъ странахъ Европы, изучаетъ разныя явленія, замѣчаемыя въ пропастяхъ, подземныхъ водахъ, пещерахъ и гротахъ. Въ текстѣ помѣщены иллюстраціи, сдѣланныя большею частью по фотографіямъ, снятымъ при свѣтѣ магнія, и подробные планы; трудъ этотъ интересенъ и для альпиниста, и для кабинетныхъ ученыхъ, и составитъ собою эпоху въ наукѣ.

Я уже не разъ писалъ вамъ о Союзѣ для распространенія французскаго языка. Душою его считается секретарь его Фонсенъ, главный инспекторъ средняго образованія. Фонсенъ — страстный патриотъ и знаменитый географъ. Подъ заглавіемъ „Французское отечество“ имъ только что издана (у Колена) небольшая книжка, обнаруживающая и ученость географа, и преданность патриота. Это сочиненіе описательное и историческое, не техническое руководство, но живописное изображеніе Франціи въ ея настоящемъ и прошедшемъ. За блестящимъ географическимъ очеркомъ идетъ, въ трехъ главахъ, исторія Франціи, и излагается нынѣшнее положеніе дѣлъ съ политической и экономической точки зрѣнія, состояніе наукъ, литературы и искусства XIX вѣка. Эта книга особенно полезна для иностранцевъ, желающихъ скоро и безъ труда узнать нашу страну.

III.

У насъ нѣтъ недостатка въ исторіяхъ французской литературы. Недавно еще я рекомендовалъ вамъ исторію литературы Лантильяка; товарищъ его, Гюставъ Лансонъ, также профессоръ одного изъ парижскихъ лицеевъ, только что издалъ въ свѣтъ новую исторію нашей литературы. Лансонъ, докторъ словесности, написалъ уже нѣсколько почтенныхъ сочиненій. Его „Исторія французской литературы“ представляетъ собою значительный трудъ; это томъ въ 12-ю д. листа сжатой печати, имѣющій болѣе 1.100 страницъ; онъ вмѣщаетъ въ себѣ содержаніе трехъ томовъ въ восьмушку. Это и учебникъ, и книга для чтенія, и книга для справокъ. Слогъ автора легкой и плавный. Къ каждой главѣ приложена библиографія; авторъ его сдѣлалъ счастливое нововведеніе: онъ заботливо указалъ лучшія изданія каждаго писателя. Въ книгѣ отведено большое мѣсто средневѣковой эпохѣ; для XVI вѣка авторъ много пользовался не изданными замѣтками Брюнетьера. Современная литература излагается вплоть до школы символистовъ. Кромѣ того, къ книгѣ приложена хронологическая таблица главныхъ произведеній французской литературы (одинъ томъ, книготорговля Гашетта).

Неутомимый Брюнетьеръ выпустилъ въ свѣтъ второй томъ своей „Эволюціи лирической поэзіи во Франціи XIX вѣка“. Это продолженіе его любопытнаго труда, въ которомъ онъ старается примѣнить къ литературѣ теорію Дарвина. Въ немъ онъ говоритъ объ Альфредѣ де-Виньи, о Тэофилѣ Готье, о Викторѣ Гюго, о Леконтѣ де-Лиллѣ, о Гередіа, о Франсуа Коппэ и о новой школѣ символистовъ, которая явилась реакціей противъ натурализма, но до сихъ поръ не создала ни одного замѣчательнаго произведенія. Брюнетьеръ сохранилъ въ своихъ лекціяхъ ораторскую форму, которою онъ отличался во время чтенія въ Сорбоннѣ въ 1893 году. Стилъ его не всегда хорошъ, но въ его лекціяхъ есть одно неоспоримое достоинство, это—убѣжденіе и авторитетъ (1 томъ у Гашетта).

Собраніе монографій о великихъ французскихъ писателяхъ увеличилось еще книгою Барду о Гизо. Барду, подобно Гизо, но въ сферѣ болѣе скромной,—писатель и политикъ. Онъ былъ депутатомъ, затѣмъ сенаторомъ; состоялъ министромъ народнаго просвѣщенія, а теперь состоитъ вице-президентомъ сената и членомъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Ему мы обязаны прекрасными

сочиненіями о легистахъ среднихъ вѣковъ и о французскомъ обществѣ XIX вѣка. Онъ имѣлъ всѣ данныя для изученія такого сложнаго лица, какъ Гизо; его монографія нѣсколько сжата, но онъ подчинился условіямъ той коллекціи, въ которой печаталась его кнѣга. Онъ изображаетъ послѣдовательно частную и политическую жизнь Гизо, его значеніе какъ историка, оратора, критика и публициста. Гизо имѣлъ много враговъ; горячая защита Барду способна возвратитъ ему друзей и почитателей.

Съ нѣкотораго времени придають большое значеніе исторіи искусства; ее преподають на факультетахъ, въ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Рядомъ съ большими изданіями Перро и Эжена Мюнца появляются сочиненія болѣе скромныя, болѣе педагогическаго характера. Роже Пейръ, парижскій преподаватель, авторъ различныхъ статей, между прочимъ почтеннаго труда о Наполеонѣ и его времени, только что издалъ въ свѣтъ (одинъ томъ въ 12-ю д. л., около 700 страницъ, у Деллагава) „Всеобщую исторію изящныхъ искусствъ“, отвѣчающую требованіямъ преподаванія и удовлетворяющую любознательности читателей. Пейръ совмѣстилъ въ своей книгѣ полную исторію всѣхъ пластическихъ искусствъ, начиная съ древняго Египта до конца XIX вѣка. Къ произведеніямъ пластическаго искусства онъ присоединилъ и музыку. Этой книгѣ, весьма обстоятельной, недостаетъ только алфавитнаго указателя; за то къ ней приложено триста гравюръ: портреты художниковъ, знаменитые памятники, воспроизведеніе рисунковъ и картинъ. Въ общемъ это руководство можетъ принести огромную пользу.

19-й томъ „Большой Энциклопедіи“ заключаетъ въ себѣ статьи отъ Gonsalve до Néron. Въ числѣ особенно замѣчательныхъ статей отмѣчу слѣдующія: „Grande Bretagne“, любопытный этюдъ Филиппа Бертело „Graphologie“, статью Павловскаго „Gravure“, цѣлую серію этюдовъ о Греціи, Филиппа Бертело, Жюльена Жирара, Андре Бертело, статью „Hebreux“, Мориса Верна и „Hérédité“ Рибо.

19-й выпускъ „Словаря греческихъ и римскихъ древностей“ идетъ отъ слова Flamen de Fossa. Выдающіяся статьи здѣсь слѣдующія: „Foedus“ Лекривена и Юмбера, „Foemis“ Кайллемэ и Бодри, „Fons“ Юмбера и Гильда, „Fognax“ и „Fogum“ Годена, „Fognix“ Гильома, Потье и Сальо. Статья „Форумъ“, къ которой приложено множество плановъ и рисунковъ, даетъ самое точное и самое полное описаніе раскопокъ, произведенныхъ въ Римѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе.

Недавно скончался Жанъ Флери, ученый, хорошо извѣстный въ

Россіи, гдѣ онъ прослужилъ большую часть своей жизни. Родившись въ 1816 году, онъ покинулъ Францію въ 1856 и переселился въ Петербургъ въ качествѣ лектора французскаго языка въ университетъ и въ училищѣ правовѣдѣнія. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій по преподаванію французскаго языка, именно „Исторію французской литературы“ и дѣльные этюды о Рабле и Мариво. Будучи родомъ изъ Нормандіи, Флери хранилъ особенную привязанность къ народной поэзіи этого края и посвятилъ ей любопытные этюды, именно сборникъ: „Littérature orale de la Basse-Normandie“. Онъ изучалъ также и русскую литературу и оставилъ хорошій этюдъ о Крыловѣ. Флери былъ отцомъ писательницы-романистки, извѣстной подъ псевдонимомъ Анри Гревилля; романы ея заимствованы большею частью изъ русской жизни и справедливо цѣнятся. Псевдонимъ этотъ заимствованъ ею отъ названія деревеньки Гревилль въ Нормандіи; г-жа Флери вышла замужъ за бывшаго преподавателя французскаго языка въ Петербургѣ Дюрана, переводчика Тургенева и Островскаго и почтеннаго художественнаго критика.

Л. Л—ръ.

Д. Θ. МАСЛОВСКИЙ.

(Некрологъ).

3-го ноября 1894 года скончался профессор Николаевской академіи генеральнаго штаба генераль-маіоръ Дмитрій Ѳеодоровичъ Масловскій. Нензлечимая внутренняя болѣзнь уже нѣсколько лѣтъ подтачивала его силы; оцъ самъ зналъ, что жить ему осталось недолго, и тѣмъ не менѣе неутомимо работалъ если не до послѣднихъ дней, то до послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни. Въ лицѣ его русская военно-историческая наука потеряла одного изъ крупнѣйшихъ своихъ представителей, который оставилъ послѣ себя нѣсколько выдающихся изслѣдованій и еще болѣе сдѣлалъ для того, чтобы облегчить трудъ своимъ ученикамъ и продолжателямъ его работъ.

Д. Θ. Масловскій издалъ три выпуска „Каталога военно-ученаго архива Главнаго штаба“ и—вмѣстѣ съ капитаномъ Ильенко—четыре выпуска „Каталога Московскаго отдѣленія архива Главнаго штаба“; въ теченіе 1883—1894 гг. онъ напечаталъ слѣдующіе сборники документовъ: „Стросвая и полсвая служба русскихъ войскъ временъ Петра Великаго и императрицы Елизаветы“, два выпуска „Матеріаловъ для исторіи военнаго искусства въ Россіи“ (документы первой половины XVIII вѣка, въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*), „Русско-австрійскій союзъ 1759 года“ (тамъ же), „Атака Гданска графомъ Минихомъ въ 1734 году“ (сборникъ реляцій) и, наконецъ, первый, второй и четвертый выпуски „Сборника военно-историческихъ матеріаловъ“, заключающіе документы 1705—1708 гг., документы о Ставучанскомъ походѣ 1739 года и переписку Потежкина, Румянцева и Суворова въ началѣ второй турецкой войны. Кромѣ этого, ему принадлежать два капитальные труда: „Русская

армія въ Семилѣтнюю войну", въ трехъ томахъ (1886—1891), и два тома „Записокъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи“, 1683—1794 гг. (С.-Пб. 1891—1894).

Въ теченіе всей своей ученой дѣятельности Д. О. Масловскій проводилъ несомнѣнно вѣрную мысль, что правильно изучать и понимать русскую военную исторію можно только по источникамъ русскимъ; и со своей стороны, онъ сдѣлалъ очень много для разбора и изученія этихъ русскихъ источниковъ. Онъ былъ замѣчательнымъ знатокомъ рукописныхъ матеріаловъ русскихъ военныхъ архивовъ и воспользовался ими для своихъ изслѣдованій въ такой степени, какъ никто другой. Само собою понятно, что онъ не могъ обработать всего, что предъ нимъ раскрылось; но онъ показалъ съ очевидностью, что въ русскихъ военныхъ архивахъ заключаются богатѣйшіе и интереснѣйшіе матеріалы, заслуживающіе полнаго вниманія и не только специалистовъ по военной исторіи. А своими „Каталогами“, которые представляютъ въ значительной степени систематизированное описаніе рукописей военныхъ древнехранилищъ, онъ оказалъ существенную услугу всѣмъ, кому придется обращаться къ этимъ архивамъ. Много интересныхъ документовъ онъ и самъ обнародовалъ, снабжалъ обыкновенно свои изданія обстоятельными введеніями, въ которыхъ не только выяснялось общее значеніе издаваемыхъ матеріаловъ, но и указывалось, на сколько исчерпаны тѣ собранія документовъ, по которымъ изданіе было сдѣлано; а это знать перѣдко бываетъ крайне необходимо. Вообще, изданія документовъ, сдѣланныя Д. О. Масловскимъ являются вполне соответствующими научнымъ требованіямъ и въ высшей степени интересными.

Но, безъ сомнѣнія, наибольшую заслугою покойнаго профессора предъ русскою наукою являются два выше названныхъ самостоятельныхъ его изслѣдованія. Специальная критика уже признала ихъ выдающіяся достоинства; но, помимо своего спеціальнаго значенія, эти труды, можно смѣло сказать, необходимы и для всякаго, кто изучаетъ тѣ эпохи русской исторіи, къ которымъ они относятся. Д. О. Масловскій ставилъ себѣ задачей не только разказать факты и не только изслѣдовать военныя событія; онъ всегда понималъ задачу военнаго историка, какъ изученіе военнаго искусства данной эпохи, что, очевидно, представляетъ значительный интересъ и не для военныхъ специалистовъ. Въѣтъ съ тѣмъ онъ старался всегда каждый изучаемый имъ спеціальныи вопросъ освѣтить съ общенсторической точки зрѣнія и обнаружилъ при этомъ не только обширное и основательное знаком-

ство съ трудами по общей исторіи, но и ведужинный талантъ изслѣдователя. Обстоятельные очерки организаціи русскихъ военныхъ силъ и управленія ими при императрицѣ Елизаветѣ и при Екатеринѣ II, данные въ I-й и II-й главахъ перваго тома „Русской арміи въ Семилѣтнюю войну“ и во II-й главѣ втораго тома „Записокъ по русской военной исторіи“ являются въ высшей степени замѣчательными работами по вопросамъ первостепенной важности. до сихъ поръ остававшимся совершенно неизслѣдованными. Еслибы Д. О. Масловскій не написалъ ничего другаго, кромѣ этихъ двухъ очерковъ, то и въ такомъ случаѣ онъ съ полнымъ правомъ занялъ бы мѣсто въ ряду людей, оказавшихъ существенную услугу русской исторической наукѣ. На страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* мы говоримъ о покойномъ только какъ о дѣятелѣ русской исторической науки вообще; его огромныя заслуги предъ военною исторіей, какъ изслѣдователя, какъ издателя и систематизатора документовъ и, наконецъ, какъ создателя каеедры русской военной исторіи въ академіи, найдутъ, безъ сомнѣнія, заслуженную ими оцѣнку и хвалу въ специальныхъ военныхъ органахъ.

И. Ч.

ваться плодами этого мира. Вмеѣстѣ съ тѣмъ надо обратить вниманіе и на то, что Атталъ старается, во что бы то ни стало, вызвать Аонины изъ ихъ пассивнаго отношенія къ общему положенію дѣлъ.

Когда прокламація Аттала была прочтена народу, „последній“, говоритъ Поливій, „былъ готовъ издать постановленіе о войнѣ и въ силу тѣхъ доводовъ, которые были приведены въ прокламаціи, и въ силу общаго расположенія къ Атталу“ (XVI, 25, 7). Родосскіе послы также много говорили въ томъ же духѣ, что и Атталъ, и „аониане рѣшили объявить Филиппу войну“ (Polyb. XVI, 25, 8. Liv. XXXI, 15, 5). Но это объявленіе войны пока состоялось только на словахъ. Зато аониане не скупились на почести Атталу и родосцамъ¹⁾. Послѣ того родосцы отправились на Эгину, съ Эгины на Кеосъ, а оттуда, чрезъ острова, на Родосъ; всѣ эти острова присоединились къ нимъ, за исключеніемъ Андра, Пара и Киона, гдѣ стояли македонскіе гарнизоны (Liv. XXXI, 15, 8).

Отрывокъ Поливія, содержащій разказъ о пребываніи Аттала въ Аониахъ, обрывается на полуфразѣ, гдѣ говорится объ отъѣздѣ родосскихъ пословъ: οἱ μὲν οὖν πρέσβεις οἱ παρὰ τῶν Ῥοδίων ταῦτα διαπράξαντες ἀνῆλθον εἰς τὴν Κέων ἐπὶ τὰς νῆους μετὰ τοῦ στόλου— (XVI, 26, 10). Непосредственно за нимъ помѣщается отрывокъ, выше разобранный, о набѣгѣ на Аттику Никанора. Отрывки эти сохранились въ рукописи N (codex Monacensis 267), XVI вѣка, на листахъ 70 и 73²⁾. Между обоими отрывками въ рукописи лакуна. Я уже указывалъ на то, что нападеніе Никанора на Аттику должно было предшествовать прибытію Аттала въ Аонины. Что Атталъ прибылъ въ Аонины раньше римскихъ пословъ, это видно изъ словъ самого Поливія: ὁ δὲ βασιλεὺς μετὰ τινὰς ἡμέρας πυθόμενος καταπελευχένας Ῥωμαίων πρεσβυτάς εἰς τὸν Πειραιᾶ и т. д. (XVI, 25, 2). Поливій въ своей исторіи излагалъ событія не въ хронологическомъ, а въ систематическомъ порядкѣ: такъ, въ той же XVI книгѣ сначала излагались событія македонской исторіи (гл. 1—12), затѣмъ греческой исторіи (гл. 13—20), египетскія дѣла (гл. 21—22), сирійскія дѣла (гл. 22а), италійскія дѣла (гл. 23), опять македонскія и греческія дѣла и т. д. Въ число этихъ греческихъ дѣлъ попалъ также эпизодъ о прибытіи Аттала въ Аонины.

¹⁾ Polyb. XVI, 25, 8 — 9. 26, 9. Liv. XXXI, 15, 7. Ср. Nissen, ук. соч. стр. 11.

²⁾ См. крит. прим. Биттнера-Вобста въ его переработкѣ Диндорфова изданія Поливія, т. III, стр. 346, 348 (Lipsiae 1893).

Набѣгъ Никанора на Аттику случился, думается мнѣ, самое позднее въ началѣ января 200 года; значить, прибытіе Аттала въ Аѳины имѣло мѣсто въ томъ же январѣ. Сколько времени прожилъ Атталъ въ Аѳинахъ, мы не знаемъ. Извѣстно только, что, когда родосцы отплыли изъ Аѳинъ, Атталъ вернулся на Эгину и тамъ, по свидѣтельству Ливія, оставался долгое время. Причина этой задержки была слѣдующая: Атталъ отправилъ въ Этолію пословъ съ цѣлью возбудить этолійцевъ къ подятію противъ Филиппа. Но и тутъ Атталъ не достигъ, чего хотѣлъ: этолійцы были довольны миромъ, каковъ бы онъ ни былъ. Очевидно, у этолійцевъ были еще въ памяти результаты первой македонской войны, которую имъ пришлось вынести почти-что на своихъ плечахъ. А Филиппъ, тѣмъ временемъ, сумѣлъ воспользоваться такою медлительностью Аттала и родосцевъ: онъ переправился въ Европу, занялъ удобные пункты въ Фракіи, собралъ войска. Онъ уже опять „лелѣялъ“ въ своихъ мечтахъ войну. Ливій прямо заявляетъ, что Атталъ и родосцы „уступили римлянамъ славу вести войну съ Филиппомъ и окончить ее“ (Liv. XXXI, 15, 9—11).

Итакъ, въ началѣ 200 года, вѣроятно еще въ январѣ, Филиппу удалось выйти изъ своего бездѣйствія, вырваться изъ Каріи въ Европу. Первое время уходитъ на приготовленія къ войнѣ. Затѣмъ, когда эти приготовленія были окончены, начинается экспедиція, разказъ о которой у Ливія идетъ съ 16-й главы 31-й книги. Филиппъ дастъ Филоклу (вѣроятно, тому же, о которомъ упоминаетъ Поливій XVI, 24, 7) 2.000 пѣхоты и 200 всадниковъ „для опустошенія аѳинской области“; флотъ, командиромъ котораго былъ Ираклидъ, получилъ приказаніе направиться къ Мароніи; самъ Филиппъ съ 2.000 легковооруженныхъ и 200 всадниковъ сухимъ путемъ направляется туда же. Маронія была завоевана при первомъ же штурмѣ; за нею слѣдуетъ взятіе Эна, долго сопротивлявшагося и взятаго благодарнъ измѣннѣ Каллимеда, начальника Птолемея гарнизона въ городѣ. За этими первыми успѣхами Филиппа во фракійской экспедиціи слѣдуетъ рядъ другихъ — многіе города сдались добровольно. Сильное сопротивленіе оказалъ Авидъ, противъ котораго Филиппъ былъ долженъ начать правильную осаду (Liv. XXXI, 16, 1—6).

Остановимся на извѣстїи о томъ, что Филиппъ отправилъ Филокла съ 2.000 пѣхотинцевъ и 200 всадниковъ „для опустошенія аѳинской области“. Филиппъ, значить, опять ищетъ случая вмѣшаться въ греческія дѣла. Но надо же было для этого имѣть какой-нибудь хотя бы вѣншнїй поводъ. Ливій замѣчаетъ: „Аѳиняне на-

влекли на себя войну съ Филиппомъ по нимало не достойной причинѣ:“ (*contraxerant autem sibi cum Philippo bellum Athenienses haudquam digna causa*) и далѣе разказываетъ слѣдующее: двое акарнанскихъ юношей, не будучи посвящены въ мистеріи, во время совершенія ихъ, вошли съ прочею толпою народа въ храмъ Димитры. Ихъ неумѣстные и наивные вопросы легко выдали ихъ. Акарнанцы были отведены къ жрецамъ, и хотя и было извѣстно, что они вошли въ храмъ по ошибкѣ, они все-таки были умерщвлены. Акарнанцы, узнавъ объ этомъ, страшно разсердились, донесли царю Филиппу и просили у него дать имъ на помощь македонскихъ солдатъ, чтобы отомстить аониянамъ за безчеловѣчное убійство ихъ согражданъ. „Это войско впервые опустошило Аттику огнемъ и мечомъ и со всякаго рода добычею возвратилось въ Акарнанію. И это послужило первымъ всеобщимъ возбужденіемъ аонинъ. А потомъ была объявлена правильная война по постановленію государства, по указанію съ другой стороны“ (*Liv. XXXI, 14, 6—10*)¹⁾.

Разказъ Поливія, послужившій основаніемъ для Ливія, въ данномъ случаѣ, очевидно, подвергся значительному сокращенію. До 14-й главы источниками Ливія, какъ мы указывали выше, служили аиналы, съ 14-й главы онъ руководится Поливіемъ. Эта смѣна источниковъ отозвалась на изложеніи Ливія, нѣсколько сбитомъ.

Фактъ убіенія акарнанскихъ юношей, во время празднованія мистерій, очень цѣненъ, такъ какъ онъ даетъ намъ болѣе или менѣе опредѣленную хронологическую точку опоры. Въ Аоннахъ, какъ извѣстно, совершались мистеріи два раза въ годъ, осенью и весною.

¹⁾ *Hic exercitus primo terram Atticam ferro ignique depopulatus cum omnium generis praeda in Acarnaniam rediit. et irritatio quidem animorum ea prima fuit, postea iustum bellum decretis civitatis ultro indicendo factum.* Какой смыслъ надо придавать этому *primo*? Его обычное значеніе „въ первый моментъ, въ первое время“. Если понимать въ данномъ случаѣ *primo* въ этомъ значеніи, то мы въ правѣ были бы требовать дальнѣйшаго *mox* (ср. *Liv. I 50*). Но у Ливія встрѣчается *primo* въ значеніи „впервые“, что мнѣ указалъ П. П. Холодникъ: ср. *Liv. II, 27, 7* (также *Cicero. De invent. I 39*). Въ выписанной цитатѣ Ливія логическое удареніе стоитъ на *primo*. О набѣгѣ Никанора Ливій не упоминаетъ ни словомъ, такъ что съ его точки зрѣнія опустошеніе Аттики македонскимъ и акарнанскимъ войскомъ дѣйствительно было первымъ. А затѣмъ, какъ мнѣ приходилось упомянуть выше, врядъ ли набѣгъ Никанора, во время остановившейся вышательствомъ римскихъ пословъ, былъ продолжителемъ и серьеземъ. *Weissenborn* въ прим. къ д. м. говоритъ: *primo, darauf bezieht sich, da es in prima wieder aufgenommen ist, mittelbar postea.*

Великія мистеріи праздновались между 13—28 Вондроміона (приблизительно первая половина октября ¹⁾). Обыкновенно полагаютъ, что исторія съ акарнанцами произошла во время совершенія великихъ мистерій, осенью (въ октябрѣ) 201 года ²⁾. Но осенью 201 года Филиппъ былъ еще въ Азій, въ войнѣ съ Пергамомъ и Родосомъ; ему не было никакой надобности усложнять свое и безъ того не очень-то благоприятное положеніе отправкою акарнанцамъ помощи. Моммзенъ (I 697) не точно перифразируетъ выраженія Ливія: *ut datis Macedonum auxiliis bellum se inferre Atheniensibus pateretur*—„Филиппъ дозволилъ имъ (акарнанцамъ) набрать въ Македоніи солдатъ и, соединивъ этихъ новобранцевъ къ ихъ собственному войску, вторгнуться въ Аттику безъ предварительнаго объявленія войны“. Изъ точнаго смысла Ливіева показанія слѣдуетъ, что акарнанцы просили у Филиппа „*Macedonum auxilia*“. Откуда мы знаемъ, что они были новобранцами? Моммзенъ, быть можетъ, сознавалъ затрудненіе—вѣдь Филиппъ осенью 201 г. былъ съ войскомъ въ Азій—и поэтому ввелъ въ свой разказъ этихъ новобранцевъ. „Въ сущности это была не настоящая война и начальникъ македонскихъ солдатъ Никаноръ повелъ свои войска назадъ, лишь только къ нему обратились съ угрозою римскіе послы, находившіеся въ то время въ Аѳинахъ“ (Моммзенъ). Но врядъ ли это такъ. Допустимъ, что убіеніе акарнанцевъ имѣло мѣсто осенью, въ октябрѣ 201 года, набѣгъ же Никанора и прибытіе римскихъ пословъ въ Аѳины, по сведеннымъ даннымъ Ливія и Поливія, самое раннее могъ произойти въ самомъ концѣ 201 года; неужели акарнанцы 3 мѣсяца собирались мстить аѳинянамъ? Затѣмъ, что разказывается Поливіемъ о набѣгѣ Никанора и Ливіемъ объ опустошеніи Аттики соединеннымъ акарнано-македонскимъ войскомъ, далеко не одинаково. Разказъ Поливія о набѣгѣ Никанора разобранъ выше и повторять его не къ чему. Замѣчу только, что Поливій совершенно опредѣленно говоритъ: Никаноръ, выслушавъ угрозы римскихъ пословъ, удалился; македонское же и акарнанское войско, по свидѣтельству Ливія, опустошивъ Аттику огнемъ и мечомъ, ушло въ Акарнанію „со всякаго рода добычею“. Тутъ уже опустошеніе, вѣроятно, было болѣе серьезно сравнительно съ набѣгомъ Никанора.

¹⁾ Н. И. Новосадскій, Елевсинскія мистеріи, С.-Пб. 1887, стр. 107 сл., 143.

²⁾ Ср. *Hertzberg*, Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, I 58 (September 201). *Ihne*, Römische Geschichte, III 13 сл. (Spätjahr 201). По видимому, также *Mommzen*, Римская исторія, I 697, *Голяк*, Griech. Geschichte IV 437 и *Ниссемъ*, Kritische Untersuchungen, 5, 124 сл., хотя они опредѣленно не выражаются.

Представимъ теперь, что убіеніе акарпанцевъ случилось во время празднованія малыхъ мистерій. Малыя мистеріи справлялись въ Аноэстиріонѣ (февраль—мартъ). Нѣтъ никакихъ указаній на то, какого числа онѣ начинались и сколько времени продолжались. Достоверно извѣстно лишь то, что предъ началомъ малыхъ мистерій объявлялось наступленіе священнаго перемирія, которое продолжалось также, какъ и перемиріе во время великихъ мистерій, 55 дней ¹⁾).

И. И. Новосадскій (Елевсинскія мистеріи, стр. 144 сл.) думаетъ, что „такъ какъ перемиріе, объявившееся на время малыхъ мистерій, заключало въ себѣ столько же дней, сколько перемиріе большихъ мистерій, то можно предполагать, что малыя мистеріи продолжались столько же времени, сколько и большія“. Но „для прочнаго обоснованія этого предположенія нѣтъ данныхъ“, замѣчаетъ онъ, и однакоже разсуждаетъ далѣе такъ: „при точномъ соотвѣтствіи начала и конца перемирія малыхъ и великихъ мистерій есть основаніе думать, что числа Аноэстиріона, которыя были днями малыхъ мистерій, соотвѣтствовали тѣмъ числамъ Воидроміона, которыя охватывали собой большія мистеріи, такъ что малыя мистеріи падали на вторую половину Аноэстиріона, но и тутъ невозможно идти дальше догадки“. Я не знаю, на какихъ основаніяхъ Ад. Шмидтъ помѣщаетъ празднованіе малыхъ мистерій на 19—21 Аноэстиріона ²⁾). Во всякомъ случаѣ, мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что малыя мистеріи обнимали не такой же промежутокъ времени, какъ и великія, а меньшій, хотя мы опять-таки не знаемъ, сколько именно дней онѣ продолжались ³⁾. Если бы малыя мистеріи справлялись такъ же торжественно, какъ и великія, и продолжались бы одинаковое количество дней, врядъ ли малыя мистеріи назывались бы на официальномъ языкѣ τὰ ὀλιγὰ μυστήρια (Dittenberger S. I. G. 384, 75). Ритуаль малыхъ (правильнѣе сказать бы „меньшихъ“ мистерій) намъ извѣстенъ плохо. И. И. Новосадскій (ук. соч., стр. 145 сл.) насчитываетъ слѣдующіе отдѣльные акты этого ритуала: 1) очищеніе лицъ, желавшихъ принять посвященіе, 2) жертвоприношенія, общественныя и частныя, 3) священнодѣйствія въ драматической формѣ, 4) Κοράϊα, 5) перенесеніи статуи Коры изъ храма богини въ Элевсиній или въ храмъ

¹⁾ Ср. *Dittenberger*, S. I. G. 384, 75 сл.

²⁾ *Ad. Schmidt*, *Griechische Chronologie*, Jena 1888, стр. 290.

³⁾ Во всякомъ случаѣ тотъ доводъ, что срокъ священнаго перемирія при великихъ и при малыхъ мистеріяхъ одинъ и тотъ же и что, слѣдовательно, тѣ и другія продолжались одинаковое количество дней, врядъ ли убѣдительно.

Димитры, 6) *μικραὶ ἡμέραι*, 7) посвященіе дѣтей ἄφ' ἑστίας и 8) посвященіе взрослыхъ въ первую степень—*μόρφος*. Этимъ, собственно, и ограничивается все, что мы знаемъ относительно ритуала малыхъ мистерій. Ритуальъ этотъ далеко, но всякомъ случаѣ, не такъ обширенъ по сравненію съ ритуаломъ великихъ мистерій; но могутъ сказать, что мы не знаемъ *всего* ритуала малыхъ мистерій.

Гораздо важнѣе было бы точно опредѣлить, когда именно въ Аноэстиріонѣ справлялись малыя мистеріи. Онѣ во всякомъ случаѣ не доходили до конца Аноэстиріона ¹⁾. Кромѣ малыхъ мистерій, въ теченіе Аноэстиріона, справлялись въ Аоннахъ еще слѣдующіе праздники: 1) Ἀνοεστῆρια въ честь Діониса отъ 11 до 13 Аноэстиріона и 2) Δίασια въ честь Зевса Милихія 23-го Аноэстиріона ²⁾. Если не допускать, что празднованіе малыхъ мистерій совпадало съ Аноэстиріями и Діасіями по времени, то остается предполагать, что малыя мистеріи праздновались или въ началѣ Аноэстиріона, до 13-го числа, или между 13 и 23 Аноэстиріона, или, наконецъ, въ самомъ концѣ Аноэстиріона послѣ 23-го числа. Относить празднованіе малыхъ мистерій къ концу мѣсяца врядъ ли возможно; для нихъ тогда слишкомъ мало приходится времени. Онѣ могли совершаться скорѣе или въ началѣ Аноэстиріона, или въ срединѣ его, по нашему счету, приблизительно или во второй половинѣ февраля или въ началѣ марта. Дать болѣе точное опредѣленіе времени празднованія малыхъ мистерій, пока, не въ нашихъ средствахъ.

Итакъ убіеніе акарнанцевъ могло произойти или во второй половинѣ февраля, или въ началѣ марта.

Теперь обратимся къ дѣламъ въ самомъ Римѣ. Новые консулы вступили въ должность 15-го марта. Прежде всего одинъ изъ консуловъ, П. Сульницій Гальба, доложилъ о заключеніи мира съ карфагенянами. Сенатъ постановляетъ, чтобы консулы совершили въ удобные имъ дни чрезвычайныя жертвоприношенія и молебствія о благѣ государства и о счастлиномъ исходѣ предполагаемой войны (Liv. XXXI,

¹⁾ Ср. CIA, II, 316, надпись, представляющую почетное постановление въ честь эпинетитовъ мистерій года Менека архонта и датированную послѣднимъ днемъ Аноэстиріона, стр. 7 сл. περί ὧν ἀπαγγέλλουσιν εἰ ἐπιμαλῆται τῶν μυστηρίων ὑπὲρ τῆς θεοσίας] ἦν εἶθυσαν ἐν τοῖς πρώτοις Ἀρχῆν μυστηρ[οῖς] и т. д. „Ἐνῆ καὶ νῆα Аноэстиріона, несомнѣнно, не входило уже въ составъ праздника малыхъ мистерій“. Н. И. Новосадскій, ук. соч., стр. 145.

²⁾ Stengel, Griech. Kultusaltertümer (Iw. Müller, Handbuch d. kl. Altertumswissenschaft V, 3), стр. 163, 165.

5, 2—4). Въ это же время, говоритъ Ливій, получено было письмо отъ легата М. Аврелія и пропретора М. Валерія Левина, а также пришло новое аонисское посольство съ извѣстіемъ о приближеніи царя къ границамъ Аттики; если римляне не подадутъ помощи, указывали послы, то въ скоромъ времени не только окрестности (собственно „поля“), но и самый городъ окажется во власти македонянъ¹⁾. Это аонисское посольство, по опредѣленному свидѣтельству Ливія, прибыло въ Римъ около половины марта. Указаніе послѣвъ на то, что самъ Филиппъ идетъ на Аттику, оказалось преувеличеннымъ. Аониане, или, дѣйствительно, не знали, что Филиппъ лично былъ занятъ въ то время оракійскою экспедиціею, или, если и знали это, то хотѣли преувеличить угрожающую имъ опасность. Но сенатъ не ухватился и за этотъ предлогъ къ объявленію Филиппу формальной войны. Мало того, онъ какъ бы старается уклониться въ настоящее время отъ вмѣшательства въ аонискія дѣла. „Когда консулы объявили, говоритъ Ливій, что священнодѣйствія совершены по обряду, и гарустики заявили, что боги выслушали молитвамъ, что жертвоприношенія дали благоприятные результаты, предвѣщая расширеніе римскихъ предѣловъ, побѣду и триумфъ, тогда прочтены были письма Валерія и Аврелія, а также дослушаны были аонискіе послы. Затѣмъ состоялось сенатское постановленіе: благодарить союзниковъ за то, что они, тревожимые въ теченіе долгаго времени, даже при грозящей имъ осадѣ, остались вѣрными Риму. Объ отправленіи же помощи данъ будетъ отвѣтъ тогда, когда консулы получатъ по жребію свои провинціи; тогда тотъ консулъ, которому достанется провинція Македонія, доложитъ народу объ объявленіи войны Филиппу, царю македонскому“ (Liv. XXXI, 5, 7—9). Въ этомъ отвѣтѣ аонискимъ посламъ

¹⁾ Liv. XXXI, 5, 5—6: per eos dies oportune irritandis ad bellum animis et litterae ab M. Aurelio legato et M. Valerio Laevino propraetore adlatae et Atheniensium nova legatio venit, quae regem appropinquare finibus suis nuntiaret, brevique non agros modo sed urbem etiam in ditione eius futuram, nisi quid in Romanis auxilii foret. Въ XXXI, 1, 10 Ливій, комбинируя тѣ причины, которыя повели къ второй македонской войнѣ, между прочимъ говоритъ: preces Atheniensium, quos agro pervastato in urbem compulerat, excitaverunt ad renovandum bellum. Подъ этими „preces“, кажется, и надо разумѣть, просьбы аонискаго посольства. Смущаютъ только слова nova legatio; или Ливій допускаетъ неточность, или и раньше было отправлено изъ Аоніи посольство съ просьбою о помощи, можетъ быть вскорѣ послѣ набѣга Никанора. Ниссенъ, Krit. Unters. 123 думаетъ наоборотъ, что „die zweite Sendung der Athener c. 5 nach Rom erklärt sich durch den Angriff Nikanors.“

ясно проглядываетъ образъ дѣйствія римскаго правительства: оно рѣшило въ принципѣ войну съ Филиппомъ, но хочетъ начать ее по всей формѣ. То, что македонское войско опустошаетъ Аттику, ясное дѣло, недостаточно еще для объявленія войны, тѣмъ болѣе, что это опустошеніе вызвано было, строго говоря, самими же азиянами. Асины, въ данномъ случаѣ, какъ раньше Родось и Пергамъ, оказались „нападающими“.

Когда произошла жеребьевка провинцій между консулами и Македонія досталась П. Сульпицію, онъ тотчасъ же внесъ предложеніе объ объявленіи войны „царю Филиппу и македонянамъ за обиды и непріязненные дѣйствія по отношенію къ союзникамъ римскаго народа“ (Liv. XXXI, 6, 1). Проектъ македонской войны былъ отвергнутъ народомъ „почти всѣми центуріями“, въ первомъ народномъ собраніи (Liv. XXXI, 6, 3). Это было вполне понятно. У народа новая македонская война не могла вызвать сочувствія и потому, что онъ былъ сильно утомленъ предшествующею аннибаловою войною, и потому, что, по мнѣнію народа, война эта не оправдывалась никакою настоятельною необходимостью. „Когда народъ, утомленный продолжительною тяжелою аннибаловою войною, питая отвращеніе къ новымъ трудамъ и опасностямъ, отвергъ проектъ войны, народной трибунъ Кв. Бебій, вступивъ на старинный путь обвиненія патриціевъ (*viam antiquam criminandi patres ingressus*), жаловался на то, что войны слѣдуютъ за войнами, что плебеи никогда не могутъ пользоваться миромъ“ (Liv. XXXI, 6, 3—4). Сенатъ былъ раздраженъ такимъ противодействіемъ со стороны народнаго трибуна, „поносилъ“ его въ сенатѣ (*laceratusque probris in senatu tribunus plebis*). Стали убѣждать консула созвать новое собраніе и внести опять проектъ войны (Liv. XXXI, 6, 5—6). Консулъ созвалъ собраніе, произнесъ тамъ блестящую, вѣроятно, рѣчь (у Ливія она или подобіе ея приводится въ главѣ 7-й), и послѣ этого война была рѣшена ¹⁾.

Можно думать, что въ Римѣ въ ту пору дѣйствовали двѣ партіи: народная, менѣе сильная, стояла противъ войны; сенатская—за войну. Хотя послѣдняя и одержала верхъ, но все-таки римское правительство, и рѣшивъ начать войну съ Филиппомъ, поступало на первыхъ порахъ осторожно, опасаясь опять-таки взрыва народнаго

¹⁾ Liv. XXXI, 8, 1: ab hac oratione in suffragium missi, uti rogaret, bellum susserunt.

неудовольствія ¹⁾). Послѣ совершеній всѣхъ установленныхъ церемоній состоялось постановленіе о наборѣ войска; число всѣхъ легионовъ, вмѣстѣ съ двумя городскими, доходило въ 200 г. до шести ²⁾).

Во время приготовления къ войнѣ, значить во второй половинѣ марта, явились въ Римъ египетскіе послы отъ Птолемея V. Они указывали на то, что аоняне обращались въ Египетъ за помощью противъ Филиппа. Хотя аоняне и общіе пани съ нами союзники, говорили послы, однако египетскій царь не рѣшится отправить въ Грецію ни флота, ни войска, безъ разрѣшенія римскаго народа. Если римлянамъ самимъ угодно охранять своихъ союзниковъ, Птолемей останется въ Египтѣ; если же римляне этого не желаютъ, то Птолемей могъ бы отправить въ Грецію вспомогательныя войска, которымъ не трудно будетъ защитить аонянъ отъ Филиппа ³⁾. Но для римлянъ не представляло никакой выгоды вмѣшательство Птолемея въ греко-македонскія дѣла. Пожалуй, въ такомъ случаѣ, и въ народной партіи стали бы опять раздаваться голоса на счетъ того, что война съ Македоніей вовсе не необходима, разъ являются охотники оказать аонянамъ помощь противъ Филиппа. Но, главнымъ образомъ, конечно, римское правительство имѣло въ виду получить полную свободу дѣйствій въ предстоящей войнѣ. Рѣшено было дать посламъ такой отвѣтъ: Птолемея благодарятъ, но сами римляне думаютъ охранять своихъ союзниковъ; впрочемъ, въ случаѣ необходимости, они обратятся къ Птолею, зная силы его царства, зная, что его помощь вѣрна и надежна (Liv. XXXI, 9, 4—5).

Фактъ обращенія аонянъ за помощью къ Птолею очень любопытенъ: аоняне, значить, находились въ сильномъ безпокойствѣ на

¹⁾ Ср. Liv. XXXI, 8, 2—4: supplicatio inde a consulibus in triduum ex senatus consulto indicta est, obsecratique circa omnia pulvinaria dii, ut, quod bellum cum Philippo populus iussisset, id bene ac feliciter eveniret. Consultique fetiales ab consule Sulpicio, bellum quod indiceretur regi Philippo, utrum ipsi utique nuntiari iuberent, an satis esset, in finibus regni quod proximum praesidium esset, eo nuntiari, fetiales decreverunt, utrum eorum fecisset, recte facturum, consuli a patribus permissum, ut quem videretur ex iis, qui extra senatum essent, legatum mitteret ad bellum regi indicendum.

²⁾ Liv. XXXI, 8, 5—11.

³⁾ Liv. XXXI, 9, 1—39 Nissen, ук. соч., 124: Ihr Zweck (египетскаго посланца) kann offenbar nur der gewesen sein, die Intervention der Römer in Griechenland zu verhüten... Auch stimmt der Versuch die Festsetzung der Römer in Griechenland zu verhindern ganz zur merkantilen Politik jenes Staats.

счетъ намѣреній Филиппа и, потерпѣвъ неудачу въ Римѣ, просилъ помощи въ Египтѣ.

Наконецъ, все было готово къ началу военныхъ дѣйствій. Но прежде нежели П. Сульпицію удалось выѣхать изъ Рима, опять поднялись голоса противъ войны. Удивительно, какъ непопулярна была эта вторая македонская война въ мнѣшнн народа. Стали ходить слухи о различнаго рода предзнаменованіяхъ, не предвѣщавшихъ ничего добраго для успѣха войны (I. IV. XXXI, 12, 5—7). Сенатъ успѣшилъ предотвратить всѣ эти ужасныя предзнаменованія подобающими религіозными актами. Консулы готовы были отправиться въ свои провинціи, но возникло новое недоразумѣніе совсѣмъ уже на иной почвѣ, на почвѣ экономическихъ интересовъ. Нѣкоторые римляне, которымъ приходилось получить въ 200 г. слѣдующую имъ часть денегъ, данныхъ ими государству въ заемъ въ 210 году ¹⁾, обратились по этому поводу съ запросомъ къ сенату. Они заявили объ отказѣ консуловъ уплатить имъ слѣдующую часть долга въ настоящее время; въ виду того, что для предстоящей войны, требовавшей снаряженія большаго флота и значительныхъ военныхъ силъ, едва хватало денегъ въ государственномъ казначействѣ. Сенатъ спѣшилъ устранить и это новое затрудненіе. Признавая вполнѣ законнымъ требованіе государственныхъ кредиторовъ, но не находя возможнымъ удовлетворить ихъ въ настоящую минуту, рѣшили уступить кредиторамъ опредѣленную часть государственной земли, именно ту, которая находилась въ предѣлахъ пятидесятаго мжеваго кампья (*intra quinquagesimum lapidem*) ²⁾. Консуламъ поручено было сдѣлать оцѣнку этой части государственной земли и на землю наложить подать для засвидѣтельствованія того, что земля эта общественная: въ случаѣ, если кто предпочтетъ получить деньги, когда государство будетъ въ состояніи заплатить, то онъ можетъ возратить землю государству. Кредиторы согласились на эту сдѣлку ³⁾.

¹⁾ Въ консульство М. Валерія Левина и М. Клавдія Марцелла, *Liv.* XXVI, 36. Ср. прим. Вейсенборна къ XXXI, 13, 2: was L. an der ang. St. als grosse Freigebigkeit geschildert hat, erscheint hier als ein Darlehn; man müsste denn annehmen, die Gläubiger hätten keine Zinsen genommen. См. у него же относительно выраженія *Ливія тertia pensio*.

²⁾ Ср. прим. Вейсенборна: also ausser dem eigentlichen ager Romanus, in Latium, dem Sabinerlande, dem südlichen Etrurien, wo immer noch ager publicus sich fand.

³⁾ *Liv.* XXXI 13. У Юстина XXX, 3, 5—6 разказъ о событіяхъ, предшествовавшихъ началу второй македонской войны до нельзя сокращенъ. Сказано

Только послѣ устраненія всѣхъ этихъ препятствій, консулъ П. Сульпицій могъ отправиться изъ Рима. Въ Брундизіи вписалъ онъ въ легіоны тѣхъ ветерановъ изъ африканскаго войска, которые пожелали принять участіе въ новомъ походѣ, выбралъ суда изъ флота Гн. Корнелія и на другой день, послѣ отправленія изъ Брундизія, былъ уже въ Македоніи ¹⁾). Это случилось, вѣроятно, въ первой половинѣ апрѣля, скорѣе къ началу ея, чѣмъ къ концу. Прежде всего встрѣтили Сульпиція аѳинскіе послы, которые просили „избавить Аѳины отъ осады“ ²⁾). Далѣе Ливій опредѣленно говоритъ: „ибо не самъ царь осаждалъ Аѳины, въ то время онъ штурмовалъ Авидъ“ ³⁾). Выраженіе Ливія „избавить Аѳины отъ осады“ не совсѣмъ точно; подъ этой осадой надо разумѣть, вѣроятно, все то-же опустошеніе Аттики акарнано-македонскимъ войскомъ ⁴⁾).

Аттическая территорія подвергалась опустошенію со стороны акарнано-македонскаго войска, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе мѣсяца, именно марта и, вѣроятно, начала апрѣля, когда П. Сульпицій прибылъ въ Македонію ⁵⁾). Положенію Аѳинъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, было критическимъ. Они, какъ мы видѣли, обращались уже разъ въ Римъ съ просьбою о помощи, вѣроятно, въ самомъ началѣ опустошенія; обращались и въ Египеть. Есть основаніе думать, что аѳиняне просили помощи также и у Аттала и у критянъ. Это, мнѣ кажется, можно заключить изъ одной, мимоходомъ брошенной, замѣтки Павсанія, которую не знаютъ, куда приурочить.

Говоря о предстоятелѣ аѳинскаго народа, Кифисодорѣ, Павсаній замѣчаетъ: „Кифисодоръ побудилъ вступить въ союзъ съ аѳинянами

только: *statim igitur titulo ferendi sociis auxilii bellum adversus Philippum decernitur, legionesque cum consule in Macedoniam mittuntur.* Также кратко сказано и у Зонары IX 15.

¹⁾ *Liv.* XXXI, 14, 1—2.

²⁾ *Liv.* XXXI, 14, 3: *ibi ei praesto fuere Atheniensium legati orantes, ut se obsidione eximeret.*

³⁾ *Liv.* XXXI, 14, 4: *neque enim ipse rex Athenas obsidebat; eo maxime tempore Abydum oppugnabat.*

⁴⁾ Это же упоминаніе объ „осадѣ“ болѣе мягко выражено Ливіемъ XXXI, 1, 10: *quos agro pervastato in urbem compulerat.* Но, допустимъ даже, что, дѣйствительно, Аѳины были осаждены македонскими войсками. Это говорило бы въ пользу моего предположенія, что набѣгъ Никанора не имѣетъ ничего общаго съ набѣгами акарнано-македонскаго войска. У Поливія, въ разказѣ о набѣгѣ Никанора, объ осадѣ Аѳинъ, во всякомъ случаѣ, ровно ничего не говорится.

⁵⁾ Вейсенборнъ относитъ всѣ ея событія къ осени 200 года.

царей Аттала мисійскаго и Птолемея египетскаго, народы автономные—этолийцевъ и изъ островитянъ родосцевъ и критянъ. Такъ какъ помощь изъ Египта, Мисии и отъ критянъ сильно запоздала, родосцы же, владѣя только флотомъ, не могли оказать большаго содѣйствія противъ македонскихъ опантовъ, то Кифисодоръ, отправившись въ Италию вмѣстѣ съ другими аеинянами, просилъ помощи у римлянъ. Римляне послали имъ войско и полководца, которые до такой степени ослабили (собственно, уничтожили) силы Филиппа и македонянъ, что впоследствии Персей, сынъ Филиппа, лишился власти и плѣнникомъ былъ уведенъ въ Италию¹⁾. Эта краткая замѣтка Павсалия, которую Ниссенъ (*Krit. Untersuchungen*, 122*) считаетъ „*unkritische, wol auf mündlichen. Nachrichten beruhende Darstellung*“²⁾, не смотря на нѣкоторыя въ ней неточности, очень для насъ цѣнна.

Начало политической дѣятельности аеинскаго предстоятеля Кифисодора относится, надо полагать, ко времени первой македонской войны. Въ 200 году Кифисодоръ также, вѣроятно, оставался еще руководителемъ аеинской политики. Что аеиняне, встревоженные нападениемъ македонянъ, обращались въ Египетъ, это мы знаемъ и изъ Ливія; что они просили помощи у римлянъ, это также, какъ мы видѣли, засвидѣтельствовано Ливіемъ. Изъ словъ Павсалия мы можемъ заключить, что во главѣ аеинскаго посольства, явившагося въ Римъ, стоялъ самъ Кифисодоръ, что, конечно, ничего невѣроятнаго не представляетъ. Павсалий только допускаетъ неточность, говоря, что уже первое посольство Кифисодора увѣчалось успѣхомъ и что римляне тогда уже отправили аеинянамъ на помощь войско. Изъ Ливія мы, напротивъ, знаемъ, что на первый разъ никакой помощи въ Ломни изъ Рима отправлено не было. Но Павсалий въ данномъ случаѣ, просто-на-просто, вѣроятно, сокращаетъ свой источникъ; это видно по общему тону конца замѣтки, гдѣ прямо уже говорится о судьбѣ Персея. Новыми фактами изъ сообщенія Павсалия является то, что

¹⁾ *Rausan*. I, 36, 5—6: *συνμάχους δὲ ἐπήγετο Κηφισόδωρος Ἀθηναίσις γενέσθαι βασιλεῖς· μὲν Ἄτταλον τὸν Μισὸν καὶ Πτολεμαῖον τὸν Αὔγουπτιον, εἰθνη δὲ αὐτόνομα Αἰτωλοῦς καὶ νησιωτῶν Ῥοδίου· καὶ Κρητῶν. ὡς δὲ καὶ ἐξ Αἰγύπτου καὶ Μισίας καὶ παρὰ τῶν Κρητῶν τὰ πολλὰ ὑπέριζον αἱ βοήθειαι, Ῥόδιοι δὲ μόναι ναυσὶν ἰσχύοντες πρὸς ἰπλίτας τοῦ Μακεδόνα· εὐ μεγάλα ὠφέλου, ἐνταῦθα Κηφισόδωρος εἰς Ἰταλίαν σὺν ἄλλοις Ἀθηναίων πλεῖσας ἰκίτευσεν ἀμῦναι Ῥωμαίους· οἱ δὲ σφισι εὐναμιν καὶ στρατηγὸν πέμπουσιν οἱ τὰ Φιλίππου καὶ Μακεδόνων ἐς τοσοῦτον καθείλον ὡς ὑστερον Περσεὶα τὸν Φιλίππου τὴν τε ἀρχὴν ἀποβαλεῖν καὶ αὐτὸν αἰχμάλωτον ἐς Ἰταλίαν ἀχθῆναι.*

²⁾ Ср., впрочемъ, *Curt Wachsmuth*, Ueber eine Hauptquelle für die Geschichte des achäischen Bundes: *Leipziger Studien* X (1887), стр. 276.

аеиняне обращались за помощью, кромѣ Египта и Рима, также къ Атталу и критянамъ. Что аеиняне могли обращаться къ Атталу, это вполне естественно: Атталъ былъ ихъ постояннымъ союзникомъ и доброжелателемъ. Но, спрашивается, почему же помощь отъ Аттала, говоря словами Павсанія, запоздала? На это есть отвѣтъ у Ливія. Мы знаемъ, что нападеніе на Аеины акарнано-македонскаго войска случилось какъ разъ въ то время, когда Филиппъ былъ занятъ осадю Авида, стоявшею ему такихъ усилій. Ливій говоритъ, что, когда происходила осада Авида, Атталъ послалъ только 300 солдатъ на помощь авидцамъ, родосцы—одну квадрирему изъ своего флота, стоявшаго у Тенеда, Потомъ туда же (то-есть, къ Тенеду), когда авидцы едва уже выдерживали осаду, отправился и самъ Атталъ ¹⁾. Такимъ образомъ, Атталъ и тутъ оказался очень пассивнымъ по отношенію къ своимъ союзникамъ ²⁾. Мы видѣли, что Атталъ съ флотомъ уѣхалъ изъ Аеинъ на Эгину; оттуда, судя по сообщенію Ливія, онъ отправился къ Тенеду, гдѣ стоялъ родосскій флотъ. Концентрація пергамскаго и родосскаго флотовъ у Тенеда намъ понятна: флотъ долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями Филиппа, которому, въ случаѣ сдачи Авида, открывался свободный доступъ къ азіатскому берегу ³⁾. Флотъ Аттала и родосцевъ, стоявшій у Тенеда, могъ на первое время парализовать дѣйствія Филиппа на азіатскомъ берегу ⁴⁾.

¹⁾ Liv. XXXI, 16, 7—8: Attalus trecentos tantum milites in praesidium, Rhodii quadrirerem unam ex classe, cum ad Tenedum staret, miserunt, eodem postea, cum iam vix sustinerent obsidionem, et ipse Attalus cum traicisisset, spem tantum auxilii ex propinquo ostendit neque terra neque mari adiutus sociis. Ср. Polyb. XVI, 24, 1: κατὰ δὲ τοὺς καιροὺς τούτους Ἀττάλος ὁ βασιλεὺς ἀκούσας πολιορκεῖσθαι τοὺς Ἀβυδηνούς, δι' Αἰγαίου ποιηράμενος τὸν πλοῦν εἰς Τένεδον и т. д.

²⁾ Полибий XVI, 28, 3 отзывается съ раздраженіемъ о неэнергичныхъ дѣйствіяхъ Аттала и родосцевъ и ставитъ имъ въ примѣръ, въ этомъ отношеніи, Филиппа: διὸ καὶ τότε δικαίως ἂν τις τὴν μὲν Ἀττάλου καὶ Ῥοδίων ὀλιγοπονίαν καταμέμφατο, τὸ δὲ Φιλίππου βασιλικὸν καὶ μεγάλου ψυχῶν καὶ τὸ τῆς προθέσεως ἐπιμονὸν ἀποδείξατο, οὐχ ὡς καθόλου τὸν τρόπον ἐπαίνων, ἀλλ' ὡς τὴν πρὸς τὸ παρὸν ὀρμὴν ἐπισημαίνόμενος. Здѣсь сказалось все безпристрастіе Полибия какъ историка, на что онъ самъ намекаетъ отчасти въ дальнѣйшихъ словахъ: XVI, 28, 4—7.

³⁾ Ср. отрывокъ Полибия XVI, 29, 2: ἵνα ἴαν πρόβηται διαβρίνας αὐθις εἰς τὴν Ἀσίαν, ἐπιβάντων ἔχοι τὴν Ἀβυδὸν (Свиди подъ сл. ἐπιβάντων). О положеніи Авида см. Polyb. XVI, 29, 8—14.

⁴⁾ Какъ очутилась часть родосскаго флота у береговъ Аттики, о чемъ говорить въ своей замѣткѣ Павсаній, мы не знаемъ. Вѣроятно, это были тѣ родосскіе корабли, которые крейсировали въ Эгейскомъ морѣ. Критяне, съ которыми

Посольство аеинянъ (во главѣ котораго, быть можетъ, находился Кифисодоръ) къ П. Сульпицію увѣнчалось успѣхомъ: въ Аеины тотчасъ же былъ посланъ Г. Клавдій Цептонъ съ 20 военными кораблями и 1.000 солдатъ ¹⁾).

Надо полагать, что, съ прибытіемъ римской помощи, опустошеніе Аттики прекратилось и акарнано-македонскія войска, какъ говоритъ Ливій, удалились въ Акарнацію. Мы замѣчаемъ удивительную осторожность со стороны и римлянъ, и македонянъ въ началѣ второй македонской войны. И македоняне, и римляне уклоняются отъ непосредственнаго столкновения ²⁾).

Между тѣмъ Филиппъ продолжалъ осаду Авида. Ея описаніе сохраниено намъ въ отрывкахъ XVI книги исторіи Поливія (гл. 30—33, ср. Лив. XXXI, 17, 2). Геройская защита жителей Авида ни къ чему не привела: городъ былъ взятъ и сдался на милость побѣдителя. Но еще ранѣе сдачи Авида въ македонскій лагерь прибыло римское посольство, которое, какъ мы видѣли выше, въ началѣ 200 года отправилось изъ Аеинъ въ Сирію и Египеть. Забывъ на обратномъ пути на Родосъ, римскіе послы услышали о стѣсненномъ положеніи авидцевъ, и тутъ-то, вѣроятно, получили приказаніе изъ Рима отправиться къ самому Филиппу. Во главѣ посольства отправленъ былъ М. Эмилиій Лепидъ (Polyb. XVI, 34, 1—2. Liv. XXXI, 18, 1). Прибывъ въ авидскій лагерь Филиппа, М. Эмилиій изложилъ предъ царемъ требованія римскаго сената: не воевать ни съ кѣмъ изъ грековъ, не вмѣшиваться въ египетскія дѣла, дать удовлетвореніе за обиды, нанесенныя имъ Атталу и родосцамъ; въ случаѣ исполненія этихъ требованій Филиппу гарантируется миръ, въ противномъ слу-

Кифисодоръ заключилъ союзъ, не могли оказать помощи аеинянамъ, потому, что на Критѣ, какъ разъ въ ту пору, начались обычныя междоусобицы. Ср. *Пассак*. VIII, 50, 6. *Плутархъ* Philop. 13.

¹⁾ Liv. XXXI, 14, 3: missus extemplo Athenas est C. Claudius Cento cum viginti longis navibus et mille militum. Относительно mille militum Рейссенборнъ, въ примѣч., говоритъ: Mille militum ist unsicher, die Zahl oder ein anderes, eine geringe Zahl bedeutendes Wort scheint ausgefallen und später ergänzt zu sein. Послѣ небольшого отступленія Ливій и рассказываетъ исторію убіенія акарнанацевъ аеинянами, полекшее за собою опустошеніе аттяческой территоріи. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія послѣдовательности Ливіева разказа съ очевидностію, думается мнѣ, слѣдуетъ, что исторія съ акарнанацами случилась не осенью 201, а весной 200 года.

²⁾ Мы не видимъ, напримѣръ, чтобы Цептонъ сталъ преслѣдовать македонянъ.

чаѣ ему грозитъ война съ римлянами ¹⁾). Итакъ, римское правительство, даже послѣ того, какъ война съ Македоніей была уже рѣшена, все-таки какъ-то неохотно начинаетъ ее и не прочь покончить дѣло миромъ, въ случаѣ согласія Филиппа удовлетворить ихъ требованія. Врядъ ли, впрочемъ, подобныя намѣренія римскаго правительства были исполнѣ искренни, тѣмъ болѣе, что оно могло быть увѣрено, что Филиппъ не согласится исполнить требованій, ему предъявленныхъ.

Когда Филиппъ замѣтилъ римскому послу, что родосцы сами начали войну, М. Эмилий перебилъ его вопросомъ: „А какъ же аенпие? А кіанійцы, а авидцы? кто изъ нихъ первый наналъ на тебя?“ Филиппъ былъ оскорбленъ такими высокомерными вопросами молодого римскаго посла и сказалъ, что онъ извиняетъ его ради его молодости и неопытности, его красоты и его римскаго происхожденія. „Я требую отъ римлянъ, заявилъ Филиппъ, главное—не преступать договора и не вести войны съ нами, а если они это сдѣлаютъ, мы, съ божьей помощью, благородно будемъ защищаться“ ²⁾).

Послѣ того уже, какъ уѣхалъ М. Эмилий, не добившись отъ Филиппа никакихъ результатовъ, послѣдовала сдача Авида. Авидцамъ дана была единственная милость—трехдневная отсрочка, чтобы они могли сами лишиться себя жизни ³⁾). Филиппъ, оставивъ въ Авидѣ гарнизонъ, удалился въ Македонію. П. Сульпицій, по словамъ Ливія, находился въ то время уже въ Эпирѣ, его сухопутныя силы сосредоточены были въ Аполлоніи, морскія—у Керкиры ⁴⁾).

Для послѣдующихъ событій 200 года у насъ нѣтъ ни одного отрывка Поливія, и нашимъ источникомъ является только разказъ Ливія, основанный и въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ на Поливіѣ, но требующій строго-критическаго къ нему отношенія, осс-

¹⁾ *Polyb.*, XVI, 34, 3—4: μήτε τῶν Ἑλλήνων μηδενὶ πολέμαϊν μήτε τοῖς Πτολεμαίου πράγμασιν ἐπιβάλλειν τὰς χεῖρας, περὶ δὲ τῶν εἰς Ἀττάλον καὶ Ῥοδίου ἀδικημάτων δίκας ὑποσχεῖν, καὶ διέτι ταῦτα μὲν οὕτω πράττοντι τὴν εἰρήνην ἄγειν ἐξέσται, μὴ βουλομένῳ δὲ πειθαρχεῖν ἑτοιμῶς ὑπάρχειν τὸν πρὸς Ῥωμαίους πόλεμον. *Liv* XXXI, 18, 2.

²⁾ *Polyb.* XVI, 34, 5—7. *Liv.* XXXI, 18, 2—4. *Diodor.* XXVIII 6. *Appian.* *Maced.* 4, 2. Далѣе у Аппіана говорится: οὕτω μὲν αἱ γενόμενοι σπονδαὶ ἐλείποντο, καὶ στρατιὰ Ῥωμαίων εἰς τὴν Ἑλλάδα ἤπειγετο, στρατηγούντος Ποπλίου καὶ ναυαρχούντος Λευκίου.

³⁾ *Polyb.* XVI, 34, 7—12. *Liv.* XXXI, 18, 5—7.

⁴⁾ *Liv.* XXXI, 18, 8—9: Philippus imposito Abydi praesidio in regnum rediit.... nuntii occurrerunt consulem iam in Epiro esse et Apolloniam terrestris copias, navalis Corcyram in hiberna deduxisse.

бенно съ точки зрѣнія хронологической послѣдовательности событій. Сдача Авида произошла, мнѣ кажется, весной 200 года, самое позднее въ маѣ, быть можетъ, даже во второй половинѣ апрѣля. Между тѣмъ у Ливія въ XXXI. 22, 4, мы читаемъ: *consul alter cum autumno ferme exacto in provinciam venisset circa Apolloniam hibernabat* ¹⁾. Это извѣстiе Ливія пошло не на свое мѣсто, какъ мы увидимъ ниже. Ливій, не разказавъ еще о событiяхъ лѣта 200 года, прямо заявляетъ о возвращенiи П. Сульпиція, въ концѣ осени 200 года, въ Аполлонiю ²⁾. Моммзенъ (Римская Исторiя, I 700), по видимому, принимаетъ всецѣло вышеприведенное заявленiе Ливія и говоритъ: „Осенью 554 (200) года консулъ Публій Сульпицій Гальба высадился подлѣ Аполлонiи... Узнавши объ этомъ, царь торопливо вернулся отъ береговъ Геллеспонта въ Тессалию. Однако, частiю по причинѣ поздняго времени года, частiю по причинѣ болѣзни римскаго главнокомандующаго, въ теченiе того года не было ничего предпринято на сушѣ, кромѣ сильной рекогносцировки, во время которой были заняты окрестныя мѣстечки и между прочимъ македонская колонiя Антипатрiа.... Болѣе важны были предпрiятiя римскаго флота.... Между тѣмъ, какъ остальные корабли оставались на зимней стоянкѣ подлѣ Керкиры, одна часть флота отправилась подъ командою Гайя Клавдiя Центона въ Пирей съ цѣлью помочь аонинцамъ“. Но это не согласно съ тѣмъ, что ранѣе было разказано Ливiемъ. Изъ XXXI 14 Ливiева разказа ясно, кажется мнѣ, слѣдуетъ, что Публій Сульпицій прибылъ въ Аполлонiю не осенью, а *весною* 200 года ³⁾.

¹⁾ Въ XXXI 19 Ливiй говоритъ объ африканскихъ дѣлахъ; въ гл. 20-й разказываетъ о триумфѣ Т. Корнелiя Лентула, въ гл. 21—22, 8—о побѣдѣ римлянъ надъ галлами.

²⁾ Неточность Ливiя сознаеть отчасти и Вейссенборнъ, который въ примѣчанiи къ словамъ „autumno ferme exacto“ говоритъ: „das Folgende ist im Herbste 554 oder im Frühling 555 geschehen“. Но весной 555 года описываемыя далѣе событiя никакимъ образомъ происходить не могли: въ 555 г. (199) Македонiя досталась другому консулу, Кв. Вилiю. Между тѣмъ у Ливiя разказъ идетъ такъ: *consul quoque C. Aurelius* (товарищъ по консульству съ П. Сульпициемъ въ 200 г.) *perfectis, quae Romae agenda fuerant, profectus in Galliam victorem exercitum a praetore accepit* — XXXI, 22, 8, и далѣе непосредственно на этия Ливiй говоритъ: *consul alter* и т. д.

³⁾ На какомъ основанiи Моммзенъ (Римская Исторiя I 697) думаетъ, что сенатъ „могъ внести лѣтомъ 200 года въ народное собранiе предложенiе объявить Македонiи войну“, опять-таки непонятно. Вѣдь, по общей связи Ливiева разказа и ходу событiй слѣдуетъ, что проектъ македонской войны былъ внесенъ *осенью* 200 года.

Туда являлось афинское посольство съ просьбою о помощи, и тогда же былъ посланъ, какъ мы видѣли выше, въ Аонию Г. Клавдій Центонъ съ 20 военными кораблями и 1.000 солдатъ. Этотъ флотъ и войско, прибывъ въ Пирей, ободрили афинское населеніе, пришедшее въ полное отчаяніе изъ-за нашествія македонскаго войска ¹⁾. Прекратились, по словамъ Ливія, обычные набѣги на аттическую территорию со стороны Коринфскаго перешейка чрезъ Мегариду; также и каперскіе корабли, ранѣе тревожившіе изъ Халкиды приморскую область Аттики, не осмѣливались теперь переступить Суній и боялись даже выйти въ открытое море за Еврипскій проливъ ²⁾. Объ опустошеніи Аттики акарнано-македонскимъ войскомъ вовсе не упоминается; вѣроятно, оно, какъ я и предполагалъ, прекратилось ко времени прибытія Центона съ римской помощью. Морскіе набѣги на Аттику, мы знаемъ, происходили зачастую и раньше. Въ отрывкахъ 28-й книги Діодора упоминается, что Филиппъ, „побудивъ этоліяца Дикзарха, мужа смѣлаго, заниматься пиратствомъ, далъ ему 20 кораблей и поручилъ ему собирать дань съ острововъ, а критянамъ помогать въ ихъ войнѣ противъ родосцевъ. Дикзархъ, согласно данному ему порученію, грабилъ кунцовъ; опустошая же острова, собиралъ съ нихъ деньги“ ³⁾. Весьма возможно, что набѣги Дикзарха простирались и до предѣловъ Аттики; съ приходомъ римскаго флота они, естественно, должны были прекратиться. Одновременно съ прибытіемъ римской помощи пришли также три родосскіихъ квадриремы, сами афиняне снарядили три беспалубныхъ корабля для охраны своей прибрежной области ⁴⁾.

Центонъ, приплывъ въ Пирей, нашелъ территорию Аттики достаточно защищенной и, не желая бездѣйствовать, предпринялъ экспе-

¹⁾ *Liv.* XXXI, 22, 5: ab classe, quae Corcyrao subducta erat, C. Claudius triremesque Romae, sicut ante dictum est (ср. гл. 14), Athenas missae cum Piraeum pervenissent, despondentibus iam animos sociis spem ingentem attulerant.

²⁾ *Liv.* XXXI, 22, 6—7: nam et terrestres ab Corintho quae per Megaram incursiones in agros fieri solitae erant non fiebant, et praedonum a Chalcide naves, quae non mare solum infestum sed etiam omnis maritimos agros Atheniensibus fecerant, non modo Sonium superare sed nec extra fretum Euripi committere aperto mari se audebant.

³⁾ *Diodor.* XXVII 1 (Exc. de virtut. et vit. p. 572. 573).

⁴⁾ *Liv.* XXXI, 22, 8. Быть можетъ, родосскіе корабли крейсеровали и раньше у береговъ Аттики; только за малымъ числомъ они не могли оказать большой помощи афинянамъ, на что намекается въ вышеприведенной замѣткѣ Павсанія о Кифисодорѣ.

дицію противъ еввійской Халкиды, гдѣ были сосредоточены главныя македонскія силы, отправленныя Филиппомъ въ Грецію (ср. Liv. XXXI, 16, 2—3). Въ Аѳины явились халкидскіе изгнанники, вынужденные покинуть родину вслѣдствіе промисковъ македонской партіи. Они заявляли въ Аѳинахъ, что въ настоящее время можно овладѣть Халкидою, не встрѣтивъ никакого сопротивленія: македонскій гарнизонъ въ разбродѣ, а горожане, возлагая все упованіе на этотъ гарнизонъ, относятся небрежно къ охранѣ города. Центонъ послѣшнѣе отправился съ флотомъ къ Халкидѣ и ночью сдѣлалъ на нее неожиданное нападеніе. Незащищенныя городскія стѣны перешли въ руки нападающихъ, царская житница и арсеналь, гдѣ хранились богатые запасы осадныхъ орудій и машинъ, были сожжены, гарнизонъ, съ начальникомъ его, акарнанцемъ Сопатромъ, былъ перебитъ. Вся захваченная добыча была снесена сначала на городскую площадь, а затѣмъ перевезена на римскіе корабли. Родосцы, принимавшіе участіе въ нападеніи на Халкиду вѣстѣ съ Центономъ, разнесли городскую тюрьму и выпустили содержавшихся тамъ военнопленныхъ. Статуи Филиппа, находившіяся въ городѣ, были ниспровергнуты и изуродованы. Послѣ всего этого погрома Центонъ приказалъ дать отбой, и римскій флотъ возвратился въ Шпрей ¹⁾).

Филиппъ находился въ то время въ Дмитриадѣ. Туда пришла къ нему вѣсть о постигшемъ Халкиду несчастіи. Сознавая, что всякая помощь халкидцамъ будетъ уже запоздалой, онъ, тѣмъ не мѣнѣе, тотчасъ же отправился къ Халкидѣ съ 5.000 легковооруженныхъ и 300 всадниковъ. Прибывъ въ Халкиду, Филиппъ нашелъ тамъ лишь слѣды разрушенія и пожараща. Быстро переправился онъ черезъ Еврипъ и черезъ Віотію повелъ свои войска на Аѳины. Последнимъ могла грозить серьезная опасность въ случаѣ неожиданнаго нападенія Филиппа; но счастію для Аѳинъ, нападеніе это было предупреждено. Одинъ лазутчикъ-скороходъ замѣтилъ съ сторожевой башни движеніе македонянъ и ночью прибѣжалъ въ Аѳины съ извѣстіемъ о грозящей опасности. Тамъ ни мало не готовились къ нападенію: такъ же точно тамъ спали и небрежничали, какъ за немного дней до того въ Халкидѣ. Получивъ извѣстіе о приближеніи маке-

¹⁾ Liv. XXXI, 23, 1—10. Quodsi, замѣчаетъ далѣе Ливій, tantum militum Romanorum fuisset, ut et Chalcis teneri et non deseri praesidium Athenarum potuisset, magna res principio statim belli, Chalcis et Euripus adempta regi forent. nam ut terra Thermopylarum angustiae Graeciam, ita mari fretum Euripi claudit*.

донянь, аонинскій стратигъ и начальникъ наемническаго отряда Діоксиппъ собрали на площадь войско и приказали дать сигналъ съ акрополя, чтобы всѣ знали о приближеніи непріятеля. Горожане стали сбѣгаться, кто къ воротамъ, кто къ стѣнамъ. Еще до разсвѣта Филиппъ приблизился къ Аонцамъ. Свѣтъ въ городѣ, шумъ убѣдили его, что его замыселъ сдѣлать неожиданное нападеніе на Аонины не удался. Онъ приказалъ войску остановиться и рѣшилъ сдѣлать на Аонины открытое нападеніе. Филиппъ подступалъ къ Аонцамъ съ сѣверо-западной части города, со стороны Дипила, такъ какъ дипильскія ворота были больше и шире остальныхъ. И во внутреннемъ, и во внѣшнемъ Керамикѣ шли широкія дороги, такъ что аоняне могли развернуть свое ополченіе отъ агоры до дипильскихъ воротъ. За дипильскими воротами, по направленію къ Академіи, шла дорога, длиною почти въ 1.000 шаговъ, которую также заняли аоняне съ гарнизономъ Аттала и отрядомъ Діоксиппа ¹⁾).

Филиппъ, разсчитывавшій съ успѣхомъ отразить непріятеля, мечталъ уже о давно желанномъ избіеніи аонянь, „ибо ни одно изъ греческихъ государствъ“, замѣчаетъ Ливій, „не было такъ несправедливо Филиппу, какъ Аонины“. Филиппъ, по замѣчанію того же Ливія (XXXI, 24, 13), увлеклся не столько гнѣвомъ, сколько тщеславіемъ: такая огромная масса народу, наполнившая стѣны, увидить, какъ онъ сражается. Съ небольшимъ отрядомъ конницы Филиппъ выѣхалъ на передній флангъ и открылъ битву. Многихъ непріятелей онъ лично ранилъ въ рукопашной схваткѣ, заставилъ аонянь отступить къ воротамъ и многихъ тамъ убилъ. Аонинскіе солдаты, занимавшіе башни у воротъ, вынуждены были прекратить метать стрѣлы, изъ опасенія ранить и убить своихъ же, смѣшавшихся теперь съ непріятелями. Во внутреннемъ Керамикѣ держался еще аонинскій гарнизонъ, и Филиппъ, полагая, вѣроятно, что на первый разъ онъ достаточно отличился, приказалъ дать отбой и расположился лагеремъ у Киносарга, къ югу отъ Ликавитта, за восточными, діомійскими воротами. Киносаргъ, расположенный къ югу отъ него Ликей и всѣ храмы, расположенные за предѣлами города, были предашы пламени; разрушены были не только дома, но и гробницы во внѣшнемъ Керамикѣ. „Ничто, ни божеское, ни человѣческое, не спаслось предъ необузданнымъ гнѣвомъ“ ²⁾).

¹⁾ Liv. XXXI, 24, 1—10. Ср. Curtius, Die Stadtgeschichte von Athen, 107, 118 и карту № IV.

²⁾ Liv. XXXI, 24, 14—18. Diodor. XXVIII 7.

На слѣдующій день послѣ нападенія Филиппа прибылъ въ Аены гарнизонъ Аттала съ Эгины и римское войско изъ Пирея. Филиппъ былъ выпужденъ перенести свой лагерь отъ города на разстояніе почти 3.000 шаговъ, къ западу отъ Ликавитта. Оттуда направился онъ, вѣроятно, по Священной дорогѣ, въ Элевсинъ, въ надеждѣ, что ему удастся при неожиданномъ нападеніи захватить храмъ и крѣпость элевсинскую. Но узнавъ, что Элевсинъ хорошо защищенъ и что туда направляется изъ Пирея флотъ на помощь, Филиппъ отказался отъ задуманнаго предиріятія и направился сначала въ Мегару, потомъ въ Коринѳъ. Получивъ извѣстіе, что въ Аргосѣ въ то время было ахейское собраніе, онъ явился туда лично, вопреки ожиданію ахейцевъ ¹⁾.

Опредѣлить точно время перваго нападенія самого Филиппа на Аены мы не можемъ. Выше я предположилъ, что возвращеніе Филиппа въ Македонію изъ еракійской экспедиціи состоялось въ маѣ 200 года; въ такомъ случаѣ нападеніе на Аены могло произойти, допустимъ, въ іюнь. Указаніе Ливія (XXXI, 25, 2) на то, что въ скорости послѣ нападенія на Аены происходило ахейское собраніе въ Аргосѣ, мало помогаетъ дѣлу. Это аргосское собраніе было экстраординарнымъ и не можетъ быть приурочено ни къ веснѣ, ни къ осени, когда созывались ординарныя собранія въ Эгіѣ. На аргосскомъ собраніи главнымъ вопросомъ, подлежавшимъ обсужденію, была война противъ Павида. Послѣдній, воспользовавшись тѣмъ, что стратигомъ ахейскимъ съ мая 200 года былъ Кикліадъ, а не Филопимпъ, и что силы ахейскаго союза распадаются, началъ опустошительныя набѣги, подходилъ даже къ самымъ ахейскимъ городамъ. Филиппъ обѣщала ахейцамъ обратить на это серьезное вниманіе; даже повести свое войско несмеленно на Лаконскую землю; но, взамѣнъ этого, требовалъ отъ ахейцевъ помощи—выставить необходимое количество солдатъ для обороны Орея, Халкиды и Коринѳа. Но Филиппу не удалось прельстить этими обѣщаніями ахейцевъ, прекрасно понимавшихъ, куда клонились его намѣренія, а именно втянуть ахейцевъ въ войну съ римлянами ²⁾. Кикліадъ нашелся отвѣтить ему на все это, что, по ахейскимъ законамъ, на собраніи дозволяется разсуждать лишь о тѣхъ дѣлахъ, ради которыхъ оно созвано, и вслѣдъ затѣмъ распу-

¹⁾ *Liv.* XXXI, 25, 1—2.

²⁾ *Liv.* XXXI, 25, 8—8.

стилъ собраніе ¹⁾. Филиппъ, набравъ „немного“ волонтеровъ, вернулся въ Коринѣ, а оттуда въ Аттику ²⁾.

„Въ тѣ самые дни, когда Филиппъ находился въ Ахаѣ, Филоклъ, царскій намѣстникъ, отправившись изъ Еввіи съ 2.000 оракійцевъ и македонянъ для опустошенія аонскихъ предѣловъ въ элевсинской области, перевалилъ чрезъ Киверонскій хребетъ“ ³⁾. Итакъ, Аоинамъ грозить новое нашествіе и новое опустошеніе со стороны македонянъ. Надо полагать, что это дѣлалось, конечно, съ разрѣшенія Филиппа, который новымъ набѣгомъ на Аѳины хотѣлъ вывести римлянъ изъ ихъ выжидательнаго образа дѣйствій.

Филоклъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: одну часть онъ послалъ грабить соседнія поля, съ другою самъ засѣлъ въ удобномъ мѣстѣ въ засаду, чтобы немедленно напасть на враговъ, если изъ элевсинской крѣпости они сдѣлаютъ нападеніе на первый отрядъ. Планъ Филокла не удался; равно былъ отбитъ приступъ Филокла на элевсинскую крѣпость. Тогда Филоклъ соединился съ Филиппомъ, вернувшимся въ Аттику. Филиппъ пытался съ своей стороны овладѣть элевсинской крѣпостью; тому опять помѣшалъ явившійся на выручку аѳинянъ римскій флотъ изъ Пирея и аѳинскій гарнизонъ. Послѣ этого Филиппъ раздѣлилъ свое войско; часть его, подъ командою Филокла, онъ послалъ на Аѳины, самъ съ другою частью устремился на Пирей, рассчитывая овладѣть имъ въ то время, какъ Филоклъ будетъ удерживать аѳинлянъ въ городѣ подъ угрозою штурма ⁴⁾. Но захватить Пирей оказалось такъ же трудно, какъ и Элевсипъ. Поэтому Филиппъ отъ Пирея внезапно повернулъ къ Аѳинамъ. Овладѣть Аѳинами Филиппу опять не удалось: аѳинскіе пѣхотницы и всадники, благодаря внезапной вылазкѣ, отбили приступъ Филиппа. Ослобившись на неудачу, Филиппъ, поручивъ часть войска Филоклу, началъ опустошать Аттику, не щадилъ даже могилъ, разрушалъ и сжигалъ святилища, расположенныя по внѣ-городскимъ дымамъ ⁵⁾. Не довольствуясь разрушеніемъ храмовъ, ниспроверженіемъ статуй, Филиппъ приказывалъ ломать даже камни. Погромъ прекратился, говорить Ливій, не потому, что у царя стихъ гнѣвъ, а потому, что уже гро-

¹⁾ Liv. XXXI, 25, 9—10.

²⁾ Liv. XXXI, 25, 11.

³⁾ Liv. XXXI, 26, 1.

⁴⁾ Liv. XXXI, 26, 2—6.

⁵⁾ Liv. XXXI, 26, 7—11. *Templa deum, quae pagatim sacrata habebant* — это святилища отдѣльныхъ димовъ среднѣйшей и приморской областей.

мить было нечего. Послѣ того Филиппъ удалился въ Вiotiю и „не совершилъ въ Греціи чего-либо другаго достойнаго упоминанія“ ¹⁾).

Это второе опустошеніе Аттики произошло, судя по общей связи Ливіева разказа, вскорѣ послѣ перваго; можетъ быть, двѣ—три недѣли только прошло между обоими опустошеніями. Что это второе опустошеніе случилось въ началѣ лѣта 200 года, видно изъ дальнѣйшаго упоминанія самого Ливія. Въ XXXI 44, послѣ значительнаго отступленія, Ливій говоритъ: „флотъ изъ Керкиры, *ex началъ того же лѣта* отправившійся подъ командою легата Л. Апустія... соединился съ царемъ Атталомъ. *Тогда-то* аѳинское государство, ненависть котораго противъ Филиппа сдерживалась въ теченіе долгаго времени только изъ-за страха, излило ее всю на него въ надеждѣ на прибывшую помощь“ ²⁾). И далѣе Ливій разказываетъ о постановленіи, изданномъ аѳинянами, уничтожить всѣ статуи и изображенія, воздвигнутыя въ честь Филиппа и его предковъ, стереть надписи на нихъ, отмѣнить всѣ празднества, жертвоприношенія, установленныя въ честь его и его предковъ, и т. д., и т. д. ³⁾). Ливій кончаетъ эту главу мѣткимъ замѣчаніемъ: *Athenienses quidem Itteris verbisque, quibus solis valent, bellum adversus Philippum gerebant* (XXXI, 44, 9).

Въ теченіе какихъ-нибудь полугода аѳинянамъ пришлось вынести четыре македонскихъ нападенія: 1) нападеніе Никанора, 2) нападеніе акарнано-македонскаго войска, 3) первое нападеніе Филиппа и 4) чрезъ короткое время за нимъ слѣдовавшее второе нападеніе Филиппа. Первая половина 200 года одна изъ самыхъ бѣдственныхъ страницъ аѳинской исторіи. Римляне, ведя номинально войну съ Филиппомъ, относились къ этимъ аѳинскимъ бѣдствіямъ почти что пассивно; они являлись на помощь тогда, когда нападеніе приходило къ концу. До нѣкоторой степени политика римлянъ въ это время напоминаетъ ихъ политику въ послѣдніе годы первой македонской войны: какъ тогда вся тяжесть войны была взвалена на этолийцевъ, такъ теперь страдающими являлись аѳиняне.

Непосредственно за разказомъ о второмъ набѣгѣ Филиппа на Аттику, бывшемъ, какъ мы видѣли, лѣтомъ 200 года, Ливій говоритъ:

¹⁾ *Liv.* XXXI, 26, 12—13.

²⁾ *Liv.* XXXI, 44, 1—3: *classis a Corcyra eiusdem principio aestatis... tum vero Atheniensium civitas...*

³⁾ *Liv.* XXXI, 44, 4—9.

Consul Sulpicius eo tempore inter Apolloniam ac Dyrrachium ad Arsum flumen habebat castra (XXXI, 27, 1). Значить, лѣтомъ, скажемъ въ июнѣ 200 года, если вѣрить этому извѣстію Ливія, П. Сульпицій былъ въ Иллиріи. Это опять-таки стоитъ въ противорѣчій съ вышеуказаннымъ замѣчаніемъ Ливія (XXXI, 22, 4), что будто-бы Сульпицій прибылъ въ свою провинцію „autumno ferme exasto“. Если это послѣднее извѣстіе Ливія принимать дословно, то нарушится всякая послѣдовательность событій 200 года, по крайней мѣрѣ, первой его половины. Всѣ изслѣдователи, насколько я знаю, принимаютъ извѣстіе Ливія на вѣру и думаютъ, что П. Сульпицій прибылъ въ свою провинцію осенью 200 года ¹⁾. Но они не принимаютъ въ расчетъ его же упоминанія въ XXXI, 27, 1, не обращаютъ вниманія и на другія данныя, которыя будутъ ниже указаны и изъ которыхъ ясно, кажется, слѣдуетъ, что П. Сульпицій прибылъ въ Аполлонію не осенью, а весною. Въ сокращенномъ, какъ думаютъ, по Діону Кассію, изложеніи Зонары говорится, что П. Сульпицій, „переправившись черезъ Іонійскій заливъ, долгое время хворалъ“ (IX 15). Затѣмъ разказывается у Зонары объ отправленіи Клавдія Центона на освобожденіе Аеянтъ отъ македонской осады (ср. Liv. XXXI, 14, 3. 22, 5 сл.), объ его экспедиціи противъ Халкиды, о дѣйствіяхъ его противъ Филиппа ²⁾. Въ этомъ краткомъ сообщеніи Зонары ясно и правильно указывается ходъ событій, начиная съ весны и до середины лѣта 200 года, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленно, мнѣ кажется, указывается на то, что П. Сульпицій уже уѣхалъ изъ Рима, если не весною (на это опредѣленнаго указанія у Зонары не имѣется), то, во всякомъ случаѣ, и не осенью.

¹⁾ Такъ и *Моммзенъ*, см. выше, и *Ине*, Röm. Gesch. III 20. Послѣдній пишетъ: Nachdem gleich nach dem Amtsantritt der Consuln des Jahres 200, Publius Sulpicius Galba und Caius Aurelius Cotta, der Krieg gegen Makedonien förmlich beschlossen war, ging doch der grösste Theil des Jahres mit den erwähnten Verhandlungen und mit militärischen Vorbereitungen hin. Die Verzögerung der Operationen hatte aber hauptsächlich wol darin ihren Grund, dass gerade jetzt ein höchst bedenklicher Aufstand der Gallier losbrach. Но вѣдь галльское возстаніе вовсе не касалось Сульпиція, у котораго было свое войско. (Ср. Liv. XXXI 8.

²⁾ *Zonar.* IX, 15; αὐτὸς μὲν (Кл. Центонъ) τῷ ναυτικῷ τὰς Ἀθήνας ὑπὸ τῶν Μακεδόνων πολιορκουμένας ἐρρύσατο καὶ Χαλκίδα κατεχομένην ὑπ' αὐτῶν ἐπέσθησε, καὶ τοῦτῃ Φιλίππου ταῖς Ἀθήναις ἐπιστρατεύσαντος ἐπανάθων τότε αὐτὸν ἀπέσωσε καὶ μετὰ τοῦτο αὐτῆς προσβαλόντα ἀπέκρούσατο.

Вышеприведенное указаніе на то, что Сульпицій „долгое время хворалъ“, имѣеть для насъ нѣкоторую цѣну: болѣзнью консула, можетъ быть, надо объяснять то, что съ его стороны не принято было никакихъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ дѣйствій противъ непріятеля до середины лѣта 200 года, за исключеніемъ развѣ отправки Центона съ флотомъ въ Пирей. Ливій упоминаеть только о походѣ консульскаго легата Л. Апустія „ad depopulandos hostium fines“ съ частію войскъ ¹⁾). Экспедиція Апустія была непродолжительна и могла произойти еще весною, напримѣръ, въ маѣ 200 года; по крайней мѣрѣ, въ теченіе лѣта, какъ мы увидимъ ниже, на Апустія было возложено другое уже порученіе ²⁾). Апустій опустошилъ Дассаретію, западную часть македонскаго царства, успѣлъ захватить нѣкоторыя крѣпостцы и подступилъ къ Антипатрію. Антипатрія, не смотря на то, что была хорошо укрѣплена, была взята, стѣны ея разрушены, а самый городъ преданъ пламени. За Антипатрію послѣдовала сдача Кодріона, Книда. Послѣ этой удачной экспедиціи Апустій отвелъ свое войско къ консулу, а самъ вернулся на Керкиру, гдѣ стоялъ римскій флотъ ³⁾).

Послѣ этого, говоритъ Ливій, въ римскій лагерь прибыли Плевратъ, сынъ Скердияанда, царь иллирійскій, Аминандръ, царь асманскій, Ватонъ, сынъ Лонгарія, властитель дарданскій и другіе мелкіе князья. Всѣ они предлагали свои услуги Сульпицію противъ Филиппа. Консулъ обѣщалъ воспользоваться ихъ силами, когда поведетъ свое войско въ Македонію. Аминандру поручено было побудить этолійцевъ принять участіе въ войнѣ. Явились также послы отъ Аттала, которымъ приказано было довести до свѣдѣнія пергамскаго царя, находившагося въ то время на Эгнѣ, чтобы онъ поджидалъ римскій флотъ и, соединившись съ нимъ, велъ бы, какъ и

¹⁾ Liv. XXXI, 27, 1.

²⁾ Hertzberg, о. с., I 67, помѣщаетъ походъ Апустія „im Winter 200 auf 199 v. Chr.“.

³⁾ Liv. XXXI, 27, 2—8. Zonar. IX 15: 'Απούστιος ὁ ἐς τὴν Μακεδονίαν, ἐρχόμενος περὶ τὴν Ἑλλάδα τοῦ Φιλίππου ὄντος, ἐμβάλων τὴν τε γῆν ἐληίζετο καὶ φρούρια καὶ πόλεις ἐχειρώσατο. Φίλιππος δὲ διὰ ταῦτα ἐν ἀρηχτανίᾳ γενόμενος τέως μὲν ἄνω καὶ χίτω περιέβηε ἄλλοτε ἄλλοις ἀμύνων, ὡς δὲ ὁ Ἀπούστιος τῆ χώρα αὐτοῦ ἰσχυρῶς ἐνέχετο καὶ οἱ Δάρδανοι τὴν πρόσωρον σφίσι Μακεδονίαν ἐκακούργουν. Далѣе у Зонары несогласное съ Ливіемъ извѣстіе, будто бы Апустія, „узнавъ о наступленіи Филиппа, удалился“, и далѣе прибавлено: ἤδη γάρ καὶ χειρῶν ἦν, но въ зимнее время врядъ ли вообще могла быть предпринята экспедиція. Такимъ образомъ, и у Зонары спутаны опредѣленія времени.

раньше, морскую войну противъ Филиппа ¹⁾. Отправлены были послы къ родосцамъ съ приглашеніемъ ихъ принять участіе въ войнѣ ²⁾.

Послѣ этого отступленія разказъ Ливія возвращается опять къ событіямъ, послѣдовавшимъ за возвращеніемъ Филиппа въ Македонію послѣ его аттическихъ экспедицій (ср. XXXI, 26, 13). „Nec Philippus segnitus—iam enim in Macedoniam pervenerat — adparabat bellum“ (XXXI, 28, 4). Онъ отправляетъ своего сына Персея съ отрядомъ войска „ad obsidendas angustias, quae ed Pelagoniam sunt“. Очевидно, Филиппъ ждалъ вторженія римлянъ въ собственную Македонію. Онъ же разрушилъ города Скиаѳъ и Пенаріѳъ, на островахъ того же имени, чтобы острова эти не послужили добычею неприятельскаго флота ³⁾.

Отправилъ Филиппъ пословъ и къ этолійцамъ, „ne gens inquieta adventu Romanorum fidem mutaret“ (XXXI, 28, 6). „Concilium Aetolorum stata die, quod Panaetolium vocant, futurum erat“, говоритъ Ливій (XXXI. 29, 1) и приводитъ насъ въ нѣкоторое смущеніе этимъ „Panaetolium“. Можно подумать, что здѣсь идетъ рѣчь объ ординарномъ этолійскомъ собраніи, которое происходило регулярно разъ въ годъ, около времени осенняго равноденствія ⁴⁾. Если здѣсь разумѣть ординарное этолійское собраніе, то предполагаемая нами послѣдовательность событій нарушается: по нашимъ разсчетамъ, описываемое Ливіемъ этолійское собраніе происходило не осенью 200, а лѣтомъ (можетъ быть, июль-августъ) ⁵⁾. Смущаетъ выраженіе Ливія „Panaetolium“, которое, строго говоря, можетъ означать лишь ординарное этолійское собраніе ⁶⁾. Но у Ливія въ данномъ случаѣ неточность, указанная между прочимъ, Бузольтомъ (Griech. Staats-und

¹⁾ Флотъ этотъ, какъ видно изъ Ливія XXXI, 44, 1, соединился съ флотомъ Атгала „eiusdem principio aestatis“. Значитъ, всѣ вышеназванныя посольства явились къ Сульпицію до начала лѣта 200 г.

²⁾ Liv. XXXI, 28, 1—4.

³⁾ Liv. XXXI, 28, 4—6.

⁴⁾ Ср. Polyb. IV, 37, 2.

⁵⁾ У Поливія ординарное этолійское собраніе называется ἡ τῶν Αἰτωλῶν σύνοδος (IV, 26, 7) или ἐκκλησία (IV, 15, 8, XXVIII, 4, 1). Выраженіе употребляемое Ливіемъ Panaetolium (или Panaetolicum concilium XXXI, 32, 3, XXXV, 32, 7) у другихъ авторовъ не встрѣчается. Ср. Gilbert, Handbuch der griechischen Staatsaltertümer, II S. 30, Anm. 2. Πανααιτωλικά (Collitz SGDJ 1411. Bull. de corr. hellen. X 187), Гильбертъ совершенно правильно относитъ къ панэтолійской панигирѣ, происходившей на ординарномъ собраніи.

Rechtsaltertümer '370, Anm. 7) ¹⁾. Мы знаемъ, что ординарныя этолийскія собранія происходили въ Фериѣ (Polyb. V, 8, 5, XXVIII, 4, Эфоръ у Стравона X р. 463), то же собраніе, которое описывается Ливіемъ, происходило въ Навпактѣ (Liv. XXXI, 29, 8). Такимъ образомъ, это собраніе было не ординарное, а экстраординарное ²⁾; такія экстраординарныя собранія были созываемы, смотря по надобности, по рѣшенію союзнаго совѣта, стратигами и не происходили въ опредѣленномъ мѣстѣ (ср. Busolt о. с. 371, Anm. 5). Итакъ, кажется, нѣтъ препятствій предполагать, что навпактское собраніе, какъ экстраординарное, могло происходить среди лѣта (можетъ быть, даже въ августѣ) 200 года ³⁾.

На навпактское собраніе пріѣхалъ консульскій легатъ Л. Фуриі Пурпуріонъ, прибыли также и аонскіе послы ⁴⁾. Прежде всего выслушаны были македонскіе послы; они указывали на то, что этолийцы, разъ заключили съ Филиппомъ миръ, должны соблюдать его, тѣмъ болѣе, что они имѣли возможность убѣдиться въ бесполезности союза съ римлянами ⁵⁾. Послѣ македонскихъ пословъ, съ согласія и даже по требованію римлянъ, выслушали аонянъ, „которые, испытавъ ужасныя бѣдствія, съ полнымъ правомъ могли жаловаться на свирѣпую жестокость царя“ (XXXI, 30, 1). Аонскіе послы оплакивали предъ собраніемъ разореніе и опустошеніе своей области. Они не жаловались на то, что испытали враждебныя дѣйствія отъ непріятели,—на то онъ имѣлъ свое право (esse enim quaedam belli

¹⁾ *Дюбуа*, Les ligues étolienne et achéenne, Paris 1885 (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome fasc. XL), p. 185, старается объяснить это „Panaetolicum concilium“ тѣмъ, что „après les désastres de la guerre contre la Macédoine et le sac de l'ancienne capitale, le siège de l'assemblée annuelle semble avoir été transporté pour quelque temps à Naupacte“. Это предположеніе не находитъ себѣ никакого подтвержденія.

²⁾ *Вилькенъ* у Pauly-Wissowa RE I, 1120, неправильно относитъ это собраніе къ числу ординарныхъ.

³⁾ Кстати: для чего Ливію было еще прибавлять „stata die“, разъ дѣло шло объ ординарномъ собраніи? Вейссенборнъ сознавалъ и въ данномъ случаѣ сбивчивость хода событій въ разказѣ Ливія, что и вызвало съ его стороны такое толкованіе: „die a. u. St. erwähnte Versammlung würde dann noch vor oder sogleich nach der Ankunft des Consuls stattgehabt haben, während nach dem Vorhergeh. der Winter oder Frühling vorausgesetzt wird“. *Нуссенъ* Krit. Untera. 126 и *Име* Röm. Gesch. III 24 относятъ неправильно это собраніе на зиму 200 г.

⁴⁾ Liv. XXXI, 29, 1—2.

⁵⁾ Liv. XXXI, 29, 2—16, рѣчь македонскаго посла.

iuga, quae ut facere, ita pati sit fas); итъ, они жаловались на то, что тотъ человѣкъ, который зоветъ римлянъ иноземцами и варварами, до такой степени позволялъ себѣ нарушить и всѣ божескія, и всѣ человѣческія права, что при *первомъ* опустошеніи, казалось, велъ нечестивую войну съ подземными богами, при *второмъ* съ небесными ¹⁾. Филиппъ разрушилъ въ Атикѣ всѣ могилы, всѣ памятники, трупы умершихъ лежать „обнаженные“, ихъ кости не покрыты землею. Филиппъ сжегъ святыни, находившіяся въ отдѣльныхъ димахъ, испровергнувъ статуи боговъ ²⁾. Что Филиппъ сдѣлалъ съ Атикой, богатой прежде, то онъ не преминеть сдѣлать и съ Этоліей и со всей Греціей, если его до этого допустить. Аѳины постигла бы такая же печальная участь, что и ихъ окрестности, если бы не пришли на помощь римляне ³⁾. Въ заключеніе аѳинскіе послы просятъ этолійцевъ, сжалиться надъ Аѳинами и принять участіе въ войнѣ подъ водительствомъ безсмертныхъ боговъ и римлянъ, „*которые, послѣ боговъ, имѣютъ наибольшую власть и силу*“ ⁴⁾.

Наконецъ, послѣ аѳинцевъ выступаетъ съ своею рѣчью римскій легатъ. Онъ указываетъ на то, что римляне, когда вели войны, никогда не поступали такъ, какъ поступаетъ Филиппъ (Liv. XXXI, 31, 1—16). „Что до васъ, этоліицы, касается, то мы уже вели войну съ Филиппомъ изъ-за вашихъ интересовъ, а вы, не спросясь насъ, заключили миръ съ нимъ. Правда, вы скажете, что вы приняли условія мира отъ Филиппа, который тогда былъ очень силенъ, вынужденные къ тому страхомъ, въ то время, какъ мы были заняты пуническою войною; и мы, дѣйствительно, въ виду другихъ, болѣе важ-

¹⁾ Liv. XXXI, 30, 2—4. Тутъ ясный намекъ на два незадолго до того бывшихъ нашествія Филиппа на Атику. Навпактское собраніе описано Ливіемъ очень подробно и, должно быть, въ данномъ случаѣ Ливій близко придерживался Поливія, который любилъ подробно излагать ходъ союзныхъ собраній, какъ ахейскихъ, такъ и этолійскихъ. Въ рѣчи аѳинскихъ посланцевъ ясно, кажется мнѣ, высказывается не улегшееся еще раздраженіе аѳинцевъ противъ Филиппа (ср., напримѣръ, ихъ слова: *data exuri, dirui tecta, praedas hominum pecorumque agi, mihi magis quam indigna patienti esse*). Между тѣмъ, если принимать, по общепринятому расчету, что навпактское собраніе происходило въ зиму съ 200 на 199 годъ, то вѣдь между собраніями и нашествіями Филиппа на Атику прошло добрыхъ полгода.

²⁾ Liv. XXXI, 30, 5—7.

³⁾ Liv. XXXI, 30, 8—10.

⁴⁾ Liv. XXXI, 30, 11. Если послѣднія слова не риторическая прикраска Ливія, то они очень характерны въ устахъ аѳинцевъ.

ныхъ дѣлъ, сами прекратили войну съ Филиппомъ, отъ которой вы отказались. Теперь же мы, окончивъ по милости Божіей, punitive войну, всѣми нашими силами наляжемъ на Македонію. Вамъ представляется случай опять войти съ нами въ дружескій союзъ, если вы не предпочитаете погибнуть вмѣстѣ съ Филиппомъ, чѣмъ побѣждать вмѣстѣ съ римлянами¹⁾.

Послѣ этого, замѣчаетъ Ливій, всеобщее настроеніе склонилось на сторону римлянъ. Противодѣйствовалъ только Дамокритъ, стратегъ этолійскій, подкупленный, по слухамъ, Филиппомъ; Дамокритъ совѣтовалъ не очень торопиться. Рѣшено было ждать ординарнаго этолійскаго собранія, гдѣ только и можно было поднимать вопросы о войнѣ или мирѣ²⁾. Что на этомъ собраніи будетъ рѣшено, то и будетъ имѣть силу³⁾.

Теперь надо вернуться нѣсколько назадъ, къ дѣйствіямъ римскаго флота, что разказано въ главахъ 45—47, 3 XXXI-й книги Ливія. Флотъ этотъ, подъ командою легата Л. Апустія, соединился около мыса Скиллея съ пергамскимъ флотомъ. Это, по свидѣтельству Ливія, произошло въ началѣ лѣта 200 года⁴⁾ (вѣроятно, во второй половинѣ іюня; можетъ быть, даже въ концѣ его). Соединенный флотъ заѣзжалъ на нѣсколько дней въ Пирей, и тамъ почести аѳонянъ по отношенію къ союзникамъ, замѣчаетъ Ливій, были также чрезмѣрны, какъ ихъ гнѣвъ противъ македонянъ⁵⁾. Далѣе описываетъ Ливій ходъ этой морской экспедиціи: занятіе Андра, уступленнаго римлянами Атталу (XXXI, 45, 3—8). Съ Андра переправились на Кионъ, гдѣ потеряли нѣсколько дней на штурмъ города,

¹⁾ Liv. XXXI, 31, 18—20.

²⁾ Это тоже очень интересно; если навпактское собраніе происходило зимою, то ординарнаго собранія (осеннее равноденствіе) приходилось ждать, по крайней мѣрѣ, мѣсяцевъ 9. Напротивъ, если собраніе происходило лѣтомъ (іюнь—августъ), то до ординарнаго собранія оставалось мѣсяца 2—3.

³⁾ Дамокритъ говорилъ потомъ, по уходѣ пословъ, что собранія окончились удачно для этолійцевъ: будущее покажетъ, на чью сторону этолійцамъ выйдутъ стать. Liv. XXXI 32.

⁴⁾ Liv. XXXI, 44, 1; ср. выше, гдѣ рѣчь идетъ о взрывѣ народнаго негодованія въ Аѳонахъ противъ Филиппа.

⁵⁾ Liv. XXXI, 45, 1—2. Обращаю вниманіе на связь „гнѣва“ противъ Филиппа и „почестей“ по отношенію къ Атталу и римлянамъ. Если нападенія Филиппа на Аттику были лѣтомъ 200 г., а экспедиція соединеннаго флота лѣтомъ 199 г., какъ обыкновенно принимается (ср. *Моммзенъ*, Римская Исторія I 702), то къ чему Ливій указываетъ на связь обонхъ этихъ фактовъ?

и послѣ безуспѣшной попытки удалились оттуда, „*quia vix optegat pretium erat*“ (XXXI, 45, 9). У Прасій, на восточномъ берегу Атики, къ римскому флоту присоединились 20 лембовъ иссійскихъ, которые и отправлены были для опустошенія Кариста; остальной флотъ сталъ у еввійской гавани Гереста. Когда вернулись иссійскіе лембы, весь флотъ отправился мимо Скира на Икъ, оттуда на Скіаозъ, незадолго до того опустошенный и разграбленный македонянами. Тамъ запасались провіантомъ. Со Скіаоа поплыли къ Кассандріи и сначала остановились у Менды. Оттуда, обогнувъ мысъ, намѣревались подступить къ стѣнамъ Кассандріи, но поднялась сильная буря, во время которой пострадало много кораблей. Тогда сдѣланъ былъ на Кассандрію приступъ съ суши, но опъ былъ отбитъ: Кассандрія, оказалось, была защищена очень хорошо. Отъ Кассандріи переправились, мимо мыса Канастрія, на Пеллину, оттуда, обогнувъ Торопу, двинулись къ Аканоу, который и былъ взятъ и разграбленъ. Послѣ этого флотъ черезъ Скіаозъ возвратился на Еввію ¹⁾. Оставивъ тамъ флотъ, съ 10 кораблями римляне вошли въ Малійскій заливъ для переговоровъ съ этолійцами о способѣ веденія войны. Значить, приближалось ординарное этолійское собраніе, на которомъ долженъ былъ, какъ мы видѣли выше, рѣшиться вопросъ относительно участія этолійцевъ въ войнѣ. Этолійцы отправили для переговоровъ пословъ, во главѣ которыхъ былъ Пиррій. Этолійцы съ одной стороны, римляне и Атталъ съ другой встрѣтились въ Иракліи Трахинской. Этолійцы требовали отъ Аттала для войны 1.000 солдатъ, но въ этомъ имъ было отказано. „*Ita Aetoli cum spe magis, Romanis omnia pollicentibus, quam cum auxilio dimissi*“, говоритъ Ливій. Послѣ этого Апустій и Атталъ вернулись на флотъ ²⁾.

Далѣе у Ливія описывается осада и взятіе еввійскаго Орелъ. Городъ былъ отданъ Атталу, плѣнныхъ взяли римляне ³⁾.

Описанная экспедиція происходила во вторую половину лѣта 200 г. „Уже наступало осеннее равноденствіе“, говоритъ Ливій. Флотъ вернулся опять въ Пирей. Апустій, оставивъ тамъ 30 кораблей, вернулся на Керкиру; Атталъ остался въ Аоннахъ ждать мистерій (великія мистеріи въ сентябрѣ—октябрѣ 200 года), а послѣ ихъ уѣхалъ въ

¹⁾ Liv. XXXI, 45, 9—16. Ср. Dio Cass. fragm. 57, 6. Zonar. IX 15.

²⁾ Liv. XXXI, 46, 1—5.

³⁾ Liv. XXXI, 46, 6—16.

Азію ¹⁾. „Haec ea aestate terra marique adversus Philippum sociosque eius ab consule et legato Romanis adiuvantibus rege Attalo et Rhodiis gesta“, заключаетъ Ливій свой разказъ (XXXI, 47, 3).

Но мы не можемъ на этомъ закончить наше изложеніе: намъ остается еще разобрать походъ консула Сульпиція, описанный Ливіемъ въ 33—40 главахъ XXXI книги ²⁾. Излагать подробно этотъ походъ незначитъ: описаніе Ливія ясное и детальное. Гораздо труднѣе опредѣлять время этого похода, основываясь на разказѣ Ливія. Въ началѣ 33-й главы Ливій говоритъ о приготовленіяхъ Филиппа къ войнѣ: *Philippus impigre terra marique parabat bellum. Navalis copias Demetriadem in Thessaliam contrahebat. Attalum Romanamque classem principio veris ab Aegina ratus moturos navibus maritumaeque orae praefecit Horaclidam, quem et ante praefecerat: ipse terrestris copias comparabat, magna se duo auxilia Romanis detraxisse credens, ex una parte Aetolos, ex altera Dardanos, faucibus ad Pelagoniam a filio Perseo interclusis* (XXXI, 33, 1—3). Здѣсь, быть можетъ, описываются тѣ приготовленія Филиппа, какія онъ дѣлалъ, вернувшись въ Македонію изъ аравійской экспедиціи позднею весною 200 года (ср. Liv. XXXI, 24, 1: *Demetriade tum Philippus erat*) ³⁾. Смущаетъ только выраженіе „*principio veris*“, но Ливій не имѣетъ обыкновенія *дѣйствительно* точно опредѣлять время. Далѣе у Ливія скачекъ: „*ab consule non parabatur sed gerebatur iam bellum*“ (XXXI, 33, 4) ⁴⁾.

Моммзенъ приурочиваетъ этотъ походъ къ веснѣ 199 года, когда номинально консуломъ былъ Кв. Виллій, а П. Сульпицій былъ уже *проконсуломъ* ⁵⁾. Это первое препятствіе: Ливій вездѣ называетъ Сульпиція консуломъ, а не проконсуломъ. Второе препятствіе заключается въ слѣдующемъ: подводя итоги кампаніи 200 года, Ливій, какъ мы указывали выше, говоритъ: *haec ea aestate terra marique adversus Philippum sociosque eius ab consule et legato ... gesta* (XXXI, 47, 3). Между тѣмъ, морскую экспедицію нельзя, ни какъ кажется, отнести къ лѣту 199 года: тогда нарушается всякая связь собственно римской исторіи съ исторіей греческой, въ частности аоніской лѣта 200 года,

¹⁾ Liv. XXXI, 47, 1—2.

²⁾ Ср. Dio Cass. fragm. 57, 3—6. Zonar. IX 15.

³⁾ О Персеѣ ср. Liv. XXXI, 28, 5.

⁴⁾ Описаніе похода Сульпиція см. у Моммзена, Римская Исторія I 701 сл.

⁵⁾ Также Hertzberg, Gesch. Griechenlands unter der Herrschaft der Römer I 67. Nissen, Krit. Unters. 128 помѣщаетъ походъ Сульпиція на лѣто 199. Ilms, Röm. Gesch. III 25 сл., по видимому, думаетъ такъ же.

когда происходили нападенія Филиппа на Аттику. Эти послѣднія же никоимъ образомъ нельзя относить къ лѣту 199 года. Тогда теряется всякая нить связнаго разказа. Итакъ, приходится предполагать, что Ливій въ XXXI книгѣ разказываетъ аонскія и греческія событія 200 года, а римскія, то-есть морскую и сухонутную экспедицію римлянъ противъ Македоніи, 199 года. Или же остается предполагать, что походъ Сульпиція противъ Филиппа имѣлъ мѣсто осенью 200 г. ¹⁾. Теперь какъ же понимать фразу Ливія (XXXI, 22, 4): *consul alter cum autumnno ferme exacto in provinciam venisset, circa Apolloniam hibernabat?* Обыкновенно думаютъ, какъ и указано, что П. Сульпицій прибылъ въ свою провинцію только въ концѣ 200 года ²⁾, но какъ это согласовать съ XXXI, 14, 3, изъ котораго слѣдуетъ, что въ то время, какъ пріѣхалъ консуль, Филиппъ осаждалъ Авидъ: значить, осада Авиды происходила въ концѣ 200 года, но вѣдь это нарушаетъ опять-таки всякую связь событій. Я не знаю, какъ объяснить вышеприведенную фразу Ливія. Но она какъ-то странно помѣщена у него: раньше ея говорилось о галльскихъ дѣлахъ (по анналамъ), затѣмъ слѣдуетъ разказъ о дѣйствіяхъ Центона (очевидно, по Полибію). Эта фраза ведетъ насъ къ какой-то *circulus vitiosus*. Не имѣетъ ли эта фраза какого-нибудь отношенія къ фразѣ Ливія, которою онъ закапчиваетъ описаніе похода Сульпиція: *ita peragratis hostium agris consul in loca pacata ad Apolloniam, unde orsus bellum egat, copias reduxit* (XXXI, 40, 6)? Тогда въ первой фразѣ страннымъ является слова „in provinciam“. Проще всего было бы искать тутъ ошибки; но это уже послѣднее дѣло. Можетъ быть,

¹⁾ Выраженіе, употребляемое Ливіемъ, „*ea aestate*“ (XXXI, 48, 7. 47, 3) врядъ ли должно насъ смущать, потому что въ военномъ языкѣ „*aestas umfasst die drei milderen Jahreszeiten, entsprechend der gewöhnlichen Dauer des Feldlagers (aestiva) und der Winterquartiere (hiberna)*“: *Unger, Zeitrechnung der Griechen und Römer* (Iw. Müller, Handbuch d. klass. Altertumswissenschaft I²), стр. 781.

²⁾ Подтверженіемъ косвеннымъ этому можетъ служить замѣчаніе Ливія, что Т. Квицилій Фламиній „*matutius quam priores soliti erant consules a Brundisio cum tramisisset*“ (XXXII, 9, 6). Замѣчаніе, прежде всего, не совсемъ определенно. Но вѣдь и Сульпицій прибылъ въ свою провинцію не сразу, а спустя некоторое время, такъ что съ этой точки зрѣнія замѣчаніе Ливія и правильно. По изложенію Зонары выходитъ, что „*ῥαίσας δ' ἐκ τῆς νόσου ὁ Γάβρας πλείω παρεκκείσαστο δούρατιν καὶ ἄρα εἰς τὴν Μακεδονίαν ἤκειτο*“ (IX 15). Значить, Сульпицій, если согласовать Ливія XXXI 14 съ указаннымъ замѣчаніемъ, хворалъ чуть ли не цѣлый годъ.

здѣсь неточность объясняется тѣмъ, что Ливію пришлось какъ разъ въ данномъ мѣстѣ мѣнять свои источники? Можетъ быть, есть какія нибудь иныя причины? Разгадать этого я не могу. Я представилъ попытку разобраться въ послѣдовательномъ ходѣ событій перваго года второй македонской войны. Удачна она или неудачна, рѣшать не мнѣ; но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, и то изложеніе хода событій 200 года, какое до сихъ поръ обыкновенно предлагается, заключаетъ въ себѣ нѣкоторые „непонятные“ пункты.

С. Жебелевъ.

ЛЕГЕНДА О РИМСКИХ ЦАРЯХЪ.

Ея происхождение и развитие ¹⁾.

Относительно первобытныхъ условій землевладѣнія въ Римѣ мы можемъ сослаться на выводы Моммзена (R. St.-R. 3, 22 сл.). Частная собственность, говоритъ онъ, спачала признавалась въ Римѣ только по отношенію къ движимому имуществу. Это слѣдуетъ уже изъ техническихъ терминовъ, которыми обозначается понятіе имущества, familia (дворян) и resipia (скотъ). Вотъ изъ чего состояло личное имущество древнѣйшихъ римскихъ крестьянъ, а не изъ земли, которая слѣдовательно не находилась тогда въ частной собственности. Затѣмъ и древнѣйшая форма приобрѣтенія собственности опять обозначается такимъ словомъ (mancipium, захватъ), которое, собственно, подходитъ только къ движимому имуществу. Вся земля римская, значить, нѣкогда была ager publicus. По преданію, Ромуль всѣмъ гражданамъ давалъ по два iugera такъ-называемаго heredium. Слово это не безусловно слѣдуетъ отождествлять съ hereditum, наследство, съ которымъ оно, можетъ быть, было только созвучно, но другаго производства, такъ какъ въ правѣ двѣнадцати таблицъ подъ hereditum понимается просто огороженный садъ. Каждый дворъ пользовался извѣстнымъ количествомъ общихъ полей. Первая частная земельная собственность, по мнѣнію Моммзена, образовалась вслѣдствіе освоенія земли родами, при чемъ родовая община замѣняла всенародную. Какимъ способомъ пользовались землею община или роды, это, по словамъ Моммзена, навсегда для насъ останется тайною. Но одно, думаемъ, возможно

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую книжку Журнала *Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

утверждать, что право оккупации, игравшее такую важную роль въ исторіи римскихъ аграрныхъ порядковъ, коренилось въ глубокой древности. Въ Римѣ, какъ извѣстно, всегда уживались вмѣстѣ сознаніе общины о томъ, что земля принадлежала ей, и право отдѣльных членовъ общины осваивать эту общественную землю. Захватъ спободнаго *ager publicus* не давалъ права полной собственности, а только владѣнія (*possessio*) и пользованія (*usus fructus*); на самомъ дѣлѣ эта форма владѣнія почти равнялась полной собственности. Этотъ порядокъ очень близко напоминаетъ отношенія частнаго землевладѣнія къ правамъ общины, которыя встрѣчаемъ до сихъ поръ въ сѣверной Россіи, Сибири и въ казацкихъ областяхъ и которыя въ прежнія времена бывали и въ другихъ частяхъ Россіи и въ Германіи. Одновременно съ этимъ обусловленнымъ землевладѣніемъ въ Римѣ встрѣчается и *ager privatus*, находящійся въ полноправной частной собственности, *ex iure Quiritium*. Кто были эти квириды, первые собственники, по примѣру которыхъ земля могла быть приобрѣтаема въ полную юридическую собственность, это, на нашъ взглядъ, еще открытый вопросъ. Дѣло въ томъ, что слово *Quirites* имѣло два значенія. Въ болѣе широкомъ смыслѣ такъ назывались всѣ граждане, особенно же всѣ участвующіе въ народномъ собраніи. Старинная формула *populus Romanus Quirites*, или *Quiritesque* (Лив. 8, 6, 13; Фестъ стр. 67), съ другой стороны, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ болѣе специальномъ смыслѣ квириды отличались отъ *populus Romanus*, взятаго въ болѣе тѣсномъ значеніи. Изъ соединенія обонхъ состоялъ весь народъ. Позднѣйшіе римскіе писатели, наконецъ, перепутывали два оттѣнка слова *Quirites*, произвольно замѣняя древнюю формулу новою—*populus Romanus Quiritium*¹⁾. Теоретики римскаго права понимаютъ *dominium ex iure Quiritium* также въ смыслѣ права, присущаго всѣмъ римскимъ гражданамъ, а потому противопоставляютъ его праву пермянъ (*perreg-*

¹⁾ Моммзенъ, *Röm. Staatsrecht* 3, 6. Формула *P. R. Q.* объясняется Моммзеномъ иначе, чѣмъ у насъ: *Quirites* прибавлены къ *P. R.* только для спеціализации одного и того же понятія. Противъ этого объясненія однако говоритъ другая формула, обозначающая совокупность римской общины: *populus et plebs* или *populus plebesque*; здѣсь, кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что *pop. Rom.* старая патриціанская община, изъ соединенія которой съ плебеями состоялъ весь народъ. Моммзенъ постарался умалить доказательность второй формулы, прибѣгая къ такимъ казуистическимъ толкованіямъ, которыхъ нельзя не назвать натянутыми (*R. G.* 1, 308).

gini), которое происходитъ изъ *ius gentium*. Возникаетъ однако совершенно позволительный вопросъ, не признать ли *dominium ex iure Quiritium* скорѣе специальнымъ правомъ тѣхъ квиритовъ, которые противопоставались въ древней формулѣ первоначальному *populus Romanus*. Въ такомъ случаѣ право земельной собственности, по примѣру одной части гражданъ, когда-то было распространено на всѣхъ. Мы лично предпочитаемъ это второе возможное объясненіе, потому что благодаря ему получается другая возможность объяснить происхожденіе въ Римѣ частной поземельной собственности и переходъ общиннаго владѣнія въ частное ¹⁾.

Все римское преданіе утверждаетъ согласно, что квиритами собственно назывались сабиняне, народъ Тита Тація. Большинство писателей прибавляетъ, что сабиняне носили это названіе потому, что они пришли изъ города Cures. Слово Quirites такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ писателей, собственно означало жителей Куръ, какъ бы Curites. Другой выводъ былъ, что и квиринальскій холмъ (Quirinalis) свое названіе получилъ отъ тѣхъ же пришельцевъ изъ Куръ. Этимологія эти невѣрны; опроверженіемъ ихъ служить возможность лучшаго словопроизводства, да и тотъ фактъ, что и обитатели города Куръ называли себя не Curites или Quirites, а Curenses ²⁾. Переселеніе цѣлаго народа въ Римъ, кромѣ того, очень невѣроятно; необходимо было бы, чтобы городъ Куры послѣ этого совсѣмъ опустѣлъ. На самомъ же дѣлѣ онъ не только продолжаетъ существовать по прежнему, а даже стоять во главѣ сабинской федераціи. Наконецъ, есть основаніе думать, что древнія редакціи анналовъ не особенно налегали на происхожденіе Тація и его народа изъ Куръ, называя ихъ въ общемъ сабинянами ³⁾. Ложность производства квиритовъ изъ Куръ побудила нѣкоторыхъ критиковъ бросить тѣнь и на преданіе вообще объ особенной связи квиритовъ съ сабинянами, — какъ мы думаемъ, безъ основанія. Достоверность преданія, па-

¹⁾ Для опредѣленія квиритскаго права, какъ извѣстно, особенно важно, какъ судить о дарованіи особеннаго *ius Quiritium* латинамъ въ періодъ императоровъ. Пирегринамъ даруется не *ius Q.*, а *civitas* (Plin. ad Trai. 5, 11), изъ чего можно заключить о какой-то особенноти квиритскаго права. Всего вѣроятнѣе, подъ латинами должно разумѣть такъ-называемыхъ *Latini Iuniani*, не пользующихся правомъ собственности, которое заключалось именно въ *ius Q.* Съ другой стороны юристы, Ульпіанъ и Гай, подъ *ius Q.* разумѣютъ *civitas Romana*.

²⁾ См. Моммзена, *Die Tatiuslegende*, стр. 572.

³⁾ См. Моммзена, стр. 577.

противъ, подтверждается слѣдующимъ простымъ соображеніемъ. Формулою *populus Romanus Quirites* доказывається, что совокупность римской общины составилаь изъ соединенія кореннаго народа римскаго и квиристовъ. Одно старинное и подлинное преданіе съ другой стороны гласило, что римская община составилаь изъ соединенія кореннаго римскаго народа съ сабинянами. Въ виду полной параллельности двухъ одинаково подлинныхъ фактовъ, едва ли возможно сомнѣваться въ тожествѣ квиристовъ и римскихъ *Sabini*. Загадочный элементъ римскаго населенія еще точнѣе опредѣляется показаніемъ, что изъ него образовалась триба Таціевъ. Комбинируя эти три факта, мы выводимъ то заключеніе, что настоящее значеніе римскихъ сабинянъ находится въ тѣсной связи съ организаціею трехъ трибъ. По нашему предположенію, трибы, подобно дорійскимъ филамъ, коренились въ древней формѣ аграрныхъ порядковъ. Поэтому мы питаемъ надежду, что выясненіе сабинскаго вопроса поможетъ намъ съ другой стороны пролить болѣе свѣта и на характеръ трехъ трибъ, особенно же на Таціевъ, трибу Тита Тація.

Подъ трибою рамновъ понимали поселеніе основаннаго Ромуломъ и Ремомъ стараго города, центромъ котораго была укрѣпленная гора Палатинская. Населеніе этого *antiquum orridum Palatinum* (Варронъ *De l. l. 6, 34*) у Ливія ¹⁾ названо *veteres Romani*. Изъ этого стараго центра римской общины потомъ развился позднѣйшій Римъ. Безъ сомнѣнія, триба рамновъ занимала старый городъ и прилегающія къ ней открытыя поля, изъ которыхъ, слѣдуетъ думать, состояла древнѣйшая часть общинной пашни. Имя обитателей *Rampes* слишкомъ близко сходится съ именемъ обитаемаго ими поселенія, чтобы не предположить для нихъ одно общее происхожденіе ²⁾. Судя по переводу слова *Rampes* (*Wald-oder Buschleute*), Моммзенъ его сопоставляетъ съ словомъ *gamus*, что, полагаемъ, приближается къ истицѣ, но не достигаетъ ея. *Rāmus* (ви. *gad-mus*) произведено отъ той-же основы, какъ и *gad-ix* (гр. *ράδιξ* *ράδαμος* *ρόδος*, гот. *vaurts* корень). Сюда относится и показаніе у Феста (р. 258): *quadrata*

¹⁾ 1, 33, 2 circa Palatinum sedem veterum Romanorum.

²⁾ За родство двухъ именъ особенно стоитъ Моммзенъ (*R. G. 1, 43*). Различіе гласной въ *Rampes* и *Romani*, говоритъ онъ, не препятствуетъ ихъ сближенію; то же самое измѣненіе гласной замѣчается еще въ примѣрахъ *pars portio*, *farreum horreum*, *Fabii Fovii*, *vacuus vocivus*. Относительно этимологіи слова *Roma* я, послѣ новаго пересмотра вопроса, болѣе не придерживаюсь предлагаемаго мною въ другомъ мѣстѣ производства (*Zur gōm. Kōnigsgesch. стр. 43*).

roma ante templum Apollinis dicitur, ubi reposita sunt quae solent boni omnis gratia in urbe condenda adhiberi, quia saxo munitus est *initio in speciem quadratam*. Фестъ говоритъ о такъ называемомъ mundus, ямъ покрытой большимъ камнемъ. Въ нее при закладкѣ города и впоследствии клали извѣстныя жертвы. Надъ покрывающимъ камнемъ сооружали груды изъ другихъ камней. Особенно важно то показаніе Феста, что квадратную форму имѣлъ только камень, служившій фундаментомъ всего сооруженія. Названіе roma quadrata, значитъ, относилось къ четырехугольной основѣ ¹⁾. Основаніе, на которомъ зиждется предметъ, подошва горы, фундаментъ стѣны, дома и т. п., въ латинскомъ языкѣ, какъ извѣстно, обозначалось, между прочимъ словомъ radix. Итакъ, если четырехугольную основу, на которой стоялъ mundus, называли roma quadrata, то не слишкомъ смѣло будетъ придать слову roma значеніе „корень, основа“, тѣмъ болѣе что это толкованіе еще подтверждается данными лингвистики. Слово gamnes, gamneses, gamnensis, по видимому, имя прилагательное, производное отъ потеряннаго слова *gamen, значеніе котораго, полагаемъ приблизительно совпадало съ смысломъ словъ roma и radix. Имѣя въ виду, что палатинское поселеніе, называемое Roma, дѣйствительно коренная часть позднѣйшаго города, а занимаемая рамнами земля основная общинная земля, надѣемся, что этимологія наша не встрѣтитъ серьезныхъ возраженій.

Къ коренному населенію Рима, по преданію, присоединялся второй составной элементъ, вторая триба, сабиняне или таціи. О происхожденіи этой трибы позволительно заключать по аналогіи съ дорійской организаціей. Мы видѣли, что дорійскія общины на занятомъ ими пространствѣ, при обиліи земли, оставляли пустопорожнее поле въ запасъ для будущихъ поколѣній и будущаго увеличенія надѣловъ. Въ Римѣ, вѣроятно, было то же самое. Оставалась въ запасъ свободная общинная земля, которая пока служила общимъ выгономъ. На это указываетъ между прочимъ и старое имя квиринальскаго холма

¹⁾ У Діонисія 2, 65 Roma quadrata ἢ τετράγωνος; Ῥώμη употреблена еще въ другомъ смыслѣ. Померій Ромула имѣлъ форму неправильнаго четырехугольника, поэтому у Діонисія городъ Ромула названъ четырехугольнымъ Римомъ. Этими, само собою, нисколько не умаляется достовѣрность Фестова показанія, ничего общаго не имѣющаго съ другою Roma quadrata. Горданъ (Topogr. 1, 1, 168) безъ всякаго основанія презрительно отзывается о драгоцѣнныхъ словахъ Феста, очевидно только потому, что онъ не понялъ ихъ.

Agonensis или *Agonius*, ¹⁾ отъ *agere* гонять скотъ (ср. *ius agendi*, право выгона). На этой землѣ допускались оккупации подѣ известными условіями. Можетъ быть, уже тогда известные роды или отдѣльныя личности пользовались своимъ общественнымъ положеніемъ, вліяніемъ или богатствомъ, чтобы захватывать лишнюю часть общей земли. Захваченные участки, какъ не входившіе въ общее поле, обращались въ собственность захватившихъ или ихъ рода ²⁾. Вслѣдствіе этого образовалось двойное право пользованія землею, какъ и въ Спартѣ и въ другихъ дорійскихъ общинахъ. Старая община сначала, можетъ быть, не имѣла въ осваиваніе земли, а потомъ не могла болѣе препятствовать разѣ установившемуся дѣлу. Наконецъ самозванное право собственности по какому-то поводу признано было общиною, можетъ быть при заключеніи договора, въ силу котораго соединилась коренная община (*populus Romanus*) и отдѣлившаяся отъ нея „сожителѣ“ (*Quirites*) ³⁾. Съ тѣхъ поръ, вѣроятно, право собственности послѣднихъ (*dominium ex iure Quiritium*) было распространено и на прежнихъ общинниковъ.

Съ изложенной точки зрѣнія возможно выкинуть и въ вопросъ о римскихъ Сабинянахъ. Сущность этого вопроса заключается въ

¹⁾ *Festi epit.* p. 10 *Romae mons Quirinalis Agonus (?) et Collina porta Agonensis*. Квиринальскіе саліи (*Salii Collini*) называли себя также *Salii Agonenses* (Варр. *De l. l.* 6, 14). Считаю возможнымъ, что названіе *collis Quirinalis* только приурочено народной этимологіей къ богу *Quirinus*, храмъ котораго находился на холмѣ. Такъ какъ часто перепутывались звуки *k* и *q*, то *Quirinalis* можетъ быть въ родствѣ съ корнемъ *ser-*, отъ котораго происходятъ *Ceres* и *silicernium* (ср. Фика *V. W.* 1,422 *kerkere*—кормить: хорéууот, лит. *szeriù* кормлю, *paszagaas* кормъ, *szèrmenys* похоронный обѣдъ=*silicernium*). Не того же ли происхожденія *locus Ceroliensis* и *Carinae*?

²⁾ Представляя себѣ, по догадкѣ, картину древнѣйшихъ земельныхъ порядковъ Рима, оставленія свободной неразмежеванной общей земли, служившей пастбищемъ, а потомъ захвачиваемой незаконнымъ образомъ частными лицами, мы еще не знали, что эта же картина рисуется съ природы въ ветеранскихъ колоніяхъ Фронтиніумъ (*De controversiis agrorum* pag. 18 Lachm.). Приводимъ его описаніе: *relicta sunt et multa loca quae veteranis data non sunt, haec variis appellationibus per regiones nominantur; in Etruria communalia vocantur, quibusdam provinciis pro indiviso, haec pascuia multi per inpotentiam invaserunt et colunt: et de eorum proprietate solet ius ordinarium moveri, non sine interventu mensurarum, quoniam demonstrandum est quatenus sit adsignatus ager.*

³⁾ Присоединяемся къ мнѣнію Моммзена (*R. St. R.* 3, 5) о близкомъ родствѣ словъ *Quirites* и *curia*. Не думаемъ однако, что прямое производство перваго отъ втораго вѣрно. По примѣру Корссена производимъ и *curia* и *Quirites* отъ предлога *cum* (со-су) и основы *ves* обитать, жить.

томъ, чѣмъ объяснить присутствіе въ Римѣ этихъ Sabini. Составитель первой лѣтописи въ основаніе своего объяснительнаго сказанія положилъ историческую связь римскихъ Sabini съ сабинянами горной страны на границѣ Лация. На основаніи этого убѣжденія, онъ построилъ историческій разказъ о переселеніи сабинянъ въ Римъ. Для мотивировки этого событія онъ воспользовался другимъ этиологическимъ сказаніемъ, о похищеніи сабинскихъ невѣстъ первыми римлянами. Конецъ разказа былъ данъ преданіемъ или признаніемъ о состоявшемся когда-то договорѣ между двумя элементами населенія Рима, древнеримскимъ и сабинскимъ. Для критической оцѣнки всего разказа, на нашъ взглядъ, необходимо руководствоваться методическимъ соображеніемъ, которое изложено нами уже при другомъ случаѣ. Sabinos Рима, изъ которыхъ образовалась триба татцевъ, можно сравнить съ римскими Albani или люцерами. Основаніемъ послужилъ и тутъ старинный темный терминъ, которымъ обозначались члены той трибы, которую болѣе принято было звать *Tatienſis*. Для выясненія этого вопроса ближе займемся словомъ *sabinus*, при чемъ подспорьемъ намъ послужитъ сказаніе о похищеніи сабинянокъ.

Разборъ этого сказанія принадлежитъ къ самымъ блестящимъ результатамъ Шwegлера (R. G. 1, 468). У большинства народовъ бракъ первоначально совершался увозомъ. У многихъ народовъ самый этотъ обычай замѣненъ другими болѣе культурными формами заключенія брака; оставались однако извѣстныя церемоніи, напоминающія старыи обычаи. Къ числу этихъ народовъ принадлежали и римляне. Невѣсту, по римскому свадебному обычаю, вырывали изъ объятій матери и вводили въ домъ жениха. Тутъ брали ее на руки и вносили черезъ порогъ въ комнату. Эти церемоніи столь живо напоминали дѣйствительное похищеніе невѣстъ, что римляне, какъ позднѣйшіе писатели, такъ, вѣроятно, уже болѣе древніе, интересовались узнать, по какой причинѣ римскій бракъ получилъ видъ увоза. Причину подобныхъ старыхъ обычаевъ привыкли искать опредѣленномъ историческомъ происшествіи, по примѣру котораго потомъ будто бы соблюдался обычай. Такимъ образомъ рѣшено было, что основаніемъ свадебныхъ церемоній служилъ историческій примѣръ, настоящее похищеніе первыхъ римскихъ невѣстъ первыми римлянами. Это объясненіе Шwegлера столь убѣдительно, что не нужно было бы ничего прибавлять, еслибы въ немъ не оказывался одинъ важный пробѣлъ, на который особенно мѣтко указываетъ Моммзенъ (*Die Tati-*

legende, стр. 577). Почему похищенные Ромуломъ невѣсты; говорить онъ, выдавались за сабинянокъ, это непостижимо. При географическомъ положеніи Рима всего скорѣе могли бы похитить латинскихъ дѣвицъ. Въ нашемъ преданіи этотъ фактъ ничѣмъ не объясненъ. Ясно однако то, что сочинителю разказа почему-то необходимо было, чтобы похищены были именно сабинянки. Прибавляемъ, что ни у Швеглера, ни у другихъ критиковъ легенды на этотъ вопросъ не дано никакого удовлетворительнаго отвѣта. Послѣ обстоятельнаго разсмотрѣнія вопроса мы остановились на мысли, что причина, почему похищенные невѣсты считались Sabinae, скрыта въ самомъ словѣ этомъ, въ нарицательномъ его значеніи. Отыскать это значеніе, сознаемся, трудно; мы однако рѣшаемся сообщить ту мысль, на которой наконецъ остановились. Въ латинскомъ языкѣ нѣтъ никакого слѣда основы *sab-*, отъ которой можно бы было произвести наше слово. Изъ сродныхъ языковъ сюда относится греч. ἀπτε ἀφί ἀφάσση (осп. (σ)αφ-) касаться чего, хвататься или браться за что, овладѣвать. Принимая въ соображеніе, что въ славянскихъ языкахъ, какъ извѣстно, въ началѣ словъ *s* часто переходила въ *x*, мы считаемъ себя въ правѣ, съ основою *sabn* сблизить также старинное русское слово *хватить*, которое объяснено въ словарѣ Даля „хватать, захватывать, присвоить себѣ“. Въ словѣ *sabipus* къ указываемой нами европейской основѣ *sabn* приставленъ старый индо-европейскій суффиксъ *-po*. Съ тѣмъ же суффиксомъ по русски получилось бы слово „захватный“, къ захвату относящійся. Итакъ, если допустить, что въ нѣкоторыхъ остаткахъ старины, юридической или духовной, въ поговоркахъ, причитаніяхъ или другихъ формулахъ хватаемая, по свадебному чину, невѣсты назывались „захватными“ (*sabinae*), а это слово по недоразумѣнію, весьма понятному, понимали въ смыслѣ „сабинянки“ (*Sabinae*), то восполнился бы пробѣлъ въ разборѣ легенды, оставляемый Швеглеромъ и другими критиками.

Мы указали на возможность, что первая загородная триба, *tribus Tatiensis*, другимъ терминомъ называлась *Sabina*. Еще ранѣе мы рѣшили, что эта триба по всему вѣроятію образовалась путемъ захватовъ свободной общинной земли. Полагаемъ, что по отношенію къ захваченной землѣ поселенцы, составлявшіе трибу, назывались *sabini*, то-есть—*sit venio verba*—„захватниками“. Это толкованіе не менѣе, думаемъ, подходит и къ тѣмъ италійскимъ народамъ, за которыми осталось имя *Sabini*. О сабинянахъ, обитателяхъ Куръ, Реате и Амитерна, сохранилось преданіе, что когда-то они завоевали свою

область, вытѣснивъ оттуда первобытныхъ жителей, аборигиновъ. Самниты же, которые тоже себя называли сабинянами, какъ извѣстно, захватывали одну область средней и южной Италіи за другой. Такъ, думаемъ, и тѣ и другіе могли называться захватителями чужой земли, какъ и римскіе сабиняне.

Возникаетъ теперь вопросъ, почему триба оккупаторовъ еще носила названіе *Tatienses* или, древнѣе, *Tatii*. На значеніе этого темнаго слова намекается въ одномъ преданіи о смерти Тита Тація. Нѣкоторые изъ родственниковъ царя занимались разбоемъ и, по одному разказу, ограбили обитателей лавинской области, по другому же на дорогѣ напали на лавинскихъ пословъ, направлявшихся въ Римъ ¹⁾. Тацій, вмѣсто того, чтобы наказать родственниковъ-разбойниковъ и возмѣстить убытки, отказалъ лавинцамъ, а за это потомъ былъ убитъ послѣдними. У Феста (стр. 360 М.) виновные родственники названы по написанію текста *Titini latrones*, что исправлено О. Мюллеромъ, предлагавшимъ *Tatii latrones*, такъ какъ родственники Тація, вѣроятно, тоже принадлежали къ роду *Tatii*. Показаніе легенды, что однофамильцы Тація занимались разбоемъ, объясняется, если подвергнуть слово *Tatii* лингвистическому разбору. Пужно ли напомнить, что тати — воры, хищники, похитители? Въ древне-кельтскомъ языкѣ встрѣчаемъ *taid* (изъ *tāti*) воръ, въ греческомъ τῆτάω, др. τῆτάω, въ Zendскомъ и санскритскомъ *tauu tauu* воръ. Изъ этихъ данныхъ выводимъ заключеніе, что и въ древне-латинскомъ языкѣ слово *tatius* не чуждо было понятія тайнаго похитителя, вора. Въ названіи *tribus Tatiensis* увѣковѣчился взглядъ староримскихъ общинниковъ на осваиваніе общей земли оккупаторами ²⁾. Очень можетъ быть, что выраженіе *Tatii* сначала было народное, а настоящій офиціальнй терминъ *Sabini*. О политическихъ отношеніяхъ при-

¹⁾ Первый вариантъ встрѣчаемъ у Діонисія 2, 51, второй у Ливія 1, 14 и Плутарха (Ром. 28). Оба варианта согласны въ томъ, что виновниками были родичи Тація и разбойники.

²⁾ На той же почвѣ возникъ и образъ *Metius Curtius*, предводителя сабиняня. *Metius Curtius*—это тотъ *qui metas curtat* „сократитель конечныхъ столбовъ“, то-есть, предѣловъ неразмеженной общинной земли. Этотъ первообразъ „Сабиняня“, захватывавшихъ пустопорожнюю землю римскую, въ исторической легендѣ по созвучію соединенъ съ *Iacus Curtius*, являясь зинимомъ послѣдняго. На самомъ же дѣлѣ *curtius* въ имени *Iacus C.* сравнительная степень имени прилагательнаго *curtus*, древнелатинская форма вмѣсто *curtior*. Онъ сократился изъ большаго болота, когда-то находившагося на мѣстѣ форума (ср. Беккера R. A. 1, 283).

городныхъ селенцевъ къ старогородскимъ мы уже высказались, говоря о теоріи существованія втораго квинринальскаго города, предполагаемаго Моммзенемъ. Мы остановились на томъ, что въ этой теоріи много вѣроятнаго, если только нѣсколько измѣнить ее. Городское населеніе еще до позднѣйшихъ временъ дѣлялось на *montani*, обитателей стараго города, и *ragani*, жителей открытыхъ поселковъ (*ragi*). Въ послѣднихъ невозможно не признавать таціевъ и люцеровъ, такъ какъ *montani* совпадали съ рамнами. Поселенія первыхъ, слѣдовательно, не были городомъ или городами, какими ихъ представлялъ Нибуръ. Этимъ, понятно, не исключается извѣстная самостоятельная коммунальная организація. Мы увѣрены, напримѣръ, что жившіе въ пригородныхъ поселкахъ селенцы имѣли свое укрѣпленное убѣжище отдѣльно отъ палатинскихъ гражданъ, на высотѣ Капитолійской горы. Этимъ по крайней мѣрѣ объяснилось бы существованіе въ Римѣ двухъ крѣпостей (*arces*) и преданіе о занятіи Капитолія сабинянами. У подошвы горы находилось сборное мѣсто пригорода, которое потомъ было комиціемъ соединенной общины. Стоявшая у этой площади старая курія называлась *curia Hostilia*, въ память ея прежняго назначенія. Въ разборѣ легенды о Туллѣ Гостилиѣ мы постараемся еще подкрѣпить доводами, что *Hostili* было другимъ именемъ пригороднаго населенія, соединившагося съ старымъ городомъ. Имя *Hostilii* (отъ *hostile* = *aequare*), „уравненные“, вполне подходитъ къ преданію о договорномъ уравненіи правъ сабинянъ съ римлянами. Изъ сліянія городской и пригородной общинъ возникъ тотъ новый расширенный Римъ, который мы встрѣчаемъ въ историческомъ вѣкѣ.

Изъ разсмотрѣнія вопроса о трехъ трибахъ мы получаемъ приблизительно такую картину древнѣйшаго Рима: на Палатинской горѣ и въ прилегающихъ къ ней мѣстахъ лежалъ укрѣпленный городъ, окруженный предмѣстьями и общими полями горожанъ. Городскіе поселенцы образовали коренную часть общины, трибу рамновъ. На сѣверозападѣ отъ центра находилась запасная общественная земля, служившая настищемъ (*collis Agonius, Quirinalis*), на сѣверовостокѣ былъ общественный лѣсъ. Съ возрастаніемъ числа гражданъ допущена была оккупация незанятой до тѣхъ поръ земли и расчищеніе лѣса. Такимъ образомъ со временемъ и та, и другая загородная часть общественной земли была занята населеніемъ, которое, смотря по мѣсту и по правамъ пользованія землею (захвату или рощиста), распределялось въ двѣ трибы, трибу сабинянъ (захватныхъ) или таціевъ (похитителей) и трибу албановъ или люцеровъ (оби-

тателей рожистей). Несмотря на нѣкоторую разницу двухъ трибъ между собою, онѣ, въ противоположность къ городскимъ рамнамъ, были соединены общимъ условіемъ загороднаго жительства. Въ зародышѣ мы видимъ предъ собою то дѣленіе римскихъ гражданъ на городскихъ (*montani*) и сельскихъ (*pagani*), которое еще извѣстно было во время Цицерона. Обособленное и выдѣлившееся изъ городской общины пригородное населеніе, вѣроятно, построило, по давнишнему примѣру старыхъ поселенцевъ, для защиты открытыхъ полей и селеній, свое укрѣпленное мѣсто убѣжища (*agx*), на Капитоліѣ. На подошвѣ горы образовалось мѣсто, куда, вѣроятно, загородные жители стали собираться на совѣщанія. Такимъ образомъ образовалось поселеніе, носившее въ себѣ зародышъ втораго города. Неприязненные отношенія двухъ общинъ, городской и пригородной, наконецъ, кончились примиреніемъ, уравниеніемъ всѣхъ гражданъ и слияніемъ ихъ въ одинъ общій городъ. Память о прежней обособленности пригороднаго населенія сохранялась, вѣроятно, въ духовномъ преданіи.

Къ остаткамъ духовной традиціи мы причисляемъ и легенду о Титѣ Таціѣ. Невозможно признать въ этомъ легендарномъ царѣ олицетвореніе сабинскаго или какого бы то ни было элемента римскаго населенія, существовавшего дѣйствительно или только въ воображеніи римлянъ. Олицетвореніе или воплощеніе историческихъ періодовъ или отдѣльныхъ событій вовсе не въ духѣ античныхъ мифовъ. Чисто историческіе моменты внесены исключительно только позднѣйшею историческою обработкою. Историческая роль Тита Тація совпадаетъ съ мнимою исторіею переселенія сабинянъ въ Римъ. Въ качествѣ царя онъ предводительствуетъ ими въ войнѣ противъ Ромула и примиряется съ нимъ. Все это выведено изъ его царской должности первымъ составителемъ исторіи царей. Другими словами, историческая роль царя принадлежитъ къ послѣднему наслоенію преданія. Въ той же традиціи есть другія извѣстія о Титѣ Таціѣ, необъяснимыя изъ исторической роли его. Шwegлеръ въ отношеніи къ нимъ воздержался отъ всякой попытки объясненія, а ученые, запявшіеся послѣ Шwegлера критикою легенды, Моммзенъ, Нице и Кулаковскій, совершенно почти обходятъ ихъ молчаніемъ. Мы считаемъ первою обязанностью критики обращать вниманіе на эти заброшенные частички древнѣйшей формы легенды и пытаться рѣшить, не замѣтна ли между ними нѣкоторая опредѣленная связь. Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ взгляда на источники древнѣйшаго слоя преданія. Вы-

ходя изъ предположенія, что первымъ источникомъ легенды какъ о близнецахъ, такъ и о Титѣ Таціѣ было одно духовное сказаніе, традиція одной духовной коллегии, мы остановились на слѣдующихъ пунктахъ соприкосновенія легенды съ сакральными древностями: 1) По преданію, Титъ Тацій построилъ свой домъ in arce, на сѣверной возвышенности Капитолійской горы ¹⁾. Это мѣсто служило обсерваторією авгуровъ. Тутъ находился домъ авгуровъ, auguraculum, изъ котораго они въ тихія ночи и утра производили свои наблюденія ²⁾. 2) Титъ Тацій, по преданію, построилъ маленькую святищу богини Стреніи или Стренуи ³⁾. Эта святища играла нѣкоторую роль въ церемоніалѣ авгуровъ. У нея кончалась та часть „священной дороги“ (Sacra via), по которой шли авгуры, отираваясь съ Капитолія для совершенія явивацій ⁴⁾. 3) Титъ Тацій на Капитоліѣ устроилъ поклоненіе Термину, богу-защитнику границъ. Кромѣ алтаря Термина сабинскій царь, согласно преданію, на Капитоліѣ учредилъ еще святища одиннадцати другихъ божествъ, но онѣ исчезли. ихъ будто бы удалилъ царь Тарквиній при постройкѣ храма Юпитера. Термина удалить не удалось; онъ чудеснымъ образомъ удержался на своемъ мѣстѣ и остался такимъ образомъ единственнымъ священнымъ памятникомъ Тита Тація ⁵⁾. Поклоненіе Термину близко касалось авгуровъ. Они по обязанности не только занимались проведеніемъ священныхъ предѣловъ, но въ древнѣйшія времена, будучи первыми землебрами ⁶⁾, они считали своимъ дѣломъ размежеваніе и разграниченіе полей и установленію всякихъ граней. Границы отиѣчались межевыми столбами (termini), въ образѣ которыхъ изображался самъ Терминъ, богъ границъ. 4) Титъ Тацій, по преданію, въ Лавиніѣ приносилъ торжественную

¹⁾ Солянъ, стр. 10 изд. Моммзена: ceteros reges quibus locis habitaverunt dicemus. Tatius in arce, ubi nunc aedes est Junonis Monetae. Преллеръ (R. M. 2, 352) выражается такъ: T. Tatius wohnt als sabinischer Priesterkönig und Augur auf der Arx.

²⁾ Fest. p. 18 Auguraculum appellabant antiqui, quam nos arcem dicimus, quod ibi augures publice auspicarentur. Сл. Марквардта R. St.—V. 3, 399.

³⁾ Симахъ, Epist. 10, 28 (55), см. Преллера R. Myth. 2, 234.

⁴⁾ Варронъ, De l. l. 5, 46 hinc oritur caput sacrae viae ab Streniae sacello, quae pertinet in arcem, qua sacra quotquot mensibus feruntur in arcem et per quam augures ex arce profecti solent inaugurarare.

⁵⁾ Ливіи 1, 55 ср. Варронъ De l. l. 5, 74. Дион. 2, 50.

⁶⁾ Рудорфъ, D. Röm. Feldmesser 2, 320; Писсеуъ, Templum, стр. 8; Марквардтъ R. St.—V. 3, 408.

ежегодную жертву отъ имени римскаго народа (Швеглеръ R. G. 1, 516). Эти *sacra publica populi Romani deum Penatium quae Lavinii fiunt*, совершались однимъ изъ авгуровъ ¹⁾. 5) Тита Тація похоронили на Авентинской горѣ, а надъ могилою ежегодно приносили жертву ²⁾. Авентинская гора въ учении авгуровъ почему-то считалась зловѣщей. Для объясненія этого вѣрованія, по мнѣнью Швеглера (R. G. 1, 439), служило сказаніе, что съ Авентинской горы Ремъ произвелъ свои несчастливныя ауспиціи и на ней же былъ похороненъ. Могила Тація, можетъ быть, помѣщалась на Авентинѣ по той же причинѣ, для объясненія авгурскаго ученія о недобромъ предзнаменованіи горы.

Сказаніе о смерти Т. Тація представляетъ значительныя затрудненія, разобраться въ которыхъ, по мнѣнью Швеглера, нѣтъ болѣе возможности. Въ основаніе мѣта, говоритъ онъ (R. G. 1, 521), очевидно легли такія религиозныя понятія, которыя сдѣлались непонятными позднѣйшимъ римлянамъ. Религиозную подкладку преданія отчасти можно угадать благодаря показанію Ливія (1, 14, 3): *ut tamen expiarentur legatorum iniuriae regisque caedes, foedus inter Roman Laviniumque urbes renovatum est*. Договоръ этотъ возобновлялся, начиная съ 340 г. до Р. Хр., ежегодно черезъ 10 дней послѣ латинскихъ ферій (Лив. 8, 11, 15). Очистительные обряды, на которые намекаетъ Ливій, играли столь важную роль, что наконецъ все возобновленіе лавинскаго договора совершалось по указаніямъ сивиллинскихъ книгъ (сл. надпись времени императора Клавдія С. I. L. X 797, гдѣ упоминается одинъ *pater patratus populi Laurentis foederis ex libris Sibullinis percutiendi cum populo Romano*). О совершеніи извѣстныхъ *καθαρμοί* свидѣтельствуетъ еще Плутархъ (Ром. 24). Ромуль хотѣлъ было оставить безъ послѣдствій вину и Тація и Лавинцевъ. Тогда на Римъ и Лавинію обрушились разныя бѣдствія. Эти знаки божескаго гнѣва побудили царя произвести очищеніе двухъ городовъ, а очистительные обряды эти, прибавляетъ Плутархъ, по свидѣтельству историковъ, продолжаютъ еще до сихъ поръ у Ферентійскихъ воротъ (*καὶ καθαρμοὶς ὁ Ρωμύλος ἤγγισε τὰς πόλεις, οὗς ἔτι νῦν ἰστροδοῖεν ἐπὶ τῆς Φερεντίνης πόλης συντελεῖσθαι*). Итакъ, изъ соединенія извѣстій Ливія и Плутарха явствуетъ, что преданіе объ убіеніи Тита Тація тѣсно связано съ извѣстными очистительными обрядами

¹⁾ Ascon. in Cic. Scaur. p. 18 K.-Sch. Объ этомъ мѣстѣ Швеглеръ (R. G. 1, 318) и Маривардтъ (R. St.—V. 3, 252).

²⁾ Швеглеръ R. G. 1, 516.

(*καθάρσις, piacula*), совершаемыми при возобновленіи древняго договора между Римомъ и Лавиніемъ. На сущность этихъ обрядовъ проливается, думаемъ, немного свѣта изъ показанія Лицинія Макра у Діонисія (2, 52) о побіеніи Тація камнями. Преданіе это оставлено безъ объясненія всѣми критиками легенды; несомнѣнна заслуга Кулаковскаго, что онъ первый обратилъ на него вниманіе и постарался его объяснить. Интерпретація эта однако кажется намъ неудовлетворительной и очевидно не сдѣлана *lege artis interpretandi*. Побіеніе камнями, говоритъ Кулаковскій (Къ вопр. о нач. Р., стр. 99), поддается археологическому объясненію. Археологической наукой выяснено, что автохтоны, обитавшіе въ Лациі до пришествія туда итальянцевъ, употребляли каменное оружіе. Убіеніе Тація камнями воспоминаніе о томъ, что автохтоны Лациа оказывали сопротивленіе итальянцамъ при помощи такого оружія, особенно при помощи стрѣлъ изъ кремня, какія были находимы на почвѣ Лациа, также какъ и въ другихъ мѣстахъ Италиі. Искусственность этого археологическаго объясненія едва ли нуждается въ доказательствахъ. Камнями бросаются люди и нынѣ, а никто, вѣроятно, не подумаетъ, чтобы это дѣлалось изъ подражанія кремневымъ стрѣламъ каменнаго вѣка. Для объясненія преданія о побіеніи Тація камнями мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе на интересную статью Бернгарда Шмидта (въ *Jahrb. für Philologie* 1893, стр. 369 сл.: *Steinhaufen als Fluchmale, Hermeshelligtümer und Grabhügel in Griechenland*). Авторъ собралъ множество примѣровъ обычая складывать камни въ знакъ всенароднаго проклятія. Если кто-нибудь провинился противъ всего общества, напримѣръ, измѣною, поджогомъ, распространеніемъ повальной болѣзни и т. п. причинилъ общее бѣдствіе, то на мѣстѣ, гдѣ было совершено преступленіе или въ какомъ-нибудь общедоступномъ пунктѣ, напримѣръ, на перекресткахъ, или же на могилахъ виновнаго складывается нѣсколько большихъ камней. Каждый проходящій потомъ прибавляетъ новый камень, приговаривая *ἀνάθεμά σου*, „будь онъ проклятъ“. Безъ сомнѣнія, говоритъ Шмидтъ (стр. 373), это бросаніе камней символика настоящаго избіенія камнями, такъ какъ этимъ родомъ казни какъ разъ принято было наказывать виновныхъ по отношенію ко всему обществу, напримѣръ, измѣнниковъ, не только въ древней Греціи, но и въ другихъ странахъ. Символическое избіеніе камнями и совмѣстное проклятіе также встрѣчается, кромѣ грековъ, и у другихъ народовъ, между прочимъ указано Шмидтомъ и на одинъ слѣдъ существованія подобнаго обычая у древнихъ итальянскихъ

пародовъ. У насъ поэтому явилась мысль, что и мнѣ объ избіеніи камнями Тита Тація вызванъ подобнымъ символическимъ обрядомъ, въ старину соблюдавшимся при обычномъ возобновленіи договора между Римомъ и Лавиніемъ. Тацій, по преданію, убивается въ наказаніе за нарушеніе этого договора. Не придуманъ ли, спрашиваемъ, этотъ разказъ для перваго историческаго примѣра обычая, предавать символическому избіенію камнями и проклятію воображаемаго нарушителя договора, при чемъ этотъ послѣдній одновременно служилъ отпустительной или очистительной жертвою? Для отвѣта мы можемъ сослаться на аналогію обрядовъ, соблюдаемыхъ феціалами при скрѣпленіи договоровъ. Старшій жрецъ, *pater patratus*, сначала читалъ въ слухъ текстъ договора, затѣмъ обращался съ молитвою къ Юпитеру, кончая словами: „если римскій народъ первый съ худымъ замысломъ отложится отъ договора, то въ тотъ день ты, Юпитеръ, побей римскій народъ, какъ я здѣсь сегодня побью эту свинью“ (*Лив. 1, 24, 7, tum illo die Iuppiter p. R. sic ferito, ut ego hinc porcum hic hodie feriam*). Потомъ жрецъ убивалъ свинью, обычную жертву при скрѣпленіи договоровъ, камнемъ. Священные камни, употребляемые для этого (*lapides silices*), сохранялись въ храмѣ Юпитера Ференція, то-есть, „побивающаго“ (отъ *ferire*). Юпитеръ, надѣялись, подобно жрецу, убивающему камнемъ свинью, будетъ убивать камнями виновныхъ въ нарушеніи договора. Поэтому и камень при скрѣпленіи договора служилъ символомъ Юпитера (*Jupiter Lapis*) и этому камню даже приносили присягу. Символическому дѣйствию битія камнями римляне придавали настолько важности, что по этому установились термины *ferire, icere, percutere foedus*, то-есть, „бить договоръ“. Обрядовое убиваніе жертвы камнемъ и въ этомъ случаѣ не миновало археологическаго объясненія, въ наукѣ чуть не установился уже, какъ несомнѣнный, фактъ, что употребленіе камня остатокъ каменнаго вѣка, что совершенно несправедливо. Гораздо проще видѣть въ этомъ обрядѣ остатокъ обычая избіенія камнями виновныхъ въ нарушеніи договора. Людей виновныхъ, которыхъ надлежало убивать для примѣра, по обыкновенію замѣняли животными. Не сомнѣваемся, что и воображаемое избіеніе камнями Тита Тація, нарушившаго будто договоръ, просто сводится къ совершенію подобнаго же стариннаго обряда при ежегодно возобновляемомъ заключеніи договора между Римомъ и Лавиніемъ. По какой причинѣ этиологія избрала именно его для перваго историческаго примѣра, это трудно понять, за неимѣніемъ у насъ фактическихъ данныхъ относительно

нѣшней обстановки обряда. По словамъ Плутарха, вся церемонія совершалась близъ воротъ, называемыхъ имъ ἡ Φερεντινῆ πόλις. Существованіе такихъ воротъ по единодушному приговору отвергнуто почти всѣми современными учеными, на томъ единственномъ основаніи, что porta Ferentina не встрѣчается ни у какого другаго писателя. Слово πόλις поэтому замѣняютъ или словомъ ὄλις или πηγής, приурочивая такимъ образомъ загадочныя ворота къ lucus Ferentinae или carut aquae Ferentinae у Альбы-Лонги, гдѣ происходили собранія латинскихъ союзныхъ городовъ. Но вонервыхъ, ὄλις никогда, кажется, не обозначаетъ священной роши, lucus равняется слову ἄλος. Повторныхъ, если должно придавать рѣшающее значеніе молчанію другихъ автору, то придется вспомнить, что вся римская литература также молчитъ о возобновленіи лавинскаго союза въ такомъ, кажется, довольно неподходящемъ мѣстѣ, какова албанская мѣстность ad carut Ferentinae. Втретьихъ, молчаніе авторовъ о porta Ferentina ничего въ сущности не значить, такъ какъ существованіе и другихъ воротъ засвидѣтельствовано только однимъ авторомъ. Укажемъ для примѣра на porta Piacularis у Феста (стр. 213, Piacularis porta appellatur propter aliqua piacula, quae ibidem fiebant). Очень можетъ быть, что молчаніе авторовъ о тѣхъ и другихъ воротахъ объясняется просто тѣмъ, что это рѣдкія, жреческія или народныя имена какихъ-то воротъ, обыкновенно называемыхъ другими именами. Въ виду того, что у Ferentina совершались καθαρμοί, то-есть, piacula, Фестова porta Piacularis можетъ быть тождественна съ Ferentina. Вѣроятно, подъ ними нужно разумѣть одну изъ авентинскихъ воротъ. Съ Авентина начиналась via Ostiensis, которая вела и въ Лавинію; мѣсто передъ авентинскими воротами (porta Raudusculana?) хорошо подходило къ совершенію около нихъ обряда, одинаково относившагося къ Риму и Лавинію. Замѣтимъ для подкрѣвленія достовѣрности Плутарха, что имя porta Ferentina легко производится отъ ferire, sc. focus. Недалеко, можетъ быть, отъ этихъ воротъ находилось Lauretum съ мнимой могилой Тація. Мѣсто несчастливаго авенция Рема опредѣлялось большимъ камнемъ (moles nativa у Овид. Fast. 5, 149), такъ называемымъ saxum sacrum (Овид. указ. м. и Циц. р. dom. 53), вѣроятно служившимъ знакомъ для ориентировки авгуровъ. Подобный же знакъ, искусственное каменное сооруженіе, могло считаться могилою Тація, странная форма которой опять могла навести на мысль связать ее съ обрядомъ бросанія камней, соблюдаемомъ при заключеніи союза съ Лавиніемъ.

6) Имя Titus Tatius подходит къ авгурской дѣятельности. Слово titus въ лексиконѣ Феста производится отъ tueor ¹⁾. Лексикографъ ссылается на tituli, названіе солдатъ (защитники). Можно бы указать и на другое слово titulus, мѣтка, надпись для защиты собственности (сл. нѣм. Schutzmarke). Со стороны латинской фонетики этимологиѣ Феста едва ли встрѣтить противорѣчія. Изъ tuit-us (отъ интенсивнаго глагола tuitare?) могло произойти titus titulus, какъ напримѣръ, flo изъ fuio, или pius изъ piuis. Основное значеніе глагола tuor, tueor—смотреть, наблюдать, затѣмъ—смотреть, присматривать за кѣмъ-нибудь, стеречь, защищать. Итакъ, если производить слово titus отъ кореннаго значенія глагольной основы, тогда оно означало „смотритель, наблюдатель“. Это имя, какъ нельзя лучше, подобрано къ главной обязанности авгуровъ ²⁾.

Большинство біографическихъ данныхъ, которыя сохранились въ преданіи о Титѣ Таціѣ, какъ, надѣмся, видно будетъ изъ нашихъ сближеній, имѣетъ какое-нибудь отношеніе въ этиологиѣ дѣятельности авгуровъ. Безъ сомнѣнія, эти данныя вошли въ царскую исторію изъ этиологической легенды жрецовъ. Образъ Тита Таціа оказывается похожимъ на образы Фертора Резія, мионческаго основателя права феціаловъ, или на Ромула и Рема, легендарныхъ учредителей двухъ отдѣленій коллегіи луперковъ. Мы не задумывались бы признать Тита Таціа такимъ-же мионческимъ основателемъ коллегіи авгуровъ, если бы насъ не останавливали нѣкоторыя затрудненія. Въ преданіи учрежденіе авгурской коллегіи приписыва-

¹⁾ Festi epit. p. 365. Tituli milites appellantur quasi tutuli, quod patriam tuerentur, unde Titi praenomen ortum est.

²⁾ Къ наблюденіямъ авгуровъ примѣняется глаголъ tueor Варрономъ (De l. l. 7, 7) quaqua tuiti erant oculi, a tuendo primo templum dictum; quocirca coelum qua tuimur dictum templum. Для полноты приводимъ нѣсколько другихъ попытокъ объясненія имени Titus Tatius. Ваничекъ (Gr.-Lat. Etym. Wörterbuch 1, 281) производитъ его отъ tata „тата“ T. Tatius, по его переводу der väterliche Titus d. i. Titus, der Vater, Ahn der Tities. И. В. Петушиль (Записки Харьковского университета 1893, кн. 1, стр. 18) переводитъ titus „уважаемый“, очевидно думая о греческомъ τίω τίωσ δὲ τιτοσ; и т. п. Это сближеніе однако рѣшительно невозможно по причинѣ фонетики. Тіω происходитъ отъ индоевропейскаго qeio (сл. санскритскомъ cau). Переходъ звука q въ t, свойственный греческому языку, въ латинскомъ безъ примѣра (ср. τίς, τέτταρες, τελέθω и quis quattuor, colo). Если потребуется греческая аналогія, укажемъ на слово τ.τάνις (изъ τ.τ.τάνις;), основное значеніе котораго, вѣроятно, было „защитникъ“, что слѣдуетъ изъ выраженія τ.τάνις βράν или καλέιν въ смыслѣ „звать защитниковъ“.

лось не Титу Тацію, а Ромулу или Нумѣ ¹⁾. Первое мнѣніе отправлялось отъ мысли, что ни одно важное государственное дѣло не могло совершаться безъ авспіція, слѣдовательно и основаніе города совершилось *auspicato*. Поэтому и Ромуль и Ремъ сами считались авгурами, и по одному мнѣнію, не нуждались вслѣдствіе этого въ коллегіи авгуровъ, которое слѣдовательно основано было Нумою. По мнѣнію же Цицерона, Ромуль послѣ основанія города считалъ учрежденіе авгуровъ необходимымъ для государства. Изъ этого видно, что объ основаніи коллегіи авгуровъ не было, собственно говоря, никакого твердаго преданія, а историки рѣшали этотъ вопросъ по своимъ личнымъ соображеніямъ. Тѣмъ менѣе конечно мы имѣемъ права, въ Титѣ Таціѣ видѣть традиціоннаго или легендарнаго основателя коллегіи авгуровъ. Второю помѣхою служить эпитетъ *Tatius*, въ которомъ, безъ сомнѣнія, отражается какое-то особенное отношеніе къ трибѣ Таціевъ. Къ тому-же сводится и „сабинское“ его царство. Цицеронъ и Ливій пишутъ, что первые авгуры брались по одному изъ трехъ трибъ, чѣмъ и объясняются Ливіемъ позднѣйшія числа авгуровъ, шесть и девять ²⁾. Это могло бы навести на мысль, что *Titus Tatius*, „наблюдатель Таціевъ“ представляетъ первообразъ особыхъ авгуровъ трибы Таціевъ. Показанія Цицерона и Ливія однако, очень вѣроятно, только остроумная догадка для объясненія необыкновеннаго нечетнаго числа авгуровъ. Въ виду этихъ затрудненій необходимо отказаться отъ мысли сближенія Тита Тація съ общеримскою коллегіею авгуровъ (*augures publici populi Romani Quiritium*), тѣмъ болѣе что преданіе ему приписываетъ основаніе другой жреческой коллегіи, *sodales Titii*.

Товарищество Таціевъ одно изъ самыхъ загадочныхъ явленій въ исторіи римскихъ жречествъ. Въ чемъ состояли обязанности этихъ жрецовъ, объ этомъ въ дошедшихъ до насъ источникахъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Светоній (Окт. 31) разказываетъ, что Августъ возстановилъ нѣкоторые давно забытые обряды, которые совершались Таціями въ прежнія времена. Светоній не сообщаетъ, въ чемъ за-

¹⁾ Цит. de rep. 2, 9, 16 *Romulus—quod principium rei publicae fuit, urbem condidit auspicato, et omnibus publicis rebus instituendis qui sibi essent in auspiciis ex singulis tribubus singulos cooptavit augures. Liv. 4, 4, 2 pontifices augures Romulo regnante nulli erant, ab Numa Pompilio creati sunt.*

²⁾ Цит. 2, 9, 16; Liv. 10, 9, 2 *ut tres antiquae tribus Ramnes Titienses Luceres suum quaeque augurem habeant, aut, si pluribus sit opus, pari inter se numero sacerdotes multiplicant.*

ключались эти старые обряды, но отчасти можно угадать отъ на основаніи одного извѣстія Тацита ¹⁾). Тиберій послѣ смерти Августа основалъ новую *sodalitas* жрецовъ, Августаловъ, ставя имъ въ обязанность завѣдывать культомъ Августа и всего царствующаго дома, по примѣру Ромула, назначившаго особенныхъ жрецовъ для поклоненія умершему царю Тацію. По этой официальной легендѣ, подготовленной, вѣроятно, уже Августомъ при реставраціи коллегіи Тиціевъ, назначеніемъ послѣдней было почитаніе памяти Тита Тація. Показаніемъ Діонисія ²⁾ подтверждается фактъ ежегоднаго приношенія заупокойныхъ жертвъ Титу Тацію, къ тому же эти жертвы были *sacra publica*. Кто приносилъ эти жертвы, Тиціи ли или другіе *sacerdotes publici*, не сказано Діонисіемъ. Невѣрность официального толкованія служебныхъ обязанностей Тиціевъ едва ли подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что самъ же Тацитъ въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ о совершенно другомъ назначеніи коллегіи. Цѣль коллегіи по этому другому, нетенденціозному показанію, было заботиться о сохраненіи сабинскихъ священнхъ учрежденій (*retinendis Sabinorum sacris*) ³⁾. Къ счастью, изъ одной случайной замѣтки Варрона ⁴⁾ достаточно полно выясняется настоящій характеръ загадочной коллегіи. Изъ нея выходитъ, что Тиціи, подобно авгурамъ, занимались наблюденіями полета птицъ (*auguria*). Къ этой обязанности ихъ подходит и имя *titius*, которое, наравнѣ съ именемъ *Titus*, производится отъ *tueog*, или интензивной формы *tulto*. Суффиксъ *ius* служитъ знакомъ дѣйствующаго лица (*nomen agentis*), на примѣръ, *gen-ius*, *lud-ius*, *soc-ius*, *luscip-ius*. Эти „наблюдатели“ были особенный видъ авгуровъ ⁵⁾. Имъ было поручено сохраненіе „сабинскихъ“ *sacra*. По остро-

¹⁾ Hist. 2, 95 *Augustales—quod sacerdotium, ut Romulus Tatius regi, ita Caesar Tiberius Iuliae genti sacrauit.*

²⁾ Діонисій, 2, 52 *ἑκάστου δὲ εἰς Ῥώμην κομισθεὶς ἐντίμῳ τρυφῇ καὶ χάρις αὐτῷ καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν ἢ πόλις ἐνταλεῖ δημοσίας.*

³⁾ Tacit. Ann. 1, 54 *Idem annus novas caerimonias accepit addito sodalium Augustalium sacerdotio, ut quondam T. Tatius retinendis Sabinorum sacris sodales Titios instituerat.*

⁴⁾ De l. l. 5, 88 *Sodales Titii dicti... quas in auguriis certis observare solent.* Пропущенныя въ рукописяхъ слова дополняются обыкновенно, по догадкѣ Помпонія Лэта: *ab titiis avibus*, по предложенію же Шпенгеля *ab avibus titian-tibus*, то-есть, Тиции названы по чирикающимъ птицамъ, которыхъ имѣють обыкновеніе наблюдать при извѣстныхъ авгурияхъ.

⁵⁾ Прехлеръ (R. M. 1, 352): *auch die Sodales Titii bezogen sich speciell auf das Augurenwesen.*

умному толкованію Моммзена ¹⁾, у пригородной общины, такъ называемой сабинской или Таціевой, вѣкогда были свои отдѣльные авгуры, свой порядокъ авспицій (*Auspicienordnung*). Чтобы не мѣшать счастливому продолженію этихъ авспицій при сляніи общинъ оставили авгурскую коллегію Тиціевъ, съ тѣмъ чтобы они заботились о сохраненіи и возобновленіи старыхъ сабинскихъ авспицій и инавгурацій. Со временемъ все болѣе изглаживались прежнія особенности Таціевъ. и отдѣльныя засга ихъ со временемъ теряли

¹⁾ Римскіе авторы подъ *Sabinorum* засга понимали культъ двѣнадцати божествъ, перечисляемыхъ Варрономъ (*De l. l. 5, 74*) съ ссылкою на *apud*, вѣроятно Эниія. затѣмъ Діонисіемъ (2, 50) и блаженнымъ Августиномъ (*Civ. D. 4, 28*). Въ этомъ спискѣ не встрѣчаются нѣкоторые изъ важнѣйшихъ божествъ сабинскихъ, извѣстныхъ по другимъ источникамъ, напримѣръ, Санкъ, Минерва и Феронія. За то въ спискѣ есть такія божества, которыя безъ сомнѣнія издремале чтились латинами, напримѣръ, Сатурнъ, Онеъ и Діана, и которыхъ, слѣдовательно, вовсе не нужно было вводить отъ сабинянъ (ср. Шлегхера *R. G. 1, 249* и Моммзена *R. G. 1, 55*). Сабинское происхожденіе двѣнадцати божествъ поэтому становится крайне сомнительнымъ. Оно, вѣроятно, только выведено заключеніемъ изъ мнимой сабинской національности Тита Тація, которому по подлинному преданію, должно быть, приписывалось основаніе этихъ двѣнадцати культовъ. О характерѣ поклоненія этимъ божествамъ, по видимому, не имѣлось никакихъ твердыхъ данныхъ. Ливій (I 55) говоритъ о настоящихъ храмахъ (*templa sacellaque*), основанныхъ на Капитоліѣ Таціемъ и уничтоженныхъ затѣмъ Тарквиніемъ; Варронъ, а кажется и Діонисій, довольствуются предположеніемъ двѣнадцати жертвенниковъ (*agae, βωμοί*). Но на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, ни храмовъ, ни жертвенниковъ никогда не было, а разказъ Ливія вымышленъ для того, чтобы объяснить фактъ поклоненія на Капитоліѣ одному только Термину, а не остальнымъ. Преданіе о культѣ двѣнадцати божествъ, учрежденномъ Титомъ Таціемъ, не могло конечно быть выдуманно безъ извѣстнаго основанія. Сочетаніе „сабинскихъ“ божествъ напоминаетъ собою подобныя сочетанія, принятія въ такъ называемыхъ *precatioes*. У Цицерона (*De r. p. 3, 20, 52*) и Феста (р. 161 *Marspedis*) цитуются двѣ такія *augurum precatioes*, а Сервій (*Ad. Aen. 12, 176 precatio autem maxima est, cum plures deos quam in ceteris partibus auguriorum precantur, eventusque rei bonae poscitur*) упоминаетъ еще объ одной *precatio maxima* авгуровъ, которая, вѣроятно, произносилась при такъ называемомъ *augurium Salutis* (Марквардтъ *R. St. V. 3, 407*). *Augurium Salutis*, какъ извѣстно, совершалось и ежегодно, и въ особенныхъ случаяхъ, напримѣръ по данному въ сраженіи обѣту полководца (Марквардтъ, 3, 377). Не случайно, можетъ быть, и Титъ Тацій по преданію основалъ культъ двѣнадцати божествъ по обѣту, данному во время сраженія. Считаемъ возможнымъ высказать догадку, что божества Тита Тація явлечены изъ одной авгуроской *precatio*, — думаемъ, авгуросъ-тиціевъ.

²⁾ Die Tatiuslegende, стр. 583.

свое значеніе. Такъ объясняется и странное бездѣйствіе коллегіи Тиціевъ.

Итакъ, мы полагаемъ, что Titus Tatius, „наблюдатель Таціевъ“, вымышленный эпонимъ или легендарный царь-основатель авгуровъ, только не общеримской коллегіи, а особыхъ авгуровъ Сабинянъ или Таціевъ, коллегіи Тиціевъ. Весь образъ его и имя и дѣянія придуманы для этиологическаго объясненія разныхъ имѣвшихся на лицо фактовъ, относящихся къ служебной обстановкѣ авгуровъ, но не общеримской коллегіи, а бывшей отдѣльной авгурской коллегіи пригороднаго поселенія, за которой установилось имя *Sodales Titii*. Не даромъ этиологическіе моменты, изъ которыхъ составлена короткая біографія мнимаго царя, болѣе или менѣе ясно относятся къ священнымъ мѣстностямъ, когда-то лежавшимъ вѣдъ предѣловъ стараго города, какъ-то Капитолій, священная дорога и Авентинъ. Къ старой жреческой легендѣ, первому слою преданія, прибавилась, вторымъ слоемъ, историческая легенда, въ которой рисуется картина переселенія сабинскаго царя съ его народомъ въ Римъ. Соправителемъ Ромула онъ сдѣланъ, вѣроятно, потому, что по мнѣнію перваго составителя царской исторіи учрежденіе трехъ трибъ произошло одновременно, на первыхъ порахъ существованія римскаго государства. Какъ основаніе палатинскаго города по необходимости совершилось *inaugurato*, а поэтому перваго царя и основателя, Ромула, объявили первымъ римскимъ авгуромъ, такъ на оборотъ, изъ необходимости особенной инаугураціи „сабинскаго“ поселенія, при самомъ же основаніи, вывели заключеніе, что основателемъ пригороднаго поселенія былъ первый авгуръ таціевъ или сабинянъ, Титъ Тацій

А. Эрманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ΑΜΥΔΡΟΙΣ ΓΡΑΜΜΑΣΙ (ΘΥΚΙΔ. VI 54).

Θυκιδидъ сообщаетъ, VI 54, что младшій Писистратъ, внукъ тирана Писистрата, поставилъ въ Афинахъ во время своего архонтства два жертвенника,—одинъ, „двѣнадцати богамъ“, на агорѣ, другой, Аполлону Писейскому, въ Писей. Первый изъ нихъ впоследствии былъ удлиненъ, при чемъ посвятельная надпись Писистрата была уничтожена (дословно, „сдѣлана невидимой“); другой жертвенникъ не подвергся измѣненіямъ, надпись его уцѣлѣла и приводится Θυκιδидомъ какъ свидѣтельство объ архонтствѣ одного изъ членовъ семьи тиранновъ. Интересующее насъ мѣсто Θυκιδидова въ новѣйшихъ изданіяхъ гласитъ такъ: καὶ τῶ μὲν ἐν τῇ ἀγορᾷ (подраз. βωμῶ) προσωκοδομήσας ὑστερον ὁ δῆμος Ἀθηναίων μαῖζον μῆκος [τοῦ βωμοῦ] ¹⁾ ἤφαινε τοὺς πίγραμματα τοῦ ἐν Ποθείου ἔτι καὶ νῦν δῆλόν ἐστιν ἀμυδροῖς γράμματα λέγοντάδε:

μνημα τὸδ' ἦ: ἀρχῆς Πεισιστράτος Ἰπκίου υἱός
θῆκεν Ἀπέλλωνος Ποθείου ἐν ταμίαι.

Вслѣдствіе одной, сравнительно недавней, эпиграфической находки, о которой будетъ сказано ниже, ученые изошряютъ свой умъ для объясненія словъ ἀμυδροῖς γράμματα, внезапно ставшихъ загадочными, но ни раньше, ни послѣ помянутой находки никто, сколько намъ извѣстно, не потрудился отнестись внимательно къ другимъ словамъ подчеркнутой нами фразы, которая сама по себѣ, независимо отъ постороннихъ данныхъ, представляетъ достаточно повода къ недоумѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, отдавая себѣ отчетъ въ синтаксисѣ фразы, приходится причастіе λέγοντa либо соединять съ δῆλόν ἐσ-

¹⁾ Слова τοῦ βωμοῦ заключаютъ въ скобки Крюгеръ и другіе новые издатели.

τινъ въ одно сказуемое (τοῦτίγραμμα δῆλον ἐστὶ λέγον τάδε), либо относить его къ (подразумѣваемому) подлежащему τοῦτίγραμμα, какъ своего рода „алпозицію“, при чемъ послѣ δῆλον ἐστὶν можно было бы, для ясности, ставить запятую, а по русски λέγον передавать дѣспричастіемъ. При первой конструкціи, грамматически болѣе естественной, разбираемая фраза имѣла бы смыслъ лишь подѣ тѣмъ условіемъ, что авторъ желалъ предупредить или опровергнуть сомнѣніе въ *неясности* начертанія (ἀμυδροῦς τῶν γραμμάτων) надписи, но, разумѣется, Θουкидидъ долженъ былъ предполагать у читателя скорѣе сомнѣніе въ противоположномъ свойствѣ довольно-таки старыхъ уже въ то время писемъ. При другой конструкціи, которой придерживаются извѣстные мнѣ переводчики (комментаторы молчатъ), возникаетъ противорѣчіе между δῆλον ἐστὶν и ἀμυδροῦς γραμμάσι. Одно изъ двухъ,— или τὸ ἐπίγραμμα было δῆλον, „ясно, разборчиво“, или оно отличалось ἀμυδροῦς γραμμάσι, „не отчетливо видными, неясными письменами“. Кто переводитъ, напримѣръ: „и теперь еще *видна* слѣдующая надпись въ неясномъ начертаніи“¹⁾, забываетъ, какъ намъ кажется, что „видна“ по гречески тутъ было бы φανερόν или, пожалуй, ἐμφανές, но не δῆλον. Δῆλον у Θουкидида, какъ и у другихъ греческихъ авторовъ, противопоставляется тому, что слабо, не достаточно легко и ясно видно, φανερόν—тому, что не видно вовсе (чѣмъ мы однако не хотимъ сказать, что φανερόν выражаетъ непремѣнно или преимущественно слабую степень видимости). Въ данномъ случаѣ противопоставляется такая надпись, которую народъ аѳинскій „сдѣлалъ невидимую“ (ἠφάνισα). Такимъ образомъ мы приходимъ къ дилеммѣ: или δῆλον ошибочное чтеніе, или ἀμυδροῦς. Но изъ чего могло произойти δῆλον? Не изъ φανερόν же или изъ ἐμφανές.

Эпиграфическая находка, о которой мы выше упомянули, читателямъ извѣстна. Въ 1877 г. на берегу Илисса, близъ такъ-называемой „Каллиррон“, найдены обломки мраморнаго карниза съ эпиграммою, приведенной у Θουкидида, или, точнѣе, найдена часть карниза съ болѣею частью эпиграммы (С. I. A. IV 373 e). Недостаётъ куска съ буквами ΡΑΤΟΣΗΠΠΙΟΝ (въ гексаметрѣ), а кромѣ того, буквъ пять въ разныхъ мѣстахъ надписи оказываются болѣе или менѣе поврежденными, впрочемъ, не стершимися и слабо видными, а частью отколотыми, должно быть тогда, когда весь памят-

¹⁾ Переводъ почтеннаго Θ. Γ. Мищенко для насъ instar omnium; другіе переводы приводятъ въ этомъ случаѣ незначамъ.

никъ обратился въ обломки. Во всякомъ случаѣ, почти вся надпись насколько она сохранилась, сохранилась превосходно и даже поражасть ясностью и отчетливостью начертанія, въ чемъ пишущій эти строки и самъ имѣлъ возможность убѣдиться. Археологи сначала ограничивались выраженіемъ недоумѣнія по поводу всѣми признаваемого несогласія словъ Θυκιδίδα ἀμυδροῖς γράμμασι съ дѣйствительностью; затѣмъ, съ легкой руки Бергга (Poet. Iug. gr. II стр. 380, изд. 4), начался рядъ болѣе или менѣе отчаянныхъ попытокъ объяснить, отчего Θυκιδίδης все-таки могъ выразиться такимъ именно образомъ. Не будемъ останавливаться на этихъ попыткахъ, отчасти уже опровергнутыхъ, отчасти не заслуживающихъ опроверженія ¹⁾. Если надпись на жертвенникѣ столь ясно читается теперь, то она тѣмъ болѣе должна была отличаться этимъ свойствомъ 2.300 лѣтъ тому назадъ (хотя ей и въ то время уже было лѣтъ около ста), и Θυκιδίδης имѣлъ нѣкоторое основаніе, въ противоположность къ исчезнувшей надписи другаго Писистратова жертвенника, упомянуть о чрезвычайной сохранности *этой* эпиграфическаго документа. Указанная выше несообразность въ текстѣ Θυκιδίδα явилась, очевидно, вслѣдствіе того, что ἀμυδροῖς—быть можетъ, уже въ очень раннюю пору—замѣнило собою истинное чтеніе, имѣвшее смыслъ прямо противоположный ²⁾.

Не написалъ ли Θυκιδίδης ἀμυδροῖς или ἀμυδροῖς γράμμασι, „цѣлыми, неповрежденными письменами“, *integris litteris*? Этотъ вопросъ останется вопросомъ потому, что мы, къ сожалѣнію, знакомы съ ἀμυδρός (ἀμυδρός) лишь по скуднымъ даннымъ, сообщаемымъ въ грамматической литературѣ; но указать на возможность такой палеографически простой поправки все-таки нелишне. Слово ἀμυδρόν, а по другому чтенію ἀμυδρόν или ἀμυδρόν, встрѣчалось у *Софокла*, какъ видно изъ лексикона Свида, гдѣ мы находимъ двѣ такія глоссы:

ἀμυδρόν, τὸ μὴ μυαρόν, ἀλλ' ἀγρόν καὶ χαθαρόν. οὕτω Σοφοκλῆς. γράφεται δὲ καὶ ἀμυδρόν. и

ἀμυδρόν, τὸ μὴ μυαρόν, ἀλλ' ἀγρόν καὶ χαθαρόν. οὕτω Σοφοκλῆς.

¹⁾ Коллекцію этихъ попытокъ, хотя и не совсѣмъ полную, можно теперь найти у Гофмана: Ern. Hoffmann, *Sylloge epigrammatum graecorum quae ante medium saeculum a. Chr. n. tertium incisa ad nos pervenerunt*, Halis Sax. 1893, стр. 120.

²⁾ Во избѣжаніе недоразумѣнія, не лишне, быть можетъ, присовокупить, что, разъ вмѣсто ἀμυδροῖς первоначально было другое слово, противоположнаго значенія, нѣтъ препятствія конструировать δῆλον ἔστιν... λέγον.

У Антонія монаха (составителя словаря, приписываемаго обыкновенно Зонарѣ ¹⁾) есть глосса (стр. 155): ἀμοχρὸν καὶ ἀμοχρὸν (ἀμοχρὸν codd). D. K.), τὸ καθαρὸν καὶ ἀμύσχαρον („lege ἀμύσαρον“ Tittmann. По поводу отрывка Софокла (909 N²) Нәукъ замѣчаетъ: probable est quod coniecerunt Sophoclem scripsisse ἀμοσχρόν. Не знаю, кто собственно высказалъ такое предположеніе. но, вѣроятно, высказавшіе его, а также и Нәукъ, имѣли при этомъ въ виду то обстоятельство, что ἀμοσχρόν настолько хорошо засвидѣтельствовано, что въ существованіи его сомнѣваться трудно, тогда какъ преданіе каждой изъ другихъ формъ, въ отдѣльности, представляется болѣе или менѣе шаткимъ. Вотъ свидѣтельства объ ἀμοσχρός: 1) Nephaest. Enchir. p. 6 Westph.: καὶ Παρθένιος δὲ ἐπιπέθειον εἰς Ἀρχελαΐδα γράφων ἐλεγειακόν, τὸν τελευταῖον μόνον στίχον ἀντὶ ἐλεγείου ἰαμβικὸν ἐποίησεν, ἐν ᾧ τὸ ὄνομα ἔραϊν ἔμαλλεν (Meineke Anal. Alex. p. 261):

ἀμοσχρόν οὐνεμ' ἔσσειε' Ἀρχελαΐδος.

2) G. Choeroboscus in Neph. Ench. p. 43 Hōrschelm. (Anecdota varia gr. et lat. ed. R. Schoell et G. Studemund vol I, Berol. 1886): τὸ δ' ἀμοσχρόν τινὲς ἐν αὐτῇ τῇ χρήσει ἀμοσχρόν (sic) φασιν, ὃ σημαίνει τὸ ἀδόνατον. Тутъ Гершельманъ вмѣсто втораго ἀμοσχρόν принялъ въ текстъ ἀμοδρόν, конъектуру покойнаго марбургскаго профессора Ю. Цезаря, очевидно, нелѣпую. Быть можетъ, ошибочно не второе ἀμοσχρόν, а первое: Хировоскъ въ стихѣ Пароенія вмѣсто ἀμοσχρόν могъ читать ἀμοχρόν, какъ и предполагалъ Бернгарди (ad Suid. I p. 295). Вмѣсто ἀδόνατον въ концѣ схоли, вѣроятно, должно быть ἀμίαντον; ср. цитуемое ниже мѣсто изъ Etym. M. 3) Scholia Nephaestionea Ambros. ed. Studemund (Anecd. vol. I p. 122): ἀμοσχρόν· καθαρὸν. 4) Etym. M. p. 87, 26 sqq. (241 Gaisf.): ἀμοσχρός, ὃ καθαρός, ὃ μὴ μόσει χρανθεῖς, ὃ ἀμίαντος. καὶ ἀμοσχρά. ἢ παρὰ τὸ μόσος μύσαχρός, ὃ μύσαρός· μύσαχρός, καὶ ἀμοσχρός, 5) Hesych. ἀμοσχρόν· καθαρὸν, ἀγνόν. ὀλόχρουν.

В. Диндорфъ въ примѣчаніи къ отрывку Софокла (fr. 834, по 5-му изданію Poet. Scen. Gr.), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Л. Диндорфомъ (Thes. L. Gr.), признаетъ только ἀμοσχρός и ἀμοσχρος (sic). Прельвицъ Etymol. Wörterb. d. gr. Spr. (Göttingen 1892) стр. 21 не отвергаетъ и ἀμοχρός, производя ἀμοσχρός, ἀμοχρός, ἀμοχρός отъ „ἀpriv. + √mu beflecken, s. μόσος, μαινώ“. Выше мы предложили въ мѣстѣ Θουкидида читать ἀμοχροῖς, принимая во вниманіе, что ошибочное чтеніе ἀμοδροῖς всего легче могло произойти изъ ἀμοχροῖς, но

¹⁾ См. H. Stein, Herodoti historiae, vol. II, Berol. 1871, p. 479 sqq.

не слишкомъ трудно также представить себѣ переходъ отъ ἀμοσχρόϊς къ ἀμυδροϊς. Формы ἀμοχνοϊς или ἀμογνοϊς для насъ нѣтъ надобности принимать въ расчетъ.

Что касается до значенія слова, то мы обращаемъ особенное вниманіе на глоссу Исихія: ἀμοσχρόν· καθαρόν, ἀγνόν, ὀλόχροον, а въ ней— на послѣднее, находимое только у Исихія, толкованіе ὀλόχροον, особенно важное потому, что оно не вытекаетъ само собою изъ принятой у лексикографовъ, въ томъ числѣ у самого Исихія, и въ сущности правильной этимологіи слова ἀμοσχρός (отъ ἀ πρίν. + μόσος). 'Ολόχροος, судя по употребленію этого слова у Аристотеля, означаетъ „весь одноцвѣтный“, а слѣдовательно для ἀμοσχρός возможно предположить значеніе „отличающійся незапятнаннымъ, неповрежденнымъ цвѣтомъ (краской)“, — значеніе, составляющее, такъ сказать, промежуточную станцію между ἀμίαντος, καθарός съ одной стороны и ὀλόχροος съ другой. Такимъ образомъ, ἀμο(σ)χρὰ γράμματα были бы буквы, сохранившія вполнѣ даже цвѣтъ, въ которой были выкрашены ¹⁾, то-есть нисколько не пострадавшія. Очень можетъ быть, впрочемъ, что ἀμοσχρός употреблялось и просто въ значеніи „цѣлый, неповрежденный“, безъ спеціальнаго отношенія къ цвѣту, краскѣ, покрывающей поверхность предмета. Не въ такомъ ли именно смыслѣ я александрійскій поэтъ употребилъ слово въ концѣ стихотворенія на смерть Архелаида:

ἀμοσχρόν οὖνομ' ἔσσειτ' Ἀρχελαΐδος.

мотивируя, почему онъ для этого стиха счелъ необходимымъ замѣнить элегическій размѣръ ямбическимъ? Это предположеніе не покажется чрезчуръ смѣлымъ, если вспомнить другой, сохранный тѣмъ же Ифестіономъ и указанный уже у Мейнке Аπαλ. Alex. p. 261, примѣръ замѣны пентаметра ямбическимъ триметромъ, изъ стихотворенія Критія на Алкивиада:

Καὶ νῦν Κλεινίου υἱὸν Ἀθηναῖον στεφανώσω,
 Ἀλκιβιάδην νέοισιν ὑμνήσας τρόποις·
 οὐ γὰρ πως ἦν τοῦνομ' ἐφαρμόζειν ἀλεγείφ,
 νῦν δ' ἐν ἰαμβείφ χεῖρεται οὐκ ἀμέτρως.

В. Ершстедтъ.

¹⁾ См. Larfeld, Griech. Epigraphik (J. Müller, Handbuch, I^o) стр. 443. сл.

СОДЕРЖАНИЕ
ДВѢСТИ-ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(ноябрь и декабрь 1894 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (23-го іюля 1894 года). Объ утвержденіи рисунка жетона для окончившихъ курсъ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II	3

Высочайшіе приказы по министерству народнаго просвѣщенія.

24-го октября 1894 года	33
-----------------------------------	----

Министерскія распоряженія.

1. (29-го мая 1894 года). Положеніе о капиталѣ, заведенномъ Императорскому Московскому университету вдовою статскаго совѣтника Анною Яковлевною Ланге, для учрежденія въ означенномъ университетѣ одной стипендіи имени дѣйствительнаго студента Степана Яковлевича Сычева	4
2. (31-го мая 1894 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Адрианова Устинова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	6

3. (31-го мая 1894 года). Правила о стипендіяхъ имени бывшаго камергера двора Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Александровича Сиверса при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.	7
4. (5-го іюля 1894 года). Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ имени статскаго совѣтника Ивана Алексѣевича Караваева.	8
5. (5-го іюля 1894 года). Положеніе о стипендіи имени Михаила Львовича Бродскаго при Императорскомъ университетѣ св. Владимира.	9
6. (16-го іюля 1894 года). Положеніе о стипендіяхъ имени камергера двора Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Александровича Сиверса при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.	10
7. (29-го сентября 1894 года). Положеніе о стипендіи имени врача П. С. Розанова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.	11
8. (10-го сентября 1894 года). Положеніе о стипендіи имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксеніи Александровны при Устюженскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ.	12
9. (13-го октября 1894 года). Правила назначенія стипендіи имени Володи Павлова на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.	—
10. (13-го октября 1894 года). Правила назначенія стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова на юридическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.	13
11. (13-го октября 1894 года). Правила назначенія стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета.	14
12. (13-го октября 1894 года). Правила назначенія стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова на медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.	15
13. (13-го октября 1894 года). Правила назначенія стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.	16
14. (13-го мая 1894 года). Положеніе о преміяхъ, учреждаемыхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.	34
15. (5-го іюля 1894 года). Нормальный уставъ Общества взаимнаго вспомошествованія учащимъ и учившимъ.	48
16. (25-го сентября 1894 года). Правила для учениковъ промышленныхъ училищъ.	55
17. (25-го сентября 1894 года). Правила о взысканіяхъ съ учениковъ промышленныхъ училищъ.	65
18. (29-го сентября 1894 года). О дополненіи § 27 правилъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4 (шлѣ п. 3) устава о сей повинности.	68

19. (30-го сентября 1894 года). Положеніе о стипендіи въ Читинскомъ ремесленномъ училищѣ въ ознаменованіе проѣзда чрезъ Забайкалье Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича	69
20. (30-го сентября 1894 года). Положеніе о стипендіяхъ Августѣйшихъ Именъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича, Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и въ Бозѣ почившаго Императора Петра I при Архангельскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ Императора Петра I.	70
21. (9-го октября 1894 года). Положеніе о преміи имени Володи Павлова при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета	72
22. (9-го октября 1894 года). Положеніе о преміи имени бывшаго заслуженнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Василя Матвѣевича Черняева	73
23. (9-го октября 1894 года). Положеніе о преміи имени Володи Павлова при юридическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета	74
24. (9-го октября 1894 года). Положеніе о преміи имени Володи Павлова при историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета	75

ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

7-го октября 1894 года	17
31-го октября 1894 года	76

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 24 и 79

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 27

Открытіе училищъ	28 и 84
----------------------------	---------

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

О. Пергаментъ. Къ вопросу объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнѣйшему русскому праву	1
А. И. Соболевскій. Изъ исторіи русскаго языка	22
А. С. Хахановъ. Памятники грузинской отроченной литературы	35

С. И. Браиловскій. Федоръ Поликарповичъ Поликарповъ-Орловъ, директоръ московской типографіи (<i>окончаніе</i>)	50
А. А. Тихомировъ. Современныя задачи эмбриологіи	92
В. О. Миллеръ. Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ	108
Д. К. Петровъ. Генрихъ Сеттимелло и его значеніе для исторіи итальянскаго возрожденія	130
Ив. А. Тихомировъ. Обзоръніе состава Воскресенскаго глго-шнскаго свода	237
И. В. Волковъ. Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка	255
О. Э. Зигель. Коллеги и университеты въ Америкѣ	274
В. И. Модестовъ. Замѣтки по Тациту (<i>продолженіе</i>)	311
И. М. Тупиковъ. Литературная дѣятельность царевича Ивана Ивановича	358
И. А. Смирновъ. Изъ литературной исторіи древнерусской образованности XVII столѣтія	375

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Е. Ф. Шмурдо. Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ второй (1702 — 1703). С.-Пб. 1889. Томъ третій. (1704 — 1705). С.-Пб. 1893	177
В. И. Перетцъ. Пѣсни русскаго народа. Собранны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали: слова— <i>Θ. М. Истомина</i> , пѣлвы— <i>Г. О. Дютинъ</i> . Изданы Русскимъ Географическимъ Обществомъ на средства Высочайше дарованныя. С.-Пб. 1894	201
В. О. Боцяновскій. Зиновій, инокъ Отенскій и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія. Исслѣдованіе <i>Θ. Калужина</i> . С.-Пб. 1894	213
М. А. Андреевъ. <i>Я. Г. Гуревичъ</i> . „Исторія Греціи и Рима“. Изд. 6-е. С.-Пб. 1894	223
С. А. Адриановъ. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельного владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). <i>И. И. Латно</i> . М. 1894	227
Э. Л. Радловъ. <i>Н. М. Коркуновъ</i> . Лекціи по общей теоріи права. 3-е изд. С.-Пб. 1894	402
Л. И. Майковъ. Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. <i>Д. И. Вишнеть</i> . Юбилейное изданіе (1794—1894 годъ). Харьковъ. 1894	420
А. И. Соболевскій. <i>Н. Лизачевъ</i> . Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіе. С.-Пб. 1894	430
А. П — въ. Описаніе документа и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга девятая. Москва. 1894	434
И. Д. Чечулинъ. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. II. Царствованіе Екатерины Великой. Генеральнаго штаба генералъ-маіоръ <i>Д. Θ. Масловскій</i> . С.-Пб. 1891	438

А. Л. Погодинъ. <i>W. Schwarts. Nachklänge prähistorischen Volksglaubens im Homer. Berlin. 1894.</i>	415
Книжныя новости	230 и 450

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ)	1 и 17
--	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорская Академія Наукъ: Тридцать шестое присужденіе награды графа Уварова	1
И. В. Мещерскій. Преподаваніе механики и механическія лекціи въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, Франціи, Швейцаріи и Германіи.	64
Паша учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1892 году	22 и 129
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	164
Н. Ч.—Д. О. Масловскій (<i>некроль</i>)	174

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

А. Ф. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (<i>продолженіе</i>).	65 и 145
С. А. Жебелевъ. Первый годъ второй македонской войны	103 и 113
В. К. Ериштедтъ. <i>Αμυδροῖς γράμμασι</i> (Оукид. VI, 54).	166

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(6-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1894 года въ „Русской Школѣ“ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

1) Казнь Фортунки (черкъ). Д. Н. Мамина-Сибиряка; 2) Школьные типы 50-хъ годовъ. В. О. Михневича; 3) Какъ возникъ первый въ Россіи музей прикладныхъ знаній въ Петербургѣ (Изъ моего дневника). Н. Х. Весселя; 4) Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. Д. Д. Семенова; 5) Изъ дневника учительницы воскресной школы. К—ой; 6) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ между ними. Д-ра В. В. Гориневскаго; 7) О воскресномъ отдыхѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Н. Зайкевича; 8) О физическомъ образованіи въ школѣ. Проф. П. Лесгафта; 9) О назначеніи и обязанностяхъ школьнаго врача. Д-ра А. С. Виренюса; 10) Развитие и разновидности дѣтскаго ума. П. Ф. Налтерова; 11) Объ уходѣ за психическимъ развитіемъ дѣтей. Д-ра В. Ф. Янубовича; 12) Воспитаніе умственныхъ способностей (по Ножье). А. С. Виренюса; 13) О необходимости поднять уровень эстетическаго образованія въ современной школѣ. Вл. Бѣлевича; 14) Воспитательное вліяніе семьи и школы. Д-ра М. М. Покровскаго; 15) Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и воздержанія. Е. П. Коналлевскаго; 16) О самообразованіи учителя. М. И. Демцова; 17) Богатѣйшія библиотеки на земномъ шарѣ. А. Я. Острогорскаго; 18) Медицинское образованіе и классицизмъ во Франціи. Его-же; 19) Профессиональное образованіе въ Швейцаріи. Д-ра В. Святловскаго; 20) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. Его-же; 21) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. В. В. Буриковича; 22) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. Его-же; 23) Обязательный минимумъ образованія. М. Л. Песковскаго; 24) Воскресныя школы и повторительные курсы. В. Л. Вахтерова; 25) По поводу педагогическихъ курсовъ. Н. М. Ларионова; 26) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. Я. В. Абрамова; 27) Съѣзды народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая мѣра. А. М. Тютрюмова; 28) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1893 г. И. П. Бѣлоусова; 29) Предметные уроки въ начальной школѣ. П. Р.; 30) Чему и какъ учить на урокахъ ариметики. С. И. Шохоръ-Троцкаго; 31) О наглядности при начальномъ обученіи. С. Бобринскаго; 32) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. В. Ч.; 33) Къ вопросу о прямомъ черкѣ. М. Е. Евцова.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ вышедшихъ книжкахъ журнала „Русская Школа“ за текущій годъ помѣщено около ста рецензій, а также печатались: ежемѣсячная хроника народнаго образованія Я. В. Абрамова, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго комитетовъ грамотности и т. п.

Подписка на „Русскую Школу“ принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Карбасникова. Подписная цѣна за годъ — въ Петербургѣ безъ доставки шесть руб.; для иногородныхъ съ пересылкою семь руб.; за границу девять рублей. Учителя-же сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892 и 1893 годъ по вышеозначенной цѣнѣ. За всѣ эти годы журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ первыхъ числахъ декабря выйдетъ ноябрьская книжка
„РУССКОЙ ШКОЛЫ“.

Содержаніе ея слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Въ исправительномъ пріютѣ (очерки исправительнаго воспитанія) П. П. Падучева; 3) Мораль басенъ Крылова. В. А. Воскресенскаго; 4) О физическомъ образованіи въ школахъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 5) Къ вопросу о художественномъ воспитаніи. Д. А. Корончевскаго; 6) Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Америкѣ (окончаніе). П. Т. Мишуевъ; 7) Профессиональное образованіе въ Швейцаріи (окончаніе). В. В. Святловскаго; 8) Сельско-хозяйственное образованіе во Франціи (продолженіе). В. В. Барюковича; 9) О мѣрахъ къ распространенію сельско-хозяйственнаго образованія въ народѣ. М. Л. Песковскаго; 10) Всеобщее начальное обученіе. Вл. Игн. Фармаковскаго; 11) Вспомогательныя средства народной школы въ Виленскомъ учебномъ округѣ въ 1893 году. Н. О—ва; 12) Народное образованіе въ Самарской губерніи (продолженіе). И. Красноперева; 13) Критика и библіографія (10 рецензій); 14) Педагогическая хроника; 15) Разныя извѣстія и сообщенія; 16) Объявленія.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Паслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія съ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій, съ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, съ качествомъ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется съ качествомъ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ качествомъ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ съ качествомъ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. 1894 г. Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ съ употребленіемъ въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вѣбкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЬШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое дополненное, 1894 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вѣбкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

«ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ».

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографій, и современную лѣтлонисъ учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

60.2⁰
13

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by**

**Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts**

**☐
1994**

